

Степанов А.

Порт-Артур

(Роман посвящен русско-японской войне 1904-1905 гг. Используя огромный документальный материал и личные наблюдения, автор рассказал в нем о героической многомесячной обороне крепости Порт-Артур, художественно-достоверно выписав образы русских патриотов - адмирала Макарова, генералов Белого, Кондратенко, многих офицеров и солдат.)

Часть 1

Глава первая

Ясный морозный день клонился к вечеру. Солнце освещало косыми предвечерними лучами Порт-Артур и окружавшие его мрачные серые скалистые горы. С моря дул слабый ветерок, сметая сохранившийся еще кое-где снег.

В порту и в городе необычайное для будничного дня оживление. Все чиновное русское население Квантуна 26 января 1904 года съехалось в Порт-Артур, где сегодня состоится традиционный бал в день Марии. На этот раз он должен был быть особенно торжественным, ввиду того что в числе именинниц также была жена начальника порт-артурской эскадры вицеадмирала Старка-Мария Ивановна.

С полудня поздравители длинной чередой потянулись к дому адмирала, а вечером там же должен был состояться бал. Всем хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на празднично одетую публику, на блестящих моряков и военных, принарядившихся штатских. Сам наместник царя на Дальнем Востоке, адмирал Алексеев, обещал со своим блистательным штабом посетить этот бал.

Ввиду тревожного времени уже с семи часов вечера к адмиральскому дому стали съезжаться и сходитьсь многочисленные гости. Первыми появились мичманы и лейтенанты и сухопутные офицеры со своими дамами, затем прибыли капитаны всех рангов и полковники в залитых

золотом мундирах, с тяжелыми густыми эполетами на плечах. Они и их жены составили почетную свиту около адмиральской четы, приветливо встречавшей гостей.

Адмиральский дом быстро наполнялся. В зале оркестр заиграл полонез, и флаг-офицер адмирала Старка, лейтенант Дукельский, высокий красивый шатен, предложил кавалерам приглашать дам. За полонезом последовал вальс, и бал развернулся.

Жена адмирала наблюдала за танцующими, перебрасываясь замечаниями с окружающими. Но вот дежурный вестовой доложил о прибытии самого наместника. Адмирал с женой поспешили ему навстречу.

Адаексеев, еще не старый человек, с открытым приветливым лицом, в придворном мундире, почтительно поцеловал руку адмиральши, принес ей свои поздравления, и вошел с нею в зал. Музыка смолкла, и все замерли в глубоком поклоне перед его высокопревосходительством. Алексеев сделал общий поклон собравшимся и попросил продолжать танцы. Пары вновь завертелись. Наместник был озабочен. Ему назойливо вспоминались еще два дня назад полученные телеграммы о разрыве дипломатических сношений с Японией, которые до сих пор не были опубликованы и о которых знали даже не все старшие начальники из сухопутных. Вспомнилось и сегодняшнее донесение гражданского губернатора Квантунской области о поспешном выезде японцев из Квантуна. Но особенно неотвязно вертелось в голове Алексеева его собственное распоряжение о несвоевременности постановки противоминных сетей ограждения на судах, стоящих на внешнем рейде". Несмотря на успокоительную телеграмму министра иностранных дел Ламсдорфа, категорически отрицавшего возможность войны, смутное опасение все же портило "строение Алексева. Он ежеминутно ожидал распоряжений из Петербурга или известий от находящихся в колийском порту Чемульпо крейсера "Варяг" и канонерки "Кореец".

Поэтому, когда к нему подошел Старк и шепотом допросил разрешения покинуть бал и отправиться на эскадру, Алексеев только одобрительно закивал головой.

- Забирайте всех нужных вам офицеров, но потихоньку, без переполоха. Публика и так сегодня нервничает в связи с отъездом японцев. Бал должен продолжаться. Это внесет общее успокоение в умы. Завтра я обязательно сам побываю на эскадре, - проговорил он.

Танцы продолжались, время шло, но никаких тревожных известий не поступало, и даже состоящий при Алексееве представитель министерства иностранных дел Плансон, которого в Артуре называли дипломатическим барометром, был, против обыкновения, спокоен и мирно беседовал с известными артурскими негодьями: англичанином Томлинсоном и американцем Смитом. Оба они вели большую торговлю с Японией и были весьма заинтересованы в отношениях России и Японии.

- Никогда Российская империя не была так далека от войны со Страной Восходящего Солнца, как сегодня, - уверял Томлинсон, высокий, рыжий, краснолицый мужчина лет сорока. - Мы, англичане, никогда не допустим до этого. Война принесет огромные убытки нам, мирным предпринимателям. В качестве союзника Англия всегда сумеет обуздать японскую военщину, если она только вздумает рискнуть на такую авантюру, как война с Россией.

- Япония слишком бедна, чтобы вести большую войну. И никто ей не даст денег на такое проблематичное предприятие, как единоборство с русским колоссом, - вторил англичанину Смит.

Плансон недоверчиво поглядывал на своих собеседников. Мнения их далеко не совпадали с действиями английского правительства, которое всего полтора года как заключило военный союз с Японией, направленный в основном против России и Китая. Совсем недавно в печати промелькнуло сообщение о предоставлении Америкой крупного займа Японской империи. Как дипломат, Плансон понимал, что союз и заем имеют общую цель - усилить военную мощь Японии и обеспечить ей тыл на случай войны. Плансону было только неясно, когда именно предполагает Япония начать военные действия против России, сейчас или через год, два.

Сегодняшний отъезд японцев из Артура, конечно, был тревожным

признаком, но в то же время было известно, что японский консул в Артуре сегодня обедал у генерала Стесселя, побывал у наместника и адмирала Старка и всех заверил в полном миролюбии Японии и набрал много поручений в Нагасаки, обязуясь в недельный срок все покупки доставить в Артур.

- В газетах промелькнуло сообщение, что японский объединенный флот вышел в море по неизвестному направлению, - заметил Плансон.

- Это не более чем обычные в японском флоте зимние маневры, - отозвался Смит.

- Ни о чем другом сейчас не может быть и речи, - подтвердил Томлинсон. Несколько успокоенный, Плансон отошел к другим гостям.

- Как вы думаете, мистер Смит, рискнут японцы начать "спектакль" в ближайшие дни? - справился Томлинсон.

- Получивши деньги, надо делать то, на что они даны. Японский консул заверил меня, что флот микадо находится в полной боевой готовности.

- Вы правы. За этим наблюдают офицеры британского флота, которые находятся при штабе японского адмирала Того. Они сумеют заставить его выполнить принятые на себя обязательства, - согласился Томлинсон.

- От моего брата, командира американского стационара в Чемульпо, я знаю, что там вскоре появится японский флот, - конфиденциально сообщил Смит.

- Возможно, что одновременно он появится и перед Артуром, - добавил Томлинсон.

- Наберемся немного терпения и проследим, как будут разворачиваться события. Все же следует заблаговременно запастись паспортом о подданстве нейтральных стран, например, Швейцарии или Мексики.

- Я предвосхитил вашу мысль, мистер Смит; уже неделю как стал швейцарским подданным и за действия англичан не отвечаю.

- С месяц, как я имею в кармане мексиканский паспорт, - в тон ему заметил Смит.

Дурное настроение Алексеева стало понемногу рассеиваться. Под звуки музыки время проходило быстро, и незаметно дошла очередь до мазурки,

считавшейся, по артурским обычаям, гвоздем каждого бала.

Наместник поднялся и встал с именинницей в первой паре. Заиграла музыка, и Алексеев, с неожиданной для его тучной фигуры легкостью, заскользил со своей дамой по паркету. Весь зал с вниманием следил за этой парой. Когда очередь дошла до сольных номеров и наместник опустился на колени перед дамой, медленно кружа ее вокруг себя, стекла неожиданно задрожали от гула артиллерийской стрельбы. Сквозь окна были видны многочисленные зарницы выстрелов, звуки которых сливались в сплошные раскаты грома.

Весь зал дружно заплодировал и танцевальному искусству превосходительной пары, и неожиданному, столь - своевременному салюту эскадры, за который приняли стрельбу многие из присутствующих. Сам Алексеев совершенно забыл о своих недавних опасениях. Стрельбу же посчитал за проводимое нынешнею ночью учение по отбитию минных атак. Это счастливое совпадение стрельбы с его выступлением на балу окончательно привело Алексеева в отличное настроение. Общее оживление усилилось, и пары закружились еще быстрее под аккомпанемент артиллерийской стрельбы. Бал продолжался. В квартире командира Квантунской крепостной артиллерии генерал-майора Василия Федоровича Белого по случаю именин его жены Марии Фоминичны состоялся небольшой семейный вечер. Молодежь танцевала в зале под рояль, артиллеристы усердно звенели шпорами и стучали каблуками об пол, вертя до упаду своих дам. Пожилые "матроны" расселись вдоль стен и, наблюдая за молодежью, судачили между собой. Местный сердцеед, командирский адъютант Коля Юницкий, на ломаном французском языке дирижировал танцами, на ходу отпуская комплименты дамам. В соседней комнате за карточными столами сидели старшие офицеры во главе со своим генералом. Огромный, толстый, с лицом, заросшим волосами до самых глаз, полковник Тахателов шумно упрекал своего командира за ошибки в игре. Генерал молча записывал штраф мелком на зеленом сукне. Два других игрока - пышноусый капитан Гобято и седой полковник Стольников подсчитывали выигрыши.

За соседним столом также шла оживленная игра.

Раздавшиеся с моря выстрелы вызвали среди присутствующих недоумение.

- Следует запросить моряков об этой стрельбе, - предложил Гобято, когда с моря донеслась канонада.

- Зачем запрашивать? - возразил Белый. - Ясно, что это учение, да еще приуроченное к именинам жены Старка. Салют имениннице, так сказать! Все вышли на балкон и оттуда любовались, поживаясь от холода, красивой картиной, развернувшейся на внешнем рейде.

Эскадра блистала огнями многочисленных прожекторов, усиленно освещая спокойное море. На судах то и дело вспыхивали взблески выстрелов, громко ухали пушки, заливисто трещали пулеметы, и в непрерывно передвигающихся лучах прожекторов неожиданно возникали то громады броненосцев, то мелкие силуэты сторожевых судов, а то и отдельные шлюпки.

Над Золотой горой взвились одна за другой три боевые ракеты и, разорвавшись высоко вверху, целым снопом ярких звездочек начали опускаться в воду, выхватывая на минуту из темноты внутренний рейд с портом и доками, Старый город и горы Тигрового полуострова.

- Как изумительно красиво! - восхищались дамы.

- Совсем как на настоящей войне, - заметила одна из них. Воевать только не с кем, - заметил Белый.

- Ас японцами?

- Ну, куда им до нас!

В это время затрещал телефон, и адъютант поспешил подойти к нему. Лицо его, как только он поднес трубку к уху, сразу вытянулось.

- Ваше превосходительство, - доложил он. - Капитан Страшников с Тигрового Хвоста доносит, что сейчас было совершено нападение на нашу эскадру и есть поврежденные суда. Один броненосец приткнулся к берегу у Девятой батареи.

- С ума сошел Страшников? - обозлился Белый. - Какое там нападение? Просто маневры. Быть может, моряки умудрились в суматохе сами себя

подорвать, так это все же еще далеко не нападение. Передайте Страшникову, что я запрещаю ему наводить панику, - приказал генерал Юницкому.

- На то он Страшников, чтобы наводить страх на других, - заметил Тахателов.

Все вернулись в комнаты. Стрельба постепенно стихла, и только прожектора еще продолжали усиленно ощупывать море и берег.

Вскоре гости сели за ужин.

- Выпьем по чарке горилки, - предложил генерал своим гостям, - чтоб наша доля нас не чуралась - как поют у нас на Кубани, - чтоб нам в Артуре жилось и чтобы никто нас здесь не беспокоил.

Все охотно чокнулись, выпили, еще чокнулись, усердно заработали челюсти, и гул общего разговора наполнил комнату. Два денщика в белых перчатках обносили гостей разнообразными блюдами, а хозяйева внимательно следили за тем, чтобы винные бокалы не стояли пустыми. О недавнем происшествии на море было забыто.

Комендант крепости Порт-Артур генерал Стессель был в хорошем расположении духа. Он только что обыграл в винт своих обычных вечерних партнеров: начальника своего штаба генерала Рознатовского, адъютанта ротмистра Водягу и штабного подполковника Дмитриевского.

Пока игроки были заняты картами. Вера Алексеевна Стессель с помощью своих четырех воспитанниц-сироток накрывала на стол. Худенькие девочки боязливо поглядывали на свою благодетельницу, от которой ежеминутно можно было ожидать и затрещин и поцелуев.

Не успели гости расположиться за столом, как с моря слышались выстрелы. Стессель, начавший было затыкать за пуговицу сюртука салфетку, насторожился.

- Что это может значить, Владимир Семенович? - обратился он к Рознатовскому. - Сейчас половина двенадцатого ночи

- Вероятно, моряки решили стрельбой ознаменовать высокаторжественный день именин своей адмиральши, - иронически ответил Рознатовский.

- Это черт знает что такое! Сколько раз я просил их ставить меня заблаговременно в известность о своих маневрах. Береговые батареи откроют по ним когда-нибудь огонь, и будут неприятности. Завтра же еще раз доложу об этом наместнику, - возмущался Стессель.

- Ведь подумай только, Анатоль, - обратилась Вера Алексеевна к мужу, - даже когда ты бываешь именинник, не говоря уже обо мне, ни одна пушка в крепости не стреляет, а этой кривляке Старк салютует весь флот. Подумаешь тоже - первая дама в Артуре!

- Обещаю тебе, Верочка, что в этом году на твои именины заставлю стрелять из всех пушек с утра до вечера в твою честь, - поспешил успокоить разгневанную супругу генерал.

- Узнайте-ка все же, ротмистр, в морском штабе, в чем там дело, - обратился Рознатовский к Водяге.

- Слушаюсь! - ответил ротмистр, выходя из-за стола.

- Отчего вы, ваше превосходительство, не поставите у себя телефон? Время теперь тревожное, да и удобство эго большое, - спросил у Стесселя Дмитриевский.

- Не выношу эту трескучую мерзость. Беспокойства много, а толку мало - вечно неисправен. Пусть уж в штабе трещит, а писаря ко мне с докладом бегают. Живая связь куда надежнее всех этих электрических штучек.

Возвратившийся Водяга доложил, что на море происходит ночное учение эскадры по отбитию минных атак и что крепости беспокоиться нечего. Но в это время Водягу опять вызвали к телефону и, вернувшись, он сообщил, что какой-то капитан Страшников с батареи Тигрового Хвоста доносит о том, что эскадра только что кем-то была атакована и один из кораблей подорван.

- Немедленно справьтесь об этом у генерала Белого. Если сообщение неверно, то прикажите арестовать на двадцать суток Страшникова за распространение ложных сведений, - приказал Стессель.

Ротмистр вышел исполнять приказание.

- Наверное, все пустяки. Не может же война начаться без предупреждения, - вмешалась Вера Алексеевна. - Да и кто осмелится

здесь, на Востоке, напасть на нашу Россию? Тебе наместник ничего не говорил? - обратилась она к мужу.

- Ничего. Даже не намекал, даже слухов не было. Только наши газетчики из "Нового края", известные вралы, хотели что-то напечатать о тревожном положении в отношениях с Японией, да я запретил им помещать такой вздор. Виданное ли дело - мы и Япония! Нет, это, конечно, просто маневры, - окончательно решил Стессель.

- Ваше превосходительство, - доложил вернувшийся Водяга, - генерал Белый по вашему приказу арестовал капитана Страшникова на двадцать суток.

- Правильно, - одобрил Стессель. - Теперь можно и пропустить по чарочке за здоровье сегодняшней именинницы, - ехидно подмигнул он жене.

- За ее здоровье моряки и без нас сегодня выпьют целое море вина, - презрительно ответила генеральша.

- Тогда за сегодняшних японцев, что так напугали наших храбрых артиллеристов, - вставил Рознатовский.

Прямо с бала адмирал Старк прибыл на свой флагманский броненосец "Петропавловск", где в этот вечер было назначено важное совещание. Здесь он уже застал начальника морского штаба наместника, румяного и добродушного малоподвижного толстяка, контр-адмирала Витгефга, командира порта Артура контр-адмирала Грее, своего флаг-капитана Эбергарда и других чинов эскадры.

Старк зачитал свой рапорт наместнику о принятии мер по охране эскадры в ночное время. Он предлагал отказаться от постановки противоминных сетей, ввиду того что они имелись не на всех судах и могли служить помехой при необходимости экстренного съема кораблей с якоря.

- Они могут намотаться на винты и тем помешать движению судов, да и защищают они не весь корпус корабля, оставляя нос и корму открытой. Наместник считает необходимым установку сетьевого бона перед входом на внутренний рейд. К его изготовлению уже приступили, - закончил свой доклад Старк.

- Недельки через две мы его с помощью божьей соорудим, но не знаю, насколько прочен он будет и выдержит ли сильное волнение, обычное на внешнем рейде... - вяло проговорил Грече, пуская клубы ароматного дыма к потолку.

- Значит, в настоящее время центр тяжести обороны эскадры ложится на охраняющие эскадру в ночное время миноносцы и на дальнюю крейсерскую разведку днем, - резюмировал Витгефт.

- Это равносильно надежде на помощь Николая угодника, - усмехнулся Эбергард. - Как можно ночью в темноте уследить за подходом миноносцев, которые к тому же будут идти без огней? Это все равно что пытаться увидеть иголку в стоге сена.

- Не посмеют японцы напасть на нас! Уверяю, что отъезд японцев из Артура лишь демонстрация с целью напугать нас, - ответил Витгефт.

- Похоже на то! - вмешался Грече. - Я достоверно знаю, что сегодня японский консул в Чифу обедал у Стесселя и обязался через неделю привезти его жене шелковые материи и различные безделушки из Нагасаки; он взял даже деньги вперед. Моя жена очень сожалела, что не смогла воспользоваться его любезностью,

- За последние годы японцы не раз выезжали из Артура, но никакой войны не было. Не будет и на этот раз. Они нас пугают, да мы не из пугливых, не испугаемся, - поднялся с места Витгефт. - Пора и по домам. На палубе пробили шесть склянок, когда адмиральский катер отвалил от "Петропавловска".

- Помяните мое слово, Оскар Викторович, никакой войны не будет, - уже с катера крикнул Витгефт, обращаясь к Старку.

Командующий эскадрой вернулся к себе в каюту и стал готовиться ко сну. С немецкой аккуратностью он снимал одежду и передавал ее стоящему перед ним вестовому матросу.

- Все вычистить как следует, а то сегодня я заметил на шюртуке пыль Лодырничать стал, прохвост, - сквозь зубы цедил адмирал, злобно глядя на застывшего перед ним матроса.

В этот момент ночная тишина была нарушена грохотом сильного взрыва, а затем слышались беспорядочные артиллерийские выстрелы. Старк удивленно прислушался к ним и приказал матросу немедленно узнать, что происходит на эскадре. Стрельба быстро усиливалась. Старк торопливо оделся и поспешил сам выйти на палубу. Треск выстрелов мелких калибров перекрывался грохотом орудий крупного калибра.

- Они совсем с ума сошли! Можно подумать, что происходит форменный бой! - бормотал Старк, появляясь на палубе.

Его оглушил грохот стрельбы. По морю бегали ленты прожекторных лучей, то собираясь в одно место, и тогда стрельба особенно усиливалась, то разбегаясь по сторонам. Стреляли справа, слева, спереди, но по кому велся огонь, разобрать было невозможно. В воздухе в разных направлениях со свистом пролетали снаряды, грозя поразить своих. На мачтах непрерывно мигали разноцветные огни сигнальных фонарей.

- Немедленно прекратить стрельбу! - закричал вне себя от ярости адмирал, но голос его потонул в общем шуме.

Старк поднялся на мостик, где уже находились его начальник штаба, флагманский артиллерист, командир броненосца и другие офицеры

- Что за пальба? Прикажите дать сигнал о прекращении стрельбы! - тотчас приказал он.

- Война, ваше превосходительство. С "Ретвизана" передали: "Терплю бедствие, имею пробоину", - доложил Эбергарт.

- Не может этого быть! Очевидно, наши миноносцы подорвали "Ретвизан" при неосторожном обращении с минным аппаратом. Прикажите поднять вверх луч боевого фонаря. Этот сигнал должен остановить бесполезную стрельбу, - приказал Старк,

- Поднять сигнал: послать шлюпки бедствующему "Ретвизану". Надо немедленно назначить следствие для выяснения причины всего этого переполоха. Вот что значит у страха глаза велики! Наслушались толков о возможности войны с Японией и сумасшествуют теперь по всякому поводу! - возмущался адмирал.

Но стрельба снова вдруг вспыхнула, несмотря на все сигналы с "Петропавловска". В снопе прожекторных лучей на короткое мгновение промелькнул силуэт миноносца и скрылся. Он был похож на те, которые находились в эту ночь в охране, и был одинаково с ними окрашен.

- По своим бьют! Когда же будет конец этой вакханалии? Прикажете под страхом наказания прекратить стрельбу! - неистовствовал Старк, размахивая руками перед физиономией Эбергарда.

- Ваше превосходительство, "Цесаревич" сигнализирует: "Взорван, имею сильную течь, нуждаюсь в немедленной помощи, прошу прислать буксир", - доложил вахтенный офицер.

- Чепуха, вздор, не верю... - бормотал еще Старк, но Эбергард уже почтительно возражал:

- Это война, эскадра подверглась нападению.

- С "Паллады" передают: "Пробоина, развожу пары", - подошел с новым докладом вахтенный офицер.

- Передайте сигнал: "Выслать шлюпки к подорванным судам, развести пары", - распорядился Старк, наконец поверив в печальную действительность.

В это время к "Петропавловску" подошел миноносец "Бесстрашный", который был в охране, и его командир доложил адмиралу:

- На море вражеских судов не замечено.

В ответ ему пришлось услышать много весьма неприятных слов по своему адресу. Адмирал велел идти в порт.

Затем Старк приказал крейсеру "Новик" поднять пары и преследовать неприятеля в море, что и было незамедлительно выполнено.

В этот день на крейсере первого ранга "Паллада" с утра происходила погрузка угля, так как на завтра ожидался поход к Корейским берегам. Спасаясь от угольной пыли, все, кто не был занят на корабле, поспешили съехать до вечера на берег. Окончилась погрузка только с наступлением темноты, перед самым спуском флага.

Наскоро окатив палубу и кое-как, до утра, приведя крейсер в порядок, матросы посменно направились в баню. Пробило уже пять склянок, когда

последняя партия матросов наконец добралась до своих коек, и на корабле бодрствовали одни вахтенные. На море было тихо; легкий туман временами ненадолго окутывал эскадру. Вдоль берега Тигрового полуострова вытянулись в одну линию темные громады семи броненосцев, дальше в море стояли шесть крейсеров, а дежурные миноносцы расположились по концам эскадры.

На флагманском корабле-броненосце "Петропавловск" - пробило шесть склянок. Одновременно начался перезвон и на остальных кораблях эскадры. Вахтенные с удовольствием предвкушали скорую смену.

В это время с северо-востока, со стороны Дальнего, показалось несколько миноносцев, идущих под всеми огнями. Вахтенный начальник на "Палладе", лейтенант Бровцин, был несколько удивлен их появлением и начал в бинокль разглядывать подходящие суда. Это были обычного типа четырехтрубные миноносцы с кожухом посередине, каких было много в артурской эскадре. Не уменьшая хода, они шли прямо на "Палладу", что еще более смутило Бровцина.

- Сорокин, - обратился он к дежурному сигнальщику, - спроси у них опознавательные.

- Есть спросить опознавательные! - повторил сигнальщик и поднял нужный сигнал.

Подойдя к эскадре на два-три кабельтова, миноносцы разделились. Два из них направились к голове эскадры, а остальные - к концевым кораблям. Тотчас же раздался один за другим два сильных взрыва. Офицеры и матросы торопливо начали выбегать на палубу, занимая места по боевому расписанию, когда один из миноносцев, подойдя к "Палладе", выпустил в нее одну за другой две торпеды.

С мостика были прекрасно видны красные взблески минных выстрелов, и в темной ночной воде появились хорошо видимые светящиеся полосы от приближающихся торпед.

- Торпеда с левого борта! - испуганно закричал один из матросов.

Как бы в ответ ему с уходящего миноносца донеслись крики: "Банзай! Банзай! - и почти тотчас раздался грохот взрыва "Палладу" сильно

качнуло, затем накренило на правый борт. На палубу обрушились столбы воды, сбивая с ног людей.

Артиллеристы бросились к своим орудиям и открыли частый огонь по всему, что казалось им подозрительным на море. Другие матросы спешно спускали шлюпки на воду, готовясь покинуть подорванный корабль. Многие тащили огромный брезент, собираясь подводить пластырь под пробоину, некоторые бросились в кочегарку, откуда пришло сообщение о начавшемся в бункере пожаре.

В это время на палубе появился артиллерийский офицер лейтенант Грязнов и поспешил взять в свои руки управление огнем. Комендоры, увидев своего офицера, постепенно начали успокаиваться.

Бровцин вместе с боцманом руководил осмотром пробоины и подводкой пластыря. В трюм устремился пожарный дивизион во главе с мичманом Акинфиевым и инженером-механиком Лосевым.

Пока команда "Паллады" занималась спасением своего корабля, японцы, пользуясь возникшей сумятицей, благополучно скрылись в море, хотя корабли эскадры сразу открыли по ним стрельбу. Спасаясь от своих же снарядов, миноносцы поспешно укрылись на внутреннем рейде. Прошло около часа, пока стрельба наконец постепенно затихла. Подорванные корабли подошли к берегу и приткнулись на мелководье: "Ретвизан" у Тигрового Хвоста, а "Цесаревич" - напротив, под Золотой горой, "Паллада" остановилась невдалеке от "Цесаревича".

С "Петропавловска" потребовали сведения о полученных на "Палладе" повреждениях и понесенных потерях. Мичмана Акинфиева тотчас же отправили на шлюпке с докладом.

Выслушав доклад, Старк послал мичмана в Артур сообщить о случившемся наместнику.

Было около часа ночи, когда мичман добрался до дома Старка. Постеснявшись войти в зал в непарадной форме, он вызвал адъютанта наместника. Увидев взволнованное лицо Акинфиева, лейтенант увел его в одну из боковых комнат и тут выслушал.

- Прошу вас ничего не разглашать, пока я не доложу обо всем

наместнику. Ожидайте здесь дальнейших распоряжений, - предупредил адъютант.

Как ни были ошеломляющи и неожиданны полученные сообщения, Алексеев все же сумел сохранить внешнее спокойствие.

Опустившись вниз, он выслушал от Акинфиева подробное сообщение о нападении миноносцев на эскадру.

- Так вы, мичман, утверждаете, что подорваны броненосцы "Ретвизан", "Цесаревич" и крейсер "Паллада"? Вы не ошибаетесь? - переспросил адмирал.

- Никак нет, ваше высокопревосходительство!

- Атаковали-то нас японцы? - допытывался наместник.

- Миноносцы четырехтрубные, с кожухом посередине, похожи на наши с Невского завода. После попадания мины были слышны крики "банзай". На корме одного из них я видел белые иероглифы.

- Похоже, что действительно японцы, - проговорил Алексеев. - Все же необходимо немедленно отдать приказ о высылке из Квантунского полуострова всех англичан, как японских союзников, а заодно и американцев.

В это время в комнату вошел Плансон и, задыхаясь от волнения, одним духом выпалил:

- Ваше высокопревосходительство! Сейчас получены телеграммы о том, что сегодня, то бишь вчера, днем в Чемульпо японской эскадрой блокированы крейсер "Варяг" и канонерка "Кореец".

- Да не может быть! - вырвалось у Акинфиева.

Все присутствующие, бледные и расстроенные, обернулись к Алексееву. Помолчав немного, тот спросил:

- Откуда у вас эти сведения?

- Сообщение перехвачено из "Норд Чайна ньюс".

- Так, может быть, это все газетная утка?

- Приведена полностью телеграмма в Петербург нашего консула в Чифу Тидемана. Кроме того, сведения подтверждает комендант Владивостока. О судьбе "Варяга" и "Корейца" пока ничего не известно.

- Нет сомнений, ваше высокопревосходительство, - проговорил Плансон,
- японцы напали на нас без объявления войны.
- Надо немедленно предупредить через Сеул находившихся в Чемульпо "Варяга" и "Корейца", - забеспокоился Алексеев.
- Телеграфной связи с Сеулом нет уже несколько дней. Наши же радиостанции на кораблях слишком маломощны для связи с Чемульпо, - напомнил Плансон.
- Если это и так, то прежде всего - никакой паники. Я отправлюсь на эскадру. Мне все же кажется, что сведения о повреждениях, причиненных нашим судам, сильно преувеличены.

Только теперь Алексеев вспомнил наконец о крепости и приказал Дукельскому передать Стесселю распоряжение о вызове по тревоге гарнизона. Было уже далеко за полночь. Японцы давно скрылись в туманной ночи, и только эскадра усиленно освещалась прожекторами, опасаясь повторного нападения миноносцев.

В штабе крепости, кроме сонных дежурных писарей, никого не оказалось. Приняв срочный пакет из штаба наместника и выслушав от матроса-рассыльного сообщение о происшедшем, один из писарей стремглав полетел с пакетом на квартиру к старшему адъютанту штаба подполковнику Дмитриевскому. Добудиться подполковника среди ночи было не легко, и прошло еще почти полчаса, пока Дмитриевский, вскрыв пакет, отправился с докладом к Стесселю.

Генерал давно уже мирно почивал, спали и все его домашние. Пришлось долго ждать, пока наконец сонный денщик открыл дверь. Но будить генерала он не решился.

Подполковнику пришлось самому осторожно стучать в дверь генеральской спальни. На стук вышла Вера Алексеевна. Узнав, в чем дело, она-с деловым спокойствием осведомилась, кому уже известно о нападении японцев, и предложила Дмитриевскому немедленно сообщить о случившемся генералу Белому, командирам дивизий, Рознатовскому, вызвав всех их немедленно в штаб.

Подполковник, привыкший к частым вмешательствам генеральши в

служебные дела, только почтительно поддакивал всем ее распоряжениям.

Отпустив Дмитриевского, Вера Алексеевна отправилась будить мужа. Начало войны с Японией не особенно взволновало ее: она с мужем проделала недавно китайский поход, доставивший ее мужу славу, чины, ордена, ореол героя. Поэтому она так спокойно восприняла известие о войне.

Разбуженный супругой, Стессель реагировал на сообщение о войне совершенно иначе. Он стал задыхаться от волнения, его начала бить нервная лихорадка, и он никак не мог сразу одеться.

Вера Алексеевна знала, что ее муж подвержен в тревожные минуты приступам паники, совершенно теряя самообладание и из бравого генерала превращаясь в мокрую курицу. В такие минуты ее присутствие было для него совершенно необходимо. Она подошла к мужу и ласково поцеловала его в лысину.

- Успокойся, Анатолий Возьми же себя в руки. Я уже приказала вызвать в штаб Фока, Кондратенко, Белого и Рознатовского. Ты с ними посоветуешься, и все будет хорошо, - уговаривала она мужа.

Генерал постепенно успокоился, поцеловал своего "начальника семейного штаба" и уже зычным командирским голосом приказал денщику подать шинель. Вера Алексеевна до дверей проводила мужа и набожно перекрестила его на дорогу.

Шагая по темной улице, Стессель чутко прислушивался к ночным шорохам города. Над Артуром стояла тихая туманная ночь. Город был погружен в тьму и мирный сон, только собаки заливисто лаяли в китайской части города да изредка ветер доносил звуки музыки из морского собрания.

- Танцуют... - грубо выругался Стессель. - Японцев прозевали за танцами, шаркуны паркетные!

В штабе Стессель застал Рознатовского и Дмитриевского. Вполне войдя уже в роль полководца, генерал поздравил их с началом военных действий и, заметив волнение своего начальника штаба, сухо сказал ему:

- Ваше превосходительство, теперь не время нервничать, когда коварный враг напал на русскую твердыню на Дальнем Востоке. Возьмите себя в руки,

Было ровно два часа ночи,

Вечеринка у Белого сильно затянулась. После ужина, несмотря на поздний час, молодежь продолжала усердно отплясывать, а старшие все еще хлопали картами по зеленому сукну. Тахателов, соскучившись за картами, присоединился к танцующим, возбуждая общее веселье своей неповоротливой огромной фигурой.

Подпевая самому себе, полковник пытался танцевать кавказскую лезгинку с младшей дочерью Белого семнадцатилетней Варей.

- Эх, зурнача нет. Я бы вам показал, как наурскую танцуют! Варя, невеста моя, достань ноты для лезгинки, сейчас женюсь, - смеялся полковник.

Варя, живая, веселая вертушка с остреньким личиком, в ответ громко смеялась, показывая ровные белые зубы. За лезгинкой последовала мазурка, в которой во всем блеске проявил себя Юницкий, награжденный бурными аплодисментами присутствующих.

Телефонный звонок из штаба крепости со срочным вызовом Белого к Стесселю переполошил всех.

Было ясно, что произошло что-то экстраординарное, если Стессель бодрствовал среди ночи.

Подоспевший в это время из штаба пакет разъяснил все. Сразу приняв официальный тон. Белый громко обратился к своим гостям:

- Господа офицеры! Японцы совершили дерзкое нападение на наш флот в Чемульпо и Артуре. Война началась. Прощу вас немедленно отправиться по своим частям

Офицеры дружно щелкнули шпорами и стали спешно прощаться. Дамы взволнованно зажужжали, обсуждая страшную новость.

В штаб Стесселя вскоре собрались: высокий, мумиеобразный начальник Четвертой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Фок, всегда добродушно улыбающийся, неизменно спокойный и

уравновешенный начальник вновь формируемой Седьмой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Кондратенко, генерал-майор Белый и, наконец, неизменный ротмистр Водяга.

Стессель прочитал собравшимся сообщение штаба наместника и предложил высказаться. Первым заговорил Кондратенко.

- Надо не говорить, а действовать. Поднять полки по тревоге и направить их в пункты, намечаемые мобилизационным планом, - коротко произнес он.

- В том-то и беда, что у нас мобилизационного плана до сих пор нет, - возразил Рознатовский.

- То есть как это нет? - изумился Кондратенко. - Крепость существует шестой год, а мобилизационный план до сих пор не разработан?

- Сколько раз говорил я вам, Владимир Семенович, чтобы вы поторопились с составлением мобилизационного плана. Безобразие это нетерпимо дальше! - накинулся Стессель на Рознатовского.

- Но, ваше превосходительство, я вам три варианта докладывал, а вы не удосужились их рассмотреть и утвердить, - отпарировал Рознатовский.

- Теперь не время для споров. Надо срочно наметить план обороны крепости и всего Квантунского полуострова, - оборвал его Стессель.

- Моя бригада разбросана в Дальнем, Цзинджоу, Артуре и у железнодорожной станции Нанталин, - начал Фок. - Ее необходимо срочно сосредоточить в одном месте, полагал бы, или в Артуре для защиты крепости, или у Нангалина, как узловой станции, откуда полки легко могут быть переброшены по любому направлению.

- Мы не знаем, где японцы, - заметил Дмитриевский, - быть может, они уже высаживают на побережье десант, связь у нас по берегу плохая.

Упоминание о десанте вновь повергло Стесселя в панику. Он вскочил с места.

- Четвертую дивизию надо не сосредоточивать, а рассыпать по всему берегу для наблюдения за морем, Седьмую дивизию, как еще не вполне укомплектованную, оставить в Артуре или двинуть поблизости - в Голубиную бухту или в бухту Луизы. Нет, лучше двинуть лишь одну

бригаду туда, а другую сосредоточить при штабе крепости; Роман Исидорович, я вас прошу остаться при мне. С уходящими полками направьте генерала Горбатовского.

Приняв это решение, Стессель немного успокоился. Наличие целой бригады в непосредственной близости к его штабу и присутствие Кондратенко, успокоительно действующего на него, придало ему бодрости.

- Где же начальник инженеров крепости полковник Григоренко? - вдруг спохватился Стессель. - Я хочу знать, в каком состоянии находится сухопутная оборона крепости.

- Я его вызвал в штаб, но его не застали дома, верно, где-либо в городе на именинах застрял, - доложил Дмитриевский.

- Черт знает что такое! Враг у ворот крепости, а как дело обстоит с сухопутной обороной - неизвестно. Роман Исидорович, быть может, вы знаете, как идет постройка сухопутных фортов и батарей? - спросил Стессель. - Григоренко я целую вечность не видел. Он комке только за деньгами является, а я ему не - даю, больно много тратит, их.

- И напрасно, ваше превосходительство. У Григоренко не хватает денег для расчета с рабочими-китайцами, и постройка чего-то да стоит. С положением на сухопутных фортах я знаком хорошо. Недавно сам с Григоренко объезжал работы. Положение там очень плохое. Готов, да и то далеко не совсем, лишь один форт номер два, но и на нем еще артиллерийские позиции не оборудованы. На фортах номер один и номер три ведутся еще только земляные работы. Работы там не меньше чем на три-четыре месяца. Форт номер четыре лишь разбивается на местности, к работам на фортах номер пять и номер шесть и на всех промежуточных батареях и укреплениях еще не приступали. Так что сухопутной обороны в настоящий момент фактически не существует, - резюмировал свой доклад Кондратенко;

- Что же инженеры четыре года делали? - кричал Стессель.

- Инженеры дома в Новом городе себе строили, на это и деньги ушли, - буркнул Фок.

- Береговые укрепления закончены. Сооружены двадцать две батареи. Очевидно, инженеры этим и занимались, - заметил Белый.

- Кроме того, крепостные артиллеристы уверяют, что у них и людей для обслуживания сухопутного фронта нет, - вставил Дмитриевский.

- Совершенно верно, - подтвердил Белый. - В конце января из Варшавы к нам должен отправиться вновь сформированный Третий батальон, но едва ли раньше марта он будет здесь. Без него людей у меня не хватит.

- Не оставить ли в таком случае полки Четвертой дивизии в Артуре? - предложил Рознатовский.

- Ни в коем случае, - горячо запротестовал Стессель. - Нельзя допустить высадки японцев где-либо на Квантуне. Для этого необходимо везде быть готовыми к отражению десанта.

- Я считаю, что опасность десанта явно преувеличивается, - спокойным тоном сказал Кондратенко. - Морской десант на неприятельскую территорию очень трудная вообще операция. При наличии же зимней штормовой погоды и пусть ослабленного, но все же еще боеспособного флота десант для японцев может кончиться катастрофой. Едва ли они в ближайшее время рискнут на него, но все же следует иметь в виду эту возможность. Наблюдать за морем необходимо.

- Что же мне делать? - не унимался Фок.

- Тебе дана задача - охранять берег, сам думай, как ее лучше выполнить,

- уже миролюбиво промолвил Стессель.

- Хороша задача - охранять двести верст берега. При этом еще немедленно, по тревоге, среди ночи, неизвестно где, - недовольно ворчал Фок, поднимаясь с места.

- А вам ясна задача, Роман Исидорович?

- Вполне. Разрешите уйти? - откланялся Кондратенко.

За ним последовал и Фок. Белый также стал прощаться.

Ржавая военная машина Порт-Артура заработала. Поднятые по тревоге части двигались в разных направлениях по улицам города. Вновь сформированные полки Седьмой дивизии впопыхах забыли захватить боевые патроны; не зная города, полки путались в темноте, попадали не

туда, куда надо, сбивая с толку себя и других; конные ординарцы скакали с различными приказаниями и путали части, внося еще большую суматоху в общий беспорядок. Полки столпились на улицах и площадях, отчаявшись до рассвета разобраться во всем этом сумбуре.

На железной дороге не оказалось ни свободных составов, ни паровозов, и части Четвертой дивизии были двинуты походным порядком за сто-сто пятьдесят верст по гористой и разбитой дороге.

Только наступление рассвета наконец дало возможность разобраться во всем этом хаосе.

Стессель, серый от бессонной ночи, объезжал полки, поздравлял их с началом войны и призывал "чудо-богатырей" не посрамить земли русской и на радость царюбатюшке побить японцев. Солдаты, измотанные бессонной ночью, вяло слушали генерала и нестройно кричали "рады стараться".

Береговой фронт Порт-Артура был протяжением около девяти верст. Правый его фланг находился на юге, упираясь в горный массив Ляотешаня, у бухты Белого Волка. Расположенные здесь батареи носили наименование батарей Белого Волка. Далее к северу, вдоль побережья, шла гряда Тигровых гор, отделяющих внутренний бассейн от моря. Высота этих гор достигала пятидесяти - шестидесяти сажен, так что они почти полностью скрывали от взоров противника с моря и внутренний артурский рейд и город. Полтора десятка батарей, расположенных на Тигровке, как коротко называли Тигровые горы, составляли вместе с батареями Белого Волка южный сектор берегового фронта. Тигровка оканчивалась низкой песчаной косой - Тигровым Хвостом, загнутым в сторону внутреннего рейда. Тигровый Хвост узким и мелким каналом отделялся от Золотой горы, господствовавшей над всем северным сектором берегового фронта. На этой горе находилось несколько батарей, что делало ее сильнейшим опорным пунктом всего берегового фронта. Впереди Золотой горы выступал в море Электрический Утес, названный так за свою наиболее мощную в крепости электропрожекторную установку. Далее к северу, постепенно снижаясь,

шла Крестовая гора с расположенным перед ней Плоским мысом, а затем гора Стрелковая, составлявшая часть идущего перпендикулярно к берегу Драконовского хребта. Здесь, на месте стыка берегового и сухопутного фронтов, находилась левофланговая береговая батарея номер двадцать два.

Так как Порт-Артур прежде всего считался морской крепостью, задачей которой являлась защита русского флота от нападений с моря, то немедленно по его занятии в 1898 году было приступлено к сооружению береговых батарей. Всего на приморском фронте было сооружено девять долговременных батарей нормальной профили, двенадцать батарей временных, облегченной профили, со ста восемью орудиями. Среди них было всего пять десятидюймовых пушек и десять одиннадцатидюймовых мортир, остальные орудия были более мелких калибров. Самой сильной считалась батарея Электрического Утеса, на которой находилось пять десятидюймовых пушек и две пятидесятисемимиллиметровых, игравших роль пристрелочных орудий.

Эта батарея, расположенная на высоте сорока четырех саженей над уровнем моря на сплошном гранитном массиве, имела 180 метров длины и около 21 метра ширины. Ее гранитный бруствер круто обрывался к морю и был так же сер, как и склоны Золотой горы, что очень способствовало маскировке укрепления со стороны моря. Хотя сами орудия и не имели щитов для прикрытия прислуги, но над площадкой для наводчиков, сверху, у десятидюймовых пушек имелись легкие козырьки из волнистого железа. Забетонированный гранитный бруствер почти полуторасаженной высоты до известной степени укрывал людей от огня морских орудий. Между орудиями в десятисаженных траверсах находились пороховые и снарядные погреба и казармы для номеров, имевшие выходы к орудийным площадкам. На флангах батарей крайних траверсов были устроены бетонные казармы на взвод артиллеристов. На среднем траверсе, несколько опущенная в бруствер, помещалась сложенная из камня будка для горизонтально-базного дальномера. Самостоятельного командирского пункта на батарее не было, и

предполагалось, что в бою командир будет находиться около дальномера. На правом фланге в одном общем гнезде помещались две скорострельные пристрелочные пушки.

Вдоль всей батареи, сразу за орудийными площадками, шла широкая шоссейная дорога. Несколько на отлете, справа от батареи, на небольшой высеченной в скале площадке расположен был прожектор.

В глубокой лощине за Утесом имелись одноэтажные казармы для размещения роты крепостной артиллерии, офицерский флигель и несколько хозяйственных сооружений. Тут же, в пещере, выдолбленной в тыловой стороне Утеса, помещались электрическая станция и погреб для провианта. От казарм и флигеля к батарее вела широкая пологая дорога. Перед офицерскими квартирами был разбит небольшой палисадничек, а несколько поодаль виднелась площадка для ротного огорода.

Попасть на Утес из города можно было или перевалив через Золотую гору, или в объезд ее. Обе эти дороги были длинны и извилисты, что делало

сообщение Утеса с городом довольно затруднительным.

Большая сложность управления огнем такой батареи, как батарея Электрического Утеса, заставляла назначать на нее командиров из числа наиболее опытных и знающих офицеров крепостной артиллерии. В момент начала военных действий батареей на Электрическом Утесе командовал капитан Николай Васильевич Жуковский, который жил здесь же. При батарее были также квартиры для двух младших офицеров - штабс-капитана Чижана и поручика Борейко.

Двадцать шестого января батарея номер пятнадцать Электрического Утеса целый день была занята приемкой трехсот десятидюймовых и такого же числа пороховых зарядов. Солдаты были крайне утомлены перетаскиванием тяжелых пятнадцатипудовых снарядов и четырехпудовых зарядов, которые им приходилось вручную носить в погреба. Тяжелая и опасная работа была окончена лишь с наступлением темноты.

Уставшие за день солдаты после ужина и вечерней переключки сразу же

разошлись по койкам; не долго сидел в своем кабинете и Жуковский. Вскоре весь Утес погрузился в крепкий сон. Только часовой одиноко бродил по батарее в ожидании смены.

В девять часов вечера на пост заступил канонир Давид Заяц-маленький, худощавый еврей, случайно попавший в артиллерию и своим неказистым видом резко выделявшийся среди стройных, высоких, крепких артиллеристов.

Пройдясь по батарее, Заяц поднялся на бруствер и уселся на камень около дальномерной будки: ночью можно было допустить и отступление от устава гарнизонной службы.

Поставив около себя винтовку, Заяц свернул сигарку и с удовольствием закурил. Перед его глазами расстилалось спокойное, чуть туманное море и виднелась цепь ярких огней эскадры. Мысли Зайца перенеслись в далекие Свенцяны, где осталась его молодая жена с двумя маленькими детьми. Прошло уже почти четыре года, как он их покинул, будучи призван на военную службу и отправлен за десять тысяч верст в Порт-Артур. Больше месяца ехал Заяц до Артура, пытался в дороге бежать, но был пойман, выпорот и направлен под конвоем к месту назначения. Несладко жилось ему и в Артуре. Слабосильный, не пригодный к тяжелой службе в артиллерии, он был зачислен в нестроевую команду.

Заяц промерз, встал со своего места и прошелся вдоль бруствера батареи. Все было по-прежнему спокойно, по-ночному тихо и темно. Неожиданно на море прогремел выстрел, за ним другой, третий, загрохотала сразу вся эскадра. Заяц удивленно смотрел на море, не понимая, что там происходит. Потом решил - "моряки маневру делают", и стал спокойно наблюдать за развертывающейся перед ним картиной. Взблески выстрелов, огни прожекторов, столбы воды, взлетающие вверх при падении снарядов в море, представляли красивое зрелище.

"Здорово жарят, как у нас на состязательной стрельбе", - подумал Заяц.

Подошел разводящий и сонным голосом осведомился, что это за стрельба.

- Учение у моряков, - ответил Заяц.

Разводящий почесался, зевнул и лениво проговорил;

- Тебе еще полчаса достаивать, сам придешь, разбудишь Белоногова, а я спать завалюсь, - и неторопливо спустился с бруствера,

Вскоре стрельба прекратилась, и Заяц пошел сменяться. После смены, согревшись в теплом караульном помещении, он мгновенно заснул.

Разбудили его около четырех часов утра.

- Смена, что ли? - пробурчал он.

- Какая смена, японцы войной на нас пошел! Рота по тревоге вызвана на батарею, - ответил ему дежурный по роте.

- Да ну? - изумился Заяц. - Значит, как с вечера стреляли моряки, была война, а не маневры?

На батарее в темноте двигались солдаты. Мерцали ручные фонари. Пороховые и снарядные погреба были открыты, чехлы с орудий сняты, около них толкались солдаты. Откуда-то из темноты доносился спокойный голос Жуковского. На море было совершенно тихо. Эскадра по-прежнему усиленно освещалась прожекторами. Заяц пришел к своему посту у денежного ящика, досадуя на беспокойную ночь. Он еще не верил, что началась война, и считал, что все это только солдатские побасенки.

- Генерал Белый сообщил, - говорил Жуковский солдатам, - что японцы неожиданно напали на наш флот и взорвали три корабля. Можно ожидать с минуты на минуту нового нападения. Поэтому за морем надо следить в оба и быть готовыми к открытию огня.

Заяц насторожился.

- Неужели и впрямь война? Прощай тогда Свенцяны надолго, если еще живой останешься, - волновался он.

- Прикажите прожекторной команде наладить освещение, - кому-то в темноте отдавал распоряжение командир роты - В случае тревоги немедленно сообщить мне и сразу же вызвать людей на батарею.

- Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

По голосу Заяц узнал фельдфебеля Назаренко.

Люди ушли с батареи, и Заяц опять зашагал в темноте.

Около восьми часов утра, когда утренний туман над морем стал

рассеиваться, на горизонте один за другим стали показываться многочисленные дымки. Несколько миноносцев понеслись им навстречу. Находившийся в это время на батарее штабс-капитан Чиж приказал дальномерщикам следить за миноносцами, которые не то шли на разведку, не то собирались атаковать появившиеся корабли.

Миноносцы, далеко не дойдя до приближавшихся дымков, вдруг легли на обратный курс, усиленно сигнализируя при этом флагами.

Штабс-капитан решил, что тревога была ложная, и уже начал спускаться с бруствера, когда вдруг загрохотали двенадцатидюймовые пушки с флагманского броненосца "Петропавловск", а затем и других кораблей. Чиж сразу ослабел и должен был опереться о дальнемерную будку, чтобы не упасть: он понял, что перед ним в утренней дымке ясного солнечного дня находится вся японская эскадра.

Быстро нарастающий свист падающих снарядов окончательно вывел его из душевного равновесия. Он кубарем слетел вниз и ринулся в один из бетонных казематов. Тут, под защитой бетонного свода, он наконец сообразил, что ему надо было делать, и послал за ротным командиром.

Вызванные по тревоге солдаты торопливо бежали из казарм к орудиям, озираясь на разрывы снарядов.

По дороге к батарее показались бегущие Жуковский и Бореико, торопливо одевавшиеся на ходу, и Чиж облегченно вздохнул.

- На дальномере! - еще издали заорал оглушительным протодьяконским басом Бореико.

Дальномерщики припали к визирам, наводя их на четко видневшиеся силуэты японских кораблей.

- Пять тысяч шестьсот! - выкрикнул сигнальщик дистанцию до цели.

- Прицел двести пятьдесят, целик право два! - скомандовал подошедший к батарее Жуковский.

Солдаты бросились наводить орудия, длинные и тонкие дула которых медленно поворачивались вслед за движущейся эскадрой.

- Пять тысяч четыреста! - снова закричал дальномерщик. Чиж рискнул выйти из своего каземата навстречу Жуковскому, смущенно улыбаясь.

- Вы должны были подготовить батарею - к стрельбе, - сухо обратился к нему Жуковский и поднялся на бруствер дальномерной будки. Чиж последовал было за ним, но свист летящих снарядов заставил его вновь быстро спуститься вниз под надежное бетонное прикрытие.

Зато Борейко, расправив свои богатырские плечи, огромными шагами ходил по батарее и громко командовал:

- Наводить в переднюю мачту головного, корабля! Всем одинаков. Поняли, сучьи дети? - и тут же вскакивал на площадку наводчика, сам проверяя правильность наводки.

- Куда, дура, целишь? - кричал он, на испуганного солдата. - Сказано, наводи на мачту, а ты навел на трубу. Поправь, и, ткнув солдата кулаком в бок, Борейко бежал, дальше, не обращая внимания на японские снаряды, уже рвавшиеся вблизи батареи.

- Пять тысяч двести двадцать! Пять тысяч двести! Пять тысяч сто восемьдесят! - ежесекундно выкрикивал дистанцию сигнальщик. Жуковский в бинокль продолжал разглядывать японскую эскадру. Она шла кильватерной колонной параллельно берегу, держа курс на юг. Впереди были броненосцы, а крейсера и более легкие суда держались в хвосте.

- Пять тысяч сто! Пять тысяч восемьдесят! Пять тысяч шестьдесят! - неслось из дальномерной будки.

- Батарея, залпом! - закричал Жуковский, высоко подняв вверх руку в знак внимания.

- Батарея, залпом! - подхватил на другом конце батареи Борейко.

Орудийная прислуга отпрянула от орудий к самому брустверу, наводчики откинулись назад на своих площадках, туго натянув шнуры запальных вытяжных трубок, готовые с силой дернуть за них, орудийные фейерверкеры стояли рядом с орудиями, с поднятыми вверх правыми руками, обернувшись лицом к командиру. Чиж, выглянувший было из каземата, быстро юркнул назад и торопливо зажал пальцами уши.

- Пли! - скомандовал Жуковский, опуская руку.

- Пли! - повторил Борейко.

Пять огромных огненных столбов вырвались из дул орудий, и в следующее мгновение батарея заволоклась густыми клубами синего порохового дыма, за которым скрылись и море и берег. Запахло селитрой и серой. Орудия с грохотом откатились по наклонным рамам лафетов и затем скатились по ним на прежние места.

Дым медленно расходился по батарее. Стала видна японская эскадра. Жуковский в Борейко вскинули бинокли к глазам, было ясно видно, как вокруг головного корабля взвились четыре высоких всплеска воды и одновременно против средней его трубы взметнулся - столб сперва черного дыма, а затем белого пара.

- Два недолета, два, перелета, одно попадание, - громко доложил сигнальщик.

- Попал под покрытие, стервец, - обрадовался Борейко.

- Малость подсыпали перцу. Запарил! Очевидно, мы ему попортили паропроводы, - ответил. Жуковский. - Александр Александрович, может быть

полюбуетесь на наши успехи - обратился он к вновь вынырнувшему на свет божий Чижу.

- Четыре тысячи восемьсот! Четыре тысячи семьсот! - выкрикивал дистанцию сигнальщик.

- Прицел двести тридцать, целик тот же! - скомандовал Жуковский.

Орудийные дула опять поползли следом за японской эскадрой. Неприятельские - корабли опоясались огнями и легким, быстро тающим в воздухе зеленоватым дымком.

- Японец бьет, ваше благородие, - доложил сигнальщик.

- Закройсь! - скомандовал Борейко.

Несколько крупных снарядов одновременно обрушилось на батарею. Они рвались спереди, сзади и с боков. Едкий удушливый дым окутал батарею. Все поспешили укрыться, и только Жуковский по-прежнему стоял на бруствере, да внизу Борейко, чертыхаясь, подбирал падавшие около него еще горячие осколки и внимательно разглядывал их.

Сменившись с караула, Заяц улегся спать в казарме и - не захотел на нее

выходить, когда японцы начали обстреливать Электрический Утес. Но когда совсем близко разорвался, снаряд и посылались осколки стекла, Заяц мгновенно выскочил на двор. Как раз в этот момент над его головой с ревом пронесся снаряд и гулко разорвался в тылу. Заяц от страха присел было на землю, а - затем, оглянувшись вокруг, стремительно побежал на батарею. Подгоняемый все новыми разрывами, он, пригнув голову, с разбега бросился в первый попавшийся каземат. При входе в него стоял, пугливо озираясь. Чиж, и Заяц угодил головой прямо ему в живот. Удар был так силен, что слабонервный и перепуганный штабс-капитан потерял сознание и повалился на пол.

Заяц, сбив с ног офицера, так испугался, что тотчас выскочил обратно из каземата. При этом он налетел на Борейко. Но огромного поручика не так-то легко было сбить с ног. Он схватил Заяца за шиворот, сильно потряхнул и свирепо проговорил:

- Ты обалдел, что ли, Заяц? Куда тебя черт несет? Марш в крайний каземат, будешь при перевязочном пункте, - и в назидание так огрел его по шее, что Заяц едва удержался на ногах.

Разделавшись с Зайцем, Борейко пошел проведать Чижа и нашел его лежащим на полу. Около хлопотали два солдата, приводя его в чувство.

- Что случилось? - удивленно спросил поручик.

- Так что, Заяц, вашбродие, как шальной, влетел в каземат да ударил головой в живот их благородие. Они и чувства лишились, - сообщили ему солдаты.

- Позвать фельдшера, пусть приведет штабс-капитана в чувство, - распорядился Борейко и пошел к Жуковскому.

- Чиж в обморок упал, - весело доложил он командиру. - Дурак Заяц налетел на него, а тот с перепугу и сомлел, как рыхлая баба.

- Послали туда фельдшера? Ладно. Давайте продолжать стрельбу, - коротко бросил в ответ капитан.

Японцы перенесли огонь на эскадру, и батарея немедленно ожила.

Как только обстрел Утеса прекратился, по дороге к нему с Золотой горы показался экипаж, окруженный свитой верховых. Еще издали были

видны красные отвороты генеральских шинелей. Через десять минут коляска докатилась до Электрического Утеса, и из нее вышли Стессель и Белый. Выставив грудь вперед и высоко подняв голову, Стессель придал себе внушительный вид. Приняв рапорт Жуковского, он громко поздоровался с солдатами. Те ответили вразброд. Стессель сразу нахмурился.

- Разве с такими солдатами можно воевать? Они даже на приветствие как следует отвечать не умеют, а еще кадровики Хотел их крестами наградить за сегодняшний бой, а теперь воздержусь. Пусть сперва научатся отвечать как следует. Никакого порядка у вас в роте нет, капитан! - раскричался он на Жуковского.

Тут его взгляд упал на усмехнувшегося Борейко.

- А вы, поручик, чему смеетесь? Почему вы не по форме одеты?

Борейко с удивлением осмотрел себя.

- Где ваша шашка? - крикнул Стессель.

- А зачем она мне, ваше превосходительство, - спокойно возразил поручик. - Японские броненосцы, что ли, ею рубить?

- Как... Не по форме одет! - уже не помня себя, кричал Стессель. - Арестовать! Убрать!

- Я, ваше превосходительство, разрешил господам офицерам во время боевых стрельб быть без оружия: шашка мешает, когда приходится подниматься на лафет для проверки наводки, - вмешался Белый.

- Не законно... Не по уставу... Самовольство... Объявлю выговор в приказе! - продолжал кричать Стессель.

Все молча глядели на бушевавшее начальство.

- У вас были попадания в неприятельские корабли? Есть раненые на батарее? - наконец несколько успокоился Стессель.

- Выявлено три прямых попадания в головной броненосец. На батарее раненых нет, - доложил Жуковский.

Рассеянно выслушав ответы, Стессель взошел на бруствер.

Японцы начали приближаться к Артуру. В воздухе раздался зловещий свист снаряда. Стессель неожиданно проявил горячий интерес к

устройству дальномера и одним махом оказался в дальномерной будке. За ним туда же спешно юркнули сопровождавшие его Водяга и Дмитриевский. Остальная генеральская свита торопливо спустилась с бруствера вниз. Только Белый да Жуковский остались на месте и продолжали рассматривать японскую эскадру.

Снаряд шлепнулся перед батареей, но не разорвался. Все облегченно вздохнули. Стессель вновь зашагал по брустверу.

- Японцы приближаются, - доложил Стесселю Дмитриевский

- Да, надо немедленно вернуться на Золотую гору. Там лучше видна вся картина боя и есть связь со всеми батареями. Едемте сейчас же обратно, господа, - заторопился Стессель.

Не успела генеральская коляска проехать и половины пути, как японские снаряды вновь посыпались на Утес и на дорогу к Золотой горе. С батареи было видно, как вся сопровождающая генерала кавалькада вдруг вскачь понеслась в гору, обгоняя генеральский экипаж. Стессель, с ужасом оглядываясь на море, стоял в экипаже и усиленно наколачивал кучера в шею. Испуганные близким разрывом снаряда, лошади подхватили и понесли.

Глядя на эту сцену, Борейко громко захохотал.

- Нечего сказать, храбрецы! Пока тихо - орлы, а как слышат свист снаряда, сразу мокрыми курицами становятся.

- Вы бы потише, Борис Дмитриевич, солдаты все же вокруг, - обратился к нему Жуковский. - Подите лучше проведите Чижа - уж не умер ли он там со страху

Борейко застал Чижа все еще усиленно охающим.

- Поправляетесь? - буркнул Борейко.

- Ох, нет! У меня, наверное, от удара в живот будет перитонит. Как только поправлюсь, я этого чертова Зайца до полусмерти изобью, чтобы он на будущее время смотрел, куда бежит.

- Напрасно: он был взволнован так же, как и вы.

Дав еще два-три залпа по берегу, японцы скрылись в море.

- Отбой! Пробанить орудия, - скомандовал Жуковский.

Когда батарея была приведена в порядок, Жуковский, выстроив солдат, громко поблагодарил их за службу.

- Рады стараться! - дружно и весело ответили солдаты.

- Вам бы так генералу отвечать. А то теперь без крестов остались, - упрекнул их Жуковский.

- Успеем еще заработать не один раз, - ответил за солдат Борейко, - и Георгиевские и деревянные. Первых поменьше, вторых побольше.

- Разойдись! - отпустил роту капитан я стал спускаться с батареи.

В глубоком погребе, сплошь заставленном бочками с кислой капустой, солеными огурцами, солониной и прочими продуктами, во время боя собралось все тыловое население Электрического Утеса: писаря, артельщики, каптенармусы, кузнецы, портные и прочий нестроевой люд, обслуживающий батарею и роту. Возглавлял их сам ротный фельдфебель-Денис Петрович Назаренко, которого Жуковский оставил наблюдать за порядком в тылу. Тут же в погребе восседала на скамье краснолицая жена фельдфебеля со своей шестнадцатилетней рослой дочкой Шуркой.

Когда стихли орудийные выстрелы, все население погреба вылезло наружу.

- Спасибо за службу! - шутливо крикнул им Борейко.

- Рады стараться, - смущенно ответили "герои".

Поддерживаемый денщиком, к ним медленно подошел Чиж. Он все еще не оправился и потерял свой фатовской вид. Прежде всего он потребовал от Жуковского немедленного предания суду Зайца "за умышленное нанесение удара своему офицеру".

- Бог с вами, Александр Александрович. Да он со страху ничего не видел, когда на вас налетел. Какой же тут суд. Ну, выругайте дурака, только и всего, - удивился Жуковский.

- Нет, тут умышленное нападение солдата-еврея на русского офицера. Это, если хотите, оскорбление чести мундира, прошу суда, - настаивал Чиж.

- Вы еще не совсем оправились, дорогой, отдохните, успокойтесь, тогда

мы и поговорим с вами об этом, - не соглашался Жуковский и пошел к себе.

- Тогда я сам расправлюсь с Зайцем, по-свойски, - вспыхнул Чиж.

На свою беду. Заяц как раз в это время проковылял не遠далеке.

- Заяц, сюда! - окликнул его Чиж.

Солдат подошел и испуганно смотрел на офицера.

- Как ты, сволочь, смел сбить меня с ног? - заорал капитан,

- Виноват, ваше благородие, нечаянно, с перепугу, - залепетал Заяц.

- Бреешь, жидовская морда, нарочно. - И Чиж со всего размаху ударил солдата по лицу.

Удар был так силен, что Заяц едва устоял на ногах. Из разбитого носа и губ потекла кровь, на глазах показались слезы. Но, скованный дисциплиной, он продолжал стоять навтыжку.

Чиж бил его долго и с остервенением, пока Заяц, покачнувшись, не стал медленно опускаться на землю.

- Встань, стерва! - заорал капитан и, ткнув его ногой еще несколько раз, ушел.

Солдаты издали наблюдали за избиением и поспешили на помощь к Зайцу, лишь только офицер отошел. Его подняли и понесли в казармы.

- В чем дело? - спросил появившийся Борейко.

Солдаты рассказали ему о происшедшем.

- Отнести Зайца в казарму, отлить водой и прислать ко мне взводного Родионова, - распорядился Борейко.

Когда Родионов, такой же огромный и массивный, как и поручик, не спеша, с чувством собственного достоинства подошел к Борейко, последний приказал:

- Скажи фельдфебелю, что Заяц переведен в мой взвод, и освободи его на три-четыре дня от всех нарядов. Зайцу прикажи на глаза штабс-капитану не показываться. И если его Чиж еще тронет, то я сам поговорю с ним.

- Слушаюсь! Заяц нам во взводе сгодится, он на все руки мастер, - ответил Родионов.

Вернувшись с Утеса на Золотую гору, Стессель и Белый имели довольно растерянный и напуганный вид. Их свита только у самой батареи сумела задержать испугавшихся лошадей и тем спасла генералов от неприятности.

- Счастливо отделались, - со вздохом облегчения проговорил Стессель. - На будущее время буду ездить только верхом; легче с одной лошастью справиться, чем с парой, да когда еще кучер дурак и трус.

- Хорошо все, что хорошо кончается, - примирительно ответил Белый.

В самом начале боя один из двенадцатидюймовых японских снарядов попал в каземат на Тринадцатой батарее, пробил полуторасаженный слой земли, затем два аршина бетона и разорвался, убив трех солдат и тяжело ранив двух... Как только бой кончился и японцы ушли в море, командир батареи капитан Зейц решил отслужить панихиду по убиенным. Из Управления артиллерии был вызван священник.

Когда Стессель и Белый вышли из экипажа и подошли к батарее, рота Зейца была уже выстроена. Около покрытых шинелью трупов седенький попик служил панихиду, усердно махая кадилом. Зейц с офицерами стоял впереди, одним глазом наблюдая за приближающимся начальством.

Солдаты стояли, вытянувшись в струнку, с фуражками на согнутой левой руке. На лицах их застыло суровоскорбное выражение. Слышались тяжелые вздохи, мелькали руки крестящихся. Попик заунывным голосом провозгласил "вечную память новопреставленным воинам". Хор тихо и торжественно запел "вечную память".

Генерал Стессель, подойдя к телам усопших, картинно отвесил три земных поклона и, откинув шинели, прикрывавшие трупы, приложился к покойникам. Попик заторопился и, путая слова молитв, поспешил закончить панихиду. Как только он кончил, Стессель обратился к солдатам с речью:

- Братцы! Коварный враг неожиданно напал на нас, но не застал врасплох. Сегодня вы сами видели попадания наших снарядов в японские корабли. И да не смущается сердце ваше первыми жертвами войны. Мир праху героев, живот свой положивших за веру, царя и

отечество. Не посрамим же земли русской и белого царябатюшки. За проявленное вами сегодня мужество награждаю вас крестами. Ура!

- Ура! - угрюмо, но дружно и четко подхватили солдаты.

- Вот это часть! Не то что там, внизу. С такими героями мы всех японцев, как мух, перебьем! - пришел в восторг генерал.

- Кому же, ваше превосходительство, кресты давать? Батарея ведь сегодня не стреляла, и люди сидели по казематам? - спросил Зейц.

- Героев у вас более чем достаточно. Выберите достойнейших. Фельдфебеля, фейерверкеров и других начальствующих нижних чинов наградите в первую голову.

- Ваше превосходительство! На батарею едет наместник со своим штабом, - доложил Юницкий Белому.

Стессель сразу засуетился.

- Солдат выстроить вдоль батареи! Господам офицерам стать в строй! Я буду лично командовать, - распорядился он.

Все бросились по своим местам. Один только Тахателов недоуменно спросил:

- А японцы как же? Если они опять подойдут к берегу, мы не успеем вовремя открыть по ним огонь, так как, пока солдаты добегут до орудий, пройдет много времени.

- Праздный вопрос, полковник, - оборвал его Стессель. - Наместника необходимо встретить как полагается, а там видно будет, что делать.

Рота успела уже выстроиться во фронт, когда Алексеев добрался до батареи.

- Рота, смирно! Для встречи справа, слушай-на кар-а-а-аул! - скомандовал Стессель.

- Здравствуйтесь, дорогой Анатолий Михайлович, - приветствовал его наместник. - Чуть только бой, а ваше превосходительство уже на самой опасной батарее. Здорово, артиллеристы! Спасибо за службу молодецкую! Сегодня, с первого же разу, перепугали японцев своим метким огнем.

- Должен довести до сведения вашего высокопревосходительства, что

наша доблестная эскадра сражалась также с подлинным героизмом. Артиллерийская стрельба кораблей была исключительно меткой. У адмирала Того должны быть большие потери. Прошу принять мое поздравление со столь блестящими действиями моряков, - рассыпался Стессель в комплиментах, зная любовь Алексеева к флоту.

- Позвольте мне от лица моряков поблагодарить ваше превосходительство за столь высокую оценку действий нашего истинно героического флота. Счастлив буду донести обожаемому монарху о трогательном единодушии в бою армии и флота.

Затем их превосходительства трижды облобызались.

Обойдя батарею и еще раз поблагодарив солдат, адмирал отбыл в город.

- Теперь и нам можно отправиться по домам. Василий Федорович, поблагодари солдат и офицеров за службу и прикажи-ка подать коляску. Японцы, кажется, вовсе скрылись с горизонта.

Генералы, усевшись в коляску, приятно ободренные похвалой, наперебой хвалили Алексеева и моряков.

- Изумительно умный человек. Сразу видно, что царских кровей, - восхищался наместником Стессель.

- Если бы все моряки были такими, то ночного позора не было бы, - вторил ему Белый.

- Да и так ли уж велик позор? Правда, моряки малость прозевали, но корабли починят, и флот обретет свою прежнюю грозную силу. Только бы Алексей остался в Артуре, - мечтательно говорил Стессель.

- Все же нам надо более тесно связаться с флотом, а то мы мало знаем, что у них делается.

- Связь держать следует, но надо при этом смотреть, чтобы моряки нас не оседлали.

- Но наместник ведь тоже моряк.

- Он прежде всего наместник. Поэтому его сердцу должны быть милы не только моряки, но и армия. Сегодняшнее его поведение подтверждает это предположение.

Уже прощаясь с Белым, Стессель еще раз вспомнил об Электрическом

Утесе.

- Василий Федорович! Ты, пожалуйста, обрати внимание на Пятнадцатую батарею, пусть подтянутся, а то не рота, а бабья команда какая-то. Если найдешь нужным - представь к наградам нижних чинов и офицеров. Только, чур, с разбором.

- Жуковский и Борейко - одни из лучших офицеров у меня в артиллерии. Конечно, я буду просить об их награждении. Да и среди канониров и фейерверкеров найдется кого наградить, - ответил Белый.

В городе Стессель застал необычайное оживление. Разбуженные бомбардировкой артурские обыватели, как только сообразили, что началась война, стремительно бросились сперва в погреба и подвалы, спасаясь от вражеских снарядов, а по окончании боя - на вокзал.

Из домов тащили наскоро увязанные вещи и узлы. Все артурские извозчики, рикши и китайские кули были донельзя загружены. Вскоре вокруг вокзала образовался громадный табор беженцев. На путях стояло несколько товарных составов, уже полностью набитых пассажирами, но паровозов для них не хватало.

Заметив среди пассажиров штатских, генерал немедленно приказал:

- Всю эту стрюцкую рвань высадить. В первую очередь посадить в вагоны семьи господ офицеров и чиновников. Ротмистр Водяга, поручаю вам наблюдение за выполнением этого распоряжения, - приказал генерал и покатил домой.

Дома Стесселя встретила Вера Алексеевна. Она бросилась на шею мужа и долго целовала и крестила его.

- Ты истинный герой, Анатоль! Мне уже говорили, каким ты был храбрецом под огнем на батареях. Один стоял на бруствере, когда все прятались. Даже наместник был поражен твоей храбростью. Но ты должен беречь себя для России. Если ты, не дай того бог, погибнешь, то кто же сможет тебя заменить в Артуре? - тараторила генеральша.

- Ну, положим, я был на батареях осторожен. Хотя, надо правду сказать, там временами было жутковато, осколки так и свистели вокруг. Но меня бог миловал, остался цел, - мягко прервал Стессель жену.

Солнечный луч, пробившись сквозь щель в оконных ставнях, скользнул по лицу лежащей в постели женщины и разбудил ее. Она потянулась, громко зевнула и, решительно соскочив на пол, открыла ставни. Яркий солнечный день наполнил веселым отблеском моря всю комнату.

Рива взглянула в окно на расстилавшийся перед ней внутренний рейд, окружавшие его серые горы, на раскинувшийся по берегу Старый и Новый город. Ее внимание остановилось на странно приткнувшихся к берегу, около выхода на внутренний рейд, двух судах. Она сразу узнала хорошо знакомые ей броненосцы - "Цесаревич" и "Ретвизан". Никогда до сих пор она не видела, чтобы корабли стояли так близко к берегу. Ее постоянные кавалеры моряки неоднократно, разъясняли ей опасность для крупных судов приближения к берегу.

"Наверное, ночью вздумали втягиваться на внутренний рейд, да и сели на мель", - подумала она и вспомнила при этом командира "Цесаревича", слывшего первым умником среди артурских моряков - немолодого, весьма представительного капитана первого ранга Григоровича, и хитрого, похожего на цыгана, командира "Ретвизана" - капитана первого ранга Шенсновича, считавшегося одним из лучших командиров порт-артурской эскадры.

Наглядевшись в окно, Рива подошла к зеркалу. Взгляд ее скользнул по тонкому смуглому личику южанки с большими темно-кариими глазами, с тонким греческим носом, яркими губами, чуть оттененными сверху темным пушком, затем спустился на красивую шею, плечи, упругие груди, которыми так гордилась Рива. Она осталась довольна собой.

Осмотрев себя, Рива приступила к утреннему туалету. На звон серебряного колокольчика, увитого драконами, в комнате появилась маленькая служанка, похожая на большую куклу с хорошеньким фарфоровым личиком, и, приседая и кланяясь, нещадно коверкая русские слова, залепетала утреннее приветствие.

- Мыться! - скомандовала Рива.

Раздавшаяся с моря канонада отвлекла ее внимание. В окно были видны дымки выстрелов на кораблях эскадры, в УЗ! КОМ проходе между

Золотой горой и Тигровой.

В это время неожиданно во внутреннем бассейне вырос большой столб воды, что совершенно озадачило Риву.

- Что это такое большое могло упасть в бассейн? - недоумевала она.

Черный столб дыма, появившийся у вокзала и сопровождавшийся грохотом взрыва, открыл ей истину.

- Кто-то стреляет! - в испуге вскрикнула она.

- Японси, японси, война русски, - залопотала служанка.

- Какая война? Что ты городишь!

- Носю японси море воевал.

- Чего же ты до сих пор молчала, дура! - обозлилась Рива. - Война, а она молчит, как истукан. Когда ты поумнееешь? Всякий вздор рассказывает, а о войне молчит.

Торопливо одевшись, Рива вышла на улицу. На набережной Нового города собралась толпа, с любопытством наблюдавшая за ходом боя. Яркий, солнечный день был так хорош, что не верилось в начало страшной войны. Происходивший бой воспринимался большинством зрителей как боевое учение, и только когда один из снарядов, взорвавшись о, коло берега, осыпал толпу осколками, люди в панике бросились бежать. Рива увидела матроса с "Ретвизана" и начала расспрашивать о случившемся.

- Война, барышня. Японец ночью на нас неожиданно напал, - мрачно ответил матрос.

- Потери большие?

- Двое без вести пропали да троих сейчас в госпиталь привезли.

- Матросы или офицеры?

- Все матросы. Разве сейчас кого-нибудь из офицеров ранят. Так и жарит японец по "Ретвизану" и "Цесаревичу", - разговорился матрос.

- А почему они приткнулись к берегу?

- Чтоб, значит, не потонуть.

- Как потонуть? - испугалась Рива.

- Ночью японец подорвал с носа "Ретвизана" да с кормы - Цесаревича", а

"Палладу - прямо против машинного отделения. Их и отвели на мелководье, а японец теперь хочет их добить. Но наши корабли и береговые батареи тоже не молчат, здорово бьют по японцу. Должно быть, скоро отгонят его от Артура, - пояснил матрос.

Рива была расстроена в, сем услышанным. Она подумала о своем возлюбленном - лейтенанте Дукельском, который находился на "Петропавловске".

- На "Петропавловске" все благополучно? - осведомилась она.

- Покуда ничего плохого с "Петропавловска" не слыхать.

Бой на море уже закончился, и толпа вновь собралась у пристани, к которой то и дело подходили катера с различных кораблей эскадры, подвозя раненых. Стонущие, забинтованные фигуры вызвали тревожное любопытство толпы. Все старались поближе протиснуться к носилкам, узнать фамилии раненых, обстоятельства ранения.

Вместе с ранеными выгружали и трупы убитых, покрытые Андреевским флагом. В толпе закрестились, кто-то всхлипнул, Рива тоже взволнованно засморкалась и стала разыскивать знакомых офицеров.

Наконец она увидела розовощекого мичмана Андрюшу Акинфиева. Хотя Рива и не была с ним знакома, но ввиду исключительных обстоятельств решила обратиться к нему.

- Подвезите меня к эскадре, господин мичман, - попросила она.

- Простите, сударыня, но женщинам на боевом корабле во время боя не место, - сурово отрезал мичман.

- Да я на корабль и не хочу, мне только посмотреть на эскадру.

- Праздное любопытство, сударыня, - был неумолим Акинфиев.

В это время подошел знакомый лейтенант Малеев с броненосца "Севастополь".

Увидев его, Рива повторила свою просьбу.

- Куда же я вас повезу, Ривочка?

- Только до прохода, оттуда я взгляну на эскадру, а затем пересадите на обратный катер.

- Идет! Андрюша, - обратился лейтенант к Акинфиеву, - сообщите

Юрасовскому, что нам с тобой перевод на "Страшный" уже оформлен. Прошу, Ривочка, занять место на катере. Чур, дальше Тигрового не везу.

- Хорошо, - согласилась Рива.

- Отваливай! - скомандовал лейтенант, и катер заскользил по гладкой поверхности бухты.

Старый и Новый город, разделенные долиной реки Лунхе и горой Перепелкой, как бы жмурясь под яркими солнечными лучами, задумчиво смотрели в подернутые легкой дымкой тумана тихие воды залива. Рива молча слушала рассказ поехавшего вместе с ними Акинфиева о ночной атаке японскими миноносцами русской эскадры.

Катер пристал к небольшой пристани у прохода между низкой песчаной косой Тигрового Хвоста и гранитной громадой Золотой горы. Эскадра уже втягивалась на внутренний рейд. Первыми прошли миноносцы и среди них "Страшный", на который ссадили с катера Акинфиева. Крепко пожав Малееву руку, мичман сухо козырнул Риве. Его надутый вид был так смешон, что и Малеев и Рива рассмеялись, и Рива дружески протянула юноше руку. Покраснев, Акинфиев чуть пожал ей руку и стремительно поднялся по трапу на миноносец.

За миноносцами шли легкие крейсера "Новик" и "Баян", за ними на буксирах медленно проплыли громады броненосцев. Когда с катером поравнялся "Петропавловск", Рива стала внимательно вглядываться в стоящих на палубе офицеров. Вскоре на командирском мостике, у самого его края, она разглядела рослую фигуру Дукельского. Рива усиленно замахала носовым платком, стараясь привлечь его внимание. Малеев передал ей мегафон.

- Привет, Ривочка, я сегодня у тебя обедаю, - весело прокричал лейтенант в мегафон.

- Жду, - неожиданно громко ответила она и замахала мегафоном в знак приветствия. "Петропавловск" медленно проплыл мимо них.

Добравшись до дому, она немедленно принялась за приготовление обеда. С Дукельским ее связывало старое знакомство. Еще в тысяча девятьсот первом году она, увлеченная общим потоком всевозможных

коммерсантов, авантюристов и спекулянтов, покинула родную Одессу и вместе с "заведением мадам Шнеерзон" отправилась на Дальний Восток на пароходе "Владимир", на котором ехал и лейтенант Дукельский. Предприимчивая мадам Шнеерзон уже в дороге развернула деятельность своего учреждения. Но Рива заболела ангиной и не могла принимать кавалеров. Мадам тотчас объявила ее лентяйкой, притворщицей и так стала преследовать, что доведенная до отчаяния Рива в Красном море попыталась выброситься за борт. Об этом происшествии узнал весь пароход. Дукельский, узнав о случае с Ривой, решил выкупить ее у хозяйки.

Почему это ему взбрело в голову, он не смог бы объяснить и сам. Дукельский был не злым человеком, но оставался весьма далеким от всякой сентиментальности. Он предложил "мадам" отступного за Риву и привез ее в Порт-Артур, где нанял для нее маленький домик.

Было около трех часов, когда лейтенант позвонил в передней. Рива сама открыла ему дверь. Вручив ей свертки с покупками, он прошел за ней в небольшую столовую, убранную в восточном стиле. Куинсан поспешила накрыть на стол.

- Ну, Жоржик, рассказывай, что и как произошло за эти два дня? - спросила

Рива, усаживая Дукельского за стол.

- Что произошло? То, чего давно следовало ожидать. Японцы решили вернуть себе обратно Квантун и, вероятно, прихватить кое-что из Южной Маньчжурии. И началась война, - объяснил Дукельский.

- Но напали-то они подло, без объявления войны, ночью, - возразила Рива.

- Для них все средства хороши. Мы прохлопали, и они нас поймали и в Артуре и в Чемульпо.

- Как в Чемульпо?

- Да так! Они выследили в Чемульпо "Варяга" и "Корейца" и предложили им вступить в бой со всей эскадрой адмирала Уриу. Результат боя пока неизвестен. Но, зная Рудневу, можно с уверенностью сказать, что наши

корабли не опозорили Андреевский флаг. Офицеры и матросы там под стать своему командиру.

- Верно, много погибло на "Варяге" и "Корейце"? - забеспокоилась Рива. - Ведь там твои друзья - Алеша Ляшенко, Червинский, Степанов. Живы ли они сейчас?

- На войне не без потерь. Сейчас мы живы, а что будет завтра, никому не известно, - философски ответил Дукельский.

- Сегодня-то большие потери? - поинтересовалась Рива.

- "Полтава", "Диана", "Аскольд" и "Новик" получили по подводной пробоине и требуют ремонта. За первые сутки войны у нас выбыло из строя: ночью три, сегодня утром четыре да в Чемульпо погибли два, итого девять боевых кораблей. Недурное начало войны!

- Как же мы будем воевать теперь?

- Как воевать? Залезем на внутренний рейд со всеми броненосцами и крейсерами и будем коптить небо.

- Так что ты будешь все время в Артуре сидеть? - обрадовалась Рива.

Во время обеда Куинсан, то и дело подходившая к столу, внимательно вслушивалась в русскую речь.

Дукельский шутя раза два ущипнул ее. Служанка игриво засмеялась.

- Жорж, оставь ее. Как тебе не стыдно щипать ее при мне, - возмущалась Рива.

- Да ты, никак, все еще ревнуешь меня, Ривочка, - смеялся лейтенант.

Убрав со стола, Куинсан ушла в свою каморку и, достав кусочек бумаги, начала кисточкой и тушью выводить иероглифы. Ее кукольное личико приняло серьезное выражение.

Покончив с записями, Куинсан присела у окошка и задумалась. Ей вспомнилась далекая родина, детство в бедной крестьянской семье в глухой японской деревушке, вечная нужда, голод, а иногда и колотушки отца с матерью. Куинсан грустно вздохнула и провела рукой по голове, задев при этом за заколотый в волосы черепаховый гребень. Это напомнило ей о жизни в токийском доме терпимости, куда ее продали за долги отца, встречу с Танакой, молодым красивым офицером. Он подарил

ей гребень вскоре после их знакомства. В ушах Куинсан как бы снова зазвучал голос Танаки, его пылкие и нежные заверения. Она любила слушать его, смотреть в его глаза, когда он говорил ей о великой родине - Стране Восходящего Солнца. Тогда глаза его горели, а объятия были такими жаркими... На кухне по-прежнему было тихо, темно и тепло, захотелось спать. Куинсан зевнула, но, преодолевая сон, заставила себя вспомнить переезд во Владивосток, первые шаги в разведывательной работе. И снова рядом с собой увидела Танаку, теперь уже своего учителя. Теперь Куинсан больше не слышала от него нежных речей, он был очень строг. Он даже бил ее иногда, когда она плохо выполняла его задание. Затем в памяти встал Порт-Артур, поступление в дом Ривы. Тут Куинсан довольно улыбнулась: что ж, она заслужила похвалу, Танака будет доволен. Она, маленькая Куинсан, хитро сумела войти в доверие хозяйки.

В окошко постучали. Куинсан поспешила выйти во двор, где ожидал оборванный старик. Низко кланяясь, он протянул руку за подаванием. Куинсан торопливо вошла в кухню, схватила там большой кусок хлеба и засунула в него исписанную бумажку. Выйдя на улицу, она позвала старика в переднюю и долго говорила с ним. В их разговоре упоминались названия всех поврежденных русских кораблей. Когда наконец старик, захватив хлеб, ушел, Куинсан тихонько вошла в столовую и прислушалась. Из спальни доносился храп.

Глава вторая

Неяркое зимнее солнце длинными негреющими вечерними лучами освещало рейд с многочисленными военными и коммерческими судами и полукитайский, полуевропейский портовый городок Чемульпо, который служил морским портом для корейской столицы Сеула. Спавший было днем мороз к вечеру заметно усилился, в бухте появились льдины, затрудняющие передвижение китайских шампунков и катеров с различных военных кораблей. В числе их находились русский крейсер "Варяг" и

канонерская лодка "Кореец". Оба корабля несли службу стационаров и находились в распоряжении русского посланника при корейском дворе Павлова.

Сегодня на крейсере были получены от посланника секретные пакеты для срочной отправки в Порт-Артур. На следующий день "Кореец" должен был отправиться с ними в Артур.

В уютной и просторной кают-компании "Варяга" собрались офицеры вместе со своим командиром, который только что вернулся из Сеула.

Кадровый офицер гвардейского экипажа, Руднев смолodu приобрел дипломатический лоск и такт. Командование весьма это ценило и неизменно направляло Руднева туда, где международная политическая обстановка грозила осложнениями, как это имело место сейчас в Корее.

После войны с Китаем в 1894-1895 годах Корея фактически оказалась под протекторатом Японии. Царская Россия тоже зарилась на эту страну. Обоих соперников привлекали большие природные богатства Кореи и ее важное стратегическое положение. Она являлась как бы мостом между Японией, Маньчжурией и Приморьем. Поэтому вопрос, кто будет главенствовать в Корее, приобретал важное международное значение. Слабая экономически и значительно уступающая России в военном отношении Япония не могла сама решиться на войну с русским колоссом. Только после заключения в 1902 году военного союзного договора с Англией и получения в 1903 году большого займа на военные нужды из США японцы рискнули выступить против России. Тон японской дипломатии стал вызывающим. Сталкивая Японию с Россией, англо-американцы надеялись, что война ослабит обе стороны и позволит им занять главенствующее положение в Корее и Маньчжурии.

Вся эта сложная политическая игра велась в корейской столице Сеуле, и эта политика явилась причиной того, что в небольшом корейском порту Чемульпо одновременно находились военные корабли Англии, России, Франции, Италии, Америки и Японии.

По прибытии в Чемульпо Руднев посетил Сеул, побывал при дворе корейского императора, установил дружескую связь с командирами

стационаров других стран, в том числе и с японским крейсером "Чиода". В дружеской беседе за стаканом вина Руднев узнавал все политические новости и часто был больше в курсе событий, чем сам посланник Павлов. Дипломатическая деятельность не мешала Рудневу быть знающим моряком и хорошим командиром своего крейсера. Офицеры очень уважали и ценили своего командира, который сумел сплотить их в одну дружную товарищескую семью.

В этот вечер Руднев только что вернулся из Сеула, куда ездил для выяснения международной обстановки. Посланник Павлов заверил его, что даже в случае разрыва дипломатических сношений войны между Россией и Японией не будет. В этом его убедили не только японский посланник, но и послы Англии и Америки.

Все это Руднев и сообщил своим офицерам.

- Тем не менее я предложил посланнику, ввиду возможности внезапного начала военных действий, сегодня же отправиться в Порт-Артур на "Варяге". Но Павлов категорически отказался покинуть свой пост без указаний наместника Алексеева, хотя уже несколько дней как японцы прервали под предлогом технических неполадок всякое сообщение с Порт-Артуром... Все же Павлов решил сообщить в Порт-Артур о происходящем, и завтра "Кореец" уйдет туда с секретными пакетами, а заодно и доставит десант с "Севастополя", который нес охрану посольства, - закончил Руднев свой рассказ.

- Попадут в Артур к самому балу у Старка. Прямо с корабля на бал. Счастливы, - заметил молоденький мичман Ляшенко.

- Да, завтра там будет весело, потанцуют и повеселятся вволю, не то что в здешней дыре, - поддержал его лейтенант Червинский.

- Пошлем с "Корейцем" письма нашим друзьям: Дукельскому, Акинфиеву, - тотчас решил Ляшенко.

- Передайте и от меня поклон Ривочке. Ударная девчонка, не чета здешним, - заметил Червинский.

- Надо составить подробный рапорт о наших действиях Старку и наместнику. Попрошу вас помочь мне в этом, Анатолий Григорьевич, -

обернулся Руднев к Степанову.

- Есть, Всеволод Федорович! - отозвался старший офицер корабля. - Значит, пока можно не тревожиться за нашу судьбу?

- Пока - да. Но все же поручите вахтенным повнимательнее следить за тем, что происходит на рейде и в городе, - ответил Руднев.

Долго не спал в этот вечер комендор носового шестидюймового орудия Бондаренко. Днем он побывал на берегу и встретился со своим знакомым матросом с японского крейсера "Чиода". Они знали друг друга по жизни в Приморье, вместе рыбачили и были друзьями. Японец под большим секретом рассказал, что среди японцев идут упорные разговоры о войне с Россией, которая должна начаться в ближайшие дни. Днем Бондаренко не придавал большого значения этому, но теперь слова японца неотвязно кружились в голове.

- Что, ежели японцы и впрямь нападут на нас? На крейсере никто не подозревает о надвигающейся опасности, все спят. Да он заберет "Варяга" голыми руками! Надо немедленно обо всем доложить старшему офицеру, - решил он наконец и стал быстро одеваться.

Степанов еще не спал. По взволнованному лицу матроса он понял, что тот пришел с важными известиями.

- Дозвольте, вашбродие, доложить по долгу присяги, - неожиданно для себя проговорил Бондаренко официальным тоном.

- Говори, в чем дело?

Матрос подробно рассказал обо всем слышанном от японца.

- Почему сразу не доложил об этом? - спросил Степанов.

- Запомню за делами, а в койке лежа вспомнил.

Степанов сразу оценил важность полученных известий и вместе с матросом направился к Рудневу. Командир подробно расспросил Бондаренко, внимательно выслушал и, наградив чаркой водки за проявленную бдительность, отпустил его.

- Необходимо быть начеку! - проговорил Руднев.

- Быть может, поднять пары и, пользуясь темнотой, попытаться до рассвета уйти в Артур на соединение с эскадрой? - предложил Степанов.

- Какой вы, Анатолий Григорьевич... торопливый. Каждой войне предшествует разрыв дипломатических сношений, за которыми следует объявление войны, и уже после этого начинаются военные действия. Прикажите вахтенным особенно внимательно следить за всем происходящим на рейде, особенно за "Чиодой". Передайте то же на "Кореец".

Степанову ничего не оставалось, как уйти. Поднявшись на мостик, он передал вахтенному офицеру Червинокову распоряжение командира и сообщение Бондаренко.

- Наш командир, по-моему, излишне доверчив. Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права, - вздохнул Степанов. - Обо всем, что заметите на рейде, немедленно докладывайте прямо Рудневу.

- Есть, - вытянулся вахтенный офицер и окинул взглядом густой туман, которым была покрыта бухта. "Трудно что-либо разглядеть в такую погоду", - подумал Червинский про себя и погрузился в воспоминания о далеком Артуре, где находились друзья и его маленькая японская "мусмешка" Юха.

Едва засерел восток и начал расходиться ночной туман, как на "Варяге" обнаружили исчезновение с рейда японского крейсера "Чиода". Он ушел ночью с потушенными огнями, под покровом ночного тумана...

- Как вы его прозевали? - набросились матросы и командиры на вахтенных, сильно смущенных своей оплошностью.

- Ни зги ночью не было видно, а он, япошка, тишком, как ворюга, сбежал в море, - оправдывались виновные.

Весть об уходе "Чиоды" обеспокоила всех. Руднев тотчас направился на английский крейсер "Талбот", командир которого, коммодор Бейли, был старшим военно-морским начальником на рейде. Командир "Варяга" надеялся узнать у англичан последние политические новости. Одновременно Руднев приказал канонерской лодке "Кореец" спешно готовиться к отплытию в Порт-Артур. Доставлявшие на "Варяг" продукты торговцы-корейцы сообщили о готовящемся японском десанте в

Чемульпо.

- Японси приди нет? - тревожно спрашивали они. - Японси пу шанго. Корейси продай, купи нет. Корейси чифан нет, корейси умирайло, японец живи.

Было ясно, что атмосфера в Чемульпо быстро сгущалась. Японские агенты распространяли в городе панические слухи о предстоящем захвате всей Кореи японскими войсками и поголовной резне всех корейцев.

Корейцы были дружески расположены к русским и видели в них защитников от японских захватчиков, которых научились ненавидеть еще в японо-китайскую войну.

Коммодора Бейли Руднев застал в отличном расположении духа Из письма своего друга артурского негодянта Томлинсона англичанин узнал, что японцы очень нуждаются в его помощи и готовы заплатить за нее хорошие деньги. Томлинсон рекомендовал ему поближе познакомиться с командиром "Чиоды" капитаном Терауче. На днях японец передал коммодору предложение "оказать небольшую услугу божественному повелителю Страны Восходящего Солнца" - микадо и задержать в Чемульпо русские военные корабли до подхода туда японской эскадры адмирала Уриу. Это предложение совпадало с официальными указаниями Британского адмиралтейства всемерно содействовать союзной Японии, но делать это по возможности незаметно для русских. Ввиду этого коммодор приложил все старания для того, чтобы рассеять опасения Руднева о возможности в ближайшие дни начала военных действий со стороны Японии. Бейли клятвенно уверял своего "друга" сэра Руднева в незыблемости корейского нейтралитета и своей готовности защищать нейтралитет Кореи всеми наличными средствами вплоть до применения артиллерийского огня против его нарушителей.

- Япония слишком слаба, чтобы рискнуть на единоборство с огромной Российской империей. Но недавние легкие победы над Китаем вскружили некоторые горячие головы. Возможно, что японцы рискнут на морскую

демонстрацию против Владивостока, Порт-Артура или Чемульпо, но на открытый конфликт они никогда не рискнут. Таково мое мнение, равно как и мнение первого лорда адмиралтейства правительства его британского величества короля Эдуарда.

- Внезапный уход "Чиоды" внушает мне самые серьезные опасения, - возразил Руднев, пытливо вглядываясь в непроницаемое лицо своего собеседника.

- Я уверен, что сегодня ночью крейсер вернется на рейд... - отозвался англичанин, припоминая указания по этому вопросу Терауче.

- ...вернется в сопровождении целой эскадры... - перебил Руднев.

- Заверяю вас, сэр, здесь, в Чемульпо, будет соблюден самый строгий нейтралитет. В этом заинтересованы стационары всех стран, находящиеся на рейде. Даю вам слово англичанина, мы сумеем воздействовать на нашего союзника сдерживающим образом, - категорически утверждал Бейли.

Руднев понял, что ничего большего он не добьется, и направился на "Варяг". Там его встретили сообщением, что радист непрерывно принимает сигналы на японском языке. Адмирал Уриу отдавал своей эскадре различные приказы. Надо было торопиться с отправкой "Корейца" в Порт-Артур. Руднев вызвал к себе командира канонерской лодки капитана второго ранга Беляева и приказал ему возможно скорее собираться в поход. При следовании в Артур Беляев должен был всячески избегать столкновений с японцами и не поддаваться на возможные с их стороны провокации.

- Ваша основная задача - во что бы то ни стало срочно доставить наместнику секретные пакеты и предупредить его о подозрительном поведении японцев в Корее, - напутствовал Руднев командира "Корейца". Через полчаса канонерская лодка уже вышла в море. Было половина четвертого пополудни.

Стояла тихая, слегка мглистая морозная погода. Медленно развернувшись, "Кореец" прошел мимо "Варяга", а затем, миновав иностранные крейсера, подошел к находящейся у входа корейской

брендвахте.

Расположенный в глубине бухты, город быстро исчез в тумане. На рейде смутно проступали торговые и военные суда. Вдали сквозь мглу открылся перед входом на рейд остров Идольми, справа и слева от которого проходил фарватер, обставленный буйками, уже по-ночному подмигивающими разноцветными огоньками.

На мостике находился сам Беляев, высокий, рослый мужчина лет пятидесяти, с изящной, почти седой бородкой и огромным красным носом, и штурман, поджарый, с энергичным лицом, лейтенант Левицкий, который внимательно следил за створами фарватера.

- Жалко, что стоит штиль, - заметил Беляев, - а то поставили бы паруса и двойной тягой пара и ветра живо добежали бы до Артура.

- Подождите, Иван Александрович, - отозвался Левицкий, - выйдем из Идольми, там, быть может, и засвежеет. Пока же мы идем этим крученым фарватером, паруса нам будут только мешать.

- Люблю парусное дело. Чисто, никакой копоты и вони, спокойно, не тарахтит эта проклятая машина, да и больше морской лихости! Особенно когда под свежим ветром приходится рифы брать. По марсам и реям разбегутся матросы и висят на мачтах над кипящей бездной моря. Ничего этого нет на современных утюгах. Все сейчас в технике, а былую лихость негде и применить.

- Да, Иван Александрович, вам, должно быть, трудновато придется, коль скоро вы получите в командование крейсер или другое судно.

- Ну их к шутам совсем! Двадцать пять лет плавал почти все время под парусами, а теперь изволь-ка на старости лет переучиваться, всякие там электрические да гальванические штучки изучать. Нет, лучше выйти в отставку, пойти капитаном на какую-нибудь парусную шхуну и доживать свой век, бороздя моря и океаны под марселями да кливерами.

- По носу японские корабли, вашбродие, - доложил сигнальщик.

- Они нам не помеха. Пусть стоят себе на здоровье у Идольми. Сообщите о них сигналом на "Варяг".

- Слева на параллельном курсе четыре их же миноносца, - продолжал

сигнальщик.

- Похоже, что они нас поджидают у выхода в море, - забеспокоился Левицкий.

- Сколько их всего-то?

- На норд-весте шесть крейсеров, во главе с броненосным крейсером "Асама", а на юге пока шесть миноносцев, которые идут на сближение с нами. Оба офицера подняли бинокли и стали всматриваться в темнеющие в тумане силуэты японских судов.

На палубе расположились возвращаемые в Артур из Сеула матросы с "Севастополя", где они несли охранную службу, и забайкальские казаки. Севастопольцы иронически поглядывали на парусный рангоут "Корейца" и предлагали матросам канонерки распустили паруса для увеличения хода.

- Так ветра же нет, - возражали матросы "Корейца".

- А мы подуем, - предлагали шутники.

Приблизившись к японской эскадре, "Кореец" хотел было оставить ее в стороне, но японские миноносцы уклонились влево, а крейсера - вправо, и канонерская лодка оказалась между кильватерными колоннами японских судов. Было хорошо видно, как на кораблях орудия и минные аппараты торопливо приводились в боевое положение, с них снимались чехлы, стояла прислуга, готовая к немедленному открытию огня по "Корейцу". Когда лодка поравнялась с головным японским кораблем, легким крейсером "Нанива", на котором развевался адмиральский флаг, идущий в конце броненосный крейсер "Асама", в девять тысяч тонн водоизмещения, вышел из строя и преградил дорогу русскому кораблю. Одновременно на нем подняли сигнальные флаги, и бортовые орудия направили дула на "Корейца".

- Разберите сигнал, - приказал Беляев вахтенному начальнику мичману Бирюлеву.

- Но каково нахальство! Преграждать путь военному кораблю дружественной державы и при этом угрожать открытием огня! - возмущался Бирюлев, перелистывая код международных морских

сигналов.

- Дружба-то наша с Японией, видать, кончилась, - возразил Левицкий. - Давно уж в здешних местах попахивает порохом. Только наши горе-дипломаты этого не замечали.

- Если нас не пропустят через северный фарватер, попробуем пройти южным.

Положите лево руля, - распорядился Беляев.

Но едва канонерская лодка изменила курс, как перед ней выросло сразу четыре миноносца. На палубах этих кораблей была видна прислуга при орудиях и минных аппаратах, один из них для большей убедительности выпустил по "Корейцу" мину, которая прошла под его кормой.

- Пробить дробь-тревогу! Изготовиться к бою! - скомандовал Беляев срывающимся от волнения голосом.

Тотчас по русскому кораблю разнеслись, слившись в зловещем аккорде, резкие звуки горна и глухая барабанная дробь. Палуба заполнилась матросами, кинувшимися к пушкам, пулеметам и к минным аппаратам. Звякнули открываемые орудийные замки, загремела подача, и "Кореец" с обоих бортов оцетинился дулами орудий. Офицеры устремились на мостик в ожидании приказа от своего командира.

- Куда же нам деться, вашбродие? - испуганно спрашивали у офицеров казаки. - Кони ж наши от стрельбы со страху попрыгают в воду.

- Не до вас! Держите своих лошадей как хотите, - отмахивались от них моряки.

"Вернуться обратно в порт", - разобрал наконец сигнал Бирюлев.

- Стоп! - скомандовал в машину Беляев. - Что же нам делать, господа? - обернулся он к взволнованным офицерам.

- Вступить в бой с японцами - чистое безумие! Через три минуты мы будем на дне и, кроме того, не успеем предупредить "Варяга", который, ничего не подозревая, стоит без паров в Чемульпо. Его могут захватить врасплох и взять в плен. Поэтому нам необходимо возвращаться, - за всех ответил Левицкий, сохранивший спокойствие при неожиданном нападении японцев.

Памятуя указания Руднева не ввязываться в бой, Беляев тотчас же согласился с этим.

- Назад, до полного, - скомандовал он в машину. - Право на борт!

Забурлив водой, "Кореец" стал поспешно отходить перед все приближающимися японскими судами.

Расстояние до некоторых миноносцев сократилось до одного-полутора кабельтовых. На ближайшем из них в бинокль прекрасно были видны смеющиеся физиономии японцев, стоящих у орудий. На командирском мостике, широко расставив ноги, с сигаретой в зубах, стоял командир и делал неприличные жесты по направлению русских.

- Вашбродие, - обратился к Левицкому комендор одной из маленьких тридцатисемимиллиметровых револьверных пушек, - дозвоьте стрелять!

- Не смей стрелять! Японцы нас моментально потопят, - в ужасе заорал мичман Бирюлев, оттаскивая комендора.

- Так и мы же, вашбродие, не безоружные! Пока он нас потопит, мы прихватим не один миноносец, - упирался матрос.

Развернувшись, "Кореец" полным ходом направился в Чемульпо. Японские миноносцы конвоировали его с обеих сторон. Беляев трясся от волнения и негодования, но сдерживался, хотя офицеры и просили у него разрешения обстрелять наглого противника.

- Мы уже в нейтральных водах, поэтому нельзя открывать огня, - убеждал их Беляев.

Но тут один из матросов не вытерпел и неожиданно без команды дал-таки два выстрела из револьверного орудия по ближайшему миноносцу. Были ли попадания, никто не разглядел, но японцы тотчас отстали.

- Давно бы так! - пробурчал один из офицеров. - Нахалов всегда надо учить.

Уже с темнотой войдя на рейд, пробили отбой, но у орудий все же оставили часть прислуги. "Кореец" стал за кормой "Варяга", и Беляев тотчас же поехал с докладом к Рудневу.

Командир "Варяга" целый день провел в подготовке крейсера к бою. Из перехваченных японских радиogramм выяснилось наличие около

Чемульпо целой эскадры адмирала Уриу, которая сопровождала пароходы с десантом Японцы, очевидно, собирались высадить его если не в самом Чемульпо, то где-то поблизости от этого порта, что явилось бы нарушением корейского нейтралитета и грозило войной. Руднев все же надеялся, что "Корейцу" удастся прорваться в Порт-Артур и уведомить наместника адмирала Алексеева о тревожном положении в Корее. Одновременно командир "Варяга" попытался снова связаться с русским посланником в Сеуле, но почта была занята японцами и телеграф не действовал.

По-зимнему рано, в пять часов по местному времени, стемнело, с моря волнами наплывал туман, и возвращающегося "Корейца" опознали лишь тогда, когда он почти вплотную подошел к "Варягу", бросив якорь неподалеку от него.

Всем стало ясно, что с канонеркой что-то случилось. Руднев с нетерпением поджидал Беляева и, как только он поднялся на палубу крейсера, встретил его у трапа.

- Японцы преградили нам дорогу в море и под угрозой своих орудий заставили вернуться в Чемульпо, - одним духом выложил Беляев.

- Значит, начало военных действий неизбежно! - ответил ему Руднев.

Затем он увел Беляева к себе в каюту и заставил его подробно рассказать обо всем происшедшем с "Корейцем".

В это время вахтенный начальник через вестового доложил, что следом за "Корейцем" на рейде недалеко от "Варяга" бросили якорь два японских

крейсера, четыре миноносца и три транспорта.

В темноте слышались отрывистые слова японской команды и шумдвигающихся по палубам матросов. Мичман Нирод перевел, что на японских кораблях отдана команда зарядить минные аппараты и направить их на русские корабли. Руднев приказал пробить боевую тревогу и вызвать всех матросов к орудиям и минным аппаратам.

Ощетинясь орудиями, "Варяг" приготовился встретить нападение врага. Едва встав на якорь, японцы принялись высаживать десант на берег.

Мимо "Варяга" на буксире катеров проплывали шаланды с пехотой и артиллерией и направлялись к пристаням, где торопливо и высаживались. С "Варяга" было видно, как японские солдаты грелись около разложенных на берегу больших костров.

- Японцы захватывают Чемульпо и отрезают нас от суши, лишают всякой связи со всем миром, - забеспокоился Беляев.

- Быть может, это делается по соглашению с нашим посланником Павловым? - высказал предположение Степанов.

- Этого не может быть, - возразил Руднев. - Он протестовал даже против высадки здесь одного батальона японцев, а сейчас высаживается не менее полка, да еще с артиллерией. Кроме того, Павлов, наверное, поставил бы меня об этом в известность. Несомненно, японцы в нарушение корейского нейтралитета занимают своими войсками Чемульпо.

- Тогда необходимо заявить самый энергичный протест против этих захватнических действий, - горячился Беляев.

- Я немедленно заявлю протест коммодору Бейли, но думаю, что он останется без последствий Протестовать тут надо огнем орудий, а не дипломатическими нотами, - отозвался Руднев.

Через несколько минут он в полной парадной форме, в треуголке на голове, с палашом уже прибыл на "Талбот" в сопровождении мичмана Нирода.

Выслушав Руднева, коммодор Бейли отправился на один из прибывших японских крейсеров для "выяснения причин нарушения корейского нейтралитета".

Руднев не стал его ожидать и вернулся на "Варяг".

Несмотря на позднее время, на крейсере никто не спал. Артиллеристы дремали около своих пушек, вахтенные и сигнальщики не сводили глаз с моря и японских кораблей, силуэты которых смутно темнели в тумане.

Руднев обошел весь корабль. Как всегда в минуты опасности, он был совершенно спокоен, шаг его тверд, голос весел. Его спокойствие передавалось и команде. Матросы слушали его уверенный голос, видели

неторопливую, по-морскому с перевалочкой походку, и бодрость любимого начальника передавалась им.

- С таким командиром не пропадем! Он знает, что надо делать, - говорили между собой матросы.

Мучительно медленно тянулось время, наполненное тревожными звуками непрерывного движения японских лодок и катеров, высаживающих десант. Стихло только под утро. Туман еще более сгустился, полностью скрыв суда на рейде.

Когда забрезжил рассвет, на рейде не оказалось ни одного японского корабля. Они ушли под покровом ночи и тумана. Зато весь город был уже занят японскими войсками. Во многих местах развевались флаги Страны Восходящего Солнца.

Вскоре к Рудневу подошел Нирод и доложил, что по радио японцы передают распоряжения своим судам приготовиться к бою с русскими военными кораблями, находящимися на рейде в Чемульпо.

- Командующий японской эскадрой адмирал Уриу дает указания отдельно каждому из своих кораблей, - закончил Нирод.

- Не может же японская эскадра атаковать нас здесь, на якорной стоянке в нейтральном порту! - недоумевал Руднев, но все же приказал сыграть боевую тревогу.

Утренний туман постепенно рассеялся. К "Варягу" подошел катер с французского стационара крейсера "Паскаль", на котором находился командир последнего капитан Виктор Сене. Француз сообщил о получении им приглашения срочно прибыть на "Талбот" на совещание по поводу высадки японского десанта в Чемульпо. Руднев решил ехать вместе с ним.

К своему удивлению, они застали там в сборе всех командиров иностранных судов, которые о чем-то совещались с коммодором Бейли.

При появлении Руднева и Сене они тотчас замолчали и поднялись им навстречу.

Командир "Варяга" официальным тоном зачитал свой протест по поводу высадки японцев в Чемульпо и передал его англичанину, после чего

обменялся рукопожатиями со всеми присутствующими.

- Вам, вероятно, сэр, неизвестен этот документ, - проговорил Бейли, протягивая исписанную бумагу Рудневу, который прочитал следующее: "Сэр! Честь имею уведомить Вас, что, ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японской и Русской империями, я должен атаковать военные суда Русского правительства, находящиеся в Чемульпо, силами, находящимися под моей командой, в силу чего я почтительнейше прошу Вас удалиться от места предстоящего сражения, дабы состоящие под Вашей командой суда при этом не пострадали. Начало атаки будет иметь место не ранее четырех часов пополудни девятого сего февраля 1904 года. То же почтительнейше прошу передать и торговым судам Вашей нации. Имею честь быть, сэр, Вашим покорнейшим слугой. С. Уриу. Контр-адмирал, командующий Имперской Японской эскадрой на рейде Чемульпо".

- К сожалению, я такого документа не получал, - добавил Руднев, окончив чтение.

- Он был послан всем командирам нейтральных судов. Вам же, сэр, через русского консула был отправлен следующий вызов, - отозвался Бейли и прочитал: "Командиру крейсера "Варяг" Императорского Российского Флота. Сэр! Ввиду начала военных действий между Японией и Россией я имею честь почтительнейше просить Вас покинуть со всеми судами, находящимися под Вашей командой, порт Чемульпо до полудня 9 февраля 1904 года (27 января 1904 года по русскому стилю). В противном случае я атакую Вас в порту. Имею честь быть Вашим почтительнейшим слугой. С. Уриу. Контр-адмирал Императорского Японского Флота и командующий Японской эскадрой на рейде в Чемульпо".

И англичанин протянул бумагу командиру "Варяга".

- Прошу слова, сэр Бейли, - выступил Руднев, который уже обдумал план дальнейших действий. - Поскольку речь идет о "Варяге" и "Корейце", которыми я имею честь командовать, разрешите мне высказаться по затронутому вопросу. Адмирал Уриу прислал мне вызов на бой. Я его

принимаю и около полудня выйду с обоими русскими кораблями в открытое море. Надеюсь, что этим вопрос будет исчерпан.

- Вы настоящий храбрец, мосье! - воскликнул Сене, пожимая, руку Рудневу.

Как только француз опустился на свой стул, все заговорили сразу, не слушая друг друга.

- Это безумие с вашей стороны, сэр Руднев, вступать в бой со столь превосходящими силами, какие имеются у японцев, - громко ораторствовал Бейли.

- Я никогда не сомневался в храбрости наших русских друзей, но все же не ожидал, что наш общий друг, мосье Руднев, так смело примет вызов адмирала Уриу, - вторил ему Сене.

- Я могу только восхищенно аплодировать, - заверял всех итальянец Бореа.

- Но все же, рассуждая трезво, у вас, капитан Руднев, нет никаких шансов на успех в предстоящем бою. Ваша гибель неизбежна. Не проще ли самим взорвать ваши корабли, а офицеров и матросов разместить на нейтральных судах. В этом случае уцелеют хоть люди, - деловито предложил коммодор, разглаживая свои рыжие бакенбарды.

- С точки зрения гуманности это наиболее правильное решение, - поддержал его Сене.

- Но едва ли достойно настоящих воинов! По моему мнению, ваше предложение равносильно отказу принять бой, пусть и безнадежный. Мы, русские, исстари привыкли спрашивать, где враг, а не считать его силы, - с достоинством ответил Руднев.

- Нам остается только преклониться перед вашим мужеством, синьор, - за всех ответил Бореа.

Командир "Варяга" стал прощаться. Коммодор потребовал шампанского, и все выпили за успех русских в предстоящем бою.

- Победа или смерть! Таков ваш лозунг, - резюмировал общие пожелания Бейли, пожимая на прощанье руку Руднева, который спешил вернуться на свой крейсер.

Оставшись один, Бейли тотчас отправил адмиралу Уриу копию протокола заседания с планами русских.

На "Варяге" о начале военных действий уже знали из письма русского консула в Чемульпо. Основные приготовления к бою были сделаны накануне, и теперь лишь принялись окончательно приводить артиллерию в боевой порядок, очищать палубу от хлама, выбрасывать за борт лишнее дерево, снасти - все, что могло дать пищу огню, Осматривали и задраивали водонепроницаемые перегородки, люки, запасные полупорты в артиллерийской палубе. Опробовали противопожарные средства, прокладывали пожарные шланги.

"Варяг" принадлежал к классу легких крейсеров дальних разведчиков. Он имел значительную артиллерию и обладал хорошим ходом. Красивый, стройный четырехтрубный корабль с двумя мачтами, крейсер был построен в 1899 году в Америке на филадельфийских верфях. Водоизмещение его достигало шести тысяч пятисот тонн при длине в сто двадцать метров и ширине в пятнадцать метров. Бортовой брони он не имел, на нем была лишь броневая палуба и то незначительной толщины. Артиллерийское вооружение крейсера составляло двенадцать шестидюймовых, двенадцать семидесятипятимиллиметровых и четырнадцать мелких пушек. Орудийных башен на крейсере не было, и пушки стояли открыто, имея лишь щитовое прикрытие. Располагалась артиллерия следующим образом: в носовой и кормовой части - шесть шестидюймовых и две семидесятипятимиллиметровых пушки, по бортам находились по четыре семидесятипятимиллиметровых пушки, мелкая артиллерия была разбросана по всему кораблю. "Варяг" развивал скорость до двадцати трех узлов. По скорости и силе вооружения в японском флоте не было равного ему легкого крейсера. Но "Варяг", конечно, значительно уступал по мощности тяжелому броненосному крейсеру "Асама", входившему в состав эскадры адмирала Уриу. Японский крейсер имел девять тысяч шестьсот тонн водоизмещения и располагал восемнадцатью крупными орудиями.

"Варяг" кишел, как муравейник. Офицеры, каждый по своей

специальности, отдавали необходимые распоряжения для боя. Матросы, исполняя приказание, быстро двигались по палубе и трапам. Степанов с боцманом обходил корабль, проверяя каждую мелочь.

По прибытии Руднев немедленно созвал на мостик всех офицеров и объявил им о начале войны.

- Я принял вызов японцев и до полудня покину Чемульпо. Остается еще три часа в нашем распоряжении. Этого времени нам вполне достаточно для подготовки к сражению.

- Вы намерены прорываться в открытое море? - спросил Степанов.

- Конечно. Если же это не удастся, то постараемся хотя бы нанести врагу наибольший вред перед своей гибелью.

- Японцы во много раз сильнее нас. Один "Асама" не уступит "Варягу" и "Корейцу", вместе взятым. Артиллерия у него мощная. Единственное наше преимущество-это значительная скорость хода у "Варяга" - большая, чем у самого быстроходного японского крейсера. Но с нами тихоходный "Кореец", имеющий всего тринадцать узлов. Поэтому я предлагаю взорвать его, команду принять на "Варяг" и идти на прорыв, - предложил Степанов.

- "Кореец" располагает двумя восьмидюймовыми пушками, каких нет на "Варяге", а поэтому может нам принести большую пользу, взрывать его я не намерен, - ответил Руднев.

- Тогда можно ему поручить ведение демонстративной атаки на одном фронте, в то время как мы войдем на прорыв на другом.

- Это поставит "Корейца" в безвыходное положение. Он наверняка погибнет.

- Зато, быть может, "Варягу" удастся выйти в море, а там мы легко уйдем от погони.

- Я никогда не оставляю "Корейца" в бою. Или мы вместе уйдем, или оба погибнем.

- Это весьма благородно, но едва ли разумно с государственной точки зрения. Мы должны любой ценой сохранить для флота такой крейсер, как "Варяг", - заметил Степанов.

- Ваше рассуждение недостойно русского офицера, - рассердился Руднев.
- "Кореец" пойдет в кильватере за нами, а в бою будет видно, что ему делать. Попрошу господ офицеров разойтись по своим местам и разъяснить матросам создавшееся положение.

- Есть! - вытянулись офицеры и поспешили сойти с мостика.

Руднев подозвал к себе Червинского, исполнявшего обязанности минного офицера, и велел подготовить крейсер к взрыву, на случай если ему будет грозить опасность быть захваченным врагом, - пояснил командир. Вскоре за приказаниями прибыл Беляев. Узнав о принятом решении, он стал возражать:

- "Кореец" будет обузой для вас. По-моему, его следует вывести на глубокое место и затопить, команду интернировать на нейтральных судах. Наша артиллерия столь устарела, что не может состязаться с японской. Кроме того, у меня казаки и севастопольцы, которые несли охрану нашего посольства в Сеуле и теперь направляются в Артур. Теснота страшная.

- Казаков переведите на пароход "Сунгари", пусть ждут там исхода боя. Половину севастопольцев передайте мне. Не будут доставать ваши пушки до врага, идите смело на сближение с ним, пока ваши снаряды не будут долетать до цели.

- Но если японцы начнут отходить, не допуская "Корейца" на действительный выстрел?

- Тем лучше, выйдем в море и направимся в Артур.

- Вам-то хорошо так говорить, имея двадцать узлов хода, а я куда денусь со своими тринадцатью узлами?

- Выброситься в крайности на берег и взорвать лодку. Будьте готовы к выходу к половине двенадцатого дня. В бою следите за моими сигналами; в случае выхода моего из строя в командование отрядом вступит Степанов.

- Есть, - поторопился ответить Беляев и спустился на поджидавшую его шлюпку.

Отпустив командира "Корейца", Руднев отправился в обход своего

крейсера. Около передней шестидюймовой пушки правого борта он задержался и стал наблюдать, как старший комендор орудия Бондаренко неторопливо и методично опробовал все механизмы, устраняя малейшие люфтики и заминки. С подручными матросами он особенно тщательно осматривал оптические прицелы, лишь с месяц тому назад установленные на "Варяге", да и то далеко не у всех орудий. Новыми прицелами еще ни разу не пользовались при стрельбе.

- Не подгадишь, Бондаренко, с новыми прицелами? - обратился к нему командир, - Быть может, снять их да поставить старые?.. С теми-то обращаться вы умеете хорошо.

- Никак нет, ваше высокоблагородие, я и со стеклянными прицелами справлюсь, только не знаю, сбиваются ли они при выстреле. Но, по моему разумению, не должны; прочно устроены, - не торопясь ответил комендор.

- Смотри! Я на вас, комендоров, особенно надеюсь. Не забудь выпить сегодня лишнюю чарку, - проговорил Руднев и пошел дальше.

Выше среднего роста, стройный, с темной густой бородкой, представительный и подобранный, он обходил команду, с которой проплавал уже около двух лет и которую прекрасно знал. Матросы, в свою очередь, хорошо изучили своего требовательного, но заботливого командира. Сегодня Руднев, как всегда, расспрашивал матросов об их самочувствии, шутил по поводу предстоящего боя:

- Помните, ребята, цельтесь в самого адмирала Уриу, чтобы не было промаха! Попадете, не ровен час, в его адъютанта или вестового, толку от этого не будет.

Он, как обычно, попробовал матросский обед, похвалил кока, приказал сегодня никому не отказывать в добавке.

- Сытый матрос смелее воюет, - пояснил он.

Хотя и прежде матросы не жаловались на недостаток питания, но сегодня все могли наесться до отвала.

Командир "Корейца" объявил офицерам и команде о начале военных действий и решении Руднева прорваться сквозь японскую эскадру в

Артур. Офицеры единодушно одобрили намерение сразиться с превосходящими силами врага.

- Если не победим, то нанесем потери японцам и выведем из строя несколько их судов, - ответил за всех офицеров Левицкий.

- Непринятие вызова японцев покрыло бы нас несмываемым позором, - вторили ему другие.

Беляеву осталось лишь отдать распоряжение о подготовке к бою. На корабле закипела работа. Ни среди офицеров, ни среди матросов не было заметно растерянности или волнения. Матросы перекидывались острыми? шутками. Комендоры у орудий прикидывали, как удобней расположить подаваемые на палубу боевые припасы для двух восьмидюймовых пушек, расположенных по бортам, и одного шестидюймового ретирадного орудия на корме, которые составляли основное вооружение "Корейца".

К одиннадцати часам все работы на "Варяге" были окончены, и Руднев приказал собрать команду на верхней палубе. Когда она была выстроена, Руднев вышел перед фронтом и объявил матросам о начале военных действий с Японией. Затем он зачитал письмо Уриу и объяснил все коварство поведения японцев. Команда загудела от негодования.

- Нам выхода нет. Город занят японцами, у входа в море находится эскадра. Мы находимся в ловушке, поэтому я решил принять бой с целью прорваться в Артур. В бою действуйте спокойно и точно. Пожаров, пробоин не бойтесь. При дружной работе мы с ними справимся. Комендоры должны наводить орудия так, чтобы ни один снаряд не пропал даром. Враг сильнее, но не храбрее нас, а храбрость, как вы знаете, города берет. Помолимся же теперь богу и смело пойдем в неравный бой под Андреевским флагом. Ура!

Под громкие крики матросов музыка исполнила гимн, и командупустили.

Тотчас же просвистали к вину. Матросы длинной вереницей потянулись к ендове, около которой со списком в руках уже стоял баталер. Руднев приказал сегодня всем выдать двойную порцию вина и усиленное

довольствие. Начиная с унтер-офицеров, матросы по очереди выпивали одну за другой обе чарки, кричали и вытирали усы обратной стороной ладони.

- Напоследок выпьем, чтобы глаз был вернее, когда по японцу станем наводить наши пушки, - бодро проговорил комендор Сайкин.

- Да, драка должна быть жаркая. Кое-кто попадет и в царство небесное, - отозвался артиллерийский квартирмейстер Зубов.

- Не про матросов оно написано; для нас поди черти в аду сковородки да клещи разогревают. Ждут не дождутся дорогих гостей, - продолжал балагурить Сайкин.

- Хоть бы перед боем зря языком не трепал, - остановил его Бондаренко. Обычно не пьющий и получавший винное довольствие деньгами, он сегодня тоже подошел за своей порцией.

- Ты это что, Петр Григорьевич? - удивился баталер. - Кроме того, тебе от командира положена еще одна чарка. Пей сразу три, может, повеселей станешь.

- Набьем японцу по первое число, долго будет помнить, - хвастливо заметил унтер-офицер Зубов.

- Не хвались, идучи на рать, - оборвал его Бондаренко. - Сила у него большая супротив "Варяга" да "Корейца".

- А ты раньше времени панихиды не пой, комендор, - ответил унтер и, сплюнув за борт, отошел.

Бондаренко плотно пообедал, перекрестил лоб после еды и, не дожидаясь команды, направился к своей пушке.

- Знатно поели сегодня, - встретил его Сайкин, - никому отказа в добавке не было. Ешь - не хочу!

- На полное брюхо воевать легче. Набитый живот не всякий осколок пробьет, - усмехнулся Бондаренко, - дайкась прикурить, Захарыч.

Оба матроса деловито свернули сигарки и задымили махоркой.

В кают-компании в этот день было необычайно оживленно. Предстоящий бой вызвал приподнятое настроение. Офицеры пригласили к себе в кают-компанию командира и потребовали шампанского. Содержатель кают-

компании также постарался на славу и приготовил роскошный обед. За столом шел оживленный разговор. Офицеры торопливо поглощали все находящееся на столе, перебрасываясь шутками.

- Надо поторапливаться, господа, - громко проговорил Руднев. - В половине двенадцатого мы снимаемся с якоря.

Затем он приказал разлить шампанское.

- За сегодняшнюю победу! - провозгласил он.

- ...или смерть! - дружно ответили ему офицеры.

Перед концом обеда в кают-компании появился вольнонаемный кок офицерского камбуза Иван Кузьмич Криштофенко, или просто Кузьмич. Его круглое, как луна, багрово-красное лицо с заплывшими жиром живыми глазами было преисполнено торжественности. Белый халат и поварской колпак блистали белизной.

- Разрешите, ваше высокоблагородие, обратиться к вам с просьбой, - подошел он к Рудневу.

- Хочешь на прощанье перед уходом с "Варяга" сказать нам несколько слов? - спросил капитан.

- Никак нет! Сколько лет вместе мы жили на "Варяге" в ладу и мире, негоже поэтому мне перед боем, как трусливой крысе, покидать свой корабль. Дозвольте остаться на крейсере и зачислиться добровольцем-матросом, - с достоинством неторопливо ответил повар.

- Ай да молодец наш Кузьмич! Конечно, оставайся, будешь в бою при мне. Господа, я предлагаю выпить за нашего кормильца и поильца Кузьмича, который готов идти с нами на смертный бой, - поднял свой бокал Руднев.

Офицеры ответили дружным "ура", а расчувствовавшийся, растроганный Кузьмич, стыдливо смахнув досадливую слезу, выпил поднесенное ему шампанское.

- Заверяем вас, Всеволод Федорович, - обернулся Степанов к Рудневу, - что пример Кузьмича еще более вдохновит нас на предстоящую борьбу до последнего дыхания. Ура!

- Со щитом или на щите, - подхватили офицеры, чокаясь друг с другом, -

За нашего командира, ура!

- За матросов, за наш "Варяг", за нашу великую родину, - ответил Руднев.

Ровно в назначенное время "Варяг" в сопровождении "Корейца" двинулся с места. Тотчас же на обоих кораблях пробили боевую тревогу и подняли на мачты стеньговые флаги. Как бы приветствуя русских, из-за туч выглянуло яркое солнце и осветило мрачный рейд Чемульпо Город сразу разукрасился белыми и красными пятнами построек, засинело море, в котором плавали еще не успевшие растаять льдины. На иностранных судах взвились целые гирлянды разноцветных флагов, выражающих приветствие и лучшие пожелания идущим на бой русским судам.

Когда крейсер поравнялся с "Талботом", с английского корабля грянул русский гимн, выстроенная на палубе команда взяла на караул, салютуя русскому флагу.

То же повторилось при прохождении мимо "Паскаля", "Эльбы" и "Виксбурга". Темпераментные французы не выдержали, с криком смяли строй и начали подбрасывать вверх свои береты с красными помпонами, шумно выражая свой восторг.

- Можно подумать, что мы не в бой идем, а на парад, - взволнованно проговорил Ляшенко.

Торжественные проводы на всех подействовали ободряюще. Бондаренко перестал хмуриться и деловито возился около орудия.

Миновав брандвахту и выйдя на внешний рейд, русские увидели перед собой четко вырисовывавшиеся на светлом голубом фоне неба шесть темных силуэтов японских крейсеров и восемь миноносцев. Они расположились в строе пеленга по направлению входного маяка таким образом, что закрывали оба прохода в море вокруг острова Идольми. На головном крейсере "Нанива" развевался флаг адмирала Уриу. За ним в кильватерной колонне стояли пять других крейсеров. Концевым был "Асама".

Офицеры и матросы русских кораблей с тревожным любопытством всматривались в очертания вражеских судов, столь превосходящих их

числом. Для того чтобы выйти в море, нужно было прорываться сквозь строй японской эскадры.

- Что, Бондаренко и Сайкин, у вас, поди, глаза разбежались от такого большого числа целей? - шутливо спросил Ляшенко у комендоров.

- Сегодня, вашбродь, вам будет лафа. Куда ни стрельнешь, все равно без промаха попадешь в какойлибо японский корабль. Все море ими перегородили, что забором, - отозвался Сайкин.

- Да, легче будет наводить, чем на состязательной стрельбе. Там миноносец тянет два махоньких щита, в них попасть очень трудно, а тут перед тобой сразу шесть огромных кораблей. Каждый снаряд попадет в нужное место, - поддакнул Бондаренко.

"Варяг" и "Кореец" еще не вышли за пределы нейтральных вод, как японцы сигналом предложили им сдаться. Но еще не вполне рассеявшийся на море туман помешал быстро разобрать его, и японцы, не дождавшись ответа, первые открыли огонь. Тяжелый гул выстрела докатился до "Варяга" почти одновременно с падением снаряда. Против орудий Ляшенко поднялся сверкающий на солнце столб воды, смешанный с дымом. По бортам корабля и броне башни градом забарабанили осколки.

- Вот, черт возьми! Снаряды взрываются даже при ударе о воду, - удивленно проговорил Степанов, выглянув из боевой рубки, где он находился вместе с Рудневым.

- Да, не чета нашим, которые и при попадании в броню не всегда рвутся, - отозвался командир.

Он внимательно осмотрел в бинокль эскадру противника, стараясь нащупать его слабые места. С первого же взгляда для Руднева стала ясна почти полная безнадежность предстоящего боя, но он не потерял присутствия духа и продолжал хладнокровно оценивать обстановку. План действий быстро сложился у него в голове.

- Я атакую концевые легкие крейсера японцев - "Чиода" и "Такачихо" и постараюсь, отогнав их, прорваться в море. Обстреляйте эти корабли усиленным огнем, - приказал он Степанову.

- Сообщите по семафору "Корейцу", чтобы он не отставал от нас и по мере возможности поддерживал огонь своими восьмидюймовыми пушками, - обернулся он к Червинскому, исполнявшему при нем обязанности флагофицера.

- Есть! - вытянулись офицеры и поспешили исполнить приказ своего командира.

- Наводить в переднюю мачту японского судна "Чиода", что стояло рядом с нами в порту, - объяснил Ляшенко комендорам распоряжение, полученное от Степанова. И комендоры, забыв обо всем, припали к окулярам оптического прицела, старательно наводя свою пушку на указанную цель.

- Готов! - в один голос доложили Сайкин и Бондаренко своему командиру.

- Пли! - зычным голосом скомандовал Ляшенко.

Два огневых смерча вырвались из дул орудий, и снаряды, урча и завывая в воздухе, понеслись в сторону японцев. Ляшенко вскинул бинокль. Столб черного дыма на корме и всплеск воды рядом с бортом показали, что цель попала под накрытие.

- Пли! - скомандовал тотчас же мичман, и пушки опять окутались легким светло-зеленым, остро пахнущим эфиром облаком бездымного пороха. "Варяг" загремел из всех своих орудий, ведя огонь по японской эскадре с правого борта.

Вскоре в крейсер один за другим попало несколько снарядов. Осколки с воим понеслись в разные стороны. На баке загорелся разбитый вельбот. Кузьмич, одетый в матросскую форму, находился около рубки. Заметив огонь, он с необычайной для его полноты быстротой слетел вниз и с пожарным шлангом в руках кинулся его тушить. Сильная струя воды ударила в самую середину пламени. В несколько секунд пожар был потушен, только обуглившиеся головешки продолжали еще шипеть и дымить. Но тут раздался новый взрыв. Струей воздуха повара несколько раз перевернуло через голову и больно ушибло о кнехты. Больше удивленный, чем испуганный, он тотчас вскочил на ноги и осмотрелся.

Неподалеку на палубе лежал убитый матрос. Из пожарных шлангов во все стороны хлестала вода. Кузьмич, стараясь не смотреть на обезображенный труп, попытался исправить шланги, но новым взрывом был отброшен к самому переднему мостику. Напуганный повар поспешил забраться на него и укрыться в боевой рубке.

- Молодчина, Кузьмич, ежели жив останешься, получишь крест, - похвалил его Руднев, следивший за ним.

- Рад стараться! Покорнейше благодарим, - ответил матрос.

- "Чиода" горит, ваше высокоблагородие, - радостно сообщил сигнальщик Снигирев.

Японский крейсер, пылая от носа и до кормы, начал поспешно уходить, укрываться за другие корабли.

- Перенести огонь на "Наниву", - бросил Руднев, - и еще раз прикажите "Корейцу" не отставать.

Через несколько минут, охваченный пожаром, флагманский корабль последовал за "Чиодой".

По "Варягу" пронеслось громовое "ура". Путь в море был свободен. Прибавив ходу, Руднев устремился в прорыв.

Осторожный командир "Корейца" следовал за "Варягом" на дистанции двух-трех кабельтовых, дабы направляемые в крейсер снаряды при перелете не попадали в канонерскую лодку. Когда же "Варяг" устремился в прорыв, Беляев и вовсе отстал.

Заметив маневр русских, "Асама" полным ходом пошел им наперерез, за ним двинулись и остальные суда. Японская эскадра в этот момент расположилась по дуге, вогнутой в сторону русских, а "Варяг" оказался в ее центре. Воспользовавшись этим, адмирал Уриу приказал сосредоточить на нем весь огонь. Русский крейсер буквально засыпало снарядами. Вода около его бортов кипела от непрерывных всплесков. Корабль заволкло дымом от многочисленных попаданий и возникших пожаров.

На палубе то и дело слышались крики, звавшие носильщиков, но их не хватало для уборки всех раненых. Один из снарядов попал в верхний

мостик, разнес в щепы штурманскую рубку, перебил всех дальномерщиков на фор-марсе. Находившийся тут же мичман, граф Нирод, был убит. Последующими выстрелами было подбито несколько орудий, прислуга которых почти вся погибла. Непрерывно следующими один за другим попаданиями вражеских снарядов были произведены большие опустошения на палубе, сбито четыре шестидюймовых, пять семидесятимиллиметровых и шесть мелких орудий. Осколками разорвавшегося у фок-мачты снаряда были ранены стоявшие рядом с Рудневым штаб-горнист и барабанщик, но оба остались в строю.

Рулевой Снигирев, будучи ранен в спину, скрыл свою рану, до конца боя оставаясь на своем месте. Ординарец Руднева, квартирмейстер Чибисов, получив ранение в обе руки, не ушел на перевязку и заявил, что не оставит своего командира до своей смерти. Перечисление этих подвигов можно преумножить до бесконечности, так как охваченные боевым энтузиазмом матросы не щадили своих жизней, глядя на героическое поведение своего бесстрашного командира.

После разрыва одного из крупных снарядов около командирской рубки по крейсеру распространился слух, что Руднев убит. Это вызвало некоторое замешательство среди матросов. Узнав об этом, Руднев, невзирая на сильнейший обстрел и ежеминутно рвущиеся снаряды, вышел на мостик, откуда его могли видеть матросы, находящиеся на палубе, и обратился к ним с призывом:

- Помни, ребята, мы русские моряки и смерти никогда не боялись! Не посрамим же русского флага и чести флота российского, - кричал он в мегафон, стараясь быть услышанным возможно большим числом матросов. Увидев своего командира, хотя и раненого, но оставшегося на боевом посту, матросы закричали "ура" и с удвоенной энергией продолжали вести бой.

- Усиьте огонь до предела и сосредоточьте его на "Асаге", - приказал Руднев полуоглохшему от грохота стрельбы и непрерывных разрывов снарядов старшему артиллерийскому офицеру.

Электрическое управление огнем было давно разрушено, и он,

пренебрегая опасностью, лично обходил пушки, указывая цели.

- Не задерживайте огня, Алеша, - крикнул он Ляшенко, стараясь перекрыть грохот боя. - Весь огонь по "Асаме". - И офицер скрылся в дыму.

Смолкнувшие на минуту пушки снова начали стрелять.

"Варяг" почти прорвался в море, японские суда находились уже у него на правом траверзе. Еще несколько минут, и русский крейсер ускользнет из подстроенной ему ловушки.

- Прибавить оборотов до предельного, - приказал Руднев в машинный телеграф.

Из-за дыма далеко сзади мелькнул "Кореец". На нем не было видно никаких повреждений, и он вел медленный огонь из своих восьмидюймовок.

- Поднять сигнал "Корейцу" не отставать и усилить огонь до предельного, - решительно приказал Руднев.

В этот момент два восьмидюймовых снаряда одновременно попали в батарейную палубу левого борта "Варяга", и из всех люков и орудийных полупортов вырвались клубы дыма, огня, страшный грохот потряс крейсер от клотика до самого киля, и судно стремительно повалилось на правый борт. На верхнюю палубу начали один за другим выскакивать обожженные матросы. Дым все увеличивался; казалось, что крейсер сейчас погибнет.

- Кузьмич, узнай, в чем дело, и пошли от моего имени на батарейную палубу старшего офицера, - скомандовал Руднев. - Мичман Червинский, верните людей на место.

- Назад, никакой паники! - крикнул он матросам в мегафон, выходя из боевой рубки на мостик.

Червинский и Кузьмич с криками набросились на матросов. В дыму промелькнула фигура Степанова со сбитой на затылок фуражкой. В сопровождении пожарного дивизиона он нырнул в первый же люк, ведущий в батарейную палубу. Матросы быстро успокоились и, понукаемые насмешками толстого повара, двинулись вниз за старшим

офицером.

Батарейная палуба была полна дымом. В правом борту зияла огромная пробоина, в которую заливалась вода. Пять орудий, исковерканных и сорванных со своих станков, загромождали палубу. В уцелевших беседках левого борта в патронах горел порох. Несколько человек прислуги уцелевших орудий вытаскивали раненых и пытались, как могли, тушить пожар. Продолжавшая работать электрическая вентиляция вместо чистого воздуха засасывала снаружи только новые порции дыма, чем еще больше затрудняла дыхание людей.

Молоденький мичман Губонин, совсем охрипнув, старался навести порядок. С прибытием пожарного дивизиона во главе со Степановым дело сразу пошло на лад. Огонь в беседках залили, остановили вентиляцию, а подоспевшие плотники приступили к заделке пробоины деревянными щитами. Вскоре три еще исправные орудия правого борта опять начали стрелять.

С видом победителя Кузьмич доложил о всем происшедшем Рудневу. Его лицо и одежда до того были испачканы сажей, что командир сразу даже не узнал его.

- Ты, оказывается, прирожденный вояка, Кузьмич! - улыбнулся Руднев.

Не успел повар окончить свой доклад, как взорвавшийся на шкафуте снаряд зажег лежавшие там матросские койки. Смердящий, густой, удушливый дым пополз по палубе.

- Алексей Сергеевич, возьмите матросов и отправляйтесь тушить пожар, - обернулся Руднев к Червинскому, единственному офицеру, оказавшемуся в этот момент около него.

- Есть! - мичман мигом слетел на палубу.

Несмотря на пробоины, многочисленные разрушения и то и дело возникавшие пожары, "Варяг" продолжал неуклонно идти вперед и яростно отстреливался от наседавшего врага. Вследствие повреждения дымовых труб ход крейсера несколько упал, и "Асама" вновь стал нагонять, стремясь преградить ему путь в море.

Вдруг яркое пламя огненным зонтом взвилось на мостике рядом с рубкой.

Руднева струей воздуха сильно ударило о броневую стенку, и он потерял сознание. Одновременно были убиты осколками стоящие рядом с ним штаб-горнист, барабанщик и ординарец, ранены оба рулевые, а мичман Губонин, в этот момент находившийся в боевой рубке, сильно обожжен. Одежда на нем сохранилась лишь с одной стороны тела, на другой остались тлеющие лоскутки ткани.

Кузьмичу показалось, что у него треснула от взрыва голова, и несколько мгновений он крепко держался за нее обеими руками, как бы опасаясь, что она развалится на части, но затем он пришел в себя и, преодолевая боль, вместе с тяжело раненым рулевым старшиной Смирновым кинулся к штурвалу и помог вести крейсер по заданному курсу.

Едва Руднев пришел в себя, как новый снаряд ударил в крышу рубки и своими осколками перебил штуртросы, идущие к рулю. Крейсер, потеряв управление, начал описывать циркуляцию. Теряя сознание от головокружения и слабости, Руднев все же остался на посту и тотчас послал Кузьмича за Степановым.

- Разыщи его хоть на дне морю, от этого зависит судьба "Варяга", - напутствовал он повара.

Кок устремился на ют, куда незадолго перед тем прошел Степанов. Верхняя палуба была вся окутана дымом от еще тлевших головешек. Матросы из шлангов и прямо из ведер заливали последние остатки пожаров. Поминутно спотыкаясь на избитой, исковерканной палубе, перескакивая через еще не убранные трупы и разные обломки, загромождавшие дорогу, он добрался до офицерской кают-компания, обращенной в перевязочную, где и нашел Степанова. На обеденном столе, покрытом клеенкой, старший судовой врач делал перевязки и неотложные операции. На всех диванах лежали стонущие тяжелораненые, воздух был пропитан дурманящей смесью запахов лекарств, камфары и свежей человеческой крови. Войдя в помещение, повар побледнел и сам чуть не лишился чувств при виде этой жуткой картины. Капитан сидел на стуле, и судовой фельдшер накладывал ему бинты на задетое осколком левое плечо. Степанов морщился от боли, но

молча терпел. Выслушав Кузьмича, он заторопился, попросил врача дать ему мензурку спирта и поспешил на мостик. Весь черный от копоти, в шинели, разорванной в нескольких местах осколками, с наполовину обожженными усами и бородкой, он предстает перед своим окровавленным командиром.

- Анатолий Григорьевич, голубчик, отправляйтесь в румпельное отделение и переведите управление на ручной штурвал, - распорядился Руднев.

- Есть! А вы бы тем временем сходили на перевязку, Всеволод Федорович, - проговорил Степанов.

- Не до этого сейчас! Торопитесь, а то как бы японцы не воспользовались нашей беспомощностью и не потопили нас.

Проводив Степанова, Руднев вышел на мостик и осмотрелся. Верхняя палуба от самого носа до мостика дымилась от огня, заливаемого водой из шлангов. Формарс и половина фок-мачты были снесены, из четырех труб осталось три; что делалось на корме, за дымом невозможно было разобрать. Японцы уже успели пересечь русским путь в открытое море и сосредоточенным бортовым огнем продолжали расстреливать "Варяга".

Кузьмич, у которого воинственный пыл значительно упал после всего виденного в кают-компании, забился в рубку и, тяжело вздыхая, мысленно обращался за помощью к извечному покровителю русских моряков Николе-угоднику.

- Зажурился, хлопчик! - улыбнулся Руднев, заметив расстроенный вид повара.

- Больно сильно голова разболелась, - сконфузился Кузьмич.

- До свадьбы пройдет.

- Как бы с акулой венчаться не пришлось.

- Авось и на девушке еще женишься.

Руднев взглянул на часы. Было четверть первого. С начала боя прошло всего полчаса.

"Прорваться не удалось, черт возьми, - понял Руднев. - Надо перед гибелью утопить хотя бы один из японских кораблей".

- Держать курс на сближение с неприятелем, - скомандовал он в мегафон на корму.

Несколько матросов голосом передали команду дальше. Переведенный на ручное управление, крейсер вновь двинулся навстречу врагу, стреляя из всех еще уцелевших орудий.

- Вашскородие, на "Асаме" пожар, - радостно доложил сигнальщик.

Руднев взглянул на вражеский корабль. Вся его корма была объята пламенем, дым широким веером поднимался к безоблачному голубому небу. Охваченный пожаром, крейсер медленно удалялся. Зато остальные японские корабли усилили свой огонь.

Несколько снарядов один за другим попали в правый борт, нанеся "Варягу" пробоины ниже ватерлинии. Вода хлынула в угольные ямы и третью кочегарку. Крейсер сел на корму и получил крен на левый борт. Все находящиеся поблизости, занятые тушением пожаров матросы во главе с Червинским кинулись подводить пластырь на пробоины. Кочегарные квартирмейстеры Жигарев и Журавлев, с опасностью для жизни, по горло в ледяной воде, задраили двери в угольные ямы и тем спасли "Варяга" от немедленного потопления. Машинная команда под руководством трюмного механика Сизова приладила запасную донку и откачала воду из кочегарки. Затем удалось выровнять крен, затопив два отсека с правого борта. Замолкнувшая было вследствие сильного крена артиллерия правого борта вновь заговорила.

Хотя расстояние до японцев сократилось до тридцати кабельтовых, Руднев упорно продолжал идти вперед. Легкие крейсера, лишившись поддержки "Асама", начали отступать. Появилась надежда на прорыв в море.

"Дойдем ли мы в таком виде до Порт-Артура? - с тревогой думал командир "Варяга", осматривая избитый корабль. - Лучше утонуть в море, чем попасть в плен", - тотчас успокоил он себя.

В это время "Асама" вновь занял свое место в голове эскадры,

Руднев понял, что наступают последние минуты "Варяга". С двадцати пяти кабельтовых восьмидюймовые снаряды крейсера "Асама" могли

пронизать насквозь небронированный русский крейсер. Его опасения не замедлили оправдаться. Две восьмидюймовых бомбы, попав в лазарет с левого борта, разорвались у правого. Осколки попали в переднюю кочегарку и вывели из строя три котла. Пар со свистом стал вырываться наружу. Машина остановилась. "Варяг" стремительно повалился направо. Испуганные матросы, побросав свои места, кинулись к левому борту, на ходу расхватывая уцелевшие спасательные круги и пробковые матрацы.

- По местам! - в мегафон заорал Руднев с мостика. - Мичман Червинский, займитесь подводкой пластыря, задрайте затопленные отделения. Боцман, стрелять каждого, кто только попытается прыгнуть за борт.

Решительный и властный голос командира успокаивающе подействовал на всех. - Чего бросились, как стадо баранов? - гудел боцман, отталкивая матросов от борта.

- Снизу кричат - тонем, пар шипит, вода хлещет, в лазарете всех перебило и перекалечило, обварило пятерых кочегаров, мы испугались, - сконфуженно оправдывались они.

Видя критическое положение русского крейсера, японцы вновь предложили ему сдаться. В ответ Руднев Приказал, насколько возможно, усилить артиллерийский огонь. Затем спросил мнение своего помощника о дальнейших действиях.

- Уйдем за Идольми, попытаемся там починиться, насколько возможно, и попробуем снова прорваться, - предложил старший офицер.

Руднев поморщился. Показывать корму противнику он считал для себя позорным, но делать было нечего, и скрепя сердце он отдал приказание лечь на обратный курс. Японцы, понесшие большие потери в бою, не рискнули преследовать русские корабли. Они отошли в море и приступили к исправлению многочисленных повреждений.

Как только "Варяг" начал отходить за Идольми, Беляев забеспокоился.

- Мы должны прикрыть "Варяга" огнем всех своих орудий, - волновался он.

- К сожалению, наши пушки не отличаются дальностью, и мы едва ли сможем помочь "Варягу", - ответил Левицкий.

- Это не играет теперь роли. Важно показать японцам, что мы готовы всеми наличными средствами защищать свой крейсер. Немедленно открывайте огонь из всех наличных пушек, - распорядился Беляев.

Левицкий только махнул рукой и сошел вниз.

Бирюлев открыл огонь из восьми - и шестидюймовых пушек. Канонерская лодка окуталась пороховым дымом, но снаряды по-прежнему далеко не долетали до цели. Японцы ограничивались лишь редким артиллерийским огнем.

Но тут из-за острова навстречу "Варягу" на всех парах вылетел миноносец и кинулся в атаку. Единственный оставшийся в живых на крейсере барабанщик глухо пробил сигнал отражения минной атаки. Степанов кинулся к правому борту, где уцелело только четыре пушки.

- Алексей Сергеевич, огонь по миноносцу! - крикнул Степанов, подбегая к Ляшенко.

Но комендоры обеих орудий уже без команды взяли его на прицел. Пушки мгновенно были заряжены. До миноносца оставалось не более десяти кабельтовых. На солнце четко виднелся белый бурун на его носу и стоящие у минных аппаратов люди. Дым длинным шлейфом тянулся за ним.

- Пли! - коротко крикнул Ляшенко.

Пламя от выстрелов на секунду закрыло цель, затем над миноносцем взметнулось черно-белое облако дыма и пара. Не успело оно разойтись, как на поверхности воды показалась лишь масса плавающих деревянных предметов, среди которых виднелись черные точки человеческих голов.

По "Варягу" пронесся радостный крик.

- Спасибо, молодцы! Оба получите кресты, - обратился Степанов к Бондаренко и Сайкину.

- Рады стараться! Покорнейше благодарны, - дружно ответили матросы.

Бой кончился. "Варяг" и "Кореец" уже вошли в нейтральные воды. Ляшенко прошелся по палубе, с грустью смотря на повреждения корабля. Матросы разминались у орудий.

- Здорово разделали нас японцы, - проговорил мичман, обернувшись к

матросам.

- Мы, вашбродие, тоже в долгу не остались, ихним крейсерам, особливо "Чиоде", солоно сегодня пришлось, даром что мы одни супротив шестерых сражались, - ответил Сайкин, выглянув из башни.

Вдруг рядом неожиданно грохнул взрыв запоздавшего снаряда. Осколки брызнули во все стороны. Сайкину снесло голову, Бондаренко показалось, что его толкнули в правый бок каленым железом, и он потерял сознание. Остальные матросы попадали ранеными на палубу.

Уже по пути к острову Идольми из доклада Степанова о состоянии крейсера Руднев понял невозможность дальнейшего ведения боя и решил вернуться в Чемульпо.

Как только "Варяг" и "Кореец" стали в порту на свои прежние места, со всех военных кораблей к ним направились вельботы и катера. Первым к "Варягу" подошел катер "Талбот" с коммодором Бейли. Но так как все трапы после повреждения в бою спешно чинились, то англичанин должен был несколько подождать или воспользоваться шторм-трапом. Последнее командир "Талбота" признал ниже своего достоинства и в ожидании спуска обычного трапа занялся наружным осмотром повреждений "Варяга". Сэр Бейли внимательно разглядывал зияющие пробоины и подведенные под некоторые из них парусиновые пластыри. Катер его шел почти вплотную к борту корабля, и коммодор мог рукою ощупывать края пробоин и подводку пластырей.

- Вери гуд! [1] - одобрительно покачивал он головой, делая снимки с них своим фотоаппаратом.

Наконец трап был готов, и англичанин поднялся на палубу, где его встретил в забрызганном кровью пальто и с перевязанной головой Руднев.

- Сэр, вы достойны служить даже в английском флоте, - тряхнул Бейли руку командира "Варяга".

- Я не знаю более высокой чести, чем служба в русском флоте, - с заметной иронией ответил Руднев.

Но сэр Бейли не обратил на это внимания и попросил его ознакомить с

внутренними повреждениями крейсера. Руднев поручил это сделать одному из офицеров, а сам пошел встречать посетителей с других кораблей.

Француз Сене, легко взбежав на палубу, кинулся в объятия Руднева и разразился целым потоком трескучих фраз.

- Я горд, что в числе моих друзей находится такой герой, как вы, мосье Руднев, - уверял он. - Сегодня же я пошлю подробный рапорт обо всем президенту республики и буду ходатайствовать о награждении вас командорским крестом ордена Почетного легиона.

1. Очень хорошо! (англ.).

Вместе с Сене прибыл весь медицинский персонал с крейсера "Паскаль" и тотчас приступил к перевязкам многочисленных раненых, которых не успели обслужить судовые врачи.

- Бой продолжался всего пятьдесят минут, и за это короткое время вышло из строя свыше ста человек, четверть всего экипажа. Легко же раненных оказалось свыше двухсот человек. Короче, две трети команды получили ранения в этом бою. Мы никогда не сомневались в храбрости наших друзей русских, но проявленный вами сегодня в бою героизм превзошел все возможное, - рассылались французы в комплиментах.

Командир "Эльбы" Риччи Рафаеле Бореа долго с чувством жал руку Рудневу и уверял, что он все время молил ливорнскую мадонну о помощи русским. Обходя раненых, он обратил внимание на мичмана Губонина, лицом похожего на итальянца. Узнав, что мать мичмана действительно итальянка, капитан Рафаеле воспылал к нему особой симпатией и попросил переправить раненого офицера на свой крейсер.

Американцы ограничились лишь присылкой фельдшера, которого обидевшийся на подобное невнимание Руднев тотчас же отослал обратно. "Варяг" заполнился матросами различных национальностей. Англичане, французы, итальянцы толпились на всех палубах и в коридорах. Они всячески выказывали свои симпатии русским; угощали сигарами,

похлопывали по спине, помогали убирать обломки, чинить трапы, переносить раненых.

Несмотря на то что работали все помпы, вода в крейсере не убывала, и "Варяг" постепенно все больше кренился на левый борт. Началась спешная эвакуация раненых на иностранные корабли. Бейли, Сене и Бореа спорили о том, кто больше возьмет к себе русских. Решили в конце концов распределить русских примерно поровну между кораблями всех наций. Правда, Сене все же оказался предприимчивее других и, надеясь хорошо поживиться за счет русской казны, заранее выговорил для размещения "у себя еще и команду "Корейца", о котором в пылу спора другие командиры забыли.

- Я надеюсь, сэр, что вы не собираетесь взрывать ваши суда? - проговорил Бейли, разглаживая рыжие бакенбарды на своем буро-красном лице.

- Я намереваюсь поступить именно так, - ответил Руднев.

- Это невозможно! При взрыве могут пострадать другие корабли, стоящие на рейде, что, конечно, недопустимо, - решительно запротестовал коммодор. - Кроме того, ваш корабль так разрушен, что его нельзя исправить. Поэтому достаточно его только затопить.

Сене тоже поддержал англичанина, крейсер же "Эльба" стоял вдалеке от русских, и поэтому Бореа не интересовался дальнейшей судьбой "Варяга" и "Корейца".

Приняв во внимание, что экипаж с русских судов размещался на "Талботе" и на "Паскале", Рудневу ничего не оставалось, как уступить настояниям Бейли и Сене.

- Я думаю вывести канонерскую лодку к острову Обсерватории и там, вдали от всех, взорвать на глубоком месте. На "Варяге" же я ограничусь лишь разрушением машин и артиллерии, после чего открою кингстоны, - ответил Руднев.

- Но только не взрывайте кают-камеры, сэр, - еще раз повторил Бейли.

На этом и порешили. Все иностранные командиры поспешили на свои суда, чтобы приготовиться к размещению русских.

XXX

Узнав, что "Варяг" взрывать не будут, матросы принялись уничтожать на корабле все, что было возможно, рвали пироксилиновыми шашками лафеты, орудия, башни, разбивали приборы. В машинном отделении под руководством инженеров-механиков взрывали гребные валы, разбивали паровые цилиндры, паровые трубы, приборы, но все же за недостатком времени многое уничтожить не успели.

Когда вся команда была свезена, Руднев в последний раз с боцманом обошел тонущий крейсер. На корабле уже никого не было видно, и Руднев, с грустью окинув взглядом свой любимый "Варяг", всего два часа тому назад бывший красавцем крейсером, подошел к трапу, где его ожидала шлюпка. Сняв фуражки, он и боцман перекрестились.

- Иди вперед, Горов, - приказал командир, - я последний схожу с корабля.

Но не успела шлюпка далеко отойти от тонущего крейсера, как сверху раздались громкие голоса:

- Ваше высокоблагородие, подберите нас!

Руднев оглянулся. На верхней палубе стояли два кочегара квартирмейстеры Журавлев и Жигарев. В это же мгновение внутри корабля один за другим раздались несколько сильных взрывов, наружу вырвались огромные клубы пара, на белом фоне которого мелькнули две падающие в воду фигуры. Невдалеке от лодки показались на поверхности две человеческие головы. Матросы торопливо отплывали от "Варяга". Руднев повернул к ним, и вскоре Журавлев и Жигарев были уже в шлюпке.

- Что вы там делали, духи окаянные? - сердито бурчал боцман, помогая вытаскивать их из воды.

- Уж больно обидно стало оставлять целыми котлы. Мы и решили промеж себя взорвать их, как все с крейсера уйдут. Прикрепили подрывные патроны на сухопарниках, прошуровали напоследок топки, чтобы нагнать давление повыше, запалили шнуры, а сами стали тикать. Едва успели

выскочить, - весело наперебой сообщали кочегары, стуча зубами от холода.

Между тем "Варяг" медленно опрокидывался на левый бок. Сотни глаз с затаенным дыханием следили за гибелью героического корабля. Эвакуированные на иностранные суда русские матросы с тоской и болью в сердце смотрели на родной "Варяг", которым они привыкли гордиться и на котором только что пережили трагические минуты неравного боя, ежесекундно рискуя своей жизнью.

- Все одно, что родного человека хороним, - высказал вслух думы и чувства товарищей боцман Горов.

Медленно погружавшийся корабль вдруг на мгновение замер и, вздрогнув всем своим огромным телом, быстро пошел под воду. Все матросы сняли фуражки и закрестились. Многие плакали, не стыдясь своих слез. Французы и итальянцы, из сочувствия к русским, тоже сняли фуражки, а судовые оркестры исполнили русский гимн.

Вернувшись после осмотра поврежденного русского крейсера, commodore Бейли застал у себя в салоне капитана Тераучи.

Японец был перевязан и имел довольно плачевный вид, далеко не соответствующий его утренней самоуверенности. С трудом приподнявшись навстречу англичанину, он почтительно приветствовал commodore.

- Я вижу, что и вас, мистер Тераучи, тоже основательно потрепали, хотя ваша эскадра из четырнадцати кораблей и сражалась всего лишь с одним русским крейсером, - иронически процедил Бейли, оглядывая своего гостя.

- Русские оказались необычайно храбрыми и настойчивыми. "Варяг" был весь изрешечен нашими снарядами, но продолжал вести бой. Наши корабли пострадали очень сильно, особенно "Асама". Его придется немедленно ввести в док для починки. Мой "Чиода" потерял половину своих пушек и больше половины людей.

Один миноносец потоплен. На всех остальных кораблях есть потери. Вероятно, мы потеряли вдвое больше людей, чем русские. Можно только

преклоняться перед мужеством русских. А в каком состоянии, сэр, вы нашли "Варяг"? - справился японец.

- Ответ на этот вопрос стоит не меньше тысячи фунтов стерлингов, мистер Тераучи.

- Если русские не взорвут корабль, она вам обеспечена.

- В таком случае прошу немедленно вручить мне чек на эту сумму. Я уговорил Руднева не взрывать "Варяга", а затопить его там, где он стал на якорь. Корабль можно будет поднять без особых затруднений. Конечно, он потребует капитального ремонта, но это уж не моя забота.

- Вы настоящий друг Страны Восходящего Солнца! - воскликнул Тераучи и поспешил вручить чек англичанину.

- Сейчас сюда прибудет Руднев, и вам необходимо поторопиться с отъездом!

- без церемонии выпроводил японца Бейли.

Как только он остался один, то немедленно направился к своему несгораемому шкафу и присоединил новый чек к недавно полученному.

- Итак, русско-японская война уже принесла мне две тысячи фунтов от японского микадо. Будем надеяться, что и царь Николай тоже хорошо заплатит за прием, содержание и доставку в Шанхай своих матросов. Коммодор Бейли, вас можно поздравить с определенным успехом! - И англичанин, налив себе большой бокал виски, осушил его одним духом.

Прибыл Руднев с несколькими офицерами.

Появился и Беляев.

- Что прикажете делать с "Корейцем"? - справился он.

- Немедленно взорвать! Пароход "Сунгари" сжечь. Даю вам на это час времени. Затем потрудитесь написать подробный рапорт о ваших действиях в бою и сообщить о ваших потерях, - приказал Руднев.

- Есть, есть. Быть может, просто затопить лодку? Чемульпо - нейтральный порт, и японцы не посмеют ее поднять во время войны. Потерь у нас нет.

- Следует лодку взорвать, и взорвать поосновательнее. Так будет надежнее.

"Корейца" вывели на взморье, минировали, заложив пироксилиновые

патроны в пороховой и бомбовые погреба.

Когда все покинули обреченное судно, были произведены взрывы. Огромный столб черного дыма высоко вскинулся вверх, и на воде не осталось ничего, кроме щепок и мусора.

- Закончил кампанию наш дедушка. Без малого четверть века честно он проплавал под Андреевским флагом, - задумчиво проговорил Левицкий. Размещенные на нейтральных судах команды русских военных кораблей вскоре были доставлены в Шанхай и Саш он, а затем в Россию.

Глава третья

Прошло несколько дней, пока в ПортАртуре стали достоверно известны обстоятельства гибели "Варяга" и "Корейца". Хорошо зная Руднева и считая его больше дипломатом, чем боевым командиром, многие были удивлены его героическим образом действий. По его характеру можно было ожидать, что, получив японский ультиматум о выходе в море, он попросту затопит корабли на чемульпинском рейде, а команды судов переведет на суда нейтральных стран, как это было сделано после сражения.

Хотя бой у Чемульпо и окончился поражением, но подвиг "Варяга" и "Корейца" сразу был по достоинству оценен офицерами и матросами порт-артурской эскадры и стал для них примером. О нем говорили везде, даже при встрече на улицах.

Иначе расценил действия Руднева наместник. Под первым впечатлением он решил предать Руднева суду за то, что тот не сумел использовать нейтралитет Кореи для защиты находящихся под его командой судов. Но скоро всем стало ясно, что никакого нейтралитета в Корее не существует. Когда же из Петербурга пришла директива гибель "Варяга" и "Корейца" считать подвигом, а не преступлением, наместник сразу изменил свою точку зрения и в специальном приказе поставил всей эскадре в пример подвиг "Варяга" и "Корейца".

Японцы перед Артуром не показывались, и город постепенно стал успокаиваться.

Теплая ясная погода сменилась жестоким нордом со снегом и пургой. Жители города попрятались по дворам, а эскадра лишь слегка дымила, отстаиваясь на внутреннем рейде. Только миноносцы да легкие крейсеры рисковали а буран выходить на разведку в студеное зимнее море, да изредка ночью грохотали береговые батареи по воображаемым японским кораблям. Война на время ушла из Артура.

Даже нелепая гибель на своих же минах заграждения минного транспорта "Енисей" и легкого крейсера "Боярин" не произвела особого впечатления на

Артур. Трагедия произошла далеко от крепости, никто ее не видел и не переживал непосредственно.

В переполненных ресторанах по-прежнему гремела музыка, рекой лилось вино, и порт-артурские офицеры в пьяном угаре кричали о своей готовности победить врага или умереть во славу обожаемого монарха.

Почти все мужское население города было призвано в армию. Солдатского обмундирования для всех не хватало. Ограничились тем, что на штатские пальто нашили красные погоны, а на котелки и фуражки нацепили солдатские кокарды.

Дукельский, с наступлением военных действий поселившийся со штабом на "Петропавловске", где раньше было лишь место его временного пребывания, не появлялся в городе. С утра до вечера он вместе с флаг-капитаном Эбергардом сидел за разработкой планов морских операций против японской эскадры. Все эти планы неизменно браковались то Старком, который находил их чересчур смелыми и рискованными, то наместником, считавшим их чересчур осторожными.

Один только начальник морского отдела штаба наместника контр-адмирал Витгефт, добродушный, малоподвижный толстяк, всегда соглашался с любыми планами, какие ему представляли на утверждение, искренне огорчаясь каждой новой неудачей Дукельского.

Занятый штабными неполадками, лейтенант совсем забыл о Риве.

Подруги Ривы подсмеивались над ней, называя ее монашкой, и звали с собой в "Звездочку" или "Варьете". Рива зевала, выдумывала предлоги

для отказа и оставалась дома.

Однажды она узнала, что в "Звездочке" моряки устраивают большой "проворот" и приглашают ее. Надеясь встретиться там с Дукельским, Рива согласилась.

Уже за квартал от "Звездочки" были слышны бравурная музыка и громкие крики. В большом зале ресторана с тщательно завешенными окнами собралось десятка два молодых моряков, которые, сидя за столом, громко пели скабрезные куплеты. На хозяйском месте восседала пышная золотисто-рыжая блондинка Лола Хьюз, чистокровная немка, выдававшая себя за американку. В Артуре считали ее и Риву первыми "звездами" местного полусвета. Смуглая Рива была представительницей горячей южной красоты, а светловолосая, белотелая Лола олицетворяла красоту севера, более нежную, чем красота юга, но не уступающую ей в огне и страсти. Рива и Лола, несмотря на внешнее соперничество, были дружны между собой и охотно уступали друг другу своих кавалеров.

Появление Ривы в зале было немедленно замечено и вызвало аплодисменты.

- Ура, Ривочка! Да здравствует царица ночи! - кричали со всех сторон мужчины, посылая ей воздушные поцелуи. Рива огляделась. За столом сидели офицеры с разных кораблей, по большей части хорошо знакомые Риве. К своему удивлению, она заметила среди них и несколько человек женатых, до этого не решавшихся показываться в холостой компании молодежи. Очевидно, проводив свои семьи из Артура, они поспешили зачислить себя в холостяки. Дукельского в зале не было. Зато Малеев уже издали махал рукой, обращая ее внимание на себя. Рядом с ним сидел, как всегда, розовощекий Андрюша Акинфиев. При виде Ривы он попытался было сделать серьезную и строгую мину.

- Я сяду рядом с самым строгим и сердитым офицером Тихоокеанской эскадры Андрюшей Акинфиевым, - громко заявила Рива. - Разрешите сесть, господин строгий мичман, - шутила она, прикладывая руку к голове, как бы отдавая честь.

Мичман вспыхнул, но смолчал и, под общий веселый шум и

двусмысленные замечания, поспешил поставить рядом с собой стул для Ривы. Малеев чмокнул Ривину руку и, хитро подмигнув, вдруг громко закричал;

- Горько молодым!

Андрюша, весь пунцовый от смущения, хотел что-то возразить Малееву, но со всех сторон так громко заорали: "Горько, горько Андрюше!" - что его слова потонули в общем шуме.

Рива с лукавой улыбкой потянулась к своему соседу; "Поцелуемся?"

Андрюша растерялся, на его красном от смущения лице выразилась детская беспомощность и ужас. Рива притянула к себе его голову и ласково поцеловала в лоб.

Пирушка пошла своим чередом. Все вокруг кричали, пели, спорили, смеялись, о войне забыли. Неожиданно общий шум был прерван зычным голосом из угла зала. Тогда только Рива заметила, что там разместилась небольшая компания сухопутных офицеров, преимущественно артиллеристов. Их стол был тесно уставлен бутылками, а возбужденные лица показывали, что компания была уже сильно "на взводе".

Рива по опыту знала, что такие встречи в ресторанах моряков с сухопутными офицерами обычно кончались скандалами. Насторожившись, она ожидала возникновения очередного конфликта, сопровождаемого обычно битьем посуды и вызовом военной полиции. Все это не сулило и ей ничего хорошего. Она собралась уже потихоньку уйти домой, но Малеев, заметив, удержал ее за РУКУ.

- Куда вы торопитесь? - проговорил он.

- Боюсь попасть в историю...

- Не думаю, это все бакланы - береговые артиллеристы. Мы вместе с ними воюем с японской эскадрой на море, да и публика у них культурнее, чем у стрелков. Не беспокойтесь. Ежели что случится, я вас провожу домой. Ба, да среди артиллеристов мой приятель Борейко. Значит, все будет гладко.

От столика артиллеристов отделилась огромная фигура Борейко, который со стаканом вина в руке двинулся к морякам. Все притихли, с интересом

поглядывая на саженный рост и гигантские плечи поручика.

- Господа офицеры доблестной Тихоокеанской эскадры! - прогудел Борейко. - Позвольте мне приветствовать вас от лица гарнизона и артиллерии порт-артурской крепости.

За Борейко двинулись и остальные офицеры. Моряки встали с мест и встретили их с бокалами в руках. Подойдя к Малееву, поручик особенно дружески приветствовал его.

- Душевно рад видеть тебя, Ермий Александрович, в добром здравии и приятном соседстве, - расшаркался он перед Ривой. - Вашу лапку, мадемуазель.

Я всегда был уверен; что у моего друга Ермия прекрасный вкус, а теперь с удовольствием убеждаюсь в этом.

Огромный, красный от выпитого вина, он все же понравился Риве. Она приветливо улыбнулась ему, подставляя руку для поцелуя.

Когда наконец все перезнакомились, составили вместе столы и уселись, Борейко опять поднялся и предложил выбрать тамаду сегодняшней дружественной пирушки.

- Борейко! - выкрикнули все, знавшие его фамилию.

- С благодарностью принимаю это почетное звание от своих друзей и предлагаю тост за наших сегодняшних дам, - ответил Борейко.

Все бурно приветствовали Риву и Лолу.

- Разрешите мне как тамаде сказать два слова, - продолжал Борейко.

- Просим, просим! - раздалось со всех сторон.

- Всего несколько дней как началась война. Началась она неожиданно, неудачно для нас, для нашего флота. Многие обвиняют в этом моряков, моряки обвиняют крепость. Это порождает споры, ссоры и вражду. Все это на руку только японцам, ибо только в единении сила. Виноваты же в наших неудачах не мы с вами, здесь присутствующие молодые офицеры армии и флота. Не виноваты и наши штаб-офицеры. Они ничего не знали о надвигающейся войне. Виноваты прежде всего и больше всего генералы и адмиралы. Больше всех виноват наместник, этот принц царской крови с левой стороны, который своевременно не сообщил о

разрыве дипломатических отношений с Японией, не принял мер по мобилизации армии и флота на случай внезапного нападения на ПортАртур.

Виноват Старк, не разрешивший флоту принять предохранительные меры вроде постановки противоминных сетей на стоящих на внешнем рейде кораблях эскадры, виноват Стессель, у которого крепость до сих пор еще далеко не достроена, виноват и наш генерал Белый, не поверивший своим офицерам, когда ему Страшников сообщил о совершенном на эскадру нападении. Теперь генералы и адмиралы грызутся между собой, сваливая вину друг на друга, строча доносы в Петербург, - Стессель и компания на моряков, а те на сухопутное начальство.

Они натравливают армию на флот, солдат на матросов, нас, сухопутных офицеров, на вас - морских, и так далее. Поэтому я и хочу в дружеской беседе с вами за стаканом доброго вина обсудить это обстоятельство. Ни двадцать шестого, ни двадцать седьмого, ни двадцать девятого января не погиб и не был ранен ни один генерал или адмирал. Я лично видел, как Стессель трусливо прятался от японских снарядов в бетонные казематы на Электрическом Утесе.

Наместник сидел на Золотой горе тоже в крепком каземате. Ваши адмиралы едва ли проявили больше храбрости. Кто же больше всего пострадал от нашей неподготовленности? Прежде всего и больше всего "серая скотинка" - солдаты и матросы, которые, по мнению всякого начальства, только для того и существуют, чтобы все выносить на своей шкуре. За все ошибки превосходительных дураков платятся матросы и солдаты. Так позвольте мне сегодня поднять первый свой бокал не за царя-батюшку, который в полной безопасности сидит в Питере, не за наших генералов и адмиралов, даже не за нас с вами, а за наших солдат и матросов. Я твердо убежден, что мы, офицеры, будем успешно воевать тогда, и только тогда, когда у нас будет тесное единение с нашими солдатами, когда офицеры и солдаты будут едины в бою. Сила офицеров в их тесном единении с матросами и солдатами. Тот, кто этого не понимает, не может быть хорошим командиром и офицером. Итак, за

наших солдат и матросов - ура!

- Ура! - подхватили присутствующие.

Андрюша Акинфиев, растроганный до глубины души, смотрел влюбленными глазами на Борейко.

- Ермий, расскажи мне подробнее, кто он такой, - упрасивал он Малеева.

- Борейко - пьяница, картежник, большой скандалист. Сослан за какие-то художества из России в Артур. В то же время он один из лучших артиллеристов крепости. Живет на Электрическом Утесе. Он всегда в контрах со всяким Начальством. Сажали его на губу, грозили уволить со службы, но это мало помогало. В конце концов его сослали на Утес, благо оттуда не всегда выберешься в город.

Разговор их был прерван новым тостом, с которым выступил от имени стрелков поручик Енджеевский, молоденький, безусый, с сильным и густым басом. Он горячо приветствовал моряков и повторил пожелание тесного единства. Ему тоже дружно аплодировали.

От моряков неожиданно выступил Андрюша. Путаясь от волнения в словах, он долго и не особенно вразумительно говорил о подлых японцах и обожаемом монархе и закончил тостом за царя. Тост его, как носящий официальный характер, приняли стоя, но без особого воодушевления.

- Андрюша, друг сердечный, - обратился к нему Малеев. - Не гоже имя царское трепать в кабаках. Предоставь такие тосты произносить нашим генералам и адмиралам на парадах.

Мичман обиделся и, сильно покраснев, замолчал.

Общая беседа распалась. На разных концах стола завязались громкие споры, и только время от времени Борейко, перекрывая общий шум своим громким голосом, предлагал выпить за здоровье того или другого из присутствующих, после чего все чокались и вновь усаживались на свои места.

- Что ни говорите, "Енисей" погиб героически, как и "Варяг", а "Боярин" позорно, - громко говорил Малеев своему соседу лейтенанту с "Баяна" Сойманову.

- Ничего героического не вижу в том, что Степанов посадил свой минный

транспорт на свою же мину, - возражал Сойманов. - Что, он не знал, куда направлено течение в Талиенванском заливе в это время года?

- Признаю, что это ошибка Степанова. Но он сам погиб геройской смертью, отказавшись покинуть свой тонущий корабль. Так, по-моему, должен поступить каждый уважающий себя командир, - возражал Малеев.

- И опять, по-моему, здесь больше глупости, чем героизма. Степанов один из лучших наших моряков, академик, каких у нас раз-два и обчелся, и вдруг ради старого предрассудка добровольно гибнет со своим кораблем, вместо того чтобы дальше воевать с японцами. Он был нам нужен в Артуре, а сейчас он пользу принесет разве только рыбам. Нет, нам надо решительно бороться с этими традициями седой старины, - горячился Сойманов.

- Что же ты тогда скажешь о гибели "Боярина"? - переходя на ты, спросил Малеев.

- Скажу, что Сарычев подлый трус. Бросил крейсер при незначительной пробоине. Ведь "Боярин" еще трое суток держался на воде после того, как команда покинула его. Погода была на редкость тихая, японцев не было, его можно было спасти. Сарычев пойдет под суд, туда ему и дорога.

- Сарычева, к сожалению, не отдадут под суд, а всего лишь отставили от командования...

- ...потонувшим крейсером, - усмехнулся Сойманов. - Жаль, что среди нас нет ни одного человека с "Боярина", а то я поговорил бы с ним по душам.

- Навряд ли ты скоро и в Артуре найдешь кого-либо с "Боярина". Сарычев уезжает в Кронштадт, остальные тоже переводятся - кто в Балтику, кто в Черное море, кто во Владивосток...

- ...за отменную храбрость, проявленную при потоплении собственного крейсера, - не унимался Сойманов. - Не наградили их за это еще орденами?

- К их несчастью, ни одного японца даже поблизости не было, - улыбнулся Малеев.

- Старка все же убирают, хотя наместник и взял его под свою защиту.
- Трудновато его защищать. Прошло два дня войны, а мы потеряли: потопленными - четыре корабля, подорванными - три и поврежденными артиллерией - четыре, а всего - одиннадцать боевых единиц. А кто же на место Старка?
- Макаров из Кронштадта. Говорят, большой умница, ученый человек, весьма энергичен. Быть может, с ним наша эскадра оживет.
- Поживем - увидим. Макаров прежде всего известный боевой командир, и я уверен, что он будет настоящим командующим флотом, - горячо проговорил Малеев.
- Кто будет рад приезду Макарова, так это наш Юрасовский, - вмешался в разговор Акинфиев. - Они старые знакомые, авось и ему теперь по службе повезет.
- Да, больше двадцати лет проплавать, чтобы получить в командование миноносец! Его сверстники давно крейсерами командуют.
- Почему же затирают Юрасовского? - спросил Сойманов.
- Дело тут старое. В молодости вздумалось ему поиграть в политику. Ну вот, до сих пор забыть ему этого не могут. Чуть ли не за революционера считают, - пояснил Малеев.
- Разве он такой? - удивился Андрюша.
- Конечно, нет. Просто человек справедливый, матросов не бьет, не обкрадывает, начальству спуска не дает. Его и затирают, чтобы глаза начальству не мозолил.
- Нет, наш Вирен черен, как ворон, - вставил Сойманов.
- Не люблю я Вирена, - проговорил Малеев, - и на "Баяне" служить бы не хотел. Слов нет - один из лучших кораблей в эскадре. Там порядок и четкость в работе, но матросы забиты, офицеры задержаны.
- Вирен никогда не дерется и, если матрос виновен, отдает под суд, офицерам тоже промахов не спускает, - заступился Сойманов за своего командира.
- За пустяки у него матросы под суд идут. Поэтому и не любят они Вирена, а боятся, да и в кают-компании его не особенно одобряют.

- Что же, по-твоему, лучше на "Новике" у Эссена?

- Всякий любящий свое дело моряк почитает за честь служить на "Новике"; там настоящая морская школа для офицеров и матросов. Хотя на берегу больше всего всегда буянят матросы с "Новика", да и господа офицеры на берегу тихим нравом не отличаются.

- Команда - сброд со всей эскадры. Надо только удивляться, как Эссен умеет их держать в руках.

- Зато в бою нет командира более смелого и лихого, чем Эссен. Всегда во всех боях он был первым, на разведках тоже.

Их разговор прервал Борейко.

- Друзья! Не спеть ли нам что-нибудь русское, задушевное? - предложил он. - Споем, затягивай, Ермий, - подхватило несколько человек.

- Да, но что? Для начала споем поминальную, в память погибших моряков и сухопутных.

Малеев звучным баритоном запел:

Ныне, в день поминовения

Павших в поле боевом,

Мы все в одно моление

Души русские сольем.

Торжественный, печальный мотив заставил всех сделаться серьезнее и мысленно вернуться к происходящей войне. Когда пение кончилось, все несколько мгновений сидели тихо.

- Эй, чого, хлопщ, славт молодш, смутш - не весела - проговорил Борейко.

- Дайте-ка я вас разутешу. - И он запел "Есть на Волге утес". Сильный и в то же время мягкий бас наполнил всю комнату; казалось, что песня несется откуда-то сверху.

Борейко распелся и исполнил еще несколько песен.

- Теперь станцуем, - скомандовал он. - Кто за рояль?

Андрюша поспешил к стоящему на эстраде инструменту.

- Русскую!

Андрюша заиграл.

- Скорее, это не похоронный марш, - крикнул Борейко и, когда темп ускорился, вдруг, свистнув, пустился в пляс. Плясал он, как и пел, страстно: бешеная чечетка сменялась вихрем присядки, то пол ходил ходуном под каблуками, то танцор, как мячик, подскакивал едва ли не до потолка и затем неслышно плыл по полу.

- Эх, ну и танцует, черт! - восхищались моряки.

За русской последовал гопак, и вскоре все в зале танцевали.

После пляски всем захотелось есть, опять сдвинули столы, и вино полилось рекой.

Поезд пришел в Артур рано утром. Начинался пасмурный, серый, холодный день. На перрон высыпали пассажиры, сопровождаемые носильщиками-китайцами с чемоданами и свертками.

В числе приехавших находился высокий артиллерийский прапорщик в огромной маньчжурской папахе. Судя по его новенькой серой шинели, блестящим пуговицам и погонам, он только недавно надел офицерскую форму, которая, видимо, еще стесняла его: он то и дело цеплялся шпорами и при этом сердито чертыхался.

Его молодое розовое лицо краснело еще больше, а серые глаза под густыми бровями вспыхивали от раздражения.

Пропусти" мимо себя пассажиров, офицер подхватил на руки походную кровать-чемодан - последнее достижение тогдашней военно-походной техники, и вышел на привокзальную площадь. Ни извозчиков, ни рикш поблизости не оказалось. Приходилось идти в город пешком в сопровождении китайца-кули, несшего вещи.

Поражали пустота и тишина улиц. Прохожих почти не было, только по мостовой шагали военные патрули. Наглухо заколоченные магазины, выбитые окна, разрушенные заборы и бродячие собаки на пустынных дворах говорили о войне, разрухе и бегстве жителей из города. С начала войны прошло не больше недели, а живой, многолюдный портовый город оказался совершенно вымершим.

Уже пройдя довольно далеко по набережной, прапорщик вспомнил, что даже не знает, куда ему идти. Было еще слишком рано для явки на

службу, а гостиниц в Артуре, по его сведениям, не было. В это время на улице, торжественно восседая в маленькой колясочке, влекомой китайцем-рикшей, появился артиллерийский офицер. Прапорщик рискнул остановить его.

- Разрешите, господин поручик, узнать, где находится Управление Квантунской крепостной артиллерии?

Поручик, видимо дремавший, встрепенулся и оглядел спрашивающего.

- Вы назначены к нам в артиллерию? - вопросом же ответил он.

- Да, в крепостную артиллерию.

- Значит, к нам. Будем знакомы - Борейко. Я вас сейчас туда подвезу. Кладите в ноги вещи и садитесь рядом со мной.

- Звонарев, - представился прапорщик. - Но я, право, не привык ездить на людях, тем более вдвоем, да еще с вещами, - смутился он. - Им будет тяжело везти нас.

- Пустяки, они и не такие грузы таскают, - возразил Борейко.

Носильщик Звонарева, положив вещи в колясочку, тоже впрягся, и оба китаец бегом понеслись по ухабистой мостовой.

- Откуда вы к нам попали? - спросил Борейко.

- Из Читы, по мобилизации, - ответил прапорщик, внимательно оглядев монументальную фигуру поручика.

- И не успели там еще осмотреться, как попали к нам в Артур. Здесь, надо думать, вы пробудете несколько подольше. Война только что началась и скоро не кончится.

- Скажите, пожалуйста, почему порт-артурская артиллерия называется Квантунской? - осведомился Звонарев.

- Артур расположен на южной оконечности Квантунского полуострова.

Поскольку, помимо Артура, предполагается создать еще береговые батареи в городе Дальнем на Цзинджоуском перешейке и в других местах, - артиллерийское Управление и именуется не ПортАртурским, а Квантунским, - пояснил Борейко.

- Уныло у вас в Артуре?

- Да, красотой Артур не блещет...

Пока они разговаривали, китайцы пробежали всю набережную и небольшой, расположенный террасами, бульварчик со скудной растительностью, называвшийся в Артуре попросту "Этажеркой", и поравнялись с доком, в котором стоял большой военный корабль с пробоиной у самой ватерлинии. Сквозь нее было видно, как внутри судна вяло копошились два-три рабочих-китайца. На палубе в беспорядке были свалены какие-то вещи, искривленные лестницы, тряпки и мусор. Ни матросов, ни офицеров на корабле не было видно.

На корме корабля Звонарев разглядел выведенное золотом славянскими буквами название - Паллада". Дальше от берега виднелся массивный броненосец с двенадцатидюймовыми башнями на носу и на корме. Прапорщик по знакомым фотографиям узнал "Цесаревича". Там и вовсе не было заметно людей.

- Тут, я вижу, с работой не торопятся, - поделился своим впечатлением Звонарев.

- Еще не раскачались морячки. Больше выпивают за упокой душ потонувших, а до своих кораблей у них руки не доходят. Экипаж свезли на берег, корабли сдали в порт, а сами засели в кабаре и ресторанах. Да что моряки! Мы шесть лет владеем Артуром и тем не менее на сухом пути пока не удосужились выстроить ни одного укрепления. Темпы здесь свои - артурские. Авось война нас раскачает, - ответил Борейко.

- Но ведь это черт знает что, - возмутился Звонарев. - Это прямая измена, такими темпами вести работу во время войны!

- Нет, это проявление обычного у нас разгильдяйства, а не измена. Просто люди не привыкли спешить в работе.

Миновав доки, рикши побежали вдоль склона Золотой горы Тут у дороги находилось десятка два кирпичных зданий казарменного типа, окруженных жалким подобием палисадников.

- Это и есть артиллерийский городок, - пояснил Борейко. - Здесь склады, мастерские и Управление. Здесь же живет и наш командир, генерал Белый. Вы должны будете явиться к нему. Сперва доложите адъютанту, а он уже проводит вас к генералу, - поучал Звонарева Борейко.

Китайцы остановились около одного из зданий, над дверями которого значилось: "Управление Квантунской крепостной артиллерии".

Звонарев вылез из хрупкой колясочки и поблагодарил Борейко за любезность.

Вышедшие из Управления писарь помог Звонареву внести вещи в здание и, введя его в один из кабинетов, попросил подождать здесь прихода адъютанта, поручика Юницкого.

Звонарев от нечего делать стал рассматривать висевшие на стене схемы и карты с расположением артурских батарей. Он увидел уже знакомые по газетам названия: Ляотешань, Белый Волк, Тигровый полуостров. Золотая гора и знаменитый Электрический Утес, батарея которого, по словам официальных сообщений, перетопила уже чуть ли не половину японских судов, неизменно воскресавших, однако, в последующих сообщениях.

- Пожалуйста ваши бумаги, ваше благородие, я их тотчас доложу адъютанту, как они придут, - прервал размышления Звонарева вошедший писарь.

В соседней комнате слышались шаги, и в кабинет вошел хлыщеватый поручик с адъютантскими аксельбантами.

- Позвольте познакомиться - прапорщик Звонарев. Я назначен к вам в артиллерию.

Юницкий удивленно поднял вверх брови и сухо проговорил:

- Потрудитесь, господин прапорщик, рапортовать по уставу: каблуки вместе, руки по швам, голову выше.

- Это еще что за издевательство такое, - возмутился Звонарев, - что я вам, мальчишка какой-нибудь? Вы, поручик, еще слишком молоды, чтобы мне, инженеру, делать замечания!

Юницкий опешил.

- Это черт знает что такое! Я сейчас же доложу обо всем его превосходительству. - И адъютант выбежал из комнаты.

Через четверть часа он пригласил Звонарева к генералу.

Сверх ожидания, Белый встретил Звонарева просто и приветливо. Когда

Звонарев пытался отрапортовать ему, он пожатием руки прервал его и усадил против себя в кресло, разглаживая свои длинные, с проседью, казацкие усы.

- Вы ведь полевой артиллерист? - начал разговор генерал.

- Военскую повинность отбывал в Третьей гвардейской и гренадерской бригаде в Варшаве. Назначен к вам в вылазочную батарею, - доложил Звонарев.

- У нас ее еще нет, мы только собираемся заняться ее формированием, и неизвестно, будет ли она вообще сформирована, - проговорил генерал.

В это время в кабинет вошел Тахателов, как всегда отдуваясь и усердно вытирая пот со лба.

- Ух, жарко! Здравия желаю вашему превосходительству, - приветствовал он генерала.

- Очень кстати вы подошли, дорогой, - ласково обратился к нему Белый.

- Надо решить, куда нам деть нашего нового офицера. Он полевик, по образованию инженер-механик, по мобилизации попал к нам.

- Нам инженеров не надо. Нам артиллеристов надо. Вы береговые пушки знаете?

- Представления о них не имею.

- Вай, вай! Вы же инженер-механик? А пушка тоже машина. Вы сразу поймете ее действие. Нам, ваше превосходительство, на Электрический Утес техника послать надо. Там надо прожектор наладить, двигатель Рутьера исправить, там же лафеты надо переделать для стрельбы под большими углами возвышения. Один Гобято не справится, надо ему помощника дать, - говорил Тахателов. - Поезжайте на Утес. Самая боевая у нас батарея, день и ночь стреляет. - И полковник дружески похлопал Звонарева по плечу.

- Решено. Я назначаю вас на Утес. Сегодня же туда и отправляйтесь.

Кстати, будете подальше от моего адъютанта, а то вы сразу же, кажется, не сошлись с ним характерами, - улыбнулся Белый. - А теперь, господа, прошу ко мне завтракать, - любезно пригласил он офицеров.

Квартира Белого помещалась рядом с Управлением артиллерии, в

красивом двухэтажном кирпичном доме, расположенном на набережной, почти у самого прохода на внешний рейд.

Жена и две дочери Белого тепло встретили Звонарева, забросав его вопросами о Чите, о дороге, о семье.

За столом прапорщика посадили рядом с младшей дочерью Белого, бойкой Варей; Юницкий, который был своим человеком в доме, сел с другой дочерью Белого - Катей; Тахателов занял место рядом с хозяйкой.

- Вот и у Вари кавалер завелся, - подтрунивал над девушкой Тахателов. - Раньше она моя невеста была, а теперь изменила.

- И ничего подобного, - живо воскликнула Варя. - Вы первый мне изменили, а я только в долгу у вас не осталась.

После завтрака Звонареву подали экипаж.

- Только на Утесе страшно, - предупредила его Варя. - Японцы больше всего туда стреляют. Когда будут падать снаряды, вы хорошенько прячьтесь.

- Почему же вы сами не прячетесь от войны и не уезжаете из Артура? Разве вам здесь не страшно?

- Мы, казачки, не должны бояться войны. Моя бабушка всю севастопольскую кампанию провела с дедом. Там и пала мой родился. Мама вместе с папой переходила Балканы, теперь я посижу в Артуре. Авось наш курень японцы не разобьют, - ответила девушка.

Когда Звонарев садился в экипаж, к нему подошел Гобято, который ехал на Золотую гору.

- Вы и есть тот прапорщик, который назначен ко мне в помощь? - спросил он.

- Если вы капитан Гобято...

- Вот и отлично, поговорим по дороге о делах. На Утесе дела много.

Командир Жуковский - неплохой человек, прекрасный артиллерист, но мямля.

Зато у него там есть некто поручик Борейко, который никого и ничего не признает и всеми вертит как хочет. Сумеете с ним сработаться - хорошо, не сумеете - придется вам оттуда бежать. Есть там одно золотце

гвардейское - штабс-капитан Чиж. Этот похлеще Борейко будет, но в другом духе - ходячий устав, формалист и вообще пренебрежительный тип. Они с Борейко до известной степени уравнивают друг друга. Вам надо там быть и политиком и инженером, - поучал прапорщика Гобято. - Полюбуйтесь-ка нашим Артуром, - указал капитан на развернувшуюся перед ними панораму.

Звонарев с интересом разглядывал Артур. Справа виден был Старый город, казавшийся издали беспорядочным скоплением европейских домов и китайских фанз. За внутренним рейдом, на котором стояла эскадра, выступал Новый, чисто европейский город, с широкими, правильно распланированными улицами. Левее - громады Ляотешаня и Тигровки, прямо, внизу - длинный, узкий Тигровый Хвост, с несколькими домиками, небольшими доками и заводом Ноюкса на нем и невысокой батареей девятидюймовых пушек. Около него, в проходе, приткнувшись кормой к берегу, стоял сильно осевший на нос броненосец.

- "Ретвизан", - пояснил Гобято, - с двадцать шестого января здесь стоит. Никак моряки не могут его ввести в порт.

Полюбовавшись на широкую панораму Артура с высоты батареи Золотой горы, на стоящую в бухте эскадру, меланхолично и мирно коптившую небо, Звонарев простился с Гобято и двинулся дальше.

- Завтра я вам на месте подробно объясню, в чем будет состоять ваша работа, а пока всего лучшего. Привет Борейко. Он хотя и сумасброд, но парень неплохой.

- Кажется, он меня со станции подвез.

- Пьяный или выпивший?

- Немного пахло водкой.

- Раз с утра пьян, - значит, он и не кто другой, - улыбнулся Гобято, прощаясь с Звонаревым.

Миновав Золотую гору, экипаж быстро покатиł вниз к Утесу. Звонарев еще издали увидел выдающийся в море мыс с расположенной на нем батареей.

Через четверть часа экипаж остановился около квартиры Жуковского.

Жуковский и Борейко приветливо встретили новоприбывшего и тотчас же усадили за обед.

- Водку пьете? - спросил Борейко.

- Воздерживаюсь. Да, кроме того, я уже позавтракал у генерала.

- Напрасно, без водки в Артуре не проживешь. Ради вашего приезда можно будет сегодня пропустить лишнюю чарку. - И Борейко один за другим выпил два стакана водки, густо крякнув.

- Не довольно ли будет, Борис Дмитриевич? - обратился к нему Жуковский.

- За ваше здоровье, простите, не знаю вашего имени и отчества, - сказал Борейко.

- Сергей Владимирович, - ответил Звонарев, протягивая свой бокал. - За совместную службу!

- Правильно! Вы мне сегодня сразу приглянулись на набережной, молодой человек, а у меня на людей глаз верный, - проговорил поручик.

- Я думаю, что я едва ли намного моложе вас, Борис Дмитриевич, - улыбнулся Звонарев. - Я успел уже Окончить институт и сделаться инженером.

- Так вы инженер? Особенно приятно иметь своим сослуживцем образованного и культурного человека, - обрадовался Жуковский.

- А я-то думал, что вы, как некая у нас особа, попали к нам из гвардии, - пробасил Борейко. - Очень рад, что ошибся. Сколько же вам лет?

- Двадцать три года.

- Значит, я старше вас на целых четыре года, - вздохнул поручик.

После обеда Борейко повел Звонарева на батарею С большим любопытством осматривал прапорщик знаменитый Электрический Утес, слава о котором уже широко разнеслась. Все здесь было просто и буднично, и ничто не говорило о героической борьбе, прославившей батарею. Звонарев ожидал увидеть лихих героев, выпяченные груди, залихватски заломленные фуражки и услышать речи, преисполненные пафоса. Вместо этого он увидел солдат в потрепанных шинелишках, занятых различными хозяйственными делами. Честь они отдавали вяло,

без всякого геройского шика и далеко не производили впечатления чудо-богатырей, какими их изображали в официальных сообщениях.

- Смотри же, ребята, особенно фейерверкера, помогайте прапорщику. Он у нас "серый", пороху не нюхал и мало в артиллерии понимает, - своеобразно рекомендовал Борейко Звонарева солдатам.

Прапорщик был сконфужен такой характеристикой, но, заметив это, Борейко добродушно пояснил:

- Нет хуже, когда говоришь, что все знаешь и умеешь, а сам ничего не знаешь и не умеешь. Надо заслужить доверие солдат. Они у нас в бою работают как черти, потому что верят в своего командира. Когда же они не верят своему офицеру, как некой кривоногой гвардии, тогда дело не клеится. Вот это самое "золотце" идет, - буркнул Борейко, указывая глазами на подходившего Чиж.

- Александр Александрович, знакомьтесь. Это наш новый прапор, - представил он Звонарева Чиж.

Прапорщик назвал свою фамилию.

Бледное, истасканное лицо Чиж с тусклыми серыми глазами и торчащими вверх холеными усами сразу вспыхнуло. Приложив руку к козырьку, он резко, крикливым голосом проговорил:

- Господин прапорщик, когда вы представляетесь старшему вас в чине, то потрудитесь это делать согласно уставу и быть по форме одетым. Своим видом вы должны показывать пример солдатам. - И, не подавая руки Звонареву. Чиж пошел дальше.

- Что он у вас, часом, не из психиатрички сбежал? - спросил прапорщик у Борейко.

- Хуже, переведен сюда из гвардии за шулерство. Индейский петух, пока тихо, а стоит показаться японцам - мигом превращается в мокрую курицу. Вы это близко к сердцу не принимайте, я сам поговорю с командиром.

Ознакомившись с батареей, Звонарев вернулся к Жуковскому, который любезно предоставил ему одну из комнат своей опустевшей после отъезда жены квартиры.

- Прошу у вас извинения за грубость Чижа, - встретил его капитан. - Завтра я сам переговорю с ним об этом, а теперь рекомендую лечь спать. Пока светло, у нас обычно спокойно, зато по ночам все время воюем с японцами.

Когда ознакомитесь с нашей жизнью, включим вас в дежурство по батарее.

Сегодня же я вам желаю хорошенько отдохнуть с дороги.

Глава четвертая

Прошло дней десять со дня приезда Звонарева в Артур. Он постепенно привык к жизни на Электрическом Утесе. Утром часов в восемь, если ночь проходила спокойно, прапорщик вместе с Жуковским отправлялся в обход на батарею.

Жуковский, как хороший хозяин, сам ежедневно заглядывал во все углы и был в курсе всей жизни роты.

В роте ежедневно производилось учение при орудиях, которое вел Борейко. С присущей ему энергией и увлечением он учил солдат простейшим приемам зарядки и паводки орудий, внося собственные новшества.

- Николай Васильевич, - еще издали кричал он Жуковскому, - даю залп через две минуты десять секунд вместо пяти минут по уставу, но можно и еще ускорить. Родионов с первым взводом умудряется давать залп через одну минуту пять секунд. Думаю, что сумею добиться и одной минуты тридцати секунд для всей батареи. Скорострельная батарея будет у нас, Николай Васильевич, с моряками сможем потягаться, хотя у них все электричеством движется, а у нас вручную.

Борейко сиял от радости, солдаты стояли красные и потные от беготни, тоже радостно возбужденные.

- Умеете вы, Борис Дмитриевич, увлекаться сами и увлекать людей, - похвалил Жуковский.

- Дело артиллерийское люблю. Не поверите - ночью проснусь, и то думаю, а нельзя ли что еще усовершенствовать на батарее. Да и солдаты

помогают: недавно придумали отдельную наводку производить. Наводчик только в цель наводит, а угол возвышения придается пушке по квадранту на цапфе. Тут рядом и подъемные дуги и тормоза - очень удобно получается, только вот наводчику иногда цель закрывают. Думаю стрелу железную к цапфе привинтить, а в конце стрелы полку для квадранта устроить. Тогда стрела с орудием будет вращаться, и по ней можно придавать пушке нужный угол возвышения. И люди за бруствером будут внизу укрыты. Так миром да собором и мозгуем.

Солдаты с увлечением обсуждали различные предложения по усовершенствованию способов наводки орудий. Борейко всех внимательно выслушивал.

- Золотой человек, да сильно пьет. А как напьется, забуянит, сладу с ним никакого нет, - задумчиво говорил Жуковский о Борейко.

С батареи шли вниз в помещение для электродвигателя. Там хозяйничал старший мастерской Лебедин, до службы работавший на одном из уральских заводов смазчиком на силовой станции. В Артуре он кончил курсы подготовки электромехаников для прожекторных команд и попал на Утес. Под его командой было двое молодых солдат, до службы бывших механиками на паровых молотилках у помещиков. Они глаз не сводили со своего начальника, то хвалившего их, то награждавшего при ошибках тумаками.

Жуковский сразу же по приезде Звонарева назначил его заведовать прожекторной командой. Лебедин встретил новое начальство недружелюбно и начал с того, что разладил машину "для проверки" Звонарева, Прапорщику пришлось повозиться с регулировкой золотников и стуком в подшипниках, пока он не заметил, что все неполадки, устраненные накануне, опять возникают на следующий день. Произошел короткий, но выразительный разговор с Лебединым, и авторитет Звонарева был признан на прожекторной станции.

Из силовой Жуковский шел в кухню и неизменно тащил за собой Звонарева.

Тут обычно с утра орудовал фельдфебель Назаренко, который следил и

за качеством пищи и за правильностью раскладки хлеба, мяса, круп, лаврового листа. Официально артельным хозяйством роты ведал Чиж, но он считал ниже своего достоинства заниматься этим и целиком все передал Назаренко. Звонарев с удивлением узнал, что кислая капуста в Артур доставляется из Владивостока и ее очень бережно расходуют, что гречневая каша, как лакомство, дается солдатам только в праздники, а в прочие дни солдаты получают рисовую кашу, которую весьма не одобряют. Рыбу давали только в великий пост.

- Но ведь море-то под носом? Отчего бы не организовать рыбную ловлю и вволю кормить солдат свежей рыбой, а не интендантской полупротухшей солониной? - удивился Звонарев.

- Нет у нас ни лодок, ни сетей. Да кто их знает, какая здесь рыба ловится. Покупаем иногда у китайцев, а сами рыболовством не занимались, - уклончиво ответил Жуковский.

- Вернее, желания не было. Если бы Борейко взялся за это дело, то, верно, пошло бы, - возразил Звонарев.

- Уж ежели поручик возьмется, то, верно, что-нибудь да будет, - беда или дело - неизвестно, а только просто не обойдется, - вставил Назаренко.

Жуковский, Борейко и Звонарев завтракали вместе. Чиж - отдельно, у себя. С первого же дня отношения Звонарева с Чижом приняли чисто официальный характер. Жуковский сперва пытался сгладить эту натянутость, но затем бросил, предоставив времени наладить это щекотливое дело.

На батарее трубач заиграл тревогу. Одеваясь на ходу, прапорщик побежал к орудиям. Дежурный взвод под командой Чижа уже готовил свои орудия к стрельбе.

С моря знакомо рявкнули пушки "Ретвизана", слева, шипя и урча, пронеслись первые японские снаряды и пролетели куда-то в тыл, в город. Чиж, мелькнувший было около дальномерной будки, спешно юркнул в каземат, как только подошел Жуковский; Борейко с секундомером в руках ругал кого-то за медленность наводки орудия.

Все это было уже знакомо Звонареву, и он занял свое обычное место

между крайними левыми орудиями. Тут же, невдалеке, с карандашом и записной книжкой в руках расположился Родионов, на ходу записывая прицел и целик.

Неожиданно один из японских снарядов, видимо на рикошете, разорвался с оглушительным грохотом над батареей, осыпав все вокруг тысячами осколков.

Где-то звякнуло разбитое стекло, затаивал внизу у кухни Шарик, испуганно закудахтали разгуливавшие по двору куры.

Шурка, простоволосая и неодетая, выскочила на двор и стала спешно снимать сушившееся белье.

- Тю его, хай ему грец! - выругался Родионов, оглядываясь на падающие осколки.

На батарее остро запахло неприятным запахом мелинита.

- Никак, адмирал Того дух пущает, - сострил кто-то из солдат.

Новая очередь японских снарядов заставила солдат укрыться в нишах и погребках.

Стрельба продолжалась недолго: не успела батарея дать пять или шесть залпов, как японцы ушли в море.

Жуковский не торопясь спустился с бруствера, обмениваясь впечатлениями с Борейко.

- Все же чаще чем через три минуты сегодня залпов батарея не давала.

Второй взвод Лепехина, черт бы его побрал, возился очень. Завтра с утра я их поманежу, они у меня зашевелиятся, - волновался поручик.

- И три минуты на залп не плохо, - утешал его Жуковский.

Чиж, выйдя из каземата, смотрел в бинокль на уходящих японцев.

- Удивительный вы человек, Александр Александрович, - ехидно обратился к нему Борейко. - Хоть бы раз любопытствовались посмотреть на Того, когда он близко около нас.

- Я не принадлежу к числу любопытных, - отшучивался Чиж.

- Что вы, собственно, в каземате во время боя делаете? - вдруг в упор спросил Жуковский.

- Снаряды считаю, - не моргнув глазом, ответил Чиж. - Кроме того, от

грохота стрельбы у меня так разбаливается голова, что я ничего не соображаю целый день потом.

- Вы бы ватой уши затыкали, а то, знаете, все же неловко получается - офицер и вдруг из каземата не вылезит, - журил Чиж Жуковский. - Смотрите, прапорщик - и тот по батарее ходит, а не прячется.

- Прапорщик мне не указ, - буркнул Чиж.

- Нет, я вас прошу во время боя в каземате не сидеть, а находиться на взводе, как полагается, - уже строже закончил Жуковский.

- Слушаюсь, господин капитан, - официально вытянулся Чиж.

Солдаты весело гурьбой побежали вниз к казармам, награждая друг друга шутливыми пинками и тумаками. Заяц с разгона вскочил на спину одного из наводчиков и, гарцуя на нем, орал в подражание Борейко:

- Батарея, слухай мою команду! Наводить прямо в... японского адмирала Тогова!

- Вот сукин сын! - добродушно смеялся Борейко.

- Есть сообщение, что с темнотой наши миноносцы выйдут в море на поиски.

Не обстреляйте их, Сергей Владимирович, ночью, - предупредил Жуковский. - Вам ведь сегодня дежурить.

С наступлением темноты Звонарев, потеплее одевшись, захватив бинокль, с керосиновым фонарем в руках отправился на батарею.

Дежурный взвод размещался в каземате на батарее. Сводчатый до самого пола бетонный каземат вмещал около сорока человек. Вдоль стен были сделаны нары в два яруса, одетые солдаты вповалку лежали на них, перебрасываясь редкими фразами. В проходе, посередине, под висящей с потолка лампой, стояли стол и несколько табуреток. За столом солдаты играли в шашки.

Приход Звонарева заставил всех вскочить. Родионов подошел к прапорщику и доложил, что первый взвод в составе сорока двух человек, при трех фейерверкерах, выделен для ночного дежурства на батарее.

Чтобы не стеснять своим присутствием солдат, Звонарев поспешил выйти из каземата с Родионовым. Они прошли к орудиям, проверили их

готовность к стрельбе, наличие снарядов около них, подошли к прожектору, установленному саженьх в пятидесяти от батареи на бетонированной площадке. С моря шел туман. В темноте, внизу, глухо шумел прибой. Весь берег тонул во мраке, и только у прохода одиноко маячил прожекторный луч, пытаясь пробиться через мглу. Вернувшись на батарею, Звонарев ушел в небольшой, похожий на нишу, казематик для дежурного по батарее офицера. Там помещались походная кровать, крохотный столик и табуретка. Помещение скудно освещалось керосиновой коптилкой. Тут же стоял полевой телефон для связи с квартирой Жуковского и канцелярией роты в казарме.

В солдатском каземате около стола собралось несколько человек - Родионов, Лебедин, Заяц, Белоногов, шепотом ведших беседу. Как водится, ругали начальство и свою солдатскую жизнь.

- Только и думают, как бы изувечить или погубить солдат, сволочи! - Подожди, кончится война, разборка всему будет. Спросят тут и с них, как они воевали и что делали.

- Пока спросят, нас в живых не будет.

- Нас не будет, другие останутся. Пока мужик будет, будет и солдат. Те и спросят с чижей.

- Малая в том утеша. Надо мной Чиж измывался, а кто с него спросит, мне неизвестно.

- Почем знать, может, и ты, Заяц, сам с Чижа спросишь. Поживем - увидим.

В это время в каземат вбежал сигнальщик.

- К орудиям, японцы у берега плывет! - громко закричал он.

- Выходи к орудиям, номерки! - рявкнул за ним Родионов.

Все ринулись к выходу. Около пятидесятимиллиметровых пушек уже маячили в темноте фигуры Борейко и Звонарева.

- Копаются, черти полосатые! - кричал Борейко.

С дальномера выкрикивали дистанцию до видневшегося трехтрубного миноносца.

- Тысяча пятьсот! Тысяча четыреста восемьдесят! Тысяча четыреста

шестьдесят!

- Гранатой прицел семьдесят! Два патрона, огонь! - скомандовал Борейко.

В бинокль были видны всплески воды от снарядов. Миноносец продолжал идти тем же курсом, не сбавляя хода. Вдруг на нем засигналили огнями.

- Что за черт, не наш ли? - опешил Борейко.

- А что обозначают эти сигналы? - спросил Звонарев.

- Кто их знает; моряки понимают, а мы нет. Надо думать, просят прекратить огонь.

- Соседние батареи молчат. Должно быть, наш.

- Почему же идет со стороны Дальнего?

- Возвращается с моря.

- Рано еще - начало первого, и потом один... - недоумевал Борейко.

Пока разбирали - чей же миноносец, он успел подойти к "Ретвизану" и выпустить в него две мины. С Утеса видели вспышки минных выстрелов на миноносце.

- Японец, сучий сын! Огонь, три патрона, беглый огонь! - не своим голосом кричал Борейко.

С "Ретвизана" загрохотали пушки, к ним присоединились соседние батареи.

Весь берег запылал огнями, но японец уже полным ходом уходил в море, скрываясь в ночном тумане.

- Прохлопали. Обдурили нас япошки своими сигналами. Все наше незнание этих самых морских сигналов! Стреляйте по всем судам, которые ночью без огней на море увидите. Наши должны с опознавательными огнями идти, - распорядился Борейко.

- Тогда их в темноте японцы тоже заметят, - возразил Звонарев.

- Должны же моряки как-нибудь авать нам знать, что это наши суда, а не японские. Ерунда одна получается. Телефон ненадежен, сигналов нет. Пусть бы моряки дали на каждую батарею по своему сигнальщику. Тогда бы и мы их сигналы разбирали. Завтра обо всем этом по команде подам рапорт Белому, - решил Борейко, уходя с батареи.

Солдаты вернулись в каземат, Звонарев к себе. Только дежурные и дневальный тревожно всматривались в темноту ночи. Под утро поднялась тревога: на рейде обнаружилось три или четыре миноносца, полным ходом уходящие в море.

Звонарев, памятуя указание Борейко, энергично обстрелял их. За Электрическим Утесом открыли огонь и другие батареи.

Концевой миноносец оказался подбитым" и запарил. В это время на Золотой горе взвилась ракета, что служило сигналом прекращения огня. Стоявшие у входа суда подошли к поврежденному миноносцу и взяли его на буксир.

- Ваше благородие, да это наш миноносец. Смотрите, с него снимают раненых на катер! - с ужасом проговорил Родионов. - Японца прозевали, а своего едва не утопили.

Звонарев чуть не лишился чувств от сознания совершенной им ошибки. Из порта навстречу поврежденному кораблю подошли спасательные суда и начали его осторожно вводить на внутренний рейд. Сомнений больше ни у кого не было.

- Поди есть там и раненые и убитые нами. Не одна баба в деревне взвояет по мужику, которого мы сегодня загубили по дурости своей, - резонерствовал наводчик Кошелев.

Звонарев был в отчаянии. Он признавал свою вину и вину начальства, не наладившего связь берега с флотом.

- Вы, ваше благородие, не журитесь шибко, - убеждал его Родионов. - Нашей вины тут нет, приказали стрелять, мы и стреляем. Тут и днем на море не поймешь, где японцы, а где наши, а ночью и подавно.

Прапорщик был очень благодарен Родионову за его ободрение. Солдаты молча шли рядом, изредка громко вздыхая.

- Наделали делов, напекли пирогов, только от них самим тошно, - мрачно бурчал Белоногов.

Как ни старался Звонарев уверить себя в своей правоте, это ему не удавалось. В волнении он до самого утра прошагал на батарее и, чуть наступило утро, пошел с докладом к Жуковскому.

- Стоит из-за пустяков волноваться, Сергей Владимирович, - спокойно проговорил Жуковский, выслушав расстроенного прапорщика. - На войне без ошибок не обойдешься. Надо только их учесть на будущее время. Днем, верно, все узнаем от Управления артиллерии.

- Разрешите мне самому туда съездить с рапортом о происшедшем.

- Пожалуйста, но, по-моему, ничего особенного не произошло. Вы не виноваты, просто несчастная случайность, которая может произойти с каждым.

Звонарев на ротной лошади вместе с артельщиком поехал в Управление артиллерии. Стояла неприятная, пронизывающая сырость, напоминавшая Звонареву Петербург. Он "ежился в своей шинели, чувствуя озноб и от холода и от все еще не прошедшего волнения.

Один Борейко, которого он мельком видел утром, неожиданно понял его.

- Хотя вы не виноваты юридически, но все же я вас понимаю и сочувствую вам. Я, верно, с горя бы напился и набезобразничал, но вам этого делать не рекомендую.

В Управлении Звонарев прежде всего увидел писаря Севастьянова, знакомого по первому дню приезда. Он радостно, как со старым приятелем, поздоровался с ним за руку, забывая, что по уставу этого делать нельзя.

Писарь украдкой оглянулся - не видел ли кто рукопожатия, - и затем сразу же сообщил:

- Не извольте беспокоиться, на "Страшном" только двое легко ранены, остальные целы, попортило малость машину, но через два-три дня все будет исправно. Генерал во всем винит моряков и уже поджидает вас, чтобы подробности узнать.

Звонарев горячо поблагодарил писаря и Прошел к Белому. Юницкий встретил его холодно-вежливо и иронически поздравил с успехом в борьбе с "русским флотом".

Звонарев едва не наговорил ему дерзостей, но появление Тахателова заставило его замолчать.

- Нехорошо, душа мой, но бывает и хуже, - перебил полковник доклад

Звонарева. - Пойдем к генералу, он уже ожидает вас.

Белый, как всегда молчаливый и сдержанный, выслушал все спокойно и заявил, что считает Звонарева совершенно правым.

- Плохо, что японца прозевали. Говорят, он сигнал поднял "Предлагаю сдаться в плен", а вы и замолчали, будто поняли и решили сдаваться.

За неизбежным завтраком у генерала Звонарев опять увидел Варю. Девушка была в курсе всего и сообщила ему то, что он уже знал от писаря.

- Севастьянов мне все рассказал, так как я думала поехать к вам на Электрический. Надо там перевязочный пункт Красного Креста организовать.

Хочу привлечь жену и дочь вашего фельдфебеля - они ведь одни у вас из женщин остались. Пройдут месячные курсы и смогут работать на пункте.

- Шурка, может, и пойдет учиться, хотя она, кажется, не особенно грамотная, но мать ее в сестры не подойдет - разве в санитарки.

- Пусть хоть так работает - и это будет нужно, если война разгорится.

Дочку же обязательно вытяну сюда. Тут со всех батарей соберутся женщины, и мы вместе будем учиться.

- А мужья-то как? - удивился Звонарев.

- Останутся с денщиками. По воскресеньям будем отпускать их домой, как из института, - весело смеялась Варя.

Звонарев взял на себя переговоры с Шурой Назаренко. Возвращался он на Электрический Утес вместе с гарнизонным священником, который должен был проводить говение солдат.

Попик, еще не старый, маленький и волосатый, с елейным личиком, взобрался на линейку, поднял воротник объемистой шубы и в полном молчании доехал до Утеса.

- У вас, кажется, частенько постреливают? - спросил он Звонарева уже у самой батареи.

- Да, но больше по ночам.

- Постараюсь в две-три службы управиться со всеми, - деловито пробурчал поп.

Жуковский приветливо встретил гостя и пригласил к обеду. Борейко воспользовался случаем выпить лишнюю рюмку водки за обедом и заодно подпоил священника. Как ни упирался поп, но Борейко заставил его выпить три больших рюмки. Гость явно захмелел.

- Как я служить-то буду пьяный? - заскулил поп.

- Какой же вы, батя, иерей, если не пьете? В Холмской семинарии, где я учился, протодьякон перед службой нарочно напивался, чтобы голос был басистее. По пьяному делу и служить будет веселей. Раз, два и оттарабаните все, что полагается. Если запнетесь, я вам подскажу. До сих пор все великопостные службы на память помню.

- Душевно рад, что вы так сведущи в церковных службах. Попрошу оказать мне, грешному, помощь, наладить хоровое пение, - попросил поп.

Вечером в казарме устроили нечто похожее на походную церковь. Попик облекся в епитрахиль и начал службу.

Борейко во главе наскоро набранного хора изображал регента. Солдаты, сдвинув койки к стенам, стояли чинными рядами, подтягивая хору. Назаренко с причетником бойко торговал свечами. Шурка с матерью стояла сзади, усиленно крестясь.

Попик, еще не вполне протрезвившийся, служил, запинаясь и путаясь, зато Борейко старался изо всех сил, руководя хором.

Служба сошла гладко. Поп рассыпался в благодарностях Борейко.

Расхрабрившись, он решил остаться до утра на Утесе.

За ужином Борейко опять напоил его.

Перед сном Звонарев, как всегда, прошелся по батарее. Ночь опять была мгlistая, туманная. Дежурил второй взвод Лепехина.

Заглянув в солдатский каземат, Звонарев увидел Лепехина с толстой Библией в руках. Вокруг него собралось человек десять солдат, таких же солидных бородачей. Они внимательно слушали торжественное чтение взводного. Подойдя ближе, Звонарев разглядел на Библии старообрядческое двуперстие.

- Что читаете? - спросил он.

- Душеспасительное, великопостное - деяние апостолов, - не моргнув глазом, ответил Лепехин.

- В старообрядческом изложении?

- Бог один, ваше благородие, по-всякому его можно славить, лишь бы душа была чиста и непорочна, - примирительно отозвался Лепехин.

Звонарев не стал спорить и вышел из каземата.

На обратном пути у своей квартиры прапорщик неожиданно наткнулся в темноте на Шурку. Девушка дичилась его и, встречаясь, всегда торопливо уходила. Вспомнив о поручении Вари Белой, Звонарев окликнул Шурку.

Выслушав предложение, Шурка глубоко вздохнула и, немного помолчав, ответила:

- Я бы с радостью учиться пошла, да тятенька с маменькой не пустят, а особенно Вавила Пафпутыч сердчать будет.

- А Пахомову-то до этого какое дело? - спросил Звонарев.

- Просватана я за него.

- Люб он, что ли, очень вам?

- Какое люб! Глаза бы мои не глядели на его противную рожу.

- Зачем же тогда идете за него?

- Родители велят. Они боятся Пахомова, особенно папаня; он, слышно, у жандармов служит, - тихим голосом проговорила девушка. - Как выпьет, начнет бахвалиться: кого захочу, на вечную каторгу в Сибирь упрячу! Его сам Стессель-генерал знает. Вон он какой, даром что писарь. Не знаю, как и быть мне. И учиться в охотку, и не пустят меня отсюда, - грустно вздохнула Шурка.

- Где ты по ночам шляешься! - громко "окликнули Шурку, и она мгновенно исчезла в двери.

Утром попик встал с такой головной болью, что совсем не смог служить.

Солдаты давно собрались в казарме и ждали начала богослужения.

- Опохмелитесь, батя, и все как рукой снимет, - уговаривал Борейко.

- Отыди от меня, сатана, - злобно шипел поп. - Напоил отца своего духовного и насмеялся над ним. Проклинаю!

- Не страшно, батя. Лучше выпейте и айда на службу - солдаты ждут. Узнает генерал, вам может влететь, - пугал его поручик.

Испуганный поп поспешил выпить поднесенный ему Борейко стакан водки.

Почувствовав себя лучше, он бодро отправился на богослужение. Сперва все шло хорошо, но затем попа начала одолевать икота.

- Мир-ик-ом гос-ик-поду пом-ик-олимся, - икал попик.

Солдаты смешливо загудели. Это обидело священника, и он от волнения икал еще больше. Выпитая натошак водка в теплом помещении туманила голову, и язык стал заплетаться. Шум среди солдат усилился.

- Распустите людей. Выведите их на батарею, - приказал Жуковский Борейко.

- А батюшку отправьте на квартиру отдохнуть.

Солдаты весело балагурили по поводу случившегося. Заяц тотчас изобразил икающего попа - Лебедкин вторил ему, Лепехин неодобрительно качал головой и все повторял:

- Суета сует и всяческая суета, томление духа, силен в нас еще князь тьмы - вельзевул.

Чиж возмущался не столько поведением попа, сколько солдатами.

- Туда же, хамские рожи, на смех подняли своего духовника. Да их всех тут следовало бы перепороть, мерзавцев, чтобы знали, как над духовным отцом смеяться. Завтра же об этом сообщу мадам Стессель, она сумеет принять нужные меры!

- При чем же здесь солдаты? - спросил Жуковский.

- Дисциплинированные солдаты и виду бы не показали, что заметили неладное. Это вы, Николай Васильевич, виноваты, уж очень миндальничаете с солдатней, распускаете их.

Пасмурная с утра погода днем прояснилась, и на море показались дымки японской эскадры. Все поспешили на батарею. Японцы пустили по направлению к Артуру несколько быстроходных крейсеров, которые, подойдя к берегу, с дальней дистанции открыли огонь по внутреннему рейду и городу. Шестидюймовые снаряды с легким свистом пролетали

над Электрическим Утесом, устремляясь на Золотую гору, в порт и город.

- Николай Васильевич, разрешите мне дать зал пдругой по японцам? - спросил Борейко.

- Стоит ли? Суда маленькие, быстроходные, попасть в них трудно, только снаряды будем зря расходовать, - возражал Жуковский.

- Я хочу проверить свои новые таблицы стрельбы; я учел в них ветер, плотность воздуха и даже высоту прилива.

- Что же, дайте два залпа. Посмотрим, что у вас выйдет, - согласился Жуковский.

Борейко вытащил целую кучу таблиц, что-то по ним прикинул, послал к себе на квартиру узнать показания барометра, укрепил некое подобие вертушки Вильда, внимательно посмотрел на секундомер и наконец скомандовал прицел и целик.

- Наводить, как я вас учил, следить за целью до момента выстрела, - предупреждал он солдат.

Солдаты кропотливо возились у пушек. Взводные и орудийные фейерверкеры, видимо заинтересованные результатами опыта, тщательно проверяли наводку.

Не успел отгреметь первый залп, как Борейко, не дожидаясь определения его результатов, скомандовал новый прицел и целик. Это сократило время между залпами почти на целую минуту. Жуковский удивленно посмотрел на Борейко.

- А если потребуется скорректировать залп? - спросил он у поручика.

- Корректировать не потребуется. Покрытие обеспечено. В этом и состоит особенность моего метода, - ответил тот.

- Падает! - закричал сигнальщик.

Все вскинули бинокли к глазам и увидели, как на головном трехтрубном крейсере взвилось темное облачко, а когда его отнесло ветром в сторону, то обнаружилось, что на том месте, где стояла передняя труба, ее уже не было, и только черный дым клубами вырывался наружу.

- Два попадания, один перелет, два недолета! - доложил сигнальщик.

- Прекрасно! Попробуйте еще, - обрадовался Жуковский.

Грянул второй залп.

- Две минуты двадцать секунд, - отметил время между залпами Борейко. Японцы, видимо не ожидавшие сразу попасть под накрытие, продолжали еще некоторое время идти прежним курсом, но затем стали быстро поворачивать. Тут их настиг второй залп. Опять было отмечено одно попадание в головной корабль. Японцы спешно легли на обратный курс и стали удаляться заметно уменьшенным ходом.

Пока они вышли за пределы досягаемости, Борейко успел дать еще один залп.

Результаты опять были хорошие: два снаряда попали в концевой корабль, вызвав на нем пожар.

- Разрешите скомандовать отбой? - официальным тоном спросил Борейко, радуясь своим успехам.

- Пожалуйста! Поздравляю вас с превосходно проведенной стрельбой. Сочту своим долгом сегодня же донести об этом Белому и Стесселю, - рассыпался в любезностях Жуковский.

- Разрешите мне поблагодарить солдат, - попросил Борейко и, получив разрешение, во" всю силу своих богатырских легких закричал: - За сегодняшнюю молодецкую стрельбу спасибо, братцы!

- Рады стараться! - ответили солдаты.

- Веем от меня по чарке водки.

- Покорнейше благодарим!

- И от меня тоже, - добавил Жуковский.

- Покорнейше благодарим!

- А теперь не грешно и нам пропустить чаркудругую, - пробасил Борейко, направляясь вниз с батареи.

О попе все позабыли, а он при первых же выстрелах кинулся бежать в город, на ходу осеняя себя крестом. Причетник едва поспевал за ним.

Вечером Борейко отпросился в город, уговорив ехать и Звонарева.

- К десяти часам оба будем дома, - уверял он. - Проведаем морячков со "Страшного", как они поживают после столь удачного нашего обстрела, - шутил он.

"Страшный" оказался в доке, а все офицеры на берегу. Борейко повез Звонарева по всем значным местам, но ни в ресторане "Саратов", ни в "Звездочке", ни в "Варьете" они никого не нашли. Один из знакомых моряков посоветовал заглянуть к Риве и указал ее квартиру.

Появление артиллеристов сперва несколько смутило Риву, так как у нее были Дукельский, Малеев, Акинфиев и другие моряки, но Борейко так дружески приветствовал лихого лейтенанта, что ее опасения мгновенно исчезли.

- Позволь тебе, Георгий Владимирович, представить нашего прапорщика, искуснейшего стрелка по русским миноносцам. Бьет по ним без промаха днем и ночью, что могут засвидетельствовать представители "Страшного".

Звонарев готов был обидеться в ответ на это замечание, но Дукельский весьма вежливо приветствовал его.

- Я не сомневаюсь, что господин Звонарев с еще большим успехом стреляет по японским миноносцам. Думаю, что Малеев и Акинфиев разделяют мою точку зрения.

- Вполне, - присоединились мичман и лейтенант.

- Значит, все в порядке. Не перекинуться ли нам в банчок, Боря? - предложил Дукельский. Малеев, Борейко, Сойманов и Дукельский сели за карты, а Звонарев с Акинфиевым поместились на диване.

Звонарев стал расспрашивать о пострадавших на "Страшном".

- Больше всего пострадал сам миноносец, вы чуть ли не первым же снарядом повредили рулевое управление, а затем проббили холодильник в машине. Слегка обожгло двоих в машинном отделении, - сообщал Андрюша. - Хуже то, что вы, видимо, не знаете наших сигналов. Мы все время показывали свои позывные и просили прекратить огонь, а батареи, наоборот, еще сильнее стали нас осыпать снарядами. За это мы вас здорово ругали.

- Быть может, вы сможете нам прислать сводку ваших сигналов, чтобы мы в них разбирались?

- Это не так просто. Проще прислать вам на батареи для связи хотя бы по

одному матросу-сигнальщику. Сигнализация у нас довольно сложная, и ее скоро не выучишь.

- Давайте, Андрей Михайлович, заключим с вами союз берега с флотом, будем друг другу, в чем можем, помогать и прежде всего наладим прочную связь между собою. Пусть там штаб и начальство как хотят, так и делают, а мы, молодежь, потеснее свяжемся друг с другом.

- Идет! Я думаю, что все здесь присутствующие присоединятся к нам.

- В чем дело? - спросил Дукельский.

Акинфиев пояснил.

- Недисциплинированный вы юноша, мичман. Для чего же тогда штабы существуют, если связь помимо них пойдет?

- Для того чтобы всегда и всюду, на море и на берегу, вносить путаницу, - внушительно проговорил Борейко.

Все дружно расхохотались.

- Увы! Ты прав, Борис. Хотя и я флаг-офицер, но далеко не поклонник штабов.

- Так вы к нашему союзу присоединяетесь? - наседал на Дукельского Акинфиев.

- Готов помочь чем могу и установить прямую связь, хотя бы сперва только с Электрическим Утесом, - согласился лейтенант.

- Заключение союза необходимо вспрыснуть, - вставил Борейко.

- Всему свой черед. А пока что перекинемся в картишки.

Началась игра.

Звонарев с любопытством рассматривал небольшую, со вкусом обставленную квартиру и хозяйку, хлопотавшую около стола.

- Андрюша и вы, простите, не знаю, как вас зовут, помогите мне накрыть на стол, - попросила их Рива.

Оба молодых человека направились в столовую.

- Вы у нас недавно? - спросила Рива Звонарева.

- Две недели.

- С Борейко на Электрическом? Там, говорят, ни днем, ни ночью покоя от японцев нет. Все время стреляют. Должно быть, очень страшно? Не

правда ли? - болтала Рива.

- Я думаю, что у вас в городе гораздо страшней, - возразил Звонарев. - У нас бетонные казематы, куда мы можем спрятаться от снарядов, а вы ничем не защищены здесь.

- Я сперва в погреб пряталась, да там у нас мыши. Я их больше японцев боюсь. Теперь сижу у себя и думаю - будь что будет! У вас я бы со страху умерла, а здесь как-то не страшно. Кажется, никогда сюда снаряд не попал - улыбнулась Рива. - Борейко, верно, храбрый?

- Очень храбрый, всегда на бруствере торчит, чтобы солдаты видели и сами не пугались.

- Вы - инженер-механик? - спросил Андрюша. - Отчего же попали не во флот, а в крепость?

- Я, можно сказать, и моря настоящего до Артура не видел, судовых машин не знаю вовсе. Отбывал воинскую повинность в артиллерии, вот и попал в крепость.

- Значит, вы ученый инженер, а не простой офицер, - заметила Рива.

- Чем же офицеры хуже инженеров, Ривочка? - спросил Акинфиев.

- Офицеры умеют только воевать, а война бывает не всегда. А инженеры и доктора - они всегда нужны.

- Измена! Рива передалась стрюцким, - кричал Акинфиев. - Не хочет больше знать офицеров.

- Не кричите и не преувеличивайте, пожалуйста, Андрюша. Я совсем этого не говорила, - возразила Рива.

За ужином пили умеренно, даже Борейко. Дукельский тянул через соломинку коньяк и изредка чокался с гостями.

Рива и Куинсан одновременно подавали и угощали всех. В общем, походило на добропорядочный семейный вечер в семье среднего достатка. Звонарев продолжал наблюдать за Ривой, восхищаясь ее тактом и умением держаться.

После ужина стали прощаться. Дукельский с Ривой провожали гостей, как хорошая супружеская чета.

- Милости просим к нам на Электрический Утес, - приглашал всех

Борейко. - Сговоритесь, друзья, и звякните накануне, чтобы мы могли с честью встретить дорогих гостей.

Моряки подвезли артиллеристов на катере до Золотой горы, откуда Борейко с Звонаревым пешком отправились на Электрический Утес. Жуковский, ожидавший на батарее, слегка поворчал на них за опоздание.

Наутро Борейко проснулся рано, совершенно трезвый, в очень скверном настроении: хотелось водки, но ее не было - вчера он забыл - купить в городе. Раздражение охватило поручика. Он крикнул денщика и послал его за спиртом к ротному фельдшеру.

- Скажешь Мельникову, чтобы выдал бутылку из неприкосновенного запаса.

Днем я верну, - распорядился Борейко

Пока денщик бегал исполнять приказание, поручик оделся и решил побывать в ротной кухне. Ему, собственно, не было никакого дела до нее, так как артельным хозяйством ведал не он, а Чиж, но от солдат он узнал о злоупотреблениях артельщика и теперь решил лично его проверить. Появление покойника меньше испугало и удивило бы артельщика, чем появление Борейко.

- Здорово, - буркнул он солдатам. - Сколько на довольствии?

- Двести сорок человек.

- Какая порция мяса?

- Тридцать два золотника на человека.

- Так всего, значит, восемьдесят фунтов - два пуда. Вынимай мясо из котла и клади на весы.

Артельщик и кашевар бросились исполнять приказание.

- Взвешивай, - приказал Борейко дежурному по кухне. - Сколько? - Один пуд двадцать пять фунтов, - доложил дежурный.

- Где остальное? - повернулся Борейко к кашевару.

Тот мигал глазами и растерянно молчал.

- Живо подавай остальное! - закричал Борейко.

- Тут для господина фельдфебеля кусок с костью.

- Взвесь.
- Пять фунтов три золотника.
- Клади в общую кучу. Где еще десять фунтов?
- На ужин, вашбродь, в кладовке.
- На ужин еще по шестнадцать золотников полагается. Тащи сюда.

Принесли еще пуд мяса.

- Из-под земли, но чтоб мне были десять фунтов! - ревел в бешенстве Борейко.

Артельщик куда-то сбегал и принес недостающее мясо.

- Воруешь, сволочь! Солдат обираешь! - накинулся на него поручик.
- Никак нет, я... - начал было артельщик, но Борейко ударил его кулаком в лицо. Солдат охнул и схватился на лицо руками, между пальцев показалась струйка крови.

Озверевший офицер еще раз так ударил артельщика кулаком по голове, что тот упал на пол.

- Позвать сюда фельдфебеля, - распорядился Борейко.
- Так они еще спят, - заикнулся дежурный по кухне.
- С кровати стащи, но чтобы сейчас был здесь, - орал Борейко.

Дежурный исчез.

- Клади все мясо в котел, - приказал кашевару Борейко. - Принеси проволоки, сам закрою крышку котла и запечатаю. А его, - указал он на артельщика, - отлить водой.

Раздражаясь все более, поручик вышел на двор и стал ждать Назаренко. Прошло минут десять, пока наконец тот вышел из своей квартиры и, застегиваясь на ходу, подошел к Борейко.

- Воруешь, негодяй! - накинулся на него поручик. - По пять фунтов мяса из котла берешь?
- Я, ваше благородие, беру не только на себя, но и на Пакова, - начал оправдываться перетрусивший фельдфебель.
- Значит, ты не приказывал артельщику оставлять тебе мясо? Сейчас разберу все на месте.

На кухне артельщик и кашевар подтвердили, что отложили мясо по

приказанию Назаренко.

- Врут, ваше благородие, как перед истинным, врут, - бормотал Назаренко.

- Дежурный по кухне сам приказывал отложить, - настаивал артельщик.

Позвали дежурного. Тот растерянно смотрел то на Назаренко, то на артельщика, то на Борейко.

- Фельдфебель приказывал тебе оставить ему мясо?

- Так точно... никак нет, не могу знать, - бестолково бормотал солдат.

Борейко ткнул его кулаком в лицо.

- Ну, приказывал или нет, сукин сын?

Дежурный только беззвучно шевелил распухшими губами.

- Отвечай, стерва! - замахнулся опять Борейко.

- Так точно, приказывали отложить мясо и чтобы сахарная косточка была, - наконец выдал из себя солдат.

- Слышал, старый вор? - обернулся поручик к фельдфебелю.

- Врет, все врёт, по злобе на меня, - оправдывался Назаренко.

- Сам ты врешь! - заорал Борейко в бешенстве.

Солдаты, бледные от страха, окаменели на своих местах. Избиваемый Назаренко только вскрикивал под градом сыпавшихся на него ударов.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в кухню не вошел Родионов.

Мгновенно поняв происходящее, он обхватил Борейко за талию и стал оттащить от Назаренко.

- Ваше благородие, да оставьте его, а то до смерти убьете, - уговаривал он озверевшего поручика.

- Ты чего не в свое дело суешься? - накинулся на него Борейко.

- Вам же, ваше благородие, за него, за гада, отвечать придется, он того не стоит, чтобы за него отвечать, - продолжал уговаривать Родионов.

Поручик стал приходить в себя, посмотрел на окровавленного фельдфебеля, на избитых им солдат и глухо проговорил:

- Назаренко отвести домой, прочим сволочам умыться, - и вышел из кухни.

Как только дверь за ним закрылась, солдаты бросились помогать фельдфебелю.

Назаренко охал и стонал, отчаянно ругая Борейко.

- До самого генерала дойду, а на него управу найду! Двадцать лет на сверхсрочной и никогда не видывал и не слыхивал, чтобы так фельдфебелей били, да еще в присутствии солдат. Это ему не пройдет. Шалишь, до генерала Стесселева дойду, а его под суд упрячу, - плаксивым голосом грозился фельдфебель. - А ты, сука, что, - обернулся он вдруг к кашевару, - не мог сразу сказать, что это на десять человек, а не на одного меня. Ах ты, стерва! - И, забыв свои раны и побои, фельдфебель бросился на кашевара. Тот попытался защищаться, но Назаренко ударил его по голове черпаком, а затем ногой в живот. Кашевар охнул и присел на землю.

- Будешь знать, как своего фельдфебеля подводить. И вам тоже я попомню это! - пригрозил Назаренко артельщику и дежурному по кухне.

- Идите-ка лучше домой, Денис Петрович, умойтесь да встряхнитесь, - проговорил Родионов.

- Это я-то, по-твоему, гад? Смотри, как бы нашивочки твои не слетели бы, как я командиру про дела первого взвода доложу, - окрысился вдруг Назаренко.

- Ты думаешь, не знаю, какие вы там книжки по ночам читаете? За это по головке не погладят.

- Да я же вас от смертоубийства спас, - иронически заметил Родионов, - а вы же на меня лаетесь.

- Лаетесь! Что я тебе, пес брехливый, чтобы лаяться? "Он того не стоит". А ты, дерьмо всмятку, много стоишь? Тьфу на тебя. - И фельдфебель вышел из кухни.

- Чего это Медведь на вас набросился? - спросил Родионов у оставшихся на кухне солдат.

- Попритчилось, что мясо ворует, ну и пошел по мордам хлестать, что по своей балалайке, - мрачно буркнул артельщик. - С вашего же взводу, должно, Медведя на нас напустили. - Сами, ребята, виноваты. Сколько

раз я вам говорил: бросьте вы ваше жульничество, обижаются солдаты, а вы все свое - нам наплевать, с нами сам фельдфебель. Вышло, что и фельдфебель от Борейко не спасет. Поди командиру на вас рапорт подаст, под суд пойдете.

- Где же правда? Нас бьют да еще под суд хотят отдать, - возмутился артельщик.

- Не воруй, тогда и бить не будут, - сурово ответил Родионов. - А сейчас сами на себя и пеняйте.

- Офицерский холуй, - выругался артельщик.

- Мало тебе поручик морду набил, так хочешь, чтобы я еще добавил? - проговорил Родионов. - Воровское отродье, доберемся до вас, - почище, чем от Борейко, от солдат влетит. Давно о темной поговаривают. Накроют, а там разбери кто бил.

- Ты же солдат сам на нас натравливаешь! - кричал артельщик.

Родионов смолчал и вышел из кухни.

Назаренко, придя домой, взглянул в зеркало и заплакал от жалости к себе.

Один глаз запух, нос раздулся, губы кровоточили в нескольких местах, мундир был в грязи, порван и висел клочьями. Увидев мужа, жена ахнула и залилась слезами. Шурка исподлобья посмотрела на отца, а затем бросилась было очищать его от грязи.

- Не трожь, дура! Как есть - до командира пойду, пущай видит, как со мной Борейко обращается. Пойдешь со мной, - приказал жене. Так, прихрамывая на обе ноги, окровавленный, истерзанный, поддерживаемый под руку женой, он предстал перед Жуковским.

- Кто это тебя так изукрасил? - удивился Жуковский, зная крутоватый нрав своего фельдфебеля, державшего всю роту в руках.

Назаренко стал жаловаться на Борейко, его жена вторила ему, обливаясь слезами.

- Позвать сюда поручика Борейко! - приказал Жуковский денщику.

- Очень они пьяны, ваше благородие, лютуют страсть как, своего Ивана до полусмерти изувечили невесту за что, - сообщил денщик.

- Когда же он успел в такую рань напиться? - удивился Жуковский.

- Должно, с вечера пьяны.

- Придется подождать, пока проспится. Позови ко мне прапорщика, - приказал денщику капитан.

- Силов моих нет терпеть истязание больше, - захныкал Назаренко. - Самому генералу претензию заявить желаю.

- Подожди, пока я сам с Борейко разберусь, - возразил Жуковский. - Пока ступай и приведи себя в порядок.

- Сергей Владимирович, - обратился он к вошедшему Звонареву. - Тут Борейко напился и набезобразил, надо будет дознание по этому поводу произвести, опросите солдат и Борейко, в чем дело, и представьте при рапорте мне.

- В жизни судейскими делами не занимался. Представления не имею, как его сочинять, это самое дознание. Лучше бы Чижу поручили, он и чином старше Борейко, и, верно, умеет производить дознание, - начал отнекиваться Звонарев.

- Нельзя Чижю: Борейко его не переносит, может скандал произойти. Кроме вас, мне некого назначить. Потом, быть может, вы попыгаете урезонить Борейко и уложить его спать. Говорят, озверел от водки.

- Подчиняюсь без особого удовольствия, - нехотя проговорил Звонарев и направился к Борейко на квартиру.

Придя из кухни к себе, Борейко послал денщика еще за бутылкой спирта к ротному фельдшеру.

"Все они - сволочи, воры и жулики. Но горячиться было нечего. Стукнуть раз-другой по морде артельщика с кашеваром, выругать фельдфебеля покрепче и подать обо всем рапорт, требуя смены артельщика и кашевара. Это было бы правильно, а так сам в дураках остался. Назаренко подымет историю! Положим, его давно надо было проучить, чтобы он не зазнавался, но вышло неаккуратно.

Хорошо, хоть Родионов оттащил", - мрачно думал поручик, шагая по комнате.

Гнев опять поднимался в нем и на себя, и на солдат, и на весь мир.

Денщик вернулся с пустой бутылкой и доложил;

- Так что фершал больше не дадут, сказывали передать, чтобы вы и не посылали.

- Что? - вспыхнул Борейко. - Я ему голову с плеч оборву, если не даст еще, марш! - накинулся он на денщика и опять мрачно зашагал по комнате.

Через минуту денщик вернулся с пустыми руками.

- Я тебе что приказал? - мрачно подошел к солдату Борейко. Тот боязливо попятился к двери.

- Что я тебе приказал? - наседал Борейко. - Как же ты смел не исполнить моего приказа и не принести спирту?

- Не дают больше.

- Не дают, - передразнил Борейко, - так я тебе дам! Марш назад. - И он со всей силой ударил денщика кулаком в лицо.

Солдат громко вскрикнул и выбежал из комнаты.

- Экая скотина! - выругался Борейко и трясущимися от волнения руками налил себе стакан спирта.

Удар Борейко был так силен, что на лице денщика оказалась рваная рана, очевидно, от кольца на руке поручика. Обливаясь кровью, зажимая руками изуродованное лицо, он с трудом добрался до фельдшера.

- В госпиталь надо, там тебе морду заштопают, - деловито проговорил фельдшер, осмотрев пострадавшего. - Сейчас повязку наложу.

В это время вошел Назаренко. Лицо его совершенно распухло и изменилось от удара.

- Денис Петрович! Бог с вами, кто это вас так зашиб? - всплеснул руками фельдшер.

- Не твое дело, знай помощь оказывай, - мрачно буркнул фельдфебель.

- Не иначе, как рука Борейко, - проговорил Мельников, как бы еще ничего не зная о случившемся. - Денщика своего изувечил, надо в госпиталь отправлять. Вам портрет попортил. Не человек, а зверь лесной, одно слово - медведь! Жаловаться на него надо, чтобы утихомирили, на цепь посадили, - разливался фельдшер, бинтуя голову фельдфебеля, и

вдруг примолк.

В окне мелькнула фигура Борейко, и в следующую минуту он вошел в помещение.

- Водки, спирту, все, что у тебя есть! Да живо! - приказал он Мельникову.

- Все начисто выпили, ваше благородие, ничего не осталось, - торопливо отвечал фельдшер.

- Открывай аптечку!

Мельников поспешил распахнуть дверцу шкафчика с медикаментами.

Борейко сам стал пересматривать все склянки.

- А это что?

- Спиритус вини денатурати, - щегольнул латынью Мельников.

- Давай сюда.

- Ваше благородие, от него заболеть и даже умереть можно, - робко запротестовал Мельников.

- А если я сдохну, так ты плакать будешь? - спросил в упор Борейко, багровый от прилива крови и страшный своей дикостью. - Чего же молчишь? - с яростью закричал поручик.

- Не могу знать.

- Не можешь знать! Так вот тебе, скотина. - И Борейко наотмашь ударил Мельникова по уху, затем повернулся и, тяжело, по-медвежьи ступая, вышел - Ох, по всей голове звон пошел, как он двинул, - жаловался Мельников.

- Хорошо, что так, а то вовсе мог бы изувечить, - проговорил Назаренко.

Звонарев встретил Борейко, когда тот возвращался к себе, держа бутылку денатурата в руках

- Я к тебе, Борис Дмитриевич. Меня Жуковский прислал поговорить с тобой - Заходи, выпьем за компанию

Звонарев вошел в комнату Борейко.

- Полюбоваться хочешь на пьяного Борейко, молокосос? Смотри, издевайся, смейся надо мной, заслужил, понимаю.

- Бросил бы ты, Боря, водку. Право слово, лучше было бы тебе и нам.

Борейко продолжал молча пить.

- Ни за что ни про что избил Назаренко, артельщика с кашеваром...
- Так им и надо, чтобы не воровали.
- Ивана своего изувечил.
- Ивана? Не припомню что-то. Маленько разок ткнул его...
- Так, что в госпиталь его направляют.
- Зря я это. Сколько раз ему говорил - не подвертывайся мне под пьяную руку Нет, таки угораздило его, - искренне сокрушался Борейко.
- Тебя командир звал...
- Ну его! Он во всем и виноват. Поручил артельное хозяйство Чижу. Тот с Пахомовым приварочные деньги крадет, а паек ворует Назаренко с компанией.

Надо же кому-нибудь порядок навести.

- Брось, Борис, пьянствовать, - уговаривал Звонарев, которого все больше возмущал Борейко.
- Брошу, если ты выпьешь этот стакан, - неожиданно проговорил Борейко. - Выпьешь, даю слово, спать лягу сейчас же. - И он налил Звонареву стакан. - Пей, как друга - прошу, пей, - с упрямством настаивал Борейко.

Звонарев минуту колебался, а затем, затаив дыхание, опрокинул в себя спирт.

- Ух, какая гадость, - с трудом проговорил он.
- Молодец, - пробурчал Борейко и, раскрыв форточку, выбросил оставшиеся бутылки.
- Пошли-ка своего денщика на кухню за огуречным рассолом да вели компресс мне на голову приготовить, я лягу спать. - И, сняв сапоги, Борейко улегся на кровать. Через минуту он уже храпел.

Звонарев поспешил к Жуковскому с докладом о достигнутых успехах.

- Что с вами, Сергей Владимирович, вас Борейко оскорбил? - бросился тот навстречу красному как рак Звонареву.
- Нет, заставил только выпить стакан спирта. - И Звонарев рассказал капитану все происшедшее.
- Идите до обеда отсыпаться, да примите нашатырного спирта - это

помогает, - отпустил его командир.

Звонарев не замедлил последовать его совету.

Было за полдень, когда прапорщик проснулся с тяжелой головой. Первое, что он увидел, был Борейко - трезвый и мрачный.

- Вставай, Сережа, да одевайся скорее.

Когда Звонарев оделся, оба отправились к Жуковскому.

Борейко торжественно принес Жуковскому извинения по поводу своей утренней выходки.

- Вы бы, Борис Дмитриевич, поменьше пили, право, лучше было бы. И вам извиняться не приходилось бы, и мне вас журить. А то смотрите, что натворили: артельщика избили... - стал капитан перечислять преступления поручика.

- Поделом, - вставил Борейко.

- Кашевару зубы выбили...

- Так ему и следует.

- Фельдфебеля чуть не до смерти изувечили.

- Давно до него добирался.

- Своего денщика изранили.

- Грешен. Не помню, как это и произошло. Каюсь и казнюсь. Зря его обидел.

- Лучше бы вы обо всем мне доложили, я бы все разобрал и уладил.

- Я, Николай Васильевич, много раз вам говорил, что у нас артельщик вор, что его покрывает фельдфебель, а вы мне не верили, требовали доказательств, и я отправился сегодня утром их добывать. Заодно и расправу тут же учинил.

- Я вас, Борис Дмитриевич, вместе с Сергеем Владимировичем прошу сегодня же проверить книжки артельщика, а то я в них давно не заглядывал, руки не доходили, - предложил Жуковский.

- Слушаюсь! Сейчас же пойдем в канцелярию, - ответил Борейко и вместе с Звонаревым направился к двери.

У входа в канцелярию они увидели человек десять солдат, стоящих с полной выкладкой под ружьем.

- Это еще что за почетный караул? - воскликнул поручик, глядя на наказанных.

Хмурые, недовольные лица солдат просветлели. - Здорово, орлы! - гаркнул Борейко.

- Здравия желаем! - вразброд ответили солдаты.

- Ты за что стоишь? - обратился Борейко к стоящему на правом фланге бомбардиру-наводчику Кошелеву, лучшему наводчику в роте и своему любимцу.

Кошелев, благообразный, солидный солдат из сибиряков, засмеялся. - Так что, ваше благородие, чихнул на штабс-капитана.

- То есть как это чихнул?

- Штабс-капитан позвали меня к себе, я подошел, а тут чох на меня напал, малость на их попало, они и дали мне десять часов под винтовкой.

- Та-а-ак! На начальство, говоришь, начхал. Я, брат, сам часто на начальство чихаю, но делаю это с оглядкой к тебе впредь советую. Ступай в казарму.

- Покорнейше благодарим, - обрадовался солдат, снимая винтовку с затекшего плеча.

- А ты за что? - спросил Борейко у следующего.

- Плохо посмотрел на штабс-капитана, ваше благородие, они и рассерчали - стань, грит, дурень, на восемь часов под винтовку.

- Как же ты на них посмотрел?

- Вестимо как, ваше благородие, абнакновенно.

- А ты знаешь, что по уставу полагается "есть глазами начальство", а ты - "абнакновенно". Следующий раз, как штабс-капитана увидишь, так не только ешь, а грызи его прямо глазами. Понял? Ступай.

Солдаты совсем повеселели и ждали своей очереди.

- Ты за что? - спросил Борейко у третьего.

- Без портупеи до ветру пошел, а штабс-капитан увидел.

- Что же ты, разгильдяй такой!

- Так, ваше благородие, до ветру все одно портупею снимать надоть.

- Там и портки скидать приходится, так ты и пойдешь до ветру

голозадим, дурья ты голова? - под хохот солдат сказал поручик. - Аида все в казарму! - приказал он.

Солдаты с веселыми шутками побежали в казарму.

- Чиж на тебя в претензии будет, - предостерег Звонарев.

- А мне наплевать на него.

- Это же подрывает его авторитет у солдат.

- Да у него давно никакого авторитета нет. Сам его подорвал своей трусостью и глупыми взысканиями. Солдат, брат, нас всех насквозь видит лучше, чем мы друг Друга.

В канцелярии Борейко потребовал у Пахомова книжку артельщика, где записывались все расходы по артельному хозяйству.

- Ну, Пафнутьич, - обратился он к старшему писарю, просмотрев тетрадь, - говори прямо: сколько украли?

- Что вы, ваше благородие, мы этим не занимаемся, - с возмущением ответил Пахомов.

- Посмотрим.

Звонарев стал читать статьи расхода по книжке, а Борейко просматривал соответствующие счета.

Когда чтение было окончено, поручик аккуратно стал выдирать из пачки сшитых документов отдельные счета.

- Ваше благородие, что вы делаете? - испугался писарь.

- Подложные счета выбираю, - буркнул Борейко. - Пиши, Сережа, при проверке обнаружено наличие фальшивых счетов на... сейчас на счетах прикину - рублей семьдесят шесть, копеек двадцать.

- Да какие же они фальшивые? - взмолился Пахомов. - Это что? Куплено лаврового листа и перцу на десять рублей, и подпись какая-то китайская

- не то ВыньХу-чи, не то Сыхь Чи-ли. На эти деньги лаврового листа купишь на целый год, а тут через пять дней еще на рубль того же листа.

Что же, по-твоему, рота только одним лавровым листом питается? А это - "чумизы на двенадцать рублей", за эти деньги три воза можно купить, а тут всего три пуда показано. За такие штучки под суд пойдешь, Пахомов,

- пригрозил Борейко.

- Ваше благородие, я человек маленький, - бормотал писарь, - как штабс-капитан приказали, так я и делал.

- Сколько же штабс-капитан за это заплатил тебе с артельщиком?

- Скупы они, ваше благородие, только По трешке дали.

- Эх, за трешку в тюрьму сядешь, Пафнутьич. Умнее я тебя считал, ан, выходит, ты и вовсе глуп.

- Мы люди подневольные, как прикажут, так и делаем.

- Делать-то надо с умом, да понимать, что можно, а что нельзя. Давай другие книжки. Здесь сколько фальшивых счетов?

Перепуганный писарь уже сам начал показывать поддельные счета. Через час работа была закончена.

- Итак, всего поддельных счетов нашли мы на триста с чем-то рублей. Пиши, Пафнутьич, акт да жди суда.

- Как перед богом - не виноват Все штабс-капитан да фельдфебель приказывали - пиши да пиши, - изворачивался писарь.

Жуковский пришел в ужас, когда Борейко с Звонаревым поднесли ему свой акт.

- Борис Дмитриевич, да что вы наделали? Зачем было такой акт писать? Доложили бы на словах. Теперь по всей артиллерии пойдут разговоры, что у нас в роте воруют. Стыда не оберешься, да и от генерала будут неприятности.

- Зато мы от воров избавимся. Надо Чижа устранить от артельного хозяйства и выбрать нового артельщика.

- А деньги как же?

- Чиж заплатит.

- А если нет?

- Заплатит, из жалованья удержат. Сообщите только в Управление.

- Я этого-то и не хочу, - возразил Жуковский. - Надо все же еще Чижа самого спросить, пусть он объяснения представит.

- Позвать сейчас же сюда штабс-капитана Чижа! - крикнул Борейко.

Когда Чиж явился, ему дали прочесть акт комиссии. Он покраснел от волнения и, заикаясь, возмущенно проговорил:

- Ведь этакий мерзавец Пахомов: обвел меня вокруг пальца, под носом сумел украсть. Его надо немедленно под суд отдать за подлоги и воровство.

- Пахомов мне и прапорщику прямо заявил, что подлог сделал по вашему приказанию и что вы ему с артельщиком за это платили, - отдельно проговорил Борейко, смотря на Чиж.

- Вы забываетесь, поручик, это оскорбление для меня; выходит, что я деньги себе присвоил?

- Выходит, что украли. Николай Васильевич, прикажите позвать сюда Пахомова и артельщика, - попросил Борейко.

- Что же, вы очную ставку собираетесь мне устраивать с нижними чинами? - завизжал Чиж, мечась по комнате. - Это подрыв дисциплины, потрясение основ русской армии Я ухожу. Больше разговаривать поэтому вопросу не желаю. - И Чиж направился было из комнаты.

- Стоп! - преградил ему дорогу Борейко. - А недостающие денежки Николай Васильевич за вас платить будет?

- Я-то тут при чем? Воровали Пахомов с артельщиком, а я за них отвечаю, - протестовал штабс-капитан.

- Вы, Александр Александрович, ответственны по закону за целостность артельных сумм, а не писарь и не артельщик, - проговорил Жуковский.

- И вы тоже, как командир роты. Если уж на то пошло, будем платить пополам, - не сдавался Чиж.

- Вот так фрукт, - произнес Борейко, все еще загораживая двери. - Сам украл, а других платить заставляет.

Чиж ринулся было с кулаками к поручику.

- Ша, киндер! - угрожающе проворчал - Борейко, заметив движение Чиж.

Штабс-капитан струсил и отошел.

- Так как же насчет денег? - настаивал Жуковский.

- Я все заплачу, только велите этому хаму пропустить меня в дверь, - бесновался Чиж.

- Расписочку напишите, господин штабс-капитан, - насмешливо-вежливо

проговорил Борейко.

Чиж быстро набросал требуемую расписку и протянул ее Жуковскому.

Борейко отошел от двери, в которую тотчас пулей вылетел Чиж.

- Заварили вы кашу, Борис Дмитриевич, - укоризненно покачал головой Жуковский.

- Ничего, расхлебаем и живы будем, - улыбнулся поручик. - Полезно иногда зарвавшегося жулика одернуть.

- Что же мне теперь делать? - в раздумье проговорил Жуковский.

- Получить с Чижа деньги да переменить артельщика с кашеваром, только всего и дел.

- Под суд их отдавать надо.

- Не стоит. Чиж все на них свалит, а сам из воды сух выйдет. Набил я им морду - и хватит. Не люблю я эти суды и пересуды. Волокита одна.

- Пожалуй, это и будет самое простое, - согласился капитан. - Только ведь Назаренко может на вас рапорт подать. Тогда опять история начнется.

- Не подаст, побоится. Ведь и у него рыло в пуху оказалось при проверке артельных сумм.

Глава пятая

Звонарев получил предписание явиться в Управление артиллерии и приступить к работам по переделке лафетов десятидюймовых пушек для стрельбы бездымным порохом. Он не предполагал долго отсутствовать, но все же не без грусти расставался с батареей, с которой уже успел сжиться.

Прибыв в Управление, он явился к Гобято, который встретил его со своей обычной приветливостью.

- Остановитесь у меня. Сейчас я прикажу отнести ко мне ваши вещи, а затем пойдемте знакомиться с мастерскими: - они неподалеку, - предложил Гобято.

Мастерские оказались небольшим ремонтным заводом, расположенным у самой подошвы Золотой горы, что делало их невидимыми со стороны

моря. Отдельные цеха были разбросаны на довольно большой площади. Всего в мастерских было занято до трехсот солдат и вольнонаемных.

Они обошли механический цех и за ним увидели лежавшие в разобранном виде на земле пять лафетов для десятидюймовых пушек.

- Вы расклепаете станины, добавите к каждой по три стальных листа, затем снова их склепаете, перенесете межстанинные связи, как мы с вами рассчитали, и замените подъемные дуги на большие, чтобы можно было выше подымать дуло орудия. Вот и вся работа. Думаю, что вы в неделю с ней справитесь, в помощь вам я дам начальника кузнечного цеха, классного обер-фейерверкера Жмурина.

Кстати, вот и он сам, познакомьтесь.

Жмурин оказался блондином, небольшого роста, лет двадцати пяти, в пенсне на широкой ленте.

- К работе приступите завтра же с утра. Сейчас же двинемся обратно в Управление, нас там ждет Белый.

Генерал подробно расспросил о состоянии работ, порученных Звонареву, и просил ускорить их.

- По расчетам Николая Андреевича, дальноточность десятидюймовых пушек увеличится с девяти с половиной верст до тринадцати с половиною, то есть весьма значительно: это даст возможность подпустить японцев и неожиданно их обстрелять.

- Боюсь, ваше превосходительство, что с увеличением дистанции так же сильно возрастет рассеивание снарядов и меткость орудий снизится, - заметил Гобято.

- Хоть напугаем японцев, и то ладно. Одним словом, не теряя времени, торопитесь с переделкой лафетов.

После беседы генерал, как всегда, пригласил офицеров к себе на обед.

При появлении Звонарева Варя бросила свое рукоделие и пошла ему навстречу.

- Как Шурка Назаренко будет учиться на сестринских курсах? - спросила она.

- Она бы и рада, да едва ли ей родители разрешат.

- Я упростила папу, он от своего имени всем женам и дочерям напишет приглашения поступить на курсы. Я пошлю обязательно ее отцу и думаю, что тогда он перестанет упираться.

После обеда Варя позвала Звонарева посмотреть ее хозяйство.

- Я у себя на хуторе научилась хозяйничать; не люблю город и предпочитаю жить в деревне. И в институт я не хотела идти, да папа с мамой заставили.

Кончу акушерские курсы и уеду на всю жизнь к себе на хутор-кур да телят разводить, - улыбаясь, говорила Варя.

После богатого птичника был показан коровник с тремя коровами и несколькими телятами.

- Это моя Кубань, - показала девушка свою верховую лошадь. - Вы умеете ездить верхом?

- Немного.

- Вот и отлично. Будем ездить вместе, а то папин Дон застаивается и жиреет от безделья. Завтра же поедem в Шушин - это китайская деревня верстах в десяти отсюда.

Осмотрев хозяйство, они направились в сад.

Здесь к Варе подбежал маленький китайчонок, лет трех-четырех. Он радостно бросился к ней, обнял ее и, лукаво щуря свои черные раскосые глазенки, полез в карман к девушке. Разыскав там леденец, он с наслаждением сунул его в рот.

- Это мой крестник, Ваня. Прошу любить и жаловать. Прелестный мальчуган.

- И Варя крепко поцеловала смугло-розовые щечки ребенка.

- Вам замуж пора. Варя, - улыбнулся Звонарев.

Девушка вспыхнула.

- Не говорите глупостей. Я никогда не выйду замуж.

- Свежо предание, да верится с трудом, - усмехнулся Звонарев.

К ним подошла молодая китаянка и, улыбаясь, поздоровалась с Варей.

- Это мать Вани, - пояснила Варя, обращаясь к Звонареву, потом, лукаво поглядывая на мальчика, спросила, как Ваня себя ведет. Слушает ли

маму?

- Холосо, холосо, малышка! - ответила китаянка, беря сына на руки.

Когда Звонарев с Варей выходили из сада, им встретился средних лет китаец. У него было отрублено левое ухо, а лицо обезображено шрамом. Он приветствовал Варю полным собственного достоинства поклоном.

- Это наш Вен Фань-вей, прекрасный садовник. Видите, как его изуродовали японские солдаты? Вен Фань-вей был в Порт-Артуре, когда в тысяча восемьсот девяносто пятом году японцы взяли Порт-Артур штурмом и учинили резню. Из всего пятнадцатитысячного населения и гарнизона Артура случайно уцелело тридцать шесть человек. Японские солдаты по приказу офицеров связывали китайцев веревками, чтобы не разбежались, а затем расстреливали их. У Вена тогда убили отца, мать, жену и двух маленьких детей, а сам выжил чудом, - сообщила Варя грустную историю садовника.

- Я об этом слыхал, но не верил, чтобы в наш век культурные люди могли совершать подобные зверства.

- Варя говори правда, - довольно чисто по-русски произнес китаец, и у него на глаза навернулись слезы.

В его памяти возникли полные ужаса дни взятия японцами китайской крепости Порт-Артур. Тогда он увидел и на всю жизнь запомнил молодого капитана Танаку, его бешеные глаза, звериный оскал зубов и плетку, зажатую посиневшими от напряжения пальцами. В последнюю минуту перед расстрелом Вен смотрел на эту плетку, на вскинутую руку Танаки. Капитан махнул рукой - ударил залп. Вен первым упал на землю, хотя был легко ранен, в шею. Второй залп, третий... Окровавленные тела товарищей прикрыли Вена. В голове билась одна мысль: "Жить... жить..." И когда солдат, проверяя, все ли расстрелянные мертвы, штыком полоснул Вену ухо, он не вздрогнул, не вскрикнул, не выдал себя. А потом Вен долго лежал и ждал, когда наступит ночь. С темнотой ему удалось скрыться. Вен остался жить, но с этой ночи ненависть к убийцам навсегда поселилась в сердце китайца.

Когда пришли русские, Вену удалось устроиться садовником у Белых. Он

был им благодарен за хорошее отношение. Но и русских он считал порабощителями своей страны: он слышал об их карательных экспедициях на севере Маньчжурии.

Поэтому, улыбаясь Варе, Вен Фаньвей настороженно смотрел на Звонарева.

Звонарев перехватил этот взгляд. Выйдя с Варей в сад, он сказал:

- Вам надо быть с ним настороже.

- Вен вас не знает и судит о вас по другим офицерам, - пояснила Варя, - папа и мама полностью доверяют ему. Когда Вен узнает вас поближе, то перестанет глядеть так хмуро.

Распровавшись у крыльца с Варей, Звонарев направился в Управление крепостной артиллерии.

Там уже никого, кроме нескольких писарей, не было. Заметив его, старый знакомый, писарь Севастьянов, подошел и справился, не надо ли ему чего-нибудь.

- Я искал Гобято, да не знаю, куда он скрылся, - пояснял прапорщик.

- Их не скоро поймаете, они всегда где-нибудь хлопчут, очень уж непоседливы.

Звонарев спросил, как пройти на квартиру к Гобято, куда отнесли его вещи.

Писарь вызвался проводить.

- Сами они человек хороший, заботливый, - повествовал Севастьянов, - только мало в мастерских бывают. Там вместо них орудует их помощник, чиновник Козлов - мрачный такой, с черной бородой. Зато он-то уж любуется за двоих. Как капитана нет, так и начинается мордобой, да под ранцем по двадцать часов подряд солдаты у него стоят.

- Что же смотрит Гобято?

- Чудные они - просто не замечают ничего вокруг. Все своими мыслями заняты. Вот и ваша квартира, - показал писарь.

В квартире Гобято Звонарев нашел свои вещи уже разложенными в комнате.

Денщик Гобято, бойкий владимирец, тотчас все ему показал в квартире и

предложил пообедать, но прапорщик отказался.

- Скоро капитан домой придет? - спросил он.

- Не позднее десяти часов всегда дома бывают, в одиннадцать ложатся спать, в половине восьмого встают, а в восемь часов уже уходят на службу - очень они аккуратные.

Осматривая квартиру, Звонарев обратил внимание на библиотеку. Два больших шкафа были полны книг. Большею частью это были специальные работы по артиллерии и военному делу, много было книг по технике, а прочая литература была представлена Жюлем Верном и Конан Дойлом; журналов не было.

За время пребывания на Электрическом Утесе Звонарев не видел никаких газет, кроме двух-трех номеров "Инвалида" и артурского журнала; раз ему случайно попал номер порт-артурской газеты "Новый край", которую офицеры почти не читали и называли "портартурской сплетницей".

Приход Гобято отвлек Звонарева от библиотеки.

- Устроились? Прекрасно. Завтра с утра приступите к работе. Как вам Варя Белая понравилась? Славная девушка, не похожа на генеральскую дочь. Женились бы на ней, если еще не женаты. И отец с положением, да она и не бесприданница.

- Почему бы вам самому не попробовать?

- Женат, батенька, и двое детей. Моя жена после первой бомбардировки уехала: не захотела детьми рисковать.

Поговорив еще с полчаса о всяких пустяках, они разошлись по своим комнатам. Звонарев с наслаждением разделся и, не опасаясь ночной тревоги, как это было на Утесе, крепко заснул.

Выделенная для работы с Звонаревым бригада мастеровых-солдат была уже на месте, когда прапорщик утром пришел в мастерскую. Жмурин устанавливал солдатам урок на день - срубить каждому по двадцать заклепок. Звонарева он встретил холодно, разобиженный его назначением руководителем работ, и стал ему давать указания, как и что делать.

- Благодарю вас, я тут уж сам разберусь, - прервал его Звонарев, и

классный обер-фейерверкер ушел.

Звонарев собрал солдат, посадил их около себя на лафеты и начал объяснять, в чем состоит работа и зачем она нужна, рассказал о том значении, которое имеет для успеха обороны быстрота переделки лафетов.

Солдаты с интересом слушали его.

- Понятно, что надо сделать и зачем? - спросил Звонарев.

- Так точно, обязательно обмозгуем это дело, чтобы скорее японцам набить, - отвечали солдаты.

Один из них, высокий, стройный шатен нерусского типа, пристально смотрел на Звонарева. Заметив это, прапорщик спросил его, в чем дело.

- Личность мне ваша, ваше благородие, знакома, - ответил он. - В тысяча девятисотом году вы еще студентом у нас на заводе Лильпопа в Варшаве были, тогда я вас обучал на радиально-сверлильном и долбежном станках работать.

- Юзек Братовский? - обрадовано воскликнул Звонарев. - Вот не ожидал вас тут встретить! Как вы попали сюда?

- Забрали в варшавскую крепостную артиллерию, а затем отправили сюда, недавно только с третьим батальоном прибыл.

Встреча эта очень обрадовала Звонарева.

- Это у нас первый раз, что нам объясняют, зачем нужна работа, а то как в тюрьме, урок - и баста, а зачем - не твоего ума дело. Не выступишь - под ранцем настоишься, - пояснил Братовский. Работа сразу закипела, и к обеду было выполнено уже больше половины дневного задания. Когда Жмурин перед обедом пришел, все же посмотреть, что делается у Звонарева, и захотел прибавить задания еще по десять заклепок на человека, Звонарев снова попросил его не вмешиваться.

Жмурин нехотя повиновался.

- Будет теперь нам на орехи от него - всю свою злость на нас выместит, - заметил Братовский.

- Вы сообщайте мне обо всех его проделках. Я с Гобято переговорю, и мы призовем его к порядку.

- На вас еще и Козел обрушится: он у нас первое лицо в мастерской. Действительно, не прошло и получаса, как к месту работы, в сопровождении Жмурина, подошел Козлов - высокий, мрачный чиновник, лет под сорок.

- Почему вы вмешиваетесь в распоряжения Жмурина? - вызывающе спросил техник.

- А он почему вмешивается в мою работу? Кто ему дал право делать мне какие-либо указания?

- Я помощник заведующего мастерской, потрудитесь ответить на мой вопрос.

- Вы мне не начальник, и я прошу вас немедленно уйти отсюда. Вы мешаете.

Перебранка продолжалась еще несколько минут.

Наконец Козлов с Жмуриным ушли, мастеровые оживленно загудели:

- Так ему и надо, больно он уж зазнался.

- Папы дерутся, а у холопов чубы трещат, - отозвался один из рабочих.

В канцелярии мастерских, куда Звонарен зашел перед уходом, он застал Гобято, которому Козлов и Жмурин жаловались на него, обвиняя в развале дисциплины, грубости и зазнайстве.

Гобято молча слушал их и тихонько покачивал головой.

- Что вы скажете в свое оправдание, подсудимый? - шутливо спросил капитан прапорщика.

Звонарев в том же шутливом тоне рассказал происшедшее.

- Вот что я имею изложить в свое оправдание, господин мировой судья, - закончил он.

Гобято, улыбаясь, сказал писарю:

- Пиши приказ по мастерским: "Работа по переоборудованию лафетов проводится под руководством прапорщика Звонарева. Технику Козлову и обер-фейерверкеру Жмурину воспрещается всякое вмешательство в эту работу. С завтрашнего дня техник Козлов смещается в заведующие деревообделочной мастерской". Все. Понятно, господа?

- Я буду жаловаться на это генералу, - заикнулся было Козлов.

- Измени приказ, - обернулся Гобято к писарю. - "Техник Козлов откомандировывается в Управление артиллерии", - отчеканил Гобято. - Я вас больше не задерживаю, - обратился он к технику, - а вас, Сергей Владимирович, попрошу остаться. Давно я хотел от Козлова избавиться, да случая не было. Вас же я попрошу быть моим помощником и заместителем, пока вы здесь. Может быть, надумаете и совсем сюда перейти - буду этому, только рад, а сейчас давайте перед обедом прогуляемся на "Этажерку", благо день чудесный.

На "Этажерке" было много гуляющих. С трудом найдя свободную скамейку, Гобято с Звонаревым сели и занялись рассматриванием публики и стоящей на рейде эскадры. Корабли эскадры усиленно дымили, как будто готовились к походу, но то и дело отваливавшие от них шлюпки, переполненные матросами и офицерами, говорили о другом.

- Лафа этим морякам, - позавидовал Гобято. - Сидят за нашей спиной, жуируют, наслаждаются жизнью и получают больше нашего. Вот и сорят они деньгами в ресторанах и кабаках, на зависть армейцам. Создается нездоровая обстановка розни между армией и флотом. Стессель использует ее для своих интриг против флота. Вон идет капитан второго ранга Эссен, командир "Новика". Почти каждый день выходит на крейсере, - указал Гобято на подходящего к ним моряка.

Когда подошел Эссен, оба встали, отдавая честь.

- Здравствуйте, капитан, - приветствовал он Гобято. - Давненько вас что-то не видел. Разрешите присесть к вам?

- Милости просим, Николай Оттович, - любезно ответил Гобято и представил Звонарева.

- С какой батареи? - справился моряк.

- С Электрического Утеса.

Эссен внимательно посмотрел на прапорщика.

- Лучшая батарея. Часто с удовольствием наблюдаю за ее стрельбой. Много вы хлопот японцам доставляете. Видна хорошая слаженность в работе и умелое руководство огнем. Кто у вас командир?

- Капитан Жуковский.

- Я его не знаю.
 - Вы, Николай Оттович, верно, знаете поручика Борейко - большой такой,
 - вставил Гобято.
 - Как же! Собутыльник нашего Дукельского. Говорят, два сапога пара-скандалисты, но толковые ребята. Я всегда к себе на "Новик" таких стремился побольше набрать. Мой боцман Кащенко по портовым кабакам подбирает самых буйных матросов. Многие из командиров кораблей бывают рады-радешеньки от таких матросов избавиться, а у меня они работают как черти. Наш матрос чудеса может делать, только надо уметь к нему подойти: не быть формалистом, по пустякам не придирается, а за дело греть. У меня самые безнадежные забулдыги кресты и нашивки быстро получают. С офицерами дело обстоит куда хуже.
- Звонарев с интересом слушал командира прославленного "Новика", не раз рисковавшего на своем легком быстроходном крейсере бросаться в атаку чуть ли не на всю японскую эскадру.
- Проходившие мимо моряки почтительно раскланивались с Эссеном. В толпе показался Сойманов вместе с другими офицерами. Он подошел и, поздоровавшись, начал усиленно просить Эссена о переводе на "Новик".
- Вирен возражать не будет? - спросил командир.
 - Вы ведь его знаете - собака на сене: и нам на "Баяне" развернуться не даст, и от себя не отпускает. Говорят, скоро к нам адмирал Макаров приезжает, тогда я попытаюсь прямо к нему обратиться. Он хоть и адмирал, но, по слухам, и сам не прочь все время плавать на легких крейсерах и миноносцах.
 - Это из Кронштадта, знаменитый изобретатель и строитель "Ермака". Из матросов он, читали? - заметил Гобято.
 - Он самый. Начал службу юнгой, а добрался до вице-адмирала. В наше время это не так-то легко без помощи тетушек и дядюшек. К тому же его сильно недолюбливают за беспокойный и резкий характер. К нам его, верно, с удовольствием сплавил. Зато мы определенно выиграем, получив Макарова после старой развалины Старка.

- Нам следовало бы покрепче связаться с флотом, - вставил Звонарев. - Рад буду видеть вас вместе с капитаном Гобято у себя на "Новике". Быть может, вы даже рискнете с нами выйти в море? Погоняемся за японцами, заодно покажем вам наше искусство стрельбы, - пригласил Эссен.

Артиллеристы поблагодарили и предложили вместе пообедать в ресторане "Саратов", расположенном неподалеку.

Зал ресторана был полон обедающими, по преимуществу военными; вечерней кутящей публики еще не было. С трудом отыскиали два свободных столика. Вскоре в зал вошел стрелковый поручик Стах Енджеевский. Он был, видимо, прямо с занятий - весь запыленный, усталый. Не найдя свободного места, он подошел к своим знакомым Сойманову и Гобято и попросил разрешения сесть около них.

- Пожалуйста, - приветливо пригласил его старший за столом, Эссен.

- Ты - откуда это такой усталый? - спросил его Сойманов.

- Со службы. Только теперь, когда война началась, мы начали учить солдат, как следует стрелять, в мирное же время занимались парадами да шагистикой.

Сорок учебных патронов на солдата за четыре года службы полагалось! Зато "ура" кричать да приветствовать начальство учились круглые сутки,

- жаловался Енджеевский. - И сейчас все еще учат стеной в штыки ходить, не признают рассыпного строя, так как никто из офицеров не умеет им управлять, а солдаты не привыкли к самостоятельности и не знают, что им в цепи делать.

Я свою команду охотников с утра до вечера натаскиваю в рассыпном строю.

- Кто у вас командир? - полюбопытствовал Гобято.

- Савицкий, толстый такой, не глуп, но подл и трус. Зато в чести у начальника дивизии Фока, генерал в нем души не чает. Одним словом, с боевой подготовкой дело обстоит определенно плохо. У вас, артиллеристов, лучше: и стрелять умеете, и изредка даже попадаете, - съехидничал Стах.

- Напрасно подсмеиваетесь, поручик, - вмешался Эссен. - Перед вами

наглядный пример меткости: прапорщик сумел подбить среди ночи крохотный миноносец с дистанции в двадцать кабельтовых, это совсем не плохо.

Публика постепенно прибывала. Появился оркестр и заиграл веселые вальсы.

Появление Дукельского сразу внесло оживление.

- Жорж, подсаживайся к нам! - окликнул его Эссен.

Лейтенант не замедлил подойти.

- Какие новости? - здороваясь, спросил у него Эссен.

- Макарова ждем в Артур через неделю или дней через десять. Сегодня получили от него телеграмму уже из Омска. Старк начал складывать свои пожитки и собирается спускать флаг. Флаг-капитан Молас нервничает, побаивается, что Макаров другого флаг-капитана возьмет, - начал выкладывать новости Дукельский. - Что же еще? Да, Витгефт ничего не делает, объедается и засматривается на девочек, которых тралит его сын. Григорович гадает на кофейной гуще, что ему принесет приезд Макарова-адмиральские ли орлы или списание за "доблестную" боевую деятельность двадцать шестого января.

Шенсиович все никак не может снять свой "Ретвизан" с мели. Кажется, обо всем сообщил, господа.

- Язычок же у тебя, Георгий Владимирович, - усмехнулся Эссен, - ну, а Эссен о чем думает?

- Что ему наконец позволят воевать с японцами понастоящему, а не стрелять на предельной дистанции, стоя на якоре под защитой батарей.

- Угадал! Я очень надеюсь, что с приездом Макарова пребывание эскадры в порту кончится. Насиделись мы достаточно.

После обеда выпили по бокалу шампанского за дружную совместную работу армии и флота и стали расходиться. Моряки двинулись к себе на корабли,

Гобято отправился домой, а Енджеевский с Звонаревым решили сходить за покупками

В магазине "Кунст и Альберт" они встретились с пожилой, лет сорока,

дамой, которую сопровождали две молоденькие девушки. Одну, повыше ростом, румяную шатенку, с задорно блестящими карими глазками, звали Лелей, а другую - маленькую, худенькую блондинку, с чудесными голубыми мечтательными глазами - Олей. Все трое дружески приветствовали Енджеевского.

- Что вас так давно не видно, Стах. Где вы пропадаете? Опять сидели на губе? - засыпали его вопросами девушки.

- Учю своих солдат воевать.

- А раньше что же вы делали?

- Учил их маршировать.

- Стах, вы неисправимы, - улыбнулась дама. - За ваш язык вас начальство и не любит.

Енджеевский представил Звонарева.

- Вы артиллерист? Четвертой бригады? - поинтересовалась Оля.

- Нет, с Электрического Утеса.

- Вот вы откуда. - Все три женщины с любопытством посмотрели на прапорщика.

- Говорят, там у вас не очень спокойно?

- Да, бывает иногда даже весьма жарко.

Покончив с покупками, Звонарев и Стах пошли проводить своих знакомых.

Стах и Леля ушли вперед.

- Пусть полюбезничают, - улыбнулась Мария Петровна. Оля только вздохнула в ответ.

- Что, и тебе Стах сердце присушил? Беда мне с моими девицами: всегда обе сразу в одного кавалера влюбляются и только мешают друг другу.

- Совсем я не влюблена в Стаха. Хотя вообще он очень хороший, совсем не похож на офицера.

- Вы недолюбливаете, кажется, наше доблестное офицерство? - спросил Звонарев.

- Многих из них любить-то не за что. Грубы, нахальны, некультурны, бьют солдат и пьянствуют беспробудно. Стыд и срам, - горячо

обрушилась Оля.

- Само собой разумеется, господин Звонарев, о присутствующих не говорят,

- поспешила смягчить резкость Оли Мария Петровна. - Мы вас не знаем и надеемся, что вы составляете счастливое исключение, как и наш Стах. Вы давно с ним знакомы?

- Только сегодня познакомился.

- Вот мы и дома, - остановились женщины около калитки большого сада, в глубине которого виднелось одноэтажное здание.

- Что это за здание? - спросил Звонарев.

- Городская начальная школа имени Пушкина. Я заведую школой, а Оля и Леля работают учительницами, - пояснила Мария Петровна.

- У вас учится детвора?

- Днем детвора, а вечером школа для взрослых. Большей частью это мелкие служащие, не имеющие среднего образования, хотя есть и рабочие и даже несколько матросов из портового управления. Вот и наши голубки возвращаются, - улыбнулась она, заметив подходящих Лелю и Стаха.

Звонарев и Енджеевский стали прощаться.

- Как их фамилии? - спросил Енджеевского Звонарев, когда они отошли от сада.

- Заведующая - Желтова, Леля - Елена Федоровна Лобина, а Оля - Ольга Семеновна Селенина. Леля - моя невеста. Давно бы мы с ней поженились, да в полку не разрешают: учительница, видите ли, не пара офицеру! Я мечтаю об учительской семинарии. Кончить бы ее, пошли бы в деревню с Лелей вместе учительствовать. А пока я начальник охотничьей команды Четырнадцатого стрелкового полка, - усмехнулся Стах. - Ну, мне направо, будьте здоровы, Сергей Владимирович, и постесняйтесь, заходите в школу; дом там, правда, не аристократический, но зато бывает просто и весело. Захватите с собой какую-нибудь снедь, чтобы не вводить хозяек в большой расход.

Расставшись с Енджеевским, Звонарев пошел домой. На углу одной из

улиц он столкнулся лицом к лицу с какой-то дамой, которая от неожиданности и испуга выронила из рук свои покупки. Извинившись, прапорщик поспешил их поднять и предложил даме донести их до дому.

- Пожалуйста, кстати мне уже совсем недалеко. Вы меня очень обяжете, а то я задержалась в магазинах и боюсь идти одна по улице. Вы сами какой части? - спросила дама.

Звонарев сказал.

- У Василия Федоровича Белого, значит, в подчинении? На какой батарее? На Электрическом? Мне муж говорил, что это самая боевая батарея. Он там тоже один раз был, еще двадцать седьмого января. Рассказывал, как японцы засыпали Утес снарядами. Анатолий даже хотел представить командира к награде, да солдаты там показались ему плохо дисциплинированными. Но вы не унывайте, еще будут награды впереди, - разливалась дама.

Звонарев недоумевал, с кем он разговаривает. Насколько можно было рассмотреть в сумерках, дама была уже не молода, но, миловидна, хорошо одета и, видимо, принадлежала к артурскому высшему обществу. Спросить, кто она, прапорщик не решался и молча слушал ее болтовню.

- Вы меня очень тронули вашей любезностью, молодой человек, милости прошу к нам заглянуть, попросту, без визитов, - теперь по военному времени не до того. Стессель, Вера Алексеевна. Дорогу к нам вам укажет любой солдат. - На прощанье Вера Алексеевна пожала ему руку.

"Так вот, значит, какая эта самая Стессель, о которой столько говорят, - подумал Звонарев. - Везет мне сегодня на новые знакомства в самых разнообразных кругах: из моряков - Эссен, из стрелков - Стах, учительницы и, наконец, "Стессель", - подвел он итоги дня.

Когда вечером он рассказал Гобято о своем знакомстве с Верой Алексеевной, тот громко расхохотался.

- Теперь вам, дорогой Сергей Владимирович, карьера в Артуре обеспечена.

Попасть в фавор к жене Стесселя - это значит заручиться лучшей у нас протекцией. Она баба неглупая, гораздо умнее своего мужа, вертит им

как хочет и держит в ежовых рукавицах.

- Я к военной карьере не стремлюсь.

- Все же это знакомство может когда-нибудь и пригодиться вам. Память у нее прекрасная, особенно на молодых людей.

На следующий день, когда Звонарев вместе с Гобято пришел в мастерскую, солдаты заканчивали расклепку станин. Работа шла дружно и споро, Братовский подходил то к одному, то к другому из мастеровых и показывал, как удобнее и скорее срубить заклепки.

Жмурин уже не решался давать какие-либо указания.

- Пожалуй, они сегодня закончат расклепку, - проговорил Гобято. - Откуда у них прыть такая взялась?

Братовский улыбнулся.

- Знаем, зачем и что делаем, ваше высокоблагородие, вот и работа интереснее. Вчера их благородие нам рассказали и объяснили, что к чему.

- Сегодня суббота, зашабашим в два часа дня. Поспеете работу кончить? - спросил Гобято.

- К обеду кончим, а после обеда перенесем станины в кузнечную, там и приладим к ним дополнительные листы, - ответил Братовский.

- Спасибо, братцы, за усердную службу, - поблагодарил Гобято. - В воскресенье все получите увольнительные в город.

- Мы, ваше высокоблагородие, хотели и завтра поработать, чтобы скорее закончить дело.

- Не возражаю, после дам вам по два отпускных дня, - пообещал капитан. - Эту работу необходимо окончить возможно скорее.

- Вы, оказывается, говорить с солдатами мастер. Этим талантом у нас, к сожалению, мало кто обладает: больше зуботычинами действуют, - сказал Звонареву Гобято, когда они отошли от солдат.

- Школа Борейко. В этом же секрет и его успехов в стрельбе: сумел заинтересовать солдат.

В канцелярии их поджидал начальник крепостной жандармской команды, ротмистр князь Микеладзе.

- Чем могу служить? - сухо спросил его Гобято.

- Разговорчик к вам есть один, секретного порядка, многоуважаемый Николай Андреевич, - залебезил жандарм.

Гобято выслал писарей из комнаты. Микеладзе многозначительно посмотрел на Звонарева.

- Это мой помощник и заместитель, можете его не стесняться, - пояснил Гобято.

- Господин Звонарев, если не ошибаюсь, человек новый, только что в Артур приехал, не в курсе наших дел, да и человек он, простите, штатский, случайный на военной службе, так что, признаюсь, его присутствие меня слегка смущает.

- Откуда вы все это о нем знаете? - удивился Гобято.

- Какой бы я был жандарм, если бы не знал каждого нового офицера в Артуре. Мы, жандармы, должны знать все - кто чем дышит, что думает.

- Я могу уйти, - вмешался Звонарев.

- Очень прошу вас остаться. Князь, я надеюсь, не будет больше возражать.

Ротмистр поморщился, но протестовать не стал.

- У вас в мастерских появилось несколько новых солдат, среди них есть и нежелательный элемент. Например, Иосиф Братовский: он состоял членом нелегальной организации в Варшаве, на механическом заводе Лильпопа. Только за отсутствием прямых улик избег суда. По настоянию варшавского губернского жандармского управления его направили в Артур. Немедленно по прибытии он был взят моим агентом под наблюдение. Хотя пока за ним ничего еще не замечено, но следить за ним надо внимательно.

- У меня нет никаких опорочивающих Братовского данных, работает он прекрасно, поведения примерного...

- По вечерам, извините, в нужнике долго с солдатами засиживается и разговоры разные ведет: кто, да откуда, да где работал; почву, очевидно, нащупывает.

- У страха глаза велики, князь. Вы всегда из мухи слона делаете. Чихнет

солдат, а вы уж готовы в этом видеть потрясение основ, - иронизировал Гобято.

- От копеечной свечки, говорят, Москва сгорела.

- Вы бы лучше вашу энергию обратили на борьбу со шпионажем. Помимо японцев, одетых под китайцев, в городе имеются шпионы и других национальностей, прежде всего англо-американцы. Вот где главное наше зло.

Под вывеской торговли они самым беззастенчивым образом собирают важные в военном отношении сведения, - с негодованием проговорил Гобято.

- Английские и американские подданные все высланы за пределы Квантунской области.

- Сам не далее как вчера видел на улице Томлинсона и Смита. Они процветают не хуже прежнего, - спорил капитан.

- Они приняли другое подданство и стали недостижимыми для нас. Что касается китайцев, то... это нелегкая, сознаюсь откровенно, задача. Русских агентов к ним не пустишь, не верят они им, а среди китайцев мы, к сожалению, еще не создали прочной агентуры. Среди русских куда легче. Вот, например, господин Звонарев вчера был замечен в обществе весьма нежелательных в Артуре особ: заведующей Пушкинской школой и ее учительниц. Они там, под видом вечерней школы, чуть ли не курсы агитаторов устроили.

- Какое вам, господин ротмистр, дело - где и с кем я бываю? - возмутился Звонарев.

- Нам, жандармам, до всего есть дело. С какой вы девочкой спите, и то мы должны знать. Вот вы раз или два были в компании у мадемуазель Ривы, мы и это знаем. Должен сказать, что вполне одобряем ваш вкус, - весьма интересная жидовочка и ни к какой политике не причастна.

Звонарева все больше возмущал наглый и самоуверенный тон жандарма.

- Вам, должно быть, известно, что вчера я не один был с заведующей школой...

- Как же, с вами был поручик Енджеевский, тоже чуть ли не социалист.

Вас нельзя поздравить с таким знакомством.

- Позвольте мне знать самому, с кем и какое вести знакомство. В ваших указаниях по этому поводу я не нуждаюсь, - резко оборвал Звонарев.

- Мы, жандармы, народ не обидчивый, а теперь имею честь кланяться. Надеюсь, до скорого и приятного свидания. - Жандарм, пожав им руки, вышел.

- Удивительно неприятная публика эти жандармы. Во все свой нос суют, - возмущался Гобято.

- После жандармского рукопожатия хочется сейчас же вымыть руки, - согласился Звонарев.

На следующий день утром в воскресенье Гобято принесли записку от Эссена с приглашением прибыть на "Новик", который готовился идти в море. Гобято и Звонарев поспешно оделись и отправились за посланцемматросом.

"Новик" уже начал двигаться, когда шлюпка с артиллеристами подошла к нему. У трапа их встретил вахтенный офицер и проводил на мостик к Эссену.

Приветливо поздоровавшись, Эссен сообщил, что "Новик" во главе четырех миноносцев направляется на поиски японских торговых кораблей. Затем он познакомил их со своими офицерами.

По выходе в море крейсер развил двадцатиузловую скорость и лег на курс зюйд-вест, направляясь к южной оконечности Ляодунского полуострова - Ляотешаню.

Звонарев, впервые попавший на военный корабль, с интересом наблюдал неторопливую и спорую работу матросов. Сперва он даже не нашел своего Электрического Утеса-до того он сливался с фоном сзади лежащих гор, и только дальномерная будка, светлым пятном выступавшая на серых скалах, выдавала место расположения батареи.

"Надо будет ее убрать в бруствер, чтобы не было заметно", - решил Звонарев, рассматривая батарею.

Расположенная на самой вершине Золотой горы, батарея одиннадцатидюймовых мортир четко проектировалась на фоне неба.

Прапорщик теперь понял, почему японцы так часто обстреливают именно эту батарею.

- Ваш Утес прекрасно замаскирован, но его всегда выдает густой дым выстрелов. Было бы очень хорошо, если бы вы перешли на бездымный порох, - заметил Эссен.

- Мы как раз сейчас и работаем над такой переделкой лафетов, - ответил Гобято. - Думаем, что сможем посостязаться с японцами и в дальнотойности.

- Что касается меткости, то вы давно перецеголяли японцев. Каждый раз, как они появляются у Артура, неизменно получают от вас хотя бы одно попадание, вы же до сих пор не имели ни одного поражения, - продолжал Эссен.

За "Новиком" а кильватере шли, усиленно дымя, четыре миноносца. Концевым шел двухтрубный миноносец "Лейтенант Бураков".

- Затем вы взяли в поход этот крошечный кораблик? - спросил Эссена Звонарев.

- Мал, да удал! Это самый быстроходный миноносец в мире. Он развивает до тридцати четырех узлов. За ним ни один японец не утонится, - пояснил капитан.

Когда "Новик" миновал оконечность Ляотешаня, далеко на западе, на самом горизонте, показались небольшие дымки. В бинокль было видно, что они принадлежат довольно крупным судам.

- Купны, - определил Эссен. - Надо их осмотреть - нет ли военной контрабанды. Полный вперед!

Заметив погоню, пароходы попытались уйти.

- "Лейтенанту Буракову" догнать и осмотреть пароходы, - приказал Эссен.

"Бураков" тотчас же, обгоняя другие суда, вынесся вперед.

"Новик" с остальными миноносцами, прибавив ход до предельного, последовал за ним. Наконец подошли к задержанным пароходам. Один из них оказался английским и после осмотра был отпущен, а другой - японским. "Бураков" уже успел снять с него команду и приготовился к

торпедированию. Обреченный на гибель огромный океанский пароход, раз в пятьдесят больше "Буракова", тихо дымил.

- Какой груз? - спросил Эссен в мегафон "Буракова".

- Балласт и немного угля, - ответили с миноносца.

- Топите.

С "Буракова" выпустили торпеду. Скользя в воду, она устремилась к пароходу, оставляя за собой в воде ясно видимый след. Все на палубе напряженно следили за ее приближением к пароходу. Раздался взрыв, черный столб дыма взлетел выше мачт вместе с тучей различных обломков и водяным смерчем, пароход повалился набок, окутываясь облаками белого пара, и через несколько минут исчез под водой.

Покончив с пароходом, Эссен взял курс на восток.

Интересуясь устройством машинного отделения, Звонарев отправился туда с судовым механиком. Уже около трапа в машинное отделение им в лицо пахнул горячий воздух, и чем дальше они спускались, тем становилось жарче.

В самой котельной кочегары работали по пояс голые, и, несмотря на вентиляцию и непрерывно бьющий душ из забортной воды, зной здесь был нестерпимый. Кочегары быстро, ловко забрасывали уголь, шуровали колосники, выгребали золу.

Звонарев поднял кусок угля и стал его рассматривать.

- Янтайекий? - спросил он.

- Нет, японский, - ответил механик.

- Довоенные запасы?

- Мы к после начала войны получили десять пароходов угля из Японии.

- Неужели японцы нам продолжали продавать уголь?

- Война - войной, а коммерция - коммерцией. Одно другому не мешает.

Наоборот, если хотите, даже помогает. Платить только приходится подороже. Да что уголь - новые английские дальномеры Барра и Струда наше адмиралтейство так и не удосужилось приобрести, а японцы нам их продали уже после разрыва дипломатических отношений. Через Шанхай получили недавно двенадцатидюймовые снаряды - все японского

происхождения, не говоря уже о пищевых консервах и прочей мелочи.

Звонарев не верил своим ушам.

- Не верите? - заметил механик. - Справьтесь в рорту. Наш поставщик Гинзбург и сейчас имеет отделения своей фирмы и в Японии и в Шанхае. Сейчас они переведены на нейтральных лиц и преспокойно доставляют нужные нам предметы из Японии

- Чудны дела твои, господи, - удивился Звонарев. - Котлы у вас тоже английские?

- К сожалению, наши, а у японцев - английские. Они занимают меньше места и гораздо быстрее поднимают пар.

Осмотрев судовые машины, Звонарев поднялся на палубу и с удовольствием стал дышать свежим морским воздухом.

"Новик" уже возвращался обратно. Эссен в бинокль внимательно разглядывал горизонт.

- Японцы идут наперерез, только сразу не разберешь, кто именно, надо все же поторапливаться, - сообщил он Гобято.

Вскоре выяснилось, что это легкие крейсера.

- Не страшно. Добежим до Артура одновременно с ними, если не раньше, но они к берегу не посмеют близко подойти.

Ляотешань был уже хорошо виден. На рейд из Артура выходили "Баян" и "Паллада".

Японцы между тем с дальних дистанций открыли огонь. На "Новике" пробили артиллерийскую тревогу. Матросы кинулись к орудиям.

"Новик" дал бортовой залп из всех пушек. Японцы тоже пристрелялись. На палубу то и дело захлестывала вода, взметаемая японскими снарядами.

Артур был уже близко, и японцы стали отставать.

- Смотрите, ваш Электрический Утес стреляет! - указал биноклем Эссен на берег.

Под Золотой горой медленно расплзлось голубое облако дыма.

- Есть! - радостно вскричал Гобято. - Борейко верен себе, попал-таки в одного японца. Видите, какой дым валит на втором от головы корабле?

Звонарев обернулся и увидел, как, окутанный дымом, один из японских крейсеров выкатился из кильватерной колонны и стал медленно уходить в море.

В это время опять блеснули выстрелы, и вновь пополз дым Борейко, очевидно, как всегда, торопился со стрельбой. Хотя попаданий больше не было, все же японцы поспешили удалиться вслед за подбитым крейсером.

- На сегодня с нас довольно, - проговорил Эссен, спускаясь с мостика. - Через полчаса будем в Артуре. Отбой боевой тревоги. Отпустите матросов вниз, - распорядился он.

- Милости просим с нами позавтракать, - пригласил Гобято и Звонарева старший офицер.

Завтрак прошел весело. Много ели, мало пили и много смеялись.

- У нас в армии убеждены, что моряки страшные пьяницы, - заметил Гобято. - На берегу можно и кутнуть, - заметил Эссен. - А на корабле, да еще в боевой обстановке, мы очень скромны, кроме легкого вина, ревизор никогда ничего на выставит на стол.

Было немного за полдень, когда "Новик" вошел в гавань и пришвартовался.

Поблагодарив любезных хозяев, артиллеристы сошли на берег.

- Надо зайти в мастерскую посмотреть, как там идет работа, - напомнил Звонарев.

- Сейчас там перерыв на обед до часу. Заглянем сперва в Управление.

Но тут на них вихрем налетела Варя Белая.

- Едемте верхом, - предложила она Звонареву. - День чудесный, прокатимся верст за десять-двенадцать, проманежим лошадей. Ведь сегодня воскресенье.

Звонарев замялся и вопросительно посмотрел на Гобято.

- Поезжайте уж, Сергей Владимирович, а я за работой понаблюдаю. А то бедная Варя у нас скоро со скуки умрет, - разрешил капитан.

- Вот и чудесно! Идемте седлать лошадей.

- Попали с корабля если не на бал, то на коня, - улыбнулся Гобято.

- Вы умеете стрелять из револьвера? - спросила Варя Звонарева, когда они садились на лошадей, пряча револьвер в кобуру седла.

- А зачем это?

- За город мы всегда ездим вооруженными: грабежи бывают под самым Артуром

- К сожалению, стрелок я плохой.

- Какой же вы военный! Я женщина, и то умею стрелять. Если на нас нападут, то я, так и быть, вас буду защищать, - подсмеивалась девушка.

Миновав дамбу, отделяющую восточный бассейн от пресного озера, всадники свернули на Бульварную улицу, на которой находились все лучшие магазины города. Толпы праздничного народа двигались по тротуарам. Варя то и дело раскланивалась со знакомыми.

- В институте пришли бы в ужас, увидев меня верхом среди бела дня на главной улице,

- Зато у вас импозантный вид, - ответил Звонарев.

- С детства езжу - меня папа брал к себе в седло. Да и мама только недавно перестала ездить верхом. Привет, Мария Петровна! - крикнула Варя, увидев на тротуаре Желтова. - Смотрите, какого я себе кавалера подцепила. Ни стрелять, ни шашкой рубить не умеет. Хочу его вместо себя в институт отправить. Там его быстро научат рукоделию и музыке. Из него выйдет примерная институтка. Всегда будет иметь полный балл за поведение, не то, что я, грешная, никогда не была примерной девицей.

- Озорница ты большая, Варя. Напрасно смущаешь молодого человека. Подожди, я тебе хорошую проборку устрою, когда к нам заедешь, - пригрозила Желтова. - Вы, Сергей Владимирович, не обижайтесь на нее. Это она попросту по-своему кокетничает с вами.

- Ничего подобного, - вспыхнула Варя и рысью тронула лошадь.

- Я на маленьких деточек не обижаюсь. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, - отпарировал прапорщик.

Варя на ходу погрозила ему кулаком.

Миновав Старый город, они попали в кривые грязные улочки в китайской

части города.

Посреди дороги с визгом бегали многочисленные китайские ребяташки, в лужах валялись свиньи, блаженно похрюкивая на солнце, здесь же бродили собаки с опущенными хвостами. Прямо на тротуарах, против открытых дверей, готовился несложный китайский обед. Удушливый запах бобов, жаренных с чесноком на кунжутном масле, бил в нос. Тут же рядом тоже на улице цирюльники брили и стригли. Лоточники со своим незамысловатым товаром проталкивались сквозь толпу, громкими криками нараспев привлекая к себе внимание. Русские рабочие, китайцы-ремесленники перемешались в толпе, по-восточному крикливой и пестрой. Завидев Варю и Звонарева, мальчишки с улюлюканьем побежали за ними, выпрашивая подаяния. Варя бросила им несколько мелких монет, и они отстали. Через старинные ворота, в восточном стиле украшенные цветной черепицей, они выехали за город.

Варя из раскинувшейся сети дорог и тропинок выбрала широкий проселочный шлях. Дорога была окопана канавами и обсажена деревьями.

- Это старая Мандаринская дорога. По ней довольно много ездят, и потому она менее опасна, чем другие. А теперь ловите меня. - И девушка, огрев плетью свою лошадь, понеслась вперед.

Звонарев едва поспевал за ней. Чистый, по-весеннему, теплый воздух, яркое солнце и быстрота движения оживили обоих.

Весело смеясь, девушка усккала далеко вперед. Звонаревский Дон, машистый и высокий, постепенно набирая аллюр, стал нагонять лошадь Вари. В это время на дорогу неожиданно выскочил заяц. Кубань шарахнулась в сторону, и Варя на всем скаку слетела с лошади. Подскакав к ней, прапорщик помог девушке встать на ноги. Лицо и руки Вари были основательно поцарапаны, платье и чулок испачканы, волосы растрепались, но она сохранила свой задорный тон.

- Вы очень обрадовались, конечно, что я закопала редьку? Со мной это случается иногда. Отвернитесь и не смейте оборачиваться, пока я вам не разрешу, - приказала она и принялась приводить себя в порядок.

Прапорщик попытался было поймать Кубань, которая носилась вокруг своей хозяйки, не подпуская к себе Звонарева. Только вмешательство Вари помогло наконец изрядно уставшему прапорщику поймать строптивую лошадь. Вскочив на Дона, девушка погналась за беглянкой и вскоре уже вела ее на поводу.

Сев снова на коней, Варя со Звонаревым продолжали свое путешествие, хотя прапорщик настойчиво предлагал своей спутнице вернуться в Артур.

- Все мои ссадины и царапины до свадьбы заживут. Нечего о них беспокоиться, - уверяла девушка.

- Вдруг вы завтра вздумаете с кем-либо повенчаться? Неприлично вам будет стоять под венцом с поцарапанной физиономией, - поддразнивал девушку Звонарев.

- Не говорите глупостей! - сердито отозвалась Варя и перевела лошадь на широкую рысь.

Вокруг виднелись голые скалы. Все пригодные к посеву площадки старательно возделывались китайцами. Работали они вручную, кирками и мотыгами. Только кое-где, на больших участках, можно было заметить осла или корову, которые владели за собою примитивную деревянную соху. Требовались огромные усилия, чтобы обработать для посева чумизы или гаоляна даже маленький клочок земли.

- Надо обладать огромным трудолюбием, чтобы заставить родить здешнюю землю, которая состоит наполовину из глины и наполовину из камней, - удивлялась Варя.

- Это исключительное трудолюбие китайцев роднит их с нашими русскими крестьянами. Тем тоже приходится в поте лица добывать себе хлеб, - проговорил Звонарев.

- Говорят, что мужики большие лодыри, - удивилась Варя.

- Не верьте этому. Подневольный труд на помещика, конечно, никому не может нравиться, а, работая для себя, наш мужичок чудеса творить может. В детстве мне приходилось бывать в новгородской деревне, и я видел, как напряженно трудятся крестьяне на своих крохотных полях.

- В Артуре китайцев тоже считают отъявленными лентяями, - начала

Варя.

- Кто считает? Вера Алексеевна? А солдаты мне не раз высказывали свое удивление трудолюбию китайцев. За горсть риса они готовы работать целый день.

На обратном пути к Варе и Звонареву подъехали трое солдат пограничной стражи.

- Вашблагородь, разрешите присоединиться к вам, - обратился к Звонареву старший из них.

Прапорщик был удивлен этой просьбой и обернулся к Варе, чтобы узнать ее мнение по этому вопросу.

- Разрешите доложить, - продолжал солдат, - часа два как тут ограбили двух артурских лавочников, которые за товарами ехали к китайцам.

- Конечно, пусть едут с нами, - решила Варя. - Под охраной будет спокойнее.

Звонарев был благодарен солдатам за деликатное предложение своей помощи на случай неожиданного нападения хунхузов.

- Очень грабители сейчас осмелели. Японцы их снабжают оружием и патронами. Грабь кого хочешь, слова плохого им за это никто не говорит, - жаловались пограничники.

- Бороться с ними трудно, если население их прячет, - заметил Звонарев.

- Почему прячет? - удивилась Варя. - Хунхузы больше всего грабят китайцев. Ради чего им скрывать разбойников?

- Грабители не всегда обируют китайцев. Если население им платит определенную дань, то они не только не трогают тех, кто им платит, но и защищают от нападения других разбойников. Мы разбросаны по всему берегу небольшими постами. Живем вместе с китайцами. Они народ хороший, только ходят с косами и вместо хлеба рисом питаются. Коль к китайцу хорошо относишься, никакой хунхуз тебе не страшен. Китаец обо всем предупредит и спрячет при надобности. А ежели с ними ссориться, то лучше в пограничниках не служить, выследят и подстрелят. Виновных не найдешь, - неторопливо рассказывал пограничник. - Наш командир, подполковник Бутусов, Петр Дмитриевич, всегда пас учит в

миру с китайцами жить и зря их не обижать.

Варя и Звонарев с большим интересом слушали рассказ солдата, который приподнимал перед ними завесу, обычно прикрывавшую официальные русско-китайские отношения. Беседуя с солдатами-пограничниками, Варя и Звонарев незаметно добрались до Артура. Поблагодарив солдат за охрану, они направились в Пушкинскую школу.

Мария Петровна приветливо встретила бросившуюся ей на шею Варю.

- Ты по-прежнему предпочитаешь скакать на лошади и стрелять из пистолета, чем заниматься музыкой и изящными рукоделиями? И чаще пахнешь конюшней, чем духами? - спросила учительница, улыбаясь.

- Конюшней, коровником или свинарником, только не опопонаксом и лориганом, - ответила девушка, прижимаясь к Желтовой.

- Рассказывай, что сегодня с тобою приключилось.

- Ничего как будто.

- С тобой всегда что-либо да приключается. Такая ты уж сорвиголова.

- Ему, - Варя кивнула на Звонарева, - вчера о вас много говорил Микеладзе.

- И, конечно, плохое? Мы к этому привыкли, не раз непрошенные гости по ночам заглядывали, - ответила Мария Петровна.

Звонарев подробно передал ей разговор с жандармом.

- Значит, и Стах тоже взят на подозрение, хотя он и офицер? - спросила вошедшая Леля Лобина. - Он догадывается об этом давно. Он в партиях не, состоит, а только критически относится к окружающему.

- Микеладзе хочет выслужиться и выдумывает про всех такое, что никому и не снилось, - заметила Варя. - Нам пора домой. Я по дороге еще хочу заехать к Стессель.

- Поменьше бы ты туда ездила, Варя; Вера Алексеевна-зелье хорошее. Держи язык за зубами и о нас не упоминай, - предупредила Желтова.

Стесселей Варя со Звонаревым застали за чаепитием. Генерал читал единственную газету, которую считал достойной своего внимания, - "Русский инвалид", где печатались все назначения, производства и увольнения по военному министерству.

- Кого это бог принес? - удивилась генеральша, заслышав звонок.

- Здравствуйте, Вера Алексеев - на! - подлетела к ней Варя. -
Здравствуйте, Анатолий Михайлович, - присела она в реверансе перед
Стесселем.

- Здравствуй, стрекоза. Откуда ты в таком походном виде?

- Ездил за город с мосье Звонаревым, - кивнула на своего спутника
девушка, который тем временем успел приложиться к ручке Веры
Алексеевны и подошел к генералу.

- Анатолий, познакомься! Это тот самый офицер, что помог мне вчера
принести покупки, - отрекомендовала генеральша прапорщика своему
мужу.

- Очень приятно, - приподнялся навстречу Звонареву генерал. - Прошу
садиться с нами за стол, побаловаться китайским чаем.

- Мы сейчас видели, какие китайцы труженики! Не разгибая спины
работают в поле, - заметила Варя.

- Зачем ты едешь за город, да еще без конвоя? - умышленно переменял
разговор генерал. - Только сегодня ограбили двух китайцев на
Мандаринской дороге. Надо брать трех, четырех вооруженных солдат.
Тогда можно быть спокойным, что никто не осмелится напасть за
городом.

- Да они нам только мешали бы, стесняли нас, - горячо возразила Варя.

- Ах, вот как! - удивленно проговорила Вера Алексеевна и внимательно
посмотрела на Звонарева.

Варя поняла свою оплошность и вспыхнула.

- Совсем не потому, что вы думаете, - забормотала она.

- Молодо-зелено, погулять ведено, - усмехнулся Стессель. - Вы на какой
батареи находитесь?

- На батарее Электрического Утеса, - ответил прапорщик.

- Прекрасно действует батарея, да жаль, солдаты распушены свыше
меры.

Слабоват у вас командир. Я об этом и Василию Федоровичу говорил, но
тот за него стоит горой. Лучший командир у меня в артиллерии. А

поручик этот высокий такой...

- Борейко, - напомнила Варя. - Не ест, не пьет ничего, кроме водки, и все время только по японцам стреляет, как только они подойдут на пушечный выстрел к Артуру.

- Слыхал, слыхал, что он любит выпить, но боевой офицер, - заметил Стессель.

- У всякого бывают свои недостатки. Главное - быть хорошим командиром, - примирительно заметила генеральша.

- Наши горе-морячки, кажется, сегодня рискнули выйти в море, да что-то скоро обратно вернулись. Верно, тень японской эскадры увидели. Они пуще огня боятся адмирала Того.

Звонарев рассказал о своем выходе на "Новике" в море.

- Совсем я не одобряю этого. Зачем вам с моряками путаться? Вот вы говорите, что огнем Утеса поврежден японский крейсер. А Эссен, наверное, донесет, что это попадание моряков, а не крепости. Предложу Белому запретить его офицерам посещение кораблей. За офицерами потянутся солдаты повидаться с земляками матросами. Те же - известные смутьяны и крамольники. Чем дальше от них, тем лучше. Вчера полицмейстер донес мне о драке солдат с матросами.

Стрелки здорово набили морякам, а он сдуру переарестовал стрелков. Я приказал немедленно всех освободить и запретил командирам наказывать солдат. Пусть лучше дерутся, чем дружбу водят с матросами, - брюзжал Стессель.

Как ни отнекивался Звонарев, Варя заставила его зайти к Белым и там пообедать. Здесь прапорщик застал уже пожилого подполковника Петра Дмитриевича Бутусова, командира Квантунского отдела пограничной стражи. Это был коренастый мужчина, с большой проседью и пышными усами, которые сливались с бакенбардами. Подбородок он тщательно пробривал. Судя, пвчыгкью, как запросто принимали его у Белых, можно была понять, что он свой человек в доме. Варя радостно - бросилась к нему навстречу и, выпуская сто слов в минуту, тотчас сообщила как их на обратном пути охраняли солдаты пограничники - Они столько

рассказывали нам интересного, - восхищалась Варя, - о том, как вы требуете от солдат хорошего отношения к китайцам.

- Теперь во время войны, особенно важно привлекать к себе местное население. Это тем более легко сделать, что всего шесть лет тому назад вовремя японокитайской войны японская военщина проявила крайнюю жестокость по отношению к китайцам, вырезая целые селения поголовно, не щадя ни женщин, ни детей. Обратив китайцев в своих союзников в этой войне - значит обеспечить свои тылы, обезопасить себя от японских шпионов и бандитов. Этой простой истины никак не хотят понять наши правящие сферы, - горячо говорил Бутусов.

- Написали бы вы, Петр Дмитриевич, по этому поводу докладную записку наместнику, - предложил Белый.

- Писал и лично докладывал и Алексееву, и Стесселю, и в министерство финансов, которому мы подчинены. Самому Витте писал - ни ответа ни привета.

Канцелярия наместника, правда, раз ответила - не суйтесь не в свое дело, - с горечью ответил Бутусов. - Правящие сановники у нас понимают и признают только одну политику: тащить и не пущать. Широко применяют ее в России и считают наиболее подходящей ее и здесь, - согласился Звонарев.

- Мало я вас знаю, молодой человек, но дружеский совет все же дам - свои мысли и мнения держите лучше при себе, а то выскажетесь в этом роде в публичном месте и попадете в большую неприятность. Артур - далекая окраина Российской империи, но порядки здесь те же, что и в Москве и Саратове, - предупредил прапорщика Бутусов.

Уже стемнело, когда Звонарев отправился к себе.

Глава шестая

С утра подул холодный норд-ост, с моря налетел густой туман, видимость сократилась до десяти - пятнадцати саженей.

Незадолго до обеда в мастерских появился Борейко, как всегда шумный, подвижный и энергичный.

- Здорово, ребята, - приветствовал он мастеровых.

- Здравия желаем!

- Сразу видать - нестроевщина. Отвечают кто в лес, кто по дрова. Как работа идет? - обратился он к Звонареву. - Мне уже надоело тебя на Утесе дожидаться, решил сам приехать подогнать вас. Больно вы тут копаетесь.

- Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, Борис Дмитриевич.

Мы и так тут работаем даже в праздничные дни.

- Бабы блох скорее ловят, чем вы дело делаете. Дал бы ты им по полбутылки, разом дело закипело бы.

- Что верно, ваше благородие, то верно: с водкой дело куда скорее бы пошло, - поддакнули многие.

- Сережа, у тебя деньги есть? Пошли кого-нибудь за парой четвертух на всю братию. Пьяными не будут, а работа пойдет быстрее.

- Неудобно как-то в мастерских, - возразил Звонарев.

- Когда обедать пойдут, я сам каждому из них по чарке поднесу. Вали кто-либо за водкой.

- Нам, ваше благородие, не продадут.

- Прапорщик сейчас вам записку даст, что водка нужна для технических целей.

- Не поверят, ваше благородие.

- А шут с ними, пусть не верят. Раз казенная печать есть, верь не верь, а водку подавай. Аида, Сережа, поскорее сваргань это у себя в канцелярии.

Когда Звонарев ушел, Борейко стал ходить между клепальщиками, приглядываясь к работе. Он принадлежал к числу людей, которые равнодушно не могут видеть работу других.

- Дай-ка мне тоже молоточек, - обратился он к Братовскому. - Хочу и я малость им помахать. Мальчишкой, бывало, из кузницы не вылазил, любил молотобойничать.

Борейко подали кувалду, он попробовал ее и отбросил.

- Больно легка, не по руке. Давай которая потяжелее.

Вооружившись чуть не пудовой кувалдой, он принялся за работу, но дело у него не клеилось: заклепки садились криво, мялись, и клепка получалась плохая.

- Силы, ваше благородие, надо поменьше, а ловкости побольше; позвольте, я вам покажу, - предложил Братовский.

Когда Звонарев вернулся обратно в цех, он застал Борейко в одной рубашке, с увлечением действующую кувалдой под присмотром Братовского.

- Лихой из тебя коваль, Боря, вышел бы. Иди в мастерскую - старшим кузнецом сразу сделаю, - улыбнулся Звонарев.

- Люблю поразмяться. Силушка по жилочкам так и забегает, - утирал потный лоб Борейко. - Я хочу сразу внести все переделки в лафет: полки для квадрантов на стрелах, что к цапфе прикрепляем, прицелы насечь на большую дистанцию. Разметки я уже сделал. Видел я щиты у моряков около пушек, решил и у нас их пристроить. Чертежик тоже набросал. Пойдем-ка в канцелярию и поговорим, что да как.

Познакомившись с чертежами Борейко, Гобято удивленно посмотрел на него.

- Выдумщик вы, Борис Дмитриевич. Вам бы в артиллерийскую академию идти.

- В академию рылом не вышел. А с пушками повозиться люблю, есть грех, - ответил поручик. - Мыслишка у меня давно в голову засела, как бы нам облегчить подачу снарядов из погребов к орудиям. Это самая тяжелая у нас работа, да и мешкотно, много времени на это уходит. Солдаты мне верную мысль подсказали - использовать для этого силу отката орудия при выстреле. И откат слабее будет, и заряжать станет легче. Только как это сделать - не соображу.

Лебедкин - есть у нас там такой, из мастеровых, - предложил трос к лафету прикрепить да перебросить через блоки к снарядному кокору. По его соображениям, как раз силы хватит, чтобы снаряд поднять. Только вот рывок при выстреле получается. Опасно, как бы при этом снаряд не

взорвался.

- Идея неплохая. Для смягчения первого рывка можно пружину поставить, тогда движение плавнее будет, - согласился Гобято.

Прошло больше часа, пока наконец договорились и окончательно решили, какие еще нужны будут переделки в орудиях и лафетах.

- Чуть не забыл, - спохватился Борейко, - нас с тобою, Сережа, сегодня вызывают к часу дня в офицерское собрание, на заседание суда Общества офицеров по делу Чижа.

- Первый раз слышу! По какому еще это делу Чижа? - удивился Звонарев.

- Забыл, как мы его вывели на чистую воду с артельными суммами? Он, оказывается, очень обиделся, что я его назвал жуликом, и подал жалобу в суд Общества офицеров. Белый приказал его разобрать. Тебя и Жуковского вызывают в качестве свидетелей, а меня в качестве ответчика. Идем поскорее, пока не опоздали.

В Управлении артиллерии, в библиотеке, уже собрался весь состав суда.

Председательствовал Тахателов, а членами были капитан Страшников и капитан Мошинский. Все они были в парадных мундирах, при орденах и оружии. Тут же находился и Чиж.

Как только вошли Борейко со Звонаревым, Тахателов начал заседание.

Секретарь суда, мрачный чиновник, опросил Чижа и Борейко, имеют ли они отводы против состава суда и свидетелей. Их не оказалось.

- Поручик Борейко, почему вы не в парадной форме? - спросил Тахателов.

- У меня ее нет, заложил в ломбард.

Звонарев заявил, что еще не успел сшить мундир.

- Заняли бы где-либо на заседание суда, - хмуро заметил Страшников, суетливый, с бегающими глазами сорокалетний капитан.

Другой член суда, Мошинский, только укоризненно покачал головой, поблескивая стеклами своих очков в круглой металлической оправе. Козлиная бородка и длинные, закинутые назад волосы делали его больше похожим на сельского учителя, чем на офицера.

- Занять-то не у кого. Ничей мундир на меня не налезет, - возразил

Борейко.

Тахателов предложил считать уважительной причиной отсутствие мундиров у Борейко и Звонарева.

- Если поручик Борейко не постеснялся заявить на суде, что отдал в заклад свой мундир, то какие же у него могут быть представления о чести мундира, к которому он так небрежно относится? - ехидно проговорил Страшников, переглянувшись с Чижом.

- Это к разбираемому нами делу не относится! - возразил Мошинский.

- Присоединяюсь к вашему мнению, - проговорил Тахателов. - Суд переходит к опросу подсудимых. Расскажите, при каких обстоятельствах вам было нанесено оскорбление на словах поручиком Борейко, - обратился к Чижу Тахателов.

Чиж подробно и обстоятельно рассказал обо всем, что произошло в комнате у Жуковского после проверки артельных сумм.

- Вы подтверждаете правильность сказанного? - спросил Тахателов у Борейко.

- Целиком и полностью.

- Тогда предлагаю вам, поручик Борейко, принести свои извинения штабс-капитану Чижу.

- Не нахожу возможным. Вор, по-моему, всегда останется вором, как перед ним ни извиняйся.

- Прошу суд оградить меня от повторных оскорблений, - взвизгнул Чиж.

- Прошу вас выбирать ваши выражения, поручик, - остановил Борейко Тахателов.

- В показаниях капитана Жуковского значится, что штабс-капитан Чиж тоже оскорбил вас. Почему вы, поручи, к, об этом ничего не сказали? - задал вопрос Мошинский.

- Собака лает, ветер носит, - отрезал Борейко.

Чиж весь вспыхнул и снова за протестовал. Тахателов еще раз призвал Борейко к порядку. Затем суд допросил Звонарева и зачитал письменные показания Жуковского. Покончив с допросом свидетелей и выслушав объяснения Чижа и Борейко, Тахателов еще раз предложил закончить

дело миром, но встретил их решительный отказ. После этого суд удалился для вынесения приговора.

Борейко и Звонарев перешли в одну из соседних комнат. Из окна была видна большая площадка, на которой было установлено несколько хворостяных барьеров и торчали предназначенные для рубки лозы. По этому манежу коротким галопом скакала на своей Кубани Варя Белая. Она по очереди брала барьеры и тут же рубила шашкой лозу. Лицо девушки покраснелось, шляпка сдвинулась на затылок, волосы распустились, но она ничего не замечала, увлеченная спортивными упражнениями. Скачка с препятствиями сменялась бешеным галопом.

Привстав на стременах, пригнувшись к луке, Варя вихрем носилась мимо окон.

- Козырь девка! - восхищенно заметил Борейко. - И мужа ей надо козырного, да чтобы еще королем был.

- Король, пожалуй, староват для нее будет, а валет бы подошел, - ответил прапорщик.

- Отчего тебе, Сережа, не сыграть в такого валета?

- А тебе?

- Какая дура пойдет за такого пьяницу, как я!

- А я побаиваюсь таких амазонок, мигом под башмак попадаешь к такой жинке.

- По-моему, это совсем не плохо сидеть под разумным каблучком. Только для меня едва ли скоро найдется, больно большой да крепкий каблук нужен.

- Может, и под самый маленький попадешь. Мужчина ты видный, а если и пьешь, то пьян не бываешь.

Их разговор был прерван приглашением на суд. Тахателов стоя зачитал постановление, в котором дуэль признавалась единственно возможным исходом конфликта между Чижом и Борейко.

- Оскорбления, нанесенные друг другу вышеозначенными офицерами при отказе принести взаимные извинения, могут быть смыты только кровью, - пояснил Тахателов.

- На чем же я с ним драться буду? На кулаках, что ли? - издевательски проговорил Борейко. - Ведь господин штабс-капитан умрет от страха при виде меня с шашкой или револьвером.

- Не торопись, дюша мой, - остановил его Тахателов и продолжал чтение приговора. - Принимая во внимание наличие в настоящее время военных действий с Японией, исполнение приговора отложить до конца войны", - торжественно закончил полковник. - Все понятно, господа? Претензий никаких нет?

Претензий не оказалось, и оба "подсудимые" расписались в прочтении приговора. Чиж старательно вывел свою короткую фамилию, а Борейко размашисто, через весь приговор начертал: "Прочел с удовольствием. Поручик Борейко".

Страшников только ахнул, прочитав написанное, и поспешил показать Тахателову.

- Это прямое издевательство над священной особой государя императора, - возмущался он.

Но Мошинский и Тахателов не придали значения выходке Борейко и громко расхохотались.

- Ты, дюша мой, не можешь без шуток! Будет тебе от генерала за то, что кладешь императорские резолюции на бумагах, - предупредил полковник.

На этом и закончилась судебная процедура. Когда Звонарев вернулся в мастерские, то Гобято поручил ему побывать на Стрелковой батарее.

- Командует ею капитан Мошинский. Я его сейчас видел в Управлении артиллерии. Он и подвезет вас к себе, а обратно и пешком доберетесь. Туда всего двести версты, - предложил Гобято.

Мошинский охотно согласился подвезти Звонарева к себе на батарею. По дороге они разговорились. Капитан рассказал, как он шесть лет тому назад" прибыл в Порт-Артур с батальоном Владивостокской крепостной артиллерии, как участвовал в Китайском походе, который он назвал позорной страницей в истории русской армии.

- Мы воевали с безоружными людьми и считали победами, когда

обращали их в бегство. В утешение себе скажу, что русские войска притесняли китайцев гораздо меньше, чем иностранцы, особенно англо-американцы.

Стрелковая батарея была расположена на так называемой Двурогой сопке на самом хребте, отделяющем Порт-Артур от моря. Влево внизу виднелась Двадцать вторая батарея, которой командовал Вамензон, справа на полгоре были расположены батареи номер шестнадцать и семнадцать, сзади к батарее подходила дорога в Старый город. Со Стрелковой батареи открывался вид во все стороны - впереди, насколько мог видеть глаз, расстилалось безбрежное море.

Сзади хорошо были видны Западный бассейн, доки, торговый порт и весь Старый город. Из-за Перепелиной горы частично проступал Новый город, а левее - массив Ляотешаня.

- Моя батарея расположена на самом лучшем месте в Артуре, до города всего три версты, до моря - две. Всегда дует ветер, поэтому воздух чист и насыщен морскими испарениями, сухо, масса солнца. Санитарная станция, а не батарея.

Легочников отправляют сюда на излечение. Живем мы с женой тихо и мирно, в городе редко бываем, дома коротаем вечера с ребятами. Думал прожить здесь спокойно еще лет с пятью, пока детишки подрастут, а тут началась война. Гоню жену с детьми из Артура, а она уезжать не хочет, - повествовал Мошинский.

- Пожалуй, она и права. Война может скоро кончиться, и все пойдет по-прежнему, - возразил Звонарев.

- Вы глубоко ошибаетесь! Раз японцы рискнули на войну с нами, то не из-за пустяков. Пока не отвоюют у нас Корею и Южную Маньчжурию с Артуром, мира не заключат. Скоро этого они не добьются, и война, несомненно, затянется.

- Вы считаете, что война нами будет проиграна? - удивился Звонарев.

- Зная японцев и стоящих за ними англо-американцев, трудно предположить, чтобы война кончилась вничью с сохранением теперешнего положения. Слишком далеко отсюда до России. Да и не

нужна нам эта Маньчжурия. Мы еще и Сибири не сумели освоить, а тянемся к Маньчжурии.

Разговаривая таким образом, Звонарев незаметно доехал до Стрелковой батареи. Она еще не совсем была закончена сооружением, и с полсотни солдат и китайцев в тачках возили землю и насыпали бруствер батареи. Солдаты и китайцы работали вперемежку. Ими руководил саперный унтер-офицер, указывая, куда еще надо подсыпать земли, проверял по шнуру правильность насыпи, замерял общий объем работы.

- Как у вас работают китайцы? - поинтересовался Звонарев.

- Пожаловаться не можем. Работают добросовестно, но и мы их не обижаем. Я сам слежу, чтобы при расчете их не обманывали, кормим из ротного котла. В других местах этого не делают, а я думаю, что два десятка человек всегда можно накормить там, где довольствуются три сотни. Сначала я китайцев не кормил, так сами солдаты с ними делились хлебом и другим продовольствием.

Наш русский человек всегда готов поделиться с другим тружеником, особенно с тем, который ему помогает в работе, - словоохотливо сообщил Мошинский.

Их разговор прервал подошедший фейерверкер, который доложил, что люди на занятия при орудиях собраны. Прапорщик вместе с капитаном направились к орудиям. Стрелковая батарея была вооружена четырьмя сорокадвухлинейными пушками образца 1877 года, пушки были доставлены недавно и еще совсем не расстреляны. Предполагалось произвести расточку зарядной камеры, чтобы увеличить размер заряда и тем сделать орудия более дальнобойными.

- Я уже произвел необходимые расчеты. Можно примерно в полтора раза увеличить вес пороха, что даст почти две версты увеличения дальности. - И Мошинский протянул прапорщику бумаги с расчетами.

Осмотрев орудия изнутри и проверив расчеты капитана, Звонарев согласился с ним и обещал представить их Гобято на одобрение.

Простившись с Мошинским, Звонарев пешком направился в Управление артиллерии. Он решил по дороге посмотреть, как идут работы по

укреплению центральной ограды крепости. Сооруженная еще при китайцах немецкими инженерами, центральная ограда представляла земляной вал в несколько метров высоты и толщины. На ней имелись гнезда для орудий, барбетов для стрелков, и она представляла собой довольно внушительное укрепление, но, не поддерживаемая столько времени, ограда пришла в ветхость и теперь спешно подправлялась крепостными инженерами. Работы велись силами матросов и китайцев. И тут и те и другие дружно работали бок о бок. Матросы помогали китайцам, те - матросам. Никакой розни между ними не было заметно. Только инженерныедесятники и саперные унтер-офицеры, боясь кричать и ругать матросов, срывали свою злость на китайцах, подгоняя их в работе. Но моряки одергивали унтеров и брали китайцев под свою защиту.

Звонарев справился у одного из саперов, сколько платят за работу морякам и китайцам.

- Матросы получают, что им положено от казны, а китайцам платим по шестьдесят копеек в день, - ответил он.

- Вы не слушайте его, вашбродь, - подошел к прапорщику один из матросов. - Он платит им только по тридцать копеек в день, а на остальную сумму пишет расписку. Получишь, говорит, после войны все сразу.

- Делаю, как мне начальство велит, и ты не в свое дело не суйся, а то я о тебе доложу капитану Бармину, что ты китайцев смущаешь, так тебе пропишут за это, - обозлился унтер.

- Мы твоему капитану не подчинены; у нас свое морское начальство Оно по правде и рассудит вас с китайцами.

Звонарев не стал слушать дальнейшие препирательства матроса и сапера и пошел дальше.

В мастерских он доложил Гобято обо всем виденном на Стрелковой батарее, показал расчеты Мошинского, а заодно и сообщил о деятельности Бармина.

- Инженеры в Артуре прославились своим воровством. Тот же Бармин

построил себе дом а Новом городе из ворованных строительных материалов. А китайцев он обирает без зазрения совести, - ответил Гобято.

- Надо же с этим бороться, сообщить о жульничестве Бармина начальнику инженеров крепости полковнику Григоренко. Тот должен принять необходимые меры, - горячился прапорщик.

- Григоренко-то с Барминым в доле состоит. Тут имеется круговая порука жуликов и воров. Григоренко, верно, еще с кем-либо делится из начальства.

Печально, но факт, - ответил Гобято.

Наконец работы по переустройству лафетов были закончены, и тяжелые, по сотне с лишним пудов, станины стали укладывать на крепкие трехосные платформы.

Так как лошадей не хватало, то к осям платформ с обеих сторон приделаны были канатные лямки, в которые впряглось по полсотни солдат на каждую платформу. Процессия медленно, часто останавливаясь, двинулась по дороге через Золотую гору.

- Что твои бурлаки на Волге, недостает только "Дубинушки"! - возмущался Звонарев. - Неужели нельзя на это время собрать лошадей из рот?

- Лошадей в ротах мало, и ими дорожат, мой друг, а людей побольше, и ценится их труд куда дешевле. Та же рабочая скотина, только двуногая. Да и в случае какого несчастья спокойнее: придавит человека - поохают, повздыхают и забудут, а лошадь покалечишь - под суд за порчу казенного имущества пойдешь, - насмешливо объяснял Борейко.

- Разве нельзя в Артуре лошадей достать? Почему бы не попросить лошадей у полевой артиллерии, что ли?

- Ближе можно: у Белого шестерка лошадей, у Стесселя около десятка. Но лошади-то генеральские! Их превосходительства предпочитают тяжести возить на людях. Попробую схожу к Белому, может быть, где-либо через него лошадей достанем, - согласился Борейко.

Солдаты, потные и красные от напряжения, несмотря на резкий ветер,

изо всех сил помогали паре лошадей.

- Наддай, наддай еще малость! - охрипшими голосами кричали фейерверкеры. - Уже верхушку горы видать, совсем немного осталось.

Солдаты кряхтели, надавали, проходили еще шагов десять-пятнадцать и, обессиленные, останавливались. Через минуту опять раздавалась команда.

- Навались! - и люди вновь налегали на лямки.

За час прошли не больше версты, люди и лошади были совершенно измотаны.

Звонарев устроил привал на десять минут. Усталые солдаты повалились на холодную, промерзлую землю, некоторые попросили разрешения сходить за водой, жажда мучила людей не меньше усталости. Прапорщик распорядился доставить из нестроевой роты бочку воды, но фельдфебель отказался ее дать. Обозленный Звонарев сам пошел за бочкой.

- Как ты смеешь не исполнять моих приказаний? - набросился он на фельдфебеля.

- Капитан не приказали. Был такой случай: бочку потребовали для поливки сада, я дал, а капитан потом за это меня выругали и приказали вперед бочку никому и никогда не давать.

- Ты или притворяешься дураком, или в самом деле дурак: то сад полить, а то людей напоить.

- Воля ваша, ваше благородие, без капитанского приказания бочку дать не могу.

- В чем дело? - вмешался подошедший Борейко.

Звонарев рассказал.

Поручик молча хлестнул фельдфебеля по зубам.

- Марш! Сам с бочкой, сволочь, поедешь! - приказал он.

Фельдфебель, утираясь на ходу, бросился исполнять приказание.

- Рассусоливаешь ты с ними напрасно, - заметил Борейко. - Они видят, что ты из штатских, и позволяют себе черт знает что. С лошадьми ничего не вышло. Позвонил было Белый, к Стесселю, так тот просто расхохотался. "У тебя, говорит, Василий Федорович, на то и солдаты,

чтобы пушки да лафеты таскать".

Так ни с чем и ушел, придется самим тащить. Становись, Сергей, в лямку второго взвода, а я в первый стану, потягаемся, - все веселее будет. А ну-ка, ребята, потягаемся - чья возьмет! - крикнул Борейко солдатам, накидывая на себя лямку. - Смотри, Тимофеич, - обратился он к Родионову, - не подкачай, а то прапорщик с Лепехиным нас потом засмеют.

Солдаты оживились. Вид огромного Борейко, едва влезшего в лямку, показался им забавным. Они начали шутить и пересмеиваться между собой.

Первый взвод скоро стал опережать. Звонарев со своими солдатами сильно отстал.

- Эх ты, Лепеха-воха, - кричал Родионов, - совсем у вас, видать, кишка тонка. Мало каши ешь!

- Так у вас же один Ведмедь за целый взвод прет, - пробурчал Лепехин, - а у нас прапорщик хлипкий.

Подождав вторую платформу, первый взвод двинулся дальше.

Только к вечеру все десять станин "были переброшены на Электрический Утес. Солдат, валившихся с ног от усталости, Борейко отпустил спать.

- Кто же на батарее на ночь останется? - забеспокоился Жуковский.

- К пятидесятисемимиллиметровым пушкам довольно будет и восьми человек.

Мобилизовать денщиков, писарей да каптенармусов, и я с ними останусь, - предложил Борейко.

Вечером на Утес неожиданно пришли сто двадцать человек мастеровых из нестроевой роты.

- Вы зачем сюда явились, архангелы? - спросил Борейко.

- Подсобить вам малость пришли, ваше благородие, - за всех ответил Братовский. - Дело срочное, и ваши солдаты, видать, вовсе притомились. Мы и отпросились у капитана. Желающих сто двадцать человек набрали.

- Спасибо на добром слове. Только темно сейчас, а у нас ночью разводить огней не полагается, с моря видно.

- Мы, ваше благородие, и при ручных фонарях управимся, - ответил кто-то из солдат.

- Тогда пойдем на батарею.

Людей поделили - одни под руководством Борейко занялись ремонтом орудий, снимали их со старых лафетов, а другие со Звонаревым приступили к сборке новых. Вскоре Утес превратился в монтажную мастерскую.

Звонарев с Борейко до утра не сомкнули глаз. Как только рассвело, нестроевые ушли с батареи, а отдохнувшие артиллеристы встали на работу. Трое суток непрерывно день и ночь шло переоборудование батареи. Всех солдат поделили на три смены под руководством Жуковского, Борейко и Звонарева.

Погода продолжала оставаться морозной и вьюжной, японцы не беспокоили. К вечеру третьих суток наконец вся батарея была переоборудована. Старые лафеты у пушек были заменены у орудий появились щиты и целая система блоков для подъема снарядов. Дальномерную будку и командный пункт для командира перенесли в бруствер.

Наконец погода прояснилась. С раннего утра Борейко уже метался около орудий, последний раз осматривая все заклепки и вновь установленное приспособление для стрельбы. Но японцы не - появлялись, - море оставалось чистым до самого горизонта.

Хотели уже было выпустить пару снарядов прямо в море, чтобы проверить действие новых установок, когда несколько легких японских крейсеров приблизилось к Артуру.

- На дальномере! - завопил радостно Борейко.

- Шесть тысяч пятьсот!

- Пусть подойдут поближе, - решил Жуковский. - Начнем с наименьшей дистанции, - девять верст, а затем будем ее увеличивать.

- Зарядить орудия! - скомандовал Борейко.

Солдаты, с утра томившиеся в ожидании стрельбы, радостно бросились подносить снаряды и новые, еще невиданные на батарее картузы с

бездымным порохом: всем хотелось поскорее испробовать переделанные лафеты.

- Эх, и пуганем мы сейчас японцев. Не обрадуются, - оживленно говорил Лебедин.

- Наводи, Петрович, поточнее, чтобы нам не осрамиться с нашими новыми пушками, - упрасивал Родионов наводчика Кошелева.

На батарее чувствовался общий подъем.

- Не разорвет орудия? - беспокоился Жуковский. - Ведь они рассчитаны на бурый призматический порох, а не на бездымный.

- Рассчитаны с запасом, Николай Васильевич, - успокоил его Звонарев.

- На первый залп людей все же надо спрятать в погреба, чтобы несчастья не случилось.

- Пять тысяч пятьсот! - доложили дистанцию с дальномера.

- Прицел двести пятьдесят, батарея, залпом!

Дула орудий поднялись необычайно высоко вверх. С непривычки казалось, что пушка при таком угле возвышения должна обязательно опрокинуться при выстреле. Солдаты пугливо поглядывали.

- Укройтесь в погребах! - крикнул Борейко.

Все, за исключением фейерверкеров и наводчиков, поспешно юркнули в погреба.

- Батарея, пли!

Пять огненных столбов вырвались из высоко поднятых вверх дул орудий. Легкий дымок на мгновение окутал батарею и тотчас растаял. Остро запахло эфиром. Лафеты мягко откатились и стали на свои места. Солдаты моментально выскочили из укрытий и бросились осматривать пушки.

- В первом взводе все в порядке! - доложил Родионов.

- Во втором и третьем тоже! - доложили взводные.

- Падает! - донеслось с дальномера.

- Недолет!

- На полверсты не докинули, - заметил Жуковский.

Затем попробовали стрелять на одиннадцать и двенадцать верст, на

пределе получили двенадцать с четвертью верст вместо предположенных тринадцати.

Японцы при первых же выстрелах поспешили уйти дальше в море.

- Итак, вместо девяти с половиной верст дальность увеличили до двенадцати, кругло считая, - резюмировал Жуковский.

- Скорость стрельбы доведена до одной минуты тринадцати секунд на залп и может быть еще увеличена, - добавил Бореико.

- И люди и командир находятся теперь в полном укрытии от осколков, - закончил Звонарев.

Поблагодарив солдат за хорошую работу по переоборудованию батареи, Жуковский с Бореико и Звонаревым отправились обедать.

- Начальство даже и не поинтересовалось нашими успехами, - сказал Бореико.

- Как не заинтересовалось! Заинтересовалось, даже очень. Я сейчас получил из Управления артиллерии телефонограмму с выговором за самовольную стрельбу сего дня, - улыбнулся Жуковский.

Стессель крупными шагами ходил по комнате. Волнения первых дней войны уже миновали, он успокоился и обрел свой прежний решительный вид и тон. Вера Алексеевна поместилась в углу на диване, около большой лампы под красивым абажуром. Рядом с ней сидели четыре ее питомицы, старательно занимаясь вышивкой.

В качалке развалился высокий, широкоплечий, бородатый артиллерийский генерал Никитин, с типичным лицом алкоголика, начальник артиллерии формирующегося в Артуре Третьего Сибирского корпуса. Он был слегка навеселе и потому особенно многословен.

- Наши самотопы продолжают отличаться, - проговорил он громко, чуть хрипловатым басом.

- Какие такие самотопы? - удивилась Вера Алексеевна.

- Да наши герои-морячки! Пока они ни одного японца еще не утопили, зато потопили в Чемульпо "Варяга" и "Корейца", а под Артуром - "Енисея" и "Боярина". Япошкам никогда и не снились такие успехи, если бы не помощь наших самотопов. Погодите, они еще своими руками весь флот

перетопят, а сами в Питер укатят.

Стессель громко расхохотался:

- Это ты здорово сказал, Владимир Николаевич. Самотопы! Что правда, то правда, - самые настоящие самотопы! Завтра же всем расскажу, как ты ловко их окрестил.

- Ты должен быть осторожен, Анатоль. Ведь наместник - моряк и души не чаёт во флоте и моряхах, - предостерегала Вера Алексеевна.

- Среди своих поговорить можно, а среди чужих - лучше и попридержать язык, - поддержал Никитин.

- Наместник чуть ли не на другой день после начала войны поспешил покинуть свой возлюбленный флот и ретироваться в Мукден, - возразил Стессель.

- Из моряков только тогда выйдет толк, когда их подчинят сухопутному начальству, чтобы они действовали сообща с армией, а не шлялись бы зря по морю, - продолжал Никитин.

- Вы совершенно правы, Владимир Николаевич. Давно надо моряков" рукам прибрать, а то слишком задирать стали носы, - с жаром проговорила Вера Алексеевна.

- Пока Алексеев наместником, об этом и заикаться нельзя, - возразил Стессель. - Я боюсь, чтобы меня самого Старку не подчинили.

- Этого никогда не может быть, - живо возразила генеральша. - Сегодня мне в экономическом обществе говорили, что Старка на днях убирают.

- Кто же на место Старка приедет сюда? - спросил Никитин.

- Какой-то Макаров.

- Из кронштадтских или севастопольских самотопов? Знаю Дубасова, Скрыдлова, а этого знаю мало.

- Мне говорили, что он очень ученый, на Северный, что ли, полюс зачем-то ехать собрался, да не вышло у него. С носом вернулся, - выкладывала свои сведения Вера Алексеевна.

- Уж если он до полюса не сумел добраться, то где же ему с Того воевать. Там только моржи да тюлени могли ему помешать, а тут целый японский флот, - скептически проговорил Никитин.

- Терпеть не могу этих ученых - ни черта в строевой службе не понимают и сами больше похожи на беременных баб, чем на военных, - сердито проговорил Стессель.

- Он, верно, сразу же к нам с визитом приедет.

- Долг вежливости обязывает его к этому. Надо думать, какой бы он зазнайка ни был, а вам визит все же первый нанесет.

- Он, очевидно, приедет сюда без семьи.

- Кто же в осажденную крепость семью везет?

Вера Алексеевна приятно улыбнулась. Ее заветная мечта - стать первой дамой в Артуре - близилась к осуществлению. Наместник уехал, Старк уезжает, и она останется в Артуре во главе дамского общества.

Звонок в передней известил о приходе нового лица. Через минуту в комнату вошел начальник Четвертой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал Фок.

Высокого роста, худощавый старик, с небольшой седенькой бородкой, он легко, юношеской походкой подошел приложиться к ручке Веры Алексеевны.

Девочки-воспитанницы, как по команде, встали и присели в реверансе перед генералом, но Фок не обратил на них никакого внимания.

- Привет святому семейству! - мягким баритоном проговорил он. - Забежал к вам на огонек. На дворе мороз, метет пурга, в двух шагах ничего не видно.

Мне, по моему холостяцкому положению, одному дома скучно. Решил к вам заглянуть.

- И хорошо сделали, Александр Викторович, - приветливо отозвалась генеральша. - Не хотите ли с холодку чайку, согреться?

- Не откажусь, а то по старости мерзнуть очень стал.

- Какие у тебя новости? - спросил у Фока Стессель.

- Сам за ними пришел! По новостям у нас знаток Владимир Николаевич.

- Где мне за вами в этом отношении угнаться, - отозвался Никитин. - Это у вас всегда все известно из самых достоверных источников и притом раньше всех.

- Новости у меня все старые. Убирают Старка, приезжает Макаров; Куропаткин назначен командующим Маньчжурской армией. Японцы продолжают высаживаться в Корею, а наши морячки - отсиживаться в Артуре да безобразничать во всяких "Звездочках" и "Варьете" с публичными девками, - ласковым, елейным голосом повествовал генерал.

- Вам пора спать, - обратилась генеральша к воспитанницам.

Те аккуратно сложили свои работы и поспешили выйти.

- Кто же при детях говорит о публичных девках? - упрекнула она Фока. - Мои крошки святы и невинны, а вы при них говорите такие неприличные вещи.

- Простите великодушно! Все виноват мой солдатский язык. За сорок лет службы привык к казарменной речи.

- Это верно, что Куропаткин назначен?

- За что купил, за то и продаю.

- Это будет прекрасно, Анатолий! Ты опять будешь вместе с Алексеем Николаевичем, - обрадовалась генеральша. - Он-то уж, наверное, тебе моряков подчинит, а ты приберешь их к рукам.

- Трудновато все же. Слыхал я, сюда едет великий князь Кирилл Владимирович вместе с братом своим Борисом. Кирилл тоже моряк. Может и заартачиться. Самому царю обо всем напишет. Куропаткину трудно будет Против него бороться.

- Да, самотопы сейчас в чести, - задумчиво сказал Никитин.

- Владимир Николаевич моряков самотопами называет, - пояснила Вера Алексеевна.

- Весьма остроумное название, - согласился Фок. - Пока что они предпочитают плавать не в Желтом, а в винном море и, купать в нем своих этуалей.

- Анатолий, отчего ты не вышлешь всех этих мерзких тварей из Артура? - возмутилась Вера Алексеевна.

- С отъездом семей число холостяков в Артуре увеличилось и потребность в женщинах возросла.

- Да среди них есть и весьма не вредные, - заикнулся было Никитин.

- Не смейте при мне гадости говорить! Откуда вы их можете знать, Владимир Николаевич? - обиделась генеральша.

- На улицах вижу и слышу рассказы о них.

- Ах ты, старый греховодник! - хохотал Стессель.

- Да замолчите вы, право!

- Не сердитесь, матушка Вера Алексеевна, к слову пришлось. Разрешите лучше глотку промочить, что-то от разговора пересохла.

- Прошу в столовую, - пригласила хозяйка.

Никитин за столом не замедлил быстро приложиться к графинчику с коньяком. Фок же, наоборот, демонстративно пил только чай.

- Наш-то артурский Улисс что выделяет!

- Кто это Улисс-то? - спросил Никитин Фока.

- Кондратенко, конечно. Он нас всех, вместе взятых, перехитрит, вокруг пальца обведет и сух из воды выйдет. Хитрая штучка.

- Неправда! Роман Исидорович умница, вот вы на него и сердитесь, - заступилась генеральша.

- Хотел бы я иметь такого верного адвоката, как вы, Вера Алексеевна.

Никому бы меня в обиду не дали, - говорил Никитин.

- Так что ты начал о Кондратенко рассказывать? - спросил Стессель.

- Он все работы по постройке фортов взял в свои руки. Как будто он, а не Григоренко, крепостной инженер.

- Кондратенко сапер и кончил инженерную академию. Ему и книги в руки по фортификационной части.

- Он свою дивизию обратил в рабочих-землекопов, вместо того чтобы строю их обучать.

- Это ты верно заметил. Завтра же переговорю с ним об этом, - отозвался Стессель.

- Слыхали, что Белый подчинился морякам и разрешает своим батареям стрелять только с их ведома? - слащаво улыбаясь, продолжал Фок.

- Перекинулся к морякам? - изумился Стессель. - Да ты не ошибаешься ли, Александр Викторович? Не ожидал я от него такого поступка.

- Меня тоже его поведение несколько удивило: сватом тебе приходится и

такие каверзы строит, - подзуживал Фок.

- Я с ним серьезно поговорю, - пригрозил Стессель.

- Двуличный он человек, - поддакивал Никитин.

- Вершинин вчера вечером у него был. О чем-то они долго совещались. Даром что он полковник русской армии, а вольнодумец. Ума не приложу, о чем бы они могли так долго разговаривать? - вставил Фок.

- Вредный это человек Вершинин. Как ты его держишь гражданским губернатором Квантуна и гражданским комиссаром? - упрекнула мужа Вера Алексеевна.

- Со связями он: Алексеев у него не один раз обедал. Сразу его не уберешь, - оправдывался Стессель.

- А ты, Анатолий Михайлович, с подковыркой, обходом его возьми! - посоветовал Никитин.

- С какой стороны-то его обойдешь: не ворует, кажется. - Только кажется, - заметил Фок. - Какой же градоначальник в России не ворует?

- Не пойман - не вор.

- Либералов защищает.

- Кого именно?

- Да хотя бы заведующую Пушкинской школой Желтову. Там все артурские либералы собираются. Школа только вывеска для пропаганды противоправительственных идей, - вкрадчиво продолжал Фок.

- Поручу Микеладзе заняться этим делом.

- Глуповат Микеладзе. Лучше бы Познанскому, - тот хотя и молодой жандарм, но подает большие надежды.

Вошедший денщик доложил, что Белый просит Стесселя к телефону.

- Дюже в море с пушек бьют. Батареи так и полыхают, - сообщил он.

Никитин заторопился домой.

- Японцы с моря в проход лезут, - взволнованно сообщил вернувшийся Стессель. - Какие-то там брандеры пускают. Я сейчас еду на Золотую гору.

- Я тебя не пущу, - решительно заявила генеральша. - Незачем тебе туда ехать, Белый и без тебя справится. Довольно ты день-деньской по

фортам да батареям разъезжаешь. Не комендантское это дело на каждый выстрел ехать.

- Я уже приказал подать экипаж.

- Я отправлю его обратно, - распорядилась Вера Алексеевна.

Стессель сдался и покорно пошел за женой в спальню.

В это же время адмирал Старк сидел в глубоком мягком кресле около письменного стола в своей каюте на "Петропавловске" и внимательно читал рапорты командиров кораблей, донесения с сигнальной станции на Золотой горе о деталях внезапного нападения японцев на русскую эскадру в роковую ночь 26 января. Короткий бой стал переломным моментом в жизни адмирала. Его обвиняли в непринятии мер по охране эскадры, открыто стоящей на внешнем рейде.

Старк откинулся на спинку кресла и погрузился в глубокое раздумье. В каюте было тепло и уютно. Изредка доносились резкие порывы штормового ветра, хлопали раскачиваемые ветром шлюпки и спасательные круги, гроыхали по палубе тяжелые матросские сапоги.

Адмирал с горечью и возмущением вспоминал о своем унижительном положении начальника эскадры, который фактически не смел ничего предпринять без ведома и согласия наместника. Последний вмешивался во все распоряжения Старка по эскадре, связывая его по рукам и ногам своей непрошеной опекой. Вспомнил он и о том, как Витгефт, по приказанию наместника инструктируя чинов его штаба о необходимых мероприятиях по охране кораблей, прямо заявил, что никакой войны не будет.

- И это за полчаса до нападения! - возмущался адмирал, перебирая бумаги и припоминая все подробности злосчастной ночи.

Старк встал и раздраженно прошелся по каюте.

- Получасовой бой, и моя безупречная сорокалетняя служба перечеркнута судьбой, а сам я вынужден просить об отставке якобы по болезни, чтобы спасти свое честное имя, - с глубокой горечью проговорил вслух адмирал.

- Но нет, вы еще не знаете, кто такой Старк! Он сумеет постоять за себя.

У меня есть такие документы за подписью Алексеева, что ему не поздоровится, когда их увидит свет! - продолжал адмирал, потрясая кулаком от негодования.

Всегда сумрачное его лицо с глубоко запавшими глазами и со следами переутомления и негодования приняло жесткое выражение.

- Я тебе покажу, царский выродок, кто такой Старк! - И адмирал нервно подошел к наглухо приделанному к стенке несгораемому - шкафу. Открыв дверь, он вытащил пачку бумаг.

- Вот она! - выдернул он одну из них. На первом листе он беголо прочитал:

- "Нам необходимо проводить на Дальнем Востоке в отношении Японии самую жесткую политику, памятуя, что она никогда не решится на войну с Россией".

Так и сказано: "никогда не решится на войну", а она не только решилась, но и первая начала войну с Россией. А вот еще! - И Старк взял другую бумагу: - "Ввиду полной несостоятельности ваших опасений о возможности войны с Японией считаю отозвание к эскадре "Варяга" и "Корейца" ненужным". Да, да, только по беспечности Алексеева мы потеряли эти два корабля, а теперь за все отвечаю я, а не он. Но это не выйдет! - Адмирал вновь спрятал бумаги.

В дверь постучали, затем вошел флаг-офицер лейтенант Дукельский.

- Получена депеша от адмирала Макарова, - протянул он телеграмму.

- "Буду в Артуре двадцать четвертого. Макаров", - прочитал Старк. - Завтра, - взглянул он на календарь. - Прикажете "Баяну" выслать в почетный караул полуроту, - и, подумав, прибавил: - С музыкой.

- Есть, ваше превосходительство. - И лейтенант вышел.

Старк еще раз прочитал телеграмму и опять нахмурился, - Будет и этот умник меня учить уму-разуму, - заворчал он, вновь принимаясь за бумаги. - Хорошо ему критику наводить за десять тысяч верст отсюда.

Старк снова взял одну из бумаг и прочитал:

- "Его императорскому высочеству генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, копия управляющему морским министерством

адмиралу Авелану. Всем написал. Пусть все знаки, какой он умник, - проговорил он и уткнулся в бумагу: - Предвижу, что японцы не упустят столь благоприятного случая для внезапного нападения, как нахождение русской эскадры на внешнем рейде..."

Он, Макаров, предвидел это, сидя в Кронштадта, а я здесь, на месте, упустил, видите ли, эту возможность. Теперь он возвеличен, обласкан и едет заменить меня в командовании эскадрой. Так ведь я тоже предполагал это, писал об этом! Но меня не хотел слушать тот же Алексеев. Но было бы еще хуже, если бы японцы, напав без объявления войны, внезапно затопили в первую же ночь несколько пароходов у входа в гавань и заперли эскадру во внутреннем рейде.

Старк опять зашагал по каюте, зябко пожимая плечами. Донеслись глухие удары орудийных выстрелов. Адмирал прислушался.

- Опять, должно быть, береговые батареи бьют по воображаемым судам, - пробурчал он и нажал кнопку звонка.

- Позвать лейтенанта Дукельского! - приказал адмирал вестовому.

Через минуту флаг-офицер доложил, что на море замечены пароходы, направляющиеся к выходу на внешний рейд, очевидно, с целью закрыть его.

Старк надел пальто, поплотнее нахлобучил фуражку и вместе с Дукельским поднялся на палубу. Его тотчас же охватила метель, сквозь которую с трудом можно было различить белые ленты прожекторных лучей. Беспрерывно сверкали зарницы орудийных выстрелов.

- На море замечено пять пароходов, - сообщили с сигнальной станции на Золотой горе.

- Дежурным миноносцам атаковать их! - приказал адмирал, стараясь в ночной бинокль разглядеть, что происходит на море, но в снежном вихре ничего нельзя было разобрать. Приказав каждые пять минут сообщать о происходящем на море, адмирал снова спустился в каюту.

После резкого холода наверху в каюте показалось особенно тепло. Старк потребовал чаю с ромом и засел за составление длиннейшего отчета о всем происшедшем с начала войны. Но работа не клеилась, и адмирал

продолжал беспокоиться прислушиваться к происходящему на рейде.

Прошло минут двадцать, пока наконец Дукельский пришел с докладом об отбитии японской атаки на проход. Только тогда Старк смог спокойно приняться за продолжение прерванной работы. Адмирал подробно разбирал причины возникновения войны и неудач первых столкновений на море. Он указал, что Япония с момента занятия русскими Порт-Артура в 1898 году стала энергично с помощью Англии и Америки готовиться к вооруженному столкновению с Россией.

По тоннажу флот Японии за это время возрос более чем в четыре раза, армия увеличилась втрое. Наместник Алексеев и военное командование в Маньчжурии недооценили этот рост вооружений и не предприняли должных мер к усилению русской армии и флота на Дальнем Востоке. Японцы же, прекрасно учтя неподготовленность царского правительства к войне, заключили союз с Англией, получили финансовую помощь от Америки и, науськиваемые ими, рискнули первыми напасть на Россию.

Перо опального адмирала легко и быстро скользило по плотной бумаге, и перед Старком, неожиданно для него самого, вставала яркая картина общего развала русской администрации на Дальнем Востоке. Прочитав написанное и аккуратно сложив листки бумаги, адмирал стал собираться ко сну.

Взволнованный, он долго не мог заснуть. Перед ним одна за другой вставали картины недавнего прошлого: первая атака японцев, гибель "Енисея", а за ним и "Боярина", позорное поведение его командира Сарычева. И за все это он должен отвечать, хотя в свое время он настаивал на снятии Сарычева с корабля, как не способного к командованию. Он лично предупреждал командира "Енисея", Степанова, о течениях в Талиенванском заливе, но тот все же посадил свой корабль на свою же мину.

- Сейчас всех собак вешают на меня. Скорее бы приезжал Макаров. Тот умеет отделаться от начальства и никому не позволит наступать себе на ногу, - решил после раздумья адмирал.

Сильный снежный буран бушевал над Артуром. В воздухе носились

мириады мелких сухих снежинок, которые больно хлестали в лицо. Огромные волны бешено бросались на каменистый берег, рассыпая далеко кругом мельчайшие брызги, мгновенно замерзающие на морозе. На внутреннем рейде чуть проступали громады броненосцев, да Золотая гора темным привидением нависла над узким проходом на внешний рейд. С наступлением ночи Артур утонул в мутной мгле пурги.

Только что вышедший из ремонта миноносец "Страшный" нес сторожевое охранение у входа, став на два якоря у подошвы Золотой горы. Напротив него, у Тигрового Хвоста, темнел силуэт еще не снятого с мели, подорванного в первую ночь войны "Ретвизана". Немного позади, в самом проходе, стояла канонерка "Отважный".

С берега, с "Ретвизана" и с "Отважного" в море тянулись бледные лучи прожекторов, свет которых с трудом пробивался сквозь пургу.

Андрюша Акинфиев нес очередную вахту. На командирском мостике "Страшного" из-за холода и ветра невозможно было долго стоять, и он то и дело спускался вниз, чтобы хоть немного согреться за трубой и кожухом машины. Здесь было относительно тихо, от труб и машин несло теплом, и можно было обогреть озябшие руки.

Миноносец сильно мотало на волне, и стоило большого труда удержаться на обледеневшей палубе, несмотря на протянутые вдоль нее леера. На носу, приткнувшись к орудиям, вахтенные, в толстых меховых тулупах, с биноклями в руках, внимательно вглядывались в море, следя за передвижением белых полос прожекторов, которые то ярко вспыхивали, то затухали, чтобы через мгновение загореться вновь.

- Смотреть вперед повнимательнее! - окликал вахтенных мичман.

- Есть смотреть вперед повнимательнее! - глухо доносилось до него в ответ сквозь вой ветра.

Мороз и ветер глубже забирались под одежду, заставляя дрожать мелкой дрожью. Андрюша завидовал матросам, одетым в теплые тулупы, но для себя считал неприличным кутаться.

"Офицеры всегда и везде должны быть примером для матросов", - мысленно твердил он, коченея от холода.

Время тянулось нестерпимо медленно, казалось, прошла целая вечность, но неумолимые часы при свете папиросы показывали, что истек всего только час, как Андрюша вступил на вахту, а впереди еще три долгих часа.

"Ермий, должно быть, спит крепким сном у себя в каюте, а Юрасач с Дмитриевым сражаются в шахматы, Попивая горячий чай с ромом", - представил себе Андрюша, и от этого ему стало еще холоднее и тягостнее стоять на палубе.

- Ничего не видать? - спросил он у матросов.

- Никак нет, ваше благородие. Муть одна, и только. Да и кто полезет к Артуру в такую непогоду? Если под берегом так мотает, то что же делается в море! В одночасье корабль обледенеет и пойдет ко дну. Японцы холода не любят, у них даже зимой тепло в Нагасаках. Как мы раньше там стояли, даже об рождестве теплынь - в бушлатах жарко, - ответил один из матросов, видимо, старослужащий.

- Это ты, Денисенко? - узнал его в темноте мичман.

- Так точно, мы с Серегиным на вахте стоим.

- Всегда вместе - друзья неразлучные.

- Шестой год вместе. Как на службу пригнали в кронштадтский флотский экипаж, так и не расстаемся. Вместе на "Нахимове" на Дальний Восток пришли, вместе на "Севастополе" были, а затем на "Страшный" перевелись, - словоохотливо ответил Денисенко.

- Вы бы, ваше благородие, тулупчик накинули, а то ведь обморозитесь.

Разрешите, мигом слетаю, - предложил Серегин.

- Не надо, скоро уж смена, - ответил Андрюша, угадывая желание матроса сбегать в теплый кубрик. - Смотрите не зевайте, а то, не ровен час, японец наскочит, - предупредил он матросов и отошел.

- Фасон давит, а сам до костей промерз, аж зубы стучат, - проговорил Денисенко, когда мичман отошел.

- Молодо-зелено. Обморозит уши да ноги, так другой раз и тулуп наденет и калоши.

- Что за погода распроклятая! Сиди вот тут и мерзни да выглядывай, не

собираются ли тебе япошки какуюнибудь пакость подстроить. И с чего это война началась, - понять невозможно. Жили мирно и тихо, а тут вдруг: раз - и в морду один другому, - задумчиво проговорил Денисенко.

- Дай время, до всего доберемся: почему и отчего, - ответил Серегин.

Матросы умолкли, вглядываясь в ночную мглу.

По-прежнему на море медленно шарили щупальца прожекторов; на "Ретвизане" двигались какие-то огоньки; "Отважный" стоял с потушенными боевыми фонарями.

Серегин и Денисенко между делом соскребали с палубы лед. Все было тихо и спокойно. Вдруг прожекторные лучи заметались по морю и разом остановились на одном месте, осветив большой пароход, крадущийся вдоль берега от Ляотешаня.

С Тигровки грянул выстрел, за ним другой, за Тигровкой загрохотал Электрический Утес, и, наконец, перекрывая все остальные звуки, рывкнули двенадцатидюймовые пушки с "Ретвизана".

- Свистать всех наверх! - скомандовал Акинфиев.

Через мгновение Юрасовский уже легко "взбежал на мостик, застегивая на ходу шинель, матросы быстро разошлись по орудиям и минным аппаратам.

С "Отважного" засемафорили огнями.

- Атаковать брандер, - доложил сигнальщик.

- Есть атаковать брандер, - повторил Юрасовский. - Выбрать якоря, приготовить орудия и минные аппараты!

Загремела якорная цепь, заблестели огни у орудий. Малеев кинулся к носовой семидесятипятимиллиметровой пушке, Акинфиев спустился к минным аппаратам, с которых уже снимали чехлы.

- Вперед до полного! - скомандовал в машинное отделение командир.

Миноносец вздрогнул и, набирая ход, двинулся по направлению к брандеру.

Между тем уже весь берег осветился огнями выстрелов. Удары тяжелых орудий слились в протяжный гул. За первым брандером показались еще три. Они полным ходом шли по направлению к проходу.

На Золотой горе взвились две ракеты, ярко осветили море, и огонь батарей мгновенно прекратился. Теперь только "Страшный", зарываясь по самый мостик в ледяную воду, стремительно неся к головному брандеру, в то же время осыпая его своими снарядами.

- Носовой - товсь! - скомандовал минному аппарату Юрасовский.

Ажинфиев застыл на месте, ожидая команды "пли". В это время с брандера открыли по миноносцу сильный огонь из малокалиберных скорострельных пушек и пулеметов. Несколько снарядов с воем пронеслись над миноносцем, и по обе стороны "Страшного" взвились водяные столбы.

- Пли! - наконец скомандовал командир. Вспыхнул красноватый огонек, и мина, нырнув в воду, понеслась по направлению к брандеру.

- Лево на борт! Приготовить кормовой аппарат! - Миноносец круто покотился вправо, поворачиваясь кормой к противнику.

Через несколько секунд у брандера с тяжелым ударом взметнулся к небу огненный веер взрыва, и пароход сразу круто осел на правый борт.

- Ура! - радостно закричало сразу несколько голосов на палубе миноносца. Несмотря на мороз, матросы весело перекликались между собой в темноте.

Подбитый брандер быстро оседал носом в воду. При свете прожектора было видно, как с него спешно спускали шлюпки - По шлюпкам огонь! - едва успел скомандовать Юрасовский, как загремела кормовая пушка. Шлюпки торопливо отходили от тонущего корабля, но разъяренные волны опрокидывали их одну за другой. Окутанный паром брандер уже наполовину погрузился в воду, а на его палубе все еще продолжали бегать люди, обстреливая миноносец из ружей. Одной шлюпке удалось выплыть, и она быстро ушла в море.

- Слева по носу миноносец! - вдруг истошным голосом закричал сигнальщик, и тотчас же из ночной тьмы вынырнул темный силуэт. Почуй в тот же миг на японском миноносце разом сверкнуло несколько молний и грянул орудийный залп.

Вокруг "Страшного" вновь заматались в бешеной пляске водяные смерчи.

- Еще два на левом траверзе! - крикнул Серегин.

Снова и снова глухие удары выстрелов потрясли море и небо. Акинфиев оглянулся на Порт-Артур и с удивлением увидел, как далеко позади остались береговые батареи.

"Влопались!" - мелькнуло в его голове, но по команде Юрасовского миноносец, круто повернув, уже лег на обратный курс. Японцы в темноте потеряли "Страшный" из виду.

На Золотой горе опять взвилась ракета. При ее свете батареи заметили "Страшный" и, приняв его за японское судно, тотчас же обстреляли.

- Показать опознавательные, - скомандовал Юрасовский.

- Опять подбьют нас, - ворчали матросы, боязливо оглядываясь на водяные всплески от снарядов.

- Серегин, черт кривой, - ругался боцман, - живо подымай сигнал, пока нас не утопили!

Миноносец, спасаясь от снарядов, развил предельный ход и, лавируя, шел курсом прямо на "Ретвизан".

Около самого Артура "Страшный" с ходу протаранил шлюпку с одного из брандеров. Было слышно, как люди кричали о помощи.

- Не нравится в холодной воде купаться, - злорадствовали матросы.

- Мы хоть и не купались, а вымокли не меньше их, зубы так и стучат, - ответил Денисенко.

- Подберем? - спросил Малеев у командира, - К черту! - бросил Юрасовский.

Вскоре "Страшный" уже подошел к своему прежнему месту. Справа и слева, под Золотой горой и у Тигрового Хвоста, пылали выбросившиеся на берег брандеры. Огромное пламя, выбиваясь наружу, ярко освещало красноватым светом узкий проход в Артур и заснеженные берега; горящие головни взлетали высоко вверх и с шипением падали в воду. Несколько портовых пароходов столпилось около брандеров, пытаясь своими помпами залить пожар.

- Не отойти ли нам подальше от них, - указал Малеев на брандеры, - не ровен час, еще взорвутся и нас повредят.

- Пожалуй, ты прав, - ответил Юрасовский, - станем ближе к Электрическому Утесу.

Когда "Страшный" стал на якорь, команду спустили вниз. Матросы, продрогшие и озябшие, поспешно спустились в кубрик.

- Выдать всем сейчас же по чарке водки, - приказал Юрасовский боцману. - Да подсменить вахтенных, чтобы переоделись в сухое.

- Тебе, Андрюша, еще целых две склянки достаивать вахту. Иди-ка и ты переоденься, - небось тоже промок, - предложил Малеев.

Через пять минут Акинфиев, уже переодетый в сухое, снова шагал по мостику.

После пережитого волнения Андрюша сперва не замечал даже голода, погруженный в воспоминания о происшедшем. Стрельба, взрывы, свист снарядов, вихрем несущийся миноносец, крики утопающих-все оживало в памяти и складывалось в яркую картину боя. Целый ряд деталей, ранее упущенных сознанием, теперь всплывал в памяти. То вспоминалась нелепо согнутая при свете ракеты фигура Малеева, которого обдало водой из-за борта, то широко раскрытый рот Юрасовского, когда он отдавал приказания, стараясь перекричать грохот стрельбы. Мысли унеслись в далекий Кронштадт, где жила семья. Встал, как живой, отец, высокий, сутулый, лысый человек с золотыми очками на носу.

Он был главным врачом в морском госпитале. Андрюша вспомнил, как противился отец его поступлению в морской корпус.

- Знаю я этих ветрогонов-моряков, редко кто из них блещет умом и образованием, - говорил он. - Больше на внешнем лоске да подхалимстве выезжают. Ума от них не наберешься, а пустельгой стать легко. Кроме того, морская служба в России почти наследственная: у большинства офицеров и дед, и отец, и сын - все моряки. У таких и связи, и знакомства, и карьера обеспечена. А у нас с тобой? Мой дед - поп, отец - сельский учитель, я сам - врач. Никто, как видишь, в морях и не служил. Куда нам с суконным рылом да в стародворянский ряд лезть!

Но Андрюша не внял увещаниям отца.

"Завтра же напишу им письмо обо всем", - решил он.

Сменившись с вахты, Акинфиев быстро разделся и едва лег на койку, как заснул.

Проснулся он от стука отдаваемого якоря и понял, что "Страшный" вошел в бухту.

Вошедший в каюту Малеев окончательно разбудил его.

- Сегодня утром в Артур приехал Макаров. Сейчас он в порту, а затем будет объезжать корабли. Старк уже спустил свой флаг на "Петропавловске".

- Ура! Наконец-то у нас появился настоящий адмирал, - обрадовался Акинфиев и стал поспешно одеваться.

Глава седьмая

Прямо с вокзала адмирал Макаров направился в доки, чтобы познакомиться с ходом работ по исправлению подорванных судов. Никто из местного начальства не ожидал столь быстрого посещения доков новым командующим флотом, и Макаров мог лично убедиться, какими черепашьими темпами шел ремонт. В сопровождении младшего флагмана адмирала Ухтомского, командира порта Артур адмирала Гreve и флаг-офицера Дукельского он стал обходить мастерские. Рабочие с любопытством посматривали на бородатого адмирала с ласковыми глазами.

- Здравствуйте, братцы! - мягким баритоном поздоровался адмирал.

- Здравия желаем! - нестройно ответили рабочие, снимая фуражки.

- Это еще кого на нашу голову нелегкая принесла? - спросил один из них. - Мало нам здешних скорпионов, так еще новые сюда едут! - и недоверчиво и хмуро посмотрел на Макарова.

Внимательно оглядывая рабочих, Макаров обратил внимание на нездоровый вид многих и стал расспрашивать о том, как и где они живут, где питаются, сколько получают, много ли семейных. Сперва нехотя и коротко, а затем все подробнее и живее рабочие отвечали на расспросы Макарова. Он узнал, что, помимо местных портартурцев, успевших обжиться на месте, в доках работает до тысячи человек недавно

приехавших из Питера по контрактам с морским ведомством. На местах им сулили золотые горы, а в Артуре они попали в тяжелые условия. Квартир у большинства не было, и они ютились в холодных китайских фанзах, питались где и как попало.

Слушая жалобы, адмирал все больше хмурился, наконец начал сердито посапывать носом и подергивать правым плечом.

- Немедленно отвести для жилья рабочих одну из флотских казарм вблизи доков и зачислить всех вольнонаемных на флотский паек, - приказал Макаров.

Гул одобрения пронесся по толпе, многие, улыбаясь, стали благодарить адмирала.

- Только помните мои условия, - работать за четверых, чтобы в кратчайший срок все корабли были готовы, - обратился к рабочим Макаров.

- Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, как черти станем работать! - заверяли рабочие.

- Нам бы еще, ваше превосходительство, господин адмирал, насчет баньки - вша да блоха заела, а в городе и бани-то настоящей нет.

- Правильно! Русскому человеку без бани не прожить! Разрешаю вольнонаемным пользоваться экипажной баней на общих основаниях с матросами, - решил Макаров.

- Затем насчет околотка. Заболеешь, полечиться негде.

- Разрешаю лечиться в экипажном околотке. Еще что? Лейтенант Дукельский, прошу проследить за выполнением моих распоряжений, - обернулся адмирал к флагофицеру.

- Наместник считает нежелательным тесное общение рабочих с матросами и едва ли одобрит последнее распоряжение вашего превосходительства, - предупредил Макарова командир порта адмирал Гreve, когда они вышли из мастерских.

- Вы все равно не избежите общения при совместной работе по ремонту кораблей. Я сам урегулирую этот вопрос с Алексеевым.

- Есть! - ответил Гreve.

Затем Макаров отправился к стоящему у причала броненосцу "Цесаревич".

Команда корабля была уже выстроена на шканцах. У трапа адмирала встретил командир корабля капитан первого ранга Григорович. Едва Макаров вступил на палубу корабля, как заиграла музыка, матросы вскинули винтовки на караул.

Обойдя команду по фронту, Макаров громко поздоровался с матросами. Даже на придирчивый взгляд старого моряка матросы выглядели молодцевато в безупречно пригнанном обмундировании, начищенных до блеска сапогах и лихо заломленных бескозырках. Они имели здоровый, сытый вид и поражали ярким румянцем на щеках.

Хмурое вначале лицо Макарова просветлело, и он внутренним чутьем старого моряка понял, что матросам на корабле живется неплохо. Недаром Григорович славился на всю эскадру своими хозяйственными способностями и считался одним из лучших командиров на флоте.

Пройдя по фронту, Макаров отпустил команду и отправился осматривать повреждения корабля. Подоспевший флаг-инженер Кутейников начал было длинный доклад о проделанной работе, но адмирал прервал его вопросом:

- Когда вы закончите починку?

- "Цесаревич" будет отремонтирован к маю, "Паллада" к середине апреля, а "Ретвизан" не раньше чем через три месяца по подводке кессонов.

- Я столько ждать не могу! "Цесаревич" и "Паллада" должны быть готовы к первому апреля, а "Ретвизан" - к десятому. Ваше дело, господин Кутейников, всеми наличными средствами обеспечить выполнение моего приказа, - настойчиво проговорил Макаров.

- Разрешите свистать к обеду? - спросил Григорович.

- Да! Только пищу я буду пробовать из матросских баков, - предупредил Макаров.

В кают-компанию он не зашел, а, собрав офицеров наверху около мостика, начал с ними беседовать.

- Вы, господа, должны прежде всего сами проникнуться духом борьбы и затем внушить его своим матросам. Помните заветы Корнилова и Нахимова: атаковать неприятеля, где только его увидишь, не считаясь с его численностью. Конечно, дело не в одной лихости, - надо овладеть также техникой боя, но прежде всего надо помнить, что не так страшен японец, как его малюют! Нужно обрести веру в свою победу и внушить ее и себе и матросам. Наш матрос способен на любой подвиг под руководством настоящих командиров.

- Пока что они творят чудеса только в артурских кабаках! - вставил лейтенант.

- Виню в этом прежде всего господ офицеров, которые не сумели должным образом воспитать своих матросов. Я буду прежде всего и больше всего взыскивать с офицеров и считаться буду только с теми, которые сумеют повести за собой матросов. Зазнаек и белоручек мне не надо!

Отпустив офицеров, Макаров отправился на батарейную палубу, где обедали матросы. Подсев к одному из баков, адмирал попросил ложку и попробовал щи и кашу. Обед был приготовлен на славу, хотя и вообще на "Цесаревиче" кормили лучше, чем на других кораблях эскадры.

- Всегда вас так хорошо кормят? - спросил Макаров.

- На харчи не обижаемся, ваше превосходительство! Вот в порту сидеть надоело, это правда, - ответил один из матросов. - Только два дня пришлось по япошкам пострелять, с тех пор все на ремонте стоим.

- Небось страшновато было в те дни? - шутил Макаров. - Теперь из дока вылезать не хотите?

- Оно правда, испугались было сперва, как среди ночи под корму ударило, но затем вскоре опомнились и бросились подводить пластырь, - бойко отвечали матросы. - Теперь у японцев мы в долгу, надо бы поскорее с ними расквитаться.

- Смотрите ему спуску не давайте. Через месяц ваш "Цесаревич" должен уже выйти в море. Работать надо много и усердно. Я на вас, ребята, надеюсь, - закончил беседу Макаров.

- Постараемся, ваше превосходительство! - ответили матросы уходящему адмиралу.

Как только Макаров отошел, все матросы сгруппировались около тех, с кем он разговаривал, и засыпали их вопросами.

- Видать, что сам из матросов! - заметил баталер.

- Ни в жисть не поверю, чтобы из матросов в адмиралы выйти можно было, - усомнился один из комендоров.

- Сомнительно что-то, но до матроса, видать, добер и не гордый, как Старк. От того, кроме брани, и слова не услышишь.

- Бородища у него знатная! И из себя видный, - обменивались замечаниями матросы. - Брови у него густые, а глаза, как у дитяти, - ясные. Даром что вид сердитый, а видать - добрый, зря матроса не обидит!

На "Палладе" Макаров сразу пришел в раздражение при виде грязи и захламленности на корабле.

Исковерканные трапы, погнутые поручни, концы тросов, канаты - все это беспорядочно валялось на палубе. Напрасно командир "Паллады" капитан первого ранга Косович уверял адмирала в невозможности поддержания на корабле чистоты, когда идут ремонтные работы.

- Даю вам трехдневный срок для приведения всего в порядок. Запишите, лейтенант Дукельский. И лично проверю исполнение моего приказанья, - сурово отвечал ему адмирал.

После щеголеватых матросов "Цесаревича" матросы "Паллады" выглядели замухрышками.

- Не удивительно, что двадцать шестого января на "Палладе" так долго возились с подводкой пластыря и никак не могли добраться до берега, - резко проговорил Макаров.

- Меня в тот момент на крейсере по болезни не было! - заикнулся было Косович.

- Все же вы виноваты в том, что не сумели своевременно обучить матросов

такой необходимой в бою вещи, как подводка пластыря.

Не заходя больше никуда, Макаров уехал на "Ретвизан". На нем уже были подведены носовые кессоны и шла откачка затопленных носовых отсеков.

Броненосец с минуты на минуту должен был обрести плавучесть и сдвинуться с мели, на которой стоял.

Как только на "Ретвизане" заметили приближение Макарова, команда была немедленно выстроена, рабочие же собрались на полубаке.

У парадного трапа Макарова встретил командир "Ретвизана" капитан первого ранга Шенснович.

Макаров, уже остывший после разносов на "Палладе", с видимым удовольствием выслушал сообщение о скором снятии "Ретвизана" с мели. Шенснович поспешил довести до его сведения о той работе, которую он вместе со своей командой проделал для спасения корабля.

- Измучились, ваше превосходительство! Ни днем, ни ночью не имели покоя.

Днем чинились, невзирая на погоду. Три раза волна разбивала кессоны, и все приходилось начинать заново. По ночам же, вернее даже - чуть стемнеет, на рейде начинают рыскать японские миноносцы. За ночь отбивали по десяти минных атак. Поведение всей команды, особенно господ офицеров, выше всяких похвал!

С вашего разрешения, я войду в штаб с представлением о наградах офицерам и нижним чинам, - разливался Шенснович.

- Прежде войдите в порт, а тогда уж и о наградах поговорим, - остановил его адмирал.

Затем он обошел команду.

- Спасибо за службу! - поблагодарил Макаров матросов.

- Рады стараться!

- Вам пришлось на себе испытать первый удар врага и пережить все боевые невзгоды, находясь у входа в порт, - продолжал Макаров. - Даст бог, не сегодня-завтра вы пойдете в порт и там, в спокойной уже обстановке, окончательно залечите нанесенные вашему броненосцу раны. Чем скорее "Ретвизан" вернется в строй, тем скорее мы сможем

побороть японцев. Приношу благодарность также всем господам офицерам броненосца, - закончил речь Макаров.

Затем, подойдя к рабочим, он поблагодарил также и их. Сняв фуражки, они нестройно ответили адмиралу.

- Когда все работы по снятию броненосца будут окончены, выдать всем не в зачет по полумесячному окладу и представить отличившихся к наградам! - распорядился Макаров.

- Покорнейше благодарим, спасибо, ваше превосходительство, господин адмирал! - зашумели в толпе.

Макаров, желая ознакомиться с причиненными "Ретвизану" повреждениями, спустился в трюм, пролез через сеть деревянных подпорок, добрался до откачиваемых отсеков и осмотрел их при помощи ручного фонаря. Весь испачканный, утомленный, измучив сопровождавших его офицеров, он вернулся на палубу.

- Теперь можно будет и закусить после трудов праведных, - не замедлил предложить Шенснович.

- Спасибо, не откажусь, - просто ответил Макаров.

За завтраком адмирал оживленно беседовал с офицерами.

- Вам повезло: в первый же месяц войны вы получили такой богатый боевой опыт.

- Опыт, конечно, большой, - дипломатично заметил Шенснович, - но едва ли кто-нибудь желает приобретать его дальше. Нужна хотя бы небольшая передышка в порту.

- Только не увлекайтесь городом. Не более десяти процентов офицеров могут одновременно съезжать с корабля, а матросы только в праздничные дни. Слышал я, что в Артуре установилось правило, по которому чуть не все офицеры, кроме вахтенных, съезжают ежедневно на берег. Даже в море будто бы эскадра выходила не с полным составом офицеров и матросов! Я считаю это совершенно недопустимым, - предупреждал Макаров.

Лица у многих офицеров вытянулись.

- На каком корабле изволите поднять свой флаг, ваше

превосходительство? - справился Шенснович.

- Штаб придется оставить на "Петропавловске", а сам я помещусь на каком-нибудь крейсере: "Аскольде", "Диане", "Баяне".

- Но в бою это едва ли удобно, да на броненосцах и безопаснее, - проговорил Шенснович.

- Броненосец - штука тяжелая и неповоротливая, на нем далеко вперед не укачешь. Это старый предрассудок, что адмирал должен быть всегда на самом защищенном корабле. Крейсера же имеют за собой ряд преимуществ: на них можно и в разведку сходить, и осмотреть всю эскадру; за ними быстрота хода, удобство, гибкость маневрирования. Поэтому в бою на крейсере скорее доберешься, куда нужно, и увидишь, что надо.

Офицеры внимательно слушали Макарова. Выдвинутые им положения ломали давно укоренившиеся во флоте традиции.

Шенснович провозгласил тост за нового командующего. Все его дружно поддержали и стали подходить к Макарову с бокалами в руках; адмирал, приветливо чокаясь, просил Шенсновича называть ему фамилии подходивших.

Затем он сам предложил тост за офицеров и командира "Ретвизана", после чего стал прощаться. Он вызвал к "Ретвизану" "Страшного" и на нем объехал всю эскадру. Юрасовский в полной парадной форме стоял на мостике рядом с адмиралом и Дукельским. Андрюша Акинфиев, как зачарованный, не спускал глаз с Макарова. Матросы, быстро двигаясь по палубе, издали с любопытством рассматривали нового адмирала.

- Здорово, Демчук! - узнал Макаров боцмана, который был с ним в плавании на "Ермаке".

- Здравия желаю вашему превосходительству! - неторопливо, с чувством собственного достоинства ответил боцман. - Опять пришлось нам с тобой встретиться! Ты вон уже до боцмана дослужился! Как живешь?

- Покорно благодарим! Бог грехи терпит, не сожрали еще акулы.

- Постарел ты все же, седина появилась!

- И у вашего превосходительства борода тоже побелела!

- Да, бегут года, стареем все!

Узнав, что "Страшный" собран в артурском порту, Макаров особенно заинтересовался им и обошел все помещения.

- Дорого и скверно, - резюмировал он свои впечатления, узнав стоимость миноносца. - Наше адмиралтейство верно себе - больше ворует, чем строит.

"Страшный" по очереди подходил к различным кораблям эскадры. Макаров в мегафон здоровался с выстроенными на борту матросами, благодарил их за службу и двигался дальше.

Последним адмирал осмотрел крейсер "Аскольд". Заграничной постройки, пятитрубный быстроходный бронепалубный крейсер "Аскольд" считался одним из лучших кораблей эскадры. Командовал им капитан первого ранга Граыматчиков, которого адмирал знал с детских лет. Рассказы адмирала о море, моряхах и толкнули талантливого юношу на тернистый путь морской службы.

Макаров особенно тепло поздоровался с ним и, обойдя весь корабль, приказал пробить боевую тревогу. Матросы быстро заняли свои места по боевому расписанию. Адмирал подходил то к одному, то к другому орудю и беседовал с комендорами.

- Соскучились поди сидеть без дела в гавани? - справлялся он у матросов.

- Так точно, ваше превосходительство! Руки чешутся пострелять по японцу, - бойко отвечал ему комендор.

- С новыми оптическими прицелами уже ознакомились? - допытывался Макаров у них.

- Ознакомились, но в бою еще применять не приходилось, охота поскорее попробовать их на деле.

- Постараюсь в ближайшие же дни доставить вам эту возможность, - улыбнулся в бороду адмирал.

С "Аскольда" Макаров поехал на "Петропавловск". Обойдя и здесь команду и познакомившись с офицерами, адмирал прошел к Старку, который уже с нетерпением поджидал его в своем салоне.

Усталый и продрогший за день, Макаров с удовольствием принял предложение Старка выпить чаю с ромом. Пока вестовые готовили чай, адмиралы уселись в кресла и начали говорить о разных второстепенных вопросах. Макаров выразил сожаление по поводу болезни Старка и пожелал ему скорейшего выздоровления.

Старк громко восхищался прекрасным видом Макарова и уверял, что ему никак нельзя дать больше сорока пяти лет, хотя адмиралу уже исполнилось пятьдесят пять. Затем Старк осторожно справился о петербургских новостях.

- Новости нынче надо узнавать не в Питере, а в Артуре. Весь мир сейчас больше всего интересуется военными делами на Тихом океане, - отозвался Макаров.

- У нас все по-старому - японцы атакуют, а мы отбиваемся, - в тон собеседнику ответил Старк.

Подали чай. Макаров почти залпом выпил первый стакан и попросил еще.

После чаепития Старк с заметным волнением в голосе спросил:

- В морском министерстве, верно, всех собак вешают на меня?

- Само собой разумеется, Оскар Викторович! Вы ведь командующий эскадрой.

Вам и ответ держать.

- Это неверно, Степан Осипович, Алексеев совсем меня обезличил, а теперь прикрывается мною.

- Зачем же вы позволили ему сесть себе па шею?

- Побывали бы вы на моем месте. Ничего другого мне не осталось делать.

- С сегодняшнего дня я влезаю в вашу шкуру, но действовать буду по-другому. Сразу же поставлю вопрос ребром: или я команду флотом, или наместник. В случае несогласия со мной подам в отставку.

- У вас, Степан Осипович, другое положение. Вы назначены командующим флотом непосредственным рескриптом государя императора. Я же, во-первых, команду лишь эскадрой, а не флотом и, во-вторых, назначен в обычном порядке.

- Характер у вас, Оскар Викторович, слишком мягкий. Вы все боитесь поспорить с Алексеевым, а тот и использовал эту вашу податливость. С начальством надо говорить почтительно, но твердо, когда закон на вашей стороне.

- Закон, что дышло, куда повернешь, то и вышло. Особенно у Алексеева.

- Он тут царь и бог, что хочет, то и делает, ни с кем и ни с чем не считаясь.

- Позавчера в Мукдене, когда я ему представился по случаю приезда, он обещал поддержку моим начинаниям.

- Хитрая бестия этот наместник! Кого хочешь вокруг пальца обведет, заметить этого не успеете. - Мы тоже, чай, не лыком шиты! - хитренько улыбнулся себе в бороду Макаров.

Затем перешли к обсуждению нынешнего состояния эскадры. Макаров выразил свое неудовольствие расхлябанностью некоторых кораблей и плохой их боевой подготовкой.

- Придется сделать некоторую перестановку командного состава, да и Греве мне сразу не понравился, - Сольно не расторопен.

- Вы не правы, Степан Осипович. Командиры на эскадре неплохие. - И Старк начал перечислять офицеров, давая им при этом краткие характеристики.

Макаров внимательно слушал его, соглашаясь с некоторыми и резко возражая против других.

- Слишком вы снисходительны, Оскар Викторович! Теперь время военное, и требования, особенно к офицерам, должны быть сильно повышены.

- Не всегда это бывает удобным, особенно в отношении офицеров, имеющих родственников в высших сферах, - убежденно проговорил Старк.

- На войне можно и должно считаться лишь с боевыми качествами, а не личными связями.

- Все это, дорогой Степан Осипович, теория, а на практике попробуйте-ка задеть кого-нибудь из наших аристократов! Поднимут такой шум, что и в Петербурге услышат. Пришлют всяких ревизоров и расследователей, и в

результате вы же окажетесь виноваты, - вздохнул Старк.

- Пусть шумят сколько хотят, а если понадобится, то я без всяких разговоров спишу с корабля любого командира или даже флагмана и ни с кем не посчитаюсь, - решительно ответил Макаров.

- Завидую вашей молодой энергии, Степан Осипович, и, не обижайтесь, удивляюсь мичманскому задору, - с ноткой иронии в голосе отозвался Старк.

- Тут не задор, а решительность, которой часто не хватает, к большому нашему несчастью, многим из начальников, - не остался в долгу Макаров. Затем он попросил ознакомить с планом ведения боевых операций. Старк вызвал начальника штаба эскадры и командира порта и предложил каждому из них сделать доклад по своей части.

Макаров уселся поудобнее в кресло, вооружился карандашом, бумагой и приготовился слушать своих подчиненных.

Вновь назначенный начальник штаба контр-адмирал Молас спокойным, бесстрастным голосом начал излагать первоначальный план войны на море.

- Ранее мы считали, что основной задачей флота явится сохранение за собой преобладания в Желтом море и Корейском заливе. Но выход из строя трех кораблей в Артуре, гибель "Варяга", "Боярина", "Корейца" и "Енисея" настолько ослабили нашу эскадру, что мы принуждены перейти к чисто оборонительной тактике, не мечтая пока об обладании морем, - говорил адмирал. Затем он изложил мероприятия по обороне берегов Квантуна и Южной Маньчжурии.

- А Корея? - спросил Макаров.

- Хорошо, если мы Квантун сумеем охранить от высадки японцев, - отозвался Старк.

Чем больше Макаров слушал сначала Моласа, а затем Грече, тем больше хмурился. Когда наконец доклады были закончены, он резко проговорил:

- Все, что я сейчас слышал, вернее назвать планом поражения русского флота, а не планом победоносной войны. Никогда еще в истории человечества войны не выигрывались оборонительными мероприятиями.

- Сейчас ничего другого мы предпринять не можем, - вскочил даже с места Старк. - Иначе мы немедленно погубим и те корабли, которые еще у нас остались.

- Если думать о сохранении эскадры, то проще всего сидеть в Артуре сложа руки и предоставить японцам без боя полное господство на море.

- Это равносильно проигрышу войны, - возразил Старк.

- О чем я и говорю, Оскар Викторович! - веско закончил Макаров. - Необходимо решительно бороться с такими настроениями.

- В Артуре найдется широкое поле деятельности для ваших планов, Степан Осипович, - ответил Старк.

Макаров поспешил закончить неприятный разговор, оформив официальный прием эскадры, и вернулся ночевать на "Аскольд".

Оставшись один, Старк приказал вестовому укладывать вещи для отъезда.

- Пусть уж Макаров здесь умничает как хочет, - с сарказмом проговорил он вслух.

Корабль давно уже не спал, и матросы, рассыпавшись по всем закоулкам, усиленно чистили и терли. Старший офицер крейсера капитан второго ранга Таше в сопровождении боцмана и унтер-офицеров носился по палубам. Крейсер блистал ослепительной чистотой, палубы были выскоблены до блеска, медяшки надраены до последней возможности.

Поднявшись на мостик, адмирал поздоровался с вахтенным офицером мичманом Рыклицким.

- Вы давно в Артуре? - спросил адмирал.

- С год, ваше превосходительство.

- Скучали поди здесь до войны?

- Да и сейчас невесело. За месяц войны только два раза побывали в боях, а то все на бочках на внутреннем рейде отстаиваемся да небо коптим.

- Потерпите! Я не собираюсь эскадру мариновать в гавани, - особенно крейсера. Возможно чаще будем выходить в море, чтобы тревожить японцев!

Серый рассвет постепенно вступил на смену ночи. Один за другим гасли прожектора, сквозь утренний туман все отчетливей проступали очертания гор.

Адмирал, поеживаясь от холода, спустился с мостика.

У своей каюты Макаров встретил Дукельского. Выбритый, раздушенный, с закрученными кверху усами, лейтенант имел фатоватый вид. Макаров поморщился, - он не переносил фатов и пшютов.

- Чем порадуете, Георгий Владимирович? - спросил он своего флаг-офицера.

- С "Петропавловска" присланы бумаги, полученные вчера вечером и ночью: донесения сторожевых судов, рапорт флагманского врача о количестве больных и два пакета с дешифрованными секретными телеграммами из штаба наместника, - доложил Дукельский, подавая почту.

Адмирал прежде всего вскрыл конверт, из которого выпали две бумажки, аккуратно исписанные прямым готическим почерком Моласа. Прочитав их, Макаров помрачнел.

- Полюбуйтесь, пожалуйста! Успели уже донести наместнику о моих вчерашних распоряжениях в порту. "Наместник считает нежелательным тесное соприкосновение портовых рабочих с матросами, неизбежное при размещении рабочих в казармах флотского экипажа, а равно и зачисление их на довольствие в порту, так как этим последним обстоятельством создается общность интересов матросов с рабочими в отношении пищи. Наместник на будущее время просит предварительно согласовывать с его штабом все вопросы, связанные с положением вольнонаемных рабочих в порту", - прочитал адмирал.

- Кто же отвечает за ход ремонтных работ, - я или штаб наместника? Если я, то позвольте мне распоряжаться, как я найду нужным! - насканивал Макаров на Дукельского, как будто распоряжение исходило от него, а не от наместника.

- А вот второе - еще лучше; "Инструкция морского штаба командующему Тихоокеанским флотом. Категорически воспрещается вступать в бой с

главными силами противника до возвращения в строй кораблей, подорванных двадцать шестого января, в то же время надлежит беспрестанно тревожить японцев ночными действиями миноносцев и легких крейсеров". Это за десять тысяч верст, из Питера, дают мне инструкцию! Смешно, если бы не было так грустно!

Что же, мне от японцев в гавани прятаться, а не вести войну? Хороши налеты миноносцами, когда у нас их едва двадцать, а у японцев полсотни.

- Разрешите доложить, ваше превосходительство, - перебил его Дукельский.

- При адмирале Старке фактически флотом командовал сам наместник. Он, в свою очередь, получал директивы из Петербурга.

- Я не Старк и командовать флотом собираюсь сам. Надо узнать, кто это сообщил о моих распоряжениях в порту.

- Командир порта адмирал Грече.

- Откуда вы это знаете?

- Он в них лично заинтересован.

- Если это так, то его придется немедленно убрать.

- Адмирал Алексеев лично установил этот порядок перед своим отъездом из Артура, двадцать восьмого января.

- Как, командир любого корабля помимо меня будет сноситься со штабом наместника? Сегодня же отдайте приказ: согласно таким-то статьям военно-морских законов запрещаются кому бы то ни было всякие служебные сношения со штабом наместника помимо меня. В штаб наместника приказ пошлите в копии!

- Без нас туда будут доставлены все экземпляры этого приказа, - усмехнулся Дукельский. - Сейчас подъем флага, ваше превосходительство!

Приняв рапорт от, командира крейсера, адмирал, не завтракая, уехал на "Петропавловск". По дороге туда на катере он неожиданно вспомнил о сухопутном начальстве.

- И они тоже пишут о действиях флота наместнику? - спросил он у

Дукельского.

- Пишут и часто клеветают на нас.

- Этому надо положить конец. Свяжитесь с комендантом крепости. Как его?

- Генерал Стессель.

- Да, с ним, - не примет ли он сегодня меня с официальным визитом вместе с Моласом и вами часов этак около двух дня. Было бы желательно также присутствие всего сухопутного начальства.

- Есть, ваше превосходительство!

- Не сегодня-завтра должен приехать в Артур начальник военного отдела моего штаба, полковник Агапеев. Тогда я ему специально поручу связь со штабом крепости, а пока попрошу связаться с ними вас.

На "Петропавловске" Макаров только поздоровался с выстроенной командой и тотчас же отправился в штаб к Моласу.

Оставшись наедине с Моласом, Макаров с раздражением начал ему высказывать свое возмущение существующими в эскадре и Артуре порядками. Когда Макаров выдохся, Молас бесстрастно, спокойным голосом начал объяснять сложившуюся в Артуре обстановку.

- Морокой штаб получает сведения о деятельности наместника не только через его штаб, но также через генерала Стесселя, коменданта Владивостока и даже через иностранных морских и военных агентов, находящихся в Маньчжурии.

- А в японском морском штабе, часом, справок не наводят? - иронически спросил Макаров.

- Навели бы, если бы японцы дали справки, ибо они больше в курсе наших дел, чем Петербург. Хотя, вероятно, Петербург кое-что и пытается получить через французов или немцев. Штаб наместника ведет ту же политику по отношению к нам. Его информирует сухопутное и даже гражданское начальство.

- Все это подрывает авторитет начальников! Вы тоже информируете о моей деятельности наместника?

- Еще не успел.

- Только поэтому. Не ожидал я от вас такого ответа.

- Степан Осипович! - перешел Молас на интимный тон. - Я так же, как и вы, считаю эту систему неправильной, но против распоряжения из Петербурга идти нельзя. Я думаю, что мы с вами, оба старые моряки, сумеем сговориться по этому вопросу. Если вас это не удовлетворяет, я готов уйти.

- Дело не в нас с вами, Михаил Павлович! Дело в самой системе шпионажа младшего за старшим и всех друг за другом. Вот что, по-моему, недопустимо!

Раз мне не доверяют, - пусть заменят другим. Надо этот вопрос четко поставить перед Алексеевым. Что касается Петербурга, то с указаниями оттуда я особенно считаться не собираюсь. Нам на месте все виднее и понятнее, чем в Питере. Я буду твердо вести свою линию в этом отношении... Вы не сердитесь на меня, Михаил Павлович, - под горячую руку я бываю резок. - И адмиралы обменялись рукопожатиями.

- С "Ретвизана" сообщают, - доложил вошедший Дукельский, - что броненосец обрел плавучесть и его можно отбуксировать в порт. Ждут только прибытия вашего превосходительства.

- Есть! Сейчас же едем! Вы, Михаил Павлович, не беспокойтесь, если не совсем здоровы. Лучше днем вместе съездим с визитом к Стесселю.

Приподнятый приливом, "Ретвизан" слегка покачивался на волне, когда Макаров прибыл на броненосец. Два портовых буксира уже завели тросы и готовы были двинуться с места. На палубе была выстроена команда с оркестром.

Поздоровавшись и поздравив со счастливым окончанием работ, Макаров приказал буксирам двигаться. Настала торжественная минута. Буксирные тросы натянулись. "Ретвизан" медленно отделился от берега и стал поворачиваться носом по направлению к гавани.

На палубе грянуло дружное "ура". Оркестр заиграл гимн. Макаров снял фуражку и набожно перекрестился. Матросы и офицеры последовали его примеру.

- Ваше превосходительство, не прикажете ли отслужить

благодарственный молебен Николе-угоднику за спасение корабля, - заюлил Шенснович.

- Не до молебнов сейчас! Перекрестились, и хватит. Сегодня же необходимо приступить к дальнейшим работам по исправлению корабля, - ответил Макаров.

"Ретвизан" медленно двигался по проходу на внутренний рейд. На берегу радостно кричали и махали шапками столпившиеся солдаты, рабочие, женщины и неугомонная детвора.

Вся эскадра и все портовые суда украсились флагами расцвечивания в честь "Ретвизана". Со всех кораблей усиленно семафорили броненосцу, поздравляя его. Макаров, тихо поглаживая свою густую бороду, стоял впереди всех на мостике, окруженный офицерами корабля. Он задумчиво вглядывался в видневшуюся на внутреннем рейде эскадру и сумрачную панораму Порт-Артура.

Как только "Ретвизан" втянулся в порт, адмирал отбыл с него на "Петропавловск". По дороге он осмотрел "Баян". Вирен, не ожидавший адмиральского визита, встретил его на мостике. Приняв рапорт, командующий обошел крейсер, заглядывая по дороге в самые неожиданные места - галюны, угольные ямы, носовые отсеки, куда только могла протиснуться его грузная, большая фигура. Затем он приказал произвести учение по отбитию минной атаки и пожарную тревогу.

Все на крейсере блистало чистотой, порядок везде был образцовый, - недаром же "Баян" считался лучшим кораблем в эскадре. Но Макаров хмурился все больше и больше: ему не нравилось, что слишком пугливо взглядывали на него матросы, когда он к ним обращался, что терялись от вопросов офицеры.

Покончив с осмотром корабля, адмирал неожиданно потребовал журнал взысканий и список штрафных матросов. Просматривая их, он обратил внимание, что чуть не половина команды состоит в разряде штрафованных; дисциплинарных взысканий было немного, но зато под судом перебивалась значительная часть матросов.

- Вы явно злоупотребляете, капитан, преданием суду нижних чинов за пустяковые, в сущности, поступки, за которые можно ограничиться простым дисциплинарным взысканием. Я считаю позором для эскадры иметь в своем составе крейсер, на котором половина матросов штрафные!

- Разрешите доложить, ваше превосходительство, - начал Вирен своим скрипучим, вялым голосом. - Наказание по суду я всегда считал более правильным, ибо там мое, быть может, пристрастие, личное мнение заменяется мнением незаинтересованных лиц...

- ...которые считают, что раз матроса отдали под суд, значит, все меры воздействия на него дисциплинарных взысканий оказались безуспешными, и закатывают его в арестантские роты, - перебил Макаров. - Жду от вас срочного представления о снятии штрафов с матросов. - И, не поблагодарив Вирена и отказавшись от предложенного завтрака, адмирал вернулся на "Аскольд", где его уже ждал Колас.

- Генерал Стессель просит вас пожаловать сегодня в два часа дня. Будут присутствовать все генералы крепости и гарнизона, - сообщил Молас.

- Есть! А пока можно и закусить, - улыбнулся Макаров.

За завтраком адмирал поинтересовался, как ведется сооружение крепостных фортов и батарей.

- Обычным у нас способом подрядных работ. Подрядчик некто Тифонтай строит под наблюдением наших инженеров, - сообщил Дукельский.

- Что это за личность Тифонтай? Я в Питере слышал о нем далеко не благоприятные отзывы, - справился Макаров.

- По-моему, достаточно темная личность. Бывший китайский генерал, весьма вероятно, японский шпион, крупнейший подрядчик в Южной Маньчжурии. Строит в Дальнем порт и доки, в Артуре все крепостные сооружения. Для них получает прекрасный портландский цемент из России, но переправляет его в Японию, а оттуда доставляет в Артур плохой японский, который и сбывается нам под видом новороссийского портланда. К этому следует добавить, что Тифонтай привлек сюда массу китайцев-рабочих, платит им гроши, а всем недовольным рубит головы

самолично.

- И его еще не убили свои же китайцы? - удивился Макаров.

- Были покушения на его жизнь, но неудачные.

- Как же его терпят порт-артурские власти?

- Тифонтай принял православие, назвав себя в честь царя Николаем. Много жертвует на церковь, помогает миссионерам. Вхож к Стесселю и даже к наместнику. С большими связями в Питере, - пояснил лейтенант.

- Да, такого не так-то просто убрать отсюда, - задумчиво проговорил Макаров.

- Очень даже непросто. Тифонтай считается ярким русофилом. Долго жил в Питере, связан с Безобразовской компанией, которая мечтает о создании здесь Желтороссии. Тифонтай прочит в главы этих "добровольно присоединившихся к России" китайских областей.

- Слышал я и о Желтороссии в Питере. Глупая и опасная затея. Но нам пора собираться. - И Макаров встал из-за стола.

К двум часам дня в гостиной на квартире Стесселя собрались все приглашенные для встречи с Макаровым артурские генералы.

Вера Алексеевна, в черном шелковом платье, плотно облегающем ее пышную фигуру, с неизменным рукоделием на коленях, не по годам румяная и свежая, весело болтала с паясничавшим, как всегда, Никитиным. К их разговору прислушивались чуть улыбающийся Кондратенко и хмурый и усталый на вид Белый.

Стессель расхаживал с Фоком по комнате, внимая дружеским наставлениям последнего.

- Надо новому адмиралу сразу же дать понять, что флот существует для обороны Квантуна и крепости, а не крепость - для флота. Флот может и погибнуть, но крепость останется, а если погибнет крепость, то с ней погибнет и флот. Это моряки должны себе твердо усвоить.

- Ты, как всегда, прав, Александр Викторович. Это вопрос основной, и о нем двух мнений быть не может. Армия прежде всего, а затем уже флот!

- Лютейшие недруги мои все самотопы, большие и малые, - отозвался Никитин.

Звонок в передней возвестил о прибытии ожидаемых гостей. Денщики бросились открывать двери. Фок сел в кресло, а Стессель остался стоять посреди комнаты, приняв возможно более внушительную позу.

В дверях появился Водяга, встречавший адмирала на пристани. За ним вошел Макаров, в расшитом золотом парадном мундире, при ленте, со множеством звезд и орденов на груди. В левой руке он держал треуголку и белые перчатки. За Макаровым следовали Молас и Дукельский, оба тоже в парадной форме.

Осмотревшись, Макаров направился прежде всего к Вере Алексеевне. Молас представил его генеральше.

- Степан Осипович Макаров, новый командующий флотом. - Адмирал приложился к ручке Веры Алексеевны.

- Очень приятно познакомиться, - запела генеральша, целуя адмирала в лоб.

Поздоровавшись с генеральшей, Макаров двинулся к стоящему по-прежнему посредине комнаты Стесселю. Адмирал несколько удивился упрямой неподвижности генерала и далек был от того, чтобы догадаться, что этим, по мнению Стесселя, должно было выражаться превосходство армии над флотом. Оба превосходительства раскланялись и познакомились, после чего Стессель представил Макарову всех присутствующих.

Когда церемония взаимного знакомства окончилась, Макаров сел в кресло, рядом с Верой Алексеевной.

- Как доехали, Степан Осипович? Как вам нравится наш Артур? - спрашивала его генеральша.

Адмирал ответил обстоятельно и подробно. Затем Вера Алексеевна вышла распорядиться. Мужчины остались одни.

- Я думаю, ваше превосходительство, - обратился Макаров к Стесселю, - мы сможем сегодня совместно обсудить, хотя бы в самых общих чертах, план обороны Порт-Артура и наметить формы более тесного контакта армии и флота.

Прежде всего я просил бы ознакомить меня с береговой обороной

крепости, с которой флот связан теснейшим образом.

- В таком случае прошу вас, ваше превосходительство, пожаловать в мой кабинет, - предложил Стессель.

Генералы и адмиралы последовали за хозяином.

В кабинете Белый показал Макарову по карте расположение береговых батарей, радиус их действия, их взаимную огневую поддержку и разъяснил, какую помощь береговая артиллерия может оказать флоту.

Адмирал внимательно слушал, вглядываясь в карту.

- Какие батареи имеются на Ляотешане? - неожиданно спросил он.

- Там батарей нет.

- Как же вы думаете защищать южную оконечность полуострова от массива Белого Волка до Голубиной бухты?

- Тут мелководье, крупные суда близко к берегу подойти не могут, а против мелких судов и в случае попытки высадить здесь десант намечается выдвижение портартурского гарнизона и полевой артиллерии, - ответил Белый.

- Полевые батареи легко могут быть сбиты стрельбой из тяжелых орудий, после чего мелкие корабли смогут приблизиться к берегу и, отогнав пехоту своим огнем, высадить десант.

- Берег охраняется частями Седьмой стрелковой дивизии, - вмешался Стессель, - которая всегда может быть поддержана из Артура. Кроме того, я полагаю, что флот существует не только для того, чтобы укрываться в крепости, но и для обороны берегов Квантуна от возможного десанта. Поэтому я считаю, что оборона южной части полуострова должна быть возложена на флот.

- Вопрос чрезвычайно серьезный, и его надо обдумать в моем штабе. Для меня совершенно ясно, что Ляотешань является ахиллесовой пятой в береговой обороне крепости. Чем скорее будет изжито это положение, тем лучше! - ответил Макаров.

- Сейчас мы заняты спешной постройкой фортов и батарей на сухопутном фронте, - вмешался Кондратенко, - он у нас еще в зачаточном состоянии, до Ляотешаня же просто руки не дошли.

- Постараюсь вам помочь в отношении его обороны! - заверил Макаров.
- Было бы желательно, чтобы и мы, артиллеристы, все же приняли участие в этой работе, - заметил Белый.
- Само собой разумеется! Скажите, кстати, как у вас осуществляется связь береговых батарей с флотом?
- С судами, стоящими в гавани, телефоном через сигнальную станцию флота на Золотой горе, а на море существует только зрительная связь.
- Сигналами? Значит, у вас на батареях есть сигнальщики?
- О нет! Мы ваших морских сигналов не знаем и не понимаем. Просто видим, что делают корабли в море, и по возможности помогаем им.
- Вы умеете отличать по силуэтам наши корабли от японских? На большом расстоянии можно и не разобрать, где наши, а где японцы.
- К сожалению, были случаи, - особенно ночью, - когда мы обстреливали свои суда и пропускали японцев. Связь берега с флотом у нас поставлена плохо.
- Я полагаю, что об этом прежде всего должны побеспокоиться моряки, а не крепость, - вмешался Стессель. - Они, а не мы кровно заинтересованы в помощи крепостных батарей, крепость же и без флота сумеет обойтись.
- Дело у нас, ваше превосходительство, общее, - значит, и думать о нем нам надо вместе, - сухо проговорил Макаров.
- Это верно! Но покуда что только армия работала над укреплением обороны Артура. Флот же прибыл сюда на готовенькое.
- Но построены же доки, казармы, - пытался вставить возражение адмирал.
- Флот принимал в этом минимальное участие. Доки и казармы строились силами китайских рабочих, а не матросов. Все же порт-артурские форты и батареи созданы руками артиллеристов и стрелков, - вмешался Никитин.
- Мы собрались сегодня сюда, чтобы наметить план будущей совместной работы армии и флота. Поэтому дальнейший спор считаю излишним, - оборвал Макаров. - Меня, интересует личность подрядчика Тяфонтая. Так ли он нам здесь нужен, да еще во время войны? - немного помолчав,

спросил он.

- Очень нужен, - ответил Стессель. - Достаточно сказать, что единственная паровая мельница на Квантуне принадлежит ему. Сейчас мы ее реквизируем для нужд интендантства. Затем Тифонтай занимается поставкой продовольствия в крепость. Он организовал закупку скота и прочей живности для нужд крепости.

- Ему принадлежат все опиокурильни и публичные дома в Артуре и Дальнем, - насмешливо добавил Никитин.

- Он же является владельцем цирка, театра и ряда ресторанов. Он кормит офицеров по недорогой цене и вполне сносно, - горячился Стессель.

- Все значные места необходимо немедленно ликвидировать. Запретить продажу спиртных напитков в ресторанах. Да и пора бы организовать тщательное наблюдение за деятельностью Тифонтай, - тоном приказа проговорил Макаров.

- Давно уже оно ведется, но пока ничего предосудительного в его деятельности не обнаружено, - заметил Стессель.

В это время дверь распахнулась, и в кабинет вошел полковник генерального штаба, подавший Макарову запечатанный пакет.

- Полковник Агапеев, начальник военного отдела моего штаба, - представил вошедшего адмирал. - Он как раз и будет поддерживать теснейшую связь со штабом крепости.

Агапеев, поздоровавшись со всеми, встал рядом с Макаровым и начал разглядывать карту крепости.

- Разрешите мне ознакомиться с содержанием присланных бумаг, - произнес Макаров и распечатал конверт. Затем он, надев пенсне и далеко отставив руку, прочитал вслух: - "По агентурным сведениям, японцы намечают одновременно с происходящей сейчас высадкой своих войск в Чемульпо сделать попытку десанта и на севере Ляодуна. Штаб наместника предлагает вам быть в постоянной готовности для выхода в море, с целью противодействия противнику. При этом, однако, отнюдь не следует ввязываться с ним в эскадренный бой, а ограничиться лишь действиями крейсеров и миноносцев, используя по преимуществу ночное

время для атаки транспортов противника. На броненосцы же и броненосные крейсера возлагается лишь прикрытие этих операций. При появлении главных сил противника вам надлежит немедленно отводить эскадру под прикрытие береговых батарей". Одним словом, и атакуй, и в бой не ввязывайся! При таком положении вещей, что бы ни случилось, - виновным всегда окажусь я, а не штаб наместника, - комментировал адмирал прочитанное предписание.

- Предлагаю в недельный, самое большое в десятидневный срок разработать план совместных действий, - предложил Стессель.

- Согласен. Я поручаю заняться этим вопросом полковнику Агапееву. Он договорится со штабом вашего превосходительства о времени и порядке проведения этой работы. Теперь же разрешите нам откланяться, - поднялся адмирал.

Но появившаяся в это время Вера Алексеевна налетела на Макарова.

- Я вас, Степан Осипович, ни за что не отпущу без чашки чаю.

Адмирал отступил перед столь энергичным натиском и, отцепив палаш, двинулся за хозяйкой. Прочие последовали за ними. Последними из кабинета вышли Стессель, Никитин и Фок.

- Здорово ты разделаю нового самотопа, Анатолии Михайлович! - одобрил Никитин. - Не будет теперь особенно нос задирать: "Мы, флот, - все, а вы, крепость, - ничего".

В столовой Вера Алексеевна посадила рядом с собой Макарова и Моласа, дальше моряки сели вперемежку с сухопутными. Когда все заняли места, Стессель поднялся с бокалом в руке.

- Впервые в истории русского Артура мы видим столь тесное единение нашей армии и флота. Достойная всякого сожаления обособленность флота до последнего времени мешала тесной дружбе между нами. Надеюсь, что приезд Степана Осиповича ознаменует собой новую эру в наших взаимоотношениях и при дружной совместной работе флот наконец признает, что в России армия всегда была, есть и будет главным оплотом могущества родины, а он призван лишь помогать армии в ее боевой деятельности. За здоровье наших дорогих гостей моряков

поднимаю свой бокал. Ура! - Все встали и чокнулись друг с другом.

С ответным тостом поднялся Макаров.

- Мой первый тост за нашу милую хозяйку, Веру Алексеевну, столь радушно встретившую меня в Артуре. Дай ей бог всего доброго. - И адмирал приложился к ручке генеральши. - Затем я пью за русскую армию, стоящую на страже интересов нашей великой родины на здешнем, далеком рубеже. Флот всегда был и останется для армии любящим братом, готовым в любую минуту прийти к ней на помощь. За ваше здоровье, господа!

Разговор стал общим, вскоре им овладел Агапеев, оказавшийся живым и остроумным собеседником.

- Меня поражает безграничная тупость японского командования. Напав на нас без объявления войны, они не сумели воспользоваться выгодами внезапного нападения. Высади они свой десант не в Чемульпо, а где-нибудь на Квантуне или на Ляодуне, они давно бы перерезали железную дорогу на Мукден и голыми руками могли бы захватить Артур. Теперь же им придется поломать зубы об него.

- Короче говоря, они повторили наши ошибки под Плевной, когда мы сразу же не пошли на штурм и дали время Осман-паше создать целую крепость, - резюмировал Кондратенко.

- И на море они тоже очень плохо использовали свои боевые возможности, - вставил Макаров. - Брось они двадцать шестого января против нас не двенадцать, а все свои миноносцы, результат их атаки был бы для нас куда плачевнее.

- То-то двадцать шестого января наши моряки и так отличились, прозевав японцев! - пробурчал себе под нос Никитин.

- Но матросы здесь ни при чем. Они сделали все возможное, чтобы спасти корабли, действуя зачастую на свой риск и страх, - возразил Агапеев. " - Смотрю я на вас, господин полковник, - обратился к нему Никитин, - и понять не могу, что вы за земноводное создание. Морской офицер сухопутного генерального штаба. И не выдумашь.

- Полковник Агапеев призван мною, как известный профессор военной

академии, на весьма ответственный пост в моем штабе, - резко проговорил Макаров. - Я как бы предвидел сегодняшние жалобы на отсутствие связи крепости с флотом и создал, как вы изволили выразиться, "земноводный отдел", по-видимому, не напрасно.

Видя, что разговор принимает неприятный оборот, Вера Алексеевна поднялась со своего места.

- Разрешите и мне, глубокоуважаемый Степан Осипович, приветствовать вас.

Я весьма рада нашему знакомству и смею вас уверить, что в семье Стесселей вы всегда будете желанным гостем. Прошу заходить к нам попросту, без всяких стеснений. Позвольте пожелать вам полного успеха в вашей трудной работе.

Побейте поскорее япошек на море, а армия сумеет добить их на суше. За ваше здоровье и за ваши будущие победы! - проговорила генеральша с чувством.

Все громко закричали "ура". Макаров, видимо, тронутый этим тостом, почтительнейше склонился перед Верой Алексеевной, которая, по старинному обычаю, поцеловала его в голову под аплодисменты всех присутствующих.

- Отныне союз армии и флота закреплен навеки, - заметил Белый.

Воспользовавшись подходящим моментом, Макаров стал прощаться.

Как только моряки вышли, Фок, обращаясь к Стесселю, сказал:

- Видно, что Макаров человек твердый и с ним нелегко будет справиться.

- Мне Макаров определенно нравится, - сказал Белый. - Толковый адмирал и штаб себе подобрал неплохой. Молас серьезный и знающий человек, Агапеев - умница.

- А Дукельский и скандалист и пьяница, - перебил его Стессель, - я по докладам полицмейстера знаю о его художествах.

- Зато под стать Макарову - видный и красивый мужчина, - вступилась генеральша.

- Заполонили ваше сердце самотопы, Вера Алексеевна, - вздохнул Никитин.

- Заодно пленили они и нашего Василия Федоровича, - съехидничал Фок.
- Это верно! За последнее время ты, Василий Федорович, что-то уж больно тесно связался с моряками. В морском штабе бываешь чаще, чем у меня, - упрекнул Белого Стессель.
- Для пользы службы, Анатолий Михайлович, да и поучиться нам есть чему у моряков.
- Нам у самотопов! Интересно чему? - вскинулся Никитин.
- Правилам стрельбы морской артиллерии, морским сигналам, одним словом, найдется чему.
- Пусть уж лучше они учатся у нас нашим правилам и сигналам, - неодобрительно отозвался Стессель.
- А у вас какое мнение сложилось о Макарове, Роман Исидорович? - спросила Вера Алексеевна почти все время молчавшего Кондратенко.
- Цыплят по осени считают, - схитрил генерал, - поживем - увидим.

Гости стали расходиться.

Визит к Стесселю заметно расстроил Макарова, и на обратном пути он почти все время молчал.

- Нездоровое отношение к флоту в Артуре, - наконец сумрачно заметил адмирал.
- Оно характерно для здешнего сухопутного начальства, - ответил Молас.
- Нас обвиняют в потере "Варяга", "Корейца", "Енисея" и "Боярина", а также и за двадцать шестое января, когда мы, по мнению генералов, не приняли должных мер по охране эскадры.
- К последнему обвинению присоединяюсь и я. Еще до объявления войны следовало сделать все возможное для охраны эскадры и держать ее на внутреннем рейде. Я это предвидел, об этом писал, но меня не послушали. Все это показывает на отсутствие твердости в командовании эскадрой. С этим надо немедленно покончить. На сплетни же артурских кумушек, хотя бы и в генеральских мундирах, нечего обращать внимания.
- Я постараюсь возможно скорее сгладить существующие шероховатости,
- произнес Агапеев.

По прибытии на "Петропавловск" Макаров просмотрел в штабе полученные бумаги и вернулся ночевать на "Аскольд". Весь вечер он разрабатывал план усиленной разведки миноносцами в районе островов Элиот, где, по слухам, намечалось сосредоточение японских судов. Было уже поздно, когда он закончил подробный доклад наместнику о своих мероприятиях в Артуре.

В ночь на 26 февраля Макаров решил произвести миноносцами разведку побережья Квантуна и детально осмотреть бухты в этом районе, а также на островах Элиот и Блонд. Эти острова расположены в восьмидесяти милях от Порт-Артура и всего в десяти милях от бухты Бидзиво, которая являлась удобным местом высадки десанта на Квантунском полуострове. Помимо этого, острова имели хорошо закрытую стоянку для флота. Занятие их предоставило бы японскому флоту прекрасную базу для действий против Порт-Артура, и притом в непосредственной близости от русской крепости. Днем к адмиралу был вызван командующий отрядом миноносцев капитан первого ранга Матусевич. Несмотря на свой возраст и чин, он сильно побаивался крутоватого и быстрого на расправу адмирала.

- По приказанию вашего превосходительства прибыл, - вытянулся он перед Макаровым, стараясь по выражению его лица угадать, что готовит ему судьба - крепкую ли нахлобучку за какие-либо непорядки в подчиненном ему отряде, или дело обойдется и без этого.

Но адмирал задумчиво поглаживал свою шелковистую бороду, видимо, чем-то озабоченный.

- Я вызвал вас к себе, Николай Алексеевич, по следующему поводу. - И адмирал изложил ему свои предположения о производстве ночной разведки.

- Кого бы вы порекомендовали направить в этот, надо прямо сказать, опасный рейд? Тут нужен смелый, находчивый командир, с большим опытом и вполне исправный миноносец с хорошим ходом, - закончил Макаров.

Матусевич начал перечислять фамилии своих подчиненных, давая им и

миноносцам краткие характеристики. Макаров при этом делал в тетради замечания. После тщательного отбора остановились на миноносцах "Решительный" и "Стерегающий". Первым командовал капитан второго ранга Боссе, а вторым - лейтенант Сергеев. Оба они тотчас же были вызваны в штаб эскадры.

Сорокалетний Боссе отличался добродушием и невозмутимым спокойствием.

Сергеев, лишь недавно получивший в командование миноносец, был худощав, подвижен, горяч и считался на эскадре одним из самых лихих командиров. Сам адмирал подробно объяснил им задачу и указал наиболее интересные его бухты и острова.

- При встрече с японскими крейсерами, заградителями или транспортами, пользуясь темнотой, атакуйте их с возможно более близкой дистанции, с миноносцами же без крайней необходимости в бой не ввязывайтесь, так как почти наверняка они будут иметь превосходство над вами в отношении хода, - предупреждал Макаров обоих командиров.

Миноносцы должны были выйти в восьмом часу вечера, с наступлением темноты, но они задержались с приемкой угля и воды и к указанному времени не были готовы. Макаров приказал ему доложить о времени выхода судов и теперь нервничал, ежеминутно справляясь о готовности миноносцев к выходу. Наконец, не вытерпев, он вызвал к себе Матусевича и устроил ему хорошую головомойку.

- По возвращении кораблей обоих командиров списать в экипаж за полную их непригодность к занятию командных должностей, - приказал Макаров.

- Виновато Управление порта, которое не позаботилось о своевременной доставке угля и воды, хотя еще утром я лично предупредил адмирала Грече о ночном рейде, - оправдывался Матусевич.

- Адмиралу Грече объявляю выговор, а вам приказываю обеспечить скорейший выход миноносцев, - бросил Макаров.

Матусевич поспешил уйти.

- Не военные корабли, а брандвахты какие-то! На выход в море

требуется чуть ли не полсуток! - возмущался адмирал.

Минут через двадцать ему наконец доложили о выходе кораблей. Макаров успокоился. Предвидя беспокойную ночь, он прилег, не раздеваясь, на диван, ежеминутно поджидая известий об ушедших в море судах.

Ночь выдалась тихая, но темная. Низкие густые тучи плотно закрывали все небо.

"Решительный" и "Стерегающий", шедшие под командой капитана второго ранга Боссе, сразу по выходе из Артура исчезли в ночной мгле. Главным шел "Решительный", за ним в четверти кабельтова - "Стерегающий". Ввиду возможности ежеминутного столкновения с японцами на обоих миноносцах были заряжены все пушки и минные аппараты, и матросы поваяхтенно находились при них, расположившись группами тут же на палубе. Всматриваясь в ночную мглу, они тихо беседовали между собой. Главной темой разговоров был приезд нового командующего флотом. Не прошло и суток с момента появления в Артуре адмирала Макарова, а среди матросов сложились о нем уже целые легенды.

- Рабочих в порту с матросами поравнял, даром что они вольные, - повествовал комендор носового орудия.

- И жалование им тоже матросское положил? - насмешливо спросили из темноты.

- Дурак! Кому же охота за матросские гроши работать! Харчи он им дал матросские да разрешил пользоваться матросской баней и жить в казенной казарме.

- И с бабами? - не унимался насмешник.

- Всем приказал по бабе выдать! Тебя, дурака, толь" ко без нее оставил за глупость.

- Эту сволочь, Вирена, слышать, страсть как ругал. Мне, говорит, такого командира, что матросов на корабле, как арестантов, держит, не надо, - продолжал комендор.

- Врешь! Вирен от всех адмиралов только благодарности получал за тиранство свое над матросами. "Баян" у начальства почитается за самый

лучший из кораблей, - усомнился один из матросов.

- Почуял, значит, старик за порядками и непорядки. Уехал с "Баяна" страсть сердитый.

- Миноносец "Страшный" чисто весь облазил. Даже в галюн матросский и в тот зашел, - поддержал комендор Ситкин.

- Ишь ты! Видать, по морскому делу большой дока. Боцмана Демчука в лицо признал и поздоровался с ним на особо, даром что Демчук с ним годов десять тому назад, если не боле, плавал. Рассказывали, что адмирал всех своих матросов в личность помнит, чуть ли не с мичманских своих чинов.

На мостике офицеры тоже говорили о Макарове.

- Этот спать эскадре не даст! У него броненосцы за миноносцами поспевать будут, - уверял командир лейтенант Сергеев, - я с ним в Балтике плавал.

- Всем артурским девчонкам теперь амба будет. На берег съезжать будем только по праздникам, как в отпуск в корпусе ходили, - вздохнул мичман Кудревич.

- Больше денег в кармане останется. А девчонки себе кавалеров из сухопутных найдут, - возразил ему лейтенант Головизнин.

- Счастливый он - не успел приехать, как и "Ретвизан" сняли с мели!

Сколько раз прежде неудачи были, а тут сразу все как по маслу пошло, - восторженно проговорил Кудревич.

- Не в счастье дело, Сережа, а в уме, - ответил ему Головизнин.

- Нам-то сегодня повезет? - усмехнувшись, спросил Сергеев.

"Решительный" и "Стерегающий" уже несколько часов блуждали по морю, но так и не обнаружили стоянки японского флота. Командир "Решительного" Боссе решил возвращаться в Артур. Уменьшив ход своего миноносца, Боссе подошел к "Стерегающему" и по мегафону передал голосом распоряжение Сергееву о возвращении на базу. Оба миноносца направились к Артуру. Чуть забрезжил рассвет. В белесоватой туманной мгле Сергеев, внимательно следивший за горизонтом в бинокль, неожиданно увидел многочисленные дымы. Лейтенант взгляделся в них -

сомнений не было: перед ним находилась вся японская эскадра.

Сергеев, недавно принявший командование "Стерегущим", плохо еще знал в лицо своих матросов. Да и команда не успела хорошо познакомиться друг с другом: добрую половину экипажа недавно укомплектовали матросами с других кораблей. Однако растерянности Сергеев не заметил. Наоборот, люди чувствовали себя уверенно, спокойно. Изредка слышались шутки и смех.

Взглянув на японцев, Сергеев заметил, что они на ходу меняли строй, готовясь к бою. Увидели это и матросы. Лица их посуровели, сами собой смолкли шутки.

Для всех было ясно: предстоит трудный бой.

Первые залпы создали сразу тяжелое положение на корабле: были подбиты почти все орудия, вышла из строя машина. Миноносец остановился.

Трудно было и на "Решительном". Однако Боссе, уже тяжело раненный, отдал приказ вернуться к "Стерегущему" и постараться прикрыть его своим огнем.

Меткий огонь "Решительного" заставил японские миноносцы несколько отойти, один из них стал сильно парить. На "Стерегущем" тем временем починили машину, и оба миноносца вновь двинулись к Артуру. Но японские минные крейсера обрушили яростный огонь на идущий последним "Стерегущий".

Осколком снаряда был ранен в голову Сергеев.

Вышли из строя подбитые орудия. Только Ситкин на носу продолжал вести огонь да кормовой минный аппарат выпустил мину по приближающимся японцам, но не попал.

С каждой минутой количество раненых все увеличивалось, - у орудий почти не осталось прислуги.

- Ваше благородие, - обратился к командиру Ситкин, - дозвоьте пару духов вызвать на помощь к орудиям?

- У них своего дела хватит, машина все время работает с перебоями.

- Могу дать двух кочегаров на подачу, - ответил поднявшийся на палубу

инженер-механик Анастасов. - Ситкин и Глебов, идите к новому орудью! Примолкнувшее было орудие заговорило снова, но тут очередной снаряд, попавший в миноносец, вызвал пожар, который быстро начал распространяться по кораблю. Пробили дробь-тревогу. Матросы бросились тушить пожар. Орудия замолчали. Японцы, видя беспомощность миноносца, приблизились к нему на торпедный выстрел. Воспользовавшись этим, лейтенант Головизнин навел на врага торпедный аппарат. Грянул залп. Воздух потряс грохот взрыва. Высоко вскинулся вверх столб дыма и пара - вражеский корабль исчез в пенящемся водовороте...

К ногам матроса Иванова упал боевой стеньговый флаг, сбитый японским снарядом.

- Поработай-ка, друг, малость за меня, - сказал Иванов, передавая тяжелый насос Ситкину, - а я в момент обернусь; видишь, какое дело - флаг японец сбил.

Бережно засунув полотнище за пазуху, матрос стал взбираться на мачту. Осколок снаряда ударил в плечо, рука повисла плетью. "Только бы добраться, только бы успеть..." - настойчиво билась мысль. Собрав последние силы, Иванов прикрепил флаг к мачте и, сбитый осколком, рухнул на палубу.

Напрасно "Решительный", спасая товарища, бросился на противника. Японцы отгоняли его сосредоточенным артиллерийским огнем, видимо решив сначала расправиться с подбитым, потерявшим способность управления миноносцем.

Боссе трезво оценил положение: силы были больше чем не равны. Ясно, что через несколько минут его миноносец тоже окажется в положении "Стережущего".

Выход только один - не медля ни минуты, постараться пробиться в Артур, вызвать на помощь эскадру. Воспользовавшись тем, что японцы обрушились на "Стережущего", Боссе, исправив машину, двинулся в Артур.

Тем временем японцы подошли почти вплотную к "Стережущему",

расстреливая его в упор. Осколком крупного снаряда был убит Кудревич. Поддерживаемый двумя матросами, на палубе появился Сергеев. Он окинул взглядом свой израненный корабль, немногих оставшихся в живых матросов.

- Спасибо, братцы, за героическую службу, - собирая последние силы, сказал командир, обращаясь к близстоящим матросам. - Врагу "Стерегающего" не сдавать! Помните - это русский корабль, а русский корабль врагу не сдается!

Ведите меня на капитанский мостик. Хочу умереть на посту!

Но подняться на мостик Сергеев уже не смог, силы оставили его, он умер от потери крови.

Подошедшие вплотную японцы стали расстреливать людей из пулемета и винтовок. Одним из первых упал Головизнин, принявший командование миноносцем, вскоре был убит и инженер-механик Анастасов, вступивший в командование "Стерегающим" после Головизнина.

Палуба опустела, но японцы продолжали поливать миноносец огнем.

Обреченный корабль, безмолвный, не отвечающий на залпы врага, казался страшным. Японцы, не осмеливаясь близко подойти к миноносцу, спустили шлюпки. Вооруженные ружьями с примкнутыми штыками, японские матросы боязливо поднялись на палубу, на которой, кроме трупов да тяжело раненных, никого не нашли. Осмелев, они рассыпались по всему кораблю.

Вдруг из машинного отделения раздались выстрелы. Несколько русских матросов, забаррикадировавшись, решили сопротивляться до последнего.

- Помни, ребята, наказ командира - корабль не сдавать! - старательно целясь, сказал трюмный машинист Василий Новиков. - Покажем японцу кузькину мать. Давай, Бабкин, - обратился он к квартирмейстеру, - бери машинистов Апришко с Николаевым, сбивай болты кингстонов, а я покараулю дверь.

Болты заржавели и поддавались с трудом. Наконец тонкая струя воды брызнула в чуть заметную щель.

- Все, братцы, конец, - тихо проговорил Бабкин. - Давай попрощаемся...

- Ну что ж, ребята, прощай, - так же тихо откликнулся Новиков. - Недолго мне с вами пришлось вести знакомство....

- Ничего! На том свете к апостолу Павлу в пивнушку вместе сходим, - обнимая Новикова, ответил Николаев.

В дверь машинного отделения забарабанили прикладами.

- Сдавайся, русска матроса! Пленнитца холосо есть! - кричали японцы.

- Слушайте, косорылые черти, если русский язык понимаете, - донеслось из машинного отделения. - Не ходить нашему "Стерегущему" под японским флагом.

Мы погибнем вместе с ним, но русского флота не посраим!

Миноносец стал быстро погружаться в воду. Крейсер, уже было подавший на нос "Стерегущему" конец для его буксировки, спешно обрубил буксир. Вскоре на поверхности воды барахталось лишь несколько раненых русских матросов. Добыча ускользнула из рук японцев.

Между тем Боссе, оглохший и израненный, сам довел миноносец до гавани.

Когда наконец, едва держась на ногах от слабости, он явился к Макарову, то смог только сказать: "Потерял миноносец, ничего не слышу", - и тут же упал без сознания. Поняв, в чем дело, Макаров немедленно приказал "Новику" и "Баяну" выйти в море на помощь "Стерегущему". Сам он, с Дукельским и Агапеевым, решил перейти на "Новик". Узнав об этом, командир "Аскольда"

Грамматчиков и Дукельский стали его отговаривать.

- "Новик - легкий, крейсер, лишенный брони. Достаточно одного попадания хотя бы шестидюймового снаряда, и он выйдет из строя. В каком тогда положении окажетесь вы, ваше превосходительство? - урезонивал Грамматчиков.

- "Баян" более подходит для вас, ваше превосходительство, - вторил ему Дукельский, - ход у него почти тот же, что и у "Новика", и он крейсер бронированный.

- Я вас, лейтенант Дукельский, не задерживаю, - раздраженно ответил Макаров. - Если вы находите более удобным "Баян", отправляйтесь туда,

а я предпочитаю "Новик".

Грамматчиков сконфуженно замолчал, Дукельский же, покраснев, попросил у адмирала разрешения сопровождать его на любом корабле или даже в шлюпке.

Эссен встретил адмирала у трапа и тотчас же получил приказание выйти в море.

Обойдя наскоро крейсер, Макаров поднялся на мостик. "Новик" уже вышел на внешний рейд и полным ходом двигался к месту сражения "Стережущего" с японскими кораблями. В кильватер, едва поспевая за проворным "Новиком", шел "Баян". Было уже совсем светло. На горизонте, на фоне темного неприветливого моря, виднелись тесно сгруппировавшиеся японские корабли. Но стрельбы не было, - бой уже кончился. На палубе все напряженно вглядывались вдаль.

Макаров в бинокль первый заметил гибнущий миноносец.

- "Стережущий" уже взят на буксир. Самый полный, вперед! - приказал он Эссену. - Передать то же на "Баян"!

Адмирал понимал, что в эти немногие минуты решается судьба миноносца, и настойчиво требовал увеличения хода, хотя крейсер шел на предельной скорости. Но вдруг "Стережущий" стал быстро погружаться в воду. Видно было, как японцы поспешно спускались в шлюпки и торопливо отплывали от него. Через мгновение миноносец исчез под водой. На палубе пронесся тяжелый вздох.

Матросы крестились. Макаров последовал их примеру. Крейсера продолжали идти прежним курсом, и японцы начали отходить, лениво отстреливаясь. Когда "Новик" подошел к месту гибели "Стережущего", на поверхности, кроме плавающих обломков, ничего не было.

На горизонте стали вырисовываться многочисленные корабли японской эскадры, и, не желая ввязываться в бой, адмирал лег на обратный курс.

Противник следом за крейсерами стал приближаться к крепости.

Агапеев развернул план расположения береговых батарей и стал их разыскивать в бинокль среди серых прибрежных скал.

Береговые батареи молчали, и определить их расположение, за

исключением видной издалека батареи Золотой горы, было почти невозможно. Но вот у подошвы горы блеснуло несколько выстрелов. Легкий дым быстро рассеялся.

- Никак, Электрический Утес стал стрелять бездымным порохом, - радостно показал Эссен Макарову на знаменитую батарею. - Теперь, ваше превосходительство, смотрите на японскую эскадру - она, наверное, сейчас получит хороший гостинец от наших друзей артиллеристов.

Макаров перевел бинокль на японцев и тотчас же увидел, как вокруг головного корабля поднялось несколько водяных столбов, а на корабле появилось густое облако черного дыма.

- Есть! С первого залпа взяли под накрытие. Это, я понимаю, стрельба! - восторгался Эссен.

- Кто там командует батареей? - заинтересовался Макаров.

- Капитан Жуковский, - ответил Дукельский.

- Там есть еще замечательный артиллерист, - огромный такой поручик, как его?.. Ваш приятель, - обратился Эссен к лейтенанту.

- Поручик Борейко, - подсказал тот, - Да, да. Он целые дни проводит на батарее и все работает над усовершенствованием правил и таблиц стрельбы.

- Значит, Жуковский сумел подобрать хороших офицеров. Не следует, однако, забывать и о нижних чинах. Они должны не только безукоризненно работать у орудий, но и любить свое артиллерийское дело. Тогда хороший результат всегда будет обеспечен, - проговорил Макаров.

- Еще залп, - показал на Утес Агапеев.

Снаряды опять упали вблизи японцев. На головном корабле начался пожар, и он стал уходить в море. Японская эскадра, дав с предельной дистанции несколько выстрелов по крейсерам и берегу, скрылась за Ляотешанем, и только несколько легких судов остались против Артура.

Едва успел "Новик" стать на якорь, как около него неожиданно упал снаряд.

Макаров приказал справиться на Золотой горе, откуда обстреливается порт, так как перед Артуром виднелись на горизонте лишь мелкие японские корабли.

Грохот канонады из-за Ляотешаня указал направление, с которого японцы повели бомбардировку порта. Несколько снарядов опять легло около русских судов. На кораблях пробили тревогу и приготовились к принятию боя, стоя на якорях. Но противник был невидим, а выйти в море ввиду отлива было невозможно.

- В этом молчании эскадры и береговых батарей, спокойно расстреливаемых японцами, много унижительного для крепости и флота, - возмущался Макаров, наблюдая с "Петропавловска" за обстрелом.

Сперва японцы огонь всех своих броненосцев и броненосных крейсеров сосредоточили на эскадре. Легкие их суда издали вели наблюдение за результатами стрельбы и передавали их броненосцам. Разгадав это, адмирал приказал кораблям укрыться за Золотой горой и Тигровым полуостровом.

Лишившись возможности вести наблюдение, японцы перешли на обстрел площадей, наугад засыпая различные участки порта. С мостика "Петропавловска" было видно, как снаряды ложились на пустом месте. Все же один из снарядов попал в носовую башню на "Ретвизане", затем два снаряда попали в "Аскольд", везде обошлось без потерь.

- Ваше превосходительство, - подошел к Макарову Агапеев, - не думаете ли вы, что за бомбардировкой последует высадка десанта в районе Голубиной бухты?

- Транспортов сегодня нигде не было видно, кроме того, через два часа начнется прилив, и наши броненосцы смогут выйти в море для атаки японцев. За это время много не высадишь, да еще на здешнем мелководье, когда придется издалека переправлять десант на лодках. Все же необходимо предупредить крепость о возможности попыток высадки японцев.

- Тогда я сейчас отправлюсь на берег в штаб генерала Стесселя.

- Напишите от моего имени коротенькую записку генералу о

необходимости усиления береговой охраны с суши.

- Слушаюсь, сейчас будет сделано.

Через пять минут шлюпка с Агапеевым отчалила от "Петропавловска" и заныряла по волнам под обстрелом.

- Раз японцы могут нас обстреливать через Ляотешань, то, значит, и мы можем их обстрелять таким же способом. Для этого нам необходимо лишь устроить наблюдательный пункт на одной из вершин Ляотешаня и соединиться с ним флагами или, еще лучше - по телефону. Надо поручить флагманскому артиллеристу немедленно осуществить это, - проговорил Макаров.

Обстреляв бассейн, японцы перенесли огонь на город. То тут, то там - в Старом, а затем и в Новом городе - начали подниматься колоссальные столбы дыма и пыли, отливавшие особым красно-желтым блеском. Улицы опустели, магазины закрылись, и все поспешили забраться в подвалы, ледники, погреба...

Только неугомонные уличные мальчишки при каждом разрыве бежали осматривать причиненные повреждения и разбегались, услышав рев нового снаряда.

Рабочие в порту, бросившие было работу при первых попаданиях снарядов, вскоре опять вернулись в мастерские и приступили к работе, прислушиваясь к грохоту близко рвущихся снарядов. Но в самые доки ни один из них не попал.

Едва Агапеев успел добраться до штаба крепости, как начался обстрел города. Стессель, из окна своей комнаты наблюдавший за бомбардировкой порта и эскадры, встретил полковника весьма нелюбезно.

- Я только что хотел послать Макарову просьбу выйти в море и атаковать японцев. Пора нашим морячкам набраться храбрости и высунуть свой нос в море.

- Вы, ваше превосходительство, несправедливы к морякам. С приездом адмирала Макарова они все время готовятся к выходу в море... - возразил Агапеев.

- Не вижу и не знаю, к чему они готовятся, но несомненно, что эскадра по-прежнему предпочитает отстаиваться в порту, чем сражаться с японцами.

- Отлив мешает эскадре в настоящий момент выйти в море.

- Не надо было забираться в порт. Ожидали бы отлива на внешнем рейде под прикрытием береговых батарей.

- Там трудно предохранить корабли от ночного нападения японских миноносцев.

- Все это пустые отговорки! Попросту моряки трусят и предпочитают прятаться за спину крепости. Вы зачем, собственно, пожаловали ко мне, полковник?

Агапеев передал генералу пакет от Макарова.

- Кто это дал право командующему флотом указывать мне, какие меры следует принимать для обороны подступов к крепости? - обрушился Стессель на посланца, прочитав письмо адмирала.

- Адмирал Макаров лишь сообщает вам о своих опасениях возможности высадки десанта под Ляотешанем.

- Его мнение меня совершенно не интересует. Совсем зазнался ваш Макаров, придется его одернуть и поставить на место. Сейчас я напишу ему ответ.

Грохот близкого разрыва заставил обоих вздрогнуть.

- Этого еще не хватало! По милости наших моряков мы ежеминутно подвергаемся смертельной опасности. Передайте Макарову мое категорическое требование - любыми мерами предотвратить впредь бомбардировку Артура с моря.

Пусть часть кораблей постоянно дежурит на внешнем рейде и вступает в бой с японцами, как только они приблизятся к крепости.

- Наш флот настолько слабее японского... - начал было Агапеев, но грохот взрыва не дал ему закончить.

Перед самым домом взвился огромный столб дыма, посыпались стекла и штукатурка. Генерал в ужасе отскочил в глубь комнаты и закрестился.

- Сохрани меня, боже, великой милостью твоей, - прошептал он.

- Вы бы, ваше превосходительство, лучше укрылись в блиндаже на время бомбардировки, - посоветовал Агапеев.

- Нет еще у меня блиндажей. Макарову хорошо там сидеть за толстой броней, ему никакие японские снаряды не страшны, а мы здесь ежесекундно рискуем погибнуть во время обстрела.

Генерал перешел в другую комнату, выходящую окнами на двор. В дверь постучали, и вошел подполковник Дмитриевский, из штаба крепости.

- Ваше превосходительство, штаб Седьмой дивизии сообщает, что со стороны Голубиной бухты слышна сильная ружейная перестрелка, - доложил он.

- Возможно, что это попытка высадить десант, - заметил Агапеев.

- Вы думаете, полковник? - испуганно посмотрел на него Стессель.

- Так предполагает адмирал Макаров...

- Это, это черт знает что такое! Допустить высадку десанта рядом с Артуром! Среди бела дня! При наличии нескольких десятков боевых судов! - возмутился генерал. - Сейчас же отправлю наместнику телеграмму с просьбой убрать отсюда Макарова. В Артуре такой адмирал не нужен.

- Прошу прощения, ваше превосходительство, - вмешался Дмитриевский.

- Сообщение штаба Седьмой дивизии весьма тревожно, и необходимо принять самые срочные меры.

- Вызвать ко мне Кондратенко. Я посоветуюсь с ним.

- Надо торопиться, ваше превосходительство. Разрешите, я сам съезжу к генералу Кондратенко и с ним в штабе договорюсь обо всем. О принятых мерах мы сообщим вам через ординарца или по телефону, - предложил Агапеев.

- Буду очень благодарен, Я прикажу вам подать верховую лошадь с ординарцем. Дмитриевский понадобится мне здесь, - тотчас согласился Стессель.

Через несколько минут Агапеев уже скакал по улице, направляясь в Новый город, где находился штаб Седьмой дивизии. Несмотря на довольно сильный обстрел, в городе не было заметно разрушений. Кое-

где вылетели стекла, на мостовых виднелись воронки от разрывов снарядов и валялись опрокинутые телеграфные и телефонные столбы, опутанные порванной проволокой.

Когда Агапеев миновал Старый город и выехал на дамбу, соединяющую Старый и Новый город, японцы внезапно перенесли огонь на Новый город, который мгновенно окутался облаками пыли и дыма. Грохот взрывов заглушал истерические вопли обезумевших от ужаса людей, которые бежали, неся на руках детей, гнали перед собой испуганных коров и отчаянно визжавших свиней.

Поджав хвосты, рядом стремительно неслись собаки.

Агапеев не рискнул ехать дальше и придержал лошадь. Он не заметил, как к нему подъехал Кондратенко вместе с начальником пограничной стражи подполковником Бутусовым.

- Смею вас заверить, ваше превосходительство, что никакого японского десанта нет. Иначе я бы это знал от своих пограничников. Да и китайцы не были бы так спокойны, как сейчас, - уверял Бутусов.

- Чем же вы объясняете ту стрельбу, которую вы сами слышали со стороны Голубиной бухты? - спросил Кондратенко.

- Пока ничего об этом сказать не могу и еду туда с целью выяснить, в чем дело.

- Здравия желаю вашему превосходительству! - заметив их, подъехал к генералу Агапеев. - Я направлен генералом Стесселем в штаб вашей дивизии с приказанием двинуть полки, дивизии с артиллерией в Голубиную бухту, где, по-видимому, происходит высадка японского десанта.

- Значит, нам по дороге! Прошу присоединиться к нам. Как только выясним, кто - и по ком стреляет, конным ординарцем донесем в штаб крепости, - решил Кондратенко и тронул лошадь широкой рысью.

Между тем обстрел Нового города прекратился, и можно было проехать через него. Тут тоже не было сильных разрушений, хотя все улицы были усыпаны битым стеклом и известкой.

- Не столько разрушений, сколько шуму! - заметил Кондратенко.

- Важно моральное действие бомбардировки на наши тылы. Они у нас слабонервны и легко впадают в панику, - проговорил Агапеев.

- Вы имеете в виду штаб крепости? - улыбнулся генерал.

- Только что имел возможность наблюдать впечатление обстрела на этот штаб, - отозвался Агапеев.

- К сожалению, у генерала Стесселя частенько пошаливают нервы. Вероятно, и сегодня он чувствует себя не в своей тарелке.

- Ваши предположения, ваше превосходительство, совершенно справедливы.

Разговаривая таким образом, Кондратенко со своими спутниками скоро догнал колонну войск,двигающуюся по шоссе к Голубиной бухте. Тяжело нагруженные винтовками и вещевыми мешками, солдаты шли не в ногу, многие выходили из строя и садились у обочины, перематывая портянки.

- Сразу видно, что полк недавно сформирован! - сказал Агапеев.

- Это Двадцать восьмой полк. Он еще даже не вполне укомплектован, новобранцы и запасные продолжают прибывать каждый день. Где командир полка?

- спросил Кондратенко у одного из офицеров.

- Не могу знать, где-то впереди, - отозвался тот.

- Наведите порядок в роте и следите за его сохранением на походе, - сделал замечание генерал и направился дальше.

Обгоняя роты, он на ходу здоровался с солдатами, которые отвечали вразброд, с удивлением глядя на неизвестно откуда взявшееся начальство.

Во главе полка на жирной лошади медленно ехал командир полка полковник Мурман. Полный, уже сильно пожилой человек, лет за пятьдесят, в очках и со свисшими вниз длинными запорожскими усами, он писклявым бабьим голосом подал команду: "Смирно!" - и подъехал с рапортом к Кондратенко.

"Каков поп, таков и приход", - подумал Агапеев, глядя на мешковатую фигуру Мурмана.

Приказав командиру немедленно привести полк в порядок, Кондратенко

широкой рысью двинулся дальше.

Вскоре он нагнал артиллерийский дивизион. Хорошо кормленные сильные лошади легко тащили полевые пушки. Рослые, подтянутые артиллеристы шли рядом с пушками. Едва генерал поравнялся с последней запряжкой, как солдаты голосом сообщили командиру дивизиона о появлении начальника дивизии, и через несколько минут Кондратенко увидел скакавшего ему навстречу полковника Мехмандарова.

Весь заросший густейшей черной бородой, которая сливалась с усами и волосами на голове, полковник казался Черномором, стремительно мчавшимся на своей огромной вороной лошади. Эффектно отсалютовав шашкой, он остановил коня в нескольких шагах от генерала и зычным, низким голосом отдал строевой рапорт. На вопрос генерала, выслана ли вперед разведка, полковник доложил, что все конные разведчики подкомандой адъютанта дивизиона уже давно выдвинуты вперед и с минуты на минуту можно ждать от них донесения.

Поблагодарив Мехмандарова за прекрасный вид его части, Кондратенко направился к идущему впереди Двадцать пятому стрелковому полку. В отличие от Двадцать восьмого, он шел в полном порядке, в ногу, соблюдая дистанцию и равнение в рядах. Командир его, полковник, четко отдал рапорт и доложил, что вперед выслана рота с пулеметами и разведчики.

- Вы слышали ружейную перестрелку? - справился Кондратенко.

- Так точно. Временами очень даже сильную, - отозвался полковник.

- Вот, например, сейчас...

Спереди из-за поворота дороги донеслось несколько ружейных залпов, сменившихся частым огнем. Захлебываясь, затакал пулемет. Затем все сразу смолкло.

- По-видимому, японцы прикрывают свою высадку ружейным и пулеметным огнем с мелких судов, которые могут близко подойти к берегу, - решил Кондратенко.

В это время на дороге показался старик китаец. Он шел не торопясь и

даже не оглядываясь на выстрелы. К нему подъехал Бутусов и заговорил с ним по-китайски.

- Что он сообщает? - поинтересовался Кондратенко.

- Уверяет, что никаких японцев нет, а стрельбу ведет "русска капитан", - ответил подполковник.

Китаец подошел сам и, низко кланяясь, продолжал что-то бормотать.

- Японси нет, китайси бойся нет, - разобрал генерал.

- Кто же тогда стреляет? - недоумевал командир полка.

- Русска капитана, пу, пу, пу, - подняв руки, как для стрельбы, ответил китаец.

- Поехали вперед, - решил Кондратенко и вместе с Агапеевым и несколькими разведчиками поскакал по шоссе.

За поворотом перед ними открылась широкая панорама моря с четко видимыми километрах в пяти от берега японскими кораблями. Ни на море, ни у берега не было ни одной лодки.

- Где же десант? - в один голос воскликнули все.

- Его нет и не было! - убежденно ответил Бутусов. - Китайцы давно об этом бы знали, конечно, находились бы в большом страхе.

Неожиданно в стороне от дороги раздался резкий свист, и тотчас затрещали ружейные выстрелы. Испуганные лошади бросились в сторону.

- Что за черт! Стреляют, а пуль нет! - удивился генерал.

- Я сейчас узнаю, в чем дело! - И Агапеев, перескочив через канаву, поскакал напрямик по сжатому полю. Скоро он увидел стрелковую цепь, совершавшую перебежку. Сзади нее спокойно ходил поручик и поправлял солдат.

- Помни, ребята, когда соседний взвод побежит, усиленно стреляй, поддерживай его своим огнем, - пояснил он и громко свистнул.

Цепь побежала, сопровождаемая частым огнем.

- Кто вы такой? - подлетел к офицеру Агапеев.

- Начальник команды разведки Четырнадцатого полка поручик Енджеевский. - Это вы с утра здесь стрельбой занимаетесь?

- Так точно! Сейчас буду кончать занятия, - взглянул Стах на часы.
- Разве вы не знаете, что японцы бомбардируют Артур?
- Они мне не мешают, господин полковник. Если бы они вздумали высадить десант, то у меня для наблюдения высланы разведчики. Пока на море все спокойно.
- Что бы вы могли сделать, имея только учебные патроны, в случае появления десанта?
- У меня есть целая двуколка боевых. При появлении японцев рассыпал бы команду в цепь и открыл по ним огонь. Одновременно послал конного ординарца с докладом о действиях японцев в штаб крепости. Думаю, что продержался бы до подхода подкреплений из Артура, - спокойно отвечал поручик.
- Заварили вы кашу! В штабе Седьмой дивизии решили, что японцы высаживаются в этом районе и двинули сюда всю Седьмую дивизию.
- Об этом мне ничего не известно! Я провожу занятия, согласно расписанию, утвержденному командиром полка, - оправдывался Енджеевский.
- Прекратите огонь и отправляйтесь к генералу Кондратенко. Он ждет вас на шоссе, - распорядился Агапеев.

Узнав о причине переполоха, Кондратенко громко расхохотался.

- Вот что значит, у страха глаза велики! Вместо этого чтобы направить сюда хорошую разведку, двинули всю дивизию. На будущее время такие занятия необходимо все же согласовывать со штабом крепости, - решил генерал.

- Вы не видели разведчиков Двадцать пятого полка? - спросил у подошедшего поручика Рейс.

- Так точно, видел! Они отправились по берегу моря и не хотели мне верить, что японцами здесь и не пахнет. С ними были и артиллеристы, - пояснил Стах.

Тем временем японские корабли, усиленно задымив, прекратили стрельбу и начали отходить в море.

Когда Стессель узнал о причине переполоха, то пришел в неистовство и

приказал посадить Биджеевского на десять суток на гауптвахту.

- Да за что же, Анатолий Михайлович, вы хотите наказать этого чрезмерно старательного юношу? Он только выполнял приказ своего командира полка, - заступился за Енджеевского Кондратенко.

- За глупость!

- Последняя по уставу не наказуема, - усмехнулся Кондратенко.

Но Стессель был неумолим, и в тот же день Водяга водворил Стаха на губу.

Вечером, после бомбардировки, Макаров созвал экстренное совещание на "Петропавловске" с участием всего генералитета крепости.

К семи часам в приемной адмирала собрались уже все адмиралы и командиры судов, а также Стессель, Никитин, Кондратенко и Белый со своими адъютантами, - всего человек около тридцати.

Макаров, поглаживая бороду, открыл совещание коротким анализом событий минувшего дня.

- Вчера у коменданта крепости я указал, что Ляотешань наиболее уязвимое место в обороне Артура. Не прошло и суток, как все мои опасения подтвердились. Сегодняшняя бомбардировка наглядно показала, где именно мы наименее защищены, вернее - совершенно не защищены, - продолжал Макаров. - Самое верное средство раз и навсегда отучить японцев от стрельбы через Ляотешань - это установить на нем орудия. Но этого скоро не сделаешь. Нужен, по крайней мере, месяц для постройки батарей. Поэтому я решил пока что устроить там лишь наблюдательный артиллерийский пост и соединить его телефоном с эскадрой.

- Этот вопрос нужно еще обсудить у меня в штабе.

- Пока мы его будем обсуждать, японцы могут повторить сегодняшнюю бомбардировку. Действовать надо немедленно, - пытался урезонить Стесселя Макаров.

- Если флот будет и впредь прятаться в гавани, то японцы смогут каждый день упражняться в такой стрельбе.

- Эскадра, ослабленная еще двадцать шестого января, пока не в

состоянии принять бой с японцами в открытом море, стоя же на якоре в порту, она сможет отвечать тем же перекидным огнем через Ляотешань.

- Как твое мнение, Василий Федорович? - спросил Стессель у Белого.

- Предложение адмирала Макарова можно только приветствовать, - ответил генерал.

- По-моему, не следует этого делать, - вмешался Никитин. - Если нужен наблюдательный пункт на Ляотешане, то пусть его обслуживают наши крепостные артиллеристы.

- Крепостные артиллеристы незнакомы с нашими орудиями и правилами стрельбы, - возразил Молас.

- Нехитрая штука и научиться, - бросил Никитин.

- Быть может, мы пошлем туда представителя и от флота, и от крепостной артиллерии? - вставил Кондратенко.

- Я считаю, что довольно будет и одних моряков, - ответил Белый. - Пусть они наблюдают и отвечают за результаты стрельбы.

- Присоединяюсь к мнению генерала Белого, - сказал Стессель.

- Итак, морякам разрешается иметь свой наблюдательный пункт на вершине Ляотешаня, - иронически резюмировал прения Макаров. - Перейдем теперь к вопросу о сооружении батарей.

- Тут надо договориться с крепостным инженером и нашими артиллеристами.

Первый даст саперов для проведения дороги, а вторые помогут технически, - уже миролюбиво проговорил Стессель.

- Поручим полковнику Агапееву согласовать все связанное с этим вопросом, - решил Макаров.

- Мы от себя выделим или капитана Гобято, или прапорщика Звонарева, - предложил Белый, - они и проведут эту работу.

- Что может в артиллерии понимать прапорщик? - удивился Никитин.

- Он весьма успешно вел переделку лафетов на Электрическом Утесе, - ответил Белый. - Сейчас я ему поручил ту же работу и на других батареях. На Ляотешане он вполне справится.

Когда перешли к обсуждению вопросов связи берега с флотом, Макаров

предложил выделить матросов-сигнальщиков на все батареи. Стессель решительно запротестовал.

- Нам такой связи не надо. Сами разберем, что делается у нас перед глазами, и будем сообразно действовать.

Макаров предложил Агапееву договориться об этом со штабом крепости и крепостной артиллерии.

Под конец заседания Макаров сообщил, что наутро он намеревается вывести всю эскадру в морей попробовать поискать отдельные небольшие отряды японцев.

- Нынешняя война прежде всего война за обладание морем. В настоящее время мы значительно слабее японцев, и, чтобы выровнять наши силы, необходимо нападать на их отдельные корабли или маленькие отряды. В заключение не могу не выразить горячей надежды, что наши отношения с крепостью наладятся в ближайшее время, - закончил адмирал свою речь.

После заседания Макаров пригласил всех ужинать на корабль. Стессель и Никитин демонстративно отказались и уехали, а Белый и Кондратенко приняли приглашение.

В дружеской беседе они очень быстро договорились по всем пунктам и решили на будущее время действовать сообща, минуя по возможности штаб крепости.

- С момента своего визита к Стесселю я чувствую себя крайне расстроенным враждебным отношением ко мне крепостного начальства, - говорил Макаров. - Поскольку мы заняли Артур только для того, чтобы иметь стоянку для флота, вполне естественно, что и крепость создана для его защиты. Тем приятнее мне было так легко и просто договориться с вами, господа.

- Я вполне разделяю вашу точку зрения, Степан Осипович, - ответил Белый, - и прошу завтра же прислать матросов-сигнальщиков хотя бы на наши важнейшие батареи - Золотую гору и Электрический Утес.

- В свою очередь, я прошу вас также помочь мне на Ляотешане, - попросил Макаров.

- Я повидаю начальника инженеров крепости полковника Григоренко, - сказал Кондратенко, - и в ближайшие же дни вместе с ним и Василием Федоровичем выберу там места для установки батарей; наметим попутно и направление новых дорог.

- Я надеюсь, господа, что вы позволите мне отныне считать вас своими союзниками в деле обороны ПортАртура, - закончил адмирал.

Макаров проводил генералов до самого трапа и приказал Дукельскому сопровождать их до пристани. Когда шлюпка отошла, Макаров стал прохаживаться по палубе. Он понял, что сегодня он нашел себе точку опоры в Артуре.

Утром Звонарев был вызван в Управление артиллерии. Вместе с ним на линейку села и Шурка Назаренко, отправлявшаяся на курсы сестер. День выдался ясный, солнечный, слегка ветреный. Море расстилалось перед глазами до самого горизонта. Ни одного корабля, ни одного дымка не было видно.

- Хорошо сегодня, - заметил Звонарев.

- Должно, японцы в обед явятся. Они всегда, как только ясно, обязательно приходят к Артуру.

- Вы уже привыкли к обстрелу, Шура?

- Привыкла, только когда близко снаряды рвутся, то страшно бывает. Тогда я в погреб ховаюсь, и там мне совсем не страшно.

- Будете сестрой, придется вам и на позициях бывать, - там страшнее будет, чем у нас.

- Папаня намеренно сказывал, что по Утесу бьют самые что ни на есть большие пушки у японцев. Хотят они его вконец разбить, чтобы он им на море не мешал.

Хоть бы эта война поскорей кончилась да опять помирному жить!

- Замуж торопитесь?

- Об этом я и не думаю. Учиться хочу.

- Зато Пахомов, верно, ждет не дождется, когда вам шестнадцать лет исполнится.

- Пусть ждет, все равно я за него не пойду, - угрюмо проговорила

девушка.

- Противен он мне.

Разговаривая, они незаметно доехали до Управления артиллерии. Шурка Назаренко пошла к Варе, а Звонарев к генералу. Белый встретил его очень радушно.

- Я хочу поручить вам одно важное дело-установку орудий на Ляотешане. Работа спешная и в двухнедельный срок должна быть окончена, - сообщил генерал.

- Боюсь, что я не справлюсь с этой работой. Я ведь еще очень мало понимаю в артиллерийском деле.

- Зайдите сейчас к Гобято, я ему уже говорил об этом.

Звонарев откланялся и пошел в мастерские. Он не застал Гобято там, зато встретил в механическом цехе очень утомленного Братовского.

- Сильно устаете? - спросил его Звонарев.

- Не столько от работы, сколько от стояния под ранцем да от внеочередных нарядов. Нельзя ли мне к вам, ваше благородие, на Электрический Утес? - попросил Братовский.

- Сегодня же об этом переговорю с капитаном. Только вам делать у нас сейчас нечего. Работы по переделке закончились, сам я назначен на установку орудий на Ляотешане, на Электрическом, верно, не буду вовсе бывать.

Звонарев вернулся в Управление, где наконец застал Гобято.

- С Ляотешанем ерунда какая-то получается. Мы отдаем морякам свои пушки, они их с помощью пехоты устанавливают, а обслуживать батареи будем мы, а не моряки. Пока все это не разъяснится, к этой работе приступать нечего. Вас же попрошу сейчас побывать на Двадцать второй батарее у Вамензона. Посмотрите, в каком состоянии у них орудия и лафеты, можно ли им увеличить заряд для получения большей дальности. Что же касается углов возвышения, так они и сейчас стреляют при предельном возвышении. Лошадь вам сейчас подадут, я уже об этом распорядился.

Двадцать вторая батарея шестидюймовых береговых пушек Канэ была

расположена на самом левом фланге берегового фронта, на стыке с сухопутной линией обороны. Благодаря этому она была приспособлена почти к круговому обстрелу и в сторону моря и в сторону суши. Дорога туда шла в объезд Золотой горы с севера, где ее отроги значительно понижались. По пути они миновали так называемые дачные места, куда переезжали в летнее время семьи офицеров порт-артурского гарнизона. Здесь берег спускался к морю более полого, растительность была сравнительно богаче и, наконец, имелось несколько небольших пляжиков для купанья. Сейчас все дачи были заколочены, заборы у палисадников поломаны, и только собаки уныло бродили между строениями.

Дальше до батареи шло шоссе, по которому пришлось ехать около часа.

В складках прибрежных сопот расположились казармы для артиллеристов. Тут же вблизи в небольшой делянке находился офицерский флигель, к которому и подъехал Звонарев.

Командир батареи капитан Вамензон был предупрежден Гобято о приезде прапорщика и встретил его, как жданного гостя, - Милости прошу! Очень рад вас видеть. Я столько наслышался о ваших успехах по переделке орудий, что давно хотел познакомиться с вами, - рассыпался он, крепко пожимая руку Звонареву. - Быть может, перекусите с дороги? Я только что сел за стол, - пригласил Вамензон.

- Не откажусь, так как сегодня еще ничего не ел с самого утра, - согласился Звонарев.

Капитан ввел его в маленькую столовую, в углу которой виднелась большая икона с горящей перед ней лампадкой. В комнате уже был накрыт стол на две персоны, стояли миски с борщом и кашей.

- Прошу садиться, - поставил стул капитан. - Питаюсь я из солдатского котла. "Щи да каша-пища наша", как говорит наша русская пословица. Это и дешевле и лучше в отношении контроля за солдатской едой. Артельщики все воры и жулики, за ними всегда нужен глаз да глаз. У меня на этот счет очень строго; как начнет плохо кормить, проворуется, - долой! Кашевару, кроме того, задницу полирую время от времени, - распространялся капитан. - Золотой народ наши солдатики:

неприхотливы, терпеливы, богобоязненны, царябатюшку любят до самозабвения. Конечно, есть отдельные прохвосты, но с ни ми я не церемонюсь. Кулак и розга прекрасно исправляют самых строптивых. Выпьем же за наш великий русский народ, - налил капитан две большие рюмки водки.

Звонарев с ним чокнулся.

Щи были жирные, наваристые, с крошеным мясом. Каша, поджаренная с салом, так и таяла во рту. Хлеб был хотя и черный, но хорошо выпеченный.

- У вас прекрасно кормят в роте, - похвалил Звонарев. - На Электрическом Утесе, к сожалению, гораздо хуже.

- Воруют сильно, потому и пища у вас плохая У Жуковского жену и детей из-под носа украдут, он и то не заметит: витает где-то в облаках. Все со своей культурностью носится: "Я против порки и мордобоя, я за развитого и образованного солдата... - а на деле у вас, простите, - кабак, - критиковал Вамензон. - Из вашей роты по всей артиллерии либеральная зараза ползет.

Солдаты-то у вас чуть ли не газеты читают. Это же полный разврат! Начнет солдат газеты читать, начнет думать, - мало ли до чего он додумается! Нет уж, я предпочитаю иметь у себя неграмотных. Да и на что это солдату? Он должен только выполнять приказания начальства, думать ему совершенно не о чем и незачем; за него обо всем начальство подумает. Право, я считаю, что хорошо было бы иметь солдат совсем даже без головы. В сущности, она им совершенно не нужна, разве только для украшения!

- А как же фейерверкеры, наводчики, писаря?

- Этим, пожалуй, можно было бы оставить головы вроде органчика, чтобы заводить их, когда нужно.

- Я не разделяю вашей точки зрения, господин капитан. Современная военная техника, насколько я с ней познакомился, требует известного культурного уровня.

- К сожалению, вы во многом правы. В этом все наше несчастье. Но

образованный солдат всегда в то же время будет и развращенным. Избежать этого очень трудно, если не невозможно. Всегда найдутся подлые агитаторы, которые сумеют быстро развратить любого солдата. С этими подлецами я расправлялся бы беспощадно, - всех вешал бы, как бешеных собак, особенно проклятых жидов. Ненавижу это иудино племя!

- Вы преувеличиваете значение евреев как агитаторов. Русские в такой же мере причастны к пропаганде, как и евреи, - сказал Звонарев.

- Это все жидовствующие русские, нигилисты, анархисты, социалисты и прочая сволочь. Вырезать бы всех до единого. Очистить нашу Россию от них раз и навсегда! - кричал Вамензон, возбужденный и красный, азартно размахивая в воздухе столовым ножом и, видимо, воображая себя участником погрома.

- Едва ли мы с вами, господин капитан, убедим друг друга. Разрешите вас поблагодарить за хлеб-соль, - поднялся Звонарев, - я двинусь на батарею для осмотра пушек.

- Жаль, жаль, что вы не разделяете моих взглядов. Впрочем, вы у нас человек временный и случайный. У настоящих офицеров русской армии ненависть к евреям должна быть в крови. С детства нужно будущих офицеров воспитывать в этом духе, - продолжал Вамензон. - Я пройду вместе с вами на батарею.

Проходя по дороге мимо казармы, Звонарев увидел человек тридцать солдат, стоящих под винтовками. На лицах многих были синяки, ссадины и кровоподтеки.

Капитан подошел к ним и стал внимательно оглядывать каждого из них.

- Голову выше! - крикнул он на низкорослого, но необычайно широкоплечего солдата, с мрачной злостью смотрящего на него. Солдат чуть-чуть поднял вверх подбородок.

- Выше, чертов сын! - И Вамензон с силой ударил его по подбородку снизу вверх, так что у того стукнули зубы. - Я тебя научу, как у меня в роте служить, всю дурь твою из тебя выбью.

Звонарев вздрогнул, увидев, с какой ненавистью посмотрел избитый на своего командира.

- Он вас убьет когда-нибудь, - заметил прапорщик, когда они пошли дальше.

- Кто? Блохин? Я прикажу его выпороть завтра, как Сидорову козу, шелковый станет. Хамье это я знаю: чем их больше бьешь, тем они тебя больше любят.

- Боюсь, что вы ошибаетесь.

- На то вы и, простите за выражение, шпак, чтобы бояться этой скотины. Я в бараний рог согну любого солдата, он же мне потом будет руки целовать, - презрительно проговорил капитан.

На батарее в стену бетонного траверса между средними орудиями была вделана большая икона. Перед ней горела неугасимая лампада. Подойдя к иконе, Вамензон набожно снял фуражку и широко перекрестился.

- Это наши небесные покровительницы, святые Вера, Надежда, Любовь и мать их София, - пояснил капитан. - В честь Веры Алексеевны Стессель. Она нам и лампадку к ней поднесла фунтов в пять чистого серебра. Не хотите ли полюбоваться?

Звонарев осмотрел массивную лампаду, на которой было вырезано славянской вязью "Дар батарее N 22 от ее превосходительства В. А. Стессель. 17 сентября 1903 г.".

- Значит, ваша батарея имеет не только небесных, но и земных покровительниц, к тому же весьма влиятельных?

- Я сообщаю Вере Алексеевне обо всем происходящем на батарее. У нас было двое раненых двадцать седьмого января, и оба получили от нее именные кресты и подарки. Кроме того, с начала войны она прислала всем солдатам по нательному кресту и свое благословение, - рассказывал Вамензон.

"Интересно знать, что получил ты сам?" - подумал Звонарев.

- Солдаты очень чтут своих небесных патронесс? - вслух спросил он.

- Каждый вечер человек двадцать можно видеть около иконы; пришлось даже сделать деревянный настил, чтобы молящиеся не пачкали шинелей, становясь на колени. Два раза в месяц батюшка перед ней служит молебен.

Звонарев хотел было спросить, не чудотворная ли эта икона, но капитан предупредил его.

- Солдаты уверяют, что, приложившись к иконе, они получали исцеление от недугов: головной боли, расстройства живота, зубной боли...

- Этак к вам скоро начнется паломничество с других батарей, - иронически заметил Звонарев.

- Вы, кажется, не особенно верующий? - подозрительно заметил Вамензон.

- Думаю, что вы недалеки от истины.

- Дух безверия и нигилизма, как проказа, поражает современную молодежь.

От интеллигенции это тлетворное течение переходит к широким народным массам и отравляет честные души сырых и бедных. Я ненавижу нашу интеллигенцию так же, как и иудино племя. Большой вред они причиняют государству.

- А вы себя к образованным не причисляете?

- Я офицер, следовательно, преданный слуга царю и отечеству и, конечно, враг всякого суемудрия.

- Разрешите вызвать людей к орудиям, - попросил Звонарев. - Мне нужно будет осмотреть стволы пушек, а также снарядные и зарядные камеры орудий, степень их разгара от стрельбы.

- Сию минуту. - И Вамензон пронзительно засвистел.

Тотчас из казармы начали выбегать солдаты, одеваясь на ходу, и, подбежав к батарее, застыли около своих орудий в уставном положении. Капитан по часам следил за тем, через сколько времени батарея будет готова к бою. Солдаты, пробегаая мимо иконы, быстро крестились, боязливо оглядываясь на командира.

Тех же, кто этого не делал, капитан угощал зуботычиной и заставлял усиленно креститься.

- Две минуты сорок пять секунд, - сообщил Вамензон, когда последние солдаты добежали до батареи. - Взводным фейерверкерам записать опоздавших и вечером доложить мне через фельдфебеля.

Орудия Звонарев нашел в очень изношенном состоянии: стволы имели уже значительный разгар, в зарядных камерах прогорели обтюрирующие кольца, замки туго входили в свои гнезда.

- Вы часто стреляете? - справился он у Вамензона.

- По несколько раз в день. Кроме того, я люблю делать тревоги и по ночам.

Я буду просить о замене изношенных орудий новыми. Ведь моя батарея особенная: она предназначена для обстрела и моря и суши. Мне приходится первому открывать огонь, когда японцы подходят с севера. Ваш Утес и тот столько не стреляет.

- Я доложу об этом командиру артиллерии. Во всяком случае, по-моему, вам сейчас нельзя увеличивать пороховых зарядов, так как могут быть большие прорывы газов, что весьма опасно для орудийной прислуги, - сообщил свое мнение капитану Звонарев.

- Если дело только в прислуге, то, по-моему, с ней особенно считаться не приходится: на то и война, чтобы были опасности. Другое дело, если при этом может пострадать казенное имущество, лафеты или самое орудие.

- Солдаты ведь тоже, по военной терминологии, - казенное имущество. - Во всяком случае, не ценное: у нас, в России, его более чем достаточно.

Покончив с осмотром батареи, Звонарев поспешил откланяться и уехать.

- Тебя покормили? - спросил он возницу, когда двинулись в дорогу.

- Так точно, - щи постные да каша тухлая с прогорклым маслом, - ответил солдат.

- У командира были прекрасные щи и каша!

- Так для них же кашевар отдельно в маленьком котелке prepares. Всем известно, что у капитана Вамензона хуже, чем во всей артиллерии, кормят.

Зато у фельдфебеля ряшка всем на удивление, - красная да толстая. Промеж себя солдаты называют эту батарею

"наши арестантские роты". В дисциплинарном батальоне и то легче. Тут каждый день по несколько человек порют да еще розги в рассоле ночью вымачивают, чтобы больнее было. Особливо достается тем, кто плохо

молится богу: лют до молитвы капитан. Видали, быть может, под винтовкой стоял низкий да широкий такой солдат.

- Блохин.

- Он самый. Почитай уже месяц его под винтовкой держат да через день на кобыле дерут за то, что перед иконами на батарее не хочет снимать шапку.

Забьет его капитан до смерти, даром что силища в Блохине большущая.

- Ты земляк с ним, что ли?

- Никак нет, в новобранстве вместе были. Он из рабочих, медницкому делу обучен. Сперва в мастерских работал, а потом его оттуда выгнали за пьянство, что ли. Попал он на Двадцать вторую батарею, теперь и мучается. Или сбежит со службы, или помрет, не выдержать ему.

В Управлении артиллерии прапорщик никого не застал и прошел на квартиру Гобято.

- Каковы ваши сегодняшние успехи? - спросил его капитан.

Звонарев подробно доложил обо всем.

- Я предполагал, что дело обстоит приблизительно так, как вы сообщаете.

На Двадцать вторую батарею надо будет сменить орудия. Хотя батарея только что построена, но на вооружение были поставлены старые орудия, других тогда не было. Теперь мы получили тридцать новых пушек и сможем произвести замену у Вамензона.

- Я вас хотел попросить: нельзя ли будет с батареи Вамензона откомандировать в мастерскую Блохина, он медник по специальности.

- Он сам вас об этом просил? - удивился Гобято.

- Нет, он ничего мне не говорил, я прошу за него, так как был свидетелем, как его избивал Вамензон.

- Если всех избитых Вамензоном откомандировывать с батареи, так там скоро не останется ни одного. Блохин же туда попал от нас за пьянство, и едва ли стоит его брать обратно. У Вамензона не распьянствуешься. Был Блохин и на Электрическом, пропил казенное имущество, пошел под суд, да дешево отделался: Борейко на суде спас его от арестантских рот,

только в штрафные его перевели да выпороли.

- Как бы он там Вамензона не убил.

- Убьют Вамензона - плакать не будем.

- Зато погибнет ведь и Блохин, и другие солдаты пойдут под суд. Их жалко!

- Больно вы, Сергей Владимирович, жалостливый человек. Всех все равно не пережалеешь, а Блохина жалеть и не стоит, - все равно рано или поздно сопьется и умрет под забором! Пойдемте-ка сейчас с докладом к Белому, чтобы завтра с утра приняться за работу.

Перед квартирой Белого стоял парадный экипаж, на козлах которого сидел кучер-матрос.

- Кого привез? - спросил его Гобято.

- Командующего флотом адмирала Макарова и флаг-офицера лейтенанта Дукельского.

- Вот и отлично, заодно договоримся и о работе на Ляотешане, - обрадовался капитан. В гостиной они застали Макарова в полной парадной форме, очевидно, приехавшего с визитом к Белым.

Макаров приветливо с ними поздоровался и продолжал беседу. Сам генерал был занят разговором с Агапеевым и Дукельским. Гобято со Звонаревым подсели к ним.

- Прекрасную прогулку совершили мы сегодня в море, - рассказывал Агапеев.

- Вышли еще на рассвете и только час тому назад вернулись. Море было чудесное - ясно, тихо, солнечно. Японцев даже на горизонте не было видно.

После вчерашней бомбардировки скрылись куда-то. Адмирал проявил исключительную энергию. Сперва был на тральщиках и показывал, как надо тралить, потом на катере подъехал к одной из вытравленных мин, осмотрел ее и приказал тут же разрядить. Как ни уговаривали его поберечься, не ушел, пока не были вывинчены ударные приспособления. Затем на "Новике" обошел всю эскадру и проделал целый ряд перестроений, указывая каждому судну его ошибки. И, наконец, когда

вернулись в гавань, лично проверил, как корабли" становятся на якорь. Такая подвижность, такая неутомимость, что можно подумать, что ему не пятьдесят пять лет, а тридцать. С таким адмиралом мы смело можем потягаться с японцами, - восхищался полковник.

- Адмирал производит симпатичное впечатление, - заметил Гобято.

- Тебя вчера намечали послать на Ляотешань для установки там тяжелых орудий, - обратился к Звонареву Дукельский.

- Хочу отказаться от этой работы; плохой я еще артиллерист.

- Ничего, справишься. Помогут другие, если в чем будет заминка, - успокоил лейтенант.

- Что это за амазонка скачет по улице? - спросил Макаров, глядя в окно.

Все обернулись к окнам. Варя красивым курц-галопом обскакала вокруг дома, подъехав к крыльцу, соскочила с лошади и нежно поцеловала ее в разгоряченную морду.

- Это наша младшая дочь Варя. Она очень увлекается верховой ездой и готова целый день не сходить с лошади, - пояснила Мария Фоминична.

- Казацкая кровь сказывается, - заметил Гобято.

- Вы казак? - удивился Макаров, обернувшись к Белому.

- Да, мы с женой с Кубани, - ответил генерал.

В комнату влетела в запыленном платье, с плеткой в руках растрепанная Варя. Увидев Макарова, она смутилась и мгновенно исчезла.

- Резвая она у вас, - улыбнулся адмирал.

- Даже чересчур, - заметила сердито мать и вышла.

Когда мужчины остались одни, Макаров предложил в деталях выяснить вопрос об укреплениях Ляотешаня. Белый принес план крепости, и все принялись обсуждать порядок намеченных работ. Решено было, что силами гарнизона будет проведена дорога до самой вершины Ляотешаня: моряки брали на себя установку двадцативосьмисантиметровой пушки, артиллеристы, в случае нужды, - постройку и вооружение батареи.

Когда через полчаса в гостиной появилась Варя в сопровождении матери, все деловые разговоры были уже окончены. Девушка, успевшая переодеться, умыться и причесаться, розовая от смущения, подошла с

подносом к Макарову и сделала ему реверанс.

Адмирал, улыбаясь, смотрел на смущенно стоявшую перед ним девушку.

- Так вот вы какая лихая амазонка! Оказывается, не только скакать на лошади умеете, но и хозяйничать мастерица. Дай бог вам женишка хорошего, - мягко проговорил он.

- Рано ей еще о замужестве думать, - вмешалась мать, - пусть сперва старшие сестры выйдут.

- У вас, значит, строго по казачьему укладу: дочерей по порядку замуж выдаете?

- По старинке живем, - старшая уже замужем, средняя заневестилась, а она еще свободна.

- Не беспокойтесь, Мария Фоминична, она у вас долго не засидится, - шутил Макаров.

Вскоре гости стали прощаться. В передней снова появилась Варя. Она восхищенно смотрела на Макарова.

- Как бы я хотела иметь такого дедушку, как вы, - совсем по-детски проговорила она.

- Я тоже не отказался бы от такой внучки, - приветливо ответил адмирал.

- Вот и отлично - отныне вы будете моим дедушкой, а я вашей внучкой! - захлопала в ладоши Варя.

- Всего доброго, - раскланялся со всеми Макаров, направляясь к двери.

- До свидания, дедушка! - И Варя, вскинув ему руки на шею, крепко его поцеловала.

- Варя! Как тебе не стыдно! - остолбенела мать.

- Отчего же мне своего дедушку не поцеловать? - с деланной наивностью ответила девушка.

- Вы уж извините нашу дурочку, - обратилась мать к адмиралу. - Не успела по молодости еще ума набраться.

- Я очень тронут таким вниманием вашей дочери, - растроганно проговорил Макаров.

- Может, вы и меня поцелуете? - шепнул девушке на ухо Звонарев.

- Нахал! Я с вами больше не знакома, - одним духом, так же шепотом,

выпала Варя и отошла.

На следующее утро Звонарев и Гобято вместе с Белым поехали на катере на Ляотешань. От пристани Артиллерийского городка они направились в глубь западной части гавани, где был расположен Минный городок морского ведомства.

В многочисленных сараях, разбросанных, по берегу, хранились незаряженные мины, а в крутых склонах горы, прямо в скалах, были высечены глубокие склады для пороха, пироксилина и мелинита, которыми заряжались мины.

Неподалеку, за небольшим холмом, помещались казармы для матросов, обслуживающих минный склад.

У маленького деревянного пирса стоял катер с "Аскольда" под адмиральским флагом. Макаров обходил склады, и артиллеристам пришлось подождать, пока он подошел к ним в сопровождении флагманского артиллериста лейтенанта Мякишева и неизменного Дукельского. В это время подъехал верхом с несколькими офицерами и Кондратенко.

Ляотешань представлял собою скалистый массив, почти лишенный растительности. Среди скал и камней вилась петлистая узенькая тропинка в гору, по которой все двинулись гуськом.

Саперные офицеры на ходу докладывали адмиралу и Белому свои соображения о трассировке будущей дороги и о местах, наиболее подходящих для установки орудий. С вершины Ляотешаня, возвышавшейся на двести сажень над уровнем моря, открывалась огромная панорама. Побережье Ляодунского полуострова отсюда было видно от Дальнего - на востоке и до бухты Луизы - на западе, то есть примерно на тридцать верст в обе стороны. С трех сторон до самого горизонта расстилалась гладь моря, а сзади как на ладони виднелась гавань и Порт-Артур.

- Вот это так наблюдательный пункт! На десятки верст все вокруг видно. И как было сразу не занять его! - восхищался Макаров.

- Этому мешали трудности по прокладке дороги и почти невозможность

доставки сюда грузов, а главное-отсутствие воды, - пояснил Белый.

- Все это можно и должно преодолеть, и чем скорее, тем лучше.

- Артиллерийский наблюдатель с "Ретвизана" находится на соседней вершине, - указал Мякишев вправо, там, где сопка была несколько ниже, но с нее лучше была видна западная часть берега и моря.

Все двинулись на соседнюю вершину. Идти приходилось прямо через кустарники и камни, и все запыхались и испачкались, пока наконец добрались до наблюдательного пункта. Матросы уже успели вырубить здесь в скале яму для будущего блиндажа и выровнять около нее небольшую площадку. Молодой лейтенант, руководивший работами, доложил о них Макарову, который одобрил и выбор места, и намеченное сооружение.

- В седловинке можно будет поставить нашу двадцативосьмисантиметровую пушку, а по западным склонам, ближе к Чайной долине, разместим другие орудия, - решил Макаров.

Кондратенко и Белый согласились с этим предложением, и, отдохнув несколько минут, все вернулись обратно другой, более легкой дорогой.

Вернувшись с Ляотешаня, Макаров немедленно собрал на "Аскольде" совещание флагманов и командиров. Не привыкшие к столь срочным вызовам, некоторые адмиралы, младшие флагманы и командиры судов первого и второго ранга опоздали к назначенному сроку, за что получили замечание от командующего флотом.

- Я собрал вас, господа, чтобы объявить о предстоящем завтра на рассвете выходе всей эскадры в море. С утренней высокой водой мы выйдем на внешний рейд, день пробудем в море, посмотрим ближайшие к Артуру острова, попутно займемся эволюциями на походе и к заходу солнца по вечерней высокой воде вернемся в Артур, - открыл совещание Макаров.

- С момента занятий Артура нашим флотом не было еще случая, чтобы эскадра за одну высокую воду входила или выходила на внешний рейд, - возразил адмирал князь Ухтомский.

- Теперь так будет каждый раз, как эскадра будет выходить в море, -

отрезал Макаров.

- Это совершенно невозможно, ваше превосходительство, мы не располагаем нужным количеством портовых средств, - испуганно проговорил адмирал Гreve.

- Под вашу личную ответственность приказываю к утру изыскать все нужные средства, - бросил в ответ Макаров.

- Слушаюсь, ваше превосходительство! Но это невозможно, совершенно невозможно, - пробормотал Гreve себе под нос.

- К назначенному времени все суда эскадры должны быть в полной боевой готовности, - продолжал Макаров, - так как в случае встречи с неприятелем я вступлю с ним в бой, невзирая на его превосходство.

- Ваше превосходительство упускает из виду, что против наших пяти броненосцев и пяти крейсеров, из которых три броненосца устарелые, а из крейсеров броненосный только "Баян", у японцев шесть броненосцев новейшей конструкции, шесть броненосных и тринадцать легких крейсеров, - заметил с места командир броненосца "Севастополь" капитан первого ранга Чернышев, седоватый брюнет в пенсне, с холеной бородкой.

- Численность японской эскадры мне известна, но я не занимаюсь арифметическими подсчетами, а думаю, как мне ее разбить, - с усмешкой возразил адмирал.

После краткого обмена мнениями по второстепенным вопросам совещание было закончено.

- Я категорически требую от вас, господа, точного и быстрого выполнения всех моих приказаний. Побольше уверенности в своих силах, и вы на опыте убедитесь, что в моих приказаниях нет ничего невозможного, - напутствовал их Макаров.

Над сонным Артуром еще висела ночь, когда на мачте "Аскольда" замелькали сигнальные огни. Блеснут и потухнут, чтобы через мгновение вспыхнуть в новой комбинации цветов. В ответ затеплились огоньки на мачтах других кораблей-то на нескольких сразу, то только на одном, стоящем поодаль. На судах слышались резкие звуки боцманских дудок,

командные крики, топот ног...

Эскадра быстро просыпалась. Суда осветились сотнями огней. От пристаней и причалов отвалили десятки буксирных катеров и, оглашая рейд гудками, устремились к темным громадам броненосцев и крейсеров. Рейд ожил. Боевой день эскадры начался.

С первыми звуками боцманских дудок Макаров поднялся на палубу "Аскольда", поздоровался с выстроенной на шканцах командой и на катере отправился к "Петропавловску", на котором и поднял свой флаг.

С помощью буксиров крейсера и броненосцы один за другим разворачивались носом к проходу, на буксире медленно проходили через проход и становились на внешнем рейде на якорь согласно диспозиции. Первым вышел еще в полной темноте "Баян". Яркий освещенный лучами прожекторов, он медленно проплыл в проходе. За ним заторопился "Аскольд". Броненосец "Пересвет" под флагом адмирала князя Ухтомского несколько замешкался, что вызвало резкое неудовольствие Макарова.

Через десять минут за "Пересветом" вышел на рейд и "Петропавловск".

Адмирал следил, как корабль проходил по мелкому проливу, и пришел к заключению, что в высокую воду даже броненосцы могут идти по проливу своим ходом, а не на буксире, что очень ускорит время выхода эскадры.

К семи часам утра, за два часа двадцать минут, вся эскадра в составе семнадцати судов уже стояла на внешнем рейде. Макаров торжествовал.

- До спада высокой воды осталось еще больше часа, а вчера меня уверяли, что выход в одну воду невозможен. Буксирных катеров тоже хватит, если они будут только помогать разворачиваться крупным кораблям, а не выводить их на внешний рейд, - оживленно говорил он окружающим. - Как только раньше до этого не додумались.

- Никто, очевидно, не хотел подумать об этом как следует, - ответил Дукельский.

- Командир "Новика" капитан второго ранга Эссен два раза подавал об этом докладные записки, но их подшивали к делу, - вспомнил

флагманский штурман.

- Похоже на нас, - покачал головой Макаров. - Поднять сигнал - сняться с якоря всем вдруг.

Не успели все суда отрепетовать сигнал, как с головного крейсера "Баян" сообщили, что на рейде замечены плавающие мины.

- Съемку с якоря отменить, всем кораблям осмотреть море вокруг и при наличии мин тщательно протралить по створу предстоящего движения эскадры, - распорядился Макаров.

Когда наконец воды вокруг эскадры и по створу ее движения были протралены, Макаров отдал приказ эскадре сняться с якоря всем вдруг. Корабли скоро вышли на чистую воду.

Было уже около полудня. Дул шестибалльный нордост. Шла довольно крутая волна. Эскадра перестроилась в походный порядок. Броненосцы шли в кильватерной колонне, крейсера расположились по четырем сторонам, в пределах видимости сигналов, примерно на расстоянии пяти миль, миноносцы шли в двух кильватерных колоннах по четыре судна - по обе стороны колонны броненосцев.

Море было совершенно чисто. До самого горизонта не замечалось ни одного дымка. Макаров с верхнего мостика "Петропавловска" следил за движением эскадры. Броненосцы двигались в относительном порядке, но миноносцы все время рыскали по курсу и выкатывались из строя, вызывая неудовольствие адмирала.

Вскоре миноносец "Грозовой" вследствие повреждения в машинах начал сначала отставать, а затем и вовсе застопорил.

Адмирал велел ему на буксире возвращаться в Артур и тут же списал командира с корабля за выход в море с непроверенными машинами. Через несколько минут такое же распоряжение последовало относительно "Расторопного".

- С минным флотом положение у нас совсем плохое как в техническом отношении, так и в отношении походной тренировки командиров эскадры. Необходимо в ближайшие дни собрать ко мне инженер-механиков со всех кораблей и потолковать о мерах улучшения нашей

техники.

- Большинство наших командиров очень слабо знакомо с современной техникой, особенно машинной, - заметил Дукельский.

- Заставим познакомиться! Командир, который не разбирается в технике, мне не нужен. В современном бою успех решается не только личной храбростью матросов и офицеров, умелым маневрированием и меткой стрельбой, но и исправным состоянием техники и машин.

Воспользовавшись отсутствием неприятеля, Макаров занялся производством различных эволюции. Эскадра тренировалась в самых разнообразных перестроениях, поворотах последовательно "все вдруг" на восемь, шестнадцать румбов вправо и влево. Адмирал зорко следил за выполнением сигналов, и после каждого из них тот или другой корабль получал замечание за допущенные ошибки. Особенно много доставалось "Севастополю", командир которого Чернышев то и дело допускал неточности в выполнении приказов. Выведенный из себя Макаров приказал выразить "Севастополю" свое неудовольствие.

Уже на обратном пути к Артуру во время одного из перестроений "Севастополь" сильно сблизился с идущей впереди "Полтавой". Опасаясь нового нагоняя, Чернышев сразу перешел на малый ход, начал быстро отставать. В то же время "Пересвет", который шел в струе "Севастополя", сильно отстал, и командир его капитан первого ранга Бойсман увеличил обороты до предельного, стараясь поскорее занять свое место в кильватерной колонне.

Вследствие неожиданно резкого снижения хода "Севастополя" расстояние между ним и "Пересветом" стало очень быстро уменьшаться. Создалась опасность таранного удара. Бойсман быстро оценил обстановку и поспешил застопорить машины, а затем дал задний ход, чтобы сдержать свой корабль. Избегая таранного удара, он переложил руля.

Когда Чернышеву доложили, что на "Севастополь" сзади накатывается "Пересвет", он не поторопился принять нужные меры к предотвращению столкновения кораблей. Увидев неизбежность тарана со стороны

"Пересвета", он растерялся. "Пересвет" врезался в корму "Севастополя", согнул "ему" винт и сделал вмятину в борту. Кормовые отсеки "Севастополя" наполнились водой.

Броненосец принужден был выйти из строя и поднял сигнал: "Не могу управляться", Макаров запросил о положении на броненосцах и, узнав об открывшейся течи на "Севастополе", решил немедленно вернуться в Порт-Артур. Уже около четырех часов, к началу подъема воды, эскадра начала втягиваться на внутренний рейд.

Первым вошел "Петропавловск", но Макаров продолжал оставаться на мостике, наблюдая, как корабли становились на якорь. Затем, наскоро перекусив, он вызвал к себе всех командиров судов и, когда они собрались, начал подробный разбор происшедшей аварии.

Первым говорил Чернышев. Изложив обстоятельства столкновения, он стал горячо оправдываться.

- Во всем виноват капитан первого ранга Бойсман. Когда он налетал на "Севастополь", где только у него были глаза?

- А где были у вас глаза, когда вы, видя, что на вас накатывается задний корабль, не приняли мер к избежанию таранного удара? - оборвал его Макаров.

- Разрешите доложить, ваше превосходительство, - поднялся командир "Пересвета" Бойсман, - виновным во всем я считаю себя. Я не выполнил вашего приказания об уменьшении числа оборотов, плохо рассчитал, слишком поздно дал задний ход. Готов понести любое наказание, - твердым голосом закончил он.

Лицо Макарова сразу просветлело. Он уже не так сердито смотрел на поседевшего в морских походах старого служаку, презрительно взглянул на холеную физиономию сразу вспыхнувшего Ухтомского и уже спокойно сказал, обращаясь к Бойсману:

- Не ожидал я от вас такой оплошности, Василий Арсеньевич! Но Чернышев виноват не меньше вашего. Придется назначить расследование всех деталей этого неприятного происшествия, - добавил Макаров, немного помолчав.

Затем он справился, велика ли течь на "Севастополе", и приступил к подробному разбору всего дневного похода, попутно указывая командирам на допущенные ими ошибки.

Было около полуночи, когда командиры судов после двадцатичасового трудового дня отправились по своим местам. Макаров продолжал работать, диктуя начальнику своего штаба и флаг-офицерам различные распоряжения и донесения наместнику и в Главный морской штаб. Он требовал немедленного напечатания своего труда под названием "Рассуждения по вопросам морской тактики", в котором излагал свои взгляды на ведение морского боя.

"Книга нужна именно теперь в Артуре и Владивостоке. Неужели морское министерство не сможет изыскать необходимые для издания 500 рублей?" - заканчивал Макаров свою телеграмму адмиралу Авелану.

- Но почему, Степан Осипович, вы не хотите издать эту книгу здесь или во Владивостоке? Необходимые средства весьма легко может изыскать командир порта, - удивился Молас.

- Не в деньгах дело, Михаил Павлович, а в принципе: раз мою книгу издает морское министерство, значит, оно одобряет мои взгляды и на ведение войны.

Кроме того, они станут известны не только здесь, но и на Балтике и на Черном море. При отправке сюда второй эскадры все офицеры смогут по пути ознакомиться с моими взглядами и требованиями в бою, что для меня особенно важно: не придется никого переучивать, - пояснил Макаров, прогуливаясь по каюте. Неожиданно он остановился около Моласа, который что-то писал за столом, и сказал:

- Чернышева, видимо, придется списать с корабля, - больно уж он все валил на Бойсмана! А того оставляю. Молодчина! Сразу всю вину взял на себя.

Настоящий командир - не боится признавать свои ошибки.

- Кого же вы думаете назначить на "Севастополь"?

- Конечно, Эссена; других кандидатов у меня нет.

- Но Эссен один из самых молодых капитанов второго ранга, а вы

собираетесь назначить его командиром броненосца. Наместник едва ли согласится на такое назначение, а равно и на смещение Чернышева, к которому он весьма благоволит...

- При чем тут наместник, если законом мне как командующему флотом предоставлено право смещать, назначать и перемещать командиров судов всех рангов?

- Обычно все перемещения, даже командиров миноносцев, предварительно согласовывались с адмиралом Алексеевым.

- Я собираюсь служить и действовать по закону, а не по обычаю... Но пора и на покой - уже пробило четыре склянки. Сутки прошли, как я на ногах. - Макаров вышел из кабинета.

Варя Белая с увлечением занималась на курсах сестер милосердия. Как ни мала была программа курсов, но и она после затхлой атмосферы института, где ее пичкали больше всего правилами приличия, показалась Варе необычайно интересной. Увлекаясь сама, она сумела увлечь за собой также подруг по курсам. С самого утра двенадцать девушек являлись в гарнизонный госпиталь и атаковали врачей, требуя предоставления им работы по уходу за больными и ранеными.

Кроме того, Варя настояла на организации по вечерам еще специальных классных занятий по общеобразовательным предметам. Это требовало дополнительных расходов, и Варя старательно изыскивала средства. Прежде всего она побывала у Стесселей, но как только Вера Алексеевна услышала о просветительной деятельности Вари, она немедленно стала отговаривать ее от этого.

- Напрасно ты это затеяла. Сестры должны уметь ухаживать за больными, а всякие истории с географиями им совершенно не нужны. Хорошая сестра должна быть прежде всего чистой и сердцем и душой, что бывает лишь у людей верующих и религиозных. Поэтому вам, если уж на то пошло, нужен духовный наставник - батюшка, а не учителя, которые бог весть чему вас научат, - поучала генеральша.

Потерпев неудачу, огорченная Варя быстро шла домой и на углу одной из улиц чуть не налетела на Макарова.

- Милый дедушка, - обрадовалась она. - Как я рада вас видеть, - и низко присела.

- Что так официально? - улыбался адмирал, целуя в лоб девушку. - Покажите-ка мне ваши артурские достопримечательности, - попросил он.

- Да у нас их нет. Разве что наша "Этажерка". Вы там еще не были?

- Нет, не был, но слышал о ней.

- Тогда я вас туда сейчас поведу. - И, подхватив "дедушку" под руку, Варя повела его по направлению к бульвару. По дороге она горестно рассказала о своей неудаче со сбором средств для курсов.

- Жаль, что вы не принадлежите к морскому ведомству. На что, на что, а на образование никогда не жалко тратить деньги. Всякое учение потом с лихвой окупается. Хорошее это вы дело придумали. Если нельзя достать казенных денег, откройте подписку среди своих офицеров. Я тоже охотно подпишусь, да и среди морских офицеров, верно, найдутся жертвователи. Не взяли бы вы на себя организовать и для флотских женщин такие же курсы? - неожиданно предложил он.

- Почему же ваши морские дамы сами не устроят такие курсы?

- Не тем, видно, к сожалению, заняты.

В это время из-за угла показалась команда матросов. Впереди шел рослый боцман в лихо заломленной набекрень бескозырке и с серьгой в правом ухе. Заметив адмирала, он оглушительно скомандовал;

- Смирно, равнение направо!

Матросы, как один человек, повернули сразу просветлевшие лица в сторону Макарова. Адмирал, улыбаясь, внимательно осмотрел команду и мягким баритоном произнес:

- Здорово, молодцы!

- Здравия желаем, ваше превосходительство! - рявкнули в ответ моряки.

- Вольно!

Матросы продолжали идти, все еще глядя на своего адмирала.

- Запевай, - скомандовал боцман.

Звонкий голос затянул:

Выйдет дедушка Макаров,

Бородою поведет,
И артурская эскадра
В бой с врагом пойдет.

Эту песню бойко подхватили матросы, с веселым задором глядя на своего адмирала.

- Ишь, негодники, - не успел приехать, как они уже про меня песню сложили, - тепло улыбнулся Макаров, поглаживая свою шелковистую бороду.

- Песня-то, милый дедушка, хороша, и сложили ее они любя, - сказала Варя, восхищенно глядя на Макарова.

Появление на "Этажерке" нового командующего флотом сразу привлекло общее внимание. Пока адмирал не торопясь шел по главной аллее, со всех сторон собрались любопытные, чтобы лучше рассмотреть адмирала. В это время здесь обычно бывало довольно много народа, а так как день был ясный и солнечный, то на бульваре наблюдался особенно большой наплыв публики.

- Пройдемте куда-нибудь в сторону, чтобы не так привлекать к себе внимание, - проговорил Макаров, сворачивая на боковую дорожку.

Тут они неожиданно встретили Дукельского. Лейтенант подошел к ним.

- Сейчас мне моя внучка рассказала об организации у артиллеристов сестринских курсов. Надо бы и у нас устроить такие же. Вызовите завтра ко мне главного врача морского госпиталя. Переговорю с ним, а потом надо будет побеседовать с нашими женщинами.

Дукельский поспешил это записать в памятную книжку.

Заметив, что адмирал перешел в другую аллею, гуляющие тоже переменили свой маршрут, чтобы опять встретиться с ним.

Спасаясь от этой назойливости, Макаров свернул на самую глухую дорожку, заканчивающуюся тупиком, и сел на скамейку.

- Теперь хоть смотреть на нас не станут, как на каких-то заморских зверей, - с облегчением произнес он и начал расспрашивать Варю о жизни в Артуре.

В это время в аллее появился Звонарев, оживленно беседующий с

Ривой.

Он издали раскланялся, не решаясь подойти к адмиралу.

- Сергей Владимирович, адмирал хочет с тобой поговорить! - крикнул Дукельский.

Извинившись перед Ривой, прапорщик поспешил к Макарову.

- Как ваши успехи на Ляотешане? - спросил адмирал, здороваясь с Звонаревым.

- Выбраны места для установки горизонтально базного дальномера. Удалось найти базу в двести пятьдесят саженей, что обеспечит большую точность в измерении дистанции до цели. Дня через три-четыре уже будут выстроены будки для приборов, и дальномер начнет действовать, - сообщил Звонарев.

- А другие работы как идут?

- Морской наблюдательный пункт готов, места для батарей уже определены, дорогу прокладывают, генерал Кондратенко ежедневно там бывает и подгоняет саперов и инженеров.

Пока Звонарев докладывал о проделанной работе, Варя упорно разглядывала Риву, сидевшую неподалеку с моряками.

Посидев с полчаса и полюбовавшись на порт и окружающие горы, Макаров поднялся.

- Мне пора на корабль, - заметил он.

- Есть, - ответил Дукельский.

- Вы, Георгий Владимирович, можете до спуска флага побыть на берегу, - разрешил адмирал.

- Мы проводим вас, дедушка, до самой пристани, - предложила Варя.

У выхода с бульвара они встретили Желтову с Олей и Лелей. Варя оставила Макарова и подошла к ним.

- Кто эта дама? - спросил адмирал у Дукельского.

- Заведующая городской Пушкинской школой Желтова, - за лейтенанта ответил Звонарев. - С ней две учительницы.

- Я хотел бы с ними поговорить, - остановился адмирал, - о чтении лекции для рабочих порта и для матросов.

- Я сейчас ее сюда попрошу, - вызвался поручик.

- Что вы, это невежливо, - ответил Макаров. - Я сам к ним подойду, вы только представьте меня.

Приблизившись к Желтовой, адмирал снял фуражку и подождал, пока Звонарев представил его.

- Адмирал Макаров!

- Степан Осипович Макаров, - поправил адмирал. - Мне хотелось поговорить с вами, сударыня, о проведении лекций для матросов и рабочих порта.

- Мы, конечно, с удовольствием возьмемся за это дело, но едва ли нам разрешат: полиция всегда так подозрительно к нам относится.

- На территории порта, не говоря уж об эскадре, распоряжаюсь я и никакого вмешательства полиции в вашу работу не допущу. Конечно, это не значит, что я разрешу вам вести какую бы то ни было агитацию на лекциях. Все должно быть в строго законных и дозволенных правительством рамках.

- Мы никогда ничего запрещенного не допускаем, но полиция находит нежелательным, например, изложение теории о происхождении вселенной.

- Следует, конечно, избегать тем, которым может быть придан политический характер. О подробностях вы уж сами договоритесь с заведующим кадрами вольнонаемных рабочих и командиром Квантунского флотского экипажа.

- Но они, может быть, с нами и разговаривать не пожелают?

- Георгий Владимирович, вызовите их ко мне на завтра, - я дам указания о лекциях.

Договорившись с учительницами, Макаров вместе с Варей, Дукельским и Звонаревым направился к набережной.

На пристани, не ожидая, пока ему подадут адмиральский катер, Макаров сел в первую попавшуюся шлюпку с "Петропавловска".

- Всего доброго, спасибо за прогулку всем и внучке особенно, - уже издали проговорил на прощанье адмирал.

Проводив Макарова, Дукельский расстался с Варей и Звонаревым.

Двадцать третьего марта Звонарев поднялся, когда еще только начинало светать, и поспешил на Ляотешань, где шла установка батарей и дальномеров.

Денщик сообщил ему, что всю ночь сильно стреляли береговые батареи и что будто бы японец опять в проход лез.

На пристани прапорщика ждал катер.

Несмотря на то, что солнце еще не взошло, эскадра уже вытягивалась на внешний рейд. Головным шел "Аскольд" под флагом командующего флотом, за ним - крейсера "Новик", "Баян" и "Диана", флотилию замыкали тяжелые громады броненосцев.

- Всю ночь япошки под берегом шлялись, эскадра, верно, пошла их отогнать подальше. Ноне корабли на якорях не застаиваются, каждый день в море ходят, не то что раньше. Новый адмирал никому покоя не дает: ни миноносцам, ни броненосцам, - занимал разговорами Звонарева старшина на катере.

На опустевшем внутреннем рейде остались только "Ретвизан" и "Цесаревич".

"Паллада" была введена в сухой док. Оба броненосца перетягивались на верпах, поворачиваясь бортом к Ляотешаню.

- К стрельбе изготавливаются, - продолжал старшина, показывая на броненосцы. - Вчера еще с них телефон провели до самой вершины Ляотешаня. Стрелять будут из порта, а командовать - с горы. Не чует япошка, что его ждет.

- Они прекрасно знают обо всем, что делается в Порт-Артуре, шпионов у них хоть отбавляй, - возразил прапорщик.

В утреннем тумане неожиданно совсем близко появился пирс минного городка.

Сойдя с катера, Звонарев двинулся было по обычной тропинке, но вскоре его остановили два солдата-сапера с красными флажками в руках.

- Обойти придется, ваше благородие, тут сейчас будут рвать скалы, вон стежка вбок пошла, - указал один из них, видимо, украинец, - по ней на

главную ношу выйдем, а там уж вас проведут.

Звонарев свернул, куда было указано, и через несколько минут вышел на проложенную саперами дорогу. Тут он встретился с Кондратенко, который только что слез с лошади. Они пошли вместе. По дороге генерал сообщил о появлении японской эскадры у Артура.

- Возможно, опять начнут обстрел города или попытаются высадить десант.

На всякий случай я еще ночью двинул к Голубиной бухте полк с батареей.

- Сегодня им едва ли удастся повторить прошлый спектакль: как-никак, а восемь двенадцатидюймовых пушек "Цесаревича" и "Ретвизана" что-нибудь да значат, - ответил Звонарев.

- Только бы они смогли стрелять; вернее, связь не подвела бы.

- Об этом наверняка позаботится сам адмирал, он придает Ляотешаню исключительно большое значение.

Вскоре их встретил инженер-подполковник Рашепский, руководивший постройкой дороги, который доложил генералу о ходе работы.

В это время со стороны Артура донесся тяжелый гул выстрела.

- Береговые батареи открыли огонь, - пояснил Рашевский, и Кондратенко заторопился дальше.

Через несколько минут он с Звонаревым был уже на вершине Ляотешаня. Солнце только что взошло из-за моря, освещая первыми, еще неяркими лучами гладкую поверхность воды. К западу море было пустынно до самого горизонта, но к юго-востоку на сверкающей поверхности воды четко вырисовывалась вся японская эскадра, идущая тремя колоннами к Артуру. Дым из многочисленных труб далеко застилал небо, скрывая за собой часть горизонта. Массив Золотой горы и Тигрового полуострова скрывал от глаз береговые батареи и вышедшую на внешний рейд эскадру, поэтому их выстрелов не было видно, и только взлетающие около судов столбы воды указывали на ведущуюся артиллерийскую стрельбу.

Ответив несколькими залпами по береговым батареям, японцы замедлили

свое движение и разделились на две части. Легкие крейсера и миноносцы, отойдя несколько в море, остались перед Артуром, а броненосцы и броненосные крейсера, - всего двенадцать кораблей, - направились за Ляотешань с очевидным намерением повторить оттуда бомбардировку города и порта. Но тут их ожидал неприятный сюрприз: не успели корабли занять позиции для обстрела, как по ним открыли перекидной огонь сперва "Ретвизан", затем и "Победа".

Японцы, видимо, не ожидали этого, замаялись и только немного спустя начали стрелять; Один из снарядов с "Ретвизана" вскоре попал в головной броненосец, который поспешно стал отходить Дальше в море, за ним двинулись и другие суда.

- Не понравилось чертям! - радостно проговорил Кондратенко.

- Нас, видимо, японцы не замечают или не понимают, зачем мы здесь находимся, - заметил Звонарев.

- Не пророчьте, а то, чего доброго, они начнут нас обстреливать, и тогда нам не поздоровится, блиндажей ведь еще нет, и укрыть людей негде, - предостерегал генерал.

Как бы в подтверждение его слов послышался зловеющий свист быстро приближающегося снаряда, и тотчас несколько ниже по горе взвился черный султан дыма.

- Отведите людей, работающих на постройке батарей, за гору, - распорядился Кондратенко.

Звонарен поспешил вниз, где шла установка шестидюймовых пушек под руководством фейерверкера, так как Гобято еще не успел приехать. Солдаты, не обращая внимания на стрельбу, продолжали возиться с установкой лафетов, перебрасываясь шутками.

- Авось, ваше благородие, нас не зацепит, - возразил один из них, когда Звонарев приказал им уходить.

- Надо бы поскорее пушки установить, да тут же их и испробовать по японцу. Первое орудие уже готово.

- Снарядов же к ним нет.

- Вчера к вечеру десятка полтора снарядов и зарядов подвезли и

оставили недалеко за горой.

Скоро крайнее правое орудие было уже готово к стрельбе, и солдаты несли к батарее на руках почти трехпудовые снаряды и пудовые заряды. Заметив это усиленное движение, японцы дали залп по батарее.

- Ложись! - едва успел крикнуть Звонарев, заслышав свист снаряда, как дым и пыль уже окутали батарею, а камни и осколки со свистом полетели во все стороны. Солдаты мигом распластались на земле. Один из них, несший тяжелый снаряд, осторожно положил его на землю, а затем укрылся за столь своеобразным бруствером.

Как только опасность миновала, все быстро вскочили.

- Ваше благородие, орудие готово! - доложил фейерверке?

Звонарев в последний раз осмотрел лафет и, убедившись, что все в порядке, скомандовал прицел и целик. Солдаты плотным кольцом окружили пушку, с нетерпением ожидая выстрела.

- Пли!

Прикрывая от солнца глаза ладонями, они старались не пропустить всплеска от падения снаряда.

- Малость недолет, - первым заметил фейерверке?

- Батарею обновили, а теперь пошли по местам продолжать работу, - скомандовал прапорщик.

Солдаты стали расходиться, оглядываясь при каждом выстреле.

Войдя в азарт, вся орудийная прислуга с нетерпением следила за стрельбой.

Каждое падение снаряда мимо цели вызывало у всех острое чувство досады.

- Ослеп ты, что ли, сегодня? - сердито бурчали со всех сторон на наводчика. - Протри глаза!

- Ваше благородие, прицелу бы на полделения прибавить, - советовали они Звонареву.

Велика была общая радость, когда наконец снаряд угодил в середину одного из броненосцев и повредил дымовую трубу. Солдаты, бросив работу, начали качать и Звонарева, и наводчика, и фейерверкера.

Японцы же, как бы обидевшись на подобное обращение с ними, стали уходить в море под громкие крики "ура" на батарее.

Кондратенко, спустившись на батарею, горячо поблагодарил артиллеристов и пожал руку Звонареву.

- Недолго, однако, сегодня японцы постреляли, всего что-то около часа, да и выпустили совсем мало снарядов. По телефону сейчас сообщили, что повреждений ни в городе, ни в порту нет.

Радостно взволнованный, Звонарев, передав командование подошедшему Гобято, отправился в Управление артиллерии. По дороге ему встретилась коляска, в которой сидел Стессель с женой. Узнав Звонарева, генерал остановил экипаж и подозвал прапорщика к себе.

- Вы с Ляотешаня? - спросил Стессель.

- Так точно, оттуда,

- Каковы результаты нашей стрельбы?

- Попали - один снаряд с броненосцев и один с нашей сухопутной батареи, после чего японцы ушли, - доложил Звонарев.

- От лица службы благодарю вас, прапорщик, - напыщенно произнес Стессель, пожимая Звонареву руку.

- Успех принадлежит не мне, а морякам: это их стрельбы испугались японцы.

- Моряки смогли попасть только потому, что хорошо работали установленные вами дальнометы. Кроме того, и у вас было попадание. Значит, вы, артиллеристы, прогнали японцев, а не моряки. Передайте мною благодарность также генералу Белому, - закончил генерал.

- Мосье Звонарев из скромности умаляет свои заслуги, достойные награды, - вмешалась Вера Алексеевна. - Не беспокойтесь, - за богом молитва, а за царем служба не пропадают. Заглядывайте как-нибудь к нам вместе с Варей Белой. - И генеральша протянула свою руку, к которой прапорщик не замедлил приложиться.

Вечером того же дня Дукельский привез Звонареву приказ по эскадре с благодарностью артиллеристам за удачные действия.

А вскоре Звонарев был откомандирован обратно на Электрический Утес,

так как Чиж, идя ночью по брустверу, упал и вывихнул ногу.

Известие о предстоящем прибытии на Электрический Утес генерала Белого вызвало на батарее переполох. Человек двадцать солдат усердно подметали двор, в казарме спешно протирали окна, мыли полы и поправляли стройные ряды коек, В столовой дневальные с остервенением терли столы, смахивали паутину по углам и подбеливали стены. На кухне Заяц, недавно назначенный артельщиком, вместе со своим помощником Белоноговым и кашеваром старательно выписывал на доске раскладку сегодняшнего обеда. Сам Жуковский, выстроив роту, производил осмотр солдатского обмундирования. Ротные цирюльники наспех стригли и брили. Звонарев был занят на прожекторной станции, разладившейся за время его отсутствия. Один Борейко ничего не делал и одиноко расхаживал по брустверу батареи, насмешливо поглядывая на происходящую суету.

- Никогда появление японцев не вызывало у нас такого волнения, - заметил он проходившему мимо Жуковскому, - как прибытие начальства. Можно подумать, что генералы и есть наш главный враг на войне!

Капитан только отмахнулся.

Обернувшись к Золотой горе, Борейко увидел экипаж, в котором сидело несколько человек. В бинокль он сразу разглядел Белого и рядом с ним какого-то моряка в черном пальто.

- Бей тревогу, - приказал он дневальному по батарее.

Тот опрометью бросился к железной доске и начал изо всей силы колотить.

Солдаты, услышав звон, тотчас же побросали свои занятия и кинулись к орудиям. За ними, задыхаясь от быстрой ходьбы, шел Жуковский.

- Где противник? - на ходу спросил он Борейко.

Поручик молча указал на приближающуюся генеральскую коляску.

- Жаль только, что нельзя его обстрелять, - иронически заметил он.

- Борис Дмитриевич, да что вы наделали? - в ужасе проговорил Жуковский, покраснев от волнения. - Канониры побросали все на дворе и в казарме. Увидев щетки и швабры, генерал сразу же догадается, что мы

делали приборку к его приезду, - совсем жалобным тоном проговорил капитан.

- На охоту ехать - собак кормить! Раньше надо было прибирать. Прикажите дежурным да дневальным скоренько все прибрать, а я пока займусь с нижними чинами учением при орудиях. На батарее все наши прорехи в обмундировании и в прочем будут меньше заметны.

- А если генерал заставит построить роту?

- Построим. Пусть полюбуются на наших солдат, - ответил Борейко, - все дыры и грязь будут отнесены за счет работы при орудиях во время учения.

Коляска успела проехать уже половину расстояния до Утеса, и Жуковский опять устремился вниз наводить окончательный лоск на все помещения.

- К орудиям! - скомандовал Борейко, и занятия начались.

Звонарев, выпачканный машинным маслом, тоже поднялся на батарею.

- Что делать мне, Борис Дмитриевич? - спросил он.

- Продолжай себе колдовать около своих машин, генерал едва ли туда заглянет.

- А он где?

- Вот уж подъезжает с каким-то моряком, - показал Борейко.

Звонарев взглянул по указанному направлению.

- Да ведь это Макаров! На передней скамеечке тоже видно черное пальто, - верно, Жорж и еще кто-то из военных.

- Так этот бородач и есть Макаров? - заинтересовался Борейко. - Надо послать за Жуковским. Эй, Родионов, пошли кого-нибудь за командиром, пусть доложит, что сам командующий флотом едет сюда.

- Слушаюсь, доложить, что командующий японским флотом едут! - повторил фейерверке?

Борейко с Звонаревым громко захохотали.

- Так ты командира до полусмерти напугаешь. Командующий нашим флотом едет. Понял?

- Теперь понял, ваше благородие. - И Родионов скрылся за орудием.

Солдаты, стоя у орудий, также с любопытством разглядывали приближающееся начальство.

- Ваше благородие, кто это с такой бородой? - спросил один из солдат.

- Вице-адмирал Макаров, новый командующий флотом.

- Это, значит, он у моряков за старшего, вроде как у нас генерал Стессель, - заметил другой.

- По местам! - крикнул Борейко. - Если адмирал поздоровается, помни отвечать: "Ваше превосходительство", - да подружнее, чтобы чувствовал, что вы артиллеристы, а не кто-нибудь.

Коляска подъехала. Из нее вышли Белый, Макаров, Дукельский и Агапеев.

Жуковский встретил их внизу и отпортовал о состоянии батареи.

Поднявшись наверх. Белый и Макаров прошли вдоль фронта орудий, здороваясь отдельно с прислугой каждого орудия. Адмирала сразу заинтересовал несколько необычный вид орудий, прикрытых большими щитами.

- У вас тут устроена целая сложная система механизмов для обслуживания пушек.

- Это все изобретения поручика Борейко да прапорщика Звонарева, - пояснил Белый.

- Многое придумано нижними чинами, ваше превосходительство, - добавил Борейко.

Макаров внимательно взглянул на него.

- Весьма ценно, что вы прислушиваетесь к предложениям своих солдат, - проговорил он. - Это - поднимает их интерес к службе и заставляет думать над порученной работой. Успешная стрельба во многом зависит от такой постановки дела.

- Мы о многом здесь думали, ваше превосходительство. Почему бы, например, не установить на берегу двенадцатидюймовые пушки в башнях, как на броненосцах, - продолжал Борейко. - Меткость береговых орудий значительно больше, чем на кораблях, и действенность огня двенадцатидюймовых пушек была бы у нас куда больше, чем на море!

- Я сам неоднократно об этом думал. Надо надеяться, что после войны можно будет заняться этим. Вообще же береговая оборона, по-моему, должна быть передана флоту. Только при таком условии будет достигнута полная согласованность в действиях на море и на суше. Как вы думаете, Василий Федорович? - обратился он к Белому,

- Отчасти это верно, но, с другой стороны, разнотипность артиллерии будет сильно затруднять руководство одновременной стрельбой с моря и суши, - ответил Белый.

- Последнюю задачу мы с вами почти что разрешили. На днях я пришлю к вам на батареи сигнальщикоматросов. Это улучшит и ускорит нашу связь с берегом.

Но все же оперативное объединение действий флота и берега, по-моему, совершенно необходимо, - настаивал адмирал.

Осматривая затем командирский пункт, Макаров обратил внимание на его устройство.

- Это, в сущности, наша боевая рубка, только смотровая щель у вас всего три дюйма, а на броненосцах - больше фута. Вы удачно используете наш опыт и еще усовершенствуете его.

- Нам нельзя иметь широкого отверстия, так как при взрыве снаряда летит масса мелких осколков и камней, - пояснил Жуковский, - мы для прикрытия от них даже спускаем с боков специальные щитки.

- У нас на кораблях тоже масса мелких недостатков. Например, много дерева, которое легко загорается в бою. Мне мыслится корабль, по возможности свободный от всяких палубных надстроек, совершенно без дерева, сильно бронированный и с крупной артиллерией, - плавучая батарея, так сказать. Но необходимость всего этого надо еще доказывать, ибо велика у нас рутина, сильно она мешает техническому развитию флота, - горько сказал адмирал.

- Мы тоже новинками похвастаться не можем, - вторил ему Белый. - Большинство наших батарей, как вы видели, вооружены орудиями образца семьдесят седьмого года, кроме того, у нас есть орудия и образца тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года.

- Как обстоит дело со снарядами к вашим десятидюймовым орудиям?

- Есть у нас бронебойные и сегментные. Первые пронизывают двенадцатидюймовую броню на дистанции в четыре версты, а сегментные применяются при стрельбе на расстоянии до восьми верст, - сообщил Белый.

- При стрельбе бездымным порохом дальность повышается до двенадцати верст, а бронебойность до шести верст, - добавил Жуковский.

- Разве фугасных снарядов у вас не имеется? - удивился Макаров.

- Никак нет. Вернее, они имеются, но взрыватели к ним так несовершенны, что снаряды часто рвутся при выстреле. Это обычно выводит орудие из строя.

Главное артиллерийское управление категорически запрещает стрелять ими.

- У нас на "Победе" и "Пересвете" имеются полные боевые комплекты десятидюймовых фугасных снарядов, и еще не было ни одного преждевременного разрыва.

- Нельзя ли нам передать хотя бы сотню таких бомб? Мы прекрасно используем их при стрельбе по японцам.

- Конечно, можно! Враг у нас общий, и кто его поразит - моряки или артиллеристы - все равно, - решил Макаров.

- Боюсь, что наместник будет возражать против такой передачи крепости боекомплектов, - предупредил Дукельский.

- За боеспособность флота прежде всего отвечаю я, а не наместник. Мне здесь виднее, ослабит ли передача ста бомб боевой комплект судов эскадры.

Запишите, Георгий Владимирович: передать завтра же по пятьдесят бомб с "Пересвета" и "Победы" батареи Электрического Утеса и одновременно затребуйте по телеграфу из морского ведомства тысячу таких же бомб, - распорядился Макаров.

- Есть, ваше превосходительство! - вытянулся лейтенант.

Адмирал прошел вдоль батареи, расспрашивая о каждой мелочи ее технического оснащения.

Обойдя батарею, Макаров зашел на кухню попробовать пищу, познакомился и с раскладкой.

- Отпуск продуктов у вас гораздо меньший, чем на флоте, - удивился он.

- Надо думать, у матросов аппетит лучше, чем у солдат, - усмехнулся Агапеев. - На море больше есть хочется.

- Я и так все время воюю с интендантством, чтобы все по норме отпускали, а то часто чего-нибудь недодают. Сейчас на всякий случай завожу продовольственные запасы: капусту, овощи, мясо, - заметил Жуковский.

Заяц, чисто выбритый, вымытый, причесанный, в белом халате, совсем не походил на недавнего замухрышку.

- Щи у тебя, братец, вкусные, каша рассыпчатая, видать, ты к делу своему хорошо относишься, - похвалил Макаров.

- Рад стараться, ваше превосходительство, - гаркнул Заяц.

После обхода Жуковский пригласил гостей закусить. Денщики, с утра мобилизованные на кухню, состряпали обед из трех блюд. Из запасов были извлечены заветные бутылки вина, хранившиеся для экстренного случая.

- Скучновато вам, должно быть, на Утесе? - спросил Макаров.

- Скучать некогда, - днем и ночью сторожим море. Всю ночь под берегом бродят японские миноносцы. Только уснешь, а тут тревога, беги на батарею, - отвечал Жуковский.

- Ничего не поделаешь - война. Конечно, это утомительно быть все время начеку. У нас в сторожевом охранении ежедневно сменяются корабли, а вас, к сожалению, не сменишь.

- В таком положении находятся все береговые батареи, - сказал Белый.

- Вы бы посменно дежурство несли - сегодня одна полурота, завтра другая.

- Для обслуживания батарей людей одной полуроты не хватит. По тревоге приходится всех из казарм вызывать. И затем, какой тут отдых, коль над ухом пушки грохочут, - Пояснил Жуковский.

Вечером солдаты попросили Борейко подробно рассказать о Макарове,

который им всем понравился.

- До всего доходит: почему и отчего, даром что наши пушки почитай первый раз видит...

- Видать, и солдату добер, глаза ласковые, и все в бороду улыбается.

- Настоящий адмирал...

С Электрического Утеса Макаров направился в объезд сухопутного фронта крепости. Здесь еще полным ходом шли работы по рытью рвов, насыпке валов впереди линии обороны. Кое-где начались бетонные работы по сооружению фортовых казарм и казематов. Работали преимущественно китайцы под руководством русских саперных солдат и офицеров. Отдельные батареи сооружались артиллеристами и стрелками. Макарова сопровождали Белый и Кондратенко. Адмирал пытливо вглядывался в хаотическое нагромождение сопок, хребтов, впадин и лощин, характерное для окружающей Артур местности.

- Чертовски трудный для укрепления рельеф! Масса скрытых подступов и мертвых пространств, - резюмировал он свои наблюдения.

- Совершенно справедливо извоили заметить, Степан Осипович, - я и мои инженеры много поломали головы, чтобы найти хоть мало-мальски удовлетворительное решение для обороны крепости, - отозвался Кондратенко.

- Фортовый пояс всего в четырех-пяти верстах от внутренней гавани, что совершенно недостаточно при дальноточности современных орудий в восемь-десять верст. Короче говоря, если японцам удастся обложить Артур с суши, то внутренний рейд превратится в ловушку для флота.

- Для полного обеспечения флота от обстрела осадными батареями необходимо выдвинуть линию обороны еще на три-четыре версты на хребет Волчьих гор, - сказал Белый.

- Для обороны такого обвода крепости численность гарнизона должна быть доведена примерно до восьмидесяти-девяноста тысяч против сорока пяти тысяч, на которые рассчитаны нынешние форты, то есть увеличить гарнизон крепости еще на две дивизии, - пояснил Кондратенко.

- На это рассчитывать крайне трудно, так как и в Маньчжурии войск еще

очень мало, - возразил Макаров. - По-моему, Артур надо защищать на Цзинджоуском перешейке, ни в коем случае не допуская прорыва японцев на Квантунский полуостров. Помимо этого, Квантуя может стать и продовольственной базой крепости. Если поощрять местное население хорошей оплатой продовольственных продуктов, то китайцы сумеют собрать хороший урожай риса, чумизы. Следует, кроме того, организовать рыбную ловлю. И Порт-Артур как крепость фактически будет обеспечен продовольствием на любое время осады.

- Генерал Стессель и штаб крепости предпочитают заниматься реквизициями, чем платить наличными деньгами за изъятое у населения, - возразил Кондратенко.

- Глубоко порочная политика! Мы должны завоевать расположение местного населения справедливым и гуманным отношением к нему. Чем притеснять и преследовать китайцев, следовало бы обратить больше внимания на все еще проживающих в Артуре иностранцев и прежде всего англичан и американцев, которые фактически являются союзниками Японии. Я сам видел в Артуре вывески на лавках неких Томлинсона и Смита. Они наверняка или англичане, или американцы. Как можно их оставлять в осажденной крепости? - возмущался Макаров.

- Я специально справлялся о них в штабе крепости. Оба они являются подданными не то Швеции, не то Швейцарии, - ответил Кондратенко.

- Все без исключения иностранцы должны быть немедленно высланы из Артура. Это обеспечит наш тыл от шпионажа. А оборонять Артур необходимо на цзинджоуских позициях, а не в непосредственной близости от порта-убежища нашей эскадры, каким является Порт-Артур, - убежденно продолжал Макаров. - Но противник сможет высадить десант где-нибудь между перешейком и Артуром, - усомнился Белый.

- Десант на территории врага - операция очень трудная, особенно при наличии пусть временно ослабленной, но все же боеспособной эскадры в Артуре.

Ручаюсь, что японцы не рискнут на него, а если рискнут, то потерпят жестокое поражение, - горячо говорил Макаров.

- Едва ли в этом удастся убедить генерала Стесселя, - покачал головой Кондратенко.

- Сегодня же об этом напишу наместнику и, если Стессель заупрямится, буду просить о передаче мне командования всеми вооруженными силами на Квантунь, - продолжал развивать свою мысль Макаров.

Оба генерала слушали его с некоторым недоверием: им казалось странным, что моряк станет во главе стрелковых полков полевых батарей.

- Поскольку весь Квантунь нам нужен прежде всего как база для флота, то вполне естественно и поручить его оборону командующему флотом, - продолжал Макаров.

- Вашему превосходительству нужен будет надежный, знающий начальник штаба из сухопутных генералов, - осторожно заметил Кондратенко.

- Надежнее вас, Роман Исидорович, я никого не знаю, а Василий Федорович будет прекрасным начальником артиллерии обороны, - дружески улыбнулся Макаров.

- Весьма польщен столь высокой оценкой, но ведь в Артуре есть много генералов старше меня, - возразил Кондратенко.

- Кто? Фок-стар, зол и, простите, ненадежен. После Берлинского конгресса, когда немцы предали нас, я отношусь с недоверием к немецкому правительству.

Стессель по своей - как бы помягче сказать - нервности, что ли, не годен к занятию командных должностей. Никитина я не видел трезвым. Рознатовский разваливается от прогрессивного паралича. А больше никого нет, - перечислял адмирал.

- Пришлют кого-нибудь из Мукдена, - возразил Белый.

- А я ни на какое другое лицо не соглашусь. Ведь командующий может сам выбирать себе начальника штаба. Так я сделал во флоте, так поступлю и в случае моего назначения начальником обороны, - уже совсем тепло проговорил Макаров, похлопывая по плечу Кондратенко.

- Ваши высказывания, Степан Осипович, совпадают с самыми затаенными

искренними моими желаниями. Видеть вас во главе обороны Квантуна, - да ничего лучшего я себе не представляю и сочту за особую для себя честь состоять начальнику вашего штаба, - ответил Кондратенко, пожимая руку адмирала.

- Готов всеми своими знаниями и энергией помочь вам в руководстве артиллерией, - прочувствованно говорил Белый, в волнении покручивая свой длинный казацкий ус.

- Но, господа, до поры до времени прошу наш разговор не разглашать, - предупредил адмирал, оглядываясь на стоящих поодаль адъютантов и Дукельского.

Генералы поспешили заверить Макарова в соблюдении молчания.

День уже склонялся к вечеру, когда усталый, запыленный, но довольный Макаров вернулся на "Петропавловск". Тут его встретил Молас и почтительно доложил, что морской министр адмирал Авелан и начальник главного морского штаба адмирал Рожественский не находят возможным выделить нужные средства для издания "Рассуждения о морокой тактике". Макаров сразу помрачнел, а затем резко приказал:

- Немедленно составьте телеграмму наместнику и в Петербург с требованием моей отставки. Так и напишите: отказ в напечатании моей книги считаю выражением личного недоверия ко мне и прошу о назначении нового командующего флотом взамен меня... Пусть кто хочет командует при таких условиях.

Молас попытался успокоить взволнованного адмирала, но тот не хотел и слушать. Начальнику штаба пришлось отступить.

Затем Молас доложил о результатах расследования обстоятельств столкновения "Пересвета" и "Севастополя".

- Обоим командирам объявить строгий выговор. Чернышева завтра же, по несоответствию, списать в экипаж. Бойсмана пока оставить, известите об этом наместника, - решил Макаров.

- Может быть, сначала испросить согласия его высокопревосходительства на смещение Чернышева?

- Незачем. На место Чернышева сегодняшним же приказом назначить

командиром "Севастополя" Эссена, а Иванова - четырнадцатого - на "Новик", - рубил адмирал.

Молас едва успевал записывать за ним.

- Вы приказали, ваше превосходительство, "Пересвету" и "Победе" передать на батарею Электрического Утеса по пятьдесят фугасных десятидюймовых снарядов, - напомнил Дукельский.

- Напишите, необходимое предписание, Михаил Павлович, - уже спокойнее произнес Макаров.

Отдав еще несколько мелких распоряжений, адмирал удалился в свою каюту.

- Какая муха укусила Степана Осиповича? - спросил Дукельский у Моласа, когда они остались вдвоем.

Начальник штаба показал лейтенанту телеграмму из Петербурга...

- Вдруг в морском ведомстве примут отставку адмирала? Что тогда будет с нами? Опять получим кого-нибудь вроде Старка или Алексева, - забеспокоился Дукельский.

- Наивный вы юноша, Георгий Владимирович. Да а Петербурге Макаров для министерства в десять раз страшнее, чем здесь, - улыбнулся Молас.

- Это почему?

- Хотя бы потому, что он своими опытами установил недостаточную устойчивость броненосцев типа "Ослябя", "Бородино", "Александр Третий". При незначительной пробоине с одного борта они легко могут перевернуться вверх килем. Следовательно, в бою они почти неминуемо погибнут, - неторопливо объяснил адмирал.

- Но ведь это прямо преступление со стороны нашего адмиралтейства!

- Вполне понятно, что там страшно боятся подобных разоблачений. Но из Артура разоблачать адмиралтейство Макарову куда труднее, чем из Кронштадта.

- Короче, вы считаете, что адмирала, как опасного человека, и сплывили сюда, в Артур?

- Зачем ставить точки на "и"? Он сам в тысяча восемьсот девяносто пятом году подал докладную записку о возможности военных действий нашего

флота на Тихом океане. Этим и воспользовались: коль ты такой знаток Дальнего Востока, то тебе и карты в руки - иди командуй!

- Вы уверены в отклонении Петербургом просьбы Макарова об отставке?
- все еще недоверчиво переспросил Дукельский.

- Вполне. Отказ напечатать его книгу - лишь способ потрепать нервы Степану Осиповичу и хоть таким способом отомстить ему за все причиненные им морскому ведомству неприятности, - спокойно продолжал Молас. - Что полностью и оправдалось в Цусимском бою. В Питере пойдут на все, лишь бы удержать Макарова подальше от Главного адмиралтейства.

- Боюсь, что и Алексеев не совсем будет доволен произведенными Макаровым перемещениями командиров, - проговорил Дукельский. - Вы правы. Наместник станет, конечно, на дыбы, но, согласно точному смыслу морского устава, Макаров целиком прав, а свои права он отстаять сумеет от любых посягательств. Зашифруйте-ка, Георгий Владимирович, эти телеграммы наместнику и в Питер, - закончил разговор Молас.

- Есть, ваше превосходительство, - вытянулся адъютант и вышел из каюты с бумагами.

Между тем Макаров, нервно разгуливая по своей просторной адмиральской каюте, обдумывал план дальнейших своих шагов в отношении наместника и Петербурга для достижения полной независимости в ведении военных действий.

- Стать во главе всей сухопутной и морской обороны Квантуна с непосредственным подчинением главнокомандующему Маньчжурской армии. Пусть я моряк, но ведь в Севастополе во главе обороны тоже стояли Нахимов, Корнилов, Истомин. Только тогда у меня будут полностью развязаны руки, - резюмировал вслух свои мысли Макаров.

Глава восьмая

Вскоре японцы еще раз попробовали при помощи брандеров закупорить узкий проход в Порт-Артурскую гавань. С вечера стояла тихая, теплая погода, по небу медленно плыли небольшие тучи. На эскадре, проведеншей

целый день в море, было тихо, только в положенное время отзванивали на судах склянки. На батареях после дневного боя с легкими японскими крейсерами тоже было мирно и безлюдно, часовые мерно расхаживали по брустверам, наблюдая за морем. После полуночи небо очистилось, и месяц осветил своим мягким серебристым светом спящий Артур. На внутреннем рейде в прозрачной синеве тихой ночи чернели громады судов и темные силуэты миноносцев.

Вдруг с моря раздался выстрел, затем другой, с урчанием полетели снаряды и упали в заливе, высоко взбросив вверх воду. Лучи прожекторов заметались по морю в поисках врага и остановились, осветив силуэт быстродвигающегося миноносца. Гулко грохнул выстрел с берега, будя ночное эхо в прибрежных горах. Засверкали огнями выстрелов Золотая гора, Тигровка, Электрический Утес. К ним присоединились стоявшие в охранении у входа "Баян", "Отважный", "Бобр". Ночной бой сразу разгорелся и быстро затих, так как японцы исчезли в ночной темноте. Батареи замолкли, и опять воцарилась тишина. Война на время ушла из Артура, но в два часа батареи загрохотали вновь-с сигнальной станции на Золотой горе сообщили о появлении брандеров.

Дукельский, ночевавший вместе с Макаровым на "Петропавловске", бросился к адмиралу, но, к своему удивлению, у выхода из каюты он встретил его уже одетым.

- Что это за стрельба? - спросил Макаров. - Прикажите подать катер, - распорядился он. - Я хочу остаток ночи провести на судах сторожевого охранения.

Луна скрылась, и во мраке ночи ярко сверкали огни выстрелов, а в воздухе с шипением взметались ракеты, освещая внешний рейд с мчащимися миноносцами и следующими за ними брандерами.

На катере Макаров направился к канонерской лодке "Отважный", пришвартовавшись к которой, стояли дежурные миноносцы "Решительный" и - "Сильный".

В проходе перед ним открылась картина ночного боя на море: в лучах

прожекторов виднелись многочисленные водяные столбы от непрерывно падающих снарядов, сверкали взблески выстрелов и взрывов, с берега раздавалась ружейная стрельба.

- Японские миноносцы, а брандеров я еще пока не вижу, - проговорил Макаров, смотря в бинокль. Но в это время, как бы в ответ ему, на расстоянии пяти-шести кабельтовых в лучах прожекторов показался темный силуэт двухмачтового парохода, который двигался по направлению прохода. В тот же миг "Решительный" кинулся в атаку. Красный взблеск минного выстрела, затем - взрыв, летящие щепки, обломки, столб воды, дым, пар, - и через мгновение японский пароход выбросился на берег у подножия Золотой горы.

- Самый полный вперед! - заговорил Макаров, и как только катер подошел к "Отважному", адмирал с юношеской легкостью взбежал по трапу. Едва поднявшись на палубу, Макаров приказал "Сильному" тоже атаковать японцев.

- Отдать швартовы! - раздалась команда, и миноносец помчался навстречу врагу.

В это время второй брандер неожиданно появился со стороны Тигровки и, добравшись до середины прохода, отдал якорь. Было слышно, как на нем звякали якорные цепи. С него стали торопливо спускаться шлюпки под аккомпанемент криков "банзай" и стрельбы из мелкокалиберных пушек.

- По шлюпкам огонь! - распорядился адмирал. - Вызвать охотников для захвата брандеров.

- Есть, - ответил Лебедев, и вся артиллерия "Отважного" обрушилась на японские шлюпки. Они поспешно отошли в море. Попавший снаряд потопил одну из них, другие продолжали идти.

- Ваше превосходительство, разрешите мне на вашем катере отправиться на брандер, - попросил Дукельский. - На нем начинается пожар, который надо немедленно прекратить.

- Разрешаю, возьмите только с собой трех-четырех матросов с "Отважного", - согласился Макаров.

Отобрав людей, лейтенант отбыл на брандер. Вскоре огонь на японском

пароходе погас. Вдруг левее, у подошвы Золотой горы, поднялся огромный столб воды и огня, и канонерка вздрогнула от сотрясения воздуха и воды.

"Мина на камнях разорвалась", - решил Макаров, но раздавшаяся рядом вслед за этим ружейная и пулеметная трескотня удивила адмирала.

- Не стрелять, мать вашу так: свой! - раздался в ответ крик на воде.

- Стреляют по нашему катеру, пошлите шлюпку на берег. Остановить огонь! - распорядился Макаров.

Сотня здоровых матросских голосов, как по команде, ответила: "Остановить огонь!" Стрельба сразу же смолкла.

Вскоре к адмиралу подошел Дукельский и сообщил, что хотя пожар и потушен, но пароход погружается в воду.

- Необходимо отбуксировать его кормой к берегу, чтобы он не загородил проход.

- Чем он гружен?

- Камнем и углем. Провода электрических батарей мною перерезаны, так что взрыва уже произойти не может.

- Подойдите с "Отважным" к брандеру и попробуйте его отбуксировать, пока он не затонул, - приказал Лебедеву адмирал.

- Есть, - отозвался тот.

Прибывший в это время с "Сильного" лейтенант Пелль доложил, что миноносец, встретив в море несколько японских судов, вступил с ними в бой, во время которого в машину попал снаряд. Взрывом убиты инженермеханик и шесть нижних чинов; командир и несколько матросов ранены. Преследуемый японцами и не надеясь с поврежденной машиной добраться до Артура, миноносец выбросился на берег у Электрического Утеса. Там же недалеко приткнулся один из японских брандеров. Пелль просил выслать на "Сильный" врача и перевязочные средства, так как судовой фельдшер не успевает всех перевязывать.

Выслушав доклад, Макаров приказал врачу с "Отважного" на адмиральском катере немедленно отправиться к миноносцу, захватив с собой все нужное для оказания медицинской помощи.

- "Сильный" окончательно выведен из строя? - спросил он лейтенанта.
- По-видимому, нет. Возможно, что с наступлением прилива его удастся снять с камней.
- Если только позволят японцы, - задумчиво добавил адмирал, - с рассветом они могут подойти к Артуру и расстрелять "Сильного".
- Они и сейчас обстреливают его с моря.
- На Электрическом Утесе, насколько я знаю, артиллеристы не дремлют и сумеют отогнать японцев, если они осмелятся подойти близко к берегу, - успокоил Пелля адмирал.

Пока они беседовали, "Отважный", подойдя к брандеру, подал на него перлинь и попытался сдвинуть его в сторону. Огонь на море прекратился, только с береговых батарей время от времени еще раздавались отдельные выстрелы. Ночная тревога затихла. На палубе канонерки торопливо двигались матросы.

- Ваше превосходительство, - обратился один из матросов к адмиралу, протягивая доску. - Извольте посмотреть, что мы нашли на брандере.
- Это еще что такое? - удивился Макаров, рассматривая доску.
- "Помните, уважаемые русские моряки, - начал он читать. - Мое имя - капитан-лейтенант японского флота Такео Хиросе, я здесь второй раз. Первый раз был на пароходе "Ходкоку Мару" в феврале, буду еще, если проход останется незакрытым. Привет адмиралу Макарову. Хиросе". Вот где встретиться с ним пришлось! - изумился Макаров. - Этот Хпросе был японским морским атташе в Петербурге с тысяча восемьсот девяносто седьмого по тысяча девятьсот первый год. Я не раз с ним встречался. Энергичный и, видно храбрый человек, если рискует на брандере идти в Артур.
- Там, ваше превосходительство, боцман набрал много тросов, манильских канатов и других вещей, - сообщил подошедший Лебедев.
- Правильно. Это наш военный приз. Ничто не должно пропадать из захваченного имущества, - одобрил адмирал.
- Отвели брандер в сторону сажен на тридцать, дальше нельзя, стал на мель, - доложил Лебедев.

- Завтра попробуем его разгрузить и оттащить еще дальше, - решил Макаров.

- "Отважному" вернуться на прежнее место, я же двинусь восвояси, на "Петропавловск". Лейтенант Дукельский!

- Есть! - ответил флаг-офицер, выступая из темноты.

- Прикажите поднять сигнал: "Эскадре поднимать пары, быть к утру готовой к походу".

- Есть! Сейчас распоряжусь.

Макаров спустился на катер. Прожекторы, медленно двигаясь по воде, упирались в наплывавший с моря туман. Тишина воцарилась над Артуром. Вечером "того же дня Вен Фань-вей пришел на квартиру Белых и попросил разрешения переговорить по секрету с самим генералом.

- Очень важный секрет, важный вопрос, - уверял китаец.

Варя сказала отцу о приходе садовника. Генерал сначала поморщился, не веря в серьезность сведений, какие собирался ему сообщить китаец, но затем все же решил выслушать его и пригласил Вен Фань-вея в кабинет.

- В чем же состоит важный секрет? - справился он у китайца.

- Одна хорошо осведомленная в нынешних делах особа велела мне передать через вас адмиралу Макарову, что японцы готовят высадку десанта на Квантунском полуострове. Одновременно они попробуют еще раз запереть проход, когда русские будут праздновать свой большой праздник. Японские корабли с десантом уже находятся у берегов Кореи и там ждут приказа о выходе к Ляодуну, - подбирая слова, проговорил Вен Фань-вей.

- Насколько достоверны эти сведения? От кого они получены? От Тифонта? - усомнился генерал, пристально глядя на китайца.

Вен твердо выдержал взгляд Белого и ответил:

- Это правда. Очень прошу мне верить, обманывать не стану. Тифонтаю верить - нельзя. Он помогает русским против японцев, японцам против русских.

Он шибко плохой человека, - сразу помрачнел Вен Фань-вей.

Белый решил записать сведения со слов китайца, а затем секретным

пакетом отправить их Макарову со своим адъютантом.

- Если все это оправдается, я настою на выдаче большой награды тебе, Вен Фань-вей, - с чувством проговорил генерал.

- Мне не надо никакой награды! А человек, который велел мне это сообщить вам, не нуждается в наградах.

В эту ночь на Электрическом Утесе дежурил на батарее Борейко вместе с третьим взводом, считавшимся по своей боевой подготовке самым слабым во всей

роте. Взводный фейерверке? Жиганов, стройный, ловкий солдат, представлял резкий контраст со своим взводом, большинство в котором составляли, как на подбор, медлительные, неповоротливые и малограмотные люди.

- Жиганов, - позвал Борейко, - твои тюхи-матюхи научились поворачиваться на батарее поживей?

- Не особенно, ваше благородие, чистые чурбаны, а не люди.

- Гнеднн, Купин! - крикнул Борейко.

Наводчики подбежали к нему.

- Орудия в порядке? - спросил поручик. - Фонари для ночной стрельбы заправлены?

- Так точно, кажись, все в порядке, - неторопливо ответил Гнедин, широкоплечий увалень.

- Не "кажись", а сейчас же проверь, - Борейко наградил солдата подзатыльником.

- А у тебя, Купин?

- Все в исправности, - доложил наводчик, прикладывая руку к околышу.

Отпустив наводчиков, Борейко заглянул в каземат, где взвод расположился на ночь. Солдаты сгруппировались на нарах около благообразного, серьезного бомбардира с задумчивым лицом, который размеренным речитативом пересказывал пушкинскую "Сказку о царе Салтане". Все слушали его с живым вниманием, время от времени кто-нибудь прерывал рассказчика выражением восторга или удивления.

- Встать! - скомандовал Жиганов, входя с Борейко.

- Садись! - приказал офицер. - Что, Ярцев, брешь, как всегда?
- И до чего складно, ваше благородие, прямо удивительно, - восторженно сказал рябой солдат.

- Продолжай, я послушаю, - проговорил Борейко, садясь на табуретку.
Ярцев продолжал свой рассказ. Дослушав сказку до конца, Борейко, похвалив солдата, проверив еще раз часовых, ушел спать в дежурку.

- Ваше благородие, вставайте, японцы! - разбудил его часа через два дежурный.

Сон мигом слетел с Борейко, и он выбежал на батарею.

- Бей тревогу! На дальномере! К орудиям! - командовал он.

Засверкали огни ночных фонарей, заскрипели двери пороховых и зарядных погребов, залязгали цепи на поворотном кругу.

- Пошевеливайся! - покрикивал Жиганов, подбегая то к одному, то к другому орудию.

- Сейчас наш Медведь покажет японцу кузькину мать, - ответил Ярцев.

- Враз потопит.

- Тысяча пятьсот двадцать! Тысяча пятьсот! Тысяча четыреста восемьдесят!

- выкрикивали на дальномере.

- Прицел семьдесят, целик право три, взвод залпом! - кричал Борейко с бруствера.

Из казарм, поблескивая ручными фонарями, бежали солдаты других взводов.

- Торопись, покуда японец не убежал! - слышался зычный голос Родионова.

- Пли! - донеслось с батареи, и два ослепительных столба огня прорезали на мгновение ночную темень.

- На прожекторе! - кричал Борейко. - Светите вы, сукины дети, как следует!

Прожектор никак не удавалось наладить: он то вспыхивал, то потухал.

- Сергей Владимирович, - подходя, распорядился Жуковский, - отправляйтесь к прожектору. Борис Дмитриевич, вас попрошу быть около

пятидесятисемимиллиметровых пушек, а я приму общее командование. Что на море?

- Видны два парохода, идущие со стороны Дальнего, - доложил Борейко. Жуковский повел энергичную залповую стрельбу по брандерам. Четыре снаряда попали в пароход, который тотчас начал тонуть, вскоре был потоплен и другой.

В свете прожектора мелькнул силуэт миноносца, на котором то и дело вспыхивали огни выстрелов. Жуковский приказал Борейко обстрелять его из пятидесятисемимиллиметровых пушек.

В ответ на выстрелы с миноносца засигналили фонарями.

- Это наш, ваше благородие, - поспешно доложил недавно прикомандированный к батарее сигнальщиком со "Страшного" матрос Денисенко.

Огонь прекратили, миноносец же, продолжая стрелять, медленно приближался к берегу.

- Уходит от японцев. Вон они за ним гонятся, как бы их обстрелять, ваше благородие, - волновался матрос.

- Чего же он на всех парах летит на берег? - удивился Борейко.

- Имеет, вероятно, повреждение и спешит выйти на мелкое место, - заметил один из офицеров.

Поручик перенес огонь своих пушек на японцев и отогнал их в море. Подойдя к берегу, миноносец приткнулся к мели. Денисенко, схватив в руки два фонаря, начал усиленно ими размахивать. С миноносца ему не замедлили ответить.

- Это "Сильный", ваше благородие, сигналист; "Имею повреждение".

- Ладно, пока он будет стоять у берега, мы будем отгонять от него японцев, - решил Борейко.

В это время со стороны Тигрового полуострова появился большой пароход. Было видно, что он в темноте попал не туда, куда надо, и вместо прохода очутился под Электрическим Утесом. Жуковский дал по пароходу залп всей батареей, после чего на нем вспыхнул пожар, и он, круто свернув к берегу, выскочил на камни саженьях в двадцати от

"Сильного".

Артиллеристы закричали "ура" и стали просить разрешения отправиться к брандеру. Жуковский разрешил.

Взяв винтовки, солдаты во главе с Борейко направились к горящему пароходу и уже через несколько минут осторожно взбирались на него.

Весь нос парохода был объят огнем, дымилось также на юте, пахло нефтью и горелой пенькой. Денисенко разыскал всего пару брезентовых ведер.

- Ни помп, ни шлангов, ни брандспойтов, ничего нет, - огорченно доложил он. - Дозвольте на "Сильном" справиться, может, они нам помогут.

- Вали, а пока мы тут попытаемся тушить хотя бы этими ведрами, - разрешил Борейко.

- Только бы, ваше благородие, не взорвало что-нибудь в нутре, от греха бы солдат увести на берег.

- Мы сейчас сами залезем внутрь и посмотрим, что там есть, - отозвались солдаты.

Артиллеристы рассыпались по всем закоулкам парохода. Борейко попытался пробраться на нос, где были установлены пушки, но пламя и дым мешали.

Несколько ведер воды, вылитые на огонь, не смогли остановить распространение пожара.

- Придется обождать, пока подойдут матросы, - с сожалением проговорил Борейко.

Вскоре на палубе один за другим стали появляться из различных люков солдаты, отдуваясь от жары, дыма и копоти.

Родионов, побывавший в такелажной, притащил уйму канатов, блоков, кусков парусины, стальных тросов.

- В нашем хозяйстве сгодится, ваше благородие, - деловито доложил он, складывая имущество на палубе.

- Ну и жара внизу, - рассказывали солдаты, - дым, тесно, лестницы все крутые, того и гляди, свалишься.

В это время с "Сильного" явились матросы во главе с мичманом и начали устанавливать привезенные с собой помпы.

- У нас, к вам просьба, - подошел мичман к Борейко, - нет ли на батарее доктора или фельдшера, а то наш фельдшер не справляется.

- Сейчас же придем к вам фельдшера с медикаментами. Родионов, пошли кого-нибудь за Мельниковым, пусть отправится на миноносец, - приказал Борейко.

Матросы приладили помпу и шаг за шагом стали сбивать огонь. Артиллеристы занялись переноской своих трофеев в лодку. На берегу они встретили фельдшера и Шурку Назаренко с бинтами, банками, склянками, спешивших к "Сильному".

У трапа их встретил вахтенный и проводил в каюткомпанию, где была перевязочная.

- Никак, баба приехала! - сердито проговорил боцман. - Вовек теперь нам не сняться отсюда!

- Не каркай, боцман! - прикрикнул вахтенный офицер.

- От бабы, вашбродь, всегда несчастье на корабле случается.

- Это сестра милосердия, а не баба.

- Все одно, вашбродь, - натура у ей бабская.

- Не разговаривай. Присмотри лучше, как в трюме работы идут.

- Есть, вашбродь!

В кают-компании, где лежали раненые, Мельников и Назаренко приступили к перевязкам. Матросы с любопытством смотрели на девушку, недоумевая, как она могла сюда попасть.

- Ой, болит! - стонал молодой рыжеватый парень, раненный в живот. - Ой, пособи́те, братцы!

Мельников деловито осмотрел его и, наскоро перевязав, мрачно отошел в сторону.

- Морфий, - приказал он сестре.

Заголив раненому руку, девушка неумело ткнула в нее иглой.

- Ой, - дернулся раненый, - и так больно, а тут тебя еще иглой ширяют!

Вскоре он успокоился.

- Чем колоть нас перед смертью, сестрица, - проговорил другой матрос, раненный в грудь навыворот, - ты бы приголубила нас напоследок. - Он попытался засмеяться.

- Заткни хайло, черт дохлый! - накинулся на матроса сосед.

Сестра продолжала свою работу.

- Рука у вас, сестрица, легкая. Наш фершал как возьмется, свету божьего не взвидишь, а вы чисто ангел ручкой прикасаетесь, - уверял кочегар.

- Не улещай, Микиткин! Сестрица для всех, а не для тебя одного.

- Эх, почему у нас на миноносце нет такой сестрицы. Воевать бы было веселее.

Артиллеристы с Утеса помогали матросам разгружать трюм. На руках осторожно опускали на шлюпки длинные сигарообразные мины, охапками, как поленья, таскали патроны для сорокасемимиллиметровых пушек; выгребали из бункеров уголь.

Моряки хотели выбросить его за борт, но солдаты запротестовали:

- Чем нам его из города возить, так мы лучше его к себе на берег свезем!

Из машинного отделения доносился стук молотков...

После смерти инженер-механика всем орудовал машинный старшина. Под его руководством, обнаженные по пояс, вымазанные в угле и масле, работали механики со слесарями-артиллеристами. Шла смена поврежденной части главной паровой трубы. Снимали изоляцию, развинчивали фланцы и заменяли другими.

Несмотря на открытые люки и вентиляторы, было так жарко, что то и дело кто-нибудь выскакивал наружу подышать чистым воздухом.

На рассвете миноносец был почти разгружен. На берегу чернела пирамида угля, тут же лежали сложенные в ряды патроны и мины.

Вскоре на море опять появились силуэты японских кораблей, донесся отдаленный звук выстрела, и невдалеке от "Сильного" взметнулся столб воды.

С миноносца было видно, как на батарее заворочались длинные, тонкие, чуть поблескивающие, вороненые дула пушек, направляя свои жерла в сторону неприятеля. Еще момент, и они со страшным грохотом выбросили

пять огромных огненных столбов. От залпа на палубе "Сильного" все вздрогнули.

- Ишь как громко, черти, бьют, почище двенадцатидюймовок наших, - проворчал вылезший подышать чистым воздухом кочегар.

- Куда им супротив наших, - не согласился сигнальщик.

Как бы в ответ ему тотчас грохнул следующий залп, а за ним еще и еще.

- Как из пулемета бьют, черти! Смотри, да у японцев, никак, пожар на двух кораблях. Ай да молодцы! - восторженно проговорил артиллерийский унтер-офицер с перевязанной головой.

В ответ на стрельбу с Утеса японцы тоже дали несколько залпов по берегу, но снаряды раскинулись далеко во все стороны, не причинив никакого вреда.

На рейде загрохотали орудия выходящих из гавани броненосцев. Вскоре вся эскадра вытянулась вдоль Тигрового полуострова и открыла сосредоточенный огонь. Японцы поспешили уйти в море.

Как только Электрический Утес смолк, артиллеристы опять появились на берегу. От эскадры, начавшей втягиваться в проход, отделился катер под флагом командующего флотом и направился к "Сильному".

Вскоре адмирал в сопровождении Дукельского был уже на миноносце. Приняв рапорт старшего лейтенанта, Макаров поздоровался с бывшими на палубе матросами и поблагодарил их за службу. Затем он спустился вниз к раненым.

Неожиданное появление начальства переполошило всех. Легко раненные вскочили и вытянулись. Тяжело раненные открывали глаза и оживлялись при виде знакомой фигуры Макарова. Шурка Назаренко замерла на месте и с полуоткрытым ртом смотрела на адмирала. Макаров стал расспрашивать каждого раненого о самочувствии, о том, при каких обстоятельствах получено ранение. Матросы охотно отвечали и сами задавали вопросы о ночном бое.

- Проход-то все же японцам не удалось загородить? - допытывался обожженный кочегар.

- Не удалось. Зря только они пять пароходов потеряли. Да разве при

таких молодцах, как вы, это может удаться японцам? - мягко проговорил адмирал.

Лица раненых просветлели.

- Так точно, ваше превосходительство, - прохрипел раненный в грудь матрос. - Супротив нас тонка кишка у японцев.

- С такими молодцами, как вы, мы непременно побьем японцев. Спасибо вам, братцы, за службу, спасибо за геройское поведение! - благодарил адмирал.

- Рады стараться! - растроганно отвечали раненые.

- Лейтенант Дукельский, запишите их фамилии. Награждаю вас всех крестами.

- Покорнейше благодарим, - радостно отвечала матросы.

Затем Макаров обернулся к продолжавшей восторженно смотреть на него Шурке Назаренко.

- Вы, сестрица, откуда? - спросил девушку адмирал.

- С Электрического Утеса.

- По нашей просьбе с Утеса прибыли к нам на помощь сестра и фельдшер, - поспешил доложить офицер.

- Как ваша фамилия? - осведомился Макаров.

- Назаренко.

Адмирал взглянул на Мельникова, который вытянулся во фронт.

- А твоя? - повернулся он к фельдшеру.

- Мельников, фельдшер седьмой роты Квантунской крепостной артиллерии.

- Они нас, можно сказать, выручили, ваше превосходительство, - вмешался фельдшер, - без них я бы не управился, а катер с "Отважного" подошел "совсем недавно, взял раненых и ушел.

- От лица всех моряков позвольте вас поблагодарить, сестрица, - протянул руку Макаров. - Георгий Владимирович, запишите ее фамилию. Я награждаю вас, сестрица, Георгиевской медалью.

Шурка, красная, как пион, что-то невнятно пробормотала и смущенно подала руку адмиралу.

Адмирал поднялся на палубу и столкнулся с только что вылезшим из машинного отделения Звонаревым.

- Вы что здесь делаете, прапорщик? - удивился Макаров.

- Помогаю починять паровую машину, ваше превосходительство, - весело ответил Звонарев, вытирая паклей грязные руки. - Через час будет исправна.

- К этому времени должны также подойти портовые катеры и помочь "Сильному" сняться с мели. Я вижу, что весь Электрический Утес принял участие в спасении нашего миноносца.

- При случае моряки также придут нам на помощь, - ответил Звонарев.

- Само собой разумеется, - долг платежом красен, - произнес Макаров.

- "Силач" уже идет сюда, - показал вахтенный на быстро приближающийся портовый буксир.

Через несколько минут "Силач" завел перлинь на миноносец и приготовился тащить.

Матросы с миноносца с нетерпением смотрели на "Силача". Буксир свистнул, осторожно натянул трос и постепенно стал увеличивать число оборотов винта.

На "Сильном" тоже машина заработала на полный ход. Вода вокруг вспенилась и порыжела от ила.

"Сильный" дернулся, заскрежетал железом по каменному дну и стал отходить от берега.

Громкое "ура" разнеслось по морю.

- Ваше превосходительство, - обратился к Макарову Дукельский, - сегодня в два часа дня в Порт-Артур прибывает поезд наместника, в котором должен приехать и великий князь Кирилл Владимирович.

Адмирал кисло поморщился: приезд Алексеева и великого князя не сулил ему ничего хорошего. Наместник был явно недоволен общим направлением его деятельности и особенно тем вниманием и заботой, которыми адмирал окружал рабочих порта. Боевые действия Макарова также не встречали одобрения. Почти ежедневные выходы эскадры в море, постоянные столкновения легких кораблей и миноносцев с

японцами, по мнению Алексеева, излишне изматывали людей, не принося существенной пользы. Многочисленные жалобы сухопутного начальства на якобы имевшее место вмешательство Макарова в вопросы береговой обороны тоже играли не последнюю роль в неблагоприятном отношении наместника к деятельности беспокойного командующего флотом.

Появление в Артуре великого князя Кирилла Владимировича в качестве начальника военно-морского отдела штаба командующего флотом не предвещало ничего хорошего.

Известный больше своими кутежами и пьянством, чем морскими походами, великий князь был для Макарова неизбежным злом, против которого он был бессилен бороться.

- Прикажите приготовить к часу дня мой катер, а также предупредите флаг-капитана, что он должен будет сопровождать меня на вокзал, - распорядился адмирал. - Вы уже послали командиру флотского экипажа распоряжение о высылке почетного караула для встречи наместника и великого князя?

- Так точно! Еще вчера. Почетный караул-полурота в пятьдесят рядов, при трех офицерах и оркестре музыки, - доложил Дукельский.

К двум часам дня на перроне плохонького порг-артурского вокзала собрались все начальствующие лица: Стессель со своим начальником штаба генералом Рознатовским и неизменным Никитиным, Макаров с Моласом и Дукельским, гражданский губернатор Квантунской области полковник Вершинин и делегация от портартурских жителей во главе с Николаем Ивановичем Тифонтаем.

На перроне выстроились почетные караулы от моряков и Двадцать пятого Восточносибирского стрелкового полка. Начальник жандармского управления ротмистр князь Микеладзе в полной парадной форме в последний раз обегал своих жандармов, оцепивших вокзал и привокзальную площадь.

В ожидании прихода поезда Макаров и Стессель перебрасывались отдельными фразами, явно тяготясь вынужденным разговором.

Наконец из-за поворота показался паровоз, и вскоре поезд в полтора десятка вагонов остановился перед перроном. В окне среднего вагона показалась представительная фигура наместника со стоящими рядом с ним великими князьями Кириллом и Борисом. Макаров двинулся к дверям вагона.

Опережая его, туда же устремился Стессель со своей свитой. У ступенек вагона произошла заминка. Макаров вежливо уступил дорогу Стесселю, но за ним ринулась и вся свита генерала. Стессель уже успел отдать рапорт наместнику и представиться князьям, когда наконец подошел Макаров, в свою очередь отрапортовавший о состоянии флота. Алексеев с обычной любезной улыбкой на лице здоровался со всеми. Великий князь Кирилл согласно уставу тут же представился адмиралу как прибывший к месту службы.

- Мне очень приятно, ваше высочество, видеть вас в числе своих сотрудников. Надеюсь, что вы в своей работе послужите примером для остальных офицеров эскадры, - твердо проговорил адмирал, в упор глядя на бегающие глаза великого князя.

- Не премину оправдать ваши надежды, ваше превосходительство! Со своей стороны я должен заверить вас в своем глубоком уважении и искренней радости служить под вашим начальством, - рассыпался князь в любезностях.

- Теперь можно и нам поздороваться! - подошел к Макарову вслед за князем высокий плечистый человек с окладистой бородой - художник Верещагин.

- Здравствуйте, дорогой Василий Васильевич! Очень рад вас видеть в Артуре! Не верил даже, что вы сюда когда-нибудь сможете добраться. Они обнялись.

- Далеконько вы забрались, Степан Осипович, но я и дальше бывал! У вас здесь, судя по всему, страшная глушь.

- Что и говорить, - край света! Из России приходится ехать чуть не месяц! Решили запечатлеть на память потомству и наш Порт-Артур?

- Хочу сделать ряд набросков. В России пока что имеют довольно смутное

представление о здешних местах. Если разрешите, буду состоять при вашем штабе.

- Сделайте одолжение, дорогой Василий Васильевич, - пожал руку художнику Макаров.

После обмена приветствиями все вышли из вагона. Наместник обошел почетные караулы и пропустил их мимо себя торжественным маршем, после чего сел с Макаровым и великим князем Кириллом Владимировичем в коляску и отправился на эскадру. Борис Владимирович, чернявый юноша в форме корнета гвардейского гусарского полка, отправился со Стесселем в объезд частей гарнизона.

Наместник побывал на всех кораблях эскадры, Кириллу Владимировичу скоро надоела процедура парадных встреч, криков "ура" и довольно несвязных релей его дядюшки-наместника. Воспользовавшись тем, что на "Петропавловске" Алексеев зашел в штаб эскадры, князь заглянул в офицерский буфет и тут застрял. Окруженный офицерами, он весело чокался с ними и выпивал за будущую совместную службу.

Дукельский, которому Макаров приказал в этот день состоять в распоряжении великого князя, также находился в компании Кирилла Владимировича.

- Вы-то уж, наверное, знаете наперечет все артурские кабаки, - обратился к нему князь.

- Не более, чем другие офицеры эскадры.

- Есть у вас хорошенькие девчонки, вроде японских гейш, например?

- У нас все очень бедно и скромно. Имеется три более или менее приличных ресторана - "Саратов", "Звездочка" и "Варьете". Девчонки, правда, есть недурные, но все больше еврейки. Японочки были весьма интересные, но с начала войны все уехали, - подробно сообщили князю офицеры.

- Ничего, на безрыбье и рак рыба. Погуляем и с этими. Я приглашаю вас всех, господа, сегодня на официальный обед, - объявил князь. - Не знаю только, где его можно будет устроить.

- Если на нем будут наместник и командующий флотом, то наиболее

подходящее место для обеда - это морское собрание, - объяснил Дукельский.

- Вначале, конечно, будут они, но затем, верно, скоро испарятся, и мы сможем повеселиться на свободе.

- Адмирал намечал на утро выход всей эскадры в море, - заметил лейтенант.

- Ну, что же, времени до утра достаточно. Лейтенант Кубе, - обратился князь к своему флаг-офицеру, - разошлите сейчас же от моего имени приглашения к обеду, а затем свяжитесь с морским собранием, пусть там все приготовят.

- Есть, ваше императорское высочество! - вытянулся прилизанный лейтенант в форме гвардейского экипажа.

Когда наконец наместник спохватился и послал за великим князем, то тот оказался уже настолько навеселе, что его немедленно отпустили на "отдых".

Объехав эскадру, Алексеев довольно холодно поблагодарил Макарова за его работу и отбыл в город к себе во дворец.

Макаров же пригласил, к себе Верещагина. Когда художник, умывшись с дороги, вошел в каюту адмирала, Макаров беседовал с Дукельским.

Узнав от лиц из свиты наместника, что Макарову предстоит очень неприятное объяснение с Алексеевым, лейтенант хотел было осторожно предупредить об этом адмирала, но Макаров сразу оборвал лейтенанта:

- Не желаю и слушать сплетни. Алексеев имеет полную возможность лично мне высказать свое недовольство, а прислушиваться к тому, что говорят исподтишка, я не собираюсь.

Дукельский поспешил уйти.

Вечером, когда схлынули текущие дела и можно было немного отдохнуть, Макаров пригласил к себе Верещагина.

- Наконец-то я могу с вами поговорить с глазу на глаз, что говорится, по душам. Но сначала лучше вы мне расскажите о том, что делается в Питере и стране, что видели по дороге. Мы тут мало что знаем обо всем происходящем в России, и то больше из иностранных газет, а там все

освещается тенденциозно, в нарочито мрачных красках. Ведь, хотя мы и воюем с японцами, ни для кого не секрет, что за ними стоят их официальные союзники англичане и доброжелатели - американцы. Они снабжают Японию деньгами, оружием и даже инструкторами. По имеющимся сведениям, в настоящее время на кораблях адмирала Того находятся английские офицеры-инструкторы. Это является прямым нарушением нейтралитета Англии, но мы не смеем даже протестовать против этого, чтобы не ввязаться в открытый конфликт с Англией. Итак, я вас слушаю, дорогой Василий Васильевич, - проговорил Макаров, поглаживая свою бороду.

- Новости-то, Степан Осипович, все плохие! Народ не понимает, из-за чего началась война, где-то за тридевять земель от России. Воевать никто не хочет, запасные бунтуют, отказываются идти на призывные пункты, убегают из частей. По всей стране большое недовольство тем, что призывают запасных старших сроков службы, сорокалетних бородачей, которые совсем уже забыли и то немногое, что знали, никогда в руках не держали магазинной винтовки и незнакомы со скорострельной пушкой. На фабриках и заводах - забастовки протеста против войны. А в Питере, Москве и других больших городах настоящая вакханалия воровства и взяточничества. Воруют все, кто только может.

Интенданты поставляют негодную обувь и обмундирование. Помещики сбывают казне втридорога негодное зерно и фураж. Все кабаки переполнены и днем и ночью, вино льется рекой, проститутки получают тысячи, и в то же время рабочие и крестьяне пухнут от голода. По всему великому Сибирскому пути жуткая картина - толпы запасных, окруженные, плачущими женами, детьми, родственниками. Сердце разрывается, глядя на них. В военном министерстве, и прежде всего Куропаткин, считают японцев совсем слабым противником, с которым легко будет справиться даже запасным.

- Одним словом, в стране полный развал по всем линиям. А этот дурак Плеве все еще ждет "небольшой победоносной войны" для подъема престижа правительства. Но если бы вы знали, какая это большая

ошибка! Японцы - сильный, хорошо организованный противник, и победить его будет нелегко, особенно при тех порядках, о каких вы рассказываете, Василий Васильевич.

- Однако проигрыш войны окончательно подорвет авторитет правительства вместо его укрепления, - вставил Верещагин.

- Трудно говорить о победах, когда генералы, вроде Стесселя, стоят во главе крепости. Да и сам Куропаткин хорош: лично побывал в Японии и не сумел оценить японскую армию, как она того заслуживает.

- А как дела обстоят в Артуре, Степан Осипович? - поинтересовался Верещагин.

В ответ Макаров только махнул рукой.

- Конечно, много можно было бы сделать, но мне во всем ставят палки в колеса. Ни в ком из высшего начальства не вижу поддержки. Алексеев слушает всяких наушников. Стессель жалуется в Петербург Куропаткину, морской министр Авелин просто не отвечает на мои письма и телеграммы. Тут все еще находится в стадии формирования. В штабе наместника никак не могут решить, является ли Порт-Артур тылом Маньчжурской армии, расположенной на корейской границе, или, наоборот, Маньчжурия - тыл Квантунского полуострова. И то вывозят из Артура провиант и снаряды, то начинают их усиленно завозить. Хочу просить великого князя помочь мне справиться с этой неразберихой. Он ведь может сообщить обо всем непосредственно царю.

- Боюсь, что великий князь больше будет вам мешать, чем помогать. Для него путешествие в Артур является прежде всего увеселительной поездкой. Он, всю дорогу сюда безобразно кутил.

- Надеюсь, что здесь он поведет себя скромнее, - с сомнением проговорил Макаров.

- Хорошо, если так!

Алексеев принял Макарова в своем огромном, роскошно убранном коврами кабинете, с подчеркнутой любезностью попросил его быть как дома, велел подать вина и, приятно улыбаясь и подливая вино в бокал насупившегося Макарова, начал вежливый разговор о "небольших

недоразумениях", несколько "омрачивших их старую дружбу".

- Смотрю я на вас, дорогой Степан Осипович, и искренне, от души завидую вам: такая кипучая энергия, такая подвижность в ваши пятьдесят шесть лет! Я всего на три года старше вас, а по сравнению со мной вы выглядите юношей!

Что значит здоровая русская кровь! - подпустил он шпильку, намекая на происхождение Макарова.

- И тем не менее всей моей энергии и настойчивости едва хватает на то, чтобы доказать вам и Петербургу элементарнейшие истины, понятные любому моряку.

- На что изволите намекать, Степан Осипович? - прикинулся удивленным Алексеев.

- На многое! На отказ в издании моей книги...

- Она уже печатается. Я получил об этом телеграмму из Питера.

- На отношение к выставленным мною кандидатам на посты командиров "Севастополя" и "Новика"...

- Вы не совсем правильно толкуете морской устав, Степан Осипович.

Назначение и смещение командиров судов первого ранга и флагманов происходит только по приказу главнокомандующего, а не командующего флотом.

- Согласно точному указанию устава, командующий флотом имеет право на производство таких перемещений.

- При отсутствии главнокомандующего, добавьте. В противном же случае эти функции переходят к нему.

- Не будем входить в юридические тонкости, ваше высокопревосходительство.

Я своим приказом сместил одних и назначил других командиров. Отмена этого распоряжения ставит меня в совершенно невозможное положение, подрывая мой авторитет. Или мои назначения будут санкционированы, или я подам в отставку, - уже повысил голос Макаров.

- Отставка ваша принята не будет, а на будущее время я прошу вас такие назначения предварительно согласовывать со мной, - сухо ответил

Алексеев.

- Значит, нынешние назначения принимаются?

- За исключением Иванова - четырнадцатого. По моим сведениям, он заболел тифом и долго проболит. В военное время мы его ждать не можем. Поэтому вы спишите его по болезни в экипаж, а на "Новик" мною назначается капитан второго ранга Шевцов, - несколько торопливо, боясь, что его речь будет прервана Макаровым, произнес Алексеев.

Макаров хмуро гладил бороду, что-то соображая. Наступило неприятное молчание. Алексеев, уже не скрывая неприязни, презрительно разглядывал своего собеседника. Его возмущало, что "этот хам и мужлан", из простой матросской семьи, осмеливается спорить с ним, отпрыском, пусть побочным, царской семьи.

"Возомнил о себе невесть что! Но жаль, что в Питере так бояться его длинного языка, иначе я давно его свернул бы в бараний рог", - раздраженно думал Алексеев.

Макаров продолжал, насупившись, молчать.

- Я сместил начальника порта Артур, адмирала Гreve, - сумрачно проговорил Макаров.

- Какие у вас к тому основания, адмирал? - уже сухим, официальным голосом спросил наместник.

- Ремонт подорванных кораблей идет недопустимо медленно...

- Благодаря вашему вмешательству в это дело: вы часто отдаете распоряжения, идущие вразрез с указаниями Гreve и даже моими.

- Поскольку Гreve подчинен мне, я вправе так поступать; что же касается вашего высокопревосходительства, то я сомневаюсь, чтобы вы из Мукдена могли распоряжаться порядком замены поврежденных броневых листов на "Цесаревиче" и "Ретвизане", - насмешливо ответил Макаров.

- Что еще вы имеете против Гreve?

- В Управлении портом хаос. Буксиры подаются с опозданием на час и более, работы по расширению доков, вопреки моему прямому приказу, самовольно прекращены. Недавно на виду всей эскадры затонул пароход "Европа", хотя я трижды сигналом приказывал принять самые срочные

меры к его спасению. Мне таких начальников над портом не нужно.

- Все это слишком мелкие упущения. За них должны отвечать младшие служащие, а не адмирал.

- За совокупность всех этих неполадок полностью отвечает Грече, а не кто-либо другой.

- Он мне говорил, что вы его заставляете работать по целым суткам, это вредно отзывается на его здоровье.

- Артур не санаторий, а осажденная крепость, и заботиться о здоровье здесь довольно трудно!

- Я буду возражать против смещения Грече.

- Он сам меня просит освободить его.

- Вы принудили его к этому своими постоянными придирками по пустякам.

- Смею вас заверить, что, кроме нормальных, чисто служебных, я никогда к нему не предъявлял никаких требований.

- На каком основании вы передали крепости сто фугасных бомб с "Пересвета" и "Победы"? Это совершенно незаконно.

- Зато совершенно необходимо с боевой точки зрения. Батарея Электрического Утеса вполне сравнима с броненосцем: огонь ее пушек равняется огню любого из наших броненосцев.

- Положим, это не совсем так. Батарея никогда не сможет заменить броненосец, - уже спокойнее проговорил Алексеев.

- Я хотел бы знать мнение вашего высокопревосходительства о желательности и возможности поставить меня во главе всей обороны Квантуна. Поскольку Квантун занят нами прежде всего в целях получения морских портов для военного и коммерческого флотов, вполне понятно, что мы, моряки, больше всего и заинтересованы в сохранении, а следовательно, и обороне их.

- Я тоже считаю желательным ваше назначение на должность начальника обороны Квантуна. Боюсь только, что военный министр на это не согласится, - сказал наместник.

- Я наметил уже начальника штаба и начальника артиллерии обороны.

- Неужели Стессель согласился пойти к вам в начальники штаба? - удивился наместник.

- Он и не подозревает о моих планах. Я наметил в начальники штаба генерала Кондратенко, а генерала Белого - в начальники артиллерии.

Наместник хитренько улыбнулся себе в бороду. У него уже сложился план обуздания строптивного командующего флотом путем назначения в его штаб ряда своих людей, и прежде всего начальника штаба.

- Сейчас еще чересчур рано намечать даже приблизительно состав вашего сухопутного штаба, Степан Осипович. Но идея ваша мне очень понравилась, и я буду ее поддерживать в Питере.

Лицо Макарова просветлело, и он начал четко излагать свой план обороны Квантунского полуострова. Алексеев с любезной миной светского человека слушал его, временами вставляя короткие вопросы.

Уже стало темнеть, когда успокоенный внешней приветливостью Алексеева Макаров стал прощаться.

- Надеюсь, вы не в претензии на меня за некоторую резкость тона? - извинился наместник, пожимая руку Макарова.

Едва Макаров вышел, как Алексеев потребовал к себе своего флагоффера и продиктовал ему длинную телеграмму в Петербург, прося в самом срочном порядке изменить соответствующие статьи военноморского устава в сторону возможно большего ограничения прав Макарова и прежде всего в отношении перемещения командного состава.

"Мы все же наденем на тебя, голубчик, хорошую узду, будешь у нас ходить в шорах", - мысленно ухмылялся Алексеев, потирая руки.

Радостно возбужденный удачным, по его мнению, докладом наместнику, Макаров поспешил поделиться свои" ми мыслями с Верещагиным. Художник выслушал его с дружеской улыбкой, но все же недоверчиво покачал головой.

- Алексеев хитрая лиса! Мягко стелет, да жестко спать. Еще в Петербурге мне говорили, что ему даны специальные указания сдерживать ваши "бурные порывы".

- Но для него должны быть близки интересы нашего флота. Я уверен, что

он меня поддержит в том, что касается моих мероприятий, направленных к поднятию боеспособности эскадры.

- Для него важнее всего личные, шкурные интересы. В Петербурге считают нужным держать все в определенных рамках. Алексеев из всех сил будет стараться выполнить это указание, хотя ваши действия ничего, кроме пользы, не принесут для нашего флота.

- Пока что я не выхожу за пределы предоставленных мне законом прав командующего флотом.

- Помяните мое слово, скоро они будут урезаны Петербургом по прямому наущению Алексеева.

- Пока этого нет, я сумею постоять за себя, и никаким Алексеевым не удастся ограничить меня по своему усмотрению!

Стук в дверь прервал этот разговор.

- Позвольте, ваше превосходительство, вручить вам приглашение на торжественный обед, который его императорское высочество великий князь Кирилл Владимирович дает сегодня в морском собрании по случаю своего приезда в Артур, - доложил Дукельский, вручая билет Макарову.

Адмирал неодобрительно покачал головой.

- Не успел приехать и уже начинает устраивать обеды. Не время сейчас для всяких торжеств. Неприятель в любую минуту может атаковать нас, а мы тут пирушками заняты, - ворчал он. - Придется все же сегодня съездить туда для первого раза. Подтвердите еще раз мой приказ о завтрашнем выходе эскадры.

Офицеры должны знать, что сегодняшней обед ничему не мешает.

- Есть, ваше превосходительство, - ответил лейтенант.

В семь часов вечера к морскому собранию стали съезжаться морские офицеры.

Оба великие князя как хозяева встречали гостей в вестибюле. Точно к назначенному сроку прибыл Макаров в сопровождении Верещагина и Моласа, а за ними наместник с адмиралом Витгефтом, круглым розовым старичком с добродушной улыбкой на лице. В огромном зале были расставлены длинные столы.

Как раз посередине, под портретом царя, заняли места великие князья, по обе стороны от них адмиралы и капитаны первого ранга, остальные офицеры уселись по чинам и рангам. На хорах разместились оркестры, а в соседних помещениях ожидали собранные со всех кораблей песельники. Обед удался на славу, так как проворный Кубе сумел быстро мобилизовать всех лучших поваров в Артуре и закупить чуть не все вино в магазинах.

Звуки музыки чередовались с песнями матросов.

- Люблю старинные обычаи, ваше превосходительство, - обратился Кирилл Владимирович к Макарову, - а особенно мне нравится стародворянский помещичий обычай подблюдных песен. Жить бы мне лет сто тому назад, при моем двоюродном прадеде, блаженной памяти Александре Благословенном! Завел бы себе крепостной оркестр, женский хор, гарем и жил бы турецким султаном, не таскаясь по всяким Порт-Артурам!

- Ваше императорское высочество никто не неволил ехать на Дальний Восток.

- Папаша весьма настойчиво советовал нам с братом на время уехать из Питера: по его мнению, мы больно весело проводил" там время. Вот мы и сочли за благо на некоторое, надеюсь непродолжительное, время проехаться в Артур.

- Все же я уверен, что вы не будете пренебрегать здесь своими служебными обязанностями и не забудете о том, что завтра утром эскадра выходит в море.

- Надеюсь, вы подождете меня, если я немного запоздаю.

- Эскадра тратит на свой выход в море до трех часов, так что вы всегда успеете попасть на корабль. Я буду на "Новике" или на "Аскольде".

- А не опасно выходить в море на легком крейсере?

- Ваше высочество может находиться на любом из броненосцев или при штабе на "Петропавловске".

После второго блюда начались тосты. Настроение быстро повышалось. Лица покраснелись, разговоры становились все громче, кое-кого уже

под руки выводили из-за стола. Подвыпившие князя называли наместника просто дядей, на что последний, польщенный родственным к нему отношением, только грозил пальцем.

- Я беру на себя расходы по сегодняшнему обеду, - расчувствовался Алексеев, - не каждый же день ко мне приезжают мои шаловливые племянники.

- За здоровье его высокопревосходительства, наместника на Дальнем Востоке и моего дядюшку, артурского гения-Алексеева Евгения, ура! - заорал во всю глотку обрадованный князь.

Макаров вскоре поднялся.

- Пусть еще молодежь без нас повеселится, а нам, старикам, пора на покой, - присоединился к нему наместник.

Под громовое "ура" адмиралы и Верещагин спустились в вестибюль и сели в коляску, а за ними вскоре последовали капитаны всех рангов, и в собрании остались лишь лейтенанты и мичманы.

- Убрались наконец старые песочники, - громко проговорил князь, - я боялся, что они, чего доброго, до утра сидеть будут и не дадут нам погулять как следует. Господа, - обратился он к офицерам, - нельзя ли будет сюда девочек доставить?!

- По положению о морских собраниях не полагается... - начал было один из офицеров.

- Ну вас к черту с вашими положениями, - оборвал его, князь. - Кубе, захвати с собой кого-нибудь да раздобудь нам десятка два бабочек; смотри выбирай!

Несколько офицеров вызвались сопровождать Кубе, и через полчаса весь цвет порт-артурского полусвета оказался в морском собрании.

На рассвете эскадра начала вытягиваться на внешний рейд. Макаров, бывший на "Аскольде", нетерпеливо поглядывал на часы, поджидая появления великого князя, без которого он считал сегодня неудобным выходить в море. Прошло почти три часа, уже все корабли вышли на внешний рейд и вытянулись в кильватерной колонне вдоль Тигровки, а князя все еще не было.

- Я больше не могу ожидать его высочество, - раздраженно проговорил Макаров, обращаясь к Дукельскому. - Это в конце концов просто невежливо по отношению ко мне, да и ко всей эскадре.

- Семеро одного не ждут, ваше превосходительство, хотя бы он был и великим князем, - поддакнул Дукельский. - Очевидно, князь еще изволит почивать.

- Разрешите доложить, - вмешался в разговор командир "Аскольда" Грамматчиков, - я также недосчитываюсь трех офицеров, оставшихся вчера с князем.

- Арестуйте их на трое суток и предупредите, что в случае повторения буду таких офицеров списывать в экипаж, - распорядился адмирал.

- То же самое и на "Диане" и на "Новике", - продолжал Грамматчиков, - очевидно, князь своей властью задержал офицеров на берегу.

- Выясните этот вопрос по возвращении в Артур, - приказал Дукельскому Макаров. - Поднять сигнал: "Следовать за мной". Возьмите курс" островам Керр, посмотрим, нет ли там японцев, - отдал адмирал распоряжение Грамматчикову.

Часов в пять вечера, когда эскадра вернулась в Артур, на "Петропавловск" прибыл великий князь. Он еще не вполне пришел в себя после попойки и был несколько смущен опозданием. Узнав, что адмирал на "Аскольде", князь отправился туда. Подходя к каюте адмирала, Кирилл Владимирович нервничал, то и дело приглаживая волосы на начинающей лысеть голове. Он постучал в дверь адмиральской каюты.

- Разрешите войти, ваше превосходительство.

- Прошу. Рад вас видеть, хотя и с большим опозданием, - приветствовал его Макаров,

- Мы немного увлеклись, а затем я так устал с дороги, что разрешил себе небольшой отдых. Надеюсь, вы на меня не в претензии.

- Я хотел бы знать, ваше высочество, разрешили ли вы и другим офицерам опоздать на эскадру?

- Право, не помню. Была какая-то кутерьма. Возможно, что ко мне обращались с просьбой, и я взял на себя доложить об этом вам.

- Мне крайне прискорбно, ваше высочество, что в первый же день вашей службы в моем штабе приходится говорить об этом. Но все же я должен предупредить, что я не считаю вас вправе отменять мои приказания. Вы сами, ваше высочество, если найдете нужным, можете в любое время находиться, где вам заблагорассудится, но для всех остальных офицеров выполнение моих приказов строго обязательно. Я приказал арестовать на трое суток всех опоздавших сегодня к выходу эскадры.

- Мне кажется, вы слишком суровы, ваше превосходительство, тем более что косвенной виной всего этого являюсь я. Прошу вас на этот раз не накладывать на них взысканий.

- Если ваше высочество поручится мне, что впредь этого больше не будет, я отменю приказание.

- Заверяю вас своим честным словом, что во все время моего пребывания здесь это больше не повторится, - пылко проговорил князь.

- Черт бы побрал этого старого бардадыма! - выругался он, выйдя из адмиральской каюты. - Сегодня ведь назначен в гарнизонном собрании ужин со всем сухопутным начальством. Приготовишь мне через час парадный мундир! - приказал он своему лакею. - Я съеду на берег.

Следующий день оказался днем рождения сестры великого князя Елены Владимировны, потом подошли именины августейшей бабушки герцогини Саксен-КобургГотской, затем еще кого-то, и вскоре Макаров убедился, что главной причиной приезда князя в Артур была возможность предаваться здесь кутежам без всяких стеснений. О какой бы то ни было службе он не хотел и слышать.

Вызванный Макаровым для объяснения, князь заносчиво ответил, что он достаточно взрослый, чтобы давать кому бы то ни было отчет о своих действиях, и просил адмирала впредь его по пустякам не беспокоить. После этого адмирал стал относиться к великому князю, как к гостю на эскадре, и никаких служебных поручений ему не давал. Но великий князь продолжал развращаться, вовлекая все больше офицеров в кутежи. Ежедневно десятками рассылались именные приглашения на очередной семейный праздник у великого князя, и под этим предлогом

офицеры съезжали на берег.

Первым протестовал против этого Эссен. Явившись к Макарову, он предъявил адмиралу одну из пригласительных записок князя.

- Ваше превосходительство, прошу вас мне разъяснить, имею ли я право по ней отпускать офицеров на берег сверх установленной вами нормы? - обратился он к адмиралу.

- Поскольку это приглашение не согласовано со мной и носит строго личный характер, то, конечно, с ним считаться нечего. Если данный офицер имеет право ехать в этот день на берег, то он может воспользоваться этим приглашением. Так я вас прошу и расценивать эти записки князя, - разъяснил Макаров.

Вскоре с тем же вопросом обратился Грамматчиков и кое-кто из командиров миноносцев. Командиры же прочих кораблей побоялись возбуждать столь щекотливый вопрос перед командующим флотом.

Эссен и Грамматчиков немедленно же были вызваны к Кириллу Владимировичу.

Надев парадную форму, оба командира не замедлили явиться на "Петропавловск", где находился великий князь. Кирилл Владимирович принял их, сидя за письменным столом. Не поздоровавшись и не предложив сесть, он сразу обрушился:

- Как по-вашему, приглашение ко мне является приказанием или нет? - задал он вопрос.

- Смотря какой характер оно носит служебный или частный, - ответил Эссен.

- Зарубите себе на носу, капитан, что всегда, везде и всюду моя просьба или приглашение является приказанием, выраженным в вежливой форме. Раз это так, то вы не имеете никакого права задерживать приглашенных мною офицеров.

- В таком случае ваши приказания идут вразрез с распоряжением командующего флотом, ваше высочество, - с достоинством возразил Грамматчиков.

- Мне, как лицу императорской фамилии, адмирал не указ. Вас же я

сумею заставить выполнять мои приказания беспрекословно. Этакое безобразие! Этакая распущенность! Не смей больше задерживать приглашенных мною офицеров, иначе и с вами расправлюсь так, что вы долго меня помнить будете. Ступайте! - неистово кричал великий князь.

Выйдя от Кирилла Владимировича, Эссен и Грамматчиков направились к Макарову и доложили ему о происшедшем.

- Я так служить не могу, ваше превосходительство, - волновался Эссен. - Прошу списать меня в экипаж.

- Согласитесь, Николай Оттович, что выходка князя больше задевает меня, чем вас, - успокаивал его адмирал. - Оказывается, не я, а великий князь командует флотом. Сегодня же буду говорить об этом с ним и с Алексеевым.

- Меня за всю мою жизнь никто так не оскорблял. Если князь не извинится передо мной, я немедленно подаю рапорт об отставке, - сумрачно заявил Грамматчиков.

- Прошу вас, господа, успокоиться и обдумать свои дальнейшие шаги. Я буду настаивать, чтобы князь сегодня же перед вами извинился, - обратился Макаров к офицерам.

Те откланялись и вышли.

- Попросите ко мне великого князя, - приказал Макаров Дукельокому.

- В чем дело, адмирал? - спросил Кирилл Владимирович, входя в каюту.

- Вашу выходку по отношению Эссена и Грамматчикова я считаю безобразной и редлагаю вам извиниться перед ними, - отчеканил Макаров.

- Они получили должное. Я, со своей стороны, считаю безобразием неисполнение ими моих приказаний.

- Они вам не подчинены: пока что команду флотом я, а не вы.

- Дело идет не о командовании флотом, а о недопустимо пренебрежительном отношении к моим приглашениям со стороны Эссена и Грамматчикова.

- Они поступили, согласуясь с моими приказами.

- Значит, надо ваши приказы или отменить вовсе, или изменить

соответствующим образом.

- С вами в спор я вступать не собираюсь, но настаиваю на вашем извинении перед оскорбленными офицерами.

- А я не собираюсь извиняться и считаю, что этот вопрос исчерпан.

- Тогда я буду просить ваше императорское высочество подать рапорт об увольнении из моего штаба.

- Навряд ли я удовлетворю вашу просьбу.

- Такой начальник морского отдела, как вы, мне не нужен, - уже повысил голос Макаров. - Я сегодня же об этом телеграфирую наместнику и государю императору.

- Напрасно вы так близко принимаете к сердцу такие пустяки, Степан Осипович, - переменял тон князь, испугавшись широкой огласки инцидента. - Если вы настаиваете, то, исключительно из уважения к вам, я готов написать им пару примирительных слов. Большого, я надеюсь, вы и не будете требовать от члена императорской фамилии.

- Вот перо и чернила, - показал на стол адмирал. - Прощу вас тут же написать извинительные письма.

- Однако, адмирал, хватка у вас, я вижу, мертвая, - опять начал раздражаться князь, - но раз я обещал написать, то свое слово сдержу.

Готово, - протянул он Макарову две коротенькие записки. - "Прошу на меня не обижаться" - этого вполне для них достаточно.

Макаров не стал спорить и отпустил князя.

Вызвав Дукельского, адмирал приказал отправить записки князя. После этого он стал диктовать флаг-офицеру длинную телеграмму наместнику, прося немедленно убрать из Артура обоих великих князей.

- Телеграмму зашифруйте и срочно отправьте, - распорядился адмирал.

Наутро был получен ответ от Алексеева, в котором он обещал "пожурить" великого князя и советовал Макарову "не обижать самолюбивого юношу".

Макаров понял, что ни у наместника, ни в Питере он поддержки не встретит. Однако он не оставлял надежды так или иначе воздействовать на великого князя. Вызвав к себе Верещагина, он спросил, скоро ли тот собирается вернуться в Петербург.

- Разве я надоел вам в Артуре, Степан Осипович? - улыбнулся художник.
- Не в этом дело, дорогой друг. Мне нужно отправить личное письмо государю. Я хотел просить вас передать его из рук в руки. Иначе оно никогда не дойдет до него.
- Если дойдет, то едва ли даст ожидаемый вами результат. Государь молод, неопытен и находится полностью под влиянием придворной камарильи, к которой принадлежит и Кирилл Владимирович. Ворон ворону, как известно, глаз не выклюет!
- Вы лично расскажете, к чему ведет поведение князя. Если его не уберут отсюда, я принужден буду сложить с себя командование.
- Не разрешат, Степан Осипович!
- Тогда я не остановлюсь перед высылкой князя из Артура. Пусть меня потом разжалуют хоть в матросы!
- Да, положение у вас, Степан Осипович, очень трудное. Если хотите, я завтра же выеду в Питер, - подумав, согласился Верещагин.
- Подождем с неделю еще, авось этому балбесу надоест безобразничать в Артуре, и он сам уедет отсюда.
- Всю жизнь он занят только кутежами, и на это рассчитывать трудно. Вот если бы Того устроил новую бомбардировку, мигом бы его высочество улетучился отсюда. Великокняжеские нервы мало приспособлены к сильным ощущениям, - усмехнулся Верещагин.

Макаров расхохотался.

- Остается только просить адмирала Того об этой дружеской услуге!
- Он прекрасно понимает, что великий князь является его союзником в общей борьбе против вас. Поверьте, пока Кирилл в Артуре, ни одной крупной операции против крепости японцами не будет предпринято.

В начале пасхальной недели на флагманском корабле состоялась торжественная раздача Георгиевских крестов отличившимся в боях матросам. Со всех судов эскадры к "Петропавловску" направлялись шлюпки, на которых находились избранные самими матросами храбрейшие из храбрых, достаиваемые высшей воинской награды. Тут были и солидные боцманы, боцманматы с традиционной серьгой в ухе и

густо нафабранными усами, и совсем еще юные, безусые матросики, всего несколько месяцев пробывшие на кораблях. На всех лицах застыло выражение торжественной строгости и застенчивости. Они тщательно оправляли одежду и бескозырки, стараясь придать себе возможно более лихой и гордый вид. Шлюпки подходили к парадному трапу. Матросы быстро поднимались на палубу и по кораблям выстраивались на шканцах броненосца.

Когда все собрались, к награждаемым подошел Макаров. Желая особенно подчеркнуть торжественность происходящего, адмирал был в полной парадной форме. Его сопровождал великий князь Кирилл Владимирович и все адмиралы эскадры, тоже в парадной форме. Макаров поздоровался с матросами и вместе со своей свитой неторопливо прошел по фронту. Некоторых он спрашивал, за что представлен к награде, давно ли состоит на службе, где служил раньше...

Матросы отвечали громко, без смущения.

- На молитву, шапки долой! - скомандовал старший офицер.

Начался молебен. Матросы, истово крестясь, щурились под яркими лучами весеннего солнца, брызнувшего из-за туч. Адмирал прикрывал рукою лысеющую голову от дуновения свежего морского ветра. Хорошо слаженный хор певчих старался вовсю. После возгласения многолетия царствующему дому, "боярину Степану" и "всем православным воинам" священник окропил святой водой матросов.

Раздалась команда: "Накройсь!"

Макаров обратился к награждаемым с речью:

- По единодушному выбору ваших товарищей вы признаны достойнейшими самой высокой военной награды. Получив Георгиевский крест, вы явитесь гордостью той части, в которой вы служите. Помните же высокое значение Георгиевского креста, которым вы сегодня награждаетесь, и проявляйте себя достойными этой награды, - прочувствованным тоном произнес адмирал.

Затем он приступил к раздаче наград. Дукельский вызывал по наградному списку награждаемых. Они поодиночке подходили к

адмиралу. Каждого из них в отдельности командующий флотом поздравлял, расспрашивал о службе, желал дальнейшей удачи в боях. Затем великий князь, с трудом подавляя зевоту после вчерашнего кутежа, прицеплял награжденному крест.

- Как стоишь, болван! Грудь вперед, голову выше! - вполголоса покрикивал он при этом на матросов.

Поодаль расположился Верещагин с альбомом, быстро делая наброски матросов; из-под его карандаша выходили радостно возбужденные лица матросов, отвечающих Макарову, и угрюмые, хмурые, иногда испуганные, - стоявших перед великим князем. Художник двумя-тремя штрихами давал целую гамму настроений.

Когда раздача крестов закончилась, матросы вновь выстроились.

- В честь новых георгиевских кавалеров, ура! - провозгласил Макаров, вытягиваясь и прикладывая руку в белой перчатке к треуголке.

Музыка заиграла туш, а с судов эскадры грянул салют. Эскадра чествовала своих героев.

Лица награжденных просветлели. Они с горячей любовью смотрели на своего любимого дедушку-адмирала.

Едва смолкли крики, как из строя матросов раздался взволнованный, срывающийся голос;

- Нашему любимому адмиралу, нашему "дедушке" ура!

Над тихим артурским рейдом понеслись громовые раскаты русского боевого клича. Макаров, высокий, широкоплечий, с развевающейся по ветру бородой, стоял навтыжку перед матросами, которых он не раз водил в бой под своим адмиральским флагом. Лицо его светилось любовью. Он с гордостью глядел на матросов.

Долго не умолкали крики. Когда наконец адмирал махнул рукой, они постепенно, как бы нехотя, стали смолкать.

- Спасибо, братцы! - душевно проговорил Макаров.

- Рады стараться! - гаркнули матросы. И снова понеслось по рейду "ура", перекинулось на стоящие рядом суда, на пристань, в портовые мастерские...

- Это какой-то массовый психоз! - недоуменно бурчал князь Ухтомский, прислушиваясь к разносящимся по рейду крикам. - Матросы совсем сошли с ума от радости при виде Макарова.

- Это, ваше сиятельство, тот стихийный рев, которым суворовские чудо-богатыри приветствовали своего батюшку Александра Васильевича, - ответил Дукельский.

Тридцатого марта 1904 года, около полудня, на миноносце "Страшный" был получен секретный пакет из штаба флота. Командир миноносца капитан второго ранга Юрасовский недовольно поморщился, заранее предчувствуя неприятности.

- Не дадут и пасху как следует отпраздновать! Опять куда-нибудь пошлют на ночь глядя, - сердито проворчал он и вскрыл пакет. - Так и есть! "С темнотой вместе с отрядом миноносцев идти на поиски к островам Саншантоу". - Он постучал кулаком в стену своей каюты. На стук явился инженер-механик миноносца Дмитриев. Он был чисто выбрит, в новом сюртуке, раздушен.

- Что случилось, мой друже и капитане? - шутливо спросил он. - Опять штаб строит какие-либо каверзы нашему "Страшному"?

- Получен приказ - сегодня в ночь идти к островам Саншантоу в отряде Елисеева. Как у тебя дела по машинной части?

- Вот тебе и раз! А я только что собрался съехать на берег да "провернуть" там хорошенько! Ведь я же все праздники просидел за переборкой машин, - разочарованно проговорил Дмитриев.

- У тебя все в порядке? - повторил Юрасовский.

- Машины в исправности, полный запас угля, пресной воды до Чифу хватит, - доложил механик.

- Машинная команда налицо?

- Только вахтенные, остальные с утра на берегу. Я их сегодня отпустил до спуска флага: они ведь все праздники работали.

- Надо сейчас же за ними послать.

- Где их, чертей, теперь сыщешь? Разбрелись по кабакам. К вечеру явятся, а раньше едва ли их соберешь.

- Позови ко мне боцмана, а сам подумай, как выловить из города твоих духов.

- А мне нельзя будет хотя бы до вечера съехать на берег? - нерешительно спросил Дмитриев.

- Пожалуй, можно! Выйдем мы около девяти вечера. Только с условием: разыскать на берегу Малеева и Акинфиева и предупредить их о предстоящем выходе в море.

- Есть, есть, - обрадовался механик. - Со дна морского достану их, обойду все злачные места, но найду.

- Сам только нигде не застрянь. Они, вероятно, или на "Этажерке" девчонок тралят, или вахту несут у Ривы. Андрюша наш что-то о ней часто поговаривает, как бы он не сел там на банку.

- Зайду и туда! Но насчет Ривы напрасно беспокоишься: она зафрахтована Дукельоким, и он едва ли кого к ней подпустит. Итак, спешу! - Дмитриев скрылся.

Съехав на берег, он прежде всего направился на "Этажерку". День был теплый, слегка пасмурный, с моря шел легкий туман. Все дорожки бульвара были запружены гуляющими. Гремела музыка. Порт-артурцы спешили на берег подышать чистым морским воздухом.

Обойдя все закоулки бульвара, Дмитриев не нашел ни Малеева, ни Акинфиева.

Миновав длинную, почти в версту, дамбу, соединяющую Старый и Новый город, Дмитриев направился к высокому двухэтажному зданию ресторана "Варьете". Уже издали были слышны доносившиеся оттуда нестройные звуки музыки, пение, пьяные выкрики.

Дмитриев, ошеломленный этой картиной, стоял, озираясь вокруг. Ни Малеева, ни Акинфиева тут не было видно, и он стал пробираться к выходу.

- Кто это у вас тут так безобразничает? - спросил он встретившегося ему хозяина ресторана, толстого грузина Нокабидзе. Тот удивленно вскинул на Дмитриева глаза.

- Великий князь Кирилл Владимирович. Он со своим братом Борисом уже

трое суток так забавляется.

- Хороша забава! Дикари-папуасы и то приличнее себя ведут.

- Шш! Потихе, а то на неприятность можно нарваться. Мы еще такого в Артуре не видели. Проститутки по десять тысяч в день зарабатывают... - словоохотливо сообщил Нокабидзе.

Дмитриев спросил о Малееве и Акинфиеве.

- Не видел, не было их здесь.

Механик вышел на улицу. После ресторанного шума, гама и духоты приятно было дышать свежим морским воздухом. Инженер дошел до небольшого одноэтажного домика. Окна были завешены гардинами. Поднявшись на низенькое крылечко, Дмитриев позвонил.

Куинсан, в белом кружевном чепце и в фартуке, открыла дверь и, низко приседая и кланяясь, спросила, что ему нужно. Механик справился о своих друзьях.

- Моя не знает, кто они, - ответила Куинсан.

На разговор вышла Рива. В розовом шелковом платье, красиво облегающем ее стройную, гибкую фигуру, с ярким цветком в темных волосах, она показалась Дмитриеву необыкновенно красивой. Он вежливо раскланялся и повторил свой вопрос.

- Да, они у нас! Зайдите, пожалуйста! - пригласила Рива. - Андрюша! Тут по вашу душу пришли, - крикнула она в комнаты.

Акинфиев, оживленный и раскрасневшийся, с заткнутой за воротник салфеткой, вышел в переднюю.

- Павлуша! - радостно приветствовал он Дмитриева. - Заходи, гостем будешь?

- Сегодня в ночь выход в море, и Юрасач требует вас обоих на корабль, - До вечера еще достаточно времени. Успеем по чарке выпить. Раздевайся! Компания вся тебе известная: Дукельский, Сойманов да наши друзья артиллеристы - Борей ко с Звонаревым.

Нам каждый гость дарован богом, Какой бы ни был он земли, Хотя бы в рубище убогом, Адпа-верды, Алла-верды! - встретили песней появление Дмитриева в столовой. Борейко уже двигался к нему навстречу, держа в

руках позолоченный поднос с большим серебряным кубком, украшенным китайской живописью.

Выпив чарку-другую, Дмитриев слегка опьянел.

- Господа артиллеристы! Сегодня наши миноносцы выходят на ночь в море.

Просьба не обстрелять нас, как это было в феврале. При вашем искусстве в стрельбе, чего доброго, придется нам где-нибудь около Электрического Утеса пузыри пускать, - проговорил он.

- Теперь вам эта опасность не грозит, - ответил Борейко. - У нас на батарее для связи с флотом, есть ваш сигнальщик со "Страшного".

Звонок в передней возвестил о чьем-то приходе. Через минуту появилась с пакетом в руках Куинсан.

- До лейтенанта Дукеля матроса пришла, - объявила она, улыбаясь, и подала Дукельскому пакет.

Он разорвал пакет и, вынув бумагу, прочитал:

- "Ввиду предстоящего на рассвете выхода эскадры в море прошу вас срочно вернуться на корабль. Адмирал Молас". Так-с! Значит, надо собираться, - резюмировал лейтенант. - Катер за мной прислали? - спросил он у матроса.

- Так точно, у пристани ожидает.

- Ладно! Пройди на кухню. Там промочишь глотку. Только на служанку особенно не засматривайся!

- Есть, ваше благородие, промочить глотку и на китайку не смотреть! - ответил матрос и прошел за Куинсан на кухню.

На набережную все пошли вместе с Ривой. Артиллеристы хотели было двинуться к себе пешком, но Малеев предложил подвезти их до пристани Артиллерийского городка. Артур затягивала пелена вечерних теней, но в быстро наступающей темноте нигде не загоралось ни одного огонька. Бомбардировки с моря приучили город скрываться во тьме. Эскадра, готовая к выходу, черными силуэтами виднелась у входа в гавань. Небо над морем заволакивалось низкими дождевыми тучами.

- Приятная вам предстоит прогулка! - проговорил Звонарев, обращаясь к

морякам.

- Чудесная погода! В такую ночь можно подойти вплотную к врагу, и то не видно будет, - ответил Малеев.

- Для разведки ничего лучшего быть не может!

- Только не сядьте на банку у Саншантоу или не протараньте в темноте друг друга, - предостерегал Дукельский. - Острова сволочные - масса мелких, узких проходов, много бурунов.

- Жорж! Давай пригласим завтра всех на обед, - предложила Рива.

- Отличная идея! После морской прогулки приятно будет хорошо пообедать!

Милости прошу всех завтра к двум часам к нам! - поддержал Дукельский.

- Ох, мы сможем только к вечеру! - вздохнул Бореико.

- Да когда хотите, - вмешалась Рива. - Со "Страшного", как только отдадите якорь, жду прямо ко мне, во главе с вашим Юрасачем.

- Будем, будем, не забудем! - шутил в ответ Андрюша. - Наш Юрасач любит грибки в сметане и салат "оливье". Приготовьте, и навсегда завоюете его сердце!

На набережной стояли у пристани рядом две шлюпки: с "Петропавловска" и "Страшного". Рива долго прощалась с Дукельским.

Шлюпки одновременно отошли от пристани.

Пока Рива провожала гостей, Куинсан успела обегать неподалеку и о чем-то переговорить со старым нищим, часто заходившим к ней на кухню. Обменявшись с ним несколькими короткими фразами, она поспешила домой, а тот, охая и кряхтя, расслабленной старческой походкой побрел по направлению к Чайной долине. За городом на темной дороге походка его неожиданно приобрела молодую легкость и упругость. Нищий легко перескочил через придорожную канаву и быстро зашагал по направлению к Ляотешаню, прекрасно разбираясь в знакомой местности. Обойдя одну из расположенных здесь батарей, на которой никого не было видно, он нырнул в узенькое ущелье и, пройдя с полверсты, оказался у обрывистого берега моря. Узкая, глубокая расселина густо заросла кустарником. Старик вошел в заросли и вскоре

появился оттуда с маленьким ручным фонарем, свет которого чуть мерцал в темноте. Усевшись под кустами, он осторожно выставил фонарь и стал вглядываться в покрытое уже мраком ночи темное море. Через несколько мгновений далеко на горизонте несколько раз вспыхнул и погас ответный сигнал. Тогда старик стал то закрывать свет, то открывать его на короткое время. Покончив с этим, он подождал ответного огонька с моря и затем, спрятав фонарь, крадучись пошел обратно.

Адмирал Того своевременно узнал о выходе и направлении русских миноносцев, а также о предстоящем утреннем выходе в море всей - эскадры. Из района островов Саншантоу были удалены все японские суда, а эскадра легких крейсеров и миноносцев получила приказ ожидать на подступах к Артуру возвращения русских миноносцев с моря.

Перед выходом в море Юрасовский вызвал наверх всю команду и подробно объяснил матросам, куда и зачем идет миноносец.

- Задача трудная и сложная: мы должны быть ежеминутно готовы атаковать неприятеля. Орудия и минные аппараты должны быть заряжены. На мостике - все внимание на море, чтобы не протаранить впереди идущий миноносец, не оторваться от него, а около островов не налететь на буруны, - закончил свою речь Юрасовский и отпустил матросов вниз.

- Зачем матросам знать все эти подробности? - недоумевал Акинфиев.

- Всякий матрос должен понимать маневр. Это еще много лет, назад говорил Суворов, а вы, Андрюша, и сейчас не понимаете этого. Матросы должны выполнить боевую задачу, даже если весь командный состав выйдет из строя, для этого они должны знать, куда и зачем их посылают, - пояснил мичману Юрасовский.

Вскоре восемь миноносцев с потушенными огнями один за другим стали выходить из порта и легли на курс к островам Саншантоу. "Страшный" шел концевым. Когда он миновал проход и вышел на внешний рейд, Акинфиев оглянулся на берег. В ночной темноте можно было различить лишь прожектора на дежурном крейсере да на Электрическом Утесе.

Андрюша вспомнил о Звонареве, который как раз должен был дежурить на батарее. В это время с берега засигналили огнями.

- С Электрического Утеса желают доброго пути, - доложил дежурный сигнальщик Серегин, - должно, наш Денисенко старается. Прикажете ответить, ваше благородие?

- Нет! Мы идем секретно, японцы не должны ничего знать о нашем выходе в море.

- Да какой уж тут, ваше благородие, секрет? Днем по всем кабакам матросов с миноносцев собирали, потому, говорят, что ночью в разведку идем. Шпионов же в Артуре - тьма, у них, рассказывают, шпионы есть даже во всех штабах и на кораблях.

- Тем более не надо показывать японцам, что мы уже вышли в море. Пусть ищут нас в этой темноте.

- Это правда! Ничего не видать сейчас в море. Разве только факелы из труб на большом ходу будут видны.

Вскоре начался дождь. При полном безветрии он был прямой, тихий и ровный.

Водяные струи со всех сторон окружили миноносец, образуя вокруг него завесу.

На море была мертвая зыбь. Андрюше казалось, что весь мир погружен в темноту, в которой стоит неподвижно "Страшный". Тусклый свет от картушки компаса слабо освещал часть мостика и застывшую у штурвала фигуру рулевого.

Юрасовский при этом слабом свете рассматривал карту, на которой был проложен курс "Страшного".

- Курс норд-ост сорок градусов! До островов шестьдесят миль, то есть четыре часа экономического хода по пятнадцати узлов. Обойдем острова вокруг и вернемся назад, надо думать, часов в шесть, половине седьмого будем в Артуре. Пока держите "Страшный" на курсе да внимательнее наблюдайте за морем. Я спущусь выпить стакан чаю, - распорядился командир, уходя вниз.

Андрюша зашагал по мостику. Время тянулось медленно. Дождь, упрямо

продолжал идти. Капли дождя попадали за воротник, несмотря на поднятый капюшон непромокайки. Акинфиев прошел на бак, где около носового орудия расположились вахтенные. Они следили за чуть проступавшим в темноте корпусом идущего впереди миноносца.

- Внимательно смотреть вперед! - предупредил мичман.

- Есть! Внимательно смотреть вперед! - отозвались матросы.

- Уж больно темно, ваше благородие, прямо как у арапа в брюхе, - словоохотливо ответил сигнальщик Серегин. - Только и видать малость искры, когда шуруют в топках. Хоть в прятки с япошкой играй - кто кого раньше найдет.

Акинфиев осмотрелся вокруг, и отошел от матросов. Те продолжали разговор.

- Сказывали, замирение скоро, да что-то не похоже! Эскадра японская с, девятого марта у Артура не показывается, зато миноносцы каждый день на внешнем рейде шастают. Эх, скорей бы война кончилась! Мне сразу чистая будет, поеду к себе на Каспий, буду рыбачить, дубок заведу в компании.

- Смотри-ка, что-то ничего впереди не видать! - испугался Серегин. - Никак, потеряли связь с отрядом!

Оба матроса тревожно стали всматриваться вперед, но ночная тьма была непроницаема.

- Вот елки зеленые, беда какая! - заволновался Серегин.

- Ништо! Скорей в Артур без отряда вернемся! - успокоил его сосед.

Доложили Акинфиеву.

- Эх, вороны! Наделали делов!.. - выругался мичман и взглянул на часы.

Было около полуночи. Судя по времени, "Страшный" должен был находиться в районе островов Саншантоу. Боясь в темноте налететь на берег, Акинфиев застопорил машины, послал за Юрасовским и вызвал подвахтенных наверх.

Миноносец, покачиваясь на волнах, остановился. Вдруг откуда-то спереди отчетливо донесся собачий лай.

- Слева по носу слышен собачий лай! - доложил Серегин. - Должно быть,

берег близко.

Юрасовский уже поднялся на мосток.

- Следить за бурунами. Малый назад! - скомандовал он.

"Страшный" тихонько качнулся и пошел назад.

- За кормой бурун видать! - крикнул с кормы Серегин.

- Стоп! Видимо, мы зашли в бухту или пролив, а корму занесло к берегу, - решил Юрасовский.

- На правом траверзе огонь! - доложил сигнальщик.

Андрюша вскинул бинокль. Где-то мерцал слабый огонек. Был ли он далеко или близко, в темноте определить было невозможно. - Слева громко запели петухи.

- Что за черт! Похоже, что мы попали между островов! Ищи теперь выход в море, - ворчал Юрасовский.

- По носу буруны! - выкрикнул сигнальщик.

- Отдать якорь! Надо шлюпку спустить да поискать выхода, - решил командир.

Матросы кинулись, к якорной бухте.

На мостик поднялись Малеев и Дмитриев. Якорь булькнул в воду и, вытравив две сажени цепи, остановился. Было ясно, что берег где-то совсем близко.

- Спустить шлюпку! Поезжай на разведку, Ермий Александрович, а то мы тут совсем запутаемся.

- Есть! - ответил Малеев, спускаясь вместе с матросами в шлюпку, которая, отвалив от миноносца, тотчас же скрылась во мгле.

- Хорошо еще, что ночь, а то увидели бы с берега, мигом бы японцам сообщили! Как это вас угораздило оторваться от отряда? - спросил Андрюшу Дмитриев.

- Черт его знает! Должно быть, на повороте! Уж больно темно!

- Промерь за кормой! - приказал Юрасовский.

- Десять футов, ваше благородие! К берегу корму заносит!

- Еще на мель сядем! - забеспокоился Акинфиев.

- Скоро прилив начнется, не страшно, если и сядем! Только бы японцы не

пронюхали, что мы тут, - ответил Юрасовский.

- На "Страшном"! - вполголоса окликнули из темноты.

Это возвращалась шлюпка с Малеевым.

- Есть на "Страшном"! - ответило несколько голосов.

- Надо правее держать. Ну и тьма, едва вас нашли! - сообщил лейтенант, поднимаясь на палубу.

Подняли якорь, миноносец медленно двинулся вперед. Слева опять слышался собачий лай.

- Верно идем! Когда на шлюпке здесь проходили, тоже псы лаяли. Чуют, сволочи! Как бы тревоги не подняли.

"Страшный" продолжал осторожно подвигаться вперед.

Все на палубе напряженно всматривались в темноту и прислушивались к доносившимся с берега звукам. Качать миноносец стало сильнее. Матросы старались не нарушить тишины. Лай затих.

- Вышли в море! - облегченно вздохнул Юрасовский, стараясь по карте угадать место расположения "Страшного".

- Что же теперь нам делать? - спросил Малеев.

- Ясно что! Поскорее возвращаться в Артур, чтобы с рассветом в море нас японцы не захватили, - ответил Юрасовский. - Надо будет ходу прибавить и дать узлов по двадцать, чтобы скорее добраться!

- Боюсь, факела будут, - ответил Дмитриев. - Уголь неважный, горит плохо, часто шуровать приходится. Дождь явно затянется до утра, а под его покровом мы доберемся незаметно до Артура и экономическим ходом.

- Ермий! Ты на вахте останешься?

- Так точно!

- Курс на Артур, ход не меньше семнадцати - восемнадцати узлов!

Подвахтенных отпустить вниз.

- Есть! Идти в Артур, ход семнадцать-восемнадцать узлов! - повторил приказание Малеев.

Кроме оставшихся на вахте, все сошли вниз. Акинфиев, не раздеваясь, лег спать, а Дмитриев с Юрасовским остались в кают-компании.

Часам к четырем погода стала проясняться. Дождь почти утих, по морю

пронеслись порывы ветра. Кое-где на волнах появились белые гребешки. Миноносец, качаясь на волне, стал зарываться в воду носом, ход уменьшился.

Малеев внимательно осматривал в бинокль начавший сереть горизонт, но в предрассветном тумане ничего не было видно. Лейтенант поплотнее запахнул дождевик и зашагал по мостику, вспоминая о приглашении на обед к Риве.

- Ваше благородие! Слева видать трех, миноносцев, - прервал его мечты Серегин.

Лейтенант поднял бинокль и взглянул по указанному направлению. В чуть засеревшем мраке ночи слабо проступали силуэты миноносцев, идущих параллельным курсом к Артуру.

"Должно быть, наш отряд, от, которого мы отстали у островов", - подумал Малеев, но из осторожности решил пока своих позывных не показывать.

- Не японцы ли? - тревожно проговорил сигнальщик.

- Нет! Миноносцы типа нашего "Сильного" и "Бесшумного", большие, четырехтрубные. Правда, есть такие и у японцев: "Акацуки", "Сазанами" и другие. Но что им делать днем у Артура?

Прошло с четверть часа. Восток заметно посветлел. На фоне утренней зари уже четко вырисовывались силуэты неизвестных миноносцев. Они по-прежнему шли параллельным курсом, но не сближались со "Страшным", хотя и держали тот же ход. Это обстоятельство еще больше успокоило Малеева. Он окончательно решил, что это свои, тем более что уже был виден Ляотешань. Артур был не далее двенадцати - четырнадцати миль.

- Справа видать чьи-то крейсера! - проговорил вдруг рулевой.

Лейтенант посмотрел в бинокль. Справа, наперерез "Страшному", шли три крейсера. Появление их грозило смертельной опасностью маленькому русскому миноносцу. Силы были слишком неравны.

- Свистать всех наверх! Ход увеличить до предельного! - приказал Малеев, мгновенно оценив обстановку.

Через несколько секунд, одеваясь на ходу, матросы выскочили на палубу

и бросились к уже заряженным орудиям и минным аппаратам. Юрасовский, поднявшись на мостик, принял командование. Дмитриев спешно спустился в машинное отделение. "Страшный" приготовился к бою.

- Надо немедленно присоединиться к нашим миноносцам! - показал Юрасовский на корабли слева. - Вчетвером мы как-нибудь прорвемся к Артуру.

- Неизвестно, чьи они - наши или японские! - вставил Серегин. - На них, видать, тоже тревога, люди у пушек и минных аппаратов, и они направлены на нас!

- Да совсем не на нас! - раздраженно ответил Юрасовский. - Они тоже заметили японцев и изготовились к бою. Поднять позывные! - скомандовал он.

Едва только сигнал был поднят, как все три миноносца опоясались огнями, и в следующее мгновение на "Страшный" обрушился град снарядов. Сразу же оказалась подбита носовая пушка. Человек пять раненых матросов повалились на палубу.

- Японцы! - хрипло произнес Юрасовский. - Теперь одна надежда на машину.

Самый полный вперед!

В этот момент крейсера тоже дали залп по миноносцу. Первый же шестидюймовый снаряд попал в мостик. Юрасовского взрывом убило. Рулевой, истекая кровью, корчился на палубе. Акинфиев, которого забыли разбудить, только что поднялся на палубу и был потрясен увиденным. Он бросился было на помощь Юрасовскому, но, поняв, в чем дело, кинулся к Малееву.

- Командир убит, Ермий! - пробормотал он побелевшими от страха губами.

Матросы растерянно топтались на палубе, не зная что делать. Малеев взобрался на остатки мостика и громким, спокойным голосом приказал:

- Убрать в каюту тело командира! Раненых снести вниз. Никакой суматохи!

Комендорам наводить по миноносцам.

Его решительный, твердый тон подействовал на матросов успокаивающе, и они поспешно бросились исполнять отданные приказания.

- Андрюша! Пойди к сорокасемимиллиметровым пушкам и развей недельный огонь! Приготовить минные аппараты! Как только японцы подойдут на минный выстрел, стрелять без команды! - продолжал энергично распоряжаться Малеев.

Обе пушки открыли огонь, отстреливаясь от приближающихся слева миноносцев. Справа быстро подходили крейсера. "Страшный", содрогаясь всем корпусом от напряжения, шел на предельной скорости, стремясь выйти из сжимавших его тисков.

Акинфиев взглянул на Артур. Уже отчетливо был виден Ляотешань, проступала в тумане Золотая гора. Ему даже показалось, что он видит русские суда, выходящие на внешний рейд.

В это время новый залп обрушился на "Страшный". Андрюша охнул и схватился за правый бок. Между пальцев показалась темная струйка крови. Мичман носовым платком зажал рану, но остался на палубе.

- Стоп! - вдруг скомандовал в машину Малеев.

"Что он, с ума сошел, что ли, стопорить сейчас машину?" - мелькнуло в мозгу Акинфиева.

"Страшный" стал быстро замедлять ход. Очередной залп японцев, рассчитанный на прежнюю скорость миноносца, пролетел мимо. Зато крейсера сразу приблизились на пять-шесть кабельтовых.

- Полный назад! - приказал Малеев. - Право на борт!

Миноносец, послушный рулю, стал перпендикулярно к японским миноносцам, сблизясь с ними до десяти кабельтовых. Японцы, не понимая, что происходит, тоже застопорили машины.

В этот момент японский снаряд попал в мину, находившуюся в кормовом аппарате. Раздался страшный взрыв, все заволочлось дымом. Когда он рассеялся, то вокруг на палубе лежали лишь бесформенные остатки человеческих тел. Малеев держался рукой за окровавленную голову, но с мостика не сходил.

- Самый полный вперед! - скомандовал он.

Акинфиев наконец понял маневр: Малеев хотел под кормой миноносцев прорваться в Артур. "Страшный" оказался всего в пяти кабельтовых от концевого корабля.

- Носовой, пли! - закричал Малеев.

Торпеда скользнула в воду, и тотчас же грянул взрыв. Миноносец сел на корму и окутался дымом. Японцы растерялись и стали отставать. Появилась надежда на спасение.

- Андрюша! Пойди перевяжись да надень спасательный пояс. В случае чего тебе, раненому, не выплыть, - приказал Малеев. - Павлуша, поднимись наверх, а то я один остался! - крикнул затем в машинное отделение.

Дмитриев вылез и с ужасом смотрел на исковерканную, залитую кровью палубу. Только пять-шесть уцелевших матросов во главе с боцманом оставались на палубе. - Кают-компания была обращена в перевязочную. Все диваны были заняты стонущими ранеными. Легкораненые столпились в, коридоре и офицерских каютах, помогая перевязываться друг другу. Лица матросов, бледные от потери крови и волнения, были суровы и решительны. Все торопились поскорее вернуться наверх, на палубу. Коекто изредка вскрикивал от боли, другие тихо сквозь зубы ругались, превозмогая боль.

- Смерть, братцы, приходит! - произнес кто-то. - Надо чистое белье надеть!

- Помолчи, дура, рано умирать собрался! Вместо белья надень-ка лучше спасательный пояс! Артур уже близко. Сейчас нам подмогу с эскадры подадут. Да и японцы отстают. Здорово их миной саданули, - ответил сердито Серегин, перевязывая раненую ногу. - Дайте, ваше благородие, я вам пособлю, - предложил он, заметив Акинфиева. Мичман разделся и с его помощью обмотал себе бок бинтами.

- Царапнуло малость, - сочувственно проговорил Серегин. - Многих сегодня побило да покалечило. Авось все же до Артура доберемся. - Он стал торопливо подниматься наверх. Надев пробковый пояс и накинув на

плечи шинель, Акинфиев последовал за ним.

Японцы опять наседали. До Артура оставалось - всего несколько миль. Еще десять, еще пять минут - и миноносец будет спасен! В сердцах воскресала надежда на благополучный исход. Вдруг один из снарядив сбил заднюю трубу.

Крик отчаяния пронесся на палубе. Миноносец сразу затянуло дымом. Ход сильно упал. Дмитриев кинулся в машинное отделение. Японцы опять стали быстро приближаться. Малеев, бледный от потери крови, с замотанной бинтом головой, все еще продолжал командовать.

- Зарядить кормовой, - приказал он Акинфиеву. - Когда японцы приблизятся, бей в упор! Ребята! - гром, ко обратился он к матросам, - что бы ни случилось, помните: в плен не сдаваться!

- Сдаваться не сдадимся, а вот похлебать соленой водицы, видать, придется! - полушутливо ответил Серегин - Авось до Артура доплывем, если акулы по дороге не слопают!

Дым от сбитой трубы мешал наблюдать за японцами, поэтому на "Страшном" не заметили, как неожиданно с кормы подобрался японский крейсер и почти в упор дал залп по миноносцу. "Страшный" повалился на правый борт, окутываясь клубами белого пара. Из машинного отделения донеслись душераздирающие крики обваренных паром людей. Один за другим обожженные кочегары выскакивали наверх и со стоном валялись на палубу. "Страшный" совсем остановился, покачиваясь на волнах в клубах белого пара. В это время из машинного люка показалась изуродованная, красная от ожогов голова ослепшего Дмитриева. Он с трудом поднялся на палубу и, ощупывая ее руками, пополз по ней.

- Павлуша! - кинулся к нему Малеев, но новый взрыв снаряда сбросил Дмитриева за борт.

Сам Малеев, с перебитыми ногами, без чувств повалился на палубу. Андрюша пытался было подойти к нему, но по дороге споткнулся, упал, ударившись раненым боком, и от боли потерял сознание. На палубе оставалось всего три-четыре матроса и боцман. Японцы, видя беспомощное положение "Страшного", перестали - стрелять. Один из

миноносцев подошел к нему на двадцать-тридцать сажений. С него стали спускать шлюпку. Серегин бросился к единственному оставшемуся на "Страшном" орудии - многоствольной митральезе, снятой с японского брандера, и, припав к ней, закрутил ручку. Струя свинца брызнула по японцам. Серегин видел, как падали срезанные пулями люди на капитанском мостике и на палубе. Он перенес огонь на лодку, которая мгновенно опустела.

- Так, так их мать! Крой! - иступленно кричал боцман, размахивая руками.

Серегин распорол пулями переднюю трубу японского миноносца, хлестнул по корме. Было видно, как ползли по палубе раненые японцы. Но вот грянул выстрел, и на том месте, где только что был Серегин, оказалась лишь груда окровавленных костей и мяса. Боцман кинулся было вниз, собираясь открыть кингстоны, но изрешеченный пробоинами "Страшный" уже сам стал быстро погружаться носом в воду; корма высоко поднялась; все, что еще оставалось на палубе, стремительно полетело в море.

Боцман, выскочив опять на палубу, пробежал на поднимающуюся корму и сжатыми в бессильной злобе кулаками потрясал в воздухе. Так он и остался стоять на корме с грозно поднятыми кулаками, пока "Страшный" не погрузился в море...

...Попав в холодную воду, Акинфиев пришел в себя. Его потянуло вниз, но пробковый пояс выбросил его обратно на поверхность. Он видел, как корма миноносца погрузилась в воду.

"Конец! Конец!" - билась в мозгу у него последняя мысль. - Соленая вода сильно разъедала рану, и Андрюше казалось, что его бок жгут огнем.

Налетевший вал захлестнул его. Силы падали. От холода ноги сводило судорогой. Вдруг совсем близко взметнулся кверху водяной столб. "Стреляют! - отметил угасающий мозг Акинфиева, и тут он увидел, что к месту гибели "Страшного" приближается какой-то корабль. "Свои или японцы? - мелькнула последняя мысль, и сознание оборвалось...

Вернувшись с берега на "Петропавловск", Дукельский сел за

расшифровку полученных за день секретных телеграмм. Их было много, шифр был местами искажен. Это раздражало лейтенанта, и он облегченно вздохнул, закончив наконец свою скучную работу, наполовину разделся, как всегда делал в последнее время, и лег в постель. Дождь монотонно стучал над головой, изредка слышались чьи-то шаги на палубе, да временами доносился бой склянок.

Мысли Дукельского были заняты Ривой. Последнее время он все чаще думал о своих отношениях к ней.

"Крестить ее и жениться", - не раз думал он. Прошлые Ривы мало смущало его. Мало ли было даже адмиральш из кафешантанных певиц. Конечно, пришлось бы на некоторое время перевестись куда-нибудь в другие веста, вроде Каспийской флотилии, служившей местом ссылки для проштрафившихся моряков, но потом все скоро позабылось бы и пошло обычным путем, Около трех часов ночи его разбудили.

- Их императорское высочество требует вас к себе, ваше благородие! - доложил вестовой.

Быстро одевшись, Дукельский направился к князю. Кирилл Владимирович только что вернулся с берега. Он был уже сильно пьян и смутно понимал, зачем ему, собственно, понадобился Дукельский.

- Доложите обстановку на море, - проговорил князь, чтобы было о чем говорить.

- Два отряда миноносцев ушли на поиск к островам Саншантоу. Эскадра на рассвете выходит в море. Пока все спокойно!

- Где; Макаров?

- Командующий ночует на "Аскольде"!

- Вот уж цыганская натура! Что ни ночь, то на другом корабле ночует! Макаров, часом, не фараонова ли племени?

- Насколько мне известно, чисто русский человек.

Князь помолчал, стараясь придумать, что же ему еще сказать.

- Провернули мы эти дни а Артуре! Будет что вспомнить! - И князь начал было рассказывать о своих похождениях на берегу, но лейтенант его перебил вопросом;

- Что; еще угодно вашему высочеству?
- Прежде всего угодно, чтобы вы меня не перебивали, когда я говорю! Это неприлично! А затем, затем я еще хотел сделать... Да! Мне срочно нужен Макаров. Немедленно вызовите его ко мне.
- Но, ваше высочество, адмирал сейчас спит!
- Зато я не сплю, - с пьяным упрямством ответил Кирилл.
- Может быть, адмирал Молас заменит командующего? - спросил Дукельский, все еще надеявшийся оберечь сон Макарова.
- Нет! Мне нужен только Макаров, черт бы его совсем побрал!
- Но, ваше высочество, все эти ночи адмирал проводил в сторожевом охранении в море, ожидая японского нападения. Он сильно переутомлен, и без особо важной причины его беспокоить не следует.
- А как, по-вашему, лейтенант, особо ли важная причина-желание члена императорской фамилии переговорить с адмиралом из боцманских сынков?
- Думаю, что разговор можно с успехом перенести на утро.
- Вы думаете! Да плевать мне на то, что вы думаете, и вообще на всех в Артуре! Получу крест, и уеду в Питер, а вы тут живите как хотите! Вызвать ко мне адмирала!
- Разрешите узнать, как доложить командующему о причине вызова?
- Причина одна - желаю сейчас же видеть адмирала, и баста.
- Во избежание недоразумений, быть может, ваше высочество напишет командующему записку? - Чернильная вы душа, Дукельский! Вам бы писарем быть, а не моряком! - бросил князь, садясь к письменному столу. Перо плохо слушалось пьяной руки князя. Он несколько раз начинал писать, а затем рвал написанное. Дукельский презрительно разглядывал сильно потасканное, желто-зеленое лицо князя, покрытое мелкой сетью преждевременных морщин, его рано начавшую лысеть голову и криво торчащие усы, похожие на приклеенную мочалку.
- Что вы на меня уставились, лейтенант? Что я вам, девчонка, чтобы так в упор меня разглядывать? - проговорил князь, справившись наконец с письмом и поймав на себе взгляд Дукельского.

- Я жду письма, ваше высочество, - сухо ответил Дукельский.
- Отправьте это письмо немедленно! Отвезите его лично! Я нижним чинам не доверяю! Тут хороший нагоняй Макарову за его зазнайство!

Выйдя от князя, лейтенант попытался все же через Моласа воздействовать на заупрямившегося самодура. Когда они оба опять вошли в каюту, князь сидел за столом, положив голову на скрещенные руки.

- Спит, - прошептал Молас.

- Нет, не сплю, а жду Макарова! - неожиданно ответил князь.

- Может быть, ваше высочество, отложите разговор с командующим до утра? - пролепетал боязливо Молас.

- Хотя вы, адмирал, и немецкий колбасник, но все же русский язык понимать должны: я жду Макарова! Поняли? Сейчас же вызвать его ко мне, хотя бы он с бабой спал!

Дукельский не стал слушать дальнейший разговор и направился наверх, чтобы распорядиться о шлюпке. Через четверть часа он уже был на "Аскольде".

Макаров спал, и, надеясь, что пьяный князь на "Петропавловске" тоже наконец заснет и оставит адмирала в покое, Дукельский прошел в кают-компанию и прилег там на диване. Но не прошло и полчаса, как вахтенный офицер сообщил, что на "Петропавловске" ожидают адмирала. Пришлось разбудить Макарова.

- С миноносцами несчастье? - был его первый вопрос к Дукельскому. - Японцы пустили брандеры?

Лейтенант протянул ему записку великого князя.

Прочитав, Макаров, гневно скомкав записку, сунул ее в карман.

- Передайте великому князю, что для меня он прежде всего начальник одного из отделов моего штаба и подчинен мне, а не я ему! Если у него есть срочное дело, пусть немедленно явится ко мне с докладом!

- Есть! - вытянулся Дукельский и поспешил обратно на "Петропавловск". Там он застал великого князя уже мирно спавшим в постели.

После ухода Дукельского Макаров вернулся в свою каюту и прилег.

Наглая выходка великого князя разволновала адмирала. Со времени своего появления в Артуре князь систематически подрывал его авторитет, вмешивался в его распоряжения. Макаров возмущался, высказывал свое недовольство князю, жаловался на него Алексееву, но все это не приводило ни к чему. Сухопутное начальство Порт-Артура, особенно в лице генерала Стесселя, не скрывало своей вражды к флоту и открыто препятствовало всем мероприятиям по улучшению совместного действия флота и береговых батарей. Все это нервировало, раздражало и до крайности утомляло Макарова.

"Бросить все и уйти в отставку", - мелькала иногда мысль в голове адмирала.

Но он знал, что за десятками дураков и негодяев из великих и малых князей, генералов и адмиралов стоит многомиллионный русский народ, из которого вышел он сам и кровную связь с которым никогда не терял. Он знал, как непопулярна нынешняя война среди населения, и понимал, что одно это обстоятельство должно повести к поражению, при котором напрасно погибнут десятки и сотни тысяч русского народа. Войну надо было кончать возможно скорее, для чего необходимо было достигнуть если не господства на море, то хотя бы равенства морских сил. Этого было бы достаточно, чтобы заставить Японию прекратить войну. Достичь же этого можно было лишь путем уничтожения японской эскадры по частям. Нужно было переходить к активным действиям, беспрестанно беспокоя японцев.

Мало-помалу адмирал успокоился, стал опять дремать. Но его снова разбудили. Прибыли для доклада командиры минных отрядов, отправленных в море.

- Все вернулись благополучно? - спросил Макаров.

- В темноте была потеряна связь со "Страшным", - доложил Бубнов.

- И вы сочли возможным вернуться в Артур, бросив один из миноносцев в море? - сурово спросил адмирал.

- Мы долго разыскивали его, но не нашли...

- Почему вы не остались на подступах к Артуру подождать "Страшного"?

Бросили в море один из самых слабых миноносцев, который легко может стать добычей японцев. Таких командиров мне не надо. Я отрешаю вас от командования, - резко проговорил Макаров. Бубнов, прежде служивший в гвардейском экипаже и теперь бывавший в компании великого князя, с нескрываемым презрением смотрел на адмирала, хотя и стоял перед ним навтыжку, и думал про себя: "Этот хам и впрямь воображает себя всемогущим богом в Артуре! Посмотрим, что ты, дружок, запоешь после хорошего "фитиля" из Петербурга!"

- Я вас больше не задерживаю, - отпустил Макаров обоих капитанов.

В это время доложили с сигнальной станции на Золотой горы, что в море, к юго-востоку от Ляотешаня, идет бой между неизвестными кораблями.

Сразу поняв, что речь идет о "Страшном", Макаров быстро поднялся на палубу.

Светало. Сквозь предрассветный сумрак темнели силуэты Золотой горы и Тигровки. С моря глухо доносились раскаты далекой артиллерийской стрельбы.

Матросы под наблюдением боцмана усиленно надраивали палубу.

- "Баяну" немедленно выйти в море! - приказал Макаров.

Едва на крейсере, стоявшем в сторожевом охранении, успели принять сигналы, как он уже двинулся вперед, быстро набирая ход. Из его труб повалил густой дым, длинным шлейфом потянувшийся за кораблем. Как ни недолюбливал Макаров Вирена, он не мог не отметить быстроту и четкость выполнения его распоряжения.

- Поднять сигнал; "Адмирал благодарит "Баян" за быстрый выход! - распорядился Макаров.

Между тем "Баян" уже открыл с предельной дистанции огонь по японцам, которые поспешили отойти. "Страшный" уже погрузился в воду, когда крейсер подошел к месту боя; спущенные шлюпки подобрали в воде четырех матросов и Акинфиева.

Вскоре Макаров приказал также выйти в море "Диане", "Палладе" и "Новику".

Спустившись вниз в каюту, адмирал вспомнил о записке великого князя.

Он раздраженно фыркнул носом, дернул, по своему обыкновению" как всегда в волнении, правым плечом и задумался.

Он избегал выходить в море на броненосцах, но сегодня на "Петропавловске" находился великий князь, вызывавший его к себе. Макаров не мог совсем игнорировать это обстоятельство и, не желая обострять отношений с князем, решил перейти на "Петропавловск". По прибытии туда он немедленно отдал приказ о выходе всей эскадры в море. У подошедшего к нему Дукельского адмирал справился о великом князе.

- Спит после вчерашнего кутежа. Прикажете разбудить и доложить о вашем прибытии?

- Не тревожьте! Когда проснется, тогда сообщите, что я на броненосце! Макаров направился к мостику. По дороге его встретил Верещагин. В руках он держал большой альбом, а из кармана пальто торчало несколько карандашей.

- Здравствуйте, Степан Осипович, - тепло приветствовал он адмирала, - надолго намечается сегодня выход в море?

- Здравствуйте, Василий Васильевич! Если японцы не примут боя, то к полудню будем в Артуре.

- Я хочу воспользоваться выходом эскадры, чтобы сделать несколько набросков Артура со стороны моря.

- Больно тут все серо и однотонно, нет никаких красок, даже море - и то какое-то серое и однообразное.

- Да, это не Черное море! Помните, когда вы на "Весте" пришли в Бургас весной семьдесят восьмого года? Какое там богатство тонов, разнообразие оттенков, не то, что здесь. Не хотите ли взглянуть на мой, альбом? - И Верещагин протянул Макарову свои рисунки.

Здесь было много набросков: китаец-рикша, кумирня, старинные городские ворота, зарисовки артурской гавани, отдельных кораблей, карандашные портреты офицеров и матросов. Адмирал внимательно разглядывал альбом, выслушивая пояснения и замечания художника.

- Вы, Василий Васильевич, умеете передавать с изумительной живостью

движение и мимику людей. Особенно хороши эти групповые зарисовки, - показал Макаров на набросок матросов, работающих на палубе.

- Что-то вы, Степан Осипович, сегодня неважно выглядите, - заметил Верещагин, вглядываясь в усталое лицо адмирала.

- Плохо спал ночью, да, и понервничал сегодня с утра. Надеюсь завтра отдохнуть как следует.

- Вряд ли вам это удастся до отъезда великого князя. Пока он здесь, вам не будет покоя - ни нравственного, ни физического. Собираюсь послезавтра двинуться в Питер с вашим поручением, - вполголоса проговорил художник. - Разрешите мне с вами подняться на мостик, оттуда мне будет виднее, чем с палубы.

- Пожалуйста, дорогой Василий Васильевич, вы нам не мешаете. - И Макаров, взяв художника под руку, направился к трапу.

"Петропавловск" на буксире двух портовых пароходов, медленно разворачиваясь, направился в проход на внешний рейд. На палубе сустились закончившие приборку матросы.

- Нельзя ли поторопить буксиры? - обратился адмирал к командиру броненосца капитану первого ранга Яковлеву.

- Есть поторопить буксиры! - ответил капитан.

Макаров нетерпеливо прохаживался по мостику, наблюдая за выходом крейсеров на внешний рейд. "Новик", как всегда, с места двинулся полным ходом, быстро проскочил через проход и, развив предельную скорость, понесся к "Баяну", зато "Паллада" и "Диана" замешкались и задержали "Петропавловск".

- Поднять сигнал: "Крейсерам ускорить выход в море!" - приказал Макаров Дукельскому.

Не успели принять на крейсерах этот сигнал, как Макаров, потерявший терпение, распорядился объявить выговор командирам "Паллады" и "Дианы".

"Не выспался и теперь фитилит направо и налево! - подумал лейтенант, отдавая приказания сигнальщикам.

- На "Аскольде" я давно бы уже подошел к "Баяну", - раздраженно

бросил Макаров подошедшему Мола су.

- Я думал, чтобы останетесь на крейсере, - ответил флаг-капитан.

- Остался бы на "Аскольде" или перешел бы на "Новик", если бы не записка великого князя.

- Вы, Степан Осипович, видели великого князя?

- Не видел и не имею особого желания его видеть! - буркнул Макаров. - Нарочно приказал не будить. Пусть проспится как следует!

Наконец "Петропавловск" прошел пролив и стал набирать ход. Макаров взглянул на часы. Было семь с четвертью утра.

- Мы сегодня больше часа потратили на выход в море. Надо будет специально заняться тренировкой эскадры по выходу в море, - продолжал ворчать Макаров.

"Баян" энергично отстреливался от едва видных с "Петропавловска" японских кораблей. Ближе был виден "Новик", который стремительно летел вперед, неся огромный белый бурун на носу.

На "Петропавловске" пробили боевую тревогу. Матросы бросились занимать места по боевому расписанию. Заворочались орудийные башни, загремели подъемники, дула орудий поползли вверх. Поймав цель, носовая башня дала залп. Броненосец вздрогнул от выстрела. Макаров взял бинокль у Дукельского и стал разглядывать маячившую вдали японскую эскадру.

- Легкие крейсера типа "Июшина", - сказал он. - А за ними, похоже, "Чин-Иен" и "Мацушима". Кажется, сегодня нам случай благоприятствует.

Попробуем атаковать японцев. Крейсера, конечно, улепетнут, но "ЧинИен" и "Мацушима" от нас не уйдут.

Около адмирала собралась большая группа, почти весь его штаб. Все усиленно разглядывали японцев в бинокли.

- Недолет! - громко доложил сигнальщик результаты первого залпа. Вслед за этим "Петропавловск" снова дал - залп левым бортом. Макаров поморщился: струя воздуха от выстрела неприятно резанула лицо.

- Как медленно выходит эскадра! - заметил раздраженно Макаров и обернулся к Артуру, откуда успели выйти в море только броненосцы

"Победа" и "Пересвет", а "Севастополь" и "Полтава" все еще стояли на внутреннем рейде.

- "Баяну" с крейсерами присоединиться к эскадре! - приказал Макаров.

Отстреливаясь кормой, "Баян" двинулся навстречу эскадре, на ходу сообщая сигналами о гибели "Страшного".

- Спасено четыре матроса и один офицер, - доложил сигнальщик.

Макаров, сняв фуражку, набожно перекрестился. Его примеру последовали все окружающие.

- Капитана второго ранга Бубнова за оставление в море "Страшного" отдать под суд! - приказал Макаров Дукельскому.

Между тем японцы опять стали сближаться с русской эскадрой. Невдалеке от "Петропавловска" вскинулось несколько водяных столбов.

- Первый японский привет сегодня! - проговорил Молас. - Надо перебраться в боевую рубку, ваше превосходительство.

- Не хочу. Тесно и хуже видно, - заупрямился Макаров. - Прикажете усилить артиллерийский огонь!

Как только подошли остальные броненосцы, вся эскадра двинулась на сближение с японцами, которые поспешили отойти. Прошло около часу. Русская эскадра постепенно стала нагонять старые японские броненосцы "Чин-Иен" и "Мацушиму". Вся эскадра сосредоточила на них огонь. Было видно, как на одном из них вспыхнул пожар. В это время на горизонте из тумана стали появляться один за другим многочисленные японские корабли. Макаров понял, что перед ним весь японский флот, и разгадал ловушку, в которую его хотел заманить адмирал Того, выдвинув в качестве приманки свои старые броненосцы. Пользуясь превосходством хода, японцы хотели отрезать русскую эскадру от Артура и, окружив ее, принудить к бою в невыгодных условиях.

Адмирал приказал немедленно лечь на обратный курс. Эскадра, отстреливаясь от японцев, двинулась к Артуру. "Петропавловск" теперь шел в голове кильватерной колонны броненосцев.

- Передайте на Золотую гору: "Береговым батареям приготовиться к открытию огня! - приказал Макаров.

Японцы, пользуясь преимуществом хода, пытались, идя параллельным курсом, обогнать русских. Артиллерийский огонь опять усилился. Один из снарядов попал в "Петропавловск". Осколки зазвенели по броне, кого-то ранило, на палубе мелькнули белые халаты санитаров; возник было пожар, но тотчас же был потушен. Макаров перешел в боевую рубку. Тут с ним были Молас, Дукельский, флагманские штурман и артиллерист, командир броненосца Яковлев и матрос-сигнальщик. Затем неожиданно откуда-то вынырнул великий князь. Он был взволнован и с трудом переводил дух. Один из осколков только что порвал его шинель.

- Счастливо отделался! - громко проговорил он. - На вершок ближе - и я был бы без ноги!

- Вы, ваше высочество, изволили только что проснуться? - спросил Макаров.

- Представьте - ничего не слышал, даже стрельбы!

- Счастливый сон! Зато я сегодня ночью почти не спал!

Князь сделал вид, что не понял намека адмирала.

По мере приближения к Артуру японцы стали отставать, оставаясь вне досягаемости береговых батарей. Стрельба почти прекратилась. Поравнявшись с Тигровой горой, эскадра по приказанию адмирала сбавила ход и пошла вдоль берега.

Был подан сигнал: "Крейсерам и миноносцам идти в гавань!"

Постепенно сбавляя ход, "Петропавловск" медленно двигался в голове эскадры. Напряженность боя прошла, Пробили отбой. Матросы высыпали на палубу, разминаясь и разглядывая еще маячившую на горизонте японскую эскадру.

- Ваше высочество желали видеть меня? - обратился Макаров к великому князю, выходя из боевой рубки.

- Да, мне хотелось срочно переговорить с вами, ваше превосходительство, по некоторым вопросам, но вы не сочли возможным немедленно повидать меня! - ответил князь.

- Чем же я могу быть вам полезен сейчас? - в упор спросил адмирал, останавливаясь на палубе.

Наглый тон великого князя опять задел его, и он, сердито посапывая, пристально смотрел в лицо великому князю.

Заметив раздражение Макарова, Кирилл Владимирович счел за лучшее отложить разговор: он знал резкость Макарова а минуты гнева и побаивался его.

- Поговорим потом, на свободе, когда вернемся в порт, - ответил князь.

- Как будет угодно вашему императорскому высочеству, - сухо ответил Макаров. - Но все же должен заметить, что тревожить командующего флотом в три часа ночи по пустякам, даже вам, не следует!

- Позвольте, адмирал... - начал было князь начальственным тоном, но вдруг раздался страшный грохот, блеснул столб огня, и мгновенно все заволокло дымом. Броненосец подбросило вверх. На палубу обрушилась масса воды. Макаров вскрикнул, как от боли, и закрыл лицо руками.

- Спускать шлюпки! Остановить эскадру! - скомандовал он в следующее мгновение, но его уже никто не слушал. Из всех люков и со всех трапов на палубу хлынули перепуганные люди.

В это время один за другим последовали еще два взрыва под правым бортом.

По палубе пронесся крик, и с искаженными от ужаса лицами, ничего более не видя и не соображая, матросы и офицеры кинулись к левому борту.

Макаров понял свое полное бессилие что-либо сделать в эту минуту и, скинув теплое пальто и калоши, попытался добраться до борта. По дороге он споткнулся об лежащего на палубе с окровавленным лицом Верещагина. Тут же на палубе валялись рассыпанные рисунки из альбома. Адмирал быстро нагнулся, стараясь поднять художника, но тот только глухо простонал:

- Спасайтесь сами, Степан Осипович, а мое дело конченное.

В этот момент Макаров упал от нового взрыва, поднялся, ухватился было за поручни, но тут же потерял точку опоры на стремительно опускавшейся палубе и полетел в воду спиной вниз.

Дукельский взрывом был отброшен далеко в сторону. Упав на палубу, он

тотчас вскочил, стараясь разглядеть сквозь густой дым, что творится на корабле. Палуба быстро уходила у него из-под ног. Он бросился к борту. Перед ним мелькнула фигура падающего с корабля Макарова. Он хотел было подхватить адмирала, но его обдало вырвавшимся из машинного отделения горячим паром.

Закричав от нестерпимой боли, он прыгнул вниз и потерял сознание...

Ночь на батарее Электрического Утеса прошла спокойно. Только под утро матрос-сигнальщик Денисенко разбудил Звонарева, дежурного по батарее, и доложил, что с моря слышна сильная стрельба.

Быстро одевшись, прапорщик вышел наружу. Светало. Откуда-то из-за Ляотешаня доносились глухие раскаты стрельбы. Вскоре в том направлении пронесся "Баян", а за ним стала выходить и остальная эскадра. Звонарев вызвал людей к орудиям и послал за Жуковским. Эскадренный бой шел вне досягаемости батареи, и артиллеристы, поеживаясь от утренней прохлады, высыпав на бруствер, с тревогой наблюдали за ним.

Когда эскадра стала возвращаться и на Золотой горе был поднят сигнал: "Береговым батареям быть готовым к открытию огня", - Жуковский приказал зарядить орудия.

- Что за катавасия такая? - подошел к Жуковскому Борейко. - Никак, Того гонится за нашей эскадрой? - проговорил он, глядя в бинокль.

- По-видимому, так, - ответил капитан. - Надо быть готовыми как следует встретить японцев, если только до них можно будет достать.

Но японцы не рискнули приблизиться к берегу. Между тем эскадра подошла уже к Артуру. "Петропавловск" медленно двигался перед Электрическим Утесом.

Из-за облаков выглянуло яркое солнце, темное море сразу засеребрилось, и на его фоне четко вырисовывался силуэт флагманского корабля. В бинокль можно было даже видеть людей на палубе и мостике.

- Где-то тут должен быть и Дукельский, - сказал Звонарев Борейко, показывая рукой на "Петропавловск".

- Вероятно, около адмирала, - отвечал поручик, глядя в бинокль.

Вдруг на броненосце высоко в воздух взметнулся столб огня и желтого дыма.

"Должно быть, залп из носовой башни", - подумал Звонарев, но тотчас же увидел еще огонь и огромные клубы густого черного дыма, вырвавшиеся, как ему показалось, из середины корабля.

Дым закрыл весь броненосец, затем хлынул белый пар. Корма броненосца поднялась из воды, обнажив лопасти винтов, и корабль исчез с поверхности моря. Только не успевшее еще разойтись облако пара и дыма указывало место, где минуту назад был "Петропавловск".

- Да что же это такое? - испуганным голосом вскричал Жуковский.

- Ой, батюшки, беда! Несчастье-то какое! - раздались встревоженные голоса в толпе солдат, стоящих на бруствере. - Да, никак, потонул!

- Первый взвод, за мной! - закричал Борейко и бросился вниз. Солдаты устремились за ним.

Сбежав к морю, Борейко приказал спустить на воду лежащие на берегу рыбацьи лодки. Звонарев хотел было побежать за Борейко, но новый взрыв под броненосцем "Победа" привлек его внимание к эскадре. Еще минуту назад стройная колонна судов теперь была совершенно нарушена. Корабли беспорядочно сгрудились у входа в гавань. Одни двигались вперед, другие поворачивали в сторону, третьи давали задний ход. На одном из судов раздался выстрел, за ним другой, и вдруг загремела вся эскадра. Стреляли прямо в воду, вокруг себя, по невидимому врагу. Всплески воды смерчами вырастали около кораблей.

Часть снарядов падала в место гибели "Петропавловска", убивая и калеча барахтавшихся в воде людей.

- Что за стрельба? Ведь это сумасшествие, они друг друга перебьют! - отчаянно кричал Жуковский, как будто на кораблях могли его слышать.

Звонарев кинулся к берегу. За ним побежали оставшиеся на батарее солдаты.

Батарея опустела. Жуковский, проследив за японской эскадрой, которая по-прежнему держалась за пределами досягаемости огня, издали наблюдая за происходящим у Артура, также пошел на берег.

Здесь на берегу столпилась уже вся рота. Ротный фельдшер Мельников тут же развернул свой перевязочный пункт. Шурка Назаренко хлопотала около носилок.

От берега торопливо отплывали две большие лодки. Неопытные гребцы с трудом преодолевали береговой накат. На корме одной лодки высилась фигура Борейко, на другой стоял Денисенко.

Звонарев нервно бегал по берегу. То же чувство беспокойства охватило и солдат. Они переговаривались друг с другом, вздыхали, нервно тянули махорку, ругались неизвестно по чьему адресу и с нетерпением вглядывались в удаляющиеся от берега лодки. К месту катастрофы со всех кораблей устремились шлюпки. С берега было видно, как матросы то и дело вытаскивали из воды какие-то темные предметы: не то людей, не то вещи.

- Что же произошло в конце концов? - обратился Звонарев к подошедшему Жуковскому.

- Ума не приложу! Вероятно, "Петропавловск" налетел на японскую мину, поставленную прошлой ночью.

Солдаты, сгрудившись около офицеров, прислушивались к их разговорам.

- Адмирал Макаров, должно, погиб, - заметил наводчик Кошелев.

- Типун тебе на язык! Может, и выплыл. Видишь, сколько народа барахтается в воде! - оборвал Кошелева взволнованный Лепехин.

- Где уж ему, старику, выплывать в такой передрыге! - грустно проговорил Звонарев.

С моря дул резкий, холодный ветер. Озябшие солдаты стали разводить костры из морской водоросли и плавника.

Прошло с полчаса, пока наконец первая лодка подошла к берегу. Сильный прибой мешал ей причалить. Десятка два солдат вошли в воду и вытащили лодку на песок. Все столпились около нее, с боязливым любопытством разглядывая лежащие в ней тела. Первыми сняли три матросских трупа. Солдаты обнажили головы и закрестились.

- Отвоевались, бедняги! - сказал один из солдат.

Трупы отнесли в сторону и уложили на землю. Старший писарь Пахомов стал обыскивать покойников, чтобы установить их фамилий. За трупами осторожно вынесли громко стонавшего молодого чернявого матроса с разорванным животом.

На сером заострившемся лице раненого темнели глубоко запавшие, полуоткрытые глаза. Матрос временами громко вскрикивал и опять впадал в забытие. Осмотрев его, фельдшер безнадежно махнул рукой.

Выгрузив раненых, лодка опять ушла в море. Солдаты столпились у берега, дожидаясь подхода второй лодки, которая была так сильно перегружена, что с трудом вытащили на берег.

- Ну и натерпелись же мы! - проговорил Бортейко, соскакивая на берег. - Волна захлестывает, плавает на воде тьма всякой всячины, не разглядишь среди нее людей. Чуть не перевернулись. Дукельского подобрали на обратном пути. Он совсем уже под воду уходил! Плох!

Когда Дукельского вынесли на берег, то в этом обожженном, искалеченном полумертвце трудно было узнать еще недавно молодого, красивого, полного жизни и веселья лейтенанта. Он был без сознания. Мельников неторопливо, но основательно перевязал все раны, превратив его в живой сверток из марли, ваты и бинтов. За Дукельским вынесли труп незнакомого черноволосого мичмана с раздробленным затылком. По найденной в кармане визитной карточке установили, что это был мичман Бурачок. Затем вынесли еще трех раненых матросов, бывших без сознания. После искусственного дыхания и растираний они пришли в себя и с удивлением рассматривали склонившиеся над ними лица солдат.

- Ожили! - обрадованно загудели солдаты. - Не все, знать, там погибли.

Может, еще и адмирала спасут!

Все трое были легко ранены, их перевязали и вслед за Дукельским унесли на батарею. Лодка, на которой был Борейко, опять ушла в море, но уж под командой Родионова.

- Боюсь, не выживет Дукельский! - озабоченно проговорил Звонарев. - Какое несчастье для Ривы! Ведь мы сегодня званы к ней на обед! - вспомнил он вдруг некстати.

- Обедать-то некому будет! Моряки сообщили нам, что на рассвете японцы потопили "Страшного" и никто с него не спасся! - проговорил Борейко.

- Как! Так это утром вел бой "Страшный"?! - воскликнул пораженный Звонарев.

- Очевидно, он! Беда, Макарова до сих пор найти не могут! - продолжал Борейко. - Пальто его выловили, а самого нет, должно быть, погиб.

- Ох, господи! Как же наш флот будет без Макарова? - в ужасе воскликнул Жуковский.

- Пришлют другого, - пробурчал Звонарев.

- Но другого Макарова не пришлешь! Адмиралов-то много, а Макаров у нас в России был один, - грустно ответил Борейко. - Незаменимая потеря!

- Сколько несчастий сразу: и "Страшный", и "Петропавловск", и адмирал...

- покачал печально головой Жуковский.

- Великого князя, говорят, спасли. Он только уши себе обварил да перепугался.

- Дукельского надо сейчас же отправить в город на линейке и вызвать из Управления артиллерии повозки для раненых матросов, - распорядился Жуковский. - Сергей Владимирович, возьмите это на себя, - обратился он к Звонареву.

- Слушаюсь!

Звонарев поднялся на батарею. Дукельского поместили в одной из комнат Жуковского. Он постепенно приходил в себя.

- Как ты себя чувствуешь, Жорж? - спросил его Звонарев.

- Очень плохо! Должно быть, умру! Адмирал погиб! - чуть слышно проговорил лейтенант. - Риве скажи: все, что у нее есть, - все ей. - И Дукельский в изнеможении замолчал.

- Как он? - тихо спросил Звонарев подошедшего фельдшера.

- До вечера не доживет! - ответил Мельников.

Через полчаса Звонарев уже шагал рядом с экипажем, на котором лежал укутанный в одеяло Дукельский.

Вера Алексеевна Стессель во главе шестнадцати денщиков и сирот-воспитанниц была занята генеральной уборкой квартиры после пасхальных праздников. В домашнем капоте, с пыльной тряпкой в руках, она летала по комнатам, щедро раздавая оплеухи своим воспитанницам и грозно покрикивая на денщиков, своих помощников.

Было около полудня, когда в передней раздался звонок. Не ожидавшая гостей, Вера Алексеевна сама пошла отворять дверь. К своему ужасу она увидела перед собой плечистую фигуру генерала Никитина.

- Владимир Николаевич! - смутилась генеральша. - Простите, ради бога, мой домашний костюм, - я никак не ожидала вас видеть сейчас у себя. У меня дым идет коромыслом.

- Прошу у вас прощения, Вера Алексеевна! Никогда бы не осмелился вас побеспокоить в столь ранний час, если бы не чрезвычайные новости. Грешен, не утерпел и забежал с вами поделиться, - ответил Никитин, целуя руку генеральши.

- Что же приключилось? - встревоженно спросила генеральша. - Потоп главный самотоп! - выпалил генерал и сам громко захохотал своей остроте.

- Какой, какой самотоп?

- Да этот, адмирал их, Макаркин, что ли?

- Какой ужас! Какое несчастье! - схватилась за голову Вера Алексеевна. - Такой видный, красивый мужчина, и вдруг погиб! Господи, сколько бед приносит эта война! Царствие ему небесное, бедняжке! - закрестилась генеральша.

- Не стоит о нем особенно и убиваться, Вера Алексеевна! Подленькой души был человек, гнусные интриги плел против Анатолия Михайловича. Мне ваш муж сейчас показал письмо, только что полученное от Куропаткина. Оказывается, этот самый Макаркин, ни много ни мало, требовал подчинения ему крепости и вашего супруга! Подумайте, какая наглость! - возмущался генерал. - Хотя Куропаткин своевременно обо всем узнал и разбил все эти козни, но все же в письме предупреждает Анатолия Михайловича, чтобы он с этим самым гнусным самотопом

держал ухо остро и палец бы ему в рот не клал!

- Вот уж не ожидала от него такой низости! Исподтишка за спиной требовать подчинения себе крепости! Чтобы крепость, сухопутная армия, подчинялась какомуто адмиралу, который и эскадрой-то командовать как следует не умеет!

Выйдет в море и, как только завидит японцев, сейчас же бежит под защиту крепостных батарей. Уж подлинно не стоит особенно горевать о его смерти, - возмутилась генеральша. - Да что я вас держу в передней! Пойдемте хотя бы в столовую, там уже почти прибрано. Рассказывайте же по порядку, как и что произошло, - просила Вера Алексеевна.

- Вышли это наши калоши в море. Прогулялись малость, да тут откуда ни возьмись появился Того. Ну, у Макаркина, конечно, со страху душа ушла в пятки, и он наутек в Артур, Того за ним. Тут что-то произошло, и против Электрического Утеса "Петропавловск" взорвался и утонул!

- "Петропавловск" погиб? Один из лучших наших броненосцев? Весьма тяжелая утрата для нашего флота! И так нам на море не, везет, а тут еще вдруг потеряли самый большой корабль!

- Я, матушка Вера Алексеевна, думаю, что это скорее счастье для нас, чем несчастье! Чем скорее мы от этих калош избавимся, тем это будет лучше. Толку от них никакого - только в порту стоят, да моряки на берегу пьянствуют, а стоят государству дорого и воображают о себе невесть что. Николе-угоднику рублевую свечку поставлю, когда последняя наша дырявая калоша отправится на дно морское! Пока цела наша армия, нам никакие япошки не страшны, а без флота мы и обойтись можем.

- Но, кроме Макарова, верно, погибло еще много народу. Бедные матросики, как мне их жаль.

- Да, погибло свыше шестисот человек матросов и тридцать офицеров. Но и тут виден господень перст! Великий князь Кирилл Владимирович, бывший на броненосце рядом с Макаровым, спасен и уже доставлен на берег без, ран и контузий. Он получил только общее потрясение.

- Велик бог земли русской! Да не оставит он нас и дальше своею благостью!

- набожно крестясь, проговорила Вера Алексеевна. - Надо сейчас же одеваться и ехать с поздравлением к князю, а затем в церковь: отслужить по этому случаю молебен, поблагодарить господа бога за великую его милость к нам.

- Ума у вас палата, матушка Вера Алексеевна! Нам с Анатолием Михайловичем и в голову не пришло о молебствии. Обо всем подумали, а об этом забыли.

- Бог прежде всего! - наставительно проговорила Вера Алексеевна. - Нужно отслужить торжественный благодарственный молебен, с салютом, в присутствии всего гарнизона. А телеграмму-то об этом государю уже послали?

- Послали, матушка! Дмитриевский сочинил столь трогательную и верноподданническую, что даже слеза прошибает, когда читаешь.

Новый звонок возвестил о прибытии самого Стесселя.

- Ты уж здесь? - удивился он при виде Никитина. - Вот уже действительно пострел везде поспел!

- Не мог не известить Веру Алексеевну о столь радостных событиях, как гибель самотопа и спасение великого князя.

- Слыхала, какой гусь оказался этот Макаров? - обратился Стессель к жене.

- А ты еще всегда за него заступалась!

- Истинно говорят, что из хама не сделаешь пана! Нехорошо говорить дурно о покойнике, но нельзя не сказать - неблагородный был человек, - сокрушенно ответила генеральша.

- Теперь нужно немедленно переодеться в парадную форму и ехать на вокзал, где в своем поезде находится сейчас великий князь, - начал Стессель.

- Анатолий, нужно отслужить сейчас же молебен о спасении князя!

- Да, да, Анатолий Михайлович! Совсем мы с тобой это упустили из виду.

Давай сейчас приказ по гарнизону набросаем и срочно разошлем в части,

- поддержал Никитин. - Не жена у тебя, а золото, ума палата, не нам с тобой чета! Вера Алексеевна, пожалуйста вашу ручку! Восторгаюсь!

Потрясен!

- Пока мне там парадные причиндалы приготовят, мы с тобой, Владимир Николаевич, приказ настрочим, - решил Стессель и перешел с Никитиным в свой кабинет.

Через четверть часа, когда Вера Алексеевна зашла туда, оба генерала с торжеством показали ей уже написанный приказ.

- Ты, Верунчик, послушай, может, мы что-нибудь опять пропустили, - попросил жену Стессель.

Приказ по крепости Порт-Артур

N 291

31 марта 1904 года

п. 1 В ознаменование чудесного спасения Его Императорского Высочества великого князя Кирилла Владимировича при гибели броненосца "Петропавловск" 31 сего марта, в 14 час, утра, приказываю: в гарнизонной церкви отслужить в 3 часа дня благодарственный молебен с провозглашением многолетия всему царствующему дому.

п. 2 От всех частей гарнизона к 2 ч. 30 м, дня выслать по взводу в 30 рядов при офицере для присутствия на богослужении. п. 3 Всем свободным от службы гг, генералам, штабе - и обер-офицерам также прибыть на молебствие.

п. 4 Распоряжением командующего 4-й Восточносибирской стрелковой артиллерийской бригадой полковника Ирмана обеспечить производство салюта во время провозглашения многолетия царствующему дому в 21 выстрел. п. 5 Форма одежды - парадная. п. 6 Общее наблюдение за порядком возлагаю на исп, должность штаб-офицера для поручений при мне ротмистра Водягу.

- Ну как, ничего не пропустили? - спросил жену Стессель.

- Как будто все в порядке! Надо только приказ поскорее разослать по частям, - ответила Вера Алексеевна.

- С нарочными, с конными вестовыми отправлю! - поспешил заверить ее генерал.

Не прошло и получаса, как запряженная парой серых жеребцов коляска

Стесселя подкатила к стоящему на запасных путях поезду великого князя. Из коляски вышла разодетая Вера Алексеевна в сопровождении мужа и Никитина в полной парадной форме.

В вагоне-салоне, служившем приемной князя, их принял брат Кирилла Владимировича Борис - в гусарской форме, совсем еще юноша, но уже с мешками под глазами, изжелта-бледный и невыспавшийся. Борис приложился к ручке Веры Алексеевны и, довольно небрежно поздоровавшись с генералами, предложил гостям присесть.

- Мы пришли, ваше высочество, - начала Вера Алексеевна, - чтобы принести наши поздравления по поводу чудесного избавления вашего августейшего брата от смертельной опасности! Просим ваше высочество почтительнейше довести об этом также до сведения их императорских высочеств - ваших родителей.

- Тронут вашим вниманием и выражением сочувствия и обязательно напишу об этом в Питер, - вежливо ответил Борис. - Надеюсь, что брат скоро очухается.

- Как самочувствие его высочества?

- Сейчас он спит. Сперва было немного нервничал, но затем выдул бутылку коньяку и успокоился. Откровенно говоря, по-моему, ему даже полезна была эта холодная ванна. Приятно освежиться после хорошего кутежа, а кутнули мы с ним на пасхе знатно! - сладко позевывая и прикрывая рот рукой, ответил князь.

Вера Алексеевна была шокирована выражениями великого князя, но с видимым интересом продолжала его расспрашивать.

- Какой ужас! Каким надо быть героем, чтобы спастись при этом! Какое должно быть присутствие духа у его высочества, чтобы не растеряться в такой момент! Воистину, ваш брат, ваше высочество, показал себя достойным членом нашей обожаемой царской семьи! - разливалась генеральша. - Анатолий! Ты должен об этом подробнее донести его императорскому величеству.

- Как же, как же! Почту своей священной обязанностью довести обо всем до сведения государя императора и буду ходатайствовать о награждении

его высочества Георгиевским крестом! - поспешил поддакнуть жене молчавший до сего времени Стессель.

Отсидев положенное приличием время, гости удалились.

С вокзала коляска с их превосходительствами направилась на Казачий плац, где находилась гарнизонная церковь.

Там уже собрались офицеры в парадных мундирах и ожидали прибытия Стесселя.

Генеральша любезно побеседовала с Кондратенко; дружески, по-родственному поздоровалась с Белыми, с которыми состояла в свойстве через своего сына, женатого на дочери Белого; сухомерно приветствовала Фока, добродушно улыбнулась Тахателову, который, как всегда отдуваясь от жары, с медвежьей грацией приложился к ее ручке; прочих удостоила лишь общим поклоном.

Вместе с родителями приехала и Варя. Увидев Борейко, девушка поспешила к нему.

- Неужели нет никакой надежды, что дедушка спасся? - спросила она прерывающимся от рыданий голосом.

- По-моему, как это ни печально, Макаров погиб, - вздохнул Борейко.

Варя отошла к родителям. Ее заплаканное, расстроенное лицо составляло резкий контраст с оживленными, радостными лицами Стесселя и его окружения.

- Даже неприлично, Варя, так плакать, когда великий князь волею божией цел и невредим, - сердито пробурчала Вера Алексеевна, обернувшись к девушке.

Белый подошел к Кондратенко.

- Как же мы теперь будем без Степана Осиповича?

- Большой утраты для обороны Артура нельзя себе и представить.

Постараемся хоть проводить в жизнь заветы покойного адмирала: теснее сплотимся с флотом; оборонять Артур будем прежде всего на дальних подступах, и главное - будем непоколебимо верить в героическую силу русского солдата. И да поможет нам в этом бог, - взволнованно ответил Кондратенко.

Дьякон нетерпеливо выглядывал из алтаря в ожидании начала службы.

Как только Стессель появился в церкви, поп, одетый в праздничные светлые одежды, с умиленно-радостным выражением лица вышел на амвон.

- Во имя отца и сына и святого духа! Любезные во Христе братия и сестры!

Господу богу угодно было совершить великое чудо: во время гибели "Петропавловска" десницей всевышнего был спасен царственный отрок - великий князь Кирилл Владимирович, на радость всем истинно русским людям, беззаветно преданным своему державному монарху! Вознесем же благодарственное моление отцу небесному за ниспосланное нам чудо.

Богослужение началось. Прочувственно произносил ектений дьякон, стройно пели певчие, синие облака ладана носились под потолком, чинно стояли солдаты, сдерживая кашель и вздохи, да тихо всхлипывала Варя. Когда служба дошла до "многолетия", то с батареей и кораблей грянул такой салют, что едва не вылетели стекла из окон, дьякон поперхнулся на полуслове, священник чуть не выронил из рук крест, хор сбился с тона.

- Этот Ирман всегда перестарается! - рассерженно шепнула Вера Алексеевна мужу. - Пошли Водягу унять его, а то в церкви целых стекол не останется!

Бравый ротмистр поспешил выйти, чтобы уgomонить не в меру расстаравшихся артиллеристов. Этот эпизод несколько расстроил благолепие службы, что очень огорчило генеральшу.

Борейко, стоявший в глубине церкви вместе с солдатами, чувствовал все нарастающее раздражение. Весь этот торжественный молебен, после того, что пришлось видеть утром, казался ему издевкой - над, случившимся несчастьем.

Парадная обстановка церковной службы, умильно-радостное выражение лица, попа и, наконец, салют усилили его раздражение. Оглядываясь на солдат, он видел их сумрачные, опечаленные лица, слышал тяжелые вздохи, так не вязавшиеся с радостным богослужением, и чувствовал, что

они также недовольны происходящим. В голове его быстро созрел план небольшой демонстрации против начальства. Как только кончился молебен и все пошли прикладываться к кресту, он обратился к солдатам и полушепотом, слышным на всю церковь, проговорил:

- Кто желает, может остаться на панихиду по морякам, а кто не желает, может после креста идти домой.

Затем он протолкался к священнику и обратился к нему с просьбой отслужить панихиду по погибшим на "Петропавловске" и "Страшном". Поп удивленно посмотрел на него, испуганно озираясь на еще не ушедшего Стесселя, и пробормотал что-то невнятное. Зато генерал сразу же обратился к нему.

- Кто это выдумал панихиду служить? - спросил он Борейко.

- Единодушное желание солдат! - не сморгнув глазом, ответил поручик.

- С каких это пор у вас считаются с "желаниями" солдат? Это что за распущенность! Солдат ничего не может и не должен "желать". Его дело исполнять приказание начальства, а не высказывать какие-то пожелания. Что же, по-вашему, я не знаю, что нужно делать: служить ли молебен или панихиду?

По-видимому, вы считаете, что жизнь великого князя менее драгоценна, чем жизнь Макарова и матросов? - громко и раздраженно проговорил генерал.

- Мои солдаты сегодня принимали участие в спасении погибающих, пережили много скорбных минут и хотят помянуть умерших воинов, - отрезал Борейко.

- Солдаты и "переживания"! Да что они у вас, институтки, что ли, чтобы "переживать"? Что это за воины, которые при виде смерти раскисают и начинают "переживать"? - издевался Стессель. - Все это вздор! Ведите солдат обратно!

Когда нужно, я сам распоряжусь о панихиде!

- Слушаюсь! - вытянулся Борейко и приказал солдатам выходить из церкви.

- Неужели вы уйдете? - подлетела к нему Варя, которая издали следила

за переговорами Борейко. Поручик сумрачно посмотрел на нее и крикнул:

- Белоногов! Снеси попу десятку и предупреди, что мы сейчас вернемся! Шагом марш! - скомандовал он солдатам, когда они выстроились.

Не успели солдаты отойти от церкви, как их обогнала коляска Стесселя.

Едва она скрылась за углом, Борейко повернул солдат обратно. Причт уже поджидал их. Дьякон подошел к Борейко.

- Отец настоятель сомневается - можно ли служить панихиду. Как бы генерал Стессель не разгневался!

- Сколько добавить? - в упор спросил Борейко, вынимая кошелек.

- Четвертную бы уж положили!

- Хватит, дьяче, двух красненьких!

Дьякон сразу повеселел.

- Сейчас батюшку спрошу! - проговорил он, пряча деньги в карман.

Церковь быстро наполнялась. Весть о панихиде по погибшим морякам дошла до окрестных обитателей, и они поспешили прийти. Все это был простой рабочий люд, ютящийся в маленьких хибарках этой части города. Тут были и матросские вдовы, жены, матери с детьми, портовые рабочие и мелкие служащие. Здесь много было неподдельной глубокой скорби о погибших моряках. Тут было подлинное народное горе.

Борейко поместился на клиросе, чтобы подпевать певчим, и, глухо прокашливаясь, нетерпеливо топал ногой.

Наконец царские ворота отворились, и появился поп, теперь уже в траурных черных ризах. На лице его была написана глубокая скорбь, как будто не он полчаса назад был преисполнен радости.

"Из него недурной актер вышел бы! - подумал Борейко.

С рыданием в голосе, как живое воплощение скорби, поп повествовал о гибели "Петропавловска", "Страшного", а вместе с ними - Макарова, Верещагина, офицеров и нескольких сот матросов.

- Помолится же, возлюбленные братия и сестры, о новопреставленных воинах православных, душу свою на поле брани положивших за веру, царя и отечество, - закончил поп и смахнул дежурную слезу.

Дьякон, только что пропустивший косушку, растроганный от волнения и водки, начал службу приглушенным печальным голосом, усиленно размахивая кадилом. Певчие, состоявшие в большинстве из окрестных жителей, разделяя общее настроение, с особым чувством выводили траурно-скорбные погребальные напевы. Когда же дьякон провозгласил вечную память "новопреставленному рабу божию Степану, Василию, воину Ермию, Константину, Павлу и иным, имена их ты, господи, веси", все молящиеся разразились громкими рыданиями.

Борейко, суровый и печальный, с клироса осматривал молящихся. Он понимал искренность горя этих людей, которым никакого дела не было до ничтожного великого князя и которые были кровно связаны с погибшими моряками. Заунывно звонил колокол, возвещая о постигшем народ несчастье. Церковь все больше наполнялась. Пришли мужчины, женщины, рабочие, по десятку лет не заглядывавшие в церковь, пришли и китайцы из сочувствия к горю русских.

Когда панихида кончилась, Борейко едва смог выбраться из церкви. К нему подходили, жали руки, кланялись, благодарили "за то, что он не забыл наших упокойников". Плачущая Варя тоже с большим чувством пожала ему руку. Выйдя на паперть, солдаты, молчаливые и сурово сосредоточенные, быстро построились и пошли за Борейко, мрачно шагавшим впереди в тяжком раздумье.

У доков дорогу артиллеристам загородили два пьяных рабочих. Один из них упирался и не хотел идти за своим товарищем.

"Нашли время напиться", - возмущенно подумал Борейко.

- Ты думаешь, почему я сегодня пьян? - как бы отвечая поручику, проговорил упирившийся рабочий. - С горя! Душа у меня болит! Поминки по адмиралу справляю, царство ему небесное! Понятие ты должен иметь о моем горе и не препятствовать.

- Смотри, как бы тебе на зад сотню не положили в память по адмиралу.

Пойдем лучше от греха домой, - уговаривал другой.

- Нет, ты мне ответь, - продолжал первый рабочий, - почему адмирал потонул, а князь выплыл?

- Кому какая планида дадена! Кому тонуть, а кому плавать!
- И вовсе не так! Потому, что золото завсегда в воде тонет, а дерьмо
поверху плавает! - И рабочий зло захохотал.

Глава девятая

Второго апреля японская эскадра вновь появилась перед Артуром. Русская эскадра, стоявшая на внутреннем рейде, начала спешно перетягиваться, укрываясь со стороны моря Золотой горой и Тигровым полуостровом. Адмирал Того, ожидавший, как это всегда бывало при Макарове, выхода эскадры в море, был на этот раз изумлен бездействием русских моряков и решил воспользоваться сложившейся благоприятной для него обстановкой.

Уже с дистанции в восемьдесят кабельтовых флагманский броненосец "Микаса" открыл огонь по батарее Утеса. Жуковский вызвал своих солдат к орудиям и приготовился к бою. С командирского пункта он в бинокль разглядывал неприятельские суда.

- Никак, к нам сегодня пожаловала вся броненосная эскадра: шесть броненосцев и шесть броненосных крейсеров, - проговорил капитан, обращаясь к подошедшим офицерам, - Наша эскадра, по-видимому, не собирается выходить из гавани, то есть сегодня отдуваться придется одним береговым батареям, в частности нам. Борис Дмитриевич, вы станете на второй и третий взводы, а вы, Сергей Владимирович, на первый. Следите за тщательностью наводки, ибо сегодня будет жарко.

Офицеры разошлись по своим местам.

- Прицел триста, квадрант сорок два-сорок! Целик лево два! - донеслась команда с командного пункта.

Прапорщик и фейерверкер пошли проверять наводку орудий.

Наводчик первого орудия Кошелев уже припал к прорези на прицеле.

- Левей! Левей! - командовал он двум штурвальным, перекатывающим раму лафета по чугунной дуге.

Замковые вытаскивали тяжелый клиновой затвор, квадрантщик устанавливал квадрант на нужном делении.

- Первое готово!
- Второе готово!
- Первый взвод готов!
- Шесть тысяч двести! Шесть тысяч сто пятьдесят! Шесть тысяч сто! - доносилось из дальномерной будки.
- Второй и третий взводы готовы!
- Залпом! - скомандовал Жуковский. - Пли!

Орудия откатились назад, и пять снарядов с резким свистом и урчанием понеслись в море. В тот же момент на японских кораблях вспыхнули огни выстрелов.

- Закройсь, - приказал Жуковский, и почти тотчас же десять или двенадцать

снарядов обрушились на батарею. Мгновенно все заволжлось дымом и пылью, едко запахло шимозой, и осколки забарабанили по орудийным щитам, по брустверу и около орудий.

- Все в порядке? - спросил Звонарев, выходя из-за укрытия.
- В первом орудии все в порядке! - доложил фейерверке?
- Во втором один осколок застрял в орудийном щите, остальное в порядке.

Звонарев подошел к этому орудью. Солдаты столпились слева от пушки, разглядывая торчащий из щита стальной осколок величиной вершков в шесть, с острыми зазубренными краями.

- Не было бы щита, небось кого-нибудь убило бы, - проговорил Родионов.
- Меня, Софрон Тимофеевич! - отозвался наводчик. - Как он трахнул по щиту, я аж присел. Взглянул, а он через щит просовывается. Мать свою вспомнить не успел, а он уж застрял. - И наводчик широко улыбнулся своим скуластым лицом.

Осмотрев оба орудия, Звонарев убедился в их полной исправности и доложил об этом Жуковскому.

- Здорово они, сейчас накрыли батарею! Я думал, половина людей и материальной части выбудет из строя, а на деле мы не понесли даже повреждений, - возбужденно радостно проговорил капитан. -

Постараемся сейчас отплатить им сторицей.

Батарея опять загрохотала залпами. Японцы легли на обратный курс и, несколько приблизившись к берегу, продолжали обстреливать Утес. Но поднявшееся на небе солнце мешало точности их наводки, и снаряды делали то недолеты, то перелеты. То же солнечное освещение теперь помогало Электрическому Утесу. Со второго залпа вышел из строя крейсер "Токива".

Около него задержались и другие суда. Это дало возможность Жуковскому дать три залпа при одном и том же прицеле. Сразу вспыхнули пожары еще на трех кораблях. Японцы поспешили опять вытянуться в кильватерную колонну, но тут вступили в бой батареи Золотой горы, Стрелковая и расположенные на Тигровке, которые ранее бездействовали вследствие дальности расстояния.

Попадания в неприятельские корабли участились, и адмирал Того поспешил отойти в море, упорно продолжая все же обстреливать Электрический Утес.

На вершине Золотой горы, в прочном бетонном каземате, собралось все порт-артурское начальство: только что приехавший наместник, который после смерти Макарова принял на себя командование флотом, Стессель с Никитиным и Белый. Тут же была и Варя. Превосходительные собеседники время от времени рисковали выглядывать наружу и с высоты птичьего полета наблюдать за обстрелом Электрического Утеса. До него было более версты, но даже и отсюда жутко было смотреть, "как батарея то и дело окутывалась гигантскими фонтанами черного дыма. Телефонная связь с Утесом давно была прервана, и поэтому действительное положение дел на нем не было известно, разворачивающаяся же картина жестокого обстрела заставляла предполагать наличие на нем больших потерь.

- Все орудия целы, - громко заявила Варя при очередном залпе, - отчетливо видела пять взблесков.

- Зато люди-то уж, наверное, далеко не все целы, - угрюмо заметил Никитин. - Но какие молодцы, ваше превосходительство! Одна батарея

против всего японского флота. Почему бы нашей эскадре не выйти и не помочь ей?

- После гибели "Петропавловска" она настолько слабее японской, что мы должны беречь ее как зеницу ока, - наставительно проговорил Алексеев.

- Тогда лучше всего ее отправить на хранение в Морской музей в Питер, - не унимался Никитин.

Видя, что разговор принимает неприятный характер, Стессель поспешил отослать своего друга.

- Владимир Николаевич, я попрошу тебя позаботиться о восстановлении связи с Электрическим Утесом.

- Слушаюсь! Сию минуту. - И Никитин отошел.

- Он, кажется, малость того? - недовольно спросил Стесселя наместник, вращая пальцем около своего лба.

- Редкого мужества человек, но есть у него грешок - любит за галстук заложить.

- Оно и заметно: до адмиральского часа еще далеко, а он уже на взводе.

Варя решила сегодняшний день ознаменовать какимлибо героическим поступком. В ее пылкой голове проносились картины, одна фантастичнее другой.

То она воображала себя отважно перевязывающей "его" под градом японских снарядов, то оба они гибли от одной и той же бомбы, то, наконец, она героически исправляла телефонные провода (чего, однако, делать не умела) и получала из рук наместника Георгиевскую медаль. Она потихоньку спустилась вниз, где за прикрытием стояла ее Кубань, и, вскочив на нее, вскачь понеслась по дороге на Утес.

С Золотой горы ее заметили только тогда, когда она проскакала больше половины дороги.

- Ваше превосходительство! - сообщили Белому. - Ваша дочь поехала на Электрический Утес.

- Сумасшедшая девчонка! Чего ее туда понесло? - сердито проговорил Белый и поспешил наверх. За ним тронулись и остальные.

- Казачья кровь сказывается, Василий Федорович! - произнес Стессель,

обращаясь к Белому. - Даром что женщина, а в бой так и рвется!

Алексеев только качал головой, не то от удивления и восхищения, не то в знак порицания и осуждения.

Сверху было прекрасно видно скачущую всадницу, но вот около нее взметнулось несколько столбов дыма, и она скрылась из глаз. Белый вздрогнул и нервно затеребил свои усы. Остальные испуганно ахнули. Порыв ветра отнес дым в сторону, и вместо растерзанного трупа все увидели бешено мчавшуюся наездницу.

- Bravo! Bravo! Вас можно поздравить с такой дочкой, - одобрил наместник.

Благополучно добравшись до Утеса, Варя подъехала к кухне, около которой копошился кашевар Заяц, и, бросив ему поводья, взбежала на батарею. Она ожидала бурных проявлений восторга по поводу ее храбрости, восхищения ее героизмом, но на нее никто не обратил ни малейшего внимания. Когда же она попала навстречу Борейко, то он сердито пробурчал:

- Только вас тут еще не хватало! Отправляйтесь на перевязочный пункт, он там, в первом каземате. - И поручик рукой указал ей дорогу.

- Но я хотела... - начала было Варя.

- Марш на место, сестра! - так рявкнул Борейко, что ноги Вари сами быстро понесли ее в нужном направлении.

В довершение всего, когда она проходила мимо Звонарева, тот ее даже не заметил. Рассерженная Варя добралась до перевязочного пункта - и тут обливаясь слезами, упала в объятия Шурки Назаренко, которая одна оценила по достоинству ее поступок.

- Сестра Назаренко, - официальным тоном произнес Мельников, - накапайте сестре Белой двадцать капель тинктуры валериани-эффири.

Варя явилась единственным лицом, которому в этот день была оказана медицинская помощь на Электрическом Утесе.

Выпустив около двухсот тяжелых снарядов, японцы скрылись за Ляотешанем.

На батарее все облегченно вздохнули.

- Отбой, - скомандовал Жуковский. - Сергей Владимирович, осмотрите все орудия и составьте дефектную ведомость!

- Пробанить сейчас же орудия, пока пороховой нагар не затвердел, - добавил от себя Борейко.

После пережитых волнений солдаты весело бросились осматривать свои пушки.

- Небось ты не раз сегодня своего ангела-хранителя вспоминал? - спросил Кошелева один из солдат.

- Не ангела-хранителя, а адмирала Тогова матом вспоминал почитай целый час без передышки.

- Поди икалось ему сегодня!

- Не только икалось, но и до ветру не раз, должно, бегал, как ты в его орудия свою наводил!

Осмотрев орудия, Звонарев доложил, что только в двух из них пробиты небольшими осколками щиты, в одном перебит трос от снарядного кокора и в одном разбит блок подъемной стрелы. На всех щитах много вмятин и царапин от камней и осколков.

- Дешево отделались! После полуторачасового обстрела всей эскадрой можно было ожидать больших поражений, - сказал Жуковский. - Интересно, сколько по нас было выпущено снарядов?

- Пахомов, сидя в погребе, насчитал полтораста упавших непосредственно у батареи, а всего не меньше двухсот, - сообщил Борейко. - Мы же израсходовали всего ею двенадцать снарядов! Почти вдвое меньше.

- Результат: у нас повреждений на батарею нет, если не считать выбитых стекол и разбитой черепицы, а у них один крейсер совсем выбыл из строя и четыре корабля получили повреждения, - подводил итоги Жуковский.

- Мы в очевидном и большом барыше, - заметил Звонарев.

- Для меня совершенно ясно, что, несмотря на высокую технику артиллерии, в японском флоте пользоваться ею не умеют. Дали бы мне их двенадцатидюймовки, так сегодня ни один бы корабль от Артура

дальше морского дна не ушел! - похвалялся Борейко.

- Ваше высокоблагородие, кто-то до нас едет, - показал дальномерщик на приближающийся экипаж.

Борейко вскинул бинокль к глазам.

- В переднем Стессель и еще кто-то, чуть ли не Алексеев, а во втором Белый и Никитин, - сообщил он.

Радостно возбужденное настроение Жуковского мигом исчезло. Он побледнел и сразу заволновался.

- Немедленно надо выстроить роту, послать подмести осколки стекла и черепицы на дворе, - засыпал он приказаниями. - Вот уж истинная напасть на мою голову это начальство! Сколько оно мне портит крови!

- Значительно больше, чем японцы, - иронически заметил Борейко.

- Конечно. Того ни выговора не закатит за плохое состояние роты, ни от должности не отрешит.

- Только убьет или искалечит!

- От судьбы не уйдешь!

- Начальство - это тоже судьба, злой рок, если хотите!

- Во сто раз хуже! Судьба слепа, а генералы весьма зрячи и очень придиричивы! - волновался капитан.

- Ничего не надо делать, Николай Васильевич! Будем продолжать чистить пушки и ничего не станем убирать. Пусть увидят наш обычный вид после боя, - уговаривал Борейко. - Да и не успеем мы красоту навести, как они будут здесь.

- Пусть хоть канониры приведут себя в приличный вид, а то, смотрите, шинели на земле валяются, солдаты без поясов и фуражек, потные. Стессель, ведь вы сами знаете, на внешний вид больше всего обращает внимание.

- Сложить шинели в порядок, надеть портупеи, смотреть орлами! Сам наместник к нам едет! Отвечать ему - ваше высокопревосходительство! - прокричал на всю батарею Борейко.

- Я прошу вас, Борис Дмитриевич, командовать, когда подъедут экипажи, а то я голос во время стрельбы надорвал. Отрапортую уж я сам.

Все сошло как нельзя лучше: Борейко оглушил Алексеева своим басом, Жуковский отрапортовал дрожащим от волнения голосом, но все же начальством был обласкан. Превосходительные гости были удивлены обилием осколков на батарее, брали некоторые из них в руки и уверяли, что они еще теплые; они сами себя чувствовали до некоторой степени героями, прибыв на Электрический Утес тотчас после боя.

Белый справился о дочке, но Шурка Назаренко, смущаясь, сообщила, что "они были очень расстроены и уже уехали по другой дороге".

Поблагодарив Жуковского и солдат, наместник зашел на кухню попробовать обед. Заяц с Белоноговым поднесли начальству наваристый борщ и тающую во рту гречневую кашу.

- Прекрасно! Очень, очень вкусно, - хвалил адмирал. - Когда же ты успел сварить обед? Неужели во время сегодняшнего боя?

- Так точно! В аккурат, как япошка по Утесу бил. Я боялся, чтобы в борщ осколков он не накидал.

- Спасибо за службу! На тебе, братец, от меня трешку в награду. - И Алексеев протянул Зайцу зеленую бумажку.

- Рад стараться! Покорнейше благодарим! - поспешно отвечал солдат.

Когда наконец начальство уехало, Жуковский снял шапку и набожно перекрестился.

- Слава богу, главная опасность благополучно миновала! - радостно произнес он. - Пойдем обедать, господа, если наши денщики такие же герои, как Заяц.

На другой день Звонарева вызвали к телефону из Управления артиллерии.

- Хотя вы мерзкий, гадкий, противный и невоспитанный мальчишка и я с вами вовсе не хочу говорить, но все же решила сообщить вам, что сегодня в пять часов вечера похороны погибших на "Петропавловске", в том числе и дедушкиного адъютанта, как его?

- Дукельского, - подсказал Звонарев.

- Его самого! Борейко, кажется, был его другом. Что же касается вас, то, как всем известно, вы давно равнодушны к Ривочке, которая теперь в

великой печали. Вам представляется прекрасный случай утешить и одновременно завоевать ее любвеобильное сердце, - не могла не подпустить шпильки Варя.

- Благодарю вас, мы, конечно, будем на похоронах, - сухо ответил прапорщик и повесил трубку.

Явившись на кладбище, Борейко и Звонарев застали уже расхаживавшие толпы провожающих.

Около кладбищенской ограды они встретили Желтову с обеими учительницами и Стахом. Прапорщик подошел к ним и, поздоровавшись, представил Борейко.

Пробасив свою фамилию, поручик почтительно пожал им руки. С особенной осторожностью он заключил в свою огромную ладонь длинную, тонкую ручку Оли, которая во все глаза глядела на великана.

- Гора, а не человек, - шепнула она Леле, когда Борейко отошел от них.

- Вы не знаете, где похоронили Дукельского? - спросил Звонарев у Стаха.

- В дальнем конце у стены! - пояснила Оля. - Я вам покажу.

С трудом проталкиваясь через толпу, они прошли мимо братских могил, вокруг которых стояли на коленях плачущие женщины и дети. Несколько попов в черных траурных ризах на разные голоса служили панихиды, усиленно кадя ладаном.

- Вот отсюда начинаются офицерские могилы, - показала Оля на ряд свеженасыпанных земляных холмиков.

Около некоторых стояли офицеры и дамы в трауре. У крайней могилы была видна одинокая, стоящая на коленях женская фигура, в скорбном порыве припавшая лицом к земле. Неподалеку, в черном плаще, с парадной треуголкой в руках, стоял Сойманов.

- Это, верно, Рива плачет! - догадался Звонарев, и они вдвоем пошли вперед, а Оля осталась стоять на месте.

Возложив на могилу принесенный с собой венок, Борейко положил земной поклон, Звонарев последовал его примеру. Рива подняла голову. Звонарев едва ее узнал, так она изменилась за эти несколько дней. Щеки обтянулись, большие глаза глубоко провалились, нос заострился, и целая

сеть мелких морщинок покрывала все лицо. Рива устало улыбнулась, узнав своих друзей и начала подниматься с колен, но тут силы ей изменили. Звонарев и Сойманов подхватили ее и повели к одной из скамеек.

Риве смочили голову, и она стала успокаиваться.

- Вам лучше? - участливо спросила ее Оля. - Не волнуйтесь, мы сейчас отведем вас домой.

- Я сама дойду, вы только проводите меня! Я и так вам всем доставила такую массу хлопот.

- Все это пустяки! Вам пришлось пережить много горя за эти дни, вот вы и ослабли.

- С тридцать первого я не была дома, все время находилась около Жоржика.

Он умер прошлой ночью.

- Сильно мучился перед смертью? - спросил Сойманов.

- Раз только пришел в сознание, а то все время был в забытьи! Андрюша, - он лежал в той же палате, - все время бредил и бросался. Но сегодня с утра пришел в сознание и расплакался, узнав о гибели Макарова, - рассказывала Рива.

Борейко с Соймановым вели Риву под руки. Оля с Звонаревым шли впереди. К ним у ограды присоединились Желтова и Леля со Стахом. Женщины наперебой предлагали свою помощь Риве.

- Вас нельзя в таком состоянии оставлять одну в квартире! Я останусь с вами! - решительно заявила Оля.

- Постой, может быть, мадемуазель Рива хочет остаться одна, и ты ей будешь только мешать!

- О нет, я, по правде сказать, боюсь сейчас одиночества. Уж слишком живо все там будет мне напоминать о моей потере.

- Тогда идемте к нам в школу, - предложила Оля.

- Туда я не доберусь! Лучше всего, если бы вы смогли остаться у меня хоть только на одну сегодняшнюю ночь, - просила Рива.

Медленно, шаг за шагом, вся компания двигалась по улицам города.

- Вот я и дома! - проговорила Рива, останавливаясь у своего крыльца.

На стук вышла растрепанная Куинсан и радостно бросилась Риве на шею.

- Моя жди, моя много слушай! Никто не ходи, моя бойся! - лепетала она.

Все вошли в столовую. Здесь все уже было чисто прибрано. Рива с женщинами ушла в спальню, а мужчины остались в гостиной. Куинсан поспешила приготовить чай для гостей.

- Пропал наш Жорж не за понюх табаку! - вздохнул Борейко.

- Главное - погиб Макаров, - отозвался Соймаиов. - Видели вы, как мы вчера от японцев за горы прятались, вместо того чтобы вступить в бой?

- На своих боках чувствовали. Одни сражались с целой эскадрой! - вставил Звонарев.

- Сегодня приказом по флоту наместник отменил всякие выходы эскадры в море, пока не будут починены "Ретвизан", "Цесаревич" и "Паллада". В общем, у нас сразу все изменилось.

- Почему, собственно, погиб "Петропавловск"? - спросил Борейко.

- По мнению комиссии, расследовавшей причины гибели броненосца, он натолкнулся на минную банку, состоявшую из нескольких связанных ударных мин.

Взрыв вызвал детонацию внутри броненосца. Как раз накануне было принято на "Петропавловск" несколько десятков мин заграждения. Они и детонировали при взрыве. Он раскололся изнутри и мгновенно утонул, - пояснил Сойманов.

- Рива несколько успокоилась и уснула, - объявила Мария Петровна, появляясь в гостиной. - Оля останется ночевать, а мы тронемся домой, на дворе уже совсем темно, Распрощавшись с Олей и Куинсан, все двинулись к дверям.

- Не успел погибнуть Макаров, а уже все его начинания рушатся одно за другим, - с грустью проговорила Желтова. - Сегодня утром мне объявили в Управлении портом, что лекции матросам и рабочим решено прекратить. Рабочие же мне говорили, что им предложено очистить казенные квартиры в казармах.

Хотят снять их и с довольствия!

- Тогда работы по починке кораблей, несомненно, сорвутся, - проговорил Звонарев.

- Нашим адмиралам это только на руку. Чем дольше мы будем стоять в порту, тем им спокойнее, - вставил Сойманов. - В море, не дай бог, еще утонуть можно, а в порту в случае чего и с берега помогут.

- Слушаю я вас и не понимаю, кто же больше доволен гибелью Макарова - японцы или наши адмиралы с генералами? - заметил Борейко. - Выходит, что он всем поперек дороги стал. Стессель рад, князь поди тоже рад, адмиралы вздохнули свободно, офицеры загуляли на берегу. Сразу всем масленица настала.

- Зато матросам да рабочим - великий пост, - проговорила Леля.

- И нам, артиллеристам, тоже! Изволь теперь один на один с японцами воевать, - добавил Звонарев.

- Кого прочат вместо Макарова? - справился Борейко.

- Не то Рожественского, не то Скрыдлова. Оба в подметки не годятся Макарову! Мы потеряли не только адмирала. Степан Осипович был душою флота, и заменить его в этом отношении никто не может.

- И для армии он был душою обороны. Глядя на него, мы знали, что помимо Стесселя у нас есть еще и Макаров, и были спокойны за дело обороны, - пылко проговорил Борейко.

- Все честные люди в России пожалеют о покойном адмирале, - вздохнула Мария Петровна.

Когда они подошли к школе, китаец-сторож протянул Желтовой бумагу. Прочтя ее при свете спички, Мария Петровна взволнованно объявила:

- Школа для взрослых и вечерние курсы с завтрашнего дня закрыты по распоряжению Стесселя. Здание занимается под лазарет.

- А куда мы денемся? - спросила Леля.

- Право, не знаю, - растерянно проговорила Мария Петровна.

- Поступите сестрами в лазарет, только и всего! - успокоил Стах.

- Но мы к этому не готовы, нам надо еще учиться самим, - горячилась Леля.

- Поступайте завтра же на сестринские курсы, хотя бы к той же Варе

Белой,

- пробасил Борейко.

- Это неплохой совет, - согласилась Мария Петровна.

На Электрическом Утесе Борейко целыми днями возился с артельным хозяйством. Солдаты с увлечением занимались этими работами, напоминая им родные деревни. Вечерами они собирались около казарм, обсуждая события минувшего дня, делясь надеждами на будущее.

В один из таких вечеров Борейко подошел к ним. Солдаты вскочили и вытянулись.

- Садитесь и дайте мне табуретку. Разговор у нас будет длинный, - проговорил поручик.

Солдаты уселись около него прямо на землю.

- Сидим мы у моря, а рыбы не видим. Это все равно что жить в лесу и не иметь дров. Лодки у нас есть, значит, дело за сетями, но их можно достать. Кто у нас рыбачил до службы? - спросил Борейко.

- Я, ваше благородие, - отозвался матрос-сигнальщик Денисенко.

- И я! И я! - отозвалось еще несколько голосов.

- Рыбаки, значит, есть. За старшего в рыбацкую команду поставим Денисенко. Он моряк и к морскому делу привык. Теперь о другом. Надо вокруг Утеса расчистить, где можно, площадки и устроить на них огороды, посеять лук, чеснок и другие овощи. Смотришь, к осени и соберем урожай. Кто у нас огородники?

- Ярцев, Снитков, Глубин, - начали перечислять солдаты.

- Тебя, сказочник, я и поставлю за старшего по огородной части, - обернулся к Ярцеву поручик.

- А теперь запевай, Белоногов, "Ермака", - приказал он, вставая с места.

Воспользовавшись затишьем на море, Звонарев отпросился в город и решил зайти на квартиру к Риве. Здесь он застал Андриюшу Акинфиева.

- Привет храброму артиллеристу, - встретил он прапорщика.

- Рад тебя видеть на ногах. Ривочка, скажите, завоевал ли Андриюша ваше сердце? - спросил Звонарев.

- Не смущайте моего мальчика. Ему не до сердец. Еле-еле душа в теле, - улыбнулась в ответ Рива. - Неправда, я совсем здоров, - запротестовал Андрюша.

Поболтав с ними, Звонарев отправился в Управление артиллерии. Когда он проходил мимо "Этажерки", то увидел группу спорящих морских и стрелковых офицеров.

- Мы настолько слабы по сравнению с японцами, что не можем выйти в море, - объясняли стрелкам моряки, но те не хотели слушать.

Около Управления артиллерии прапорщик встретил писаря Севастьянова.

- Слыхали новости, ваше благородие? Японцы начали высадку у Бидзиво. В ближайшие дни Артур будет отрезан от России и Маньчжурии. Наместник поспешно выехал в Мукден, бросив все свое имущество. Даже с генералом Стесселем не попрощался, - сообщил писарь.

- Почему же флот не помешал высадке десанта? Это просто безобразие, - возмутился Звонарев, начиная понимать причину споров на "Этажерке".

- Совсем наша эскадра ослабла после смерти адмирала Макарова, боится в море выходить. Теперь японец быстро заберет Артур. Крепость-то с сухого пути совсем не укреплена, войска у нас мало, с провиантом плохо, - сокрушался Севастьянов.

- Ничего, нам из Маньчжурии помогут, - подбодрил собеседника Звонарев, хотя и не верил своим словам.

- Приходил сюда Блохин, просил перевести его на Утес, совсем его замордовал Вамензон. Я тут от вашего имени заготовил генералу рапортишку с просьбой о переводе Блохина. Подпишите, доброе дело сделаем, человека от истязаний спасем.

Звонарев подписал бумагу и заторопился с новостями на Утес.

- Честь имею явиться, ваше благородие, - прохрипел Блохин, подходя к Звонареву, разговаривавшему с Борейко во дворе казарм на Электрическом Утесе.

- Здорово, Блоха! - приветствовал его Борейко и хлопнул по плечу.

- Здравия желаю! Ой! - скривился солдат.

- Что с тобой? По чиряку, что ли, попал? - спросил поручик.

- Никак нет! Это Зон на прощание мне шкуру отполировал.
- Какой такой Зон?
- Капитан Вамензон.
- Вамензон! За что же он тебя так отодрал?
- Характер мой хотел переломить В бараний рог сулился согнуть, да не вышло, хотя я и без шкуры остался.
- А ну-ка, покажи, как он тебя изукрасил?
- Соромно при людях, ваше благородие!
- Ишь ты какой застенчивый стал! Пойдем к Мельникову, там и разденешься Звонарев внимательно посмотрел на Блохина. Он еще более похудел, глаза ввалились. На две головы ниже Борейко, он был как же широк в плечах, как и поручик, что придавало его фигуре квадратный вид. Длинные руки кончались огромными кистями, в которых чувствовалась большая сила.

Когда Блохин разделся, то вся его спина оказалась покрытой багровыми рубцами и кровоподтеками.

- Плохо твое дело, Блоха! Знатно тебя отделал Зон. Придется тебя дня на три-четыре освободить от работы.
- Мне бы спирту стаканчик, ваше благородие, живо бы все как рукой сняло! - попросил Блохин.
- Буяннить начнешь с непривычки. Дай ему, Мельников, немного.
- Покорнейше благодарю! - радостно сказал Блохин.
- Пойдем на рыбалку, - предложил Борейко Звонареву.

Пользуясь отсутствием японской эскадры, рота вышла на хозяйственные работы. Все мало-мальски пригодные под огороды площадки на склонах Золотой горы были очищены от камней, вспаханы и теперь засаживались различными овощами. Около сотни солдат, под руководством Яраева, усердно высаживали рассаду. Одеты уже по-летнему, в белых рубахах и белых фуражках, солдаты с увлечением занимались этой работой.

- Как прикоснулся рукой к теплой земле, прямо дрожь пробегает! Теперь бы у себя в деревне за сохой походить! Самое время землю-матушку пахать да бороновать! - восторженно говорил Булкин, разминая

в руках комков глинистой, неплодородной артурской земли.

- Бывало, я дома как вспашу да пробороною разождругой - земля как пух делается, - вторил ему Кошелев. - Зерно в ней как дите малое в люльке лежит!

- Уродились бы только кавуны! Давно их не едал! - вздыхал Воловой. - У нас если бахчу засадишь, то земли от кавунов не видать! И все наливные, по пуду без малого весом, что наши бомбы!

- Придет японец да своими бомбами все наши огороды и бахчи перекопает, - опасливо заметил Гнедин.

- А ты лучше орудия свою наводи, чтобы враз всех японцев потопить, - советовали ему.

- Ведмедь не допустит! Япошка его страх боится. Тогов, адмирал японский, награду по флоту объявил, кто Ведмедя нашего убьет.

- Убьешь такого! Разве цельный снаряд попадет.

- И тот поди отскочит.

- Здорово, огородники! - рявкнул, подражая Борейко, незаметно подошедший Заяц.

Солдаты вскинулись и хотели было уже отвечать, но, увидев Зайца, крепко выругались по его адресу.

- Спужались поди? - обрадованно проговорил Заяц, заметив смещение солдат.

- Работай, работай, ребята, бог труды любит, зимой с овощами да капустой будем.

- Гречу бы посеять, а то без нее скушно!

- Не растет здесь греча, жарко ей. Вместо ее чумиза произрастает.

- Чумиза - еда китайская, нам не с руки, как и рис: брюхо набьешь, а сыт не бываешь!

- Рис - еда барская, его господа очень даже одобряют!

- Потому и одобряют, что не работают!

- А китаец день-деньской спину гнет, а, кроме рису, ничего не ест.

Солдаты продолжали свою работу. На берегу больше всех хлопотал Денисенко.

Купленную сеть надвязали, увеличили крылья, сменили веревки и сегодня решили попробовать ловить рыбу. Отплыли в море на двух лодках и, раскинув почти стосаженную сеть, поволокли ее к берегу. Когда лодки подошли, солдаты начали выбирать крылья, В неводе засверкала серебристая рыбешка. Ее быстро вынимали и бросали в заранее приготовленные на берегу бочки.

- Как бы нам акулы не вытащить, а то за ноги еще схватит, - боязливо заметил Белоногов.

- Акула не собака, по земле бегать не может! - успокоил его Денисенко. - Она бы всю сеть давно изорвала.

- Черт с ней, с акулой, не вытралить бы нам ненароком мину! Это похуже всякой акулы будет! - проговорил Борейко. - Смотри, ребята, в оба, не видать ли в неводе металлического предмета, - предупредил он солдат.

Невод шел все тяжелее, и когда наконец был вытащен на берег, то оказался набитым самой разнообразной рыбой.

- Рыбу, что покрупнее, тащу сюда - чистить да солить будем. Которая сонная да вялая, на уху пойдет, а мелочь да погань всякую морскую кидай обратно в воду, чтобы не протухла и не завоняла! - командовал Назаренко.

Денисенко выбрал одну рыбу покрупнее и выбросил ее далеко в море.

- Сдурел ты, что ли, добро выкидывать зазря? - набросился на него Назаренко - Морскому царю жертва, чтобы и впредь хорошо ловилась рыба, - ответил матрос.

- Сам-то Христос из рыбаков, слышать, был, должен поэтому нам содействовать! - вставил Лебедин.

- Замолчи, Лебедин, командиру доложу про такие слова!

- Да я из Евангелия, Денис Петрович!

Всего выловили свыше сочни пудов. Пудов двадцать оставили на обед, а остальное решили засолить. Тут проявил свое искусство Блохин, когда-то работавший на рыбных промыслах на Каспии. Он устроил ряд столов, расставил за ними солдат и показал, как потрошить и засаливать рыбу.

- Оказывается, ты блоха морская, - смеялся Борейко, глядя на него, - а я

тебя считал за земляную.

- И по земле и по воде прыгать приходилось помалости, ваше благородие! Перед самым обедом на Утес неожиданно приехал Белый вместе с новым комендантом крепости генералом Смирновым. Солдат наскоро построили около казармы. Комендант подошел к ним петушиной прыгающей походкой и, вытянувшись перед фронтом в струнку, отрекомендовался:

- Комендант крепости Порт-Артур, генерал-лейтенант Смирнов!

Часть солдат, приняв это обращение за приветствие, гаркнула было: "Здрав... ", - но, не поддержанная другими, тут же сконфуженно замолчала.

Генерал сердито бросил Белому:

- Плохо дисциплинированны и не понимают русского языка!

Насупившись и поглаживая рукой закрученные вверх седенькие усы и жиденькую эспаньолку, он молчаливо прошел по фронту.

- Это еще что такое? Что у вас в роте, солдаты или рыбаки? - накинулся он на Жуковского, заметив на некоторых солдатах рыбью чешую.

Капитан от волнения лишился языка и только мигал глазами.

- Сегодня день постный, и солдаты чистили рыбу на обед, - вместо Жуковского ответил Борейко.

- Вы адвокатом, что ли, состоите при вашем ротном командире? - спросил его Смирнов.

- Поверенным в делах, ваше превосходительство! - отрезал Борейко.

- Поручик Борейко исполняет должность старшего офицера в роте, и так как капитан Жуковский заикается от волнения, то поручик и отвечает вам за него, - пояснил Белый.

Смирнов с сожалением взглянул на Жуковского, с недоумением на Белого и, не сказав более ни слова, пошел дальше. Белый за его спиной пригрозил пальцем едва сдерживающему смех Борейко. Но тут внимание генерала привлек сложенный в штабеля уголь.

- Что это, батарея или угольный склад? - обернулся он к Белому.

Борейко объяснил ему происхождение угля и указал, что им снабжаются

и соседние батареи.

- Убрать отсюда весь уголь! - приказал комендант.

Потом его неудовольствие вызвали огороды, разведенные около Утеса.

- Солдат должен быть солдатом, а не огородником, - заявил генерал.

- А дурак должен быть дураком, а не комендантом, - буркнул Борейко, обращаясь к Звонареву.

Увидя на батарее щиты при орудиях, комендант совсем вышел из себя.

- Этим вы понижаете боевой дух солдат.

- Но сохраняем его плоть, - возразил Белый.

- Плоть может быть немощна, но дух бодр, - настаивал генерал.

- Это хорошо для монахов, а у солдат всегда в здоровом теле бывает и здоровый дух, - возражал Борейко.

- У вас, поручик, не по чину слишком длинный язык.

- Слушаюсь! - смиренно заметил Борейко, сраженный генеральской логикой.

Осмотрев батарею, Смирнов зашел на электрическую станцию.

- Кто заведует? - спросил он.

Звонарев вышел вперед.

- Почему у вас грязно и плохо пахнет? - допрашивал генерал.

- Так запылились, а пахнет обыкновенным машинным маслом. Это обычный запах около паровых машин.

- Я окончил две академия - артиллерийскую и военную, но не слыхал, чтобы на электрических станциях пахло маслом. Убрать, проветрить и впредь не допускать! - кричал генерал.

В котельной внимание Смирнова привлек манометр.

- Сколько же у вас давления?

- Сто двадцать футов на один квадратный дюйм.

- Почему так мало? Увеличить до ста шестидесяти футов.

- Котел может не выдержать.

- Обязан выдержать, раз я приказываю! - отрезал генерал и вышел из котельной.

- Это еще что за чудака такой? - спросил у Звонарева Лебедин, вытирая

паклей руки.

- Комендант новый! Окончил две академии.

- То-то и видать, что учился и переучился!

Когда наконец генералы отбыли и Жуковский опять обрел дар речи, он разразился упреками Борейко:

- Борис Дмитриевич! И зачем вы гусей дразните? Смирнов мне теперь вовек сегодняшнего посещения не забудет. Надо немедленно убрать уголь, снять с орудий щиты, прекратить рыбную ловлю и ликвидировать огороды.

- Заодно отравить вас в нервную больницу, - закончил Борейко. - Пусть Смирнов чудит как хочет, а у нас все должно остаться по-старому.

- Вы меня без ножа режете, Борис Дмитриевич. Меня отрешат от командования ротой! - плакался капитан.

Тем не менее после генеральского посещения на Утесе все пошло по-прежнему, и только Жуковский иногда боязливо поглядывал на дорогу: не видно ли на ней страшного "врага внутреннего с красными отворотами на шинели".

Рыбная ловля давала хорошую свежую пищу и позволяла сделать запасы на зиму. Огороды зеленели на радость всей роте. Борейко ежедневно обходил свое хозяйство и весело покрикивал на солдат.

В один из таких дней Блохин вернулся из города сильно пьяным и забуянил.

Он накинулся на фельдфебеля с руганью, а потом налетел на Борейко.

- Ты где нализался? Марш в казарму! - приказал ему офицер.

- Ах ты, я доберусь до тебя... - бросился было солдат к поручику, но тут же был сбит с ног ударом кулака.

Подоспевшие солдаты связали его веревками и посадили в пустой пороховой

погреб для вытрезвления.

- Никому не рассказывать о происшествии, - предупредил поручик солдат.

Поняв, что он хочет замять дело, артиллеристы обещали молчать.

На следующее утро Борейко приказал позвать к себе Блохина.

- Здорово, Блоха! - приветствовал он солдата.
- Здравия желаю, - прохрипел бледно-зеленый с перепоею солдат.
- Здорово башка гудит?
- Так и трещит, вашбродие.
- Ступай проспись, а потом я тебе, курицыну сыну, придумаю наказание,
- уже добродушно проговорил Борейко.

На этом инцидент был исчерпан. Солдаты были удивлены таким исходом дела и усиленно судачили между собою по этому поводу.

- Медведь человека нутром чувствует, кто ему друг, а кто враг. Блоха теперь по гроб жизни должен быть благодарен поручику за то, что спас его от тюрьмы, а то и расстрела.

Почти ежедневно перед Артуром появлялась японская эскадра. Она проходила вдоль берега вне досягаемости береговых батарей и, выпустив по крепости несколько выстрелов, скрывалась за горизонтом. Борейко каждый раз по дальномеру замерял путь движения вражеских кораблей и наносил их на карту.

Звонарев с недоумением наблюдал, как тщательно вычерчивалась ежедневно новая кривая на большой карте в комнате поручика.

- Что ты, Боря, колдуешь? - спросил он.
- Выясняю степень глупости адмирала Того, - ответил поручик, еще более озадачив Звонарева.

Наконец как-то вечером он позвал Звонарева в комнату и, ткнув пальцем в карту, на которой красовались почти совпадающие линии движения вражеской эскадры, пробурчал:

- Того большой таки дурак, и мы его хорошенько хлопнем за глупость.
- Мы же до него не достанем, - недоумевал Звонарев.
- Достанем! Не сверху, так снизу. Поставим на пути японцев букеты из мин, авось какой-нибудь броненосец и напорется на них, как наш "Петропавловск".
- План твой, Боря, не лишен остроумия, насчет мин надо сговориться с моряками. После смерти Макарова не знаю, с кем из адмиралов можно

говорить!

- А мы обойдемся без адмиралов, переговорим с командирами миноносцев или минных транспортов и обдумаем, как подстроить добрую шкodu. Помнить будут поручика Борейко!

Через полчаса - оба друга, отпросившись у Жуковского, шагали по городу.

Сначала они заглянули на "Баян", стоявший у стенки, и посвятили Павлика Сойманова в свой план.

- Боренька, тебе бы эскадрой командовать вместо Вили! - восторженно обнял поручика Сойманов.

- Только вам надо обратиться не на миноносцы, а на минные транспорты. На миноносцах много мин не увезешь, а транспорт поднимает сразу несколько сот, - советовал лейтенант.

- Командиры транспортов штаб-офицеры, а я никого не знаю из этого высокого общества, - с сомнением говорил Борейко. - Да и мозги тут нужны посвежее, не заросшие мхом.

Сойманов предложил сейчас же побывать на минном транспорте "Амур", у капитана второго ранга Иванова.

Там он представил своих друзей Иванову и рассказал о цели их посещения. Капитан, высокий худощавый полуседой шатен, с тонким умным лицом, молчаливо их выслушал, затем хитренько улыбнулся и вынул из шкафа свернутую рулоном карту. Когда она была развернута, то на лицах всех трех друзей появилось глубокое удивление: вдоль берега были прочерчены такие же точно линии, как и на карте Борейко.

- Откуда вы получили копию моей карты? - справился поручик.

- Ниоткуда, я сам ее вычертил на основании своих наблюдений за движением японской эскадры с Золотой горы, - ответил Иванов.

- Очевидно, нам обоим пришла в голову одна и та же мысль, - сообразил Борейко.

- Совершенно верно, - кивнул Иванов.

Затем карты сверили, кое-что уточнили и исправили.

- Что же вы дальше предполагаете делать? - спросил Борейко.

- То же, что вы и предполагали: незаметно от японцев поставить мины на пути обычного движения их эскадры. Сделать это нетрудно. Главная опасность заключается в том, что мины придется ставить вне пределов трехмильной полосы, которые являются территориальными водами. Следовательно, мины будут установлены в нейтральной международной зоне, - пояснил Иванов.

- Но японцы из этой зоны бомбардируют ПортАртур, не считаясь ни с какими международными правилами. Почему же мы не можем ставить мины в этом районе?

- недоумевал Звонарев.

- От бомбардировки Артура никакие нейтральные суда пострадать не могут, а на минах легко может подрваться любой английский или американский купеческий корабль. Это может послужить предлогом к военному вмешательству Англии или Америки, - продолжал Иванов.

- Они и так во всем помогают японцам, и мы фактически воюем с триумвиратом из Англии, Америки и Японии. Чего же еще с ними церемониться? - возражал Борейко.

- Вступивший в командование эскадрой после отъезда наместника адмирал Витгефт больше всего боится международных осложнений. Тут его трудно сбить с этой позиции, - сомневался Иванов.

- Быть может, обратиться к Белому и попросить, чтобы он поговорил с Витгефтом? - предложил Звонарев.

- Едва ли это поможет. Как бы Витгефт еще не обиделся за такое вмешательство в его морские дела, - предупредил Иванов.

- Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Попросим Василия Федоровича переговорить с вашим Вилей. Может, это и придаст ему храбрости в международных делах. Будем понастойчивее, и уверен, что наше дело увенчается успехом, - решительно тряхнул на прощание руку Иванова Борейко.

Сначала Белый совсем не захотел вмешиваться в это дело.

- Дело морское, и нам, артиллеристам, нечего в него путаться, - сказал он.

Но тут неожиданно Борейко и Звонарев встретили горячую поддержку у Тахателова.

- Прекрасная мысль! Приложу все усилия, чтобы уговорить генерала съездить к Витгефту, и сам поеду с ним, - пообещал полковник.

Через день он вместе с Белым уже сидел в просторном адмиральском салоне.

Попали они к Витгефту перед самым обедом, и адмирал не захотел и слушать ни о каких делах, пока дорогие гости не отобедают вместе с ним. Пришлось согласиться с просьбой радушного хозяина.

Как истый гурман, Витгефт ел и пил не торопясь, тщательно смакуя каждое блюдо, запивая их изысканными винами, специально хранящимися у него.

Разговор шел о чем угодно, кроме того вопроса, ради которого артиллеристы прибыли к адмиралу.

Когда наконец священнодейственная трапеза кончилась и Витгефт вместе с гостями перешли в соседний салон, где их ждал кофе и ликеры, Белый приступил к изложению целей своего посещения.

- Не отрицаю, что идея постановки минного заграждения на путях японской эскадры весьма заманчива, но и достаточно рискованна во многих отношениях.

Представьте себе, что подорвется не японский военный корабль, а паршивый американский или английский купчишка. Скандал на весь мир. Международные осложнения вплоть до объявления нам войны! - горячо возражал адмирал.

- Японцы каждую ночь забрасывают внешний рейд десятками мин. Морским течением их всегда может отнести в море за пределы трехмильной полосы.

Доказать, что это наша шаровая мина, будет просто невозможно. Значит, и никаких международных осложнений бояться не приходится, - доказывал Белый.

- Японцы обычно проходят в одиннадцати-двенадцати милях от берега. Трудно предположить, что туда попала одна из мин, поставленных под

берегом. Да и постановку мин будет трудно скрыть от японцев. Они, конечно, не преминут оповестить весь мир о том, что русские минируют нейтральные воды, создавая этим угрозу мировой торговле и мореплаванию, - не сдавался адмирал.

- Конечно, надо хорошенько все обдумать. Но риск не так уж велик, если удастся скрыть операцию от японцев, зато успех может быть огромным и при этом без потерь для нашего флота, - уговаривал Белый.

- Зачем думать об англичанах и американцах? Подорвутся на минах, туда им и дорога. Все равно они с нами уже сейчас воюют японскими руками, снабжая Японию оружием, боеприпасами, деньгами, продовольствием, - чем только могут!

В японской армии и во флоте имеются английские и американские инструкторы. Почему нам не топить ихние пароходы, раз все они возят военную контрабанду?

Ваше превосходительство, не смущаясь топите все английские и американские корабли. Русский народ вам только спасибо скажет, - горячо убеждал адмирала Тахателов.

- Нельзя без разбора топать сюда! Надо сначала их осмотреть, установив наличие военной контрабанды и только тогда пускать его ко дну, а команду во всех случаях полагается спасать. Нельзя так просто решать сложные вопросы! - спорил Витгефт.

- Можно поставить мины на границе береговой полосы, в шести милях от берега, а течением их может отнести и дальше в море. Так ведь, ваше превосходительство? - не сдавался Тахателов.

- Многое можно, но это будет нечестно с нашей стороны!

- Это с японцами-то говорить о честности, после того как они без объявления войны напали на нас? - весь кипел от негодования полковник.

- Надо крепко подумать, прежде чем принимать такое решение, - продолжал колебаться Витгефт.

- Очень стоит подумать, ваше превосходительство. И я уверен, что вы согласитесь с нами, - прощаясь, говорил Белый.

Едва гости ушли, адмирал приказал вызвать к себе Иванова и снова выслушал все его соображения по постановке мин в открытом море.

- Очевидно, придется собрать для обсуждения всей операции флагманов и командиров первого ранга, - решил Витгефт.

Видя, что дело снова откладывается в долгий ящик, Иванов решил идти напролом.

- Я, ваше превосходительство, за пределы территориальных вод не выйду!

Мины установлю на самой границе. Дайте только мне три, четыре миноносца для прикрытия. В туманную погоду их будет трудно заметить.

Витгефт продолжал сомневаться. Видя это, Иванов обещался своим честным словом не выходить за пределы территориальных вод, а в душе тут же решил действовать на свой страх и риск и больше к Витгефту не обращаться.

"Поставлю мины там, где нужно, а потом меня пусть хоть в матросы разжалуют", - думал Иванов, возвращаясь к себе.

Он договорился с командирами миноносцев о готовности выйти в море при первом тумане, затем принял на борт полный боевой комплект мин и подготовил транспорт к немедленному выходу в море.

Борейко и Звонарев ежедневно посещали моряков и о положении дел докладывали Белому. Генерал, в свою очередь, по телефону справлялся о "драгоценном" здоровье Витгефта. Адмирал прекрасно понимал, что интересовало Белого, но неизменно отвечал, что все находится "в руках божьих" и если Никола-угодник поможет, то мины будут поставлены, но обязательно в пределах прибрежной полосы крепости.

Наконец наступило утро второго мая. Погода была тихая, безветренная, с ночи на море лежал туман. К утру он хотя и поредел, но все же был достаточно густ, чтобы скрыть выход в море "Амура" и миноносцев. Перед уходом Витгефт еще раз напомнил Иванову, что постановка мин должна происходить обязательно в прибрежной полосе. Капитан подтвердил свое твердое намерение точно придерживаться мудрых указаний своего начальника. И тем не менее Витгефт был неспокоен.

Едва "Амур" и миноносцы вышли в море, как адмирал сообразил, что в таком тумане трудно точно ориентироваться в море, не видя берегов.

- Поставят мины там, где не надо, и не взыщешь, - не по чем ориентироваться, - забеспокоился адмирал и приказал одному из миноносцев догнать ушедшие в море корабли и вернуть их в порт. Насилу удалось его отговорить от этого.

Между тем "Амур" и сопровождающие его миноносцы благополучно дошли до района, где следовало ставить мины. У Иванова не было ни малейших колебаний, когда он вышел за пределы береговых вод и вступил в нейтральное море. Плохая видимость из-за тумана и невозможность точно определить были прекрасным оправданием для такого нарушения. Туман, приподнявшись над морем, дал возможность точно установить мины в районе обычного движения японской эскадры. Они устанавливались одна за другой в одну линию. Всего было спущено пятьдесят мин, которые растянулись на протяжении одного километра, перпендикулярно пути движения японских кораблей.

Пока транспорт был занят установкой мин, дозорные миноносцы следили за морем. Японцы не показывались, горизонт был чист, не было видно ни одного дымка. Когда установка мин была закончена, Иванов полным ходом двинулся в Артур, миноносцы последовали за ним.

Велика была радость Витгефта при виде возвращающихся судов. Адмирал тут же объявил благодарность всем кораблям и разрешил отпустить команды на берег.

Начальник штаба Витгефта контр-адмирал Матусевич пытался было возражать, напомнив, что в случае успеха следует подумать об организации преследования подорвавшихся на минах кораблей противника.

- То, что наши корабли благополучно вернулись с моря, уже, по-моему, является успехом. О преследовании врага нам думать не приходится ввиду нашей слабости, - даже руками замахал на него Витгефт.

Второго мая день был воскресный, и, несмотря на военное время, работ в этот день не производилось. Многие знали о выходе "Амура" для

постановки мин, и теперь тысячи людей с нетерпением ждали появления японской эскадры.

Обращенные к морю склоны Золотой горы. Тигрового Хвоста, Перепелиной горы были усеяны людьми, которые кто в бинокль, кто в подзорную трубу, а кто и простым глазом следили за всем, что происходило в море.

Уже перевалило за полдень, туман окончательно рассеялся, видимость стала прекрасной, и тут на горизонте появилась идущая в кильватерной колонне эскадра адмирала Того. Один за другим шли шесть японских броненосцев во главе с флагманским кораблем "Микаса". За ним следовали три броненосных крейсера.

Жуковский с Борейко и Звонаревым с бруствера батареи следили за неприятельской эскадрой. Вдруг под одним из броненосцев раздался взрыв, и он сильно накренился набок.

- Ура! Ура! Налетел на мину, что наши поставили! - обрадовался Борейко. Японские корабли бросились на помощь пострадавшему, и тут еще один из броненосцев взорвался, окутался паром и исчез под водой.

- Совсем как "Петропавловск"! - проговорил Звонарев.

Японские корабли сгруппировались около места катастрофы.

- К орудиям! - скомандовал Борейко. - Надо их обстрелять, пока они стоят в куче.

Но дистанция до японцев оказалась около пятнадцати верст, и с Утеса обстрелять ее было нельзя. Борейко ринулся к телефону и позвонил на сигнальную станцию. Вызвав дежурного, он сообщил о том, что происходит.

- Мы это сами прекрасно видим!

- Так почему вы не открываете огня с броненосцев?

- Адмирал считает это излишним: японцы могут ответить на нашу стрельбу бомбардировкой Артура!

- Ваш адмирал трус и изменник! - заорала телефонную трубку поручик.

Дежурный офицер на сигнальной станции поспешил разъединиться.

Борейко позвонил к Белому и попросил помочь ему говорить Витгефта.

- Это не Макаров, с ним не сговоришься! Попробую позвонить сейчас Стесселю, - может, он сумеет воздействовать на моряков, - ответил Белый.

Но командующий эскадрой адмирал Витгефт уперся и не стал даже слушать Стесселя.

Взбешенный генерал вместе с Никитиным прискакал на Золотую гору и обрушился на прибывшего туда Витгефта.

- Если вы, ваше превосходительство, немедленно не откроете огонь по японцам, я прикажу береговым батареям обстрелять вашу эскадру, - кричал Стессель на адмирала.

- У нас у самих есть пушки, - огрызнулся Витгефт.

- Которые вы боитесь разрядить по японцам,

- Просто не считаю нужным делать это!

Никитин и Белый бросились успокаивать Стесселя, а Григорович доказывал Витгефту необходимость выступления против японцев.

- Генерал Стессель требует от вашего превосходительства точного ответа, что вы сейчас намерены пред" принять против японцев? - подошел к адмиралу Никитин.

- Выслать "Новика" с миноносцами для атаки японцев, - вместо Витгефта ответил Григорович, - Сигнальщик! Поднять сигнал: "Новику" и миноносцам немедленно выйти в море и атаковать японцев! - распорядился он.

Но миноносцы и "Новик", ввиду того что половина команды у них была на берегу, смогли поднять пары лишь через два часа, и, когда они наконец вышли в море, японцы давно уже скрылись за горизонтом.

Вечером того же дня Борейко с Звонаревым отправились в город, разукрашенный флагами в честь неожиданного успеха на море. На "Этажерке" и на улицах толпилась масса народу; особенно много было моряков. Они сегодня чувствовали себя героями дня, - впервые удалось нанести японцам большие потери в крупных линейных судах. Престиж моряков сразу возрос: сегодня все поздравляли их.

- Теперь, когда японский флот так сильно ослаблен, надо думать, и наша

эскадра наконец выйдет в море и окончательно добьет японцев, - высказывали свои надежды армейцы.

- Будь жив Макаров, эскадра с первой же высокой водой вышла бы в море, чтобы преследовать Того до самой Японии. Что предпримет Витгефт, никто сказать не сможет. Вернее всего, мы по-прежнему будем отсиживаться в гавани, - говорили морские офицеры.

- Необходимо в таком случае возможно скорее повесить вашего Витгефта на мачте его флагманского корабля, - вмешался в разговор Борейко.

- И назначить тебя командующим эскадрой, - улыбнулся подошедший Сойманов.

- Не меня, а Эссена, он спать эскадре не даст. Достойный ученик Макарова!

- Дело не в одном Витгефте. Кроме него, и другие адмиралы и командиры судов первого ранга против выхода в море. Они и поддерживают в Витгефте присущий ему дух пассивности, - сокрушался Сойманов.

- Плохо наше дело, коль у вас во флоте нет ни одного настоящего командира, - вздохнул Борейко.

- У вас Стессель под стать нашему Виле, - отпаривали моряки.

- Зато у нас Кондратенко и Белый. Они свято хранят заветы Макарова на суше, - веско возразил Звонарев.

Друзья двинулись обратно на Утес.

На батарею вернулся выздоровевший Чиж. Он хотел было дружески поздороваться с Звонаревым, но прапорщик ограничился лишь официальным отданием ему чести. Борейко даже не взглянул на штабс-капитана, пробурчав себе под нос: "Вернулось наше золотце!"

Солдаты встретили возвращение штабс-капитана угрюмо и молчаливо. Чиж не замедлил сорвать на них свое раздражение: он избил Белоногова, плохо отдавшего ему честь; ткнул кулаком в лицо подвернувшегося ему под руку Зайца и поставил Блохина под винтовку за неряшливую одежду. Только Назаренко да Пахомов радостно приветствовали Чижю. Фельдфебель долго жаловался штабс-капитану на потворство солдатам Борейко и мягкость командира.

- Только на вас, ваше благородие, надежда осталась! - лебезил Назаренко.

- Дай срок, я всех к рукам приберу, и солдат и офицеров! - хорохорился Чиж. - Довольно Бореико тут побезобразничал под крылышком Жуковского!

Вечером, придя к Жуковскому, он начал охать и вздыхать.

- На вас лица нет, Николай Васильевич! За время моего отсутствия вы извелись совсем! Вам надо отдохнуть, иначе вы не вынесете тяжести войны, а у вас семья! О ней подумать надо! - разливался штабс-капитан. Жуковский, особенно болезненно переживавший перерыв сообщения с Россией, лишивший его всякой связи с семьей, расчувствовался.

- Я совсем изнервничался, меня издергали и японцы, и еще больше свое начальство. Вечно ждешь нагоняя за что-нибудь, - жаловался он.

- С такими офицерами, как у нас, далеко не уедешь! Не мудрено, что вы получаете нагоняи от начальства. Бореико ведет себя так, как будто он, а не вы командуете ротой. Прапор ухаживает за дочкой генерала и поэтому на всех плюет. Солдаты одичали и похожи более на лесных зверей, чем на строевых нижних чинов. Полный развал в роте! Ложитесь на месяц в госпиталь отдохнуть, а я тут займусь делами, - уговаривал Чиж капитана.

- Вы правы, Александр Александрович, мне действительно надо основательно подлечиться! - согласился Жуковский.

Узнав о намерении командира лечь в госпиталь, Бореико не стал его отговаривать

- Валяйте! Отдохните, а мы за вас повоюем, - приветствовал он.

На следующий день Жуковский побывал в Управлении артиллерии и получил разрешение лечь в госпиталь. Однако, вопреки ожиданию Чижа, временно командующим ротой был назначен не он, а состоящий в распоряжении Белого штабс-капитан Гудима. Он вместе с Жуковским приехал на Утес. Очень здоровый, спокойный и уравновешенный, Алексей Андреевич Гудима обошел батарею, знакомясь с обширным хозяйством, дружески поздоровался с Бореико, приветливо поговорил с

Звонаревым и вежливо-сухо с Чижом. С солдатами пошутил, но Зайца поставил на четыре часа под винтовку за грязь на кухне.

Борейко, по своей всегдашней привычке, начал было протестовать против этого, но Гудима добродушно похлопал его по спине и не стал слушать.

- Ты, Борис Дмитриевич, командуй ротой, а я буду только за внешним порядком приглядывать! - предложил он Борейко.

Таким образом, все пошло почти по-старому, если не считать, что и солдаты и офицеры вдруг почувствовали, что у них есть командир, которому нельзя не подчиняться. Даже Борейко, несмотря на сделанное ему предложение, все чаще стал ссылаться на волю и намерения командира.

Чижу было поручено учесть все трофейное имущество, и он, чертыхаясь и проклиная Гудиму, с утра до вечера перевешивал уголь, мерил канаты, парусину, считал железные листы и ежедневно докладывал командиру.

Когда он однажды ночью отправился в Артур без разрешения, то наутро получил трое суток домашнего ареста.

Сам Гудима с утра обходил батарею, затем сидел недолго в канцелярии и возвращался к себе. Дома он открывал толстую тетрадь с замком и мелким, бисерным почерком писал свои мемуары. Помимо этого, Гудима занялся также Шуркой Назаренко. Он лихо закручивал вверх свои усы колечком и внимательно оглядывал девушку. Вскоре он предложил ей брать у него книги для чтения и своей ласковой простотой завоевал расположение не искушенной жизненным опытом Шурки.

Седьмого мая Звонарева вызвали в Управление артиллерии, где сообщили, что он вместе с командой с Электрического Утеса откомандировывается в тринадцатую сводную роту, расположенную на цзинджоуских позициях.

- Я посылаю туда вас, Сергей Владимирович, - говорил ему Белый, - так как там нужен инженер для наладки прожектора и электрического освещения и надо дооборудовать кое-что на батареях. Вы будете находиться в подчинении командира роты штабе капитана Высоких.

Перед отъездом загляните к генералу Кондратенко, он хотел вас видеть. Желаю вам успеха! - И генерал крепко пожал ему руку.

На улице Звонарев встретил Варю Белую, которая, видимо, поджидала его.

- Вы сегодня едете в Цзинджоу? - спросила она. - Там будет большое сражение, и вообще там очень опасно. Вам надо быть осторожным и не бравировать зря.

- Вы ведь знаете, что я известный трусишка! - улыбнулся Звонарев.

- Вы только со мной трусите, а я совсем нестрашная, - печально заметила Варя. - Японцев же вы не боитесь, я это знаю!

- Грешен, больше боюсь амазонок!

- Я вовсе не амазонка, а всего только не кисейная барышня. Вы возьмите с собой бинты, вату и тому подобное, чтобы, в случае чего, все было под рукой.

А главное, берегитесь!

- Я не собираюсь ни умирать, ни получать ранения.

- Это вовсе от вас не зависит. Пока до свидания!

- Где? - спросил Звонарев. - Быть может, и на том свете. Предпочел бы какое-нибудь место поближе.

- Постараюсь исполнить ваше желание. - И девушка упорхнула.

Побывав у Кондратенко и получив у него подробные инструкции, Звонарев на обратном пути зашел к Риве. Там он застал Андрюшу, который по-домашнему валялся на диване в гостиной. Рива заботливо варила ему какое-то укрепляющее снадобье.

Узнав, что прапорщик едет в Цзинджоу, оба забеспокоились.

- Там, брат, тебя в два счета могут угробить. Это тебе не скоротечный бой эскадры: постреляли и ушли. Там как начнут стрелять, так целый день и будут палить без остановки, - пугал Андрюша.

- Там, должно быть, очень страшно. Мы с Андрюшей будем сильно за вас беспокоиться. Как только вернетесь, немедленно заглядывайте к нам, - вторила ему Рива.

- С завтрашнего дня я назначен на "Отважный". Может, нас и пошлют

поддерживать вас с моря, - добавил Акинфиев.

Распростившись с друзьями, прапорщик направился домой. На другой день утром он с первым взводом своей роты выехал в Цзинджоу.

Часть 2

Глава первая

Тридцать первого марта 1904 года погиб на "Петропавловске" адмирал Макаров. Первого апреля об этом узнал адмирал Того и тотчас телеграфировал в Токио, а уже через день, второго апреля, японская главная квартира отдала приказ начать десантную операцию по высадке на Ляодуне Второй японской армии под командованием генерала Оку. Так расценили в Токио гибель русского флотоводца. Японцам стало ясно, что обезглавленный потерей командующего русский флот не сможет помешать намеченной операции. Боевой дух, который так старательно поддерживал на флоте погибший адмирал, сменился полным упадком.

Вполне боеспособная эскадра вместо активных действий в море спряталась в закрытый порт и не решалась оттуда выйти. Деморализованная, она оказалась бессильной помешать противнику произвести перевозку на восьмидесяти трех транспортах из Кореи на Квантун целой армии в составе тридцати шести батальонов пехоты, семнадцати эскадронов кавалерии и двухсот шестнадцати орудий, всего свыше пятидесяти тысяч человек.

В Порт-Артуре узнали о появлении японского флота с десантом в бухте Ентоа около Бидживо днем двадцать первого апреля. Насмерть перепуганный наместник Алексеев, ни с кем не попрощавшись, спешно покинул Артур, назначив начальника своего походного морского штаба адмирала Витгефта на должность командующего эскадрой.

В районе высадки вражеского десанта находилась Четвертая дивизия генерала Фока, но он ограничился лишь ролью зрителя и ничего не предпринял для того, чтобы оказать сопротивление врагу. В Артуре происходили непрерывные заседания адмирала Витгефта с целью

выработки плана противодействия японцам на море. Зараженные оборонительными тенденциями Витгефта, командиры судов и младшие флагманы в один голос высказывались против каких-либо активных действий. Задержать высадку десанта, по мнению моряков, могли только сухопутные части, а в штабе Стесселя считали, что главная роль в борьбе с десантом противника принадлежит флоту и сухопутные части должны лишь добивать остатки высадившегося войска.

Даже получив прямой приказ Алексеева выслать навстречу десанту броненосец "Пересвет" с пятью крейсерами и десятью миноносцами, Витгефт не выполнил его под различными пустыми предлогами. В результате двадцать первого апреля японцы начали высаживать десант. Погода им не благоприятствовала. Разразившийся на следующий день сильный шторм с дождем и вихрями почти на неделю задержал высадку десанта. Зато эта же погода очень облегчила бы действия русских миноносцев; воспользовавшись ненастьем, они легко могли бы подойти незамеченными к вражеским кораблям на торпедный выстрел.

Такая задержка с высадкой десанта, кроме того, позволяла сосредоточить к месту высадки не только всю дивизию Фока, но и подтянуть силы из Артура и даже Манчжурии. Но ни моряки, ни сухопутное начальство ничего не сделали, чтобы помешать японцам. Стессель разрешил Фоку действовать "по своему усмотрению, но в большой бой не ввязываться", а Витгефт попросту не выслал на море ни одного корабля. Четверо суток передовой эшелон японского десанта в составе батальона при четырех орудиях был полностью отрезан от эскадры и лишен какой бы то ни было поддержки с ее стороны. Дивизия Фока легко могла его уничтожить, но генерал ничего не предпринял для этого.

Все поведение как Витгефта, так и Фока со Стесселем явилось прямым предательством и изменой.

Только по прошествии семи суток, когда основная масса японской армии уже была высажена на берег, Фок двинул к месту высадки две роты с полубатареей.

Этот небольшой отряд, будучи атакован превосходящими силами противника, потерпел поражение и отошел к городу Цзинджоу.

Прервав двадцать девятого апреля железнодорожное сообщение Порт-Артура с Манчжурией, генерал Оку двинулся на юг к городу Цзинджоу, где имелась укрепленная позиция русских, прикрывавшая Ляодунский полуостров с севера, и к десятому мая передовые части японцев появились в этом районе.

От Порт-Артура до Цзинджоу по железной дороге было всего около семидесяти верст, и все же на переезд требовался целый день. Слабосильные устаревшие паровозы медленно, с трудом передвигали составы по двадцать вагонов в каждом.

Выехав со своими солдатами утром седьмого мая из Артура, Звонарев только к вечеру добрался до места назначения.

На станции толпилось много солдат.

Около небольшого кирпичного здания вокзала разместились длинные деревянные склады интендантского имущества и огнеприпасов.

В полутора верстах от станции возвышался ряд сопок, унизанных окопами и проволочными заграждениями. Вправо, в обход позиции, шла широкая дорога к обнесенному высокой каменной стеной китайскому городу Цзинджоу. Сзади, за железной дорогой, виднелся длинный, но мелководный залив Хунуэза.

Проголодавшиеся за день солдаты устремились в устроенную под навесом столовую.

Блохин, Белоногов и Заяц со своими бачками пробрались к окну, через которое выдавали похлебку и хлеб.

- На сколько человек? - спросил грязный кашевар.

- На полсотни! - ответил Блохин.

- Где ваш аттестат? - высунулся в окошко артельщик-стрелок.

- У прапорщика, а вот записка от вашего коменданта.

- Тут написано на сорок, а не на пятьдесят.

- Отпусти им на полсотни: видать, люди голодные, - сразу смягчился артельщик.

Через полчаса, налившись по самое горло жиденькой похлебкой и на ходу грызя черствый хлеб, артиллеристы двинулись со станции.

- Супротив наших харчей на Утесе похлебка совсем даже мусорная, - хрипел сзади Блохин. - Если бы шкалик не пропустил, так совсем бы в глотку не полезло.

- Да, нашу рыбку мы, верно, тут не раз вспомним, - вздохнул Кошелев.

- Заяц-то зачем с нами? Неужто наводчиком будет? - удивился Лебедкин.

- Народу здесь поболее четырех сотен, а артельщик один! Вот и приказал генерал меня с Белоноговым на помощь сюда послать, - горделиво заявил Заяц.

- Ишь ты, важный какой стал, сам генерал о нем приказ дает! - бубнил Блохин. - Обо мне он только раз приказ и отдавал, когда велел выпороть. Быстро, по-южному, спустилась ночь. В темноте смутно белело полотно дороги, в траве стрекотали цикады, где-то на болоте квакали лягушки. Гулко донесся свисток паровоза и, многократно повторенный эхом, постепенно затих в сопках. По дороге медленно тащились, немилосердно скрипя немазаными колесами, китайские арбы, запряженные коровами.

- Далеко нам идти-то, ваше благородие? - справился Кошелев.

- Как гору обогнем, будет шоссе на правую руку. По ней поднимемся и аккуратно на позицию попадем, - ответил Родионов, шедший впереди рядом со Звонаревым.

- До японца-то далеко ли? - спросил Лебедкин.

- Из пушки достанешь, - ответил Булкин.

- Японцы постепенно приближаются к Цзинджоу со стороны горы Самсон. Верно, дня через два-три они и сюда доберутся, - пояснил Звонарев.

- Значит, и житухи нам осталось всего три дня! - прохрипел сзади Блохин.

- Раньше времени помирать собрался! Кто в тебя, блоху, попадет?

- А ежели и попадет, то отскочит, - усмехнулся Блохин, - меня только с морской пушки убить можно, а полевая не берет, вроде бронированный я!

- Расхвастался, черт! Смотри, как бы японцы тебе кишки не выпустили.

- Куда им! Не доберутся! Больно я толстый стал от зоновских харчей.
- Что, березовую кашу своего Зона никак забыть не можешь? - спросил Родионов.

Через четверть часа команда подошла к небольшому лагерю, разбитому за позицией на южном склоне сопки.

Звонарев пошел представиться командиру роты штабс-капитану Высоких, а солдаты остановились у палаток в ожидании дальнейших приказаний. Их тотчас же окружили.

- Откуда? Из какой роты? Кто командир? Сколько вас всего? - посыпались вопросы.

- С Электрического Утеса! Сорок человек да один прапор, - за всех ответил Блохин.

- Значит, пороху уже нюхали достаточно?

- Да, видать, не нанюхались, что сюда притопали.

Солдаты разошлись по палаткам, расспрашивая о жизни на позиции.

- Житуха у нас пока была тихая. Пушки ставили да снаряды возили. Харч, правда, плохой. Только когда у китайцев свиньей разживешься, еда как следует. С водой плохо. Колодцы нарыли, а вода в них горькая. Много и в жажду не выпьешь, - рассказывали солдаты вновь прибывшим. Пока солдаты знакомились с новым местом, Звонарев сидел в палатке у Высоких.

Штабс-капитан принял его запросто и предложил чаю. Выслушав подробный доклад прапорщика, он ознакомил его с планом цзинджоуских позиций, расположением батарей и предположениями относительно предстоящих боев.

- Вам я поручу левый фланг. Там шесть батарей легких и старых китайских пушек. Сам я командую батареями центра. Здесь расположены все тяжелые орудия, правым флангом будет командовать поручик Садыков. А Известковой батареей, что за железной дорогой, - поручик Соломонов. Завтра вы со всеми познакомитесь. Солдат ваших я тоже направлю к вам, за исключением артельщика и кашевара, которых оставим тут. Ваш фейерверкер знающий? - спросил Высоких у Звонарева.

- Прекрасный солдат и вполне надежный фейерверке?
 - Вот и отлично! Мне надо назначить кого-либо понадежнее на батарею, что у северных ворот города. Там всего четыре старые китайские пушки и по пятьдесят снарядов на орудие, назначать туда офицера незачем. Задача батареи-прямой наводкой обстреливать подступ к городу, а затем, бросив пушки, отойти сюда.
 - Мне приказано связаться также с инженером Шевцовым.
 - Завтра с утра увидите его на позициях. Он заставит вас заняться прожекторами, которые у нас не в порядке.
 - Разрешите пойти посмотреть, как расположились мои люди, - попросил Звонарев.
 - Выйдем вместе, заодно и позиции обойдете. На ночь я всегда сам осматриваю, все ли в порядке на батареях.
- Вышли из палатки. Кругом все было окутано мягкой ночной темнотой. Только внизу, за главной позицией, светились казармы стрелкового полка да окна офицерского собрания, откуда доносилась бравурная музыка.
- Здесь с самого утра гремит эта музыка и не умолкает до глубокой ночи,
 - пояснил Высоких.
 - Веселый, значит, полк и бодрое настроение у офицеров, - иронически заметил Звонарев. - Вы давно здесь?
 - С первого мая! Хотя позицию стали укреплять с начала войны, но работа шла через пень колоду, а когда японцы высадились в Бидзиво, то мы сразу запороли горячку. Сформировали наскоро нашу роту, причем в нее ротные командиры поспешили сплавить всех самых плохих солдат и фейерверкеров.
- Около артиллерийского лагеря, состоящего из полутора десятков палаток, они несколько задержались.
- Родионов! - окликнул Звонарев.
 - Я, ваше благородие! - вынырнул из темноты Родионов.
- Звонарев сообщил Родионову о его новом назначении.
- Справишься, не боишься?

- Отчего не справиться? Не страшней будет, чем у нас на Утесе бывало! - спокойно ответил фейерверкер.

Отпустив Родионова, прапорщик зашагал вместе с Высоких дальше. Вдоль всех батарей шел ход сообщения. Рядом на столбах был протянут телефон. В темноте чернели невысокие брустверы батарей, кое-где офицеров окликнули дневальные.

Обойдя батарею, офицеры вернулись обратно.

Едва рассвело, как Высоких уже поднял роту. Наскоро умывшись и прибрав палатки, солдаты поспешили в столовую, где их ожидал чай, заваренный прямо в кипятниках. Заяц с Белоноговым уже хлопотали около шести больших котлов, в которых варился обед для всей роты.

- Слухай, ребята, что я вам скажу! - обратился "солдатам Родионов. - Мне нужно с собой на передовую позицию пять человек. Кто из вас хочет?

Желающих оказалось больше, чем надо.

- Тогда, значит, я сам выберу по своему вкусу: Купин, Блохин, Ярцев, Булкин и Гайдай, - перечислил фейерверкер.

- Мне с тобой нельзя? - подскочил к нему Заяц.

- Кухарить тебе здесь приказано! Смотри без меня корми наших с Утеса как следует! - поучал Родионов. - За меня старшим в нашей команде остается Лебедин, его и слушайте, как своего батьку!

Подошел Звонарев.

- Встать, смирно! - скомандовал Родионов.

Прапорщик поздоровался.

- Садись, - приказал он и присел к столу около Родионова. - Кто же с тобой идет? - спросил он.

Фейерверкер назвал фамилии.

- Ладно! Как кончите есть, зайдите за мной в палатку, вместе пойдем.

С северо-запада на юго-восток, перегораживая узкий перешеек между двумя заливами, тянулась гряда невысоких сопок от берега Цзинджоуского залива и до залива Хунуэза. Высота их на севере достигала шестидесяти саженей над уровнем моря, а на юге несколько снижалась. Как раз посередине между ними, верстах в двух впереди

позиции, высился обнесенный трехсаженной каменной стеной городок Цзинджоу. Здесь же расположилась китайская деревушка, являющаяся как бы пригородом Цзинджоу. По другую сторону Цзинджоской долины сразу начинались крутые отроги горы Самсон, закрывающие весь горизонт с севера. Все они поросли густым гаолянном, чумизой и кукурузой. В этих зарослях свободно могли незаметно передвигаться целые полки. Только около самых вершин хребта виднелись скалистые голые пространства.

Окопы вкруговую опоясывали все сопки. Внизу, у самой подошвы, шел первый ряд траншей, прикрытых спереди широкой полосой проволочных заграждений. На половине горы был расположен следующий ярус окопов с колючей проволокой, тоже охватывающий позицию со всех сторон.

Наконец, на самом верху расположились десять люнетов, обращенных своими фасадами на все четыре стороны. Таким образом, только расположенные между люнетами и позади них батареи стояли фронтом на север и на северо-восток, откуда ожидалась главная атака противника. Такое устройство позиции превращало ее в ловушку для занимающего ее гарнизона в случае прорыва японцев в тыл, ибо при этом всем частям пришлось бы отступить к узкому, двадцатисаженному проходу в проволочных заграждениях, устроенному за крайним правым флангом. Это же обстоятельство затрудняло эвакуацию раненых во время боя и делало невозможным вывоз орудий при отходе.

- На какой бой рассчитана эта позиция? На оборонительный или наступательный? - спросил прапорщик у Высоких.

- На любой, кроме наступательного! Вперед с этой позиции не выйдешь.

- Короче говоря, позиция заранее предопределяет нашу пассивность в бою!

- Нам и дана задача оборонять Квантунский полуостров с севера! Мы попробуем задержать здесь японцев, и если это удастся, то пробудем тут до прихода помощи из Манчжурии, а если нет, отойдем к ПортАртуру.

Позавтракав, Звонарев с солдатами двинулся в Цзинджоу.

Вблизи стены города оказались далеко не такими внушительными и

прочными, как выглядели издали. Во многих местах они потрескались и осыпались, ворота были деревянные. Узенькие, донельзя грязные, кривые улочки, мелкие китайские лавчонки, масса ребятишек, копающихся в уличном мусоре, и удушливый запах кунжутного масла, чеснока и падали - были "достопримечательностями" Цзинджоу.

В центре города было расположено несколько двухэтажных домов полуевропейского типа, но с китайскими черепичными крышами с загнутыми вверх углами. Здесь же была кумирня, окруженная жалким подобием сада. На небольшом расширении улицы, игравшем роль площади, столпились китайские арбы со всевозможными продуктами. Тут же высился столб для объявлений, около которого стоял глашатай, время от времени под треск барабана доводящий до всеобщего сведения о последних распоряжениях местного китайского губернатора-даотая - и русских властей. Шумливая и подвижная базарная толпа то напирала на него, притискивая к самому столбу объявлений, то отходила к краям площади, и тогда глашатай усиленно звал ее к себе барабанным боем.

В толпе китайцев бродили несколько русских солдат. Среди них находился и Блохин. Он приценивался к различным товарам, но ничего не покупал.

- Чем не наша ярманка? Народу - тьма, гомонят, торгуют, а чего надо, того и нет, - философствовал солдат.

- Чего же тебе понадобилось? - справился один из солдат.

- Надо бы мыльца купить, да жаль денег на него тратить. Лучше пропустить стакан рисовой водки. Хотя она и слабше нашей, но пахнет по-настоящему.

- Водку продают за углом, да и то из-под полы. Запрет на нее положен, чтобы солдаты не пьянствовали. Китайцы-то ее не пьют. Все больше гашиш курят, вместо водки, опиум прозывается.

- Пробовал я его. Ошалел, а удовольствия никакого, - ответил Блохин. - Нет, для русского человека лучше водка.

На площади появился одетый в просторный белый кафтан и такие же штаны китайский чиновник. Над ним несли большой зонтик,

прикрывавший его от палящих лучей солнца, босоногие китайские полицейские с бамбуковыми палками в руках и прямыми короткими мечами у пояса, двое из них разгоняли толпу, очищая дорогу.

У столба с объявлениями установили удобное плетеное кресло. Чиновник опустился в него. Один из полицейских тут же над головой его укрепил зонтик, а другой стал обмахивать большим веером лицо своего начальника.

Глашатай громко выкликал китайские имена. Вызываемые проталкивались сквозь толпу к чиновнику. Начался суд. Чиновник лениво слушал, что ему говорили, задавал вопросы, на которые ему пространно отвечали. Истец, хорошо и чисто одетый, с четками на шее, неторопливо излагал свое дело, показывая руками на стоящего рядом бедняка. Когда он кончил, бедняк бросился на колени перед чиновником и быстро заговорил. На жирном скопческого типа лице чиновника появилась брезгливая гримаса. Загнутым вверх концом своей туфли он ткнул бедняка в лицо и что-то сказал. Бедняк припал лицом к земле, о чем-то умоляя чиновника, но тот уже отвернулся от него. Двое полицейских оттащили китайца в сторону, бросили его на землю и начали избивать бамбуковыми палками по икрам и пяткам, что-то при этом приговаривая. Около избиваемого собралась толпа, которая громко выражала свое возмущение происходящим.

К месту экзекуции протиснулись Блохин и солдаты.

- Ишь как над человеком изгаляются! У нас тоже бьют, но розгами, а тут лупят прямо палками. И как только народ такое издевательство терпит? - удивился Блохин.

- У нас целыми деревнями подряд всех порют от мальцов до стариков. И тоже народ переносит, - ответил один из солдат.

- Дай время, и у нас и у них перестанут терпеть. Слушок уже прошел, что в России заварушка поднимается. За что человека терзаете? - спросил Блохин у полицейских.

Те непонимающе посмотрели на него.

- За что бьете, сукины сыны? - уже сердито повторил вопрос Блохин.

- Денга плати нет, - слышалось из толпы.

- Так, значит, все одно как у нас недоимки с крестьян выколачивают.

Видать, у бедного человека везде одна судьба. Сколько он должен? - справился Блохин.

- Многа, многа, - ответил тот же китаец.

- Плохо, значит, его дело! А может, не очень много? Два-три рубля. Кто ему даст? - спросил Блохин и поднял для ясности вверх три пальца.

Китайцы уже давно о чем-то совещались между собой. Некоторые протягивали медные деньги полицейским.

- Помочь хотят, - догадался Блохин. - Возьмите и мой гривенник. Может, и он пригодится.

- Мало есть. Болша надо, - сказали китайцы, беря деньги.

- Эх, нет у меня грошей, чтобы избавить человека от тиранства, - вздохнул Блохин, порывшись в кармане, вытащил медяшку. Остальные солдаты тоже протягивали китайцам медные монеты.

В это время в толпе появился Звонарев. Он знаком позвал к себе солдат.

- Что такое? - спросил он у Блохина.

Солдат пояснил.

- Сколько же он должен? - справился Звонарев, участливо глядя на худое, измученное страданиями лицо избиваемого.

- До смерти забьют человека за долги, - проговорил Блохин, заметив взгляд прапорщика.

Звонарев подошел к полицейским и властно спросил о величине долга наказываемого. Увидев перед собой русского офицера, полицейские перестали бить китаец и на ломаном языке ответили:

- Три рубля русски деньги.

Увидя офицера и услышав его вопрос, к Звонареву подошел один из чиновников, стоящих тут же.

- Господина капитана хочет заплатить за ответчика? Он очень плоха человек, мал-мала хунхуз. Денга ест, плати не хочу. Думай - побьют, а денга мне останется.

Окружившие прапорщика китайцы при этих словах сразу громко заговорили, оживленно жестикулируя. Звонарев недоуменно смотрел на них, не понимая, что происходит.

- Врет все этот холуй, хозяйскую руку держит! - закричал Блохин.

- Бери, Блохин, трешку и разбирайся с ними сам, мне к коменданту города надо, - сказал прапорщик и отошел.

- Эй, кто тут по-русски понимает? - обратился к китайцам Блохин.

- Я малочмало понимаю, - отозвался один из китайцев.

- Тогда слушай, что я тебе скажу. Сколько вы денег промеж себя собрали?

Китайцы не сразу ответили, долго спорили, потом наконец Блохин получил ответ:

- Собрали рубль и полрубля.

- Давай их сюда, получи трешку, и будем в расчете. А я на полтора рубля хорошо выпью за здоровье побитого. Все будет в полном порядке, - усмехнулся Блохин.

Китайцы не скоро поняли, что им предлагает солдат. Когда догадались, взяли было трешку, но тут в дело вмешался высокий хмурый китаец. Он отобрал трешку у китайцев и вернул Блохину, мрачно проговорив:

- Русски денга надо нет. Китайси сами собирай.

- Так ведь я помочь хочу. Даю от чистого сердца, - запротестовал было Блохин, но китаец снова решительно проговорил:

- Русски денга надо нет. Русски денга брать нет.

- Ишь ты какой гордый народ! У чужих даже деньги брать не хочет, - удивился Блохин, поняв, в чем дело. - Не берут наших денег, сами промеж себя хотят собрать, даром что нищие все с виду.

Толкаясь по базару, Блохин натолкнулся на продавца, торговавшего безделушками из слоновой кости. Особенно понравилась ему статуэтка, изображающая молодую женщину с ребенком.

- Покажите-ка, лао, эту вещичку, - потянулся Блохин за статуэткой.

Китаец посмотрел на него недоверчиво, видимо опасаясь, что солдат украдет вещь.

- Ты не сумлевайся, лао. Я с ней не убегу, - поспешил заверить китайца Блохин.

Понял ли его китаец или физиономия солдата почему-то внушила ему доверие, но он протянул статуэтку Блохину.

- Ишь ведь какие мастера делать такие красивые штучки. Народ бедный, живет плохо, а какую красоту сотворяет. Под стать нашим палешанам. Сколько за нее хочешь, лао?

- Три рубли, - подумав, ответил торговец.

- Сдурел ты, что ли? Рублевку дам, а больше ни копыя, - сказал Блохин и для большей ясности поднял один палец вверх.

Китаец отрицательно покачал головой. Блохин перебрал еще несколько безделушек, удивляясь их тонкой художественной работе, но лучше той статуэтки не оказалось.

- Эх, была не была дам за нее полтора рубля. Авось прапор не очень заругает. - И он знаком объяснил китайцу свою цену.

Торговец уже соглашался продать за два рубля.

- У меня столько денег нет, - развел руками Блохин.

Огорченный солдат уже хотел отойти, когда к продавцу подошел другой китаец, быстро о чем-то ездую говоря.

После этого торговец неожиданно согласился на предложенную Блохиным цену.

Обрадованный солдат бережно завернул свою покупку в платок и для пущей сохранности спрятал ее за пазуху.

Вскоре Блохин снова встретил Звонарева.

- Виноват я перед вами, вашбродь, потерял все ваши деньги, полтора целковых осталось.

- А остальные пропил, что ли? - хмуро спросил прапорщик.

- Я, вашбродь, пью только на свои деньги, - даже обиделся Блохин. - Вот купил для вас вот эту игрушку. - И солдат протянул статуэтку Звонареву.

Взглянув на статуэтку, прапорщик невольно залюбовался ею.

- Да, действительно прекрасная вещичка. Но зачем она мне?

- Варьке, то бишь своей, барышне подарите, - ухмыльнулся солдат.

- Не совсем удобно дарить девушке сувениры, напоминающие о материнстве. Обидится еще, чего доброго. Я ее все-таки мало знаю... - заколебался Звонарев.

- Они, девки, что генеральские, что простые, страсть любят подарки, покрасивше были б. Враз всем зачнут показывать, хвастать.

- Я и не подозревал, что ты такой знаток девичьего сердца, - улыбнулся прапорщик.

- А ежели они осерчают, то вы, вашбродь, скажите им, что это подарок от меня, - предложил солдат.

- Так она и поверит, - снова усмехнулся Звонарев, продолжая любоваться статуэткой, которая ему все больше нравилась. - Талантливый народ китайцы, - задумчиво произнес он. - Большие мастера по художественной части. Видна старинная многовековая культура этого древнего народа. Беру. Спасибо, что достал, - окончательно решил прапорщик, и они вместе пошли дальше.

Кое-как протискавшись через город, Звонарев задержался у северных ворот, которые оказались закрытыми. Здесь было посвободнее. В тени домов, укрываясь от жаркого солнца, сидела группа стрелков. Они были голыми по пояс, без фуражек. На глинобитном заборе висело несколько грязных мокрых рубах и фуражек. Один из солдат старательно мочил белую чистую рубаху в огромной зловонной луже.

- Ты это что делаешь? - спросил его удивленно Родионов.

- Рубаху в грязи мараю, чтобы издали не была заметна, - ответил солдат.

- Нам всем приказано выпачкать их в грязь, и тогда они вроде японских будут.

- А у японцев разве не белое обмундирование? - удивился Звонарев.

- Какое там! Он как на траву ляжет или в гаюльне ползет, так его и не увидишь! Одежда на нем серо-зеленая, как раз под траву цветом, только когда двинется, тогда малость его видать. И фуражки у него такие же. Не то что у нас - за версту белое видать.

Артиллеристы, спросив, где расположена батарея, с трудом приоткрыли тяжелые ворота, по одному протискавшись в узенькую щель, по ходу

сообщения дошли до батареи.

Им навстречу вышло несколько человек.

- Кто же из вас старший? - спросил прапорщик.

- Я, ваше благородие, бомбардир-наводчик третьей роты Егоров Василий,
- вышел вперед один из солдат.

- Командование передашь фейерверкеру Родионову, а сам будешь у него за помощника! Японцы не сильно беспокоят?

- Днем, ваше благородие, ничего, ночью до света глаз он не даст сомкнуть, - лазит под самой батареей, того и гляди, пушку испортит,

- Стрелки-то что смотрят?

- Да за ним не усмотришь, он, как гад, по земле ползет, в яму или канаву спрячется, его и не увидишь, а он нас по рубашам за версту замечает, - Ты в грязной луже поваляйся, как пехотинцы делают, тогда и тебя не будет видно, - посоветовал Блохин.

- Что я - свинья, чтобы в грязи пачкаться? - обиделся тот.

- Сейчас пехтура наша в таких свиней обратилась. Начальство им приказ дало: как увидишь лужу, где свинья лежит, ты, значит, ее выгони, а сам вместо ее ложись и хрюкай, чтобы японец тебя за человека не признал!

- под общий хохот проговорил Блохин.

Батарея состояла из четырех старых китайских пушек трех с половиной дюймового калибра, с дальностью на четыре версты. Пушки стреляли гранатами и картечью. Шрапнелей на батарее не было. Хорошо укрытые, в глубоких окопах, с козырьками над орудиями, пушки издали почти не были видны. Тут же рядом были устроены блиндажи для номеров и снарядные погреба.

Поодаль, в тылу, находилась сложенная из кирпичей плита для приготовления пищи.

Пока солдаты осматривались на новом месте, Родионов вместе с Звонаревым договорились о связи с главной позицией. Затем прапорщик вместе с Родионовым и Егоровым пошел в город представляться начальнику гарнизона. По дороге откуда-то из гаоляна по ним дали несколько ружейных выстрелов. Пули с негромким шелканьем ударялись

в бруствер хода сообщения и выбрасывали маленькие фонтаны пыли.

- Следит, значит, за ходом японцев! Нет-нет да постреливает! - заметил Родионов.

- Он и днем и ночью не сводит глаз с батареи и города, - ответил Егоров. Начальник гарнизона города Цзинджоу, командир сводной роты пятого полка поручик Горбов, помещался в простой китайской фанзе у северных ворот.

Поручик в китайском халате сидел на канах, устланных коврами, с гитарой в руках, пил водку из стакана, напевая грустные романсы.

- Привет вам, рыцарь благородный, - поднялся навстречу Звонареву поручик.

- Зачем пожаловали в эти гнусные пенаты?

Прапорщик объяснил ему цель своего прихода и представил Родионова.

- Так, значит, ты теперь будешь моим начальником артиллерии? - обратился Горбов к фейерверкеру. - Для первого знакомства хлебни стаканчик водки, но чтобы потом ни ты, ни твои солдаты хмельного в рот не брали! А тебе, Егоров, поднесу за твои прежние заслуги! Ловко он япошат колотил, как блох. Даженочью по вспышкам ружейной стрельбы - трах, и сразу они замолкают.

Затем Горбов отпустил солдат и предложил Звонареву позавтракать.

- Выпьем, закусим, - соблазнял он прапорщика, - Смотришь, день незаметно и пройдет, а всю ночь приходится караулить на стене, чтобы япошки в город не забрались. Удивительно хитрые бестии, в щелку и в ту пролезут!

Звонарев попытался было отказаться, но поручик все же заставил его выпить и закусить трепангом.

Выйдя от поручика, Звонарев неожиданно встретился с Бутусовым.

Подполковник был в защитного цвета рубахе, фуражке и таких же брюках. На ногах красовались защитные гетры и легонькие ботинки. Прапорщик с недоумением поглядел на Бутусова.

- Удивляетесь, что я не по форме одет? В здешних краях да еще летом ходить в высоких кожаных сапогах жарко и тяжело, а в ботинках и

удобнее и легче, - пояснил пограничник.

- В таком обмундировании вас не разглядишь и в десяти шагах, - удивлялся Звонарев. - Но откуда вы достали защитную краску, которая так прекрасно, сливается с местностью?

- У китайцев. Ее сколько угодно можно было купить в Японии по очень дешевой цене. Я всех своих пограничников еще год тому назад одел в защитный цвет. Нам по роду службы приходится часто преследовать контрабандистов. Там в белом да черном далеко не уйдешь. Мигом из-за угла подстрелят. Правда, Стессель хотел мне объявить выговор за самовольное изменение формы одежды, но мы, пограничники, военному ведомству не подчиняемся. Нами командует министр финансов. А Витте не любит, когда кто-либо суется в его ведомство.

Так Стессель с носом и остался. Теперь мои солдаты благодарят бога за свою одежду, а пехота и артиллерия парится и проклинает свое начальство. Что хорошо в России и Сибири, то мало пригодно в Китае, - пояснил Бутусов.

- Значит, и все наши войска можно было одеть в защитный цвет, а не заставлять пачкаться в грязи, как это делается сейчас?

- Не только можно было бы, но и должно. Да разве с такими умниками, как у нас сидят в штабе, о чем-либо путном можно договориться! Упрямее всяких ослов. А солдаты за их глупость и упрямство будут на войне расплачиваться своей кровью, - с жаром говорил подполковник.

- Я думаю, что Кондратенко, например, поддержал бы эти начинания, - заметил Звонарев.

- По-видимому, он еще не вполне оценил огромные преимущества новой формы для солдат. Хороший он человек, но с начальством воюет только в крайнем случае. Больше надеется его убедить и уговорить, а не брать быка за рога.

Наши же верхи только такой способ обращения и принимают во внимание. Туги на новшества, а нынче в военном деле его много, и мы сильно отстаем от иностранцев. Побудете здесь, сами убедитесь в правоте моих слов.

Разговор с Бутусовым оставил у Звонарева тяжелый осадок. Ему была ясна справедливость слов подполковника, и он недоумевал, почему такие умные и прогрессивные начальники, как Белый, Кондратенко и другие, так легко уживались с вопиющими промахами в организации русской армии. Трудно было предположить, что они их не замечали. Вернее было думать, что им не придавали должного значения, считая пустяками.

"По возвращении в Артур обязательно обо всем расскажу Борейко. Он сумеет повлиять на начальство, - решил прапорщик. - Вернусь ли я или останусь здесь навсегда?" - мелькнула у него мысль в голове, но он поспешил ее отогнать, как неприятную муху.

Было уже около полудня, когда Звонарев вернулся обратно на позицию. Впалатке у Высоких он застал совсем еще молодого, розовощекого инженера - капитана Шевцова, главного строителя цзинджоуской позиции.

- Знакомьтесь, Алексей Владимирович! Это и есть наш инженер-артиллерист и на все руки мастер, - представил Звонарева Высоких.

- Очень рад! Вы мне весьма нужны, во-первых, для того, чтобы наладить наши прожектора, а затем для приведения в порядок всего нашего электрохозяйства, - оживленно заговорил Шевцов.

- Весь к вашим услугам! Могу хоть сейчас приняться за это дело.

- Сейчас обед, а после часа мы с вами обойдем позиции и все решим на месте.

- Ваше благородие, генерал едут, - доложил вестовой Высоких.

- Опять этого дурака Фока нелегкая несет! - сердито проговорил инженер Шевцов.

Офицеры вышли из палатки. Высоких с Звонаревым кинулись к навесу столовой, где уже построились на обед солдаты.

- Рота, смирно! - скомандовал Высоких, как только показался Фок в сопровождении адъютанта.

Звонарев поспешно стал впереди взвода. Верхом на высокой худой лошади, отчаянно тряся при езде локтями, весь изгибаясь при малейшем движении, Фок был очень комичен. Худощавое лицо его со стриженной

седенькой бородкой, с презрительной улыбкой в прищуренных глазах было багрово-красным.

Поравнявшись со строем, генерал сдержал лошадь и громко заорал:

- Здорово, мать вашу так!

Звонарев от удивления даже рот открыл. Солдаты замялись и ответили вразброд.

- Отвечать, холуи, не умеете! - напустился Фок.

- Разрешите доложить, ваше превосходительство! Солдаты не поняли, не то вы с ними здороваетесь, не то их ругаете! - вступился Высоких.

- Русский язык разучились, сволочи, понимать! Здорово, мать-перемать!

Затем генерал быстро повернул лошадь и затрусил от столовой.

- Вольно! Можно идти за обедом! - скомандовал капитан солдатам.

- Дождались высокой чести! - громко возмущались солдаты. - Здоровкаются и то матом.

- Генерал-то Фоков, слышать, из немцев, - заметил Блохин.

- Ну так что же из этого?

- Видать, по их, по генеральскому понятию, с русским человеком, значит, можно разговаривать только матерным словом.

Обедать Высоких и Звонарев пошли в офицерское собрание Пятого полка, которое находилось в непосредственной близости, сразу за позициями. В большом просторном помещении стояли два ряда длинных столов, за которыми сидело уже около сорока человек офицеров. За небольшим столиком, расположенным между рядами столов, под огромным царским портретом сидел сам командир полка полковник Третьяков. Рослый видный мужчина, лет пятидесяти, с заметной проседью в окладистой бороде и в голове, он производил приятное впечатление своими мягкими манерами и ласковым взглядом голубых глаз. Рядом с ним сидели двое штаб-офицеров. Капитаны и более младшие чины помещались за длинными столами. Обед был в самом разгаре.

Как только артиллеристы вошли в помещение и направились к Третьякову, чтобы поздороваться с ним и в его лице приветствовать всех

присутствующих, полковник махнул рукой, и офицеры дружно подхватили:

Без артиллеристов нам не пьется,

И бокал пустой стоит,

Песня громкая не льется,

И вино не веселит.

Расположенный на дворе, под окнами, оркестр, заглушая пение, грянул туш.

Под гром рукоплесканий Третьяков вышел к артиллеристам и на серебряном подносе протянул им два больших кубка с вином. Осушив их одним духом, Звонарев и Высоких как почетные гости уселись за столом командира.

Третьяков подробно расспросил их о положении, дел с установкой орудий и подвозе боеприпасов.

- Надо поторапливаться с оборудованием позиций. Есть агентурные сведения, что японцы все силы стягивают к Цзинджоу. Еще день-два, и нам здесь придется выдержать бой с превосходящими силами врага. Это вы, господа артиллеристы, должны твердо помнить, - предупреждал полковник.

- Имеются ли у вас сведения о количестве орудий, которые предположительно могут быть у японцев в предстоящем бою? - поинтересовался Высоких.

- Точных нет, но, судя по всему, их будет не меньше двухсот. Конечно, это все полевые орудия, калибром не больше четырех дюймов.

- Против наших шестидесяти пяти пушек. Правда, у нас средний калибр шесть дюймов. Орудия большей мощности, что может очень помочь нам в борьбе с артиллерией противника.

- Вам следует иметь в виду тактику японцев. Свои батареи они ставят закрыто и рассредоточенно. В бою под Саншилипу наша полубатарея, стоявшая открыто, через десять минут была сбита, потеряв три орудия из четырех и половину солдат, - предупреждал Третьяков.

- Тогда нам придется туго! У нас все пушки стоят совершенно открыто и

поставлены буквально колесо к колесу, - проговорил Звонарев.

- Увеличьте высоту брустверов, углубите орудийные гнезда, накройте, наконец, орудия сверху щитами из досок или в крайности из плетеных матов, но постарайтесь по возможности замаскировать их, - предложил Третьяков.

- Все это надо было сделать заблаговременно инженерам, которые сооружали эти укрепления. Кроме того, при наличии высоких брустверов будет ограничена видимость противника, который и так находится в низине по отношению к нам, - возразил Высоких.

- Следовало бы артиллерийские позиции совсем вынести из укрепления и расположить орудия в ложине за позициями пехоты, где-либо в районе казарм, - предложил Звонарев.

- Для этого нет времени, да у нас нет и угломеров для стрельбы с закрытых позиций, солдаты, и наводчики в первую голову, не обучены такой стрельбе, - продолжал Высоких.

- Тогда нам ничего, кроме поражения, в предстоящем бою ожидать не приходится, - грустно проговорил Звонарев.

- Не следует раньше времени настраиваться на минорный тон! Бодрый дух - это три четверти успеха, молодой человек, - наставительно произнес полковник.

Видя, что обед затягивается, Звонарев попросил разрешения уйти. Высоких Третьяков не отпустил.

- Вы мой начальник артиллерии, и мне о многом еще надо поговорить с вами, - предупредил он.

Придя в Палатку, Звонарев тотчас послал с нарочным записку Высоких, вызывая его "по срочному делу".

В палатку торопливо зашел Кошелев и взволнованно стал рассказывать, что приказано минировать все батареи и саперы уже начали закладывать мины.

- Как же мы будем, ваше благородие? Попадет в мину японский снаряд или сам оступишься, и готово - взлетел на воздух! Так мы не согласны, - докладывал он прапорщику.

- Что за чушь! Кто это приказал делать?

- Приказали командир саперной роты подполковник Жеребцов, а им приказал генерал Стесселев!

- Тут что-то не так. Спрошу сейчас у капитана Высоких, в чем тут дело!

Прапорщик застал Высоких лежащим на походной кровати с холодным компрессом на голове.

- Едва вырвался. Под конец таким ершиком угостили, что небо показалось с овчину и звезды из глаз посыпались, - жаловался Высоких. Рассказав ему о минировании саперами батарей, Звонарев спросил капитана, что он об этом думает.

- Думаю, что или Жеребцов, или Стессель, или оба вместе от жары сошли с ума. Если батареи будут минированы, то я уведу людей с позиции и уйду сам. Как очухаюсь малость, я приду туда, а пока, попрошу вас, сходите вместе с Садыковым.

- Поручик накурился опия и не в себе, - доложил капитанский денщик.

- Этого еще не хватало! Соломонов беспробудно пьет, этот начал курить опий. Не рота, а бедлам какой-то!

Звонарев отправился один, У левофланговых батарей, которые были в ведении прапорщика, солдатыартиллеристы переругивались с саперами, рывшими в брустверах ямы для закладки мин.

- Кто приказал мины закладывать? - спросил подошедший Звонарев у саперов.

- Командир роты.

- Где он сейчас?

- Не могу знать, куда-то ушедши.

- Прекратить работы, - приказал Звонарев.

- Нам, ваше благородие, приказ даден, и мы должны его выполнить, - возразил саперный унтер-офицер.

- Прикажете, ваше благородие, им по шеям накласть, мигом уйдут, - попросил Кошелев.

- Мы их сначала честью попросим, - пошутил, улыбаясь, прапорщик, чтобы отвратить угрозу кулачной расправы с саперами. - А если они

этого не послушают, то тогда подзатыльников надаем.

- Ваше благородие, - взмолился сапер, - войдите в наше положение. Нам приказывают рыть ямы для мин, мы и роем. По такой жаре и нам работать нет никакой охоты, только по приказанию и делаем.

- Остановите работы, я пойду переговорю со своим начальством, - распорядился Звонарев и пошел обратно к Высоких.

Тот уже пришел в себя, и они вместе двинулись к Третьякову, который состоял комендантом всей позиции. По дороге они встретили Шевцова и рассказали ему о своих заботах.

- Жеребцов сидит у меня, и я его уговариваю прекратить установку мин, но он ссылается на приказ Стесселя и распоряжение Фока и не хочет слушать никаких резонов. Надо идти к Третьякову, - сообщил Шевцов.

Полковник, осовелый после сытного обеда, тотчас же принял их и, узнав, в чем дело, возмущился.

- Стессель-дурак, Фок-прохвост, а Жеребцови дурак и прохвост вместе, - отрезал он. - Позовите его тотчас же ко мне! Находиться на заминированной позиции во время боя-это все равно что сидеть на бочке с порохом и бросать в нее окурки.

Когда Жеребцов наконец появился, Третьяков приказал ему немедленно прекратить все работы по минированию позиций.

- Прошу вашего письменного распоряжения об этом, я его сообщу Стесселю и Фоку, - ответил сапер.

- Никакого письменного распоряжения я не дам, а вам, со всеми вашими саперами, прикажу немедленно убратъся с позиций. Вы мне только мешаете, - окрысился полковник. - Чтобы до вечера вас здесь не было! Жеребцов, не ожидавший такого оборота дела, забеспокоился.

- Мы можем вам быть полезны и кое в чем другом, господин полковник. Наладим дороги, разработаем окопы, улучшим позиции артиллерии, - предложил он.

- Это другое дело. Я сам буду приветствовать такую вашу деятельность, но минирование батарей вы бросьте.

- Я все же должен буду сообщить, что эти работы мною не проводятся.

- Не возражаю. Я сам об этом уведомлю Фока и Стесселя или, еще лучше, Кондратенко. Он хорошо разбирается в таких делах, как военный инженер и бывший сапер, - согласился Третьяков. - Займитесь усовершенствованием артиллерийских позиций. Хорошенько замаскируйте их и примените к местности.

Солдаты радостно загудели, узнав об отмене минирования позиции. Звонарев пошел вдоль батарей своего участка. Расположенные фронтом на северо-восток, север и северо-запад, батареи левого фланга легко фланкировались огнем со стороны Цзинджоуского залива, в котором во время прилива вода подходила к нижним ярусам стрелковых окопов. Северный берег залива доминировал над позицией и особенно над стрелковыми окопами, которые к тому же почти не были прикрыты сверху даже козырьками. Кроме того, они простреливались вдоль почти по всей линии моря. Таким образом, занимающие - их части заранее обрекались на значительные потери, если не на полное уничтожение.

Артиллерийское вооружение батарей состояло из двадцати четырех старых китайских и легких полевых пушек старинного образца. Дальность боя всех орудий не превышала четырех с половиной верст. Снарядов было всего по сто двадцать-сто пятьдесят на орудие. Их могло хватить только на два часа боя.

Основную массу снарядов составляли гранаты, начиненные черным дымным порохом и потому весьма слабого разрывного действия; имелось несколько шрапнелей, пригодных для поражения противника на расстоянии не далее четырех верст, и, наконец, были в довольно большом количестве старинные картечи, разрывающиеся в самом дуле орудия и потому не безопасные для стрелков, расположенных в окопах впереди батареи.

С таким артиллерийским вооружением думать о серьезной обороне позиции было трудно.

Если против полевой армии позиция и смогла бы держаться некоторое время, то против осадных и морских орудий она была совершенно беззащитна.

Только к ночи наконец на батареях все кое-как утряслось, и Звонарев мог заняться прожекторами.

Лебедкин со своим помощником за день успел детально ознакомиться со всем прожекторным хозяйством. Оно было сильно запущено и находилось в очень неумелых руках.

- Через часик засветим, - успокаивал Лебедкин волнующегося прапорщика. - Осмотрим бухту, город и горы, что перед нами. На суше, правда, гораздо хуже видно при свете прожекторов, чем на море. Можно заметить только целую толпу японцев, а поодиночке или небольшими группами никогда их не увидим, - уверял солдат.

Глава вторая

В тот же день, около десяти часов вечера, по телефону из города передали приказание обстрелять расположенную невдалеке китайскую деревню Чализон, где было замечено скопление японских разведчиков.

- К орудиям! - скомандовал Родионов.

Артиллеристы бросились к своим пушкам. На батарее замелькали фонари. Из пороховых погребов начали подавать снаряды и зарядные картузы. Наводчики суетились около прицелов и уровней.

- Куда наводить-то, Софрон Тимофеич? - спросил Купин.

- На деревню, что с кумирней наверху.

- Так в темноте-то ничего не видать, ни деревни, ни кумирни!

- Наводи в тот пень, что впереди орудия видишь, - указал Булкин.

- Прицел сто восемьдесят, гранатой!

- Первое готово!

- Залпом!

- Да залпом на суше не стреляют, а орудиями, - поправил Блохин.

- Ладно! Орудиями, правое - огонь!

Пушка грохнула и отскочила назад. Кто-то застонал.

- Зашибла, чертова! - выругался Гайдай.

- Ты поменьше рот разевай, тогда и не зашибет! - прикрикнул Родионов.

Поверху блеснул луч прожектора и остановился.

- Лебедкин старается! Посветил бы нам, может, что и увидели бы, - проговорил Булкин.

Луч прожектора метнулся и осветил гаолян перед деревней.

- Наводи, куда прожектор светит! - приказал Родионов.

Дав еще несколько выстрелов, батарея замолчала. По телефону передали благодарность от стрелков.

- В самую, говорят, морду японцу залепили, - улыбаясь, передал Гайдай, после ушиба севший около телефона. - Так во все стороны и посыпались! В одном из блиндажей прапорщику поставили походную кровать, стол и табуретку.

В Артуре у Звонарева не было своего денщика. Родионов порекомендовал ему тихого, смирного, малозаметного солдата из своего взвода - Грунина.

Белесый, голубоглазый, с тонким голосом, Семен, как звали Грунина, ретиво взялся за исполнение своих обязанностей. Прапорщика ожидала уже приготовленная постель, на столе стояла большая кружка с водой. Пол был подметен, и все было прибрано.

- Я, ваше благородие, помещусь в соседнем блиндаже, ежели что надо - кликните, - с улыбкой на круглом лице проговорил уходя солдат.

Звонареву не спалось, и он вышел из блиндажа. Утомленные работой, солдаты быстро заснули, только дневальные, перемогая сон, громко зевали и отплевывались от махорки. Прожекторы то загорались, обходя своими лучами горизонт впереди батареи, то опять гасли. Из офицерского собрания Пятого полка доносились звуки музыки, в траве трещали цикады, слева чуть светлел Цзинджоуский залив, на небе, сильно мигая, горели многочисленные звезды.

Где-то впереди раздавались одиночные ружейные выстрелы. Внизу, под позицией, чуть проступали темные стены Цзинджоу. Окопы впереди заняты не были, и в случае атаки японцы легко могли бы их захватить, а за ними и батареи. В первые дни Звонарева беспокоило это легкомыслие, но никто не обращал внимания на его опасения, и он вскоре сам привык к такому положению вещей.

Около блиндажа одной из батарей, занятых солдатами, прапорщик остановился. Его внимание привлекли громкие разговоры. Видимо, двое о чем-то спорили.

- Куда нам супротив японца воевать! У него все, а у нас голые руки, - с жаром говорил один.

- Это неверно! Есть у нас и пушки и ружья, а самое главное, есть русский солдат. Ни в коем царстве-государстве нет таких солдат, как у нас, в Расее.

Не победить японцу нас никогда, - возражал другой.

- Русский солдат - не плохой солдат! Но офицеры, и особливо генералы, один другого дурнее. Одни говорит одно, другой приказывает другое, а третий только всех за все матерно ругает. Тут тебе и вся команда! Почему так происходит? Раскинь умом: тебе и мне эта китайская земля совсем даже ни к чему, а генералу, как война кончится, большую прирезку сделают, по тыще десятин, а то и поболее дадут... Выходит, есть генералу за что воевать. А нашему брату, крестьянину, кроме трех аршин да деревянного креста, ничего не причитается. А цел домой вернешься, с чем был, при том и останешься, ежели за налоги да долги помещику не заберут последнюю скотину и избу не опишут.

За что же, спрашивается, солдату воевать? - продолжал первый голос.

- Неужто солдатам так ничего здесь и не дадут? - вмешался еще голос.

- Чтобы тебе дать, надо отнять у китайца, а их здесь, сам видел, - тьма-тьмушая. Ему самому тесно, а ты еще собираешься здесь поселиться. А за что ж китайца сгонять с земли? Он вроде наших мужиков; горб гнет, а доли не знает. Не тут солдату надо искать земли, а дома, у соседа помещика. У нас в деревне три сотни крестьян имеют пять сотен десятин земли, а один помещик - пять тысяч. У кого много, а у кого и ничего нет! Чем за тридевять земель отбирать пашню у китайца, проще по соседству забрать у помещика, - продолжал первый солдат.

- Смотри, как бы за такие слова тебе крепко не попало! - предостерег его кто-то.

- Все равно солдат до этого додумается. Не сейчас, так потом.

Помещицкую землю крестьяне должны делить между собой, а не завоевывать своей кровью землю генералам да полковникам. Так-то, браток! - закончил первый солдат.

- Пора и спать, а то завтра чуть свет подымут, ежели только японец даст спокойно поспать, - отозвался второй солдат, и разговоры смолкли. "Просыпается сознание народа, даром для него эта война не пройдет", - подумал Звонарев.

Двенадцатого мая, на рассвете, японцы открыли по Цзинджоу артиллерийский огонь. При первых же выстрелах Звонарева разбудили. Накинув на плечи шинель, прапорщик вышел из блиндажа, В предрассветной мгле внизу, около города, видны были взлески частой артиллерийской стрельбы. Над темными стенами города то и дело вспыхивали разрывы шрапнелей. Разбуженные стрельбой, солдаты взобрались на бруствер и с тревогой наблюдали за происходящим.

Впереди в окопах по-прежнему было пусто.

- Где наш дозор? - спросил прапорщик.

- Вон справа, около блиндажика, - показал фейерверкер на чуть заметные фигуры. - У них есть бинокль, и они связались с секретами, которые находятся впереди.

- На город японцы лезет, а к нам боится, - заметил один из солдат.

- Он к нам сразу не подлезет: и проволоки и пушек много. Сперва город заберет, а потом навалится на нас.

С центральной позиции раздался раскатистый выстрел из шестидюймового орудия, и за городской стеной высоко вскинулся дым разрыва. За первым выстрелом раздался второй, и скоро все батареи центра открыли частый огонь по цели, невидимой с левого фланга.

Звонарев в бинокль осмотрел противоположные склоны долины, но там среди густых зарослей гаюляна ничего не было видно. Слева на море до самого горизонта тоже было чисто. Вдруг раздался резкий свист летящего снаряда, и на мгновение грохот взрыва оглушил прапорщика.

- Откуда это он бьет? - удивленно оглядывались солдаты, продолжая оставаться на бруствере.

- Не иначе как из-за города. Спрятался за ним и стреляет по нас из-за закрытия.

Вскоре пролетел еще снаряд, который упал впереди батареи, и осколки со свистом полетели через бруствер.

После грохота морских двенадцатидюймовых орудий, к которым солдаты привыкли на береговых батареях Артура, взрывы легких полевых снарядов не производили большого впечатления. И только когда появились раненые, солдаты стали прятаться от снарядов в блиндажи. Японцы выпустили еще с десятков снарядов по батарее Звонарева и перенесли огонь на пустые окопы.

День медленно начинался. Низкие темные тучи быстро неслись по небу, с моря напал туман, заволакивая низины. Со стороны Цзинджоу канонада усиливалась, орудия грохотали непрерывно.

Доносящиеся временами ружейные залпы и пулеметный огонь тоже указывали на то, что бой разгорался. Замолкнувшие было батареи центра опять начали вести редкий огонь, бросая свои снаряды куда-то далеко в тыл японцев.

Звонарев нервничал и требовал от телефонистов скорейшего исправления телефона.

Наконец телефон исправили, и Звонарев вызвал Высоких.

- Что происходит у Цзинджоу? - спросил он.

- Японцы уже два раза его атаковали, но были отбиты с большими потерями, наша батарея стреляла на картечь и навалила массу народу, стрелки в восторге от ее действий, - ответил капитан. - А вы куда стреляли?

Звонарев сообщил обо всем происходящем на его участке.

- Присылайте людей за чаем на кухню, - распорядился Высоких. - Да приходите и сами.

Вечером, после заката солнца, Звонарев отправился к прожекторам. Один из них был установлен на левом фланге, шагах в ста за батареями, на небольшом возвышении, что давало возможность освещать большое пространство, особенно влево, откуда позиция была наиболее уязвима.

На центральном участке при свете прожектора команда матросов с броненосца "Севастополь" устанавливала пушку Канэ. Распоряжался командой молодой лейтенант.

- Что это вы так поздно прибыли сюда? - спросил прапорщик.

- Стессель все уговаривал Витгефта выслать корабли для охраны позиций с флангов, а тот решил ограничиться высылкой двух пушек. Одна, как видите, здесь, а другую подвезут завтра.

Поглядев с минуту, как быстро и ловко справлялись матросы со своей работой, Звонарев пошел дальше.

Совсем стемнело, когда он вернулся к себе на батарею.

- Честь имею явиться, ваше благородие! - выросла перед ним из темноты белая фигура.

По голосу прапорщик узнал ротного фельдшера.

- Здорово, Мельников! - обрадовался он. - Как ты сюда попал из Артура?

- Поручик прислали. Поезжай, говорят, на позиции, и чтобы у меня все было если не целы, то живы! Если хоть один раненый умрет, я тебе голову с плеч сорву и пришью на другое место! - весело ответил Мельников.

Подошедшие солдаты засмеялись.

- Медведь это может! Как сгребет, так не обрадуешься!

- Ишь ты, вспомнил об нас, Ведмедяка! - заговорили в толпе.

- Письма есть?

- Никак нет! Только бутылку водки вам прислали, перевязочные материалы и Шурку, - доложил фельдшер.

- А Шурка где?

- Мы здесь! - И из темноты показались две женские фигуры в белом.

- Здравствуйте! - подошел к ним Звонарев, все еще не зная, с кем говорит.

- Здравствуйте! - ответили ему, и он узнал голос Вари Белой.

- А вы как здесь оказались? - спросил ее Звонарев.

- Приехала вместе с Шуркой.

- С разрешения ваших родителей?

- Они об этом и не подозревают! Я им сказала, что иду на суточное дежурство в госпиталь, а сама - сюда.

- Завтра же отошлем вас обратно в Артур.

- Так я и уеду. Пока здесь будет позиция, я останусь, - отрезала Варя.

- Ладно. Там посмотрим! Где вы устроились на ночь?

- Пока вы гуляли, мы выгнали вас из вашего блиндажа и устроили там перевязочный пункт. Можете полюбоваться. Вас же переместили, несмотря на протесты вашего Семена, на соседнюю батарею в пороховой погреб, - ответила Варя и повела прапорщика показать свою работу.

В блиндаже уже было проведено электричество. На столе, покрытом чистой скатертью, было множество различных банок, бинты, марля, вата и другие перевязочные принадлежности. В эмалированных блюдах лежали блестящие хирургические инструменты, на полу, устланном чаканками, стояли носилки и лежали чистые соломенные тюфяки.

- Хорошо? - спросила Варя. - Это мы все оборудовали за два часа.

- Прекрасно! Но вы-то сами где поместитесь на ночь?

- Рядом, в снаряжном погребе.

- А снаряды куда перенесли?

- В пороховой погреб, - не совсем уверенно ответила Варя.

- Кто же это распорядился без меня?

- Высоких. Он и проводил нас сюда.

- Почему же он вас не оставил у себя?

- Мы присланы с Утеса к вам, - вставила Шура.

Звонарев не возражал.

Новое его помещение было совсем крохотное. В нем едва помещались кровать и табуретка. Две свечи, прилепленные на выступях стены, тускло освещали убогое убранство блиндажа.

- Вы голодны? - спросил он.

- Как десять волков! Ваш Семен достал у кого-то из солдат курицу и обещал нас угостить супом и вареной курицей, - ответила Варя, - а пока что мы закусим хлебом с колбасой. Шурка, тащи сюда наши запасы!

Скоро все трое за обе щеки уписывали бутерброды.

- Что нового в Артуре? - спросил Звонарев.

- Все то же! Береговые батареи стреляют, а моряки гуляют. Ривочка ваша ходит с каким-то молоденьким мичманом, - верно, с очередным мужем! - И Варя презрительно сморщила носик.

- А вы с кем гуляете?

- Увы, ни с кем, кроме Тахателова! Он такой забавный, все пыхтит от жары, даже когда всем холодно. Оля взялась обучать грамоте и арифметике вашу Ривочку. Леля все беспокоится о Стахе. Кстати, вы его здесь не встречали? - выкладывала свои новости Варя.

- Не встречал и ничего о нем не слышал! Его полка здесь не было совсем. А у нас на Электрическом Утесе что нового? - спросил Звонарев у Шурки.

- Борейко хозяйнует день и ночь. Штабс-капитан считают старые штаны.

- И Шурка громко фыркнула. - Ох, умора, как они нос свой платком затыкают, чтобы их солдатский дух не беспокоил! Ругаются, но все про себя, а вслух не смеют.

- А Гудима?

- Ухаживает за ней напропалую, а ее писарь от ревности чуть не лопается, - за подругу ответила Варя.

Шурка сконфузилась и закрыла лицо белым фартуком.

- Не смейтесь вы, пожалуйста! - просила она Варю.

- Значит, и у Шуры завелась симпатия! Вот не ожидал! Ай да Шура! Сразу за капитана принялась! - подсмеивался Звонарев.

- Они на меня и смотреть не хотят! Все это Варя зря наговаривает, - смущенно возражала Шура, - а сама только и говорит что о вас! Она и подговорила меня сюда ехать, - выдала подругу Шура.

- Замолчи и не выдумывай пустяков! - накинулась Варя на Шурку. - А то вы и бог весть что о себе вообразите. Я просто решила посмотреть, что это за Цзинджоу...

- ...заодно и вас побачить.

Варя толкнула хохочущую Шурку. Походная кровать треснула, и они обе едва не свалились на пол.

Приход Семена с курицей и супом прервал их возню.

После ужина девушки отправились к себе в блиндаж. Было очень темно. С востока надвигалась гроза. Почти непрерывно вспыхивали зарницы. Солдаты уже забрались на ночь в блиндажи, и только часовые одиноко маячили на батареях.

Звонарев взобрался на бруствер батареи и осмотрелся. Пять или шесть костров, видневшихся внизу, указывали на присутствие людей в пехотных окопах. Все остальное тонуло в непроглядном мраке, только луч прожектора белым щупальцем ползал по земле. В свете его неожиданно возникали то дерево, то группа кустов, то китайская фанза. Обойдя батареи, Звонарев приказал денщику разбудить себя при первых признаках тревоги и лег спать.

Засыпая, он еще слышал глухие раскаты грома и шум падающего дождя, но это не помешало ему мгновенно уснуть.

Родионов с номерами второго взвода, пушки которого стояли против северных ворот, занимал просторную китайскую фанзу рядом с позицией взвода.

С вечера, хорошо поужинав и изрядно выпив, солдаты немного поиграли в карты, пока взводный не погнал их спать.

- Как бы с рассветом японцы опять не полезли на штурм! Ночь темная, собирается гроза, он, чего доброго, свою силу незаметно подведет к самым воротам и ударит на нас. Надо быть начеку и к рассвету ждать незваных гостей! - говорил он. - Ты, Егорка, с первым взводом будешь находиться у ворот. Пушки на ночь заряди и поставь по два дневальных к каждому орудию.

Если они что-либо заметят, пусть, не ожидая приказа, сразу же стреляют, а мы выскочим на шум.

Вместе с Егоровым и Блохиным, который теперь постоянно был с ним, Родионов вышел на двор проверить готовность первого взвода к стрельбе.

Около полуночи все улеглись спать. Вскоре пошел дождь, постепенно перешедший в сильнейший ливень с грозой. Плохо мощенные улицы китайского города мгновенно превратились в озера и реки, которые

стремительно понеслись к более низменной части у южных ворот.

Блохин с дневальным укрылись около ворот и при свете молнии внимательно вглядывались через орудийные амбразуры в" тьму ненастной ночи.

- Поди японец залез в блиндаж и боится нос на двор показать, - заметил Гайдай.

- Если он не дурак, то ему сейчас в самый раз наступать, - возразил Блохин.

В это время с позиции взвились одна за другой две ракеты. Разорвавшись высоко в воздухе, они на короткий момент осветили местность и тотчас с шипением затухли. Все же Блохин успел заметить движущиеся к городу японские цепи.

- Пли! - заорал он во всю глотку и сам бросился к орудию.

Пушка грохнула и с треском отскочила назад.

В темноте блеснул огонь разрыва, и шрапнель с визгом обрушилась на японцев. Вторая пушка тоже выстрелила. Подбежавшие на выстрелы Егоров с солдатами первого взвода открыли беспорядочную стрельбу по японцам.

- Стой! Куда без толку бьешь! - окликнул их появившийся из темноты Родионов.

- Японец цепями на нас идет, - поспешил объяснить Блохин.

- Когда его будет видно, тогда и бей! - приказал фейерверке?

При свете следующих ракет все уже ясно разглядели многочисленные цепи противника, с трех сторон охватывающего город.

- Прицел двадцать, целик ночь, картечью! - скомандовал Родионов. - Блохин, проверь прицел.

Блеснуло подряд несколько ярких молний, что дало возможность навести орудия.

- Первое готово! - доложил Купин.

- Второе тоже! - отозвался Булкин.

- Пли!

Опять два огненных столба прорезали темноту ночи, и с Пронзительным

визгом рассыпалась картечь.

Со стороны японцев донесся дикий вой.

- В самую говядину, видать, угодили, - радостно прохрипел Блохин. - Вали, Софрон, не мешкай!

Вдруг где-то справа, совсем близко, раздались крики "банзай".

- Вертай туда орудия! - закричал Блохин и тотчас же сам стал поворачивать пушку.

- Где это он, проклятый? - проговорил Родионов, вглядываясь сквозь бойницы в ночную темь.

- Банза-а-ай! - совсем уже близко раздались японские крики.

Купин, наведя пушку по крику, выстрелил без команды.

Японцы тотчас же замолкли.

- Поперхнулись, черти, картечью! - радостно вскрикнул Гайдай. - Еще бы разок их так угостить, Софрон Тимофеевич!

- Не говори под руку. Сам знаю, что надо делать! - прикрикнул на него фейерверке? - Слухай, наводчики, как услышишь, что японец "банзаю" кричит, - наводи на голос сразу и бей по ним.

- Тикай, братцы, японец мину под ворота кладет! - вдруг закричал подбежавший стрелок. - Сейчас взрыв будет.

Родионов взглянул в левую бойницу и при свете молнии заметил внизу, у самых ворот, несколько копошащихся фигур. Достать туда из пушек было невозможно, а ни ружей, ни револьверов у артиллеристов не было.

- Вынимай замки и прицелы и отходи на заднюю позицию, - скомандовал Родионов.

Номера бросились исполнять его приказание. В темноте они то и дело сталкивались и мешали друг другу.

- Не пужайся, работай со смыслом, - подбадривал Блохин, бегая от одного орудия к другому.

- Ты бы лучше послушал, что у ворот делается, - приказал ему Родионов.

- Боязно, - замялся на мгновение Блохин. - Да где наша не пропадала! - махнул он рукой и юркнул в ворота.

- Спички жгут - должно быть, фитиль зажигают, - через минуту сообщил

он, вернувшись назад.

- Беги! - скомандовал Родионов, и солдаты мгновенно исчезли в темноте.

- Ничего не забыли? - ощупал пушки рукой Родионов и, не найдя ни прицелов, ни замков, кинулся вслед за солдатами.

Едва только он добежал до заднего взвода, как в воротах блеснуло огромное пламя, и деревянные, окованные железом полотнища их разлетелись на части. В пролом с криком "банзай" ринулись японцы, но залп картечью мгновенно прижал их к земле. Это дало возможность стрелкам, занимавшим позиции на стенах около ворот, спуститься вниз и присоединиться к артиллеристам.

Японцы попытались было еще раз прорваться в ворота, но, встреченные ружейным огнем, отошли назад и залегли, усиленно обстреливая пачками взвод Родионова.

Стрелки стали постепенно отходить к южным воротам.

- Артиллеристы, вынимай замки и отходи! Японцы нас окружают, - приказал подошедший пехотный поручик.

В это время ему доложили, что японцы к воротам на руках подтягивают пушку.

Услышав об этом, стрелки заторопились с отступлением.

- Номерки! Собирай пожитки и айда за пехотой! - распорядился Родионов. - Замки бросай в колодец, прицелы тащи с собой, на позиции командиру сдадим!

- Тимофеич, дозвожь мне тут малость задержаться, - попросил Блохин. - Охота с японцем в городки поиграть: кто у кого раньше пушку, что в воротах, собьет!

- Смотри, как бы тебе башку с плеч не сорвали! - отозвался фейерверке?

- Это быть не должно! - убежденно ответил солдат. - Кто еще хочет с японцем поиграть? - обратился он к солдатам.

Вызвался только один Гайдай.

- Двум смертям не бывать, а одной не миновать! - потрянул он головой.

Родионов с номерами начал отходить назад, перебегая от одного укрытия к другому. В сером сумраке рассвета два оставшихся у орудий солдата

увидели, как японцы начали устанавливать против ворот пушку.

Блохин, припав к прицелу, тщательно наводил на них орудие. Гайдай орудовал у правила.

- Готово! Заряжай! - скомандовал он Гайдаю. - Теперь отойди! - приказал он, когда замок был закрыт.

Было хорошо видно, как японцы также торопливо наводили свою пушку на них.

У Гайдая со страха застучали зубы.

- Скорей, Блохин! - торопил он.

- Сей секунд! Чуток прицел только поправлю! - И Блохин сосредоточенно поглядел на мушку. - Теперь господи благослови! Разожжем ихний кон, - и дернул за вытяжной шнур.

Пушка отскочила назад, обдав солдат грязью и водой.

Когда дым от выстрела рассеялся, Блохин, прикрыв, как от солнца, глаза рукою, внимательно посмотрел в ворота. Там было пусто.

- Всю фигуру вышиб одним ударом! Теперь можно и тикать! Тащи прицел. В следующую секунду, воспользовавшись замешательством японцев, они со всех ног бросились по улице к южным воротам и вскоре оказались уже в безопасности, скрывшись за развалинами.

У ворот города нагнали своих.

- Сбил японца, - коротко доложил Блохин Родионову, который поджидал их у ворот, держась рукой за бедро. - Тебя зацепило? - спросил он.

- Малость оцарапало, да Егорова убило, как сюда бежали! Еще двоих ранило, тех уже увели!

- Мы с Гайдаем тебя хоть в Артур на руках донесем?

- Сам помаленьку добреду!

Родионов поморщился от боли и медленно пошел вперед.

Навстречу отходящим из города частям уже шла на подмогу стрелковая цепь, которая и отогналаседавших японцев.

Город Цзинджоу горел под перекрестным огнем русской и, японской артиллерии. Из южных ворот выбегали жители с домашним скарбом, стремясь как можно скорее покинуть район обстрела. Над их головами то

и дело появлялись белые комочки разрывов. Свинцовый дождь пуль и осколков поднимал с земли тучи пыли.

Город Цзинджоу с двух сторон обходили японцы. Одетые в форму защитного цвета пехотные цепи, едва различимые на фоне травы, преследовали русских, которые в своих белых рубашках были прекрасно видны на серо-зеленом поле.

Артиллерийский огонь с обеих сторон усилился до предела. Солдаты падали, сраженные пулями и осколками. Были жертвы и среди беженцев. Корчились от невыносимой боли раненые женщины и дети.

Стоя у блиндажа с Звонаревым, Варя наблюдала за этой страшной картиной.

- Смотрите, смотрите, какой ужас происходит у ворот города! - воскликнула она. - Упала женщина, и около нее копошатся маленькие дети. Я не могу спокойно смотреть на это. Я бегу туда, - рванулась с места Варя.

- Только зря не рискуйте собою. Я за вас отвечаю перед вашими родителями, - кричал ей вслед прапорщик.

- Я сама отвечаю за себя. Дайте мне хоть пару солдат в помощь, - уже отбежав на некоторое расстояние, попросила Варя.

- Мельников, возьми пару солдат и отправись за сестрицей. Захвати перевязочные средства и постарайся по возможности уберечь Варвару Васильевну, - напутствовал Мельникова прапорщик.

Добравшись до места, где лежали раненые китайцы, Варя, Мельников и солдаты принялись за работу. Но производить перевязки под обстрелом было нелегко. Мельников послал одного из солдат поискать более укрытое место.

Вернувшись через минуту, солдат предложил перенести импровизированный перевязочный пункт в находящуюся поблизости выемку железной дороги. На новом месте Варя с помощью солдат и двух девушек-китайок быстро перевязала раненых и, израсходовав весь перевязочный материал, заторопилась на батарею, где снова разгорался бой.

- Слава богу, наконец-то вы вернулись. Я так волновался за вас, - встретил Звонарев Варю.

- И совершенно напрасно. Все в порядке, раненым помогли выбраться в тыл, - ответила Варя.

- В награду за проявленное сейчас человеколюбие и храбрость награждаю вас ценным подарком. - И прапорщик протянул Варе статуэтку из слоновой кости.

Варя удивленно посмотрела на Звонарева и осторожно взяла в руки безделушку.

- Как это вы додумались купить такую чудесную вещичку? Это будет приятная память о сегодняшнем дне. Вы, кажется, более любезны и внимательны ко мне, чем я предполагала. А я-то считала вас неспособным ни на какие тонкие человеческие переживания, - кокетливо проговорила Варя.

- Благодарю за столь высокое мнение о моей персоне, - иронически заметил Звонарев.

- А за безделушку еще раз спасибо - хороша. - И Варя отошла.

С восходом солнца начался артиллерийский обстрел русских позиций.

- Японцы! - вдруг ткнул пальцем вперед наводчик первого орудия Четырнадцатой батареи.

Из-за ближайшего хребта показалась колонна и, миновав обнаженную вершину, быстро скрылась в гаоляне и кукурузе.

- Буди прапорщика! - скомандовал подошедший Грязнов. - Окажи, японец на нас лезет!

Через минуту Звонарев уже смотрел в бинокль, отыскивая колонну.

- Вызвать людей к орудиям! Цель-номер три! Огонь открывать после пристрелки десятой батареи! - приказал он.

Солдаты быстро разошлись по орудиям.

- Орудиями, четные - гранатой, нечетные - шрапнелью, огонь!

В свежем утреннем воздухе гулко раздалась четыре выстрела, и снаряды с урчанием полетели вдаль.

- Одиннадцатая готова!

- Огонь!

И еще восемь выстрелов загревели один за другим, как бы нагоняя потерянное время.

Звонарев вскинул бинокль. Снаряды ложились хорошо. Шрапнели рвались низко и сильно поражали цель. Из гаоляна во все стороны, как потревоженные за печью тараканы, разбежались японцы.

- Шрапнелью! Батарея, огонь! - приказал прапорщик.

Несколько солдат, ставших цепочкой между ним и батареями, громко повторяли команду.

Весь гаолян окутался ватными клубами шрапнельных разрывов. Противник торопливо начал перебегать обратно за, хребет.

Увеличив прицел, Звонарев преследовал отступающих огнем. Вдруг откуда-то издалека прилетел японский снаряд, и столб черного дыма вырос за десятой батареей.

- Смотри все, откуда бьет японская батарея! - приказал Звонарев, тщетно оглядывая вершины гор. Они были по-прежнему пусты.

- Хорошо сховался японец, ничего не видать! - досадливо отвечали солдаты, в свою очередь осматривая сторону противника.

За первым снарядом упал еще один, а затем на батарею обрушилось сразу несколько десятков. Все исчезло в клубах дыма и пыли. Снаряды падали и

впереди и сзади батареи, но больше всего они попадали в самый бруствер и в расположенные за ним орудия.

Звонарев бросился туда. Уже по дороге он увидел, как первое орудие, подброшенное взрывом, подлетело вверх и повалилось набок. У третьего орудия было разбито колесо. Несколько солдат валялись на земле, остальные, бросив орудия, скрылись в блиндажах.

- Носилки! - скомандовал прапорщик.

Вскоре было сбито еще одно орудие, и на всей батарее осталась всего одна годная к действию пушка.

Покончив с Десятой батареей, японцы обрушились на соседние - Одиннадцатую и Тринадцатую.

- Японец, ваше благородие, вроде колдун в шапкеневидимке, самого не видно, а нас бьет в самую морду! - подошел к Звонареву Грязнов.

- Может, справа что-нибудь видно, - обернулся прапорщик в сторону центральных батарей, но они тоже представляли собой сплошные вулканы дыма, сквозь который то и дело появлялись взлески взрывов от падающих снарядов.

- Едва ли и там что увидишь сейчас, - ответил солдат.

Объектов для стрельбы не было видно, и Звонарев занялся разглядыванием общей картины боя.

Слева, в Цзинджоуском заливе, на горизонте маячили японские суда. У берега на якорях стояло около полусотни китайских джонок. Прямо в зарослях гаоляна и кукурузы было безлюдно, но из-за хребта доносился непрерывный гул стрельбы многочисленных батарей.

Город Цзинджоу горел, обстреливаемый одновременно русской и японской артиллерией. У его южных" ворот шла усиленная ружейная перестрелка. Линия стрелковой цепи из-за белых рубах русских солдат была ясно видна на серо-зеленом фоне местности. Японцы же в защитной одежде были едва различимы, и то только при движении. Справа на солнце у подножия горы Самсон ярко блестела вода залива Хунуэза.

Внизу, перед позицией, между развалинами китайской деревушки Сидай, также мелькали белые рубахи солдат.

Солнце уже поднялось довольно высоко, подобрав утренний туман в долине, и сильно припекало землю. Звонареву захотелось есть и пить, и он отправился к Четырнадцатой батарее, где был расположен перевязочный пункт. Ему пришлось далеко с тыла обходить Одиннадцатую и Тринадцатую батареи, по которым японцы все еще вели усиленный огонь.

На Четырнадцатой батарее были устроены обширные блиндажи, в части которых помещался теперь перевязочный пункт.

С Десятой батареи пока было всего пять человек раненых, из которых двое тяжело. Мельников исполнял обязанности хирурга, осматривал раненых, зондировал раны, глубокомысленно произносил исковерканные

латинские термины и давал указания сестрам по перевязке. Варя находилась около двух тяжелораненых, ноги у которых были совершенно размозжены. Требовалась срочная ампутация, но Мельников сам не решался ее произвести. Варя с суровым выражением на лице энергично требовала немедленной отправки раненых на перевязочный пункт Пятого полка, расположенный в полутора верстах за правым флангом.

- Кто же их туда доставит под таким обстрелом? - возражал фельдшер. - Их все равно по дороге убьют.

- Надо обойти с тыла, и тогда опасности почти не будет.

- Так далеко нести никто не захочет.

- Кому прикажут, тот и снесет, а чтобы санитары по дороге не сбежали, я сама пойду с носилками.

- Воля ваша, барышня, но я против, - не соглашался Мельников.

Увидев Звонарева, Варя поспешила объяснить ему свои разногласия с фельдшером. Прапорщик приказал немедленно переправить раненых, но последние неожиданно запротестовали.

- Дозвольте нам, ваше благородие, здесь спокойно умереть, - просили они.

- До смерти вам еще далеко, - уговаривала их Варя, - но нужна срочная операция, иначе вы и вправду умрете, а мы ее сделать не можем.

- Не мучили бы уже перед концом, - продолжали упрашивать солдаты.

- Я сама с вами пойду, и если что случится, то сейчас же помогу вам, - успокаивала девушка раненых.

Наконец их вынесли. Около носилок, все такая же суровая и решительная, пошла Варя.

- Берегитесь по дороге и назад не возвращайтесь, мы здесь и без вас обойдемся! - напутствовал ее Звонарев.

- Вы без меня тут тоже, пожалуйста, не геройствуйте! - ответила Варя.

Между тем японцы прекратили обстрел Одиннадцатой и Тринадцатой батарей и временно совершенно замолчали. На обеих батареях оказались подбитыми шесть орудий из десяти. Правда, некоторые из них можно было исправить, но для этого надо было дожидаться наступления

темноты.

В это время с моря, со стороны Цзинджоуского залива, открыли огонь японские суда. По первому же снаряду стало ясно, что огонь ведется из орудий, крупного калибра. Лица солдат, знакомых с действием морских орудий по артурским батареям, сразу вытянулись.

- Никак, ихний адмирал Тогов сам сюда пожаловал! Будет теперь нам баня!

Пушки у нас вовсе игрушечные, а он с броненосцев двенадцатидюймовыми начнет бить! - испуганно проговорил Грязнов.

- Да разве это броненосцы? Не видишь сам, что ли? Канонерки и миноносцы.

Мы таких на Утесе по десятку за ночь топили! - вмешался в разговор подошедший с командой Блохин. - Честь имею явиться! - отрапортовал он Звонареву.

- А Родионов где?

- На перевязочном, его малость в бедро задело.

- Серьезно? Он, пожалуй, и дойти не сможет?

- Обещал притопать, значит, придет.

- Ну, рассказывай по порядку все, что у вас было.

Блохин в двух-трех словах сообщил о происшедшем, ничего не упоминая о своей "игре в городки" с японцами, но солдаты тотчас же дополнили его рассказ. Звонарев с удивлением смотрел на далеко не геройскую фигуру Блохина. Шапка сидела блином на его голове, шинель, без хлястика, висела халатом.

- Да вы с Гайдаем, оказывается, настоящие герои! Чего же ты скромничаешь и ничего о себе не рассказываешь? - обратился он к Блохину.

- Нечего, ваше благородие, и рассказывать Просто спор с японцем зашел, кто кому раньше башку оборвет - мы ему или он нам. Ну, мы, значит, оборвали ему раньше. Вот и весь сказ.

- Хорош, нечего сказать, был у вас спор!

- Я так думаю, что вся война на таком споре стоит, - неожиданно

зафилософствовал Блохин.

- Блохин и Гайдай, идите к моему Грунину, пусть он вам по стакану водки поднесет из того запаса, что поручик Борейко мне вчера прислал.

- Покорнейше благодарим, ваше благородие, - прохрипел Блохин.

- Я, ваше благородие, непьющий, - отозвался Гайдай.

- Молчи, дура, я за тебя выпью, все воевать веселен будет, - шепнул ему Блохин, и оба солдата, повернувшись по всем правилам, отошли.

Звонарев отправил всех пришедших на Десятую батарею.

- Попробуйте там, что можно, привести в порядок, но все сразу наружу не вылезайте, а то японец вас сейчас же обстреляет, - напутствовал их прапорщик.

В это время несколько новых взрывов большой силы, обрушившиеся на Пятнадцатую батарею, показали, что японцы подготавливают ее разгром. Солдаты поспешно прятались в блиндажи или совсем уходили с батареи.

- Вы куда? - останавливал их Звонарев. - Я сейчас сам начну обстрел японских судов с нашей батареи.

- Никак невозможно против японца устоять, все чисто бьет и калечит, - ответили солдаты.

- А ты сам его покалечь, дурья голова, - вмешался оказавшийся рядом Блохин. - Аида за мной, я вам сейчас покажу, как надо японца пугать!

Через пять минут все восемь орудий Пятнадцатой батареи на предельном прицеле уже громили японские суда. Хотя легкие батарейные пушки не могли нанести японцам существенного вреда, но тем не менее, как только снаряды стали падать около судов, они поторопились отойти подальше в море.

- Не робей, братцы, - носился на батарею Блохин, - целься адмиралу Тогову под хвост, не любит он этого, мигом тикать начнет!

Солдаты, ободренные успехом, старательно работали у орудий. Один из снарядов угодил в китайские джонки, стоявшие у берега, и там начался сильный пожар. Камышовые плетеные китайские паруса горели, как сухая солома, давая массу дыма. Так как лодки стояли близко друг около друга, то огонь быстро перебрасывался от одной к другой, и вскоре все

они пылали ярким костром.

Было видно, как китайцы, спасаясь, прямо с джонок бросались в воду и плыли к берегу. Дым пожара лишил возможности японские корабли вести прицельный огонь по русским позициям.

- Не понравилось японцу! - весело заговорили солдаты.

- Адмирал Тогов чихать начал, - безапелляционно заявил Блохин. - Не любит он нюхать дым.

Скоро весь горизонт со стороны моря был закрыт дымовой завесой, и японская эскадра прекратила обстрел русских позиций, зато с севера опять посыпались шрапнели и гранаты, но после тяжелых морских снарядов они уже не казались такими страшными.

Забравшись в блиндаж, солдаты ожидали конца обстрела.

- Родионов идет, - возвестил Купин, вертевшийся около входа. - И с мамзелей, вроде как с сестрой.

Солдаты стали с порога блиндажа разглядывать подходящих.

Звонарев с Тринадцатой батареи тоже заметил Родионова и Варю Белую.

"Вернулась-таки, упрямая девчонка!" - досадливо подумал он.

- Шура, соберите-ка, пока тихо, свои манатки и отправляйтесь на полковой перевязочный пункт.

- А как же наши раненые? У нас осталось еще трое, - возразила девушка.

- С вами пусть идут, - ответил прапорщик.

- Японец с города наступает, - неожиданно сообщил тревожную весть Гайдай.

Звонарев вскинул бинокль и тут, впервые за сегодняшний день, увидел, как густые цепи японцев одна за другой выбегали из-за стены Цзинджоу и накапливались внизу у деревни Сидай.

Звонарев вызвал солдат на всех батареях к орудиям, но едва они дали по нескольку выстрелов, как японцы обрушили на них огненный вал своей артиллерии, к которой присоединился и обстрел с моря. Все батареи оказались под перекрестным огнем снарядов, летевших и слева и справа и засыпавших всю площадь позиции.

Варя с Родионовым едва успели укрыться в блиндаже Тринадцатой

батарей.

Звонарев, наблюдавший за происходящим близким разрывом снаряда, был сброшен с бруствера и на несколько мгновений оглох и ослеп.

Варя с криком бросилась к нему.

- Что с вами? Вы ранены? - нагнулась она к лежащему на земле прапорщику.

Ее лицо выражало страшный испуг, в глазах стояли слезы, и она, сама того не замечая, начала ласково гладить Звонарева по лицу.

За Варей поспешили к прапорщику Мельников и несколько солдат с носилками.

- Мне уже лучше, - с трудом проговорил Звонарев и с помощью солдат встал на ноги.

- Идите в блиндаж и не смейте больше оттуда выходить! - распорядилась Варя.

- Идите-ка вы все на перевязочный пункт, - ответил прапорщик, - а я мигом очухаюсь и без вас! Смотрите, сколько опять раненых на батареях. Когда обстрел несколько утих, Звонарев пошел посмотреть, что делается у Блохина и Грязнова. Первого из них он нашел у четвертого орудия, - Блохин вытаскивал из-под земли полузасыпанного наводчика.

- Потихе, потихе, братцы, видать, ноги у меня сильно попорчены! - молил раненый.

Блохин с неожиданной ловкостью подхватил его на руки и уложил на носилки.

- Где Гайдай? - спросил Звонарев.

- Рядом в блиндаже, его в голову ранило, - сообщил Блохин.

В полутьме блиндажа прапорщик не сразу разглядел фигуру сидящего на полу Гайдая. Он обеими руками держался за голову и тихо стонал. Сквозь грязный платок у левого виска просачивалась кровь и текла вниз по щеке.

Звонарев вытащил один из бинтов и хотел было его перебинтовать, но Гайдай отстранил его и, взяв бинт, сам стал осторожно бинтовать свою голову.

Звонарев пожалел, что не взял с собой Мельникова с перевязочным материалом.

- Тебе очень больно? - спросил он у Гайдая.

- Очень! Так и гудет в голове, ровно колокол на пожаре! Пропаду я здесь. Нутром чувствую, - жалобно проговорил Гайдай. - Не видать мне больше родной Украины!

- Чего зря ноешь! Утром героем был, а теперь панихиду по себе раньше времени поешь! - упрекнул его Звонарев. - Малость зацепило, а ты и раскис.

Родионов посерьезнее тебя ранен, а вернулся в строй.

Гайдай замолк и продолжал держаться за голову.

Японцы постепенно ослабили огонь по всему участку.

Напряженность боя явно падала.

Со всех батарей потянулись в тыл легкораненые; тяжелораненых несли на носилках; часть солдат сносила трупы к Пятнадцатой батарее, где в яме, на месте порохового погреба, решено было устроить братскую могилу для артиллеристов.

Несколько человек было отправлено в кухню за обедом. Батареи сразу опустели.

Обойдя все батареи, Звонарев нашел всего одиннадцать годных орудий. Из них пять старых китайских, к которым не было снарядов. К полевым же пушкам нашлось около сотни снарядов. Этим и исчерпывались все артиллерийские средства обороны на левом фланге позиции.

- В центре японец тоже разбил все батареи, пушек всюду осталось очень мало, а снарядов и вовсе нет. Только на правом фланге, на Известковой батарее, еще стреляют, но и то совсем редко. Против сотни японских выстрелов и десятка наших нет! - сообщили солдаты, ходившие за обедом.

На позиции стало совсем тихо, и Звонарев решил воспользоваться этим обстоятельством и сходить к Высоких Для выяснения общей обстановки и получения дальнейших указаний. Оставив Родионова за старшего, он отправился на центральные батареи. Первое, что он здесь увидел, была

подбитая морская пушка Канэ, которую так и не успели установить. Снаряд попал в установочную тумбу и совершенно ее исковеркал. На всех батареях осталось в целости по одному-два орудия. Брустверы были скрыты, блиндажи и пороховые погреба завалены, позиция была сильно разрушена.

Высоких находился в блиндаже Шестой батареи. Он был перевязан и все время тихонько стонал. Увидев Звонарева, он очень обрадовался.

- Слава богу, хоть вы целы, а я и не чаял видеть вас в живых, глядя, что разделяют японцы! Что у вас осталось пригодного для дальнейшего боя?

Прапорщик подробно сообщил ему обо всем.

- У меня положение не лучше, хотя потерь, конечно, меньше. По нас стреляли не суда, а только полевые батареи, но зато в огромном числе. Должно быть, у них было до сотни орудий. Но мы тоже не одну сотню японцев отправили на тот свет, - рассказывал Высоких. - Я попрошу вас сейчас дойти до Двенадцатой батареи, знаете - последняя постройка, рядом с Третьей батареей, и доложить Третьякову о положении у нас.

Звонарев немедленно направился к командиру полка.

Выслушав его доклад, полковник разразился самой непечатной бранью по адресу Фока и Стесселя, которые, по его мнению, были виноваты в сегодняшнем разгроме.

- Я сам сапер, за своим делом слежу и знаю, что в наше время артиллерию надо ставить по возможности укрыто или, во всяком случае, замаскировав. Они же приказали все батареи, по старинке, поставить на горе, ибо, по их мнению, артиллерии стыдно "прятаться" от противника! И вот результат! Японцы "не постыдились спрятаться" и разгромили нас за несколько часов. Без артиллерии я защищать позицию не могу, а у вас почти нет орудий и снарядов, и, следовательно, помочь вы мне не можете! Не в службу, а в дружбу, я попрошу вас сейчас съездить к генералу Надеину, начальнику передового отряда, с моим донесением. Я прикажу вам подать одну из моих верховых лошадей.

Когда Звонарев уже сидел на лошади, Третьяков еще раз повторил ему

свои соображения по вопросу дальнейшей обороны цзинджоуских позиций.

- Ввиду отсутствия снарядов мне нужна самая энергичная помощь полевых батарей, которые должны стать здесь, а не за пять верст, на Тафаншинских высотах. Затем мне необходим резерв не менее двух батальонов для борьбы с возможным прорывом японцев в тыл позиции. У меня остались в резерве только музыкантская команда и знаменный взвод. Генерала Надеина найдете у станции Тафаншин, на высоте тридцать два. Да она отсюда видна простым глазом: видите группу людей на сопке? Там и находится генерал.

Звонареву пришлось ехать по открытой дороге, довольно сильно обстреливаемой японцами.

Добравшись с трудом до нужного места, прапорщик соскочил с лошади и спросил:

- Где тут найти генерала Надеина?

- Вон там на стуле сидит! - указал ему один из солдат.

Шагах в двенадцати от них, на самой вершине сопки, поросшей густой зеленой травой, на складном стуле сидел широкоплечий старик, похожий на рождественского деда, для шутки одетого в генеральскую форму.

Генерал дремал, греясь на солнышке. Белая фуражка с огромным козырьком мерно покачивалась вместе с генеральской головой. Длинный, до колен, китель мешком сидел на его сухощавой фигуре. На коленях генерала лежал большой старинный бинокль, больше похожий на две спаренные подзорные трубы.

- Донесение вашему превосходительству от полковника Третьякова! - отрапортовал прапорщик.

- А? Что? - вскинулся генерал. - От Третьякова? Ну, что он пишет? Прочтите сами, а то я без очков не вижу! - прошамкал Надеин. - Напрашно он панику разводит! Японцы уже отступают по всему фронту. Я об этом уже пошлал телеграмму в Артур, - проворчал недовольно генерал, когда Звонарев прочитал ему третьяковское послание.

- Шам пишет, что японцы перешли стрелять, и тут же требует себе

артиллерию и режервы. Ничего я ему не дам. Пусть выкручивается шам.

- И генерал опять погрузился в приятную дремоту. Прапорщик в недоумении топтался на месте, не зная, что ему предпринять дальше. - В Шеваштополе куда хуже бывало, и то помощи не прошили, - вдруг заговорил опять генерал, не открывая зажмуренных глаз. - На четвертом баштоне по десять - двадцать человек оштавалошь и то отбивалишь шами от французов, и от англичан, и от итальянцев.

Опять последовала пауза.

- Генерал Фок не приказал давать режерв. Он на жавтра понадобится. - И генерал окончательно замолчал.

Звонарев отошел в сторону и стал наблюдать за картиной боя на правом фланге. На светлом фоне залива Хунуэнеза был отчетливо виден силуэт русской канонерской лодки "Бобр", которая громила левый японский фланг и тыл.

Большие столбы дыма от разрыва крупных морских снарядов взлетали около занятой противником деревни. Вскоре деревня загорелась. Японцы стали быстро выбегать из нее, скрываясь в тылу. Прапорщик сообщил генералу свои наблюдения.

- Я же вам говорил, что японцы отступают. Шкоро они побегут по вшей линии, - не поднимая головы, равнодушным тоном отозвался генерал.

В это время справа показалась выезжающая на позицию полевая батарея.

Звонарев залюбовался, глядя на то, как на широком галопе она строго держала равнение и дистанцию между орудиями. Впереди на вороной лошади скакал командир, сопровождаемый трубачом на традиционном в артиллерии белом жеребце. Как только батарея вылетела на хребет, в воздухе блеснула командирская шашка, и тотчас, совершив на полном галопе заезд, батарея снялась с передков, а упряжка двинулась в тыл. В следующее мгновение первое орудие уже дало выстрел, а за ним, нагоняя друг друга, загрохотали и семь остальных.

- Очередь! - донеслась команда с батареи.

- Не правда ли, лихо? - проговорил очнувшийся Надеин. - Люблю

шмотреть на артиллерийскую стрельбу. Шердше радуетша.

Но не успела батарея выпустить и нескольких очередей, как на нее обрушились десятки японских снарядов. Огонь батареи сразу ослабел, ее заволокло дымом и пылью, сквозь которые были видны падающие на землю люди, перевернутые зарядные ящики и опрокинутые подбитые орудия.

Не прошло и пяти минут, как прислуга начала торопливо на руках скатывать вниз уцелевшие два-три орудия. Еще немного, и на позиции батареи никого не осталось, кроме белеющих на зеленом фоне травы рубах убитых и раненых.

Батарея прекратила свое существование.

Звонарев был потрясен.

- Царство им небешное! Не повежло им шегодня, - прошамкал генерал и, сняв фуражку, перекрестился размашистым крестом.

- Что прикажете доложить полковнику Третьякову? - осмелился наконец спросить прапорщик.

- Ах, вы еще ждете? - откликнулся генерал. - Там под горкой в куштах шидит капитан Романовский. Пожовите его ко мне, я с ним хочу посоветоваться.

Звонарев подошел к указанному месту и нашел лежащего на бурке молодого капитана генерального штаба.

- Вас просит к себе генерал Надеин, - обратился к нему Звонарев.

- Что? Надеин? Что еще надо этому старому!.. - нехотя отозвался капитан, лениво поднимаясь на ноги.

Надеин рассказал Романовскому о просьбе Третьякова.

- По-моему, вполне основательные требования, ваше превосходительство.

Если японцы начнут отступать, то эти батальоны с артиллерией можно будет бросить в преследование, а если опять будут атаковать, они помогут Третьякову отбить атаку, - с апломбом проговорил капитан.

- А что скажет потом Фок?

- Едва ли он скоро появится здесь, - усмехнулся капитан.

- Да, и Фок, и Штешшель не любят стрелбы. Еще в шеяьдешят шедьмом году, когда они у меня в роте шубалтернами были, то как подниметша стрельба, так оба и норовят в обож уехать, - оживился генерал. - И оба крешты жа других получили. Фок на Шипке и не был, а крешт жа нее имеет. Штешшель в шорока верштах от Тяньджиня был, когда его брали, и тоже умудрилша получить крешт жа его вжание, вше по протекции. Хорошо тому, у кого рука наверху ешть, - вздохнул генерал.

Романовский быстро набросал на полевой книжке ответ Третьякову и подал Надеину для подписи.

Звонарев уже собирался ехать назад, когда неожиданно к ним подъехал с большой свитой Фок.

- Как дела, Митрофан Александрович? - обратился он к Надеину, поднявшемуся со стула ему навстречу.

- Японцы отступают, а Третьяков прошит помощи! - ответил генерал, указывая на Звонарева.

- Передайте полковнику Третьякову, что он не командир полка, а дерьмо собачье! - крикнул Звонареву сразу вскипевший Фок. - Больше ничего, можете ехать.

Прапорщику ничего не оставалось как повиноваться, и он пошел к ординарцам, которые валялись на земле около своих лошадей.

Через четверть часа Звонарев уже был у Третьякова и передал ему на словах ответ Фока.

- О чем они думают? Японцы не только не отступают, но, наоборот, усиленно накапливаются против нашего левого фланга у деревни Сидай и против центра - за Цзинджоу! На левый фланг я отправил последний резерв. Теперь у меня остались только штабные ординарцы, - возмущался полковник. - Потом меня же винить будут, если японцы прорвутся и займут позицию.

Прапорщик отправился к своим батареям.

Вскоре бой возобновился по всей линии. Теперь японцы обрушились на стрелковые окопы. Эти окопы вовсе не имели бетонных блиндажей, а прикрывались лишь легонькими деревянными козырьками, которые

могли предохранить только от ружейных и шрапнельных пуль, но не от артиллерийского огня.

Траншеи наполнялись ранеными и убитыми. Вскоре на задние аппарели окопов стали выбрасывать трупы, которые мешали передвижению в траншеях.

Белые рубахи убитых образовали за окопами четко видимую японцами кайму, чем еще больше облегчали им пристрелку.

На море появились ушедшие было японские суда и начали фланговым огнем обстреливать стрелковые траншеи. Мощные взрывы морских снарядов сносили сразу по несколько саженной окопов и проволочных заграждений. Положение пехоты стало критическим. Звонарев с волнением наблюдал за развертывающейся перед ним драмой, не имея возможности ничем помочь стрелкам.

- Ваше благородие, японец лезет на наши окопы! - показал пальцем Купин на цепи противника, быстро приближавшиеся со стороны деревни Сидай.

- Прямой наводкой шрапнелью! - скомандовал прапорщик, и несколько белых разрывов появились над неприятельскими цепями.

Японцы сразу остановились и припали к земле, скрываясь за малейшими укрытиями на местности.

Звонарев еще раз удивился тому, насколько хорошо сливалась с местностью их защитная одежда.

Вскоре губительный артиллерийский огонь заставил стрелков очистить передовые окопы и отойти на вторую линию. Батареи наполнились ранеными, искавшими укрытия в бетонных блиндажах.

На перевязочном пункте не хватало рук, и все артиллеристы, не занятые около орудий, превратились в санитаров, наскоро оказывающих помощь раненым.

Артиллерийские позиции все больше наполнялись стрелками, которые постепенно уходили из совершенно уже разрушенных окопов.

- Ваше благородие, - спросил Звонарева стрелковый унтер-офицер, - кто у вас тут за старшего будет?

- По артиллерийской части - я. А где ваши офицеры?
- Кого побило, кто убег, - спокойно ответил солдат. - Мы не знаем, отступить ли нам дальше, и если отступить, то куда?
- Попытаемся еще продержаться здесь, пока есть снаряды, может, помощь из резерва подойдет.
- Не видать ее что-то, ваше благородие, должно, весь резерв на другие участки израсходовали. Так я, ваше благородие, пока пушки будут стрелять, людей задержу здесь, - ответил унтер и поспешил к своим стрелкам.

Между тем после многих тщетных усилий японцам удалось захватить передовые окопы, и по ним они быстро начали распространяться в обе стороны, обходя с тыла и флангов. Одновременно неприятельская артиллерия вновь обрушилась на русские батареи.

Выглянув из-за бруствера, Звонарев увидел, как захватившие передние окопы японцы добивали штыками русских раненых. Он видел, как некоторые из них пытались бежать от озверевших японцев, но падали, пронзенные штыками и пулями. Вне себя от возмущения, прапорщик бросился к орудиям.

- Вали картечью, Купин! - крикнул Звонарев стоявшему неподалеку наводчику, но вблизи разорвался снаряд, и прапорщик увидел вместо солдата только кровавые куски мяса да один сапог, который, высоко взлетев в воздух, упал на бруствер. Около орудий не осталось больше артиллеристов.

- Помогите мне пушку навести! - попросил Звонарев нескольких стрелков, еще продолжавших отстреливаться из-за брустверов батарей. Оставив винтовки, солдаты сейчас же бросились ему помогать. Наскоро зарядив пушку картечью, прапорщик грубо навел ее на переполнивших ход сообщения японцев и выстрелил.

Стрелки с жадным любопытством кинулись к брустверу. Картечь с визгом врезалась в толпу японцев, опрокинула и смяла их, и только несколько уцелевших человек, побросав в ужасе винтовки, выскочили из траншей и стремительно бросились в тыл.

Дав еще два-три выстрела, батареи замолкли, расстреляв все свои снаряды.

- Отходи! - скомандовал Звонарев стрелкам и бросился к перевязочному пункту.

Тут он увидел бледную, трясущуюся Варю. Она молча показывала на то место, где только что был перевязочный пункт. Попавшие в него одновременно несколько снарядов совершенно разрушили блиндаж и погребли под ним всех раненых.

- Шурка где? - отрывисто спросил у нее прапорщик.

В это время выброшенная взрывом земля в одном месте зашевелилась, и на поверхности показалась голова девушки. Вскочив на ноги, Шурка с криком опрометью бросилась бежать.

- Уходить надо, ваше благородие! Совсем окружил нас японец, - с разбегу подлетел к ним Блохин, и все трое устремились за Шуркой. - Стой, - вдруг остановился солдат, - забыл в блиндаже свой вещевой мешок. Я мигом обернусь.

- И он кинулся обратно к батарее.

- Куда ты, дурья голова? - окликнул Звонарев, с ужасом глядя ему вслед. Но Блохин уже исчез в блиндаже и тотчас появился опять с вещевым мешком за плечами. Японцы были уже на батарее. Один из них, вскинув винтовку наперевес, бросился на Блохина, но тот с размаху упал ему под ноги, так что японец, запнувшись об него, полетел кувырком. В следующее мгновение Блохин был уже на ногах, выхватил у японца винтовку, ткнул его штыком и бросился бежать за Звонаревым, потрясая в воздухе захваченным трофеем.

Около центральных батарей им навстречу с винтовками в руках выбежали Лебедин, Белоногов и Заяц.

- Уходи! - на бегу махнул им Звонарев.

- Нас послал за вами, ваше благородие, Софрон Тимофеевич, они внизу у кухни со всеми нашими, - ответил Лебедин, и все устремились дальше.

Около кухни было относительно тихо, снаряды сюда почти не залетали. Здесь вокруг Родионова собрались все утесовцы. Тут же, сидя на земле,

рыдала Шурка.

- Пошли дальше, - скомандовал Родионов, едва к ним присоединился Звонарев с другими солдатами.

- Дай передохнуть-то им, Софрон Тимофеевич, - сказал Ярцев.

- Не до отдыха сейчас, тикать надо, а то японцу в лапы как раз угодим!

Сзади затрещали частые ружейные выстрелы. Солдаты бросились бежать дальше. Плачущую Шурку Назаренко волокли под руки Белоногов и Ярцев.

К узкому проходу через окопы и проволочные заграждения со всех сторон стекались стрелки, на ходу отстреливаясь от наседавших японцев. Проскочить через проход сразу большому числу людей было почти невозможно, но тут помогла японская артиллерия, которая, преследуя русских огнем, обстреляла свои же цепи. Спасаясь от обстрела, японцы кинулись в сторону и остановились. Это дало возможность русским вырваться из рокового круга окопов и проволочных заграждений. Но впереди еще предстояло пробежать с версту по открытой местности до выемки железной дороги, где можно было бы укрыться от огня противника.

К своей радости, они увидели двигавшиеся им навстречу цепи стрелков в белых рубахах. Все облегченно вздохнули. Японские снаряды остались позади, впереди была помощь. Запыхавшиеся люди пошли шагом.

- Сосчитай-ка, Тимофеич, кто у нас остался налицо, - распорядился Звонарев.

- Налицо двадцать шесть, было сорок, не хватает четырнадцати. Убито пятеро, ранено трое, а остальные остались где - неизвестно! - доложил фейерверкер.

Начали вспоминать, кого еще не хватает. В числе пропавших оказались Мельников, Кошелев и денщик Звонарева Грунин. Никто не знал, куда они делись.

- Подберутся еще, ваше благородие! - успокоил Лебедин.

Совсем стемнело. Со стороны позиции доносилась лишь редкая ружейная перестрелка. К железной дороге продолжали подходить стрелки Пятого

полка.

Скоро их собралось человек около ста.

- Возьмите над нами команду, ваше благородие, - подошел к Звонареву стрелок, - а то офицеров у нас нет, и в темноте мы боимся к японцу попасть.

- Ладно! Собирайтесь да идите с нами на станцию Тафаншин, там, верно, и ваши офицеры найдутся, - распорядился Звонарев.

- Артиллеристы, подымайсь! - скомандовал Родионов, и все тронулись дальше в путь.

- Ваше благородие, мы с Зайцем и Белоноговым пойдем вперед, вроде как разведку сделаем, - предложил Лебедин.

- И меня с собой возьмите, - попросил Блохин, потряхивая своей японской винтовкой.

Звонарев согласился и отпустил их.

ИЗ ДНЕВНИКА ОФИЦЕРА ШТАБА

ГЕНЕРАЛА ОКУ

"Командующий 2-й японской армией генерал Оку во время Цзинджоуского боя находился на горе Самсон, откуда и наблюдал в подзорную трубу за ходом боя.

Весь его немногочисленный штаб был им разослан с различными приказаниями наступающим частям. Около генерала остался лишь майор Ямаоки, два ординарца и телефонист. По мере развития боя командующий все сильнее нервничал.

Начатое еще с темнотой наступление на русские позиции до полудня не увенчалось успехом, несмотря на почти десятикратное превосходство в силах и наличие более чем двухсот полевых орудий, не считая морской артиллерии.

В подзорную трубу генерал ясно видел, что артиллерия русских уже давно была приведена почти к полному молчанию, что окопы противника были сильно разрушены, и все же пехота его величества микадо не только не могла дойти до противника, но даже несколько отступила по всей линии и начала спешно окапываться, укрываясь от ружейного огня

русских.

Подбежавший связист подал генералу пакет.

- От кого? - спросил Оку.

- От командира полевой артиллерии армии, - доложил посланец.

Генерал нетерпеливо разорвал конверт и, водрузив на нос очки, начал читать. Лицо его сразу приняло серьезное, сосредоточенное выражение.

- Генерал Нира сообщает, что на батареях остался только неприкосновенный запас снарядов, и просит срочного пополнения, - проговорил Оку, обернувшись к подошедшему майору - Боюсь, ваше превосходительство, что раньше вечера мы эту просьбу удовлетворить не сможем, - ответил офицер, - так как на море все еще продолжается сильное волнение, что очень затрудняет выгрузку боеприпасов.

- Наша пехота несет большие потери, особенно Первая дивизия в центре и Третья - на левом фланге. Необходимо немедленно принять самые решительные меры к преодолению сопротивления противника.

- Тогда придется выдвинуть из резерва Третий пехотный полк и бросить его в атаку.

- Но куда? До сих пор в русской позиции нет ни одной бреши.

- Левый фланг русских сильно выдвинут вперед и к тому же обстреливается с моря. Здесь находится тактический ключ ко всей позиции, ваше превосходительство! Следовательно, сюда и надо двинуть резервный полк.

- Без хорошей артиллерийской поддержки он тоже едва ли будет иметь успех, а снарядов у нас в обрез. В случае неудачи и русской контратаки мы окажемся в весьма критическом положении, ибо артиллерия не имеет снарядов, а полки расстроены тяжелыми потерями.

- Пока жив наш Ямато-Дасаки (японский дух), нам нечего опасаться поражения! Великая праматерь Аматарасу-Амиками всегда поддержит своих верных сынов!

- У русских есть хорошая пословица: "На бога надейся, сам не плошай".

Поэтому, не оставляя надежды на помощь богини Восходящего Солнца, надо подумать и о пополнении снарядами, хотя бы из артиллерийских

парков Пятой дивизии, расположенной у станции Пуландьян. Я поручаю это вам, Ямаоки-сан!

- Для выполнения вашего распоряжения потребуется время, ваше превосходительство.

- На выдвижение резервов в боевую линию тоже нужно время. Даю вам два часа на выполнение моего поручения. Я же в это время подтяну Третий полк к месту атаки и буду лично напутствовать его на пути славы! Майор откозырял и поспешил к своей лошади.

Оставшись один, Оку задумался. Он знал, что к северу от него находится Первый Сибирский корпус русских. Надо было успеть во что бы то ни стало до его подхода разгромить артурские войска и затем всеми силами обрушиться на север. Поэтому, чтобы наверняка обеспечить успех, сегодня целых три дивизии были брошены на один русский полк, занимавший цзинджоуские позиции. Тем не менее русские оказали совершенно исключительное сопротивление сперва при занятии города Цэинджоу, являющегося как бы передовым редутом всей позиции, а затем и по всей линии фронта.

"Один полк против двенадцати. Шестьдесят орудий против двухсот сорока! И все же за семь часов боя решительного успеха не достигнуто, - мрачно соображал генерал, - а сзади за Тафаншинскими высотами стоит еще целая русская дивизия, не бывшая в бою. Есть о чем призадуматься!"

Генерал мрачно шагал по своему наблюдательному пункту. Затем он приказал одному из ординарцев тотчас же отправиться к Третьему полку в деревню Шиндзы и передать приказание приготовиться к атаке.

Когда солдат ушел, Оку поднес было бинокль к глазам, но тотчас его опустил. Он опять увидел - и который раз сегодня, - захлебнувшуюся около самых окопов русских очередную атаку японской пехоты.

Появился еще ординарец, на этот раз от начальника санитарной части армии, с донесением, что с начала боя через перевязочные пункты прошло около ста раненых офицеров и свыше трех тысяч солдат. Командующий нахмурился.

"Если к этому прибавить еще убитых, то наши потери составят до полутораста офицеров и не менее четырех тысяч нижних чинов, то есть около четверти всего офицерского состава армии и полутора полков солдат. На позициях у русских и в начале боя не было такого количества людей, - горестно думал генерал. - Еще одно последнее усилие, и если оно не удастся, то, придется прекратить бой и ожидать высадки новых подкреплений, обороняясь одновременно и с юга и с севера от наступающих русских армий", - решил Оку

Явился Ямаоки и доложил, что артиллерийские снаряды уже подвозятся.

- Передайте сейчас же генералу Нира, чтобы он открыл самый сильный огонь по противнику и стрелял до последнего снаряда! - распорядился Оку.

Вскоре японская артиллерия вновь усиленно загрохотала по всему фронту, а пехота опять бросилась в атаку, но снова была отбита.

- Все резервы, какие еще есть под руками, немедленно бросить вперед! Я жду, что господа офицеры покажут себя истинными самураями и вместе с солдатами покроют себя вечной славой! - диктовал Оку майору свой очередной приказ.

Артиллерия усиленно стреляла.

- Патроны в полках на исходе, на батареях осталось по пяти-шести снарядов на орудие! - тревожно сообщили из дивизии через полчаса.

- Стрелять до последнего патрона и снаряда, а затем идти в штыки, и да поможет нам великая Аматерасу! - неистово кричал Оку в телефон своим командирам дивизий.

Вечерело. Победа, казалось, окончательно ускользала из японских рук, и тут неожиданно с правого фланга передали радостную весть о том, что полки Четвертой дивизии ворвались в русские окопы.

- Банзай! - забывая о своем престиже, во всю глотку закричал обрадованный генерал и стал усиленно смотреть в подзорную трубу.

Ему было видно, как серо-зеленые фигурки широкой волной заливали взятую позицию. Перед ними стремительно двигались назад белые линии русских цепей.

Вскоре вся позиция была покрыта флагами Страны Восходящего Солнца. Победа стала несомненной.

- Прикажете отдать диспозицию в преследовании противника? - спросил у генерала Ямаоки.

- Я еще не сошел с ума! Ни одного шага дальше позиции! На ночь подготовиться к отбитию контратаки противника и тотчас начать подготовку позиции к обороне на случай завтрашнего боя, - приказал генерал. - Теперь же подтянуть парки и два полка из Пятой дивизии к Цзинджоу.

Со всех сторон шли радостные вести о захваченных пленных и трофеях, но больше всего Оку обрадовался, когда лазутчики донесли об отходе частей, стоявших за Тафаншинскими воротами. Артурская армия перестала угрожать ему с юга.

- Теперь пишите диспозицию, Ямаоки-сан. Всем частям армии, за исключением двух полков и трех батарей Первой дивизии, к утру подготовиться к движению на север. Оставшимся под Цзинджоу частям держать связь с противником, но отнюдь не ввязываться при этом в бой, - продиктовал командующий майору.

Когда около полуночи было получено сообщение об оставлении русскими Дальнего, Оку еще раз в этот день прокричал "банзай" в честь своего императора.

- Право, Ямаоки-сан, растерявшиеся и перетрусившие русские генералы сегодня больше моего заслужили благодарность нашего божественного Тенно, - проговорил он, обращаясь к своему офицеру.

В знак согласия тот молча наклонил голову".

Глава третья

Когда японцы начали общее наступление на русские позиции, генерал Фок, на обязанности которого было руководить обороной Цзинджоу, находился на Тафаншинских высотах. Отсюда, почти в шестиверстной дальности, он наблюдал за ходом боя. Генерал нервничал и чувствовал неприятную истому. Он помнил секретный приказ Стесселя - не

задерживаться под Цзинджоу и отходить прямо в Артур. Надо было его выполнять. Около по-прежнему сидел Надеин и угрюмо шамкал беззубым ртом:

- Пора двинуть на помощь Третьякову Тринадцатый и Четырнадцатый полки и бригадой Ирмана, иначе будет поздно и придется оштавить позицию.

Неподалеку, в ожидании генеральских распоряжений, группой стояли чины штаба и командиры всех полков дивизии.

- Третьяков трус и подлец, раз он сам не может справиться с японцами, занимая такую позицию и имея около полусотни орудий, из которых больше десятка тяжелых крепостных, - сердито бросил Фок ворчавшему Надеину. - На таких позициях я бы волком ходил и всех японцев передошил, как цыплят.

- Окопы и батареи разрушены, артиллерия молчит, нет снарядов, полк потерял половину своего штаба, - не унимался старик Надеин.

- Дезертиры и бегуны, а не солдаты! Смотрите, сколько их в тылу без винтовок ходит.

- Это артиллеришты, у них нет ни винтовок, ни снарядов для стрельбы.

- Вооружить их винтовками раненых и убитых и послать в окопы.

- Едва ли это возможно при данных обстоятельствах.

В это время к ним подъехал верхом худощавый полковник Ирман, командир Четвертой Восточносибирской стрелково-артиллерийской бригады в сопровождении высокого, юношески стройного, молодого капитана с лихо закрученными вверх иссиня-черными усами - АлиАга Шихлинского.

- Ваше превосходительство, - обратился Ирман к генералу Фоку, прикладывая руку к козырьку, - японцы почти уже обошли левый фланг позиции, на правом фланге наши части тоже отходят под давлением превосходящих сил противника.

Положение Пятого полка очень тяжелое. Разрешите выдвинуть мои батареи на позицию полка и огнем на картечь остановить противника: это облегчит отход Пятого полка.

- Категорически запрещаю выдвигать вперед хоть одно орудие, - резко возразил Фок. - Наоборот, оттяните сейчас же назад к Нангалину вашу Третью батарею, которая слишком у вас выдвинута вперед и легко может попасть в руки японцев.

- Нашей батарее не угрожает опасность потому, что впереди нее залив Хунуэза, который форсировать японцам не так легко. В случае необходимости батарея свободно может отступить на Талиенвань или Дальний... - вмешался Шихлинский.

- Прошу без рассуждений выполнить мое распоряжение, - оборвал офицеров Фок.

Сдерживая свое возмущение, Ирман и Шихлинский, откозыряв, поспешили отъехать.

- Как хотите, Владимир Александрович, - обратился к Ирману Шихлинский, - а я не отведу своей батареи, пока Пятый полк будет нуждаться в нашей поддержке. Даже в случае его отступления я буду стрелять до последнего, не считаясь с указаниями Фока.

- В случае отхода Пятого полка Фок первым кинется в тыл, забыв о вас и о всех других. Поэтому я не возражаю против ваших намерений и даже больше - полностью разделяю ваши планы. Артиллерия должна до последнего патрона помогать пехоте, - согласился Ирадан.

На этом офицеры и расстались.

- Пятый полк бежит, - доложил Фоку начальник его штаба полковник Дмитриевский.

- Бежит не полк, а отдельные трупы и шкурники, которых надо сейчас же задержать и половину из них перестрелять на месте! - сердито прикрикнул Фок.

Но вскоре Фок уже не спорил и не ругал своих подчиненных, вскоре и для него стал очевиден отход Пятого полка.

Фок растерялся. Взмахом руки он подозвал к себе всех своих офицеров.

- По-видимому, японцы сосредоточили против нас огромные силы, благодаря чему им удалось занять такую сильную позицию, какой была наша. После разгрома Пятого полка перед ними нет больше препятствий,

и они, очевидно, через час, много полтора будут уже здесь. Было бы безумием с моей стороны принять бой на неукрепленных позициях против превосходных сил противника, и нам остается одно: возможно скорее отступить к Артуру и укрыться за его укреплениями, - заикаясь от волнения, проговорил Фок.

- Яш вами не шоглашен... - начал было Надеин, но Фок попросту отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

- Прошу господ командиров полков немедленно, по тревоге, поднять обозы и отправить их прямо в Артур, а через час после них должны двинуться и сами полки; так как Четырнадцатый полк расположен ближе всех к позиции, то он и составит арьергард. Тринадцатый и Пятнадцатый полки в порядке номеров пойдут к Нангалину, а оттуда через перевал Шииндзы, по Мандаринке, к Артуру.

Артиллерия пойдет в промежутке между полками. Прошу немедленно привести в исполнение мои приказания, чтобы через час уже все было в движении!

- Прикажете написать диспозицию частям? - спросил начальник штаба полковник Дмитриевский.

- Какие там диспозиции! Лишь бы нам удалось ноги отсюда до ночи унести подобра-поздорову. Не время сейчас писаниной заниматься! - желчно ответил Фок и приказал подать себе лошадь.

- Ваше превосходительство, а мне когда отходить? - подбежал к генералу толстый, неуклюжий командир Четырнадцатого полка полковник Савицкий.

- В бой не ввязывайтесь! Можете сниматься с позиции около девяти-десяти часов вечера, ночевка полка в Нангалине!

- Туда без малого двадцать верст, дорога скверная и идти надо ночью. Если я снимусь отсюда в десять часов вечера, то я только к утру буду в Нангалине, какая же это ночевка?

- Не велика беда, если ваши стрелки не поспят одну ночь. Важно выйти из-под удара противника, оторваться от него и поскорее прибыть в Артур.

- Понимаю, слушаюсь! - торопливо ответил Савицкий.

- Пора нам двигаться, - обратился Фок к своему штабу. - Мы должны проскочить в Нангалин и оттуда руководить общим отходом полков дивизии.

- Прикажете сообщить в Дальний об отступлении? - напомнил Дмитриевский. - Там сосредоточено многомиллионное имущество, которое в короткий срок вывезти, конечно, невозможно, и его придется уничтожить, чтобы оно не попало к японцам.

- Потом, потом! Дайте уйти от всей этой сумятицы! - И генерал широкой рысью двинулся вперед. За ним затрусил и остальной штаб.

Командиры полков карьером поскакали к своим частям, и в полках поднялась суматоха. Командиры батальонов лично обходили свои роты и передавали распоряжение о выступлении, сокращая для верности срок на четверть часа, ротные командиры урезывали время еще на четверть часа, а фельдфебеля просто поднимали солдат по тревоге. В результате не через час, а через полчаса обозы всех полков сплошной лавиной тянулись по всем дорогам, идущим к Нангалину. Тотчас за обозами начали выступать и полки.

Оставленный в арьергарде Четырнадцатый стрелковый полк тоже недолго задержался на месте. Трусоватый командир полка полковник Савицкий нервно прислушивался к отдельным выстрелам, еще раздававшимся в направлении цзинджоуских позиций. Вскоре он вызвал к себе начальника охотничьей команды

поручика Енджеевского и приказал ему выдвинуться вперед и по возможности "задержать японскую армию, которая в составе нескольких дивизий преследует отходящий Пятый полк".

- Довольно-таки мудреная задача: с тремястами человек без артиллерии задержать целую армию, - не без иронии ответил поручик.

- Продержитесь возможно дольше. Помните: жертвуя собою, вы спасете нашу дивизию от разгрома, - с пафосом проговорил полковник.

- Сделаю все возможное и невозможное, господин полковник. Не поминайте лихом, если не вернусь! - в тон Савицкому произнес

Енджеевский, сдерживая улыбку при виде взволнованного лица своего командира.

Поручик держался совсем другого мнения о намерениях японцев. Он не верил в мифическую опасность, якобы грозившую русской армии. Понесся огромный потери при штурме цзинджоуских позиций, японцы теперь приводили себя в порядок после тяжелого боя и меньше всего думали о преследовании русских.

Отпустив поручика, командир Четырнадцатого полка решил, что его роль как начальника арьергарда окончена, и приказал полку немедленно выступить к Нангалину.

Около полуночи, когда утомленные поспешным отходом полки проходили мимо разъезда Перелетный, находящегося в семи верстах от Нангалина, кто-то в темноте принял конных разведчиков Пятнадцатого стрелкового полка за японскую кавалерию и открыл по ним огонь. Перепуганные стрельбой обозы понеслись вперед к Нангалину и проскочили его, не останавливаясь. Это вызвало переполох на станции, где скопились лазареты и много раненых.

Генерал Фок поддался общему настроению и приказал немедленно подать себе экстренный поезд в Артур. Но единственный паровоз на станции оказался неисправным, и генерал поспешил сесть на лошадь и пуститься вдогонку своих доблестных обозов.

Прошло немало времени, пока растерявшиеся начальники наконец догадались подать сигнал "отбой", который был подхвачен всеми горнистами и трубачами.

Услышав сигнал, солдаты постепенно успокоились. Стрельба смолкла, полки снова двинулись вперед.

В этот же день, вечером, в городе Дальнем, являющемся крупнейшим оборудованным портом Квантунской области, в квартире градоначальника, военного инженера в запасе Василия Васильевича Сахарова, сидел его друг и компаньон по многочисленным коммерческим предприятиям, Николай Иванович Тифонтай.

Сахарова с Тифонтаем связывало давнее знакомство еще по Петербургу.

Известный в то время авантюрист, считавшийся в придворных кругах "тибетским врачом - Бадмаев, крестник самого царя Александра III, играл видную роль при царском дворе. У Бадмаева служил секретарем китаец Тифонтай. По примеру своего покровителя он тоже принял православие и стал называться в честь наследника Николаем. Сахаров, тогда молодой блестящий гвардейский офицер, постарался втереться в доверие к одной из самых приближенных фрейлин царевны - Вырубовой. Она имела большое влияние на императрицу Александру Федоровну и через нее на самого царя.

Вырубова лечилась у Бадмаева, и Сахарову представилась возможность познакомиться и с Бадмаевым и с Тифонтаем.

Бадмаев стоял на стороне безудержной экспансии России на Восток и прежде всего в Китай. Он не прочь был представлять в Петербурге "тяготеющие к России китайские торговые, круги". Тифонтай полностью воспринял эту политическую линию.

Как только Порт-Артур был занят Россией на правах аренды на двадцать пять лет, и Тифонтай и Сахаров почувствовали, что настало время для активных действий. Сахаров через Вырубову получил рекомендацию к всемогущему тогда министру финансов Витте и был назначен градоначальником создаваемого города и порта Дальнего. Тифонтай же с помощью Бадмаева стал главным поставщиком русской армии в Маньчжурии и на Квантуне. Ловкими махинациями оба приятеля вскоре создали себе хорошее состояние.

Сейчас Сахаров и Тифонтай сидели за небольшим, украшенным перламутром столиком и пили шампанское. Они только что заключили крупную сделку.

Тифонтай купил все предприятия Сахарова в Дальнем. Сахаров знал, что городу грозит японская оккупация, и в трудную для него минуту он решил обратиться к своему другу Тифонтаю.

- Объегорили вы меня совсем, Николай Иванович! За шапку сухарей скупили мои дома и заведения! - говорил Сахаров ему. - Пользуетесь затруднительным положением и обираете меня, как липку!

Тифонтай сощурил свои черные глаза и, одернув костюм, с вежливой улыбкой ответил:

- Не родился еще на свете человек, который сумел бы вас обойти, Василий Васильевич! Шутка ли сказать, построить город и порт стоимостью в двадцать миллионов рублей и составить себе на этом десятимиллионное состояние! Слава о вас гремит по всему Дальнему ВОСТОКУ. Такие доходы - и ни одной, даже самой паршивенькой, сенаторской ревизии? Поистине, вы маг и чародей у нас в Квантуне!

- Но, Николай Иванович, вы известны не меньше Сахарова, вас знают на всех биржах от Токио до Сингапура!

- Льстите мне, Василий Васильевич. Я всего лишь скромный и малоизвестный купец.

- Не прибедняйтесь, Николай Иванович. Кому половина Артура принадлежит? Вам. Там, куда ни плюнешь, все в Тифонтай попадешь: бани - Тифонтай, мельница - Тифонтай, винокуренный завод - Тифонтай, театр - его же, не говоря уже о всех кабаках и опиокурильнях. Здесь, в Дальнем, с сегодняшнего дня вам тоже принадлежит до полусотни каменных домов, электрическая станция, добрая половина складов и все публичные дома. Это ли не богатство! Нет, Николай Иванович, честное слово, вы здорово сегодня меня объегорили, приобретя мое имущество за бесценок.

- По-моему, это не более как дружеская услуга с моей стороны.

Завтра-послезавтра Дальний займут японцы, и все ваше имущество было бы реквизировано, как принадлежащее русскому подданному и офицеру.

- Но ведь вы тоже русский подданный.

- Но не офицер, а мирный купец, готовый кому угодно платить любые налоги, лишь бы не воевать.

- Да ведь мы с вами с начала войны не один миллион заработали на поставках в армию.

- И еще заработаем, если будем вести себя умненько.

- Вы - быть может, я - нет: моя песенка в Дальнем спета. Перевел сегодня по телеграфу все свои деньги в шанхайский банк при помощи

японцев. Правда, пришлось заплатить большие куртажные, но зато деньги будут в целости. Надо отдать справедливость - японцы дальновидны в коммерческих делах. Понимают, что я могу быть им еще очень и очень полезен в Артуре сейчас и после войны.

- У меня к вам, Василий Васильевич, есть деловое предложение. Я, как вы знаете, остаюсь здесь. Артур же, верно, будет обложен. Не возьмете ли на себя труд присмотреть за моими артурскими предприятиями?

- Сколько я за это получу?

- Два процента от чистой прибыли.

- Меньше десяти я не согласен.

- Видит ваш русский бог и все китайские идола, больше трех процентов я вам дать не могу.

- Семь!

- Только для вас - четыре!

- Последнее слово - пять!

- Так и быть - сойдемся на четырех с половиной, но с одним условием: я всегда должен быть в курсе всех артурских дел.

- Но если он будет блокирован?

- Нет такой блокады, которой не прорвали бы деньги.

- В свою очередь, вы будете информировать меня о всех моих делах в Китае, Корее и Японии

- В Артуре вам придется кое-кому платить - некоторым регулярно, а другим от случая к случаю. Одним словом, обычные российские порядки.

- Я вас слушаю, друг мой. - И Сахаров вынул записную книжку.

- Артурскому полицмейстеру Тауцу ежемесячно по сто рублей и ни одной копейки больше. Если он вздумает вымогать, - шепните об этом Вере Алексеевне Стессель с соответствующим, конечно, подношением, и она быстро поставит на место этого жулика. Ей самой - почтительнейшие подношения: старинное китайское золото и серебро, камни и всякие дамские украшения, но отнюдь не деньги; цена подарка - в зависимости от важности ожидаемой услуги. К генералу, само собой разумеется, нини: раскричится сдуру и все испортит.

Комиссар артурского городского совета полковник Вершинин глуп, как пробка, и потому честен. Подъехать к нему можно, уступая за бесценок разные нужные ему вещи: отрез на шинель, белье, платки, духи - кстати, душить он очень любит.

- Одним словом, "борзых щенков", а не деньги, - понял Сахаров.

- Можете и щенков, если в них будет надобность. Затем, крепостной интендант капитан Достохвалов. Ему постоянный оклад в триста рублей в месяц.

Крепостной инженер полковник Григоренко - в случае надобности, сколько найдете нужным, но не больше тысячи. Крепостным жандармам, ротмистру Микеладзе, ввиду его общепризнанной глупости, хватит и пятидесяти рублей в месяц, зато поручику Познанскому, как особо вредному и жадному, меньше сотни платить нельзя. Теперь моряки. Прежде всего адмирал Григорович. В деньгах он не нуждается: своя рука владыка во всем портовом хозяйстве эскадры, зато честолобив. На этой его слабости и играйте. В Управлении портом, кроме того, приходится давать всем и вся, но по мелочишкам - не больше четвертного. Вот, кажется, и все великие и малые артурские акулы.

- Крепостной санитарный инспектор и крепостной контролер? - напомнил Сахаров.

- Сдельно, от каждого протокола и акта; сумма - в зависимости от важности дела.

- Связь с вами?

- Через верных людей, они к вам будут заходить под видом нищих или разносчиков.

- Особые услуги?

- Что вы под этим подразумеваете? - несколько смутился Тифонтай.

- Военные тайны, - отрезал Сахаров.

- Они меня не интересуют, - лицемерно ответил Тифонтай.

- Не поэтому ли вы и имеете про запас паспорт японского подданного?

- Только в целях личной охраны, имея в виду предстоящее вступление японцев. Но откуда вы это знаете?

- Чтобы такая продувная бестия, как вы, да не имела бы двойного или тройного подданства! Не обижайтесь, Николай Иванович, - на вашем месте я поступал бы точно так же.

- Приятно слушать умные речи. Если бы не это обстоятельство, то разве знали бы мы сегодня в два часа дня о цзинджоуском разгроме как раз в тот момент, когда этот дурак Надеин посылал в Артур свои победные реляции.

- Я все больше удостоверяюсь в том, что японская разведка поставлена на необычайную высоту.

- Это вам, Василий Васильевич, особенно надо иметь в виду в Артуре: каждый ваш шаг тотчас будет известен нам и соответственно оценен.

- Прикажете ваши слова понимать как угрозу?

- Бог с вами, это всего лишь дружеское предупреждение, не более, - расплылся в улыбке Тифонтай.

Вошедший слуга подал Сахарову на серебряном подносе телеграмму.

- От Стесселя. Фок уже в Нангалине. Быстро это он пролетел двадцать с лишним верст от Цзинджоу! - сообщил Сахаров своему собеседнику. - Почитаем, что он нам дальше пишет. "Не позже двух часов ночи вывезти из Дальнего в Артур всех русских подданных. Паровозы немедленно отправить в Нангалин, а людям отступать пешком. Одновременно сообщите командиру Шестнадцатого полка Раздольскому о необходимости немедленно приступить к уничтожению портовых сооружений, электрической станции, железнодорожных мастерских, запасов провианта и боеприпасов. Шестнадцатый полк должен в пять часов утра выступить к деревне Талингоу".

- Надеюсь, вы, Василий Васильевич, не особенно поторопитесь извещать об этой телеграмме Раздольского?

- До его штаба шесть верст. По темноте - час езды верхом. Сейчас около двенадцати часов. Следовательно, Раздольский может получить это извещение не ранее часа ночи. Еще через час выступит, подняв полк по тревоге, и будет здесь еще часа через полтора, то есть не ранее половины четвертого. Тогда на подрывные работы у нас останется

полтора часа, - рассчитал Сахаров.

- Отсюда явствует, что телеграмму надо отправить отсюда с нарочным не ранее чем через полтора-два часа, тогда в его распоряжении вовсе не будет времени для производства взрыва.

- Он может выслать вперед конноохотничью команду, тогда она будет здесь не позже чем через два часа.

- Сколько их человек?

- Сорок-пятьдесят.

- Необходимо их задержать любыми средствами. В Дальнем есть саперы?

- Человек пять, не более, и с ними инженер-капитан Зедгенидзе.

- Сами они многого не сделают, а с помощью охотников успеют, пожалуй, взорвать половину Дальнего. Нельзя ли Зедгенидзе подкупить, не останавливаясь перед суммой?

- Боюсь, что нет: это ученик и последователь Кондратенко, который весьма хорошо подбирает себе людей. Но, кроме него, тут есть еще лейтенант Сухомлин, беспробудный пьяница.

- Прекрасно! Конных охотников направим к Сухомлину, а Зедгенидзе ничего сообщать не будем. Лейтенанта до приезда охотников накачаем до потери сознания. Я этим озабочусь сам, - быстро решил Тифонтай. - Пошлите телеграмму в половине второго. В половине четвертого охотники будут здесь, а полк придет после пяти и, следовательно, не задерживаясь двинется дальше.

- Ладно, все будет сделано, как мы с вами договорились, Николай Иванович.

Надеюсь, мы еще увидимся с вами перед моим отъездом? - спросил Сахаров.

- К двум часам, когда вам надо будет выступать в Артур с вверенным вам гражданским населением, я буду здесь. - И купец направился к двери.

Сахаров по телефону вызвал начальника полиции и, сообщив ему о срочной эвакуации Дальнего, приказал собрать всех русских к двум часам ночи у его дома для дальнейшего следования в Артур пешим порядком.

Ровно в два часа ночи Тифонтай вернулся.

- Оба обезврежены, - сообщил он, - Сухомлин пьян, а Зедгенидзе спит мертвым сном.

- Убит? - с ужасом спросил Сахаров.

- Зачем! Просто небольшая доза снотворного. До утра без медицинской помощи не разбудят, - весело ответил Тифонтай. - Раздольному сообщение послано?

- Минут десять назад.

- Отлично. Значит, охотники раньше четырех часов здесь не будут, а полк, очевидно, поторопится пройти мимо Дальнего.

- Больше никаких указаний от вас не будет, Никола" Иванович?

- Вот еще что: в Артуре надо связаться с личным адъютантом Стесселя, князем Гантимуровым, из промотавшихся гвардейцев, он только что приехал от Куропаткина и весьма понравился Вере Алексеевне, затем с командиром Двадцать седьмого полка полковником Рейсом. Употребите все, ваше влияние, чтобы он был назначен начальником штаба Стесселя вместо Рознатовского, которого позавчера разбил паралич. В случае наступления чрезвычайного обстоятельства они нам очень пригодятся.

- Какого именно?

- Ну, скажем, при окончании обороны Артура. Они могут, конечно, из чисто альтруистических соображений повлиять на Стесселя через его жену в смысле нежелательности дальнейшего сопротивления. Это, конечно, только пример. Вы сами на месте увидите, когда и в чем они будут вам полезны.

- Дальнейших объяснений не требуется, - понял Сахаров.

- Вы уже уложились?

- Кроме моего белья и одежды, все остальное в этом доме с сегодняшнего дня принадлежит вам, Николай Иванович.

- В память о нашей дружбе прошу вас, Василий Васильевич, взять себе все, что только вам здесь нравится и что может понадобиться в Артуре.

Сахаров поблагодарил и приказал вошедшим слугам уложить в свою коляску несколько ковров и картин.

- Спасибо вам, Николай Иванович, за все и позвольте с вами проститься,
- взволнованно проговорил Сахаров. - Не ожидал даже, что меня так разволнует отъезд из Дальнего. Как-никак - я его создал своими руками.
- Вполне понимаю ваше волнение, Василий Васильевич. Уверяю вас, что и при новой власти ваше имя не будет здесь забыто. У вас есть конвой?
- Да, пять пограничников.
- Я вам дам еще двух своих проводников.
- Это зачем? Я прекрасно знаю дорогу в Артур.

- Зато вас не знают мои люди, и вы можете подвергнуться их нападению; проводники же гарантируют вам полную безопасность в пути.

Сахаров еще раз поблагодарил Тифонтая и вышел на улицу, где в темноте уже стояла толпа русских. Подвод в городе не было, поэтому, взвалив на себя кое-какой скарб, жители собрались в сорокаверстный путь в Артур. Среди них было много женщин и детей. Все это был трудовой народ - служащие и рабочие, которым пришлось бросить свое накопленное годами тяжелого труда имущество и нищими отправляться в Артур.

Появление Сахарова было встречено целым взрывом жалоб и плача: от него требовали подвод хотя бы для женщин и детей.

- Реквизируйте лошадей и экипажи у китайских купцов и домовладельцев, - просили его из толпы.
- Не имею права конфисковать имущество подданных нейтральных стран,
- ответил Сахаров.
- Не можем же мы нести на руках сорок верст свои вещи.
- Оставляйте их здесь, как я оставляю все свои дома с полной обстановкой.

Ничего не поделаешь - война, - сокрушенно отвечал градоначальник.

- Уступите хотя бы свою коляску для маленьких детей.
- К сожалению, не могу. Меня к восьми часам в Артуре ждет генерал Стессель.
- Сволочь! - злобно ругались в толпе. Но Сахаров сделал вид, что не слышит брани, и, сев в коляску, приказал кучеру трогать.

Как только русские беженцы отошли от дома Сахарова, в гостиную, где находился Тифонтай, вошел слуга. При его появлении Тифонтай почтительно встал.

- Как дела, мистер Тифонтай? - спросил он по-японски.
 - Поручение, ваше превосходительство, мною в точности выполнено.
 - Сколько заплачено Сахарову?
 - Около двенадцати миллионов.
 - Фактическая стоимость его имущества?
 - Десять миллионов.
 - Таким образом, наш чистый пассив - два миллиона, - резюмировал генерал.
 - В активе что?
 - Дальний совершенно в целом виде.
 - Во сколько вы определяете его стоимость?
 - Не меньше двухсот миллионов.
 - Сделка не без выгоды для нас, - проговорил японец. - Я доведу до сведения его величества императора о вашей плодотворной деятельности, мистер Тифонтай.
 - Премного благодарен вашему превосходительству за столь высокую оценку моей работы, - рассыпался из благодарности Тифонтай. - Покорнейше прошу засвидетельствовать могущественнейшему из монархов мира нашему обожаемому Тенномою беспредельную преданность.
 - До окончательного ухода русских я остаюсь на своем прежнем положении, а затем займу этот особняк. Распорядитесь, чтобы ваши люди охраняли все ценное имущество в городе. В награду они могут ограбить и сжечь несколько русских домов и все китайские хибарки на окраине, - приказал генерал.
 - Все будет исполнено в точности, ваше превосходительство, - почтительно раскланялся Тифонтай и вышел из комнаты.
- В передней раздался властный хозяйский звонок.
- Кого это еще принесло в такую позднюю пору? - нахмурился Танака. -

Узнайте, мистер Тифонтай.

Японец продолжал сидеть в мягком кресле, рассматривая кончики своих туфель. В коридоре слышались быстрые шаги, дверь широко распахнулась, и появились Томлинсон со Смитом. Оба были в пальто, калошах, со шляпами на головах, как будто они зашли в сарай или мелкий ресторанчик, а не в благоустроенную квартиру известного им человека. За ними семенил, сгибаясь в три дуги, Тифонтай. Танаку как подбросило вверх. Он мгновенно оказался на ногах. С самой наиприятнейшей улыбкой на лице, на котором и следа не осталось от суровости и хмурости, почтительно приветствовал неожиданных гостей.

- Какому счастливому случаю обязан вашим приятным посещением? Смею вас заверить словом самурая, что ничто так не могло нас обрадовать, как встреча с вами, - рассыпался японец в раболепных любезностях.

Томлинсон и Смит молча сунули ему руки в знак приветствия и развалились в пальто и шляпах на мягких креслах.

- Где мистер Сахаров? - спросил американец.

- Полчаса как выехал в Артур по приказанию Стесселя, - доложил Танака.

- Вам, мистер Танака, придется отправиться вслед за ним. А вы, мистер Тифонтай, сегодня же уедете в Ляоян в штаб Алексева, - распорядился Смит.

- Осмелюсь доложить, мистер Смит, что я получил приказ находиться в Дальнем до прибытия сюда японской императорской армии... - начал было Танака.

- Плевать мне на все ваши приказы! Наши общие дела требуют вашего присутствия в Артуре. Там имеется наш агент Сахаров, но он не вполне надежен, и вы должны следить за его действиями, не останавливаясь перед его уничтожением, если он нам изменит. Никаких возражений я не принимаю. Вам следует помнить, что без займов Япония войну вести не сможет, а без Америки она денег не получит. Ваша страна в наших руках, и поэтому мои указания для вас не менее обязательны, чем распоряжения хотя бы самого маршала Ойямы, - безапелляционно заявил

американец.

- А вы, мистер Тифонтай, - обернулся Томлинсон, - будете находиться в штабе Манчжурской армии. Вам поручается организация вьючных обозов для русских. Они в них очень нуждаются. Это даст вам возможность бывать в различных штабах, учреждениях и так далее. Какие именно нужны будут сведения, вы получите указания от нашего внедренного агента при штабе Алексеева. Он и будет руководить всей вашей деятельностью. Правительство его британского величества позаботится о вашем имуществе в Китае, Японии и Артуре. Выехать отсюда вы должны не позднее завтрашнего дня. Мистер Танака обеспечит вам пропуск через территорию, занятую японской армией. А там вы сами проберетесь уже к русским, - наставлял Томлинсон.

- Ваши указания, сэр, для меня священны, - приложил руку к сердцу Тифонтай.

- Осмелюсь спросить, вы сами останетесь здесь, в Дальнем? - изогнулся в дугу Танака.

- До прихода вашей армии. Затем мы отправимся в Токио, - ответил Смит.

- Распорядитесь, чтобы нам приготовили ванну и хороший ужин. Мы смертельно устали, тряслись в экипаже по разбитой дороге из Артура, - приказал Томлинсон.

- Вы проинструктировали Сахарова о том, что он должен делать в Артуре, мистер Тифонтай? - спросил Смит.

- Точно, согласно полученным от вас указаниям, сэр, - почтительно склонился перед ним Тифонтай.

- Значит, мистер Томлинсон, все в порядке. Мы можем и отдохнуть, - решил американец.

Танака и Тифонтай поспешили откланяться и уйти.

Спустя три дня японские войска наконец подошли к Дальнему. Уверенные в своей полной безопасности, они двигались без охранения и, когда перед самым городом неожиданно были обстреляны из придорожного гаоляна, в бешеной ярости принялись залпами обстреливать невидимого противника. Захватить никого не удалось, но

вскоре установили, что нападение было организовано хунхузами, как именовали японцы китайских партизан, действовавших в Манчжурии еще со времен японо-китайской войны. Прошло с полчаса, пока японцы успокоились и двинулись дальше.

На главной площади города Дальнего японские колонны встретил Танака. Он был в парадной форме, верхом на коне и преисполнен сознания важности происходящего. Войска генерал приветствовал криками "банзай", на что солдаты отвечали теми же возгласами, Узнав про нападение, Танака обрадовался.

- Это хороший предлог для наложения контрибуция на китайское население.

Разместите на постой солдат, а затем мы займемся сбором контрибуции в центре города под наблюдением офицеров. Собранные деньги будут направлены в подарок нашему божественному императору. Что касается окраин, то там пусть солдаты сами займутся ее сбором. Всех оказывающих сопротивление уничтожать на месте, - распорядился Танака.

"К вечеру весь город наполнился мятущимися в ужасе китайцами, которых преследовали вооруженные японские солдаты.

Пойманных ставили на колени, заставляли наклонять головы, потом японцы рубили их короткими и острыми мечами. Скоро вся центральная площадь города была завалена трупами казненных.

Утром Танака с большой свитой приехал полюбоваться на обезглавленные трупы. Он вспомнил, как десять лет назад организовал резню китайцев после взятия японцами Порт-Артура.

- Эта казнь китайцев - хороший пролог перед нашим вступлением в Порт-Артур в нынешней японо-русской войне. Опьяненные видом крови солдаты ринутся на русских и уничтожат их так же, как мы уничтожаем здесь китайцев.

И так будет со всеми, кто посмеет сопротивляться храбрым солдатам великой Страны Восходящего Солнца, - напыщенно произнес генерал, обращаясь к своему окружению.

В этот момент откуда-то из-за угла раздался одинокий выстрел. Пуля сорвала эполет с плеча Танаки. Генерал вздрогнул и побледнел. Затем приказал во что бы то ни стало найти стрелявшего и казнить его. Но одноухий китаец со шрамом на лице, как описывали его японские солдаты, успел скрыться среди китайских хибарок, и его найти не удалось. Обозленный Танака приказал сжечь китайский поселок вместе с жителями. Вскоре огромный пожар охватил китайскую окраину Дальнего. Генералу доложили, что среди трупов сгоревших обнаружен и виновник покушения.

Около девяти часов вечера сборный отряд Звонарева подошел к горячей станции Тафаншин.

У станции Звонарева встретил Белоногов.

- Тут, ваше благородие, брошена уйма всякого добра, - сообщил он. - Блохин нашел целый вагон со снарядами и ружейными патронами.

- Вот так так! - удивился Родионов. - Мы на позиции сидели без снарядов, а тут их, оказывается, целый вагон, который бросают на поживу японцам!

- Снаряды нам уже не нужны, так как нет пушек, а патроны следует раздать стрелкам, - решил Звонарев и велел послать несколько человек за патронами.

- Неужто опять на позицию пойдем? - взволновались стрелки.

- Мало, что ли, сегодня воевали? Надо и отдохнуть после боя.

Звонарев успокоил их, объяснив, что патроны надо разобрать по рукам, чтобы они не достались японцам. Солдаты внимательно выслушали и одобрительно загудели.

- Честь имеем явиться, ваше благородие! - неожиданно появились перед прапорщиком Кошелев, Мельников и Грунин.

- Где вы, черти, пропадали? Мы по вас уже панихиду служить собрались, - приветствовал их Звонарев.

- Значит, жить долго будем, - весело ответил Кошелев.

Услышав, что Мельников нашелся, Варя и Шурка кинулись к нему.

- Как вы спаслись? Неужели даже не ранены? - закидали они вопросами

фельдшера.

- Бог, должно, меня спас: когда я из блиндажа вышел до ветру, тут и ударило! Я решил, что там всех побил, а тут японцы со всех сторон наседають, я и подался бежать, пока аж здесь не оказался. Тут встретил Кошелева с Груниным, а на станции нас нашел Блохин и послал к вам, - коротко изложил Мельников свои приключения.

- Будешь у меня за начальника санитарной части! - улыбнулся Звонарев.

- Вот тебе две сестры в помощь, да, может, найдешь фельдшеров среди стрелков.

- У меня, ваше благородие, за станцией стоят три санитарные двуколки, есть в них и медикаменты, - проговорил Мельников.

- Где вы достали? - удивленно спросила Варя.

- Стрелки бросили при отступлении.

Фельдшер с обеими девушками направился к повозкам.

Через несколько минут явился Лебедкин и сообщил, что Заяц нашел на складах несколько ящиков консервов и много обмундирования.

Звонарев быстро направился к складам.

У крытых пакгаузов стояла целая толпа народу. Ни столбы огня, вырывающиеся из складов, ни грохот падающих балок, ни тучи головешек, сыпавшихся сверху, не могли остановить смельчаков, вытаскивавших из складов различное имущество.

Заяц, как курица-наседка, принимал все принесенное имущество под свою охрану.

- Чего ты тут набрал? - спросил его Звонарев.

- Одежи и обуви человек на сто, консервов с полтысячи банок, хомуты, шлеи, чересседельники и бельишка малость!

- Куда же мы все это денем?

- Консервы по рукам раздадим, белье и одежду тоже, а хомуты в санитарные двуколки положим: на Утесе в хозяйстве они нам пригодятся.

- Надо бы, ваше благородие, нам выставить охранение, - предложил Родионов, - а то, не ровен час, налетит на пожар японец или хунхуз и переполоху наделает.

- Стрелков, что ли, нарядить?

- Ненадежны они: пуганая ворона, говорят, куста боится, а у страха глаза велики! Им сегодня солоно пришлось на позициях. Наших послать придется.

Пошлем в дозор Кошелева с пятью человеками. Он у нас разве только штабс-капитана боится, после того как на него чихнул!

- Не больше твоего, Тимофеич! - из темноты отозвался наводчик и стал подбирать людей для дозора.

- Что-то без нас на Утесе Ведмедь наш делает? - проговорил Блохин, который сидел вместе с Родионовым и Лебедкиным. - Поди скучает и со скуки водку лакает!

- Был бы он сегодня с нами на позиции, вовек бы оттуда не ушел! Пропал бы сам и нас всех погубил! - задумчиво ответил Лебедин.

- Хорошо, что хоть наш прапорщик не очень боевой, - усмехнулся Родионов.

- Зато не форсит и нас слушает, - заступился Блохин.

- Это он правильно делает: миром да собором до всякого дела дойдешь и все обмозгуешь. Нам бы теперь только потихоньку до Артура добраться! - вздохнул Блохин.

- Надо найти наши полки и к ним пристать, - добавил Родионов.

Через полчаса горнист заиграл поход, и отряд стал собираться. Впереди должен был ехать Заяц на двух парах коров, запряженных в где-то найденную им походную кухню, за ним - санитарные повозки, а дальше стрелки и артиллеристы. Для лучшего надзора за стрелками, которых никто не знал, Звонарев поставил их под команду Блохина и еще четырех артиллеристов.

С японской винтовкой в руках Блохин спешно строил свое войско, покрикивая на стрелков. Он был польщен и смущен своим назначением, впервые за свою жизнь выступая в роли командира.

- Геройский у вас командир! - шутили артиллеристы. - Одно слово Блоха!

- Лебедин! - позвал Звонарев. - Надо будет взорвать или поджечь вагон со снарядами. Справишься с этим?

- Так точно! Возьму двух человек и мигом оборудую. - И солдат повернул назад к станции.

Не прошло и пяти минут, как огромное пламя высоко взлетело в темноте ночи страшный грохот потряс воздух, долго еще отдаваясь эхом в спящих сопках.

- Все взорвали, ваше благородие! - доложил вернувшийся Лебедин.

- Будешь пока в арьергарде со своими людьми нас от японцев прикрывать, ая вперед пойду, чтобы с дороги не сбились в темноте, - распорядился Звонарев.

Отряд уже отошел верст на шесть от Тафаншина, когда впереди неожиданнораздались отдельные ружейные выстрелы, скоро перешедшие в сильнейшую перестрелку. Звонарев остановил свой отряд.

- Что за стрельба, понять не могу! - недоумевал прапорщик.

- Японец нас обошел! - заметили в толпе.

- У тебя, что ли, он между ног пролез, пока ты звезды считал, дурья ты голова! - отозвался Блохин. - На позиции он остался, а сзади нас идут еще стрелковые полки и охотники.

- Чем гадать-то зря, пошлем, ваше благородие, вперед разведку, - посоветовал Родионов.

- Блохин, иди со стрелками вперед! Пройдешь с полверсты, шли гонца с известием, через версту еще, а там и поворачивай обратно, а мы здесь пока переждем, - распорядился Звонарев.

Отбрав человек двадцать стрелков, Блохин ушел с ними в темноту.

Через полчаса гонец от Блохина сообщил, что впереди все спокойно и никогонет.

Следующий гонец сообщил, что с ними повстречались отставшие солдаты Четырнадцатого полка, которые уверяли, что на идущие полки напала японская кавалерия, но была отбита.

- С вами был один Четырнадцатый полк? - спросил Звонарев.

- Вся дивизия, ваше благородие! По тревоге вечером поднялись и пошли скорым маршем прямо на Артур, - доложил стрелок.

Вскоре подошел и сам Блохин.

- Видать, наши стрелки здорового деру дали! - начал он свой доклад. - Повозок всяких на дороге побито да поломано видимо-невидимо, а людей нет!

Послышался быстро приближавшийся конский топот. Солдаты настороженновскинули винтовки на изготовку.

- Кто идет? - воскликнул Родионов.

- Свои! От поручика Енджеевского к вам высланы, - послышался ответ, и двое верховых, держа третью лошадь за повод, подъехали к отряду.

- Где тут прапорщик будет? - спросил один из них.

Звонарев отозвался.

- За вами поручик лошадь прислали! Просили вас приехать к себе.

- Японцы-то где? - спросило сразу несколько голосов.

- На наших позициях гуляют, костры жгут да пляшут от радости, - ответил охотник.

- А как же кавалерия ихняя в тылу оказалась?

- Какая кавалерия! Просто зря тревогу подняли.

Передав командование Родионову, Звонарев поехал к поручику.

Вскоре они подъехали к группе развесистых деревьев, под которыми был разложен костер. Около него, на бурке, подложив под голову папаху растянулся Стах. Тут же лицом к огню лежало на земле несколько человек стрелков. Над костром кипел большой чайник, и солдаты подбрасывали под него сухие ветки.

Поодаль стояли стрелки Блохина, поджидая подхода своего отряда.

Вскоре подошел и остальной отряд.

До девяти часов утра следующего дня охотничья команда Енджеевского и отряд Звонарева оставались на Тафаншинских высотах. Японцы не делали никаких попыток к наступлению, но оставаться тут все же было опасно, так как части дивизии Фока отошли уже верст десять за Нангалин, и, таким образом, арьергард оторвался от дивизии более чем на тридцать верст.

Когда отряд приготовился к выступлению, Звонарев и Енджеевский решили посмотреть издали на Цзинджоу. Доскакав до одной из сопек,

они стали в бинокль разглядывать покинутые позиции.

Несколько рот японцев усиленно приводили их в порядок: поправляли окопы, свозили захваченные орудия. Вдали, за бродом Цзинджоу, были видны большие колонны японцев, уходящие на север.

- Неужели японцы уходят из Цзинджоу? - не поверил своим глазам Звонарев.

- Черт бы побрал Фока с его трусостью! Останься наши полки здесь, японцы не посмели бы увести отсюда свои части! А теперь они спокойно отправляют свои полки на север против Маньчжурской армии, - сообразил Стах. - Сейчас пошлю к Фоку ординарца с этим известием, чтобы вернуть сюда наши полки!

- Едва ли только Фок поверит вам! Он так напуган, что, верно, уже добрался до Порт-Артура и там наводит на всех панику.

- Подожду тут до полудня, - решил Стах, - а там снимусь и двинусь за вами. Вас же попрошу, на всякий случай, занять следующий горный хребет у Нангалина. Он представляет собой прекрасную позицию Эх, если бы у меня была бы хоть полубатарей! Не ушел бы совсем отсюда.

Распрощавшись с Енджеевским, Звонарев направился вдогонку за своим отрядом.

Вскоре наткнулись на брошенное орудие с передком, невдалеке в канаве лежал перевернутый зарядный ящик. Артиллеристы, позабыв о строе, кинулись к нему, и через минуту и пушка и ящик были водворены на середину дороги.

- Как ее только забрать с собой? - гадали солдаты.

Блохин осмотрел орудие со всех сторон, открыл замок, заглянул в ствол пушки и деловито заявил:

- Плохо банено! У нас на Утесе Медведь бы за это по морде благословил! Как везти? Возьмем лошадей с двуколок и впряжем сюда!

- А то бросим? - не соглашались солдаты. - Кухня, она нам ведь полезная, а пушка сейчас ни к чему! Стрелять-то из нее не по кому.

- Как не по кому? Хотя бы по такому дураку, как ты, - обернулся Блохин, - чтобы глупостей не говорил! Пушка, она всегда артиллеристу нужна!

Да и деньги она стоит большие, не то что двуколка с кухней!

Спор решил Звонарев. Так как раненых, за исключением Родионова, не было, то он решил бросить две санитарные двуколки и на одном уносе вывести орудие.

Пройдя немного, наткнулись еще на орудие, но до Нангалина было уже близко, и было решено сперва поставить первую пушку на позицию у Нангалинских высот, а затем туда же перебросить и вторую.

Звонарев поехал выбирать позицию для своей импровизированной батареи.

Взобравшись на ближайшую сопку, он увидел перед собой равнину, ограниченную с севера Тафаншинскими высотами. В бинокль он заметил идвигающийся от Тафаншина отряд охотников.

Установив пушки на позиции и расположив стрелков, прапорщик оставил Родионова за начальника, а сам поехал на станцию Нангалин в разведку. На станции он нашел много бродящих без дела солдат, целый полевой лазарет с сотней раненых, врачом и санитарями, десятка два пустых вагонов на путях.

Около водокачки, тихо посапывая, как затухающий самовар, стоял сошедший с рельсов паровоз. Тут же копошились солдаты, видимо раздумывая, как поднять его на рельсы. Одноногий старик, в старом солдатском мундире, с Георгиевским крестом на груди и в фуражке с красным околышем, бодро ковылял вокруг паровоза.

- Навались разом, - кричал он на солдат, - жми книзу сильнее!

Увидев подъехавшего Звонарева, солдаты почтительно расступились.

Прапорщик соскочил с коня и, обойдя паровоз, поднялся в паровозную будку.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить годность паровоза.

Звонарев подкинул угля в топку, подкачал воды в котел и слез на землю,

- Ты кто такой будешь? - спросил он старика.

- Сторож при водокачке. Семен, сын Капитонов, Петров. Раньше машинистом ездил, пока в крушении ногу не оторвало, - ответил старик.

- Давай домкраты, пару запасных рельсов, и несколько ломов, - приказал

Звонарев.

Вскоре работа около паровоза закипела. Оставив здесь за старшего одноногого машиниста, прапорщик пошел осматривать станцию. Она была почти не: разрушена, за исключением телеграфа, телефона, выбитых стекол и поваленных станционных фонарей. Тут он встретил Блохина с Лебебкиным и Кошелевым.

- Вы как сюда попали?

- Софрон Тимофеич до вас послали. Вот эстафета от поручика, - доложил Лебебкин, протягивая прапорщику пакет.

Прочтя записку, Звонарев узнал, что Енджеевский отходит к Нангалинским высотам без давления со стороны противника, так как получил сведения о высадке японцев в Талиенваня, в тылу тафандгинских позиций. Одновременно он просил не задерживаться на нангалннских позициях.

- Софран Тимофеич записку уже прочитали. Сейчас одну пушку сюда подвезут, а потом и другую, - доложил Лебебкин.

- Паровоз бы нам только на рельсы поставить, тогда все погрузим в вагоны и вывезем отсюда, - проговорил. Звонарев.

- На руках паровоз подыдем и на место поставим, ваше благородие, - уверял Блохин.

Вместе с солдатами Звонарев пошел по станционным, путям осматривать вагоны. Они оказались в полной исправности, и нужно было только составить из них эшелон.

- Как подвигается работа, кавалер? - подходя к паровозу, спросил прапорщик у одноногого старика.

- Надо поднять еще только одну пару колес под тендером, и все будет готово, хоть в Расею тогда езжай на паровозе.

Солдаты полезли под тендер с домкратом.

Пока поднимали паровоз, Звонарев решил заняться составлением поезда, для чего надо было вручную перекатить вагоны на главный путь и сцепить их между собой.

- Кошелев и Блохин, - позвал он - Соберите стрелков и начните

перекатывать вагоны по путям под состав.

- Вали, братки, сюда! - замахал фуражкой Блохин.

Солдаты со всех сторон стали сходить на зов.

- Кати все вагоны да главную путь! - распорядился Блохин.

Скоро станция огласилась шумомдвигающихся вагонов и перезвоном "буферов.

- Надеюсь, господин прапорщик, вы не забудете о нашем лазарете? - подошел к Звонареву врач.

- Вот вам подряд семь теплушек и одна платформа! Можете здесь устраиваться, - ответил прапорщик.

Наконец паровоз был поднят на рельсы, и Капитоныч, забравшись в будку, с победным свистом повел его по путам под состав,

В это время к станции подъехал Енджеевский, а следом за низа появилась "коровья батарея", как прозвали стрелки пушки, перевозимые на коровах.

- Вы, никак, уже готовы к отъезду? - удивился поручик.

- Вас только поджидаем.

- Я хотел до вечера задержаться на высотах и затем вместе с вами ехать дальше уже по железной дороге.

- Надо выехать пораньше, засветло, пока путь впереди хорошо виден. Может быть, он испорчен нашими при отступлении.

- Ладно, через час я буду здесь. Взорвем, что можно, на станции и присоединимся к вам.

- Вы сообщили в Артур об отходе японцев на север?

- Послал телеграмму с нарочным Кондратенко и Стесселю, но ответа пока никакого не получил!

Между тем солдаты вручную перекатывали вагоны. Блохин принимал в этом самое активное участие, одновременно рассказывая о своих впечатлениях.

- Посмотрели мы на тутошные деревни. Чем только люди живут? - удивлялся Блохин. - Беднота Почище нашей. В одной хате по двадцать человек ютятся. А земли на всех самое большое - полдесятины. Хлеб по

зернышку сажают, как овощ. Только чумиза и выручает китайца. Налоги с них дерут тоже не хуже нашего. При нас какой-то чиновник палками выбивал недоимки из крестьян. Как и у нас, обирают крестьян все, кто может: и бонзы, и помещики, и даже мало-мальский чиновник. По жизни своей они нам братья родные, только победнее. Всякое издевательство терпит народ над собой, а скинуть скорпионов не может. Пособить бы им хотя малость.

- Ты не очень-то рассказывай о скорпионах! Мы и своих пока не скинули, а ты за чужих хочешь приниматься, - остановил его Родионов.

- Научимся чужих скидать, проще будет справиться со своими, - не сдавался Блохин.

- После войны об этом думать будем, а сейчас надо поскорее до Артура добираться, пока японец не догнал, - ответил Родионов.

Как только раненые и кухня с орудиями были погружены в вагоны, Звонарев вывел эшелон на станцию и стал ожидать прибытия охотников.

- Дозвольте нам, ваше благородие, станцию порушить! - попросил Блохин. - Зачем добро японцу отдавать!

- Вали, но поскорее! Как подойдут охотники, сразу тронемся.

Человек сто солдат рассыпались по всем станционным зданиям.

Вскоре один за другим загорелись пустые пакгаузы и другие пристанционные постройки.

И когда Бнджеевский со своими охотниками подошел к станции, она представляла собой сплошное море огня, оставалось только взорвать водокачку, что и было тотчас же проделано.

- Все? - спросил Звонарев, когда Стах подошел к эшелону - Все! Сейчас последние стрелки подойдут, - ответил поручик. - А японцев я так сегодня до самого вечера и не видел, смело бы наши полки могли опять вернуться к самому Тафаншину.

- Смелости-то этой самой, к сожалению, и не хватает у наших генералов, - ответил Звонарев.

Через несколько минут поезд тронулся. Звонарев вместе с Капитоном помещился на паровозе, в последнем вагоне ехал Енджеевский с

подрывниками После каждого моста, который они проезжали, поезд останавливался, охотники рвали мост, и поезд шел дальше. На полпути до Ичендзы эшелон встретил передовые заставы Четырнадцатого полка, которые никак не хотели верить, что это их же охотники.

- Мы считали, что вы все давно погибли, - заявил начальник заставы Енджеевскому. - Сейчас пошлю радостную весть о вас Савицкому.

- Скорее он будет огорчен, что ему не удалось отделаться от меня, чем обрадован моим возвращением. Я доеду до Ичендзы, там переночую, а завтра утром присоединюсь к полку, - ответил Стах.

В Ичендзы артиллеристы сгрузили подобранные пушки и зарядные ящики. Здесь же сошли и охотники Четырнадцатого полка; а эшелон двинулся дальше.

Было около полуночи, когда наконец поезд пришел в Артур. Станция была - едва освещена. Солдаты железнодорожной роты, обслуживающие вокзал, с фонарями в руках подошли к эшелону.

- Никак, и в самом деле притопали до места, - выглянул из вагона Блохин.

- Вылазить надо, Тимофеич, - обернулся он к Родионову, дремавшему в углу.

- Пошевели народ, Филя, а то мне что-то недужится, - отозвался фейерверкер.

- Артиллеристы-стрикулисты, стрелочки-дружочки, катись из вагонов! - заорал Блохин, соскакивая на землю. - Живое свое добро выгружай!

Сонные солдаты стали лениво вылезать из вагонов.

Варя с врачом лазарета отправилась на вокзал вызывать подводы для перевозки раненых.

Заяц с Белоноговым и Мельниковым с помощью других утесовцев выгружали свои трофеи: походные кухни, четыре коровы, три лошади и санитарную двуколку.

Когда все было выгружено, артиллеристы и стрелки построились на площади перед вокзалом.

- Пересчитай людей, - приказал Звонарев.

- Сорок два артиллериста и сто тридцать стрелков, - доложил Родионов.

- Напра-во! Шагом марш! - скомандовал прапорщик.

Солдаты, обрадованные возвращением в Артур, с места двинулись бодрым, широким шагом.

- Песельники, вперед! Белоногов, запевай! - распорядился Звонарев, Пошептавшись о чем-то с солдатами, запевала бодро затянул неожиданную импровизацию:

Артурские вершины,

Я вас вижу вновь,

Цзинджоуские долины -

Кладбище удальцов.

Тревожа спящий Артур, все дружно подхватили песню под молодецкий посвист Блохина. В ответ во всех концах города громко залаяли обеспокоенные собаки да испуганно шарахнулся в сторону встречный ночной патруль.

- Какая часть идет? - окликнули их из темноты подъехавшие всадники.

- Сводная рота Квантунской крепостной артиллерии и стрелки Пятого полка возвращаются из-под Цзинджоу, ваше превосходительство, - ответил Звонарев, узнавший по голосу Кондратенко.

- Смотрите, ваше превосходительство, какими они идут молодцами. Кто же скажет, что эти части только вчера потерпели тяжелое поражение? - обратился к Кондратенко его начальник штаба подполковник Науменко.

- Я же все время говорю, Евгений Николаевич, что под Цзинджоу потерпели поражение не наши полки, а наши генералы и штабы. Вид этих стрелков и артиллеристов целиком подтверждает мое утверждение, - ответил генерал.

После того как прошли набережную и доки, сводный отряд Звонарева разделился: стрелки свернули налево в казармы Десятого полка, где они должны были переночевать, артиллеристы, за исключением утесовцев, направились в Артиллерийский городок, а оставшиеся утесовцы двинулись дальше.

Звонарев повел взвод в обход Золотой горы. Солдаты шли с трудом:

сказывалась усталость последних дней, - Чего примолкли, или не хочется на нашем Утесе сидеть? - спросил прапорщик ближайших солдат.

- Никак нет, соскучились мы по своему Утесу... - отозвался Кошелев.

- Поди ждут нас там - поджидают. По Шурке Саввична слезы льет, - вставил Белоногов.

- По нас... Ведьмедь, - перебил Блохин, подошедший сзади.

- Это верно: денно и ночью поди по батарее ходит да нас выглядывает, особенно Блоху, - вставил Булкин.

Когда обогнули Золотую гору и в темноте стал виден прожектор Утеса, солдаты сразу оживились.

- Светит, светит наш Утесик. Днем и ночью все за морем наблюдает, - радостно проговорил Ярцев.

- Подтянись! - обернулся Родионов к солдатам. - Должны мы героями подойти, чтобы не подумали про нас, что мы из Цзидджоу бежали. Затяни-ка, Белоного!

- Медвежью! Чтоб сразу он почуял, что мы идем, - предложил Блохин.

Звонарев удивленно обернулся.

- Это еще что за медвежья?

- Какую поручик любит.

Белоногов откашлялся и с чувством запел;

Гай, чего, хлопцы, славны молодцы,

Смуты я невеселы?

Хиба в шивкарки мало горилки,

Мало и меду и пива?

Остальные подхватили сперва тихо, а затем все сильнее и сильнее, будя тишину тихой летней ночи.

По мере приближения к Утесу солдаты постепенно убыстряли темп песни и ускоряли шаг.

У самых казарм Звонарев скомандовал;

- Взвод, стой!

Солдаты с особой четкостью остановились и опустили винтовки к ноге, - Налево равняйся!

В то же мгновение широко распахнулась дверь офицерского флигеля, и на крыльце появилась высокая фигура Борейко в одной рубашке, в брюках и туфлях на босу ногу. Спрыгнув с крыльца, он на бегу закричал во всю силу своих легких:

- Здорово, орлы! Спасибо за службу героическую!

Взвод тотчас так ответил, что зазвенели стекла в окнах. Борейко уже сгреб в свои объятия Звонарева, затем Родионов а, а потом по очереди и всех солдат.

- Не думал вас и в живых видеть! - взволнованно кричал поручик. - Еще в одиннадцать часов вечера звонил в Управление артиллерии, справлялся о вас. Мне ответили, что "служите, мол, панихиду за упокой душ новопреставленных воинов". АН, вы легки на помине, сами домой притопали живы и здоровы.

- Не все, ваше благородие, - заметил Родионов.

- Кого нет?

- Убиты Купим, Люков, Гнедин, Жариков, - перечислял фейерверкер, - да пропали без вести. Павлов, Копеико, Зых.

Борейко глубоко вздохнул, - Помянем же их, братцы, добрым словом. Шапки долой! Запевай, Белоногов.

- Ве-е-ечная па-а-мя-а-ать, - торжественно, грустно запели солдаты.

Пение подхватили высыпавшие из казарм оставшиеся на Утесе артиллеристы, и образовался хор в две с половиной сотни голосов.

Около фельдфебельской квартиры Саввична, утирая слезы, целовала свою дочь.

- Доню моя, родная, дитяtko мое! Не чаяла я тебя видеть еще на этом свете, - причитала она над дочкой.

- Ой, мамо! Так я же вернулась. Зачем же вам плакать?

- Плачу я с радости, доченька, что тебя увидела. Плачу по тем, кто погиб на войне, - ответила старая фельдфебельша.

- Накройсь! - скомандовал Борейко, когда пение окончилось. - Теперь рассказывайте, кто из вас самый большой герой?

- Генерал-фельдмаршал Блохин! - выкрикнули солдаты и наперебой

начали рассказывать о его похождениях.

- Выходит, что блоха не простая, а геройская. Иван! Поддай сюда четвертуху водки и стакан: надо за Блохина выпить. Кто же еще у нас герой?

- Родионов, Заяц, Мельников, - перечисляли солдаты.

- Софрон Тимофеевич, представим тебя да и остальных к Георгиевским крестам, - с чувством проговорил Борейко. - Что это у вас там за повозки? - пригляделся в темноту поручик.

- Трофеи наши: санитарная двуколка, походная кухня, три лошади, четыре коровы, хомуты, - перечислял Родионов. - Все Заяц с Мельниковым да Лебедкиным разжились.

- Молодцы ребята! Поди соскучились там по своему Медведю? - под общий смех спросил Борейко.

- Мы сами из медвежьей породы, - отозвался Блохин.

- Так я первый взвод буду звать медвежьим, - рассмеялся Борейко.

Денщик принес водку, стакан и нарезанный на тарелке хлеб.

- Подходи причащаться! Софрон Тимофеевич, тебе первому, - поднес фейерверкеру стакан водки Борейко.

Родионов залпом выпил водку, крикнул и закусил кусочком хлеба.

- Сразу у тебя рана полегчает, Софрон, - заметил Блохин. - От водки кровь сворачивается и тело заживает,

- Ты и здоровый ее весьма обожаешь, - усмехнулся Родионов.

- Ну-с, подходи, Блоха. Как тебя звать-то?

- Филиппом поп крестил.

- А по батюшке?

- Иванович, ваше благородие.

- Причащается раб божий Филипп, сын Иванов, чистейшей русской водкой и ржаным хлебом, - пошутил Борейко, поднося ему стакан.

Блохин одним духом осушил стакан и с грустью посмотрел на пустое дно.

- Мало, что ли? - спросил Борейко.

- Надо бы еще чуток, а то глотка больно засохла,

- Очумеешь и в драку полезешь.

- Как перед истинным: отсюда прямо на свою койку пойду и завалюсь спать.

- Ладно, пей уж за все твои геройства, - налил второй стакан Борейко.

Угостив всех солдат водкой, Борейко вспомнил о Шуре Назаренко.

- А где Шурка? Позвать ее сюда, - распорядился он.

- У хату зашла. Сейчас ее покличем, - бросился кто-то из солдат к фельдфебельской квартире - Как она вела себя в Цзинджоу? - спросил поручик.

- Геройская девка, - ответил за всех Мельников.

- Не в папашу уродилась, - вставил Родионов.

- Вы меня шукали? - спросила, подходя, Шура.

- Горилкой тебя хочу угостить за твою храбрость, - сказал Борейко, наливая стакан.

- Так я ж не в жизни не пила, - испугалась девушка.

- Ну, так я за твоё здоровье выпью, чтоб тебе жених хороший попался, а ты только пригубишь, - подал стакан Шурке поручик.

Девушка чуть прикоснулась к водке губами.

- Тьфу, какая горькая да противная! - плюнула она.

В это время вышел на улицу разбуженный шумом Гудима. - Смирно! - скомандовал Борейко, увидев командира.

Поздоровавшись с солдатами, поздравив их с возвращением, Гудима спохватился;

- А Звонарев где?

Все обернулись, ища в темноте исчезнувшего прапорщика.

- Сергей Владимирович, ау! - заорал Борейко.

- Они пошли к себе мыться, - сообщил Лебедкин. - Прикажете позвать?

- Нет, пусть приведет себя в порядок. - И Гудима с Борейко направились осматривать привезенные трофеи.

Мельников вытаскивал из двуколки хомуты, цинкн с патронами, медикаментами, станционный колокол, оцинкованную ванну и кучу разного тряпья. Кухня Зайца тоже оказалась набита различными солдатскими пожитками.

Появление каждой новой вещи вызывало одобрителный гул среди столпившихся вокруг солдат.

- Не зря, значит, первый взвод под Цзинджоу ездил, разжились-таки наши там разным барахлишком, - завидовали в толпе.

- Кто разжился барахлом, а кто и деревянным крестом, - отозвался Ярцев.

- На войне без того не обходится, - возразил Лепехин.

Приказав спрятать вещи до утра в сарай, Гудима отправился к себе на квартиру.

- Расходись по койкам, - распорядился Назаренко. - Завтра все разглядеть успеете.

Солдаты нехотя возвращались в казарму. Дежурный по роте Жиганов охрип, крича и ругаясь, пока все улеглись на свои места.

Между тем Звонарен, вымывшись и переодевшись, отправился с докладом к Гудиме. Здесь он застал и Борейко.

- Прежде всего вам надо закусить с дороги, - предложил Гудима.

- И выпить нам всем, - добавил Борейко, - за него и за Варю Белую.

- Да перестань ты глупости говорить, Борис Дмитриевич! - рассердился Звонарев.

- То-то, когда вы уехали в Цзинджоу, она нам покоя не давала: на день по пять раз спрашивала, нет ли у нас оттуда известий, - догадался Гудима.

- Да она не только у вас, а как бешеная кошка носилась по всему Артуру в надежде получить сведения о Звонареве. И у Стесселя бывала, и у Кондратенко, и даже к морякам заглянула. Успокоилась только тогда, когда потихоньку удрала от родителей вместе с Шуркой. Переполох тут поднялся страшный: пропала генеральская дочка! Решили, что ее хунхузы похитили, нарядили целый отряд для розысков, но тут получили телеграмму от Высоких, что она в Цзинджоу, и успокоились, а сегодня опять поднялась суматоха: решили, что она вместе с вами пропала в бою без вести. Белый даже ездил к германскому военному агенту при штабе Стесселя, просил его навести справки через германского посла в Японии,

не попала ли Варя в плен, - рассказывал Борейко.

- Да, девушка боевая, того и гляди, соберет свой отряд и начнет партизанить в тылу у японцев и попадет к хунхузам в лапы.

- Последняя новость, - не унимался Борейко. - Юницкий получил у Кати Белой полную отставку, изъят из адъютантов и сослан на постройку батареи у Кумирненского люнета, верст за семь от Нового города.

- Кто же теперь адъютантом?

- Пока никого нет, а кандидатов всего один - это ты.

- Ни за что не пойду в адъютанты.

- Раз ухаживаешь за генеральской дочкой, значит, отказываться нельзя, - шутил Гудима.

- Да не я за ней ухаживаю, а она за мной! - в отчаянии воскликнул Звонарев под хохот своих собеседников.

- Вот так признание! Обязательно Варю расскажу, - смеялся Борейко.

За ужином прапорщик начал подробный рассказ обо всем происшедшем в Цзинджоу, и было далеко за полночь, когда собеседники наконец - разошлись.

На следующее утро все офицеры роты, включая и Чижа, сухо поздоровавшегося с Звонаревым, собрались в канцелярии. Тут же присутствовал и Родионов.

Гудима зачитал написанную им рапорт о представлении к награждению отряда Звонарева. Прапорщик был поражен точностью изложения его ночного доклада.

После полудня Звонарев отправился с докладом в Управление артиллерии. Там его встретили как воскресшего из мертвых. Белый долго пожимал ему руку и благодарил за работу под Цзинджоу и за заботы о дочери.

- Поженить их надо, ваше превосходительство, - шутил Тахателов, - очень хорошая пара будет.

- Не время сейчас свадьбами заниматься, да и молода еще Варя, чтобы думать о замужестве, - возразил Белый. - О вашей деятельности в бою, Сергей Владимирович, у меня имеется донесение Высоких и сообщение

Третьякова. Было бы очень хорошо, если бы поручик Енджеевский также дал отзыв о вашей работе при отступлении. Это дало бы мне возможность представить вас к высшей награде, - обратился к прапорщику генерал.

- Я весьма признателен вашему превосходительству за заботу обо мне, но я думаю, что есть много других лиц, более меня заслуживающих награды, - ответил Звонарев.

- Скромность - красота юноши, но вы, несомненно, достойны награды, и я надеюсь, что генерал Стессель удовлетворит мое ходатайство о награждении вас.

Прапорщику оставалось только поблагодарить.

- Теперь о деле. Я хочу вас взять с Электрического Утеса на работу в Управление крепостной артиллерии. Здесь, правда, вы тоже не засидитесь.

Николая Андреевича Гобято и вас мне придется на время откомандировать в распоряжение генерала Кондратенко, которому поручено общее руководство работой по укреплению сухопутной обороны.

- Одним словом, душа мой, вы пошли в гору, - похлопал по плечу прапорщика Тахателов.

- Я лично предпочел бы остаться на Утесе, - возразил Звонарев.

- Там вам сейчас делать нечего; теперь центр тяжести обороны переносится на сухопутный фронт. Вашей роте поручается вооружить батареи: литера Б и Залитерную - все в районе форта номер два, - пояснил генерал. - Если Кондратенко поручит вам наблюдение за работой в этом секторе, то ваше желание будет удовлетворено и вы с утесовцами не расстанетесь. Теперь же, господа, милости прошу ко мне на обед, - пригласил генерал.

Гостей встретила Варя в белом нарядном платье и церемонно проводила их в гостиную.

- Варя сегодня ведет себя совсем как фрейлина двора, - заметил, улыбаясь, Тахателов.

- Ох, и попало мне вчера, когда я домой вернулась, - вздохнула девушка.

- Мама плачет и ругает, папа хотя и не плачет, но тоже ругает, Катя и та шипит от злости; боюсь еще и сегодня рот раскрыть.
- Ненадолго у вас хватит смирения, - скептически заметил Звонарев.
- Особенно если вы будете дразнить меня, несчастный трусишка. Как он от японцев удирал! Пятки так и сверкали.
- Вы, кажется, бежали со мной рядом?
- Так ведь я женщина, а не офицер, мне можно и струхнуть.

Через несколько дней Звонарев был зачислен в штаб Кондратенко и стал ведать вооружением батареи восточного участка сухопутного фронта. На его обязанности лежало наблюдать за установкой артиллерийских орудий.

Утесовцам были даны для вооружения и оборудования батареи: литера Б и Залитерная, расположенные между фортами номер один и два.

Жуковский по выздоровлении был назначен командиром батареи литера Б, Борейко стал его заместителем на сухопутных батареях, а на Утесе, по-прежнему оставшемся базой роты, были оставлены Гудима и Чиж.

Глава четвертая

Сухопутный фронт Артура стал усиленно укрепляться уже после начала военных действий. Тысячи солдат, матросов, рабочих-китайцев круглые сутки работали над созданием фортов, батарей, редутов и окопов. Окружающие Артур со всех сторон горы хотя и облегчали создание целого ряда прекрасных для обороны опорных пунктов, но в то же время, будучи беспорядочно разбросаны и отделены друг от друга глубокими ущельями, затрудняли возможность создания единого сплошного фронта обороны. Кроме того, характер гор, их крутые, обрывистые склоны создавали у подножий много мертвых пространств, не доступных действию ни артиллерийского, ни ружейного огня обороняющихся.

Чтобы ликвидировать этот крупный недостаток обстрела мертвых пространств, приходилось устраивать многочисленные мелкие батареи и капониры с легкими полевыми пушками.

Вследствие этого получилась весьма сложная система большого числа

различных укреплений и опорных пунктов, которые надо было как-то связать между собой. Для этой цели использовали старую китайскую стену - вал, построенный германскими инженерами еще до японо-китайской войны. Он имел почти саженную высоту при толщине в две-три сажени, с банкетом для стрелков около аршина шириной; он был отлично применен к местности, так как давно зарос такой травой, которая щедро покрывала всю местность перед валом.

Начиналась эта стена на берегу моря и шла на версту-две позади фортов, подходя вплотную к литерным батареям и второй линии обороны-до долины реки Лунхе, прикрывая Артур с северо-востока. Все впереди лежащие форты и укрепления соединялись с валом при помощи, ходов сообщения и шоссейных дорог там, где их возможно было укрыть от взоров и огня противника.

Форты и более укрепленные батареи имели бетонные сооружения до полутора аршин толщиной, сверху прикрытые двухсаженным слоем земли вперемешку с камнем. Однако большинство орудий на фортах и батареях оставалось совершенно открытым, без всякой маскировки. Зная по опыту Цзинджоуского боя, чем это грозит батареям, Звонарев горячо протестовал против открытой установки орудий и обратился с этим непосредственно к Кондратенко. Генерал внимательно выслушал его и решил, запросив мнение Белого, созвать специальное совещание по этому вопросу.

На заседание приехал и сам Кондратенко с подполковником Сергеем Александровичем Рашевским.

Высокого роста, худощавый, с внимательным взглядом умных глаз, он производил хорошее впечатление своей простотой, выдержкой и внимательностью, с которой выслушивал мнение собеседника, будь то генерал или солдат.

Прекрасно образованный, очень трудолюбивый, он был наиболее сведущим в Артуре человеком по инженерной части. Начальство не жаловало Рашевского за его прямолинейность и зачастую нелестные отзывы об артурских порядках.

Прогрессивно настроенный Рашевский ясно понимал, что основной причиной военных неудач является отсталый государственный строй России, и часто говорил об этом. В жандармском управлении еще до начала войны за ним был установлен негласный надзор.

Докладчиком выступил Тахателов, который хотя под Цзинджоу не был, но считался знатоком Цзинджоуского боя. Быструю гибель батарей под Цзинджоу он считал чистой случайностью и вообще находил этот бой не характерным для современной войны.

Звонарев решил возражать, указывая на пример полевых батарей, перешедших после Цзинджоу на стрельбу по угломеру с закрытых позиций.

Его мнение разделяли Борейко и Гобято, и совершенно неожиданно поддержали моряки, ссылавшиеся на удачный опыт перекидной стрельбы через Ляотешань.

Мнения разделились: одни яростно нападали на Звонарева, другие так же энергично его защищали. Помирились на компромиссном решении: там, где уже имелись готовые открытые батареи, их так и оставить, новые же батареи делать по возможности укрытыми или хотя бы замаскированными.

- Возражаю! - ревел Тахателов. - В бою все захотят идти на укрытые позиции и будут убегать с открытых. Это несправедливо. Пусть все орудия стоят открыто.

- Я своих солдат на убой не поставлю, - орал Борейко, - и переделаю свою открытую батарею на закрытую!

- Только без расходов для казны и возможно скорее, - соглашался Кондратенко.

- Этот номер не пройдет, - возражали инженеры, - при такой переделке нам испортят все наши уже готовые батареи, а новых вместо них соорудить не успеют.

- Жаль, что японцы побили нас только в мае, а не в январе. Тогда бы мы все батареи успели построить закрытыми, - иронизировал Борейко.

Спор, казалось, уже был закончен, когда вновь выступили инженеры.

- Мы не имеем, представления, какой вид должна иметь закрытая батарея.

Нам надо разработать ее проект и утвердить в штабе района и Петербурге, - возражал инженер-капитан Лилье.

- Какой вид? "Обнаковенный", как говорят солдаты, - проговорил Борейко. - Что касается утверждения, то проще всего послать проекты прямо в Токио; вмиг утвердят и притом наиболее выгодный и дешевый тип - вовсе без бетона и даже без козырьков.

Старшие чины возмутились выходкой Борейко, молодежь же громко зааплодировала. На этом заседание и кончилось. Обе спорившие стороны считали себя победителями.

Было уже за полночь, когда все стали расходиться. К Звонареву неожиданно подошел Рашевский. Он и раньше хорошо относился к прапорщику, а теперь особенно тепло пожал ему руку.

- Вы своим сегодняшним выступлением, можно сказать, открыли новую, страницу в долговременной фортификации. Отныне все артиллерийские позиции будут выноситься в тыл первой линии обороны. Форт же останется лишь как стрелковая позиция, имеющая толь - ко противостурмовую артиллерию ближнего боя в капонирах рва и горже. Вы стали артурским Тотлебенем.

- Вы ошибаетесь, у нас и Тотлебенем, и Нахимовым, и Корниловым является Роман Исидорович Кондратенко. Это душа - нашей обороны. Я поражаюсь его энергии и здравому смыслу, - ответил прапорщик.

- Вы идете со мной, Сергей Александрович? - спросил подошедший Кондратенко.

- Если вы только разрешите, ваше превосходительство, - отозвался Рашевский.

- Обратили вы сегодня внимание на то, что новатором в крепостной фортификации явился не военный инженер, не артиллерист и, собственно, даже не военный, - проговорил Кондратенко, - а штатский человек, каким является прапорщик Звонарев. Это глубоко знаменательно, мы часто не видим того нового, что появляется на наших

глазах из опыта войны. Я еще не вполне осознал до конца все последствия, вытекающие из вашего сегодняшнего предложения, - обернулся генерал к прапорщику.

- Опыт Цзинджоу мог поделиться каждый из участников боя, - скромно ответил Звонарев.

На следующий день Звонарев с утра объезжал свой участок укреплений сухопутного фронта. У Залитерной батареи он застал группу утесовцев во главе с Борейко.

- Помни: если буду шапкой махать сверху вниз - осаживай вниз, если махать буду в стороны - иди сам в сторону, в какую машу, перестану махать - стой и забивай колья в землю, - объяснял солдатам поручик. - Понял, Тимофеич? - спросил он у Родионова.

- Так точно, понял! - ответил фейерверкер.

- Тогда пойдем, Блохин, - распорядился Борейко и вдвоем с солдатом двинулся вперед.

- Ты куда, Борис? - спросил подъехавший Звонарев.

- Хочу облазить все горы и найти такую позицию для батареи, чтобы ее ниоткуда не было видно. Наши господа инженеры вылезли с позиций на - самый пуп и вздумали там ставить пушки. Конечно, японцы их сейчас собьют. Я решил эту позицию бросить и поискать более укрытую, за горой, а не на ней.

- Разрешение на это от Кондратенко или Белого получил?

- И без него хорош! Построю батарею, а затем пусть меня ругают как хотят. Когда Звонарев заехал на расположенную недалеко батарею литер Б, он застал там Жуковского. Со свойственной ему хозяйственной деловитостью капитан обходил укрепление вместе с Лепехиным, взвод которого обслуживал позицию. Батарея была сооружена еще до начала войны, и теперь ее только слегка усовершенствовали: подсыпали земляные брустверы, углубили рвы и стрелковые окопы, устроили козырьки от шрапнельных пуль; в казармах и погребах провели электричество, настлали деревянные нары для спанья, оборудовали кухню.

- Отлично, что надумали нас проведать, - приветствовал Звонарева капитан.

- У меня к вам есть коекакие вопросы. Нам для лучшего укрытия людей придется углубить котлован, для чего необходимо разобрать орудийные платформы, вновь их настелить и установить на них орудия, а это займет не меньше двух недель.

- Дадим рабочих-китайцев, сделаете за два дня.

- Лучше мы попотеем, да все сами переделаем. У Борейко как идут дела? Я еще к нему не заходил сегодня.

- По моему совету переносит свою батарею вниз, за гору.

- Кто это вам разрешил?

- Я попытаюсь уговорить Кондратенко.

- Выдумщики вы оба; все что-то изобретаете и придумываете; работали бы по старинке - проще и спокойнее.

- Старинка эта нас заедает в Артуре: все оглядываются на Севастополь, когда были гладкостенные орудия и каленые ядра к ним, а в наш век скорострельных нарезных, орудий этот пример уже не годится.

Попрощавшись с Жуковским, прапорщик поехал с штаб Кондратенко, расположенный в Новом, городе.

Не застав генерала в штабе, Звонарев поехал в Управление артиллерии, где надеялся встретить Кондратенко, обычно заглядывавшего к Белому в часы занятий.

Проезжая мимо домика Ривы, он не устоял против соблазна и, спешившись, постучал к ней. Дверь отворила заспанная Куинсан.

- Барышня дома? - спросил он у служанки.

- Спи с Андрюша, - зевнув, ответила горничная.

Мрачный и угрюмый, ехал Звонарев по улицам города, машинально отдавая честь офицерам и солдатам. Около "Этажерки" его окликнула шедшая по тротуару Варя.

- Здравствуйте, ваша мрачность, что вы смотрите не то самоубийцей, не то приговоренным к виселице?

- Все в порядке, за исключением моего желудка. Видимо, чем-то объелся,

- мрачно ответил Звонарев, слезая с лошади и идя рядом с Варей.
- Олеум ризини пять ноль, и все будет в порядке. Но это вы выдумываете и не хотите мне сказать, что вас огорчило.
- Право, ничего.

Варя недоверчиво покачала головой и, желая его развлечь, весело заговорила об его успехах на последнем совещании.

- Даже папа и тот с вами согласился, а раньше и слышать не хотел о закрытых батареях. На Тахателова же вы не обращайте внимания: он побурчит, а потом сам вас хвалить будет.

За завтраком у Белых Варя как бы вскользь упомянула, что солдаты с Утеса еще не получили наград.

- Это те молодцы, что остались на батарее до конца боя, - спросил Кондратенко, - и которых я тогда встретил ночью?

- Они самые.

- Вас, Василий Федорович, поздравить можно, что у вас есть такие солдаты и офицеры. Орлы! Сегодня же напомним о них Стесселю, - пообещал Кондратенко.

- Завтра назначено заседание на броненосце "Севастополь" по вопросу о взаимодействии с флотом. Я прошу вас на нем присутствовать, - обратился он к Звонареву.

- Никитин тоже будет? - спросил Белый.

- Он ведь личный "генерал-адъютант" Стесселя, без него дело не обойдется.

- Раз он будет, скандала с моряками не избежать. Еще тринадцатого мая, во время боя в Цзинджоу, он подбивал Стесселя выгнать моряков в море огнем с береговых батарей, насилу тогда его уgomонили.

- Он отчасти был прав; ведь выяснилось, что командиры канонерок "Гремящий" и "Отважный" умышленно разобрали свои машины, чтобы не идти на помощь "Бобру".

- Витгефт об этом знает?

- Конечно, но он все-таки хотел замять дело и ограничиться выговором им, да кто-то рассказал обо всем Никитину. Не долго думая, он арестовал

обоих командиров на улице и доложил Стесселю. Тот предал их военнополовому суду по обвинению в измене. Витгефт запротестовал. Перепалка не кончилась и сейчас.

Очевидно, будут доругиваться.

- Следовательно, заседание будет боевое?

- Боюсь, что слишком даже. - Кондратенко стал прощаться, собираясь вместе с Звонаревым в объезд строящихся укреплений. По дороге к батарее их встретил крайне расстроенный инженер-капитан Лиле.

- Ваше превосходительство! - вздрагивающим от волнения голосом обратился он к Кондратенко. - На Залитерной батарее я подвергся сейчас грубым оскорблениям,

- Что же у вас произошло?

- Во-первых, командующий батареей поручик, фамилии его не знаю, самовольно перенес позицию в тыл, во-вторых, на мое замечание о недопустимости его действий грубо оскорбил меня и угрожал арестом. Я так работать не могу, - жаловался Лиле, багровый от негодования.

- Не ваш ли это приятель, Сергей Владимирович?

- Он самый, - крутоват бывает под горячую руку.

- Разберем сейчас все на месте, капитан. Вам же так сильно волноваться при вашей полноте вредно, - успокоительно ответил Кондратенко и двинулся за Звонаревым, поехавшим вперед.

Борейко встретил генерала оглушительной командой "смирно". Поздоровавшись с ним и солдатами, Кондратенко спросил:

- Что вы тут, поручик, делаете?

- Трассирую позицию Залитерной батареи, ваше превосходительство.

- Что вы думаете делать на этой позиции?

- Стрелять, ваше превосходительство.

- Как же вы будете стрелять по невидимой цели?

- Так же, как японцы стреляли по нас под Цзинджоу, ваше превосходительство.

- Но у них были для этого специальные приспособления, которых у нас нет!

- Мы не глупее их, ваше превосходительство, и сами сумеем их сделать.

- Кроме того, у нас нет практики стрельбы по закрытым целям.

- Пока японцы подойдут к Артуру, успеем не один раз попрактиковаться, а затем по ним попрактикуемся еще лучше.

- Я вижу, у вас на все ответ имеется, поручик. Что у вас произошло с капитаном Лилье?

- Пожалуйста, ваше превосходительство, полюбуйте на этот, с позволения сказать, бетон постройки военного инженера, но, несомненно, японской, а не русской армии. - И Борейко зашагал к месту прежней позиции батареи.

Все двинулись за ним. Подойдя к одному из бетонных казематов, поручик стукнул кулаком по своду и, ухватившись рукой за его край, отломил большой кусок бетона, который и поднес генералу.

- Цемента здесь почти нет, одна только глина да песок. И в этих-то "бетонных" казематах должны были сидеть люди и храниться порох и снаряды.

Что это, недосмотр или предательство? Кто он - невежда в строительном деле или изменник и японский шпион? За одну эту постройку его следует расстрелять на месте, - закончил Борейко свою пылкую речь.

- Это мы всегда успеем сделать, - возразил Кондратенко. - Чем вы объясните это явление, капитан? - обратился он к Лилье.

- Случайный недосмотр десятника, я взыщу с него за это, - ответил капитан. - В свою очередь, прошу, ваше превосходительство, оградить меня от оскорблений со стороны этого полусумасшедшего офицера.

- Полусумасшедшего! - заорал Борейко. - А это тоже недосмотр? - кинулся он к соседнему каземату и легко обломил кусок его стены. - И это? - бросился он дальше.

- Очевидно, все постройки батареи имеют тот же дефект... - начал было Кондратенко.

- На батарее Б та же история, на Куропаткинском люнете то же, на Заредутной батарее то же...

- А на форту номер два? - спросил генерал.

- Там этого нет. Его строил честный офицер Рашевский, а не Лилье, - отрезал Борейко.

- Спокойнее, поручик! Я здесь старший, и я сам разберусь и приму какие надо меры, - остановил Борейко генерал. - Пойдемте по всем указанным поручиком фортификационным сооружениям и проверим состояние бетона Борейко водил их по укреплениям и молчаливо тыкал пальцами в негодный бетон.

Звонарев легко отламывал куски от указанного места и завертывал их в бумагу, подписывая сверху, откуда взята проба. Заявление Борейко подтвердилось полностью.

- Я пока лишь отстраню Лилье от производства работ. Временно примите вы их, Сергей Владимирович, - распорядился Кондратенко.

- Я мало понимаю в строительном деле... - пытался возражать прапорщик.

- Вам помогут, господин прапорщик, - перебил генерал.

- Я протестую против распоряжения вашего превосходительства. Еще не выяснено, что явилось причиной не вполне удовлетворительной кладки бетона, а я уже признан в ней виновным и отрешен от должности, - хмуро проговорил Лилье.

- Протест ваш, капитан, является грубейшим нарушением воинской дисциплины, за которое я вас подвергну немедленному аресту. Потрудитесь отдать ваше оружие прапорщику Звонареву, который сейчас же вас и доставит на гауптвахту. О поведении поручика Борейко, как лица, мне не подчиненного, мною будет сообщено командиру Квантунской крепостной артиллерии для принятия соответствующих мер, - решил генерал и тронулся с батареи.

Звонарев, отобрав у Лилье шашку, вместе с ним направился на гауптвахту.

Борейко же, оставшись на батарее, облегчил свою взволнованную душу долгими ругательствами по адресу всяческого начальства и Стесселя в особенности.

Вечером того же дня Звонарев сидел в своей квартире в Артиллерийском

городке. В дверь сильно постучали. Так как денщик ушел, то прапорщик сам пошел открыть дверь. Он очень удивился, увидя перед собой Варю Белую.

- Вы дома? - спросила девушка.

- Дома.

- Оставьте всякую работу, - тоном приказа проговорила Варя, - и следуйте за мной, господин прапорщик. - Затем, надев на голову офицерскую фуражку

Звонарева, девушка вышла на крыльцо.

Вечерело. Солнце садилось за Ляотешанем: Жаркий летний день сменялся прохладным вечером. С моря потянуло прохладой и запахом морских водорослей.

На "Этажерке" громко играл оркестр. Все дорожки были запружены гуляющими.

Когда Варя с Звонаревым подходили к "Этажерке", на улице показалась кавалькада во главе со Стееселем. Завидя генерала, офицеры и солдаты спешно вытянулись во фронт, Звонарев же остался стоять рядом с Варей, опустив руки по швам. Заметив это, Стессель резко осадил лошадь и грубо крикнул:

- Прапорщик, где ваша фуражка?

- У меня, - вместо Звонарева ответила Варя, шаловливо прикладывая растопыренные пальцы правой руки к козырьку.

- Женщины существуют для того, чтобы рожать детей, стряпать обед и штопать белье, а не для ношения военной формы. Головной убор офицера должен находиться на его собственной голове, а отнюдь не на голове особ женского пола! - резко бросил Стессель.

- Равно как и не на кочне капусты, который некоторым заменяет голову,

- звонким девичьим голосом выкрикнула в ответ Варя.

В толпе фыркнули.

- Молчать! - дико заорал генерал, оглядываясь на толпу и спеша уехать под громкий смех всех присутствующих.

- Зачем вы, Варя, наскандалили? - укоризненно заметил Звонарев.

- Хамов надо учить! Я еще обо всем расскажу Вере Алексеевне, как он меня.

Белую, свою родственницу, публично опозорил перед всем Артуром.

- Но вы ведь тоже называли его голову кочаном капусты.

- Охота ему было принимать на свой счет. Я скажу, что это относилось к... вам, что ли.

- Очень благодарен за такое объяснение.

- Ну, пусть тогда к Водяге. Все знают, что он отпетый дурак. Пошли дальше. - И они смешались с толпой гуляющих на бульваре.

На "Этажерке" их окликнула Желтова с Олей Селениной, которые сидели на одной из скамеек и видели весь инцидент со Стесселем.

- Ты девчонка по сравнению со Стесселем и уже по одному этому должна быть с ним вежливой, тем более что его замечание больше относилось к господину Звонареву, а не к тебе. Не думаю, чтобы твои родители были довольны твоей выходкой, - журила девушку Мария Петровна.

- Молодчина! Так Стесселю и надо, не будь грубияном, - поддержала Варю Оля.

- Боюсь только, чтобы моя выходка не отразилась на Сергее Владимировиче.

Ради его спокойствия я готова даже извиниться перед Стесселем, хотя он совершенно этого не заслуживает, - заколебалась Варя.

- Я думаю, что к Стесселю не стоит больше возвращаться, - отозвался Звонарев. - Бог не выдаст, Стессель на губу не посадит.

- Плюнь ты. Варвара, на генерала! Другого отношения он не понимает, - вмешалась Селенина

- Не будь груба, Оля! Грубость никогда и никого не красят. А ты к тому же учительница и должна подавать пример культурности, - остановила ее Желтова.

- Стессель может на меня пожаловаться папе и маме, - проговорила в задумчивости Варя. - Тогда мне попадет. Во избежание этого я сама первая на него пожалуюсь родителям или самой Вере Алексеевне. Пусть знает, какой у нее хам муженек.

- Правильно. Нападение - лучший способ защиты. Так и действуй! - сразу подхватила Оля.

По-южному быстро стемнело, с гавани потянуло прохладой. Огней зажигать не разрешалось, и публика постепенно стала расходиться. Заторопились и Желтова с Олей.

- Мы можем понадобиться в госпитале. К вечеру раненым обычно бывает хуже, - пояснила Мария Петровна.

Проводив их немного по улице, Варя с Звонаревым направились к Артиллерийскому городку.

- Хотите, я вас проведу к моему заветному месту на Золотой горе? - предложила Варя. - Я люблю там сидеть и мечтать.

- Вы и мечты-вещи трудно совместимые.

- Я совсем не такой синий чулок, как вы себе представляете.

- Хуже. Вы амазонка из артурских прерий!

- Вы хотите сказать, что я дикарка?

- Ив мыслях не было, - отнекивался прапорщик.

- Не отрекайтесь! Я все равно не поверю. Я предпочитаю быть дикаркой, говорить, что думаю, поступать, как мне хочется, чем во имя так называемых приличий притворяться и говорить неправду.

- Все хорошо в меру. Вы бываете резковаты, особенно для девушки. Немного выдержки вам не помешает.

- Терпеть не могу кисло-сладких людей, вроде...

- Меня?

- Я этого не сказала, но вы мне кажетесь слишком пресным.

- Значит, Борейко в вашем духе?

- Он по-медвежьи груб и неуклюж.

- Я пресен, он груб. Кого же вам еще надо?

- Как вы... непонятливы, если не просто глупы. Будь у вас побольше перца, вы могли бы мне и понравиться, - кокетливо заметила Варя.

- Постараюсь весь свой наличный перец немедленно выбросить, чтобы им во мне и не пахло! - отозвался Звонарев.

- Не смейте меня дразнить, как маленькую девочку! Вот и моя тропинка. -

И девушка, свернув с дороги, пошла в обход Золотой горы по чуть заметной в темноте узенькой дорожке.

- Смотрите не оступитесь, тут круто, и можно сильно ушибиться при падении, - предупредила Варя и тотчас оступилась сама.

Прапорщик едва успел подхватить ее за талию.

- Вернемся, пока вы нос себе не разбили, - предложил Звонарев, продолжая поддерживать Варю под руку. Но она молча двигалась дальше. Через несколько шагов оступился прапорщик и, падая, крепко ухватился за Варю. Девушка качнулась, но устояла на ногах и сильной рукой помогла стать на ноги своему кавалеру.

- Прошу к моим ногам не падать! Можно обойтись и без подобных нежностей.

И как ходить с вами? Вместо помощи я должна еще помогать вам, - подсмеивалась девушка.

- Куда вы меня завели, зловредная особа? - отряхиваясь, спросил Звонарев.

- Сейчас будет мое любимое местечко, - ответила Варя и, пройдя несколько шагов в сторону, очутилась перед большим кустом.

Раздвинув ветки руками, она, как ящерица, юркнула на площадку между скал.

Прапорщик едва пробрался за ней, поцарапавшись о колючки и ветки кустов.

- Я люблю здесь отдыхать днем. Это место укрыто с трех сторон кустами и скалами. Только к морю открывается узкая щелка. Днем здесь чудесно: с моря тянет прохладой, кусты прикрывают от солнца, и ниоткуда тебя не видно. А ночью здесь, правда, одной страшновато. Вдруг на тебя кто-нибудь нападет.

Кричи не кричи, никто не услышит, не увидит и помощи не окажет.

- Кто же на вас осмелится напасть?

- Например... вы!

- Да я вас боюсь больше, чем вы меня!

- И совершенно напрасно! Смотрите, как красиво мерцают звездочки на

небе всеми цветами радуги. - И Варя повалилась на землю, подняв руки к небу.

По небу пронеслась яркая падающая звезда, оставляя за собой слабо светящийся след...

- Загадала, загадала свое заветное желание! - захлопала в ладоши девушка.

- Какое именно?

- Много будете знать, скоро состаритесь! - лукаво ответила Варя. - Расскажите, чем вы заняты на сухом пути?

- Строим батареи и форты.

- А перевязочные пункты?

- О них пока разговоров не было.

- Напрасно. Я уже не раз ездила вдоль линии фортов и думала о них. На самих укреплениях для врачей не отведено места, да и работать под обстрелом им будет нелегко. Придется перевязочные пункты выносить в тыл. Я уже подыскала место у Залитерной батареи, недалеко от нее, в тылу, в глубоком ущелье. Хотите, я вам его покажу, и мы вместе с вами обсудим план оборудования перевязочного пункта? - предложила Варя.

- Всегда готов вам помочь и советом и делом. Но организацией тыловых перевязочных пунктов занят штаб крепости, куда вам и надо обращаться по этому вопросу. Завтра я точно узнаю, кто именно ведает этим делом, - пообещал прапорщик.

- Мы устроим перевязочный пункт, чтобы на нем было все, что нужно: вода, свет, печь, кипятилок и, конечно, операционная, - планировала Варя.

- Это будет уж целый лазарет, а не перевязочный пункт, где оказывают первую помощь, накладывают легкие перевязки и отправляют дальше в тыл.

- Во всяком случае, раненых следует обмыть, согреть, перевязать и накормить, - развивала свой план девушка. - Я буду там работать сестрой.

Никто и не подумает, что это я все придумала, как надо устроить перевязочный пункт. Вы не боитесь смерти? - неожиданно спросила она.

- От судьбы не уйдешь!
 - Это так, но я все же хотела бы уцелеть в Артуре и посмотреть, чем кончится война и что будет после нее.
 - Кончится она, вернее всего, плохо для нас. Победят японцы, а затем в стране вспыхнет революция! Больно народ недоволен нынешним положением.
 - Мария Петровна и Оля говорят то же! Папа думает, что революция, быть может, и не будет, если крестьянам дадут землю.
 - Даром ее крестьянам никто не даст, а денег у них нет!
 - Царь заплатит за землю помещикам.
 - Наивная вы девушка! Царь-то у нас - первый помещик! Ему кто за землю заплатит?
 - Казна.
 - Да он разорится, если станет платить всем помещикам. Деньги в казну дерут с мужика. Значит, фактически он и заплатит помещикам за землю. Но платить ему не из чего. Он и так от бедности пухнет с голоду.
 - Вы социалист? Говорят, они стоят за народ, но хотят убить всех царей и богачей.
 - Хотя я и не социалист, но знаю, что никого они убивать не собираются, а считают, что можно хорошо жить без царя и богачей.
 - Они за равноправие женщин? За то, чтобы мы могли быть врачами, инженерами наравне с мужчинами?
 - О да! Они за полное равенство в правовом отношении мужчин и женщин.
 - Тогда я за социалистов! Мечтаю стать если не врачом, так фельдшерницей и работать акушеркой на Кубани в станице.
 - Подготовьтесь и поступайте в Женский медицинский институт в Петербурге.
- Я готов вам помочь. Говорят, у меня имеются педагогические способности.
- Студентом приходилось много заниматься со всякими оболтусами.
- Благодарю вас за столь лестное обо мне мнение! - расхохоталась Варя.

- Хотя я ленива и тупа, но к оболтусам все же себя не причисляю.
- Я не так выразился! Вы человек целеустремленный, и то, что вам нравится, постигаете легко и просто. А то, что вам не интересно, вы одолеваете с трудом. Мне приходилось иметь дело с такими учениками.
- Ас ученицами, да еще моего возраста?
- Я избегал таких уроков. Обычно все сводится к кокетству, и серьезно работать становится невозможно.
- Я кокетничать не собираюсь и подумаю над вашим предложением. Мама, наверно, скажет, что девице неудобно запирается в комнате с молодым человеком, хотя вы и больше похожи на красную девицу, чем я! Пошли домой, а то уже около полуночи, - поднялась Варя с земли и неторопливо пошла вперед.
- И кто поверит, что мы за весь вечер ни разу не поцеловались?
- Мы можем сейчас же наверстать это упущение! - пытался было обнять Варю прапорщик.
- Не стоит. Ваша скромность мне очень понравилась. Значит, вы хороший.

Другой на вашем месте непременно полез бы обниматься, а вы даже не подумали.

- Еще не известно, о чем я думал!
- Думали о Ривочке, которая вам натянула нос. Жаль мне вас, милый мальчик! Неразделенная любовь всегда тяготит. Постарайтесь ее забыть. Я вам помогу, если только сумею это сделать. Хоть любовь не картошка, не выбросишь за окошко! - посочувствовала Варя.

На прощание она ласково потрепала Звонарева рукою по щеке. Растроганный этой лаской, прапорщик хотел было поцеловать руку девушки, но она с легким смехом уже упорхнула от него.

Оставшись один, Звонарев молча зашагал к себе. Было совершенно темно. В ночной тишине громко звучали шаги пешеходов и конский топот. Прапорщик думал о Варе и Риве, впервые сопоставляя их между собою. Задумчивая, женственная, мягкая Рива и волевая, вечно деятельная и резковатая на язык Варя. И обе казались ему по-своему

хороши. Засыпая, Звонарев так и не решил, кто же из них лучше.

Варя тоже долго ворочалась в постели, вспоминая свой разговор с Звонаревым. Она инстинктивно чувствовала, что с сегодняшнего дня она стала ближе к нему, в какой-то мере завоевала его расположение, если не любовь. Но ясно понимала, что Рива еще прочно сидит в его сердце и только время, пожалуй, излечит прапорщика от его увлечения.

- И все же он будет моим, - упрямо пробормотала девушка, стараясь уснуть.

Утром следующего дня Звонарев вместе с Кондратенко подходили в назначенный для заседания час к Адмиральской набережной, где их поджидал паровой катер с "Севастополя". По набережной крупными шагами уже расхаживал Стессель вместе с Белым и Никитиным. Сзади генералов шагали их адъютанты: ротмистр Водяга, поручик Азаров и капитан Поспелов. У катера на ходу что-то писал начальник штаба Стесселя полковник Рейс. Здесь же суетливо крутился бывший градоначальник города Дальнего, ныне инженер-капитан Сахаров.

Кондратенко в сопровождении Звонарева поспешил подойти к Стесселю.

- Прошу меня извинить за опоздание, ваше превосходительство, - проговорил Кондратенко.

- Вы прибыли вовремя, Роман Исидорович, сейчас еще без четверти восемь.

Зато генерал Смирнов, видимо, опаздывает.

- Комендант обычно бывает точен, - заступился Кондратенко за Смирнова.

Стессель в мрачном раздумье зашагал дальше, не обращая внимания на сопровождающих его лиц. Он старался припомнить все те доводы, которые должен был привести морякам в отношении самой срочной необходимости выхода всей эскадры в море и принятия генерального боя с японским флотом. На днях у него состоялось по этому вопросу секретное семейное совещание с женой и Фоком.

Они обсуждали судьбы артурской обороны. Фок со свойственной ему прямоотой и точностью, когда дело касалось лично задевающих его дел,

развернул перед своим другом и начальником целую схему дальнейших действий по обороне крепости.

- Прежде всего надо убрать из Артура флот, во Владивосток ли, в нейтральные порты или на дно морское, это безразлично. Флот является главной приманкой для японцев в Артуре. Они боятся за свои морские коммуникации и готовы пожертвовать очень многим, лишь бы уничтожить наш флот. А если эскадра уйдет из Артура, то крепость сразу станет для них второстепенным военным объектом. Борьба с Маньчжурской армией будет основным фактором войны, коль скоро наш флот исчезнет с театра военных действий. Японцы обложат Артур с суши, и начнется длительная осада крепости. Они захотят взять нас измором. Наше продовольственное положение им, конечно, хорошо известно. И незачем штурмовать крепость, так как рано или поздно мы должны будем капитулировать от голода, - развивал свою мысль Фок.

- Продовольствие можно израсходовать очень быстро, стоит только начать кормить солдат получше, - вмешалась Вера Алексеевна. - А затем со спокойной совестью начнем переговоры о капитуляции.

- Если только Кондратенко не помешает, добавьте, Вера Алексеевна, - проговорил Фок.

- Его можно и обезвредить в случае чего. Он часто нарушает мои приказания. К этому можно придраться и отстранить его от дел, - сказал Стессель.

- Это делать надо осторожно, так как Кондратенко весьма популярен среди офицеров и солдат, - заметил Фок.

- С солдатней считаться не придется. Их дело маленькое: исполнять приказание начальства. А из офицеров нужно подобрать наиболее подходящих для такого дела - кто в бой не рвется, многосемен и вообще обременен заботами о родственниках, - заключила свою мысль Вера Алексеевна.

Так и порешили.

Разгуливая теперь по набережной в ожидании приезда Смирнова, Стессель вновь повторял себе основной мотив сегодняшних своих

выступлений на предстоящем заседании - возможно скорее выгнать моряков из Артура любыми средствами, чтобы затем развязать себе руки для дальнейших действий в Артуре.

В это время показалась коляска, в которой приехал Смирнов и его начальник штаба полковник Хвостов.

- Теперь все в сборе, можно и трогаться на "Севастополь", - проговорил Стессель.

Щеголеватый адмиральский катер быстро наполнился офицерами.

- Разрешите и мне с вами, ваше превосходительство, - попросил Сахаров у Стесселя.

- Садитесь, - пригласил Стессель.

Капитан поспешно прыгнул в катер.

- Отваливай, - скомандовал специально высланный для встречи Стесселя флаг-офицер адмирала Витгефта мичман Эллис.

Катер, разворачиваясь, отошел от пристани и направился к стоящему в западном бассейне под Тигровой горой "Севастополю". По пути он проходил мимо стоящих у входа миноносцев. Стессель вместе с Никитиным критически осматривали их. На некоторых судах было развешано для сушки матросское белье. Матросы не обращали никакого внимания на катер, прохаживались по палубе.

- Не эскадра, а богоугодное заведение, - возмущался Стессель. - Честь отдавать! - заорал он на спокойно глядевших на него с миноносцев матросов и погрозил им кулаком. - Пристать к этому миноносцу, - приказал он Эллису, - Вы что, мерзавцы, не видите, что едет генерал! - гаркнул он на матросов. - Кто здесь за старшего?

К борту подошел широкогрудый боцман и вытянулся перед генералом.

Стессель вскочил на банку и заорал:

- Фамилия твоя, сволочь? Название миноносца?

- Боцман Сизов, миноносец "Грозовой", - едва прошептал разбитыми губами матрос.

На шум выбежал из каюты лейтенант.

- Что у вас, плавучий "абак или военный корабль, лейтенант? -

накинулся на него Стессель. - Я вас арестую! Марш сюда, я вас доставлю прямо к вашему Витгефту, пусть полюбуется на своих офицеров.

Опешивший лейтенант не сразу стал спускаться в катер.

- Живей, черт бы вас побрал! - прикрикнул Стессель.

- Я, ваше превосходительство, не привык... - начал было лейтенант.

- Он не привык, - передразнил Стессель, - я тоже не привык, чтобы мои приказания выполнялись не сразу, лейтенант. Можете возражать вашему адмиралу, а не мне.

- Правильно, почаше бы эту рвань так пробирали, смотришь, и толк бы был из них, - поддержал Стесселя Никитин.

- Вам так волноваться вредно, ваше превосходительство, - вмешался Кондратенко. - Надо сохранить спокойствие духа для предстоящего трудного совещания

- Эта сволочь хоть кого выведет из себя, - пробурчал Стессель, но тон все же сбавил.

Белый усиленно хмыкал и разглаживал свои пышные волосы, не одобряя Стесселя, он все же не вмешался в происходящее. Когда наконец катер подошел к "Севастополю", все облегченно вздохнули, радуясь окончанию неприятного переезда. По парадному трапу, у которого стояли фалрепные, Стессель поднялся на палубу броненосца, где был встречен командующим эскадрой адмиралом Витгефтом. На шкафуте был выстроен почетный караул с оркестром. При появлении Стесселя матросы вскинули винтовки на караул, музыка заиграла марш, и под грохот салюта генерал обошел фронт матросов. Как ни хотел генерал к чему-либо придраться, но все было в безукоризненном порядке. Матросы, все как на подбор, рослые, крепкие и прекрасно державшиеся, изо всех сил "ели глазами начальство".

- И с такими молодцами сидеть в здешней луже? - обратился Стессель к Витгефту, показывая на матросов. - Да от одного их взгляда японцы побегут к себе в Нагасаки. Спасибо, орлы, за службу молодецкую!

Отпустив караул, Стессель подошел к офицерам, выстроившимся на шканцах.

Витгефт представил каждого из них генералу. После этого все направились вниз в апартаменты адмирала, где должно было происходить совещание.

Звонарев, находившийся в хвосте стессельской свиты, с удивлением узнал в начальнике почетного караула Андрюшу Акинфиева и еще больше удивился, когда увидел на его плечах лейтенантские эполеты, а на груди новенький Георгиевский крест. Когда и за что успел Андрюша получить эти награды, Звонарев не знал.

"То-то Рива оставила его при себе, - подумал прапорщик, - лейтенант и кавалер и влюблен в нее по уши, есть за что ухватиться".

Спускаясь вниз, он подошел к Андрюше и поспешил его поздравить.

- Когда же ты успел все это получить?

- Сегодня утром. Сам адмирал пришел ко мне в каюту и принес мне крест.

Поскорей бы кончилось ваше заседание, тогда можно будет и на берег съехать, sprysnut'. Вот Рива удивится!

- Она еще не знает?

- И не подозревает. А ты с кем?

- С Кондратенко.

- Адъютантом у него?

- Нет, нечто вроде инженера для поручений.

- Освободишься, заходи за мной, вместе съедем на пристань. Вечером, когда вернется Рива, ждем тебя с Борейко. Будут Соیمانов, Вася Витгефт, Эллис, - приглашал Андрюша.

Звонарев поблагодарил, обещая зайти, и побежал на заседание.

В просторной адмиральской каюте, отделанной мореным дубом, был поставлен длинный стол, покрытый красным сукном. Посредине одно против другого стояли два больших кресла, дальше - кресла поменьше, а по концам были расставлены простые стулья. Витгефт с моряками расположились по одну сторону стола, а на другой поместился Стессель со своей свитой.

- Ваше превосходительство и господа офицеры, - первым выступил

Витгефт, - позвольте мне приветствовать от лица флота наших дорогих гостей, генерала Стесселя и его сподвижников. Надо надеяться, что мы сегодня благополучно разрешим все интересующие нас вопросы и уладим все имеющиеся недоразумения.

Вдруг поднялся, сердито откашлявшись, Никитин.

- Меня удивляет выступление адмирала Витгефта. Во-первых, мы - совсем не гости и приехали сюда по делам службы, а не для дружеских бесед. Во-вторых, когда собираются вместе воинские чины по служебным делам, то открывает собрание старший из присутствующих, каковым является генерал Стессель, а не адмирал Витгефт. Поэтому я полагаю, что начальник Квантунского укрепленного района и должен руководить нашим сегодняшним совещанием, - закончил генерал.

Стессель и Рейс одобрительно закивали, Витгефт же покраснел и, нервно одергивая китель, вскочил на ноги.

- Я думал... я полагал, что долг вежливости обязывает меня приветствовать вас, господа, но не возражаю... то есть прошу... генерала Стесселя руководить, - запутался адмирал в словах.

Стессель милостиво кивнул головой и поднялся.

- Вполне соглашаюсь с мнением генерала Никитина и удивляюсь... как бы оказать помягче... недогадливости, что ли, адмирала Витгефта. Я приехал сегодня на "Севастополь", как правильно заметил Владимир Николаевич, совсем не в гости. В гости ездят для развлечения и удовольствия. Какое же удовольствие может доставить мне, старому солдату, лицезрение бездействующей в напряженное военное время, хотя и вполне боеспособной эскадры? Кроме того, исключительный беспорядок, царящий на боевых кораблях, как я лично сегодня убедился на примере хотя бы того же миноносца "Грозового", не может доставить удовольствия никому, кроме наших врагов. Я приехал по делу и прежде всего для того, чтобы получить наконец от моряков членораздельный ответ: что дальше собирается делать эскадра? Попрежнему ли она будет соблюдать строгий "нейтралитет" в происходящей войне или нет? - Стессель остановился и победоносно оглядел собрание.

Никитин шумно одобрил его, моряки, покрасневшие от возмущения, опустили головы. Кондратенко и Белый подавали какие-то сигналы Стесселю, видимо желая его остановить.

Витгефт опять быстро вскочил с кресла.

- Слова вашего превосходительства я могу принять лишь за плохую, оскорбительную для нас, моряков, шутку, - начал он. - Ответить же на поставленный вами вопрос очень просто: вверенная мне эскадра до конца выполнит свой долг перед царем и родиной...

- ...и будет по-прежнему стоять в порту, прячась от японцев? - спросил Никитин.

- Более чем двойное превосходство в силах японской эскадры лишает нас возможности вступить с ней в открытый бой. Поэтому мы должны стремиться к уничтожению ее по частям, возможность чего представляется далеко не всегда.

- Поэтому вы и собираетесь ждать у моря погоды? - вставил Стессель.

- Ваше превосходительство знает, что эскадра отдала на сухопутный фронт около ста орудий, чем способствовала укреплению обороны крепости, - заметил с места, командир порта адмирал Григорович.

- Было бы лучше, если бы моряки позаботились об уничтожении японской эскадры, - буркнул Никитин.

- Мы делаем все, что в наших силах, чтобы нанести наибольший вред неприятелю... - начал было снова Витгефт.

- Поэтому-то и сидите в этой артурской луже и предпочитаете плавать не в Желтом море, а на берегу в море шампанского, - иронизировал Никитин.

- Как только поврежденные корабли будут исправлены и войдут в строй, с помощью бога и покровителя моряков Николая-угодника попытаем свое счастье в ратном подвиге с японцами.

- Пока что Николай-угодник, по-видимому, помогает больше япошкам, чем вам, - заметил Рейс.

- Довольно разговаривать, господа, - оборвал пререкания Стессель. - Наша эскадра еще не выполнила своего долга перед царем и родиной.

Тринадцатого мая во время Цзинджоуского боя командиры "Отважного" и "Гремящего" - Лебедев и Цвигман - приказали разобрать свои машины и не вышли в море. Я считаю это прямой изменой. Оба эти преступника мною арестованы и будут судимы по законам военного времени, как бы против этого ни протестовал адмирал Витгефт. Обоих повешу на казачьем плацу! - неистовствовал Стессель. - Всех, кто за них будет заступаться, я тоже сочту за изменников со всеми вытекающими - отсюда последствиями. Я заставлю флот служить России и русскому царю, а не японскому микадо! - потрясал кулаками генерал.

- Это слишком! Я не считаю здесь больше возможным присутствовать, - совсем растерялся Витгефт.

- Вношу предложение сделать перерыв, - спокойно проговорил Кондратенко.

Все его поддержали и с шумом поднялись с мест. Кондратенко и Белый обратились к Стесселю с просьбой быть в дальнейшем сдержанней.

- Не следует забывать, Анатолий Михайлович, что ход сегодняшнего совещания будет известен и наместнику, - предупреждал Белый. - Он же, как ты знаешь, души не чает в морях.

- Адмирал Витгефт лишь строго проводит в жизнь указания наместника о необходимости, елико возможно, беречь нашу эскадру, - вторил ему Кондратенко.

- А вы как смотрите на это, Виктор Александрович? - обратился Стессель к Рейсу.

- По-моему, ваше превосходительство, пусть сперва моряки ответят на поставленные - вами вопросы, - посоветовал Рейс. - А затем" будет уже видно, что говорить дальше.

- Прошу занять места, заседание продолжается, - зычным командирским голосом предложил Стессель. - Кто желает высказаться? - спросил он, когда все заняли свои места.

Выступил адмирал Григорович. Поглаживая свои длинные "штабс-капитаиские" усы, адмирал спокойным ровным голосом, как будто ничего не произошло, начал свою речь.

- Начальник Квантунского укрепленного района генерал Стессель является старшим лицом в Артуре, - по своему чину и первым ответчиком перед царем и Россией за все происходящее в Артуре. Вполне понятны ввиду этого и его повышенная нервозность, и известная резкость, которую он проявил на нашем заседании при обсуждении вопроса о дальнейшей судьбе Артура. На этих днях вступают в строй "Цесаревич" и "Ретвизан", неделю тому назад вышла из дока "Паллада". Теперь, несмотря на явное превосходство сил противника, особенно в отношении миноносцев, все же можно попытаться счастье в бою.

- Когда, вы считаете, эскадра сможет выйти в море? - спросил Стессель.

- Около первого июня: к этому времени весь ремонт на судах будет закончен и, кроме того, будут погружены на эскадру все необходимые запасы.

За Григоровичем выступил младший флагман эскадры адмирал князь Ухтомский.

- Эскадре нечего и думать о выходе в море. Там ее ждет неизбежная гибель или от японских мин, во множестве разбросанных на внешнем рейде, или в бою с превосходящими силами противника. Поэтому единственное разумное решение-это отсиживаться в Артуре, ожидая, когда он будет деблокирован Маньчжурской армией или когда к нам на помощь подойдет вторая эскадра из России. Мы, моряки, должны свою судьбу, по примеру Севастополя, связать с крепостью.

Свезти на берег свои орудия, списать в десант возможно большее число людей, образовав из него подвижный резерв крепости и этим усилить оборону Артура, а там что бог и Николай-угодник дадут, то и будет.

- Что ваше сиятельство предполагает делать с флотом, если Артур будет вплотную обложен с суши и эскадре будет угрожать опасность быть потопленной на внутреннем рейде Артура? - спросил Рейс.

- Оставаться в нем до последней возможности...

- ...а затем затонуть в этой луже... - перебил Стессель.

- ...и вновь воскреснуть под японским флагом, - вставил Никитин.

- Мы, моряки, считаем, что Артур никогда сдан не будет. Следовательно,

если даже допустить возможность потопления кораблей на внутреннем рейде, то воскреснут они после войны опять под русским, а не под японским флагом, - возразил Никитину Витгефт. - Поэтому предложение князя, по-моему, является наиболее целесообразным.

- Флот всю осаду камнем будет висеть на нашей шее! - кипятился Никитин. - Пусть-ка он лучше убирается поскорее на все четыре стороны из Артура, а свое продовольствие оставит для нужд гарнизона.

- Помимо продовольствия, нам нужно получить от моряков еще орудия и снаряды к ним, - вставил Белый.

- С чем же мы тогда выйдем в море, где нас ждет бой с японцами? - спросил Витгефт.

- Я лично думаю, что мнение князя Ухтомского о необходимости флоту остаться в Артуре в наших условиях самое правильное, - ответил Белый.

- Вопрос ясен, - резюмировал Стессель. - Моряки в море выходить не хотят, а мы, сухопутные, считаем, что они должны возможно скорее оставить Артур и выполнить свое прямое назначение - попытаться с боем овладеть морем или с честью погибнуть.

В дальнейшем все сухопутные генералы, за исключением Белого, высказались за выход эскадры в море, а моряки, кроме Григоровича, Эссена и командира "Баяна" Вирена, за ее оставление в Артуре.

Стессель презрительно усмехнулся.

- Из опроса мнений господ моряков ясно, что они забывают о своей прямой обязанности - помогать не только Артуру, но и Маньчжурской армии. Без победы на море победа на сухопутном фронте будет крайне затруднительна. И, наоборот, при нашем господстве или даже простом равенстве сил на море быстрая победа на суше обеспечена. Поэтому я еще раз от лица армии категорически требую выхода эскадры в море для уничтожения японского флота.

Отказ от выполнения этой задачи буду рассматривать как измену долгу присяги и своей родине! - стуча кулаком по столу, угрожал генерал.

- Вы забываете, что флот вам не подчинен, - выкрикнул в ответ тонким фальцетом Витгефт, - и вы не имеете права отдавать флоту никаких

приказов!

- Если эскадра не выйдет в море, я запрещаю морякам появляться на территории укрепленного района. Рассыплю стрелковые цепи по берегу и обнесу порт колючей проволокой. Варитесь тогда в собственном соку! - кричал Стессель.

По знаку Рейса Стессель опять объявил перерыв и, выйдя из-за стола, стал громко выговаривать Белому.

- Тебе бы, Василий Федорович, во флоте служить. Ты всегда руку моряков держишь, - упрекал он начальника артиллерии.

- Я ответствен за артиллерийскую оборону крепости, а без пушек и снарядов защищать Артур не могу, - возразил Белый и отошел к морякам. Никитин, окруженный младшими морскими офицерами, обвинял адмиралов в трусости.

- Будь моя воля, - бубнил он, - всех бы ваших адмиралов и капитанов первого ранга разогнал, а вас, лейтенантов и мичманов, поставил бы командовать броненосцами. Поди вы с ними справились бы не хуже адмиралов?

- Справились бы, ваше превосходительство. Мигом бы японцам нос утерли, - хором отвечали мичманы и лейтенанты.

- Где бы у вас тут малость горло промочить, а то больно пересохло оно от всей этой болтовни.

- Сельтерской прикажете, ваше превосходительство?

- Я не дама в положении и не кисейная барышня, - обиделся генерал.

- Коньяку, рому, виски? - продолжали предлагать моряки.

- Наконец-то догадались! Чего хотите, но чтобы было покрепче.

Через четверть часа воинственный генерал уже пил брудершафт со всеми мичманами и лейтенантами. На заседание он больше не пошел, а вместо этого прочно окопался в кают-компании, откуда затем был переправлен в одну из офицерских кают, где мирно опочил.

После вторичного перерыва прения приняли наконец более спокойный характер. Моряки признали, что эскадре все же необходимо попробовать выйти в море и попытаться, не ввязываясь в бой, прорваться во

Владивосток. Хотя Вирен и Эссен настойчиво указывали на абсурдность этого предложения при наличии чуть ли не всего японского флота под Артуром, большинство все же не согласилось с ними. Затем договорились о возвращении из крепости некоторой части орудий среднего калибра, наметили время выхода в море примерно на пятое июня, и на этом окончилось заседание. Стессель отказался от предложенного Витгефтом обеда и уехал вместе "в Рейсом, Водягой и Сахаровым, а Смирнов, Кондратенко и Белый остались у адмирала.

После отъезда Стесселя атмосфера сразу резко изменилась. Исчезла натянутость, все оживилось и весело заговорили друг с другом.

За длительным обедом, сопровождавшимся обильной выпивкой, все участники окончательно настроились на мирный лад, многократно лобызались и уверяли друг друга во взаимной любви.

Вернувшись домой, Стессель начал было хвастливо повествовать супруге о своих победах над моряками, но Вера Алексеевна, разделявшая с мужем нелюбовь к морякам, на этот раз, против обыкновения, слушала его довольно равнодушно.

Это обстоятельство заставило генерала насторожиться: за многолетнюю супружескую жизнь он хорошо усвоил, что после столь холодного приема ему предстоит выдержать хорошую головомойку. Он не ошибся в своих предложениях и на этот раз. Едва кончился обед и генерал удалился в свой кабинет, как к нему вошла Вера Алексеевна. Предвкушая неприятный разговор, генерал нервно заерзал на своем диване.

- Что у тебя, Анатоль, произошло вчера на "Этажерке" с Варей Белой? - сразу задала вопрос Вера Алексеевна.

- Когда я проезжал мимо "Этажерки", она напаялила на себя фуражку этого прапора, что всегда с ней бывает, и начала отдавать мне честь, в то время как он стоял с ней рядом болван болваном. Я указал ей на недопустимость такого отношения к офицерскому головному убору, - вот и все.

- Почему же она со слезами жаловалась на тебя своей матери, что ты ее публично оскорбил?

- Я, кажется, ничего особенного не сказал, только напомнил, для чего служит женский пол.

- И это, по-твоему, ничего? Порядочной девушке публично сказать, что она существует для деторождения! Ты, Анатолий, забыл, что "Этажерка" не казарма, а Варя не солдат, и твои солдатские шуточки с ней совершенно неуместны.

Мария Фоминична, конечно, в обиде на тебя за дочку. Надо тебе будет перед ней хорошенько извиниться и Варю подарить что-нибудь.

- Чего ради я стану еще извиняться, коль я ничего обидного не сказал? И не подумаю.

- Если ты сам не понимаешь своей грубости, то я прекрасно это сознаю. Нечего тебе думать или не думать. Раз я тебе говорю, значит, так и надо. Ты пойдешь к Белым и извинишься за свою грубость перед Марией Фоминичной, а не пойдешь, я вместо тебя отправлюсь с извинениями, - пригрозила генеральша.

- Ладно уж! Так и быть, съезжу к Белым завтра, что ли. У них бывают такие вкусные блинчики к кофе, что пальчики оближешь, да и узнать надо, до чего же договорился Белый с самотопами, - сдался генерал.

- Потом ты до сих пор не утвердил награждение артиллеристов за Цзиндзоуский бой.

- И не утвержу! Пусть на будущее время знают, что за потерю пушек я наград не даю.

- Но в этом списке есть и Варя Белая. Она-то не виновата в том, что были оставлены пушки.

- Неудобно наградить ее одну, а других не награждать.

- Пустяки ты говоришь. Варя прежде всего генеральская дочь, поехала туда по своей охоте, чуть не погибла там, а ты ее равняешь со всеми остальными.

- Там была еще какая-то другая, такая же сумасшедшая девчонка. Надо и ее тогда наградить.

- Отчего же не наградить, если она этого заслужила?

- По-моему, бабы не могут совершать никаких подвигов, разве что родят

сразу тройню или четверню.

- Бабы! Грубиян! Ты-то сам, герой, как и за что свой "Георгий" получил и к нему генеральский чин в придачу?

- Мне подвезло...

- Ты прекрасно знаешь, что, не будь меня, и везения этого бы не было.

Лучше без разговоров утверди-ка эти награды. Я приказала писарям принести нужные наградные листы и на них зачеркнула твою резолюцию об отказе.

- Но в нем ведь что-то около ста человек.

- Я отобрала только те листы, где есть Варя Белая. В них всего десять человек с Утеса. Они с начала войны не получали ни одной награды!

- Утесовцам еще куда ни шло! - И генерал лениво подписал поданную ему женою бумагу.

- Я сегодня получила письмо от Лилые. Бедняжка под арестом. Его посадил за какие-то пустяки Кондратенко.

- Раз Кондратенко посадил, значит, за дело: Лилые твой большой жулик.

- Я думаю, что Лилые можно отпустить с гауптвахты, посидел он денек, и хватит с него.

- Маловато больно. Его на сколько посадил Кондратенко?

- На две недели. Я от твоего имени написала Роману Исидоровичу письмо с просьбой, если можно, освободить Лилые и поручить ему постройку хотя бы нашего блиндажа, а я за ним сама присмотрю.

- Много ты в этом понимаешь!

- Попрошу Сахарова помочь мне - не даром же он целый Дальний выстроил.

- Причем половину денег украл.

- Не пойман - не вор! Все инженеры - воры. Подпиши-ка письмо к Кондратенко. В нем ты не настаиваешь на освобождении Лилые, а только просишь, если он найдет это возможным. Понял?

Генерал махнул рукой и кряхтя черкнул какую-то закорючку на бумаге.

- Еще что? - спросил он.

- Еще тут нужна твоя подпись, - ткнула генеральша пальцем в бумагу.

- О чем она?
- Об отсрочке до конца войны платежей по налогам с имущества Тифонтая.
- Это меня не касается. Пусть обращаются к градоначальнику, он этими делами ведает.
- Он отказал, поэтому обращаются к тебе.
- Где сам Тифонтай? Поди к японцам обежал?
- Что ты, Анатолий! Он из Дальнего успел уехать на север в штаб наместника, а Сахарову выдал доверенность на ведение всех своих артурских дел.

Стессель подписал и эту бумагу.

- Теперь можешь спокойно спать. - И генеральша ласково поцеловала мужа в лоб.

Стессель сладко зевнул и повернулся на бок. Вера Алексеевна вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собою дверь.

В столовой ее ждал Сахаров.

- Все подписано; Василий Васильевич, - обратилась к нему генеральша, протягивая бумагу.

- Не знаю, как мне вас и благодарить, Вера Алексеевна, - расшаркался капитан, целуя руку превосходительной хозяйки.

- У меня к вам будет небольшая просьба. Мне нужны хорошие золотые серьги, желательно с бриллиантами, хотя можно и с рубинами, не особенно дорогие - рублей на пятьдесят, - проговорила Вера Алексеевна.

- Приложу все свои усилия, чтобы достать их. У меня осталось еще несколько старых знакомых среди ювелиров-китайцев. Они большие знатоки в таких вещах и, конечно, не откажут мне, - уверил капитан. - Как только найду что-либо подходящее, тотчас же доставлю вам.

- Буду вам крайне признательна. Серьги мне нужны для свадебного подарка дочери Белого, - пояснила генеральша, прощаясь с Сахаровым.

Через час, сидя в своем небольшом, но очень уютном особняке в Новом городе, Сахаров бесцветными чернилами условным шифром писал письмо Тифонтаю.

В нем он подробно сообщал об окончании ремонта поврежденных судов, о предстоящем выходе эскадры для прорыва во Владивосток, о розни между флотом и армией, о ходе работ по укреплению сухопутного фронта. В заключение он уведомлял об освобождении до конца войны от налоговых платежей всех его предприятий в Артуре и просил выслать просимые генеральшей серьги. "Цена по вашему усмотрению, - заканчивал Сахаров свое послание. - Налоги сложены на сумму около 50 000 рублей. Полагаю, что серьги могут стоить от 3 до 5 тысяч, так как в них очень заинтересована артурская Юнона".

Окончив письмо, Сахаров еще раз проверил шифр, скатал послание в тонкую трубочку и хлопнул в ладоши. Вошел старый нищий. Сахаров выслал денщика и с удивлением взглянул на нищего, который сразу распрямился и насмешливо взглянул на Сахарова.

- Мистер Сахаров, по-видимому, не ожидал меня видеть здесь и в таком виде? - спросил он.

- Вы очень сильно рискуете, ваше превосходительство, появляясь в Артуре.

- Война является сплошным риском. Мы, военные, к нему привыкли. Я буду изредка, когда найду нужным, появляться у вас. О моем здесь пребывании, конечно, никому не должно быть известно.

Сахаров только почтительно слушал своего собеседника и кивал головой в знак полного согласия. Затем японец взял письмо, ознакомился с его содержанием, униженно кланяясь капитану, бесшумно вышел из комнаты.

Оставшись один, Сахаров разразился целым потоком брани по адресу Томлинсона, Смита и Танаки.

"Мертвой хваткой держат меня за горло, и я бессилен перед ними. Выдать их невыгодно и крайне опасно. И я и моя семья могут погибнуть от руки наемных убийц", - с горечью думал капитан, шагая по своему кабинету.

В этот же вечер у Ривы собралась не очень многочисленная, но дружная компания. Праздновались сразу два события: свадьба Андрея с Ривой и

получение им наград за свои боевые подвиги.

Еще засветло пришли Желтова с Олей Селениной и Леля Лобина со Стахом Енджеевским. Они поднесли Риве большой столовый сервиз из китайского фарфора. Самый характер этого подарка говорил о том, что связь Ривы с Андрюшей они рассматривали как настоящее супружество.

- Мне даже неловко принимать от вас такие подарки, - сконфуженно протестовала Рива.

- Берите, дарим от чистого сердца, - ответила Желтова, целуя девушку. - Вам в семье он очень пригодится.

Моряки поднесли Риве цветы, а Андрюше - кортик в позолоченной оправе.

Прибывшие позже Борейко и Звонарев с трудом втащили в комнату огромную, чуть ли не в сажень высотой, бутылку, наполненную водкой. На ней честь честью красовалась этикетка Петра Смирнова с указанием емкости - десять ведер сорокаградусного хлебного вина. Головка бутылки была опечатана казенным белым сургучом, толстым слоем покрывавшим дюймовую пробку. В отличие от бутылок обычного типа в нижней части был устроен небольшой краник, через который можно было цедить водку.

- Наше с Сережей тебе искреннее пожелание, Андрюша, - чтобы у тебя было столько же счастья в жизни, сколько водки в этой бутылке, и чтобы жизнь твоя всегда была полна любви и счастья, как эта бутылка водкой, - сказал Борейко прочувствованным голосом.

- Откуда вы достали это чудище? - спросила его Рива.

- Осталась в качестве сувенира о пребывании в Артуре великих князей Кирилла и Бориса. Она была приготовлена специально по их заказу, но мартовская катастрофа помешала ее использовать по назначению. Я узнал о ней случайно, и мы решили преподнести ее вам с Андрюшей в знак нашей любви.

- Надеюсь, вы не собираетесь выпить водку в один присест? - осведомилась Рива не без тревоги.

- Не беспокойтесь, мы ее будем пить долго-долго.

Чтобы не раздавить обеденный стол гигантской бутылкой, ее поместили на специальной дубовой подставке. Борейко в качестве виночерпия сел возле нее, разливая водку по рюмкам. К удивлению всех, сам он ограничился только тремя небольшими рюмками.

- Решил отвыкать от водки, - пояснил он удивленной Риве.

- Не иначе как вы собрались жениться, - догадалась Оля.

- Дело не плохое, да кто за меня пойдет?

- Поищем, авось и найдем, - загадочно сказала Рива.

Борейко в ответ только оглушительно прокашлялся и поспешил перевести разговор на другие темы.

- Слышал я, что микадо вашего Витгефта наградил орденом Восходящего Солнца за блестящее выполнение десантной операции армии Оку, - обратился он к Акинфиеву.

- На его месте я наградил бы еще многих других, помимо адмирала, - вмешался Эллис, - прежде всего Ухтомского, Рейценштейна, Шенсновича: все они дружно поддерживали адмирала сегодня на совещании.

- Наши, Стессель с Фоком, тоже от них не отстали Допустили беспрепятственную высадку армии Оку. Зря сдали японцам Цзинджоу, подарили им Дальний, сейчас делают вид, что собираются защищать Артур, - продолжал Борейко. - На укреплениях казематы и блиндажи строятся не столько из бетона, сколько из глины, пушки установлены на позициях открыто - одним словом, все делается, чтобы ускорить падение Артура.

- К Стесселю надо прибавить еще и нашего Савицкого, и командира Пятнадцатого полка Грязнова, Гандурина и еще многих других, - заговорил до этого молчавший Енджеевский. - После Цзинджоу все они сперва решили бежать прямо в Артур и только по настоянию Кондратенко задержались на Юпилазском перевале. Моим донесениям, что японцы уходят на север, никто из них не поверил, а мне "за неточное выполнение приказа о прикрытии отхода после Цзинджоуского боя" закатали строгий выговор в приказе.

- Меня интересует, - опросила Желтова, - в Маньжурской армии дела

обстоят так же, как у нас, или лучше?

- Здесь Стессель и компания, там Алексеев и компания, хотя люди и разные, но сущность их совершенно одинакова. Следовательно, и дела обстоят тоже одинаково: у нас Цзинджоу, у них Тюренчен, тоже поражение беспорядочный отход, - ответил ей Евджеевский.

- Там хотя единоначалие есть, а у нас в Артуре Стессель одно, Смирнов - другое, Витгефт - третье, - заметил Звонарев, молчаливо сидевший в стороне.

- Григорович - четвертое, так как он не подчинен Витгефту, - пояснил Сойманов. - А, как известно, у семи нянек дитя всегда бывает без глаза.

- При таком положении вещей трудно рассчитывать на успех в войне, - с грустью проговорила Мария Петровна.

- Главный вопрос войны - обладание морем - пока что нами не решен в свою пользу. Правда, и японцы тоже не могут считать себя полными хозяевами в Желтом море, но бездеятельность нашего флота фактически передала инициативу в борьбе за обладание морем в руки японцев, - проговорил Стах.

- Да, наш Витгефт палец о палец не ударил, чтобы воспрепятствовать высадке японцев у Бидзиво, затем не помог армии в борьбе за цзинджоуские позиции, а сейчас спокойно наблюдает за тем, как японцы устраивают свою военно-морскую базу в Дальнем. Он является объективно предателем наших интересов в этой войне, - проговорил Эллис.

- Нельзя нас, молодежь, смешивать с Витгефтом и капитанами первого и второго ранга! Они прежде всего не знают современной техники, ибо как командиры выросли при парусном флоте. Наши корабли по своей конструкции отнюдь не хуже японских, особенно построенные за границей. Но плохо подготовленный командный состав не умеет их использовать как надо. Из морского корпуса нас выпускают плохо подготовленными к современной морской службе. Приходится дополнительно кончать потом артиллерийские, минные, штурманские классы, чтобы стать специалистом в одной из этих отраслей морского

дела. Подготовка матросовспециалистов поставлена еще хуже. Выезжаем больше на русской смекалке. В общем, и нам и матросам не хватает культуры для полного освоения современной морской техники, - разглагольствовал Сойманов.

- Короче говоря, в тысяча восемьсот семидесятом году Францию победил немецкий учитель, а теперь нас побеждает японский, - резюмировала разговор Желтова.

- Вывод из этого может быть сделан только один: необходима скорейшая смена образа правления, - живо проговорила Оля Селенина.

- Мы все верноподданные сыны своей родины и ради ее блага готовы на все, - заметил Сойманов.

- Кто как понимает это благо, - заметила Желтова.

- По-нашему, все, что может помочь нашей победе над японцами, то благо, - заметил Борейко.

- С таким определением мы все согласимся, - вмешалась Оля Селенина.

- С чем вас всех и поздравляем, - закончил Борейко. - Завтра же все вместе открутим головы Стесселю, Витгефту и всей их компании. Это, несомненно, будет очень полезно для нашей победы.

- Иногда бывают полезны и поражения, - заметила Оля. - Севастопольский разгром способствовал обновлению нашего государственного строя.

- Что не помешало, однако, нигилистам убить царяосвободителя, - заметил Сойманов.

- Не столько освободителя, сколько мучителя, - не сдавалась Оля.

- Вы, оказывается, довольно-таки зловредный комарик! - посмотрел на Олю с высоты своего саженого роста Борейко.

- Зато вы мне кажетесь довольно-таки ручным медведем.

- Ты не далека от истины, Оля, - заметила Рива. - Это предобрый медведище, хотя и хочет казаться страшным и сердитым.

- Ой, Андрюша, Сережа, Павлик - защитите! Меня при жизни собираются канонизировать, а я совсем не хочу превращаться в живые мощи, - с комическим ужасом воскликнул Борейко.

- Итак, эскадра все же на днях уходит в море, - сообщил Звонарев.
- Слава создателю! - в один голос воскликнули Борейко, Енджеевский и Сойманов. - Когда точно?

- На рассвете девятого июня, - сказал Эллис.

Куинсан, подававшая на стол, бросила на него быстрый взгляд и отвернулась. Андрюша заметил это и нахмурился.

- Принеси-ка мне чаю, - приказал он девушке, - и не толкись понапрасну здесь.

Служанка поспешила выйти из столовой.

- Выйдет вся эскадра или только ее часть? - любопытствовал Борейко.

- Выйдут все броненосцы, крейсера и оба отряда миноносцев. Если встретим лишь часть японской эскадры, то попытаемся ее разбить, - ответил Эллис.

- А если всю?

- Тогда боя не примем и ворвемся в Артур.

- Не очень-то вы храбры! Под Синопом Нахимов не спрашивал, сколько перед ним турок, атаковал их и уничтожил. А вы рассчитываете: много или мало будет японцев и что в каком случае делать, - иронизировал Стах.

- Там было другое соотношение сил, - начал было Эллис.

- А главное... дух был боевой, и во главе стоял не растяпа Витгефт, а настоящий боевой адмирал, - перебил его Стах.

- За здоровье нашего героя Андрюши! Пусть тебе с Ривой живется, как в раю, - чокнулся Борейко. - Горько молодым!

Все, смеясь, подхватили этот тост. Рива и Андрюша церемонно поцеловались. - Чей за нами черед? - спросила Рива.

- Стаха и Лели.

- А за ними?

- Вари и Сережи.

- А потом? - не унималась Рива.

- Оли и Бори! - в один голос воскликнули все присутствующие.

- Что-о-о? - одновременно взревел Борейко и запищала Оля.

- Это что-то новое! Наша Оля настоящая весталка и дала обет безбрачия,
- улыбаясь, проговорила Мария Петровна.
- Выйти замуж за такого медведя, как он! С ума надо сойти, чтобы такое представить себе, - возмутилась Селенина.
- Напрасно ты так говоришь, Оля! Он очень хороший, этот медведь, - обратилась к учительнице Рива.
- Только пьяница беспробудный, - отрекомендовал себя Борейко.
- Оля вас быстро к рукам приберет. Хотя сама и маленькая, но характер у нее огромный. Живо забудете о водке, - подтвердила Желтова.
- Ничего не возражал бы против этого.
- Так за чем же дело стало? - под общий смех спросил Акинфиев.

Так, смеясь и дружески шутя, гости еще долго сидели в уютной квартирке.

Звонарев был очень удивлен, получив на свое имя телефонограмму за подписью Жуковского, в которой ему предлагалось к двум часам дня прибыть на Электрический Утес, причем многозначительно добавлялось: "Форма одежды парадная, при оружии".

Когда Звонарев подъехал к батарее, то увидел, что рота выстроена во фронт. На правом фланге расположился оркестр. Во главе взводов находились офицеры, на левом фланге, вооруженный японской винтовкой, стоял Блохин, рядом с ним фельдшер Мельников, Шура Назаренко и Варя Белая. Наскоро поздоровавшись с Звонаревым, Жуковский приказал ему стать в четвертый взвод и тревожно ткнул пальцем в приближающуюся кавалькаду. Заняв свое место в строю, Звонарев увидел, что к батарее приближались верхом сразу четыре генерала. Стессель, Смирнов, Белый и Никитин, за ними двигалось человек двадцать свиты и конвоя.

Как только превосходительные гости спешили, Жуковский подал команду, музыка заиграла, солдаты вскинули винтовки на караул.

Генералы по очереди, начиная со Стесселя, поздоровались с ротой. Затем, став против середины фронта, Стессель громким голосом начал вызывать награжденных солдат.

Поздравив награжденных и поблагодарив их за службу, Стессель обратил внимание на Блохина.

- Откуда у тебя эта винтовка? - спросил он у солдата.
- Взял в бою под Цзинджоу, ваше превосходительство.
- Больно рожа у тебя похабная, бандитом смотришь. Под судом был?
- Он и сейчас в разряде штрафованных состоит, - доложил Жуковский.
- Напрасно представляли его к кресту, надо было сперва штраф с него снять. Что ты сделал под Цзинджоу?
- Винтовку японскую забрал, ваше превосходительство.
- Ты бы лучше живого японца взял.
- Я приколол его, ваше превосходительство, а винтовку взял.
- Какой же ты подвиг совершил?
- Сбил японскую пушку прямой наводкой при атаке города Цзинджоу, - доложил Жуковский.
- Что же ты об этом молчишь, дурак! - рассвирепел Стессель. - Герой, а морда арестантская. Вы за ним присматривайте, как бы снимать крест потом не пришлось. Ба! Жиденка вижу, - удивился генерал, увидев перед собой Зайца. - Ты-то что геройского мог совершить?
- "Под ураганным огнем артиллерии доставил обед на позицию, за убылью номеров стал за наводчика к орудию и до конца боя отражал атаки японцев", - по наградному листу прочитал личный адъютант Стесселя князь Гантимуров.
- Первый жид в Артуре, которому я даю крест, и, надеюсь, последний, - брюзжал Стессель.

Последними были вызваны Варя Белая и Шура Назаренко. Дойдя до Шуры Назаренко и увидев на ней медаль, Стессель спросил, от кого она ее получила, и, узнав, что от Макарова, поморщился.

- Он не имел права награждать тебя, раз ты работала в береговой части, а не в морской, ну да все равно - И генерал милостиво нацепил ей еще одну медаль.
- А тебе, стрекоза, - обратился Стессель к Варе Белой, - не следовало бы давать медали за твою дерзость, но...

- Без всяких "но", генерал! Оставьте медаль себе на память о вашей тогдашней грубости. Мне она не нужна, - выпалила Варя и, обойдя остолбеневшего от удивления генерала, сбежала вниз к своей лошади, вскочила на нее и вихрем понеслась от батареи.

- Варвара, вернись! - крикнул было ей вдогонку отец, но девушка только махнула в ответ рукой.

- Придется тебе, Василий Федорович, вместо медали наградить ее березовой кашей: совсем девка от рук отбилась! - сердито обернулся Стессель к Белому.

- За новых георгиевских кавалеров, ура! - закончил он.

Выходка Вари расстроила весь ритуал награждения. Пропустив роту мимо себя торжественным маршем, Стессель отказался от предложенной закуски и вместе со свитой тотчас же уехал. Солдаты вернулись в казарму, обсуждая происшедшее.

После завтрака Звонарев заторопился в город: ему хотелось повидать Варю и переговорить о случившемся. Девушку он застал за чтением.

- Изумительно интересная вещь! Почему нам в институте не давали таких книг? - встретила она Звонарева.

- Что за роман?

- Роман! Учебник физиологии для фельдшерских школ. Ну, что сделал Стессель после моего отъезда? Воображаю, как он обозлился! Папе я боюсь на глаза попасться. Представьте, этот дурак Гантимуров звонил мне по телефону, что завтра лично привезет мне злосчастную медаль. Я сказала, что немедленно выброшу ее в море. А жаль! - вздохнула Варя. - Так красиво - сестра с Георгиевской медалью.

- Ха-ха-ха-ха! - расхохотался Звонарев. - Зачем же вы от нее отказались?

- Принципиально! Чтобы не думали, что меня можно безнаказанно оскорблять.

В передней раздался звонок, и послышался голос Белого, спрашивающего о Варе.

- Она с Звонаревым, - ответила Мария Фоминична.

- Эта дрянная девчонка скандал сегодня устроила Стесселю на

Электрическом Утесе - отказалась от награды.

- Как так? Она ведь сама ездила к Стесселю хлопотать о ней!

- Ничего подобного, - вылетела Варя в переднюю, - я хлопотала за Звон... за солдат, а не за себя. А Стессель не смеет меня при всех называть стрекозой, как будто я маленькая, и говорить, что я не заслужила медали, - затараторила Варя и вдруг громко всхлипнула и залилась слезами.

- Имей после этого дело с бабами! - возмутился Белый и ушел в свой кабинет, сердито хлопнув дверью.

Звонарев, оставшись один, принялся рассматривать валявшиеся на столе старые журналы. Подождав, когда Варя с матерью ушли из передней, он хотел тихонько уйти.

- Вы уже уходите, прапорщик? - неожиданно окликнул его генерал из кабинета.

- Так точно. Разрешите откланяться.

- До свидания. И мой совет вам - никогда не женитесь на сумасшедших девчонках, которые и сами не знают, чего они хотят, - неожиданно добавил Белый, пожимая руку Звонареву.

Глава пятая

Утром седьмого июня, когда Звонарев приехал в штаб, Кондратенко протянул ему свежий, еще пахнувший типографской краской, номер местной порт-артурской газеты "Новый край".

- Наши морячки наконец-то раскачались и рискнули выйти в море, - указал генерал на одно из сообщений газеты:

ПРИКАЗ N 177 г. Порт-Артур 7 июня 1904 г.

Эскадра, окончив исправление судов, поврежденных коварным врагом еще до объявления войны, теперь выходит, по приказанию наместника, в море, чтобы помочь сухопутным боевым силам защищать Артур. С помощью бога и святого Николая-чудотворца, покровителя моряков, постараемся выполнить наш долг совести и присяги перед государем и разбить неприятеля, ослабленного гибелью на наших минах части его

судов. Маленькая лодка "Бобр" показала 13 мая (во время Цзинджоуского боя) пример, что можно сделать даже при самых тяжелых обстоятельствах. Да поможет нам бог.

Контр-адмирал Витгефт

- Но ведь все корабли еще в гавани, - удивился прапорщик. - И потом, что за странная манера печатать в газетах оперативные приказы?

- Газетчики народ шустрый, везде сумеют пролезть и все пронюхать, - улыбнулся генерал, - но все же надо будет указать редактору на недопустимость такого отношения к боевым приказам.

- Кто редактирует газету?

- Полковник Артемьев. Газета ведь официальная, казенная, - пояснил Кондратенко.

- Как офицер, он сам должен понимать недопустимость таких замечок, - удивлялся Звонарен.

- Кроме того, газета проходит через две цензуры: штаба Стесселя и штаба крепости - и все же, как видите...

- Ваше превосходительство, - обратился в это время один из писарей к генералу, - из редакции пришел рассыльный, просит газету вернуть обратно.

Ошибка какаято с ней вышла.

- Что за чепуха? Позови его сюда, - распорядился Кондратенко.

Через минуту в кабинет вошел молодой человек и учтиво поклонился.

- Вы меня звали, ваше превосходительство?

- Да, объясните, пожалуйста, почему вы обратно отбираете разосланные номера газет?

- По ошибке напечатали, что эскадра сегодня выходит в море, а она не выходит. Поэтому и приказано отобрать газету обратно, - словоохотливо пояснил посланец.

- Час от часу не легче! Не хотите вводить в заблуждение своих подписчиков, заодно и японцев, которые, конечно, очень исправно получают вашу газету? - усмехнулся генерал. - Я сейчас пару слов напишу редактору.

Вот, передайте ему эту записку и больше никому не рассказывайте, что эскадра не выйдет: это военный секрет.

- Весь Артур об этом знает, - оправдывался газетчик.

- Тем хуже, незачем было отбирать газету. Пусть бы все думали, что эскадра вечером, что ли, выйдет в море, - пояснил генерал. - Ну, Сергей Владимирович, поедem по фортам.

Около третьего укрепления Кондратенко и Звонарев нагнали Стесселя с его свитой - Никитиным, Водягой и Гантимуровым.

- Самотопы-то наши и впрямь вылезть из гавани собрались, - улыбнулся Стессель, здороваясь с Кондратенко. - Поддали мы им жару тогда на заседании. - Не верь им, Анатолий Михайлович, - отозвался Никитин. - Подымят, подымят в гавани и успокоятся. На большее у них смелости не хватит.

Кондратенко рассказал об инциденте с газетой.

- Изменники, предатели! - возмущался Стессель. - Сегодня же займусь этим.

Строящиеся укрепления издали были похожи на муравейник. Солдаты смешались с сотнями китайцев и растерянно толкались на тесном пространстве. Офицеров не было видно. Кто-то из солдат, увидя генералов, скомандовал "смирно".

Стессель, приподнявшись на стременах, зычно поздоровался. Ему отвечали все сразу - и солдаты и китайцы.

- Где господа офицеры? - спросил Стессель.

- Еще не пришедши, - ответили - из толпы.

- Зачтите их фамилии, - обернулся Стессель к своим адъютантам, - всем опоздавшим офицерам - по десять суток на гауптвахте!

Генералы поехали и начали обходить работы.

Работы по сооружению укрепления заканчивались. Назначением его являлось закрытие доступа в долину реки Лунхе. Укрепление имело вид пятиугольника с хвостиком в задней, горжевой части, было окружено ровом шириною в четырнадцать метров и глубиною в девять. По углам рва находились бетонные капониры, соединенные подземной галереей с

тыловой казармой, где должен был размещаться гарнизон форта. Валы имели высоту в две с половиною сажени и толщину в двенадцать сажень. Сверху они обкладывались мешками с землею, среди которых были сделаны бойницы для стрелков, но никаких козырьков для прикрытия не было.

Посредине внутреннего двора укрепления была расположена батарея из четырех шестидюймовых пушек. Орудия стояли совершенно не защищенные, лишь спереди едва прикрытые невысоким бруствером из мешков. В бетонных траверсах между орудиями были устроены снарядные и пороховые погреба и блиндажи для орудийной прислуги. Слева виднелась броневая башня морского типа для командира батареи, тут же, несколько позади, под правым бруствером форта, была устроена прочная бетонная казарма для полуроты артиллеристов. Но ни вентиляции, ни электрического освещения в казармах не было, равно как отхожих мест и кухни. Боеприпасы предполагалось размещать тут же в казарме, так как никаких специальных складов для них не существовали. Звонарев указал Кондратенко на все эти дефекты.

- Чушь! - услышав его, отозвался Стессель. - Это боевое укрепление, а не дворец, обойдутся и без вентиляции, не будет света, больше будут спать и набираться сил. В уборную могут ходить прямо в ров, авось до краев его не заполнят за время осады. Пищу надо подвозить с тыла. Я считаю, что форт закончен постройкой, - решил генерал.

- Нужно еще с неделю на окончательное приведение его в порядок, - возразил Кондратенко.

- Даю три дня. Сам приеду принимать укрепление. - И генерал направился к своей лошади.

В это время появился капитан Шевцов.

- Где вы были до сих пор? - накинулся на него Стессель.

- На соседнем укреплении, ваше превосходительство.

- Как только слез с лошади, вы должны были немедленно прибыть сюда!

Арестовать на двадцать суток! - орал Стессель.

- Я поручил капитану в срочном порядке закончить работу на соседнем

укреплении. Он уже двое суток находится там, - вступился Кондратенко.

- И все же капитан должен строго соблюдать правила воинского чинопочитания, - уже спокойно проговорил Стессель.

- В десятидневный срок окончим все работы, - доложил капитан.

- Перебросьте всех освобождающихся здесь рабочих на укрепление, чтобы окончить его в недельный срок, - распорядился Стессель. - Ну, я, Роман Исидорович, поеду к себе в штаб, - проговорил генерал.

Когда он уехал, Кондратенко ласково потрепал по плечу Шевцова.

- Не принимайте близко к сердцу, Алексей Владимирович, стессельюкой выходки. Ведь вы знаете, он бранчив, но отходчив. Не вы первый, не вы последний.

- Все это так, ваше превосходительство, но всему есть предел. На войне нервы иногда сдают, и тогда в ответ на брань он может подвергнуться также оскорблению, - взволнованно отвечал Шевцов.

- Твердо убежден, что ваши нервы не сдадут и вы сохраните свою всегдашнюю выдержку и спокойствие.

- Постараюсь, ваше превосходительство! Я хотел у вас просить на сегодняшний день прапорщика Звонарева, чтобы с ним посоветоваться по вопросам укрытия наших орудий.

- Если вы ничего не имеете против, я тоже приму участие в этом совете, - любезно проговорил генерал.

- Мы будем весьма польщены, - начал было Шевцов.

- Тогда пойдем сперва на форт номер три, а потом на ваше укрепление, - решил Кондратенко, и все трое двинулись.

Уже поздно вечером, усталый и голодный, Звонарев распрощался с Кондратенко и Шевцовым и заехал на Залитерную батарею. Работы там шли полным ходом при свете прожектора. Около батареи был разведен костер, возле которого стояла походная кухня. Тут же возились Заяц и Белоногов.

Поздоровавшись и отдав им свою лошадь, прапорщик спросил:

- Поручик где?

- На батарее. Ни днем, ни ночью сам не спит и другим не дает, -

жаловались солдаты.

Подойдя к месту работы, Звонарев тотчас услышал зычный голос Борейко.

- Трамбуй, черти, веселей, крепче бетон будет! Добавь тут еще два вершка.

Куда, голова елова, прешь, правей бери! - доносились крики с батареи.

- Здорово, Сережа! Что давно к нам не заглядывал? Возле Вари все сидишь?

Надоест это потом, когда на всю жизнь пришит к ней будешь.

- Новое придумай, Боря, да что-нибудь поинтереснее, - обиделся прапорщик.

- Ладно. Вот что, друг, мои ребята надумали тут одну штуkenцию, а только я не знаю - можно это делать или нельзя. Хохлы наши, Денисенко и Гайдай, предложили в бетон класть для большей прочности железные балки и рельсы.

Меня же сомнение берет - не проржавеют ли они в мокром бетоне. Денисенко, поди-ка сюда! - окликнул он проходившего мимо матроса. - Расскажи-ка прапорщику, как ты хочешь связать между собой рельсы.

- Просверлить их подошвы и взять на болты. Лебедкин первую партию уже собрал, получается вроде железной плетенки, - объяснил матрос. - И проржаветь рельса не должна, - дюже она толстая, не скоро ее ржа проест.

- Посоветуюсь с инженерами, что они скажут, - осторожно ответил прапорщик.

К ним подошел Жуковский.

- Опять наш Борис Дмитриевич по-своему хочет делать. По-моему, эти рельсы только ослабят бетон. Он будет не монолитным, а весь пронизан железом и при первом попадании станет отваливаться по кускам. Как вы считаете, Сергей Владимирович? - обратился капитан к Звонареву.

- По-моему, выдумка не дурна, но все же я спрошу инженеров. Не плохо было бы и вам так же свою батарею переделать.

- Ой, что вы! Мы и так по вашему приказанию без малого всю батарею

перестроили, а тут еще новая переделка. Бог не без милости, и на этих батареях выдержим осаду, если только японцы сюда доберутся. У вас там в высших сферах ничего не слышно о Маньчжурской армии? Что Куропаткин делает?

Скоро ли нас освободят от японцев? - спросил Жуковский.

- Насчет Куропаткина пока ничего не слышно.

Звонарев справился, как обстоит дело с освещением, вентиляцией и другим оборудованием.

- Все сделаем. На батареях у нас будет не хуже, чем на Электрическом Утесе. Водопровод и тот проведем. Нашли небольшой родничок, расчистили,

завели его в трубу, получилось чисто и хорошо. Днем жарища, солнце палит немилосердно, а у нас под руками всегда свежая вода, и работать веселее, - хвастался Борейко. - Если бы все батареи были такие, как моя Залитерная, никогда японец не взял бы Артура; строю я ее вместе с солдатами, с ними обо всем советуюсь, и они из кожи лезут, чтобы все было покрепче да получше. Звонарев пообещал исполнить все данные ему поручения и, сев на лошадь, тронулся в Артиллерийский городок.

На квартире он застал обед, присланный от Белых.

- Мария Фоминична предлагает нас с вами взять к себе в нахлебники, - пояснил ему Гобято. - Вернее, конечно, - вас, а меня только из приличия к вам пристегивает.

- Поэтому я решительно отказываюсь.

- Увы, я уже дал согласие и за себя и за вас и даже внес сто рублей, - улыбнулся Гобято, который заранее договорился обо всем с Варей.

Звонарев сердито вздохнул, но больше не протестовал.

Через день, когда Звонарев днем проезжал по Новому городу мимо домика Ривы, она окликнула его в окно.

- Сережа, поверните хотя бы голову в мою сторону, а то я на вас обижусь.

Загордились, сил нет. Еще бы, не сегодня-завтра станете генеральским зятем!

- смеялась она.

- Ривочка, хоть вы пощадите меня. Мне и так нигде не дают проходу, - взмолился Звонарев, останавливаясь у окошка.

- Слезайте-ка с лошади, поставьте ее во дворе и заходите к нам, - пригласила Рива.

Прапорщик въехал во двор, спешил, отпустил подпруги и, привязав лошадь чумбуром около сарая, весь пропыленный и пахнувший конским потом, развалистой походкой кавалериста, с плеткой в руках, вошел в комнату.

- Андрюша вас зовет, - сказала Рива из-за двери спальни.

Звонарев вошел в спальню. Акинфиев лежал на кровати.

- Что это ты валяешься среди дня? - удивился Звонарев.

- Собираюсь с силами перед походом.

- Каким походом?

- Завтра с рассветом выползаем наконец из Артура.

- Опять надуете?

- Нет, теперь уже без обмана. Вылезли бы на свет божий еще сегодня, да Зацаренный, командир "Победы", заболел желтой лихорадкой. Вместо него с ". Паллады" назначили временно Сарнавского, а на "Палладу" - с "Амура" Иванова.

Пока командиры приняли свои новые корабли, прилив прошел и пришлось ждать новой высокой воды до завтрашнего утра, - пояснил Андрюша.

- Как же это так? - изумился Звонарев. - Перед самым выходом корабля в бой на него назначают нового командира? Не проще ли было заболевшего командира заменить его старшим офицером?

- Что ты! Этого никак нельзя. Вышло бы, что броненосцем командует капитан второго ранга Рухлов, а капитан первого ранга Сарнавекий - всего только крейсером. Им было бы очень обидно, - совершенно серьезно возражал Акинфиев.

- В боевой обстановке не приходится считаться с личными обидами. Старшие офицеры знают всех и вся на корабле, и их все знают, поэтому

было бы рациональнее им и поручить командование кораблем в бою, раз заболел командир.

- Ты рассуждаешь по-сухопутному. У нас, моряков, такой порядок не принят.

- И очень жаль. Завтра заболеет лихорадкой или просто медвежьей болезнью еще какой-нибудь командир, и опять начнется перетасовка всех командиров на эскадре.

- У нас иначе нельзя, - пытался было еще возражать Андрюша, но сам понял несостоятельность своих возражений и замолк.

- Думаете вернуться назад в Артур или попытаетесь прорываться во Владивосток или нейтральные порты?

- Как наш Виля решит, а решит он в зависимости - какая из мозолей у него будет больше болеть: правая или левая. Я думаю, что даже сам бог не знает, что ему взбредет в голову.

- Интересно знать, кому же взбрело в голову назначить его командующим эскадрой?

- Наместнику. Но мы ждем приезда в Артур нового командующего флотом, адмирала Скрыдлова, да он застрял где-то по дороге. Совсем было уже сажился в поезд, да в это время какому-то матросу в Николаеве приснилась чудотворная икона божьей матери, которая будто бы должна спасти Артур. Сообщили об этом в Питер Победоносцеву. Тот решил, что прежде чем эта икона не будет написана, освящена и поднесена Скрыдлову, ему ехать сюда нельзя. Теперь не то икону эту пишат со слов сновидца-матроса, не то возят ее по каким-то мощам для освящения, а Скрыдлов в ожидании прохлаждается в Питере.

- Витгефту, может быть, тоже что-нибудь привидится во сне, и он опять не захочет выйти в море, - усмехнулся Звонарев. - Откуда ты узнал эту историю с иконой?

- Китайцы привезли на джонках несколько номеров газеты "Чифу-Пресс", там все это рассказано. Это столь невероятная чушь, что едва ли правда.

- Раз чушь, значит, - будь спокоен, - наверное, правда. Что-что, а всякая такая галиматья у нас очень в ходу.

Вскоре Звонарев распрощался и ушел.

Пора было идти на пристань, где Андрюшу ждала шлюпка с "Севастополя". Он и Рива крепко обнялись и вместе вышли из дому. Спотыкаясь в темноте, поддерживая друг друга, они кое-как добрались до пристани. Здесь уже расхаживал по набережной, поджидая их, сам командир "Севастополя" Николай Оттович Эссен.

- Прошу извинить меня за опоздание, господин капитан первого ранга, - подошел к нему Акинфиев.

- Я сам тоже только что подгрел сюда, Андрей Михайлович, - успокоил его Эссен. - Имею честь кланяться, сударыня! - поздоровался он с Ривой.

- Так вы, Николай Оттович, думаете, что эскадра вернется обратно в Артур?

- спросила Рива.

- Пути начальства неисповедимы, но угольные ямы ни на одном корабле не загружены полностью. Очевидно, во Владивосток мы не пойдем. Значит, или будем прорываться в нейтральные порты, или вернемся обратно, - ответил Эссен.

Отвалив от пристани, шлюпка исчезла в темноте.

Стессель был вне себя. Он ходил большими шагами по кабинету и потрясал только что полученной телеграммой о своем отзыве из Артура в Маньчжурскую армию.

- Вы все расшифровали верно, Виктор Александрович? - уже не в первый раз спрашивал он у Рейса.

- Ошибки быть не может, ваше превосходительство, - ответил полковник с невозмутимым видом. В противоположность своему генералу он был, как всегда, сдержан и спокоен. Его румяное, гладко выбритое лицо не выражало ни тени волнения. Серо-голубые пронизательные глаза холодно смотрели на взбешенного генерала.

- "Ввиду отхода войск вверенного вам района на передовые позиции крепости, предлагается вам немедленно по получении этой телеграммы сдать командование войсками генералу Смирнову, а самому, при первой возможности, выехать из Артура, используя для этого, если понадобится,

один из быстроходных крейсеров эскадры. Генерал-адъютант Куропаткин", - еще раз громко прочитал Стессель злополучную телеграмму. - Это все козни Смирнова и моряков. Они спят и во сне видят выжить меня из Артура! Но они просчитаются!

Стессель без боя не сдастся! Я еще сумею свести с ними счеты. Кто, кроме вас и меня, знает содержание этой телеграммы?

- Никто, ваше превосходительство! Я лично ее расшифровал.

- Но тут ведь имеется указание, что в, копии она послана Витгефту и Смирнову.

- Обе эти копии попали тоже к нам в штаб.

- Надеюсь, вы их не отправили по назначению?

- Не считал возможным это сделать без ваших на то непосредственных указаний.

- И прекрасно. Пока задержите их, а я обдумаю, что мне следует предпринять. Через час прошу вас зайти ко мне за распоряжениями, - отпустил генерал своего начальника штаба.

Как только Рейс ушел, Стессель с телеграммой в руках направился к жене.

По хмурому, расстроенному виду мужа Вера Алексеевна поняла, что произошло нечто весьма важное, и поспешила увести его в спальню, где у них всегда происходили секретные совещания.

- Что случилось? Фок отступает? Тебя подчинили морякам? Умер Куропаткин?

В России беспорядки? - засыпала мужа вопросами Вера Алексеевна.

Генерал молча протянул ей телеграмму. Нацепив на нос пенсне, генеральша медленно вслух прочитала ее два раза.

- Кто о ней знает, кроме тебя, в Артуре?

- Только Рейс.

Вера Алексеевна на минуту мрачно задумалась, а потом сразу расцвела.

- А зачем тебе ее получать, Анатоль? - уже весело спросила она.

- То есть как зачем получать, коль она уже получена? - не понял генерал.

- Но она ведь могла и пропасть. Ее мог выбросить за борт по дороге лодочник, когда его начали преследовать японцы, наконец, он просто мог погибнуть сам по дороге и не доставить этой телеграммы, - пояснила генеральша.

- Ничего не понимаю. Посланец благополучно добрался до Артура и передал почту по назначению. Он вернется в Чифу к консулу Тидеману и представит ему нашу расписку в получении почты.

- Вы слишком поторопились дать ему расписку.

- Может быть. Рейс еще не рассчитался с ним?

- Надо это узнать, а затем помешать лодочнику вернуться обратно в Чифу.

- Это не в моих силах. Да и какой в этом смысл?

- Какой ты непонятливый, Анатоль: вернувшись в Чифу, он сообщит Тидеману, что телеграмма тебе доставлена, а тот - г. Куропаткину... Если же он не вернется в Чифу, то Тидеман сочтет его погибшим...

- ...и пошлет другого.

- Ну, пока что - пройдет довольно много времени, и мы что-нибудь придумаем.

- Значит, лодочника, по-твоему, надо арестовать? - с трудом соображал Стессель.

- Особенно церемониться с ним не следует. Арестованный может быть потом освобожден и начнет рассказывать о своих приключениях.

- Так ты думаешь...

- Я не только думаю, но и твердо знаю, что глупее тебя в Артуре нет человека, - обозлилась Вера Алексеевна. - С посланцем я сама улажу дело, а ты вели Рейсу сейчас же уничтожить все копии с телеграммы и забыть, что он ее когда-либо получал. Понял?

- Значит, ты находишь, что ее следует скрыть?

- Слава тебе господи, сообразил-таки наконец.

- Но если Рейс разболтает?

- Он совсем не такой дурак, как ты, и прекрасно понимает, что, пока ты находишься в Артуре, ему обеспечено спокойное место начальника

твоего штаба, а если власть перейдет к Смирнову, то ему немедленно придется вернуться в свой полк.

Стессель стал постепенно понимать план своей жены: телеграмму скрыть, приказать Рейсу молчать, обезвредить лодочника и ждать, что будет дальше.

- Ты задумала рискованное дело, - обернулся он к жене.

- Во-первых, если все хорошенько заранее обдумать и предусмотреть, риска нет, а во-вторых, на войне без риска не обойдешься. Вызови сегодня же в Артур Фода и устрой совещание с ним и Рейсом, я тоже на него приду, - распорядилась Вера Алексеевна.

- Хотя я и не совсем понимаю, зачем это надо сделать, но раз ты так хочешь, будь по-твоему, - смирился Стессель и направился к двери.

- Прикажи Познанскому арестовать лодочника, якобы за утерю секретных бумаг, и обвини его в том, что он их передал японцам.

- Так его за это надо будет повесить? - удивился генерал.

- Одним человеком больше или меньше - все равно, но мы избавимся от нежелательного свидетеля.

- Так бы ты мне сразу и сказала, что лодочника надо вздернуть.

- Когда ты, Анатоль, поумнеешь? - сокрушенно вздохнула генеральша.

Генерал решительными шагами направился к себе в кабинет.

Лодочник был в тот же вечер арестован и, по приговору военно-полевого суда, повешен как японский шпион.

Рейс заверил генерала в своей скромности, и Стессель несколько успокоился. Полученное от моряков сообщение о выходе эскадры завтра в море окончательно вернуло начальнику укрепленного района утраченное было им душевное равновесие. А Вера Алексеевна включила в свой поминальный список новопреставленного раба божьего "имя же его ты, господи, веши".

Было еще совсем темно, когда суда эскадры поодиночке начали вытягиваться на внешний рейд. Сперва вышел караван тральщиков, за ним тронулись крейсера "Ночик" и миноносцы, позже вышли крейсера "Диана", "Аскольд" и броненосцы "Севастополь", "Полтава", "Цесаревич",

"Пересвет", "Победа" и "Ретвизан". В хвосте шли крейсера "Баян" и "Паллада". К восьми часам утра выход судов, продолжавшийся больше четырех часов, был закончен, и только около полудня эскадра двинулась с внешнего рейда в море. На правом траверзе ее, равняясь по головному броненосцу, шел отряд из семи миноносцев и двух минных крейсеров. Видимость все время была отличная, море оставалось совершенно спокойным.

Японцы маячили на горизонте, не решаясь подойти к эскадре.

Лейтенант Акинфиев находился рядом с Эссеном на переднем мостике броненосца "Севастополь" и в бинокль наблюдал за происходящим в море.

Около шести часов вечера, уже перед закатом солнца, на горизонте появился японский флот, шедший на пересечение русской эскадре. На всех судах пробили боевую тревогу, подняли стеньговые флаги и, подготовившись к бою, пошли на сближение с неприятелем.

Тихоходный "Севастополь" едва поспевал за идущим впереди "Пересветом".

Эссен нервничал, ругался и требовал от механиков увеличения числа оборотов.

- Не броненосец, а старая калоша, - ворчал он. - Андрей Михайлович, я попрошу вас следить за сигналами адмирала, - обернулся он к Акинфиеву.

- Есть следить за сигналами адмирала, - вытянулся лейтенант. - Разрешите отправиться на фок-марс, так как отсюда за дымом сигналы плохо видны.

Эссен разрешил, и Акинфиев с одним из сигнальщиков поспешил туда забраться. Здесь уже находился артиллерийский офицер лейтенант Диков с дальномером.

Андрюша огляделся. Солнце, близкое к закату, четко освещало безграничную водную равнину чуть взволнованного моря. На светлом фоне неба вырисовывались силуэты идущих в кильватер судов. Дым из многочисленных труб стлался по поверхности моря, вправо от эскадры,

закрывая весь горизонт. Слева, на расстоянии около семидесяти кабельтовых, на параллельном курсе шла японская эскадра из восемнадцати вымпелов. Впереди виднелись крейсера "Якумо", "Асама", "Касаги", "Читосе", "Такасико" и "Ниитака", за ними двигались главные силы: броненосцы "Микаса" под флагом адмирала Того, "Асахи", "Фуджи", "Шикишима" и броненосные крейсера "Ниссин" и "Кассуга"; шестие замыкали шесть легких крейсеров. Вдали на горизонте маячили десятка два миноносцев. В это же время справа показались идущие контркурсом четыре старых броненосных крейсера с броненосцем береговой обороны "Чин-Иен" во главе и еще около десятка миноносцев. Было очевидно, что Того успел собрать к Артуру все свои силы.

- Вот так неожиданный выход в море, - возмущался Андрюша. - Три дня собирались да полдня выходили из гавани - за это время японцы из-под Владивостока могли подтянуть сюда все свои силы.

- Да, почти шестьдесят вымпелов против двадцати наших, - отозвался Диков.

- Правда, у нас шесть броненосцев против их четырех, но этим и исчерпывается все наше преимущество.

- Какая у тебя дистанция? - крикнул Диков в мегафон дальномерщику в боевой рубке.

- Шестьдесят два кабельтовых.

- А у нас? - спросил он у своего дальномерщика.

- Пятьдесят девять кабельтовых.

- Что за черт! Какой же из них врет? - недоумевал артиллерийский офицер. - Это нужно было выяснить в Артуре до выхода в море, а не сейчас! - возмутился Акинфиев. - Идем в бой и даже не знаем, какой из дальномеров испорчен, а какой нет!

- Прошу без замечаний, господин Акинфиев, - окрысился Диков.

- Ваше благородие, - доложил в это время сигнальщик. - "Цесаревич" ложится на обратный курс.

Акинфиев взглянул на головной корабль. "Цесаревич" повернул на шестнадцать румбов и лег на обратный курс. За ним последовали

"Ретвизан", "Победа" и все остальные. Проходя мимо "Севастополя", "Цесаревич" поднял сигнал: "Идти за мной в Артур".

Акинфиев плюнул с досады и поспешил с докладом к Эссену. Командир ответил на сообщение бранью по адресу Витгефта.

- Завтра же отправлюсь к Стесселю и попрошу мне дать хотя бы роту в стрелковом полку, - сердито кричал он. - Быть сейчас моряком просто позорно!

Отступать без единого выстрела, без малейшей попытки завязать бой! Нет, это выше моих сил.

Как ни возмущался Эссен, все же ему пришлось подчиниться и вместе с эскадрой возвращаться назад в Артур.

Быстро темнело. Большие неприятельские суда, без выстрела заставив вернуться русскую эскадру в Артур, стали отставать и скоро скрылись в ночной темноте. Вместо них со всех сторон появились японские миноносцы, явно готовящиеся к атаке.

С "Цесаревича" был поднят сигнал: "Крейсерам держаться на правом траверзе, миноносцам - на левом". Прибавив ход, "Аскольд", "Баян", "Паллада" и "Диана" вышли вправо от броненосцев, а "Новик" влево от них и приготовились прикрыть главные силы от минных атак с флангов.

С "Цесаревича" опять засигналили уже по-ночному - фонарями.

- Приготовиться к отбитию минной атаки, - доложил Эссену сигнальщик.

- Бить дробь-тревогу! - приказал командир.

Матросы бросились к своим местам по боевому расписанию. Акинфиев направился в кормовую башню, где он должен был находиться во время боя. Там два комендора с матросами при свете слабых электрических лампочек возились у орудий, то и дело вглядываясь в ночную тьму. Оба орудия были заряжены, в беседках лежали приготовленные к следующему выстрелу снаряды.

- Ночью, братцы, японцы нам покою не даст, - обратился к матросам Акинфиев. - Придется вам находиться при орудиях, поэтому запаситесь провиантом. - Так точно, ваше благородие. Матросский дух через еду поднимается, - ответил лейтенанту артиллерийский квартирмейстер. -

Башкин и Гриценко, живо летите в камбуз, к баталеру за харчами!

Где-то впереди показался луч прожектора, и тотчас по морю пронесся гул орудийного выстрела, за ним другой, третий, и загрохотала сразу вся эскадра.

Акинфиев вышел из башни. По морю бегали многочисленные лучи прожекторов.

Впереди, на левом крамболе, смутно темнел Ляотешань. С берега, навстречу эскадре, тянулись тонкие светлые ленточки крепостных прожекторов. Крейсера опять вступили в, кильватер главным силам, и только "Баян", развивая ход до предельного, обгонял эскадру, чтобы идти форзейлем, миноносцы и "Новик" составляли арьергард.

- Любуется боевой картиной? - подошел к Акинфиеву один из офицеров.

- Не правда ли, красиво?

- Не столько люблюсь, сколько негодую, - сердито ответил Андрюша.

- Еще неизвестно, что дальше будет. Быть может, переночуем у Артура, а наутро поплывем прямо во Владивосток.

- Зачем же тогда делали сегодняшнюю прогулку?

- Чтобы поразмять и командиров и команды, а то ведь мы совсем замшели в артурской луже. Кроме того, японские миноносцы за сегодняшний день сожгут уголь, израсходуют воду и расстреляют свои мины, и им будет необходимо зайти в свои порты для пополнения. Следовательно, выдержав дневной бой с японцами, которые особенного преимущества в броненосных кораблях перед нами не имеют, мы за ночь проскочим Корейский пролив, а в Японском море нас встретят владивостокские крейсера.

- Угля у нас хватит на переход во Владивосток?

- Если понадобится, завтра с утра догрузим.

- Все это, конечно, вполне возможно, очень разумно и выполнимо, но при одном условии: чтобы эскадрой командовал не Витгефт.

- Миноносцы на левом траверзе! - крикнул один из комендоров в башне, и тотчас же оба орудия дали залп.

- Кто разрешил стрелять? Какой прицел? - кинулся Акинфиев к

комендорам и, не дожидаясь ответа, побежал на командирский мостик. С броненосца раздалось еще несколько беспорядочных выстрелов.

- Прекратить огонь! Не смей стрелять без команды! - ревел в мегафон Эссен.

Офицеры набросились на матросов и в первую голову на унтеров.

- За чем, сука, смотришь? - орал Диков в соседней башне на артиллерийского кондуктора. - Нашивки сорву!

Унтеры и кондукторы, в свою очередь, полушепотом злобно ругали матросов и угрожали им пиками и зуботычинами. Нарушенный было порядок постепенно восстановился.

Между тем эскадра, отбиваясь от наседавших на нее миноносцев, подошла уже к самому Артуру и стала вдоль берега в две линии, головой за Электрическим Утесом, а хвостом у Белого Волка. Крейсера расположились мористее броненосцев.

Мощные крепостные прожектора, расположенные на Крестовой горе и у Белого Волка, освещая эскадру с флангов, своими лучами образовали столь сильную световую преграду, что сквозь нее не мог проскочить незамеченным ни один японский миноносец. Каждый раз, когда они целыми отрядами бросались в атаку на русскую эскадру, их тотчас замечали и они попадали под сосредоточенный огонь береговых батарей и кораблей эскадры. Опасаясь потерь, японские миноносцы выпускали торпеды с большой дистанции и поспешно удалялись в море.

В результате ни одна выпущенная торпеда не достигла цели, а несколько японских миноносцев выбыло из строя.

Так совместными усилиями берега и флота все вражеские атаки были полностью отбиты.

Белый всю ночь находился на сигнальной станции у моряков и отсюда руководил огнем береговых батарей. На этот раз даже Стессель, наблюдавший за боем с Золотой горы, не мог не признать пользы взаимодействия берега и флота.

Около самого места стоянки "Севастополь" чуть не Протаранил впереди идущий "Пересвет" и, избегая столкновения, выкатился из строя влево.

Под ним произошел взрыв мины. Броненосец сильно вздрогнул и повалился на левый борт.

Огромный столб воды обрушился на палубу.

Андрюша Акинфиев в момент взрыва был в башне, которая тотчас же наполнилась тяжелым черным дымом и острым запахом. Из патронного элеватора тоже выбросило, огонь и дым. Лейтенант потерял сознание. Увидя падающего офицера, матросы бросились было к нему на помощь, но броненосец продолжал угрожающе крениться на левый борт, и они поспешно выскочили из башни.

В это время на палубе под командой Эссена энергично разворачивались работы по спасению корабля. Повреждения оказались незначительными. Спустив на воду гребные суда, матросы быстро подвели пластырь, и "Севастополь" полным ходом двинулся к берегу в бухту Белого Волна на мелководье.

Старший офицер доложил, что пробоина ниже броневых поясов, между двадцатым и тридцатым шпангоутами, и что, "кроме того, пришлось затопить вследствие Начавшегося от взрыва пожара патронный погреб и первую угольную яму, а заодно и прилегающие коридоры.

- Водонепроницаемые переборки выдерживают напор воды? - справился Эссен.

- Их сильно выпучило, но пока что они держат.

- Все же немедленно пошлите их укрепить.

- Лейтенант Акинфиев при взрыве отравлен газами, - доложил подошедший матрос, - их унесли в каюту.

- А - Сейчас же послать туда врача, - забеспокоился Эссен. - Как это его угораздило? Никто, кроме него, кажется, не пострадал?

- Еще два матроса бьют за борт, тоже газу наглотались, но те, должно, скоро очухаются, - добавил матрос. - Лейтенант Акинфиев еще слабый после ранения на "Страшном", они поэтому и сомлели.

Затем Эссен приказал затопить для выравнивания крена три коридора с правого борта и наблюдать за состоянием переборки у порохового погреба.

Через минуту загрохотала цепь отданного якоря, и броненосец, слегка вздрогнув, остановился.

Пока "Севастополь" справлялся с починкой своей пробоины, остальная эскадра была занята отбитием минных атак японцев.

Когда в четвертом часу утра на востоке начало светать, японцы поспешили уйти в море. Лучи прожекторов постепенно поблекли и растаяли в наступающей заре. На всех кораблях усиленно засемафорили, донося флагману о своих потерях и повреждениях. Вскоре к подорванному "Севастополю" подошло несколько портовых пароходов с мощными спасательными средствами. Прибыл и главный инженер порта Кутейников с бригадой рабочих. Водолазы немедленно осмотрели пробоину, которая оказалась площадью около четырех квадратных саженей.

- Счастливы вы отделались, Николай Оттович, - обратился Кутейников к Эссену. - Во тьме кромешной подвести пластырь под такую пробоину дело далеко не легкое. Кроме того, вы приняли на левый борт около тысячи тонн воды и легко бы могли совершить сальто-мортале килем вверх.

- Мы его избежали, затопив отсеки противоположного борта. Когда можно рассчитывать на окончательный ремонт корабля? - спросил Эссен у инженера.

- Минимум месяц, если не больше, так как вы в док не влезете, работы придется вести при помощи кессона, что требует больше времени.

- Для Витгефта и его компании это будет подходящим предлогом, чтобы еще месяц сидеть сложа руки в Артуре, - мрачно проговорил Эссен.

Около семи часов утра "Севастополь" на буксире был введен в гавань, где и ошвартовался у набережной.

Акинфиев едва добрался до квартиры Ривы и сразу слег. Врачи определили у него воспаление легких и признали положение тяжелым.

Утром десятого июня Звонарев с удивлением увидел, что эскадра почти вся вышла на внешний рейд, в гавани осталось всего два-три корабля, и те подтягивались к проходу. Сев на лошадь, он широкой рысью

направился к укреплению, носившему название Большого Орлиного Гнезда. Расположено было оно на второй линии сухопутной обороны, между вторым и третьим фортами, и считалось одним из основных узлов обороны. Вздрыбленная в небо, отдельно стоящая скалистая гора была увенчана сильным редутом и батареей дальнобойных шестидюймовых пушек Канэ. Естественная крепость этой позиции была так велика, что оборонительные сооружения здесь сводились лишь к постройке в скале казематов для гарнизона и пороховых погребов и насыпке стрелковых валов.

Со скалы открывался широкий вид как в сторону суши, так и на море, поэтому Орлиное Гнездо имело исключительно важное значение как передовой артиллерийский наблюдательный пункт. Учитывая это, Кондратенко уделял ему весьма большое внимание и часто бывал там. Сегодня Звонарев также должен был встретиться здесь с генералом. Подъехав к укреплению, прапорщик спешил и стал карабкаться по узенькой крутой тропинке вверх.

На Орлином Гнезде он застал много народу: кроме обычных рабочих, солдат и китайцев, занятых на работах по укреплению, сюда собралось много офицеров, служащих различных учреждений города, нортовых рабочих, внимательно наблюдавших за действиями эскадры и старавшихся угадать ее дальнейшие намерения.

- Сегодня наши морячки настоящие именинники, - проговорил Кондратенко, здороваясь с Звонаревым. - Весь Артур высыпал, чтобы поглядеть на эскадру.

Сам Стессель поскакал на Золотую гору с Белым и Никитиным.

- Я, откровенно говоря, не верил, что моряки выйдут из Артура, - признался Звонарев.

- И теперь приятно разочарованы? Дай бог им встретить не всю эскадру Того, а только ее часть. Со всей вашим, конечно, не справиться, частями же, быть может, как-нибудь и одолеют.

К ним подошли несколько человек инженеров и офицеров, и начался общий разговор.

- Наши адмиралы слишком трусливы, чтобы осмелиться принять бой; поверьте, как только они увидят эскадру Того, то обменяются с ним парой выстрелов и побегут до дому. Готов пари держать! - горячился Рашевский.

- Вы, Сергей Александрович, несправедливы, - возражал Кондратенко. - Громадное превосходство японцев на море заставляет Витгефта быть осторожным и не рисковать зря, поэтому-то он и не выходит в море.

Был уже полдень, когда эскадра наконец тронулась с внешнего рейда, провожаемая тысячами самых разнообразных напутствий. Кондратенко с Звонаревым поехали на Золотую гору для свидания со Стесселем.

- Выпроводили наконец-то самотопов в море, - радостно обратился Стессель к Кондратенко. - С самого утра жду здесь, когда они наконец уйдут.

Как только эскадра скрылась за горизонтом, Стессель двинулся домой" захватив с собой и Кондратенко.

Усталый Звонарев пошел к себе отдохнуть и лег спать.

Проснувшись поздно вечером, он подошел к открытому окну.

На него пахло ночной прохладой и запахом гниющих морских водорослей.

Весь Артур был погружен в вечернюю мглу, улицы слабо освещались молодым месяцем. Из порта доносился стук молотов и тяжелое дыхание паровых машин.

- Сергей Владимирович, ау! - окликнула Звонарева с улицы Варя. - Я уже с полчаса ожидаю, когда вы наконец проснетесь. Заходила два раза, и ваш денщик все время докладывает: "спать". Что вы ночью-то будете делать?

- Гулять, - ответил Звонарев.

- Я хочу вам показать заграничный журнал, где изображен Утес и Борейко.

Закройте окно и зажгите лампу, - распорядилась девушка.

Звонарев повиновался.

Девушка вошла, держа в руках стоику иностранных газет и

иллюстрированных журналов. Тут были "Норд Чайна дейли ньюс", "Шанхай пресс", "Джапан тайме" и, кроме того, несколько американских журналов.

Варя раскрыла один из них и показала снимок Электрического Утеса. Рядом в овале был помещен портрет смеющегося Борейко.

- "Электрейшен рок энд хер коммодор кептэн Борейко", - прочитала Варя. - Видите, как вашего Медведя возвеличили: сразу и в капитаны произвели, и сделали командиром Электрического Утеса. А здесь помещены и вы. - И Варя показала группу инженеров во главе с Кондратенко, среди которых Звонарев увидел и себя.

- Так это всего неделю назад нас снимал германский военно-морской атташе капитан Гопман. - удивился прапорщик.

- Есть снимки и поновее, - лукаво улыбнулась Варя.

Перелистывая журналы, они наткнулись на фотографию Стесселя, снятого во время раздачи наград на Электрическом Утесе.

- Кто же это снимал? - недоумевал Звонарев. - Я не видел ни одного фотографа.

- Да этот противный Гантимуров. Он разъезжает по Артуру да все и всех фотографирует. И потом свои снимки за приличную цену продает иностранным журналам, - мрачно проговорил подошедший к ним Гобято.

- Мало того, что у нас тут кишмя кишит японскими шпионами, им, оказывается, еще помогают личные адъютанты Стесселя.

- Если только сам Стессель не состоит на содержании у них, - добавил Звонарев.

Внезапно покой тихого артурского вечера был нарушен глухими раскатами отдаленного грома.

- Надвигается гроза, - заметила Варя. - Днем было слишком душно.

Гобято подошел к барометру и постучал по стеклу.

- Едва ли это гроза, вернее, с моря доносится гром орудийной стрельбы, - оказал он.

- В такой темноте ничего не увидишь и, во всяком случае, перепутаешь свои корабли с чужими. Нет, это, конечно, отдаленная гроза, -

настаивала Варя.

- Выйдем во двор, там должны быть видны зарницы, - предложил Звонарев.

Все трое спустились на улицу и пошли к набережной в порту. В юго-восточной части неба беспрерывно сверкали не то зарницы, не то отблески выстрелов.

- Видите, я права, - указала на них Варя.

Но гулко раздавшиеся один за другим четыре выстрела тут же рассеяли всякое сомнение.

- Эскадра с боем возвращается в Артур, - догадался Гобято. - Надо сообщить сейчас же об этом Василию Федоровичу. - И они поспешили к квартире Белых. Но генерала они застали уже садившимся верхом на лошадь.

- Папа, я с тобой, - попросилась Варя.

- Только живо, - ответил Белый. - Присоединяйтесь ко мне, господа, я еду на Золотую гору, - заторопился генерал и, не дожидаясь, рысью тронул свою лошадь.

- Пойдем-ка по прохладе, Сергей Владимирович, пешком, - предложил Гобято.

Они по крутой тропинке стали напрямик подниматься на Золотую гору. Эскадры еще не было видно, но свет ее прожекторов уже ясно проступал на горизонте. По мере ее приближения канонада усиливалась. Было очевидно, что эскадра идет под защиту береговых батарей, отбиваясь от японских миноносцев.

Белый хриповатым баском громко отдавал нужные распоряжения:

- Стрелять только Белому Волку. Стрелковой батарее и Утесу на предельных прицелах, чтобы не попасть в своих!

Солдаты-телефонисты и матросы-сигнальщики торопливо начали передавать это распоряжение на батареи.

Вскоре открыла огонь батарея Электрического Утеса, за нею загрохотала Стрелковая батарея и глуше отдаленная Двадцать вторая. Весь берег ожил, гремя то сразу целыми залпами, то одиночными гулками

выстрелами. Эскадра тем временем стала на якорь под берегом.

Никогда еще с самого начала войны Артур не слышал такой сильной канонады.

Выстрелы судов и батарей сливались в один сплошной гул. Стоявшие на рейде корабли казались большими факелами. Сухопутные батареи огненными полосами проступали на темном фоне берега.

Вскоре на Золотую гору подъехал Стессель. Едва успев слезть с лошади, он во всеуслышание разразился площадной бранью по адресу Витгефта и моряков.

- Если они с рассветом не уберутся обратно в море, прикажу береговым батареям перетопить всю эту сволочь! - кричал генерал.

- Мы не знаем еще, в каком состоянии эскадра, какие потери на судах. Быть может, она настолько сильно пострадала в бою, что ей необходимо было вернуться, - пытался урезонить его Белый.

- Запросите адмирала о потерях и доложите мне, - распорядился Стессель.

Вскоре ему доложили, - что на эскадре потерь нет и только "Севастополь" случайно подорвался на mine. Это сообщение вызвало у генерала новый припадок бешеной ругани по адресу флота.

- Труссы, подлые изменники! С рассветом я пошлю Витгефту ультиматум: или немедленно уходить в море, или я обстреляю их с берега. Пусть все батареи будут готовы к этому! - приказал генерал.

Все же к утру эскадра втянулась на внутренний рейд, и корабли снова мирно задымили в артурском рейде гавани.

Возвращаясь домой вместе с Никитиным, Стессель проезжал мимо Пресного озера. Русские и китайские ребята, громко смеясь, бросали с берега камни в воду. На воде плавали какие-то разноцветные пятна, в которые мальчишки старались попасть. Никитин удивленно всматривался и никак не мог понять, что собою представляют эти движущиеся желтые, красные, голубые предметы. Наконец он подозвал к себе одного из мальчиков.

- Что вы здесь делаете? - строго спросил у него генерал.

- Лягушек надуваем.

- То есть как это надуваете? - недоумевал Никитин.

- Ловим лягушку, вставляем ей в задний проход соломинку и через нее надуваем. Затея бросаем ее в воду, она хочет нырнуть, воздух ее не пускает.

Мы в них бросаем камнями, а чтобы заметнее было, красим в разные цвета, - деловито пояснил мальчик.

Генерал громко расхохотался.

- Вот если бы ты, Анатолий Михайлович, мог так же надуть наших самотопов и затем выгнать бы их в море. Авось тогда бы Витгефт осмелился вступить в бой с японцами!

И оба генерала отъехали, громко смеясь.

Вечером одиннадцатого июня к Стесселю приехали с передовых позиций Фок и начальник штаба района полковник Рейс. Друзья сидели в кабинете генерала, тут же находилась и Вера Алексеевна с неизменным рукоделием.

Стессель показал телеграмму Куропаткина об отзыве из Артура и сообщил о принятых по этому поводу мерах. Выслушав его, Фок молча походил по комнате и затем своим неприятным скрипучим голосом проговорил:

- Одной телеграммой дело, конечно, не ограничится. Тидемап будет тебя бомбардировать ими, пока не добьется извещения, что ты их получил. Конечно, с ответом торопиться не следует; чем больше пройдет времени, тем труднее тебе будет уехать отсюда: японцы подойдут к суше, а море забросают минами.

Надо все же составить ответ и, в случае повторения телеграммы, сразу же послать его. Ответ я заготовлю сегодня вместе с Виктором Александровичем.

- Надо как следует продумать каждую фразу, каждое слово, - заметила Вера Алексеевна.

- Мы, конечно, его внимательно обсудим на нашем, так сказать, полусемейном совете, - с улыбкой ответил Фок. - С кем-кем, а с вами,

многоуважаемая Вера Алексеевна, посоветоваться всегда полезно.

Фок и Рейс стали прощаться.

Едва они успели выйти, как перед домом Стесселя остановилась коляска и из нее вышел Эссен. Он был в парадной форме, при орденах, в белых перчатках, с палашом, в треуголке.

- Весьма рад видеть вас, Николай Оттович, - приветливо встретил его генерал, высоко ценивший общеизвестную храбрость Эссена.

- В свою очередь, спешу засвидетельствовать вашему превосходительству глубочайшее уважение, - расшаркался моряк. - Прибыл я по личному и к тому же не совсем обычному делу.

- Всегда готов оказать вам, Николай Оттович, возможное содействие, - продолжал трясти руку Эссена генерал. - Прошу садиться.

Собеседники уселись друг против друга в мягкие кресла.

- Как известно, конечно, вашему превосходительству, эскадра после короткой прогулки в море вернулась в Артур. У адмирала Витгефта не хватило мужества и решимости, чтобы вступить в бой с японцами, - начал рассказывать Эссен. - Все это привело меня к решению покинуть флот и перейти в армию, которая по-настоящему ведет войну с врагом, а не бежит от него, как наша эскадра. Я приехал просить ваше превосходительство принять меня на службу в один из стрелковых полков хотя бы ротным командиром.

Стессель порывисто встал и горячо пожал руку Эсену.

- Вы благороднейший человек, Николай Оттович. Я вполне разделяю ваше возмущение действиями адмирала Витгефта и потрясен и взволнован честностью и благородством вашего порыва. Если бы все морские начальники держались таких же взглядов, то наш флот давно главенствовал бы на море. Я буду счастлив видеть вас в числе своих подчиненных. Как только вы освободитесь от обязанностей командира броненосца, вам будет предоставлена должность сперва помощника командира полка, чтобы, вы могли приобрести известный опыт командования, а затем вы получите первый освободившийся полк.

- Я не смею рассчитывать на столь быстрое повышение по службе, ваше

превосходительство; ведь я моряк.

- Храбрость и находчивость, которыми вы заслужили себе общее уважение, являются лучшим залогом успешности вашей деятельности как командира любой войсковой части.

- Я до глубины души тронут таким отношением ко мне, ваше превосходительство, - прочувствованным тоном ответил капитан и стал прощаться, но тут появилась Вера Алексеевна.

- Я все слышала, Николай Оттович, - проговорила она, здороваясь с Эссеном, - и также восхищаюсь вашим благородным поведением. Прошу в столовую на чашку чая.

Когда через час Фок и Рейс пришли к Стесселю, они застали моряка, который с горечью все еще рассказывал о всех перипетиях минувших суток. После отъезда Эссена все перешли в кабинет. Фок достал из бокового кармана сложенную вчетверо бумагу.

- Мы набросали текст ответной телеграммы Куропаткину. "Ваше высокопревосходительство Алексей Николаевич..."

- Надо вставить "высокопочтимый", - перебила Вера Алексеевна.

- Можно, - ответил Фок и карандашом вставил в текст нужное слово.

- "Ваше высокопревосходительство высокопочтимый Алексей Николаевич, предписание номер - там видно будет какой - я получил вчера. Предписание это меня крайне поразило, и я решаюсь высказать вам все то, что сопряжено, по моему глубокому убеждению, с немедленным его осуществлением. Меня хорошо знают, все войска..."

- Тут надо добавить: "любят меня и верят мне", - опять вставила Вера Алексеевна.

- Справедливое замечание, - согласился Рейс.

- "... меня хорошо знают все войска, любят меня и верят мне, - продолжал Фок, - мой отъезд породит общее уныние..."

- Это как сказать: Смирнов, Витгефт и компания очень даже будут обрадованы, - бросил с места Стессель.

- Зато все честные люди будут огорчены, - возразила Вера Алексеевна.

- "... породит уныние, что теперь самое опасное, и упадок духа. Я

неоднократно просил наместника разрешить мне выехать к корпусу, просил и в день его последнего отъезда..."

- Он уехал так быстро, что я даже не успел с ним повидаться, - проговорил Стессель.

- Это роли не играет, - ответил Фок, продолжая чтение: - "... но он категорически мне в этом отказал. Тогда, при обстоятельствах относительно спокойных, мне можно было выехать, теперь же, в такой острый период блокады, нельзя..."

- Хорошо, - одобрила генеральша.

- "Генералы Фок, Кондратенко, Белый, Никитин, Надеин дружно и от души работают со мной..."

- По-моему, Надеина можно вычеркнуть, - заметила Вера Алексеевна, - а надо включить Виктора Александровича, - кивнула она на Рейса.

- Я поместил только генералов, - пояснил Фок, - а то надо будет перечислять всех командиров полков.

- Тогда опять добавьте: "и верят мне", - настаивала генеральша.

- "... Генералы Фок, Кондратенко, Белый, Никитин дружно и от души работают со мной и верят мне". - Фок взглянул на Веру Алексеевну, которая одобрительно кивнула ему головой.

- "... Положение мое здесь, разумеется, гораздо труднее командования в поле. Повторяю, я просил разрешения уехать, когда это было возможно без ущерба для дела. Теперь же докладываю: будет большой ущерб делу, если я уеду отсюда. Если же мой отъезд из Артура все-таки будет признан необходимым, то сочту своим долгом принять все меры к выполнению вашего распоряжения, хотя в настоящее время сообщение Артура с внешним миром с каждым днем становится все затруднительнее вследствие усиления надзора со стороны японцев за всеми выходящими от нас судами. Да хранит вас господь на славу царю и родине", - кончил Фок.

- Конец надо переделать, - не согласилась Вера Алексеевна: - "Да хранит вас господь на славу обожаемого монарха и горячо любимой родины".

Фок тут же внес предложенные изменения.

- Теперь я, с вашего разрешения, ваше превосходительство, все это зашифрую, чтобы в любой момент, когда понадобится, телеграмму можно было отправить в Чифу, - проговорил Рейс.

- Хорошо, я надеюсь, господа, на вашу скромность, - обратился Стессель к гостям.

- Само собой разумеется, - поспешили заверить генерала Фок и Рейс.

От Стесселя Эссен отправился на "Цесаревич" к Витгефту. Адмирал принял его, как всегда, с добродушной любезностью.

- Не везет вам, Николай Оттович, - посочувствовал он. - Из всей эскадры вчера пострадал только один ваш "Севастополь".

- Зато вам, ваше превосходительство, очень везет, - в тон адмиралу ответил Эссен. - Ночью без тралов стали на внешнем рейде, и только один мой "Севастополь" пострадал, а могло быть много хуже.

- Царица небесная и Николай-угодник сохранили остальные корабли, - прочувствованно проговорил Витгефт и взглянул на висевший в каюте образ Николая-чудотворца - покровителя моряков.

- Угодники - угодниками, но надо и самому обдумывать свои решения. Я вот и сейчас в толк не возьму, почему вы бежали в Артур от японской эскадры? - зло сказал Эссен.

- Нельзя было рисковать вступать в бой при почти тройном превосходстве сил противника, - пояснил адмирал.

- Я хотел вас, ваше превосходительство, спросить: долго вы еще намереваетесь сидеть в Артуре?

- Во всяком случае; до починки "Севастополя" я в море не выйду.

- Боюсь, что и после починки его тоже не выйдете.

- Будь моя воля - я вообще бы в море не выходил. В Артуре флот будет целее.

- Я прибыл к вам, чтобы заявить, что я совершенно не одобряю вашего образа действий и считаю вчерашнее поведение эскадры позорным, - одним духом выпалил Эссен.

- Это дерзость с вашей стороны! - вскипел адмирал.

- А отступление в Артур без единого выстрела с вашей стороны, по-

моему, является предательством!

- Я принужден буду списать вас с эскадры, капитан Эссен, - покраснел Витгефт.

- Вот мой рапорт об этом, - протянул Эссен бумагу адмиралу.

Тот взял его дрожащими от волнения руками и начал читать.

- "Не считаю возможным дальше служить на флоте... прошу списать...

намерен перейти в армию..." Вы не "вполне здоровы, Николай Оттович! Вы и армия! Лучший командир в эскадре и вдруг командует пехотной ротой! Да вас и Стессель не возьмет к себе, вы ведь знаете, как он ненавидит моряков, - растерянно бормотал Витгефт.

- Я был у него, генерал принял меня с распростертыми объятиями и пообещал назначить сперва помощником командира полка, а затем дать полк.

- Вы были у Стесселя? - выпучил от удивления глаза Витгефт. - Просили у него перевода в армию?

- Так точно, ваше превосходительство! Армия хоть не убегает от одного вида японцев и решается вступать с ними в бой, - четко проговорил Эссен.

Адмирал сразу обмяк.

- Что вы наделали, Николай Оттович! - плаксивым тоном проговорил Витгефт.

- Бог вам судья, но я не заслужил на старости лет такого позора, который вы обрушили на мою голову. Вы, лучший командир в эскадре, вы, моряк до мозга костей, уходите в армию; ведь за вами потянутся если не старые командиры, то, во всяком случае, вся молодежь, начнется повальное бегство с кораблей, на радость Стесселю и Того, - совсем растерялся адмирал. - Николай Оттович, голубчик, уважьте меня, старика, возьмите свой рапорт обратно и сообщите Стесселю, что вы раздумали, - взмолился Витгефт.

- Ваше превосходительство мне гарантирует, что эскадра при первой возможности выйдет в море? - поставил вопрос ребром Эссен.

- Ну, как я вам могу это обещать! Японцы нас перетопят, а сами при этом

останутся целы, - истерически крикнул Витгефт. - Прикажут - пойду, но пойду не побеждать, а умирать. Возьмите обратно ваше прошение, Николай Оттович, а я постараюсь, как только "Севастополь" будет исправлен, при первой же возможности направить вас в море.

Эссен нехотя взял свой рапорт обратно.

- И Стесселю сообщите, что пока что раздумали переходить в армию и надеетесь еще повоевать с японцами в море, - упрасивал "а прощанье адмирал.

Вскоре после ухода Эссена к Витгефту, продолжавшему тяжело вздыхать и молчаливо ерошить свои стриженные ежиком полуседые волосы, пришел его начальник штаба Матусевич. Недавно произведенный в адмиралы, эпикуреец и жуир, он всегда находился в прекрасном расположении духа.

Матусевич сразу заметил расстроенный вид адмирала.

- О чем задумались, Вильгельм Карлович, чем опечалились?

- Совсем сейчас меня вывел из равновесия Эссен. Подал рапорт о списании в экипаж! Хочет из флота переходить в армию! Насилу уговорил подождать, пока его "Севастополь" починят.

- Только-то! Стоило из-за таких пустяков огорчаться. Не беспокойтесь, покипятится и остынет.

- Он сегодня к Стесселю ходил просить о переводе в армию.

- Ну, а тот что?

- Принял его с распростертыми объятиями...

- ...и стал еще сильнее ругать моряков вообще и вас в частности!

- Без этого, конечно, не обошлось. Опять кляузничать на нас начнет Куропаткину и наместнику.

- Не обращайтесь внимания на это, Вильгельм Карлович, брань на ворота не виснет. Помните, как в романсе: "Пускай бранят, пускай смеются, мне все равно, мне все-е-е-е ра-а-авно-о-о", - мягким баритоном пропел Матусевич. - Если бы вы слышали, как вчера этот романс пела княгиня Ливен. Чудно!

- Да вы, Николай Алексеевич, кажется, не на шутку ею увлечены? - уже

начал улыбаться Витгефт.

- "Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны", - продекламировал Матусевич, лихо закручивая усы.

- Смотрю я на вас, Николай Алексеевич, и завидую вам: сколько в вас бодрости и жизнерадостности, никогда-то вы не унываете.

- И вам, дорогой Вильгельм Карлович, не советую.

- Чем вы меня сегодня огорчите? - ткнул Витгефт пальцем в папку с бумагами, которую принес с собой Матусевич.

- Я раз навсегда положил за правило - никакими бумажками не огорчаться и вас не огорчать: не стоят они этого. Сегодня только одна интересная бумажонка от наместника. Вот она! - Матусевич вытащил из папки коротенькую телеграмму и подал ее Витгефту.

- "Ввиду поступающих к нам сведений о недопустимом для военачальника упадке духа у генерала Стесселя, прошу сообщить ваше откровенное мнение о пригодности его к занимаемой должности. Алексеев".

- Вот так фунт! Что же мы ответим на эту телеграмму? - задумчиво спросил Витгефт.

- Ответ, по-моему, ясен: Стессель большая сволочь, и чем скорее его уберут из Артура, тем лучше.

- Нельзя, нельзя, так будет грубо.

- Я не говорю, чтобы дословно писать так, но...

- Как бы только Стессель не пронюхал об этом, а то совсем нам житья от него не станет!

- Бог не выдаст, Стессель не съест!

- Я подумаю, как ответить, - отодвинул бумаги Витгефт.

В это время вошедший вестовой доложил, что обед подан. Оба адмирала поспешили прервать свой разговор и направились к столу.

- Вы попробуйте это токайское, Вильгельм Карлович. Так и согревает желудок. А какой букет, только понюхайте! Нектар, а не вино! Специально вчера у Чурина старший приказчик для меня отыскал в подвалах, - перевел разговор Матусевич и, понюхав вино, с чувством

выпил свой бокал. Витгефт последовал его примеру, мелкими глотками попивая вино. На лице его разлилась блаженная улыбка.

- Да, вы правы, Николай Алексеевич! Редкостное вино! - И оба адмирала валили себе еще.

После обеда адмиралы разошлись по ОБОИМ каютам, в одиночку выпить по чашечке черного кофе с ликером и всхрапнуть потом с полчаса в мягком кресле.

Уже совсем стемнело, когда Витгефт проснулся. Он сладко потянулся, разминая затекшие члены, взглянул в потемневшее по-вечернему стекло иллюминатора и встал на ноги. Было около девяти часов вечера.

"Однако заспался я сегодня", - подумал адмирал и позвонил.

- Попроси ко мне адмирала Матусевича, - приказал Витгефт явившемуся на звонок матросу.

- Есть! - ответил матрос и поспешил выйти.

Матусевич явился с проектом ответа наместнику на запрос о Стесселе.

- Мы можем очень насолить Стесселю, дав ему соответствующую характеристику на запрос наместника! - злорадно хихикал Матусевич.

Витгефт несколько раз внимательно прочел текст и задумался.

- По совести говоря, Стессель плохой генерал и плохой человек! - наконец задумчиво проговорил адмирал. - Но боюсь только, что сейчас во мне сильно чувство личной обиды. Нет, отложу дело до завтра! Там будет виднее.

- Надо отвечать немедленно! Ночью "Лейтенант Бураков" уходит в Инкоу,

- напомнил Матусевич.

- Очень резко, Николай Алексеевич, у вас написано! Надо мягче и объективнее, чтобы не подумали, что я свожу со Стесселем личные счёты! - заволновался Витгефт. - Лучше ответим так: "По совести считаю, что у Стесселя нет твердой уверенности, что с помощью наличных средств он сумеет отстоять Артур, быстро меняет свои убеждения и настроения под влиянием обстановки и окружающих лиц. Авторитет имеет лишь в силу старшинства. Всю надежду защиты Артура возлагает только на флот, для личного командования крепостью не пригоден."

Витгефт".

Глава шестая

В теплое солнечное утро Кондратенко вместе с Рашевским и Звонаревым приехал на Залитерную батарею. Борейко встретил генерала раскатистой командой "смирно" и доложил о проводимой им работе. Осмотрев укладку рельсов в бетой, Кондратенко остался очень доволен.

- Весьма остроумно. Было бы желательно по такому сооружению произвести опытную стрельбу из шестидюймовых мортир: если свод выдержит, значит, все в порядке! Прошу об этом Василия Федоровича.

- Совершенно излишне, ваше превосходительство. Такое сооружение раза в полтора прочнее обычного бетона, - вмешался Рашевский.

- Рельсы вы откуда достали? - осведомился Кондратенко.

- Из тупиков станции. Там валяется много старых и ржавых, - ответил Борейко.

- Весьма удачная мысль пришла вам в голову, поручик, - обернулся к нему генерал.

- Не мне, ваше превосходительство, а моим солдатам.

Кондратенко серьезно посмотрел на Борейко.

- Весьма ценно ваше умение прислушиваться к советам и пожеланиям солдат, поручик, - с чувством пожал руку Борейко генерал. - К сожалению, далеко не все офицеры понимают важность внимательного отношения к мнениям нижних чинов. Покойный адмирал Макаров разделял эту точку зрения, что было весьма лестно для меня! Ваше имя и отчество?

- Борис Дмитриевич.

- Благодарю вас, Борис Дмитриевич! Не сомневаюсь, что под вашим руководством батарея будет действовать образцово! Теперь же позвольте откланяться.

Поднявшись на горку, на обратном скате которой была сооружена батарея, Кондратенко стал в бинокль рассматривать лежащие впереди укрепления: Китайскую стенку, батарею литеры Б, Куропаткинокий люнет

и дальше форт номер два. На всех этих укреплениях копошились люди, вдоль идущих к ним дорог медленно ползли повозки со строительными материалами; у батарей Малого Орлиного Гнезда виднелась длинная лента белых рубах матросов, влекущих за собой на громадном лафете снятые с судов морские орудия. Вдали темной грядой синели подходящие к Артуру отроги Зеленых гор, а сзади, между сопок Скалистого Кряжа, мелькала лазурная гладь артурской бухты.

- Чертовски трудный для укрепления рельефа! - сокрушался Кондратенко. - Изволь фланкировать все мертвые пространства, которые здесь имеются! Для этого надо по меньшей мере тысячу орудий, а у нас нет и пятисот! Придется на каждом участке иметь противоштурмовые взводы полевых пушек в запряжке, чтобы бросать их, куда понадобится. Заметьте себе это, Сергей Владимирович, - обернулся генерал к Звонареву. - При встрече с Белым надо будет обсудить этот вопрос.

Затем все пошли на батарею литеры Б. В отличие от Залитерной она была долговременной профили и сплошь бетонная. Жуковский, увлеченный примером Борейко, снял земляное перекрытие с бетона, сколот часть его и, перекрыв слоем рельсов, сверху забетонировал, что очень укрепило оводы. Все орудия были перекрыты сверху прочными козырьками, что делало батарею мало заметной спереди.

Кроме Жуковского, на батарее оказался инженер - капитан Шевцов.

- Я, ваше превосходительство, все время ломаю себе голову над вопросами маскировки батарей и укреплений. Свеженасыпанные валы весьма сильно демаскируют укрепления, поэтому я в виде опята хочу их после трамбования полить жидкой охрой, она как раз подойдет под фон местности. Затем надо наши форты и батареи связать не воздушным телефонным проводом, а подземным. У моряков есть медный кабель для гальванических мин, думаю его использовать для этой цели.

- Изобретайте, изобретайте, Алексей Владимирович! - поощрил Кондратенко.

- Если весь гарнизон крепости, от солдат до генерала, начнет думать, кат" ее лучше укрепить, то, несомненно, сделают ее неприступной: одна

голова хороша, две лучше, а тысяча и совсем прекрасно!

Обойдя батарею, Коадратенко остался очень доволен всем виденным и благодарил капитана за работу. Благодарность генерала растрогала Жуковского, и он пригласил генерала почаще заглядывать к нему.

- У вас и так все идет хорошо, Николай Васильевич. Мне совсем незачем ездить сюда. У нас есть много прорех, где мое присутствие безусловно необходимо, - с улыбкой прощался генерал, садясь на лошадь.

- Удивительно милый человек, - успел шепнуть на ухо Звонареву Жуковский.

- Даже как-то не верится, что он генерал!

Вскоре Кондратенко и его спутники заметили несущихся навстречу во весь карьер всадников. Впереди, низко нагнувшись к луке, скакал Белый. Он наотмашь рубил шашкой мелкий кустарник. За ним, порядочно отстав, неслась Варя, тоже воинственно размахивая казачьей шашкой. Когда Белый подскочил к Кондратенко, его раскрасневшееся лицо было полно молодого оживления и задора.

- Приятно иногда немного размяться и потряхнуть стариной, - весело пояснил он, приглаживая свои растрепавшиеся длинные усы. - Что ты, Варвара, ни говори, как ни скачи, - обернулся он к подъехавшей дочери, - но все же ты - девка, и такого старого казака, как я, тебе не перегнать. - Давай поменяемся лошадьми, так я, папа, тебя обскачу, как стоячего, - задорно предложила девушка, оправляя волосы. - Зачем только я девчонкой уродилась! - горестно вздохнула она, здороваясь.

- А что бы вы сделали, если бы были мужчиной? - спросил прапорщик.

- Прежде всего женилась бы на вас! - выпалила Варя.

Все громко расхохотались.

- Получили, Сергей Владимирович? Вперед наука - не задевайте, - заметил Кондратенко.

- Ох, я уж пять месяцев эту науку прохожу, и пока безуспешно.

- Кто же виноват в том, что вы так непонятливы?

- Видимо, таким уродился! Как сошел ваш экзамен?

- Сдала с отличием и получила аттестат фельдшерицы, с чем можете

меня и поздравить!

- Теперь вы окончательно зазнаетесь и вообразите себя первым медицинским светилом в Артуре.

- Роман Исидорович, - обратилась девушка к генералу, - я выбрала в этом районе место для перевязочного пункта: у подножия Большой горы, в овраге.

Можно его вам показать сейчас?

- Да вы, никак, всерьез решили взять на себя руководство медицинской частью крепости? - обернулся к ней генерал. - Ну, покажите, где ж вы наметили место?

- Вон там внизу! - ответила Варя и рысью тронулась вперед. За ней последовали все остальные. Проехав с полверсты, она остановилась.

- Тут! - показала она рукой на почти вертикальную, обрывающуюся вниз скалу.

- Место неплохое, хорошо укрытое в мертвом пространстве, имеет хорошие подступы, - осматривался вокруг Кондратенко. - Значит, все в порядке! Сергей Владимирович, составьте смету и проект, затем поезжайте к Костенко и все урегулируйте окончательно.

- Слушаюсь, ваше превосходительство, - отозвался Звонарев.

Варя радостно хлопала в ладоши.

На следующий день Звонарев и Варя направились к председателю порт-артурского крепостного суда генералу Костенко, который жил на даче за Плоским мысом. Денщик не сразу решился доложить генералу о прибытии гостей.

- Их превосходительство больны и даже серчают, когда их беспокоят без дела, - сомневался солдат.

Нетерпеливая Варя не стала дожидаться приглашения, вслед за солдатом ворвалась в комнату и присела перед изумленным неожиданным вторжением генералом в низком реверансе.

- Здравствуйте, крестненький! Мама прислала меня справиться о вашем здоровье. Получите настойку, она очень помогает при простуде, - затараторила девушка, протягивая встревоженному Костенко банку с

лекарством.

- Здравствуй, здравствуй, стрекоза! Совсем меня оглушила своей болтовней.

Спасибо Марии Фоминичне за заботы обо мне, - оживился тронутый вниманием к нему генерал. - Кто это с тобой? Прошу подождать, пока я кончу разговор с мадемуазель Белой, - обернулся он к Звонареву.

- Это адъютант Кондратенко. Мы с ним приехали по одному и тому же делу, - пояснила Варя.

- Уж не в посаженные ли отцы приглашать собираетесь? И рад бы, да не могу - болен.

- Ой, что вы, крестненький, меня конфузите! Рано мне еще о женихах думать, - смутилась Варя.

- Не скромничай, стрекоза! Ты совсем уж заневестилась. Отец с матерью глазом моргнуть не успеют, как выскочишь за такого молодца, как этот, - продолжал Костенко.

- Вы состоите председателем военно-санитарной комиссии, которая ведает выбором мест и устройством перевязочных пунктов, - начала деловой разговор Варя.

- Этими делами ведает главный крепостной врач доктор Субботин, - отнекивался генерал.

- Председателем комиссии по приказу числитесь вы, ваше превосходительство, - почтительно доложил Звонарев.

- Но я болен, простужен и никуда не выхожу, - воскликнул Костенко.

- Да на дворе теплее и лучше, чем здесь, - распахнула окно Варя. - Поедьте к нам, а по дороге мы вам покажем выбранное нами место для перевязочного пункта.

Охая и кряхтя, генерал поднялся со своего места и кликнул денщика.

- Поддай пальто и калоши, - распорядился он.

- На улице страшная жара и совершенно сухо, довольно будет и плаща от пыли, - убеждала Варя.

- Тебе, стрекоза, всегда жарко в присутствии молодых людей, а я все время мерзну, - вздохнул Костенко.

Варя решительно отстранила денщика с пальто, сняла с вешалки пыльник и накинула его на плечи генерала. Звонарев подал ему фуражку, и Костенко, трижды перекрестившись на образ, двинулся к выходу.

- Чудно, чудно, - жмурился генерал на солнце. - Хорошо, что ты меня вытащила на свет божий, а то я совсем мохом оброс.

- Мы тут набросали план постройки и составили смету. Нужна ваша утверждающая подпись, - подсунула Варя генералу чертеж и смету, - Это я рассмотрю дома.

- Нам надо поскорее, а без вашего разрешения нельзя приступить к работе.

- Кондратенко видел ваш проект?

- Видел и одобрил.

- Пусть хоть распишется в уголке. С меня этого будет достаточно.

- Вы не верите, что Кондратенко одобрил проект? - насела Варя на генерала.

- Все это на словах. Мы, судейские, знаем им цену, - решительно возражал Костенко.

Когда приехали на место, генерал уже бодро вылез из экипажа и пошел за Варей.

- Вы будете долбить скалу? Сколько времени займет эта работа? - справился Костенко, с некоторым недоверием поглядывая на скалу.

- Не больше месяца. Зато прочность сооружения будет вне сомнений и раненные будут тут в полной безопасности, - пояснил Звонарев.

После осмотра скалы поехали на обед к Белым. За едой генерал совсем уже разошелся и повеселел.

- Дочка у вас, Мария Фоминична, настоящий клад. Унаследовала от вас дар исцеления недугов. Женишка ей надо под стать - красивого и улыбчатого, чтобы они Друг на друга любовались, - совсем размяк генерал после вкусного обеда со сладкими наливками.

Вскоре подъехал Кондратенко. Варя тут же заставила его подписать проект и смету, после чего Костенко вывел своим каллиграфическим

почерком: "Утверждаю".

- Теперь все в порядке и можно приступить к работе! - обратилась Варя к Звонареву. - Завтра в четыре часа я буду на месте, чтобы и вы там находились к ука - ванному времени, - распорядилась она.

- Слушаюсь, господин "фершал"! - вытянулся прапорщик.

На другой день после полудня, когда дневной жар несколько спал, Звонарев приехал на Залитерную батарею. Его встретил Борейко в одной рубаше, в веревочных лаптях на босу ногу, с подобием чалмы на голове. Под стать ему, были одеты и солдаты. Неподалеку матросы под руководством Сойманова устанавливали морскую пушку.

- Зачем пожаловал к нам, Сережа? - обратился к прапорщику Борейко.

- Мне поручена постройка перевязочного пункта в тылу у Залитерной батареи. Нужны рабочие. Я думаю, что и моря, ни не откажут нам в помощи, - обернулся прапорщик к Сойманову.

- Конечно, дело общее, вместе воевать будем, - согласился лейтенант.

Вскоре три офицера с десятком солдат и матросов стояли около намеченного для блиндажа места.

- Место похоже на преисподнюю. Тут весьма удобно будет душе отправляться к черту в лапы, - осмотрелся кругом Борейко.

- Сюда не залетит ни один снаряд: со всех сторон прикрыто. Сообщение с батареей по глубоким оврагам, - защищал Звонарев выбранное место.

- По ночам сюда черти на свадьбу собираются, - заметил Блохин, пришедший с другими солдатами.

- Это ведьмы на Лысой горе шабаш оправляют, - поправил его Мельников.

- Своей стрельбой мы их с гор-то спугнем. Они от страха сюда и забегут, - не сдавался Блохин.

В это время вдали показалась всадница, в которой узнали Варю Белую.

- Первая ведьмочка уже поторапливается сюда. И впрямь место не чистое, - усмехнулся Борейко.

Подъехав, Варя легко соскочила с лошади. Офицеры пошли ей навстречу. Им прежде всего бросились в глаза многочисленные ссадины

на лице девушки, густо смазанные йодом, что придавало ее физиономии довольно зверское выражение.

Борейко громко расхохотался.

- Никак, наша амазонка раскрасилась в боевые цвета! Не сдобровать тебе, Сережа.

- Вы только и умеете, что смеяться над бедной девушкой, Медведище! Нет чтобы пожалеть меня, - отозвалась Варя. - Хотя бы вы посочувствовали мне, Сергей Владимирович.

- Выражаю свое глубочайшее сочувствие, храбрейшая из храбрых амазонок, и советую на будущее время, во-первых, с лошади не падать, а во-вторых, ссадины запудривать, а не смазывать йодом. От этого ваша наружность только выиграет.

- С пудрой можно внести в ссадины инфекцию, йод же действует обеззараживающе, - докторским тоном ответила девушка. - Что же касается моей наружности, то она меня мало интересует.

- Но зато весьма волнует иссохшее от любви к вам сердце моего друга Сережи. Поэтому я из чувства дружбы, а также в целях предотвращения паники среди моих солдат, могущей возникнуть при виде столь воинственной вашей раскраски, присоединяюсь к его просьбе, - добавил Борейко.

- Придумайте что-нибудь поостроумнее, господин Медведь! - обрезала Варя.

Сойманов с удивлением наблюдал за этой перепалкой, недоумевая, кто же эта девушка, пока наконец Звонарев не представил его Варе.

- Белая! - отчетливо назвала она свою фамилию. - Приступим к делу. Здесь будет построен перевязочный пункт. Надо обсудить, как это сделать проще и скорее всего. Сергей Владимирович, ждем вашего доклада.

- Слушаюсь, ваше превосходительство! - шутливо вытянулся Звонарев и в коротких словах сообщил о предстоящей работе.

- Задача не из легких, но дело нужное и важное, - обратился Борейко к солдатам.

- Для перевязочного пункта лучшего места не найти, а со скалой мы справимся. Пойдем по этой трещине и разворошим всю скалу, - ответил Родионов.

- Завтра с утра назначим человек двадцать солдат и матросов и постараемся в кратчайший срок оборудовать этот пункт. Ты согласен? - обернулся Борейко к Сойманову.

- Вполне и готов всемерно помогать вам в этом деле, - ответил моряк.

Все двинулись обратно на Залитерную батарею.

В последующие дни развернулись работы по устройству перевязочного пункта.

Родионов и Блохин оказались главными производителями работ.

Варя почти ежедневно появлялась здесь. Родионов и Блохин были главными советниками по всем вопросам.

- Здравствуйте, барышня, - обычно приветствовали они ее, когда она подъезжала. - У нас сегодня работа идет хорошо, да не хватает лопат и кирок.

Варя выслушивала и аккуратно все записывала, чтобы затем переговорить или с Звонаревым, или с самим Кондратенко.

Варя очень скоро познакомилась со всеми артиллеристами и моряками и не хуже офицеров знала их в лицо и по фамилиям, знала семейное положение, личные качества.

По мере сил она старалась быть им полезной, в частности, взялась отправлять письма через Чифу в Россию. Солдаты не имели возможности пользоваться официальными средствами сообщения, вроде отправки писем с миноносцами или зафрахтованными от казны китайскими джонками, ввиду дорогой цены за доставку письма, и сдавали свои письма на городскую почту, которая охотно их принимала, но никуда не отправляла. Через своего садовника Вен Фань-вея Варя установила связь с лодочниками, рисковавшими прорывать японскую блокаду с моря. Все собранные от солдат письма она упаковывала в один большой конверт и отправляла его от своего имени русскому консулу Тидеману в Чифу. Помимо этого, девушка взялась подготовить из солдат санитаров, а

попутно начала обучение грамоте безграмотных и малограмотных.

Почти все свое свободное время она проводила на пункте или на Залитерной батарее. Если Бореико держался в стороне от нее, то Сойманов на первых порах попытался было за ней ухаживать. Варя сперва удивилась этому, затем рассердилась и однажды, когда лейтенант хотел ее обнять в темноте, напрямик заявила ему:

- Я, Павел Михайлович, не переношу подобного отношения к себе! Мы оба только выиграем, если наши отношения станут другими.

Моряк был смущен такой отповедью и ухаживания прекратил. Когда он сообщил Бореико о происшедшем, тот только усмехнулся.

- Счастливо отделался! Мог бы получить и хорошую оплеуху. Варвара Васильевна у нас на расправу коротка! Кроме того, там место уже прочно занято Сережей Звонаревым.

- Но последнее время они почти не видятся. А когда встречаются, то только все время препираются между собой.

- Тем не менее Варя ни на кого не смотрит и никого не видит, кроме него.

- Чего, по-моему, нельзя сказать о нем!

- Тут дело темное! Похоже, что он и сам еще не знает, на ком остановить свой выбор.

В один из вечеров уже поздно на батарею приехал Кондратенко в сопровождении Звонарева. Генерал с утра был на коне, сильно устал и торопился домой, но, (проезжая мимо, вспомнил о перевязочном пункте и заехал на Залитерную Варя как раз вела при свете ручных фонарей занятия с санитарями. В темноте Кондратенко заметили не сразу, и он обошел почти всю батарею, когда его наконец узнал Блохин искомандовал солдатам: "Смирно!"

Генерал поздоровался и подошел к Варе.

- Может быть, вы мне покажете ваш перевязочный пункт? - обратился он к ней.

Около поворота к перевязочному пункту горел костер, разложенный сторожившими строительные материалы солдатами. При помощи факелов из промасленного каната они осветили всю строительную площадку. В

скале были выдолблены две рядом расположенные пещеры, в каждой из которых могло поместиться до тридцати человек раненых. Рядом намечалась еще третья. Высота их достигала полутора сажень. В полу и стенах виднелись блестящие прожилки кварца и слюды. Кондратенко обошел все помещение, местами обстукал стены и сделал несколько замечаний технического характера.

- Такой каземат может выдержать бомбардировку даже двенадцатидюймовыми снарядами. Раненые будут здесь в полной безопасности! - резюмировал генерал свое мнение.

- Мы еще проведем сюда электрическое освещение, водопровод, устроим вентиляцию - и все будет готово! - радостно говорила Варя.

- Вас можно поздравить с успешным выполнением плана, - пожал девушке руку генерал.

- Я здесь ни при чем. Все рассчитал Сергей Владимирович, а сделали - они!

- И девушка махнула рукой в сторону матросов и солдат. - Они все очень старались.

- Для себя, барышня, работали! - вполголоса ответил за всех Блохин. - И на других фортах солдаты работают для себя, однако далеко не везде так хорошо, как здесь. Я давно говорил Стесселю, что к каждому форту, батарее и укреплению надо заранее прикрепить определенные части и им же поручить их оборудование. Тогда все будут кровно заинтересованы в своей работе и выиграет вся крепость в целом. Литера Б, Залитерная и этот пункт прекрасно подтверждают мою мысль. Когда думаете закончить постройку? - обернулся генерал к Звонареву.

- Дней через десять будет готово, ваше превосходительство.

Поблагодарив еще раз Варю, Кондратенко велел подать себе лошадь.

- Завтра же прикажите от моего имени саперам привести дороги сюда в полный порядок.

После этого Кондратенко уехал, оставив Звонарева на батарее.

- Видите, как хорошо все вышло! - обернулась Варя к солдатам. - Сам Кондратенко похвалил работу! - обратилась она к Звонареву.

- Нам бы, барышня, в награду выдали по полбутылочки водки, - отозвался Блохин, - все веселее на сердце станет, как выпьешь.

- Что-то я тебя, Блохин, особенно грустным и не видела. Хорошая работа тоже веселит сердце.

- Так-то оно так, но малость выпить все же не мешает!

- Спрошу у начальства, как оно велит.

Вслед за Кондратенко двинулась и Варя. Звонарев последовал за ней. В темноте приходилось ехать шагом, чтобы не покалечить лошадей на разбитой дороге.

- Я удивляюсь, Варя, вашему умению обращаться с солдатами. Вы не только не стесняетесь сами, но не стесняете и их своим присутствием.

- Я с колыбели привыкла к общению с ними: моей первой нянькой был денщик, - ответила девушка. - Раньше у нас денщики жили по семи лет и совсем входили в семью. Некоторые еще и сейчас пишут нам о себе. Особенно мама быстро сживалась с ними, женила их, крестила у них детей. Правда, что вам ваша Ривочка натянула нос после смерти Дукельского? - вдруг переменила она разговор.

- Раз она мне натянула нос, значит, она уже не моя!

- И вы продолжаете бывать у нее и мечтаете о ней?

- Да!

- Спокойной ночи, желаю вам счастья с вашей еврейкой! - насмешливо-сухо проговорила Варя и, хлестнув по лошади, скрылась в темноте, оставив Звонарева в полном недоумении.

У себя на квартире Звонарев нашел записку от Кондратенко, который его предупреждал о поездке утром вместе со Стесселем на передовые позиции. Отдав нужные распоряжения своему ординарцу, прапорщик поспешил улечься в постель.

На другой день около семи часов утра Звонарев был уже на вокзале. У перрона стоял экстренный поезд в составе одного вагона-салона и трех товарных, в которые грузили верховых лошадей для участников поездки. Около поезда прохаживались Кондратенко, начальник его штаба подполковник Науменко, полковник Рейс и личный адъютант Стесселя

князь Гантимуров.

Вскоре приехали Стессель и Никитин, последним явился адъютант Никитина капитан Померанцев, за которым трое солдат несли корзины с закуской и выпивкой.

Расселись в кресла, глядя в окно. Стессель был молчалив и мрачен.

Вернувшийся вчера из Инкоу миноносец "Лейтенант Бураков" привез повторный приказ об его отзыве из Артура, и теперь генерал ехал к Фоку советоваться.

- Какие новости у вас? - спросил Кондратенко, обернувшись к Рейсу.

- Получено подтверждение об отходе Штакельберга после боя у Вафангоу на север и приказ о повторном выходе флота в море для прорыва во Владивосток.

- Тэк-с! Значит, деблокада Артура откладывается на неопределенное время, раз Куропаткин пятится назад вместо продвижения вперед, - заметил Кондратенко. - Интересно, как велики силы против нас, не попробовали ли нам наступать, дабы оттянуть часть японцев на себя.

- Что вы, ваше превосходительство! Наша задача защищать Артур, а не оттягивать на себя силы. У нас и так очень мало людей, - горячо возразил Рейс.

- Если не наступать, то беспокоить почаще японцев вылазками разведчиков будет весьма полезно.

- Напрасная трата живой силы! Многого они не узнают и только понесут зря потери! - возражал полковник.

- Взаимодействие армии и крепости в том и заключается, чтобы заставить противника дробить свои силы между ними.

- Академическое рассуждение. Роман Исидорович. Своя рубашка ближе к телу.

Пусть Куропаткин сам о себе заботится, - вмешался Стессель.

Пока генералы вели между собой беседу, Померанцев и Гантимуров занялись приготовлением завтрака. Появился накрытый белой скатертью стол, на котором живописно разместились закуски. Захлопали пробки, и батарея разнообразных бутылок дополнила убранство стола.

- Не кручинься, Анатолий Михайлович! Попомни мое слово, разобьем мы макак косорылых в пух и прах, и будешь ты генерал-адъютантом, а то и фельдмаршалом. Всех самотопов подчинят тебе, и они станут ходить по струнке.

За нашего вождя и полководца генерала Стесселя! Урррааа! - заорал Никитин и полез целоваться со своим другом.

Потом пили за Кондратенко, Никитина, артиллеристов. Никитин поднял бокал даже за железнодорожников, но Стессель запротестовал.

- За штатскую сволочь не пью! - категорически заявил он.

Звонарев сидел в углу и наблюдал за происходящим.

- Когда же ваша свадьба, молодой человек? - обернулся к Звонареву Стессель. - Моя жена уже приготовила для Вари подарок.

- Боюсь, что никогда, ваше превосходительство.

- Фордыбачит, значит, девица. Она с норовом. Быть вам под башмаком до конца своих дней! - продолжал Стессель.

- Я не отказался бы от такого очаровательного башмачка! - вставил Гантимуров, иронически оглядывая Звонарева.

- Что ж, обручения еще не было. Можете попытать счастья, - усмехнулся Стессель.

Поезд остановился у разъезда одиннадцатой версты. В вагон тотчас же вошел Фок в сопровождении начальника своего штаба полковника Дмитриевского. Отдав Стесселю рапорт о положении дел на позиции, Фок поздоровался со всеми и занял место рядом, со Стесселем,

- Чем порадуешь, Александр Викторович? - спросил Стессель, наливая ему водки.

- Радости особой нет, во и печалиться не из-за чего! - растягивая слова, ответил Фок. - Водку мне наливаешь зря. Я ее не употребляю, поэтому предоставляю свою порцию Владимиру Николаевичу, - кивнул Фок на уже сильно подвыпившего Никитина.

- Не отказываюсь, - тотчас отозвался последний. - Известно, что немцу смерть, то русскому здорово! За ваше здоровье, господин Фик-Фок на один бок!

- И Никитин демонстративно осушил свою рюмку.

Стессель нахмурился и сухо заметил Никитину:

- Пожалуй, Владимир Николаевич, тебе пора перейти к сельтерской.

- Сейчас последую твоему мудрому совету, Анатолий Михайлович. Кирилл Семенович, распорядитесь-ка там, пожалуйста, чтобы мне немецкой водички подали! - обернулся, к Померанцеву Никитин.

Стессель вышел вместе с Фоком из вагона и стал прогуливаться, вдоль поезда.

- Получил повторный приказ о выезде из Артура, - хмуро сообщил он Фоку.

- Кому известно содержание телеграммы?

- Мне и Рейсу. Морякам копии нет, только Смирнову.

- Значит, все в порядке! Пошлешь заготовленный нами ответ, и дело с концом. Смирнову, конечно, ни гугу!

- Само собой разумеется! - поддакнул Стессель.

- Зачем едет этот умник Кондратенко? Меня, что ли, учить уму-разуму?

- Хочет ознакомиться с позицией на твоём участке и заглянуть в свой Двадцать шестой полк на правом фланге.

- Он слишком много фантазирует и бог знает что воображает о себе. Надо его сократить, а в случае надобности и убрать совсем, а то со своей юношеской лихостью он натворит нам бед.

- Какой же он юноша в сорок семь лет?

- С высоты моих шестидесяти двух, конечно, ни совсем юноша!

Пока генералы разгуливали по платформе, Кондратенко подозвал к себе Дмитриевского и начал расспрашивать о положении на фронте. Науменко достал карту и попытался нанести на нее расположение частей, но тотчас же запутался: целый ряд деревень оказался не отмеченным на карте, другие были нанесены неверно, названия перепутаны.

- Не карта, а одно недоразумение! - возмущался Кондратенко. - Шесть лет владеем Квантуном и не удосужились изготовить, приличных карт! Воюешь на совершенно неизвестной местности. Что же тут удивительного, коль получается путаница!

- Путаница на карте - это еще полбеды, а в Управлении - это похуже! - заметил Науменко.

- Кто же в Артуре путает? - спросил Дмитриевский.

- Все начальники, до мере своих сил и возможностей, - отозвался Кондратенко. - Стессель отдает одни приказания, Смирнов другие, моряки третьи, я четвертые. Вполне естественно, что наши подчиненные ругают нас всех вместе.

- Поехали дальше! - приказал Стессель, появляясь в вагоне. - Что вы тут мудрите над картой, Роман Исидорович?

- Знакомлюсь с положением, дел на фронте и думаю кое-что предложить на ваше благоусмотрение, Анатолий Михайлович, - почтительно проговорил Кондратенко. - Наша задача возможно дольше задержаться на перевалах, чтобы возможно больше укрепить Артур.

- Я не собираюсь зимовать здесь! - резко вставил Фок. - Через месяц отведу свои полки в Артур.

- Правый фланг занимают части моей дивизии, и я отнюдь не собираюсь уходить отсюда раньше времени.

- Это ваше дело и меня не касается! Я уйду, а вы как хотите!

- Подобная постановка вопроса совершенно недопустима. Прошу вас, Анатолий Михайлович, объяснить это генералу Фоку.

- Я не глупее вас и ни в каких объяснениях не нуждаюсь!

- Прошу без резкостей, господа! - вмешался Стессель. - Части отойдут в Артур тогда, когда я им прикажу. Пока же надо подумать об усилении обороноспособности позиций на перевалах.

Кондратенко замолчал, а Фок начал притворно зевать. В углу в кресле похрапывал Никитин. Начальники Штабов вполголоса переговаривались между собой. Звонарев смотрел в окно.

Было около одиннадцати часов утра, когда наконец поезд добрался до разъезда девятнадцатой версты, где решено было выходить из вагонов.

Стесселя встретили генерал Надеин, полковник Ирман, Сахаров и несколько командиров полков. Генеральская овита увеличилась. Кавалькада двинулась в путь вдоль железнодорожного полотна по

направлению передовых позиций, до которых оставалось еще верст пятнадцать.

Вдали слышались редкие орудийные выстрелы.

- Стреляют у Юпилазы, - указал рукой в направлении выстрелов Фок. - Чего доброго, и на нее кинутся в атаку.

Стессель ехал впереди крупной рысью, "на ходу здороваясь со встречными командами. Вдруг неожиданно слева слышались ружейные залпы. Генерал резко остановил свою огромную раскормленную кобылу.

- Это что за стрельба? - спросил он у Фока.

- За сопками начинается уже линия передовых окопов. Верно, стрелки заметили движение у японцев.

- Почему же меня ранее не предупредили, что позиция уже, близко? Я со своей свитой вылетел бы вперед и послужил бы хорошей целью для японцев! - сердито крикнул Стессель и круто повернул лошадь назад. - Где здесь лучший кругозор? Я хочу осмотреть позиции на всем протяжении, - спросил он.

- Направо так называемая Большая Сопка, оттуда видно далеко во все стороны, - поспешил к генералу Дмитриевский.

- Ведите нас туда. Поезжайте вперед, а я за, вами, - распорядился Стессель.

Полковник свернул с дороги и по узенькой тропинке двинулся к указанной вершине. По тропинке можно было ехать лишь в одиночку, и вся свита столпилась на дороге.

- Поедем вперед к позициям, - предложил Кондратенко своему начальнику штаба и Звонареву и тронулся на выстрелы. Через минуту все трое были уже на хребте, за которым шла линия русских окопов. С вершины горы открывался широкий вид во все стороны. Прямо виднелся расположенный вблизи Дальнего лагерь японцев, по дороге к городу двигались многочисленные обозы.

Артиллерия бездействовала. Все говорило о малочисленности и слабости врага в этом районе, который больше готовился к обороне, чем к наступлению.

- Собрать бы кулак полка в два и ударить на Дальний, пока здесь почти пусто, а железная дорога, за отсутствием паровозов широкой колеи, еще не действует! - мечтал вслух Кондратенко. - Много шансов, что это предприятие увенчалось бы большим успехом, а особенно если с моря одновременно на

Дальний ударит и флот.

- Едва ли Стессель на это согласится. Он все же считает, что против нас направлена вся японская армия, а на севере имеются лишь заслоны.

- Хороши заслоны, коль они разбили такой прекрасный корпус, как Первый Сибирский! - усмехнулся генерал. - Нам надо здесь рискнуть.

- Для этого необходимо быть смелым человеком, чего о Стесселе сказать нельзя.

- А Фок?

- Тот и еще хуже! Из упрямства будет против, раз идея наступления принадлежит вам, а не ему.

- Невесело! Но поедem дальше вдоль фронта, - решил Кондратенко.

Русские окопы шли не оплошной линией, а были расположены по возвышенностям. Промежутки между ними простреливались ружейным огнем.

Батареи, в отличие от Цзинджоу, все стояли на закрытых позициях. Впереди находились лишь наблюдательные пункты. Вскоре Кондратенко подъехал к одному из них. Навстречу генералу вышел Алн-Ага Шахлинский.

- Много перед вами японцев, капитан? - спросил Кондратенко.

- Почти что вовсе нет. За неделю я видел не больше двух рот. Из артиллерии пока обнаружено только две горных пушки за тем хребтом, - доложил командир батареи.

- Как вы думаете, могло бы иметь успех наше наступление в этом районе? - спросил генерал.

- На этом участке - вполне! Мы вышли бы в тыл горы Хунисан и заставили бы японцев ее очистить, но генерал Фок будет против этого: он даже стрелять мне запрещает, считая это ненужной затеей, -

жаловался капитан.

Кондратенко переглянулся со своим начальником штаба. Простившись с капитаном, он свернул в тыл и поехал по направлению видневшейся вдали группы Стесселя. По дороге, около довольно большого резервного лагеря, Звонарева окликнули. Задержав лошадь, прапорщик оглянулся и увидел Стаха Енджеевского.

- Каким ветром вас сюда занесло? - поздоровался он с Звонаревым.

В серо-зеленом костюме, в серых парусиновых сапогах, поручик почти совсем сливался с окружающей природой. Кондратенко тотчас обратил на это внимание.

- У вас прекрасно подобран цвет вашей одежды. Откуда вы достали такую материю?

- Были обычного цвета брюки и гимнастерка, а китайцы-портные перекрасили их в защитный цвет, - пояснил поручик.

- Какая это часть? - опросил генерал.

- Охотничья команда Четырнадцатого полка.

- Если бы вам предложили пошарить у японцев в тылу и обойти справа Хунисан, вы не возражали бы?

- Я об этом давно мечтаю и не раз докладывал своему командиру, но безрезультатно. Японцев перед нами так мало, что можно рискнуть и потревожить их!

- Ваша фамилия?

- Поручик Енджеевский.

- Рад с вами лично познакомиться! Отлично помню вашу телеграмму из-под Цзинджоу. Благодаря ей мне удалось уговорить Стесселя не отступать сразу в Артур, а задержаться на этом перевале. Ваше начальство вас, насколько я знаю, не особенно жалует. Хотите перейти в мою дивизию?

- Только вместе с моими охотниками.

- Прекрасный ответ для офицера! К сожалению, целиком всю вашу команду не переведешь в другой полк.

Когда Кондратенко и его спутники вернулись к группе Стесселя, они

застали его сидящим за пулеметом. Несколько офицеров, собравшись вокруг генерала, усиленно щелкали фотографическими аппаратами.

Вставив пулеметную ленту, Стессель нажал на спуск, и пулемет затрещал.

Генерал прошелся очередью по кустам гаюляна, но лента заклинилась.

- Можно заложить другую ленту, - услужливо предложил командир Четырнадцатого полка полковник Савицкий.

Стрелки бросились было к пулемету с новой лентой, но подъехавший Кондратенко отвлек внимание Стесселя, указав ему на частые заклинения патронов.

- На это нужно обратить самое серьезное внимание. Во время отбития штурма пулеметы незаменимы, а каждое заклинение отнимает массу драгоценного времени.

- Да, да. Это безобразие! - согласился Стессель. - В Артуре прикажу Белому специально заняться этим вопросом. - И генерал, разминая затекшие ноги, встал с пулеметного седла.

- Готова фотография: генерал Стессель на передовых позициях самолично стреляет по наступающим японцам, - шепнул на ухо Звонареву знакомый офицер.

Фок подъехал к Кондратенко.

- Любовались видами, Роман Исидорович, и критиковали передовые позиции моего участка, а заодно перемывали косточки и мне? - елейным тоном спросил он.

- Сплетнями на занимаюсь, а позиции действительно осмотрел и нашел их в плохом состоянии, - громко ответил Кондратенко.

- На участке Семенова, где расположены полки вашей дивизии, и таких окопов нет, там просто ряд заячьих нор, в которых не только под артиллерийским, но и под ружейным огнем долго не усидишь.

- Это происходит потому, что вы захватываете для своей дивизии все материалы, которые я направляю из Артура к Семенову.

- Опять вы что-то не поделили, господа? - с раздражением проговорил подъехавший Стессель. - Если бы вы знали, как это мне надоело! Из-за

каждого пустяка поднимаются бесконечные ссоры!

Фок и Кондратенко молча выслушали это замечание.

- Какой леший влезет на наши позиции! Сплошные обрывы и голые скалы.

Природная их сила так велика, что тратить много средств и материалов на их укрепление нет смысла. Никакие японцы никогда их не возьмут! - продолжал ораторствовать Стессель.

- Я с этим вполне согласен, - не замедлил поддакнуть Фок. - Зато генерал Кондратенко, как всегда и везде, имеет по этому вопросу свое "особое" мнение! Инженерская школа все же сказывается в нем...

- Инженеры много мудрят, еще больше крадут, но со мной не пошутишь, я им потачки не дам! - проговорил Стессель.

- Ваше превосходительство, не угодно ли вам перекусить? - расплылся в широчайшей улыбке полковник Савицкий, начальник объезжаемого участка обороны.

Стессель охотно согласился.

В большой палатке Красного Креста был накрыт стол. Толстый Савицкий, отдуваясь, занял хозяйское место во главе стола, усадив около себя Стесселя и Фока. Солдаты начали обносить обедающих закусками, застучали ножи, зазвенели рюмки.

Разговор с каждой минутой делался громче и оживленнее, начались тосты за начальствующих лиц, и обед принял характер обычной офицерской попойки.

Незаметно подошел вечер. Звонарев с Гантимуровым вышли на воздух.

Вскоре из палатки вышел Кондратенко.

- Пора двигаться и дальше, а то боюсь тут застрять на ночь! Можно еще сегодня добраться до штаба Семенова, а завтра вернуться в Артур. Мы домой и верхом доедем, тут ведь недалеко.

Но Стесселю тоже надоело сидеть за столом, и он решил ехать.

- Господа! Довольно лоботрясничать! - обратился он к обедающим. - Едем дальше! Хозяину спасибо за хлеб-соль! Прикажите подать лошадей.

Вскоре значительно поредевшая кавалькада двинулась дальше. Стессель

ехал не спеша. Благодушно настроенный после обеда, он милостиво здоровался со встречными офицерами и расспрашивал их о житье на позициях.

Кондратенко поднял разговор о возможности наступления на Дальний.

- Опять у вас новая идея появилась, Роман Исидорович! Вашей фантазии может позавидовать любой подпоручик! Быть может, на отдельном участке японцы и слабее нас, но в общем-то силы у них значительно больше наших. Поэтому наступление легко будет парализовано ими, и мы понесем только напрасные потери. Следовательно, нам незачем их беспокоить, раз они нас не трогают, - пожевывая, ответил Стессель.

- Примерно так рассуждает и Витгефт для оправдания своей бездеятельности в Артуре!

- Моряки прячутся за наши спины, а мы ни за кого не укрываемся, а все время стоим лицом к лицу с врагом.

- Не в этом дело! Как известно, нападение - лучший способ защиты: мы сразу отвлечем внимание японцев к себе; возможно, они перебросят сюда часть сил с севера...

- Боже нас от этого упаси! Я не знаю, как мы удержимся против наличных японских частей, а вы собираетесь еще привлекать их, к нам. На это я никогда не соглашусь! - решительно отверг предложение Стессель.

- Мы этим облегчим переход в наступление Маньчжурской армии, - убеждал начальника укрепленного района Кондратенко.

- Куропаткин нас об этом не просит и этого нам делать не велит. Зачем же мы будем навязывать ему свою помощь? - возражал Стессель.

- Помогая Куропаткину, мы тем самым помогаем самим себе, ибо наилучшей помощью для нас явится деблокада Артура и восстановление сообщения с Маньчжурией. В этом и заключается взаимодействие крепости с полевой армией.

Мы притягиваем на себя значительные силы врага и тем облегчаем положение армии, она же, в свою очередь, помогает нам, оттягивая силы на себя. Это азбучная истина, известная каждому молодому офицеру, -

начал уже раздражаться упрямством Стесселя Роман Исидорович.

- Я же, как вам известно, являюсь генералом русской армии, которому эти, как вы выражаетесь, "азбучные истины" известны не хуже вас. И тем не менее я с вами не согласен и решительно возражаю против каких бы то ни было попыток "перейти в наступление и помочь Маньчжурской армии". Считаю вопрос исчерпанным и прекращаю бесцельное словопрение, - оборвал Стессель.

- Тогда разрешите хоть провести хороший поиск разведчиками в этом направлении?

- Это другое дело! Пошарить у японцев в тылу и вернуться назад ни, когда не вредно!

- Только пусть этим занимаются части Седьмой дивизии, а не моей, - вмешался в разговор Фок. - Я решительный противник подобных экспериментов и не допущу участия в них частей Четвертой дивизии.

- В поиске будут участвовать те части, которые назначит начальник района, - ответил Кондратенко.

- Так как инициатор дела вы, Роман Исидорович, то вам и карты в руки! В разведке будут участвовать полки вашей Седьмой дивизии и, если хотите, моряки, - обернулся Стессель к Кондратенко.

- Я просил бы придать мне еще пограничников.

- Не возражаю!

- Завтра же я сменю Двадцать шестым полком Четырнадцатый и начну подготовку к поиску. Быть может, вы найдете возможным, Александр Викторович, передать в мое распоряжение охотничью команду Четырнадцатого полка?

- Нет, не найду. Сами кашу завариваете, сами ее и расхлебывайте, а я тут ни при чем и мои солдаты тоже.

- Охотники Четырнадцатого полка хорошо знают местность в этом районе, а моим частям придется еще знакомиться с ней, на что уйдет много времени.

- Взялся за гуж, не говори, что не дюж! - усмехнулся Стессель. - Орудуйте, Роман Исидорович, своими силами и не рассчитывайте на

чужую помощь.

- Попробую!

- Только помните, что за успех дела вы отвечаете целиком! - с угрозой заметил Фок.

- Я привык отвечать за свои действия.

- Тут кончается участок Четвертой дивизии, - остановил свою лошадь Фок. - Дальше район Кондратенко.

Стессель тоже остановился.

- Устал я, Роман Исидорович, и обещал жене к вечеру быть в Артуре. Вы и без меня прекрасно сумеете осмотреть позиции и внести, где нужно, необходимые исправления, поэтому я поеду обратно.

- Не смею задерживать, ваше превосходительство. Но, конечно, очень жаль, что вы не сможете взглянуть на "заячьи норы", в которых расположены мои части.

- Вы снимите несколько фотографий и потом покажете их мне и Александру Викторовичу, - мудро решил Стессель и тронулся в обратный путь вместе со своей свитой.

Кондратенко, Наумеяко и Звонарев двинулись дальше. Вскоре их встретили начальник правофлангового участка полковник Семенов, участковый инженер капитан Зедгенидзе и начальник артиллерии участка полковник Мехмандаров.

Поздоровавшись с ними, генерал направился на позиции. В отличие от участка Четвертой дивизии окопы здесь были прекрасно оборудованы, имели прочные блиндажи, были хорошо применены к местности.

- И это Фок смеет называть заячьими норами! - возмущался Кондратенко. Уже совсем в темноте Кондратенко добрался до штаба Семенова и решил здесь заночевать. Вскоре один за другим подъехали вызванные по телефону начальники боевых участков левого фланга. Кондратенко приветливо с ними здоровался и заставлял каждого подробно рассказывать о положении на участке. Затем началось совещание о возможности перехода в наступление в направлении Дальнего. Эта мысль была с энтузиазмом поддержана присутствующими.

- Только бы Фок не подвел, а мы сумеем прорвать расположение японцев, - резюмировал мнение собравшихся Семенов.

- Завтра сменим Четырнадцатый полк и попробуем выйти в тыл Хунисану, пусть они нам дадут хотя бы одного-двух проводников из охотничьей команды, - проговорил Кондратенко. - Попрошу об этом прямо Савицкого.

Записка была написана, генерал вручил ее Звонареву и велел доставить командиру Четырнадцатого полка.

- Теперь всего половина десятого. Через час вы будете у него. Можете там и остаться на ночлег, - распорядился Кондратенко.

- Я постараюсь разыскать Енджеевского и у него останусь до утра, - ответил прапорщик.

- Прекрасно. Сообщите ему о наших намерениях и спросите совета. Было бы очень хорошо, если бы он с утра повидал меня.

Через час Звонарев был уже в штабе Четырнадцатого полка. После отъезда Стесселя там продолжали пьянствовать.

Полковник, с красным лицом, без кителя, сидел за столом в палатке на своем прежнем месте. Около него собралась довольно большая компания.

Прапорщик, растолкав толпу, подошел к полковнику и протянул пакет.

Все находившиеся в палатке обернулись в сторону своего командира.

- Выступать куда-нибудь? Тревога? Японцы прорвались? - засыпали вопросами прапорщика.

- Кукиш дам я ему своих охотников! Если хочет, может брать это золотишко Енджеевского. Свечку поставлю своему святителю, когда от него избавлюсь! - проговорил полковник, ознакомившись с запиской Кондратенко. - Завтра передам позицию у Хунисана Семенову, а второй батальон оттяну в тыл. Ваш же генерал может там чудить как хочет! У меня есть приказ Фока - никакой поддержки ему ни в чем не оказывать.

- Так и прикажете передать генералу Кондратенко? - поставил вопрос ребром Звонарев.

- Что вы? Еще и в самом деле вздумаете ему дословно передать все, что я говорю. Сейчас я продиктую ответ...

"Ваше превосходительство, высокоуважаемый Роман Исидорович! При всем моем искреннем желании, я, к великому моему сожалению, лишен возможности удовлетворить вашу просьбу, хотя горячо сочувствую вашему начинанию и твердо убежден в его несомненном успехе под вашим мудрым руководством. Единственно, что я могу сделать, - это откомандировать в ваше распоряжение начальника моей охотничьей команды поручика Енджеевского. Срок, командировки его не ограничиваю временем. Остаюсь вашего превосходительства преданнейший слуга Владимир Савицкий".

Взяв письмо, прапорщик вышел из палатки и отправился к месту расположения охотничьей команды. По дороге к нему присоединился Али-Ага Шахлинский, который, по поручению Ирмана, должен был объехать батареи и предупредить о предстоящем уходе с занимаемых сейчас позиций.

- Как, и артиллерия снимается с этого участка? - удивился Звонарев.
- Фок приказал убрать все орудия, а инженерам разобрать блиндажи и материалы использовать на других участках позиции.
- Короче, Кондратенко предоставляется голое место, на котором прежде всего надо будет вновь возводить укрепления.
- Весьма возможно, что японцы, заметив, что наши разбирают блиндажи, сами перейдут в наступление раньше нас.
- Надо срочно об этом предупредить генерала, - решил Звонарев и хотел было ехать назад в штаб Семенова, но капитан предложил туда заехать лично.
- Особенно не беспокойтесь. Мой командир бригады, полковник Ирман, решил правофланговые батареи вопреки приказу Фока пока оставить на месте. Я лично поведу с полковником Мехмандаровым. Мы с ним старые друзья и с полслова пойдем друг друга. Какие бы приказания ни отдавал Фок, батарея подполковника Лаперова, где я старшим офицером, никогда не бросит без помощи полки дивизии Кондратенко, - пылко проговорил Шахлинский. - От правофланговой батареи Романовского до штаба Двадцать шестого полка всего три-четыре версты, я за полчаса

доберусь до него и передам все, что нужно. Вы же поезжайте прямо к Енджеевскому.

Стах уже спал, когда Звонарев вошел в его палатку, но будить его не пришлось: он тотчас же проснулся и, натянув сапоги, присел к столу, на котором стояла зажженная свеча. Выслушав Звонарева, он тихонько свистнул.

- Ясно, что Фок хочет подложить свинью Кондратенко. Но мы еще посмотрим, что из этого выйдет. Я, конечно, с удовольствием перейду к Семенову, а что касается моих охотников, то постепенно я их всех перетащу за собой. Денисов!

- крикнул поручик, приподняв полу палатки.

- Чего изволите? - отозвался голос из темноты, и в палатку вошел коренастый стрелок с перевязанной головой.

- Надо всех больных и раненых отправить в тыл, - начал было поручик.

- Они, ваше благородие, не хотят. И здесь, говорят, переждемся.

- Я перевожусь в Двадцать шестой полк, - объявил ему поручик.

Унтер-офицер с удивлением посмотрел на поручика.

- Как же мы без вас-то будем, Евстахий Казимирович? - спросил он. - За вами мы и в огонь и в воду пойдем, потому что вас знаем, - зря людей не поведете, а новый начальник неизвестно какой еще попадется.

- Пусть, то нездоров, отправляется в госпиталь, а там просится в Двадцать шестой полк.

- Смекнул, ваше благородие! Только половина команды сразу уйдет. Много у нас легкораненых, которые в строю остались. Есть, кроме того, больные, особенно животом, ревматизмом и куриной слепотой.

- Всем сразу уходить нельзя: человек по пятнадцати в день, не больше.

- Понял! Созову взводных, мы мигом это дело обмозгуем. - И унтер скрылся из палатки.

Вскоре лагерь зашумел. Послышались споры, кому прежде идти к поручику в Двадцать шестой полк.

- Кондратенко очень хотел, чтобы вы оставили на месте часть своих людей, - напомнил Звонарев.

- Хорошо. Сразу у десятка-другого стрелков заболят животы. Они и останутся на месте, когда полк будет уходить. По прибытии же Двадцать шестого полка они чудодейственным образом все поправятся. Эту комедию мы разыграем легко. Одним словом, совсем облапошим эту жирную свинью Савицкого!

- радостно проговорил Стах.

Звонарев громко зевнул, сказывалась дневная усталость.

- Ложитесь-ка вы на мою постель, Сергей Владимирович, мне сейчас не до сна. Слишком много надо сделать за ночь, - предложил Стах.

Едва Енджеевский вышел из палатки, как Звонарев, не раздеваясь, повалился на постель и тотчас уснул.

Проводив Стесселя, Фок и Сахаров направились в свой штаб, расположенный в Кумирненской импани. Лошади осторожно шли по темной дороге. Фок громко вздыхал и чертыхался, когда его конь оступался в темноте.

- Вы, верно, очень устали, ваше превосходительство? - участливо спросил Сахаров.

- Чертовски! Скорей бы эта проклятая война кончилась, сейчас же выйду в отставку и уеду куда-нибудь подальше.

- Если не секрет, то куда же вы собираетесь уехать?

- За границу! В Южную Германию. Мы, Фоки, родом из Тюрингии. Хотелось бы приобрести там дачку и пожить до конца дней на покое у себя в родном фатерланде.

- Вы заслужили полное право на спокойную старость.

- В России не умеют ценить по заслугам людей! Стессель моложе меня на семь лет, а уже метит в полные генералы, я же дальше не пойду и через год буду уволен со службы по возрастному цензу.

- Вам самим следует уже сейчас позаботиться о своей старости.

- Не от меня это зависит.

- От вас, ваше превосходительство! Войну надо кончать поскорее, ибо она в тягость русскому народу. Может быть, я пессимист, но как-то мало верю в освобождение Артура, - вздохнул Сахаров.

- Так вы считаете, что чем Артур скорее будет занят японцами, тем лучше для русских?

- Не совсем так, ваше превосходительство, но коль скоро ему суждено пасть, пусть это совершится поскорее; меньше будет человеческих жертв.

- Да, капитан, вы правы: упорное сопротивление на передовых позициях совершенно излишне, чего не хочет понять Кондратенко. Только зря проливают солдатскую кровушку.

- По-видимому, он надеется на благоприятный исход войны.

- Не такой он дурак! Просто хочет прослыть артурским героем.

- Надеюсь, Стессель не разделяет его взглядов?

- Стессель собственного мнения не имеет, это для него слишком сложно.

- Тогда пусть он усвоит мнение вашего превосходительства!

- Вы, Василий Васильевич, человек коммерческий. Хотите услугу за услугу?

Я буду поддерживать у Стесселя ваше мнение об осаде... Мог бы я участвовать в вашем предприятии?

- Разрешите на ваше имя записать акции шанхайского банка тысяч на десять - пятнадцать?

- Только, чур! Договора с вами я, конечно, заключать не буду.

- Слово вашего превосходительства дороже денег!

Сахаров оживился и весело замурлыкал что-то себе под нос.

- Много вам платят японцы? - неожиданно обернулся к нему Фок.

- Мне? Японцы? За что? - похолодев от страха, воскликнул Сахаров. - Шутить изволите, ваше превосходительство! Что же касается этого купца Тифонтая, то я с трудом выжал из него три процента с чистого дохода... вообще - купцы народ коммерческий.

- А японцы - дальновидный!

- Вполне согласен с вашим превосходительством.

- Тогда все в порядке, - закончил разговор генерал.

Утром к Фоку явился полковник Дмитриевский с целым ворохом бумаг.

- Прежде всего разрешите доложить вашему превосходительству, что

ваше распоряжение о снятии с позиций Четырнадцатого полка выполнено только наполовину: стрелки ушли, но разбирать блиндажи и укрытия генерал Кондратенко не разрешил.

- Савицкому надо было не спрашивать разрешения у Кондратенко, а точно выполнить мое приказание. Объявите ему выговор в приказе по дивизии.

- Генерал Кондратенко под угрозой ареста приказал все оставить на месте.

Кроме того, в расположении Четырнадцатого полка появилась не то холера, не то дизентерия. В охотничьей команде сразу заболело двадцать человек, некоторые тяжело. Ввиду этого полковой врач, во избежание распространения заразы, не рекомендовал что-либо уносить с бывшего участка полка.

- Это другое дело! Пусть себе там Кондратенко на здоровье возится с эпидемией, мы вовремя убираемся отсюда.

Вскоре приехал Савицкий и стал оправдываться в невыполнении приказа начальника дивизии. Фок дал ему выговориться и затем спросил:

- Правда, что у вас обнаружилась холера?

- В охотничьей команде поручика Енджеевского. Я, кстати, откомандировал его в распоряжение Кондратенко.

- Это тот умник, который уверял под Цзинджоу, что японцы уходят на север и в нарушение подчиненности, помимо меня, прямо донес об этом Стесселю и почему-то Кондратенко?

- Он самый, ваше превосходительство. Я с удовольствием бы и совсем избавился от его присутствия в полку.

- Подайте рапорт по команде. Я поддержу ваше ходатайство перед начальником района. Заодно пусть он забирает с собой всех этих холериков и разводит заразу в Седьмой дивизии.

- Слушаюсь! Сам Енджеевский тоже является нравственной заразой для всего полка - нигилист и критикан!

- Тем больше оснований от него избавиться! Посмотрим, как Кондратенко справится со своей затеей, - злорадно проговорил Фок.

- Ваше превосходительство! - доложил генералу вошедший Ирман. - По просьбе генерала Кондратенко я оставил на месте две правофланговые батареи.

- Совершенно напрасно! Немедленно снимите их, они мне нужны на левом фланге завтра к утру.

- Но там и так уже имеется три батареи, а у Хунисана почти нет артиллерии. Там намечается наступление Двадцать шестого полка, и без артиллерийской подготовки полк понесет значительные потери... - До Седьмой дивизии, с ее умником Кондратенко, мне нет дела! К вам она тоже не имеет никакого отношения, и вам незачем о ней беспокоиться.

Ирман в волнении поднялся во весь рост перед Фоком и задышающимся голосом проговорил:

- Вашего распоряжения по долгу службы и чести своего мундира я исполнить не могу. Прошу освободить меня от командования бригадой!

Фок с удивлением смотрел на своего всегда дисциплинированного и выдержанного начальника артиллерии. В таком состоянии он его еще никогда не видел.

- Какой же вы горячка, Владимир Александрович! Как будто вы не совсем лишены нашей спокойной и уравновешенной германской крови. Из-за пустяков пыль поднимаете!

- Человеческие жизни для меня никогда не были пустяками.

- Я вас, полковник, больше не задерживаю, - вновь повысил голос Фок. - Если вы больны, подавайте рапорт и уезжайте в Артур, но дальнейших препирательств по поводу отданного мною приказа я не потерплю.

Ирман повернулся по-уставному и, щелкнув шпорами, вышел. Выйдя от начальника дивизии, Ирман быстро написал рапорт о болезни и подробное письмо Кондратенко. Письмо он вручил Али-Ага Шахлинскому и приказал ему тотчас же ехать к генералу.

- От вас многое зависит, Али-Ага, - напутствовал капитана Ирман.

- Не беспокойтесь, Владимир Александрович. АлиАга еще никогда никого не подводил и не предавал в жизни. Если Фок задумал подвести Седьмую дивизию под удар японцев, то это ему не удастся. Приложу все силы,

чтобы расстроить его козни и помочь генералу Кондратенко. - И, вскочив на коня, Шахлинский широким галопом поскакал по дороге.

Глава седьмая

Звонарев вместе с Кондратенко обходил линию окопов, которые должен был занять Двадцать шестой Восточносибирский стрелковый полк. Генерал осматривал мелкие окопчики с небольшим земляным бруствером, едва прикрывавшим сидящего на дне человека.

- Надо удивляться ничтожности потерь в Четырнадцатом полку при таком отвратительном устройстве окопов, - раздраженно сказал он.

- Японец тут совсем не стреляет, можно хоть на бруствере сидеть, ваше превосходительство, - доложил Денисов, оказавшийся в числе "заболевших холерой и внезапно поправившихся" охотников.

- Очевидно, здесь никого нет, кроме редких цепей для наблюдения за нами, - окончательно решил Кондратенко. - Пока займемся улучшением позиции и подготовкой к глубокому поиску в тыл, который может привести и к прорыву всего японского расположения.

- Если только Фок и Стессель, не помешают, - вставил Семенов.

- Наверное, помешают, - добавил Енджеевский. - Наш начальник дивизии из кожи вылезет, чтобы напакостить вам.

Около полудня стремительно прискакал Али-Ага Шахлинский с письмом от Ирмана.

Ознакомившись с содержанием письма, генерал сделался мрачным.

- Батареям уже передано приказание об уходе? - спросил он у капитана.

- Никак нет, но от вас я еду к ним.

- Попросите обоих командиров батарей ко мне. Я лично побеседую с ними.

Пока что надо хотя бы до вечера задержать здесь батареи, а затем я попрошу вас, Сергей Владимирович, махнуть отсюда прямо в Артур к Стесселю, - часа через два с половиной вы будете там. Я прошу его немедленно выслать мне из крепости пятидесятисемимиллиметровую едущую батарею, батарею семидесятипятимиллиметровую китайских

пушек и хотя бы взвод шестидюймовых полевых мортир, - всего двенадцать орудий и две мортиры. С этими силами я еще смогу обойтись. Только большая просьба, Сергей Владимирович: по дороге не мешкать. Сейчас десять утра, к завтрашнему утру батареи должны быть здесь. Звонарев немедленно велел седлать себе лошадь.

- Моряков я прошу одновременно выслать канонерки и миноносцы к бухте Лунвантань. Пусть обстреляют берег с севера от Семафорной горы, - добавил Кондратенко, вручая прапорщику пакет.

Звонарев без особых приключений добрался до Артура и прямо с дороги направился с докладом к Стесселю.

Генерал был удивлен его появлением.

- Что там стряслось, что вас погнали с позиций напрямик в Артур? - спросил он у Звонарева.

- Когда я уезжал, все было благополучно, за исключением некоторых разногласий между генералами Фоком и Кондратенко.

- Опять началась генеральская грызня, - раздраженно проговорил Стессель и, разорвав пакет, стал читать донесение. - Я приказал Фоку убрать полк, а не батареи, кроме того, смена намечалась на завтрашний день, а не на сегодня. Тут уже, очевидно, Роман Исидорович, как всегда, поторопился. Что за человек! Ни минуты не может посидеть спокойно! - все больше раздражался Стессель. - Просимые им батареи я, конечно, вышлю, если они в Артуре. Вернее же, они стоят в резерве за дивизией Фока. Мортиры здесь - сейчас прикажу Василию Федоровичу их сегодня же двинуть на позиции. Вы и отвезете это приказание в Управление артиллерии.

- Генерал Кондратенко хотел, кроме того, просить помощи у флота, - доложил Звонарев.

- Есть и для них пакет?

- Так точно!

- Дайте его сюда, - приказал генерал и тут же вскрыл пакет.

- "Прошу оказать содействие моему наступлению на Дальний", - начал читать Стессель. - Какое это еще наступление? Кто его разрешил? -

набросился он на Звонарева. - Желательно в этой операции не меньше трехпяти судов подвижной береговой обороны, канонерок или крейсеров, при одновременном ударе всем броненосным отрядом на Дальний с моря". Да тут намечается целая большая операция с участием всего нашего флота и без моего ведома и согласия! Я решительно запрещаю предпринимать что бы то ни было до моего разрешения!

Письмо, адресованное Витгефту, я задержу у себя впредь до объяснения Кондратенко. Пока отправляйтесь к Белому и от моего имени прикажите выслать на передовые позиции взвод шестидюймовых мортир, - распорядился генерал. - Вы когда возвращаетесь обратно?

- Генерал Кондратенко приказал мне остаться в Артуре и продолжать работу на сухопутном фронте.

- Кого же мне послать к Кондратенко? Гантимуров здесь? - спросил Стессель у молчаливо наблюдавшего за происходящим Рекса.

- Еще не вернулся, ваше превосходительство.

- Придется послать Водягу. Можете идти, господин прапорщик, - отпустил генерал Звонарева.

В Управлении артиллерии раздавались сильный шум и крики, когда туда явился Звонарев. Еще издали он узнал могучий бас Борейко.

- Не соглашался и не соглашусь! - кричал поручик, стоя перед заведующим хозяйством крепостной артиллерии подполковником Бжозовеки. - Раз на складах есть приличное обмундирование, давать солдатам всякую рвань нельзя! Они тоже люди и должны быть одеты и обуты как следует!

- Это обмундирование, первого срока, оно не может быть выдано вам, - убеждал его Бжозовский.

- Люди босы, и я должен их обути! - гремел Борейко.

- Считаю вопрос исчерпанным, прошу уйти! - обозлился заведующий хозяйством.

- Я держусь другого мнения и иду прямо к генералу. - И, широко распахнув дверь, в коридор вылетел разъяренный поручик, едва не сбив Звонарева с ног.

- Ты откуда в таком виде? - удивился он, оглядывая своего запыленного с дороги друга.

Прапорщик пояснил.

- Идем к Белому, он у себя в кабинете.

- Надо доложить через адъютанта.

- К черту всех адъютантов! - И Борейко шагнул в кабинет генерала.

Белый был чем-то занят с Тахателовым и не сразу посмотрел на вошедших.

Оба офицера молча ожидали, пока генерал заговорит с ними.

- Откуда вы такой запыленный? - наконец обратился Белый к прапорщику.

Тот подал конверт от Стесселя и коротко изложил суть происшедшего.

- Жаль, что Роман Исидорович заранее нас не предупредил о своих планах, - заметил генерал.

- По-видимому, они у него возникли внезапно. Кроме того, он хочет использовать элемент неожиданности и атаковать японцев без проволоочки и просит только его поддержать.

- Флот наш быстро раскачать трудно. Напрасно вы отдали Стесселю письмо, адресованное Витгефту, я сам поговорю с ним и адмиралом Лощинским.

Что-нибудь да предпримем, чтобы помочь Кондратенко.

Звонарев хотел было уходить, но его задержал Тахателов расспросами о дороге, по которой должен был идти мортирный взвод. Генерал тем временем обрушился на Борейко.

- Пора прекратить ваши чудачества, поручик! Каждый день ко мне со всех сторон поступают жалобы на вас, - говорил Белый, резко отчеканивая слова. - Подполковник Бжозовский жалуется, что вы вчера самовольно захватили пятьдесят пар заготовок и отказались их вернуть. Хотя я ценю вас как боевого офицера и хорошего артиллериста, все же я решил перевести вас обратно на Электрический Утес. Пока этим и ограничусь. Заготовки же верните на склад.

- Я уже пошил из них сапоги.

- Когда же вы успели это сделать?
- Посадил всех сапожников своей роты и призаял у соседей, они мне за ночь и стачали пятьдесят пар.
- Я отдам в приказе выговор вам с переводом на Электрический Утес младшим офицером.
- На Залитерную вы кого собираетесь назначить, ваше превосходительство?
- Штабс-капитана Высоких.
- Этот подойдет! - одобрил выбор генерала Борейко.
- Я того же мнения, - иронически улыбнулся генерал и отпустил офицеров.

Через час Звонарев вместе с Белым отправился к Витгефту на "Цесаревич".

Там они застали адмиралов Лощинского, Ухтомского и Григоровича.

Белый был среди моряков своим человеком, поэтому его встретили без всяких церемоний: Матусевич дружески взял его под руку и провел к Витгефту. Эллис и Звонарев последовали за ними. Хотя официального заседания не было, но морские и сухопутные превосходительства обменялись мнениями по поводу предложения Кондратенко.

- Кроме судов отряда Михаила Федоровича, - кивнул в сторону Лощинского Витгефт, - мы ничего выделить не сможем.
- А крейсера "Аскольд", "Диана", "Паллада" и особенно "Баян"? - напомнил Белый.
- Они так глубоко сидят, что долго придется тралить рейд для их прохода
- тогда можно будет вывести и броненосцы.
- Тем лучше! Пока Михаил Федорович со своими канонерками, миноносцами и крейсерами будет обстреливать берег, броненосцы обрушатся на Дальний, - предложил Белый.
- Дальнинский рейд сильно заминирован, и к нему близко подходить опасно.

Кроме того, японцы выдвинув свой флот к Артуру, отрежут нас от него и заставят в море принять бой, что для нас совсем невыгодно.

- Побольше решительности, Вильгельм Карлович, - уговаривал адмирала Белый. - Я всегда стоял за тесное сотрудничество с флотом, думаю, что и на этот раз выражаю ту же точку зрения. Необходимо обстрелять Дальний, хотя бы с большой дистанции. Это заставит японцев обратить внимание на охрану этого порта и отвлечет часть их морских и сухопутных сил.

После долгих споров решили, что с утра в море выйдет отряд подвижной береговой обороны под флагом Лощинского в составе "Новика", трех канонерок и шести миноносцев. Крейсера же и "Ретвизан" должны быть готовыми, к выходу на помощь в случае надобности.

Дома Звонарева ждал подполковник Науменко.

- Едемте сейчас на позиции: вас вызывает Кондратенко. На ночь намечено наступление, а с рассветом флот поддержит нас с моря.

- Сейчас велю седлать, - ответил прапорщик.

- У штаба стоит экипаж Сахарова, он нас довезет.

Через четверть часа, сопровождаемые взводом казаков, они уже катили вместе с Сахаровым в экипаже по средней артурской дороге.

Звонарев, развернув карту, рассказывал начальнику штаба о предполагаемых действиях отряда Лощинского. Сахаров с большим интересом следил за его объяснениями, делая заметки у себя в записной книжке.

- Для доклада генералу Фоку, - пояснил он.

К заходу солнца они добрались до Кондратенко, который торопливо начал расспрашивать Звонарева о намерениях флота.

- Необходимо будет завтра с утра хорошенько наладить связь с моряками через Семафорную гору. Ночью наши разведчики пойдут на поиск, и если он будет удачен, то их поддержит Двадцать шестой полк, - говорил Науменко.

- Каково будет расположение полков, батареи и резервов? - поинтересовался Сахаров.

Науменко начал указывать на карте расположение частей, а капитан быстро наносил его на свою карту.

- Откуда у вас, Василий Васильевич, такая чудесная карта? - обратился внимание подполковник.

- Японская, - спокойно ответил Сахаров. - В Дальнем, купил.

- Вот бы нам такую! Наши очень плохи: все названия перевернуты, дороги и деревни нанесены не там, где надо, высоты указаны неверно, - жаловался Науменко. - Нельзя ли у вас скопировать?

- Пожалуйста! После доклада Фоку пришлю вам карту для копировки, - предложил Сахаров.

- Прекрасно, будем вам очень благодарны...

Распрощавшись, Сахаров покатил дальше.

В темноте легко было сбиться с дороги, и поэтому Сахаров посадил, в свой экипаж встретившегося вскоре человека, который указывал кучеру дорогу. Когда надобность в проводнике миновала, человек слез, получив от капитана за труд двугривенный и небольшую бумажку с непонятными значками, которую он тщательно спрятал за пазуху.

Разведчики Двадцать шестого полка должны были двинуться около полуночи.

Общее руководство ими было возложено на Енджеевского, и около десяти часов вечера поручик зашел в штаб за получением окончательных распоряжений. Здесь он встретился с Звонаревым, только что приехавшим из Артура.

- У вас все готово к сегодняшней ночной операции? - спросил у Стаха Кондратенко.

- Так точно, ваше превосходительство! Люди разведены в исходное положение, и им подробно объяснено задание. Я постараюсь без шума добраться до линии батареи и частных резервов, там атакую и буду ждать подхода полка, чтобы пропустить его вперед.

- Только сильно не задерживайтесь, углубляйтесь в расположение противника не дальше двух-трех верст, а то вас могут отрезать от главных сил полка, - предупреждал генерал.

- Разрешите мне отправиться с разведчиками, - обратился к генералу Звонарев.

- Вы мне нужны здесь, - отказал Кондратенко, - затем, что я отвечу Василию Федоровичу, если с вами что-нибудь случится? Он и так настаивает на вашем возвращении в артиллерию,

- Поручите мне, Роман Исидорович, держать связь с охотниками, - попросил Звонарев.

- Только, чур, зря не рисковать и аккуратно посылать донесения, - уступил наконец генерал.

Обрадованный прапорщик вышел вместе с Енджеевским.

- Раз так, то переодевайтесь! Шашку и шпоры долой! - распорядился Стах. - Наденьте солдатскую рубаху вместо кителя, погоны мы вам нарисуем прямо на ней. Возьмите винтовку, а револьвер суньте в карман, так-то вам куда удобнее будет, чем в вашем обычном снаряжении. Вы пойдете сперва вместе со мной, а затем двинетесь самостоятельно. В помощь вам я дам своего фельдфебеля Денисова, он будет вам очень полезен. Все время внимательно следите за моими сигналами свистком: протяжный - значит, наступать или стрелять, короткий - значит, отходить и собираться ко мне. Вот и все, - учил прапорщика Енджеевский.

Вскоре оба офицера отправились к долинке за передовыми окопами, где собирались охотники.

Ночь выдалась темная, грозовая. Временами налетал шквальный ветер, под его порывами гаолян сильно шелестел; поблескивали зарницы, быстро неслись низкие тучи.

- Лучшей погоды и не придумать: за шорохом деревьев и гаоляна ничего не услышишь, а при слабых зарницах многого не разглядишь, - радовался Стах. - Позвать взводных ко мне в палатку, - распорядился он. Вскоре в маленькой палатке собралось человек пять солдат. Енджеевский разложил карту прямо на земле и при свете электрического фонарика стал еще разъяснять солдатам, что надо делать во время поиска.

- Мой заместитель прапорщик Звонарев. - Енджеевский осветил его с головы до ног. - Запомните: я всегда в папахе, а он будет в фуражке. С прапорщиком пойдет Денисов, поняли?

- Так точно, Евстахий Казимирович, поняли! - хором ответили солдаты.

- С вами, Сергей Владимирович, пойдет третий взвод, - они у меня большие ловкачи, но увлекаться им не разрешайте! - предупреждал Енджеевский. - Пора в путь! - решил он, взглянув на часы. - С богом или чертом, с кем кому больше нравится! - пошутил Стах на прощание.

- Третьему взводу всегда чертяка ворожит, - отозвался длинноусый солдат с рябинками на лице.

- Недаром фамилия твоя Чертовский, - ответил Енджеевский. - Ваш взводный, - указал он Звонареву на говорившего.

- Расходись по местам, ребята! Я пойду прямо вперед, вы сперва за мной, а в долине свернете налево. Желаю успеха, Сергей Владимирович! - пожал он руку Звонареву и скрылся в темноте.

- Нам сюда, ваше благородие, - сказал Чертовский и повел прапорщика в сторону.

- Становись! - вполголоса скомандовал Денисов. - Выходи на дорогу, винтовки на ремень. Глазко, иди вперед, будешь держать связь с первым взводом.

Солдаты двинулись по узенькой тропинке. Когда глаза привыкли к темноте, Звонарев стал различать чуть белевшую узенькую тропинку, спускавшуюся круто вниз.

- Прошли наши окопы, - вскоре шепотом сообщил прапорщику Денисов. Стрелки шли совсем бесшумно, только изредка шуршал, катясь под уклон, срывавшийся из-под ног камень.

Пересекли маленький ручеек в долине и вошли в галян.

- Сейчас справа будет японская батарея, а за ней их окопы, - прошептал унтер-офицер.

Поле стало резко подниматься вверх, и вскоре отряд вышел на вершину хребта.

Звонарев остановился с Чертовским, пропуская вперед остальных. Все было по-прежнему окутано густым мраком ночи, и отряд осторожно продвигался дальше, почти вплотную подбিরаясь к японскому лагерю.

- Глазко, Прядин! - шепотом позвал Денисов. - Видите часового!

- Так точно!

- Мигом снять, но без шума! Первое и второе отделения кинутся по свистку на первые две палатки, третье и четвертое - на левое крыло, - распоряжался солдат. - Винтовку приготовьте, ваше благородие, может, стрелять придется.

Прошло несколько томительных мгновений. Японский часовой, посвистывая, продолжал расхаживать вдоль батареи. Стрелки расположились по сторонам, поближе к намеченным палаткам. Только Звонарев, Дроздов и Чертовский остались на месте.

Вдруг раздался глухой удар о землю и тихая возня. Часовой исчез, и Дроздов оглушительно засвистел. Шестьдесят человек одновременно поднялись на ноги и бросились к палаткам. Грянул выстрел, другой, кто-то дико вскрикнул, десятки фигур замелькали в темноте, сталкиваясь на бегу, падая и вновь поднимаясь. На Звонарева выбежал из темноты маленький человек в белом - по-видимому, в нижнем белье. Он быстро вскинул руки и выстрелил. Денисов мгновенно ткнул японца штыком, и тот с криком повалился на землю.

Еще два-три выстрела, и на батарее было все кончено, но справа и слева раздалась частая ружейная трескотня, слышался лошадиный топот. Звонарев с солдатами поспешил к орудиям.

- Вынимай замки! - скомандовал он стрелкам.

Вскоре все четыре замка были сняты с орудий, стрелки камнями сбивали с пушек прицельные мушки, вынимали прицелы и всячески старались привести орудия в негодность.

Со всех сторон шла усиленная ружейная перестрелка, прерываемая гулом пушечных выстрелов.

- Ваше благородие, пора назад! - подбежал Денисов. - Евстахий Казимирович до себя кличут, свистки ихние слышать.

- Потери у нас есть? - спросил Звонарев.

- Гриднев убит да двоих легко поцарапало - вот и все, - доложил Денисов.

Все кинулись по тропинке на гору, прапорщик с Чертовским остались в хвосте. Идти пришлось по тому же гаолянцу, по которому шли раньше, но

теперь он вдоль и поперек простреливался ружейным огнем. Сквозь заросли гаоляна вспыхивали огоньки ружейных выстрелов, вскрикивали и валились на землю раненые.

Отряд Звонарева таял с каждой минутой, число раненых увеличивалось, а с этим и увеличивались трудности продвижения в густом гаоляне. Кое-как с трудом добрались до хребта, на котором были расположены русские окопы, но они оказались уже заняты японцами. Перестрелка шла далеко внизу у реки Лунвантань, около которой ранее были расположены резервы Семенова. Стало очевидным, что отряд был отброшен за реку. В суматохе боя связь с Енджеевским была утеряна. Звонареву пришлось принимать решение на свой страх и риск, Собрав своих людей в небольшой укрытой лощинке, прапорщик подозвал к себе Денисова, Чертовского и еще нескольких стрелков и начал с ними советоваться, что делать дальше.

- Ума не приложим, как могло случиться, что японец сбил наш полк с позиции, - недоумевали солдаты, - не иначе, ему сообщили о нашем наступлении.

- Давайте лучше раскинем мозгами, как теперь нам добраться до своих, - остановил солдат Звонарев.

После обсуждения решили небольшими группами пробираться к реке. Одна из стрелков знал, где находится брод, другие брались провести к нему отряд.

Осторожно, под прикрытием темноты, удалось незамеченными пробраться в прибрежные камыши к нужному месту.

Кое-как, часто останавливаясь и прислушиваясь, охотники добрались до речки и спрятались в прибрежных камышах. За рекой шел бой, слышалась ружейная стрельба и орудийная канонада.

Дождавшись рассвета, Звонарев с отрядом вышел наконец в расположение русских войск и вскоре, весь мокрый и грязный, был уже в штабе Кондратенко.

- Умойтесь, почиститесь, поешьте и приходите сюда опять, - распорядился генерал, выслушав его рапорт о вылазке. - Я, отправлю вас

на Семафорную гору для связи с моряками. После артиллерийской подготовки Двадцать пятый и Двадцать шестой полки перейдут в наступление.

- Слушаюсь! - отозвался прапорщик и вышел.

- Что здесь произошло ночью? - спросил Звонарев у адъютанта Четырнадцатого полка.

- Произошло то, чего меньше всего можно было ожидать. Когда Двадцать шестой полк двинулся за охотниками и уже взял японские окопы, слева во фланг и тыл ударили два японских полка, смяли его, отбросили на первоначальные позиции и на его плечах ворвались в них, едва не захватив при этом нашу артиллерию. Японское наступление удалось задержать контратакой Двадцать пятого полка уже на этом берегу реки Лунвантань. Очевидно, японцы были прекрасно осведомлены о нашем наступлении и отлично рассчитали свой удар. Кроме того, Четвертая дивизия пальцем не пошевелила, чтобы нам помочь. На все просьбы Фок ответил категорическим отказом. Вызванный Кондратенко из Артура Двадцать седьмой полк с дороги был возвращен Стесселем обратно.

Результат: мы сидим на восточном берегу Лунвантаньской долины и собираемся атаковать противника после артиллерийской подготовки с суши и с моря с целью вернуть свои прежние окопы. Но что из этой затеи выйдет, сейчас сказать трудно, - сообщил адъютант, пока Звонарев приводил себя в порядок.

- Где Енджеевский? - вспомнил прапорщик.

- Дважды ранен и находится на перевязочном пункте.

- Да ну! Тяжело? - заволновался Звонарев.

- По-видимому, не особенно, так как все время в сознании. Справлялся о вас.

В это время к штабу подъехал Фок в сопровождении Сахарова.

- К сожалению, Роман Исидорович, вас нельзя поздравить с успехами, - ехидно проговорил Фок, здороваясь с Кондратенко.

- В значительной степени своими неудачами я обязан вам, ваше превосходительство, - резко ответил Кондратенко.

- Вот уж, что называется, с больной головы да на здоровую! - воскликнул Фок. - Я ли вас не предупреждал против этой авантюры! Но вы меня и слушать не хотели.

- Можно подумать, что ваше превосходительство объявило о своем нейтралитете в этом бою.

- Думать, конечно, можно что угодно, но говорить подобные вещи не разрешается даже вашему превосходительству! Да чего, впрочем, можно ждать от незадачливого полководца, только что потерпевшего поражение. Имею честь кланяться!

- Редкая сволочь! - пробормотал ему вслед Кондратенко. - Евгений Николаевич, для восстановления положения на фронте мы должны рассчитывать только на свои силы, - обернулся генерал к своему начальнику штаба.

- И на помощь флота, - напомнил Науменко.

- Да, куда девался Звонарев? - вспомнил Кондратенко.

- Здесь, ваше превосходительство! - отозвался прапорщик.

- Привели себя в порядок? Поезжайте поскорее на Семафорную гору и установите связь с флотом. Как только подойдут суда, попросите немедленно

открыть огонь по долине. О начале общей атаки мы вас предупредим, - распорядился генерал.

Звонарев велел подать себе лошадь и, наскоро проглотив стакан чаю, поскакал к морю. По дороге, проезжая мимо перевязочного пункта, он справился о Енджеевском.

- Я здесь! - отозвался сам поручик.

Он лежал под кустами, весь забинтованный, но бодрый.

- Как ваше самочувствие? - спросил прапорщик.

- Довольно хорошее, хотя сильно ноет левое плечо и прострелена нога, - отозвался Стах. - Что с вами-то приключилось? Я вас и не думал уже видеть в живых.

Звонарев в двух словах рассказал о себе.

- В общем, дело обернулось скверно. Мы тоже попали чуть не в

окружение и едва выбрались. Откуда японцы взялись, ума не приложу! Еще днем никого не было видно, - сокрушался Стах.

- Сейчас подойдут наши суда, и после обстрела с моря мы пойдем в контратаку, - сообщил Звонарев.

- Боюсь, как бы нам не помешала опять дивизия Фока! - заметил Стах. - Ночью они вели себя предательски: артиллерия молчала, а полки только делали вид, что стреляют.

- Таков был приказ Фока.

- Расстрелять надо этого предателя и подлеца. Под Цзинджоу он предал Пятый полк, а сейчас нас, - обозлено сказал Енджеевский.

Попрощавшись с ним, Звонарев поехал дальше. Вскоре он уже был на берегу моря. Оглядев горизонт, прапорщик увидел приближавшиеся со стороны Артура корабли. Впереди шли шесть миноносцев, затем крейсера "Паллада", "Диана", "Баян" и "Новик". Шествие замыкал броненосец "Полтава". Ближе к берегу на траверзе "Баяна" держались канонерки "Отважный" и "Гремящий". "Полтава" и крейсера остановились, немного не доходя до бухты Лунвантань, а миноносцы и канонерки вошли в самую бухту.

Как только они стали на якорь, с "Отважного" отчалила шлюпка, и вскоре на берег высадился мичман, посланный для связи с сухопутными частями. Звонарев подъехал к нему и слез с лошади. Поздоровавшись, они стали подниматься на Семафорную гору, где была установлена сигнальная мачта и находился морской пост. Звонарев в бинокль начал рассматривать Лунвантаньскую долину, в восточной части которой скапливались русские резервы. Японцы с больших дистанций вели по ним редкую артиллерийскую стрельбу. В западной части, густо поросшей гаоляном, почти ничего не было видно, только местами виднелись светлые полосы наскоро сооруженных японцами окопов.

- По всему гаолян, ваше благородие, японцев полно, - сообщил матрос, бывший на посту за старшего.

- Не мешало бы связаться с полевыми батареями, пусть они их обстреляют, - высказал мысль Звонарев.

- Артиллеристы вон за теми камушками устроили себе пункт, - указали влево матросы.

Мичман с прапорщиком направились туда и вскоре увидели полковника Мехмапдарова с несколькими офицерами. Звонарев представился ему и сообщил о возложенных на них обязанностях.

Полковник тотчас открыл огонь по гаолян, а через десять минут все миноносцы и канонерки начали обстрел гаоляна, и японцы стали торопливо выскакивать оттуда. Полевые батареи били по ним шрапнелью, и скоро вся долина заволочлась дымом разрывов и пылью поднятой земли. Сегментные снаряды моряков хорошо ложились во фланг японцам. Противник панически бежал по всему фронту, и русские стрелковые цепи перешли в наступление. Но тут ожила ранее молчавшая артиллерия противника, обрушившаяся и на стрелковые цепи и на Семафорную гору. Несколько снарядов разорвалось около группы Мехмандарова, сам полковник был легко ранен, рядом с ним убило двух артиллеристов и ранило одного из матросов. Мичман с Звонаревым поспешили перебраться к сигнальной мачте, но и здесь вскоре начали падать снаряды.

- Поднять сигнал: судам отыскивать японские батареи, обстреливать их, - распорядился мичман от имени сухопутного начальства.

На мачте взвилось несколько флагов. Едва на кораблях был принят этот сигнал, как прямым попаданием снаряда сигнальная мачта - была снесена почти до самого основания, связь с судами оборвалась.

- Нам здесь делать больше нечего, - решил мичман.

Матросы усиленно засигналили флагами, и вскоре с "Отважного" отвалила шлюпка. Приняв Звонарева и мичмана, шлюпка стрелой полетела назад. Как только она подошла к канонерке, мичман кошкой взлетел на палубу по веревочному трапу. Звонарев последовал за ним. Мичман быстро объяснил своему командиру обстановку на суше. Лазарев отдал нужные приказания, и на мачте взвилась новая комбинация флагов, разобрав которую, все корабли начали стрелять по самому хребту, простреливая его продольным огнем. В ответ японские батареи

принялись громить русские цепи.

- Необходимо подавить японские батареи! - завокнувался Звонарев.

- Как же мы их подавим, если их ниоткуда не видать? - отвечали ему моряки.

- Надо пройти дальше вперед по берегу, чтобы были видны все тылы, - советовал прапорщик.

- Лучше бы вы, Сергей Владимирович, сами съездили на "Баян" и доложили обо всем командиру отряда крейсеров капитану первого ранга Рейценштейну, - посоветовал Лазарев

Звонарев попросил доставить его на флагманский корабль. Капитан тотчас приказал спустить на воду паровой катер и сообщить сигналами о прибытии офицера с берега

Минут через двадцать Звонарев уже поспешно подымался на палубу "Баяна".

На мостике, куда провели Звонарева, находились командир "Баяна" Вирен, капитан первого ранга Рейценштейн, Сойманов и еще два-три незнакомых офицера. Сойманов представил прапорщика своему начальству. Его попросили наметить сперва на карте, куда следует стрелять, а затем указать цели на берегу. Звонареву трудно было сразу разобраться в развернувшейся перед ним картине, но помогла японская артиллерия, которая стала усиленно обстреливать передовые окопы. Двадцать пятого полка и обнаружила себя блеском выстрелов и пылью.

- За этим хребтом, - показал Звонарев. - Только надо продвинуться вдоль берега.

Крейсер двинулся вперед, и вскоре стали ясно видны места расположения японских батарей. Обстрелянные с моря тяжелыми снарядами, они одна за другой замолкли. Звонарев хотел было распрощаться и съехать на берег, считая свою задачу исполненной, но Вирен его задержал.

- Хочется вам, прапорщик, или не хочется, а придется до Артура добраться на "Баяне", - заявил он. - Нам надо поскорее сниматься с якоря, ибо с моря подходит Того. - И он указал на появившиеся вдаль

дымки. Рейценштейн, глядя в сильную подозрную трубу, старался по силуэтам угадать японские корабли.

- "Чин-Иен", за ним "Нисснн", дальше "Кассуга", потом, никак, "Микаса" или "Яшима". Выходит, что пожаловал действительно сам адмирал Того. Пора нам трогаться в Артур. Поднять сигнал: судам следовать в Артур! - распорядился он.

Заметив движение русской эскадры, японцы открыли огонь. Вскоре около десятка тяжелых снарядов обрушилось на "Полтаву" и идущий концевым "Баян".

Хотя прямых попаданий и не было, но один из снарядов близко взорвался при ударе об воду и осыпал крейсер осколками. Матрос-сигнальщик вдруг кубарем полетел с мостика на палубу, попытался встать, но упал снова. Около него быстро образовалось темное пятно крови. Фуражка Рейценштейна взвилась в воздухе и упала далеко на палубу, а сам капитан испуганно и удивленно схватился обеими руками за свою лысую голову. Вирен зажмурился и скривил такую гримасу, как будто ему засыпало глаза песком. Артиллерист лейтенант Деливрон поперхнулся на полуслове, Сойманов же с удивлением посмотрел на то место, где произошел взрыв снаряда. Звонарев усиленно отряхивал с себя воду, которая вместе с осколками долетела до костяка. Раненого подобрали. Вирен раскрыл глаза. Рейценштейн, несколько мгновений молчавший, вновь обрел дар слова и прежде всего облегчил свою взволнованную душу крепкой бранью.

- Думал я, что моя голова улетит вместе с фуражкой, так ударило меня воздухом. - И капитан повертел своей головой вправо и влево, как бы не веря, что она у него осталась на плечах.

- Удачный выстрел! На две-три сажени ближе - и мы не избежали бы подводной пробоины. Есть пострадавшие, кроме Федотова? - справился Вирен.

- Как будто бы нет, Роберт Николаевич, - отозвался Дели врой.

- Подбита шлюпка с левого борта, есть пробоины в задней трубке, поврежден дальномер на формарсе, - доложил старший офицер "Баяна"

капитан второго ранга Любимов.

- Не оставайтесь в долгу, Виктор Карлович, - обернулся Вирей к Деливрону.

- Есть! Постараюсь добросить до "Нисеина" восьмидюймовый снаряд из носовой башни. - И лейтенант поспешно сошел с мостика, направляясь на бак.

Звонарев последовал за ним.

- Разрешите мне понаблюдать вблизи стрельбу ваших орудий, - попросил он у лейтенанта.

- Пожалуйста! Пойдемте вместе в башню, - любезно предложил лейтенант.

Прапорщика поразила впервые увиденная им полная автоматизация процессов стрельбы: снаряд и заряд подавались элеватором из расположенных в глубине корабля погребов, наводка производилась электричеством, угол возвышения, соответствующий скомандованному прицелу, придавался при помощи электромотора, горизонтальная наводка достигалась путем вращения при помощи электричества всей башни в нужном направлении. Командир башни помещался в задней ее части, в выступавшем над крышей башни броневом колпаке, снабженном прорезью для наблюдения за целью. Когда обе пушки были заряжены, кондуктор доложил лейтенанту командиру башни.

- Прицел двести семьдесят! - скомандовал лейтенант со своего места. - Пли!

Оба орудия со страшным грохотом выбросили свои снаряды и, откатившись по накатникам, медленно и плавно вернулись на прежнее место. Хотя звук выстрела в башне несколько был смягчен броней, тем не менее у Звонарева долго еще потом сильно звенело в ушах. Как только орудия стали на свои места, матросы заторопились, подготавливая их к новому выстрелу.

- Одно попадание в корму, кажется, "Хашидате", второе - правее! - сообщил башенный командир.

Матросы загудели, споря, какое из орудий попало в цель.

- Это Зинченко! - утверждали номера левого орудия, показывая на своего серьезного комендора с георгиевской петличкой на груди.

- Нет, наш Дивулин! Он как раз в корму самому адмиралу Того целил, - шутливо возражали матросы правого орудия.

- Бил в ворону, а попал в корову!

- Должен был попасть в "Микасу", а попал в "Хашидате", - смеялись сторонники Зинченко. - Наш комендор прямо в "Хашидате" наводил орудие и попал.

- Оба мы в один корабль целили, а кто из нас попал, неизвестно, - серьезно сказал Зинченко.

- Пробанить орудие после стрельбы! Гавриков, проследите, - приказал лейтенант кондуктору и вышел из башни.

Звонарев последовал за ним.

- Понравилась вам наша стрельба? - спросил у прапорщика Деливрон.

- Завидую вашей технике! К сожалению, на берегу ее нет!

- Помимо техники, нужна еще и выучка.

- Я восхищался слаженностью работы орудийной прислуги: видно сознательное отношение матросов к своему делу.

Деливрон расцвел от удовольствия.

Корабли подходили к Артуру. Миноносцы проскочили уже в порт, за ними начали втягиваться крейсера. Не дожидаясь входа "Баяна" в гавань, Звонарев съехал на берег на шлюпке и направился с докладом к Белому.

На следующий день с утра прапорщик отправился в штаб Кондратенко. Там он застал только приехавшего с передовых позиций генерала. Он был сильно не в духе. Мельком поздоровавшись с Звонаревым, Кондратенко заторопился к поджидавшему его Стесселю.

- Не зря, значит, мы с Фоком были против вашей авантюры, - встретил Кондратенко начальник района.

- Моя неудача объясняется тем, что мы слишком долго собирались с духом и японцы успели подвести свои резервы, затем генерал Фок меня не поддержал.

- Нечего на других пенять. Роман Исидорович, коли вы во всем виноваты,

- оборвал Стессель. - Вы сперва хотели наступать чуть ли не до Дальнего, я разрешил лишь поиск разведчиков, но и это едва не кончилось катастрофой!

Сколько людей мы потеряли!

- Триста раненых, около ста убитыми.

- Короче, мы потеряли целый батальон. Нет, батенька, как хотите, но я больше этого не позволю. Я решил Фока оставить на передовых позициях, а вас как инженера использовать в крепости, и назначаю вас начальником сухопутной обороны крепости с подчинением Смирнову. Фок же будет непосредственно находиться в моем ведении.

- Слушаюсь, если ваше превосходительство находит это необходимым для пользы службы.

- Нахожу, нахожу, Роман Исидорович, и рад, что вы со мной согласны, а пока прошу ко мне на завтрак, - уже дружелюбно, проговорил Стессель.

- Я не умыт с дороги.

- Пустяки! Вера Алексеевна мигом все приведет в порядок! Кстати, она все время стоит за вас горой!

- Чрезвычайно признателен ей за неизменно дружеское отношение, - ответил Кондратенко и последовал за Стесселем из штаба. Тут он заметил поджидавшего его Звонарева.

- Какие будут приказания вашего превосходительства? - спросил прапорщик.

- Приказание будет одно, - вместо Кондратенко ответил Стессель, - идти ко мне завтракать!

Звонарев поблагодарил и пошел за начальством.

- Вы где сейчас пребываете и что делаете? - обернулся к прапорщику Стессель.

- Состоит при мне, - объяснил Кондратенко. - Принимал участие в последнем деле и чудом только уцелел.

- Вы, я вижу, настоящий чудотворец, молодой человек. Под Цзинджоу проявили чудеса храбрости, сейчас опять чудом уцелели. Построили какой-то чудесный, по словам Костенко, перевязочный пункт и, наконец,

покорили сердце такой замечательной девушки, как Варя Белая, - шутил Стессель.

- Помилуй бог, нельзя же, ваше превосходительство, все объяснять чудесами, можно подумать и о проявлении ума, - проговорил Звонарев.

Вера Алексеевна встретила гостей, как всегда, очень любезно. Кондратенко поручила заботам своих денщиков, которые мгновенно привели одежду генерала в порядок и дали ему умыться.

Вскоре все уже сидели за столом. Подоспевший к завтраку Никитин не замедлил налечь на графинчик и пытался вовлечь в это дело и Звонарева, но потерпел неудачу.

Вера Алексеевна со своего места грозно поглядывала в их сторону, и Никитин конфузливо ограничился двумя рюмками.

- Как жаль, что ваш план. Роман Исидорович, не удался. Я убеждена, что, если бы все было как следует, вы добрались бы до с, ого Дальнего, - кокетничала генеральша, ласково поглядывая на Кондратенко.

- Сейчас не вышло - выйдет в другой раз, - ответил тот, с хитрой улыбкой поглядывая на Стесселя.

- И не мечтайте, Роман Исидорович. Не позволю, - отозвался начальник района. - Я и не знал, что вы такой упрямый!

- Недаром из хохлов, - поддержал Никитин.

- Успех сам идет нам в руки! Будь вчера подтянуты к месту боя Двадцать пятый и Двадцать седьмой полки, мы смяли бы японцев и сейчас завтракали бы не в Артуре, а в Дальнем, - возражал Кондратенко.

Спор был прерван приездом Фока.

Войдя в столовую, генерал, поздоровавшись, сел около Кондратенко.

- Что случилось в Артуре, что меня вызвали с позиции? - спросил он у Стесселя.

- Хотел потолковать с тобой и Романом Исидоровичем о происшедшем вчера ночью.

- Говорить тут много не о чем. Оскандалился начальник Седьмой дивизии со своим наступлением, ему и ответ за то держать, а я ни при чем.

- Слушок есть, что ваше превосходительство, из особой любви к генералу

Кондратенко, предоставили ему одному пожинать лавры побед, а свои полки увели подальше от греха, - съехидничал Никитин.

- Вас считают, Александр Викторович, повинным в неудаче Седьмой дивизии, - вмешалась Вера Алексеевна.

- Кто считает? Генерал Кондратенко? Так ему другого ничего не остается делать! Все остальные люди, в здравом уме и твердой памяти, этого сказать не могут.

- Не будем спорить, Александр Викторович, о том, кто виноват, - примирительно произнес Стессель, - лучше подумаем, как избежать этого в будущем.

- Сидеть и не рыпаться, - ответил Фок, - спешно укреплять Порт-Артур и перебираться сюда с передовых позиций. Дольше середины июля я там держаться не стану.

- Нельзя допускать японцев к крепости, пока ее сухопутная оборона не закончена, - с тревогой проговорил Кондратенко.

Очевидно, желая предупредить дальнейшую пикировку, Стессель поднялся из-за стола.

Работы по сооружению сухопутных батарей велись непрерывно днем и ночью при свете прожекторов как а будни, так и в праздники. В петров день Звонарев с раннего утра уехал на западный участок фронта, расположенный от реки Лунхе и до Голубиной бухты. Особенное значение тут имела гора Высокая, с которой открывался вид на весь Артур и внутренний рейд со стоящей на нем эскадрой.

Общее руководство инженерными работами в этом районе было поручено лучшему из инженеров крепости подполковнику Сергею Александровичу Рашевскому. Когда Звонарев подъехал сюда, работа уже кипела полным ходом. Несколько десятков солдат, матросов и китайцев копошились на небольшом участке вершины горы.

Звонарев обратил внимание на то, что китайцы здесь работали с особым увлечением. Они наравне с солдатами и матросами усердно трамбовали бетон, таскали мешки с землей, рыли окопы. Работали они вперемежку с русскими под командой саперных унтер-офицеров. Но в одном месте

прапорщик увидел, как группа солдат и матросов внимательно слушала указания еще не старого китайца, объяснявшего, как удобнее и легче бить траншеи в скале.

- Любуетесь на нашего Цзин Яна? - подошел изнемогающий от жары Рашевский.

- Это прирожденный инженер. Прекрасно разбирается в технических вопросах, внес много ценных предложений по упрощению и облегчению земляных и бетонных работ. Его отметил сам Роман Исидорович и приказал сделать десятником. Мы опасались, что русские не станут слушаться китайца, но он сумел завоевать авторитет у солдат и матросов.

- Едва ли Стессель согласится, если узнает об этом, как бы он не счел Цзин Яна шпионом, - произнес Звонарев.

- Пока никто из начальства не обратил на это внимания. К тому же Кондратенко лично назначил Цзин Яна десятником по производству скальных работ с окладом в тридцать рублей в месяц.

- Почему в других местах китайцы работают очень неохотно, лениво, а у вас они трудятся с увлечением? - обратил внимание Звонарев.

- Прежде всего я китайцев не обижаю и не, позволяю обижать их. Затем я аккуратно каждую субботу выплачиваю им заработанные деньги, а не даю расписки с правом получения денег с русского правительства по окончании войны с Японией, как это практикуют другие инженеры. И, наконец, китайцы у меня фактически стоят на довольствии наравне с солдатами и матросами.

- Как же это можно! В крепости запасы продовольствия и так весьма ограничены, - удивился прапорщик.

- Русские солдаты и матросы не любят риса, который им полагается на довольствии, и охотно делятся с китайцами. Это их национальная еда. Горсть риса - китаец сыт на полдня. Так и помогают друг другу в работе и в жизни наши русские мужички и рабочие местному населению. Надо прямо сказать - живем с ними в ладу и дружбе.

Вскоре Звонарев вернулся в штаб Кондратенко. Выслушав его доклад о ходе работ на западном участке, генерал задумчиво пощипал бородку и

сказал:

- За мое пребывание на передовых позициях работы в Артуре сильно замедлились. Инженеры занялись постройкой блиндажей в городе для себя и для своих друзей. С завтрашнего дня я сам возьмусь за инженеров и заставляю их делать то, что надо, - твердо проговорил генерал, слегка постукивая кулаком по столу.

- Почему за время вашего отсутствия так усердно работали над укреплением центральной ограды, на которой все равно долго не удержишься, а передовые позиции были оставлены без внимания? - спросил Звонарев.

- Фантазия Стесселя, вернее, Фока, ибо Стессель не додумался бы до переброски рабочих, материалов и средств на укрепление центральной ограды.

Фок же действует по подсказке Сахарова, у которого всегда и везде на первом плане коммерческие расчеты, - пояснил Кондратенко.

- Какая же тут может быть коммерция?

- Очевидно, кому-то выгодно, чтобы мы занимались не тем, чем нужно.

Прапорщик слушал шагающего по кабинету генерала и не понимал его пассивного отношения к творящимся в Артуре безобразиям. Когда он высказал эту мысль вслух, Кондратенко сразу остановился.

- Такова вся наша государственная система. Артур не составляет исключения, - резко проговорил генерал.

Приход инженер-капитана Зедгенидзе прервал их разговор. Он был одним из ближайших помощников Кондратенко. Писаный красавец по наружности, он отличался необычайной скромностью в отношении женщин. Все свободное время отдавал музыке, которую в шутку называл своей единственной возлюбленной. С прибытием в Артур Кондратенко, еще до начала военных действий, Зедгенидзе сразу стал его верным сподвижником в деле укрепления Артура.

- Какие будут распоряжения вашего превосходительства? - справился, здороваясь, Зедгенидзе.

- Срочно выловить всех воров и взяточников в Артуре! - ответил с

усмешкой генерал.

- Это совершенно невозможно, - улыбнулся капитан.

- Я решил немедленно прекратить все работы по укреплению центральной ограды крепости, как бессмысленные, и бросить все силы на западный участок, - проговорил Кондратенко.

- А Стессель?

- Попробую его уговорить. Смирнов со мной согласен.

- Значит, Стессель будет против.

- Злы вы на язык, Михаил Андреевич, - улыбнулся генерал.

Распределив работу между своими помощниками, Кондратенко уехал. Звонарев решил после работы заглянуть к Белым, где он давно не бывал. Дома оказалась только Мария Фоминична. Она попросила прапорщика съездить в госпиталь за Варей.

- Она уже две ночи не была дома. Берите верховых лошадей с ординарцем и обязательно вытащите ее из госпиталя. Беда моя, ни в чем она меры не знает.

Прапорщик охотно согласился. По вечерней прохладе он не торопясь добрался до госпиталя и нашел Варю в хирургическом отделении.

- Какими судьбами вы здесь, мой рыцарь без страха и упрека, - приветствовала его девушка.

- Приехал за вами. Кубань вас ожидает.

- Сейчас сдам дежурство, и поедем. - И девушка скрылась,

Через десять минут они уже ехали по направлению к Пушкинской школе.

- Заедем к учительницам, а заодно и справимся о здоровье Стаха, - предложила Варя.

Так и сделали.

В школе они застали Борейко, который принес "болящему" большую рыбину и свежий лук.

- У нас сегодня пир горой: достали на базаре осятины, а тут еще рыба, - смеясь, сообщила Оля Селенина.

Звонарев справился о Стахе.

- Поправляется, можно надеяться на скорое выздоровление, - ответила

Оля.

В это время из соседней комнаты вышла Леля и пригласила зайти к Стаху, который лежал весь перебинтованный на горе подушек.

- Меня, кажется, окончательно перевели в дивизию Кондратенко. Это явится лучшим лекарством для меня, - сообщил он.

Борейко хотел было сбегать за бутылкой вина, но Варя энергично запротестовала.

- При наличии подозрения на столбняк спиртные напитки строго воспрещаются, - докторским тоном заявила она.

- Не каркайте, господин профессор, никакого столбняка у меня не будет, - возразил Стах.

Звонарев справился, как идет жизнь на Утесе.

- Живем, как все в Артуре, слухами! То Куропаткин берет Цзинджоу и движется к Артуру. То японцы гонят его к Мукдену. Балтийская эскадра то появляется около Шанхая, то оказывается еще в Кронштадте и Либаве. Слухи и ничего достоверного, - ответил Борейко.

- Я слыхала, что нас скоро освободит Маньчжурская армия, - заметила Мария Петровна.

- Не верьте этому! - серьезно проговорил Борейко. - В скором будущем нам предстоит выдержать осаду не только с моря, но и с суши. Я слышал, что наши части уже отходят с Зеленых гор и собираются задержать противника на Волчьих горах, а от них совсем рукой подать до Артура. Если бы Куропаткин двигался к нам на выручку, то японцы тотчас потянулись бы к северу, а нас оставили в покое.

- В случае осады с суши госпитали, должно быть, перебросят на Ляотешань?

- спросила Леля.

- Там их негде разместить! Кроме того, там нет воды. Да и доставка раненых в такую даль очень трудна. Половина из них умрет по дороге, - возразила Варя.

- Существующие госпитали останутся на месте, а новые будут открывать в казармах на Тигровке, на Белом волке. У нас на Утесе уже открывают

лазарет, - пояснил Борейко.

- Но ведь его там всегда могут обстрелять с моря! - удивилась Варя.

- С тех пор как вы в апреле напугали японцев своим присутствием на Утесе во время бомбардировки, они не подходят к нам на пушечный выстрел. Разве что ночью иногда миноносцы рискуют подойти к берегу. Сейчас у нас совершенно спокойно. Рядом морское купанье, чистый воздух, одним словом, - форменная дача. Раненым и больным на Утесе будет гораздо спокойнее, чем здесь в городе, - объяснил поручик.

Посудачив еще об артурских делах, Звонарев и Варя стали прощаться. Было около полуночи, когда прапорщик сдал с рук на руки Варю ее матери.

- Надеюсь, ваши дела поправились и вы принесли свой должок? - без церемоний спросил Сахаров явившегося к нему Гантимурова.

- К сожалению, нет! Я пришел попросить у вас отсрочки.

- Больше не могу! Карточные долги порядочные люди выплачивают в суточный срок, а вы тянете уже две недели и не можете расплатиться.

- Где же я в осажденном городе возьму денег?

- Это не мое дело! Долг сделан, значит, его необходимо погасить.

Гантимуров взволнованно прошелся несколько раз по комнате.

- Вы на меня накидываете петлю, Василий Васильевич.

- Сами в нее лезете, дорогой мой!

- Возьмите мой портсигар, - предложил Гантимуров. - Это последняя моя наследственная драгоценность. Все, что осталось от миллионов моего отца, - усмехнулся он.

- Если не считать еще наследственного сифилиса!

Князь густо покраснел.

- Я поражаюсь зашей осведомленности...

- Это, как говорится, к слову пришлось. Я слышал, что вы думаете свататься к дочери Белого.

Взбешенный Гантимуров подлетел к сидевшему в качалке Сахарову.

- Не собираетесь ли вы довести до сведения папаши о моем недуге? Если так, то поберегитесь! Я ни перед чем не остановлюсь!

- Не волнуйтесь, я пошутил. Дело гораздо проще и лучше, чем вы думаете.

Вы хорошо приняты у Стесселя. Станете почаще бывать там и сообщать мне всякие новости - политические, военные и просто сплетни. У нас в коммерции все может пригодиться.

- Только-то! Сколько вы мне за это дадите?

- Пятьдесят в месяц.

- За кого вы меня принимаете?

- Через день дам тридцать, а через два - ни копейки, ибо найду другого человека.

- Черт с вами, согласен.

- Конечно, ваши заработки очень могут повыситься, если вы сумеете достать что-либо секретное или не подлежащее оглашению.

- Но ведь у Стесселя, кроме военных секретов, никаких быть не может!

Какая же тут коммерция?

- Юноша вы невинный! Разве война не коммерческое предприятие?

- Первый раз слышу о возможности та, кой постановки вопроса. Война - это проявление рыцарского духа народа.

- За рыцарями-то, мой друг, всегда стоят купцы, - поучительно проговорил Сахаров. - Поэтому, например, вопрос об обороне Артура имеет чисто коммерческий характер. Будет держаться Артур, будут высоко стоять русские ценные бумаги. Падет Артур, сразу упадут и курсы. Биржа - точнейший барометр человеческой жизни.

- Но ее ведь в Артуре нет!

- Зато есть в Шанхае, куда можно сообщать нужные сведения.

- Примите меня в долю! - попросил Гантимуров.

- Это надо заслужить, родной мой! Сперва посмотрим, на что вы годны.

- Я готов и, думаю, годен на все!

- Приятно слушать вас, молодой человек! Вы можете далеко пойти, но можете и навсегда остаться в Артуре, - с расстановкой проговорил Сахаров.

- Что-то мне последнее не улыбается! - поживаясь, ответил Гантимуров.

- Одолжите-ка мне еще сотню, Василий Васильевич.

Распрощавшись с Гантимуровым, Сахаров приказал подать экипаж и, тщательно одевшись, отправился на квартиру начальника штаба Стесселя

- полковника Рейса. Денщик выскочил навстречу капитану и доложил, что полковник спит после обеда.

Сахаров хотел было уже уезжать, когда штора на одном из окон поднялась и показалась рослая фигура Рейса. Увидев гостя, он приветливо махнул рукой и пригласил зайти.

- Всегда рад вас видеть у себя, Василий Васильевич, - крепко пожал он руку капитана, - по делу и без всякого дела.

Сахаров поспешил заверить полковника в своей взаимной симпатии, пропел дифирамбы мудрому руководству Стесселя, намекнув при этом, что, конечно, последний этим всецело обязан своему начальнику штаба. Рейс слушал с любезной улыбкой и старался догадаться, что именно привело к нему удачливого градоначальника города Дальнего.

- Как ваше драгоценное здоровье, Виктор Александрович? - справился Сахаров.

- Все никак - не могу привыкнуть к теперешней нашей пище. От конины душу воротит, а говядины или курятины нигде не достанешь. Боюсь, как бы совсем не разболеться от плохого питания.

- Но у Веры Алексеевны, насколько я знаю, еще вдоволь всякой птицы и свиней.

- Дерет она за все безбожные деньги, а это мне, при моем полунищенском окладе, не по карману.

- Я думал, что она вам по знакомству делает скидку.

- Какое там! С живого и мертвого готова семь шкур содрать. До чего же до денег жадна, вы и представить себе не можете!

- Хотя я и не знал, что вы испытываете затруднения в отношении питания, но все же кое-что захватил с собой. Пошлите вашего денщика взять из экипажа.

- Премного вам благодарен, Василий Васильевич! Вы буквально спасаете меня от преждевременной смерти, - благодарно потряс руку Сахарова

полковник, - С, каждым днем с едой становится все хуже, и неизвестно, скоро ли и чем кончится осада Артура.

- Конечно, никто сейчас этого знать не может, но не надо быть пророком, чтобы предсказать, что добром это не кончится, и раз нам предстоит потерпеть поражение, то желательно, чтобы это случилось возможно скорее во избежание лишних жертв.

- К сожалению, соображения гуманности далеко не всегда принимаются во внимание. Что касается вашего Стесселя, то он весьма мало об этом думает.

- В этом отношении женщины всегда бывают гораздо податливее, и, мне думается, Вера Алексеевна отнесется к такой мысли более отзывчиво.

- Вы вполне правы, Василий Васильевич, особенно если это не будет сопряжено для нее с денежным ущербом.

- Какой ущерб! Наоборот, она весьма выиграет на этом деле.

- Не секрет, каким образом?

- Играя, через меня на бирже.

Рейс с уважением посмотрел на своего собеседника.

- Чем скорее мы заключим мир с Японией, тем лучше это будет для России, - продолжал Сахаров.

- К сожалению, мы не можем повлиять на ход этих событий.

- Наоборот, пальма мира лежит у вас в кармане, дорогой Виктор Александрович.

- Каким образом?

- С переходом Артура в руки японцев война будет окончена.

- Этот вопрос будут решать дипломаты, а не мы.

- Без учета положения в Артуре он не может быть решен. От вас же зависит то или иное освещение этого вопроса.

Рейс начал кое-что понимать и кое о чем догадываться.

- Я не говорю, что войну надо прекратить сию минуту! Но надо иметь в виду и это обстоятельство, Пока же позвольте откланяться, дорогой Виктор Александрович, подумайте о нашем разговоре, - проговорил Сахаров, вставая с места.

- Думать тут нечего. Я согласен. Вы даете директивы, я же их, по возможности, провожу в жизнь.

- Итак, все будет в порядке! - усмехнулся Сахаров. - А пока я двинусь на поклон к Вере Алексеевне.

- И весьма разумно сделаете, - одобрил Рейс.

Через четверть часа капитан почтительно прикладывался к пухлой ручке Веры Алексеевны Стессель.

- Ваше поручение мною выполнено, хотя с опозданием! - говорил он, протягивая небольшой сверток.

- Какое поручение? - удивилась генеральша.

- Вам хотелось приобрести недорогие, но хорошие серьги для мадемуазель Белой, если мне память не изменяет. Вчера мне удалось найти дешево пару замечательных серег из старинного китайского золота, с большими рубинами.

Извольте посмотреть - не подойдут ли они вам?

Вера Алексеевна открыла футляр. Крупные рубины, как капли свежей крови, поблескивали на темном бархате.

- Чудесно! Но едва ли девушке подойдут эти рубины, уж очень они напоминают кровь!

- Зато это на всю жизнь будет напоминать ей о том, что они подарены во время войны.

- Какой ужас эта война! Сколько она несет с собой страданий и крови. Я сегодня посетила наших бедных солдатиков в военном госпитале. Все они святые мученики. Такие ужасные раны, и ни одного стога! Врачи поражены. Только глубокая вера и христианское смирение могут дать силы для этого. Я подарила каждому из них по кипарисовому крестику и натальной иконке. Это должно облегчить их страдания, - щебетала генеральша, в умилении закатывая глаза.

- Да, война ужасная вещь! - с чувством поддержал Сахаров. - И нет большей заслуги перед человечеством, как возможно быстрая ее ликвидация. Во имя гуманности, во имя культуры, во имя спасения своей души, во имя любви к родине, - каждый, как только может, должен

приложить все усилия к скорейшему окончанию войны, - патетически закончил Сахаров.

- Вы глубоко правы, Василий Васильевич! Я и не подозревала, что вы такой исключительно гуманный и чуткий человек! Разрешите в таком случае просить вас принять участие в работе нашего благотворительного общества, председательницей которого я состою.

- Весьма польщен вашим предложением и с удовольствием вношу свою скромную лепту. Позвольте вам вручить сто рублей, - протянул Сахаров деньги.

Вера Алексеевна расплылась в благодушной улыбке.

- Я сейчас выпишу вам квитанцию, - встала она.

- Ради бога, не беспокойтесь! - поспешил предупредить ее капитан. - Мне она совершенно не нужна.

- Но мне она необходима для отчетности.

- Кто же у вас осмелится спросить отчета, Вера Алексеевна? Ни в России, ни тем более в Артуре никому не придет это в голову, рее прекрасно знают, что вы постоянно прикладываете свои личные средства в дела благотворительности, что же касается формальности, то прикажите какому-нибудь чиновнику из государственного контроля оформить все как следует, - посоветовал Сахаров.

Генеральша внимательно слушала капитана и сочувственно кивала головой.

- Хотела бы я иметь такого советника, как вы!

- Всегда к вашим услугам!

- Кроме того, мне нужен еще секретарь, не могу же я одна вести всю канцелярию.

- Могу порекомендовать вам на эту должность князя Гантимурова. Человек из общества, хорошей фамилии, весьма будет вам полезен. Кроме того, это даст ему возможность заработать сотню-другую в месяц.

- Но все наши доходы в месяц не достигают этой суммы!

- Можно поднажать на наших негодяев: прикажите только полицмейстеру, он быстро организует вам сбор средств через чинов

своей полиции. Что касается меня, то обязуюсь до конца войны вносить вам по сотне в месяц.

- Вы изумительный человек, Василий Васильевич! У вас не голова, а чистый клад!

Только поздно вечером, весьма довольный собой, Сахаров наконец отбыл из квартиры Стесселя. Дома его уже ожидал служащий с мельницы Тифонта. Он почтительно передал капитану несколько писем. Одно из них, в небольшом изящном конверте, написанное женским почерком и надушенное крепкими духами, привлекло особенное внимание Сахарова. Он быстро пробежал его глазами:

"Любимый, соскучилась, пиши, жду с двадцать восьмого писем. Лидя".

- Сегодня у нас какое число? - взглянул капитан на календарь.

- Четвертое июля, Василий Васильевич, - доложил служащий.

- Еще время есть, - отложил капитан письмо в сторону.

Отпустив китайца, Сахаров заперся в своем кабинете и засел за длинное письмо к Тифонтаю, в котором сообщал о всех своих успехах.

"К указанному вами сроку русские часта будут подготовлены к отходу в Артур", - закончил он свое послание.

Тщательно зашифровав его и уничтожив подлинник, Сахаров спрятал письмо в гонкую стеклянную трубочку, которая в складках одежды какого-либо верного человека должна была добраться до адресата.

Глава восьмая

Двенадцатого июля около четырех часов дня в штаб начальника правого участка позиции на перевалах полковника Семенова прибыл генерал Кондратенко. Все радостно его встретили и всячески выражали свои симпатии опальному начальнику дивизии. Генерал, тронутый, крепко пожимал протянутые к нему руки.

- Как дела, Владимир Федорович? - обратился он к Семенову.

- Японцы молчат вот уже три недели, - ответил полковник.

Роман Исидорович вошел в фанзу, занимаемую штабом, отер лицо платком и попросил угостить его чаем а красным вином. Облокотившись

на стол и помешивая ложечкой в стакана, Кондратенко чуть улыбался своей обычной, хитровато-ласковой улыбкой.

- Тринадцатое число для Артура стало роковым, - тихо говорил он. - Тринадцатого мая мы отдали Цзинджоу, тринадцатого июня потеряли Хунисан.

Можно предполагать, что и грядущий день будет чреват событиями: ведь завтра у японцев начинается большой национальный праздник хризантем, длится он три дня. Наверное, они захотят порадовать своего микадо, преподнеся ему в подарок если не Артур, то его передовые позиции. Нам надо быть весьма и весьма начеку!

- Нет положения хуже оборонительного! Сиди и гадай, когда противнику вздумается наступать, - кипятился Семенов.

- Офицерский состав предупрежден о возможности завтрашнего наступления противника? - справился генерал.

- Как же, ваше превосходительство! Я приказал усилить сторожевое охранение и лично сообщил свои опасения господам офицерам. Необходимо также усилить и мои резервы.

- По моей просьбе комендант согласился дать несколько рот из запасного батальона. Но от Фока это секрет, иначе он тотчас заберет их себе.

- Не беспокойтесь, Роман Исидорович, мы умеем молчать.

Напившись чаю, Кондратенко отправился к частям, расположенным на передовых позициях и в резерве. Подъехав к ближайшему резерву, он спешил и приказал построить стрелков. Весть о прибытии "нашего" генерала, как называли его стрелки, мгновенно облетела всех, и через минуту батальон белой стеной уже вытянулся вдоль дороги. Поздоровавшись, Кондратенко стал медленно обходить фронт. Он внимательно вглядывался в загорелые, похудевшие лица солдат, которых не видел почти три недели, спрашивал, как их кормят, давно ли они мылись, много ли больных и чем больны. На все его вопросы стрелки отвечали весело и бодро.

Обойдя батальон, Кондратенко обратился к ним с речью:

- Мы отрезаны от Маньчжурской армии и России и едва ли можем

надеяться на скорую помощь. За нами осталась лишь небольшая пядь земли с городом Порт-Артуром. Мы затратили миллионы народных денег и положили массу труда на его устройство. Вы работали над возведением крепостных форт и батарей.

Кроме того, в Артуре находится наша эскадра. Если японцы вплотную подойдут к крепости, то они сразу же разрушат город и крепость и попытаются захватить наш флот. Поэтому необходимо возможно дольше задержать противника здесь, на перевалах. Надо упорно оборонять свои позиции, вся родина с напряженным вниманием следит за ходом войны, за обороной Артура. Положим же все наши силы, а если понадобится, то и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие государя и достойно поддержать славу русского оружия на Дальнем Востоке. За вас, храбрецы и герои, за царя, за нашу дорогую родину, ура!

Солдаты дружно подхватили "ура", которое, долго не смолкая, перекатывалось по зеленым Квантунским сопкам. Кондратенко несколько раз пытался остановить стрелков, но они продолжали кричать, воодушевляясь собственным криком. Когда крики утихли, из строя раздался взволнованный голос: "За нашего любимого генерала Кондратенко, ура!" - и вновь вспыхнули мощные раскаты. Строй смешался, Кондратенко подхватили на руки и понесли к лошади. Освободившись от объятий, генерал долго еще не мог уехать, окруженный плотным кольцом стрелков.

В этот вечер он успел объехать всего лишь несколько частей, и везде стрелки восторженно встречали его. Потрясенный оказанным ему в полках приемом, Кондратенко только около полуночи смог уехать в Артур.

На другой день, едва солнце начало показываться и лагерь русских стал оживать, как со стороны японцев грянул отдаленный выстрел, за ним другой и третий. Высоко в воздухе засвистели летящие снаряды, и тотчас раздалось несколько взрывов, окутавших все вокруг черным, удушливым мелинитовым дымом.

Русские батареи не замедлили ответить, и вскоре по всей линии

загремела учащенная канонада. Праздник хризантем начался.

Японцы энергично приступили к артиллерийской подготовке атаки. Но у Семенова все было заранее предусмотрено: стрелки, за исключением наблюдателей, отведены в прочные блиндажи, батареи тщательно замаскированы в гаоляне, резервы подтянуты, весь отряд сжался в кулак, готовясь к ответному удару. После двухчасовой стрельбы густые цепи японцев двинулись на штурм. Японцы шли стройно, в полном порядке, как на маневрах, поддерживаемые огнем своих батарей и эскадры с моря. Хорошо пристрелявшиеся батареи русских сметали наступающие цепи противника, но на смену тотчас являлись новые, продолжавшие двигаться вперед. Стрелки встречали их ружейными залпами и пулеметным огнем. Скоро все поле, по которому двигались наступающие, было усеяно трупами японцев.

В полдень, подводя новые полки и приведя в порядок отхлынувшие назад части, противник с особой силой обрушился на русских. Ни ружейный, ни пулеметный, ни артиллерийский огонь не могли его остановить. Все выше и выше взбирались по горе темные линии японских цепей. Казалось, еще мгновение, и они вплотную доберутся до русских позиций. Но вот крики "банзай" смешались с русским "ура", стрелки выскочили на бруствер и с винтовками наперевес ринулись на японцев. Японцы дрогнули и обратились в бегство, теряя по дороге оружие и амуницию. Удар русских был так силен и стремителен, что большинство наступавших японцев погибло под их штыками.

Настало затишье. Артиллерия с обеих сторон почти совсем замолчала, лишь изредка обмениваясь одиночными выстрелами. В это время у берега показались русские суда отряда береговой обороны и начали обстреливать японцев во фланг из Лунвантаньской бухты.

- После ужина горчица, - возмутились стрелки. - Когда японцы лез, моряки прохлаждались в Артуре, а теперь развоевались в пустой след.

Было начало шестого часа вечера. После дождя чувствовалась приятная прохлада, в долинах начинал клубиться вечерний туман. Длинные, но все еще яркие лучи теперь стали падать в лицо русским, затрудняя

наблюдение за местностью. Японцы, оправившиеся после отбитых атак, решили еще раз в этот день попытать счастья. Подведя к берегу тяжелые крейсера, они начали методически обстреливать русские позиции с фланга и тыла. Одновременно крупные гаубицы начали громить окопы мелинитовыми бомбами. В прозрачном воздухе то и дело вырастали черные столбы дыма взрывов снарядов. Через полчаса почти все укрытия были разрушены этой бомбардировкой, и, лишенные защиты окопных блиндажей, стрелки отошли с хребта, укрывшись в складках тылового склона. Воспользовавшись этим, японцы вновь бросились на штурм, и на этот раз им удалось водрузить свои знамена над линией русских окопов. Но тут взвод одной из батарей, пробравшись под прикрытием гаоляна во фланг, неожиданно обстрелял на картечь скопившиеся в узкой ложбине за хребтом японские резервы. Каждый снаряд вырывал из сомкнутого строя по несколько десятков человек. Объятые паникой, забывая о своей самурайской доблести, сыны богини Аматерасу стремительно отступили. Увидев это, стрелки по собственной инициативе ринулись на врага, засевшего в окопах. После короткой рукопашной схватки японцы бежали, попадая по дороге под уничтожающую картечь русских пушек.

- Первый день праздника хризантем остался за нами, - доносил вечером того же дня генералу Кондратенко полковник Семенов. - Мы сохранили все свои позиции и нанесли огромный урон противнику. Наши потери достигают тысячи человек. Потери же японцев в три-четыре раза больше. Тринадцатого июля генерал Фок, разбуженный утром усиленной канонадой на правом фланге, справился, в чем дело, и, узнав, что японцы атакуют части Седьмой дивизии, приказал полкам подтянуть свои резервы к передовым-позициям и все обозы и тыловые учреждения направить в Артур. Затем он сел верхом и отправился к расположенному в резерве Четырнадцатому полку. Подъехав к солдатам, он, как всегда с бранью, поздоровался с ними. Стрелки ответили хмуро, но четко.

- Японец дурак или нет? - обратился он к ним.

- Так точно, дурак, ваше превосходительство, - хором ответили солдаты.

- А почему японец дурак?

- Потому что ходит в атаку густыми цепями, - последовал ответ давно заученной фразой.

Генерал медленно проехал вдоль фронта, брезгливо поглядывая на запыленных, грязных солдат. Толстый полковник Савицкий, задыхаясь, вприпрыжку бежал за лошадью начальника дивизии, на, что Фок не обращал никакого внимания.

В этот день против Четвертой дивизии японцы развили лишь незначительные операции: потеснили казаков у деревни Ичензы на левом фланге; атаковали выдвинутые вперед высоты, занятые охотничьими командами, и обстреляли редким артиллерийским огнем основные позиции полков.

К полудню в штаб прибыл Сахаров.

- Как идет постройка тыловых позиций на Волчьих горах? - справился у него генерал.

- Работы развернуты по всему фронту согласно точным указаниям вашего превосходительства, - ответил капитан и провел рукой по карте, указывая линию укреплений. Фок с минуту посмотрел на Сахарова и затем спросил:

- Чем объяснить, что противник так сильно атакует части Седьмой дивизии и бездействует против меня?

- Ноги, очевидно, хорошо знает, кто такой генерал Фок, - двусмысленно ответил Сахаров.

- А генерал Фок еще лучше знает, кто такой капитан Сахаров, - не меняя ни голоса, ни позы, ответил начальник дивизии.

- Я всегда и всюду покорнейший слуга вашего превосходительства, - поспешил заверить инженер.

- Пока что я в этом не сомневаюсь, - смягчился генерал. - Долго еще Семенов, по-вашему, задержится на перевале?

- От вашего превосходительства зависит поторопить его.

- Так почему же японцы так пассивны на моем участке? Не могу же я в самом деле ни с того ни с сего сняться и уйти в Артур. Мне нужны для этого веские данные, и я попрошу вас озаботиться этим.

- В таком случае разрешите мне сейчас же уехать в Артур.

- Поезжайте!

Около пяти часов вечера Сахаров прибыл в город и тотчас же отправился в штаб Седьмой дивизии, где был встречен далеко не любезно. Науменко сухо осведомился, чему он обязан присутствием капитана. Роман Исидорович поморщился при виде его и поздоровался с ним только тогда, когда Сахаров начал громко восторгаться героизмом, проявленным частями Семенова.

- Что предпринял Фок, чтобы помочь Семенову? - задал Кондратенко вопрос капитану.

- Энергичная поддержка артиллерийским и ружейным огнем... - начал было капитан.

- То-то по приказанию начальника Четвертой дивизии с левого фланга Семенова был убран в самую трудную минуту взвод мортир поручика Дударева! - перебил его Науменко и спросил в упор капитана; - Вы зачем, собственно, приехали?

- Генерал Фок хотел бы получить точную карту артурских укреплений, так как он собирается отходить на крепостные верки.

- Когда отход будет решен начальником района, тогда ему и будут указаны батареи и форты, которые предназначены для занятия частями его дивизии. До тех пор ему необходимо заботиться не о том, куда отступить, а о том, как задержаться на занимаемой позиции, - резко ответил Кондратенко.

Прибывший от Семенова офицер-ординарец отвлек внимание генерала. Он сам принял пакет, быстро его разорвал и стал читать бумагу.

- Отбито четыре штурма! Передовые позиции все за нами.

- Молодцы пограничники, отстояли Семафорную гору, несмотря на сильный огонь с моря, - бросал короткие фразы Роман Исидорович, пробегая глазами донесение Семенова. - Нужна помощь людьми, артиллерией, главное - флотом. Я сейчас же отправлюсь к Стееселю и Витгефту. Звонарев здесь? Сергей Владимирович, идемте. - И генерал вышел из штаба.

- Ну и горячка же у нас начальник дивизии! Так весь огнем и пышет, как юноша! - сказал Сахаров, глядя вслед Кондратенко.

- Поневоле здесь заporешь горячку, когда окружен субъектами вроде Фока, Витгефта и других, - пробурчал Науменко, дипломатично умалчивая о Стесселе.

- Надеюсь, я вам больше не нужен, капитан?

Сахарову ничего не оставалось, как откланяться. Вечером он укатил обратно в штаб Фока.

Кондратенко застал генерала Стесселя настроенным весьма благодушно.

События на передовых позициях беспокоили его мало: ведь там орудовал его верный друг Фок, на которого он привык вполне полагаться.

- Фок придумает, Фок не выдаст, Фок устроит! - любил повторять генерал всем своим подчиненным и верил этому сам.

- Зря вы волнуетесь, Роман Исидорович, - лениво проговорил Стессель, выслушав нервный доклад Кондратенко. - Отбили сегодня за день четыре атаки японцев - честь и хвала! Отобьют завтра еще столько же, если японцы сунутся.

У Фока почти тихо. Следовательно, Четвертая дивизия Фока в целости и сохранности. Не вижу причин к беспокойству.

- Зато у Семенова потери до тысячи человек, а всего у него около пяти тысяч, окопы разрушены, снарядов нет, части измотаны, необходимо пополнение из Артура людьми и боевыми припасами.

- Ни одного человека и ни одного снаряда из Артура я не дам! - отрезал Стессель. - Нам сейчас здесь дорог каждый солдат.

- Я хотел выехать к отряду Семенова, - просил Кондратенко. - Разрешите мне хотя бы на ночь съездить туда, чтобы с рассветом я был в крепости.

- Зря измотаетесь только. Роман Исидорович! Нам нужна ваша неукротимая энергия, - отказал все же Стессель.

Простившись со Стесселем, Кондратенко с Звонаревым отправились на "Цесаревич". Витгефт принял их с распростертыми объятиями, рассказал о гибели миноносца "Лейтенант Бураков" и других авариях во флоте. Оба превосходительства поохали и повздыхали. Затем адмирал мягко

проехался насчет Стесселя. Кондратенко еще более осторожно поддакнул ему. Чокнулись поданной марсалай, пожелали друг другу многих лет и доброго здоровья и наконец перешли к делу.

Роман Исидорович похвалил флот и его всегдашнюю готовность помочь армии.

Вильгельм Карлович рассыпался в комплиментах полкам Седьмой дивизии и назвал их своими неизменными друзьями.

- Так, значит, можно надеяться, что завтра суда с рассветом появятся у Лунвантаня и весь день будут поддерживать наш правый фланг своим огнем во фланг и тыл японцам? - спросил Кондратенко.

- Сейчас же отдам об этом распоряжение Лощинскому. Для охраны канонерок и миноносцев направлю "Баяна", "Аскольда", "Цесаревича", прикажу вывести на рейд "Ретвизана" и быть готовым прийти им на помощь в случае нужды, - согласился Витгефт. - Корабли до вас доберутся не раньше десяти часов утра, пока им протралят дорогу до Лунвантаня.

- И на этом спасибо, Вильгельм Карлович, - поблагодарил Кондратенко. Как только вопрос о времени выхода судов был решен, он тотчас стал прощаться и уехал.

- Я через час выеду к Семенову и наутро постараюсь быть обратно, - сообщил генерал Звонареву. - Поставьте об этом в известность Науменко и никого больше. Даже от Смирнова это должно быть секретом. Поняли?

- Так точно, ваше превосходительство, - ответил прапорщик.

Было около полуночи, когда Кондратенко в сопровождении одного ординарца прибыл в штаб Семенова. После тяжелого боевого дня все уже спали, за исключением самого начальника отряда, бодрствовавшего в своей фанзе при тусклом свете коптящей свечи.

- Роман Исидорович, - обрадовался он при виде генерала, - какими судьбами?

- Я совершил самовольную отлучку и удрал из Артура, чтобы провести вас. Рассказывайте все по порядку.

Полковник начал подробно излагать события минувшего дня. Генерал

внимательно слушал его, снимая время от времени нагар с гаснувшей свечи. Лицо его хмурилось, и он грустно вздыхал, когда назывались фамилии убитых и раненых.

- Вы думаете, что с рассветом атаки возобновятся? - спросил Роман Исидорович, выслушав доклад Семенова.

- Убежден, ваше превосходительство! Перед закатом наблюдалось большое движение в тылу противника. Боюсь, как бы они еще ночью не возобновили штурм. Резервы наши подтянуты почти вплотную к передовой линии. Артиллерия с вечера все подготовила к открытию заградительного огня на важнейших участках.

- Имейте в виду, что на помощь из Артура рассчитывать нельзя. Только моряки обещали выслать суда в Лунвантаньскую бухту, - предупредил Кондратенко.

- На генерала Фока я тоже совершенно не надеюсь: он пальцем не пошевелит для того, чтобы помочь нам в случае нужды.

- Я хочу сейчас объехать позиции. Вы не беспокойтесь меня сопровождать, Владимир Федорович. Вам предстоит еще завтра тяжелый день. Ложитесь отдыхать, - распорядился Кондратенко и вышел во двор. Окликнув своего ординарца, генерал выехал к передовым позициям.

На дворе стояла тихая лунная ночь. Изредка доносился сухой треск случайного выстрела, и опять наступала тишина, только цикады усиленно звенели в прохладном ночном воздухе. Лагерь, где были расположены резервы и тыловые учреждения, был погружен в глубокий сон, и одни часовые, борясь с усталостью, медленно бродили между палаток.

Генерал в глубокой задумчивости ехал по хорошо знакомой дороге. Его крепкий вороной конь, чуть подфыркивая на ходу, мягко ступал по пыли. Вскоре встретили длинную вереницу повозок, нагруженных ранеными. В тишине ночи особенно резко звучал скрип плохо смазанных колес и стоны страдающих людей.

- Спасибо, родные, за службу. Дай вам бог скорее поправиться! - приветствовал раненых Кондратенко, подъезжая к каждой повозке.

- Рады стараться! - оживились некоторые. - Поправимся, отомстим японцам.

- Много тяжелых? - спросил генерал у подъехавшего к нему врача.

- Огромное большинство, - не надеюсь до Артура довести в живых и половины, - шепотом ответил тот. - Легкораненые почти все вернулись в строй, иных просто не удержишь на перевязочном пункте, так и рвутся в бой.

В это время с ними поравнялась запряженная лошадью китайская рикша, в которой везли двух раненых стрелков.

- Два пограничника, - указал на них врач, - едва добрались. У одного прострелены обе ноги и задета кость, другой ранен в грудь навывлет. И, представьте себе, долго отказывались от перевязки на том основании, что "есть, мол, более тяжелые".

- Фамилии?

- Одного - Ядринцев, из двадцать первой роты пограничной стражи, а другого - Сухенко, рядовой той же роты.

Кондратенко подъехал к рикше, поблагодарил раненых за службу, справился, откуда родом, и поздравил с награждением крестами.

- Рады стараться, покорнейше благодарим, ваше превосходительство! Даве думали, осилит нас япошка, ан, дело-то у него не вышло. А теперь, коль вы сюда приехали, ему и подавно супротив нас не устоять, - ответил один из них - Я один многого сделать не могу!

- Вы один, ваше превосходительство, стоите целого полка. Кто в бою сробеет, увидит вас и застыдится, а у другого сил прибавится. Знаем, - наш генерал с нами! - растроганно проговорил другой раненый, делая ударение на слове "наш".

Простившись с ними, Кондратенко широкой рысью поехал дальше. Миновав ближние резервы, он выехал на линию окопов. Здесь сотни людей в глубоком молчании при лунном свете спешно поправляли разрушенные днем блиндажи, насыпали брустверы, откапывали засыпанные ходы сообщения.

Заметив начальника дивизии, к нему поспешно подошел руководивший

работами капитан Зедгенидзе и доложил о ходе работ на участке.

- К утру надеюсь восстановить все наши основные укрепления, благо японцы нам не мешают.

- Люди откуда?

- Полковник Семенов прислал сюда всех тыловиков, музыкантов, артельщиков, хлебопеков, обозников - весь нестроевой люд, а полки отвел для отдыха в резерв, оставив здесь лишь часовых из охотников. К утру японцы найдут перед собой вновь возведенные окопы и в них хорошо отдохнувших защитников.

Проехав по линии обороны, Кондратенко везде нашел ту же картину интенсивной ночной работы под руководством инженеров Зедгенидзе, Рашевского и других. Тепло поблагодарив их за проявленную инициативу и энергию, генерал вернулся в штаб Семенова и, разбудив полковника, дал указания на завтрашний день.

Ночь кончилась, восток начинал заметно сереть. Одна за другой гасли на небе звезды. Наступил второй день праздника хризантем. Кондратенко поспешил в Артур. Но не проехал он и нескольких верст, как сзади на позициях загремела артиллерийская канонада; сперва в утреннем воздухе отдавался каждый отдельный выстрел, многократно повторяемый эхом в сопках, затем они слились в один сплошной, все нарастающий гул. Генерал сразу же насторожился и замедлил ход своей лошади: беспокойство за судьбу полков росло в нем вместе с усилением артиллерийской стрельбы. Он начал оборачиваться, прислушиваясь к звукам сражения, затем остановил лошадь и задумался: с одной стороны, он должен был немедленно вернуться в Артур, откуда уехал вопреки запрещению Стесселя, а с другой - он всей душой рвался к своим полкам, где он знал почти всех офицеров и многих солдат.

- Поедем назад, - коротко приказал он наконец ординарцу и, преодолевая усталость бессонной ночи, галопом поскакал навстречу все усиливающемуся шуму боя.

За ночь японцы подвезли большое количество тяжелых орудий и с наступлением дня начали усиленно обстреливать окопы русских.

Снаряды взрывались со страшным грохотом, снося козырьки и брустверы, заваливая окопы. Вначале стрелки, укрывшиеся в тыловых блиндажах, потерь почти не несли и ожидали атаки, но подошедший с моря японский флот открыл огонь по тылам русских позиций. Блиндажи вскоре оказались уничтоженными, и тогда стрелки отошли. Заметив это, японцы бросились в атаку и захватили вершины сопок. Кондратенко подъехал как раз в это время к месту боя. Момент был опасный. Под орудийным и ружейным огнем на тыловом склоне сопок быстро отходили цепи стрелков. Генерал подскакал к ним, не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды.

- Стой! Куда вы? Где офицеры? Что случилось? - замахал он руками на солдат, загораживая им дорогу.

К нему подбежал еле дышавший офицер.

- Ва... ва... ваше превосходительство! Там ужас, ужас! Держаться нельзя в этом аду! - доложил он, прикладывая дрожащую руку к козырьку.

- Вам уже послана поддержка, идет подкрепление! Стрелки, ко мне! - сложив ладони рупором, во весь голос закричал генерал.

Солдаты остановились и, сбившись в кучу, не знали, что дальше им делать... Кое-кто из них кинулся обратно на гору и стал звать за собой других.

- Ребята, за мной! - скомандовал Кондратенко и с криком "ура" поскакал на сопку. Стрелки кинулись за ним.

- Рассыпсья в цепь, прячься за камни и за кусты! Приготовиться к общей атаке! Господам офицерам следить за мной! - приказал генерал.

Японцы, заметив, что русские оправались, открыли беспорядочный ружейный огонь. Пули целыми роями запели в воздухе. То там, то тут вскрикивали раненые и валились на землю убитые.

- Стрелки, умрем за родину, за нашего царя! С богом! Ура-а! - И, выхватив шашку из ножен. Кондратенко дал шпоры коню.

Воодушевленные примером, горнисты нескольких рот принялись трубить атаку и бросились за генералом. Стрелки лавиной двинулись за ним, и не прошло и нескольких минут, как японский флаг был сорван, японцы

сброшены с вершины, а уцелевшие остатки их беспорядочно бежали вниз.

- Спасибо, орлы, за службу геройскую! - благодарил генерал, обходя вновь занятые окопы.

Фуражка на нем была прострелена в двух местах, лицо залито кровью.

Зажимая платком рану, генерал бодро обошел всю боевую линию.

Назначив одного из офицеров комендантом горы, Кондратенко спустился вниз, где его встретил обрадованный Семенов.

- Роман Исидорович, как вы сюда попали? - попросту подошел он к генералу.

- Зачем вы так рискуете собой?

- Плюнул на Артур и с дороги повернул обратно. Все равно не смогу ничего делать в крепости, пока здесь идет бой!

Вскоре Кондратенко с перевязанной головой сидел в штабе и отдавал приказания полкам своей дивизии. Стесселю была послана короткая телефонограмма, извещающая, что Кондратенко находится в отряде Семенова.

Японцам потребовалось несколько часов, чтобы привести свои части в порядок и подготовиться к новому штурму.

День выдался необычайно жаркий и томительно душный.

К полудню с моря подошли суда порт-артурской эскадры и, отогнав японцев, принялись обстреливать противника. Хотя огонь этот и не приносил особенно большого ущерба врагу, но все же весьма затруднял японцам подготовку к новым атакам.

Обозленный этими неудачами, командующий японской армией барон Ноги потребовал от адмирала Того немедленного принятия решительных мер против русских, после чего японская эскадра в составе четырех броненосцев, двух броненосных крейсеров и нескольких канонерок появилась перед Лунвантаньской бухтой. "Ретвизан" и крейсера "Диана", "Паллада", "Баян" и "Новик" вступили с ними в неравный бой, прикрывая отходящий в Артур отряд канонерок и миноносцев. С уходом русских кораблей немедленно возобновилась подготовка нового штурма.

Около пяти часов вечера, вслед за сильным артиллерийским обстрелом, японцы двинулись на штурм. Рассыпавшись в цепь, они быстро начали наступать одиннадцатью последовательными волнами на горы Высокую и Семафорную, являвшиеся ключом к позиции отряда Семенова.

- Рота, пли! - ежеминутно осипшим от команды голосом командовал подпоручик солдатам, прикрывающим доступ на вершину одной из гор. И залп следовал за залпом. Видно, как раненые японцы падали, ползли, вскакивали, пробовали бежать, опять падали и корчились в агонии. Цепь быстро растаяла, но за ней тотчас же появилась другая. В пылу боя никто не замечал ни шрапнели, ни раненых и убитых. Залпы сменялись огнем пачками, за которым опять следовали залпы. Кругом стоял невероятный грохот и треск. Подпоручика уже никто не слушал, стрелки вели огонь сами. Махнув рукой, офицер взял винтовку убитого, лег в цепь и сам начал, стрелять в японцев. И опять японцы не выдержали и начали отступать, только несколько человек добежало до самого гребня. Один из них, совершенно ошалелый, с пылающим лицом и горящими глазами, вскочил на бруствер, крикнул:

- Здравствуй, русски!

- Прощай, японец! - ответил стрелок и пырнул его штыком.

Бсаумец опрокинулся навзничь и полетел с крутизны. Четвертая за день атака была отбита. Но число защитников таяло с каждой минутой, - осталось не больше одной трети, подпоручик давно был убит, никто и не видел, когда это произошло. Офицеров больше нет, кто командует ротой, никто не знает, но зато стрелки помнили, что где-то близко находится Кондратенко, который велел им держаться до последней крайности, и они держались, День клонился к вечеру.

Солнце почти спряталось за горы. Сквозь насыщенный дымом и пылью воздух едва пробиваются слабые кроваво-красные лучи. Почти незаметные днем, взлески шрапнельных разрывов с каждой минутой становятся все ярче и ярче. На фоне темнеющего неба четко вырисовываются отливающие зеленью вершины покрытых гаоляном хребтов. На небе вспыхивают первые звездочки, предвестницы

надвигающейся ночи. День догорает, но воинственный пыл японцев еще не остыл.

Лишь только первые тени легли в долинах, как в них начали скопляться для новой атаки свежие, еще не бывшие в бою части. Стрелки поручили уходящим в тыл легко раненым доложить об этом самому Кондратенко. Вскоре двое из них, один с перевязанной окровавленной головой, другой с рукой на самодельной перевязи, предстали перед генералом.

- Кто у вас остался из офицеров? - справился Роман Исидорович, выслушав доклад.

- Почитай с полудня никого нет, всех побили!

- Кто же вами командует?

- Миром держимся, ваше превосходительство. Кто раненый, того с горы отпускаем. А которые целы, те сидят - подмоги ожидают. Беда только - патроны на исходе, - докладывали солдаты.

Кондратенко с нежностью смотрел на добродушные загорелые лица солдат, доверчиво глядевших на него, видимо не сознавая всего героизма совершаемого ими там, на горе, подвига.

- Я отправляюсь принять командование над теми, кто еще остался на горе, - объявил он окружающим. Дайте мне две роты из резерва.

Через минуту к штабу подошел резерв. Оба ротные командира явились за распоряжениями.

- Вы должны занять и упорно оборонять гору Высокую, - приказал генерал. - Нам надо удержать гору во что бы то ни стало, любой ценою!

- За вами, Роман Исидорович, мы пойдем в огонь и в воду, но вам нельзя рисковать собой! Правда ли, ребята? - обернулся ротный к солдатам.

- Так точно! Сами все обладим, не извольте беспокоиться, - зашумели в ответ солдаты.

- Тогда с богом! Я все же провожу вас, - решил генерал и двинулся во главе рот.

Доведя отряд до половины горы, он пропустил солдат мимо себя, напутствуя их теплыми, ласковыми словами. Гора Высокая опять была занята стрелками.

С наступлением темноты японцы подкрались и забросали русских гранатами.

То здесь, то там слышался негромкий звук их взрыва, сопровождавшийся душераздирающими криками раненых. Это нападение было неожиданно. Стрелки растерялись и не знали, как защищаться. Они пытались отстреливаться, но в темноте попасть в японцев было почти невозможно, а гранаты так и сыпались со стороны засевших поблизости японцев.

Когда же японцам удалось зайти с одного из флангов и с тыла забросать русских гранатами, стрелки дрогнули и очистили вершину, засев на половине горы.

Кондратенко направил к месту прорыва последнюю резервную полуроту с двумя пулеметами и решил до утра контратаки не предпринимать.

Утомленные боем, японцы тоже не стали развивать свой успех и остановились на вершине.

На фронте наступило затишье. Взошедший месяц осветил мягким светом примолкнувшие сопки. По артурской дороге потянулись транспорты раненых вперемешку с обозами, патронными двуколками и китайскими арбами с казенным имуществом.

Семенов отводил в тыл все, что было ненужно на позициях.

Кондратенко подсчитал потери сегодняшнего дня.

- Около полутора тысяч, - докладывал ему исполняющий должность начальника штаба отряда Семенова капитан.

- Сколько же у нас осталось в строю?

- Не больше трех тысяч, считая и моряков и пограничников. Двадцать шестой полк завтра сводим в два трехротные батальона. Двадцать пятый тоже в два батальона, плюс рота моряков и рота пограничников. Всего шестнадцать рот-полк нормального состава.

- Если нас не поддержат, то завтра мы не удержим своих позиций. Надо немедленно запросить резервы в штабе района.

- Генерал Стессель еще днем категорически отказал в этом.

- А Фок?

- Ответил бранью.

Кондратенко хотел было что-то ответить своему собеседнику, по запнулся на полуслове и, откинувшись на спинку стула, захрапел. Кликнув денщиков, Семенов бережно уложил генерала на походную койку.

Проснувшись довольно поздно, Фок по обыкновению отправился на прогулку в штаб расположенного поблизости Четырнадцатого полка. По дороге он встретил начальника штаба Дмитриевского и, выслушав его доклад о положении на фронте, справился о Сахарове и приказал отправить в Артур все обозы с ранеными, всех лишних людей, а саперов отослать к Волчьим горам.

- Разве намечается отступление? - удивился начальник штаба.

- На войне, да еще оборонительной, когда инициатива в руках противника, трудно что-либо намечать. Но необходимо обеспечить свободу действий себе заранее, а для этого нужно избавиться от всего лишнего, - объяснил Фок и отпустил Дмитриевского.

В штабе у Савицкого, справившись о потерях в полку, он обратился к полковнику с вопросом:

- Каково ваше мнение о продолжении обороны Зеленых гор?

Савицкий на минутку задумался, стараясь понять, какой ответ будет более приятен начальнику дивизии. Вспомнив часто высказываемое Фоком мнение о желательности скорейшего отхода в Артур, он после минутного раздумья ответил:

- Чем скорее отойдем, тем лучше, ваше превосходительство!.. Здесь полки только зря несут большие потери от артиллерийского огня, чем ослабляется будущий гарнизон крепости.

- Я тоже так думаю, - довольно проговорил генерал. - Я уже отдал приказ об отправке обозов и всей тыловой шушеры в крепость.

В голове Фока давно уже созрел план, который он тщательно обдумывал во всех деталях, шагая по комнате.

"Кондратенко, конечно, будет держаться до последнего, - думал Фок. - Я же отступлю, как только японцы меня атакуют. В результате отряд Семенова будет охвачен с фланга, а быть может, и с тыла, и едва ли от

него много останется.

Раз это случится, с Кондратенко будет покончено. Самовольно уехал из крепости да еще потерпел поражение! Такие вещи никому не прощаются! Тогда я - единственный кандидат в начальники сухопутной обороны, и все будет в моих руках",

При этой мысли Фок улыбнулся и весело потер руки.

В тот же день, четырнадцатого июля, около пяти часов вечера, японцы наконец рискнули атаковать Тринадцатый полк Четвертой дивизии, но были отбиты с громадным уроном. Узнав об этом, Фок пришел в неистовство и, изругав площадной бранью командира полка, приказал ему отвести полк с передовых позиций, оставив на них лишь охотничью команду. Затем был вызван Дмитриевский, которому генерал под строжайшим секретом сообщил, что отряд Семенова разбит и в беспорядке отступает к Артуру.

- Я только что говорил с его штабом. Там все на месте, - возразил было подполковник, но тотчас замолчал под гневным взглядом своего начальника.

- Сведения у меня от конного ординарца. Разошлите немедленно во все части приказ об отходе.

Дмитриевский послушно откозырял и вышел. Вызвав по телефону всех командиров полков, он не замедлил им сообщить о разгроме правого фланга и предстоящем спешном отступлении дивизии на Волчьи горы. В полках поднялся переполох, еще более усилившийся, когда японцы снова атаковали некоторые

участки фронта. В воздухе стало попахивать новым Цзинджоу, но тут неожиданно в дело вмешался Ирман, огнем своих батарей буквально сметавший противника, как только он показывался на хребте.

Узнав об этом, Сахаров опрометью бросился в штаб к Фоку и просил его обуздать расхोлившегося начальника артиллерии. Генерал разразился самой непечатной бранью по адресу идиотов, которые не понимают военной обстановки, затем не в меру ретивому начальнику артиллерии было послано категорическое приказание беречь снаряды.

Это распоряжение и приказ об отступлении Ирман принял с негодованием и немедленно поехал объясняться в штаб.

- Как отступаем? - накинулся он на Дмитриевского. - Японцы везде отбиты, снарядов осталось еще по двести выстрелов на орудие, с ними я задержу противника, по крайней мере, сутки.

- Семенов отступает, вернее, даже бежит в Артур, - начал было Дмитриевский.

- Вас кто-то ввел в заблуждение! Командир второй батареи Лаперов доносит мне с правого фланга, что там все атаки отбиты и никто не отходит...

- Приказ Стесселя...

- Почему же вы не объясните ему, что нет никаких оснований для отхода с позиций?

- Обратитесь тогда к начальнику дивизии, он вам разъяснит.

Но Фок ничего разъяснять не стал, он просто приказал немедленно отходить.

- Через полчаса жду от вас, Владимир Александрович, донесений о выполнении моего приказа, - оборвал он Ирмана.

- Кроме того, я не согласен с намеченной диспозицией расположения батарей на Волчьих горах. Мои правофланговые батареи почему-то становятся за левым флангом, и наоборот. Из-за этого они сделают лишних двадцать верст и вовремя не смогут поддержать стрелковые части, - продолжал возражать Ирман.

- Я вашего мнения не спрашиваю, полковник! Вы свободны! - кивнул головой Фок на дверь.

Взбешенный Ирман полетел на телефонную станцию и попытался связаться со Стесселем в Артуре, но связь уже была прервана, и, ничего не добившись, он отправился к своим батареям. Не успело еще зайти солнце, как полки Четвертой дивизии начали отход по всему фронту, прикрываясь охотничьими командами.

Заметив клубы пыли над всеми дорогами, японцы открыли по ним яростный шрапнельный огонь. Отступление все больше принимало

характер бегства, и, воспользовавшись этим, японцы прорвались во фланг и тыл Двадцать пятого и Двадцать шестого полков, сразу поставив их в критическое положение.

Кондратенко был разбужен своим вестовым как раз в тот момент, когда прорвавшиеся в тыл японцы с криками "банзай" атаковали небольшую китайскую деревушку, где помещался штаб Семенова. При первых выстрелах полковник, собрав в штаб знаменитый взвод своего полка, конноохотничью команду Двадцать пятого полка, две морских десантных пушки с десятком матросов, обозников, денщиков, наскоро организовал оборону. Противник был подпущен вплотную, а затем расстрелян в упор залпами сборного отряда. Кондратенко, выскочив из фанзы на двор, был оглушен ружейной трескотней, раздававшейся со всех сторон. Крики "банзай" смешивались с криками "ура" и перекрывались короткими выстрелами морских орудий. Пули роями летели в разные стороны. Разобрать, что происходит, в темноте было невозможно.

- Где? Что за стрельба? Где полковник Семенов? Почему меня так поздно разбудили? - забросал генерал вопросами своего вестового.

- Ховайтесь у погреб. Роман Исидорович, а то, не дай боже, еще зацепит какая пуля! - вместо ответа советовал тот, хватая Кондратенко за рукав. За воротами на Кондратенко налетели два матроса. Генерал узнал их в темноте по белой одежде.

- Где начальник отряда? - справился он у них.

- У околицы за заборами, - ответил один из них. - Японец сразу навалился, чуть было не забрал нашего генерала, говорят, он сильно ранен.

- Кого?

- Генерала пехоцкого Кондратенкина. Стрелки страсть рассерчали за это. Насмерть бьют всех японцев и никого в плен не берут.

- Да я жив и здоров!..

Матрос недоверчиво приблизил в темноте свое лицо к Кондратенко и старательно стал разглядывать его погоны.

- Никак, и впрямь генерал! - радостно воскликнул он. - Вот солдаты-то

обрадуются, что вы, ваше превосходительство, целы. Дозвольте, я вас провожу к ним. - И, не дожидаясь ответа, матрос пошел вперед. - Лети духом вперед, доложи полковнику: идет, мол, генерал целехонек, - приказал он другому матросу.

Через несколько шагов их встретил спешивший навстречу Семенов.

- Роман Исидорович, вы целы? - бросился к нему полковник. - Тут какая-то сука распустила слух, что вы ранены! Стрелки как узнали, так прямо ошалели от злости, погнали японцев, как овец.

- Что случилось-то? Почему могли попасть сюда японцы?

- Фок ушел, а нам ничего об этом не сообщил, нас и обошли. Вы бы все же побереглись, Роман Исидорович!

Но Кондратенко ничего не хотел слушать. Подойдя к цепям, он громко, во весь голос, поблагодарил солдат за заботу о нем.

- Рады стараться! Дай вам боже долгие дни! С вами мы не пропадем! - радостно понеслось ему в ответ.

Отбитые японцы быстро отступили, исчезнув в темноте. Кондратенко и Семенов вернулись в штаб. Там уже спешно наводил порядок адъютант.

- Где же Фок? - спросил генерал.

- Послан конный дозор выяснить местонахождение правого фланга Четвертой дивизии, - доложил Семенов.

- Что делается у нас на правом фланге в приморском районе?

- Начальник пограничников подполковник Бутусов доносит, что, кроме слабых атак с фронта, противник активности не проявляет.

- Конный ординарец из штаба Фока, - доложил адъютант, когда в фанзу вошел запыленный усталый стрелок и подал Кондратенко пакет.

- Почему так долго ехал? - сурово спросил его генерал.

- Ночью плутал, ваше превосходительство, и у нас в штабе мне сказали, что Седьмая дивизия идет в Артур, я думал вас по дороге перехватить, но никого не встретил, - оправдывался солдат.

- Фок с вечера еще начал отход на Волчьих горы, - сообщил Кондратенко, пробежав глазами бумагу. - Приказываю отступить в район крепости Порт-Артур, - твердо проговорил он после длительного раздумья.

Время шло, ночь была на исходе, надо было торопиться. Вскоре полки в полной тишине двинулись в дорогу, пользуясь ночным мраком.

Кондратенко со штабом выехал к одному из перекрестков, мимо которого должны были проходить все части. Здесь он в каждом полку и команде справлялся о потерях и благодарил стрелков. Уже совсем рассветало, когда прошли последние подразделения.

- Прошу вас, Владимир Федорович, принять на себя общее начальство над походной колонной, - обернулся генерал к Семенову, - а я вернусь и объеду оставшиеся в арьергарде охотничьи команды и батарею. Они много перенесли за эти дни. Надо их особенно поблагодарить за боевую работу.

- Вас могут отрезать в темноте от главных сил, Роман Исидорович. Что я тогда доложу Стесселю? - запротестовал полковник, но Кондратенко только махнул рукой.

- Не велика будет потеря для Артура. Меня с радостью заменят кем-либо другим. Кстати, вас, Владимир Федорович, можно поздравить с наступающими именинами. Завтра пятнадцатое число. Желаю вам во всем полного успеха, - протянул руку Кондратенко.

Через минуту он уже скрылся в темноте ночи.

Объезд охотничьих команд занял довольно много времени. Особенно долго генерал задержался в охотничьей команде Двадцать шестого полка. За убылью офицеров ею временно командовал унтер-офицер Демьянов, перешедший с Енджеевским из Четырнадцатого полка. Инициативный и энергичный солдат, он всеми силами старался задержать наступающие японские части. С этой целью он предложил заложить ряд самодельствующих фугасов под мостами, в дефиле на дорогах и других местах, где можно было ожидать прохождения крупных частей противника. Стрелки, в свою очередь, предложили заминировать оставляемые окопы и блиндажи.

- Где вы достанете нужное количество пироксилина? - усомнился Кондратенко, узнав об этой затее.

- В штабе бросили две двуколки пироксилина, не на чем было их

вывезти. А мы шашки разобрали по рукам и теперь хотим их использовать. Есть у нас один матросик с "Баяна - Бабушкин, минер по специальности. Он нас научит, как надо ставить мины, - доложил Демьянов.

- Где он? - справился генерал.

- Легок на помине! - кивнул Демьянов на подошедшего в этот момент матроса. Гигантского роста, косая сажень в плечах, он до военной службы был борцом тяжеловесом. Тяготясь бездействием артурской эскадры, он вызвался охотником в морской десант, приданный к дивизии Кондратенко.

Бабушкин подробно рассказал генералу, как он собирается устанавливать фугасы.

- Закопаем фугасы в землю так, чтобы не было их заметно. В темноте не больно разглядишь, где свежевыкопанная земля. Станет японец на фугас и взлетит на воздух. Нарвется рота на такое минное поле, никто целым не уйдет.

Побоятся японцы дальше нас преследовать, а наши части тем временем устроятся на новых позициях, - развивал свою мысль Бабушкин.

Кондратенко сразу понял, какую пользу могут принести такие минные заграждения, и похвалил Бабушкина.

- Сами только будьте осторожны и не подорвитесь на фугасах раньше японцев, - предостерег он солдат.

- На море мы привычны к минам! Там, куда ни повернешься, сразу на нее наскочишь. Теперь на сухом пути мы устроим японцу такую же каверзу, - ответил матрос. - Если все ко правилам сделать, не поздоровится ему.

Поблагодарив солдат и матросов за проявленную инициативу, генерал пожелал им успеха и отправился догонять отряд Семенова.

Наступил третий день праздника хризантем, а русские части продолжали еще находиться на перевальных позициях. Помня упорное сопротивление русских в предыдущие дни, японцы с рассветом открыли ураганный артиллерийский огонь по их позициям. Одновременно японская эскадра начала обстреливать с моря Лунвантаньскую долину. Как ни силен был

огонь японцев, но редкие цепи охотников почти не несли от него потерь. Беспреданно перебегая с места на место и временами открывая сильный ружейный огонь, стрелки сумели ввести в заблуждение японцев, которые не заметили отхода главных сил русских. Четыре скорострельные пушки тоже, то и дело меняя позиции, временами открывали по врагу беглый огонь, что еще более путало японцев.

Только после полудня они рискнули броситься на штурм. Велико было их удивление, когда они увидели пустые окопы. Они бросились искать врага по блиндажам, и тут начали действовать заложенные ночью фугасы. То тут, то там к небу взлетали огромные столбы дыма, земли и камней, гибли десятки людей.

Японцы в ужасе бросились назад. Прошло довольно много времени, пока они решились снова занять покинутые русскими окопы.

Поняв наконец, что перед ними нет противника, японцы сомкнутыми колоннами двинулись по артурской дороге. Но только головная рота вступила на первый мост, как он с грохотом взлетел на воздух, перекалечив не один десяток японских солдат. Испуганные японцы бросились в стороны и опять попадали на мины. Ежесекундно с разных сторон доносился грохот взрывов, и десятки незадачливых потомков богини АматерасуАмиками, как любили называть себя японцы, пачками отправлялись к праотцам. Совершенно обезумевшие перед невидимой опасностью, японцы поспешили отойти в исходное положение. Выдвинув затем вперед небольшие разведывательные части, они до утра не решались двигаться по направлению к Артуру.

Между тем отряд Семенова остановился в восьми километрах от крепости и, никем не беспокоимый, простоял тут до следующего дня.

Осмотрев расположение отряда и отдав Семенову нужные распоряжения, Кондратенко поблагодарил полковника за службу и двинулся в Артур.

На Волчьих горах части Четвертой дивизии нашли позицию в виде неглубоких окопов, вырытых у подошвы хребта, без всяких блиндажей и с очень незначительным числом легких козырьков. Возможности обстрела с этой позиции были ограничены густыми зарослями гаоляна, росшего в

двадцати-тридцати шагах кругом. Все это вызвало сомнение - туда ли пришли полки, куда нужно, но при тщательном обследовании окружающей местности нигде больше не было обнаружено никаких признаков укреплений. Сам строитель этого шедевра фортификационного искусства капитан Сахаров благоразумно, вместе с Фоком, заблаговременно уехал в Артур, предоставив самим частям разобраться на месте в расположении окопов. Утомленные ночным переходом, полки начали устраиваться на новом месте, поминая лихом и инженеров, строивших эти позиции, и начальство, заставившее занимать их.

После жаркого, утомительного, душного дня наступила прохладная, сырая ночь. На небе мерцали разноцветными огнями тысячи звезд. По всей линии расположения русских войск загорелись костры, которые четко указывали японцам линии обороны. Некоторые из офицеров запротестовали было, опасаясь демаскировки окопов. Но Савицкий не посчитался с этими возражениями и приказал "огней не гасить до утра", чтобы комары и мошкара не беспокоили солдат. Японцы прекрасно воспользовались этим ориентиром и, тихонько подкравшись по гаоляну почти вплотную к русским, неожиданно кинулись в штыки. Атакованная рота Четырнадцатого полка была вся переколота, соседние же, вместо того чтобы поддержать ее, сами бросились врассыпную. Вскоре весь полк в беспорядке отступил и частично разбежался по окрестным китайским деревням.

Толстый Савицкий в одном белье вскочил на лошадь и ускакал по дороге в Артур. Неизвестно, чем бы весь этот переполох кончился, если бы не подошел из резерва батальон Тринадцатого полка и, охватив японцев с флангов, не заставил их уйти, после чего остатки Четырнадцатого полка были - водворены на свое место.

Весь следующий день шестнадцатого июля, пользуясь тем, что заросли гаоляна подвели почти вплотную к русским окопам, японцы несколько раз бросались в штыки и местами успели прочно засесть в занятых окопах. Но главные силы их, а также артиллерия, подошли лишь к вечеру.

Перед закатом солнца в тылу ненадолго появился Фок и, выяснив у полковых командиров положение дел на участке, велел держаться до конца.

Тут не выдержал даже его любимец Савицкий и громко заявил, что он за свой полк ручаться не может.

- Окопы к утру будут или совершенно пусты, или в них останется ничтожное количество солдат при нескольких офицерах, - доложил он, делая плаксивую мину на своем полном лице.

- Медвежья, что ли, болезнь напала на ваш полк при виде японцев? - усмехнулся генерал.

- Общее переутомление, много случаев дизентерии и порядочное количество легкораненых-все это снижает боеспособность полка, - жаловался Савицкий.

Карьера любого другого командира полка после такого признания была бы спета, но сегодня Фок даже был доволен таким откровенно паническим докладом.

Это давало ему право доложить Стесселю, что дивизия доведена до полного истощения и дальше держаться на Волчьих горах не в состоянии.

- Конечно, всегда должно иметь в виду необходимость сохранения людей для обороны крепости, ибо главнейшей нашей задачей является упорная защита Порт-Артура, - предупредил офицеров начальник дивизии в заключение.

Это было понято как прямое указание о ненужности упорного сопротивления на Волчьих горах, и командиры полков сразу повеселели. Весь день против дивизии Фока шел ожесточенный артиллерийский бой, заставивший ее оставить занятую линию окопов и отойти на следующий хребет.

Наступившая ночь на время прекратила бой, зато с рассветом семнадцатого июля японцы обрушились на русских с удвоенной силой, и поредевшие, измотавшиеся полки дрогнули и начали отходить к Артуру; стоявший в резерве Четырнадцатый полк, вместо того чтобы прикрыть отступление, первый ринулся под защиту крепостных батарей.

Видя стремительное отступление русских, командующий японской осадной армией барон Ноги бросил в преследование все свои резервы, надеясь на плечах отходящих частей ворваться в Артур, но тут он ошибся. Находившийся при дивизии генерал Надеин собрал остатки полков и вместе с артиллерией Ирмана оказал решительный отпор противнику. Батареи одна за другой вылетали в стрелковые цепи и в упор, на картечь, расстреливали наступавших японцев.

Отдельные взводы и даже отделения стрелков, зацепившись за попутную вершинку, кустарник или грудку скал и камней, надолго задерживали значительно превосходящие силы врага. Но эти разрозненные усилия, лишенные общего руководства, не могли, конечно, остановить движение противника, и к десяти часам утра семнадцатого июля остатки Четвертой дивизии отошли к эспланаде крепости.

Стессель встретил вернувшегося в Артур Кондратенко весьма сухо. Им еще накануне был заготовлен приказ об отрешении строптивого генерала от всех занимаемых должностей "за самовольную отлучку из осажденной крепости".

Когда весть об этом дошла до штаба крепости, Смирнов, считавший Кондратенко своей опорой, всполошился и, не решаясь самостоятельно противоречить начальнику района, отправился за помощью и советом к адмиралу Витгефту. Последний предложил довести до сведения Стесселя через его начальника штаба, что в случае отстранения Кондратенко им будет отправлен специальный миноносец в нейтральный порт с донесением об этом непосредственно царю.

Перепуганный полковник Рейс поспешил к Стесселю и в весьма осторожных выражениях посвятил его а создавшееся положение.

- Плевать я хотел на всех моряков, а Смирнова завтра же смещу с должности коменданта крепости и назначу вместо нею Фока, - начал горячиться Стессель.

- Сейчас получено донесение от генерала Фока, что его дивизия сбита с перевала и, неся сильные потери, отступает к Волчьим горам.

- Во всем виноват Кондратенко. Он, наверное, вмешался в распоряжения

Фока и вовремя не поддержал его! - запальчиво ответил Стессель. - Я был совершенно прав, отстраняя от командования этого хитроумного хохла, - упирался начальник района.

Видя, что генерал закусил удила и спорить с ним бесполезно, Рейс решил прибегнуть к помощи Веры Алексеевны. Он дипломатически изложил ей историю с Кондратенко и, выразил свое глубокое сожаление об излишней горячности ее супруга.

Узнав об отступлении Фока, генеральша встревожилась.

- В такие минуты отстранять от дел Кондратенко прежде всего глупо! Затем, кто же заменит его здесь? На Фока после Цзинджоу я не надеюсь. Смирнова пора посадить в сумасшедший дом за его чрезмерную ученость, Анатолий ничего в крепостях не понимает, Надеин стар, Горбатовский глуп, Церпицкий трус, - перечисляла по пальцам генералов Вера Алексеевна. - Роман же Исидорович - инженер, крепостное дело знает, ему и карты в руки! Хорошо, я переговорю об этом с мужем!

В результате бурной беседы в супружеской спальне приказ о Кондратенко был отменен, и Стессель ограничился лишь упреком по его адресу.

Получив сообщение о поспешном отходе полков Четвертой дивизии, Стессель приказал немедленно подтянуть к Артуру отряд Семенова и лично отправился ему навстречу, как всегда, в сопровождении большой свиты.

В трех верстах впереди линии фронта, на повороте старой артурской дороги, генерал остановился в ожидании подхода частей Седьмой дивизии. Среди генеральской свиты находились Никитин, Рейс, Сахаров, Гантимуров и еще человек десять штабных офицеров и просто прихлебателей, чающих получения различных благ. Кондратенко с Науменко и Звонаревым проехали навстречу отряду. Завидев своего начальника дивизии, который только что с ними провел несколько тяжелых дней на Зеленых горах, стрелки приободрились и подтянулись.

- Да здравствует наш генерал! Ура Кондратенко! - понеслось по стрелковым частям.

Роман Исидорович, весь сияющий, что-то кричал им в ответ и размахивал фуражкой.

Заняв затем место во главе колонны, Кондратенко сам повел полки мимо Стесселя. Поравнявшись с начальником района, генерал, салютуя шашкой, подъехал к нему и отдал рапорт. Звонарев и Науменко, присоединившись к свите Стесселя, наблюдали за прохождением частей отряда.

Впереди, с развернутым знаменем, дважды пробитым пулями в последних боях, шел под музыку Двадцать пятый стрелковый полк. Стройными рядами, строго выдерживая равнение, шли стрелки под бодрящие звуки оркестра. Многие из них были перевязаны, но, несмотря на это, имели бодрый вид. Взвод за взводом, рота за ротой, батальон за батальоном, выдерживая дистанцию, шли один за другим Двадцать пятый и Двадцать шестой полки, временно сведенные после боев в несколько рот. За ними двигалась артиллерия, тяжело громяхая орудиями.

Впереди на вороном коне ехал заросший густейшей черной бородой, с перевязкой на голове, командир дивизиона полковник Мехмандаров. За ним тянулись длинной лентой орудийные запряжки, вороные - в первой батарее, гнедые - во второй и рыжие - в третьей. После дивизиона шла рота Квантунского флотского экипажа.

Огромный матрос Бабушкин нес перед ротой большой развевающийся по ветру Андреевский флаг. Матросы двигались по-морскому - чуть вразвалку, с особой, только им присущей лихостью. Надетые набекрень фуражки с развевающимися сзади черными ленточками придавали им бравый, залихватский вид. Молоденький мичман, ведущий роту, взмахнул своим палахом и подошел к Стесселю, который милостиво протянул ему руку и сказал несколько приветственных слов. Шествие замыкала сводная рота пограничников.

Стессель здоровался и благодарил части за их боевую работу. По мере того как проходили все новые ряды, он повернулся к Кондратенко и, крепко пожав ему руку, поблагодарил за блестящий вид вверенных ему стрелков и матросов.

- Можно подумать, что они идут не после боя, а с царского парада в Царском Селе! - восторгался он.

- Едва ли - их туда пустили бы с перевязанными головами и руками, - заметил в ответ Кондратенко.

- Да, там порохом пахнет только во время салюта, - согласился начальник района.

Когда весь отряд прошел, Кондратенко, официально взяв под козырек, обратился к Стесселю:

- Разрешите мне, ваше превосходительство, вместе с моими полками отправиться на помощь Четвертой дивизии.

- Прошу вас! Отныне она входит в ваше подчинение как начальника сухопутной обороны крепости - ответил Стессель.

На лицах Рейса, Сахарова и Гантимурова выразились недоумение, растерянность и досада.

- Подполковник Науменко, прапорщик Звонарев прошу вас следовать за мной, - обернулся генерал отыскивая их глазами среди свиты, и тронул свою лошадь широкой рысью.

В это время, как бы салютуя ему, с верков Артура раздался тяжелый грохот крепостных орудий.

Тесная блокада Артура началась.

Часть третья

Глава первая

Семнадцатого июля 1904 года Четвертая и Седьмая Восточносибирские стрелковые дивизии после ряда неудачных боев на Зеленых и Волчьих горах отошли в Артур. Началась тесная блокада крепости. Японцы энергично принялись за осаду. Уже через неделю они подвезли крупные орудия и двадцать пятого числа, в воскресенье, во время крестного хода впервые обстреляли город и находившуюся на внутреннем рейде эскадру.

Стоял жаркий день. На площади у Отрядной церкви с утра стали

собираться немногие оставшиеся в осажденном городе жители со своими семьями, мелкие служащие, рабочие порта, свободные от службы офицеры и солдаты.

К началу молебствия прибыл Стессель с женой. Для торжественного соборного служения из всех артурских церквей собралось около двух десятков военных и морских священников. В праздничных, золотых и серебряных, ризах они усердно молили бога о помощи и избавлении от надвигавшихся с началом осады бедствий.

Над толпой медленно поднимался колечками сизый дымок ладана. Объединенный хор певчих мягко вторил молениям. Обдав друг друга и молящихся облаками ладана, священники двинулись крестным ходом по грязным и пыльным улицам к набережной Старого города, откуда издали осенили крестным знаменем стоявшие на внутреннем рейде суда. Затем по Пушкинской и другим улицам крестный ход вышел к Новому китайскому городу на луг у Цирковой площади.

Вдруг вдалеке мягко прозвучал выстрел. В воздухе нарастал резкий свист быстро приближающегося снаряда, за которым последовал оглушительный взрыв.

Над толпой взвился огромный султан черного дыма. Все, как один, с воплями кинулись бежать в разные стороны, теряя по дороге шляпы, зонтики, обувь.

Упавших топтали ногами.

Стессель, его жена и окружающая их свита были тоже смяты бегущими. С генерала сорвали фуражку и изрядно помяли ему бока. Генеральшу оттеснили в сторону, сбили с головы шляпу и в довершение всего опрокинули в какую-то яму.

Стессель, не видя своей жены, решил, что она опередила его, и вслед за толпой бросился под защиту ближайших строений, и пришел в себя лишь в одном из подвалов.

Все поле было сплошь покрыто одеждой, зонтиками, шляпками... Тут же тускло блестели на солнце ризы и хоругви. Среди всего этого хаоса лежало около двух десятков людей - раненых, полузатоптанных и просто

испуганных.

Некоторые из них пытались подняться на ноги, другие же лежали недвижимо, считая, что опасность еще не прошла.

Когда первый переполох миновал, появились солдаты и начали подбирать людей и собирать разбросанные вещи.

Стессель, покинув убежище, поспешил на розыски своей жены. Вскоре два стрелка почтительно привели под руки не столько испуганную, сколько взбешенную, плачущую от стыда и злости Веру Алексеевну.

При виде ее генерал побледнел сильнее, чем при взрыве японских снарядов.

- Ты должен наградить их за проявленное геройство, - хрипя от злости, проговорила генеральша, кивнув на солдат. - Они оказались храбрее многих офицеров.

Генерал покраснел, поняв намек жены.

- Да, да. Спасибо вам, братцы, - поспешил обратиться он к солдатам. - Награждаю вас за совершенный вами подвиг Георгиевским крестом и двадцатью пятью рублями каждого.

- Рады стараться! - крикнули изумленные солдаты, не понявшие, в чем заключался их подвиг. - Покорнейше благодарим, ваше превосходительство. Подоспевшая коляска тотчас увезла превосходительных супругов.

Между тем японцы перенесли огонь на набережную и порт. В течение всего дня то усиливалась, то ослабевала бомбардировка города и внутреннего бассейна. Хотя существенных разрушений она и не причинила, но произвела на всех ошеломляющее впечатление. Стала очевидна полная непригодность Артура как крепости, защищающей город и флот. Отныне Артур оказался под постоянной опасностью обстрела в любое время дня и ночи.

Особенно переполошились моряки; Два снаряда, угодившие в "Цесаревича", разрушили на нем рубку беспроволочного телеграфа и легко ранили при этом адмирала Витгефта. В порту был поврежден дом адмирала Григоровича и морской госпиталь.

В этот же вечер в штабе Стесселя собралось экстренное совещание морских и сухопутных начальников по вопросу о дальнейшей обороне крепости. Стессель требовал от моряков немедленного огня из всех крупных судовых орудий по наделавшей столько бед японской батарее.

- Но ее ниоткуда не видно, - возразил генерал Белый.

- Стреляйте по вспышкам выстрелов, по направлению звука; одним словом, делайте, что хотите, но чтобы завтра она была уничтожена, - требовал генерал.

- Приму все меры к этому.

- Нет, ты должен наверняка уничтожить японцев. Ведь сегодня пострадало от снарядов около двадцати человек мирного населения да растоптано толпой пятнадцать человек, из них три женщины и два ребенка. О синяках и ушибах я уже не говорю. Даже мы с женой не избежали этого.

- На эскадре и в порту убито трое, десять ранено, в том числе мой флаг-офицер и я, - добавил Витгефт, кивая на свою перевязанную руку.

- Сами в этом виноваты, ваше превосходительство. Уйди эскадра из Артура десятого июня, ничего бы этого не было. Надеюсь, вы теперь понимаете, почему я так настаивал на скорейшем уходе флота из Артура? С начала тесной осады Артур становится ловушкой для флота, - сердито проговорил Стессель.

Присутствующий здесь же Григорович только горестно вздохнул. Сегодня при взрыве снаряда погибла чудесная коллекция китайского и японского фарфора, которую он тщательно собирал в течение ряда лет.

- Не произвести ли нам сильную вылазку в район расположения зловредной батареи с целью ее уничтожения? - предложил комендант крепости Смирнов.

- Наши части еще не совсем приведены в порядок после отхода с Волчьих гор. Поэтому нам фактически нечем сейчас производить вылазки, - возразил Кондратенко.

- Послать моряков, хотя бы десантные роты, - предложил Стессель.

- Матросы у нас не обучаются ни рассыпному строю, ни штыковым

атакам. Они едва ли пригодны для этой цели, - возразил Витгефт.

- Хитрость невелика, было бы желание, - буркнул Стессель.

- Кроме того, эскадра в ближайшие дни попытается прорваться во Владивосток, и матросы сейчас нужны на кораблях. Их ведь не заменишь стрелками, - подпустил шпильку адмирал.

- Использование матросов для вылазки, конечно, поставит наши суда в затруднительное положение, - поддержал Витгефта Григорович.

- Для вылазки наиболее пригодны пограничники эти артурские пластуны, - вмешался в разговор Кондратенко. - Они привыкли незаметно подкрадываться к врагу.

- В таком случае назначим две роты пограничников и роту кантонского экипажа, - решил Стессель. - Общее руководство операцией возлагаю на генерала Кондратенко.

На "Цесаревиче" Витгефта поджидала телеграмма наместника, только что доставленная китайцем-джонщиком из Чифу.

- "С мнением совещания флагманов и командиров о невозможности выхода эскадры из Артура не согласен. По повелению его величества, приказываю идти во Владивосток, избегая при этом боя. Напоминаю всем начальствующим лицам о подвиге "Варяга" и предупреждаю, что невыход эскадры в море в случае падения крепости поведет к ее несомненной гибели. Вся ответственность за этот позор Андреевского флага и честь родного флота целиком ляжет на вас, адмиралов и командиров. Настоящую телеграмму сообщить им всем под расписку. Адмирал, Алексеев". - Кончив чтение, Витгефт, забыв о своем лютеранстве, набожно по-православному перекрестился.

- Теперь уже больше разговаривать и спорить нельзя, Вильгельм Карлович, - проговорил довольный Матусевич. - Надо идти на прорыв. Завтра же с утра соберем всех командиров и ознакомим с полученным распоряжением.

- Действуйте, Николай Алексеевич. Я на все согласен. Победить мы не победим, но хоть умрем с честью, коль от нас этого потребуют, - печально проговорил командующий флотом и, отпустив Матусевича,

засел за длинное письмо своей семье, в котором, трогательно прощался с нею "ввиду неизбежной нашей гибели в предстоящих боях".

Расставшись со Стесселем, Кондратенко в сопровождении своего начальника штаба подполковника Науменко и Звонарева тотчас поскакал в Новый город, где располагались пограничники. Генерал целиком был поглощен мыслью о предстоящей вылазке и быстро прикидывал в голове различные варианты организации поиска столь опасной для крепости батареи. Науменко и Звонарев молчаливо следовали за ним.

- Я уверен, что подполковник Бутусов сумеет найти зловредную батарею, а быть может, и уничтожить ее, - задумчиво произнес Науменко.

- Неожиданный отход Фока с Волчьих гор поставил крепость в критическое положение. Хорошо, что японцы еще сразу не кинулись за нами и не ворвались в Артур на плечах отходящих частей. Несдобровать бы нам при нашей неурядице, - отозвался Кондратенко.

- Недаром же Стессель даже пошел на отстранение Фока от оперативной деятельности, - поддакнул Науменко.

- Это не отстранение. Фок назначен начальником общего резерва с подчинением непосредственно Стесселю. Получается, что Смирно", хотя и является комендантом крепости, но распоряжаться резервом без ведома начальника района не имеет права, - возразил Кондратенко.

- Район-то уже весь в руках японцев. Осталась одна крепость, подчиненная Смирнову как ее коменданту. Стессель, в сущности, сейчас ни при чем. Его власть кончилась с занятием района японцами.

- Тем не менее Стессель фактически командует всем, а Смирнов - ничем. Тут трудно что-либо понять. Потребуются разъяснения из Питера или Маньчжурии, - продолжал сетовать Кондратенко.

Несмотря на позднее время - было около полуночи, - Бутусов еще не спал и встретил гостей, как всегда, весьма радушно, пригласив генерала и его спутников к столу. Кондратенко быстро объяснил подполковнику цель своего позднего визита. Ознакомившись с районом, который надо было осмотреть, Бутусов сказал:

- До рассвета не успеем его как следует обшарить. В пять светает, через

полчаса выступим. На поиск останется всего четыре часа. Надо спешить.

- И он вышел, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Через полчаса отряд выступил. Кондратенко, как всегда, напутствовал солдат. В зеленой форме пограничники были совершенно незаметны в ночной темноте. Мягкие соломенные туфли-зори делали движения солдат бесшумными, хорошо пригнанная амуниция нигде не звенела и не скрипела. Традиционные у пограничников папахи были заменены защитными фуражками.

- К утру будет туман, - потянул носом воздух Бутусов. - С моря тянет влагой, и звезды сильно мигают. Я, ваше превосходительство, беру с собою трех китайцев, в том числе садовника генерала Белого. Они жители тех деревень, где сейчас находятся японцы, и послужат нам проводниками ночью.

При нужде останутся и на день в японском тылу для розыска батареи.

- Доверия-то они заслуживают? - спросил генерал.

- У одного японцы изнасиловали и убили жену, у другого зарезали отца, у третьего сожгли дом. Им есть за что мстить японцам. Я их знаю уже несколько лет и вполне доверяю им.

- Раз так, значит, все в порядке. Китайцы могут быть нам очень полезны, - согласился Кондратенко.

Бутусов отдал несколько коротких распоряжений, и отряд неслышно двинулся. Люди шли налегке, без шинелей и вещевых мешков, но с саперными лопатами и пироксилиновыми шашками.

Стояла теплая, тихая, безлунная ночь. Легкий туман закрывал долины и овраги. Тишина нарушалась лишь лаем собак и воем шакалов, да в ароматной по-ночному траве неумолчно трещали цикады, чуть шелестел гаолян. Нигде не было слышно ни единого выстрела, только белые ленты бессонных крепостных прожекторов, то затухая, то разгораясь, скользили по окрестным сопкам и долинам.

Отряд Бутусова быстро добрался до сторожевого охранения и здесь остановился. Собрав у себя в небольшой придорожной фанзе командиров рот и взводов, подполковник еще раз указал по карте районы поисков и

направление движения каждого взвода. Затем вызвал проводников-китайцев. Они должны были провести пограничников в японский тыл, где предполагалось расположение злой батареи.

Пять взводов двинулись по указанным направлениям, а три остались в резерве. Пройдя сотню шагов, солдаты растаяли в ночном сумраке.

Прошло томительных полчаса. По-прежнему все было совершенно спокойно, только в некоторых местах вой шакала вдруг то замолкал, то начинался с новой силой. Солдаты, лежа в придорожной канаве, чутко прислушивались к окружающему, изредка перебрасываясь односложными замечаниями.

Вскоре прибыл ординарец от среднего взвода с донесением, что взвод благополучно перешел через речку и, сняв японских часовых, продвигается дальше в тыл неприятеля.

Бутусов довольно крикнул, потянулся своим невысоким, но коренастым телом и вполголоса приказал резервным взводам подниматься.

Вскоре они, рассыпавшись по гаолян, неслышно двинулись вперед. Бутусов с несколькими солдатами шел по дороге. Справа неожиданно раздались беспорядочные выстрелы, но стрельба так же внезапно смолкла, как и началась. Наступившая затем тишина показалась особенно глубокой. Впереди запищала потревоженная птица.

Примолкнувшие было после выстрелов лягушки снова завели свой концерт. При свете электрического фонаря Бутусов справился по карте. До намеченного для поиска района оставалось еще около километра. Один за другим призывали с донесением ординарцы. Пограничники уже перевалили за первый хребет и теперь разыскивали злополучную батарею. Проводники-китайцы углубились в расположение японцев и собирали среди китайцев сведения о расположении японской артиллерии.

Бутусов приказал разжечь костры поярче и сидеть возле них.

- В зеленой одежде вы ночью сойдете за японцев. Они примут вас за своих и не будут думать об опасности, - пояснил подполковник.

Громкий взрыв впереди прервал разговор. За первым взрывом

последовало еще несколько, вспыхнула сильная ружейная перестрелка. Совсем близко раздались бешеные крики "банзай". Бутусов с резервными взводами скорым шагом двинулся на выстрелы. Ночная тишина сменилась грохотом взрывов, треском ломаемого гаоляна, топотом людей, вскриками и призывными свистками командиров.

- Бей японца штыком, не давай ему кричать, - приказывал Бутусов.

Ночь огласилась гулкими орудийными выстрелами, разрывами снарядов и гранат. В воздухе ярко вспыхивали букеты шрапнелей. Бой быстро разгорался.

С хребта Бутусов пытался рассмотреть, что делалось в низинах, но туман мешал что-либо разобратить в темноте. Сквозь тьму в различных местах мелькали огоньки ружейных выстрелов, справа брызнула пулеметная очередь. Неожиданно запылала кем-то подожженная китайская деревня. Красноватый, колеблющийся свет пожара осветил несколько дворов и часть деревенской улицы, по которой метались человеческие фигуры. Справа взвилась к небу, оставляя за собой искристый след, ракета и, разорвавшись, рассыпалась целым каскадом ярких звездочек, которые, медленно оседая вниз, освещали землю ослепительно-белым светом.

Бутусов засвистел. Тотчас ему ответили с разных сторон - перед ним выросли темные фигуры солдат.

- Третий взвод взорвал пушку, с трех других снял замки и прицелы, - доложил один из них и в качестве вещественного доказательства положил на землю прицелы.

- Где сейчас взвод?

- Японец дюже наседает, отходит взвод сюда, сейчас здесь будет.

- Первым взводом захвачено два пулемета с лентами, батареи не нашли, - доложил следующий солдат.

- Второй взвод взорвал две пушки, прислугу побил. Японцев захватили врасплох и многих покололи, - доложил еще один ординарец.

Другие два взвода налетели на бивак пехотного полка, устроили большой переполох, но затем едва ушли от наседавших со всех сторон японцев.

- Передайте приказ во все взводы: отходить за речку и дальше. Я с

резервом останусь здесь, чтобы прикрыть ваш отход. Поскорее доставляйте в тыл раненых, - распорядился Бутусов.

Рассыпавшись вдоль хребта, резервные взводы встретили японцев дружными залпами. Трудно было рассчитывать на попадание в такой темноте, но японцы все же не осмелились идти дальше и стали окапываться. С долин пополз густой туман, под прикрытием которого пограничники, вынеся всех раненых, благополучно вернулись на линию русского сторожевого охранения.

На рассвете Бутусов уже докладывал Кондратенко о результате ночного поиска.

- А китайцы ваши? - вспомнил генерал.

- Остались до следующей ночи в тылу у японцев, чтобы проследить днем за стрельбой японских батарей, - объяснил Бутусов.

Осмотрев захваченные пограничниками прицелы, Звонарев объявил, что только один из них принадлежит морской пушке, а остальные легким и горным орудиям.

- Значит, вредную батарею уничтожить так и не удалось, - вздохнул Кондратенко.

Как бы в ответ ему начался обстрел порта и гавани из дальнобойных орудий.

Кондратенко приказал прапорщику ехать к Белому с докладом о результатах поиска. Город еще только просыпался. Открывались первые магазины, китайцы торопливо катили по улицам легонькие колясочки с булками, овощами и другой снедью. Хозяйки с кошелками шли на рынок, рабочие двигались к портовым мастерским. Никто из них не обращал внимания на обстрел гавани, где то и дело взлетали в воздух высокие всплески воды от падающих снарядов.

Около "Этажерки" Звонарев неожиданно встретил Варю Белую. Она имела очень утомленный вид, но, как всегда, была преисполнена энергии.

- Меня не пропускают домой из-за обстрела гавани, - жаловалась она.

- Берите мою лошадь и скачите вокруг Золотой горы, - предложил

прапорщик.

- Я только что хорошо выспался и отдохнул. Доберусь до Управления артиллерии и пешком.

Взобравшись на лошадь, Варя помчалась вперед, а Звонарев стал пробираться в Управление артиллерии. Один из снарядов поджег в порту цистерны с машинным маслом, и черный густой дым закрыл всю Золотую гору и район порта.

Приходилось идти с трудом в клубах маслянистого черного дыма, непроницаемого для лучей солнца. Когда прапорщик добрался до квартиры Белого, то походил на негра.

- Отправляйтесь в ванну, - распорядился генерал, увидев Звонарева.

Помывшись и приведя себя в порядок, прапорщик отправился на доклад к генералу в Управление артиллерии, где он застал Тахателова и Гобято.

- Объявим премию за отыскание проклятой батареи. Сто рублей офицеру, двадцать пять солдату. Установим круглосуточное дежурство на Большом Орлином Гнезде, Перепелиной горе и на Высокой. С них открывается большой кругозор, - предложил Тахателов.

- Надо связаться с моряками. Они крепко заинтересованы в уничтожении этой батареи, - добавил Гобято.

- Следует привлечь местное китайское население, которое прекрасно знает окрестные горы и может сильно помочь в отыскании батарей, - проговорил Звонарев.

- Попрошу вас, Сергей Владимирович, по этому вопросу связаться с Петром Дмитриевичем Бутусовым. У него среди китайцев много знакомых и друзей, - распорядился Белый.

На этом и порешили.

Едва прапорщик вышел из Управления, как встретился с Вен Фань-веем. После своего неудачного покушения на Танаку в Дальнем китаец вернулся в Артур к семье. Узнав об отходе русских войск и приближении японцев к Артуру, Вен хотел было тотчас уехать с женой и ребенком на джонке в Чижу. Но для этого надо было получить разрешение городского совета, и Вен обратился к Варе с просьбой помочь ему в этом деле. Варя

рассказала отцу о намерении садовника.

Белый велел передать китайцу, что японцев к самому Артуру не подпустят, и Вен успокоился.

Отступление русских снова заставило Вена подумать об отъезде из Артура, особенно когда начался обстрел осадными батареями города и порта. Но предварительно он решил пробраться в осадную армию, где находились его родственники, и поэтому согласился принять участие в разведке, организованной Бутусовым.

Вернувшись с рассветом, Вен решил лично сообщить Белому о том, что видел в японском тылу. Тут ему и встретился Звонарев. Китаец теперь часто видел прапорщика вместе с Варей и постепенно изменил к нему свое отношение.

- Здравствуй, лао Вен Фань-вей, - приветствовал его Звонарев. - Нашел батарею, которая обстреливает город и порт?

- Моя видала много-много батарея. Они шипко пуфпуф делай. Какая в карабли, не знай. Моя хоти генерала Белая говори, - ответил китаец.

Прапорщик провел китайца в Управление артиллерии. Вен рассказал о том, что видел. Но, плохо зная русский язык, многого не сумел объяснить. Белый вызвал к себе Бутусова, который руководил разведкой и неплохо владел китайским языком. С его помощью удалось уточнить многие детали расположения вражеских осадных батарей.

Белый хотел было представить Вен Фань-вея к награде, но китаец отказался и лишь попросил помочь ему выехать, когда будет нужно, из Артура.

На другой день на флагманском броненосце "Цесаревич" состоялось совещание флагманов и командиров. Генерал Белый немедленно собрался в дорогу и взял с собой Звонарева.

Японцы перенесли огонь на стоящие на внутреннем рейде суда. "Ретвизан", "Победа" и "Цесаревич" усиленно осыпались снарядами. Прошло около получаса, пока к пристани Артиллерийского городка смог подойти паровой катер "Цесаревича". В момент его отхода один из снарядов угодил в борт броненосца и, разорвавшись, изрешетил катер.

Кроме того, оказалась перебитой дымовая труба и штуртросы. Поэтому, прежде чем пускаться на нем в путь, надо было произвести необходимый ремонт.

Только около полудня попали наконец артиллеристы на заседание моряков. В отличие от прежних совещаний сегодня Витгефт ограничился лишь конкретными указаниями о выходе эскадры, объявил диспозицию, порядок прохождения тралящего каравана и еще раз повторил приказ о выходе наутро двадцать восьмого июля.

- Прошу вас, господа, помнить, что мы выполняем волю его величества, поэтому наши мнения должны остаться при нас. Я буду руководить эскадрой, сообразуясь с обстановкой. Поврежденных в бою судов эскадра поджидать не будет. В этом случае командиры должны действовать по способности, памятуя общую директиву - идти во Владивосток, - закончил свою речь адмирал.

- Пронеси, господи, через мины у Артура, а там мы сумеем драться с японцами, - ответил ему начальник штаба эскадры Матусевич. - Мины - вот главная наша опасность.

- А прорыв в иностранные порты допустим? - вдруг спросил Ливен.

- Он будет рассматриваться как бегство с поля сражения, - ответил Витгефт.

- Не согласен с этим, - возразил командующий отрядом крейсеров адмирал Рейценштейн. - В Артуре невозможно больше исправлять поврежденные суда вследствие обстрела порта с сухопутного фронта. Следовательно, корабли, не могущие добраться до Владивостока, должны пытаться пробиться хотя бы в нейтральные порты или, быть может, даже идти прямо навстречу Балтийской эскадре.

- Да она еще не вышла из Кронштадта, - усмехнулся Витгефт. - Едва ли Артур продержится до ее прихода сюда. Только это соображение и заставляет нас выйти в море на явный разгром. Авось потопим несколько кораблей Того и хотя этим поможем нашей второй эскадре.

- О нейтральных портах, идя во Владивосток, думать не следует, а то, наверное, все в них окажемся и до места назначения не доберется никто,

- возразил командир броненосца "Севастополь" капитан первого ранга Эссен.

- Вильгельм Карлович, а нельзя ли будет взять с собой из Артура семьи некоторых офицеров? - вдруг спросил младший флагман эскадры контр-адмирал князь Ухтомский.

- Я думаю, что можно будет допустить пребывание женщин на "Монголии", которая пойдет с эскадрой, - поддержал Матусевич. - Все равно вчера и сегодня из города и особенно порта туда перебрались многие семьи.

- Пожалуй, на "Монголии" соберется столько всяких пассажиров, что и раненым не останется места, - заметил Витгефт.

- Дело старшего врача лазарета урегулировать этот вопрос, - отозвался Матусевич.

На этом совещание моряков и окончилось.

- Василий Федорович, - обернулся наконец Витгефт к Белому, разговаривавшему с флагманским артиллеристом лейтенантом Кетлинским. - Я прошу вас прибыть к нам, чтобы обсудить вопрос, как нам бороться с этой паршивой батареейкой двадцатимиллиметровых пушек, которая нас обстреливает уже несколько дней.

- Я тоже хотел переговорить с вами по этому поводу. Сейчас с вашим флаг-офицером мы договорились о связи кораблей с нашими наблюдательными пунктами и завтра попробуем сбить батарею перекидным огнем с броненосцев.

Оба превосходительства оживленно заговорили. Звонарев, ожидая распоряжений, почтительно стоял в стороне.

- Вы это что, молодой человек, вместо службы в строю на Электрическом Утесе перешли в адъютанты? - подошел к нему Эссен.

- Я все время вел работы по постройке укреплений на сухопутном фронте, но на днях мне обещано возвращение на Утес, - ответил Звонарев. - Вы надеетесь на успех при выходе эскадры, Николай Оттович?

- Тот не солдат, кто не имеет маршальского жезла в ранце! Но,

откровенно говоря, боюсь не столько японцев, сколько нашего адмирала. Вдруг опять при виде японцев сдрейфит и побежит в Артур, как это было десятого июня. Да и большинство наших командиров против выхода. Следовательно, они будут все время оглядываться на Артур и при первом предлоге повернут назад.

- В таком случае необходимо сменить ненадежных командиров.

- Всех не сменишь. Беда наша в том, что у самого адмирала настроение подавленное и полная неуверенность в себе.

Артиллеристы стали прощаться.

- До свидания во Владивостоке. Желаю вам, господа, полного успеха, - говорил Белый, пожимая руки морякам.

- А вам желаю успешно выдержать осаду и поскорее освободиться от блокады, - отвечал за всех Витгефт.

Генерал облобызался с ним и, растроганный, сел на катер.

Между тем бомбардировка прекратилась. Солнечный, ясный день приветливо встретил вышедших из полутемных помещений броненосца артиллеристов. Катер быстро доставил их на пристань.

На следующий день бомбардировка возобновилась с новой силой. С раннего утра посыпались снаряды в западный бассейн, где стояли все броненосцы. Один снаряд угодил в борт "Ретвизана" и нанес ему подводную пробоину почти в полквadratной сажени. Броненосец через нее принял пятьсот тонн воды и осел на один фут в воду. Одним из следующих снарядов был легко ранен в руку командир броненосца Шенснович и двадцать человек матросов. Это происходило на виду эскадры и произвело на всех удручающее впечатление.

Напрасно все шесть броненосцев громили перекидным огнем районы возможного расположения японских батарей, сотрясая до основания хрупкие домики в Старом и Новом городе. Бомбардировка неуклонно продолжалась. Стала очевидной невозможность дальнейшего пребывания эскадры в Артуре.

Как только прекратился обстрел, со всех пристаней двинулись к кораблям многочисленные шлюпки и катера. На некоторых из них

восседали в ярких летних платьях лейтенантши, капитанш и представительницы артурского полусвета.

Плавучий лазарет "Монголию" целый день осаждали десятки катеров и шлюпок с многочисленными пассажирками, предлагавшими свои услуги в качестве сестер и санитарок. И хотя все штаты давным-давно были заполнены, все же пришлось принять счастливиц, имевших превосходительных покровителей. Так как разместить их в помещениях команды и медицинского персонала было невозможно, то им отвели одну из кают, предназначенную для раненых.

- Не успеем мы выйти из Артура, а нам уже некуда будет принимать подобранных в бою, - возмущался главный врач лазарета Петров.

Известие об уходе на следующее утро эскадры еще днем облетело город. Все торопились на набережную, в последний раз полюбоваться стоящими на рейде судами. Остающиеся в Артуре морские офицеры - молодежь с завистью, а старшие с сожалением - глядели на темные силуэты кораблей.

- Кто из них будет еще плавать завтра в это время, - вздыхал пожилой капитан.

- Можно ручаться, что не все, - ответил ему собеседник.

- Не верю, чтобы наши самотопы рискнули вступить в бой с японцами, - басил тучный стрелковый капитан. - Как увидят Того, так и побегут куда глаза глядят.

- На месте Стесселя я бы предупредил моряков, что обратно в Артур им ходу нет, - вторил ему толстый полковник Савицкий.

- Без флота мы Артура долго не удержим, - задумчиво проговорил командир полевой батареи подполковник Петров.

Такие разговоры велись и на улицах, и в ресторанах, и на батареях. Моряки предпочитали отмалчиваться, чтобы не раздражать возмущенных полным бездействием флота сухопутных офицеров.

В морском собрании в этот вечер остающиеся в Артуре морские офицеры чествовали своих уходящих товарищей. Рекой лилось шампанское, произносились горячие тосты, пыльные клятвы умереть, но не посрамить

Андреевского флага.

Накануне выхода эскадры Звонарев с Борейко и учительницами Пушкинской школы решили нанести прощальный визит в домик Ривы. Уже затемно они добрались до Нового города и застали Риву за последними приготовлениями. Все ценное было уложено, но обстановка квартиры оставалась целиком. Рива в форме сестры милосердия радостно встретила гостей.

- Я так рада, что уезжаю из Артура, а то за последние дни несколько снарядов разорвалось совсем близко от нашей квартиры. Боюсь только, чтобы в море не потопили минами "Монголию", - вздыхала она.

- Будем надеяться, что все будет благополучно. Это нам здесь предстоит пережить тяжкие дни осады, - ответила Оля.

- Как вы поступите с квартирой? - справился Борейко.

- Оставлю на Куинсан. Быть может, Сережа временно поселится здесь? Вы часто бываете в этом районе. Куинсан приготовит вам обед, стирает белье, - одним словом, сделает все, что нужно такому заядлому холостяку, как вы, - лукаво улыбнулась Рива.

- В Артиллерийском городке найдутся особы, готовые всегда о нем позаботиться, - хитро поглядел на друга Борейко.

Звонарен покраснел, но не стал возражать.

Подали чай, разговор не клеился, все были взволнованы предстоящей разлукой и больше молчали.

- Пора двигаться, - поднялся Акинфиев. - Я довезу тебя до "Монголии"

- Надо перед дорогой посидеть и подумать о предстоящей дороге, - проговорила Леля.

Все на минутку присели, затем стали прощаться. Девушки целовались, мужчины обменялись рукопожатиями. Гурьбой вышли на набережную, где уже ожидал катер с "Севастополя".

Стояла тихая теплая звездная ночь. С моря тянуло прохладой. С фортов доносилась слабая ружейная перестрелка, прерываемая отдельными пушечными выстрелами.

- Отваливай! - скомандовал лейтенант, и катер быстро растаял в темноте.

Ночь была на исходе. Гавань с ее зеркальной поверхностью, темные громады судов, Тигровый полуостров, Золотая гора - все безмолвствовало. Вдруг что-то сверкнуло на "Цесаревиче". Трепетно замерцали фосфорические огоньки на мачте, и тотчас же огоньки появились на всех остальных судах. Вспыхнут - потухнут и опять вспыхнут. Вслед за этим сразу ожили безмолвные темные громады броненосцев и крейсеров. Над тихим артурским рейдом раздались резкие свистки боцманских дудок, шум голосов и громкие выкрики команды. Послышался топот многочисленных ног по палубам, засветились огнями иллюминаторы. Вскоре с кораблей раздался стройный тысячный хор матросов, певших утренние молитвы.

На "Цесаревиче" оркестр заиграл гимн. Его подхватили на других кораблях. У Адмиральской пристани в порту выстроенный на набережной батальон Квантунского флотского экипажа с оркестром вторил эскадре. Толпа, успевшая собраться на берегу, обнажила головы.

- Нашему славному флоту ура! - закричал кто-то в толпе, и русский победный клич покатился по набережным, перекинулся в порт, где его подхватили выбежавшие из мастерских рабочие и матросы флотского экипажа.

Прошло с четверть часа, пока наконец эти клики стихли.

- Дал бы только им бог добраться до Владивостока! - слышались отдельные возгласы в толпе.

Небо на востоке постепенно светлело. Лучи крепостных прожекторов бледнели и гасли один за другим. Наступило тихое ясное утро, с гор подул прохладный нордост.

На мачте сигнальной станции, расположенной на Золотой горе, у выхода на внешний рейд, поднялось несколько флагов. Тотчас два портовых катера направились к преграждавшим проход в гавань бонам и начали их разводить.

Вслед за ними двинулся легкий крейсер "Новик".

Неторопливо проплыл тралящий караван - четыре землечерпалки-грязнухи и два небольших парохода. Усиленно дымя, они построились

попарно и, заведя тралы, двинулись вдоль берега на юг к бухте Белого Волка, где и остановились. За ними начали выходить на внешний рейд вперемежку крейсера, канонерки, миноносцы. Ровно в шесть часов утра появился из-за угла Адмиральской пристани мощный, изящный корпус флагманского броненосца "Цесаревич", с чуть трепещущим на фок-стеннге адмиральским флагом. Минут через пять, пробравшись через проход и минные заграждения, он отдал якорь на внешнем рейде, залитом ослепительным светом взошедшего солнца.

Зелено-голубая гладь горизонта была еще подернута утренним туманом, сквозь который чуть проступали силуэты сторожевых японских судов. Они пытались подойти поближе к Артуру, чтобы лучше рассмотреть маневры русской эскадры, но тотчас "Новик", густо задымив из всех своих труб, стремительно ринулся вперед, неся на носу огромный белый бурун. Стайка миноносцев наперегонки с ним тоже кинулась в сторону неприятеля. Раздалось несколько глухих выстрелов. На горизонте взметнулись столбы воды, и японцы поспешили скрыться в море. Сделав свое дело, "Новик" с миноносцами двинулся к эскадре.

Дальнейший выход эскадры задержал "Ретвизан", спешно кончавший заделку пробоины, полученной накануне.

Нетерпеливый командир "Севастополя" Эссен двинулся было к выходу из гавани, но тотчас же был остановлен сигналом командующего флотом.

Едва "Ретвизан" двинулся с места, как замешкался "Пересвет". Не понимая, в чем дело, Эссен по семафору справился у командира броненосца Бойсмана о причине задержки и, узнав, что виноват Ухтомский, посоветовал ему освободиться от адмирала.

- Сразу у вас, Василий Арсеньевич, ход прибавится на два-три узла, - рекомендовал он Бойсману.

- Мне штабные крысы совсем дышать не дают. Лучше миноносцем командовать, чем плавать вместе с таким контр-адмиралом, как Ухтомский, - жаловался в ответ Бойсман.

Вмешательство Эссена все же возымело свое действие. "Пересвет" двинулся в проход. За ним следом пошел и "Севастополь".

Только в половине девятого утра, через три с половиной часа после выхода "Новика", эскадра сосредоточилась на внешнем рейде.

- Боевая эскадра, а, идя на прорыв, ползет, как черепаха, - возмущался Эссен. - Да за это время суда от Владивостока можно подтянуть к Артуру.

- Тем не менее адмирал Того что-то запаздывает, - заметил Акинфиев, находившийся в распоряжении командира.

- Ждет нас в открытом море, подальше от крепостных батарей, - ответил старший офицер капитан второго ранга Бахметьев. Было девять часов утра. Изрядно парило. На море стояло морево тумана, сквозь которое опять замаячили японские суда. Эскадра все еще стояла на внешнем рейде, вытянувшись в кильватерную колонну вдоль берега от Золотой горы до Ляотешаня.

- Пора бы и трогаться, - нетерпеливо заметил Акинфиев. - Кажется, все в сборе.

С "Цесаревича" засигналили.

- "Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток", - доложил Эссену вахтенный офицер, разбиравший сигнал. Вскоре корабли стали сниматься с якоря и двинулись за тралящим караваном курсом на юго-запад. Вслед за эскадрой должен был идти плавучий лазарет "Монголия" - пассажирский пароход водоизмещением около пяти тысяч тонн. Он был специально переоборудован для приема и лечения раненых. Довольно быстроходная "Монголия" могла развивать ход до семнадцати узлов, не уступая в скорости крейсерам "Диана" и "Паллада". Окрашенная в белый цвет, с ясно видимыми красными крестами на бортах и флагах, она издали бросалась в глаза и резко отличалась от темно-серых боевых судов эскадры.

Командовал ею капитан Охотский, опытный моряк, хорошо знавший дальневосточные воды. Кроме моряков, на "Монголии" находились еще пять врачей и тридцать человек медицинского персонала Красного Креста. За день до выхода было принято на корабль также около двадцати жен и детей из семей морских офицеров. Таким образом, пароход имел уже довольно большое население, что сократило число

имеющихся на корабле лазаретных коек до полутораэта.

Задержавшись с приемом медикаментов, "Монголия" опоздала к выходу эскадры и догнала ее уже на внешнем рейде во время движения.

Среди медицинского персонала парохода находилась и Рива Блюм. Недавно окончившая ускоренные курсы сестер, она еще не вполне освоилась с работой и с виноватой улыбкой обращалась за помощью к другим сестрам.

Как только пароход вышел в море, все население плавучего лазарета высыпало на палубу. Вместе со всеми поднялась наверх и Рива.

- Не хотите ли полюбоваться эскадрой с капитанского мостика? Там все видно гораздо лучше, чем здесь, - предложил Риве провизор госпиталя Фейгельсон.

- Но нас туда не пустят, - усомнилась она.

- Разве есть на земле такое место, куда не пустили бы Фейгельсона?

Капитан Охотский мой друг.

При появлении Ривы на мостике Охотский расшаркался перед ней и предложил ей морской бинокль.

На фоне темно-голубого неба была четко видна эскадра, вытянувшаяся в длинную кильватерную колонну. Впереди шли три пары тральщиков, за ними "Новик", а затем, густо дымя, двигались броненосцы "Цесаревич", "Ретвизан", "Победа", "Пересвет", "Севастополь" и "Полтава". Немного оттянувшись, шел отряд крейсеров - "Аскольд", "Паллада", "Диана". Миноносцы прикрывали эскадру с флангов, держась на обоих траверзах адмирала. Замыкали шествие четыре канонерки: "Бобр", "Гиляк", "Отважный", "Горящий". "Монголия" пристроилась - в кильватер миноносцам, идущим с западной стороны эскадры.

- Эх, нет нашего "Баяна"! - сокрушался Охотский. - Он один стоит больше, чем "Даша" и "Палаша", вместе взятые, - ткнул он биноклем на "Диану" и "Палладу". - Ход эскадры уж очень мал - всего шесть узлов. Так до Владивостока и в неделю не доберемся.

- Слева по корме появились дымки, - доложил вахтенный сигнальщик флотского экипажа.

- Вот Того! Ведет всю свою эскадру. Раз, два, три... - начал Охотский считать дымки приближающихся судов, но скоро сбился.

- На левом крамболе еще дымки, - опять показал сигнальщик, - и на правом траверзе - тоже.

- Никак, японцы начинают окружать нашу эскадру? - беспокоился Охотский.

- По приказу мы должны держаться против четвертого от головы мателота с противоположной противнику стороны, вне досягаемости артиллерийского огня.

Но сейчас противник появился со всех сторон. Где же мы должны находиться?

В это время на "Цесаревиче" подняли новый сигнал: "Иметь ход десять узлов, соблюдать расстояние".

Эскадра постепенно начала прибавлять ход. Но не прошло и четверти часа, как "Цесаревич" круто бросился в сторону и застопорил машину. На мачте взвился сигнал: "Не могу управляться".

- Полонка! Не могли перед походом отремонтироваться как следует, - сердито пробурчал капитан.

Вся эскадра уменьшила ход. Остановился и плавучий лазарет.

Взоры всех с тревогой были обращены на адмиральский корабль.

Воспользовавшись задержкой русской эскадры, японцы быстро приближались.

Сигналом с "Цесаревича" был отпущен под охраной канонерок и миноносцев второго отряда шедший впереди тралящий караван. Вскоре "Цесаревич" прибавил ход. За ним последовали и остальные.

Все корабли усиленно дымили, и над эскадрой стояло сплошное черное облако, сквозь которое с трудом пробивалось солнце. На горизонте все яснее выступала подходившая со всех сторон японская эскадра.

- Жаркий сегодня будет день, - говорил Охотский, - бой предстоит весьма сильный. Японцев вдвое или втрое больше наших.

Поравнявшись с "Отважным", Охотский в мегафон спросил у Лощинского указания, где ему находиться.

- Вернемся в Артур! - вместо ответа предложил Лощинский.

Мостик маленькой канонерки оказался внизу "Монголии". Бронзово-красный Лощинский, сняв фуражку, вытирал свою лысую голову и, по обыкновению, добродушно улыбался.

Охотский призадумался и не сразу ответил на сделанное предложение.

Несколько минут "Монголия" и "Отважный" шли рядом малым ходом по направлению к Артуру.

- С "Цесаревича" передают: "Монголии" следовать в кильватер колонны миноносцев", - доложил сигнальщик.

- Вот и ответ на мои сомнения! - обрадовался капитан. - Счастливо оставаться в Артуре, ваше превосходительство! - прокричал он на "Отважный".

- Желаю успеха! - ответил уже издали Лощинский, и суда разошлись.

"Монголия" полным ходом устремилась на указанное ей флагманом место в хвосте отряда миноносцев.

Теперь стала видна вся эскадра. Впереди шел "Цесаревич", непрерывно подавая эскадре различные сигналы. На судах их тотчас же повторяли. Слева, напересечку курсу русской эскадры, выдвигались японские суда.

- "Микаса", "Асахи", "Фуджи", "Шикишима", - перечислял сигнальщик.

- Откуда ты их знаешь? - спросил его Охотский.

- На "Петропавловске" при адмирале Макарове был старшим сигнальщиком. Там нас постоянно лепертили на японские корабли. Покажут вырезанное из картона судно, а мы должны узнавать, какой это корабль - наш или японский, - пояснил сигнальщик.

В это время зазвучал гонг, призывающий к завтраку.

- В кают-компании уже заняты все места, и некоторых даже некуда посадить, - сообщил, поднимаясь на мостик, первый помощник капитана. - Война войной, а еда едой!

Русская эскадра в кильватерной колонне шла курсом на юго-восток, имея тринадцать узлов хода. В голове шли два новейшей заграничной постройки броненосца - "Цесаревич" и "Ретвизан", по своим боевым качествам не уступавшие любому из японских кораблей. Следовавшие за

ними броненосцы "Победа" и "Пересвет" больше подходили к типу броненосных крейсеров, чем броненосцев, имея сравнительно слабую десятидюймовую артиллерию и недостаточное броневое прикрытие. Но для крейсеров ход их был слишком мал.

Наконец, два концевых корабля - "Севастополь" и "Полтава" - являлись устаревшими тихоходными судами, только задерживающими остальную эскадру. Эта разнотипность судов сразу дала себя знать. Без "Севастополя" и "Полтавы" ход русских судов мало чем отличался от японских, достигая шестнадцати - семнадцати узлов. С ними же трудно было бы идти даже по тринадцати узлов.

Еще перед выходом из Артура вносилось предложение идти на прорыв только с четырьмя быстроходными броненосцами, направив "Севастополь" и "Полтаву" вместе с канонерками для демонстрации к Дальнему, что привело бы к разделению японской эскадры и облегчило выполнение задачи для основной группы судов. Но Витгефт на это не согласился. Теперь было видно, нас только горюшили ход эскадры тихоходные броненосцы. Растянувшись чуть не на двадцать кабельтовых, эскадра фактически шла в двух группах. Впереди - четыре головных броненосца, за ними, сильно отставая, тянулись "Севастополь" и "Полтава".

Идущие сзади четыре быстроходных крейсера должны были следовать малым ходом и временами вовсе стопорить, чтобы не налететь на концевые броненосцы.

Миноносцы двигались отдельной кильватерной колонной в стороне от главных сил.

Главные силы японцев состояли из четырех современных броненосцев и двух броненосных крейсеров новейшего типа. Все суда были более или менее однотипны и обладали эскадренным ходом в семнадцать узлов. Кроме того, к месту боя были подтянуты все остальные боевые отряды флота, но они находились вне сферы действия артиллерийского огня и только наблюдали за боем.

Сблизившись с русской эскадрой на восемьдесят кабельтовых, японцы

открыли огонь из крупных орудий. Некоторое время эскадры шли почти параллельным курсом, ведя редкую перестрелку. Когда расстояние между эскадрами еще уменьшилось, флагманский корабль японцев пристрелялся по "Цесаревичу" и сигналом сообщил дистанцию остальным судам. Японские корабли открыли огонь по русским сразу на поражение. Началась сильнейшая артиллерийская канонада.

Японцы и русские довели свой огонь до предела.

Нервно настроенные пассажиры "Монголии", как только грохот стрельбы усилился, бросив завтрак, устремились на палубу. Напрасно пытался Охотский задержать их внутри. Матросов, преградивших путь на палубу, оттеснили. Все с тревогой стали следить за перипетиями морского боя. Рива опять устроилась на капитанском мостике. Прежде всего она взглянула на "Севастополь".

Броненосец был весь окутан дымом и вел стрельбу своим правым бортом. На нем то и дело сквозь дым мелькали огненные языки. Корабль казался пустым.

Наверху не было видно ни одного человека, только на мачте мелькали различные сигналы.

Во главе, окруженный разрывами снарядов, шел "Цесаревич". На нем беспрерывно появлялись огромные черные султаны от рвавшихся снарядов. В бинокль было видно, как на корме начался пожар. Огненные языки высоко вздымались вверх.

- Боже, какой ужас! "Цесаревич" горит! - воскликнула Рива, показывая на адмиральский корабль.

- Здорово нашим попадает! Смотрите, и на "Пересвете" начался пожар. На "Ретвизане" сбита половина мачты, - испуганно говорил Охотский.

- У японцев что-то незаметно таких разрушений. Даже на головном корабле видны лишь легкие дымки, не то от пожара, не то от разрыва наших снарядов...

Капитан с тревогой смотрел на все приближавшуюся неприятельскую эскадру.

- Совсем близко от нас падают снаряды, - озирался он боязливо на

всплески воды.

В это время идущие впереди миноносцы по сигналу адмирала отошли еще дальше от линии броненосцев. "Монголия" отстала от эскадры. Японцы круто повернули "под хвост" русской эскадре и, недостижимые для пушек броненосцев, всей силой огня обрушились на концевые крейсера. Море вокруг них закипело от снарядов. Крейсера, в свою очередь, яростно отстреливались, окутавшись густыми облаками черного дыма. Беспрерывный гул выстрелов и взрывов, гигантские взметы воды создавали захватывающую дух картину стихийной мощи разрушения. Забыв в эту минуту обо всем, Рива не спускала глаз с крейсеров.

Но вот на переднем из них - "Аскольде" - взвились на мгновение разноцветные флажки, и четыре концевых корабля, круто повернув в сторону, полным ходом вышли из-под обстрела.

"Аскольд", густо дымя из своих пяти труб, летел впереди, а за ним поспевали "Новик", "Паллада" и "Диана".

- Молодцы, ловко выскочили! - восхищенно воскликнул Охотский.

Рива облегченно вздохнула и перевела бинокль на броненосцы. Они уже прекратили огонь. Пожар на "Цесаревиче" был почти потушен. На "Пересвете" тоже не было видно огня. На всех кораблях стали появляться люди. Матросы суеились на палубе, наскоро исправляя полученные в бою повреждения, но крупных разрушений не было видно ни на одном из броненосцев.

- Пока, слава богу, наши корабли не сильно пострадали, - заметила Рива.

- Мы не видим бортов, обращенных к японцам. Там должно быть больше разрушений, - ответил капитан. - Но самое главное то, что мы прорвались через вражескую эскадру. Она осталась позади! - радовался капитан.

- Она может еще вернуться и догнать нас. - Это не так просто. Мы ведь тоже не будем стоять на месте, - возразил Охотский. - Видите, как "Цесаревич" прибавил ходу? Наши старички "Севастополь" и "Полтава" едва поспевают за ним.

Японцы, продолжавшие идти прежним курсом, остались далеко позади.

Можно было надеяться, что русской эскадре с наступлением темноты удастся укрыться и прорваться на север. На всех кораблях усиленно засемафорили. Сигнальщик, наблюдая в бинокль, сообщил окружающим их значение.

- На "Ретвизане" убитых нет, раненых десять, повреждения малы; на "Победе" трое убито, раненых двадцать, повреждений нет. "Пересвет" - нет ни раненых, ни убитых, ни повреждений.

- Здорово! - удовлетворенно заметил Охотский.

- "Севастополь" - потерь и повреждений нет. "Полтава" - большая пробоина в корме. Принято около трехсот тонн воды. Пятнадцать убитых, двадцать раненых.

- Вот странно, а от нас казалось, что на "Полтаве" все благополучно!

- "Аскольд" - сбита передняя труба, две пробоины. Убито: один офицер и десять матросов, ранено восемь матросов. На "Палладе" и "Диане" все в порядке, - сообщил сигнальщик.

- Раненых сейчас будут доставлять к нам? - спросил поднявшийся на мостик главный врач лазарета Петров.

- Едва ли! Это займет много времени, а нам надо удирать во все лопатки от японцев. Видите, они опять повернули за нами. Сейчас начнется настоящая погоня, - показал биноклем назад капитан. - Вот если какой-либо корабль потонет, тогда мы подойдем к месту катастрофы и будем спасать тонущих из воды.

- Даст бог, этого не случится! - с чувством проговорила Рива и еще раз посмотрела в бинокль на "Севастополь", который мирно шел в общем строю. Она радостно улыбнулась сама себе: ее Андрюша был цел и невредим.

Вскоре на кораблях пробили отбой, и с "Цесаревича" просигналили: "Команде пить чай".

- Теперь и нам можно идти кончать прерванный боем обед, - проговорил Охотский.

На палубе стоял оживленный говор, смех, шутки. Настроение у всех после благополучно избегнутой опасности было повышенное.

- Кажется, нам сегодня посчастливилось, - улыбался главный врач. - Прорвались через японскую эскадру и теперь можем двигаться во Владивосток.

- Рано еще радоваться, - охладил его восторг капитан. - Того может вернуться, так как имеет большое преимущество в ходе.

- Пока он догонит, наша эскадра сумеет починить повреждения и снова соберется с силами.

Пассажирки обменивались впечатлениями. Каждая говорила об интересующем ее корабле, где находились либо муж, либо брат, либо возлюбленный.

- Капитан, миленький, узнайте фамилии убитых и раненых офицеров, - обращались они к Охотскому.

- Это не так просто, сударыня. Мы ведь не знаем, какие потери на кораблях.

- Сигнальщик же говорил вам, и мы слышали, что на "Аскольде" есть убитые, а на других нет.

Чтобы отвязаться от назойливых приставаний, капитан обещал справиться по семафору на названном корабле.

В кают-компании стучали ножи и стоял смутный гул общего разговора.

Рива следила, чтобы больные получили все, что им полагается.

- Сестра Блюм! - окликнул ее главный врач и, отведя в сторону, шепотом сообщил: - К нам подходит японский крейсер. Очевидно, они хотят захватить "Монголию". Побудьте здесь, чтобы не произошло паники.

Рива испуганно посмотрела на него и побледнела. Главный врач понял, что она не справится с его поручением.

- Выйдите на палубу, - сказал он. - Там вам будет лучше.

Спотыкаясь и вся дрожа от волнения, Рива поднялась на палубу. Здесь уже собрался почти весь медицинский персонал: врачи, студенты-медики и перепуганные сестры. Ни капитана, ни его помощников не было. Все были очень взволнованы и с тревогой смотрели на быстро приближающийся японский крейсер.

Уже хорошо были видны стеньговые флаги с изображением восходящего

солнца. На мачте то и дело появлялись различные комбинации флагов. На мостике сигнальщик, переодетый в штатское, разбирал вместе с молоденьким вахтенным начальником значение сигналов.

- Остановиться, спустить трап, - сообщали они с мостика японские приказания.

- Что с нами будет? - взволнованно допытывались все у Петрова.

- Мы находимся под охраной Красного Креста, и, следовательно, нам ничто угрожать не может, - успокаивал главный врач.

- Вдруг они нас уведут в Японию? - спросила Рива.

- Ну что ж. Будем сперва протестовать, а затем повинемся: иле и пойдем, куда нам велят.

- С какой же это стати? Мы хотим оставаться с русскими, а японцы пусть, если хотят, устроят плавучий лазарет и следуют за своей эскадрой.

Пока на палубе спорили, крейсер успел подойти к "Монголии", став в полукабельтове, бортом к ней. Все невольно залюбовались им. Стройный, чистенький, весь как выточенный из серой стали, он казался нарядной яхтой, а не военным кораблем. Но направленные в сторону русских дула палубных орудий говорили о его враждебных намерениях.

У борта крейсера тоже столпились японские матросы, внимательно разглядывая невиданный ими плавучий госпиталь, рискнувший сопровождать эскадру в бою. От крейсера отчалила шлюпка. В ней находилось несколько вооруженных матросов и офицеров. Вахтенный начальник, приказав боцману выстроить команду, подошел к трапу для встречи японцев.

- Может быть, кто-нибудь из вас хорошо говорит поанглийски? - спросил он, обернувшись к медицинскому персоналу.

- Ольга Александровна, - обратился Петров к одной из сестер, - вам придется взять на себя роль переводчика.

Как только шлюпка подошла к трапу, на палубу легко поднялись два японских морских офицера в сопровождении нескольких вооруженных матросов с примкнутыми к ружьям штыками-тесаками.

Подойдя к группе врачей, оба офицера вытянулись и отдали им честь, а

затем старший из них на чистом русском языке произнес:

- Мы прибыли на ваше судно, чтобы удостовериться, не находится ли на нем военных чинов или какого-либо военного снаряжения. Если мы ничего не обнаружим, то вы будете тотчас же отпущены. В случае же находки военной контрабанды пароход будет задержан как приз.

- Смею вас заверить, господин офицер, что на "Монголии", кроме имущества Красного Креста, нет ничего, - ответил Петров.

- Это надо еще установить, - сказал японец и отдал приказание своим матросам.

Второй японский офицер направился на мостик проверять судовые книги, а матросы спустились вниз.

- Да это же парикмахер наместника, Жан! - узнала японца Рива. - Мосье Жан, вы это или не вы? - спросила она.

- Я сейчас не парикмахер Жан, а капитан-лейтенант императорского японского флота Кабаяси, - сухо ответил тот.

- Теперь и я вас узнала! И я! И я! - сразу раздалось несколько голосов.

Японец с надменной улыбкой раскланялся со своими бывшими клиентками. Затем он подошел к выстроенным на палубе матросам и санитарам и стал проверять их по списку.

Охотский с перепугу запрятался где-то в трюме. С Кабаяси остался лишь один из его помощников. Петров со своим персоналом спустился в кают-компанию, где среди пассажиров поднялась паника. Женщины громко плакали, дети вторили им, и все в один голос молили Петрова заступиться и не допустить, чтобы их увезли в Японию. Старший врач и сестры поспешили им сообщить о заявлении японцев.

- А вдруг они что-нибудь найдут? - тревожно спросила одна из пассажиров.

- Ничего они не могут найти, ибо у нас нет никаких грузов, не принадлежащих Красному Кресту.

- Вы, Геннадий Николаевич, забываете, что, во-первых, они сами могут подбросить что-нибудь запрещенное, а во-вторых, могут объявить незаконным пребывание пассажиров на нашем судне, - скороговоркой

взволнованно произнес Фейгельсон.

- Гагская конвенция не запрещает организациям Красного Креста брать под свою защиту женщин и детей, - возразил Петров.

Вскоре Кабаяси спустился в кают-компанию и потребовал список пассажиров.

Его пришлось наскоро составили.

Прошло с четверть часа в томительном ожидании. Кабаяси начали подходить его подчиненные с докладами о результатах досмотра.

Капитан выслушивал их с невозмутимым видом и отдавал короткие распоряжения.

Все русские с нескрываемой тревогой следили за этими переговорами, стараясь по выражению лиц говоривших понять, о чем идет речь. Вдруг взволнованно влетел в кают-компанию провизор.

- Помилуйте! - обратился он к Петрову. - Они считают даже селитру военной контрабандой, а она положена по номенклатуре аптечных лекарств, и у нас ее всего пятьдесят унций.

Вслед за Фейгельсоном вошли двое японцев, неся в руках банку с злополучной селитрой.

Разобравшись, в чем дело, Кабаяси заявил, что селитра будет конфискована, а "Монголия" отпущена, если это разрешит адмирал Того. Все облегченно вздохнули.

- Мы строго соблюдаем правила Женевской и Гагской конвенций, свидетелями чего вы сейчас были, - обратился Кабаяси к русским перед уходом.

Японская шлюпка отошла. Вынырнувший откуда-то Охотский приказал дать полный ход. Русская эскадра успела уйти за это время довольно далеко, и пароходу пришлось поспешить, чтобы поскорее догнать ее.

Было около четырех, часов дня. Солнце уже заметно склонялось к западу.

Море по-прежнему было спокойно, а горизонт ясен. Справа, с западной стороны, японцы медленно нагоняли русскую эскадру, идущую полным ходом в направлении на мыс Шантунг. На артурских кораблях не было

заметно повреждений, и они шли на разных дистанциях друг от друга. Крейсера двигались параллельной колонной с левой стороны, в десяти кабельтовых от броненосцев. Еще левее тянулись цепочкой миноносцы. К ним в кильватер пристроилась и "Монголия".

После посещения парохода японцами у всех настроение резко повысилось.

Собравшись на палубе, все население парохода обменивалось впечатлениями о только что пережитом тревожении. С "Цесаревича" запросили, все ли благополучно на "Монголии", на что последовал положительный ответ. Было очевидно, что на флагманском корабле беспокоились за судьбу плавучего лазарета.

Как только головной корабль японской эскадры вышел на траверз броненосца "Полтава", грянул выстрел из двенадцатидюймовки. Примеру броненосца последовали остальные корабли. Японцы не замедлили ответить, и вскоре бой разгорелся по всей линии. Японские снаряды, перелетая через русские корабли, начали падать невдалеке от "Монголии". Охотский поспешил отойти еще дальше в сторону.

С мостика были прекрасно видны обе сражающиеся стороны: ближе, в двадцати кабельтовых - русские, а в шестидесяти - семидесяти - японцы. Обе эскадры окутаны дымом от выстрелов и взрывов, но японские снаряды при взрыве давали огромные столбы густого черного дыма, а русские - малозаметный зеленый дымок. Поэтому казалось, что русские броненосцы несут гораздо большие поражения, чем японцы. Особенно доставалось флагманским кораблям "Цесаревичу" и "Пересвету", которые временами совершенно скрывались в черном дыму.

- Наших-то как шпарят! - взволнованно проговорил Охотский. - А японцы, словно заговоренные, ни одного попадания!

- Вглядитесь повнимательнее, Измаил Дмитриевич, и увидите, что и у них есть поражения. Видишь зеленоватые дымки? Это и есть попадания наших снарядов, - возразил вахтенный начальник.

Все наличные бинокли и зрительные трубы были пущены в ход. Затаив дыхание, все следили за развертывающейся перед ними трагедией.

Многие женщины начали плакать, особенно когда снаряды попадали в те корабли, на которых находились их близкие.

- Не могу, не могу! - истерично закричала вдруг одна из пассажирок при виде огромного облака дыма, окутавшего "Победу". - Там, наверно, не осталось ни одного живого человека!

Но в следующее мгновение броненосец вновь стал ясно виден, и на нем не было заметно никаких повреждений.

Разнервничавшихся дам пришлось чуть не насильно увести вниз.

Рива мужественно продолжала следить за "Севастополем". Вот на нем взвился вихрь огня и дыма, и тотчас начался пожар в носовой части. Молодая женщина закрыла от ужаса глаза.

Вслед за "Севастополем" загорелось на "Полтаве". Огненные языки высоко вздымались сквозь дым. В бинокль виднелись белые точки суесящихся на палубе людей.

На "Пересвете" почти одновременно были сбиты стеньги на обеих мачтах.

На "Ретвизане" снесло половину средней трубы.

По мере сближения эскадр стали яснее видны повреждения на японских кораблях. Стрельба их заметно ослабевала.

- Наши молодцами дерутся! - восхищался Охотский. - Неизвестно еще, чья возьмет.

Японские газеты так описывали этот бой:

"Получив известие о предстоящем выходе русской эскадры, адмирал Того поспешил сосредоточить на подступах к Артуру все находящиеся поблизости боевые суда своей эскадры - всего восемнадцать боевых кораблей, из них четыре броненосца, шесть броненосных крейсеров и восемь легких. Кроме того, была подтянута миноносная флотилия в составе пятидесяти миноносцев.

Но в генеральном сражении принимал участие лишь первый броненосный отряд, в составе четырех броненосцев и двух броненосных крейсеров новейшего типа, под начальством самого адмирала Того. Около полудня он увидел русскую эскадру, идущую курсом на юго-восток, в десяти милях впереди себя, и, пользуясь преимуществом хода, устремился ей

навстречу.

Во время первого боя в японские суда попало несколько крупных снарядов, причинивших значительные повреждения. Для исправления их адмирал Того временно вышел из боя. Русская эскадра уже почти скрылась из виду, когда наконец японцы смогли последовать за ней.

Второй бой шел на параллельно сближающихся курсах на дистанции пятьдесят один кабельтов. Сражение велось с необычайным ожесточением. Невзирая на численное превосходство японцев в тяжелой и особенно в средней артиллерии, русские упорно продолжали идти вперед, нанося им весьма значительные повреждения".

Адмирал Того находился в боевой рубке головного флагманского броненосца "Микаса". Он напряженно следил за ходом боя в подзорную трубу, временами отдавая отрывистые распоряжения. На его бледно-желтом, продолговатом, почти европейского типа лице, с небольшой коротко стриженной полуседой бородкой, застыло сосредоточенное выражение. Внешне он сохранял полное спокойствие, ничем не выдавая все сильнее нараставшую тревогу за исход сражения.

Никогда еще русские не проявляли в бою столько выдержки и упорства, как сейчас. "Микаса" весь был окутан дымом от взрывов и возникающих на нем пожаров; из-за дыма временами русских почти не было видно. Грохот стрельбы смешивался с шумом разрывов попадавших в "Микасу" русских снарядов.

Почти все верхние надстройки были разрушены и снесены, на исковерканной палубе валялись неубранные трупы. Одно из орудий носовой башни было подбито, другое могло действовать с трудом. Кормовая двенадцатидюймовая башня тоже была выведена из строя, половина средней артиллерии левого борта не действовала. Не хватало прислуги для орудий.

Давно выбыл из строя командир броненосца капитан Хирота, были отправлены на перевязочный пункт почти все чины адмиральского штаба. В командование броненосцем вступил третий по старшинству капитан-лейтенант. От главного врача пришло донесение, что уже

выбыло из строя десять офицеров и около двухсот матросов.

Адмирал вышел на мостик и оглянулся на идущие сзади корабли. Стоящий рядом юнга-горнист поспешил подать цейсовский бинокль. Вслед за адмиралом из рубки вышли флаг-офицеры и два сигнальщика. В это время русский снаряд попал в одну из дымовых труб, осколки застучали по броневой рубке и палубе.

Адмирал поморщился и, приказав перейти на левое крыло мостика, стал разглядывать идущие сзади свои суда.

Горел "Асахи". Сквозь дым пожара были видны наполовину снесенная грот-мачта и развороченные верхние надстройки. Тем не менее броненосец продолжал интенсивно вести огонь. За "Асахи" чуть выступал "Фуджи". По медленной стрельбе можно было судить о наличии на нем значительных разрушениях. На концевом крейсере "Якумо" еще были видны языки пожара. В это время четвертый от мателота броненосец "Шикишима" сильно метнулся влево и на мгновение стал отчетливо виден. Передний мостик был разрушен. Из кормовой башни сиротливо выглядывало лишь одно двенадцатидюймовое орудие, трубы были сильно помяты. Вскоре "Шикишима" - опять лег на курс и скрылся за идущими впереди кораблями.

Адмирал оторвался от трубы и взглянул в сторону русских. Склонявшееся к западу солнце хорошо освещало эскадру. Несмотря на разрушения и пожары, она продолжала двигаться прежним курсом и не снижала интенсивности своего огня.

Того в задумчивости направился обратно в рубку. Страшный взрыв поблизости сильно толкнул его в спину. Сзади раздался негромкий крик. Адмирал оглянулся. На палубе корчился в предсмертной агонии юнга-горнист, все еще держа в руке исковерканный горн. Один из флагофицеров исчез, другой, преодолевая боль, зажимал рукой раненый бок.

- Где лейтенант Коноэ? - спросил его адмирал.

- Пал смертью самурая во славу нашего обожаемого Тенно, - ответил с трудом офицер побелевшими от страдания губами.

- Идите сейчас же на перевязку, - приказал ему Того, заметив кровь.
- Позвольте только убрать это, - поднял руку офицер, и тут адмирал заметил, что на украшавшей его грудь звезде Восходящего Солнца прилип окровавленный комочек.

Того брезгливо смахнул его, с сожалением глядя на свой испачканный белоснежный китель.

В рубке он кивком головы подозвал к себе капитана второго ранга Изиду, заменившего раненого начальника штаба. Офицер тотчас подошел и почтительно вытянулся в ожидании приказаний. Адмирал мгновение помолчал. В его голове вихрем пронесся целый рой мыслей. Тяжелое положение японской эскадры было очевидно. Встал вопрос о выходе из боя, но отступление обозначало провал основного плана войны - не допустить соединения Артурской и Владивостокской эскадр. С другой стороны, продолжение боя грозило такими повреждениями, после которых броненосный отряд может надолго выйти из строя и русские приобретут хотя бы временное превосходство на море. Правда, у острова Цусимы находится еще эскадра броненосных крейсеров адмирала Камимур, а в Корейских шхерах скрывается три десятка миноносцев. Но зато к русским могут подойти на помощь владивостокские крейсера.

Осторожность все же взяла верх.

- Поднять сигнал: "Я имею передать приказ", - обратился адмирал к Изиде.

- Готово, - через минуту доложил офицер.

- Эскадре отходить в Сасгбо; - раздельно проговорил Того.

Изида с удивлением и испугом посмотрел на своего адмирала.

- Разве ваше превосходительство считает, что русские выиграли бой? - робко спросил он.

- Да.

Офицер широко раскрыл свои чуть раскосые черные глаза, затем взглянул в сторону неприятельской эскадры и радостно воскликнул:

- Флагманский корабль русских вышел из строя!
- Смотрите, "Цесаревич!" - вдруг крикнула одна из пассажиров.

Броненосец неожиданно круто бросился влево и при этом так накренился, что всем казалось, будто он сейчас перевернется.

По палубе и мостику пронесся крик ужаса. Все ожидали немедленной гибели "Цесаревича", забыв на несколько мгновений о себе, о "Монголии", обо всем окружающем. Но "Цесаревич" так же неожиданно выпрямился и, продолжая катиться влево, казалось, готов был таранить "Севастополь" или "Пересвет".

Оба эти броненосца, давая ему дорогу, свернули в сторону противника. Шедший за "Цесаревичем" "Ретвизан" сначала было пошел за флагманом, но затем быстро переложил руль и ринулся на японцев. Только "Победа" и "Полтава" остались на прежнем курсе. Строй эскадры был нарушен. Весь огонь японцев теперь сосредоточился на "Ретвизане", но, вследствие быстрого приближения его, снаряды давали перелет. Броненосец, полыхая огнями всех своих орудий, стремительно шел на "Микасу", который, не выдержав, начал поспешно отходить. Но остальные корабли русской эскадры не последовали за "Ретвизаном". Оказавшись ближе к японцам, чем к своим, и под ужасающим обстрелом всей эскадры противника, "Ретвизан" принужден был повернуть назад. Прошло еще несколько мгновений. Русские броненосцы продолжали отстреливаться от неприятеля, но все уже лежали на разных курсах. Затем один за другим они в полном беспорядке начали поворачивать к Артуру.

На все еще продолжавшем описывать циркуляцию "Цесаревиче" взвилось несколько флагов.

- "Адмирал передает командование", - расшифровал сигнальщик.

- Значит, Витгефт или убит, или тяжело ранен, - стуча зубами от волнения, проговорил Охотский.

- Когда погиб Макаров, все говорили: бог с ним, с кораблем, лишь бы вернулся адмирал, а сегодня можно сказать: бог с ними, с адмиралами, лишь бы корабли были целы, - утешал его главный врач Петров.

Крейсера, следуя за флагманским "Аскольдом", пошли на сближение с броненосцами, но те продолжали идти нестройной кучей, на ходу обгоняя

друг друга. При этом они стреляли во все стороны, так что два или три снаряда упали около "Монголии".

- Право руля! - скомандовал Охотский, и пароход начал поворачиваться кормой к эскадре. Несколько мгновений с мостика ничего не было видно за дымом из трубы.

- Разбиты, отступают, мать их так-перетак! - заорал Охотский, неожиданно воспылав боевым азартом.

- Отступилась от нас царица небесная! - проговорил рулевой, снимая фуражку и набожно крестясь. - Много поди сегодня матросиков отправилось в царство небесное.

- Замолчи, дурак! И без тебя тошно! - оборвал его вахтенный начальник.

- Все корабли на плаву, они оправятся и снова вступят в бой.

Но броненосцы продолжали, отстреливаясь, нестройной толпой отходить по направлению к Артуру. Японцы не преследовали их, ограничиваясь лишь огнем с дальней дистанции. В это время крейсера подошли к идущему впереди всех "Ретвизану". На "Аскольде" подняли какой-то сигнал, и, густо задымив из всех труб, крейсер на всех парах ринулся на видневшийся поодаль японский отряд.

За ним последовал "Новик". Оба они быстро исчезли в уже темнеющем на востоке море. Некоторое время издалека доносилась усиленная канонада, а затем все стихло.

Огромное, по-вечернему красное солнце коснулось горизонта. Последние лучи его освещали красноватым светом мерно колышущиеся волны, на фоне которых четко вырисовывались силуэты русских кораблей. "Ретвизан", сильно зарываясь на ходу носом, со снесенной наполовину передней трубой, уходил все дальше вперед. За ним шла, оседая на корму, "Полтава". Несколько поодаль двигались "Цесаревич", на котором была снесена часть верхних надстроек, и "Севастополь" с нелепо задранной вверх двенадцатидюймовой пушкой в носовой башне и развороченной передней трубой. В стороне виднелись "Пересвет" со сбитыми верхушками мачт и разрушенными кормовыми надстройками и "Победа", у которой были разворочены две передние трубы и зияла

надводная пробоина с левого борта. Только "Диана" и "Паллада" не имели никаких повреждений.

Рива с отчаянием смотрела на эти избитые, искалеченные корабли.

- Теперь, надо думать, наша эскадра уже окончательно вернется в Артур,

- угрюмо проговорил Охотский.

- Полноте! Быть может, с темнотой мы опять ляжем на прежний курс, - отозвался поднявшийся на мостик Петров.

- Если повреждения незначительны, то нечего и возвращаться в Артур, а если они велики, то где же их там исправлять, да еще при бомбардировке с суши.

- Запасутся углем, водой, продовольствием, починятся и опять попытают счастья в бою.

- Запасов в Артуре нет. Крепость отберет и то, что имеется сейчас. Просто перепишут моряков в пехоту, пушки передадут на форты, - угрюмо бубнил Охотский.

- Неизвестно, сколько кораблей еще доберется до дому. Японские миноносцы так и лезут со всех сторон, - мрачно присоединился вахтенный начальник, - как бы и нам в этой драке не попало.

- Это шествие кораблей напоминает мне погребальную процессию, - заметил вахтенный начальник.

- Почему погребальную процессию? - спросила Рива. - Вы считаете, что на эскадре много убитых? - И слезы брызнули из ее глаз, напряженные нервы сдали.

- Пойдемте вниз! - взял ее под руку капитан.

Рива бросила последний взгляд на исчезающее за горизонтом солнце. Закат был ярко-красный, и казалось, будто море окрасилось кровью.

Ночь выдалась безлунная, но не очень темная. По небу стлались легкие, полупрозрачные облака, сквозь ровную пелену которых звезды светились мягким, рассеянным светом. С юга шла зыбь. "Монголию" порядочно качало.

В кают-компании позванивала посуда. Кое-что начал укачиваться и поспешил лечь.

Плавучий лазарет продолжал идти параллельным курсом с броненосцами, держась в нескольких кабельтовых от них.

С наступлением темноты были зажжены все огни. Все иллюминаторы были открыты и освещены.

Этими мерами Охотский хотел предохранить пароход от случайных нападений японских миноносцев, которые, пользуясь темнотой, ринулись в атаку на отступающие русские суда. Но, двигаясь параллельным курсом с эскадрой, он тем самым указывал противнику ее местонахождение, поэтому с "Пересвета" сигналом приказали или отойти и лечь на другой курс, или, потушив огни, подойти под охрану эскадры. Капитан "Монголии" предпочел находиться подальше от места схватки и вышел за пределы досягаемости артиллерийских снарядов.

Увеличив ход, он стал обгонять медленно двигающуюся русскую эскадру. Заметив это, пассажиры начали умолять капитана не уходить от броненосцев.

- Если же мы будем одни, то японцы наверное захватят нас и отведут к себе. Никто об этом и не узнает.

Охотский заколебался. Но в это время мимо парохода в сторону русской эскадры проскользнули легкими тенями японские миноносцы, и почти тотчас же в темноте заблистали выстрелы броненосцев и неподалеку в море упало несколько снарядов.

- Право руля! - испуганно скомандовал капитан, и "Монголия" на всех парах стала удаляться от эскадры.

Рива поднялась на палубу. Ночной ветерок приятно освежал лицо. Звезды мерцали над головой. Волны мерно покачивали быстро идущий пароход, изредка обдавая палубу мелкими солеными брызгами. Висящие на стрелках спасательные шлюпки тихо поскрипывали в такт качке. Из открытого люка доносилось ровное дыхание машины.

На палубе было пусто. Рива отошла к корме и, облокотившись на планширь, напряженно глядела в сторону русской эскадры. Канонада то затихала, то разгоралась с бешеной силой. Ни на одном из кораблей не светились прожекторы. Броненосцы скрывались во тьме, желая избежать

минных атак.

"Как, однако, растянулась наша эскадра!" - подумала Рива.

В это время совсем по носу "Монголии" неожиданно выплыл силуэт большого военного корабля - пароход едва смог избежать столкновения с ним. Тотчас мимо борта проплыл, освещенный огнями с "Монголии", японский легкий крейсер.

С него что-то кричали поанглийски в мегафон, закончив свое обращение русской бранью.

Рива как зачарованная смотрела на серо-вороной корабль с чуть поблескивающими в темноте длинными тонкими пушками, из которых, быть может, сегодня были убиты ее друзья и знакомые на русских судах. И она содрогнулась при мысли, что в числе погибших может быть и ее Андрюша.

- Куда мы держим путь? - спросила она у подошедшего к ней Фейгельсона.

- Боюсь, что в преисподнюю! То нас обстреливали, сейчас чуть не протаранили, а впереди еще минные поля у Артура.

- Так мы возвращаемся домой? Но почему же тогда мы не идем параллельно эскадре?

- Чтобы японские миноносцы, упаси бог, не приняли нас за военный корабль и не отправили прямо на дно.

- Когда же мы попадем в Артур?

- Надо думать, что наш капитан не решится в темноте проходить минные заграждения, и мы будем на месте не раньше утра.

- Только бы наша эскадра добралась туда благополучно. Если какой-нибудь из кораблей потонет, то мы даже не сможем спасти раненых и тонущих.

- Сейчас надо думать о своем спасении, а не о помощи другим.

- Зачем же тогда "Монголии" было выходить в море?

- Про то знает начальство, а я всегда предпочитал морской стихии твердую землю.

Появившийся наверху Петров в бинокль осмотрел горизонт и, недовольно

пробурчав: "Куда это нас несет нелегкая! - поднялся на мостик. После короткого разговора с капитаном о назначении "Монголии" как плавучего лазарета Красного Креста, Петров приказал собрать на спардеке весь медицинский персонал и матросов и обратился к ним с речью:

- Друзья мои! Мы - госпитальное судно Красного Креста и можем свободно уйти в любой нейтральный порт или даже во Владивосток и оттуда вернуться домой в Россию. Японцы нас не задержат, но это будет бегством из осажденного Артура, где, как вы знаете, большая нехватка во врачах, сестрах, санитарях, медикаментах. Наша рентгеновская установка весьма совершенна технически. В Артуре же есть только одна слабенькая установка в морском госпитале. Куда же, повашему, нам следует идти - в Артур или в нейтральные порты?

Почти двести человек с напряженным вниманием слушали своего начальника.

Темные силуэты людей чуть вырисовывались на фоне ночного неба.

- Можно мне? - раздался взволнованный голос одной из сестер. Тихая, скромная, обычно малозаметная маленькая девушка неожиданно осмелела.

- По-моему, ответ может быть только один - назад в Артур! Там мы нужны, - значит, туда и должны возвращаться. Конечно, в осажденной крепости мы легко можем погибнуть, но ведь на то мы и русские женщины, внучки севастопольских сестер, чтобы с нашими солдатами делить все трудности и опасности войны.

- Правильно, в Артур, к своим! Верно сказала сестра! - загудели в толпе.

- Вместе жили в Артуре, вместе будем и умирать, - громко проговорил один из матросов судовой команды. - Понадобится - пойдем на фронт, станем к пушкам, возьмем ружья.

- Ваше мнение, господа? - обратился Петров к врачам.

- Нас родина послала в Артур, там мы и должны остаться до конца войны. Уход в нейтральный порт будет дезертирством, - ответил за всех длинный, сухопарый младший врач Миротворцев, прибывший в Артур уже после начала войны.

- Придется моей жене овдоветь раньше времени, - прошептал провизор, но громко высказаться не посмел.

- Благодарю вас, друзья, за принятое решение. Русские люди, патриоты своей родины, иначе высказаться и не могли. Позвольте наш импровизированный военный совет считать закрытым, - с чувством проговорил Петров. - Капитан Охотский, прошу вас взять курс на Артур, - обернулся он к командиру "Монголии".

- Я снимаю с себя всякую ответственность, если мы будем потоплены миной или снарядом, - взволнованно ответил с мостика Охотский.

- Как работники Красного Креста мы должны рисковать своей жизнью во имя спасения других, - возразил ему Петров.

Несмотря на все опасения, "Монголия" благополучно подошла на рассвете к Артуру. Рано утром пошел сильный дождь. В предрассветных сумерках на горизонте затемнел массив Ляотешаня. Замедлив ход, "Монголия" уже при дневном свете осторожно остановилась далеко от берега, против самого входа.

Тут же стояли "Севастополь", "Паллада" и миноносец "Бойкий". Справа, около бухты Тахе, виднелся "Ретвизан".

Почти всю ночь не спавшие пассажирки поспешили на палубу. Первое, что они увидели, была надводная пробоина в носовой части "Севастополя", наскоро заделанная деревом. На корме тоже зияла большая пробоина. Борт был усеян красными кругами с расходящимися во все стороны трещинами - следы прямых попаданий японских снарядов. Разбиты обе мачты, разворочена передняя труба.

Обуглившиеся, закопченные пожаром верхние надстройки, пушки с полуоборванными дулами - все это придавало броненосцу жалкий вид.

По всему кораблю, как муравьи в потревоженном муравейнике, сновали матросы, приводя его в порядок. На верхнем переднем мостике стоял Эссен со сбитой на затылок фуражкой и в мегафон отдавал различные приказания, а рядом с ним облокотился на поручни бледный, усталый Акинфиев.

Рива, сложив руки рупором, громко окликнула его и замахала платком.

Лейтенант в мегафон сообщил, что он жив и здоров.

- Какие у вас потери? - слышалось сразу несколько голосов.

- Убитых нет. Ранено два офицера и пять матросов.

Вскоре показались идущие с юга в кильватерной колонне "Пересвет", "Победа" и "Полтава" с двумя миноносцами. Они изредка отстреливались от маячивших на горизонте японских кораблей. Таким образом, к Артуру собралась почти вся эскадра - не хватало "Цесаревича", "Аскольда", "Дианы", "Новика" и пяти миноносцев.

Высланные из Артура тральщики стали очищать для прохода судов рейд от мин. Со всех кораблей на "Монголию" повезли раненых.

Бездействующий во время боя плавучий лазарет быстро стал наполняться.

Весь медицинский персонал поспешил на свои места. Вслед за другими судами "Монголия" двинулась ко входу в гавань.

Ночь перед выходом эскадры адмирал Витгефт провел без сна. С вечера он беспрерывно совещался с командирами судов, отдавая последние распоряжения эскадре и остающимся в Артуре судам. Витгефт настроен был мрачно и высказал свое мнение о неизбежном разгроме эскадры в предстоящем бою. Напрасно старался его ободрить адмирал Матусевич, в противоположность командующему флотом преисполненный твердой уверенности в победе.

- Чего вы, Вильгельм Карлович, так расстроились? Бог не без милости, не так страшен Того, как его представляют! Конечно, без потерь дело не обойдется, ибо уклониться от боя мы не сможем. Но все же некоторым судам удастся прорваться во Владивосток, - уговаривал он Витгефта.

Адмирал в ответ только печально отмахивался.

- Что ни говорите, Николай Александрович, но завтрашний выход, по моему, сплошная авантюра, которая заранее обречена на неуспех. Быть может, покойный Степан Осипович Макаров и смог бы выполнить поставленную нам задачу, но я не флотоводец и с ней не справлюсь, - тихим, слабым голосом возражал он Матусевичу.

Прибывающие на "Цесаревич" для получения последних распоряжений

командиры судов получали подробную инструкцию, как им действовать в бою, после чего Витгефт, переходя на интимный тон, спрашивал каждого из них, надеются ли они на победу. Почти все командиры отвечали стереотипно:

- Как воля божья... Поможет Никола-угодник - одолеем японца, а не поможет - сумеем умереть с честью.

Всех командиров Витте на прощание целовал и отечески благословлял на ратный подвиг. Младшие флагманы были настроены различно. Князь Ухтомский откровенно заявлял, что он смотрит на выход не как на прорыв, а просто как на очередное боевое столкновение с японцами.

Зато командир отряда крейсеров Рейценштейн, только что произведенный в контр-адмиралы, бросил кратко:

- Я с крейсерами сюда не вернусь. Буду ли во Владивостоке, на дне ли моря или в нейтральном порту - не знаю, но твердо уверен, что артурских луж, по недоразумению именуемых Западным и Восточным бассейнами, я больше не увижу.

Витгефт горячо поблагодарил его за мужество и тут же разрешил ему в трудную минуту со своим отрядом действовать по способности.

Отпустив около полуночи свой штаб на отдых, адмирал вызвал с "Пересвета" своего сына.

Молодой офицер явился к отцу, преисполненный боевого задора. Он ни минуты не сомневался в победе и мечтал уже о бомбардировке японских островов.

Настроение отца его обескуражило.

- Как же ты, папа, поведешь завтра эскадру в бой, если сам не веришь в победу? - изумился он,

- На эскадре всего несколько человек надеются на успех, остальные же лишь выполняют царское повеление, - устало заметил отец.

Старый адмирал ласково смотрел на сына, так напоминавшего своей наружностью покойную жену. Те же карие живые глаза, яркие пухлые губы и женственно-мягкий овал лица.

Адмирал припоминал долгую супружескую жизнь и вдруг неожиданно

перевел разговор на семью. Подробно рассказал сыну о своем сватовстве к его матери, о появлении на свет Васи, вспоминал его детство. Затем перешел к наставлениям. Это было давно продуманное им до деталей духовное завещание, - Почему, папа, ты говоришь так, как будто уверен в своей скорой смерти?

- пытался было перебить мичман.

- Я и вызвал тебя так поздно, чтобы попрощаться. Все в руках божьих, но у меня предчувствие, что я погибну в завтрашнем бою.

Незаметно за разговорами пролетела ночь, и, благословив сына образком, Витгефт простился с ним и долго смотрел ему вслед, пока шлюпка не исчезла в предрассветном тумане...

Как только корабли начали выходить на рейд, адмирал поднялся на мостик и больше уже не сходил с него. Он безучастно следил, как медленно выходила на внешний рейд эскадра, предоставив всем распоряжаться Матусевичу.

Матусевич, прекрасно выспавшийся, был в приподнятом настроении, суетился, тормозил своих подчиненных, "фитилил" замешкавшихся командиров и весело напевал любимую арию из "Прекрасной Елены". Весь штаб постепенно начал обращаться к нему за всеми распоряжениями, а Витгефт лишь одобрительно кивал головой на все указания Матусевича.

Когда эскадра тронулась за тральщиками, Витгефт сел в принесенное для него на мостик мягкое кресло и стал молчаливо разглядывать в бинокль горизонт и идущую за "Цесаревичем" эскадру. Он подолгу останавливал свой взгляд на шедшем четвертым от головы "Пересвете", как бы надеясь увидеть на нем своего сына.

При появлении на горизонте отряда японских броненосцев адмирал отпустил в Артур тральщики и приказал "Новику" стать на свое место. Но когда "Цесаревич" вследствие порчи машины выкатился из строя, Витгефт сразу вышел из своей апатии и в резких выражениях начал выговаривать командиру броненосца капитану первого ранга Иванову. Изумленный непривычным тоном адмирала, командир попытался было

возражать, но Витгефт приказал ему замолчать и озаботиться немедленным исправлением машины.

Чины адмиральского штаба с удивлением посматривали на своего всегда кроткого и спокойного адмирала. Матусевич даже перестал напевать и одобрительно заметил:

- Хотя и не стоит сердиться из-за пустяков, но все же это лучше, чем сидеть в мрачном раздумье. Вот увидите, Вильгельм Карлович, мы сегодня побьем японцев, - подбадривал он командующего.

- Тьфу, тьфу, не сглазьте, Николай Александрович, - суеверно сплюнул через плечо адмирал.

Настроение адмирала не могло не отразиться на чинах его штаба, а через них и на всех офицерах броненосцев. Даже легкомысленная молодежь приуныла и мрачно поглядывала на идущий напересечку курса русской эскадры броненосный отряд адмирала Того. Ясно видимые японские корабли шли, как на параде. Точно соблюдая дистанцию и строго следуя в струе мателота, чуть поблескивая на солнце стальными дулами орудий, японцы быстро приближались.

Командир носовой двенадцатидюймовой башни мичман Сполатбог, сидя в своем грибе над башней, наблюдал в щель за приближением японцев и удивлялся, что так долго адмирал не отдает приказа об открытии огня. Правда, уже оба орудийных комендора-хозяина возились около своих пушек и проверяли действия всех механизмов.

- Смотри, Гаркуша, не осрамись сегодня, - говорил комендор, первого орудия, обращаясь к соседу. - Проверь как следует действие подъемных механизмов, чтобы в самый главный момент не заело.

- Небось, Федя, все будет в исправности, если только японец не повредит.

- Алексей Васильевич! - окликнул Сполатбога подошедший к башне старший артиллерист броненосца лейтенант Ненюков. - Помни, огонь открывать только тогда, когда противник будет ясно виден, и зря снарядов не бросать.

- Есть, есть. Как там Виля, все еще в похоронном настроении?

- Малость оживился и даже зафитилил Иванову, но в общем он больше думает о том, как бы уклониться от боя, чем как его выиграть.

- А Матусевнч?

- Напеваает шансонетку, рассказывает похабные анекдоты и на адмиральском мостике чувствует себя, как морском собрании. Если бы не он, дело было бы окончательный гроб. Что твои, Гаркуша и Котин, чувствуют себя орлами?

- Так точно, вашбродь. Хоть сейчас готовы самого Тогу подстрелить, - ответил Гаркуша.

В это время пробили боевую тревогу, башня наполнилась матросами.

Загрохотали лебедки подачи, медленно заворочались дула орудий. Сполатбог спустился вниз и сам проверил исправность орудий.

- Не суетись, работай без толкотни, смотри, чтобы все было в исправности, - предупреждал он.

С моря донесся тяжелый звук выстрела из крупного орудия, и вскоре справа по носу взметнулся столб воды.

- Началось... Господи, благослови, - сразу посерьезнели матросы.

Сполатбог поднялся на свое место.

За первым выстрелом последовали другие. Бой начался.

- Убрать прислугу мелкой артиллерии и всех свободных вниз, - распорядился Витте. - Открыть огонь по головному кораблю противника. Сигнальщики бросились набирать нужные флаги. Матусевич внимательно разглядывал японцев.

- Четыре броненосца и два броненосных крейсера, - проговорил он. - Всего двадцать семь крупных и около пятидесяти шестидюймовых орудий против двадцати трех крупных и тридцати средних с нашей стороны. Превосходство не так уж велико.

Витгефт в ответ только тяжело вздохнул

- Все-то вы, Николай Александрович, видите в розовом свете. - Зато вы, Вильгельм Карлович, уж очень мрачно смотрите на все.

Разорвавшийся у носа корабля японский снаряд осыпал стоящих на мостике градом осколков. Ранило двух сигнальщиков. Появились

носилки. Витгефт продолжал равнодушно сидеть в своем кресле, как будто ничего не случилось.

Зато Матусевич сразу заволновался.

- Вы бы, Вильгельм Карлович, ушли в боевую рубку, а то здесь, не ровен час, пустяковым осколком зацепит, - предложил он.

- В рубке и без того тесно. Уйти одному я не считаю возможным, а всем нам все равно там не поместиться.

- Поднимитесь хотя бы на верхний мостик, там меньше падает осколков.

- Не все ли равно, где помирать, - мрачно отозвался командующий эскадрой и, отвернувшись, стал рассматривать противника.

Матусевич пожал плечами и вполголоса выругался.

Обе эскадры продолжали вести редкий огонь с дальней дистанции. Японцы пересекли курс русской эскадры и пошли контркурсом. Огонь с обеих сторон сразу усилился. "Цесаревич" грохотал всем правым бортом. В то же время в него один за другим попало несколько крупных снарядов, которыми броненосцу было нанесено несколько пробоин и разбит спардек. Осколки забарабанили по броне носовой башни.

Уловив момент, Сполатбог дал залп по головному японскому броненосцу "Микаса", Как только откатившиеся орудия встали на свое место и были открыты замки для нового заряжения, вся башня наполнилась хлынувшими из дула едкими пороховыми газами. Прислуга сразу закашляла и зачихала, у многих начали болеть глаза.

- Наводить невозможно, вашбродь, - жаловался мичману Гаркуша.

- Открыть для проветривания броневую дверь! - распорядился Сполатбог. Через некоторое время воздух в башне очистился, и матросы смогли снова войти в нее. При следующих выстрелах повторилось то же. Быстрая стрельба стала невозможной. Матросы жаловались на головную боль и с трудом обслуживали орудие.

Мичман вышел из башни и доложил об этом старшему артиллеристу, стоявшему впереди боевой рубки. Вслед за Сполатбогом о том же сообщили командиры других плутонов. Создалось неожиданное и серьезное препятствие. Дувший со стороны японцев ветер мешал

стрелять русским.

- Вызвать вторую смену из людей от мелкой артиллерии. Пусть после каждого выстрела чередуются и выходят наружу из башен, прячась за ними, - распорядился командир броненосца.

Стрельба продолжалась. При каждом попадании неприятельского снаряда стоящие открыто матросы бросались за укрытия, спасаясь от осколков.

Большинство успевало укрыться, но некоторых все же задевало. То и дело раздавался громкий крик: "Носилки". Это бегание матросов вносило большой беспорядок.

Витгефт молчаливо созерцал картину боя.

Японцы, вначале усиленно обстреливавшие "Цесаревича", теперь перенесли огонь на концевые корабли. Когда крейсера ловким маневром вышли из-под обстрела, ни все - зааплодировали. Даже Витгефт начал улыбаться и приказал выразить крейсерам свое удовольствие.

Между тем японцы, продолжая идти прежним курсом, вскоре почти скрылись за горизонтом. Над поверхностью моря виднелись только трубы и мачты. Бой прекратился. Русская эскадра, развив ход до пятнадцати узлов, шла двумя колоннами к Корейскому проливу. На судах пробили отбой и велели команде пить чай.

На адмиральском мостике собрался весь штаб, командир и старшие специалисты броненосца. Началось оживленное обсуждение создавшейся обстановки. Запросили суда о повреждениях. Они оказались незначительными.

- Японцы, очевидно, сильно пострадали, так как оторвались от нас и сейчас, наверное, занимаются починкой, - уверял всех Матусевич. - Я своими глазами видел несколько попаданий в "Микасу" и "Ниссин", На последнем даже вспыхнул пожар.

Флаг-офицер Эллис и Кувшинников подтвердили, что почти на всех японских кораблях были видны значительные пробоины.

- Пока Того зализывает свои раны, мы успеем уйти подальше и с наступлением темноты сможем и вовсе скрыться от него, - вторил

Матусевичу флагманский штурман лейтенант Азарьев.

- Ночью мы сможем скрыться от японцев ложными поворотами, - неожиданно оживился Витгефт.

Было видно, что и у него появилась надежда на благополучный исход боя.

Эскадра продолжала идти в полном порядке, сохранив после первого боя всю свою боеспособность.

- Выпьем за наш успех, - предложил Матусевич и приказал подать на мостик завтрак себе и командующему эскадрой, отпустив остальных, офицеров в кают-компанию.

Старший офицер броненосца капитан второго ранга Шумов доложил Витгефту, что одним из снарядов разрушено адмиральское помещение.

- Бог с ним совсем, лишь бы нам благополучно вырваться отсюда, - отозвался адмирал. - Пошлите ко мне моего вестового, - попросил он.

Когда вестовой пришел, Витгефт приказал узнать, сохранился ли портрет его покойной жены, стоявший на письменном столике, и если он уцелел, то принести ему.

Подали завтрак. Матусевич с обычным аппетитом смаковал каждое блюдо.

Изысканный завтрак пришелся по вкусу и Витгефту. Он заметно повеселел, пробуя различные закуски.

- Не потребовал ли нам флакон Мумма, - предложил Матусевич после завтрака.

- Нет, уж шампанское будем пить, когда попадем во Владивосток, - отказался адмирал.

Перевалило за полдень, солнце начало склоняться к западу. По-прежнему стояла хорошая погода. Позавтракав, Витгефт сел поудобнее и, нежась на солнце, задремал.

Матусевич спустился с мостика и начал вместе с командиром обход броненосца. Матросы бодро вытягивались при виде начальства и бойко отвечали на все вопросы адмирала.

- Сколько японцев сегодня убил? - обратился Марсевич к стоявшему

около башни Гаркуше.

- Трех офицеров и десятка два матросов, ваше превосходительство, - не сморгнув, ответил комендор. - Да еще один снаряд не разглядел в прицельную трубу. Думается, как бы не в самого ихнего адмирала угодил.

- Молодчина, врешь и не краснеешь! Спасибо за службу. А этот что у вас делает? - обернулся адмирал к Котину, который усердно протирает глаза.

- Японец на меня, ваше превосходительство, больно рассерчал, как я его двенадцатидюймовкой угостил, и со злости запорошил мне глаза, - улыбнулся в ответ матрос.

На спардеке на скорую руку приводили что можно в порядок. У правой кормовой шестидюймовой башни матросы, пользуясь перерывом, играли в орла и решку. Заметив начальство, они вскочили.

- Продолжай играть, - разрешил адмирал, - только смотрите, чтобы в игре с японцами нам выпал орел, а не решка.

- Если нам, ваше превосходительство, и выпадет решка, мы адмирала Тогова обжулим и перевернем орлом вверх, - ответил один из играющих.

- Молодцы, ребята! - похвалил Матусевич.

Спустившись затем вниз, он посетил раненых матросов. Судовой лазарет был разрушен одним из снарядов, и раненых временно поместили в кондукторской каюткомпании. Многие из раненых были в сознании и, увидя адмирала, стали задавать ему вопросы о ходе боя.

- Подсыпали, значит, малость перцу японцам, коль они так скоро от нас отстали, - радовались матросы. - Пусть теперь будут поосторожнее в драке!

- Веселый адмирал, - заметил один из раненых, - он, сказывают, и морду бьет тоже весело, с прибаутками.

- Вот бы его заместо Витгефта. Тот с самого Артура сидит, как сыч, в кресле, - сокрушенно заметил один из флагманских сигнальщиков.

- Да. Нашему командующему настоятелем в монастыре быть, а не адмиралом.

Все вздыхает да крестится. На него посмотришь - и на самого тоска

нападает.

- Даже женину карточку ему вестовой принес, так он ее при всех поцеловал и в карман, как иконку, спрятал.

- Японцы с левого борта нас нагоняют, - сообщил вошедший фельдшер.

- Значит, еще будет драка, - угрюмо заметил сигнальщик.

В начале пятого эскадра адмирала Того, идя параллельным курсом с русской на расстоянии пятидесяти - шестидесяти кабельтовых, начала ее медленно нагонять. С каждой минутой становилось очевидней, что новый бой неизбежен.

На адмиральском мостике оба адмирала с командиром "Цесаревича" и флагманскими специалистами разбирали различные способы маневрирования эскадры, чтобы поставить неприятеля в невыгодное положение.

Начавшаяся перестрелка прервала совещание. Русская эскадра продолжала идти прежним курсом в кильватерной колонне, увеличив ход до пятнадцати узлов.

Японцы начали стрельбу с сильных перелетов по флагманским кораблям "Цесаревич" и "Пересвет". Но затем постепенно пристрелялись и стали засыпать русских снарядами. Русские очень энергично отвечали, так что бой шел с равным успехом для обеих сторон.

После пяти часов вечера в "Цесаревича" стало попадать особенно много снарядов. Воздух был буквально насыщен свистящими осколками. Но Витгефт упрямо продолжал оставаться на открытом нижнем боевом мостике. Поскольку здесь находился адмирал, рядом с ним поместился и весь штаб. Лица почти у всех побледнели и приняли то особенное, сосредоточенное выражение, которое бывает у людей, подвергающихся смертельной опасности.

Даже Матусевич перестал напевать и, стоя на правом крыле мостика, внимательно наблюдал за тем, что происходит на японской эскадре. Флаг-офицер мичман Эллис украдкой крестился при каждом новом попадании. У Азарьева тряслись от волнения руки. Оба сигнальщика испуганно шарахались в сторону при близких разрывах. Один Витгефт

продолжал спокойно стоять, облокотившись на спинку своего кресла. Временами он в бинокль смотрел на шедшие в кильватер "Цесаревичу" броненосцы. Но тучи дыма, окутывавшие всю эскадру, мешали что-либо разглядеть как следует. Видны были лишь облака черного дыма, сквозь который иногда проступали трубы и мачты.

Адмирал отошел к левому крылу мостика и погрузился в наблюдение за происходившим на "Пересвете". Броненосец был опоясан зеленоватыми огнями выстрелов.

- Молодцами отбиваются, - вполголоса проговорил подошедший к адмиралу Эллис.

- Сегодня наша эскадра ведет стрельбу более выдержанно, чем японцы. Они явно нервничают и зря бросают много снарядов, - заметил стоявший тут же лейтенант Азарьев.

- Через час начнет темнеть, и если мы продержимся, то это будет равноценно выигранному бою, - произнес Витгефт.

- Конечно, продержимся! Смотрите, "Микаса" горит и стреляет все реже, на "Асуме" пожар, "Якумо" на время совсем вышел из строя. Адмирал Того, верно, чувствует себя весьма неважно, - ответил Эллис.

Вдруг двенадцатидюймовый снаряд разорвался над мостиком, ударившись в середину фок-мачты. Вслед за оглушительным грохотом все заволочлось густым дымом.

Сила взрыва была так велика, что даже матросы, стоявшие на верхней палубе около носовой башни, были сбиты с ног. Командир "Цесаревича", находившийся в этот момент впереди боевой рубки, воздушной волной был отброшен в сторону и потерял сознание. В самой боевой рубке сорвало с рельсов левый дальномер и сильно всех оглушило. У стоявшего около входа горниста Зубова лопнула барабанная перепонка в правом ухе. Решив, что его ударил кто-нибудь из офицеров, он вскрикнул от боли и тотчас же скороговоркой проговорил:

- Виноват, вашбродь, сейчас отойду в сторону!

Как только первый испуг миновал, все находившиеся в боевой рубке кинулись наружу. На мостике они увидели потрясающую картину. Вся

палуба была забрызгана кровью. На ней вперемешку лежали тела офицеров и матросов, но Витгефта среди них не было. Матусевич, отброшенный к рубке, был придавлен другими. Он пытался приподняться, но, обессиленный полученными ранами, падал снова. Когда его освободили, он прежде всего спросил, где Витгефт, и потерял сознание. Его снесли на перевязочный пункт. Неподалеку подавали признаки жизни еще несколько человек.

- Но где же адмирал?! - испуганно озирался подошедший в это время уже оправившийся командир "Цесаревича" Иванов.

- Вот, - хрипло проговорил один из матросов, с ужасом указывая на валявшийся далеко на палубе окровавленный кусок мяса с болтавшимся на нем адмиральским погоном.

Бросились разбирать валявшиеся трупы и между ними нашли оторванную по бедро ногу. По метке на белье определили, что она принадлежит Витгефту. Тут же лежали обезглавленные трупы Эллиса и Азарьева. Тела убитых унесли вниз и окатили палубу водой.

Памятуя о той растерянности в эскадре, которая произошла во время гибели адмирала Макарова на "Петропавловске", когда командование было передано тому же адмиралу Ухтомскому, командир "Цесаревича" решил идти прежним курсом, не сообщая о гибели адмирала.

Между тем японцы, несколько обогнав русскую эскадру, стали охватывать их голову и отжимать ее к северу. Чтобы избежать этого, Иванов приказал положить право руля, повернув на два румба влево.

В это время двенадцатидюймовый снаряд ударился о верхний передний мостик и осыпал осколками боевую рубку. Часть из них попала в прорезь рубки, имеющую ширину около фута, переранила всех находившихся в рубке и уничтожила все приборы. Иванову перебило руку, и от боли он потерял сознание.

Положенный направо руль так и остался в этом положении, вследствие чего никем не управляемый броненосец стремительно покатился влево и стал описывать циркуляцию.

Никто из находившихся вблизи рубки не заметил происшедшего в ней, и

все решили, что эскадра по каким-то причинам меняет курс. Но когда крен броненосца достиг опасного предела, то матросы в ужасе стали выбегать от внутренних помещений на палубу и кинулись к борту. Было очевидно, что с кораблем что-то неладно. Офицеры бросились в рубку. Они увидели лежащего на палубе командира броненосца. Рядом, с развороченной грудью хрипел в предсмертной агонии старший судовой штурман лейтенант Никшич. Тут же вперемешку лежали раненые матросы и офицеры. Крикнули носилки, лейтенант Пилкип бросился к штурвалу, пытаясь вывести броненосец на курс, но руль не действовал. Тогда лейтенант решил перевести управление на центральный пост и одновременно послал за старшим офицером, который должен был вступить в командование броненосцем.

Капитан второго ранга Шумов находился в носовой батарее. До него только что дошло известие о гибели Витгефта, и он решил подняться наверх, чтобы выяснить обстановку, но в это время броненосец сильно накренился на правый бок. Почуввав неладное, старший офицер поторопился выйти на палубу, где он встретил шедшего на перевязку командира броненосца.

- Что случилось, Николай Михайлович? - спросил встревоженно Шумов. - Где адмирал Матусевич?

- Адмирал тяжело ранен и отнесен к себе в каюту. Примите командование броненосцем и сообщите эскадре, что адмирал передает командование младшему флагману.

- Есть. Все будет исполнено. - И Шумов побежал наверх.

Прошло несколько минут, пока наконец старший офицер с помощью лейтенанта Пилкина и вернувшегося с перевязки старшины рулевого Лосева перевели управление броненосца на центральный пост. Одновременно был поднят сигнал о передаче командования адмиралу Ухтомскому. Но вследствие дыма от пожара, окутывавшего "Цесаревича", не, все корабли разобрали этот сигнал и по-прежнему продолжали следить за флагманским броненосцем. Они тоже начали поодиночке ложиться на обратный курс.

Между тем "Цесаревич" плохо удерживался на курсе и из-за сильного повреждения дымовых труб начал отставать от других судов. Японцы, не осмелившиеся преследовать основную часть эскадры, поспешили напасть на израненный русский корабль. На нем сосредоточили огонь броненосцы и два отряда крейсеров. Но насупившая темнота мешала наблюдению за стрельбой, и "Цесаревич" не получил значительных повреждений.

Все крупные и средние орудия на нем продолжали действовать безотказно.

Несколько удачных выстрелов броненосца вызвали пожар на одном из крейсеров противника, после чего и остальные поспешили отойти за пределы досягаемости русских орудий. Броненосцы вследствие значительных повреждений тоже вскоре отстали.

Налетевший туман скрыл броненосец от вражеских взглядов. "Цесаревич" остался один. На норд-осте, в направлении уходящей эскадры, слышалась учащенная стрельба легкой артиллерии. Было видно, что японские миноносцы продолжали преследовать ее.

В наступившей темноте броненосец некоторое время двигался по неизвестному курсу, - все компасы на нем были испорчены. Пользуясь временным затишьем, Шумов собрал на мостик старших специалистов корабля, которые все были ранены, и начал советоваться с ними о дальнейшем. При свете ручного электрического фонарика по карте приблизительно определили местонахождение корабля: почти в ста милях к юго-востоку от Артура.

Первым высказал свое мнение флагманский артиллерист лейтенант Кетлинский:

- Я полагаю, что при наличных повреждениях нам до Владивостока не добраться и необходимо вернуться в Артур.

- Сейчас попасть туда еще труднее, чем во Владивосток, так как на подступах к нему нас ожидают десятки японских миноносцев, от которых мы не сможем ни уйти, ни отбиться, - возразил минный офицер лейтенант Пилкин.

- Остается одно - пробираться в нейтральный порт, там починиться насколько возможно и затем идти во Владивосток, - решил Шумов.

- Но это - бегство от войны! Там нас, конечно, тотчас же разоружат, - взволнованно говорил весь забинтованный старший артиллерийский офицер лейтенант Ненюков. - Честь Андреевского флага не позволяет нам принять такое позорное решение.

- Что же вы предлагаете? - спросил Шумов.

- Немедленно идти на соединение с остальной эскадрой.

- Это невозможная вещь, - вмешался поднявшийся на мостик старший механик Корзун. - В левой машине снарядом погнут гребной вал, в передней кочегарке выведены из строя все котлы, трубы разрушены. Тяги нет, это вызывает огромный перерасход угля. Мы не можем давать больше тридцати оборотов в минуту, то есть иметь ход свыше шести-семи узлов при самой напряженной работе кочегаров. Уж по одному этому мы не в состоянии ни догнать нашу эскадру, ни уйти во Владивосток. Нам остается одна дорога - в нейтральный порт Хорошо еще, если нам туда удастся добраться.

- Вы всегда, Алексей Владимирович, любите все представлять в мрачном свете, - возразил Ненюков.

- Факты, дорогой Дмитрий Васильевич, вещь упрямая.

Постепенно на мостике собрались и другие офицеры броненосца. Завязался горячий спор. Молодежь была за Ненюкова и настаивала на возвращении в Артур, если нельзя идти во Владивосток. Более пожилые находили целесообразным уход в нейтральный порт.

- Зайдем в Циндао. По правилам нейтралитета, существующим там, корабль любой воюющей страны может в порту починиться, пополнить запасы угля и продовольствия и затем продолжать свой путь, - предложил лейтенант Щетинин, размахивая забинтованной рукой.

Это мнение примирило всех. Решено было по способности двигаться в Циндао, расположенный на юге Шантунгского полуострова. До него оставалось около ста двадцати миль.

- Самая главная наша задача сейчас - это скрыться от японских

миноносцев.

Поэтому прежде всего необходимо произвести возможно большее затемнение броненосца. В случае же обнаружения противника не открывать боевых фонарей и вести огонь лишь в крайности, уклоняясь от мин изменением курса, - отдавал распоряжения Шумов.

Сухой и педантичный, он не пользовался любовью ни команды, ни офицеров.

Но за истекший день он проявил столько хладнокровия и мужества в самые трудные минуты боя, что сразу приобрел авторитет у своих подчиненных.

- Есть, есть, - обрадованно ответили офицеры и разошлись по своим местам.

В то время как артиллеристы с обоих бортов усиленно вглядывались в окружающую темноту, остальные матросы, как могли, приводили в порядок все, что было возможно при отсутствии света. Палубы очищались от загромождавших их обломков, вместо снесенных трапов наскоро прилаживали деревянные, трюмный дивизион наспех заделывал многочисленные пробоины в корпусе корабля, которые, к счастью, были почти все надводные, и откачивал воду из затопленных помещений.

На перевязочном пункте два врача едва успевали перевязывать раненых. Больше половины раненых матросов вернулись в строй, и только человек пятнадцать были размещены на офицерских каютах и в адмиральской столовой.

Известие, что "Цесаревич" идет в Циндао, было встречено общим одобрением.

- Думал я, что наш старшой только и умеет, что жалкие слова говорить да под винтовку ставить. АН, оказывается, он очень даже башковитый командир, - разглагольствовал раненный в обе ноги сигнальный старшина Мокин.

- Да, многие его за сегодня добром помянут, - заметил старший врач Шплет, перевязывая писаря Кутова. - Можно ручаться теперь, что все наши раненые выживут, а у Гаврилова останется нога, - кивнул он на

столавшего рулевого с раздробленной ногой.

- Николе-угоднику свечку поставлю за старшого, ежели так будет, вашескородие, - прохрипел тот с трудом. - Мне без ноги лучше не жить. Что я буду делать у себя дома? Жена да трое детей, я один работник в семье.

- Не волнуйся. Как придем в порт, тебя первого отправим на берег. Сложим кость и загипсуем. Через полтора месяца танцевать будешь, - улыбнулся младший врач.

- Федор Лукич, - обратился к нему Шплет, - побудьте здесь, а я пойду проведать Матусевича. - И вышел в коридор.

Адмирал уже пришел в себя и стоически переносил боль. Он читал рассказы Мопассана, изредка громко смеясь. При этом он тотчас же начинал болезненно морщиться - тяжелое ранение в живот и ноги давало себя знать при малейшем движении.

- Как дела, дражайший эскулап? - фамильярнодружески обратился он к вошедшему врачу.

- Плыдем в Циндао, пока на море тихо и темно.

- Значит, Шумов молодцом справляется с делом?

- Офицеры им не нахвалятся. Матросы - и те добром вспоминают.

- Ишь ты! А еще два дня тому назад в Артуре мы с покойным Вильгельмом Карловичем думали его сменить как неавторитетного офицера. Как Николай

Михайлович? - осведомился он о командире "Цесаревича".

- Рана у него пустяковая. Другой бы на его месте и не выходил из строя.

- Тоже сюрприз. Считался он боевым командиром, а оказался мокрой курицей.

- Ваше самочувствие как, Николай Александрович?

- Больно, а так ничего. Жарок около тридцати восьми. Во всем виноват покойник адмирал. Ну какого, спрашивается, рожна он торчал на мостике и нас с собой держал? Сидел бы в боевой рубке, или на верхнем мостике, или даже на марсе. Все были бы если не целы, то живы. И я не валялся бы здесь как дурак.

Сколько времени мне придется лежать?

- С месяц.

Адмирал облегчил свою душу крепким морским слопцом и попросил дать ему марсалы.

- Выпьем за упокой души Вильгельма Карловича. Чудесный был человек. Мягкий, добрый, отзывчивый, храбрец первейший, только вот духом слабоват.

Ну, да бог с ним, царствие ему небесное. Передайте Шумову мою благодарность и одобрение принятого решения. А Иванову посоветуйте от меня по-дружески поскорее поправиться, - говорил он, прощаясь с врачом.

Когда доктор вышел, Матусевич налил в бокал марсалы, поглядел на свет и начал пить мелкими глотками, причмокивая от удовольствия.

Командир броненосца полулежал у себя в каюте, положив раненую руку на подушку. Его слегка лихорадило, и он то и дело проводил ладонью здоровой руки по своему горячему лбу.

"Гангрена отнимут руку", - беспокоило думал капитан, прислушиваясь к боли.

О судьбе броненосца с момента передачи командования он не думал.

"Пусть там Шумов выкручивается, как хочет. Да и едва ли теперь кто нападет в темноте на след "Цесаревича", - утешал он себя.

Приход врача отвлек его мысли.

- Адмирал рекомендует вам вступить в командование броненосцем, - проговорил врач, осмотрев больного.

- Но я себя очень плохо чувствую.

- На свежем воздухе вам будет лучше. Положите руку на повязку и будете спокойно сидеть в кресле. Я сейчас позову двух матросов. Они вас под руки проведут.

Поднявшись на мостик, капитан тотчас же сел в кресло, положил раненую руку на подушку, понюхал нашатырного спирта и затем уже подозвал к себе Шумова.

- Адмирал приказал мне вступить в командование, по я чувствую себя

очень плохо. Так что прошу вас распоряжайся по-прежнему. Каков наш курс?

- Я приказал править по Полярной звезде, имея ее за кормой, так что можно считать, что мы идем на кн.

- Прекрасно. Когда доберемся до Шантунга, то свернем вдоль его берега и выйдем в Циндао. Где находятся ее пики адмирала и его штабных?

- Снесены в его каюту и накраты адмиральским флагом.

- Завтра мы их погребем, если все будет спокойно. В случае особой нужды - разбудите, а я подремлю. - И командир, отпустив Шумова, поудобней уселся в кресле.

Ночь проходила спокойно. Постепенно нервное напряжение пережитого дня спадало. То тут, то там раздавался храп спящих матросов, прикорнувших на своих местах. Было очевидно, что японцы окончательно потеряли из виду "Цесаревича". Нашел низовой туман, плотно закрыв весь горизонт. Кое-как исправили один из компасов и, взяв курс на юг, пошли на малых оборотах.

Команде разрешили повахтенно спать около орудий.

На рассвете открылись огни южного Шантунгского маяка. Продрогши на заре, Иванов очнулся от дремоты и, увидев маяк, взял курс на восток. Вскоре увидели берег Шантунгского полуострова и пошли вдоль берега на юг.

Проиграли побудку. Матросы, спавшие кто где придется, торопливо бежали к умывальникам и мылись холодной забортной водой. Затем быстро позавтракали и во главе с боцманами ринулись на приборку корабля.

Одновременно комиссия из старшего офицера и старших специалистов занялась осмотром полученных в бою повреждений.

На броненосце оказалось пятнадцать крупных пробоин выше и ниже ватерлинии. Фок-мачта была перебита посредине и удерживалась от падения только верхним мостиком. При каждом размахе она грозила рухнуть. Все попытки закрепить ее таями оказывались безуспешными. Трубы были изрешечены, задняя же разворочена сверху донизу; все

прожекторы снесены, шлюпки избиты.

Вследствие подводных пробоин два отсека с правого борта оказались залитыми водой. Рулевое отделение было совершенно разрушено, руль поврежден.

Внутри оказались разбитыми адмиральская каюта, лазарет и много других помещений.

- Здорово же нас разделали, - резюмировал Шумов после окончания осмотра.

- С такими повреждениями нечего и думать о Владивостоке.

- Да. Для починки нам нужно не меньше месяца, - заметил Пилкин.

- Придется, видимо, разоружиться и выйти из игры, - задумчиво проговорил Ненюков. - Отвоевался наш "Цесаревич".

Эти слова тотчас же распространились по всему кораблю.

- Ежели до порта доберемся, там, значит, и станем на мертвые якоря до конца войны, - разглагольствовал Гаркуша. - Эх, и выпью за упокой души покойного адмирала!

- Погоди, неизвестно, что еще будет. Вдруг япошка откуда ни возьмись наскочит. Тогда не миновать нам рыбьего царства, - ответил Котин.

Около полудня команду выстроили на палубе перед уложенными в ряд трупами убитых. Все погибшие были зашиты в брезент, к ногам привязан груз. Справа, прикрытая адмиральским флагом, лежала отдельно нога Витгефта, рядом тела четырех офицеров и восьми матросов под общим Андреевским флагом. Судовой священник, отец Рафаил, все еще бледный от вчерашних переживаний, с трясущейся головой, слабым прерывающимся голосом служил панихиду. Летнее полуденное солнце палило обнаженные головы; ослепительно блестело море под глубокой синевой бездонного неба. Все это плохо гармонировало с разрушениями на броненосце, с лежащими на палубе трупами, от которых уже шел запах тления.

- Преклониша колени, господу помолимся! - провозгласил священник и опустился на избитую и исковерканную снарядами и пожарами палубу. За ним последовали матросы.

- "Вечная память, ве-е-ечная память", - выводил судовой хор печальную мелодию.

- Из земли взят и в землю отыдеши, яко земля есть, - пробормотал священник, осыпая покойников землей, принесенной матросом-причетником в ведре.

Панихида окончилась.

- Накройсь! - скомандовал вахтенный начальник. - Слушай на караул!

Матросы вскинули винтовки, офицеры блеснули обнаженными палашами. Приспустили наполовину кормовые и стеньговые флаги. Музыка заиграла "Коль славен". Командир броненосца, старший офицер и уцелевшие чины штаба эскадры подняли гроб с останками адмирала. Резко прогремел траурный салют из кормовых трехдюймовок. Останки адмирала Витгефта в последний раз торжественно проплыли под заунывные звуки музыки вдоль выстроенных во фронт матросов. Слабо плеснулась вода, принимая то, что осталось от незадачливого адмирала.

Затем был, и спущены остальные тела. Когда последнее соскользнуло с доски, Иванов скомандовал: "К ноге!" - и, выступив вперед, поблагодарил матросов за боевую работу.

- Мы направляемся в нейтральный порт, там починимся и с божьей помощью попытаемся прорваться во Владивосток, - закончил он свою речь.

Затем матросов распустили, а командир броненосца отправился с докладом к Матусевичу. Адмирал не имел уже такого бодрого вида, как накануне.

Беспрерывные боли наложили отпечаток страданий на его побледневшее лицо. Он сильно нервничал. Выслушав доклад, Матусевич одобрил решение идти в Циндао.

- В сорочке вы родились, Николай Михайлович, - улыбнулся адмирал. - Надо быть очень счастливым, чтобы благополучно вывести из боя весь избитый броненосец и избежать при этом встречи с многочисленными японскими кораблями.

- Помимо счастья, необходимо также и уменье, - обиделся Иванов.

- Тут никакое умение не помогло бы. Я объясняю нашу удачу лишь полной растерянностью японцев после боя. Не добить едва передвигающегося "Цесаревича" - это непростительное упущение со стороны японцев.

- Надо думать, что ваше превосходительство не в претензии за это на адмирала Того!

- Само собой разумеется. Как только починитесь, Николай Михайлович, с богом двигайтесь во Владивосток. Авось одному броненосцу удастся то, что не смогла выполнить эскадра.

- Слушаюсь, ваше превосходительство, сейчас я едва стою на ногах, но как только оправлюсь - вновь попытаю счастья!

К вечеру того же дня "Цесаревич" добрался до Циндао, где через несколько дней был разоружен и интернирован до конца войны.

- Шесть узлов хода. И это боевая эскадра, идущая на прорыв в виду неприятеля! - возмущался командир отряда крейсеров адмирал Рейценштейн. Он стоял на мостике крейсера "Аскольд" и рассматривал в трубу маячившие на горизонте японские суда.

- Ход наш зависит от идущих впереди тральщиков. При большой скорости тралы всплывут на поверхность и перестанут выполнять свое назначение, - ответил находившийся рядом с ним командир корабля капитан первого ранга Борис Николаевич Грамматчиков.

- Если мы будем и дальше идти с такой же скоростью, то, наверно, потерпим неудачу, - раздраженно продолжал адмирал.

Исполняющий обязанности флаг-офицера молоденький мичман Медведев вдруг резко протянул руку вперед и указал на плывущую невдалеке от крейсера гальваноударную мину.

- Вызвать караул для расстрела мины, - приказал Грамматчиков.

Вскоре двадцать матросов, выстроившись вдоль борта, дали несколько залпов. Мина затонула.

- Тральщики называются, так их перетак! - ругался Рейценштейн. - Тралили чуть ли не неделю и все же не сумели полностью очистить рейд. Я бы прописал ижицу этому толстому тюленю Лощинскому за такую

работу! Передайте сигналом командующему: "Вижу слева плавающие мины".

- Есть, - ответил мичман и приказал флагманским сигнальщикам набирать нужные флаги.

В противоположность адмиралу, Грамматчиков с невозмутимым спокойствием продолжал наблюдать за происходящим. Культурный, образованный командир, Грамматчиков подобрал себе таких же офицеров. На крейсере был уничтожен мордобой, даже боцман Кулик боялся пускать в ход свои пудовые кулаки и крупно ругаться осмеливался лишь вполголоса. Грамматчиков происходил из артистической семьи и сам готовился стать музыкантом. С его матерью, известной в свое время скрипачкой, был хорошо знаком в молодости Макаров.

Его-то рассказы о море и морях пробудили в юноше страсть к морской службе. Подающий большие надежды пианист сменил концертный зал на палубу корабля и беккеровский рояль на скорострельное орудие. Но любовь к музыке осталась в нем навсегда. Грубоватый, бурбонистый Рейценштейн не мог прийтись по душе Грамматчикову. Адмирал, в свою очередь, недолюбливал командира "Аскольда" и считал его полустатским человеком, не лишенным известного свободомыслия.

Скрепя сердце Рейценштейн поднял на "Аскольде" свой флаг. Теперь ему предстояло идти в бой вместе с Грамматчиковым.

Следуя малым ходом за колонной броненосцев, "Аскольд" то и дело должен был стопорить машины, чтобы избежать столкновения с "Полтавой", идущей впереди. Грамматчиков при этом только морщился, а адмирал отчаянно ругался.

- Команда имеет время обедать, - доложил адмиралу новый сигнал "Цесаревича" Медведев.

- Свистать к вину, - скомандовал вахтенный начальник мичман Житков.

По всему крейсеру понеслись резкие звуки боцманских и унтер-офицерских дудок.

На мостик подали пробу. Весь в белом, блистая чистотой, стоял

навытяжку кок, держа поднос с поставленными на нем двумя мисками с борщом и кашей, солонкой и несколькими кусками черного хлеба. Первым пробовал Рейценштейн.

Взяв ложку, он помешал подернутый янтарным жиром борщ и, подув на него, осторожно прикоснулся к нему губами и только после этого решился проглотить.

Попробовав затем рисовую кашу и заев все хлебом, он состроил недовольную гримасу.

- Борщ превосходный, но каша вся в комьях. Рис надо варить на пару при минимальном количестве воды. И вообще рисовая каша - это совсем не то, что наша гречневая. Не правда ли? - спросил он у кока, продолжавшего стоять навытяжку.

- Так точно, ваше превосходительство. Силы от нее мало, - бойко ответил матрос.

Слева показались японские корабли. Все подняли бинокли, стараясь разглядеть приближающегося врага. Матросы спешно заканчивали обед и расходились кто куда отдохнуть перед боем. Большинство поднялось на палубу и с тревогой и любопытством следило за приближающимся врагом. Подошедший к ним артиллерийский офицер лейтенант Киткин стал называть типы видневшихся судов.

- Справа "Якумо", похожий на нашу "Диану", "Касаги", "Читозе", - перечислял он. - Эти не страшны - легкие крейсера. Слева старые суда: броненосец "ЧинИен", крейсера "Хасидате", "Мацушима", "Итцукушима" - тоже неопасные. Зато вон по носу напересечку нам идут главные силы - "Микаса", "Асахи", "Фуджи", "Шикишима". За ними броненосные крейсера "Ниссин" и "Кассуга". По мощности артиллерийского огня они немного даже превосходят наш броненосный отряд.

- Много их, вашбродь. Со всех сторон окружают нашу эскадру, - встревоженно заговорили матросы.

- Да, драка будет жаркой, комендоры должны сегодня особенно внимательно наводить орудия. Главное - не робей, тогда японцу несдобровать.

- Постараемся, вашбродь, - дружно ответили матросы.

Пробили боевую тревогу, и матросы разбежались по своим местам.

Палуба опустела. Адмирал с командиром поместились в боевой рубке.

Расстояние до противника было слишком велико, и японцы огня не открывали.

Когда они разошлись на контргалсах с отрядом броненосцев, обрушили на крейсера огонь шестидюймовых орудий правого борта "Аскольда". Старший артиллерист лейтенант барон Майдель, невзирая на обстрел, открыто стоял на мостике и голосом передавал приказания во все башни и батареи.

- Христиан Генрихович, не бравируйте напрасно! - окликнул его из боевой рубки Грамматчиков.

- Мне отсюда лучше виден противник и падение наших снарядов, - ответил Майдель.

В этот момент крупный снаряд попал в основание передней дымовой трубы и снес ее. Труба рухнула на левый борт, сломала планширь и, повредив палубу, повисла на растяжках. Густые клубы дыма быстро окутали верхнюю палубу.

Осколками был смертельно ранен в спину навывлет мичман Рклитский, Майдель сбит с ног, двое матросов убиты, несколько тяжело ранены. Все находившиеся в боевой рубке были слегка контужены. Рейценштейну нахлобучило фуражку по самые уши. Он испуганно крикнул и, обнажив голову, старательно ее ощупал - цела ли.

Тотчас после взрыва Грамматчиков вышел на мостик и приказал матросам сбросить упавшую трубу за борт.

Неожиданно крейсер содрогнулся всем корпусом, и густое облако желто-серого дыма поползло с кормы. Было очевидно, что туда попал крупный снаряд. Пробили пожарную тревогу. На ют устремились старший офицер капитан второго ранга Таше, боцман и несколько матросов.

Десятки снарядов высоко вскидывали воду около бортов крейсера.

- Поднять сигнал крейсерам: "Влево, больше ход", - приказал Рейценштейн, разглядывая в бинокль идущие в кильватер "Палладу" и

"Диану".

Грамматчиков положил право руля и полным ходом направился влево от колонны броненосцев.

Крейсера последовали за "Аскольдом" и через минуту вышли из-под обстрела, после чего легли на параллельный курс с отрядом броненосцев.

Во время перерыва в сражении крейсера опять сблизились с броненосцами и по семафору флагами стали наводить справки о потерях и повреждениях.

Везде все было благополучно, так как крейсера весьма своевременно вышли из-под обстрела. Рейценштейн с Медведевым занялись составлением донесения на "Цесаревич" о результате боя.

Грамматчиков обошел крейсер и спустился в каюту к раненому Рклитскому.

Юноша был в агонии. Судорожно раскрывая рот, он жадно глотал воздух, которого не хватало его наполненным кровью легким. Он что-то пытался говорить, но ничего нельзя было разобрать и - за клокотавшей в горле крови.

Дико выпученные глаза уже ничего не видели. Вскоре он совсем затих. Командир тихонько поцеловал его в лоб и велел накрыть Андреевским флагом. Затем он навестил раненых матросов. Оба чувствовали себя удовлетворительно.

- Выходит, что эскадра, ваше высокоблагородие, прорвалась через японскую блокаду? - спросил гальванер-радист.

- Будем надеяться, что так.

- Через день-два тогда увидим Владивосток.

- Не торопись. День еще не кончился, стемнеетбудет видней, что и как.

Матросы, пользуясь передышкой, прилегли у орудий. Кое-кто дремал, другие переговаривались. На баке, в тени от щитов носового орудия, Киткин громко читал чеховские рассказы.

- "Хоть ты и седьмой, а дурак! - под общий смех закончил он "Жалобную книгу".

Открыли, сдвинув броневые плиты, машинные люки, Красные от жары, все измазанные маслом и сажей, вылезали подышать воздухом кочегары и машинисты.

С ними поднялся и розовощекий, белозубый младший механик Степанов. Его надетый на голое тело брюки и китель были измараны, в густых курчавых волосах торчал клок пакли.

- Шурка, да ты на трубочиста похож! - окликнул его с мостика Медведев.

- Хуже адского духа, - ответил, смеясь и расстегивая китель, механик. - Чуть не сжарился совсем. Когда снесло трубу, тяга сразу упала, дым повалил в кочегарку. Пришлось срочно выключить носовую кочегарку и лезть самому туда.

Эх, нырнуть бы сейчас в море!..

- Зато вы там все целы и невредимы, а тут сейчас Алешу Рклитского и двух матросов убили.

- Жаль беднягу. Так и не отыгрался, значит, он в шахматы. Все обещал мне сделать два мата подряд, да не успел.

Вскоре броненосцы завязали перестрелку с японцами. Японские снаряды давали больше перелеты и ложились около крейсеров. Рейценштейн поспешил отвести свой отряд подальше от главных сил.

Матросы затаив дыхание наблюдали за боем.

Японские крейсера, видневшиеся на норд - и зюйдвест, тоже издали следили за происходящим поединком.

- Жарко нашим приходится! Навалился вражина! Не выдюжить нашим... - слышались скорбные замечания матросов.

- Не скули зря! На войне без потерь нельзя, - подбадривал Киткин. Широко расставив свои длинные ноги, он в бинокль рассматривал японские крейсера.

- На "Асахи" пожар, - сообщал он. - У "Микасы" повреждена средняя труба.

Это, верно, все "Ретвизан" чешет. Шенснович вошел в азарт и забыл даже свою обычную осторожность.

- Лейтенант, займитесь вашим прямым делом! - одернул его с мостика

Рейценштейн.

- Есть заняться прямым делом! - насмешливо вытянулся офицер.

С уменьшением дистанции превосходство японской артиллерии усиливалось, так как на русских судах не доставало большого числа орудий среднего калибра шестидюймовых, двадцатимиллиметровых и трехдюймовых. Хотя они и не были страшны для броненосцев, но все же разрушали верхние постройки и производили пожары. Это вызывало у матросов сомнение в исходе боя. Все чаще слышались вздохи и сердитая ругань.

Рейценштейн нервно бегал по мостику и тоже ругался неизвестно по чьему адресу. Грамматчиков, серьезный и спокойный, при каждом попадании снаряда в русский корабль неизменно говорил "так" и, сжав губы, переводил бинокль на следующее судно.

Когда "Цесаревич" вышел из строя, "Ретвизан" ринулся на японцев, а остальные броненосцы сбились в кучу. Рейценштейн заорал не своим голосом:

- Поднять сигнал: "Крейсерам следовать за мной"! Капитан Грамматчиков, ложитесь на обратный курс и самым полным ходом режьте нос броненосному отряду, иначе японцы нас сейчас раскатают сосредоточенным огнем с окружности в центр.

- Есть! Лево на борт! Вперед до полного! - отозвался капитан. - Христиан Генрихович, приготовьтесь открыть огонь с обоих бортов по японским крейсерам.

- Вы собираетесь идти на прорыв? - удивился адмирал.

- Если даже эскадра за нами не пойдет на прорыв, то мы все же увлечем за собой тяжелые крейсера противника и этим облегчим положение наших броненосцев.

- Адмирал передает командование, - доложил в это время Медведев.

Рейценштейн и Грамматчиков, схватив бинокли, стали рассматривать сигнал на "Цесаревиче".

- Следовательно, в командование вступил Ухтомский, но на "Пересвете" сбиты обе стены и никаких флагов не видно, - произнес Рейценштейн.

- Возможно, что и Ухтомский тоже вышел из строя, - проговорил Грамматчиков.

- Тогда, значит, я вступаю в командование эскадрой, как следующий по старшинству, - решил Рейценштейн. - Поднять сигнал: "Эскадре следовать за мною", - приказал он Медведеву.

На мачте крейсера взвилось несколько флагов. Сигнальщики следили, кто из кораблей отретпует сигнал. Крейсера тотчас один за другим подняли ответные сигналы, но ни один из броненосцев не отретптовал, и, не обращая внимания на сигналы "Аскольда", они продолжали беспорядочной кучей идти в северо-западном направлении.

Рейценштейн приказал, уменьшив ход, сблизиться с броненосцами, продолжая держать поднятым прежний сигнал. Ни один корабль опять не принял его.

Адмирал приказал "Аскольду" встать во главе броненосного отряда и еще раз попытался повести эскадру за собой, но снова безуспешно.

- Пойдемте на прорыв одними крейсерами, - предложил Грамматчиков. - Броненосцы Того начинают отходить на север, на месте остаются лишь "Чин-Иен" с "Шимами" и легкие крейсера. Надо думать, что с ними-то наша эскадра еще справится.

Рейценштейн оглянулся. Сразу за "Аскольдом", дымя из трех своих труб, шел "Новик", за ними тянулись "Паллада" и "Диана". Несколько сбоку разрозненно двигались броненосцы. К русской эскадре со всех сторон приближались японские крейсера, а за ними виднелись десятки миноносцев. Быстро темнело. Огни выстрелов, мало заметные днем, теперь казались значительно ярче. Оглядев горизонт, адмирал хотел посоветоваться с командиром "Аскольда" о направлении прорыва. Но Грамматчиков уже сам повернул прямо на юг между двумя отрядами легких крейсеров и, развив ход до предела, помчался вперед. За "Аскольдом" последовал лишь "Новик", "Паллада" же с "Дианой" сразу сильно отстали, а затем вернулись к броненосцам.

Заметив идущие полным ходом русские крейсера, японцы сосредоточили на них весь свой огонь. Слева напересечку поспешил броненосный

крейсер "Якумо", вооруженный восьмидюймовыми пушками, справа двигались четыре мелких крейсера.

- Самый полный вперед! - скомандовал в машину Грамматчиков. - Сосредоточьте огонь на "Асуме", - приказал он Майделю.

- Есть, - отозвался лейтенант, и восемь шестидюймовых орудий-носовых и кормовых-открыли частый огонь по указанной цели.

- Сорок, тридцать пять, тридцать, - сообщали расстояние в кабельтовых с дальномера до цели.

Майдель ставил на электрическом циферблате эти дистанции, откуда они сообщались на батареи. Поворот ручки - и крейсер содрогнулся от бортового залпа. Расстояние до "Асумы" быстро уменьшалось, и действенность огня усиливалась.

При каждом попадании неприятельского снаряда Рейценштейн морщился и старался отойти в глубину рубки. Грамматчиков не отрывался от прорези и внимательно наблюдал за действием своих снарядов.

- Убавьте прицел на два деления, Константин Георгиевич, - обратился он к суеющемуся у дальномера младшему артиллеристу мичману Житкову, - как раз в борт попадете.

Расстояние до "Асумы" быстро уменьшалось. В бинокль были хорошо видны разрушения, произведенные стрельбой "Аскольда". Стволы обоих орудий носовой восьмидюймовой башни беспомощно задрались кверху. На переднем мостике начался пожар, и было видно, как, спасаясь от огня и дыма, выскакивали люди из боевой рубки. Трубы были сильно повреждены, на корме загорелись разбитые верхние надстройки. Японцы беспорядочно суетились на палубе, сметаемые русскими снарядами.

"Аокольд" продолжал идти полным ходом, содрогаясь корпусом от своих выстрелов и попаданий вражеских снарядов, артиллерия вела залповый огонь.

Стрельба же японцев становилась все более беспорядочной и менее действенной.

Наконец броненосный крейсер "Якумо", в девять тысяч тонн водоизмещением, не выдержал и начал поспешно отступать перед легким

бронепалубным "Аскольдом", имеющим меньше шести тысяч тонн водоизмещения. По крейсеру пронеслось громкое "ура".

Разделавшись с "Асамой", Грамматчиков ринулся на шедшие справа легкие крейсера "Акицушима", "Такосаго" и "Сума". Они бросились врассыпную. "Сума" замешкался; попав под обстрел, он мгновенно превратился в пылающий костер и поспешил спрятаться за другие корабли. Путь русским был свободен. Но тут из-за крейсеров вылетели четыре миноносца и кинулись на "Аскольда".

- Право руля! Прибавить оборотов! - скомандовал Грамматчиков в машину и устремился к ним навстречу.

- Что вы хотите делать? - спросил Рейценштейн.

- Таранить, - коротко бросил командир "Аскольда".

Расстояние до миноносцев было не более двадцати кабельтовых, и теперь оно быстро сокращалось. Японцы не сразу поняли, какая угрожает им опасность, а когда сообразили, то оказались уже в непосредственной близости к "Аскольду".

Крейсер с полного хода врезался в один из миноносцев. Сильный толчок, пар и дым около бортов, крики упавших в воду людей, и все было кончено...

У второго миноносца попавшим снарядом был оторван нос, и корабль с полного хода зарылся в воду. В воздухе на мгновение мелькнули вращающиеся лопасти винтов. Миноносец исчез в пучине моря. Два последних миноносца попытались спастись бегством, но идущий за "Аскольдом" "Новик" подбил своим огнем сперва один, а затем другой.

"Аскольд" пошел полным ходом на юг. Пришедшие наконец в себя японские крейсера, в количестве восьми, кинулись в погоню, но добыча уже ускользнула.

В наступившей темноте "Аскольд" потерялся из виду.

На корабле стали выяснять свои повреждения. В левом борту были обнаружены две большие подводные пробоины, несколько надводных, в которые на большом ходу заливалась забортная вода. Сильно повреждены трубы, вследствие чего тяга резко упала и ход снизился до

пятнадцати-семнадцати узлов. От форсированной работы дымовых вентиляторов появились факелы. Опасаясь быть обнаруженным, "Аскольд" снизил ход до двенадцати узлов. Выяснилось, что угля хватит до Владивостока, если идти экономическим ходом.

- Но ведь тяга весьма ухудшилась, расход возрастет. Кроме того, мы приняли не менее двухсот тонн воды и имеем значительные пробоины, - горячился Рейценштейн. - В таком виде крейсер дойти до Владивостока не может.

- За ночь мы починимся и с рассветом постараемся уйти подальше в море с тем, чтобы обойти Японию с востока и прорваться в Сангарский или Лаперузов проливы. Много шансов, что мы попадем туда раньше броненосных крейсеров адмирала Того, а с легкими мы быстро справимся, - возразил Грамматчиков. Его поддержали и другие офицеры. Видя, что ему не переспорить ни Грамматчикова, ни офицеров, Рейценштейн принял официальный вид и громким голосом приказал:

- Ввиду серьезности полученных в бою повреждений, считаю невозможным прорыв во Владивосток без значительного ремонта, который можно произвести лишь в нейтральном порту. Капитан Грамматчиков, потрудитесь вести крейсер в Шанхай.

- Но, ваше превосходительство, ближе до Циндао. Мы к полудню будем там, а завтра на ночь выйдем оттуда, пополнив запасы угля и воды и произведя необходимый ремонт, - возразил командир "Аскольда".

- В Циндао может повториться чумульпннский инцидент. Японцы заблокируют порт и потребуют нашего выхода. Приказываю идти в Шанхай, - оборвал разговор Рейценштейн.

- Есть, - вытянулся Грамматчиков и вместе со старшим штурманом лейтенантом Якимовым начал разбирать курс на Шанхай.

Расстроенный возражениями, Рейценштейн спустился в свою каюту.

- Чего это адмирал так уцепился за Шанхай? - удивился один из офицеров. - Ларчик просто открывается. Еще в китайский поход он купил там себе дачу, где сейчас и проживает если не его супруга, то дама сердца, - пояснил поднявшийся на мостик Киткин. - Любви же, как

известно, все возрасты и чины покорны, адмиралы, порой, даже больше мичманов.

...Итак, идем в Шанхай, где и попытаемся подремонтироваться, а затем рискнем в одиночку прорываться во Владивосток.

Без всяких приключений в сопровождении "Грозового" "Аскольд" утром 31 июля прибыл в Шанхай. Немедленно было приступлено к ремонтным работам.

Выяснилось, что через неделю "Грозовой" сможет покинуть порт. "Аскольду" требовалось не меньше двух недель, чтобы быть готовым к выходу в море. Но тут выступили Соединенные Штаты Америки. Зная, что японский флот вынужден будет выслать часть боевых кораблей для блокады русских судов в Шанхае, что вызовет распыление и так сильно ослабленного в морском бою японского флота, Америка потребовала от Китая сокращения срока пребывания русских кораблей в Шанхае до одной недели. Одновременно Япония предупредила китайское правительство, что японский флот атакует "Аскольда" и "Грозового" в Шанхайском порту, если они к указанному сроку не покинут Шанхай. Несмотря на все протесты русского посла в Пекине, китайцы под давлением Америки и Японии предложили Рейценштейну в семидневный срок уйти из Шанхая или немедленно разоружиться.

Рейценштейн отнюдь в бой не рвался и не замедлил воспользоваться китайским ультиматумом для разоружения подчиненных ему кораблей. К седьмому августа крейсер и миноносец были полностью разоружены и остались в Шанхае до конца войны.

Водоизмещением около семи тысяч тонн, трехпалубный, высокобортный, с массой наружных построек, крейсер "Диана" был спущен на воду в 1899 году уже устаревшим, вследствие затянувшейся более пяти с лишним лет постройки. Он был слабо вооружен, имел малый ход, плохо слушался руля и часто рыскал на курсе. Все это вызывало презрительное отношение всей эскадры к этим "богиням отечественного производства", как "Диана" и "Паллада" величались в Артуре.

Матросы же называли свой крейсер просто "Дашкой".

Командовал "Дианой" в день выхода эскадры из Артура капитан второго ранга светлейший князь Ливен, из остзейских дворян. Он относился с глубоким презрением ко всему русскому и к самим русским. Даже с офицерами он разговаривал весьма редко и не иначе, как цедя слова сквозь зубы. С матросами же его разговор ограничивался самой забористой матерной руганью, так как, по мнению его светлости, матросы никаких других слов не понимали.

Старшим офицером на "Диане" был капитан второго ранга Семенов. Невысокого роста, толстый, коротконогий, круглоголовый, он с утра до вечера катался шариком по всему крейсеру. Суетливый и мелочный, он способен был свести с ума своими придирками не только матросов, но и офицеров.

Оба начальника создали такой режим на "Диане", что скоро по всей эскадре матросы говорили о крейсере как о каторжном корабле.

Офицеров подбирал себе Ливен только из числа имевших твердо установившуюся репутацию беспощадно строгих начальников.

Так, перед самым выходом эскадры на крейсер был назначен с погибшего миноносца "Лейтенант Бураков" прославившийся на всю эскадру своей жестокостью в обращении с матросами лейтенант Колчак.

В ночь перед выходом "Диана" несла дежурство на внешнем рейде и стояла у прохода. Пропустив всю эскадру, она заняла место концевой в отряде крейсеров.

Во время первого боя на "Диане" никаких потерь не было. Только когда адмирал Того обрушился на концевые крейсера и вокруг них начали падать в большом количестве снаряды, слабые нервы светлейшего командира "Дианы" не выдержали, и он, не ожидая приказа своего флагмана, повернул в противоположную от противника сторону и поспешно вышел из-под обстрела.

Команде дали повахтенно ужинать, офицеры же, кроме вахтенных, сошли в кают-компанию.

- Ставлю два флакона Мумма по случаю наших боевых успехов! - объявил Семенов, председательствовавший за столом.

- Не сглазьте, Владимир Иванович, - суеверно остановил его один из офицеров, - день ведь еще не кончился.

- Вечером выпьем за последующие успехи, - отозвался Колчак.

Вестовые разнесли шампанское. Вино вскружило головы, настроение поднялось. Офицеры начали бахвалиться, вспоминая минувший бой.

- Наш светлейший без команды повернул и пустился наутек, когда жареным запахло, - съязвил Колчак.

- Зато вы, Александр Васильевич, развили такой огонь, что небу стало жарко! Сразу напугали Того, - отозвался Семенов.

Наверху пробили боевую тревогу. Все бросились по своим местам. Японская эскадра, нагнав русских, начала новый бой. Крейсера не принимали в нем участия, оставаясь лишь зрителями происходящего.

Ливен, как всегда молчаливый, с презрительной усмешкой на своем холеном аристократическом лице, наблюдал с ходового мостика за развертывающейся перед ним картиной. Мимоходом забежавший на мостик Семенов пытался было завязать разговор.

- Нелепая вещь эта война. Я был в дружеских отношениях с командиром "Микасы", флагманского корабля Того, капитаном Номото. Не раз мы вместе пили шампанское в нагасакских кабаках, а теперь только о том и думаем, как бы поскорее уничтожить друг друга, - сказал он, обращаясь к своему командиру.

Но Ливен продолжал молчать, и старшему офицеру ничего не оставалось, как поскорее исчезнуть с мостика.

Как только "Аскольд" ринулся на прорыв, обгоняя наши броненосцы, "Диана" последовала было за ним, но замешкалась и стала прорезать строй броненосцев, едва при этом не столкнувшись с "Пересветом".

Японцы открыли по идущим в беспорядке русским судам усиленный огонь. Один из снарядов угодил в правый шкафут и разбил стрелу Темперлея, снес вентиляционные трубы, разворотил дымовую трубу. Одновременно осколками было взорвано несколько патронов в батарейной палубе и убито и ранено около двадцати человек, в том числе командир батареи - мичман Кондратьев.

Начавшийся пожар стал быстро распространяться, грозя перекинуться в нижние патронные погреба.

Семенов с пожарным дивизионом кинулся тушить огонь, но в это время взорвалось еще несколько патронов. Матросы в ужасе разбежались. Чем бы все кончилось, неизвестно, если бы новый, попавший около ватерлинии снаряд не сделал огромной пробоины в борту. Хлынувшая сквозь нее вода быстро прекратила огонь. По колено в воде матросы, бросились заделывать образовавшуюся пробоину. Едва они успели с ней справиться, как новый крупный снаряд попал в расположенный под лазаретом отсек, который быстро наполнился водой. Вода снизу подняла палубу лазарета. С треском срывались метлахские плитки, устилавшие пол. Сквозь образовавшиеся щели начали выбиваться вверх небольшие фонтанчики.

Тем временем "Диана" успела уже миновать эскадру. Впереди ясно виднелись бешено отстреливавшиеся от неприятеля "Аскольд" и "Новик". Ливен призадумался. Ему совсем не улыбалось попасть в такую же перепалку, как два передовых крейсера, и он резко скомандовал:

- Право руля!

"Диана", круто повернув влево, вступила о кильватер идущему за эскадрой крейсеру "Паллада".

- Нам не угнаться за адмиралом, - как бы в свое оправдание пояснил Ливен стоящему рядом Колчаку.

- Но мы нарушаем приказ адмирала следовать за ним! - возразил лейтенант.

- Не всегда бывает возможным выполнять распоряжения начальства. Я все же посоветуюсь со старшим офицером. Вызвать его ко мне! - приказал одному из ординарцев Ливен.

Через несколько минут на мостике появился запыхавшийся Семенов. Узнав, в чем дело, он, как хитроумный Улисс, предложил компромиссное решение:

- Сейчас мы последуем за эскадрой, а когда наступит темнота, оторвемся от нее и попробуем самостоятельно прорваться во Владивосток.

Оправдание было найдено...

Наступила ночь. Русская эскадра в полной темноте шла курсом на Артур двумя кильватерными колоннами - справа "Пересвет", "Победа", "Полтава", "Паллада" и "Диана", слева, далеко впереди - "Ретвизан", и за ним "Севастополь" и концевым - "Цесаревич".

Справа из темноты неожиданно появились чуть заметные силуэты небольших судов, быстро приближающихся к крейсеру. На них мелькнули красноватые огоньки минных выстрелов, после чего, резко повернув обратно, миноносцы скрылись во тьме. Море в эту ночь светилось особенно ярко, и подводное движение мин было хорошо заметно. Вот недалеко от "Дианы" появились две слабо светящиеся точки, приближающиеся к крейсеру.

- Право руля! - нервно скомандовал Ливен.

"Диана" медленно поворачивалась кормой к идущим торпедам.

Три сотни пар человеческих глаз с трепетом следили с корабля за все более увеличивающимися и быстро приближающимися светлыми пятнами. У всех была одна и та же мысль: "Попадет торпеда в крейсер или пройдет мимо?" Зловещие пятна приближались. Еще секунда - и они коснутся корпуса корабля, и тогда над ним высоко взметнется столб пламени, раздастся грохот взрыва, полетят во все стороны осколки, и десятки тонн воды обрушатся на палубу. Но торпеды уже попали в струю воды, отбрасываемую винтами, она их отталкивает, мешает их движению. Торпеды начинают замедлять свой ход, а затем и вовсе теряются за кормой. Опасность миновала, и из сотен человеческих грудей вырывается вздох облегчения.

Теперь идти вместе с эскадрой стало опасно, поскольку на нее обрушились многочисленные миноносцы японцев. Сообразив это, Ливен положил право руля и полным ходом пошел на юг, стараясь возможно скорее выйти из опасной зоны.

Но по дороге все же не удалось избежать нападения, Пробили отражение минной атаки. Матросы бросились к мелкокалиберным орудиям. Блеснул золотисто-зеленоватый свет, раздался сухой, резкий выстрел

трехдюймовок.

- Ваша светлость, ради бога, прекратите огонь! - истошным голосом закричал с палубы Семенов. - Мы этим будем только привлекать к себе неприятеля.

Орудия замолкли. Позади показался идущий в кильватер "Диане" миноносец.

Сперва его приняли за японский и внимательно следили за ним. Но он не обнаруживал никаких враждебных намерений. Тогда рискнули запросить его позывные. Через мгновение замелькали ответные огоньки.

- "Грозовой"! - доложил сигнальщик.

Миноносцу предложено было подойти к крейсеру.

- Вы куда намерены двигаться? - справился Ливен у командира "Грозового" лейтенанта Бровцына.

- До Владивостока у меня не хватит угля, поэтому я думаю сперва побывать в Циндао, принять полный запас воды и угля, а затем идти по назначению.

- Избави вас бог заходить в Циндао, - неожиданно вмешался откуда-то из темноты Семенов. - Около него нас, наверно, подстерегают японцы. Надо идти возможно дальше. Быть может, даже в Россию.

- Едва ли нас за это похвалит, - спокойно отозвался мягким баритоном Бровцын. - Одним словом, - куда вы, туда и я.

- В таком случае прошу вас следовать за мной, - распорядился Ливен.

- Есть! - отозвался командир миноносца, и "Грозовой" отошел.

На море поднялся туман, и крейсер окончательно затерялся в нем. Команде разрешили спать посменно. Ливен, позевывая, передал командование Семенову и ушел отдохнуть.

Семенов в ходовой рубке при слабом свете лампочки, освещавшей компасную картушку, делал заметки в записной книжке, в героическом духе живописуя свою роль в сегодняшнем бою. Его круглое, полное лицо было сурово нахмурено. Он то и дело прикладывал руку ко лбу, вспоминая различные перипетии минувшего дня.

- Что это там пузырь на ножках пишет? - шепотом спросил старший

сигнальщик у ординарца, примостившеюся невдалеке от боевой рубки.

- Верно, кто в чем сегодня провинился. Только что приходил с докладом боцман. Наябедничал на кого-нибудь.

- Дал бы бог целыми домой добраться, женку с детьми повидать...

- Князь наш вместе с пузырем - оба норовят где поспокойнее.

- Нет, пузырь за чином или крестиком к черту на рога ползет!

Матросы замолчали.

На крейсере воцарилась тишина. Только вахтенные сигнальщики из самых глазастых бодрствовали на мостике вместе с рулевыми и старшим офицером. С юга пошла крупная зыбь, от которой крейсер давал размахи до семи градусов на сторону. Навстречу "Диане" теперь попадались лишь китайские джонки. Сфера военных действий осталась позади.

Уже за полночь на палубу поднялся подвыпивший Колчак и, спотыкаясь в темноте на каждом шагу, стал выбирать место для ночлега. Блуждая по кораблю, он забрался на кормовой мостик, куда складывали на разостланный брезент тела убитых и умерших от ран. Их было всего несколько человек, и рядом оставалось много незанятого места. Лейтенант сложил свободный брезент в несколько раз и, хладнокровно улегшись с мертвецами, тотчас же уснул.

Среди ночи санитары принесли нового покойника. Приняв Колчака за труп, они решили, что неудобно класть офицеров вперемешку с матросами, - хотя и мертвое, но все же начальство! Схватив лейтенанта за плечи и за ноги, санитары довольно бесцеремонно поволокли его в сторону. Но тут "покойник" энергично вырвался из рук и разразился самой отчаянной руганью.

Саши ары в ужасе отпрянули.

- Да, никак, оно живое! - с испугом проговорил один из них, в чем тотчас же окончательно убедился, получив здоровенную затрещину.

Другой санитар поспешно сбежал с мостика и спасся от побоев.

Разобрав, в чем дело, Колчак помог санитару уложить принесенный труп, сложил ему руки на груди и, понюхав воздух, проговорил:

- Кажется, еще не воняет?

- Никак нет, совсем свеженький, всего с четверть часа как преставился, - отозвался санитар.

- Поправь-ка, братец мой, брезент, чтобы мягче было спать, - приказал лейтенант и, отпустив матроса, продолжал неожиданно прерванный сон.

С наступлением дня, после детального осмотра всех имеющихся повреждений, на мостике был собран военный совет, чтобы решить, что дальше делать, куда идти. Разглагольствовал больше всех Семенов. Он убеждал идти в один из французских портов,

- Они наши друзья и союзники. Мы у них найдем и приют и помощь. А там попытаем счастья и попробуем прорваться во Владивосток. Или же нам поручат проведение крейсерских операций на путях к Японии. Тоже дело не плохое, - убеждал он.

- Но ведь ближайший французский порт - Сайгон. Он у черта на рогах. Да у нас и угля не хватит дойти туда, - возразил старший механик Кунст.

- Остановим первый встречный коммерческий пароход, перегрузим с него уголь, оставим ему только до ближайшего порта. Правительство потом заплатит за все, - ораторствовал старший офицер.

Ливен не замедлил присоединиться к его мнению. Сайгон был совершенно в стороне от театра военных действий. Трудно было ожидать появления там японской эскадры.

- Приказываю следовать в Сайгон, - проговорил князь официальным тоном.

- Есть идти в Сайгон! - тотчас же вытянулся Семенов.

Через две недели "Диана" пришла в Сайгон, до которого было вдвое дальше, чем до Владивостока. Там она разоружилась.

Быстроходный (до 25 узлов), легкий, бронепалубный крейсер "Новик" по своей конструкции представлял собой нечто среднее между миноносцем и крейсером. Для первых он был слишком велик (три тысячи тонн водоизмещения), для вторых имел недостаточно сильную артиллерию.

Японские крейсера того же типа были значительно тихоходнее, но зато располагали более крупными орудиями.

Стройный трехпалубный красавец, со значительно приподнятым носом,

"Новик" был гордостью всей русской эскадры. Им долгое время командовал капитан второго ранга Николай Оттович Эссен, лихой и отважный моряк. Он сумел подобрать себе такой же экипаж. Старший боцман крейсера Кащенко высматривал на всех кораблях наиболее бесшабашных матросов, которых затем Эссен выпрашивал у командиров. Сам он и все его офицеры прекрасно обращались со своим экипажем. Наказания были не в моде на "Новике", но в отношении службы были строгие требования, а частые выходы в море и боевые столкновения быстро дисциплинировали матросов.

Эссена сменил капитан второго ранга Максимилиан Федорович Шульц. Сухой педант, хотя и образованный моряк, но не сумел ужиться с доставшимся ему в наследство экипажем. Несколько офицеров подали рапорты о переводе на другие корабли.

Весть о выходе эскадры для прорыва во Владивосток временно оживила старый эссеновский дух. Команда опять с лету начала выполнять приказание, механики умудрялись за одну ночь производить переборку машин. Кащенко, кривоногий, рябой здоровяк, летал по всему крейсеру, вполголоса поругиваясь.

Много способствовал этому оживлению старший офицер лейтенант Порембский, старавшийся во всем подражать своему прежнему командиру. За Порембским тянулись и остальные офицеры. Это хорошо понимали и ценили матросы.

В день выхода эскадры "Новик" первым появился на внешнем рейде. До начала первого боя он шел форзейлем, ведя за собой эскадру. Затем присоединился к крейсерам, следуя непосредственно за "Аскольдом".

Так как противник находился вне пределов досягаемости для пушек крейсера, то "Новик" в бою участия не принимал. Настроение у матросов было спокойное и деловое. Они видели, что командир "своего характера не проявляет", а Порембский и другие офицеры обходили крейсер с шутками и прибаутками. Боцман Кащенко, выйдя на палубу, рассматривал японцев и сердито посвистывал.

- Была бы моя воля, отправил бы крейсера громить мелкоту, что видна на

левом траверзе, - ткнул он рукой в отряд мелких японских крейсеров. -
Будь у нас Николай Оттович, он кинулся бы на них.

- Да!.. Вернули бы нам его на прорыв! С ним духом долетели бы до
Владивостока! Японец и разглядеть нас не успел бы.

- Авось и с нашим командиром как-нибудь дотопаем.

В это время японцы обрушились на хвостовые крейсера. Несколько
снарядов упало невдалеке, обдав водой палубу.

- Стараются, чтобы мне жарко не было, - усмехнулся комендор готового
орудия Нюрин, отряхиваясь.

При первом же выстреле Шульц скомандовал:

- Право руля!

"Новик" вышел из-под обстрела и пристроился вторым мателотом в
колонне крейсеров.

Последующие три часа прошли в полном спокойствии, так как крейсера
не участвовали и во втором бою.

- Витгефт - трус, боится пойти на сближение с японцами. Я бы на его
месте сошелся на дистанцию пятнадцать-двадцать кабельтовых и жарил
бы изо всех орудий. Кто первый отступит, тот и побежден! - хорохорился
Шульц, следя за боем.

- К счастью для нас, адмирал держится другого мнения, - иронически
возразил минный офицер лейтенант Штер.

- Почему к счастью?

- У японцев большое преимущество в средней и мелкой артиллерии,
которую они с успехом могут использовать на малых дистанциях.

- Все это пустяки, просто у адмирала не хватает храбрости, -
высокомерно заявил Шульц.

Когда же "Цесаревич" неожиданно вышел из строя и эскадра смешалась,
Шульц снова растерялся.

- Что случилось? Что нам делать?

- Следите за адмиралом, - посоветовал ему стоявший на мостике Штер.

Матросы тоже в недоумении наблюдали за происходящим.

- Тикаем, значит, братцы, от японца, - мрачно проговорил Кащенко.

- Эх, нам бы Эссена сюда... - слышалось в толпе.

Но Эссена не было, а был Шульц, который поспешил последовать за броненосцами.

- На "Аскольде" поднят сигнал: "Следовать за мной", - доложил сигнальщик.

- Есть! Держать в струе адмирала! - приказал Шульц, не понимая еще маневра Рейценштейна. Но когда "Аскольд" на всех парах ринулся навстречу японским легким крейсерам, Шульц оробел.

- Мы за ним не угонимся! "Паллада" и "Диана" остаются с эскадрой, нам тоже надо последовать их примеру, - быстро проговорил он. - Право на борт! - Отставить! - резко вмешался Порембский. - Мы не имеем нрава отставать от "Аскольда", ибо ход у нас двадцать шесть узлов, а у него двадцать два, если не меньше. Самый полный вперед! - крикнул он в машину.

Шульц хотел было отстранить старшего офицера, но угрюмые лица офицеров и матросов заставили его сдержаться.

- Делайте как хотите, Константин Алексеич, я умываю руки. Вы будете отвечать за все, что может сейчас произойти, - наконец проговорил Шульц.

- Есть отвечать за все! - весело тряхнул головой лейтенант. - Борис Васильевич, - крикнул он в переговорную трубку механику, - идем на прорыв, выжми из машин все, что только можно!

- Есть! Будет сделано!

И без того быстрый ход "Новика" еще увеличился. Русская эскадра давно осталась позади. Крейсер, следуя за "Аскольдом", быстро сближался с противником. Штер и мичман Швейковский, командовавшие артиллерией, открыли сильный огонь по ближайшим японским судам.

Крейсер "Сума", попавший под обстрел "Аскольда", запылал, как костер, и поспешил отойти в сторону.

Матросы, охваченные возбуждением боя, не обращали внимания на свистящие вокруг осколки снарядов и изо всех сил старались ускорить стрельбу.

Беспрерывно гремела подача, и на палубе скоро выросли целые штабеля стреляных гильз, которые не успевали убирать.

Одним из японских снарядов были перебиты фалы кормового флага. Заметив это, Кашеко в два прыжка оказался около него и быстро пристропил другой флаг.

- Чтобы японец ни одной минуты не видел корабля без его природного флага, - пояснял боцман впоследствии.

Когда миноносцы бросились на "Аскольда", то "Новик" повернул прямо на них. Никто не отдавал распоряжения стрелять по миноносцам, но комендоры сами взяли их на прицел и мгновенно потопили. В это время крупный снаряд с "Асама" угодил в левый борт вблизи переднего мостика. Осколки со звоном полетели на палубу.

Шульц был контужен воздухом и, в ужасе схватившись за голову, закричал:

- У меня оторвана голова!..

- Не волнуйтесь, Максимилиан Федорович, она у вас еще крепко держится на плечах, - успокоил его Порембский, продолжавший вести крейсер.

Вскоре снарядом был сбит стеньговый флаг на мачте. Он сперва подлетел вверх, а затем стал плавно опускаться. Заметив это, матрос второй статьи Петр Бобров, находившийся около машинного кожуха, пытался было поймать его на лету, но ветром флаг отнесло за борт.

- Эх, жаль, пропал наш флаг, - сокрушенно проговорил он, почесывая свою коротко стриженную голову, и побежал к боцману за новым. Получив его, он, по собственной инициативе, с поразительной быстротой, невзирая на сильный обстрел, забрался на марс и там принатовил новый стеньговый флаг. Сделав свое дело, Бобров задержался на марсе и, помахивая японцам своей фуражкой, закричал:

- Шалишь, японец, нашею флага тебе все равно не сбить!

В машинном отделении тоже кипела напряженная работа. С мостика все время требовали увеличения числа оборотов. Старший судовой механик Жданов, красный от жары, носился по всему машинному отделению,

следя за бесперебойной работой машин.

От взрыва снаряда сдвинулся с места один из подшипников правой бортовой машины. Для исправления его надо было остановить машину, что снизило бы ход корабля. Жданов заколебался.

- Дозвольте, вашбродие, я на ходу его исправлю, - обратился к нему жилистый и верткий машинный квартирмейстер Егор Кривозубов и, не дожидаясь ответа, стал закреплять на месте разболтавшийся подшипник. Все с тревогой следили за движениями своего храброго товарища, и, когда он наконец выбрался обратно, Жданов с чувством проговорил:

- Молодчина! Твой поступок стоит подвигов комендоров наверху!

Скоро японские крейсера отстали и потерялись во мгле. Бой прекратился.

Чтобы избежать факелов из дымовых труб, далеко видных в наступающей темноте, ход на "Новике" уменьшили до семнадцати узлов. Пробили отбой, команда получила приказ посменно, не отходя от орудий, ужинать.

Шульц воспрянул духом и, вновь закрутив вверх свои рыжие жиденькие усы, заявил:

- Я всегда был уверен, что "Новик" сумеет уйти от японцев.

Наступила туманная ночь. В море никого не было видно. Командир решил воспользоваться этим и остановить машину для ремонта. Сигналом запросили у адмирала разрешения на это, но ответа не получили. "Аскольд" - быстро исчез с горизонта, и "Новик", оставшись один, тихо покачивался на морской зыби.

В машине начался аврал. В пылу боя не заметили, что одним из осколков пробита цистерна пресной воды для питания котлов. Когда же это обнаружили, то пресной воды почти не осталось.

- Питать котлы забортной водой, - распорядился Жданов.

- Этак до Владивостока мы совсем засорим котлы, - возразил младший механик Фрейлихман.

- Какой там Владивосток при такой плохой тяге! Расход угля в два раза больше нормы, а мы и так недоприняли свыше ста тонн. Надо идти в

нейтральный порт и там грузить уголь, - ответил Жданов.

От питания забортной водой соленость в котлах сильно увеличилась, накипь быстро нарастала, парообразование стало падать. К тому же снизилось разряжение в холодильниках, и начали греться воздушные насосы. Пришлось вскрыть холодильники, в которых оказалось много морской травы, засосанной вместе с забортной водой. Кроме того, обнаружилась течь в некоторых трубках.

Матросы работали с ожесточением, хорошо понимая, что главнейшее преимущество крейсера - быстрота его хода.

Около полуночи машины были наконец исправлены, и крейсер двинулся дальше.

Ночь прошла спокойно, а у; ром заметили на горизонте "Диану". Вскоре к "Новику" подошел миноносец "Грозовой" и справился о дальнейших намерениях Шульца.

- Иду в Циндао. Там приму уголь и направлюсь во Владивосток. Рекомендую то же делать и Ливену, - ответил командир "Новика"

К вечеру двадцать девятого июля "Новик" пришел в Циндао и, отдав салют нации в двадцать один выстрел, вошел в порт, где уже стоял миноносец "Бесшумный". Шульц тотчас же уехал к губернатору с просьбой разрешить погрузку угля.

За командира остался Порембский. Он сразу приступил к ремонту машин и котлов, запретив даже офицерам съезжать на берег.

Было около девяти часов вечера, когда Шульц вернулся на крейсер с разрешением губернатора.

Как только началась погрузка, Шульц под предлогом необходимости побывать на только что пришедшем в порт "Цесаревиче" поспешил опять уехать в город

- С "Цесаревича" я отправлюсь в отель "Кайзерхоф", что на Нанкин-стрит.

Прошу мне сообщить, когда погрузка будет близиться к концу.

- Что вы, собственно, забыли в "Кайзерхофе"? - напрямик спросил Порембский.

- Я хочу там повидаться с моряками и выяснить международную обстановку.

От этого будет зависеть выбор нашего пути во Владивосток, - пояснил Шульц и исчез.

- Золотце, а не командир! - пробурчал ему вслед Кащенко. - Только и норовит, как бы с крейсера удрать! Николай бы Оттович небось не погнушался в такую минуту даже мешки с углем таскать.

- Да, одно слово, фон-барон! - отозвался Нюрин.

На "Цесаревиче" Шульц не застал ни Матусевича, ни Иванова, которых уже свезли в береговой госпиталь. Советоваться же с Шумовым о своих планах он счел ниже своего достоинства и поспешил в отель.

Было далеко за полночь, когда прибывший с "Новика" матрос доложил, что принято уже свыше двухсот тонн угля и погрузка скоро будет закончена.

Уборку крейсера решили произвести днем в пути, и о глухой предрассветный час "Новик" покинул Циндао. Огни порта быстро уходили назад, с моря шла крупная волна, бросая крейсер из стороны в сторону. На востоке одна за другой меркли звезды.

Шульц уселся в кресло на мостике и задумчиво пощипывал свою рыжую бородку. Надо было окончательно решить, каким же путем идти во Владивосток: напрямик через Корейский пролив или же вокруг Японии. Лично он предпочитал последний путь. Правда, путь вокруг островов был вдвое длиннее, чем через Цусимский пролив, не могло не хватить угля на всю дорогу, зато легко было затеряться в океанских просторах и незаметно подойти к северным проливам.

Через Корейский же пролив можно было надеяться проскочить только ночью, да и то не наверное.

- Я намерен идти вокруг Японии, - объявил он Порембскому.

- Следовательно, мы пробудем в пути около недели. Трудно предположить, чтобы японцы не узнали о нашем местонахождении и не выслали своих легких крейсеров к северным проливам.

"Новик" целый день шел курсом на юго-восток, избегая каждого дымка,

замеченного на горизонте.

День прошел в хозяйственных работах. Матросы мыли и чистили крейсер, исправляли причиненные в бою накануне мелкие повреждения, заделывали пробоины, латали трубы. Машины то и дело приходилось останавливать для ремонта. Вместе с тем крейсер ежеминутно был готов к бою. Орудия были заряжены, комендоры повахтенно дежурили около них.

Шульц не принимал никакого участия в этих работах и целый день находился на мостике, оглядывая в бинокль пустынный горизонт. С офицерами он почти не разговаривал, ограничиваясь лишь сдержанными замечаниями.

Когда основные работы были окончены, команде разрешили отдыхать. Стояла прекрасная погода. Субтропическая жара смягчалась влажным морским ветром.

Откуда-то издалека шла довольно крутая зыбь. Волны мерно покачивали "Новик".

- Эх, благодать-то какая! Солнышко греет, ветерок гуляет, морю-океану конца-краю не видать! - восторгались матросы.

Офицеры тоже отдыхали у себя в каютах. Доктор с долговязым мичманом Кноррингом сражался в шахматы, сидя под тентом около ютового орудия. Мичман Швейковский в кают-компании наигрывал кек-уок и напевал какие-то шансонетки.

Порембский завалился спать в своей каюте под открытым иллюминатором, через который струился чистый морской воздух. К ночи отошли еще дальше к востоку и окончательно затерялись в океане.

Жизнь на корабле вошла в нормальную колею. С рассветом раздавались на верхней палубе минорные звуки утренней побудки. Матросы, спавшие не раздеваясь, бежали к умывальнику, чтобы облиться морской водой, но она была теплая и мало освежала. Затем матросы убирали палубу и другие помещения.

Порембский вместе с Кащенко обходил крейсер. Остальные же офицеры, спавшие от жары на палубе, сходили в свои каюты продолжать

прерванный сон до подъема флага. На мостике, кроме вахтенного начальника, рулевого и сигнальщиков, никого не было. Лениво оглядывая в бинокль бесконечные пустынные водные просторы, мичман Швейковский отдавал изредка мелкие распоряжения.

- Нам бы, вашбродь, так до самого Владивостока идти, - улыбаясь, говорил сигнальщик Грубко, - тишь да гладь да божья благодать!

В полдень брали высоту солнца и определяли свое положение. Море по-прежнему было пустынно. Только изредка на горизонте появлялись дымки и вскоре исчезали, не приближаясь к русскому крейсеру.

Спокойствие нарушали лишь тревожные вести из машинного отделения. То в одном, то в другом котле лопались трубки. Приходилось перекрывать пар, уменьшая ход до десяти узлов. В машинах появился стук, холодильники тоже были неисправны. Машинная команда сбилась с ног, круглые сутки исправляя различные неполадки.

В связи с этим обнаружился огромный перерасход угля. Жданов пошел к Порембскому. Выслушав его, старший офицер сам спустился в машину.

- Ребята, - обратился он к матросам. - Надо сообща придумывать, как нам выйти из беды. Главное преимущество "Новика" перед японскими крейсерами - это большой ход. Если же мы его потеряем, то неизбежно станем легкой добычей для японцев.

- Нам, вашбродь, хоть бы на несколько часов застопорить машины. Мы успели бы перебрать холодильники, подтянуть сальники, - попросил машинный квартирмейстер Кривозубов.

- Растолкуйте Шульцу, в каком мы находимся положении. Дайте нам ночь простоять на месте, и мы справимся со всеми неполадками, - горячо проговорил Фрейлихман.

- Не согласится он на это, - задумчиво ответил Порембский.

Все же он решил переговорить с командиром. Но Шульц и слушать не захотел об остановке машин.

- У нас имеется три машины. Будем идти на двух, а третью ремонтировать, - ответил Шульц.

Когда начало темнеть, был отдан приказ:

- Команде плясать и петь песни!

Вахтенный мичман Кнорринг молодым баском передал распоряжение командира.

- Пошли все наверх! Плясать и петь песни! - заорал Кащенко.

Но матросы двигались вяло и не торопились исполнять это распоряжение. Присяжный гармонист гальванер Савельев, присев на лафет носового орудия, вместо плясовой заиграл грустную "Поехал казак на чужбину далеко, ему не вернуться в отеческий дом".

Минорный тон пришелся по душе матросам, и они тихонько подхватили песню.

- Что вы завыли, как собаки на луну?! - сердито крикнул Шульц с мостика.

- Жарь плясовую! - приказал он гармонисту.

Савельев заиграл русскую.

- Выходи в круг плясать! - скомандовал Шульц.

Но матросы жались и прятались друг за друга.

- Мичман Швейковский, прошу вас показать этим пентюхам, как пляшут русскую, - обратился командир к стоящему среди матросов мичману.

- Это в мои служебные обязанности не входит, - звонко, на весь корабль, отозвался офицер.

Шульц покраснел от бешенства и выкрикнул:

- Красненькую тому, кто первый запляшет!

Никто из матросов не польстился на деньги и не хотел выходить в круг.

- Наши матросы пока еще не циркачи, чтобы кувыряться за деньги на потеху другим, - пробурчал себе под нос стоявший на вахте Кнорринг.

- Боцман, пляши! - приказал тогда Шульц.

- Есть плясать, - вытянулся Кащенко и, войдя в круг, прошелся вприсядку при гробовом молчании всей команды.

- Еще! - крикнул Шульц, когда Кащенко остановился.

Сурово сжав губы, с угрюмым выражением лица боцман продолжал плясать.

- Пляши, враже, як пан каже! - выкрикнул кто-то из толпы.

Матросы возмущенно загудели. Казалось, еще минута - и вспыхнет бунт. Почувствовав это, Порембский взбежал на мостик и злобно прошептал на ухо Шульцу:

- Прекратите сейчас же это издевательство над людьми, иначе они вас выбросят за борт!

Шульц метнул яростный взгляд на старшего офицера и громко крикнул все еще пляшущему Кащенко:

- Отставить!

- Есть отставить! - вытянулся боцман и, обтирая потный лоб красным платком, скрылся в толпе.

Нервно подергав себя за бородку, преисполненный гнева, Шульц быстро сошел с мостика и заперся в своей каюте. Матросы сразу же ожили и наперебой заговорили

- Камаринского! - крикнул Швейковский гармонисту. - Бобров, выходи! Покажем, как умеют плясать на "Попике"!

Через минуту вся палуба ходила ходуном под десятками пляшущих ног.

Раненые не уступали здоровым. Бобров, прижав к груди забинтованную руку, с особой страстью откалывал чечетку под аккомпанемент гармоники и лихой посвист матросов.

После пляски запели. Широкая русская песня понеслась над необъятными просторами океана.

Под вечер следующего дня на горизонте показался дымок, который начал быстро приближаться. Заподозрив в нем японский военный корабль, на "Новинке" пробили боевую тревогу и приготовились к бою.

Через четверть часа корабль был остановлен. Он оказался торговым португальским судном "Цельтис", шедшим на запад.

Пароход осмотрели, но не нашли ничего подозрительного и отпустили с миром.

- Теперь нам надо торопиться во Владивосток, чтобы успеть проскочить через проливы, пока японцы не выслали навстречу свои суда, - обратился к командиру Порембский. - Они и так давно нас поджидают и в Лаперузовом и в Сангарском проливах, а может, кроме того, стерегут и

севернее Сахалина.

- Спорить, конечно, трудно, но возможно, что погоню за нами пошлют лишь тогда, когда точно узнают наш маршрут.

В течение целой недели до шестого августа "Новик" двигался совершенно беспрепятственно, никого не встречая на пути.

Постепенно становилось холоднее, с севера набегали туманы, чувствовалось приближение холодного Охотского моря. Давно миновали широту Владивостока и подходили к Сахалину. Зародилась надежда, что под покровом тумана, может быть, и удастся проскочить незамеченными мимо японцев через проливы. Смущало только плохое состояние котлов. Из двенадцати пришлось выключить семь, холодильники тоже все время работали неисправно. Сократить расход угля не удавалось. Возникло опасение, что его не хватит до Владивостока.

- Зайдем на Корсаковский пост, что на южной оконечности Сахалина, догрузимся углем, произведем ремонт машин и ночью попытаемся прорваться через Лаперузов пролив, - сообщил Шульц свое решение Порембскому.

- Я лично не заходил бы в Корсаковку, а, пользуясь туманом, рискнул бы идти прямо в Японское море, - возразил Порембский. Но Шульц не согласился с ним.

Перед рассветом седьмого августа в десяти - двенадцати кабельтовых к северу открылся один из группы Курильских островов - Кунашири, на котором был маяк и телеграф. Японцы тотчас же заметили русский крейсер.

Стоявший на вахте Штер предложил Шульцу разбить маяк орудийным огнем, чтобы нарушить телеграфную связь с Японией.

- Нельзя! Выстрелами мы привлечем к себе внимание неприятельских судов, которые, быть может, находятся поблизости, - не согласился командир.

В результате не успел "Новик" еще скрыться из виду острова, как в Токио полетела телеграмма, извещавшая о его появлении около Южного Сахалина.

В шесть часов утра того же дня "Новик" бросил якорь у Корсаковского поста и послал баркас на берег за пресной водой и углем. Здесь никто не ожидал появления крейсера, и поэтому ничего для него не было приготовлено. В Корсаковке для погрузки угля на баржи не оказалось никаких приспособлений.

Пришлось для ускорения погрузки собрать все местное население и воинскую команду. За отсутствием мешков и даже корзин уголь с берега подносили в простых ведрах, но и тех было мало.

Начальник поста отставной полковник Гиблый суетился, кричал на всех и только мешал погрузке.

Жданов воспользовался стоянкой, чтобы подремонтировать котлы и машины.

Стоял пасмурный, прохладный день. С берега тянуло смолистым запахом сосен и скошенного сена. На отлете высилось единственное в поселке двухэтажное каменное здание, обнесенное высокой стеной, с башнями на углах - местная каторжная тюрьма - да на пригорке виднелась деревянная церковь.

За облаками угольной пыли, окутавшими "Новик", трудно было разглядеть, что делается в море. Но около двух часов дня радист доложил, что в эфире слышны переговоры нескольких судов. Несомненно, это приближались японцы, хотя их еще не было видно. Шульц переполошился.

- Немедленно прекратить погрузку! Поднять пары во всех исправных котлах!

- командовал он.

- Что вы, Максимилиан Федорович, намереваетесь делать? - спросил подошедший Порембский.

- Попробую прорваться через пролив.

- Стоит ясная погода, незамеченными мы не пройдем; у японцев, по крайней мере, - два судна. Наши машины не в порядке. Едва ли ваше намерение увенчается успехом.

- Что же, по-вашему, надо делать?

- Сейчас уйти на восток и к ночи потеряться в океане, а затем попробовать проскользнуть Сангарским проливом. Если там не удастся, вернемся сюда или в крайнем случае пойдем дальше на север, в Николаевск-наАмуре.

- По-моему, проще всего атаковать врага и уничтожить, как Нахимов под Синопом, - говорил Шульц.

Как только на горизонте показался дымок, крейсер снялся с якоря и, развивая предельный ход, двинулся навстречу противнику. Пробили боевую тревогу и приготовились к бою. Порембский в бинокль разглядывал неприятельский корабль.

- Легкий крейсер, три трубы и две мачты. Быть может, это наш "Богатырь" из Владивостока? - недоумевал лейтенант.

- Никак нет, вашбродь, - доложил старший сигнальщик, - это японский корабль, на "Ниитаку" похож.

- Нам он не страшен, через полчаса он будет под водой, - с апломбом заявил Шульц.

- У него все же шестидюймовые орудия против наших двадцатимиллиметровых, да и ход двадцать узлов, какого мы сейчас долго дать не сможем. Было бы осмотрительнее не ввязываться в бой, пока он сам на нас не нападет.

Но Шульц ничего не хотел слушать. Как только расстояние до противника уменьшилось до сорока кабельтовых, Шульц приказал открыть огонь. Матросы, не раз видевшие под Артуром крейсера такого типа, отнеслись к противнику с некоторым пренебрежением. Но это был не потрепанный в боях "Ниптака", а однотипный с ним, совершенно новенький, только что спущенный крейсер "Цусима". Его артиллерия была в полной исправности, орудия не расстреляны, и первые же снаряды стали ложиться очень близко от "Новика".

- Ишь японец всурьез серчает, - зубоскалил Нюрин, комендор ютового орудия, старательно наводя свою пушку на врага.

Не успел он выстрелить, как снарядом противника снесло кормовой мостик, сбilo машинные вентиляторы, а один из осколков впился в

левый бок комендора.

- Да что же это, братцы! - испуганно вскрикнул он и медленно повалился на палубу.

Стоявший неподалеку Штер был ранен в плечо.

- Не везет, черт возьми! - говорил он, морщась от боли. - Перевяжите-ка меня кто-нибудь.

Двое матросов тут же наскоро забинтовали рану, и Штер остался в строю. Сражение становилось все упорнее. Обе стороны развили сильный артиллерийский огонь. Число попаданий с обеих сторон было почти одинаково.

Но более крупные японские снаряды, к тому же начиненные сильнейшим взрывчатым веществом, производили очень значительные разрушения.

Вдруг "Новик" весь вздрогнул. Огромный столб черного дыма взвился на шканцах. Осколки снаряда полетели на мостик, разбив штурманскую и повредив командирскую рубку. Двое сигнальщиков и рулевой, обливаясь кровью, покатались на палубу.

Штуртросы оказались перебитыми, и управление перенесли в румпельное отделение, где рулевой привод еще действовал. Между тем японцы хорошо пристрелялись и несколькими попаданиями подряд нанесли "Новику" три подводные пробоины, сквозь которые хлынула вода. Ютовое орудие, выбитое снарядом из цапф, взлетело на воздух и придавило трех человек из пожарного дивизиона.

В дыму разрывов матросы метались по палубе, наскоро исправляя повреждения. Стрельба не прекращалась ни на минуту. То и дело вспыхивали выстрелы, гремели о палубу стреляные гильзы орудийных патронов. Лязгали открываемые и закрываемые орудийные замки, нории с шумом подавали на палубу новые патроны.

Наконец "Новику" удалось повернуть к берегу и разойтись на контргалсах с японским крейсером, который имел тоже весьма плачевный вид. Передняя мачта была снесена до половины, все три трубы исковерканы, замечен был сильный крен и рысканье на курсе, что говорило о потере способности управления крейсера.

"Новик" продолжал стрелять даже тогда, когда японцы прекратили огонь. Офицеры силой оттаскивали комендоров от пушек.

- Вашбродь, дозвоьте еще один разок по японцу садануть, - упрашивали комендоры. - В самого ихнего командира попадем.

- Вали, только это будет последний выстрел, - уступил Штер. И выстрелы загремели один за другим.

Японский корабль был хорошо виден на светлом вечернем небе. Четко вырисовывались две его мачты с тремя дымящими трубами между ними. Вдруг против средней трубы взвилось зеленоватое пламя и поднялось негустое облако дыма. В следующий момент, когда дым разошелся, средней трубы не оказалось на месте, а вместо нее чуть возвышались бесформенные обломки.

- Ура! - пронеслось по крейсеру, и смолкнувшая было артиллерийская стрельба разгорелась вновь.

Японцы поспешили повернуться кормой к "Новику" и стали медленно удаляться.

- Полный вперед! - скомандовал при виде этого Шульц, но машины как раз в этот момент отказали, пар сел в котлах, холодильники начали перегреваться.

Шульц с сожалением взглянул на уходящий японский крейсер и повернул к Корсаковскому посту. Порембский быстро осмотрел повреждения: три подводных пробоины в корме, затоплены рулевое и сухарное отделения и кормовой патронный погреб. Вследствие этого корма села на три с лишним фута. Через пробоину у ватерлинии вода проникла в каюту старшего офицера и затем по коридору стала заливать кают-компанию и другие офицерские каюты. Половина котлов бездействовала.

Выслушав доклад Порембского, Шульц отчеканил:

- Ввиду тяжелых повреждений, полученных нами, я решил взорвать крейсер.

- Что?! - изумился лейтенант. - Впереди у нас целая ночь. За это время мы справимся с главнейшими повреждениями.

- Свозить команду на берег и приготовить всех к взрыву! - скомандовал

Шульц.

Никто не двинулся с места.

- Братцы, да что же это такое? - выкрикнул Кащенко. - "Новик" хотят затопить, как негодный брандер!

- Попытаемся сперва справиться с течью и привести машины в порядок, а там уже видно будет, что делать, - примирительно заметил Порембский.

- На горизонте видны огни прожекторов, - доложил сигнальщик.

Все обернулись в указанном направлении. Три бледных полосы света скользнули у горизонта и исчезли, а затем появились опять. Японцы, видимо, разыскивали русский крейсер в наступившей темноте.

- По радио слышны переговоры нескольких судов, - доложил радист. - Их, по крайней мере, два, если не больше.

- Спустить шлюпки на воду! - скомандовал Шульц.

- Ваше высокоблагородие, - вышел из толпы матросов Кащенко, - я с самого спуска "Новика" на воду служу на нем. Дозвольте мне и умереть здесь. Не хочу я уходить с него.

- Ведите нас в бой. Лучше умереть, чем топить наш "Новик". Долой командира! - раздались крики. - Небось Николай Оттович никогда бы этого и не подумал!

На мостике произошло замешательство.

- Вода продолжает прибывать, несмотря на работу всех помп, - доложил Тихонов. - Залита вся броневая палуба и принято не менее трехсот тонн воды.

Порембский приказал спускать уцелевшие шлюпки на воду; с берега потребовали баржи, начали свозить людей и самые необходимые вещи. "Новик" медленно погружался. Прожекторы больше не показывались на горизонте. Вскоре с севера налетел густой, холодный туман.

- Эх, будь он сегодня днем! Мы проскочили бы под носом у врага! - сетовал Порембский.

К утру "Новик" погрузился на дно, накренившись на правый борт. На поверхности остались трубы, мачты, шлюпбалки и значительная часть верхней палубы.

Из сопровождавших эскадру восьми миноносцев три вернулись в Артур, остальные прорвались и ушли в нейтральные порты, где и были разоружены.

Таким образом, из восемнадцати кораблей, вышедших двадцать восьмого июля, прорвались лишь девять - один броненосец, три крейсера и пять миноносцев, остальные вернулись в Артур.

Глава вторая

Куинсан долю стучала в дверь спальни, пока Звонарев проснулся и подал голос. Он распахнул окно. Комната наполнилась ярким светом и свежим после ночного дождя воздухом. На мокрой мостовой еще блестели невысохшие лужки, из которых суетливые воробьи пили воду. На рейде после ухода эскадры было почти пусто. Издалека доносились глухие звуки орудийных выстрелов.

Звонарей кликнул служанку, которая уже приготовила таз с водой для умывания. Прапорщик, отфыркиваясь, торопливо умывался. Куинсан, хитренько улыбаясь раскосыми глазками, быстро болтала на русско-китайском диалекте.

- Моя ходи море, смотри, Рива жди. Нет Рива, нет Андруша. Моя плакай хоти. Сережа, Варя гуляй. Куинсан скучай.

- Ты это откуда узнала о Варе? - вскинулся Звонарев.

- Моя все о Сереже знай. Моя смотри, слушай и понимай. Сережа Варя люби, Рива нет.

- Ничего ты не понимаешь, милое дитя природы! Подавай-ка лучше завтрак.

Куинсан скрылась. Одевшись, Звонарев вышел в столовую. Пока он завтракал, служанка все время вертелась около него, то и дело игриво посмеиваясь и строя ему глазки.

"Она и впрямь недурна", - пригляделся Звонарев к желто-розовой грациозной девушке и тут только заметил сложную прическу на ее голове, с массой черепаховых гребней различной формы, новенькое шелковое кимоно и лакированные туфли на крошечных ножках.

- Не ожидаешь ли ты, Куинсан, сегодня жениха, что так принарядилась? - улыбнулся прапорщик.

- Моя жених нет. Моя Сережа любил. - И, прыснув от смеха, Куинсан, закрыв лицо руками, побежала из комнаты. Звонарев весело захохотал. Собираясь уходить, Звонарев взял свой туго набитый планами портфель, оставленный им с вечера на диване в гостиной. Он был не совсем плотно закрыт. Это удивило прапорщика, и он проверил, все ли в нем на месте. Убедившись, что ничего не пропало, он сунул портфель под мышку и вышел.

Куинсан провожала его до двери.

В штабе Кондратенко Звонарев узнал о возвращении части эскадры в Артур и поспешил за новостями в Артиллерийский городок. Около квартиры Белого он увидел генерала, уже садившегося на коня.

- Наша эскадра потерпела вчера поражение и утром вернулась обратно. Едемте на Золотую гору, там узнаем от моряков все подробности, - предложил Белый.

У сигнальной мачты морского ведомства они застали группу офицеров, во главе с командиром порта Артура адмиралом Григоровичем, и командира находившегося в доке крейсера "Баян" Вирена.

- Витгефт и Матусевич убиты, "Цесаревич" остался на месте боя, и его судьба неизвестна. "Аскольд", "Диана" и "Новик" не то прорвались и ушли во Владивосток, не то погибли, - вместо приветствия сообщил Григорович Белому.

- А остальные почему вернулись?

- Вследствие сильных повреждений. "Ретвизан" опять получил пробоину, "Полтава" села на корму, "Пересвет" весь избит, на "Севастополе" отказали машины, а "Победа" и "Паллада" не рискнули одни идти на Владивосток.

- Все это, конечно, очень печально, - покрутил Белый свой пышный ус, - но меня несколько утешает то, что пять броненосцев и один крейсер смогут оказать большую помощь обороне крепости своими крупными орудиями. Да и экипажи судов будут немалой поддержкой для пехоты.

Большие потери на кораблях?

- Из командиров судов тяжело ранен Бойсман и легко Шенснович. Пять офицеров убиты и около сорока ранены. Около полутора ста убитых и раненых матросов. Подробности узнаем позже.

- Андрюша-то жив? - спросил Звонарев у стоящего рядом Сойманова.

- Сейчас справимся на "Севастополе". Вон он подходит вместе с "Палладой" и "Монголией", - ответил лейтенант. - Справься, какие потери на "Севастополе" среди офицеров, - обернулся он к одному из сигнальщиков.

- Есть! - И матрос замахал флагами.

Звонарев перенес бинокль на идущую за боевыми кораблями "Монголию". На палубе толпились пассажиры, среди них было много женщин и детей, глядевших на давно надоевшие артурские виды. Кое-кто утирал платком глаза. Возвращение в осажденный и беспрестанно обстреливаемый город мало кого радовало. Изредка мелькало сестринское платье. Ривы не было видно.

- На "Севастополе" все благополучно. Убитых нет, ранено три матроса, и то легко, - доложил сигнальщик.

"Значит, Акинфиев цел, надо будет ему на днях нанести визит", - подумал Звонарев.

Вскоре он простился с Белым и направился на Электрический Утес.

Обогнув Золотую юру, прапорщик еще издали разглядел, что около орудий батарей возились солдаты в белых летних рубахах. Тут же были видны домкраты для подъема орудий, пучки канатов и блоки полиспастов. На склонах Золотой горы солдаты пололи огороды. На берегу моря несколько артиллеристов тащили сети. Далеко на горизонте маячили небольшие японские суда. Несмотря на ранний утренний час, солнце пекло немилосердно.

Звонарев, вытирая платком мокрый лоб, не спеша добрался до Утеса, сдал около конюшни лошадь и пошел к орудиям. Среди солдат он тотчас заметил богатырскую фигуру Борейко.

- А, Сережа! Каким ветром занесло тебя к нам? - приветствовал его

поручик. - Прощтрафился, что ли, что тебя изгнали из высшего общества, или надоело быть генеральским прихвостнем?

- Никогда им не был, а в данный момент офицеры нужнее в строю, чем в штабах.

- Ладно! Мы тебе сейчас же найдем дело. Поможешь мне так переоборудовать батарею, чтобы орудия имели круговой обстрел.

- Жуковский где?

- Верно, в канцелярии. Он все с желудком мается. Из-за этого и ушел с батареи литера Б. Белый решил всю нашу роту вернуть на Утес для скорейшей переделки батарей. Пошевеливайся, черти! - крикнул Борейко работавшим, рубахи которых и без того промокли от пота.

Звонарев пошел в канцелярию, на ходу здороваясь со встречными солдатами.

- Вы, вашбродь, насовсем до нас или только в гости? - спросил прапорщика Блохин.

Солдат сильно загорел и поправился. Звонарев даже не сразу узнал его.

- Да, совсем. Будем теперь вместе воевать. Ты чем сейчас занимаешься?

- Бомбардир-лабораторист. Приставлен перезаряжать снаряды. Заменяем в них порох пироксилином и мелинитом.

- В гору, значит, пошел; бомбардира получил? Пить-то бросил?

- По малости бывает, - смущенно ответил солдат.

- Весьма рад вас видеть, Сергей Владимирович, - поднялся навстречу прапорщику Жуковский. - Надолго ли к нам заглянули?

- Я откомандирован обратно в строй.

- Прекрасно! Коль скоро вы опять наш, я вам и поручу заниматься переоборудованием батареи. Это по вашей инженерной части. А то все неможется мне. - И он провел рукой по своему исхудавшему, плохо бритому лицу. - Что новенького и хорошенького принесли нам?

- Новость только одна: эскадра вернулась сильно потрепанная. Витгефт убит. Подробности я не знаю.

- Это мы сами видели. Не везет нашим морякам. Погибли Макаров, Витгефт, остался ничтожный Ухтомский. С продовольствием все хуже.

Едва началась тесная блокада, а уже вводятся два постных дня в неделю.

- Нашей-то роте голод не грозит.

- Коли у других ничего не будет, все равно придется делиться своими запасами и самим голодать.

- Пусть Стессель и Белый отдадут своих коров и свиней.

- Для гарнизона это капля в море. Кроме того, Белый передал своих коров и свиней тому госпиталю, где работают его дочери.

Когда офицеры собрались, Жуковский объявил им о назначении прапорщика.

- Без вас я заведовал электрической станцией, там вечные неполадки, а я в этом деле не очень разбираюсь и прошу помочь мне, - обратился Гудима к Звонареву.

- С удовольствием, даже приму от вас совсем, - ответил прапорщик.

Жуковский согласился с этим предложением.

На дворе раздался сигнал к обеду. Солдаты, оставив работу, пошли к умывальникам, а затем собрались под навесом, служившим столовой.

Жуковский с офицерами пришел в столовую и, попробовав пищу, приказал петь молитву.

- Садись! - скомандовал капитан, когда пение было окончено.

- Проголодались люди, - подошел к Жуковскому Борейко. - С пяти часов ничего не ели, а утром вся еда - кипяток да хлеб. У нас есть почти сто пудов сэкономленной гречневой крупы. Если на завтрак давать хотя бы по десять золотников на человека, то ее нам хватит на полгода. За это время Артур будет или освобожден, или взят.

- Предложение дельное. Я поговорю с генералом.

- Упаси вас бог! Мигом прикажет сдать все излишки, - замахал руками поручик.

- Ну да бог с ним, - после минутного раздумья решился командир. - Семь бед - один ответ. Валяйте!

- Заяц, сюда! - рывкнул на всю столовую Борейко. - С завтрашнего дня будешь к утру готовить кашу-размазню да приправлять ее маслом.

- Слушаюсь. Сразу сытей солдатскому брюху будет.

- У нас, кажется, люди пока не голодают, - заметил Звонарев, вглядываясь в загорелые, упитанные лица солдат.

- Где воруют, там солдаты худые и голодные. Много, Заяц, крадешь? - вдруг обернулся Борейко к артельщику. - Тимофеич! - подозвал он взводного Родионова.

Фейерверкер степенной походкой подошел к офицеру и взял под козырек.

- Жирен что-то Заяц больно стал.

- Они летом всегда жиру набираются. Об осень русак самый толстый бывает, - шутливо ответил Тимофеич. - Кроме того, сейчас все на хороших харчах раздобрили!

- Ладно! Верю, но глаз с тебя все же не буду спускать, - предупредил Борейко и отпустил артельщика.

Офицеры отправились к себе во флигель. Звонарев несколько поотстал. Проходя мимо домика фельдфебеля, он увидел жену фельдфебеля, старуху Саввичну, стиравшую в корыте белье. Поздоровавшись с ней, прапорщик справился, как она живет.

- И, какое тут житье, коль сраму не оберешься, - печально ответила старуха и смахнула с глаз навернувшуюся слезу.

Не понимая, в чем дело, Звонарев смутился и поспешил отойти.

Обедали, как и прежде, в столовой Жуковского. На хозяйском месте прапорщик, к своему удивлению, увидел Шуру Назаренко, одетую в дорогое шелковое кимоно, с перламутровыми гребнями в волосах. При появлении Звонарева девушка густо покраснела и застенчиво протянула ему руку, украшенную браслетом.

Звонарев был удивлен и озадачен, но из деликатности не решился спросить объяснения, стараясь догадаться сам. "Но что могло толкнуть на такой шаг скромную, застенчивую Шуру?" - задавал себе вопрос прапорщик.

Обед прошел довольно натянуто, и все облегченно вздохнули, когда трапеза была окончена. Звонарев зашел к Борейко.

- Давно это случилось с Шурой? - спросил он.

- Черт их знает, когда они успели снюхаться. А переехала Шурка к нему с неделю. За такие художества я бы Гудиму привлек к офицерскому суду, - хмуро и сурово говорил поручик, шагая по комнате. - Может, твоя амазонка сумеет повлиять на Шурку.

- Хорошо. При встрече скажу. Сам-то ты не пробовал говорить с Шурой?

- Я мужчина, а это дело женское, деликатное.

После обеденного перерыва оба друга направились на батарею. Солдаты толпились у орудий, которые были уже направлены в сторону сухопутной обороны. Сделать это можно было лишь при помощи примитивных домкратов и полиспастов, так что центр тяжести всех усилий ложился на живую мускульную силу солдат. Каждый из взводов должен был переставить по одной пушке. Такая постановка дела очень заинтересовала солдат. Они усиленно обсуждали подробности предстоящих работ. Когда офицеры подошли к батарее, их встретили взводные.

- Мы, вашбродь, решили между собой пойти на спор - кто свою пушку раньше на новое место поставит, - проговорил Родионов.

- На что же вы об заклад бьетесь? - справился поручик.

- Да ни на что! Кто проиграет, тот на себе повезет победителей в казармы, - ответил Лепехин.

- Я же от себя выставляю победившему взводу ведро водки, чтобы не всухую ездить вам верхом, - заявил Борейко.

- Покорнейше благодарим! - откозыряли солдаты и поспешили к своим орудиям.

- Выпьет, значит, первый взвод! - уверенно проговорил Родионов.

- Это еще вилами на воде писано.

- Ты бери первый взвод, я возьму второй, а Гудиме дадим третий и будем состязаться. Хочешь? - предложил Борейко Звонареву.

- Пойдет ли на это Жуковский?

- Поговорим и сегодня же вечером приступим к работе. Только ты к ночи дай на батарею свет.

Узнав о предложении Борейко, Жуковский выразил желание сам принять

участие и руководить третьим взводом.

Известие, что и офицеры будут участвовать в состязании, взбудоражило всех солдат.

- Изменил нам чертов Медведь, - возмущался первый взвод. - К начетчикам перебежал, а нам прапора подсунул.

- Держитесь теперь! Мы с Медведем покажем вам кузькину мать! - радовался Лепехин.

Третий взвод был польщен, что с ними сам командир роты, но особой уверенности в успехе у солдат все же не было.

- Медведь один пушку поднимает, а у нас командир совсем хворый. Больше в креслах сидит да в книжке читает.

Звонарев собрал к себе солдат, чтобы вместе обсудить план работы. Как всегда, он не столько распоряжался, сколько советовался с ними. Родионов, Кошелев и числящийся в первом взводе матрос-сигнальщик Денисенко помогли распределить работу между людьми. Прапорщик объяснял, как лучше использовать механизмы.

Вскоре работа закипела.

Борейко, ругаясь и смеясь над неповоротливостью своих бородачей, орудовал рядом. Жуковский, по обыкновению, неторопливо, спокойно руководил работами третьего взвода. Люди деловито возились у орудия. Лебедкин с прожекторной командой спешно налаживал освещение на ночь.

Блохин не принимал участия в работах при орудиях, но сильно интересовался ходом состязания, особенно в своем первом взводе.

- Ты за какой взвод держишь, Блоха? - окликнул его Борейко.

- За тот, что выиграет, вашбродь! - бойко ответил солдат. - Тогда наверняка в рот водка попадет!

- Хитрый ты, я вижу! Даже от своего взвода отрекаешься.

- Какая же в нем сила, коль вас в нем нет?

- Если так, держи за второй, где я.

- У этих бородачей вся сила в бороды ушла. Без первого взводу вы, вашбродь, тоже не выдержите.

Борейко весело улыбнулся.

С наступлением темноты был объявлен перерыв на час.

Вечером Жуковский доложил в Управление артиллерии о ходе работ. В ответ было получено распоряжение к концу следующего дня закончить переоборудование батареи.

Ночь выдалась безлунная, звездная. Далеко на севере часто сверкали зарницы. На море было тихо, и белые щупальца прожекторов лениво передвигались по спокойной поверхности воды. Со стороны сухопутного фронта слышались отдельные артиллерийские выстрелы, ружейная и пулеметная трескотня.

Как только было налажено освещение, работы продолжались с прежней энергией. В первом взводе все шло гладко. Во втором взводе было шумнее всего. Не закрывая рта, кричал Борейко, оглушая солдат забористой, но не злобной бранью. В ответ солдаты прыскали со смеху или, боязливо крестясь, поминали "царя Давида и всю кротость его". Но взвод все же отставал в работе от других. В третьем взводе солдаты без суеты двигались около орудий, выполняя точные и ясные распоряжения Жуковского.

До полуночи время пролетело незаметно. Ровно в двенадцать часов Жуковский приказал кончать работы. Люди нехотя пошли в казарму. Первый и второй взводы шли вместе, третий несколько отстал. Солдаты Борейко и Звонарева, заметив это, осыпали насмешками незадачливый взвод Жиганова.

- Цыплят по осени считают, - загадочно ответил за всех сам Жуковский.

- Мы, вашескородие, не цыплят, а водку считаем, которая нам в глотку попадет! - отозвался Блохин.

Вскоре вся рота уже спала крепким сном, только часовые мерно прохаживались по батарее.

На следующее утро Звонарев проспал. Было около шести часов, когда он открыл глаза, работы шли полным ходом.

- Ты почему меня не разбудил? - набросился он на денщика.

- Поручик не приказали, - хитро улыбаясь, ответил солдат.

Прапорщик поспешил на батарею. Подоспел он как раз вовремя. Борейко отбирал у первого взвода подъемные тали. Окружив поручика, солдаты шумели.

- Ваш прапорщик еще спит, а без офицера пушки по закону поднимать не разрешается.

- Тащи тали на место! - распорядился прапорщик, узнав, в чем дело.

Пока первый и второй взводы возились около своих орудий, Жуковский начал поднимать пушку вместе с лафетом на раму.

- Вашбродь, третий взвод через час-другой окончит работу, - встревоженно сообщил Звонареву наводчик Кошелев.

Прапорщик пошел взглянуть на работу соседей. Пушка уже была поднята, оставалось лишь опустить ее на раму и соединить с ней лафет. Было видно, что Жуковский использовал свой большой служебный опыт и обогнал два других взвода.

- Итак, Николай Васильевич, мы с Борейко проиграли пари, - сказал Звонарев, подходя к капитану.

- Я держусь того же мнения. Уже через час я смогу открыть огонь из своего орудия, - ответил Жуковский.

- Это не по правилам, - запротестовал Борейко. - По закону воспрещается поднимать орудия вместе с лафетами.

- Что это вы, Борис Дмитриевич, вдруг законником стали? На войне нельзя быть таким формалистом, - усмехнулся капитан.

- Я-то формалист? - возмутился Борейко. - Никогда им не был и не буду. Но мог произойти несчастный случай и кого-нибудь придавило бы.

- На войне с опасностью, да еще проблематичной, считаться не приходится, а теперь попрошу съездить в Управление артиллерии доложить об окончании работ, организовать связь Утеса с батареей литеры Б и договориться об организации стрельбы.

- Вы бы сами съездили, Николай Васильевич.

- Не люблю разговаривать с начальством. Связь я поручаю Сергею Владимировичу, а артиллерийскую часть вам, Борис Дмитриевич.

Когда третий взвод закончил работу, солдаты бросились качать

Жуковского и хотели было отнести его на руках к квартире, но Борейко отстранил их и подставил капитану свою спину.

- Садитесь, Николай Васильевич, мигом домчу до дому.

- Что вы, бог с вами, Борис Дмитриевич! - запротестовал капитан.

- Раз мы проиграли, то должны, по условию, везти третий взвод на себе.

Жиганов, садись на Родионова, а остальные кто на кого хочет! - крикнул Борейко.

Солдаты кинулись седлать друг друга. Звонарев посадил Жуковского, и вся кавалькада, под общий смех и улюлюканье, двинулась с батареи, благо было обеденное время.

Борейко и Звонарев уехали в город. Слева развертывалось безбрежное море, где все было тихо и мирно, только на горизонте маячили японские миноносцы, стерегущие Артур, да у берега взад и вперед двигались тральщики, вылавливая мины. Зато в Старом городе все было затянуто облаками дыма и пыли, сквозь которые виднелись взблески огня - шла бомбардировка. Над всем этим стоял сплошной гул, напоминающий раскаты грома. Улицы казались вымершими, нигде не было видно ни одного человека, лишь изредка проносились вскачь рикши или извозчик с раненым, подобранным на улице. Но вот, перекрывая все звуки, рявкнули двенадцатидюймовки со стоящих на рейде броненосцев, посылая свои снаряды в далекий японский тыл.

В Управлении артиллерии офицерам пришлось подробно рассказать о работе, проведенной на батарее.

В это время адъютант доложил о приходе Бутусова. Генерал тотчас его принял.

- Разрешите доложить, ваше превосходительство, что зловредная батарея обнаружена моими разведчиками-китайцами. Вот схема расположения японских осадных батарей. Разыскиваемая нами батарея расположена за одной из сопки в районе деревни Шулинмин. Нанес ее на схему я со слов китайца. Кстати: из трех разведчиков-китайцев вернулся лишь один. Другого поймали японцы и отрубили ему голову. Третий погиб в перестрелке. Надо бы осиротевшим семьям выдать хотя временное

пособие, а после войны назначить пенсию: ведь китайцы погибли на нашей службе и сделали большое дело. Эта помощь очень поощрит их сородичей. Они с охотой будут помогать нам, работая как разведчики в японском тылу.

- Стессель никогда не пойдет на это. Он считает, что лучшей наградой китайцам за их работу является виселица, - ответил генерал.

- Необходимо сначала проверить правильность полученных сведений, а затем уже награждать китайцев, - возразил Тахателов.

- Поручаю это дело вам. Свяжитесь с моряками и попробуйте проверить, что возможно, из доставленных китайцами сведений. Если они подтвердятся, то и представим к награде, а не выйдет это, выдадим сами денежные премии из наших экономических сумм, - обернулся к Тахателову генерал.

- Слушаюсь. Немедленно займусь им, - ответил полковник.

- А как же быть с семьями погибших? - напомнил Бутусов.

- Пока придется прибегнуть к частной благотворительности. Прошу принять от меня четвертной, - протянул Бутусову деньги генерал.

Тахателов и Звонарев тоже раскошелились. Всего собрали около ста рублей, которые Бутусов и взялся передать семьям погибших.

Хотя самих батарей обнаружить не удалось, но после обстрела указанного китайцем района злобная батарея навсегда прекратила стрельбу.

После доклада Звонарев вышел на улицу. Здесь он встретил Варю, идущую к дому.

- Неужели вы сейчас из госпиталя? - спросил прапорщик.

- Да, а что?

- Но ведь город засыпается снарядами.

- Я сегодня отвозила больных моряков в морской госпиталь. Что нового на Утесе? Что поделявает Шурка Назаренко?

Звонарев вспомнил свой разговор с Борейко.

- Справляет свой медовый месяц.

- Вышла-таки за своего писаря! А сама уверяла меня, что скорее в петлю

полезет, чем пойдет за него.

- Она вышла не за писаря.

- А за кого же? Уж не за вас ли, часом? - Вы ей всегда нравились, сколько я ее ни уверяла, что из вас выйдет такой же муж, как из меня придворная фрейлина.

- Быть может, вы со временем и будете ею, героиня порт-артурской обороны.

- Кто же стал Шуркиным мужем?

- Гудима.

- Как Гудима? Я об этом ничего не слыхала. Когда была свадьба, в какой церкви, кто венчал? Расскажите все подробнее. Вы, конечно, были шафером?

- Венчались они вокруг ракитового куста, а когда - точно мне не известно;

- Не смейте говорить гадости! - сказала, краснея, Варя.

- Увы! Это печальная правда.

Варя с удивлением и испугом посмотрела на Звонарева.

- Я завтра же заеду к ней и выругаю как следует и заставлю вернуться домой.

- Но честь вы ей не вернете.

- Гудима, по-моему, поступил подло. Я это ему прямо скажу.

- Пожалуй, тогда вам будет лучше не приезжать к нам. Кроме неприятностей Шуре, ваше посещение не принесет ничего.

- Скандалить-то буду я, а не вы, поэтому вам и беспокоиться не о чем. - И Варя, тряхнув руку Звонарева, пошла домой.

Наступившие сумерки вынудили Белого отложить стрельбу до утра. Сообщив об этом по телефону Жуковскому, друзья решили использовать вечер для посещения Ривы, у которой они надеялись узнать подробности минувшего эскадренного боя.

Как только прекратилась бомбардировка, на улицы высыпали толпы народа.

Открылись магазины, на "Этажерке" появились первые гуляющие, и

вскоре бульвар заполнился публикой. Военный оркестр грянул бравурный марш, и жизнь забила ключом.

Борейко и Звонарев неторопливо шли вдоль набережной. К пристани то и дело подходили шлюпки военных судов. Раздушенные, все в белом, моряки направлялись к "Этажерке". Едва они появились там, как слышали по своему адресу свистки и громкую брань фланирующих по аллеям стрелков.

- Достукались наши моряки, что им нельзя даже показаться в городе, - бросил Борейко. - Я уверен, что, командуй броненосцами лейтенанты, наверняка хотя бы часть эскадры прорвалась во Владивосток... Не зайти ли нам по дороге в Пушкинскую школу за учительницами? - предложил вдруг он.

- Это совсем нам не по дороге. Скажи прямо, Боря, что тебе хочется повидать маленькую Олю.

- Я буду очень опечален, если с ней что-нибудь случилось.

- Собираешься жениться на ней?

- Кто же пойдет за такого пьяницу, как я... Так пойдем?

- Ладно.

Приятели свернули на Пушкинскую улицу. В двухтрех местах им пришлось сходить с тротуара, обходя поврежденные бомбардировкой здания, но школа не пострадала. Только каменная садовая изгородь в одном месте была разрушена да осколки повредили несколько деревьев. Навстречу им вышла маленькая жизнерадостная Оля Селенина.

- Никак, сам господин Топтыгин пожаловал к нам со своим другом! - приветствовала она гостей. - Пожалуйте в фанзу.

Офицеры последовали за ней. Здесь они застали Марию Петровну и Лелю Лобину.Guests пригласили присесть.

- Мы к вам мимоходом по пути к Риве. Идемте вместе, - предложил Борейко.

Девушки вопросительно посмотрели на Желтову.

- Идите, а я дома посижу! - отпустила их Мария Петровна.

Обе учительницы бросились обнимать ее и убежали одеваться.

- Вас сильно сегодня обстреляли? - спросил Звонарев.
- Мы укрылись в погребе, но все же было довольно страшно.
- Почему вам не выстроят блиндаж?
- Мы люди маленькие, о нас и не помнят. Зато неподалеку отсюда, у Стесселя, строят гигантский блиндаж для скота.

Вскоре вернулись обе учительницы в сопровождении Стаха. Он еще сильно прихрамывал и передвигался, опираясь на палочку.

- Здорово, артиллеристы! - приветствовал он гостей. - Как воюете?
- В резерве сидим на Утесе и ждем у моря погоды. А ты как живешь?
- Раны почти закрылись! Мой командир полка Савицкий так обо мне соскучился, что прислал комиссию для освидетельствования моего здоровья.

Мудрые эскулапы нашли, что я уже почти поправился.

- Подумайте, старший полковой врач заявил, что в строю Стаху не придется танцевать, а ходить можно и потихоньку, - возмущалась Лобина.
- Особенно в атаку! - усмехнулся Звонарев.

Простившись с Желтовой, все тронулись в путь. Впереди шли Енджеевский с Лелей, за ним Звонарев с Олей, а сзади тяжело выступал Борейко.

Подходя к домику Ривы, они еще издали услышали доносившееся через открытые окна пение.

- Наши аргонавты, очевидно, благополучно вернулись, - заметила Леля, - вот мы и узнаем все подробности морского боя.

Соловьем залетным юность пролетела,

Волной в непогоду радость прошумела, - несло из окна.

Время золотое было да сокрылось, Сила молодая с телом износилась, - подхватила подошедшая компания дружным хором.

Из окна выглянула Рива.

- Андрюша, к нам идут, - проговорила она, обернувшись в комнату.

Пение в комнате прекратилось, но на улице продолжалось с прежней силой:

Без любви, без счастья по миру скитаюсь,
Разойдусь с бедою, с горем повстречаюсь.

Особенно выделялись сильное сопрано Оли и мягкий, приглушенный бас Бореико.

Хозяева, вышедшие на крыльцо встречать гостей, зааплодировали.

- Живы и целы, значит, все в порядке, - проговорил поручик.

Девушки целовались, мужчины жали друг другу руки.

- Ну, рассказывай поскорей все, что с вами приключилось, - попросила Оля, когда все вошли в комнаты и уселись.

- Если бы вы знали, что я перечувствовала за все время боя! При каждом взрыве на "Севастополе" я была готова упасть в обморок от страха за Андрюшу.

Нет, больше я в бою участвовать не хочу! - закончила Рива свое повествование. - Обрадовалась Артуру, как родной Одессе!

- Но почему же, собственно, эскадра вернулась обратно? - спросил Стах.

- По различным причинам, - ответил Акинфиев. - Во всем виноват Ухтомский.

Он, вместо того чтобы с наступлением темноты собрать эскадру и попытаться еще раз идти во Владивосток, первый ринулся в Артур, а за ним и остальные.

- Но Эссен почему не попробовал прорваться с "Севастополем"? - заметил Звонарев.

- У нас стала правая машина, и мы потеряли ход. Идти дальше не могли. Как Эссен ни ругался, ничего поделать было нельзя.

- А "Ретвизан", "Полтава" и другие?

- На "Ретвизане" уже при выходе имелась пробоина в носу, а когда он бросился на японцев, то получил вторую пробоину в носовой части и принял через нее столько воды, что стал зарываться на ходу. Вполне естественно, что Шенснович заторопился в Артур. У "Полтавы" была разворочена корма и плохо действовал руль.

- В каком же состоянии был "Пересвет", что Ухтомский повернул в Артур?

- продолжал допрашивать Стах.

- Злые языки говорят, что "Пересветом" командовал Бойсман, им самим командовал Ухтомский, а князем командовал целый триумvirат женщин - его жена, Карцева и Непеннна. Есть японская пословица, что если на корабле несколько капитанов, то он наверняка не придет в порт по назначению. Так случилось и тут. "Пересвет" в бою не получил серьезных повреждений, так же как и "Победа" и "Паллада". Все они могли продолжать путь во Владивосток.

- Струсили, что ли? - спросила Оля.

- Cherchez la femme, Ольга Семеновна. На "Победе" и "Палладе", возможно, тоже были дамы. Они то и дело падали от страха в обморок. Зацаренный с Сарнавским вместо командования кораблями были заняты приведением их в чувство, - улыбнулся Акинфиев.

- Все зло всегда проистекает от женщин, - назидательно заметил Борейко. - Крепко намотай это себе на ус, Сережа, и берегись своей амазонки.

Женщины бурно запротестовали.

- Без нас вы, мужчины, никуда не годитесь, - сказала Рива. - Посмотрите на Стаха: человеком стал, как женился на Леле. Раньше ходил замурзанный и грязный; когда ел, когда не ел, а теперь все у него в порядке.

Разговор принял шутливый характер. Зажгли свет, закрыли окна и уселись за ужин.

- Что же вы, горе-мореплаватели, собираетесь теперь делать? -

поинтересовался Борейко.

- Эссен думает, что Ухтомского отставят от командования. Тогда, быть может, наша эскадра еще раз попытает счастья в бою.

- А пока вас перепишут в морскую пехоту или в крепостную артиллерию, - заметил Борейко.

- Андрюшу уже назначили на Ляотешань командовать батареей, - сообщила Рива.

- Это только временно.

- До тех пор, пока ты не поправишься. Ляотешань сейчас самое тихое

место в Артуре. Снаряды с сухого пути не долетают, с моря туда не стреляют.

Спокойно, чистый воздух, - одним словом, настоящий санаторий, - проговорила Леля.

- Ты, Рива, с ним туда поедешь? - спросила Оля.

- Меня не пустят.

- Значит, на время вы превратитесь в соломенную вдовушку? - хитро подмигнул Борейко.

- Не подкатывайтесь к ней, все равно она на вас и смотреть не хочет, - горячо отозвалась Оля, вызвав общий смех.

- Наш милый Медведь, кажется, попал на веревочку, - мягко улыбнулась Рива.

- Едва ли найдется женщина, которая заинтересовалась бы мной, - вздохнул поручик, украдкой взглянув на Олю.

- Женщина не женщина, а некий комарик проявляет к тебе большой интерес! - засмеялся Стах.

- Смерть боюсь я их! Жалит куда хочет, а его не поймаешь.

- Ведите себя как следует, так никто вас жалить не будет, - заметила Леля. - Ну, нам пора домой, а то мой благоверный совсем устал, - погладила она по голове Стаха

Гости стали прощаться. Куинсан, которая все время вертелась в столовой, кокетливо послала им вдогонку воздушный поцелуй.

- Кому это ты? - спросила Рива.

- Сережа! - И, фыр, кму, в, убежала.

- Ай да Сергей Владимирович! Он, оказывается, без нас тут время даром не терял, - захохотал Акинфиев.

Звонарев сконфуженно пытался объяснить, в чем дело, но его никто не слушал.

- Не сносить тебе головы, если об этом проведает Варя, - предупреждал шутливо Борейко, еще более смущая прапорщика.

Проводив учительниц до Пушкинской школы, артиллеристы пошли к себе на Утес.

Как только Андрюша и Рива отправились на покой, Куинсан вышла из дому и быстро побежала на окраину города в небольшую полуразрушенную фанзу, где застала старого нищего. Она коротко передала ему подслушанные в столовой сведения о состоянии русских судов после боя двадцать восьмого июля, а также их намерения еще раз выйти в море. Выслушав ее, нищий поднес ей хризантему и попытался было обнять, но Куинсан со смехом увернулась и убежала.

На следующее утро Звонарев отправился к адмиралу Григоровичу за телефонным кабелем. Узнав, в чем дело, адмирал тут же написал приказание о выдаче требуемого материала.

Простившись с Григоровичем, прапорщик вернулся на Утес. Первое, что он услышал, подходя к своему крыльцу, был громкий голос Вари, доносившийся из открытого окна комнаты Гудимы.

- Одумайся! Вернись домой, - уговаривала она Шурку Назаренко.

Ответа Звонарев не расслышал.

Когда через четверть часа прапорщик вышел из своей комнаты, он застал в столрвой Шурку, рыдающую на плече Вари, и возмущенного Гудиму.

- Это совершенно вас не касается, мадемуазель. Раз навсегда попрошу вас не вмешиваться не в свое дело.

- Шура - моя подруга, и я считаю ваш поступок по отношению к ней мерзким!

- отвечала Варя.

- Вы невоспитанная и грубая девчонка! Сегодня же напишу обо всем вашему отцу и попрошу, чтобы он запретил вам появляться на Утесе! - угрожал взбешенный офицер.

- Пойдемте в комнату, Александр Алексеевич, - тащила Шура своего возлюбленного.

Варя с победным видом вышла на крыльцо.

- Как видите, я умею постоять не только за себя, но и за своих друзей, - хвасталась она Звонареву.

- Едва ли ваши действия будут одобрены дома.

- Что влетит мне-я знаю, но это не впервой, - тряхнула головой девушка.

Белый, узнав о жалобе Гудимы, запретил дочери бывать на каких бы то ни было батареях. Затем он написал Гудиме письмо, в котором, извиняясь за дочь, резко указал ему на неблаговидность его поведения в отношении Шуры Назаренко.

На следующий день на Утесе появились незваные гости: военно-санитарный инспектор крепости доктор Субботин в сопровождении нескольких врачей и интендантов. Жуковский справился о цели их прибытия на батарею.

- Здесь будет устроен лазарет для слабосильных и выздоравливающих после ранений солдат, - ответил Субботин.

- Без ведома Управления артиллерии я вас допустить не могу.

- Вы забываете, капитан, что я почти генерал по своему, положению, - показал на свои погоны Субботин.

- Генерал от дизентерии, - пробурчал подошедший Борейко.

- Кроме того, есть сведения, что у вас имеются излишки продовольствия, не учтенного интендантством. Мне приказано осмотреть ваши склады и погреба, - вмешался интендантский чиновник.

- Без прямого приказа от генерала Белого я вам ничего не покажу, - сразу взволновался Борейко.

Спор был прекращен приказанием батареи немедленно открыть огонь по сухопутным целям.

- К орудиям! Цель номер тринадцать! - гаркнул Борейко во всю силу своих легких.

Солдаты и офицеры бросились по своим местам. Субботин со свитой хотели было обождать конца стрельбы, но грохот первого же залпа заставил их спешно ретироваться.

По окончании стрельбы Борейко подозвал артельщика, каптенармуса и объявил им о намерении интендантства отобрать продовольствие.

- Не имеют никаких прав этого делать! - вмешался подошедший Блохин. - Мы его так заховаем, что они ни во век его не найдут. Нароем ямы и зацементируем сверху.

Пока Борейко орудовал с солдатами, Жуковский вел дипломатические

переговоры с Управлением артиллерии. Белый предложил капитану действовать по своему усмотрению.

- Я об этом ничего не знаю! - ответил он, давая понять, что не хочет вмешиваться в это дело.

Когда разговор кончился, к капитану подошел Борейко.

- Могут приходить искать. Три года будут шарить и ничего не найдут, - объявил он.

На следующий день Субботин снова появился на Утесе. Для подкрепления своего авторитета он пригласил с собой главного инспектора военных госпиталей Квантуиской области генерала Церпицкого. Хотя территория Квантуна уже свелась до размеров крепости, Церпицкий продолжал оставаться в своей, ставшей мифической, должности. Одно время Стессель назначил было его командиром второй бригады в дивизию Кондратенко. Но в первом же бою на перевалах генерал проявил такую "слабонервность", что его немедленно отчислили на прежнюю должность.

Небольшого роста, толстенький, краснолицый, в золотых очках, он производил впечатление добродушного любителя поесть и послушать скабрезные анекдоты. Рядом с ним шествовал высокий, сухопарый, почти совсем седой Субботин с обычной брезгливой миной на лице. За начальством шля врачи и интендантские чиновники.

Стоял солнечный жаркий день. Церпицкий вытирал платком потную физиономию и лысеющую голову.

- Нельзя ли у вас достать стакан воды? - обратился он к Жуковскому.

- Разрешите вам предложить нашего хлебного квасу.

Генерал согласился. Холодный, прямо с погреба, душистый, пенистый квас привел Церпицкого в восторг.

- Судя по квасу, можно думать, что у вас хорошо кормят солдат, капитан!

- обернулся он к Жуковскому.

- Это и не мудрено, если тратить на продовольствие много больше положенного от казны, - вступился интендант.

- Это надо еще доказать, - вмешался Борейко. - Зря языком трепать

нечего.

- И докажу! - вспыхнул интендант.

Затем интендант с Борейко направились к погребу, а Церпицкий с медиками пошел в казарму. Бегло осмотрев ее, генерал особенно заинтересовался кухней.

Он потребовал пробную порцию обеда. Ботвинья из свежей рыбы и рассыпчатая, сваренная на пару, рисовая каша весьма пришлись ему по вкусу. Приятно улыбаясь, Церпицкий долго смаковал пищу, проявив прекрасный аппетит. Затем он заглянул в казарму и, предложив врачам детально осмотреть ее и определить пригодность для размещения в ней лазарета, отбыл вместе с Субботиным.

Между тем Борейко с интендантом производил тщательный учет запасов в погребе. Излишков почти не оказалось, но это только усилило подозрение интенданта.

- Успели спрятать! - прямо заявил он поручику.

- Все, что найдете, будет ваше, - ответил поручик.

Выйдя из погреба и осмотревшись, чиновник прямо направился к месту, где была зарыта картошка. Внешне яма была так тщательно замаскирована, что, стоя даже рядом, невозможно было ее заметить. Стало очевидно, что кто-то указал и, интенданту это место.

- Прошу раскопать в этом месте, быть может, и найдем какой-либо клад!

- насмешливо проговорил чиновник, заранее предвкушая свое торжество. Борейко невозмутимо приказал Блохину и еще трем солдатам взять лопаты.

Солдаты принялись за рытье. Сняв верхний слой земли, они натолкнулись на скалу и, как ни долбили ее кирками и лопатами, ничего не могли сделать.

- Сплошной камень. Я надеюсь, что вы удовлетворены? - спросил Борейко у чиновника.

- Не совсем! - И он попытался сам копать. Но скала не поддавалась, и чиновник со вздохом сожаления отошел в сторону.

- Какая-то стерва указала место ямы! Блоха, разузнаешь кто и доложишь

мне, - сердито говорил Борейко, направляясь в казарму.

- Не зря, значит, мы вчера разжились у моряков цементом. Недаром они уверяли, что он враз схватывается и через час его и ломом не пробьешь. На кораблях им заделывают мелкие пробоины, - проговорил наводчик Кошелев.

- Но как мы потом сами доберемся до картошки? - усомнился Борейко.

- Не извольте беспокоиться, вашбродь. До своей картошки, да не добаться?

Не может того быть. Буркой взорвем, а достанем, - успокоил Блохин.

Пока интендант тщетно пытался обнаружить скрытые запасы, врачи обсуждали возможность превращения казармы в лазарет.

- Работы по переоборудованию мы сможем произвести сами. У нас есть инженер, только укажите, что и как надо делать, - пояснил Жуковский.

- Кто имеется у вас из медицинского персонала?

- Ротный фельдшер и добровольная сестра Назаренко, - сообщил Жуковский.

- Пришлем еще одну сестру - и хватит, - обрадовались эскулапы. - Можно двигаться и домой. Как у вас дела, господин кладоискатель? Может, присоединитесь к мам? - спросили у подошедшего интенданта.

- Придется приехать в другой раз! По-видимому, все вывезено с батареи в потайное место, - сумрачно отобвальный чиновник.

- Приезжайте хоть сто раз, ничего не сыщете! - усмехнулся Борейко.

После отъезда генерала и врачей Жуковский вызвал к себе Назаренко и спросил его напрямки, не он ли сообщил об излишках продовольствия на Утесе.

- Я себе, вашскродие, не враг! Сам из солдатского котла харчуюсь, - даже обиделся фельдфебель.

- Разущи кто и доложи мне, - распорядился капитан.

Прошел день, другой, а виновный не находился.

Борейко ругал солдат и требовал найти доносчика во что бы то ни стало.

Наконец Родионов доложил, что донес интендантам писарь Пахомов.

- После службы он метит в жандармы, вот теперь и практикуется, -

пояснил он.

- Я с ним расправлюсь сегодня же, - объявил поручик.

- Не стоит вам, вашбродь, об него руки марать. Мы сами тишком да миром накажем его так, что всю жизнь помнить будет.

- Чур, только не до смерти, - предостерег Борейко. - А то начнутся суды да пересуды, и командиру роты и мне может нагореть.

В ту же ночь писаря подкараулили, когда он вышел на двор, и устроили ему темную. Борейко сквозь сон слышал приглушенные крики и сопение, но вмешиваться не стал. Наутро, избитый до потери сознания, с переломанными ребрами, Пахомов был отправлен в госпиталь, где провалялся больше месяца, но не подмел ничего рассказать о случившемся с ним происшествии.

На Утес неожиданно приехала Рива. Сойдя с линейки, она сняла свои два чемодана и беспомощно стала озираться вокруг.

- Зачем изволили к нам пожаловать, сударыня? - окликнул ее из окна Жуковский.

- Нельзя ли видеть Борейко или Звонарева? Я назначена сюда сестрой.

- Милости просим, сестрица, - приветливо проговорил капитан, выходя на крыльцо. - Позвольте, я поднесу ваши чемоданы. - И он ввел Риву в свою квартиру. - Я сейчас прикажу позвать поручика и прапорщика. Простите, не знаю вашей фамилии, сестрица.

- Блюм.

- Капитан Николай Васильевич Жуковский.

- Очень рада познакомиться. - И они обменялись рукопожатием.

- Ривочка, каким ветром занесло вас сюда? - спросил вошедший Борейко.

- Я назначена на Утес в лазарет для слабосильных, только я ничего здесь не знаю.

- Мы немедленно прикомандируем к вам Сергея Владимировича, он все покажет и расскажет, - улыбнулся Жуковский.

- Он и без этого станет около Ривочки на мертвые якоря, - заметил Борейко.

- Не смейте обижать Сережу, он славный мальчик и никогда ничего

лишнего себе не позволит.

Вскоре появился и обрадованный Звонарев.

- Переселяйся-ка, брат, из своей комнаты ко мне. Она нужна Ривочке, - встретил его Борейко.

Появление Ривы на Утесе - внесло оживление в жизнь батареи. Звонарев под различными предлогами целый день "советовался" с ней. Борейко подсмеивался над Акинфиевым, предсказывая появление у него неких костных новообразований на голове.

Жуковокий целыми вечерами рассказывал ей о своей семье. Гудима усиленно подкручивал усы. Даже Чиж пытался быть элегантным кавалером, но успеха не имел. Шура, вначале стеснявшаяся присутствия Ривы, быстро сдружилась с ней.

Солдаты на батарее - и те гадали, кто завоюет благосклонность Ривы.

- Не иначе, как прапорщик, - он за нею всю ухлестывает, - предрекал Лебедкин.

- Нет, ребятки, - вмешивался Блохин, - командир женат, у Гудимы - Шурка, у прапора - Варька, один наш Медведь холостяком ходит. Она ему и достанется, помяните мое слово, - уверял он.

Но поручик продолжал, к великому огорчению Блохина, относиться к Риве с чисто дружеской иронией.

Вечером, в день приезда Ривы, Борейко собрал солдат и организовал хоровое пение. В тихом вечернем воздухе понеслись стройные звуки мощного мужского хора.

Поручик перекрывал всех своим могучим басом. На небе мерцали по-ужному яркие звезды. В воздухе проносились блестящими точками летающие светлячки, с берега доносился извечный шум прибоя, да по темной поверхности моря ползали бледные щупальца прожекторов. И над всем этим лилась широкая русская песня...

Из-за гор глухо доносилась отдаленная стрельба. Рива сидела как зачарованная рядом с Жуковским.

- Часто у вас бывают такие прекрасные концерты? - спросила она.

- Почти каждый день. Борис Дмитриевич большой мастак по этой части.

Спокойно текла жизнь на Утесе, и только доносившийся издалека глухой рокот стрельбы да рассказы о бомбардировках города напоминали о войне, Семнадцатого июля японцы подошли к крепости и, освоившись с позициями, двадцать седьмого июля атаковали русских.

Им удалось занять передовые позиции крепости на восточном участке обороны - хребты Дагушань и Сяогушань. В течение первого и второго августа захватили они на Западном фронте горы Трехголовую и Передовую. Таким образом, к третьему августа на восточном участке они подошли к главной линии обороны и продвинулись по направлению к основным опорным пунктам Западного фронта-горам Высокой, Плоской, Дивизионной и Водопроводному редуту. Все это делало возможным общий штурм крепости.

Утром третьего августа прошел довольно сильный дождь, очистивший и освеживший воздух. На всем фронте было совершенно тихо. Артиллерия молчала, и лишь изредка раздавались одиночные ружейные выстрелы. Н русские и японцы усиленно окапывались на своих позициях

Около десяти часов утра со стороны Волчьих гор появилась группа японских всадников с большим белым флагом и направилась к передовым позициям крепости. Выехавшему навстречу офицеру они объяснили, что майор японского генерального штаба Ямаоки желает передать генералу Стесселю письмо своего командующего.

- Я прошу вас, господин поручик, немедленно сообщить об этом вашему генералу, - любезно улыбаясь, проговорил майор.

- Сейчас же дам знать о вашем предложении по телефону в штаб крепости. Пока же не откажите в любезности подождать здесь. Я прикажу подать сюда чай и кофе.

Японцы низко кланялись. Вскоре подошли еще офицеры и стрелки, и между недавними врагами завязалась дружеская беседа. В наскоро разбитой палатке сервировали стол.

- Должен огорчить доблестных защитников Артура сообщением о гибели русского крейсера "Рюрик" в морском бою у Корейского пролива первого августа. Русская эскадра, как и в бою под Шантунгом, сражалась с таким

исключительным мужеством, что адмирал Того счел нужным довести об этом до сведения нашего императора, - сообщил по-русски Ямаоки.

- А где наши суда, не вернувшиеся в Артур? - задали вопрос русские.

Майор так же обстоятельно рассказал о судьбе каждого корабля.

- Как велики ваши потери в этих морских боях?

- У нас их нет, - ответил японец.

Ему не поверили.

Вскоре прибыл начальник штаба Стесселя полковник Рейс. При его появлении все офицеры вскочили. Ямаоки представился полковнику и передал ему пакеты.

Выпив затем по бокалу вина, русские и японцы разъехались по своим местам.

Через четверть часа перестрелка возобновилась.

Стессель сам вскрыл пакет и начал рассматривать присланные бумаги.

Они были на японском языке, и генерал мог разобрать лишь подписи.

- Генерал барон Ноги и адмирал Того. Интересно, что могут они писать мне?

- Я сейчас переведу, ваше превосходительство, - заторопился Рейс. - Тут имеется еще пакет морякам и небольшое письмо вашей супруге.

Весть о присылке японского парламентария быстро облетела весь Артур. В штаб один за другим прибыли Фок, Кондратенко, Смирнов, Белый и адмиралы князь Ухтомский и Григорович.

- Вот и отлично, - приветствовал их Стессель. - Не надо никого и созывать. Сейчас же, как только будет сделан перевод, устроим военный совет.

В это время за мужем прислала Вера Алексеевна, которая была весьма обижена тем, что ее супруг даже не зашел к ней посоветоваться перед заседанием.

- В чем дело, Анатоль? Зачем ты так спешишь с обсуждением японских предложений? Сначала мы должны обсудить их в своем кругу, а то этот полоумный Смирнов начудит вместе с моряками.

Их разговор был прерван приходом Рейса. Полковник почтительно

приложился к ручке генеральши.

- Я хотел передать вам перевод письма барона Ноги.

- О чем же он мне может сообщать? - заинтересовалась Вера Алексеевна. Она развернула письмо и прочла:

"Миледи! Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам мое глубочайшее почтение и осмеливаюсь приложить к сему чек в десять тысяч долларов на "Чосен Спешу банк". Означенные деньги прошу вас обратить на дела благотворительности по вашему усмотрению.

С совершенным почтением ваш пркорный слуга барон Ноги".

- Как же я смогу реализовать это в осажденном Артуре? - проговорила она, рассматривая чек.

- Осада не может продолжаться вечно. К тому же японцы предлагают сдать крепость, не ожидая общего штурма.

- Кукиш с маслом увидят они, а не Артур! - вскипел Стессель. - Прочтите все их послания.

Рейс прочитал:

- "Господину высшему начальнику Российской армии в Порт-Артуре.

Имеем честь представить следующее: блестящая оборона Порт-Артура заслужила восхищение всего мира. Однако, будучи окружен с суши и моря превосходящими силами и без надежды на выручку, он в конце концов не может не пасть, как бы ни были талантливы военачальники и доблестны русские солдаты. Наша армия готова к штурму, и, когда эго случится, судьба крепости будет решена. Поэтому, во избежание лишнего кровопролития, во имя человечности, мы предлагаем вам начать переговоры о сдаче. В случае вашего согласия благоволите о том сообщить до десяти часов завтрашнего дня, то есть семнадцатого августа тридцать седьмого года Мейдзи.

С совершенным почтением.

Генерал барон Ноги, командующий осадной армией, адмирал Того Хейхациро, командующий блокирующим Порт-Артур флотом".

- Какая наглость! Предлагать сдать крепость за десять тысяч долларов, - возмутилась генеральша.

- Я им пошлю кукиш. Прикажу срисовать со своей руки и отправлю, - решительно заявил Стессель. - Что они еще нам пишут?

- Предлагают выпустить из крепости женщин, детей, иностранцев и священников до двух часов завтрашнего дня.

- Женщины нам нужны в госпиталях, так же как и священники, без матерей детвору не отправишь, иностранцы же могут разболтать наши секреты.

Следовательно, и это предложение неприемлемо, - решила за мужа Вера Алексеевна.

- Но зато мы избавимся от лишних ртов, - заикнулся было генерал.

- Подумаешь, много осталось здесь: женщин - что-то около трехсот, детей полсотни, священников человек двадцать да десяток-другой иностранцев. Лучше бы ты отправил из Артура Смирнова и его прихвостней вместе с адмиралами.

- Вы как смотрите, Виктор Александрович? - обернулся Стессель к своему начальнику штаба.

- Как всегда, преклоняюсь перед умом глубокоуважаемой Веры Алексеевны и присоединяюсь к ее мнению, - расшаркался полковник.

На этом семейный совет окончился.

Через четверть часа Стессель громко зачитал на заседании полученные от японцев бумаги, благоразумно умолчав о письме к своей супруге.

- Я пошлю в ответ японцам фигу, срисованную с моей руки, - закончил он свою речь.

- Как? Что? - удивленно спросило несколько человек.

- Пошлю вот эту самую дулю. - И генерал протянул вперед кукиш.

- Вы это серьезно? - спросил Ухтомский.

- Если ваше сиятельство привыкли у себя заниматься шутками на броненосцах, то здесь, в штабе, я это делать никому не разрешаю.

- В таком случае, как старший в Артуре морской начальник, протестую против ответа подобного рода.

- Советую вам оставить протесты при себе, а то я не постесняюсь вас отправить к японцам.

- Ответ, предложенный начальником района, я считаю недостойным русского генерала, - проговорил Смирнов.

- Что же, по-вашему, я должен начать переговоры о сдаче? Предупреждаю, что каждый, кто только посмеет об этом заикнуться, будет мною немедленно повешен, невзирая на чины и занимаемое положение! - стукнул генерал кулаком по столу.

- Едва ли японцы поймут жест вашего превосходительства, - заметил Кондратенко. - Кукиш обозначает у японцев совсем не то, что у русских.

- А что именно?

- Так у них продажные женщины приглашают к себе мужчин.

Присутствующие постарались скрыть улыбки.

- В таком случае мы поясним, что это обозначает по-русски, - продолжал настаивать несколько смущенный Стессель.

- Не поймут и над тобой же будут смеяться, - ответил Фок. - Лучше, по моему, ответить кратко: "Честь и достоинство России не могут допустить мысли о сдаче крепости, пока не исчерпаны все возможности обороны".

- Конец надо выбросить, - посоветовал Кондратенко. - В та-ком виде наш ответ как бы подает японцам надежду, что все же впоследствии Артур может быть сдан.

Стессель согласился с этим, и текст ответа был принят с поправкой Кондратенко.

- Теперь второй вопрос-выпускать ли из крепости женщин и детей? - спросил начальник укрепленного района.

Голоса разделились. Одни были за удаление женщин, другие против.

- Я тоже против, - заявил Стессель и повторил доводы своей жены.

Его неожиданно поддержал Смирнов.

- Дух защитников крепости будет подорван разлукой со своими семьями, - сказал он.

Фок многозначительно покрутил пальцем около своего лба, но не возражал.

Второе предложение японцев тоже было отклонено.

- Поручим полковнику Рейсу составить ответ и затем, переведя его на английский язык, завтра с ординарцем отправим к японцам, - закрыл собрание

Стессель. Вечером того же дня в будуаре Веры Алексеевны собрались Рейс, Фок и Сахаров. Обсуждался вопрос, как поступить с полученным чеком.

- Слишком малая сумма, чтобы ее принимать. Мы, слава богу, сейчас стараниями полицмейстера вполне обеспечены деньгами.

- Зато ко мне каждый день поступают жалобы на его незаконные действия, - сообщил Рейс.

- И что вы с ними делаете? - поинтересовался Фок.

- Отправляю ему же для расследования. Обычно после этого повторных жалоб не бывает.

- Остроумно, - одобрила генеральша.

- Какую бы вы сумму считали достаточной для нужд благотворительного общества? - осведомился Сахаров.

- Ровно в тысячу раз больше, - вместо Веры Алексеевны ответил Фок.

- Боюсь, что таких денег у японцев не найдется.

- Тогда мы как-нибудь обойдемся своими средствами, - произнесла генеральша.

- Так и прикажете ответить? - переспросил Рейс.

- Конечно. И верните им чек, - распорядилась Вера Алексеевна.

Гости стали прощаться.

На следующий день в положенное время японцам был вручен ответ на все их предложения.

Меркли звезды. Восток с каждой минутой светлел. Вскоре из-за горизонта показалось солнце.

Где-то вдали глухо прогремел выстрел, и в недвижимом прозрачном воздухе послышался свист летящего снаряда. На окраине города взвился черный султан дыма. За первым выстрелом раздался второй, третий. Город еще спал. Звуки канонады будили жителей, которые в тревоге высыпали на улицу и, пугливо озирались по сторонам. Несколько

повозок, дотоле медленно плетущихся по улице, с страшным грохотом понеслись в карьер, будоража всех на своем пути.

Женщины, крестясь, торопливо уводили в погреба и подвалы детей.

На позициях при первом же выстреле все пришло в движение: на батареях закопошились артиллеристы, поворачивая орудия в нужном направлении, в фортах быстро изготовились к отражению штурма дежурные части. На валах увеличили число часовых. Резервы подтянулись к передовой линии. Артур приготовился к встрече врага.

Канонада усиливалась с каждой минутой. Снаряды, попадая в брустверы фортов и батарей, поднимали столбы песку и земли.

Скоро все слилось в один сплошной рев. Первый штурм крепости начался.

В тыл потянулись вереницы носилок.

Стессель спал крепким сном, когда к нему явился С докладом Рейс.

Вышла Вера Алексеевна и, узнав в чем дело, направилась будить мужа.

- Японцы пошли на штурм, - насилу растолкала она разоспавшегося генерала.

- Ворвались в город, началась резня? - задыхаясь от ужаса, пробормотал он.

- Сейчас же подтянуть к штабу сотню казаков с пулеметами и орудиями, - бестолково выкрикивал Стессель, покрывшись холодным потом.

- Да успокойся ты, ради бога, Анатоль! Никто еще никуда не прорывался. Началась лишь общая бомбардировка. Рейс говорит, что после нее можно ожидать штурма. Смирнов, Горбатовский и Кондратенко выехали на атакованные участки,

- сообщила Вера Алексеевна.

Наспех одевшись, от волнения не попадая в рукава, генерал, сразу осунувшийся и постаревший, вышел к своему начальнику штаба. Выслушав доклад, Стессель приказал подать себе верховую лошадь.

- Я еду на форт номер два, откуда виден хорошо весь обстреливаемый фронт, - громко проговорил он.

- Я тебя туда не пущу, - решительно заявила генеральша. - Тебе нечего

соваться на передовую линию. Выбери себе безопасный пункт в тылу, откуда все было бы видно, и сиди на нем.

- Форт номер один почти не обстреливается, с него виден форт номер два и частично промежуток между ним и третьим фортом, - подсказал Рейс.

- А там имеются хорошие блиндажи? - осведомилась Вера Алексеевна.

- Так точно. Почти полуторааршинные бетонные своды, - ДОЛОЖИЛ ПОЛКОВНИК.

- Что ж, поезжай, - вздохнула генеральша. - Только вы, Виктор Александрович, не позволяйте Анатолию рисковать собой, он такой неблагоразумный.

- Приложу все старания, чтобы уберечь его превосходительство.

Позавтракав, Стессель и Рейс отправились на форт номер один, далеко объезжая обстреливаемые участки. Отсюда из-за дыма и пыли они почти ничего не видели, но зато здесь было совершенно спокойно, а любезный комендант форта не замедлил угостить начальство душистым чаем с коньяком. Здесь до самого вечера Стессель и провел время в полной безопасности. Правда, мирная беседа временами нарушалась получением тревожных донесений, но генерал тотчас отправлял их Смирнову или Коядратен, ко с надписью: "Предлагаю действовать по вашему усмотрению, сообразуясь с наличными обстоятельствами".

Этим и ограничивалось все его руководство происходившим боем.

При первом же выстреле генерал Кондратенко поспешил выехать на позиции.

Уже в дороге он убедился, что наиболее интенсивно обстреливается промежуток между фортами номер два и три, а также и расположенное за ним Большое Орлиное Гнездо. С последнего открывался прекрасный вид на весь Восточный и Северный фронт крепости. Туда генерал и направился. Вскоре его догнал Белый.

- Вы куда держите путь, Роман Исидорович? - спросил он.

- На Большое Орлиное.

- Значит, нам по дороге. Я решил там устроить свой наблюдательный пункт.

Спешившись в глубокой лощине, непосредственно в тылу Орлиного Гнезда, генералы стали взбираться на гору. По пути они встретили раненого матроса.

- Ты откуда, молодец? - приветливо спросил его Кондратенко.

- С этого самого, с Гнезда, - махнул назад рукой матрос.

- Что там делается?

- Шибко японцы бьют, дыхнуть не дает даже. Нашего командира мичмана Вильгельмса сразу же убило, одну орудий испортило, так что всего одна пушка действует. Вот перевяжусь и обратно, - показал он на руку, - а то там наших осталось совсем мало.

- Спасибо за службу, ступай с богом!

- Рад стараться, ваше превосходительство! Только вы ховайтесь, а то, не ровен час, и зацепить может.

- Прекрасный народ эти моряки, смелый, понятливый, инициативный, - восхищался Кондратенко. - Вот что значит образование-то. Другой гальванер или минер заткнет за пояс нашего стрелкового офицера.

Подниматься по крутой тропинке, ведущей на вершину Гнезда, было довольно трудно. На полдороге генералы остановились передохнуть. Перед ними развернулась широкая панорама обстреливаемого участка: справа, окутанный облаком пыли, чуть проступал форт номер два. Прямо, верстах в двух, виднелись старые китайские редуты номер один и два, обнесенные двумя рядами проволочных заграждений. В бинокль были видны полуразрушенные брустверы и укрывшиеся в тыловом рву солдаты. Слева отчетливо виднелся форт номер три.

- Наши батареи отвечают одним выстрелом на десять японских, - с беспокойством заметил Кондратенко.

- Многие из них и вовсе приведены к молчанию, - сказал Белый. - Опыт Цзинджоу нами использован недостаточно. Орудия видны как на ладони. Батареи, орудия которых замаскированы, как Залитерная, Заредутная и Волчья-Мортирная, и сейчас ведут интенсивный огонь. Надо будет сегодня же ночью замаскировать остальные батареи.

Генералы двинулись дальше. Появление их очень удивило коменданта

форта капитана Кремнева.

- Ваше превосходительство, как вы сюда попали? Здесь вас могут ранить,
- с тревогой сказал он.

- Мы привыкли делить груды и опасности со своими подчиненными. Что у вас делается? - отозвался Кондратенко.

- Отсиживаемся, ждем, пока стихнет стрельба, чтобы исправить повреждения и вынести тяжелораненых.

Кондратенко начал обходить укрепление. Снаружи на брустверах находились лишь часовые, остальные укрылись в блиндажах. Заглядывая в каждый блиндаж, генерал громко здоровался с солдатами и весело шутил. Вдруг вблизи разорвался снаряд, и мгновенно все заволочлось густой пеленой дыма.

Из ближайшего блиндажа выскочили два солдата и, схватив своего начальника дивизии за рукав, попросту втолкнули его внутрь блиндажа.

- Да разве ж можно, ваше превосходительство. Роман Исидорович! - с укоризной проговорил один из стрелков.

В тесном блиндаже присев на скатанной шинели, Кондратенко вступил в беседу со стрелками.

- Как вы здесь харчитесь? - спросил он.

- Вечером с темнотой подвозят кухни, а вот с водой у нас плохо: жара, пить хочется, а воды мало, да она и протухает скоро, - сетовали солдаты.

- Японца-то ке боитесь?

- Никак нет. Нам бы еще пару пулеметов, тогда ему в наше Гнездо вовек не забраться, - убежденно ответили стрелки.

Генерал быстро делал заметки у себя в книжке.

Воспользовавшись прекращением бомбардировки, он двинулся дальше, а солдаты принялись за исправление разрушенных брустверов и очистку окопов.

Матросы хлопотали у поврежденных орудий. Тут же давал указания Белый.

К нему подошел Кондратенко, и оба генерала направились в тыл.

- Теперь куда, Роман Исидорович? - спросил Белый, садясь верхом.

- Поищем Смирнова, он где-то на Скалистом кряже. Быть может, там и Стессель.

- Едва ли. Они вместе никогда не бывают.

- Да, странное у нас положение в Артуре. Фактически два коменданта, а кроме того, еще особый командующий фронтом, и все они между собой воюют.

Изволь-ка тут маневрировать между тремя превосходительствами, - задумчиво проговорил Кондратенко.

- Я давно уже решил выслушивать приказания всех, а действовать по-своему или по согласованию с вами, - отозвался Белый.

- Какой, по-вашему, участок будет атакован?

- Самое слабое место в Артуре-это левый фланг. Если японцы прорвутся от Голубиной бухты к Ляотешаню, то Артуру будет мат в два хода. Но они, по-видимому, хотят открытой силой ворваться в город, форсировав линию между фортами номер два и номер три. Тут у них расположены осадные батареи дороги к ним из Дальнего. Тут промежуток прикрывают всего два старые полевого типа редута - номер один и номер два.

Генералы доехали до соседнего хребта, носившего название Скалистого кряжа. За чим были расположены резервы и полевые батареи в запряжках.

Увидя генералов, к ним подошел командир Седьмого стрелкового артиллерийского дивизиона полковник Мехмандаров, широкоплечий человек с густой черной бородой.

- Мы, ваше превосходительство, с самого утра торчим здесь неизвестно зачем. Воды нет Жара, пыль. Оводы беспокоят лошадей, - доложил полковник.

- Кто вас сюда направил?

- Гэнэрал Смирнов вызвал по тревоге, - с кавказским акцентом ответил полковник.

- Вы не знаете, где он сам?

- Дальше, на хребте. Сидит за большим камнем, все что-то пишет, ни на что не обращает внимания, - досадливо проговорил Мехмандаров.

- Я сейчас переговорю с ним, - обещал Кондратенко.

После получасовых розысков Белый и Кондратенко нашли Смирнова вместе с его начальником штаба, тучным, высоким полковником Хвостовым. Генерал диктовал ему длиннейший приказ.

- Как хорошо, что вы приехали, - радостно встретил он прибывших. - Я разработал десять возможных вариантов штурма крепости и мероприятия против него. Вот послушайте! - И Смирнов, достав пачку исписанных листов, начал читать:

- "Вариант номер один. Штурмуются форты номер два и номер три. Частям Двадцать пятого стрелкового полка занять... - Дальше шло подробнейшее перечисление вплоть до взводов, кому и куда двигаться в точно указанное до минут время. - Теперь об артиллерии послушайте, Василий Федорович! - И Смирнов начал перечислять, какие батареи и куда должны были стрелять, какими снарядами, на каком прицеле. - Теперь вариант номер два, - с увлечением продолжал комендант.

Белый сердито сопел.

Кондратенко нервно пощипывал бородку, посматривал то на Белого, то на Хвостова. Прошло не меньше часа, пока чтение кончилось.

- Ну как, Роман Исидорович, я, кажется, ничего не упустил? - обратился к генералу Смирнов.

- Едва ли возможно предусмотреть все, ваше превосходительство. А затем это распоряжение надо согласовать с генералом Стесселем.

- Он, наверно, отклонит мое предложение... - грустно заявил Смирнов.

"И хорошо сделает", - не мог не подумать Кондратенко.

Смирнов продолжал:

- Отклонит... Не потому, что оно плохо, а как исходящее от меня. Не могли бы вы, Роман Исидорович, от своего имени доложить ему мои наметки?

- Стессель сразу же догадается, что оно исходит не от меня, - сказал Кондратенко вслух, а про себя подумал: "Так как я такой галиматьи никогда не предложил бы".

Генералы помолчали.

- Ваше превосходительство, большинство батарей сильно повреждены и не смогут поддержать стрелков при штурме, - проговорил Белый. - Необходимо просить помощи у флота.

- Помимо Стесселя к морякам обращаться неудобно. Он же наверняка запротестует.

- Я беру на себя доложить ему об этом, - поддержал Белого Кондратенко. Подъехал Мехмандаров и вновь попросил разрешения отвести батареи на водопой.

- А то уже две лошади пали от жары, - добавил он.

- Нет, нет. Этим вы нарушаете мой вариант номер три отбития японской атаки. Подождите до вечера, - приказал Смирнов.

- К этому времени у меня не останется лошадей в запряжках.

- Полевая артиллерия сейчас нам не нужна. Приготовлений к атаке нигде не видно. Дивизион, по-моему, можно отпустить, - заметил Кондратенко.

- Прошу не возражать, когда я приказываю! - вскинулся Смирнов.

- Слушаюсь! - вытянулся Роман Исидорович. - Василий Федорович, едемте дальше!

- Генерал Белый должен остаться при мне.

Белому оставалось только подчиниться. Кондратенко, ни с кем не прощаясь, вышел.

- Оставьте одну батарею на месте, а две отведите в ближний тыл на водопой, - приказал он Мехмандарову.

- Спасибо, Роман Исидорович! - горячо воскликнул полковник. - С этим упрямцем все равно ни до чего не договоришься. - И обрадованный командир дивизиона ускорил шаг.

Вечером на квартире у Стесселя собрались на военный совет Кондратенко, Белый, Фок, Рейс и адмирал Ухтомский. Не хватало только Смирнова, но он вместо себя прислал Хвостова. Выслушав доклады подчиненных" Стессель предложил высказаться о мерах усиления обороны крепости.

- Комендант представил свои соображения по этому вопросу, - доложил Рейс и протянул смирновские варианты.

Стессель стал читать их вслух. Среди присутствующих раздались отдельные смешки.

- Ерунда, галиматья, чушь! - бросил Стессель записки на стол. - Полковник Хвостов, предлагаю вам посоветовать вашему начальнику воздержаться в дальнейшем от литературы подобного рода, иначе я до конца осады посажу его в сумасшедший дом.

- Давно пора! - с места отозвался генерал Никитин. - Ты еще, Анатолий Михайлович, не знаешь, что по его вине в Седьмом дивизионе сегодня пало от жары и отсутствия воды несколько лошадей.

- Назначаю комиссию для расследования этого дела под твоим председательством. Предлагаю за ночь принять все меры к устранению причиненных укреплениям повреждений, - приказал Стессель. На Электрическом Утесе продолжалась прежняя размеренная жизнь. С утра все были заняты своими делами. Несколько раз батарея открывала огонь по сухопутным целям. Перед обедом ходили купаться. На море до самого горизонта все было спокойно, только непрерывный грохот, доносившийся из-за Золотой горы, свидетельствовал о продолжавшейся бомбардировке. После полудня над городом поднялось огромное облако черного дыма. Бореико приказал телефонистам узнать, в чем дело. Оказалось, что в порту горят склады с маслом, огонь перекинулся на соседние здания, и запылала почти вся территория порта.

- Дюжа горит, вашескородие. Японец по пожару бить стал еще сильнее. Не дает тушить, - окаящей скороговоркой доложил старший телефонист Юркин.

- А на фронте что делается?

- Слышать, японец штурм готовит. Федерал наш находится целый день на позициях.

Во время обеда поручик предложил Жуковскому сходить в город узнать, что там делается.

Капитан согласился и разрешил ему со Звонаревым отправиться на разведку.

Солдаты тоже были обеспокоены происходящим.

- Как бы японец не прорвался в город. Возьмет он нас голыми руками.
- Ишь вы какие трусливые стали, сразу так в руки и дадитесь - вмешался в разговор Блохин. - Нас на Утесе триста человек, да три бабы, да восемь пушек. Чтобы нас одолеть, нужно цельную дивизию.
- Расхвастался ты, Блоха, не к добру, - улыбнулся Борейко - Ежели бы нам каждый день давали по стакану водки, ни в жисть японцу Артура не взять, - хитренько улыбнулся солдат.
- Не подговаривайся, не дам! Хочешь со мной идти в город?
- Так точно, мигом чистое надену. - И Блохин скрылся.

Вскоре все трое шли по шоссе в обход Золотой горы. Впереди шагал Борейко, за ним поспевали Звонарев и Блохин. Дойдя до хребта, поручик на мгновение остановился, чтобы осмотреться.

Город был затянут густым черным дымом. То здесь, то там вспыхивали разрывы. В воздухе непрерывно шипели летящие во все стороны снаряды. С батареи Золотой горы, как из кратера вулкана, через равные промежутки времени вылетали огромные столбы пламени, и воздух прорезал шум двадцатипудовых снарядов. Слева сквозь дым виднелась ярко освещенная солнцем поверхность рейда со стоящими на нем броненосцами. Канонада достигла высшего напряжения.

- Ну и дела, мать честная! - проговорил Блохин. - Такого мы и под Цзкнджовой не видели.
- Цела! - вдруг громко проговорил Борейко и ткнул рукой в пространство.
- Кто? - спросил Звонарев.
- Пушкинская школа, конечно!

Прапорщик понял, что все путешествие его друг затеял с целью повидать маленькую учительницу с голубыми глазами, и, усмехнувшись, сказал:

- Хитришь ты, Боря, по-детоки! Навыдумывал с три короба, а оказывается, надо всего-навсего узнать, цела ли твоя дама сердца.
- Заткнись, не до тебя! - буркнул в ответ поручик и пошел дальше.

Улицы были пусты. Жители прятались в погребах и подвалах, и только неугомонные мальчишки выглядывали из-под подворотен при каждом близком падении снаряда. Блохдан шел, вполголоса ругаясь.

Неподалеку впереди раздался взрыв, и все вокруг заволочлось известковой пылью. В развороченном доме пронзительно завывала собака.

- Жаль пса, должно быть, сильно зацепило. Эх, житуха пошла в Артуре! - бормотал солдат

Подождав, пока рассеется пыль и упадут последние осколки, пошли дальше.

Тротуар и мостовая были завалены грудami камней и строительного мусора.

Двухэтажный кирпичный дом стоял разрушенный от крыши до фундамента. Была видна внутренность комнат - диван, покрытый ковром, неубранная кровать; в кухне хлестала сода из поврежденного крана. В клетке валялся вверх лапками попугай, кошка испуганно металась по чердаку. Людей нигде не было.

- Вовремя ушли, - заметил Блохин.

Борейко все ускорял шаги, пока не оказался перед двухэтажным зданием Пушкинской школы. Она была цела. Правда, около виднелись воронки от снарядов и во многих окнах не хватало стекол. Офицеров окликнули из подвала.

Нагнувшись, Звонарев увидел толпу перевязанных людей, теснившихся в небольшом помещении.

- Да здесь раненые, - сообщил он, - с ними, верно, находятся и сестры.

За углом обнаружили дверь в подвальное помещение. Согнувшись чуть не вдвое, Борейко шагнул вниз по лестнице. Навстречу шла Мария Петровна.

- Вел ранены? Прибыли на перевязку? - испуганно спросила она.

- Пока все целы и пришли проведать, как вы живете, - ответил поручик.

- Какое уж тут житье, когда ежеминутно ждем смерти. С утра сидим здесь в тесноте и духоте. Скоро ли все это кончится?

- С темнотой, надо думать, наступит передышка. Укрытие бы вам устроить...

Офицеры обошли вокруг дома.

- Я здесь покумекаю на этот счет, а тебя попрошу выяснить обстановку

на позиции. На обратном пути зайдешь за мной, - предложил Борейко другу.

- Ладно. Пошли, Блохин, дальше, - согласился Звонарев.

По мере удаления от порта снаряды падали все реже. Дойдя до Нового китайского города, расположенного за окружающей город стеною, путники вздохнули свободно. Улицы были полны любопытных, которые издали наблюдали за бомбардировкой.

- Как вас не зашибло на улицах? - удивленно смотрели они на Звонарева и Блохина.

- Мы заговоренные, нас осколки и пули не берут, только шашкой достать можно, - отшучивался солдат.

Миновав город, они увидели перед собой линию ближайших укреплений. За поворотом дороги открылась Залитерная высота, а за ней чуть выступала батарея литеры Б. Над ней вились дымки шрапнелей вперемешку с черными фонтанами гранат. По дороге в тыл тянулись рикши и извозчики с ранеными, подводы со строительными материалами; пылили зарядные ящики, дребезжали интендантские повозки.

Блохин расспросил о происходящем на позициях.

- Вторые сутки бьет японец, не дает даже кухни подвезти, - жаловались солдаты.

- А штурму не делает?

- Пока не видать, может, к ночи и ползет. Небось понимает, что долго в разбитых окопах не усидишь.

Вдруг над Залитерной взвился огромный столб огня и черного дыма, который образовал конус, обращенный вершиной вниз. Он быстро рос, заволакивая Залитерную и все вокруг. Затем дым медленно отделился от земли и превратился в темное облако. Только тогда донесся глухой удар взрыва и стали видны бегущие во все стороны люди.

- Залитерная взлетела на воздух, - испуганно закричал Звонарев, и оба артиллериста опрометью бросились бежать к батарее.

Когда они поравнялись с перевязочным пунктом, устроенным на Залитерной, то туда уже сносили раненых и убитых с батареи. Одним из

первых принесли ее командира штабс-капитана Высоких. Он был страшно обожжен при взрыве. Все тело представляло собой сплошной волдырь, лицо было обезображено до неузнаваемости. Он еще слабо стонал, но вскоре затих.

Легкораненые солдаты брели группами и в одиночку. Вскоре с батареи литеры Б поднесли еще двух офицеров-старых знакомцев Звонарева по Цзинджоускому бою-подпоручика Садьжова и поручика Соломонова. У первого в черепе застрял осколок гранаты, и он был без сознания. Соломонову повредило обе ноги, но он крепился и не стонал, только бледное лицо и холодный пот на лбу говорили о тяжких страданиях. Увидя Звонарева, Соломонов попросил у него водки.

Прапорщик развел руками.

- Очень прошу вас, достаньте мне хотя бы денатурату, а то я сдохну немедленно, - молил офицер.

Звонарев беспомощно огляделся

- Сергей Владимирович, ваша барышня тут! - вдруг проговорил Блохин.

- Какая барышня? - не сразу понял Звонарев.

- Да Варька, то бишь генерала Белого дочка. Вон там в куточку нагнулась над носилками. Может, они спиртику для их благородия достанут.

Прапорщик окликнул Варю.

- Вы как тут очутились? - спроси, ла она, подходя к Звонареву. Ее белый передни, к был весь испачкан в крови, даже на косынке виднелись красные пятна. Волосы растрепались и выбились наружу.

Прапорщик передал просьбу Соломонова.

- Сейчас принесу. - И Варя скрылась.

Блохин побежал с радостным известием к раненому офицеру. Вслед за ним явилась и девушка со стаканом вина.

- Пейте, оно вас подкрепит! Куда, вы ранены? - И Варя начала быстро разбинтовывать ноги Соломонова... - Раны не тяжелые, важно только их не загрязнить.

В это время, к пункту подъехал Белый и, увидя Звонарева, подозвал его к себе.

- На батарее литеры Б и Залитерной не осталось ни одного офицера. Отправляйтесь сейчас же туда. Наладьте сначала стрельбу на Залитерной, а затем займитесь литерой Б. Я вызываю с Утеса вашу роту. До ее прихода вам придется орудовать одному, - распорядился генерал. - Ты не из седьмой роты?

- обернулся он к Блохину.

- Так точно, ваше превосходительство, из седьмой!

- Ездить верхом умеешь?

- Сызмальства лошадей пас.

- Отвезешь мое приказание на Утес.

Через минуту Блохин, по-разбойничьему свистнув, карьером вылетел на дорогу.

- Заезжай в школу! - едва успел крикнуть ему вдогонку прапорщик. Солдат кивнул головой и скрылся.

Звонарев стал прощаться.

- Смотрите, на батареях очень опасно. Сегодня уже убито четверо и ранено трое артиллерийских офицеров, а солдат осталось меньше половины. Не геройствуйте, пожалуйста, - с тревогой в голосе проговорила Варя. - Обещаете?

- Ведь я всем известный трусишка! - улыбнулся прапорщик в ответ.

- Если что с вами случится, сообщите-я мигом прилечу, - пообещала Варя.

- А вы заходите на Залитерную отдохнуть. Я, верно, до утра буду занят исправлением повреждений.

Варя потянулась к Звонареву. На мгновение ему показалось, что она хочет его поцеловать, и он с удивлением взглянул на нее. Девушка смутилась и поспешила отойти.

- Быть может, я и воспользуюсь вашим приглашением, - уже издали проговорила она.

На Залитерной был полный разгром. На правом фланге батареи зияла огромная яма взорванного порохового погреба. Вокруг все было засыпано землей, обломками бетона, обгорелыми досками. Тут же

валялось с десятков растерзанных трупов. Едко пахло дымом и горелым мясом. Из четырех орудий только левофланговая морская пушка Армстронга сохранилась в целости. По батарее бродило несколько артиллеристов. Звонарев подозвал их.

- Я прислан к вам командиром, - сообщил он. - Что произошло здесь во время боя вчера и сегодня?

- Вчерась он бил вое м"мо, так как не видел батареи. Сегодня же с самого утра он вывесил на небо колбасу, с нее увидел батарею и зачал чесать прямо по ней. А потом как вдарит в погреб. Кого порвало, кого разметало на пятьдесят сажен кругом.

Прапорщик распорядился снести тела убитых за батарею и заняться исправлением бруствера, затем он отправился на батарею литеры Б.

Обогнув Залитерную гору и расположенные на ее склоне стрелковые окопы, Звонарев стал подниматься по дороге к батарее литеры Б. С обеих сторон она была ограждена так называемой Китайской стенкой-валом, построенным еще германскими инженерами при сооружении ими крепости Порт-Артур для китайцев.

Вал имел полторы сажени высоты и до двух с половиной толщины. Заросший травой, он прекрасно сливался с местностью, почему, его особенно удобно было использовать для обороны промежутков между фортами и укреплениями.

Обстрел литеры Б еще продолжался. Батарея молчала. Солдаты сидели по блиндажам, изредка выглядывая наружу.

Вместе с фейерверкером прапорщик обошел батарею, Уцелели всего три пушки.

Земляные брустверы были снесены снарядами, обнажился бетон.

С профессиональным интересом Звонарев тщательно рассматривал все повреждения. Солдаты с удивлением следили, как он ползал на коленях и ощупывал в бетоне воронки от снарядов, измеряя их глубину и диаметр.

- Ну, вот что, ребята, довольно по казематам сидеть. Аида починять платформы и брустверы! - скомандовал Звонарев.

Вскоре все здоровые и легкораненные засыпали выбоины и исправляли орудийные платформы.

Звонарев прошел на командный пункт, который, как и на Залитерной, представлял собою броневую башенку с прорезью впереди. Сквозь нее виднелись два ряда стрелковых окопов с проволочными заграждениями. Далеко внизу копошились темные фигурки японцев. Вечерело. Солнце склонялось к вершинам синеющих вдаль Волчьих гор. В долинах уже легла вечерняя тень. Бомбардировка стихала. Потянуло прохладой. В тылу задребезжали подъезжающие кухни.

Наступала тревожная, полная неожиданностей ночь.

Когда Звонарев вернулся на батарею, в темноте показалась крупная фигура Борейко.

- Что у вас тут делается? - справился он.

Звонарев подробно доложил.

- Темно очень, при ручных фонарях работать приходится. Прожектор не действует, - заключил он доклад.

Один из солдат сообщил:

- Вчера днем на батарею прислали какую-то диковинную пушку-короткая, медная, на жабу похожа. Сказывали - для освещения, вместо ракет. Только никто не поймет, как ею пользоваться.

- Где она? - спросил Борейко.

Из крайнего каземата вытащили маленькую медную пушчонку на деревянном лафете.

- Полупудовая, гладкостенная, с дула заряжающаяся мортира для стрельбы брандсугелями-зажигательными снарядами, - определил Борейко. - Снаряды к ней есть?

- Так точно! Диковинные такие-два железных донышка, соединенных прутиком, а внутри невесть чтопо цвету серое да едкое.

- Такими снарядами полвека назад в Севастополе стреляли по деревянным морским кораблям и крепостным постройкам, чтобы их поджечь.

- Нельзя ли ее сейчас попробовать? - попросил Звонарев.

- Только где-нибудь подальше от батареи, чтобы не навлечь на нее огня японцев.

Мортирку на руках снесли в сторону и установили за Китайской стенкой. Затем в дуло насыпали порошу, забили бумажным пыжом и вставили бочкообразный брендсугель. В запальное отверстие вложили запальную деревянную трубку и при помощи длинной палки с горящим фитилем на конце-пальника-подожгли.

Мортирка выпалила со страшным грохотом и перевернулась навзничь. Брендсугель огненным шаром с шипением взвился к небесам, довольно хорошо освещая местность. Описав крутую траекторию, он огненным ядром упал в расположение японцев. Оттуда донеслись вопли ужаса, а вслед затем затрещал частый ружейный огонь. Артиллеристы закричали от восторга.

- Не пондрадилось, видать, японцу наше угощение. Жареным мясом запахло!

Нельзя ли, вашбродь, еще "кухню" им послать?

Но поручик не разрешил и направил всех обратно на батарею.

Вскоре с тыла донеслось громкое пение, сопровождаемое молодецким посвистом:

Солдатушки, браво, ребятушки!

А где ваши жены?

- Наши жены - пушки заряжены,
Вот где наши жены!

- Наши топают, - узнал Борейко разбойничий свист Блохина.

Он не ошибся. На батарее появились Жуковский с Гудимой, а за ними подошла вся рота.

- Я с Алексеем Андреевичем останусь здесь, а вас с Сергеем Владимировичем попрошу с первым взводом отправиться не. Залитерную,
- решил капитан, выслушав доклад Борейко.

- Слушаюсь! Первый взвод ко мне! Пошли на свою батарею! -
скомандовал Борейко.

На Залитерной было гораздо спокойнее, чем на батарее литеры Б.

Ружейные пули сюда не залетали, снаряды попадали реже. Вдоль батареи были разложены костры, около которых грелись солдаты. С приходом утесовцев все оживились.

Всю ночь до рассвета артиллеристы приводили в порядок орудия и блиндажи.

Звонарев с Лебедкиным, Смекаловым и Юркиным налаживали поврежденный прожектор, электрическое освещение, исправляли водопровод, мастерили козырьки над орудиями для маскировки. Перед рассветом появилась усталая Варя.

- Сережа, по твою душу пришли! - закричал Борейко, увидев ее.

- Я так устала, что валяюсь с ног, - пожаловалась Варя. - Высоких умер полчаса назад, Садыков лежит без сознания, у Соломонова сложный перелом обеих ног.

- Жаль Высоких, - вздохнул Борейко. - Идите-ка, прекрасная амазонка, спать в наш блиндаж, - смиростивился он. - На сон грядущий вас перекрестит и поцелует ваш ненаглядный Сереженька.

- Медведь, пощадите, я так утомлена, что не могу вас наградить оплеухой за вашу дерзость.

Звонарев отвел девушку в свой блиндаж.

Работы продолжались всю ночь. Уже засерел восток, когда сон окончательно свалил всех. Люди заснули где придется, подложив под себя шинели или прямо на земле.

- Вставать! Японец лезет на штурм! - оглушительно рявкнул Борейко. - К орудиям, зарядить картечью!

На батарее сразу зашевелились. Солдаты, протирая глаза, бежали по своим местам.

Захлопали орудийные замки, задвигались хоботы орудий. Номера торопливо подносили из погреба картечь и картузы с порохом.

- Готово! - один за другим докладывали фейерверкеры.

- Следи за гребнем; как там появятся японцы-так и бей! Сережа, останешься на батарее, а я буду на наблюдательном пункте, - распорядился поручик.

Звонарев осмотрелся. Солнце едва взошло, в лощинах еще лежала предрассветные тени. Где-то за горой слышалась сильная ружейная перестрелка, прерываемая беспорядочными орудийными выстрелами. Издали доносился протяжный крик - не то "ура", не то "банзай". Когда первая суэта улеглась, солдаты настороженно стали оглядываться по сторонам, разыскивая врага. Но ни спереди, ни справа, ни слева никого не было видно.

- Вашбродь, разрешите выслать вперед людей японца постеречь! - попросил Блохин.

Прапорщик отправил несколько человек налево от позиций, а сам вышел на дорогу к батарее литеры Б. Она вся была окутана дымом и пылью, сквозь которую то и дело вспыхивали молнии выстрелов. На подступах к батарее виднелись густые японские цепи, сметаемые картечью. За батареей беспорядочно столпились ушедшие из скопов стрелки. Было хорошо видно, как офицер наспех выстраивал их для контратаки.

- На "литербе" японский флаг! - закричал Блохин.

Среди батареи на бруствере колыхалось белое полотнище с красным кругом посредине.

- Вашбродь! - подбежал к прапорщику телефонист Юркин. - Поручик приказали идти на выручку.

Не успел Звонарев сообразить, что ему делать, как Блохин и десятка два солдат уже бежали с винтовками наперевес по дороге к атакованной батарее.

Артиллеристов нагнала рота стрелков из резерва. Но японцы уже отошли от батареи. Первое, что прапорщик увидел, был раненный в ногу Гудима. Он наскоро перевязывался с помощью своего делщика. Жуковский суетился около орудий, стараясь наладить стрельбу. Потерь не было.

- Счастливо отделались! - невозмогая боль, говорил Гудима. - Стреляли на картечь до последнего, а когда хватились ружей, - то они оказались в казематах, - спасибо стрелки выручили.

- Труссы, опозорили наш Утес! - ругался Блохин. - Мы под Цзинджовой держались до конца и отступили, лишь когда никого уже на позиции не

осталось.

- Тебе хорошо было на Залитерной, а нас здесь окружили, и не особенно хотелось, чтобы нам выпустили кишки, - оправдывался Лепехин.

Жуковский приказал Звонареву обстреливать японцев во фланг из расположенных на левом фланге полевых пушек. Эти пушки обслуживались солдатами третьего взвода, наводчики которого, Гнедин и Воблый, отличались своей точностью и аккуратностью в работе, но были медлительны, за что им не раз попадало от Борейко. Звонарев застал их за обгскиванием двух японских трупов.

- Вашбродь, это вам! - преподн-ес Гнедин японскую карту Звонареву.

На карте подробно были нанесены все батареи ПортАртурской крепости, с указанием калибров установленных пушек, расположения прожекторов и пороховых складов. Прапорщик был весьма удивлен осведомленностью японцев.

Во второй половине дня японцы снова бросилась на штурм. Они быстро овладели выдвинутыми вперед редутами номер один и два и Куропаткинским люнетом. Жуковский поспешил к Звонареву.

- Сергей Владимирович, дела наши плохи, того и гляди, противник прорвется к нам в тыл. В случае отхода вы со взводом останетесь в прикрытии, - распорядился он.

- А Залитерная как?

- Пусть уж там Борейко сам заботится о себе. Самое большее-поддержим его своим огнем во фланг наступающим.

В это время японцы местами уже перебрались через Китайскую стенку и начали подниматься на Залитерную гору и расположенное в полуверсте восточное ее Малое Орлиное Гнездо. Повернув в эту сторону пушки, Звонарев открыл шрапнельный огонь. Гнедин и Воблый неторопливо наводили орудия и после каждого выстрела, прикрыв глаза рукою, внимательно следили за разрывами снарядов.

- Прицел, вашскородие, надо бы прибавить на одно деление, а трубку укоротить, - посоветовали они Звонареву.

- Ладно, только не копайтесь, сейчас дорога каждая секунда! Живо

наводи!

Пли!

Но ни Гнедин, ни Воблый не умели торопиться. Наконец прапорщик не вытерпел.

- Пошел к черту, тебе только блох ловить, а не штурм отбивать! - прогнал он наводчика и сам сразу начал давать вдвое больше выстрелов, но меткость их была все же хуже, чем у Гнедина.

- Зря снаряды раскидываете, вашбродь, - заметил обиженный Гнедин.

Затем Звонарев прогнал и Воблого.

- Становись правильным, а Жиганов будет наводчиком. Вали, Жиганов, вовсю! - приказал он фейерверкеру.

Выстрелы загревели один за другим. Номера едва успевали накатывать пушки на место. Неожиданный обстрел с фланга и тыла заставил японцев откатиться назад. Заметив это, соседние батареи взяли японцев под перекрестный огонь.

Устилая землю трупами, толпы японцев стремительно бросились в тыл, и тут на них обрушилась собственная артиллерия, стремясь остановить отступление. Но все было напрасно. Японские солдаты без оглядки бежали. С русских укреплений исчезали один за другим флаги Страны Восходящего Солнца. Стрельба затихала.

- Отбой! Поставить орудия на место! - приказал прапорщик. - А вас, обоих наводчиков, я отправлю на Залитерную, к поручику, он научит вас шевелиться поживее, - набросился он на Гнедина и Воблого.

Те удивленно смотрели на всегда спокойного и выдержанного офицера.

- Вы спасли положение на батарее, Сергей Владимирович! Опоздай вы на минуту-другую с открытием огня, японцы захватили бы вторую линию обороны и путь в город был бы открыт, - подошел Жуковский.

Фок раздраженно ходил по своему кабинету. Перед ним почтительно стоял Сахаров.

- Поймите меня, - горячился генерал. - Я не могу задерживать резервы до бесконечности. С самого утра мне не дают покоя Смирнов и Кондратенко. Из всей моей дивизии у меня осталось всего три батальона. Мне с

большим трудом удалось убедить Стесселя сохранить их как личную охрану его и его штаба.

- Заверяю ваше превосходительство, еще полчасачас - и японцы ворвутся в город. Только не давайте больше ни одного солдата из резерва, - горячо уверял Сахаров.

- Но все дело могут испортить моряки. Они очень храбры и беспощадно колотят этих проклятых японцев.

- Мною приняты меры, чтобы они не попали гуда, куда надо.

- Какие там меры. Они по собственной инициативе свернули на атакованный участок и сейчас подходят к Залитерной и Орлиному Гнезду вместо первого форта, куда их направили.

- Не успеют! Батарея литеры Б приведена к молчанию, редуты и форт номер два взяты...

- Справьтесь об обстановке у телефонистов, - кивнул Фок.

Сахаров исчез.

- Полный успех! Взята Китайская стенка. Залитерная окружена, Орлиное Гнездо штурмуется, - доложил вернувшийся Сахаров. - Стессель совсем потерял голову и идет сюда. Кондратенко неизвестно где, Смирнов тоже.

- Кондратенко на Большом Орлином Гнезде и оттуда руководит всеми действиями. На Смирнова мне наплевать. Я все равно не стану с ним считаться.

Попробую уговорить Стесселя не давать больше людей из резерва.

Вошел Стессель, совершенно расстроенный и подавленный. Он растерянно озирался по сторонам.

- Александр Викторович, что делать? Японцы, того и гляди, ворвутся в город и учинят резню, как при взятии Артура в китайскую войну.

- Прежде всего стянуть сюда, к штабу, все оставшиеся резервы и казачью сотню, для того чтобы в случае прорыва мы имели под рукой силу. Это предохранит нас от японцев в первый момент, а затем можно будет с ними вступить в переговоры.

- Но Кондратенко требует помощи, он уверен, что сможет отразить штурм, если ему пришлют хотя бы два батальона. У тебя сколько

осталось?

- Три батальона.

- Отправь на позицию два, а один пусть находится здесь.

- Не дам ни одного солдата!

- Почему?

- Не хочу подыхать раньше времени к тебе не советую! Мы старики и сами себя защитить уже не сможем, не говоря о твоей семье. Один батальон будет смят немедленно, и представь себе, что тогда произойдет!

- Это, конечно, так, но еще лучше японцев вовсе не допускать в город.

- Это не в наших силах!

- Кондратенко надеется...

- Охота тебе его слушать!..

- Смирнов ручается за успех!

- Бред сумасшедшего.

В дверь постучались, появился запыленный конный ординарец с пакетом от Кондратенко. Стессель вскрыл его трясущимися руками.

- "Огнем батареи литеры Б атакующие колонны были буквально сметены, блестящей контратакой моряков противник всюду отброшен за линию фортов в исходное положение. Для закрепления достигнутого успеха прошу выслать в мое распоряжение два батальона. Считаю, что юрод в безопасности. Кондратенко", - прочитал генерал. - Слава тебе господи, - набожно перекрестился он. - Отправить требуемые резервы.

- Надо еще проверить это сообщение. Кондратенко человек увлекающийся и часто видит не то, что есть, а что ему хочется, - сухо заметил Фок. - Надо подождать!

- Телефонограмма от генерала Белого, - доложил вошедший адъютант князь Гантимуров.

- "Все атаки отбиты, отступающих преследую огнем всех своих батарей. Нахожусь на Орлином Гнезде. Артур вне опасности. Белый", - прочитал Стессель.

- Отправить резервы! Объявить в приказе благодарность морякам и артиллеристам, - распорядился уже успокоившийся Стессель. - Я буду у

себя в штабе.

- Слушаюсь, - нехотя ответил Фок. - Черта лысого я отправлю батальоны до темноты, - бормотал он, когда Стессель вышел.

- Сорвалось! - мрачно прошептал Сахаров. - Черт бы побрал этих артиллеристов! На литере Б сидит Жуковский с Электрического Утеса... Белый знал, кого послать на эту батарею!

- Прошу помнить, что я сделал все зависящее, чтобы задержать резервы, - напом, нил Фок.

- Уговор дороже денег, ваше превосходительство. Тем более что сегодняшняя обстановка может повториться еще не раз. Разрешите откланяться.

В тот же вечер, когда стемнело и небо покрылось густыми грозовыми тучами, по военной дороге, идущей вдоль линии укреплений, ехали верхом три генерала, Смирнов, Кондратенко и Белый, со своими ординарцами.

- Хотя вы. Роман Исидорович, и не считаете целесообразным разработку различных планов штурмов крепости, но сегодняшние атаки почти в точности повторили мой вариант номер восемнадцать. Только контратака была произведена фронтально, а не во фланг, как у меня, - обратился Смирнов к Кондратенко.

- Всего, ваше превосходительство, предусмотреть невозможно! Я хотя и незнаком с упомянутым вами вариантом, но тем не менее довольно легко нашел единственно правильное в наших условиях решение-и контратака увенчалась успехом.

- Не помоги вам батареи Василия Федоровича, еще неизвестно, чем бы все кончилось!

- Я был твердо убежден, что артиллеристы и моряки не замедлят прийти на помощь пехоте, и, как видите, не ошибся.

- Боюсь только, что слишком много израсходовано снарядов. Вам, Василий Федорович, надо быть поэкономнее, стрелять только наверняка и не разбрасывать огонь батарей по нескольким целям.

- Указания вашего превосходительства мною будут приняты к

неуклонному руководству, - отозвался Белый.

Наступил серый, холодный рассвет. После прошедшей ночью ливня густой туман затянул все ложбины сплошной молочной пеленой. Глухо раздавались одиночные ружейные выстрелы и тотчас же замирали в неподвижном воздухе.

Звонарев поднялся на бруствер батареи литеры Б и в бинокль оглядел горизонт. Вдали синели Волчьи горы, справа чуть проступал Дагушань, слева торчало Большое Орлиное Гнездо, а внизу все было скрыто медленно колыхающимися облаками. Даже расположенные в сотне саженей впереди окопы казались подернутыми дымкой. Стрелки во весь рост ходили вдоль своих окопов.

Кое-где еще догорали ночные костры. Все было спокойно.

Прапорщик сошел вниз и, доложив обстановку на фронте Жуковскому, отпросился на Залигерную, где у него остались вещи. По пути рядом с ним брели с ночных работ на передовых позициях команды саперов. Навстречу тарахтели запоздавшие кухни и провиантские повозки.

Звонарев уже подходил к самой Залитерной, когда сзади раздалось несколько глухих взрывов, а за ними частая ружейная стрельба. Движение по дороге сразу ускорилось. Быстрее зашагал и прапорщик. Перестрелка нарастала. Скоро все слилось в один сплошной гул. Несколько беспорядочных орудийных выстрелов ворвалось в этот хаос звуков.

Добравшись до Залитерной, прапорщик кинулся на наблюдательный пункт. С горы было видно, как сверкали огни выстрелов в еще полутемных низинах.

Полоска огней быстро приближалась к чуть заметной Китайской стенке. Вскоре из тумана начали появляться сначала одиночные стрелки и матросы, затем группы, и наконец показались быстро отходящие цепи русских. Было очевидно, что начался новый штурм. Прапорщик устремился на батарею и впопыхах едва не сбил с ног Борейко.

- В чем дело? - спросил Борейко.

- Атака, японцы уже поднимаются на Залитерную, скорее огонь!

- К орудиям! Картечью! - закричал поручик. - Ты отправляйся к правому флангу, а я буду на левом, - наспех распорядился он.

Артиллеристы, еще не вполне очнувшиеся от сна, полуодетые, босые, суетились около орудий.

- Наводи прямо в гребень, бей без команды, но не суетись. Слышали, черти полосатые?! - вопил во всю силу своих легких поручик, стоя на одном из траверсов батареи.

У левых орудий на взводе стоял Родионов. Тут же вертелся без особого дела Блохин. Едва успели зарядить пушки, как впереди показалась первая японская цепь. Один за другим прогремели выстрелы, и картечь с визгом и воем понеслась навстречу врагу, сметая все на своем пути. Но тотчас появилась новая цепь, за ней еще и еще. Стрельба стала неровной.

- Вашбродь, японец заходит слева! - закричал вдруг Родионов.

- В ружье! - рявкнул Борейко. - Стрелять лишь правыми орудиями!

Артиллеристы бросились разбирать винтовки, готовясь принять в штыки обходящие цепи.

- Не горячись, целься верхнее, - спокойно покрикивал Звонарев. - Бери цели во фланг.

Но солдаты сами старались-изо всех сил. Их лица были красны от натуги, рубахи промокли от пота. Оглядываясь по сторонам, они в то же время быстро ворочали пушки в нужном направлении.

Обойдя батарею с тыла, японцы с криком "банзай" кинулись в штыки.

Борейко, размахивая саблей, первый с ревом бросился на них. Началась рукопашная схватка. Сперва артиллеристы оттеснили врага, но затем начали отходить перед численно превосходящим противником. Орудийная стрельба прекратилась. Все взялись за ружья. Огромная фигура Борейко возвышалась над всем побоищем. Он крошил направо и налево, рядом с ним орудовали Родионов, Кошелев и Лебедин. Вдруг шашка поручика разлетелась в куски от удара об японский штык. Борейко отскочил назад и, нагнувшись, схватил гандшпуг-саженный, окованный железом дубовый брус, и, размахивая им над головой, опять

ринулся на японцев. Первый ряд их был буквально сметен, остальные в ужасе отступили назад. Тогда Родионов и Лебедкин, вооружившись банниками, бросились за своим командиром. Этим страшным орудием они дробили головы, ломали руки, сбивали с ног. Японцы дрогнули и побежали, артиллеристы ринулись за ними. К ним на помощь подоспели стрелки, и враг был окончательно отброшен.

Едва успели устранить эту опасность, как обозначился обход справа.

Звонарев с несколькими солдатами открыл по ним безуспешную стрельбу из ружей. Японцы быстро приближались и вскоре вновь сошлись в штыки. В это время прапорщик увидел, как с батареи литеры Б в тыл врагу ринулись на выручку Залитерной второй и третий взводы. Впереди бежал, нелепо размахивая шашкой, Жуковский. Фуражка у него свалилась, но он ничего не замечал.

Солдаты быстро обогнали капитана и врезались сзади в цепи наступающих. Блох, ин с группой солдат кинулся за ними. Японцы смешались и бросились назад.

- К орудиям! - закричал Бореико. Сам став за наводчика, он дал выстрел картечью по отступающим; за ним открыли огонь и остальные пушки, довершая разгром противника.

Отброшенные назад к Китайской стенке, японцы были здесь атакованы с флангов подоспевшими стрелками и моряками, которые отрезали им путь отступления. Началось беспощадное избиение окруженных. На пространстве квадратной версты несколько тысяч русских в белом и японцев в зеленом в одиночку и группами дрались врукопашную. Ни японская, ни русская артиллерия не осмеливались обстрелять это побоище, до такой степени все перемешалось.

Но к русским подходили новые и новые резервы, и вскоре зеленый цвет был совершенно поглощен белым. Тотчас японская артиллерия открыла ураганный огонь по месту сражения, добивая своих и чужих раненых. Русские поспешили укрыться за Китайской стенкой.

При первых орудийных выстрелах Варя побежала на Залитерную с перевязочным материалом и йодом. Пробежав с полдороги, она

неожиданно оказалась перед японцем, озиравшимся по сторонам. Вид бегущей женщины его озадачил. Он не сразу сообразил, надо ли ему колоть угу бегущую русскую. Воспользовавшись этим мгновением, Варя швырнула ему в лицо банку с йодом. Японец взвыл от острой боли в глазах, стараясь стереть едкую жидкость. Девушка тем временем успела скрыться за поворотом. На батарее она уже не застала японцев и немедленно принялась перевязывать многочисленных раненых.

Борейко, с окровавленным гандшпугом в руках, в разорванном в клочья кителе, без фуражки, с повязкой на голове, осматривал с высоты бруствера свою батарею. Все было в целости, и если бы не десяток-другой японских трупов и большое число раненых, никто бы не сказал, что здесь только что разыгрался кровавый эпизод войны. Увидев Варю, он с сердцем плюнул:

- Опять принесла ее нелегкая!

Солдаты тотчас же столпились около девушки, ожидая своей очереди для перевязки.

- Смирно! - заорал Борейко.

Солдаты вытянулись, обернувшись к поручику.

- Спасибо за службу геройскую! Всем выдам по чарке водки.

- Рады стараться, покорнейше благодарим! - рявкнули в ответ артиллеристы.

- Тимофеич, выясни, кто у нас ранен или убит!

- Убитых, слава богу, нет, а раненых изрядно, - ответил Родионов, у которого тоже были перевязаны голова и левая рука.

- Двадцать человек, - доложил он через минуту, - изних шгеро тяжело.

- Значит, целых осталось всего пятнадцать. Маловато, надо будет просить пополнения. Прапорщик где?

- На "литербу" ушедши. Там тоже есть раненые, - сообщил Блохин, кривясь от боли в простреленном плече.

- Откуда там раненые?

- Капитан самолично пошли нам на выручку с вторым и третьим взводом.

- Сам-то он цел? - забеспокоился Борейко.

- Так точно. Вот они идут к нам.

Борейко оглушительно скомандовал "смирно" и, соскочив с бруствера, подошел к командиру роты с рапортом.

- Бросьте эти церемонии, дорогой! Какие у вас поэри? - остановил его Жуковский.

Поручик доложил.

- А у вас? - в свою очередь, спросил он.

- Трое ранено и один убит.

- Жаль беднягу...

Поблагодарив затем солдат за службу, капитан подошел к Варе.

- Вы наш ангел-хранитель! Чуть бой, а вы уже на батарее. Я сейчас пришлю сюда Мельникова вам на помощь.

- Боюсь, чтобы меня отсюда не прогнал Борейко, он смотрит на меня волком...

- ...хоть и сам нуждается в вашей помощи.

- Подождет Мельникова, а я займусь тяжелоранеными. Софрон Тимофеевич, подходи! - ласково обернулась она к Родионову.

- Он мне в морду штык сует, ну я и схватился за него рукой и порезал пальцы, да и голову тоже не предохранил. Кабы не Заяц, закололи б меня, - рассказывал фейерверке?.

- А что Заяц сделал? - поинтересовался Жуковский.

- Когда японец меня совсем уже брал на штык, он вскочил на него сзади и укусил за ухо. Тот от неожиданности не устоял на ногах и упал, тут его и прикололи. Вон за батареей лежит. Заяц с него на память башмаки снял - видите, красуется теперь в них.

Варя обернулась. Окруженный солдатами, артельщик, заложив руки в карманы, важно расхаживал по батарее в японских ботинках с обмотками.

- Знай наших! Приеду в Свенцяны, все с зависти полопаются, как я начну давить в них фасон, - шутливо хвастался он.

За Родионовым к Варе подошел Блохин. Пока ему очищали сквозную пулевую рану в плече, он морщился, но терпел, когда же ввели туда

йоди-стый тампон, он разразился отборнейшей руганью, но тотчас опомнился.

- Ты не слухай, сестрица, это я для облегчения душевного, - поспешил оправдаться он.

- Потерпи, сейчас конец, - уговаривала его Варя, вводя глубоко в рану зонд. - Вставлю турундочки - и все.

Перевязка раненых уже заканчивалась, когда к батарее подъехали Белый и Кондратенко. Борейко в своем живописном неглиже поспешил скрыться.

Жуковский, как всегда, при виде начальства сразу растерялся, пискливым голосом подал команду и, заикаясь, отрапортовал. Оба генерала тепло поздоровались с ним и поблагодарили за блестящее отражение атаки.

- Вы сами, говорят, зарубили двух японцев, - заметил Белый.

- Откуда вы это знаете, ваше превосходительство?

- На батарее литеры Б нам все рассказал Звонарев.

Капитан сделал досадливый жест.

- Я увидел, что Залитерия находится в опасном положении, и поспешил на помощь. Только и всего. Борей"о, тот действовал героически со своими солдатами. Больше половины людей ранены, в том числе и он.

- Не скромничайте, Николай Васильевич! Мы все хорошо знаем вашу личную храбрость и неустрашимость в бою.

Оглянувшись, Белый увидел свою дочь за перевязкой.

- Так вот где ты пропадаешь? - накинулся он на нее. - Ищем ее по всему Артуру. Пошли в госпиталь, там ее нет, на перевязочном пункте тоже нет, а она, оказываясь, лазит по батареям. Постыдилась бы людей-грязная, растрепанная, в стоптанных туфлях. Сейчас же отправляйся домой и приведи себя в порядок.

- Варя вчера и сегодня самоотверженно работала под огнем, - вступился Жуковский.

- И совершенно напрасно. В госпиталях не хватает сестер, а здесь и санитары справятся.

- Все любовь, - бросил вскользь подошедший Борейко.

Варя ответила ему уничтожающим взглядом.

- Просто дурь, - сердито буркнул Белый.

Разобиженная девушка, демонстративно попрощавшись только с солдатами, все же не утерпела и зашла в офицерский блиндаж, где находился телефон. Вызвав Звонарева, она пожаловалась на несправедливость.

- И Борейко гонит, и папа сердится. Но все равно завтра буду опять на пункте. Вы же помните, что береженого и бог бережет. - И девушка повесила трубку, тяжело при этом вздохнув. Затем она гордо прошла мимо Борейки и скрылась за поворотом дороги.

Генералы осмотрели батарею и отбыли в штаб Стесселя, пообещав прислать пополнение из моряков.

Стессель собирался уже покинуть штаб, когда Кондратенко и Белый подъехали к крыльцу.

- Пойдемте, господа, обедать, за столом мы обсудим все интересующие вас вопросы, - любезно пригласил он гостей.

В столовой их встретила Вера Алексеевна. Приветливо поздоровавшись, она распорядилась прибавить два прибора.

Пока генералы совершали предобеденный туалет, подошел Никитин. Он выглядел еще больным после только что перенесенной дизентерии.

- Владимир Николаевич! Как я рада вас видеть, - заспешила к нему навстречу генеральша.

- Первый выход мой к вам, драгоценная матушка Вера Алексеевна. Если бы не вы, давно лежал бы я в земле сырой. Пожалуйте ручку, благодетельница вы моя.

- Для вас, Владимир Николаевич, у меня все найдется. Ведь вы мой рыцарь без страха и упрека.

- Таким и останусь до самой гробовой доски! - пылко заверил ее генерал. Все заняли места. Пока генеральша разливала суп, мужчины занялись водкой и закусками. Особенно отличался Никитин. Рюмка за рюмкой с быстротой молнии исчезали в его глотке. Одновременно лицо его

принимало неестественно красный цвет, а мысли приобретали необычайную легкость.

- Слыхал, Анатолий Михайлович, о новом подвиге нашего артурского Архимеда-Смирнова? - обратился он к Стесселю.

- Опять начудил где-нибудь?

- Сидел это он, сидел и вдруг изобрел новый способ артиллерийской стрельбы при помощи высшей математики и тому подобной ерундистики. Это открытие так его потрясло, что он, забыв обо всем, как был, выскочил на улицу и побежал прямехонько к Василию Федоровичу. Чуть невыразимые по дороге не потерял! - захохотал Никитин.

- Отдайте графин, Владимир Николаевич, - решительно потребовала Вера Алексеевна.

- Одну распоследнюю, - взмолился генерал. Но хозяйка уже спрятала водку.

Стессель покатывался со смеху, слушая болтовню своего друга и наблюдая за его войной с Верой Алексеевной.

- Это тебе не я! Здесь потачки не получишь.

Кондратенко и Белый тоже улыбались в усы.

- А Фокушка-то наш тоже отличился, - продолжал Никитин. - Приказал ты отправить все резервы на позиции. Значит, и ему тоже надо с ними отправиться, а идти не хочется, больно сильно японец стреляет. Ну, и объявил он, что ввиду праздничного дня резервы задерживаются до завтра.

- Какого же святого он праздновал? - спросила генеральша.

- Труса праздновал, матушка Вера Алексеевна, - выпалил Никитин.

Его шутка на этот раз не вызвала смеха, - Я тоже хотел доложить вам, Анатолий Михайлович, что ваше распоряжение об отправке резервов на позицию генералом Фоком выполнено не было. Это едва не привело сегодня к прорыву нашей второй линии, - проговорил Кондратенко.

- Подобное поведение Фока совершенно недопустимо! - возмутилась Вера Алексеевна. - Он уже перестал считаться с тобой, Анатоль, он должен твердо помнить, что в Артуре всякое твоё слово для всех является

законом.

- Подайте м"е рапорт. Роман Исидорович. Я сам займусь этим делом, - распорядился Стессель.

- Дело и так ясное. Раз Фок не хочет тебя слушать, его необходимо отстранить, - вмешалась Вера Алексеевна.

- Пожалуй, я так и сделаю! Завтра же отдам приказ об отчислении его в мое распоряжение, - решил Стессель.

- Как же обстоят дела на позициях? - осведомилась Вера Алексеевна у Кондратенко.

- Все атаки отбиты, особенно отличились артиллеристы-банниками отбивались от японцев на Залитерной и ходили в штыки на батарее литеры Б. Зато и потери велики, из ста двадцати офицеров семь убито и двадцать три ранено.

- Какой ужас! А кто командиры на этих батареях?

- С Электрического Утеса-Жуковский, Борейко, Звонарев, - сообщил Белый.

- Мосье Звонарев тоже отличился? - поинтересовалась генеральша, обращаясь к Белому.

- Об этом лучше спросить Варю, - улыбнулся Кондратенко. - Она днюет и ночует около той батареи, где находится прапорщик.

- Совсем отбилась от рук. Запру ее дома, пусть помогает матери по хозяйству, - сердито отозвался Белый.

- В окошко выпрыгнет, в трубу вылетит, а к своему милому доберется: девчонка боевая! - поддел Стессель.

Обед кончился. Гости стали прощаться.

Вечером Стессель пригласил к себе Фока и в дружеской форме предложил ему временно отдохнуть.

- Тебе Смирнов, с Коидратенко посоветовали убрать меня? - в упор спросил Фок.

- Твое недомогание заставляет позаботиться о твоём здоровье, и, кроме того, ты останешься моим советником.

Генерал просил дать ему время подумать и отсрочить приказ до

следующего дня, на что Стессель и согласился. Вернувшись домой, Фок тотчас же вызвал к себе Сахарова и сообщил ему о полученном распоряжении.

- Вот и отлично! - обрадовался капитан. - Вы ни за что сами не будете нести ответственности, и в то же время ваше влияние на Стесселя еще увеличится.

- Так-то оно так. Но все же авторитет мой будет умален, ибо фактически меня отстраняют от дела.

- Себе на голову. Вы отныне будете посторонним беспристрастным наблюдателем. Никто вам не мешает давать критическую оценку происходящим событиям. Эти отзывы можно рассылать в письменном виде в назидание всем начальникам вплоть до командиров полков.

- Не собираетесь ли из меня на старости лет сделать писаку-щелкопера?

- Ваше превосходительство недооцениваете значение печатного слова, им можно достигнуть многого.

- Что же, например?

- Внушения массам нужных идей; подрыва авторитета определенных лиц.

- Я начинаю вас понимать.

- В этом я никогда не сомневался! Письмецо о промахах, действительных или мнимых, Смирнова, Кондратенко и других неугодных вашему превосходительству лиц может иметь весьма серьезные последствия. Их можно отправлять простой почтой, чтобы с содержанием могли познакомиться также и писари, а через них и широкие солдатские массы.

- Вы считаете, что таким образом можно влиять на настроение гарнизона?

- Так точно! Писаря-это прирожденные сплетники и паникеры. От них всегда идут самые нелепые и поэтому кажущиеся солдатам наиболее правдоподобными слухи.

- Тифонтай прекрасно умеет подбирать себе друзей и служащих! Такого прохв... проныру, как вы, днем с огнем не сыщешь. Вы далеко пойдете, Василий Васильевич!

- С вашей помощью, ваше превосходительство... - расшаркался Сахаров.

Друзья расстались, а на следующий день был объявлен приказ об освобождении Фока от должности начальника общего резерва крепости с назначением в распоряжение Стесселя.

К одиннадцатому августа штурм прекратился. В руках японцев остались лишь совершенно разрушенные редуты номер один и два в промежутке между фортами номер два и три. За время штурмов японцы потеряли свыше 15000 человек.

Русские потеряли 3000. Сознание одержанной победы высоко подняло моральный дух гарнизона. Даже Стессель счел нужным обратиться к солдагам со следующим приказом: "Слава вам, доблестные защитники Артура, грудью своей отстоявшие русскую твердыню на Дальнем Востоке! В течение недели вы без смены, без отдыха выдерживали натиск во много раз численно превосходящих вражеских полчищ. Вы под руководством героических начальников, генералов Фока, Кондратенко, Никитина и Белого, показали, на что способен русский солдат в бою. Все мои приказания выполнялись быстро и точно, в чем я лично мог убедиться, непрерывно находясь на атакованных участках. Приказ прочесть во всех ротах, сотнях, батареях и командах".

- Стессель-на передовых позициях!.. Будет чем посмешить сегодня солдат на вечерней перекличке, - захохотал Борейко, прочитав это произведение.

Глава третья

После штурмовых дней на позициях настало затишье. Редко-редко в раскаленном, знойном воздухе летних артурских дней раздавался одиночный орудийный выстрел. Целыми днями солдаты лежали в тени блиндажей и козырьков, предаваясь отдыху. На багареях литеры Б и Залитерной жизнь шла размеренном чередом. Шесть дней каждый взвод проводил на позициях, а затем на двое суток шел на отдых на Утес. С солдатами менялись и офицеры.

Открытый на Утесе околоток для слабосильных был почти пуст. Рива и Шура вполне справлялись с работой. Гудима, опираясь на палочку,

тихонько бродил по двору, наводя порядок среди артиллеристов и выздоравливающих.

Рассчитав, что Звонарев должен находиться на Утесе, Варя утром прискакала верхом. Подъехав к батарее, она, как всегда, оставила лошадь около кухни и отправилась в офицерский флигель. Там она прошла к комнате Звонарева и постучала в дверь. В ответ послышался женский голос, просивший немного обождать. Варя мгновенно насторожилась – голос показался ей знакомым. Кроме того, самый факт нахождения женщины в этот час в комнате Звонарева возбудил в ней ревнивые предположения. Варя нетерпеливо топала ногами, дверь наконец отворилась, и она оказалась лицом к лицу с Ривой. От неожиданности и удивления Варя несколько мгновений была совершенно неподвижна. Рива была тоже не менее удивлена и во все глаза смотрела на гостью. Она не понимала, зачем так рано Варя могла оказаться на Утесе.

- Войдите, пожалуйста, - первая опомнилась Рива.

Девушка вошла и быстрым взглядом окинула комнату. На вешалке у двери вперемешку висели женские платья и офицерские кителя, под ними красовались ботфорты со шпорами рядом с лакированными дамскими туфельками. На столе лежали крахмальные манжеты и приготовленная для починки мужская рубаша, но самого Звонарева не было.

- Где он? - глухо спросила Варя. Лицо ее запылало багровым румянцем.

- Сережа? Он на Залитерной.

То, что Рива назвала Звонарева просто по имени, окончательно нарушило душевное равновесие Вари.

- Вы зачем здесь? - резко спросила она.

- Я здесь живу, - ответила Рива, не понимая раздражения гостьи.

- Вы... Вы завлекли его, мерзкая тварь, вы хотите сделать его несчастным на всю жизнь, но... но это вам не удастся! - трясась от ярости, закричала Варя и, хлопнув дверью, вылетела ярую.

- Позвольте, вы не поняли!.. - кинулась было ей вслед Рива, но Варя,

ничего не помня от горя и обиды, одним махом взлетела на свою Кубань и, огрев ее нагайкой, карьером понеслась с Утеса. Слезы градом катились по ее лицу, косынка съехала с головы, волосы растрепались. Она стремилась скорее повидать Звонарева и выяснить характер его отношений с Ривой. Ее самолюбие было больно уязвлено.

"Как мог этот низкий человек так долго обманывать меня, утверждая, что между ними ничего нет! Заставлю его публично сознаться в этой связи и порву с ним окончательно! - вихрем неслись мысли в голове девушки. - Я-то ему верила, я-то о нем заботилась..."

Затем с чисто женской логикой она начала подыскивать оправдание для Звонарева.

"Не столько виноват он, сколько эта подлая тварь.

Очевидно, она пренагло явилась к нему сама и стала с ним жить, а он... шляпа, тряпка, не мог устоять и забыл обо мне! - всхлипнула Варя при этой мысли. - Быть может, он и вообще обо мне не думает, - пришла она к совсем печальному выводу, но тотчас его отвергла. - Думал и будет думать, и никому я его не отдам".

Размышляя таким образом, она доскакала до города.

На Пушки-нской улице ее окликнули.

- Варя, что случилось? Куда ты мчишься в таком неприличном виде? Посмотри на себя! Как тебе не стыдно появляться на улицах такой растрепанной.

Девушка оглянулась и увидела на тротуаре Веру Алексеевну.

- Ни-че-го! - все еще сквозь слезы отозвалась она.

- Сойди с лошади и пойдем к нам. Ты приведешь себя в порядок, - распорядилась генеральша.

Варя повиновалась.

Пока Варя приводила себя в порядок. Вера Алексеевна продолжала выпрашивать о том, что ее так огорчило. Девушка сперва отнекивалась, но затем все рассказала и при этом опять так расплакалась, что ее пришлось отпаивать водой.

- И охота тебе убиваться из-за какого-то Звонарева!

Да он твоего ногтя не стоит! Есть много более достойных, чем этот противный прапорщик... - уговаривала генеральша.

- Он совсем не противный...

- Что ты в нем нашла? Случайный человек на военной службе, наверное, из поповского рода, гол, как сокол, невоспитан и к тому же, оказывается, грязный развратник!

- Неправда! Это она во всем виновата.

- А почему, собственно, эта мерзкая тварь оказалась на Утесе? Что ей там делать? Тут что-то неспроста!

- Приехала к нему...

- Только ли поэтому? - подозрительно спросила Вера Алексеевна. - Не знаю!

- Я займусь ею сама сегодня же, и мы ее уберем оттуда на Ляотешань или Голубиную бухту. Туда твой красавчик не особенно разъездится.

Варя просияла.

- Эх, Варя! На тебя давно заглядывается наш Гаитимуров, а ты и не замечаешь!

- Отвратительный слизняк!

- Неправда! Молод, интересен, старинного княжеского рода, принят в высшем свете. Правда, за душой у нею ничего нет, но зато ты не бесприданница.

Будешь княгиней, быть может, попадешь ко двору.

- Весь скользкий, мягкий, противный, - брезгливо ответила Варя.

- Ладно! Я с твоей матерью поговорю об этом. Она тебя наставит на путь истинный, а пока поезжай-ка ты домой. С такой заплаканной физиономией стыдно на людях показываться.

Варя взглянула в зеркало на свое распухшее от слез лицо, красные глаза и, попрощавшись, отправилась домой.

Как только она уехала. Вера Алексеевна приказала позвать к ней жандармского поручика Познанского.

- Честь имею явиться, ваше превосходительство! - вытянулся он перед генеральшей.

Она милостиво протянула ему руку, к которой поручик почтительно приложился.

- Садитесь, пожалуйста. Я пригласила вас к себе, чтобы попросить мне помочь в одном деле.

- Весь к вашим услугам, - расшаркался жандарм.

Генеральша рассказала о пребывании Ривы на Утесе.

- Эта жидовка наводит меня на подозрение. Что ей делать на Утесе, и почему она поселилась именно у Звонарева, который долгое время состоял при Кондратенко и досконально знает расположение и состояние всех укреплений Артура?

- Прикажете все расследовать?

- Не только расследовать, но и обезвредить эту тварь. - И генеральша состроила презрительную гримасу.

- Слушаюсь! Немедленно будет исполнено! Разрешите идти? - Познанский вскочил и мгновенно исчез за дверью. Затем он направился в штаб Стесселя.

Зайдя к начальнику штаба полковнику Рейсу, он попросил у него приказа о производстве обыска в квартирах-Ривы в Новом городе и Звонарева на Электрическом Утесе и их аресте в случае обнаружения подозрительных материалов.

- Прапорщика Звонарева? - удивился Рейс. - Вы ведь знаете, что это протеже Кондратенко и почти зять Белого. Без ведома начальника района не могу, - отказал Рейс.

- Это распоряжение самой Веры Алексеевны.

Полковник испытующе посмотрел на Познанского.

- Хорошо! Я проверю потом ваше заявление.

Через четверть часа жандарм вышел с нужной бумажкой в кармане. По дороге к себе он мысленно набросал план действий. На Электрический Утес ему ехать не хотелось, так как он опасался столкновения с артиллерийскими офицерами, которые не переносили жандармов. В домике же Ривы можно было рассчитывать и на поживу при обыске. Поэтому, придя в жандармское управление, он предложил своему

начальнику ротмистру князю Микеладзе отправиться на Утес. Ротмистр, не отличавшийся сообразительностью, согласился. Вскоре оба жандарма двинулись в путь.

На Утесе Микеладзе сперва зашел к Гудиме, предъявил свои полномочия и с ним отправился в комнату Звонарева. Появление жандармов повергло Риву в неопиcуемый ужас. Она совершенно растерялась, заплакала и бессвязно уверяла, что она ни в чем не виновата.

Ротмистр не замедлил счесть все это за косвенное доказательство своих подозрений и рьяно принялся за обыск. В результате были обнаружены завалявшийся старый план Артура, несколько неоконченных проектов батарей с объяснительной запиской к ним. Захватив все это, жандармы увезли с собой и Риву.

- Добрались-таки и сюда, сволочи, - выругался Лебедин, издали наблюдавший с солдатами за происходящим.

- Нет нашего поручика. Он бы ее в обиду не дал.

Живо бы прогнал отсюда этих стервецов, - поддержали солдаты.

- Я сейчас поеду на Залитерную с обедом, - вмешался Заяц, - и сообщу все прапорщику.

- Только лети духом, чтобы они скорее тебя не добрались туда.

- Кухня-то сегодня полупустая, мигом доберемся.

Белоногов, запрягай, - скомандовал Заяц своему помощнику.

Доставив арестованную на гарнизонную гауптвахту, Микеладзе отправился на Залитерную за Звонаревым.

Прапорщика там не оказалось. Предупрежденный Зайцем, он отправился на батарею литеры Б посоветоваться с Жуковским. Борейко же при виде жандарма не замедлил взъерошиться.

- Если бы прапорщик и был здесь, то все равно я не допустил бы его ареста. А пока что прошу освободить батарею от вашего присутствия, - отрезал он ошарашенному ротмистру.

- Вы забываете, что я прибыл по распоряжению штаба Стесселя.

- Прибыли вы не ко мне, нужного вам лица здесь нет. Поэтому ваше пребывание на Залитерной совершенно излишне. Эй, подать экипаж

начальника жандармского управления! - приказал поручик.

- Но хоть укажите, где сейчас находится Звонарев.

- Мне это совершенно неизвестно.

Микеладзе нехотя направился к экипажу.

- Вашбродь, прапорщик Звонарев просят вас к телефону, - подбежал в это время денщик Борейко.

- Идиот, - зашипел на него поручик, но было уже поздно. Жандарм быстро обернулся.

- Вот и прекрасно. Я сейчас переговорю с ним и попрошу его приехать сюда, - проговорил он.

Но вместо прапорщика ротмистру пришлось говорить с Жуковским.

- Поскольку я не получил от своего начальника никаких распоряжений относительно Звонарева, я не считаю возможным выполнить ваше требование, - ответил кашпан. - Вам придется лично предъявить мне приказ об аресте.

- Не могу же я этого сделать по телефону.

- Остается одно-прибыть ко мне на лигеру Б.

На фронте было тихо, и это придало храбрости жандарму. Скрепя сердце он отправился к Жуковскому.

- Николай Васильевич, гоните эту сволочь в шею и без разрешения Белого Сереже не выдавайте, - тотчас же проинструктировал своего командира Борейко.

Увидев подпись Рейса, Жуковский заколебался и предложил Звонареву самому решить, что ему делать.

- Раз есть приказ, надо ему подчиниться, - со вздохом проговорил Звонарев.

- Я же немедленно обо всем сообщу в Управление артиллерии. Все, конечно, быстро выяснится, - обрадовался Жуковский.

Звонарев стал прощаться. Солдаты недоумевающе спрашивали друг у друга, почему забирают прапорщика.

- Донос на него был, что он японцу в руку играет, - сообщили наиболее осведомленные телефонисты.

- Чепуха все это! То-то он позавчера не менее батальона побил да покалечил, когда сам из пушки с Жигановым стрелял.
- Это, знать, он для отводу глаз!
- За такой отвод японец небось его не поблагодарит.
- Прощайте, братцы! Дай вам бог удачи! - обратился к ним Звонарев.
- Счастливо! Скорей до нас вертайтесь назад, - хором ответили артиллеристы.

Пока Микеладзе орудовал на Утесе и батарее литеры Б, Поз и а некий тоже не терял времени. Подойдя к домику Ривы в Новом городе, он предусмотрительно оцепил его, а затем, обойдя со двора, стал стучать в заднюю дверь.

Куинсан тихо беседовала со старым китайцем, почтительно выслушивая его указания, когда раздался стук в двери. Выглянув в окно, она увидела, что дом оцеплен жандармами. В страхе она сообщила об этом своему гостю.

- Что бы ни случилось, говори одно: не знаю, не знаю, не помню, все отрицай. Русские жандармы и власти особенной понягливостью не оглнчаются. Не думаю, чтобы они смогли разоблачить меня, а тем более тебя, - наставлял старик девушку.

- Может, постучат и уйдут? - предположила Куинсан.

- Это молодой жандарм, поручик Познанский, - разглядел в щелку старик. - Он обязательно ворвется в дом. Захочет отличиться. Будь с ним особенно осторожна...

Все окна были закрыты, внутри не было слышно ни малейшего движения, домик казался пустым. Поручик призадумался. Принадлежи дом только Риве, он без стеснения выломал бы двери и произвел обыск. Но ему прекрасно было известно, что дом находится в аренде у лейтенанта Акинфиева. Вломиться в квартиру морского офицера - значило иметь крупные неприятности с флотским начальством. Это не сулило Познанскому ничего хорошего.

- Постучи посильнее в последний раз, а там придется обождачь чьего-либо прихода, чтобы попасть внутрь, - распорядился он.

С энергией жандармы забарабанили во все окна и двери. От их чрезмерного усердия посыпались кое-где стекла.

- Осторожнее, косолапые идиоты! - прикрикнул поручик.

- Слыхать, ходют, вашескорodie, - обрадованно доложил один из унтеров.

- Отворяй дверь живо, сволочь, - заорал Познанский, заметив в одном из окон Куинсан.

Девушка поспешила выполнить приказание..

- Ты оглохла, что ли, дура, - накинудся на нее жандарм.

- Моя сипи, сипи, ничего не слышай, - пробормотала, низко кланяясь, испуганная Куинсан.

Войдя в дом, жандармы бросились обшаривать все закоулки и вскоре извлекли из одной кладовушки старого нищего.

- Моя старая папа, - бросилась к нему Куинсан. Нищий казался страшно испуганным и усиленно кланялся.

- Шпион, сволочь! - проговорил Познанский, дергая его за косу.

- Моя чесни китайса, - со стоном проговорил старик, откидываясь назад.

- Что ты тут делаешь, старый хрыч? - буркнул Познанский.

- Куш, куш мала-мала.

- Моя чифан ему дай, - вмешалась Куинсан.

- Недурна канашка, - взял ее за подбородок жандарм. - У такой обезьяны и такая дочка! Силин, нет ли там отдельной комнаты? Мне надо поговорить по секрету с ней, - обратился он к своему старшему унтер-офицеру.

- Спальня имеется, вашбродь, в ней кровать пуховая, - понимающе улыбнулся Силин.

- Вы тут присмотрите за стариком, чтобы не сбежал, - распорядился поручик.

- Не извольте беспокоиться - углядим, вашбродь, - успокоил Силин.

Старик сидел на табуретке, совершенно безучастный ко всему окружающему.

- Эх, старик! - обратился к нему один из жандармов, оставшихся на

кухне.

- Дело твое худое есгъ, будет тебе кантами. - И он выразительно ударил себя ребром ладони по шее.

- Моя чесни китайса.

- А зачем долго не отпирал дверь?

- Шибко ломайло, шибко старашно. Ч и А а и - еда, обед.

Унтер закурил и стал поглядывать в двери комнат, другой перебирал кастрюли, выбирая себе по вкусу. Старик неожиданно метнул в сторону и исчез за дверью.

- Стой, куда? - бросились за ним жандармы.

Старику удалось бы убежать, но на его несчастье, выбегая во двор, он налетел на одного из расставленных снаружи унтеров. На крик сбегались остальные жандармы и сам Познанский, не успевший "допросить" Куинсан.

- Вяжи стервеца, да покрепче! - распорядился Силин. - Старый, а силы больше, чем у молодого.

Избитого, связанного по рукам и ногам нищего заперли в сарай и рядом с ним посадили караульного. Познанский больше не сомневался, что пойманный-шпион, и, обрадованный удачей, торопился закончить обыск. Ничего подозрительного найдено не было.

Через полчаса старика и Куинсан под конвоем отвели на гауптвахту, а Познанский поспешил с докладом к Микеладзе. Затем они отправились в штаб Стесселя. Ознакомившись с делом, генерал приказал весь материал отправить к председателю крепостного суда, генералу Костенко.

Вернувшись домой, Варя, чтобы отвлечься от своих грустных мыслей, усиленно занялась хозяйством, помогая матери.

Рива не выходила у нее из головы. Она ломала голову над тем, как разъединить ее с Звонаревым. В помощь Веры Алексеевны она не верила.

- Найду лейтенанта, который содержит ее, и все расскажу ему, - наконец решила она.

Но ни его фамилия, ни теперешнее местонахождение ей не были

известны.

Варя решила попытаться узнать фамилию Ривиного друга у старшего писаря Управления артиллерии Севастьянова, который был в курсе всех артурских дел.

- Петр Евдокимович, не знаете ли фамилию того моряка, который содержит эту... Риву? - спросила она его.

- Вы хотите сообщить ему о ее аресте?

- Как аресте?

- Разве вы не знаете, барышня? Ее забрали вместе с прапорщиком Звонаревым.

- Звонарев арестован? - побледнела Варя.

- По распоряжению полковника Рейса. Обвиняется чуть ли не в шпионаже.

- О господи! Да кому же могла прийти в голову такая нелепая мысль?

- Не знаю. Сейчас они на гауптвахте, а вечером их будут судить.

У Вари подкосились ноги, и она опустилась на табуретку, почти теряя сознание. - Вам нехорошо, барышня? Я сейчас принесу воды, - засуетился Севастьянов.

- Да вы не волнуйтесь. Их, наверное, генерал Костенко оправдают.

Преодолев минутную слабость, Варя поспешила домой.

- Папочка, Сереж... Сергей Владимирович арестован! - влетела она в кабинет отца.

- Да, знаю, какое-то недоразумение, - спокойно ответил Белый.

- Его сегодня судить будут! - с отчаянием проговорила Варя.

- Тем лучше. Костенко его знает по работе и, конечно, быстро разберется во всем.

Варя постояла несколько секунд в нерешительности.

- А его не повесят, папа?

- За что? Разве за то, что сбил тебя совсем с панталыку. Так за это надо прежде всего тебя драть, чтобы дури в голове было меньше.

- Все это неправда, папа! - смущенно проговорила девушка и поспешила выйти.

- Скорее к Костенко, - шептала она, выходя из дому.

Костенко по-прежнему жил на так называемых дачных местах, расположенных в седловине между отрогов Золотой и Крестовых гор.

Варя застала его отдыхающим после обеда.

- Не приказали до вечера будить, - сообщил девушке денщик.

- Он знает, что сегодня состоится заседание суда по делу о шпионстве?

- Нынче почти каждый день кого-нибудь судят, - равнодушно ответил солдат.

Подождав немного. Варя решительно вошла в дом и поскреблась в дверь кабинета, но ответа не последовало. Тогда она осторожно открыла дверь и тихонько окликнула генерала.

- Кто там? - спросонок не разобрался Костенко.

- Это я, - вошла девушка.

- А, попрыгунья-стрекоза! Входи, входи. Зачем ко мне залетела?

- Он совсем ни при чем, это все она! - заволновалась Варя.

Костенко протер глаза и удивленно уставился на свою гостью, которая, захлебываясь и глотая слова, довольно бестолково рассказала о цели своего посещения.

- Вы, Михаил Николаевич, обязательно должны его освободить, - закончила она.

- Так это о твоем дружке сердечном дело идет? Но ведь там замешана еще какая-то особа. Я сначала думал, что просто идет разговор о шпионах, и тут разговор короткий: вздернуть, и дело с концом. А тут, оказывается, целый роман с контрабасом, даже с двумя, - лукаво подмигнул он.

- Даю вам честное слово, что он ни при чем сложила на груди руки девушка.

- Было бы очень просто разрешать судебные дела на основе таких заявлений, - расхохотался Костенко. - Дайка я еще посмотрю присланный материал. - И он, оседлав очками свой нос, стал читать донесения жандармов.

- Интересно знать, что послужило началом дела. Тут имеется лишь

предписание штаба Стессел-я о производстве ареста. Но почему было отдано такое распоряжение, неясно, - бормотал генерал. - Ну, тут все пустяки, а это посерьезнее. Так, так! Прямых улик нет, но косвенные имеются, и их придется проверить, - резюмировал прочитанное Костенко.

- Я лично не думаю, чтобы этот, как его... Звоников...

- Звонарев, - поправила Варя.

- Ну, все равно, чтобы он был замешан! Простое стечение обстоятельств.

- Вы пригласите папу в свидетели?

- Зачем беспокоить Василия Федоровича?

- Это же его офицер, он может дать о нем отзыв, и Кондратенко тоже.

- Конечно, суд примет во внимание мнения таких почтенных людей.

- Тогда я приведу папу на суд. И мне можно будет присутствовать на заседании?

- Не полагается. Дело пойдет при закрытых дверях.

- Хоть одним глазком посмотреть, что там будет делаться...

- Там видно будет,

Варя распрощалась и упорхнула, а Костенко, охая и кряхтя, стал собираться на службу.

После долгих настояний Варе все же удалось уговорить отца побывать на суде, Кондратенко же она так и не нашла.

Было около шести часов вечера. Дневной жар понемногу начал спадать. С моря потянуло прохладой. На улицах города появились гуляющие. Японцы молчали. На "Этажерке" играла музыка. С кораблей съезжали моряки.

Китайцы-лоточники расположились у входа на бульвар.

Варя с отцом, свернув с набережной, направились к гарнизонному собранию, где обычно заседал военный суд. По дороге их нагнал уже немолодой, полный адъютант крепостной артиллерии, призванный из запаса прокурор порт-артурского окружного суда, поручик Азаров.

- Вы куда торопитесь, Иван Иванович? - спросил его генерал.

- Я назначен сегодня выступать в качестве обвинителя на заседании суда.

- Так это вы будете доказывать, что Эвонарев виноват? - коршуном накинута на него Варя.

- Зная ваши симпатии к нему, ограничусь требованием его расстрела, а не повешения.

- Как? Расстрелять? - не поняла шутки девушка и громко всхлипнула. - Он совсем невиновен, - сквозь слезы проговорила она.

- Не смей реветь на улице, - рассердился Белый, - иначе мы сейчас же отправимся домой! Вот уж действительно, "что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом"!

- Не волнуйтесь, Варя, все кончится пустяками, - успокаивал девушку Азаров. - Против нашего Сергея Владимировича обвинение очень слабое.

- А кто будет защитником?

- Капитан Вениаминов, командир Саперной батареи.

- Петр Ерофеич? - спросила Варя.

- Он самый.

- Где его можно видеть?

- До заседания суда едва ли поймаете. Он будет готовить защитительную речь.

- Я ему помогу.

- Он и без твоей помощи обойдется. Сядешь около меня, - остановил ее отец.

Гарнизонное собрание помещалось в одноэтажном кирпичном здании и имело снаружи казарменный неуютный вид. Внутри обстановка была тоже неказистой.

Одна из комнат служила залом заседания, а в соседней камерке происходили совещания суда. Перед зданием был разбит небольшой цветничок с несколькими аллеями. Сюда направился Белый с дочерью. К ним тотчас же стали подходить артиллеристы. Первым подошел, как всегда отдуваясь, Тахателов.

Появился Вениаминов. Варя бросилась к нему навстречу.

- Вы его защитите, Петр Ерофеич? Он-в чужом пиру похмелье.

- Вы имеете в виду мосье Звонарева?

- Ну конечно!

- Я надеюсь на его полное оправдание, что же касается остальных...

- Я интересуюсь только Сергеем Владимировичем.

Капитан улыбнулся и хотел что-то сказать, но его позвал Костенко.

Варя вышла из палисадника на улицу. К собранию подходила группа подсудимых. Впереди шел Звонарев, поддерживая бледную, едва стоящую на ногах Риву. Варя даже не поверила сразу, что это та самая интересная женщина, которую она видела сегодня утром. Прапорщик тоже имел растерянный, испуганный вид. Увидев девушку, он слабо ей улыбнулся.

- Все будет хорошо, Сергей Владимирович! - громко крикнула Варя, желая его подбодрить.

Конвойные совсем не обращали внимания на офицера, всецело занятые наблюдением за стариком нищим и Куинсан.

- Не отставай, - то и дело покрикивали на них солдаты. - Все равно убечь не дадим!

На небольшом расстоянии от арестованных тихонько шел Вен Фань-вей, внимательно вглядываясь в старого китайца, устало бредущего рядом с солдатами. Вен то равнялся с ним, то заходил вперед, стараясь возможно лучше разглядеть арестованного. Особенно привлекал внимание Вена глубокий шрам на шее старика. Сомнений не было-этого "старика" он хорошо знал... Увидев Варю с отцом. Вен подошел к ним и нерешительно остановился.

- Что тебе, Вен? - спросила Варя.

- Надо мало-мало говори, - ответил Вен, кланяясь.

- Я слушаю, Вен, - довольно рассеянно отозвалась Варя.

- Я знаю старик. Он генерал Танака, - шепотом проговорил Вен.

- Что ты говоришь несусразицу! - удивилась девушка. - Откуда здесь взяться Танаке? Просто, быть может, переодетый шпион?

- Я говори правда-это Танака, - настаивал садовник. - С нима Куинсан.

Тоже японса есть.

Взволнованная Варя поспешила передать это отцу.

- Чепуха, не может этого быть! - отмахнулся генерал.

- Послушай, папа, это надо проверить. Едва ли Вен стал бы говорить чепуху. Помнишь, у нас была карточка из Владивостока. Танака там был военным агентом. Та, что в большом альбоме. Пусть Вен ее быстренько принесет сюда. Я напишу маме записку, дай карандаш...

Черкнув несколько слов. Варя подозвала Вена.

- Вен, голубчик, сбегай домой, отдай маме эту записку, возьми карточку и быстро обратно.

Схватив записку. Вен бросился бежать.

Вскоре началось заседание суда. В небольшой комнате поставили накрытый красным сукном стол и с треугольной призмой зеркала. Около окна, за загородкой, поместились подсудимые, окруженные конвоем. На стульях расселись свидетели: Микеладзе с Позна неким и участвовавшие в обыске жандармы. В стороне от них сел Белый и другие артиллерийские офицеры. Варя проскользнула в комнату и забралась в оконную нишу, спрятавшись за портьерой.

Делопроизводитель суда по списку стал проверять наличных свидетелей и подсудимых. Затем из задней комнаты вышел Костенко в сопровождении членов суда, артиллерийских капитанов Страшникова и Вамензона. Варя поморщилась-оба офицера были известны как жестокие формалисты и педанты. Началась процедура привода к присяге свидетелей.

Вечернее солнце заглянуло в окно и ярко осветило старика. Тот зажмурился и огодвинулся в тень. Варе вдруг показалось знакомым его лицо.

Началась судебная процедура. Микеладзе и Познанский подробно изложили дело.

- Откуда получил полковник Рейс сведения о наличии шпионской организации?

- спросил Вениаминов.

- Из секретных источников, не подлежащих оглашению, - без запинки ответил Познанский.

Солнце продолжало освещать подсудимых, и старик все сильнее ерзал на месте, укрываясь в тени. Костенко изредка посматривал в его сторону.

Члены суда тихонько переговаривались между собой.

- Эта куколка совсем недурна, - шепнул Страшников на ухо Костенко, кивнув на Куинсан, - жаль будет вешать!

- Старый греховодник! Смотрите, жена узнает, пропишет вам ижицу, - отозвался генерал.

- И жидовочка хороша, только уж очень испугана, - вставил Вамензон, происходивший сам из крещенных евреев-кантонистов.

Внимание Костенко все больше привлекало упорное нежелание старика быть освещенным солнцем. Генерал даже засопел от раздражения. Варя не сводила глаз с Звонарева.

Перешли к допросу подсудимых. Прапорщик чуть дрожащим голосом дал подробные объяснения по всем пунктам. Затем наступила очередь Ривы. Она сбивчиво начала говорить, что ничего не знает и ни в чем не виновата.

- А ее отец часто бывал у вас? - спросил Азаров, указывая на нищего.

- Не особенно, ему подавали милостыню, кормили и отпускали с миром, ничего плохой о нем сказать не могу.

- Кто чаще всего посещал вашу квартиру?

- Моряки с различных судов.

- Не вели ли они разговоров на служебные темы?

О положении эскадры, распоряжениях начальства?

- Говорили о своих делах, я в них мало разбираюсь.

- Кто из сухопутных офицеров бывал у вас?

- Поручик Борейко, прапорщик Звонарев... кажется, больше никого.

- Звонарев у вас не ночевал? - в упор спросил Вамензон, краем глаза поглядывая на Белого.

Варя, Рива и прапорщик одновременно вспыхнули.

- Ни разу!

- Это верно? - обернулся к Звонареву Костенко.

- Подтверждаю своим честным словом, - твердо ответил прапорщик,

краснея еще пуще.

На все обращенные к Куинсан вопросы она односложно отвечала:

- Моя не знай.

Наконец перешли к допросу старика. Он встал и усиленно закланялся, бормоча что-то невнятное себе под нос. Костенко старался припомнить, где он видел это лицо.

Внимательно смотрел на старика и генерал Белый.

В руке он держал фотографию. На ней был изображен Танака в полной парадной форме военного консула.

- Не могу припомнить, где я пилел это лмио, - обратился к Белому Костенко.

- Сейчас мой садовник скажет дочери, что этот старик - старый генерал Танака. Я ему не поверил, а теперь и меня берет сомнение-вот фотография, - признался Белый.

Костенко, в свою очередь, стал разглядывать фотографию. Заметив это, арестованный отвернулся в сторону, как бы пряча лицо от падающих на него лучей солнца.

- Поверни-ка его мордой к свету, - приказал Костенко солдатам.

Те без церемонии повернули китайца. Костенко ясно увидел шрам на шее арестованного. Был этот шрам замечен и на фото.

На лице генерала появилось выражение величайшего изумления. Он даже привстал со стула и, пристально смотря на старика, заикаясь проговорил:

- Ва... ва... ваше превосходительство, неужели это вы?

Нищий сделал было непонимающее лицо.

- Он! Я тоже его узнала! - сорвалась с места Варя.

Старик мгновенно преобразился. Сразу выпрямившись, сн с приятнейшей улыбкой вежливо раскланялся с Костенко и Варей.

- Не буду отрицать, это я, - на чистейшем русском языке ответил он.

В комнате произошло движение. Белый вскочил со своего места и громко вскрикнул:

- Генерал Танака!

- Здравия желаю, ваше превосходительство, - приветствовал его японец. Коявойные, разинув рты, следили за происходящим. Рива и Звонарев, позабыв о своих горестях, с изумлением смотрели на своего соселп по скамье подсудимых. Только Куинсан по-прежнему продолжала сидеть, безучастно смотря себе под ноги.

- Подать генералу кресло, - первым опомнился Костенко.

Двое жандармских унтер-офицеров со всех ног кинулись исполнять это распоряжение. Танака, поклонившись, уселся в него с чувством собственного достоинства.

- В подсудимом мною и генералом Белым опознан генерал-майор императорской японской армии барон Танака, бывший военный агент во Владивостоке. Прошу это занести в протокол, - торжественно заявил Костенко, когда общее волнение в зале несколько улеглось. - Вы подтверждаете это, ваше превосходительство? - обратился он к японцу.

- Вполне, ваше превосходительство. - И оба генерала церемонно раскланялись.

- Приступим в таком случае к продолжению судебного заседания.

- Не сочтете ли возможным, ваше превосходительство, сообщить суду, с какого времени вы, находитесь в Артуре? - задал вопрос Азаров.

- С начала военных действий.

- Чем вы изволили заниматься?

- Выполнял поручения его величества императора Японии.

- В чем же они состояли?

- В оказании посильной помощи императорской японской армии.

- В какой форме она выразилась?

- К своему великому сожалению, я лишен возможное ги ответить на этот вопрос.

- Признаете ли вы в таком случае себя виновным в предъявленном вам обвинении?

- Конечно, нет! Я как солдат обязан выполнять беспрекословно любые приказания своего божественного императора.

На этом допрос окончился. После речи Азарова и Вениаминова суд

удалился на совещание. Присутствующие в зале офицеры гурьбой столпились около подсудимых. Белый дружески поздоровался с Танакой.

- Ваша дочь, Василий Федорович, так выросла, что совсем стала невестой, - проговорил японец, кланяясь издали приветствовавшей его Варе. Затем внимание Вари вновь перешло к Звонареву. Пробравшись к нему, она шепотом сообщила о своих переговорах с Костенко и Азаровым. Суд совещался недолго. Костенко предложил оправдать Звонарева за недоказанность обвинения, а остальных приговорить к смертной казни через повешение.

- Звонарева бы следовало все же для острастки подержать на гауптвахте: вольнодумен и в бога не верит, - заикнулся было Вамензон.

- Не следует забывать, что он почти родственник

Белого. Генерал по личному почину явился даже на суд, чтобы дать показания в его пользу, - напомнил Костенко.

- Из уважения к мнению вашего превосходительства, а также к моему командиру, я не буду возражать против оправдания прапорщика, - поспешил согласиться Вамензон.

На этом и порешили.

- Встать, суд идет! - скомандовал дежурный комендант.

Костенко в сопровождении членов суда вошел в помещение. В зале сразу заволновались.

- "По указу его императорского величества, - начал читать председатель суда, - порт-артурский военный суд и так далее... признал прапорщика Звонарева невиновным и постановил из-под стражи освободить".

У Вари вырвался вздох облегчения, и она чуть не запрыгала на месте от радости, дальнейшее чтение она слушала в пол-уха.

- "Повесить... повесить... повесить", - закончил чтение генерал.

Рива ахнула и потеряла сознание. Звонарев едва успел ее подхватить.

Произошло замешательство.

Куинсан же и Танака сохранили присутствие духа.

- Приговор может быть обжалован генералу Стесселю, которому принадлежит право конфирмации, - разъяснил Костенко осужденным. -

Объявляю заседание суда закрытым.

- Поздравляю вас, Сергей Владимирович, с освобождением, - с чувством проговорил Белый.

- И я тоже, - подскочила Варя. - Вы, кажется, и не рады.

- Надо спасти Риву во что бы то ни стало! - вместо ответа проговорил прапорщик.

- У нее и без вас найдется достаточно спасителей, - не удержалась Варя.

- Надеюсь, ваше превосходительство не в претензии на нас за несколько своеобразное проявление гостеприимства, - подошел Костенко к японцу.

- Ни в какой мере, ваше превосходительство! Незванный гость хуже татарина, по вашей русской пословице, а я как раз и принадлежу к числу таковых.

- Не имеете ли каких-либо пожеланий? Все возможное мною будет исполнено с величайшей радостью!

- Я тронут любезностью вашего превосходительства!

Единственно, о чем я осмеливаюсь просить, - это о разрешении мне принять ванну и переодеться. Нельзя ли приобрести хотя бы плохонький костюм? Иначе боюсь, что в моем рубище я всех перепугаю, когда попаду в царство теней.

- Немедленно распоряжусь о том и другом.

Танака поблагодарил его поклоном.

- Увести подсудимых, за исключением его превосходительства, - распорядился Костенко.

Уже пришедшую в себя Риву и Куинсан вывели конвойные.

- Я сейчас разыщу Андрюшу и все сообщу ему, - успел предупредить Звонарев Риву.

Варя издали сердито наблюдала за происходящим.

- Не беспокойтесь. Петр Ерофеич сумеет защитить вашу... приятельницу лучше любого из ее многочисленных друзей. Прощайте, неблагодарный, - проговорила Варя и направилась к выходу.

- Ах, да! Я и забыл поблагодарить вас за хлопоты!

- Ваши благодарности можете оставить при себе.

В соседней с залом заседания комнате в ожидании выхода Танаки из ванной, где его мыл один из вестовых, сидели Костенко, Вамензон и Страшников.

- Танаку я знаю лет десять, с тех пор как он был еще майором во Владивостоке. Общительный, тактичный, он был принят во многих домах, особенно военных и морских. Считался ярым русофилом. Бывал в Питере и Москве. Незадолго до начала войны он был отозван в Японию. Перед отъездом его чествовали в военном собрании, поднесли даже на память альбом с фотографиями. И вдруг такая неожиданная и неприятная встреча! - развел руками Костенко.

- На суде он держался прекрасно, - заметил Вамензон.

Появление японца, чисто вымытого, выбритого, в хорошем суконном костюме, прервало их разговор.

- С легким паром, ваше превосходительство, - приветствовал его Костенко.

- Не знаю, как мне и благодарить ваше превосходительство за вашу любезность. Я столько месяцев был принужден вести скотский образ жизни, что испытал поистине райское блаженство, моясь в ванне.

- Разрешите предложить вам ужин в нашей скромной компании?

- Сочту для себя за высокую честь разделить вашу трапезу.

Страшников отправился отдать нужные распоряжения. Вскоре был накрыт стол на четыре персоны, появились закуски, хлопнули пробки, завязалась оживленная беседа, и только стоящий у входной двери часовой с винтовкой нарушал эту мирную картину.

После ужина Костенко лично отвез в экипаже японца на главную гауптвахту, при этом их сопровождал эскорт из конных жандармов, но трудно было понять, то ли ок конвоировал арестованных, то ли составлял почетную охрану.

Караульный начальник штабс-капитан Чиж, до которого уже дошли сведения о японском генерале, встретил осужденного весьма почтительно и отвел ему лучшее по мещению в офицерском отделении. Сдав Танаку, Костенко отправился с докладом на квартиру к Стесселю.

- Так это правда, что пойманный оказался японским генералом? - встретила его Вера Алексеевна.

- Совершенно верно! Я и прибыл, чтобы лично доложить обо всем происшедшем.

- Пройдемте в кабинет, там муж и Рейс.

Костенко подробно рассказал о заседании суда.

- Позвольте вам, ваше превосходительство, представить на конфирмацию приговор, - закончил он свою речь.

Стессель обмакнул было перо, чтобы наложить резолюцию, когда неожиданно вмешалась Вера Алексеевна:

- Как хочешь, Анатоль, а Танаку расстреливать, а тем более вешать нельзя!

- Это почему?

- Какой же ты непонятливый! Он хоть и японский, но а все же генерал. Что же получается - солдаты и вдруг станут казнить генерала! Это же прямой подрыв дисциплины. У них в мыслях не должно быть возможности поднять руку на генерала. А то сегодня они будут расстреливать Танаку, а завтра додумаются бог знает до чего.

- Не назначать же для его расстрела офицеров?

- И не надо.

- Что же, по-твоему, надо делать? Не могу же я его помиловать или выслать к японцам.

- Виктор Александрович, Михаил Николаевич, вы меня понимаете? - обратилась она к Рейсу и Костенко.

- Вполне! - в один голос ответили оба.

- Вот и прекрасно. А тебе, Анатоль, я потом все подробно объясню.

- Что же мне теперь-то делать? - спросил совсем сбитый с толку Стессель.

- Пиши: "Приговор утверждается. В отношении генерала Танаки смертная казнь через повешение заменяется расстрелом", - продиктовала Вера Алексеевна.

В это время в передней раздался звонок, в дверях кабинета показалась

робкая фигура худощавого священника.

- Мир дому сему! Разрешите войти, - несмело проговорил он.

- Отец Петр! - узнала Вера Алексеевна. - Милости просим.

Священник вошел, перекрестился на икону в углу и затем отвесил всем поясной поклон.

- Зачем пожаловали, батюшка? - справился Стессель.

- Был я сейчас на главной гауптвахте, хотел напутствовать в лучший мир осужденных. Двое язычников отвергли меня, третья же, иудеянка, не только просила отпустить грехи ее заблудшей души, но и выразила желание перейти перед смертью в православие. Поелику стало мне ведомо такое ее желание, решил я предстательствовать перед вами об отложении ее казни.

- Знаем мы этих жидовок! Когда приспичило, так готова любую веру принять, чтобы спастись, - злобно бросила генеральша.

- Я ходатайствую не о смягчении участи сей самаритянки, но об отложении казни на один-два дня, пока она успеет ознакомиться с правилами и догмами православной церкви.

- Мы допустили в суде и так некоторую натяжку, вынеся ей смертный приговор. Она, как несовершеннолетняя, казни не подлежит. Поэтому, я думаю, можно удовлетворить ходатайство его преподобия, - заметил Костенко.

- Это та самая жидовка, что живет в Новом городе, черненькая такая, хорошенькая? - спросил Стессель.

- Вы, ваше превосходительство, обладаете прекрасной памятью, - заметил Рейс.

- Особенно на молоденьких девиц, - сердито добавила Вера Алексеевна. Наступило минутное молчание. Отец Петр в ожидании смотрел то на Стесселя, то на его жену.

- Вам, батюшка, довольно двух-трех дней? - спросил Рейс.

- Истинно так!

- Я думаю, можно отсрочить казнь. Повесить всегда успеем, - высказала свое мнение генеральша.

- Что же мне писать? - спросил Стессель.
 - "Исполнение приговора в отношении осужденной Блюм отложить до восприятия ею святого крещения, дабы она предстала перед престолом всевышнего озаренной светом истинной веры", - продиктовал Костенко.
 - Теперь все? - И Стессель размашисто подписался.
 - Анатолий, я хотела бы повидать этого Танаку.
 - "Удобно ли это будет?"
 - Я председательница Порт-артурского благотворительного общества и член общества Красного Креста. На нашей обязанности лежит забота о пленных.
 - Но Танака просто шпион.
 - Генерал не может быть шпионом! Он прибыл в Артур с целью военной разведки. И тебя могли бы таким же образом отправить в Японию.
 - Ну, положим, у нас до этого дело не доходит.
 - Итак, я еду, а ты как хочешь. По-моему, и тебе следует съездить повидать его.
 - Это будет похоже на визит с моей стороны.
 - Я думаю, ваше превосходительство, вы можете побывать на гауптвахте под видом проверки караула и ознакомления с содержанием арестованных, - посоветовал Рейс.
 - А вы как смотрите, Михаил Николаевич? - обратился Стессель к Костенко.
 - С юридической точки зрения вы имеете полное право посетить Танаку.
 - Раз так - едем! Эй, кто там! Прикажете заложить экипаж! - крикнул денщикам генерал.
- Через полчаса коляска остановилась перед гауптвахтой. Караульный начальник Чиж отдал рапорт генералу и провел его в помещение для арестованных.
- Генерал Танака здесь, - подвел он чету Стессель к одному из карцеров. Когда дверь отворилась, первой вошла Вера Алексеевна. Танака вскочил и почтительно приложился к протянутой ему руке.
 - Я пришла, чтобы как представительница Красного Креста узнать, не

могу ли я чем-либо облегчить ваши последние часы, - нараспев проговорила генеральша.

- Весьма тронут вашей любезностью, сударыня! Единственно, что бы я хотел, - это выкурить хорошую сигару и выпить бокал шампанского за ваше здоровье, - рассыпался японец, усиленно кланяясь.

- Вашу просьбу легко выполнить. Ты не будешь возражать? - обернулась она к Стесселю. - Мой муж, - представила она его Танаке.

- Я очень сожалею, что мне пришлось с вами познакомиться в такой обстановке. Но вы, конечно, как солдат понимаете, что война имеет свои законы, - извиняющимся тоном произнес Стессель. - Кроме того, я хотел бы знать ваше мнение, как военного, об обороне Артура.

- Меня все время поражала та энергия, с которой фактически заново создавалась под вашим мудрым руководством Порт-артурская крепость. Нам придется принести большие жертвы в борьбе за нее.

Стессель расплылся в приятной улыбке.

- Весьма польщен подобной оценкой своей скромной деятельности. Не имеете ли вы претензий?

- Конечно, нет. Прошу принять мою глубокую благодарность за тот прием, который я встретил на суде и после него, - чуть иронически ответил японец.

Затем генеральская чета отбыла.

Дома ее ожидал Рейс уже с готовым приказом о приведении приговора в исполнение и Сахаров, о чем-то оживленно беседовавший с полковником.

Капитан любезно вызвался доставить Танаке сигары и вино, обещанные Верой Алексеевной, к которым генеральша добавила еще и конфеты.

- Так вы, Виктор Александрович, озаботитесь, чтобы все было в порядке?

- мимоходом бросила генеральша полковнику.

- Все будет сделано, ваше превосходительство, - почтительно наклонил голову Рейс.

Приехав на гауптвахту, Сахаров передал японцу привезенное. Танака пригласил его и Чижю составить ему компанию. Воспользовавшись тем,

что штабс-капитан вышел, Сахаров вручил Танаке небольшой сверток и перекинулся с ним несколькими короткими фразами.

- Я попрошу вас, господин капитан, передать эти конфеты моей маленькой соотечественнице - Куинсан. Пусть она перед смертью полакомится, - попросил Танака.

- Немедленно исполню ваше пожелание. - И капитан скрылся.

Танака быстро развернул пакет и рассовал находящиеся в нем вещи по карманам.

Получив конфеты, задумавшаяся Куинсан оживилась. Она прежде всего тщательно пересмотрела все обертки конфет и в одной из них нашла крохотную зашифрованную записку.

"Все будет хорошо. Мужайся. Завтра будем на воле".

Подписи не было, но Куинсан знала, кто это написал. За долгую совместную разведывательную работу Куинсан привыкла верить Танаке. Раз он говорил, что завтра она будет на воле, значит, это будет так. Танака прислал ее любимые конфеты. И успокоенная, ободренная доброй вестью девушка принялась за лакомства. Едва она проглотила последнюю конфету, как почувствовала себя плохо. На короткое мгновение мелькнула страшная догадка: "Он отравил меня, чтобы я не проговорилась". Но в следующее мгновение сознание покинуло Куинсан, и со слабым стоном она упала на пол.

В коридоре, куда выходили камеры арестованных, Сахаров задержал Чижа и начал что-то говорить ему на ухо.

- Таким образом, вам представляется едва ли не единственный в вашей жизни случай легко и быстро разбогатеть, - закончил он полупшепотом.

Еще более понизив голоса, они быстро заговорили, затем в руки Чижа перешла пачка кредиток, и оба офицера вернулись к Танаке.

Японец уже разлил вино по бокалам и, посмотрев свое на свет, предложил собутыльникам чокнуться.

- Не заложить ли нам банчишку? - предложил Чиж.

- Увы, я не располагаю средствами, - отозвался генерал.

- Прошу принять от меня небольшой заем, - протянул Сахаров ему пачку

кредиток.

- Но как же я их вам верну в случае проигрыша?

- На том свете угольками.

Все весело захохотали.

- Прощу делать игру, - провозгласил Чиж, - снимите, ваше превосходительство.

Все потянулись к картам.

В этот день в карауле был третий взвод утесовской роты. Взводный фейерверке? Жиганов, исполнявший обязанности рунда - помощника караульного начальника, сидел за маленьким столом и прислушивался к тому, что рассказывал бомбардир Ярцев. Монотонной, ритмической скороговоркой окающего волжанина он повествовал о Бове-королевиче и Василисе Прекрасной.

- Ну и мастер же ты брехать, сказочник, - лениво заметил взводный, - язык, видать, у тебя без костей.

- Выдался нам денек! То прапорщика нашего привели, то шпиенов. Стеречь их надо в оба глаза, не ровен час, сбегут, тогда от суда не отвертимся, - лениво проговорил разводящий.

- Кто сбежит-то? Девка в юбках запутается, японец с штабс-капитаном пьянствует, - отозвался Жиганов. - Увидишь, его с почетом в карете, как сюда, повезут прямо к японцам, - получите, мол, ваше японское превосходительство, а то у нас и своих генералов хватит, - продолжал шутить Жиганов.

- Небось ежели бы он оказался солдатом, так ему бы вместо кресла на суде в рыло заехали и на экипаже сюда не повезли, - заметил Ярцев.

- Я его по шеям прикладом двинул, когда он на суд уходил. Пришлось-таки мне, хотя и не нашего, а все же генерала стукнуть, - вмешался тихий веснушчатый солдат Грунин.

- И руки не отсохли?

- Какое, еще больше раззуделись...

- Тогда не знал, кто он такой. Небось сейчас не ты его, он тебя по роже хлестнет и в ответе не будет.

- Генерал, братуха, всегда генерал, а простой солдат всегда простым солдатом и останется, - вздохнул Жиганов.

- Скоро уже смена, надо людей будить, - поднялся Булкин.

Вскоре смена ушла.

- Разрешите мне на минутку выйти по известной надобности, - обратился Танака к Чижу.

- Сию минуту, ваше превосходительство, - только позову караульного. Эй, Грунин, возьми винтовку и проводишь арестованного в уборную, - распорядился Чиж.

В сопровождении солдата японец направился по коридору. Чиж и Сахаров остались одни в камере, продолжая игру в карты.

- Давайте перекинемся в штосе, - предложил Сахаров.

- Бита-дана, бита-дана! - начал раскладывать карты направо и налево Чиж.

- Бита! Позвольте с вас получить, многоуважаемый Василий Васильевич. Капитан протянул ему пятерку.

Прошло минут десять.

- Пора! - проговорил Чиж.

- Подождем еще минут пять.

- Время стоит денег, по американской пословице.

Сахаров протянул несколько бумажек.

Подождав еще, штабс-капитан поднялся.

- Грунин! Почему до сего времени арестованный не вышел? - обратился он к солдату.

- Оправляются еще.

- Постучи посильнее, пора ему выходить.

Солдат начал кулаком бить в дверь, но ответа не последовало.

- Выломать дверь! - не своим голосом заорал Чиж, - Выслать двоих для осмотра здания снаружи.

В караулке поднялась суматоха, Булкин и несколько человек выскочили наружу. В уборной было пусто, решетка в окне выломана.

- Под суд пойдешь, мерзавец! - накинулся на Грунина штабс-капитан с кулаками.

- Виноват, вашбродь, - едва смог прошептать солдат своими изуродованными губами.

- Марш под арест! Разводящий где? Ты что смотрел? Тоже под суд пойдешь! Я выучу вас, как нести службу его императорского величества! - бушевал Чиж.

- Надо сейчас же дать знать в штаб Стесселю о побеге, - напомнил Сахаров.

- Я возьму это на себя.

- Буду вам очень признателен. А я пока организую розыски поблизости... Капитан не торопясь дошел до штаба и, разбудив уже спавшего Рейса, сообщил ему о случившемся.

Полковник распорядился тотчас же вызвать Микеладзе, Познанского и полицмейстера Тауца. Когда те явились, начальник штаба предложил им немедленно принять самые энергичные меры к поимке бежавшего.

- Едва ли поиски увенчаются успехом: ночь темная, прошло порядочно времени, он легко мог скрыться среди китайцев, но поискать все же надо, - меланхолически закончил Рейс.

- Найду хоть на дне морском, даю честное слово жандарма! - пылко проговорил Микеладзе.

- Вы, князь, будете мне нужны утром! Полицмейстер и ваш помощник справятся и без вас, - ответил Рейс.

Тауц и Познанский понимающе переглянулись.

Поймать Танаку не удалось. Обо всем утром Рейс доложил Стесселю.

- Кроме того, женщина, приговоренная к виселице, была найдена мертвой у себя в камере. Вскрытием установлена смерть от отравления.

- Тем лучше, меньше хлопот. Караульного начальника, разводящего и конвойного, прозевавших Танаку, предать немедленно суду, - распорядился генерал.

Суд состоялся в тот же день. Чиж был приговорен к трехмесячному аресту после войны, Жиганов к разжалованию в рядовые, Грунин же, как

главный виновник, к расстрелу. На этот раз Стессель, не читая, утвердил приговор.

Ночью Грунин был казнен.

Когда весть об этом дошла до Залитерной батареи, то Борейко, не стесняясь присутствием солдат, разразился самой непечатной бранью по адресу Стесселя и всех генералов вообще.

- Сами, сволочи, японца выпустили, а Грунина под расстрел подвели! - возмущался поручик.

Не менее Барейко возмущен был и Вен Фань-вей. Он понимал, что и побег и укрывательство японского генерала-дело одних рук, порт-артурских властей.

Перебирая в памяти всех знакомых ему русских начальников и тех, О которых ему рассказывали его соплеменники, он пришел к выводу, что это дело рук Сахарова.

В конторе Тифонтия, где сейчас распоряжался капитан, служило немало китайцев на самых разнообразных должностях. Танака мог всегда с ведома Сахарова и при его помощи скрыться среди них.

Вен не посмел поделиться своими подозрениями с Варей, зная, что это может стать известным через нее или ее знакомых самому Сахарову. Тогда ему грозила смерть из-за угла.

На улицах Артура часто подбирали убитых ночью разрывами снарядов или ружейными пулями китайцев. Расследования все велось - убитые считались жертвами войны.

Все это заставляло подумывать Вен Фань-вея о скорейшем отъезде из Артура.

Но для выезда из Артура надо было получить разрешение штаба крепости. И Вен снова обратился к Варе с просьбой помочь ему вывезти семью из Артура. Белый был занят делами обороны, и ему некогда было думать о чем-либо другом.

Приходилось ждать. Скрепя сердце китаец покорился этой необходимости.

Через несколько дней о бегстве Танаки стали забывать. Дело Ривы, по

просьбе моряков, передали им. Звонарев вернулся на Залитерную, и счастливая Варя ежедневно появлялась там под каким-либо предлогом. Японцы возобновили бомбардировку фортов и города. Жизнь крепости опять наполнилась военными событиями. Кондратенко наметил целый ряд мер к улучшению обороны, в частности, решено было построить новые батареи. Но орудий больше в крепости не было, пришлось просить их у моряков.

Для переговоров с адмиралом Ухтомским и его начальником штаба Виреном отправились Белый и Кондратенко. Разговор начался с взаимного ознакомления с положением крепости и флота.

- Эскадра через несколько дней закончит исправление всех повреждений и опять будет вполне боеспособна, - сообщил Ухтомский.

- Следовательно, вы повторите попытку уйти из Артура, - разочарованно проговорил Белый.

- Не собираемся, Василий Федорович. И я и Роберт Николаевич Вирен - оба мы противники выхода эскадры. Если прошлый раз дело случайно обошлось сравнительно благополучно, то теперь нам грозит неизбежная гибель всех судов вследствие колоссального превосходства японских сил.

- Но, очевидно, Того сейчас занят исправлением своих кораблей. Судя по рассказам, у него тоже выбыло из строя несколько судов, так что еще неизвестно, насколько он сильнее вас, - заметил Кондратенко.

- Если у него даже вдвое больше поврежденных кораблей, чем у нас, то и тогда японцы все же значительно сильнее. Поэтому мы больше об уходе из Артура не думаем. Пусть уж к нам приходит Рождественский, навстречу ему эскадра, конечно, выйдет. Для этого и держим все корабли в боевой готовности.

- Не слышно, чтобы вторая эскадра вышла из Кронштадта. Значит, раньше, чем через два с половиной - три месяца, то есть к ноябрю, ожидать ее в Артуре нельзя. За это время многое может измениться.

- Надеюсь, что до того времени крепость сдавать вы не собираетесь?

- Вообще сдавать Артура никто, не станет, разве возьмут его штурмом.

- Мы, конечно, поможем вам огнем своих орудий и десантом.

- Еще большую помощь флот может оказать своими орудиями и снарядами, - вмешался молчавший до того Белый. - Нам нужно около сотни орудий мелкого и среднего калибра с комплектов снарядов к ним. Адмиралы, видимо, не ожидавшие такого оборота разговора, замялись.

- С судов нельзя снять ни одной пушки без ущерба для их боеспособности, - промямлил Вирен.

- Разоружите ваши мелкие суда - Забияку", "Гайдамака", транспорт "Ангару", стоящие в порту миноносцы, негодные для дальнейшей службы вследствие полученных повреждений, - предложил Кондратенко.

- Вы, Роман Исидорович, замечательно осведомлены о том, что и где у нас имеется, - удивился Ухтомский.

- Меня интересует все, что может усилить оборону крепости. Каюсь, на днях под вечер заглянул к вам в порт и собрал нужные мне сведения, - улыбнулся в усы генерал.

Немного поспорив, моряки уступили.

- Теперь поговорим об использовании судовой артиллерии крупного калибра для нужд сухопутной обороны, - предложил Белый. - Пока что стрельба судов является в значительной степени пустой тратой снарядов.

- Производимой по вашей же просьбе, - вставил Вирен.

- Совершенно верно, но в боевой обстановке минувших дней было не до этого. Каждому кораблю необходимо иметь свой наблюдательный пункт на берегу, с которым он был бы связан телефоном. Кроме того, я укажу всем районы для обстрела. Тогда при проявлении цели сразу будет ясно, какому судну открывать огонь.

- Завтра же к вам будут направлены старшие артиллеристы со всех броненосцев и крейсеров, - заверил Ухтомский.

На этом деловой разговор и кончился. Гости и хозяева перешли в столовую.

Вскоре подъехали все еще перевязанный после ранения 28 июля командир броненосца "Ретвизан" Шенснович и командир "Севастополя" Эссен. Шенснович попросил разрешения зачитать докладную записку о

дальнейшей деятельности флота.

- Вопрос этот решен, - мы остаемся в Артуре, пока он будет держаться, и лишь в крайнем случае попытаемся уйти хотя бы в нейтральные порты, - сразу запротестовал Вирен.

- Я предлагаю прорываться из Артура поодиночке и прежде всего имею в виду "Баяна". Он обладает ходом в двадцать узлов. Выйдя с темнотой из Артура, к рассвету крейсер будет уже милях в ста-ста двадцати от Артура, то есть достигнет Циндао.

- Скоро наступит осень с ее длинными темными ночами и частыми туманами.

При таких условиях вести тесную блокаду на море невозможно, - поддержал Шенсновича Эссен. - Я тоже готов попытать счастья на своем тихоходном броненосце.

- Вы забываете о бесчисленном количестве мин, которыми еженощно японцы забрасывают наш внешний рейд. Прежде чем прорвать блокаду, придется миновать винегрет из плавающих в море мин, - возразил Ухтомский.

- Их и вытралить можно.

- Это привлечет внимание японцев, и они будут начеку.

Простившись с моряками, генералы отправились с докладом к Стесселю. У него они застали городского комиссара подполковника Вершинина. Выше среднего роста, с окладистой бородой, он был похож на нижегородского купца.

Это сходство увеличивалось окающим говором Вершинина. Он был сильно взволнован.

- Поскольку вы являетесь артиллерийским офицером, в которых сейчас большой недостаток, вам надлежит сдать гражданские дела и принять батарею по указанию генерала Белого, - сердито говорил Стессель.

- Я назначен комиссаром высочайшим приказом и без повеления Петербурга своего поста не оставлю, - возразил подполковник.

- Я предам вас военно-полевому суду за отказ выполнить мое распоряжение в осажденной крепости. Чтобы завтра мой приказ был

выполнен. Марш отсюда! - уже прикрикнул Стессель.

Вершинин неловко, совсем не по-уставному, повернулся и вышел.

- Зажирел и совсем распустился, - обернулся Стессель к входящим Кондратенко и Белому.

- Как артиллерийский офицер Вершинин никуда не годится: отстал и позабыл все, что раньше знал. Мне его и даром не надо, - взмолился Белый.

- Тогда поручу ему уборку трупов, пусть хоть этим будет полезен, - решил Стессель.

В это время Вершинин уже сидел в кабинете Рейса. Дрожащим от волнения голосом он умолял начальника штаба помочь ему избавиться от строевой службы.

- Виктор Александрович, будьте благодетелем, избавьте от строевой службы.

За благодарностью не постою.

Полковник задумался.

- Боюсь, что генерал закусил узду. В таком случае ничего с ним не сделаешь. Будет рвать и метать, если не подчинитесь. Разве что сходите к Вере Алексеевне. Она одна может сладить с мужем в любое время.

- Недолюбливает меня генеральша. Отказал я ей в проведении налога на нужды благотворительного общества. Незаконно это, а она разгневалась.

- Внесите от себя тысчонку-другую на дела общества. Может, она и положит гнев на милость.

Откланявшись, Вершинин направился все же к Вере Алексеевне. Генеральша приняла его весьма сухо; хотя Дары и приняла, но помочь не обещала.

- Я в служебные дела мужа не вмешиваюсь. Придется к слову - спрошу, в чем дело.

С этим перепуганный комиссар и отбыл домой.

В ту же ночь Вершинин во главе команды жандармов и китайцев приступил к уборке трупов. Его все время тошнило. Он не мог переносить трупный запах.

Чуть живой Вершинин вернулся поутру домой и, ругая на чем свет стоит Стесселя, приступил к сбору денег для нового подношения всесильной генеральше.

За столом Вера Алексеевна прислушивалась к разговору мужчин.

- Так, значит, моряки целиком пошли нам навстречу? - переспросил Стессель, выслушав Белого и Кондратенко.

- Вполне. Были очень любезны, - засвидетельствовал Белый.

- Что это с ними случилось? Чуют, видно, что в Артуре начинает пахнуть жареным и без нас им крышка. Того - в море, Ноги - на суше, а они - как мусор в проруби - посредине. Не знают, куда им податься, - проговорил Стессель.

- Вонь на позициях невозможная. Не знаю, как с ней и бороться. Жарко, трупов масса. Ужасающие миазмы, - заметил Кондратенко.

- Субботин рекомендует совать в нос паклю, смоченную в скипидаре. Я уже отдал об этом приказ.

- Едва ли это очень приятно, - усомнился Белый.

- С солдатней церемониться нечего.

Гости стали прощаться.

На другой же день на Залитерной батарее ротный фельдшер Мельников раздавал солдатам паклю.

- Закладай в нос, чтобыдохлым японцем не воняло, - пояснил он.

Блохин засунул, потянул в себя воздух и громко чихнул.

- Мусорное дело: щекотно, и все же слышать.

- Обмакни в скипидар, тогда ничего не учуешь.

Солдат последовал его совету и тотчас выдернул паклю из носа.

- Кто такую глупость придумал? В носу свербит, аж слезы катятся, долго не выдержишь, - возмутился он.

- Приказ генерала Стесселева!

- Пусть он тую паклю со скипидаром себе под хвост сунет, авось поумнеет!

- под общий смех проговорил Блохин.

С наступлением темноты прибыли китайцы под командой жандармов для

уборки трупов. На этот раз среди мобилизованных китайцев оказался и Вен Фань-вей.

Вместе с другими он рыл длинные и глубокие ямы, в которые крюками стаскивали уже сильно разложившиеся и отравляющие воздух воню трупы японцев. Особенно много убитых лежало между Залитерной батареей и Китайской стенкой. Убитых русских уже свезли на военное кладбище, на поле остались лишь тела японцев.

Работа была трудная, и приходилось часто делать короткие перерывы.

Выбившиеся из сил китайцы валились прямо на землю и старались уснуть, но это не всегда удавалось: мешал сильный ружейный и артиллерийский огонь. Работая, Вен заметил одного китайца, который не столько занимался уборкой трупов, сколько старался поближе пробраться к укреплениям, приглядывался к ним, видимо, изучая состояние русских батарей и валов. Китаец припадал к земле, чтобы на фоне неба отчетливее видеть, что происходит на русских укреплениях.

Это показалось Веню подозрительным, он невольно вспомнил бежавшего после суда Танаку. Желая проверить свои подозрения, садовник подошел к незнакомцу и попросил у него закурить. Прячя спички Вен внимательно поглядел на своего собеседника и сразу узнал в нем Танаку, каким видел его на суде. Но шея у Танаки была забинтована платком; шрама не было видно. Танака тоже внимательно поглядел на Вева, но не узнал его. Глубоко надвинутая на голову шапка скрывала его обрезанное ухо.

- Зачем ты замотал шею? - спросил Вен.

- От грязи вскочил нарыв, - с некоторым акцентом ответил китаец.

Акцент окончательно убедил Вена в правоте его подозрений. Перед ним был его злейший враг. Вен пожалел, что захватил с собой нож. Он мог бы затеять драку и попытаться убить японца.

Можно, конечно, было снова выдать Танаку русским властям, но теперь Вен твердо знал, что русское начальство" снова отпустит Танаку на свободу.

Убирать трупы приходилось около самой Залитерной батареи. Здесь у

костра сидели солдаты-артиллеристы, среди которых Вен увидел и Блохина, - он его еще помнил по Цзинджоу. Подойдя к костру. Вен окликнул солдата.

- Ты ко мне, что ли, лао? - спросил солдат, вглядываясь в лицо китайца. - Да, никак, одноухий приятель? Здорово. Зачем припожаловал?

Вен поделился своими подозрениями относительно Танаки.

- Не может того быть, - изумился Блохин, но все же побежал с докладом к Борейко.

- Врет что-то твой китаец. Танака не окончательный дурак, чтобы оставаться в Артуре, - не поверил поручик, но все же разрешил трем солдатам с винтовками под командой Блохина отправиться на поимку "мифического", как он выразился, Танаки.

- Вали, Блоха, и душа из тебя вон, ежели не приведешь сюда этого "любопытного" китайца, - напутствовал поручик Блохина.

Вен вместе с солдатами направился к уборщикам трупов. В темноте было трудно сразу найти китайца с обмотанной шеей. Но тот уже издали заметил белые рубахи русских солдат и поспешно юркнул в толпу. Вен с солдатами бросился за ним, но безуспешно: темнота скрыла от Вена его врага.

Хмурые и недовольные, ругая Вена, солдаты возвращались на Залитерную. Вен немного поотстал, надеясь все же найти пропавшего. Вдруг на него неожиданно напали сзади и ударили ножом в спину. Обливаясь кровью, Вен повалился на землю. На его крик бросился Блохин и успел заметить убежавшего в темноту человека. Солдат кинулся вдогонку, успел прикладом сбить беглеца с ног, но при этом упал сам, выронив винтовку из рук. Тут подоспели другие солдаты, но беглец уже успел скрыться.

Охая и отчаянно ругаясь, поднялся Блохин на ноги.

- Где Вен? - спросил он у солдат. - Здорово его саданули? Живой?

- Живой. Мы его уже отправили на перевязочный пункт.

В тот же вечер в изящном будуаре на квартире Сахарова лежал на диване весь перевязанный Танака и громко стонал от боли.

Сахаров вполголоса отчитывал японца:

- Вы ведете себя крайне неосторожно. Разве можно появляться даже ночью среди китайских рабочих. Они все здесь знают друг друга. Вы зря лезете на рожон, зная, что ваше вторичное разоблачение неминуемо кончится виселицей.

Кроме того, вы погубите и меня. Вам надо немедленно покинуть Артур. Иначе я ни за что не ручаюсь...

- Замолчите, Сахаров. Вы плохо работаете. Поэтому мне лично приходится собирать нужные сведения...

- Они будут у вас утром, - оправдывался Сахаров.

- Они нужны сейчас, чтобы утром в нашем штабе знали, куда следует направлять атаки наших войск, - сердито ответил Танака и со стоном перевернулся на бок. - Как мне сегодня пришлось удирать от солдатни! На бегу я вывихнул ногу, да еще получил удар прикладом. Успокойтесь, уеду при первой возможности отсюда. С меня хватит, - пообещал Танака.

- Найдите только этого одноухого китайца, который опознал меня на суде и выдал солдатам сегодня. Он должен быть уничтожен. Это мое категорическое требование.

Вен оказался довольно тяжело ранен. Прошло немало времени, когда он смог наконец выехать вместе с семьей на джонке из Артура.

Прошло несколько дней. В крепости спешно исправляли повреждения и возводили ряд батарей на второй линии обороны - Скалистом кряже и между Орлиными Гнездами. Стессель осторожно объезжал спокойные участки и благодарил солдат за проявленное в боях геройство. В штабах писались победные реляции и составлялись огромные наградные списки. У Веры Алексеевны толпились десятки людей, чающих того или другого ордена.

Генеральша благосклонно принимала подношения и, сообразно с их размерами, испрашивала у мужа подателям награды.

В один, из этих дней в Артур пришла китайская шхуна из Чифу, на которой прибыл с пакетом от Куропаткина переодетый китайцем хорунжий Христофоров.

Прямо из военного порта, куда шхуна была приведена дежурным миноносцем, он направился в штаб Стесселя. Хорунжего принял Рейс, так как Стессель был в отъезде.

- Хорошие ли новости привезли нам? - осведомился полковник.

- Неплохие! Его величество повелел считать с первого мая всему артурскому гарнизону месяц службы за год. Кроме того, назначил генерала Стесселя своим генерал-адъютантом по случаю рождения наследника, а полковника Семенова своим флигель-адъютантом. Затем генералу Стесселю пожалован орден Георгия третьей степени за бой под Цзинджоу, за тот же бой генералу Фоку - золотая сабля с бриллиантами, а Надеину орден Георгия четвертой степени.

Новости быстро облетели Артур. В штаб поспешили все, кто только был свободен от службы. За Стесселем послали двух конных ординарцев.

Как только полученные бумаги были расшифрованы,

Рейс тотчас же направился к Вере Алексеевне и ей первой сообщил текст полученных телеграмм. Генеральша сразу расцвела.

- Анатолий - генерал-адъютант, придворный! Вот никогда в жизни не поверила бы этому!

- И напрасно, матушка Вера Алексеевна, - появился в комнате на правах друга дома Никитин. - Я всегда предрекал, что супруг ваш и повелитель будет не токмо генерал-адъютантом, но и генерал-фельдмаршалом! Вот помяните мое слово. Пока пожалуйста, матушка, вашу генерал-адъютантскую ручку, - склонился Никитин, - и примите мои горячие поздравления с царской милостью.

Вера Алексеевна поблагодарила.

- Только насчет Цзинджоу как-то неудобно получается. Ведь в Артуре все знают, что Анатолия там не было, да и потеряли мы там семьдесят орудий. Лучше отдать в приказе "за бои на передовых позициях": суть дела не изменится. Фок и Надеин не будут возражать, и никто ничего не посмеет сказать, - обернулась она к Рейсу. - Как вы думаете, Виктор Александрович?

- Вполне разделяю мнение вашего превосходительства.

Вечером того же дня на квартире у Стесселя состоялось чествование нового генерал-адъютанта и кавалера ордена Георгия третьей степени. Потянулись поздравители. Далеко за полночь шла веселая пирушка.

Однако не все приняли известия о наградах так, как в семье Стесселя.

Узнав о своем награждении, генерал Надеин переполошился.

- Жа што мне дали крешт? - недоуменно шамкал старик. - Я его не жашлужил.

Тут проижошла ошибка. Чарю неверно доложили. Вше это надо выяшнить.

Он поспешно покинул свой блиндаж за Скалистым кряжем, где поселился с самого начала тесной блокады, приказал подать себе лошадь и направился к Стесселю.

Появление старика было встречено восторженно. Все знали его строптивый характер и визит к Стесселю расценили как проявление с его стороны уважения и преданности к вновь пожалованному генерал-адъютанту. Вера Алексеевна сама повела его к столу и усадила рядом с собой. Надеин был по-старинному галантен и своим беззубым ртом шамкал витиеватые комплименты хозяйке дома.

- Вас ведь тоже можно поздравить, Митрофан Александрович, с монаршей милостью, - обратилась к нему генеральша.

- Тут проижошла ошибка, верно, моя фамилия шлучайно попала в приказ.

- То есть как случайно? Мой муж представил вас к награде, и вы ее получили.

- Я не шовершал никаких подвигов, доштойных штоль великой награды. Надо чарю написать, што получилашь ошибка.

- Быть может, вы считаете, что и Анатолий зря получил свои награды? - обиделась генеральша.

- О вашем шупруге ничего шкажать не могу, так как не жнаю, жа что он награжден.

Затем Надеин отозвал Стесселя в сторону и изложил ему свои сомнения.

Генерал долго не мог понять, о чем ему говорят.

- Дали вам крест - радуйтесь и не беспокойте зря священную особу монарха!

- посоветовал он Надеину.

Но старик не унимался.

- Делайте как хотите. Я совершенно не одобряю ваших намерений, но запретить вам писать об этом не могу, - обозлился Стессель.

Наденя поспешил откланяться и отправился к себе.

Вечером того же дня он старательно выводил гусиным пером - стальных не признавал - на толстой пергаментной бумаге: "Всепресветлейший, Державнейший Государь Император, Царь Всемиловивейший..." - и излагал все свои сомнения в связи с получением награды.

Когда послание Надеина было вручено Стесселю, он сердито бросил его Рейсу.

- Положите под сукно, а этому старому дураку сообщите, что отослано с первой почтой в Чифу.

На Залитерную батарею последние новости привез Звонарев. Войдя в блиндаж к Бореико, он громко проговорил:

- Получены телеграммы: Стесселя...

- Убирают ко всем чертям? - обрадовался поручик.

- ...наградили званием генерал-адъютанта и крестом третьей степени.

- Это, верно, по ходатайству японского микадо за то, что он отпустил Танаку.

- Фока тоже наградили...

- За потерю цзинджоуских позиций?..

Солдаты были возмущены и удивлены.

- Не слыхали, чтобы генерал Стессель был из героев! Уж наш Белый больше заслужил: денно и ночью скачет по батареям, - говорил Блохин.

Известие о зачете месяца артурской службы за год произвело гораздо большее впечатление.

- Теперь, значит, как война кончится, все поедем по домам, - мечтал Белоногов.

- Скоро мира не дожدهшься! - возразил Блохин. -

Вот если бы наш брат солдат делами ворочал, мигом бы с японцами договорились.

- С генералами-то ихними, что ли?

- На хрен они нам сдались! С солдатами же, конечно. Они небось тоже по своим бабам скучают.

- Больно у тебя все просто, Филя! Иди-ка на "литербу", отнеси капитану рапортчку о расходе снарядов, - распорядился взводный Родионов.

На следующий день был назначен торжественный парад на одной из площадей, укрытых от японского обстрела. День выдался ясный. Море искрилось на солнце.

Японцы не беспокоили. Артур ожил; по улицам сновали прохожие, магазины бойко торговали. На площади, невдалеке от дома Стесселя, были выстроены покоем войска. Посредине высился покрытый серебряной парчой аналой, около которого, блестя ризами, собралось все артурское духовенство. Стессель с огромной свитой стоял впереди и громким шепотом торопил священников. Наконец протодьякон провозгласил последнее многолетие "богоспасаемому граду сему и его жителям", и молебствие кончилось. Выйдя на середину, Стессель зычным голосом зачитал царские телеграммы и поздравил гарнизон с царской милостью.

Затем от свиты отделился Фок и начал речь в честь Стесселя:

- Генерал-адъютант - приближенное к царю лицо. Он представляет в Артуре священную особу для государя императора. Генерал Стессель - наша слава, наша гордость, наш вождь. Под его руководством мы не пропадем. Ура артурскому герою!

Гремел оркестр, Фок и Стессель торжественно поцеловались.

После парада к генерал-адъютанту подошел с поздравлениями Эссен.

Стессель, как всегда, был с ним отменно вежлив и любезен.

- У меня есть просьба к вашему превосходительству, - обратился моряк к генералу.

- Заранее готов ее исполнить, Николай Оттович.

- Весьма вам признателен за ваше благосклонное отношение к моей

скромной персоне. Я хотел вас просить о помиловании госпожи Блюм, осужденной якобы за шпионаж вместе с генералом Танакой.

- Разве ее еще не повесили?

- Никак нет! Со вчерашнего дня она православная. Дело вчера разбиралось в военно-морском суде под моим председательством, и мы решили просить о ее помиловании.

- Счастлив ее бог. Черт с ней, пусть живет, но чтобы я о ней ничего больше не слыхал, - смиростивился Стессель.

Эссен поспешил поблагодарить и отошел в сторону, где его ожидал уже Акинфиев.

В тот же день Варя Белая увидела на "Этажерке" Риву под руку с Акинфиевым и очень удивилась. Ее соперница опять оказалась на воле. За разъяснениями она отправилась к Желтовой.

- Завтра ее свадьба с лейтенантом, - пояснила Варе Мария Петровна.

Варя запрыгала и бросилась целовать Желтову.

- Как я всему этому рада - она на свободе, и...

- ...и больше не угрожает твоему счастью с Звонаревым, - dokonчила учительница.

Девушка еще раз крепко ее поцеловала.

Отрядная церковь была ярко освещена.

В церкви находился Эссен с группой своих офицеров, среди которых стоял взволнованный и покрасневшийся Андрюша Акинфиев. У алтаря Борейко договаривался с причтом о подробностях венчания. Тут же стоял Звонарев в белых перчатках, с букетом цветов в руках.

- Невеста что-то опаздывает, - недовольно бурчал поручик.

Наконец в церкви появилась Рива в сопровождении обеих учительниц и Желтовой.

- Становитесь рядом. Жених справа, невеста слева, возьмитесь за руки, - командовал Борейко. - Сережа, дай ленту связать их руки, чтобы не убежали из-под венца, - шутил он.

- Подойдите, брачующиеся, - пригласил священник, и молодые подошли к аналою.

Обряд начался. Прапорщик посменно с Борейко держали венец над Ривой и Акинфиевым. Когда служба подходила к концу, в церковь вошла Варя Белая с букетом чайных роз. Она с трудом протолкалась вперед и внимательно осмотрелась вокруг, затем тихонько подозвала к себе одного из матросов и попросила его передать невесте букет после венчания. Сунув матросу в руку рублевку, она надвинула на лоб сестринскую косынку и поспешно вышла из церкви. В дверях обернулась па жениха и невесту и, радостная, сбежала на паперть.

- Жена да убоится своего мужа! - провозгласил дьякон.

- Да не дуже, - в тон ему прогудел на ухо Риве Борейко.

Обряд венчания окончился. Все направились к молодым с поздравлениями.

Подошел и матрос с букетом.

- Барышня-сестрица приказали вам его передать, - доложил он.

- Какая сестрица? - удивилась Рива.

- Не могу знать. Субтильная такая, все глазами по сторонам зыркает.

Платочек обростили. - И он протянул небольшой, обшитый кружевцем носовой платок.

Из церкви молодые с гостями направились в маленький домик Ривы в Новом городе.

Эссен и Желтова, бывшие посаженными отцом и матерью, благословили молодых иконой. Оля и Леля осыпали их рисом, а Борейко во всю силу своих могучих легких прокричал: "Горько молодым!" Андрюша и Рива смущенно целовались под аплодисменты гостей.

- Теперь горько шаферам и шаферицам, - ответил Андрюша.

- Горько, горько! - поддержали остальные.

Звонарев осторожно приложился к щечке Лели Лобиной, зато Борейко, поставив маленькую Олю на стул, наградил ее таким поцелуем, что получил немедленно звонкую оплеуху.

- Этот медведь не целуется, а кусается, - обиженно объявила девушка. - Я так и думала, что он сейчас меня проглотит. Не смейте больше ко мне прикасаться, косолапый!

- Так я же, можно сказать, любя, - оправдывался поручик и опять был награжден пощечиной, на этот раз совсем легонькой.

- Не говорите глупостей. Кто же поверит, что такой страшный зверь способен на нежные человеческие чувства. Уж, во всяком случае, не я!

- Как известно, дурной пример заразителен, чья теперь очередь? - спросил Эссен.

- Сережи Звонарева и его амазонки, - ответил Борейко.

- Да, кстати, я получила от неизвестной сестры прекрасный букет роз, - сообщила Рива. - Себя она не назвала, но обронила, уходя, вот этот платок.

Кто бы это мог быть?

Леля Лобина с Желтовой принялись рассматривать платок.

- Да ведь это Вари Белой, - узнала Леля. - Пахнет аптекой - значит, ее.

Она ведь не признает духов и предпочитает благоухать конюшней или карболкой.

- Молодчина Варя! Я всегда говорила, что она - прекрасный человек! - с жаром проговорила Оля.

- Я очень, очень тронута ее вниманием и прошу вас, Сережа, горячо поблагодарить ее за меня, - проговорила Рива.

- Боюсь, что я ее увижу не скоро, Ривочка.

- Во-первых, я больше не Рива, а Надежда Сергеевна Акиифиева, а для друзей - просто Надя, и, во-вторых, вы сегодня же увидите с ней. Она, наверно, сама вас найдет и подробно расспросит про свадьбу. Для нее все это представляет большой интерес. Мы, женщины, как известно, очень любопытны во всем, что касается любви.

Отъезжающих на Ляотешань молодых пошли провожать до пристани, где уже ожидал разукрашенный флагами паровой катер с "Севастополя". В последний раз прокричали "горько молодым" и чокнулись остатками вина. После этого, отдав концы, катер заскользил по гладкой поверхности уже темнеющего рейда.

Компания разошлась.

Около дома Стесселя Звонарев неожиданно встретился с Варей. Можно

было предположить, что девушка его поджидала.

- Надежда Сергеевна Анифиева просила вас передать свою благодарность за букет.

- Я такой не знаю!

- Вы еще будете отрицать, что не были сегодня в церкви на ее свадьбе...

- Это вам приснилось!

- ...и там потеряли свой носовой платок?..

- Разве там? А я-то искала, искала, - выдала себя Варя.

- Значит, это были вы? - торжествовал Звонарев.

- А хоть бы и так!

- Вы меня тронули этим поступком. Никак не ожидал, чтобы свирепая амазонка была способна на такую мягкость по отношению к "потерянной", как вы говорите, женщине.

- Она раньше была такой, а раз на ней женились, значит, она исправилась и стала настоящей дамой, - серьезно проговорила Варя.

- Вы восхитительны в своей наивности, Варя!

- А вы... просто глупый и ничего не понимаете. Ну, расскажите подробно, как все было, - подхватила она Звонарева под руку.

Прапорщику пришлось проводить девушку до самого дома, по дороге живописуя все происходившее на свадьбе.

- Теперь, Варя, очередь за вами. Гантимуров спит и во сне видит вас своей женой.

- Я никогда не выйду замуж за такого противного слизняка, как он!

- А за неслизняка?

- Еще подумаю, но он должен быть, во всяком случае, много умнее и догадливее, чем вы. - И Варя убежала, издали помахав рукой на прощанье.

Звонарев, улыбаясь, пошел обратно. Он впервые подумал о ней как о своей возможной жене. И хотя он постарался прогнать эту мысль из головы, но она невольно возвращалась к нему.

После августовских штурмов японцы подошли на Восточном фронте обороны к форту номер два, батарее литеры Б и Куропаткинскому люнету на двести - двести пятьдесят шагов. Передовые укрепления соседнего Северного фронта - Кумирненский и Водопроводный редуты - оказались при этом сильно выдвинутыми вперед и стали простреливаться во фланг и отчасти даже с тыла. Гарнизон редуты составляли роты Двадцать шестого Восточносибирского стрелкового полка полковника Семенова, штаб которого расположился в непосредственной близости от них в деревне Палиджуан.

Едва оправившись от ран, Енджеевский, прихрамывая и опираясь на палочку, направился к Семенову.

- Зачем же вы ушли из госпиталя в таком виде? - спросил полковник. - Ведь вы форменный калека!

- Выписан после освидетельствования "комиссией

Четырнадцатого полка, признавшей меня годным к строевой службе.

- Ну и отправляйтесь тогда в Четырнадцатый полк к Савицкому. Пусть он что хочет, то и делает с вами.

- Разрешите мне принять по-прежнему охотничью команду.

- На руках, что ли, вас будут носить в разведку?

- Авось на четвереньках поспею за солдатами.

- Ладно уж! Вы мне сейчас, откровенно говоря, очень нужны. Без вас в охотничьей команде все пошло вверх дном, и я не знаю, что делается под носом. Ну, желаю всего лучшего! - И Семенов крепко пожал руку поручика.

- Лучший офицер у меня в полку, - бросил он адъютанту, когда Стах вышел.

- Только всегда с начальством не в ладах!

Узнав о возвращении Енджеевского, стрелки-охотники, побросав все свои дела, кинулись к нему.

- Евстахий Казимирович? Вот радость-то какая! Без вас дело у нас совсем расклеилось.

Стах, начал расспрашивать, что произошло в его отсутствие. Оказалось,

что заменивший его поручик Минят сместил едва ли не всех начальствующих из нижних чинов.

Енджеевскому пришлось всех возвращать на прежние места.

Стах перераспределил также и людей между взводами, чтобы старые, наиболее опытные разведчики равномерно попали в каждый из них. Взводами стали командовать простые солдаты, иногда из штрафных, но опытные и лихие разведчики, и плохие унтеры стали в строй рядовыми.

Вечером, за обедом в штабе полка, Семенов предупреждал Стаха:

- Что касается произведенных вами перемещений среди нижних чинов, то ответственность за них возлагается целиком на вас.

- Неплохо бы такую перестановку произвести и во всем Артуре, - заметил Енджеевокий.

Семенов сбоку взглянул на него, хитро улыбаясь, и, поправив свои новенькие золотые флигель-адъютантские аксельбанты, спросил:

- Вы поручили бы мне заведовать дивизионным обозом, а сами приняли бы командование дивизией?

- О нет! Прежде всего убрал бы куда-либо подальше Стесселя, Фока, Никитина, Рейса - на Ляотешань, что ли, и посадил бы под крепкий караул.

Романа Исидоровича поставил во главе обороны, а в помощь ему дал бы вас и Третьякова.

- А Смирнова куда?

- Учителем арифметики в Пушкинскую школу.

Семенов громко захохотал.

- Придумали вы ему место!

И поспешил переменить тему разговора.

- Я слышал, что под Ляояном должен произойти генеральный бой между нашими и японцами. Говорят, много шансов на нашу победу, - проговорил он.

- Будут японцы под Артуром сидеть смирно - значит, в Маньчжурии им наступили на хвост; - полезут на штурм - значит, мы побиты под Ляояном, - отозвался Стах.

Для Стаха охотники выбрали большой просторный погреб под разрушенной кумирней. Японцы, разбив пагоду, больше не стреляли в этом направлении.

Стрелки расчистили подступы к нему, подмели помещение, натащили свежего душистого сена и по возможности придали жилью уютный вид. Отправив солдат в разведку, утомленный за день Енджеевский с удовольствием вытянулся на сене и погрузился в дремоту. Охраняя сон командира, два охотника по своему почину улеглись у входа. Ночь выдалась сырая, с моря напелзал туман, заполняя все низины и овраги. На позициях было тихо.

- Теперь дело у нас пойдет, - тихо проговорил один из стрелков. - Поручик наш - человек правильный, солдата насквозь видит.

- Наш Стах своих в обиду не даст.

- Беречь его следует и от японских пуль и от начальства.

После полуночи разведчики стали возвращаться. Они хотели было тотчас разбудить Енджеевского, но стража не позволила.

- Соберутся все, тогда разом и доложите, а то до утра всю ночь беспокоить зря человека будете.

Стрелки охотно соглашались и тут же укладывались на землю.

Утром, выслушав доклады солдат, Енджеевский удивился одновременности их возвращения, но никто не выдал ему причины этого. По донесениям разведчиков, вырисовывалась ясная картина сосредоточения довольно значительных сил противника против Западного фронта и подготовки к новому штурму, о чем свидетельствовало сооружение ряда осадных батарей в этом районе.

О результатах разведки Стах доложил Семенову.

- Похоже, что Ляоян-то отдали, - задумчиво проговорил полковник, разглядывая на карте вновь нанесенные батареи и траншеи. - Сейчас с конным ординарцем пошлю донесение Роману Исидоровичу.

Поручик выбрал одного из своих стрелков и велел ему по дороге заехать в Пушкинскую школу с запиской, к которой он присоединил полевые цветы для Лели. Заметив это, охотники быстро набрали огромный букет.

Один из разведчиков, поляк-садовник, с большим вкусом подобрал цветы и преподнес Стаху.

- Для Елены Федоровны, - сказал он.

Еджеевокий был очень тронут.

"И этих людей смеют презрительно называть "сволочью", - подумал Енджеевский и тепло поблагодарил солдата.

Кондратенко появился в Палиджуане около полудня и направился прямо к Енджеевскому. Еще раз выслушав доклад о результатах разведки, генерал попросил провести его на такое место, откуда он мог бы видеть возможно больше. Стах вызвал Денисова.

- Есть такое место, ваше превосходительство, только в версте впереди наших окопов. Днем туда можно добраться лишь ползком.

Без долгих размышлений Кондратенко переделся в солдатскую рубаху, надел чью-то не очень чистую фуражку и с биноклем в руках отправился за фельдфебелем. Стах из-за ранения не мог идти с ним и издали наблюдал за продвижением генерала. Семенов сердито напустился на поручика.

- Как вы не отговорили Романа Исидоровича от посещения наблюдательного пункта? Где это видано, чтобы генерал, как простой стрелок, целую версту полз на животе!.. - кипятился полковник, наблюдая в бинокль за двумя серыми фигурами, ползущими далеко впереди русских окопов.

Енджеевский старался как мог успокоить полковника, Все же оба провели весьма тревожный час, пока наконец Кондратенко вернулся. Потный, запыленный, генерал был возбужден и доволен своей вылазкой.

- Все видел и высмотрел! Данные разведки подтвердились полностью. Я разглядел даже еще несколько новых батарей в этом районе. Несомненно, готовится штурм, только не Западного фронта, а против вас! - предупредил он Семенова.

Отдав затем еще ряд приказаний по усилению обороны Северного участка, генерал уехал. Семенов со Стахом и адъютантом засели за детальную разработку плана обороны полкового участка.

Прошло несколько дней.

В ночь на третье сентября неожиданно обнаружилось наступление до роты японцев от Шушуина на передовые окопы Кумтарненского редута, расположенные в непосредственной близости к этой деревне. Енджеевокий решил атаковать их с флангов и отрезать от своих. С этой целью он вызвал команду разведчиков. Не желая беспокоить уже спавшего Семенова, он договорился с командиром штабной конвойной роты, и они двинулись на врага.

- Шуму не поднимать, не стрелять, действовать штыком и прикладом, - поучал Енджеевский охотников.

По сигналу - крику совы - русские бросились в штыки. Произошла короткая кровавая схватка. Соблюсти полную тишину не удалось, кто-то крикнул от боли, грянул ружейный выстрел, в воздухе засверкали ручные ракеты японцев. Ночь оживилась шумом боя. Пришлось разбудить Семенова, который ввел в бой еще две роты из резерва. Заговорили крепостные батареи. Только к рассвету стихла наконец стрельба.

В числе захваченных пленных оказались два офицера. У них нашли приказ по Маньчжурской армии о разгроме русских под Ляояном и приказ Ноги о предстоящем новом штурме Артура, "... дабы возможно скорее смыть позор затянувшейся осады со знамен Страны Восходящего Солнца", - цветисто писал командующий японской осадной армией.

Семенов, невыспавшийся и злой, диктовал адъютанту реляцию о происшедшем.

Он постарался скрыть факт самовольных действий своих офицеров, приведший к ночной стычке и значительным потерям, и подчеркивал положительные результаты разведки.

- Почему вы меня не разбудили на час раньше? Все было бы в порядке. Японцы наступают, мы обороняемся, а теперь изволь доказывать, - брюзжал полковник. - Стессель этого случая не пропустит.

- Бог не выдаст, Стессель не съест! - отшучивался

Стах, хотя и понимал, что подвел своего командира. К вечеру

неожиданно приехал Фок и заявил, что прислан для расследования "ночного инцидента". Он просидел до глубокой ночи, учинив форменный допрос офицерам и многим из солдат. Почуввав неладное, Семенов сообщил о визите Фока Кондратенко.

Последний тотчас же прибыл в штаб Двадцать шестого полка.

- Рад вас видеть, Александр Викторович, в добром здравии, - приветствовал он Фока. - Зачем изволили пожаловать?

- Прислан начальником района для проверки поступивших в штаб сообщений о вопиющих безобразиях в Двадцать шестом полку.

- Мне о таковых ничего не известно. Наоборот, Двадцать шестой полк я считаю лучшим, надежнейшим в моей дивизии.

- Очень жаль, но должен вас разуверить в этом.

Большого беспорядка, чем у флигель-адъютанта Семенова, нельзя себе и представить! Офицеры - нигилисты и либералы, самовольно, без ведома командира, вводят в бой Чуть ли не весь полк, несут напрасные потери, и все из желания заслужить славу героев.

- Прошу конкретнее, ваше превосходительство: кто в чем виноват?

- Семенов в том, что совершенно распустил полк,

Енджеевский в самовольстве, приведшем к бессмысленным потерям, а вы-то недостаточном надзоре за полками вверенной вам дивизии.

- Вы доводите об этом до моего сведения по поручению Стесселя?

- Нет, это мои выводы после ознакомления с положением в Двадцать шестом полку.

- Они меня не интересуют! Поскольку я являюсь начальником сухопутной обороны, то я сам и доложу обо всем начальнику района. Подать генералу лошадь! - громко приказал Кондратенко.

- А если я не уеду? - зло сощурил глаза Фок.

Кондратенко нервно заходил по двору, быстро соображая.

"Рубить сплеча, опереться на свои полки и моряков, арестовать Фока, Стесселя, предать суду, самому принять общее руководство обороной, сместив Смирнова? - быстро неслись мысли в его голове. - Но ведь полки Четвертой дивизии - Тринадцатый, Четырнадцатый, Пятнадцатый -

пойдут за Фоком, может возникнуть междоусобие, а тут на носу новый штурм. Нет, не сейчас! Лучше в другой, более подходящий момент". И Кондратенко облегченно вздохнул.

Решительные и крутые меры были не по нем, и он с радостью ухватился за спасительную отговорку о предстоящем штурме.

- Надеюсь, вы не станете упорствовать, Александр Викторович? - уже мягче проговорил Роман Исидорович.

- Хорошо, но я отсюда еду прямо к Стесселю, - пригрозил Фок.

- Значит, нам по дороге, - чуть насмешливо заметил Кондратенко.

- Нет, уж избавьте! И до сей поры, и до моей гробовой доски наши дороги никогда не совпадали и не совпадут, - с необычайной для него пылкостью проговорил Фок.

Генералы раскланялись и разошлись.

Узнав о происшедшем, Стессель растерялся. Недавно сместив Фока, он теперь стоял перед дилеммой смещения Кондратенко и заменой его Фоком. Сомнения решила Вера Алексеевна:

- Без Кондратенко Артур не продержится больше двух недель. Мы не знаем точно, что делается у Куропаткина, поэтому назначение Фока еще рано.

Все же Стессель считал долгом отдать следующий приказ по войскам Квантунского укрепленного района:

"В ночь со 2-го на 3-е сентября 26-го В. - С, стрелкового полка поручик Енджеевский, не доложив командиру полка, самовольно взял охотничью команду, штабную конвойную роту и пошел производить различные геройские поступки, не имеющие никакой ясной цели, а показывающие:

1) что есть офицеры, которым ничего не стоит бессмысленно загубить несколько десятков солдатских жизней да потом еще доказывать, что он молодец и герой, и 2) в 26-м В. - С, стрелковом полку наблюдается полное отсутствие порядка. Предписываю Енджеевского отрешить от должности, зачислить в нестроевую часть и отнюдь ни к каким наградам не представлять. Командиру 26-го В. - С, полка флигель-адъютанту полковнику Семенову объявляю строгий выговор за отсутствие -

внутреннего порядка в полку, начальнику же 7-й В. - С. стрелковой дивизии генералу Кондратенко ставлю на вид.

Генерал-адъютант Стессель".

- Теперь японцы могут спать спокойно. Конец вылазкам, - резюмировал Кондратенко, прочитав приказ.

На следующий день Стах был назначен смотрителем лазарета при Пушкинской школе. Все учительницы, и в особенности Леля, остались весьма довольны таким оборотом дела.

Звонарев и Борейко орудовали на Залитерной батарее, стараясь возможно лучше замаскировать ее от наблюдений противника. Прапорщик, кроме того, занимался укреплением блиндажей и пороховых погребов, перекрывая их сверху рельсами и бетоном. Летняя жара постепенно спадала, изредка проходили теплые дожди. Посажанные летом деревья вновь оделись свежей листвой. На фронте было почти спокойно. Японцы изредка обстреливали форты и батареи, перенесся огонь в тыл на город - и порт, но к бомбардировкам портартурцы уже привыкли и научились быстро покидать обстреливаемые участки.

- Сегодня он бьет все время по району Пушкинской школы, - беспокоился Борейко, оглядывая город в бинокль.

- Теперь там работает Стах. Он занялся вместе со своими легкоранеными охотниками приведением здания в оборонительное состояние, - сообщил Звонарев.

- Не сообразишь даже, повезло ему или нет. Отставлен от наград - зато оказался в тылу около жены, - задумчиво заметил Борейко.

- Тебе-то у Оли везет или нет?

- Не знаю, что и ответить. Пожалуй, скорее удача, во всяком случае, не такая, как у тебя с Варей.

- Варя, по крайней мере, оригинальна: сперва огреет плеткой, а затем крепко поцелует.

К батарее подошел ординарец, ведя за собой лошадь под офицерским седлом.

- Прапорщику Звонареву пакет, - протянул солдат.

Эвонарев торопливо его распечатал и прочитал;

- "Ввиду ранения командира Саперной батареи каштана Вениаминова вам предлагается срочно принять когандование этой батареей. Об исполнении донести. Генерал Белый".

- Вот так фунт! Где находится эта Саперная батарея? - обернулся прапорщик к Борейко.

- В версте от Нового города. Строилась еще в мирное время, бетонная, пушки шестидюймовые, береговые. Место" открытое и сильно обстреливается.

Одним словом, нам там в случае атаки на Западный фронт будет весело.

- Нельзя ли взять с собой несколько человек наших?

Дело будет вернее.

- Некого! Половина роты ходит перевязанная. Может, потом кого-нибудь подошлю, - пообещал Борейко.

Простившись со своим другом и солдатами, прапорщик сел на лошадь и тронулся в путь. Ехать пришлось медленно, так как Старый город обстреливался японцами, В Новом городе его из окна окликнул Андрюша. Узнав о назначении, лейтенант предложил Эвонареву пользоваться своей квартирой.

- Отсюда тебе будет совсем близко.

Расспросив Акинфиева о делах, офицер двинулся дальше и через полчаса прибыл на Саперную батарею. Матросы и солдаты, обслуживающие батарею, не спеша приводили в порядок полуразрушенные брустверы и траверсы.

При появлении прапорщика солдаты и матросы вытянулись. Поздоровавшись с ними, он объявил о своем назначении командиром.

- Нам про то ничего не известно, - сумрачно возразил унтер-офицер моряк.

- Раз я довел до твоего сведения, значит, известно!

А теперь марш по своим орудиям, да работать поживее! - приказал Эвонарев.

Батарея довольно сильно страдала от ежедневных обстрелов, даже

бетонные сооружения были полуразрушены. Действовали только морские пушки.

После осмотра Звонарев решил замаскировать орудия или хотя бы прикрыть номерных щитами. Нуждались в усилении и бетонные казематы. Собрав вечером солдат и матросов, он подробно изложил им свои намерения. Артиллеристы несколько усомнились в возможности такого переоборудования, зато матросы сразу же поняли его мысль.

- В порту наберем броневых листов и приклепаем их к пушкам, а то потребуем снять щиты с, негодных старых судов - "Всадника", "Забияки" и других, - предлагали они. - Вы бы, вашбродь, поговорили с капитаном второго ранга Клюпфелем, они у нас ведают всей морской артиллерией, которая свезена на сухой путь.

Прапорщик решил на следующий же день заняться этим.

Наблюдательный командирский пункт тоже был оборудован весьма примитивно.

Во время стрельбы приходилось высовываться по пояс над бруствером и в бинокль наблюдать за падением своих снарядов. Звонарев велел сделать над головой перекрытие из железных балок и мешков с землей.

Утром, едва взошло солнце, приехал Белый. Легко соскочив с лошади, на ходу расправляя пышные усы, он быстро подошел к батарее.

- Вашбродие, наш генерал прибыли, - разбудили еще спавшего Звонарева.

- Когда сюда явились? - спросил прежде всего прапорщика Белый. - Где и как столуетесь?

- Вчера ел из солдатского котла.

Выслушав затем предположения прапорщика о переустройстве батареи, генерал коротко бросил:

- Все это отлично, но японцы готовят новый штурм, проверьте пристрелку всех целей, сейчас не до переделок, а там видно будет, что и как. - И генерал отправился на соседнюю батарею.

День прошел спокойно. Звонарев дал несколько выстрелов, чтобы ознакомиться с целями, по которым была пристреляна батарея.

В это время к нему неожиданно подошел Блохин.

- В ваше распоряжение прибыл, вашбродь! - гаркнул он.

Офицер от неожиданности даже вздрогнул.

- Тебя поручик прислал?

- Так точно! Поди, грит, присмотри, чтобы их благородие кто-нибудь на Саперной не обидел, - с добродушной усмешкой ответил солдат.

- Ты пришел один?

- Никак нет, со мной Ярцев-сказочник да Юркин-телефонист.

Обрадованный прибытием своих, прапорщик посвятил их в планы переустройства орудий и батарей.

Вскоре начался методический обстрел батареи сразу с нескольких сторон.

- Будет теперь черт до вечера сюда стрелять, - бурчали солдаты.

Разыскать хорошо укрытые за складками местности японские батареи не удавалось. Саперная же с вновь насыпанными брустверами четко вырисовывалась на самой верхушке сопки.

Японскими снарядами брустверы были снесены до основания, одно из орудий подбито, завалился пустой пороховой погреб. Несколько снарядов попало и в командирский блиндаж, в своде которого появились зловещие трещины. Прапорщик решил отвести людей с батареи в тыл.

Отойдя с полверсты, Звонарев укрыл людей в глубокой промоине, а сам отправил донесение в штаб Ирмана, начальствовавшего над этим участком.

Началось томительное сидение на солнцепеке. Днем на минутку появился Кондратенко, указал место новой позиции батареи и уехал.

Собрав вокруг себя матросов и солдат, прапорщик сообщил им о переносе орудий и распределил работу между артиллеристами и моряками.

С наступлением темноты все дружно принялись за дело. Вскоре подошли саперы, а затем и моряки. С ними прибыл инженер-капитан - старый знакомый Звонарева по Цзинджоу.

- Опять пришлось свидеться, - пожал он руку прапорщику. - Я займусь

фортификационными работами, а вы орудуйте с пушками, - предложил он.

Звонарев согласился.

Блохин, взявший на себя роль инструктора по оборудованию позиций, громко покрикивал на работающих, изощряясь при этом в такой виртуозной брани, что даже выдавшие виды матросы покатывались со смеху.

- Ты, служба, часом, не плавал на "Новике" или не состоишь в родстве с тамошним боцманом Кащенко? - допытывались они.

- Плавал я только по Волге-матушке, да и то с поверхности на дно. Там и присказкам своим научился от волжских бурлаков и сам кое-что придумал.

- У вас на Залитерной все такие весельчаки?

- Без малого все. Забрался было япошка к нам на Залитерную, да как увидел нас с банниками и гандшпугами, так и убег.

- Один вид твой разбойничий в расстройство привести может, - поддел его матрос Луговой и тотчас же был награжден оплеухой.

- Потихе, черт, кость сломаешь! - отмахнулся он.

Ночь выдалась лунная, ясная. Можно было работать без фонарей. Японцы изредка стреляли по Саперной, что несколько затрудняло работы. Подъемных механизмов не было, и приходилось все тяжести поднимать вручную. По исконному русскому обычаю, моряки затянули "Дубинушку" в артурском изложении:

Японец-хитрец, чтоб работе помочь,

Изобрел за машиной машину,

А артурский матрос, коль работать невмочь,

Так затянет родную "Дубину".

Пели дружно, с явной издевкой, но Звонарев делал вид, что этого не замечает.

- Вашбродь, до вас барышня приехали, - доложил Ярцев, хитро улыбаясь.

Прапорщик вспыхнул, поняв, что разговор идет о Варе Белой.

- Папа приказал привезти вам обед, чтобы вы тут не умерли с голоду, -

проговорила девушка, протягивая ему тяжелые судки с едой.

Она умолчала, что все "приказание" отца состояло в коротко брошенной за столом фразе: "Твой прапор сидит второй день не жавши на Саперной". Хотя Варя и запротестовала тогда: "Совсем он не мой, и поголодать ему полезно, не будет таким мямлей", - тем не менее вместо отдыха после дежурства в госпитале она занялась стряпней и затем отправилась на батарею.

Отойдя в сторонку, они расположились с судками. Проголодавшийся прапорщик быстро проглотил борщ, котлеты и крем. Варя только вздыхала, что не принесла больше.

- Долго вы тут будете сидеть? - справилась она.

- Пока не вернется Вениаминов, он лежит в десятом госпитале.

- Он ранен легко и больше недели там не задержится. Где бы в Новом городе можно заняться приготовлением для вас обедов?.. Уж больно далеко добираться сюда из дому.

- Зачем вам утруждать себя?

- А вдруг вы умрете с голоду, тогда меня замучит совесть. И батюшка нас в институте учил: "Накорми осла алчущего!"

- Не очень-то лестное для меня сравнение.

- Я хотела сказать: вола алчущего, хотя вы больше походите на... зайца. Серьезно, где тут можно найти кухню?

- В домике Ривы, ныне Нади Акиифиевой. Совсем недалеко отсюда.

- Меня туда пустят? Только на кухню...

- Так и быть, замолвлю за вас словечко! - съязвил Звонарев.

- В таком случае устраивайтесь сами, как хотите, - обиженно поднялась Варя.

- Смиловитесь над голодающим! - взмолился прапорщик. - Давайте завтра, если около полудня будет спокойно, вместе и заглянем в домик Акиифиевых и к Вениаминову, - предложил он.

Рассерженная девушка молчаливым кивком головы выразила свое согласие и направилась к застоявшейся Кубани.

Усталость от предыдущей бессонной ночи заставила прекратить работу

уже вскоре после полуночи из опасения несчастных случаев, так как при подъеме тяжелых пушек и лафетов они срывались иногда на землю и могли кого-нибудь придавить.

Японцы молчали, ограничиваясь редкой ружейной стрельбой. Наутро, решив, что предстоит спокойный день, Звонарев дал необходимые указания солдатам и отправился в Новый город.

Десятый госпиталь, где находился на излечении Вениаминов, помещался в недостроенной городской гостинице. Прапорщик вошел в большой светлый вестибюль, поднялся по мраморной лестнице на второй этаж и быстро нашел палату, в которой лежал командир Саперной батареи. Он застал Вениаминова играющим в карты со своими соседями.

- Очень рад вас видеть, Сергей Владимирович. Зачем изволили пожаловать в эту юдоль печали и страданий? - приветствовал он Звонарева.

Прапорщик объяснил причину своего посещения.

- Жаль, жаль! Я полтора месяца продержался на старой позиции. Правда, днем у меня не было никакого движения на батарее, и стрелял я лишь изредка, в крайнем случае. Постараюсь возможна скорее вернуться в строй.

В палату вошла сестра - высокая стройная блондинка. Она, улыбаясь, подошла к капитану.

- Пойдемте, я вас перевяжу в последний раз.

- На позиции он умрет на другой же день от тоски по вас, Лолочка.

Сестра улыбнулась и вышла. Вениаминов последовал за ней, сразу сильно захромав. В дверь опять постучались.

- Еще гости. Войдите! - отозвался уже немолодой офицер-стрелок.

В палате появилась Варя.

- Где Вениаминов? - обратилась она к Звонареву, ни с кем не здороваясь.

- Здравствуйте, очаровательная незнакомка! - подчеркнуто вежливо приветствовал ее пожилой офицер.

- Прошу меня простить за мою невежливость.

Я очень тороплюсь. - И Варя низко присела перед ним. - Пойдем в

перевязочную, - повернулась она к прапорщику, узнав, где капитан.

По коридору о, ни прошли до самого конца.

- Подождите здесь, а я загляну туда. - И девушка скрылась за дверью.

Вскоре она появилась вместе с капитаном.

- Я вас немедленно бы выписала, вы совсем здоровы, - говорила она сердито, - а эту сестрицу в кавычках удалила бы из госпиталя. Такие особы только мешают работать.

- Кто это так не понравился вам? - спросил Звонарев.

- Наша Лолочка! Варя у нас человек строгих нравов и никакого легкомыслия не допускает, - ответил Вениаминов.

- Здесь имеются врачи, которым предоставлено судить о целесообразности пребывания в госпитале той или иной особы... - заикнулся было прапорщик.

- ...и которые сами готовы ухаживать за такими "сестричками", - не замедлила принять вызов Варя.

- Пошли к главному врачу получать документы и деньги, - предложил капитан. - Я решил вернуться на Саперную.

Все трое отправились во двор, где помещалась канцелярия госпиталя.

В коридоре они опять встретились с Лолой.

- Я слыхала, что вы выписываетесь, Петр Ерофеич, и что косвенной причиной этого являюсь я? - И она вскользь взглянула на Варю.

- Я не могу быть на вас в претензии, очаровательное создание, хотя и с большой грустью расстаюсь с вами, - рассыпался Вениаминов, но, заметив свирепый взгляд Вари, поспешно распрощался.

Через полчаса все трое уже шли по набережной.

С балкона вслед уходящему капитану махала платком Лолочка.

- Не смейте оборачиваться! - зло прошипела Варя Звонареву, когда он захотел ответить на прощальное приветствие. - К вам-то оно ни с какой стороны не относится.

Пройдя несколько кварталов, Вениаминов свернул к своей квартире.

- Теперь пойдем к Акинфиевым, - предложил Звонарев.

- А если она там? - боязливо заметила девушка.

- Вы же сами признали, что она исправилась.

- Конечно, это так, но все же... - замялась Варя. - Я как-то не могу заставить себя относиться к ней, как к порядочной женщине, - призналась она. - При ближайшем знакомстве вы быстро измените свое мнение о ней, - убеждал Звонарев.

Варя все же с некоторым смущением подошла к квартире Акинфиевых. Дома их не оказалось.

Войдя в комнаты, Варя тотчас же принялась внимательно разглядывать всю обстановку, при этом на ее лице застыло выражение детского любопытства, смешанного с некоторой брезгливостью.

- Грязь, беспорядок, надо все перемыть и перечистить, - распорядилась она, осмотрев кухню.

Матрос-денщик удивленно поглядывал на новоявленную хозяйку, но возражать не посмел.

Заглянув затем в буфет, Варя окончательно рассердилась, обнаружив и там полный хаос. Забыв обо всем, она принялась наводить порядок. Денщик только поспевал выносить на двор мусор и грязную воду.

- Жду вас в шесть часов вечера к обеду, а пока можете уходить, - приказала она Звонареву.

Прапорщик повиновался.

На батарее он застал прихрамывающего Вениаминова. Окруженный солдатами, капитан подробно расспрашивал обо всем происшедшем в его отсутствие.

Начавшаяся на фронте усиленная канонада отвлекла их внимание. Оба офицера отправились на наблюдательный пункт.

Полуденное солнце ярко освещало лежащие впереди сопки. Простым глазом можно было разглядеть, как осадные батареи сосредоточили огонь на Кумирненском и Водопроводном редутах. В этом районе начали скапливаться японские резервы. Была видна перебежка отдельных групп и цепей.

- Попахивает новым штурмом, - заметил Вениаминов. - Мы могли бы хорошо обстрелять отсюда неприятельские резервы, но батарея, как

назло, не действует.

- Пойдемте на Зубчатую, может, хоть она откроет огонь, - предложил Звонарев.

- Командиром там некто Страшников, недавно переброшен с Тигрового Хвоста, невероятный трус. Он скорее умрет, чем решится стрелять без приказа из Управления артиллерии.

Когда нужное приказание было получено, Звонарев отправился на Зубчатую гору. Она находилась всего в нескольких десятках саженей от Стрелковой, за неглубокой лощинкой. В отличие от последней, фронт ее имел вид дуги, и орудия смотрели в разные стороны, но при этом она была прекрасно замаскирована.

За батареей под прикрытием обрывистого склона горы виднелись палатки и землянки стрелкового резерва. Тут же жил и сам Страшников. Он сидел у входа в свое убежище и грелся на солнце. Несмотря на летнее время, капитан был в пальто и с шарфом на шее. Он любезно пригласил Звонарева выпить стакан чаю.

В блиндаже даже днем горела керосиновая лампа. Прапорщик разглядел широкую двухспальную кровать с горой подушек; на столе, сбитом из некрашенных досок, шипел самовар.

"Совсем по-домашнему устроился", - подумал Звонарев и тут увидел, к своему удивлению, моложавую пышную блондинку с энергичным лицом.

- Знакомься, Нюсик, - обратился капитан к ней. -

Известный тебе по рассказам прапорщик Звонарев.

- Как же, как же! С Электрического Утеса, будущий зять Белого, - затараторила мадам Страшникова, бесцеремонно разглядывая гостя. - Одобряю Варин вкус: молод, здоров, румянец во всю щеку, застенчив, - продолжала капитанша.

Офицер действительно покраснел, но не столько от смущения, сколько от раздражения.

- Зачем изволили к нам пожаловать? - деловито справилась Страшникова.

- Нас заставляют стрелять, - ответил ей муж.

- Этого еще только не хватало! Мало вчерашнего разгрома Саперной, так хотят, чтобы и мы подверглись той же участи. И не подумаем открывать огня!

- Что же мне сообщить в Управление артиллерии? - спросил Звонарев.

- Доложите, что приказание передали, а остальное вас не касается. - И она сердито повернулась к мужу. - Не правда ли, Миша?

- Пожалуй, так лучше всего. Разрешите чайку, Нюсик, предложи рому, у нас еще из довоенных запасов.

Пока прапорщик пил чай, капитанша занялась ротными делами.

- Фельдфебель тут никуда не годится, - жаловалась она мужу. - Смотрит волком, что-то бурчит мне в ответ. Ты его подтяни. Затем скажи солдатам, чтобы не смели ругаться в моем присутствии.

Поблагодарив за чай, Звонарев встал из-за стола.

- Разрешите мне взглянуть все же на батарею, - попросил он.

- Только, чур, - не привлекать внимания японцев. Начнется обстрел, я же женщина слабая, не выношу грохота, - за мужа ответила капитанша. - Я сама провожу вас.

Под конвоем Страшниковой прапорщик прошелся вдоль орудий. Стоило ему взглянуть через бруствер, как его бесцеремонно потянули за рукав:

- Не высовывайтесь! Пройдем на наблюдательный пункт, оттуда можно незаметно осмотреть японские позиции.

Встречные солдаты вытягивались, отдавая честь.

Страшникова милостиво здоровалась с ними.

- Здравия желаю, барыня! - выкрикивали артиллеристы, по-уставному дико выпучивая глаза на мадам Страшникову.

На командирском пункте Страшникова довольно толково указала прапорщику цели, какие батарея могла обстрелять днем и какие ночью.

- В случае нужды вы, Анна Павловна, свободно можете заменить здесь своего мужа, - заметил Звонарев.

- Что вы, я совсем не знаю правил стрельбы! В хозяйстве другое дело. Там опытный женский глаз во всем разбирается скорее и лучше, чем мужской.

- Не разрешите ли сделать хотя бы несколько выстрелов? Японские, резервы прекрасно видны отсюда, и с первого же выстрела им можно, нанести большой урон.

- Не знаю уж, право. Разве для вашего удовольствия... Только не много.

Одна за другой прогремели четыре пушки.

Разрывы легли очень удачно. В бинокль было видно, как резервы бросились врассыпную.

- Ура! - закричал Звонарев. - Еще две-три очереди, и все разбегутся.

- Довольно! Хорошенького понемножку! - решила капитанша.

Вернувшись на Саперную, Звонарев со смехом рассказал обо всех Вениаминову.

- Бой-баба! Они, в сущности, поменялись ролями, Командует ротой жена, а дома сидит муженек. В общем - один из многочисленных артурских анекдотов, - резюмировал капитан.

Вскоре на Саперную батарею неожиданно приехал Кондратенко.

- Куда стреляют японцы? - спросил он.

- По-видимому, идет подготовка к штурму Кумирненского и Водопроводного редутов, - доложил прапорщик.

- Весьма возможно! Вы уже поправились, капитан?

Тогда я у вас похищу Сергея Владимировича, а то у меня не осталось ни одного адъютанта.

Через десять минут Звонарев был в седле и широкой рысью едва поспевал за генералом.

Около железной дороги, во второй линии обороны, они разыскали штаб Семенова.

- Как дела? - бросил Кондратенко, пожимая руку полковнику.

- Артиллерийским огнем разрушены все укрытия.

К тому же японцы подвезли горное орудие и расстреливают редут в упор. Я просил Белого сосредоточить огонь всех батарей на атакованном фронте.

- Лейтенант с "Баяна" здесь?

- Так точно. Он установил по два миномета на каждом редуте, но

бомбардировка так сильна, что пользоваться ими сейчас невозможно.

- Хотите познакомиться с новым видом артиллерийского оружия - морским минным аппаратом, стреляющим минами по неприятельским окопам? - обернулся Кондратенко к Звонареву.

- С большим удовольствием.

- Тогда пройдемте на Водопроводный редут.

- Там очень опасно, Роман Исидорович! Я могу прапорщику дать туда провожатого, если уж его так интересуют минные аппараты.

- Я тоже хочу посмотреть их действие в бою.

И генерал направился к позиции.

Минуя деревню Палиджуан, где были сосредоточены резервы и перевязочные пункты, они по длинному ходу сообщения прошли на редут.

Временно обстрел почти прекратился. Это дало возможность спокойно добраться до нужного места. Правда, при этом два или три раза их все же обсыпало землей и камнем поцарапало Звонареву щеку.

- Первая рана за всю войну, - заметил он, стирая кровь с лица.

- Будем надеяться, что и последняя, - ответил генерал.

На Водопроводном редуте стрелки торопливо исправляли нанесенные бомбардировкой повреждения. Увидев

Кондратенко, они наскоро отряхивались и отдавали ему честь. Генерал на ходу здоровался с ними, как всегда внимательно вглядываясь в солдатские лица.

- Большие у вас потери? Налажена эвакуация раненых? Люди накормлены?

Патронов достаточно? В чем ощущаете недостаток? - забросал он вопросами подошедшего коменданта редута.

Офицер начал что-то длинно докладывать в ответ. Генерал поморщился. Затем поймал за плечо одного из стрелков, старательно укладывавшего на бруствер мешки с землей.

- Сыт? Патроны есть? Чего тебе не хватает?

- Утром снедали, тогда же и патронов давали, - утирая со лба пот,

ответил солдат и вдруг, спохватившись, вытянулся: - Виноват, ваше превосходительство, дюже за работой запарился, сразу вас не признал. Артиллерии бы нам побольше, а то он бьет, а наша все молчит, даже обида берет!

- Молодчина! Продолжай работать, а об артиллерийской помощи я позабочусь.

- Рад стараться!

- Справитесь с японцем? - спросил Кондратенко другого стрелка.

- Как не справиться, коль надо, - улыбнулся солдат. - Особливо ежели вы сами, ваше превосходительство, с нами будете.

Генерал ласково потрепал его по плечу и пошел дальше. В исходящем углу редута находился на деревянном основании минный аппарат. Когда Кондратенко со своей свитой подошел к нему, его заряжали.

Высокий, с живым, веселым лицом, лейтенант, заметив генерала, вытянулся и скомандовал "смирно". Кондратенко попросил продолжать работу. Сигарообразная мина длиной около сажени своим концом высывалась из дула аппарата.

Лейтенант попросил генерала отойти в сторону.

- В случае неудачного выстрела может произойти преждевременный разрыв.

Поэтому надо быть осторожным, - пояснил он.

Кондратенко отодвинулся на несколько шагов и прислонился к брустверу. До японцев было около сотни шагов.

- Пли! - скомандовал лейтенант.

С легким шумом, окутанная легким облачком дыма, мина, как огромная рыба, взвилась в воздух и, описав правильную траекторию, упала в место работ японцев. Прошло несколько секунд, и высоко вверх взлетел огромный султан дыма и пыли. Вместе с ним поднялись в воздух камни бревна, части человеческих тел, лопаты, кирки... Уцелевшие японцы в ужасе убегали в тыл.

Стрелки без команды ринулись за ними. Завязалась рукопашная схватка. Через минуту неприятельские окопы были уже заняты. Не вытерпев,

Кондратенко вскочил на бруствер и последовал за солдатами. Стрелки, увидав своего генерала, приветствовали его громовым "ура".

- Спасибо за героическую атаку! - во весь голос крикнул Кондратенко.

В это время японская артиллерия возобновила обстрел с новой силой.

- Вы бы, ваше превосходительство, вернулись назад, - подошел бородатый стрелок. - Не ровен час, зацепит. Мы уж тут сами справимся.

- Коль вы гоните меня, делать нечего - придется уйти, - усмехнулся тронутый заботой генерал.

Вернувшись на редут, Кондратенко приказал его коменданту отправиться в занятые окопы, а сам подошел к миномету.

- Какова скорость стрельбы? - справился он у лейтенанта.

- Не чаще чем раз в пятнадцать минут выстрел.

- Жаль! Если бы удавалось выпускать мину хотя бы каждые пять минут, то минометами можно было бы заменить орудия. Нельзя ли увеличить их число?

- Это не безопасно, так как для вывода из строя миномета достаточно маленького осколка или даже ружейной пули.

- Сергей Владимирович, ознакомьтесь с устройством аппарата и возьмите на себя их установку на Высокой. Лейтенант окажет вам нужное содействие.

- Слушаюсь! Я дам в помощь своего минного квартирмейстера Буторина. Он покажет, как они устанавливаются. Дело не хитрое, - ответил моряк.

Прапорщик вместе с генералом двинулись в обратный путь. По дороге они свернули на Кумирненский редут. Тут разрушений было еще больше. Ров наполовину засыпан, бруствер обвалился. Везде валялись трупы и стонали раненые.

- С минуты на минуту ждем штурма, - доложил генералу комендант редута поручик Дунин-Слепец.

В это мгновение крики "банзай" возвестили, что японцы кинулись на редут.

Из траншей выскочили саперы с бамбуковыми лестницами и ручными гранатами, за ними, с примкнутыми штыками, - штурмовые колонны.

Артиллерийский огонь сразу смолк, дым начал рассеиваться. Звонарев подхватил валявшуюся винтовку и приготовился защищать себя и Кондратенко.

- Рота, залпом пли! - закричал поручик, вскакивая на бруствер и размахивая обнаженной шашкой.

Раздался дружный оглушительный треск ружей, за ним еще и еще. Заработал единственный уцелевший пулемет. Трое японцев прорвались к месту, где находился Кондратенко, один из них бросил ручную гранату. Генерал быстро нагнулся, укрывшись за развалинами бруствера. Взрыв на мгновение оглушил и ослепил его, но затем он опять выпрямился.

- Целы? - кинулся к нему Звонарев.

- А вы? - вопросом же ответил Кондратенко.

Рядом на земле корчился в предсмертных судорогах стрелок, другой громко стонал, держась за правый бок.

- Ваше превосходительство, противник отошел в исходное положение, не приняв штыковой контратаки! - доложил Дунин.

- Нам никакие враги не страшны с такими молодцами! Только берегите их, елико возможно. Они опора и гордость Артура, - ответил генерал. - Я еду к Белому с просьбой сосредоточить огонь всех батарей на вашем участке.

После грохота, шума и нервного напряжения боя в Палиджуане казалось совсем тихо и спокойно, только где-то вверху мелодично пели редкие ружейные пули.

- Жарковато сейчас было! - облегченно вздохнул прапорщик.

- Впереди предстоят еще более горячие часы. Надо торопиться к Белому.

- Разрешите мне вернуться на Саперную, - попросил прапорщик.

- Да, да, и сообщите Вениаминову о данном вам поручении, договоритесь с Ирма, ном о минных аппаратах, - напутствовал его генерал.

- Не чаял вас и в живых видеть! - встретил Вениаминов прапорщика. - Я все время наблюдал в бинокль за тем, что происходило. Здорово японцы навалились на редуты!

Узнав о поручении, данном Звонареву, капитан завздохал.

- Хоть до вечера-то побудьте у меня. Ваши солдаты - Блохин с компанией - чуть не передрались с остальными на работе. Для них вы и Борейко - высшие авторитеты. Со мной они спорят, а лейтенанту Блохин нахально заявил, что тот ничего не понимает в постройке? батареи, за что, конечно, был избит.

- Разрешите мне взять их с собой. Они мне будут очень полезны.

- Работать невозможно, - подошел к прапорщику Блохия, - что им ни говоришь, не слушают, а ихний офицер так в рыло кулаками и лезет, - показал он на свой подбитый глаз.

Звонарев сообщил ему о предстоящей работе.

- За вами, Сергей Владимирович, мы повсюду идти согласны, - обрадовался солдат.

Вечером от Вари прибыл вестовой-матрос с запиской: "Жду к обеду. В." - Так что барыня, то бишь - барышня, наказывали, чтобы вы непременно сейчас шли до дому, - торопливо доложил он.

Сговорившись с Вениаминовым, прапорщик решил на чае сходить в город.

- Вы ранены? - спросила Варя, увидя кровь на лице у Звонарева.

- Нет, поцелован японской красавицей по имени шимоза.

- Надо сказать йодом во избежание нагноения, - с апломбом проговорила девушка.

В доме все блестело чистотой. Полы были вымыты, гардины выстираны, медные предметы начищены, все расставлено в порядке, нигде ни пылинки.

- Потрудились вы изрядно, - заметил прапорщик, оглядывая комнаты.

- Была не квартира, а свинюшник! Ваша Ривочка редкостная неряха и грязнуля, - тараторила Варя. - Мы с Афанасием тут все вверх дном перевернули. Он такой забавный! Пол называет палубой; мыть ее, по его, - лопатить, чистить-надраивать. Все сокрушался, что в полу нет каких-то шпигатов для стока воды. Мы с ним теперь друзья. Он вашу Ривочку не одобряет. По его мнению, она особа несамостоятельная. Он и меня считал за "офицерскую барышню" и верить не хотел, что я

генеральская дочь, потому что я хорошо умею мыть полы, стирать белье.

- А меня за кого же он принимает? - перебил ее Звонарев.

- За моего возлюбленного...

- И вы этим, конечно, весьма польщены?

- Польщена! Да мне стоит лишь пальцем пошевелинуть, как у моих ног будут полковники, если не генералы!

- Вроде Костенко!

Варя захохотала.

- Ох, уморил! Крестный в роли донжуана!

За обедом чинно сидели вдвоем. Афанасий подавал, Варя разливала суп, а Звонарев уплетал все за обе щеки. В дверь постучали. Варя сорвалась с места и побежала открывать.

- Кондратенко! - через минуту влетела она обратно. - Вас спрашивает!

Прапорщик поспешил навстречу генералу.

- Прошу прощения за беспокойство, - извинился генерал. - Я хотел вам указать место для установок минных аппаратов. Заехал на Саперную, и мне указали ваше местопребывание.

- Может быть. Роман Исидорович, между делом вы отобедаете с нами? - предложила Варя.

- Не откажусь, проголодался сегодня основательно, да, кроме того, обед у вас, наверно, очень вкусный, не даром же вы дочка Марии Фоминичны - великой мастерицы по кулинарной части.

Генерал отдал должное всем блюдам, чем очень обрадовал Варю.

- Я и не знал, что у вас в Новом городе такая хорошенькая квартирка, Сергей Владимирович, - заметил он.

Варя вспыхнула.

- Это не его, это одного морского офицера, который живет на Ляотешане, сбивчиво объясняла она, поняв свое неловкое положение.

- Не беспокойтесь, я не выдам вашего секрета Марии Фоминичне. К тому же Сергей Владимирович известен нам всем своим скромным поведением, - улыбнулся генерал и начал прощаться.

- Вы куда поедете? - справилась Варя.

- В Старый город. Хочу повидать Василия Федоровича.
- И я отправлюсь с вами домой, - попросила девушка.
- А Сергей Владимирович останется здесь? - спросил Кондратенко.
- Он уже поел, и больше ему тут делать нечего.

Пусть отправляется на позиции, - сурово проговорила девушка.

- Там сегодня неспокойно.
- Будьте осмотрительны, Сергей Владимирович, - уже мягче, но все же в наставительном тоне предупредила Варя.
- Слушаюсь, ваше превосходительство! - шутливо вытянулся Звонарев.

На Саперной прапорщика уже поджидали матросы с Буториным. Вместе с утесовцами они отправились на Высокую, где надо было установить два миномета. Гора являлась тактическим ключом всего Западного фронта, так как господствовала над всеми укреплениями этого района. С нее открывался вид на Старый и Новый город, гавань со стоящей в ней эскадрой, и, заняв ее, японцы получили бы прекрасный наблюдательный пункт для своей осадкой артиллерии.

Это поставило бы под угрозу расстрела все русские суда, а также тылы крепости. Руководители обороны и осаждающие одинаково понимали значение Высокой и готовы были сражаться за нее до последней возможности.

В мирное время на Высокой горе совершенно не имелось оборонительных сооружений, только после начала войны на ней были устроены два ряда полевых окопов с проволочными заграждениями и открыто установлены шестидюймовые крепостные и другие пушки. Но уже во время августовских штурмов пушки, засыпаемые неприятельскими снарядами, не смогли действовать. Поэтому Кондратенко решил теперь усилить оборону горы двумя минометами.

Прибыв в штаб Ирмана, Звонарев попросил дать ему подробные указания о месте расстановки минометов.

- Вы решили вместо артиллерии заняться минным делом? - иронически спросил Ирман.
- Я это делаю по личному распоряжению генерала Кондратенко.

- Подпоручик Гаев, проводите прапорщика на гору. Пусть договорится относительно минометов с капитаном Стемпковским, - распорядился Ирман.

На вершину горы вела крутая и плохо разделанная дорога. В темноте Звонарев и его спутники то и дело спотыкались о неровности, встречавшиеся на пути.

- Почти два месяца занимаем здесь позиции, а инженеры никак не могут удосужиться улучшить сообщение, - возмущался Гаев.

Коменданта горы нашли в прочном блиндаже из десятивершковых бревен. Он прежде всего предложил им выпить и закусить. От выпивки Звонарев категорически отказался и настоял на немедленном начале работ. Стемпковский, не желая расставаться с бутылкой, послал вместо себя с прапорщиком молоденького подпоручика Яковлева. Гаев из любопытства последовал за ними.

Вершину горы составляли две расположенные рядом сопки с небольшой ложбиной между ними.

Направленный в сторону противника склон был настолько крут, что давал возможность далеко забрасывать мины. Здесь и решено было установить один из минометов.

- С фронта позиция труднодоступна, - пояснил Яковлев, - зато благодаря наличию больших мертвых пространств она легко обходится с флангов. В целях улучшения их обороны мы заложили там фугасы.

В окопах правой сопки оказалась рота Квантунского флотского экипажа. Среди матросов нашлось несколько минеров, которые вызвались помочь в работе.

Вскоре доложили, что на гору поднимаются телеги с минометами. Прошло добрых четверть часа, пока наконец они добрались до вершины. Артиллеристы с любопытством осматривали привезенное. Блохин попробовал даже приподнять за дуло один из аппаратов.

- Детские пушчонки, вашбродь! - презрительно оценил он. - Далече с такого орудия не пальнешь!

Зато мины вызвали его восхищение.

- Неужто она вся до краев полна пироксилином? - недоверчиво осведомился он, похлопывая по корпусу почти саженной мины.

- На три четверти. В хвосте для веса насыпан песок, - пояснил Буторин. Ярцев с Юркиным занялись проводкой телефона от блиндажа коменданта к минометной позиции. Около полуночи к месту работ подошли Стемповский вместе с лейтенантом Гурским, который хромал и опирался на палку.

- Водопроводный редут взят, Кумирненский чуть дышит, но и его уже обходят с обоих флангов, - сообщил он.

- А минометы? - спросил Звонарев.

- Два разбила артиллерия, один мы сами взорвали, один попал в лапы японцам.

- Теперь они нас из них же будут обстреливать, - вздохнул Стемповский.

- Снизу вверх из минометов стрелять трудно, особенно при такой крутизне, как у вас, - успокоил его Гурский.

- Завтра навалятся на нас и на Длинную. Начнется тогда баня! - вздохнул капитан. - Пошевеливайся, ребята, чтобы к рассвету все было кончено! - крикнул он солдатам и матросам.

Но торопить никого не приходилось. Каждый прекрасно понимал, что все работы нужно закончить ночью, так как днем всякое движение на гребне горы немедленно вызывало артиллерийский обстрел. Оставив Буторина наблюдать за ходом установки, офицеры отправились по окопам. Стемповский высказывал свои соображения относительно обороны горы:

- Наши слабые места - это фланги, особенно слева. Здесь японцы смогут подойти довольно близко. Сюда и надо поставить миномет, хотя бы в офицерском блиндаже. Он у нас очень прочный, с бетонным перекрытием. В нем есть окно, в которое можно просунуть дуло минного аппарата.

Осмотревшись, лейтенант пришел к заключению, что установить миномет в блиндаже действительно удобно.

- Тут под прикрытием можно работать и днем, - сообразил Звонарев.

Когда части миномета были доставлены в блиндаж, к удивлению Звонарева, во главе солдат и матросов оказался Блохин.

- Ты, я вижу, уже стал инструктором по минометному делу? - спросил его прапорщик.

- Мы, вашбродь, на Утесе поручиком Борейко ко всему приучены: из пушек стрелять, рыбу ловить, огороды разводить, батареи строить. Пошевели мозгой, когда дело делаешь, - и все будет в порядке! - ответил солдат.

Минный аппарат занял половину помещения. Пришлось убрать стол, оставив лишь офицерские походные кровати.

Восток начинал чуть сереть. Стихнувшая было около Кумирненского редута стрельба разгорелась с новой силой. Пулеметная и ружейная трескотня, рев артиллерии сливались в один сплошной гул.

- Японцы пошли в решительную атаку, - заметил лейтенант. - К утру, надо думать, они займут редут, тогда очередь будет и за нами.

Стемпковский в ответ только выругался.

Пользуясь первыми проблесками дня, Гурский и Звонарев обошли гору, побывали в передовом окопе и определили место наиболее вероятного скопления японцев.

- Местами тут такие крутые склоны, что по ним легко можно скатывать старые китайские круглые ядра с дистанционными трубками, - проговорил прапорщик.

- Идея недурна! Только не ядра, а наши гальваноударные мины. Они прекрасно катятся, а подтянув пружину ударника, можно добиться, чтобы они взрывались лишь при сильном ударе, например, при падении. Завтра же попробую что-нибудь придумать в этом направлении.

Буторин доложил об окончании установки минометов. Проверив работу, офицеры нашли все в порядке.

- Теперь можно и на отдых. Я с матросами к себе на "Баян", а вы куда? - справился лейтенант.

- Останусь здесь до вечера, а там будет видно, что дальше делать.

Звонарев нашел поблизости недоконченный блиндажик и устроился в

нем.

Это была узенькая щелка, вырубленная в скале. Взрослый человек с трудом мог туда протиснуться. Наскоро очистив его от земли и мусора, прапорщик раздобыл охапку соломы и улегся.

Обстрел Высокой начался около полудня. Несколько десятков осадных орудий одновременно обстреливали гору. Оберегая людей, Стемповский оставил в окопах часовых для наблюдения за противником, а остальных отвел в ложбину в тылу. Методично, неторопливо японцы начали разрушать колючую проволоку впереди окопов, блиндажи и ходы сообщения.

Разбуженный канонадой, Звонарев выглянул наружу.

Первое, что он увидел, был Блохин, едущий верхом на Буторине. За ними следом шло несколько человек матросов и солдат. Совершенно не обращая внимания на обстрел, они громко хохотали.

- Прячьтесь, дурьи головы! - кричали им из соседних блиндажей.

- Не имеет права японец в меня попасть, пока Буторин не довезет меня до места, - шутливо ответил Блохин. - Чем я не генерал Стесселев? Лошадь, правда, у меня малость похуже его рыжей кобылы, зато я самгерой! Смирно!

Отвечать, как генералу! - завернул он одно из своих кудрявых ругательств.

Солдаты и матросы от смеха схватились за животы.

Подъехав к прапорщику, Блохин спрыгнул на землю и вытянулся.

- В ваше распоряжение прибыл. Что прикажете делать?

- Надо поскорее расширить эту ямку, здесь переждем обстрел, - распорядился прапорщик.

- Сей секунд! - И солдаты принялись за работу.

После полудня к огню осадных батарей присоединились две японские канонерки, которые, подойдя к берегу Малой Голубиной бухты, тоже начали обстреливать Высокую. Восьми - и девятидюймовые снаряды, попадая в окопы, сносили сразу целые участки, разрушали колючую проволоку и делали невозможным пребывание людей на горе.

Под прикрытием этого огня японская пехота небольшими группами перебегала в мертвые пространства на подступах к горе, постепенно накапливаясь здесь для атаки.

Отойдя довольно далеко в сторону, Звонарев с одного из отрогов Высокой наблюдал за происходящим.

- Нам бы сюда мортиры! С их помощью мы живо выкурили бы японцев из-за укрытий, - вздыхали стоявшие рядом стрелки.

- К сожалению, они имеются только на береговом фронте, да и то крупного калибра - девяти, одиннадцати дюймов, и перенести их в этот район невозможно, - ответил прапорщик.

- Тогда установили бы хоть минометы.

- Но они не могут забросить снаряд дальше ста шагов, а до японцев около полутора верст. К вечеру они подойдут вплотную к вершине горы, тогда и постреляем минами.

- Поздно будет, придется сматываться в Новый город, если не на Ляотешань, - мрачно бурчал Стемповский.

- Японцы пошли в атаку! - взволнованно проговорил Звонарев и побежал на гору.

По южному, обращенному к городу, склону Высокой двигались из резерва густые цепи стрелков. Японская артиллерия в этот момент перенесла огонь в тыл, и русские, спасаясь, рассыпались во все стороны.

Звонарев кинулся к блиндажу, в котором был расположен миномет. За ним последовали Буторин и Блохип. Добравшись до места, они тотчас бросились к окну, стараясь рассмотреть происходящее перед ними. Японские цепи захватили нижний ярус окопов и теперь устраивались в них. Попытки отдельных групп подняться выше отбивались сверху ружейным огнем русских.

- Вашбродь, не пустить ли нам мину? - предложил Буторин.

- Надо сначала связаться с комендантом. Разущи Стемповского и спроси, действовать ли минометом? - приказал прапорщик Буторину. - Юркин, следи за левым флангом, не станут ли его обходить японцы. Блохнът, смотри за правым, Ярцев - впереди!

Так как склон горы не был выровнен, то, пользуясь оврагами и промоинами, японцы стали понемногу пробираться вверх.

Блохин не выдержал и, вскинув свою трофейную японскую винтовку, начал стрелять. Несколько темных фигурок одна за другой припали к земле и перестали двигаться, но остальные продолжали карабкаться вверх.

- Слева он совсем в тыл забрался, - доложил Юркин.

Звонарев обернулся. Из небольшой промоины выскакивали поодиночке и группами японцы и с ружьями наперевес стремительно бежали по направлению к резервам. Справа, в обход горы, появилась еще одна цепь.

Вершина оказалась почти окруженной. В это время сбоку, как из-под земли, выросла рота моряков. Впереди, размахивая блестящим на солнце палахом, бежал офицер, а за ним со штыками наперевес - матросы. При виде моряков японцы растерялись и в следующее мгновение были смяты и отброшены.

Расправившись с этим врагом, моряки повернули вправо. Но тут японцы, уstraшенные только что происшедшим, сразу же обратились в бегство, теряя по пути оружие и амуницию.

- Здорово! - восхищенно бросил Блохин. - По-нашенскому, по-утесовски дерутся матросы!

- Проволоку режут! - внезапно крикнул Ярцев.

Пока прапорщик следил за происходившим в тылу, с фронта к окопам подобралась до роты японцев и, прорвавшись через проволоку, кинулись в штыки. Звонарев торопливо дернул за спусковую ручку миномета. Мина упала в центре атакующих, разметав их во все стороны.

Стрелки и матросы бросились врукопашную, на плечах японцев ворвались в нижние окопы и выбили оттуда врага. Остатки японцев откатились к подошве горы. Атака была отбита. Тут только вернулся Буторин, придерживая раненую руку.

- Здорово же вы миной шандарахнули! Сразу японцы наутек пошли! - с восхищением заметил он и доложил: - Комендант приказал вам

действовать, как хотите.

К блиндажу подошел морской офицер, командовавший ротой, выдвинутой из резерва. Прапорщик, к своему удивлению, узнал в нем Акинфиева. Андрюша оброс бородой, возмужал и выглядел бодрым и здоровым.

- Какими судьбами ты оказался здесь? - спросил

Звонарев.

- Ввиду опасного положения у Высокой нас утром перевели с Ляотешаня в Новый город, а оттуда направили сюда. А ты что делаешь? - Приятели разговорились.

- Надя перебралась в город. Она была очень удивлена порядком в квартире.

Афанасий не мог объяснить толком, что за барышня орудовала у нас, но мы догадались, что это была Варя, особенно когда он рассказал, как она командовала.

- Пожалуй, они еще встретятся сегодня, - задумчиво проговорил Звонарев.

- Ну так что ж? Моя жена очень будет рада с ней познакомиться.

- Варя резковата на язык и может иногда, даже нехотя, обидеть своей прямолинейностью.

- У Нади хватит такта остановить ее.

Офицеры вышли из блиндажа. Вечерело. Солнце быстро опускалось в море за Голубиной бухтой. С наступлением темноты обстрел совсем прекратился.

- Пойдем к нам обедать, - предложил Акинфиев приятелю.

Через полчаса офицеры подходили к домику. Первое, что они там увидели, были Надя и Варя, дружно накрывающие стол. Варя подробно рассказывала хозяйке о том, как следует расставлять посуду, свертывать салфетки, стелить скатерть. Та слушала ее с добродушной улыбкой.

- Вот и наши мальчики, - проговорила она, увидев в окно подходивших офицеров. Варя поморщилась, но смолчала.

Войдя в комнату, Звонарев представил ей Акинфиева.

- Борода вам не к лицу, - сказала Варя. - Она вас старит, а вы совсем еще молоденький, вроде Сережи, то есть Сергея Владимировича, - тотчас поправилась девушка.

Лейтенант удивленно посмотрел на нее.

- Расскажите лучше, как вы попали сюда, - вмешался Звонарев.

- Как мадемуазель Белая попала сюда? - перебила Акинфиева. - Около пяти часов, когда начали сильно стрелять на Высокой, я выскочила посмотреть на улицу, что там делается. Вернувшись же домой, застала гостью. И та, к как мы давно знаем друг друга, то вместе принялись застряпню.

- Обед готов, прошу садиться, - объявила Варя, входя в роль хозяйки. - Вымыли руки? Покажите, - обернулась она к прапорщику. - Все мужчины такие грязнули, что за ними надо смотреть, как за маленькими.

Завязался общий разговор. Офицеры рассказывали об отбитых атаках. Надя ахала и пугалась. Варя слушала молча.

- Неужели же сразу после обеда вы опять вернетесь в этот ад? - спросила Акинфиева.

- Им не привыкать к таким переделкам, по крайней мере, Сергею Владимировичу. Под Цзинджоу, да и в августовские штурмы на Залитерной, тоже временами приходилось туго, но в конце концов все обошлось благополучно, - отозвалась Варя.

- Вы известная артурская героиня, готовая ежеминутно кинуться в бой, - улыбнулся Акинфиев. - Надя же никогда на передовых позициях не бывала, а двадцать восьмого июля чуть не умерла от страха в двадцати милях от места боя.

- Неправда! Мы находились вблизи эскадры. Но даже издали было жутко смотреть на происходящий бой.

- На Высокой, наверное, есть перевязочный пункт. Хотите, мы на это время устроимся туда сестрами? - предложила Варя.

- Ой, нет! Я с ума там сойду от ужаса... Грохот, стрельба, кругом раненые; где-то впереди, в самом опасном месте - Андрюша и Сережа! Я не такая храбрая, как вы, - поспешила отказаться Надя.

- Нас, верно, к утру отведут уже в тыл, так как все атаки отбиты и вряд ли скоро повторятся. Сережа передаст свои минометы и тоже освободится, - проговорил Акинфиев.

После обеда мужчины стали собираться обратно на позицию. Надя вытащила массу теплых вещей и пыталась укутать мужа. Варя занялась "продовольственным вопросом". Она до того нагроутила Звонарева бутербродами, термосом, судками, что он запротестовал.

- Не хотите? Нам здесь больше останется, а вы будете голодать ночью!

На прощанье Надя долго целовала мужа. Варя и Звонарев ограничились энергичным рукопожатием.

Когда офицеры ушли, Надя предложила Варе ночевать у нее. Девушка отказалась.

Они дружески расстались.

Первая половина ночи прошла спокойно. Под покровом темноты несколько сот человек работали над восстановлением окопов, блиндажей, проволочных заграждений. Звонарев с Гурским занялись установкой новых минометов и выяснили возможность сбрасывания под гору шаровых мин.

После полуночи небо затянулось тучами, заморосил мелкий, по-осеннему холодный дождик. Воспользовавшись этим, японцы без артиллерийской подготовки, без единого выстрела и крика кинулись в атаку. Застигнутые врасплох, русские, отбиваясь только кирками и лопатами, были смяты и, в беспорядке кинувшись из нижних окопов, остановились лишь на самой вершине.

Полная темнота делала невозможным применение артиллерии.

Только с рассветом удалось разобраться в обстановке.

И опять заговорила осадная артиллерия, готовя новый штурм Высокой.

Решительной атакой японцы овладели соседней горой Длинной и оттуда начали обстреливать во фланг позицию на Высокой.

Поражаемые бесчисленными снарядами с фронта и пулеметами с фланга и тыла, роты русских быстро таяли.

В самом начале бомбардировки осколком был выведен из строя последний миномет, и Звонарев со своими солдатами вернулся к штабу Ирмана. Отсюда, как на ладони, было видно все поле сражения. Слева, в мертвом пространстве, накапливались новые резервы атакующих. Складки местности укрывали их от артиллерийского огня крепости. Это обстоятельство особенно беспокоило Ирмана.

- Эти резервы можно обстрелять из полевых орудий слева, со стороны Голубиной бухты, - предложил Звонарев.

- Но их придется выдвинуть далеко вперед за наше сторожевое охранение, а это опасно. Заметив, японцы могут их немедленно уничтожить. А впрочем, попробуйте рискнуть, - согласился полковник.

- Слушаюсь! - вытянулся прапорщик.

- Желаю успеха! Я дам вам взвод скорострельных пушек. С ними вы зайдете в тыл противнику и обстреляете его скопления у подошвы Высокой горы.

Подозвав к себе утесовцев, Звонарев спросил, согласны ли они идти с ним.

- С вами - хоть к черту в пасть! - первым высказался Блохин. К нему присоединились Ярцев и Юркин.

В распоряжение Звонарева были предоставлены два орудия второй батареи четвертой артиллерийской бригады и несколько канониров в качестве номеров.

Прапорщик решил вести орудия лишь на коренном уносе, чтобы было менее заметно. Пушки замаскировали тюками сена, и они стали похожи на простые телеги с фуражом. Для уменьшения шума при движении колеса обернули соломой.

Звонарев повел орудия далеко в обход и вышел почти к Голубиной бухте. Здесь русские и японские позиции разделяла пологая долина почти в четыре версты шириною. По дну ее, среди зарослей уже засыхающего гаоляна, вилась узенькая проселочная дорога. Японцы и русские косили тут гаолян на топливо и сено для лошадей. По молчаливому соглашению обе стороны не обстреливали этих отрядов фуражиров. Поэтому орудия,

замаскированные под повозки, не привлекли к себе внимания японцев.

Вскоре взвод миновал последние русские заставы и оказался между враждующими армиями. Звонарев с Блохиным шли шагах в ста впереди, внимательно оглядывая местность. За ними, чуть погромыхивая, двигались пушки. Шествие замыкали пять человек.

Вскоре их обстреляли свои же.

- Вам глаза, что ли, позастило, аль вы не видите, в кого палите! - начали ругаться артиллеристы.

Не в меру рьяные секреты поспешили прекратить огонь. Наконец взвод добрался до небольшого перевала, откуда были хорошо видны все японские тылы у Высокой. Во впадине на половине горы собралось до двух полков, готовящихся к штурму. Было ясно видно, как японские солдаты и офицеры, лежа и сидя на земле, подкрепляли свой самурайский дух - коньяком. Из тыла к ним беспрерывно подходили все новые и новые резервы. К вершине горы ползли разведчики.

- Живо с передков! - скомандовал Звонарев.

Орудия осторожно сняли и на руках выкатили из высокого гаоляна. Отсюда до цели было около полутора верст. Блохин и Ярцев стали за наводчиков, Юркина же оставили при передках, чтобы в случае нужды поскорее их подать к орудиям.

Ничего не подозревая, японцы заканчивали последние приготовления к атаке.

Раздался резкий и протяжный звук военного горна. Солдаты вскочили и сплошной массой двинулись на гору. Прапорщик, стоявший несколько поодаль за кустарником, торопливо скомандовал:

- Прицел сорок, угломер триста-ноль. Орудиями - правое, огонь!

Воздух рассекли два резких выстрела, и снаряды с завыванием понеслись в атакующих. Несколько десятков убитых и раненых японцев остались на месте, остальные же бросились в разные стороны.

- Беглый огонь! - скомандовал Звонарев. Но солдаты без команды уже посылали снаряд за снарядом, поражая обезумевшего от страха и неожиданности врага. Японцы беспорядочной толпой выбегали из-за

укрытия и тотчас же попадали под сосредоточенный огонь крепостных батарей. Множество трупов покрыло склоны Высокой.

Рыча от восторга, Блохин с Ярцевым давали выстрел за выстрелом. Звонарев, оглохший от непрерывного грохота, наблюдал в бинокль за происходящим впереди.

Было видно, как японские офицеры, избивая солдат шашками, старались навести среди них порядок, но никто не слушался. В этот момент с горы стремительно ринулась лавина стрелков и матросов. Остатки японцев в полном беспорядке бросились наутек. Высокая опять была отбита русскими.

- Патронов больше нет, - доложил Блохин.

- В передки! - скомандовал Звонарев.

Ездовые, стоявшие на ближнем отъезде, всего в пяти шагах от орудий, тотчас же осадили передки к самым орудиям, и в следующую минуту обе запряжки уже неслись вскачь по дороге. Опомнившиеся наконец японские батареи открыли огонь по уходившему взводу. Несколько снарядов, посланных японцами вслед, разорвались очень близко, осыпав землю свинцовым дождем. Почти у русских линий в переднем орудии была убита лошадь. Быстро освободившись от нее, взвод продолжал свой путь, хотя и замедленным ходом. Воспользовавшись этим, японские аванпосты решили захватить заднюю пушку и кинулись за ней.

- Вашескорodie, разрешите пугануть их, - попросил Блохин.

- Валяй! - махнул рукой прапорщик.

Сняв орудие с передков, артиллеристы сделали вид, что хотят стрелять.

Японцы опрометью бросились назад. Через пять минут взвод был уже в безопасности.

Когда Звонарев явился с докладом к Ирману, полковник ограничился лишь упреком в напрасной, по его мнению, гибели лошади.

Звонарев хотел было со своими солдатами вернуться на Саперную батарею, но его встретил Гурский и настойчиво просил повременить с уходом.

- Нам надо будет еще оборудовать позицию для минометов. Без этого

Ирман вас не отпустит, - уверял лейтенант.

Звонарев согласился. Вместе со своими артиллеристами он поместился в одном из свободных блиндажей.

- Сегодня японцу перцу подсыпали малость, будет утесовцев помнить! - заметил Блохин.

- Всех вас я представляю к крестам, - ответил Звонарев,

- Ежели за всякую малость их давать, то скоро и вешать некуда будет! - бросил Блохин.

- Соснуть, что ли, пока тихо? - проговорил Юркин.

Скоро он и Блохин задремали,

Ярцев вытащил из кармана измятую, засаленную книжку и, шевеля губами, начал водить пальцем по строчкам. По его скуластому загорелому лицу разлилось выражение умиленного восторга. От удовольствия он иногда зажимивал даже глаза, повторяя про себя понравившиеся ему выражения.

- Что ты читаешь? - спросил заинтересованный прапорщик.

Ярцев смутился.

- Так, пустяковые сказки, - ответил он нехотя.

Книжка оказалась "Русланом и Людмилой" в дешевом народном издании.

- Это же прекрасная вещь! Ты знаешь, кто был Пушкин?

- Великий стихотворец. Сказки у него, как песни, сами на голос просятся.

- Как это ты добрался до Пушкина?

- Я сызмальства остался сиротой. Поп один научил меня грамоте. Как-то попалась мне книжка господина Пушкина, с тех пор ровно свет увидел, все стишки его в голове вертятся.

- Оказывается, ты поэт! Сам-то стихи сочиняешь?

- Куда мне! Я вот наизусть хочу выучить "Руслана" и "Полтаву", а сам придумать ничего не могу, складу не получается, - печально вздохнул Ярцев.

- За проявленную сегодня храбрость я награжу тебя книгой Пушкина. Крест же получишь само собою.

- Вашбродь, Сергей Владимирович, по гроб жизни буду вам благодарен! -

весь расцвел солдат, даже привстав от волнения. - Чем ни на есть, а отслужу вам! Креста же мне вовсе и не надо.

Было уже темно, когда появился Акинфиев. Он был утомлен и бледен.

- Пойдем ужинать, - пригласил он.

Звонарев охотно согласился.

Надя уже ждала их с ужином.

- Сережа сегодня отличился! - поспешил сообщить жене Акинфиев и рассказал о вылазке.

- Крест, значит, получите. То-то Варя обрадуется!

Она давно всем уши прожужжала о ваших подвигах.

- Ей, несомненно, надо бы надеть - эполеты. Нет ли у вас сочинений Пушкина? - перевел разговор Звонарев.

- Зачем вам? Варе, что ли, любовные послания в стихах писать? - удивилась Акинфиева.

Надя встала из-за стола и вернулась с двумя томиками Пушкина.

- Избранные произведения, - протянула она их прапорщику. - Вам с Варей подарок от меня и Андрюши.

Звонарев поблагодарил.

Приход Блохина прервал разговор.

- Так что вас лейтенант Гурский требует, - доложил он. - Минометы хотят ставить.

Прапорщик поднялся. Блохин умильно поглядывал на стол с едой.

- Вы голодны? - заметив это, спросила Надя.

- Никак нет! Только что поужинали, но глотка что-то пересохла. - И в доказательство он несколько раз негромко кашлянул.

- Разве тебе чарки не выдали? - удивился Акинфиев.

- Так точно, выдали! Должно, горло ветром продуло, как сюда шел.

Першит - сил нет, - с серьезным видом уверял солдат.

Надя засмеялась и налила ему стакан водки.

- Это вам лучше всего поможет, - улыбнулась она.

Простившись с хозяевами, Звонарев направился к Высокой. Было темно.

Высокая тонула во мгле. По дороге к ней тянулись повозки со

строительными материалами, кухни, лазаретные двуколки. Навстречу шли раненые, санитары несли убитых. Вскоре показалась длинная вереница стрелков. Каждый из них держался за пояс или за плечо идущего впереди. Спотыкаясь, солдаты то и дело, как слепые, наталкивались один на другого.

- Что это такое? - удивился Звонарев.

- Слепаки идут - больные куриной слепотой. Они с темноты до рассвета, как курицы, ничего не видят. На ночь их отводят в тыл, - пояснил Блохин.

Вскоре повстречалась и еще такая колонна, затем на Звонарева налетел солдат, который шел с протянутыми вперед руками.

- Помогите, братцы, добраться до светлого места, - попросил он.

- И мне, и мне тоже! - слышались с разных сторон голоса из темноты.

- Помогите-ка им, Блохин, - распорядился Звонарев.

- Эй, которые тут есть слепцы, вали ко мне! Миром поведу вниз! - заорал Блохин.

Со всех сторон - в одиночку, по двое, по трое - стали подходить спотыкающиеся темные фигуры.

- Становись, друг за дружку держись, в ямы не вались и за мной катись!

Шагом марш! - скомандовал артиллерист, и новая вереница двинулась в тыл.

- Сколько же у вас в роте таких больных? - справился у одного из солдат прапорщик.

- Половина. На ночь в роте остается всего человек шестьдесят-семьдесят зрячих.

Отыскав Гурского, Звонарев пригласил его на гору.

- Сию минуту. Я хотел вам показать наши шаровые мины. Не хотите ли полюбоваться? Они лежат около блиндажа.

Когда вышли наружу, прапорщик увидел несколько больших стальных шаров различных размеров.

- Эти, побольше, - на двенадцать пудов, средние - на восемь, а маленькие - на шесть. Благодаря круглой форме они хорошо катятся под

гору и, ударяясь с разгона о препятствие, взрываются, - пояснил моряк.

- Знатная штука! - появился из темноты Блохин. - Гостинец первый сорт для японцев.

Едва офицеры прошли несколько шагов, как неожиданно со всех сторон раздались крики "банзай". Началась беспорядочная ружейная стрельба, временами заглушаемая грохотом взрывов ручных гранат. В темноте появились отдельные фигуры бегущих в тыл солдат.

- Стой! В чем дело? - закричал выскочивший из блиндажа Стемповский, хватая их за шиворот.

- Японец полез, вашбродь!.. Видимо-невидимо... Подкрался в темноте и сразу в штыки, В нижнем окопе всех чисто побил, - Подтянуть резервную роту! - приказал капитан. - Вас, господа офицеры, прошу подняться наверх и помочь мне навести там порядок.

Офицеры тотчас же отправились на гору. Блохин неотступно следовал за Звонаревым.

- Намазывай, ребята, пятки - ловчей бежать будет! - кричал он отступающим солдатам.

Те отругивались. Засунув два пальца в рот, Блохин по-разбойничьи свистнул и закричал:

- А ну, вертай назад, ребята! Довольно свои задницы японцам показывать.

Ура! - и бросился вперед на гору.

Один за другим солдаты начали останавливаться.

Вслед за Блохиным устремилась добрая сотня стрелков.

Звонарев тоже что-то кричал, уговаривал солдат вернуться, но в темноте не были видны его офицерские погоны, и поэтому на него не обращали внимания. В конце концов и он побежал вслед за Блохиным в толпе стрелков. Контратакой удалось отбить лишь правую вершину горы, на левой же японцы успели закрепиться и отбили все атаки русских. Судьба Высокой опять висела на волоске.

Звонарев нашел Гурского в одном из блиндажей правой сопки. Лейтенант был легко ранен в руку и наскоро перевязывался при свете керосиновой

коптилки.

- Опять проворонили, сволочи! Не менее двух полков японцев заняли гору.

Изволь-ка теперь выбивать! Надо действовать немедленно, а то к утру так окопаются, что их не выкуришь.

- Вашбродь! - появился в дверях Буторин. - Японец засел в бетонный блиндаж, поставил пулемет и не дает нашим подойти. Пока не разрушим блиндажа, нам его не выбить.

- Как же это сделать?

- Подползти и закидать подрывными патронами, - предложил матрос.

- Надо сначала разобраться, где наши и где японцы, а то угодишь прямо им в лапы. Кого бы отправить в разведку?

- Мы можем, - отозвался из-за двери Блохин. - Юркин со мной пойдет, а сказочник останется с прапорщиком.

- Откуда вы взялись? - удивился Звонарев.

- Мы за вами, вашбродь, что ниточка за иголочкой. Где вы, туда и мы поспеваем, - отозвался Ярцев. - Как услышали свист Блохина, к нему и кинулись, а затем и вас нашли.

- Надежные ребята? - спросил Гурский, кивнув в сторону артиллеристов.

- Вполне.

- Вот и отлично! Вы пойдете в обход справа, а ты, Буторин, возьмешь кого-нибудь с собой и зайдешь слева.

Разведать надо подступы до самого блиндажа, только осторожно. Поняли?

- Так точно! - ответили разведчики.

Солдаты и матрос вышли.

- Познакомьтесь, пока, Сергей Владимирович, с устройством подрывных патронов, - предложил моряк. - Я думаю ими забросать блиндаж. Вы атакуйте его справа, а я слева, - распределил он роли.

Подрывные патроны представляли собой шестифунтовые пироксилиновые шашки с коротко обрезанным бикфордовым шнуром в качестве запала. Его надо было зажечь от тлеющего фитиля и затем

бросить.

- Лежа дальше двадцати шагов такую тяжесть не забросишь, - заметил Звонарев. - Подползти же незамеченным на более близкое расстояние очень трудно.

- Да, дело рискованное. Может быть, вы хотите отказаться от него?

Прапорщик посмотрел на серьезное, чуть насмешливое лицо собеседника.

- Я давно бы вас поставил об этом в известность, господин лейтенант.

- Что так официально? Все мы люди, все человеки, и все за свою шкуру трясемся! Я откровенно скажу про себя - боюсь, но иду. Думаю, что и вы испытываете то же чувство.

- Ради чего вы идете на риск? В чаянии награды, из удалства или хотите пощекотать свои нервы опасностью?

- Ни то, ни другое. Знаю, что это-долг перед родиной, - задумчиво ответил лейтенант. - Так же, как и вы, - добавил он, помолчав.

- Родина - отвлеченное, но великое понятие. Его часто даже не сознаешь, но в конечном счете все делаешь именно для нее, - согласился Звонарев.

Вернувшийся Блохин подробно доложил, как легче всего добраться до блиндажа. Затем подошел Буторин. Условившись окончательно о действиях обеих партии, Звонарев и лейтенант вышли наружу и двинулись к цели. Быстро пройдя окопы, занятые стрелками, они разделились. Звонарев с Блохиным поползли влево, укрываясь в каждой яме, в каждой воронке.

Ночь стала светлее. Сквозь разорванные тучи временами проглядывал лунный серпик на ущербе. Над головами посвистывали пули. Японцев не было видно, и только короткие, сухие звуки выстрелов указывали их расположение. Неожиданно по горе скользнул луч прожектора. Звонарев и Блохин мгновенно припали к земле. Лежавшие вокруг неубранные трупы прекрасно их маскировали, и луч света медленно прополз мимо. Двинулись дальше, останавливаясь при каждом шорохе.

Временами прапорщику казалось, что у него сердце готово выскочить из груди. Он останавливался, чтобы перевести дух и взять себя в руки.

Мгновениями он совсем уже решал вернуться назад и отказаться от намеченного предприятия, но рядом слышалось сильное приглушенное дыхание Блохина, который, ловко лавируя между препятствиями, безостановочно двигался вперед, и Звонареву становилось стыдно за свое малодушие.

- Уже скоро доберемся, - шепнул Блохин и начал сворачивать вправо.

Вдруг перед ними выросла темная фигура японского часового. Оба замерли на месте. Но часовой смотрел куда-то вверх и не замечал их. Постояв немного и крякнув по-утиному, он повернул к своим окопам. Прапорщик и солдат облегченно вздохнули.

До блиндажа было уже совсем близко. Его гребень ясно темнел на фоне неба.

Отчетливо доносились голоса японцев. Выбрав воронку побольше, оба лазутчика забрались в нее, тесно прижавшись друг к другу.

- Начинайте, Сергей Владимирович, - шепнул Блохин и, вытащив из жестяной коробки зажженный фитиль, поочередно приложил его к запалам шашек, которые загорелись с легким треском. Затем, быстро вскочив, Звонарев и Блохин изо всей силы швырнули патроны в сторону японцев и тотчас припали к земле.

Раздался оглушительный грохот, дождем посыпались комья земли, доски, камни. Вслед за этим грохнули еще два взрыва справа, и, как бы в ответ им, в самом блиндаже вспыхнул ослепительный огонь, сопровождаемый страшным грохотом. Переждав немного, Звонарев осторожно поднял голову. Блиндаж осел посредине и ярко горел изнутри. С диким ревом японцы стремительно выскочили из окопа и, давя друг друга, без ружей, без амуниции, исчезли за горой.

- Бей их, крой, мать перемать!.. - вскочил Блохин и бросился за ними.

- Куда ты? - звал его Звонарев.

Солдат, размахнувшись, кинул вслед бегущим еще один патрон, увеличив панику среди японцев. Все русские окопы оказались пустыми. Звонарев поднялся и подошел к взорванному блиндажу. Тут он при свете пожара увидел Гурского и Буторина.

- Все вышло как нельзя лучше, Сергей Владимирович, - радостно встретил его лейтенант. - Теперь надо окончательно добить японцев. Тащи-ка сюда наши гостинцы! - крикнул он матросам.

Из темноты выкатили три шаровых мины и, подняв на руках на бруствер, начали полегоньку сталкивать под гору.

- Осторожней, - предупредил Гурский, вскакивая сам на бруствер.

Звонарев последовал за ним. По изрытой земле мина передвигалась с большим трудом, ее все время приходилось поддерживать с разных сторон. Скрывшись в нижнем окопе, японцы начали обстреливать русских.

"Попадет пуля в мину - всех разнесет в клочья", - подумал Звонарев, задерживаясь из осторожности на месте.

- Поднажми, - донесся до него хриплый голос Блохина и тяжелое дыхание натужившихся людей. - Пошла! Ложись!

Едва успел прапорщик распластаться на земле, как внизу раздался оглушительный взрыв.

На горе показались матросы и бросились вниз со штыками наперевес. Через десять минут вся гора до самой подошвы была очищена от врага. Высокая вновь стала русской.

Звонарев и Гурский пошли в тыл.

Обходя трупы и стонущих раненых, они добрались до блиндажа, откуда были выбиты японцы. На них пахло дымом и отвратительным запахом горелого мяса.

- Мне подвезло: второй патрон угодил прямо внутрь и взорвал там ручные бомбочки. Это и напугало так японцев, - пояснил лейтенант.

В штабе Ирмана офицеры застали Кондратенко. Генерал поблагодарил их за успешное выполнение трудной задачи.

- Что же касается солдат, то я уже заранее выпросил для них у Стесселя кресты. Сколько всего у вас человек?

- У меня трое и артиллеристов трое, - доложил моряк.

- Пожалуйста, передайте им кресты в торжественной обстановке, - протянул ордена Кондратенко. - О вас обоих также сделаю

представление, а теперь можете отправиться на вполне заслуженный вами отдых.

Офицеры откланялись. На дворе уже светало. С моря дул сырой, холодный ветер. С Высокой тянулись в тыл вереницы раненых и идущих на отдых солдат.

Среди них Звонарев увидел и своих утесовцев. Подозвав их, он вручил каждому крест.

- Чествовать вас будем уже на Залитерной, - предупредил он.

- Бутылки две за него дадут, - заметил Блохин, подкидывая свой крест на ладони.

- Как тебе не стыдно так говорить! - возмутился прапорщик.

- Так он у меня уже второй, вашескорodie. Если все сохранять, так и вешать их скоро будет некуда, - усмехнулся солдат.

- А тебе, Ярцев, кроме того, от меня обещанные книги, - протянул прапорщик томики Пушкина.

- Покорнейше вас благодарю, Сергей Владимирович! - с большим чувством ответил сказочник.

Глава пятая

Отдыхать артиллеристы направились на Саперную батарею. За время их отсутствия строительство сильно продвинулось. Помимо площадок для орудий, были сооружены хорошие, просторные блиндажи для солдат и Вениаминова.

Матросы и артиллеристы уже копошились около своих орудий. Более простая технически установка крепостных пушек была - почти закончена, моряки же еще только регулировали свои лафеты.

- Здорово, чалдоны! - приветствовал работающих Блохин.

- Здравствуй, варначья душа! - отозвался Луговой. - Не пришибли-таки тебя японцы, а следовало: одним лешаком на свете меньше бы стало!

Звонарев прошел к Вениаминову. Сладко потягиваясь со сна, капитан предложил прапорщику расположиться у него.

- Японцы нас не тревожат, стрелять не собираюсь и с работой людей не

тороплю. Успеем еще навоеваться всласть. Можете спокойно и беззаботно почивать хоть до самого вечера. Я же загляну на Зубчатую, к Анне Павловне, - зван на пирог по случаю двадцатипятилетнего юбилея каторжных работ, именуемых супружеской жизнью.

- Батарею-то когда надеетесь закончить?

- Дня через два, с вашей помощью. Ну, отдыхайте!

Долго спать прапорщику все же не пришлось. Вскоре после полудня на батарею прискакала Варя, ведя в поводу другую оседланную лошадь. Она передала пакет из Управления артиллерии с приказом утесовцам вернуться на Залитерную. Узнав об этом, Вениаминов запротестовал:

- Я не сумею сам достроить батарею, поэтому Сергея Владимировича не отпущу.

- Мое дело маленькое, - передать вам пакет, а там как знаете, Петр Ерофеич, - отозвалась девушка.

- Я же прекрасно понимаю тайные пружины, вызвавшие это распоряжение, - хитро улыбнулся капитан. - Готов ежедневно отпускать к вам мосье Звонарева.

- Я здесь совершенно ни при чем! На что мне нужен ваш прапорщик! - вздернула нос Варя. - Он герой не моего романа. Я таких клякс не люблю! Пока они пикировались, Звонарев проснулся и вышел к ним.

- Собирайтесь, поедemте со мной, я привела вам лошадь, - распорядилась Варя.

- Слушаюсь, госпожа свирепая амазонка! - вытянулся прапорщик.

- Не отпущу, хоть что хотите делайте, не отпущу! - вцепился в него Вениаминов. - Вас, кроме того, приглашала к себе Страшникова, - уговаривал Звонарева Вениаминов.

После длительных переговоров было решено, что сначала они все втроем отправятся с визитом на Зубчатую батарею, а затем уже Звонарев поедет в Управление артиллерии.

- Блохин, Ярцев, Юркин! - позвал прапорщик. - Отправляйтесь на Залитерную, довольно здесь погостевали.

Солдаты мгновенно собрались.

- Разрешите по дороге зайти на Утес? - попросили они.
- Только не застряньте в кабаке.
- Никак нет, разве что, идя через мосточек, ухватим кленовый листочек,
- скроил умильную рожу Блохин.
- Я тебе ухвачу! - пригрозил прапорщик.

Солдаты откозыряли и ушли.

Оставив лошадей на Саперной, Варя вместе с Звонаревым и Вениаминовым пешком направилась на Зубчатую.

Батарея была украшена флагами. В стороне тянулись длинные ряды столов, уставленных мисками и котелками. Парадно одетые солдаты выстроились у своего блиндажа. Тут же около аналая расхаживал священник в золотой ризе. Чета юбиляров приветливо встретила гостей. При виде Вари Страшникова расплылась в улыбке.

- Как ипло со стороны ваших родителей вспомнить о нашем семейном торжестве и прислать вас к нам, - пропела она, целуя девушку.

У Вари от удивления даже рот раскрылся. Ей и в голову не приходило, что ее могут принять за посланницу. Сообразив это, она поспешила принести поздравления и наилучшие пожелания капитанше. Сам Страшников, несмотря на теплый день, был в парадном мундире, при всех орденах. Вениаминову и Звонареву пришлось извиниться за свой будничный вид.

После молебствия с провозглашением многолетия юбилярам все направились к накрытым для солдат столам. Каждому было выдано по чарке водки, паре соленых огурцов и куску солонины. Фельдфебелю и фейерверкерам капитанша подносила чарку собственноручно. Присутствие начальства явно стесняло солдат, и они ели без особой охоты.

Звонарев по приглашению капитана с трудом проглотил сильно наперченную соленую бурду, именуемую щами, и наполовину протухшую солонину.

- Не правда ли, очень вкусно? - спросила его Анна Павловна.

Из вежливости прапорщик выразил одобрение, но Варя простосердечно

заметила;

- В госпитале кормят гораздо лучше.

- Но там же больные.

Вениаминов поспешил перевести разговор на менее щекотливую тему:

- Анна Павловна прекрасная хозяйка, в чем вы сейчас и убедитесь, отведав ее пирогов.

Капитанша не замедлила пригласить гостей в блиндаж, где уже был накрыт стол.

- В тесноте, да не в обиде. Прошу рассаживаться, где кто может, - говорил Страшников.

Обед оказался изысканным, вкусным и сопровождался обильной выпивкой в виде различных наливок и настоек.

- Мы решили пустить в ход все свои запасы. Ведь неизвестно еще, долго ли мы проживем. Один шальной снаряд - и жизнь будет оборвана, - вздыхала капитанша.

- Что ты, Нюсик! Бог не без милости, как-нибудь уцелеем, - поспешил успокоить супруг.

- Ваш блиндаж настолько прочен, что его с одного попадания не разрушишь, - заметил Звонарев.

- Две недели работала почти вся рота, - с удовольствием пояснил капитан.

Появились песельники-солдаты. Они затянули какуюто заунывно-торжественную кантату в честь своего командира. Затем последовали различные церковные песнопения, которым умиленный Страшников подпевал во весь голос.

Пиршество закончилось шампанским под крики гостей "горько молодым". "Молодые" с двадцатипятилетним стажем супружеской жизни торжественно облобызались и прослезились.

- Сколько они друг другу испортили крови за это время! - шепнул Звонарев на ухо Варе.

- Меньше, чем вы мне за последние дни своей никому не нужной бравадой, - ответила она.

Гости отправились обратно на Саперную.

- Интересно, во что обошлось Страшниковым сегодняшнее торжество?

Накормить целую роту - это чего-нибудь да стоит, - заметил Звонарев.

- Святая наивность! - отозвался Вениаминов. - Конечно, ни во что! Солдат накормили и напоили за счет артельных сумм, а нас угощали тоже, верно, на экономические суммы, имеющиеся в каждой роте.

- Значит, мы сегодня объедали солдат, которых и без того отвратительно кормят? - спросила Варя.

- Вы ставите вопрос уж слишком ребром, мадемуазель, - уклонился от ответа капитан.

- Знала бы, так ни за что не пошла бы на Зубчатую. Мне в горло не полез бы кусок!

Добравшись до Саперной, Варя и Звонарев распростились с Вениаминовым и сели на лошадей. Когда они проезжали мимо дома Акинфиевых, их из окна окликнула Надя. Поздоровавшись, она упрекнула прапорщика:

- Зачем вы все время рискуете собой, милый Сережа? Хорошо раз, хорошо два, но когда-нибудь это кончится плохо для вас. Хоть бы вы, Варя, запретили ему лезть бог знает куда очертя голову.

- А что он еще выкинул? - строго спросила девушка.

Надя подробно рассказала о приключениях Звонарева в последние дни.

- Никогда не поверю, чтобы этот трусишка был способен на такие дела. Все это страшно преувеличено, - притворно усомнилась Варя.

Акинфиева начала уверять ее в достоверности своих сообщений.

- Так и быть, намылю ему голову, - пообещала девушка, прощаясь с лейтенанткой.

- С каких это пор вы стали для нее "милым Сереженькой"? - недовольно спросила Варя, когда они отъехали. - Откуда такая интимность?

- С Надюшей мы старые друзья, с самого моего приезда в Артур.

Варя нахмурилась и вздохнула.

Затем она усккала вперед, чтобы - скрыть свое смущение. Прапорщик не стал догонять ее.

Доложив Белому обо всем происшедшем, Звонарев направился на Залитерную.

Там он застал Борейко за конструированием "артурского пулемета" - приспособления, позволяющего одному человеку стрелять одновременно из десяти винтовок. Тут же находился и инициатор этого дела, стрелковый капитан.

- Шметилло, - отрекомендовался он с мягким польским акцентом.

- Игнатий Брониславович решил для использования старых китайских винтовок Манлихера соединить их вместе таким образом, чтобы один человек мог сразу стрелять из всех, - пояснил Борейко.

- Кое-что у меня при этом не получилось, и я решил обратиться к друзьям артиллеристам. Вы народ ученый, не то что мы.

- Сережа у нас настоящий инженер-механик и быстро раскумекает, что и как. Звонарев осмотрел предложенное Шметилло приспособление. В общей деревянной раме соединялись десять параллельно расположенных винтовое. При помощи металлического стержня, касающегося всех спусковых крючков, можно было произвести одновременный выстрел из всех ружей. Но заряжать каждое из них приходилось отдельно. Встал вопрос, как добиться и одновременного действия винтовочного затвора.

Просидев до вечера, все три изобретателя добились все же одновременности заряжания. Шметилло был в полном восторге.

- Не знаю, как мне вас и благодарить! Вы меня выручили из большой беды. У меня не хватало людей для обороны своего участка. Теперь же каждый десяток стрелков я заменяю одним, потерь будет меньше, огонь сильнее, и отдыхать люди станут больше.

Капитан ушел, пригласив артиллеристов к себе в окопы на, пробу "артурских пулеметов".

- Как дела, боря? - справился Звонарев, когда Шметилло ушел.

- Скучища, друг мой! Бывают дни, когда не делаем ни одного выстрела. Я занялся хозяйственным оборудованием батарей. Под горой устраиваю кухню для нас и батареи литеры Б, при ней погреб для продуктов и баню, чтобы не приходилось бегать на Утес.

- Одним словом, мы окончательно переселяемся сюда. Наши-то квартиры на Утесе останутся за нами?

- Утес как основная наша база, конечно, сохраняется, и наши комнаты тоже.

Кстати, слышал, командовать батареей Утеса назначен капитан Андреев, а Жуковский остался лишь командиром батарей литеры Б и Залитерной.

- Вот как! Я мало знаю Андреева, но слышал, что он был тяжело ранен и контужен во время августовских боев.

- У него до сих пор трясутся голова и руки.

- Нечего оказывать, хорош командир!

- На Утесе наших всего один взвод. Все - нестроевщина. С ними и Андреев справится.

Вскоре поручик переоделся, побрился, надушился одеколоном и отправился в город.

- Будь добр, побудь на батарее, а я загляну в "экономку", может, что-либо и выужу там, - попросил он прапорщика.

Оставшись один, Звонарев обошел позицию и осмотрел вновь сооружаемые помещения.

- Блохин, Ярцев и Юркин явились? - справился он у Родионова.

- Никак нет, не прибыли еще.

- Загуляли где-то по дороге, черт бы их побрал!

Заберет их патруль, неприятности не оберешься, - недовольно проговорил Звонарев.

- Они не из таковых, отобьются или удерут, - успокоил фейерверке?

Между тем Борейко неторопливо шагал по улицам города, раскланиваясь со знакомыми. Однако путь его вел совсем не в ту сторону, где был расположен магазин офицерского экономического общества, и он довольно скоро оказался около Пушкинской школы. Тут у него неожиданно запершило в горле, что заставило его несколько раз прокашляться густым протодьяконским басом. Как бы в ответ на это открылось окно в нижнем этаже школы, и на подоконнике появилась Оля Селенина с гитарой в руках. Заметив девушку, поручик почтительно снял

фуражку и раскланялся с ней. Учительница в ответ помахала рукой.

- Куда путь держите, Борис Дмитриевич? - крикнула она.

Офицер поспешно подошел к окну и, поздоровавшись, ответил на вопрос.

- Послушайте, что я вам сейчас спою:

Баламутэ, вийды з хаты,

Хочу тэбэ закохаты, - чистым, сильным голосом начала Оля.

Борейко тихонечко подпевал ей:

... Закохаты, тай забуты...

Девушка сделала небольшую паузу и, наклонившись к Борейко, выразительно закончила:

... Все ж вы, хлопци, баламуты!

- Не правда ли, Борис Дмитриевич? - лукаво улыбнулась она.

- Положим, это не совсем так, - несколько смущенно отозвался поручик.

- Теперь вы что-нибудь спойте мне.

Борейко прокашлялся и, глядя влюбленными глазами на сидящую на подоконнике учительницу, с чувством запел:

Ты ж мэнэ пидманула,

Ты ж мэнэ пидвела,

Ты ж мэнэ, молодого, с ума-розума звела.

Оля аккомпанировала ему на гитаре.

Затем, как бы спохватившись, она соскочила на пол.

- Что же это я держу вас под окном. Идите в сад, в "экономку" вы все равно уже опоздали. Она рано закрывается.

Поручик прошел в калитку. Навстречу ему кинулся с лаем пушистый дворовый пес Полкан.

- Пройдемте в дальнюю аллею! - предложила вышедшая с гитарой Оля и увела его в глубь сада. Здесь они уселись на широкой скамейке под акациями. Полка и улегся у их ног. Сначала они вполголоса пели дуэтом, а потом завели длинный тихий разговор. О чем у них шла речь - знали только они.

В уснувшем городе слышен был лишь залиvistый собачий лай да изредка тарахтела запоздавшая фурманка или извозчик. С фортов донеслась

редкая ружейная перестрелка, на рейде каждые полчаса отбивались склянки. С моря потянулся туман. Перевалило за полночь, когда наконец Борейко и Оля встали с места и направились к садовой калитке. Залежавшийся пес лениво потянулся и пошел за ними.

Прощаясь, поручик низко наклонился и осторожно поцеловал руку девушки.

Оля почему-то вздохнула и, приподнявшись на цыпочки, быстро поцеловала Борейко в губы. В следующее мгновение она с тихим смехом скрылась на крыльце.

Ошеломленный поручик постоял на месте, поглядел ей вслед и в глубокой задумчивости зашагал по дороге.

На одном из перекрестков ему повстречалась торопливо идущая по мостовой группа людей. Они сердито перебрасывались между собой короткими фразами.

Вглядевшись, поручик разобрал, что городовые вели двух солдат. Борейко прошел бы мимо, но его неожиданно окликнули.

- Вашбродь, помогите!

Борейко сразу очнулся. Вглядевшись, он узнал Блохина и Юркина.

- В чем дело? - шагнул он на дорогу.

- Так что, вашбродь, мы задержали их за дебош в кабаке, - доложил старший городской.

- Отпустить! Я их сам накажу.

- Никак невозможно, очень они наскандалили, мне два зуба выбили, другому под глаз фонарь подставили.

- Врешь, чертов фараон, это вы на нас набросились с кулаками, а мы только отбивались, - возразил Блохин, сплевывая кровь из рассеченной губы.

- Пошли! - приказал солдатам Борейко, не обращая внимания на полицейских.

- Мы не согласны, не пущай их, ребята! - приказал старший городской.

Благодушное настроение мигом слетело с поручика.

- Не пущай? - взревел он и со всего маху ударил полицейского.

Как ни крепок был городской, но удара не выдержал и повалился на землю.

- Бей, - в свою очередь заорал Блохин, опрокидывая другого полицейского, а затем так ткнул ногой в живот третьего, что тот со стоном присел на мостовую.

- Аида! - скомандовал Борейко, и артиллеристы зашагали за ним.

- Завтра поставлю обоих под винтовку, чтобы на будущее время не срамились на весь Артур, - бурчал Борейко. - Не могли от фараонов отбиться...

- Их, вашбродь, целый десяток на нас навалился.

Двух мы выбросили из окна, одного покалечили, а остальные нас поволокли, - оправдывался Юркин.

- Каждый из вас должен справиться с десятком городских, а вы вдвоем перед шестью спасовали. Осрамлю перед всей ротой, чтобы другим неповадно было.

Солдаты виновато вздыхали.

Заспавшийся после бессонных ночей под Высокой Звонарев утром с удивлением увидел Борейко за стаканом чая, а не водки, как обычно.

- Что это на тебя, Боря, напала трезвость? В "экономке", что ли, не стало горилки?

- Попробую в виде опыта пополоскать себе кишочки китайской травкой. А как ты думаешь - смогу ли я совсем бросить пить? - огорошил он вопросом прапорщика, Звонарев с удивлением взглянул на своего друга и, увидя его серьезное, сосредоточенное лицо, понял, что Борейко не шутит.

- Конечно, сможешь! Не сразу, а постепенно, понемногу отвыкнешь, так же, как курильщики бросают табак.

Поручик в ответ шумно вздохнул и рассказал о ночном приключении с Блохиным и Юркиным.

- Стоят теперь, архангелы, под винтовкой, всем на посмеище, - закончил он.

- Так я и знал, что они напьются, - с досадой проговорил Звонарев. - Я их

еще от себя выругаю как следует!

Выйдя из блиндажа, он увидел солдат, окружавших Блохина и Юркина. Из толпы сыпались остроты по их адресу. Юркин стоял молчаливый и безучастный ко всему окружающему, зато Блохин беспрерывно вертелся на месте, виртуозно отругиваясь. Его, видимо, самого занимало создавшееся положение - попасть под винтовку за недостаточно решительное противодействие фараонам! Этого еще с ним никогда не случалось.

- Медведь - зверюга с понятием, зазря не накажет! А за дело и постоять можно, - ораторствовал он. - Есть грех - обмешулился, не сумел убечь от крапивного семени - и получи!

- Вашбродь, разрешите уйти, - взмолился солдат, когда Звонарев подошел к нему. - Силов моих нет слухать, как они надо мной изгаляются!

- Вы это что наделали? - вместо ответа накинулся на них прапорщик. - Не только не разрешу уйти, а попрошу еще добавить по два часа, чтобы впредь не безобразничали.

Вскоре подошел Борейко.

- Хороши, нечего сказать! Осрамили Утес на весь Артур. Смеются над вами - и поделом! Пусто все в роте знают: заберет кого-либо полиция, пощады он меня не жди. Ну, пошли ко всем чертям, растяпы! - отпустил он наказанных.

Звонарев хотел было протестовать, но, увидев, какую умильную рожу соорудил Блохин, засмеялся и махнул рукой.

Офицеры завтракали в своем блиндаже, когда денщик неожиданно доложил:

- Известный генерал на батарею пришли.

- Кого это еще принесло? - недовольно буркнул поручик и вышел встречать неведомое начальство. Прапорщик последовал за ним.

По батарее шел Никитин, на ходу здороваясь с солдатами.

- Здорово, артиллеристы-батареицы!

Удивленные утесовцы вразброд отвечали генералу.

Приняв рапорт Борейко, Никитин осведомился, не был ли на Залитерной Стессель.

- С момента сооружения Залитерной здесь его превосходительства не видели!

- Он собирался сегодня побывать у вас.

- Весьма польщены с голь высокой честью.

Генерал прошелся вдоль фронта батареи, задавая различные вопросы.

- Я всю жизнь свою прослужил в мортирном полку и понятия не имею о крепостных пушках и правилах стрельбы из них, - признался он

- Чем же изволите сейчас ведать, ваше превосходительство? - справился Борейко

- Председатель комиссии по наблюдению за тем, чтобы в ночное время люди не спали на позициях, - важно сообщил генерал.

Поручик чуть заметно усмехнулся.

- Весьма ответственная должность.

- Да, если хотите, - нахмурился Никитин, почувствовав насмешку.

После обхода позиции Борейко предложил генералу позавтракать, а Звонареву велел навести порядок на батарее и предупредить, когда появится Стессель.

Солдаты усердно принялись за уборку. Заинтересовал и их Никитин. Начались расспросы - кто он, чем ведает, зачем пришел на батарею. Прапорщик подробно рассказал, что знал.

- Выходит, он вроде старшего ночного сторожа в Артуре, - решил Блохин.

- Только где же у него погремушка?

- Какая погремушка? Трещотка, что ли?

- Она самая.

- Сделай да поднеси ему, - засмеялся Звонарев.

- Мигом сварганим из старого железа, только как бы у меня потом из-за этого голова не затрещала, - зубоскалил солдат.

Пользуясь затишьем на фронте, Стессель решил объехать батареи второй линии. Здесь было совершенно безопасно и в то же время можно было с чистым сердцем послать реляцию о посещении передовых позиций.

Артиллеристы едва успели закончить уборку, как на дороге показался известный всему Артуру экипаж, запряженный парой серых в яблоках лошадей.

Прапорщик поспешил в блиндаж. Там он застал Никитина и Борейко, усиленно выпивающих и закусывающих. Не привыкший к гомерическим порциям поручика, юнгер уже с трудом двигая языком.

- Подъезжает Стессель, - сообщил Звонарев.

- Разрешите встретить его превосходительство? - обратился поручик к Никитину.

- Конечно, конечно. Он ведь любит почет. Сразу раздуется, как индейский петух, думает, что тогда его и впрямь за умника ненароком сочтут, - пролепетал с трудом генерал.

Офицеры вышли, оставив своего гостя в обществе целой батареи недопитых бутылок и опорожненных стаканов.

Стессель вышел из экипажа и приказал выстроить солдат за орудиями. Когда это было исполнено, он громко поздравил солдат с отбитым штурмом и поблагодарил за службу. Обходя по фронту, генерал сделал Борейко замечание за плохую выправку солдат. Особенно возмутил его Блохин, у которого фуражка блином сидела на голове, пояс спустился вниз, на лице застыла глупейшая улыбка.

- Что за олух! - закричал Стессель. - Голову выше, брюхо подбери! - И генерал ткнул солдата в живот.

Эффект получился совершенно неожиданный. Перегнувшись вперед, солдат громко икнул. Стессель даже онемел от удивления.

- Поставить этого идиота на шестнадцать часов под ранец, чтобы вел себя прилично в присутствии генерала, - приказал он, обретя наконец дар слова. - Не солдаты, а папуасы какие-то!

Неизвестно, сколько бы времени он возмущался, если бы не увидел приближающегося к нему Никитина. С блаженно-пьяной улыбкой на багровом лице, пошатываясь и заплетаясь на каждом шагу, Никитин еще издали посылал своему другу воздушные поцелуи. Стессель нахмурился.

- Ты уже успел зарядиться! - недовольно проговорил он.

- Успел, Толя, но только самую капелечку! Не сердись, дай я тебя поцелую.

- И Никитин обнял Стесселя.

- Довольно, Владимир Николаевич. Тебе, я вижу, надо немного отдохнуть.

Поедешь сейчас со мной.

- Только не хмурься, Толя. Ведь в молодости и ты не был схимником!

Помнишь, как перед третьей Плевной мы с тобой в собрании дербалызнули? Ты еще на четвереньках под столом ползал, лаял по-собачьи и кусал дам за ноги!

Ведь тоже был когда-то шалунишкой!

- Едем! - решительно подхватил Стессель его под руку.

- Да куда ты меня тащишь? Позволь хоть попрощаться с моим новым приятелем. Люблю его, как сына. Заметь - это лучший артиллерист в Артуре! - И Никитин облобызался с Борейко.

- Подавай! - нетерпеливо махнул рукой кучеру Стессель, но Никитин уперся.

- Хочешь, я тебя свезу в одно тепленькое местечко? - предложил он, хитро улыбаясь. - Девочки там - пальчики оближешь!

Стессель свирепо молчал и продолжал вести Никитина к экипажу.

- Нет, постой! - вырвался последний. - Да ты не бойся, я твоей мегере ничего не скажу! Ведь все знают, что ты сидишь у ней под башмаком и она бьет тебя туфлей по голове. - Никитин громко захохотал. Окончательно выведенный из себя, Стессель втолкнул своего друга в экипаж и приказал трогать.

- Смирно! - скомандовал вслед уезжающему начальству Борейко, отдавая честь. - За такое генеральское представление, - обернулся он к Звонареву, - не жалко и полсотни заплатить. Разойтись!

Солдаты бросились в разные стороны. Блохин тут же прошелся колесом и к вящему удовольствию всех повторил свой нехитрый трюк со Стесселем.

- Воображаю, как попадет Никитину за сегодняшнее! - заметил Звонарев.

- У него хоть в пьяном виде мозги начинают шевелиться по-человечески,

а у Стесселя они уже окончательно и бесповоротно застыли на месте.

Жизнь на Залитерной шла своим чередом. Звонарев то конструировал "артурский пулемет", то придумывал, как пропустить электрический ток в проволочные заграждения, то принимался за проектирование воздушного шара, на котором Борейко должен был подняться на высоту тысячи футов с целью обнаружения осадных батарей. Докладные записки с Залитерной градом сыпались в Управление артиллерии, где их аккуратно подшивали в папки.

Поручик каждый вечер отправлялся в "экономку" и возвращался поздно ночью.

Звонарев часто встречался с Варей, приносившей обеды. Девушка все прочнее входила в жизнь прапорщика - заботилась о его питании, белье, следила за порядком в блиндаже, разносила денщика за грязь и неаккуратность. Между ними установились хорошие, дружеские отношения. Варя не очень командовала, а Звонарев избегал дразнить ее. Солдаты тоже привыкли к Варе и звали ее "нашей сестрицей" и "прапорщиковой барышней". Один Блохин непочтительно величал ее просто Варькой, но при встречах тоже был вежлив.

Пользуясь отсутствием офицеров на батарее, солдаты вечерами собирались у костров и слушали Ярцева. Последний с необычайным воодушевлением и подъемом торжественным речитативом декламировал "Полтаву" и "Руслана и Людмилу", вызывая бурные восторги своих слушателей. Чеканный стих пушкинских произведений зачаровывал всех звучностью и красотой. Лежа на земле, лицом к огню, солдаты восторженными восклицаниями выражали свои чувства. Даже Блохин, сначала было забравшись "Руслана и Людмилу", теперь, переваливаясь с боку на бок и лениво почесываясь, удивленно-радостными восклицаниями приветствовал особенно понравившиеся ему места.

- Сказка эта так сама на песню и просится, - мечтательно произнес Белоногов. - Вот бы хором спеть было хорошо.

- Подожди, дальше еще лучше будет, - улыбаясь счастливой улыбкой,

отвечал Ярцев и переходил к "Полтаве", за которой следовал "Медный всадник".

"Евгений Онегин" имел меньший успех.

- Про господ оно, нас мало касается, - зевал Блохин, - ты бы, сказочник, лучше про попа Балду сбrehнул.

Проходя как-то мимо Ярцева, Борейко поинтересовался, что он читает.

- И нравится? - справился он.

- Раззявя рты слушают, вашбродие.

Поручик хмыкнул носом.

- Некрасова поэта знаешь?

- Малость слышал, но по-настоящему не видел.

Борейко достал однотомник сочинений Некрасова и в один из вечеров, присев к солдатскому костру, прочитал на выбор несколько отрывков. Когда он кончил, солдаты продолжали некоторое время сидеть молча.

- Не понравилось, что ли? - спросил поручик.

- Какое не понравилось! - отозвался Блохин. - Да разве разрешается про такое писать? - недоверчиво спросил он.

- Ты думаешь - запрещенное? - усмехнулся Борейко и, раскрыв первую страницу, показал: - Читай, коль грамотен: "Разрешается цензурой" - Чудно даже, чтобы про господ так писать, - все еще сомневался солдат.

С этого вечера Некрасов стал любимым поэтом. Чтецом выступал сам взводный Родионов. Низким, рокошующим басом он неторопливо читал "Кому на Руси жить хорошо", "Орина, мать солдатская" и другие поэмы. Блохин располагался рядом и пристально глядел ему в лицо, повторяя следом за фейерверкером отдельные фразы. Один Ярцев по-прежнему предпочитал Пушкина и, устроившись в отдалении, умиляясь втихомолку, читал на память целые главы из "Евгения Онегина".

Иногда завязывались общие разговоры. Излюбленными темами были: скоро ли кончится война и что после нее будет.

- Без бунта дело, братцы, не обойдется, - заявил однажды Блохин. - Как до дому доберемся - помещицкую землю промеж себя поделим, а попервах всех генералов да офицеров побьем.

- Что ж, ты и Медведя убьешь? - иронически спросил Родионов.

- Зачем? Он у нас за главного будет.

- Так ведь он офицер.

- Душа в нем солдатская, нашего брата нутром чует.

- И водку лакать здоров, тебе под пару, - усмехнулся Родионов.

- Не в том дело, - отмахнулся солдат. - Дюже умный зверюга.

- А Сергунчика нашего куда денешь?

Блохин призадумался.

- Варьке отдадим, пусть с ним милуется.

- Он и без тебя на ней скоро женится.

- Она на нем женится, а он детей нянчить будет, - под общий хохот не задумываясь ответил Блохин.

- Кондратенку как? - спросил Кошелев.

- То пусть Медведь решает, он башковитый.

Перебрали всех известных им офицеров и решили, что большинству из них придется "открутить башку".

- Черт с ними, пусть себе живут, лишь бы скорей войне конец и по домам разойтись, пока целы, - окончил разговор Родионов. - Пора и по блиндажам.

Кто ночью-то дневалит?

В блиндаже Родионов обратился к фельдшеру:

- Слыхал, появилась в Артуре новая болезнь, от которой у человека зубы выпадают, а сам заживо гниет, скорбут, что ли?

- Скорбут-цинга. На перевязочном пункте говорили, что в Четырнадцатом полку были случаи. У нас быть ее не должно - она делается от плохой пищи.

Харчи наши пока что подходящие.

- Все же надо людей предупредить. Завтра перед обедом о ней скажи да заодно посмотри, нег ли больных. Она, говорят, прилипчивая.

В один из спокойных дней Звонарев отправился на батарею литеры Б, где давно уже не был. Прочные бетонные казематы служили достаточно надежным прикрытием от бомбардировок, и солдаты находились здесь в

относительной безопасности. Сидя под припрытием бруствера прямо на земле, они чинили свою одежду, обувь, брились, стриглись, пили чай из котелков... Картина была самая мирная, и только посвистывание пуль где-то вверху да взлетающие временами на гребне маленькие фонтанчики пыли говорили о войне. Прапорщик прошел к каземату, где помещался Жуковский. Капитан встретил его совсем больной, исхудавший, почерневший, с глубоко запавшими глазами. Он едва стоял на ногах.

- Желудок совсем замучил. Я уже подал рапорт о болезни командиру артиллерии. Хочу хоть недельки две пожить на Утесе, авось поправлюсь. Здесь же на хозяйстве останется Гудима, благо он устроился совсем по-семейному с Шурой.

Звонарев, в свою очередь, рассказал капитану о генеральском посещении, не забыв упомянуть и о вечерних прогулках Борейко в город.

- Дай бог, дай бог! Может, женится - переменится, бросит пить!

Талантливейший человек, а водкой губит себя! - вздохнул капитан. - Пойдемте-ка к Гудиме.

Штабс-капитана они застали за писанием дневника. Тут же с рукоделием сидела Шура, конфузливо поднявшаяся навстречу гостям.

- Приготовь нам чаю, - бросил ей Гудима, здороваясь с вошедшими. - Сейчас из Управления передали по телефону, что вам разрешено уехать на Утес, Николай Васильевич.

- Тогда я попрошу вас поскорее составить передаточный акт. Пойдемте займемся этим.

Жуковский и Гудима вышли. Звонарев остался с Шурой, хлопотавшей над керосинкой,

- Вы давно здесь? - справился прапорщик.

- Приехала вместе с Алексеем Андреевичем.

- И не страшно вам?

- На Утесе бывало страшнее. Кроме того, мне там папаня с маманей проходу не давали. Вернись да вернись домой, - жаловалась Шура.

Как только Гудима освободился, Звонарев вместе с ним отправился в

стрелковые окопы. Прапорщику хотелось посмотреть на действие "артурских пулеметов" Шметилло. Офицеры прошли на пехотную позицию. Прочно устроенные бревенчатые блиндажи и козырьки хорошо предохраняли солдат от ружейных пуль, шрапнели и действия малокалиберной артиллерии. От осадных же орудий эти полевые укрепления защитить не могли. Стрелки по большей части дремали в укрытиях, и только одиночные часовые неустанно следили за врагом.

- Мои солдаты все время мастерят нечто вроде перископа, чтобы иметь возможность скрытно вести наблюдение за японцами, да у них что-то не получается, - вместо приветствия обратился к артиллеристам вышедший навстречу Шметилло. - Может быть, вы и тут поможете мне?

- Я привел нашего инженера, он и окажет вам полное содействие, - указал Гудима на Звонарева.

Капитан поблагодарил и предложил артиллеристам зайти выпить чаю.

- Где Харитина? - оглянулся капитан. - Пусть разогреет чай.

- Ушедши в тыл, - отозвался денщик.

- Это что еще за баба появилась у нас, ясновельможный пан? - улыбнулся Гудима, закручивая усы.

- Вдова-солдатка, добровольно пошла в полк рядовым. Носит солдатскую одежду и числится стрелком. Непривередлива и очень храбра. Несколько раз ходила в штыки, на моих глазах приколола японца, а как разойдется, то и я побаиваюсь ее!

- Обязательно познакомлюсь с ней, - решил Гудима.

Поболтав с полчаса, артиллеристы двинулись обратно. На батарее они застали Шуру, беседующую с солдатом-стрелком. Среднего роста, довольно полный, безусый, с мягким продолговатым лицом, он сразу обратил на себя внимание офицеров.

- Переодетая баба, - определил Гудима. - Тебя как зовут? - спросил он.

- Рядовой седьмой роты Двадцать пятого ВосточноСибирского стрелкового полка Харитон Короткевич, - грудным женским голосом ответил солдат.

- Не слыхал я что-то у мужиков такого голоса, да и вид тебя выдает!

Ежели ее вымыть да приодеть - ничего бабенка получится, - обернулся штабс-капитан к Звонареву.

Харитина - это была она - густо покраснела и свирепо взглянула на офицера.

- Ишь сердитая какая, мордашка! Зачем к нам пришла?

- К сестрице, на хворобу пожаловаться, вашбродь.

- На женскую, что ли? А то у вас самих есть ротные фельдшера, - допытывался Гудима.

Харитина невнятно что-то забормотала в полном смущении.

- Оставьте ее в покое, Алексеи Андреевич, - заступился Звонарев.

Когда офицеры отошли, Харитина кивнула вслед штабс-капитану и хмуро спросила;

- Кто эта сволочь?

Шура покраснела.

- Тот, что с тобой разговаривал, - Гудима, а другой - Звонарев.

- Так это и есть твой? Ни в жизнь не спуталась бы с таким. А второй ничего, мухи, видать, не обидит зря, стеснительный. У него тоже зазноба есть?

- Нет, один он. Правда, к нему имеет приверженность дочка нашего генерала. Варей звать. Встречала, может? Все верхом скачет.

- Озорная такая, - знаю. На барышню и не похожа.

Харитина по-солдатски сплюнула через зубы и вздохнула.

- Ты бы лучше к молодому ушла: и красивый и человек хороший - бить, ругать не станет.

- Солдаты-то тебя, Харитина, не обижают? - поспешила переменить разговор Шура,

- Пробовали было, так я живо отучила. Зато от офицеров проходу не было.

Потому к капитану ушла: бояться его и не трогают.

- А в Артур как попала?

- С шести лет осталась сиротой и пошла работать по людям. Как годы подошли - вышла замуж за лакея при станционном буфете. Жили хорошо,

только вот бог деток не давал. Взяли на воспитание сиротку-китайчонка. Война началась. Забрали мужа в Артур, осталась я одна с малолетком. Опостылело все. Решила ехать к мужу. Подстриглась, переоделась железнодорожником и добралась в Артур. Командир полка, спасибо ему, разрешил мне состоять при полковом лазарете. Так и жила до августа, а на самое преображение ранили моего... Он через три дня и помер. Поплакала на могилке, да и решила за него с японцами посчитаться...

Появление Звонарева прервало их разговор.

- Отнесите, пожалуйста, Харитина, этот чертеж своему капитану, - попросил он.

Харитина старательно свернула бумагу и, отдав честь, ушла.

- Вот вам, Шура, и подруга здесь нашлась. Не знаете, как она попала в солдаты?

Шура передала прапорщику историю Короткевич.

- Зря это она вернулась в полк: шла бы работать в госпиталь, там женщин не хватает, а в окопах и без нее обойдутся. Да и вам, по-моему, здесь делать нечего. Жили бы у своих на Утесе, все постепенно и вошло бы в норму.

Шура неожиданно всхлипнула и залилась слезами.

- Хоть бы вы меня не попрекали!

- Я и не думал вас обижать, - растерялся Звонарев. - К слову пришлось.

- С чего ты нюни распустила? - неожиданно появился Гудима. - Иди в блиндаж и приведи себя в порядок. Не терплю слезливых и сопливых физиономий!

"Не сладко, однако, живется бедной девушке", - подумал прапорщик и двинулся на Залитерную.

Борей ко уже ждал его с завтраком. Выслушав рассказ прапорщика, поручик ругнул Гудиму, пожалел Шуру и выразил желание познакомиться с Харитиной.

- Занятная бабенка, не приходилось еще встречав таких. Поинтереснее многих наших барынь и барышень.

- Оли Селениной, например?

Борейко насупился и сердито засопел.

- Каждая хороша в своем роде, - примирительно буркнул он после минутного молчания. - Какой у тебя паршивый язык стал в последнее время, Сережа! Это все влияние твоей милейшей амазонки. Та на редкость умеет говорить всякие неприятности и при этом еще с невинным видом, - недовольно бурчал поручик.

Стук в дверь перебил этот разговор.

- Войди! - крикнул Борейко, думая, что это солдат.

Но на пороге появился странный субъект, бритый, одетый в офицерскую форму без погон, с белой повязкой на левой руке, на которой четко виднелись две буквы - "В. К. ".

- Дворянин Ножин, - представился он, отдавая честь.

- Попович Борейко, - поднялся поручик навстречу гостю.

На лице Ножина появилось выражение растерянности и удивления.

- Я вас не понимаю...

- Вы изволили довести до моего сведения, что принадлежите к благородному российскому дворянству. Поэтому я почел за должное сообщить вам, что я происхожу из кутейников, - не моргнув глазом ответил Борейко. - Что касается тебя, Сережа, то, право, не знаю, кто ты по своему происхождению.

- Из интеллигентов, если такое сословие имеется, - улыбнулся Звонарев.

- Очень приятно, - пожал ему руку Ножин, все еще не оправившийся от удивления.

- Прошу садиться. Иван, подай стакан! - скомандовал Борейко денщику. - Чем могу быть вам полезен?

- Я состою военным корреспондентом артурской газеты "Новый край"...

- Артурская сплетница тож, - проворчал поручик.

- Я не согласен с такой оценкой нашей деятельности.

- Описываете мифические генеральские подвиги, а о настоящих героях-солдатах и матросах - молчите. Послушать вас, так весь Артур держится на Стесселе, Никитине, Фоке и прочей сволочи. И все свое внимание уделяете тому, что сказала, что подумала и о чем не думала Вера

Алексеевна, какой готовят обед у генерала Смирнова, сколько раз мадемуазель Белая встречалась с Звонаревым, - гудел Борейко.

- Оставь меня в покое, Борис! - вспыхнул прапорщик.

Ножин недоумевающе глядел на обоих офицеров.

- Мадемуазель Белую я не имею чести знать, и вообще о ней, насколько мне известно, никогда ничего не писалось!

- Зато, наверное, знаете мадемуазель Селенину.

Ведь вы, кажется, живете рядом с Пушкинской школой?

- Эту маленькую и очень свирепую учительницу, которая беспрерывно меня терзает своей музыкой и пением? Увы, знаю, и даже слишком хорошо!

Звонарев торжествовал, ехидно поглядывая на Борейко.

- Ольга Семеновна обладает прекрасным слухом и недурным голосом, - заметил Борейко.

- Надо добавить: на твой вкус и взгляд, - подсказал Звонарев.

- Конечно, иногда бывает приятно послушать и ее, но после целого дня канонады так хочется тишины и покоя...

- Пьете? - перебил Ножин Борейко, наливая водку в стаканы.

- Пью, но только рюмками.

- В чужой монастырь со своим уставом не суйтесь!

На Залитерной рюмок и в заводе нет, поэтому прошу. -

И поручик протянул корреспонденту стакан. - Ваше здоровье!

Ножину ничего не оставалось, как выпить, Борейко не замедлил вновь наполнить стакан.

- Не могу, ей-богу, не могу больше, - уверял корреспондент.

- Я выпил за ваше здоровье, надеюсь, что вы, хотя бы из любезности, ответите мне тем же.

Пришлось гостю еще раз опорожнить свой стакан. Он быстро начал хмелеть.

- Разрешите осмотреть батарею? На свежем воздухе мне будет лучше.

- Милости прошу! - И они вышли из блиндажа.

Солнце еще достаточно сильно грело. От жары Ножину стало еще хуже, и

он поторопился отойти в сторону. Вернувшись через некоторое время, он умылся, привел себя в порядок и, извинившись за причиненное беспокойство, предложил сфотографировать батарею вместе с солдатами и офицерами.

- Я этого не разрешу, - нахмурился Борейко.

- Снимок не будет помещен в газете.

- Если вы это сделаете, я настою на вашем расстреле. В Артуре и так достаточно шпионов, - заявил поручик. - Не угодно ли вам пройти вместе со мной в стрелковые окопы? Оттуда вы сможете заснять японские укрепления. Надо думать, они им известны лучше нашего и едва ли заинтересуют их.

- Судя по вашим словам, можно подумать, что "Новый край" издается для штаба Ноги, а не для жителей и гарнизона осажденного Артура.

- Во всяком случае, для него она представляет во много раз больше интереса, чем для местных аборигенов и гарнизона.

- Ваша точка зрения совпадает со взглядами генерала Стесселя по этому вопросу.

- Сомневаюсь, чтобы это было как! Газета в Артуре нужна, но газета, хорошо снабженная новостями извне и совершенно не касающаяся вопросов обороны, поскольку они секретны.

- Мы и пишем о том, что произошло два-три дня тому назад...

- Чем и облегчаете работу японской разведке.

- Имеется, кроме того, специальная военная и морская цензура...

- Но в ней сидят или олухи, или предатели, разрешающие вам печатать о положении наших войск, - не унимался Борейко. - Пойдемте-ка лучше к стрелкам. Там вы сможете вблизи полюбоваться на наших желтолицых друзей, которые уже скоро восемь месяцев учат нас уму-разуму и, в частности, военному делу.

- А там не очень опасно?

- Я думаю, что чувство страха незнакомо представителю доблестного российского дворянства.

- Да, конечно, но все же...

Борейко повел своего гостя не по ходам сообщения, а напрямик, укрываясь лишь за складками местности. Японцы вскоре заметили их и открыли ружейный огонь. В воздухе запели пули. Ножин весь съежился, втянул голову в плечи и пугливо наклонялся при каждой близко пролетавшей пуле.

- Много, видно, у вас знакомых среди японцев, что вам приходится так часто раскланиваться!

- Дорога, знаете, здесь неровная, боюсь споткнуться и внимательно смотрю себе под ноги...

- Этак вы ничего не увидите! Поднимемся на холм, что вправо. Там хорошо видна вся линия японских траншей.

Но его спутник вдруг споткнулся и присел на землю.

- Ой, больно! Нога подвернулась, и, верно, растянулись связки... Помогите мне добраться до окопов.

Поручик сгреб Ножина под мышки и быстро отволол его до ближайшего блиндажа. Затем он велел позвать Шметилло.

- Гости к вам пожаловали, Игнатий Брониславович. Потомственный дворянин и военный корреспондент газеты "Новый край" господин Ножин, - торжественно представил Борейко. - Объят желанием сфотографировать японцев, осаждающих Артур.

Шметилло поморщился и довольно сухо поздоровался со все еще охающим корреспондентом.

- Пройдемте в передовой окоп, там всего шагов пятьдесят до противника. Отдельные фигуры то и дело показываются над бруствером.

- Благодарю вас, я и здесь увижу все, что меня интересует, - залепетал Ножин.

- Отсюда что-либо снять трудно - слишком далеко, а там до японцев рукой подать, - уговаривал Шметилло.

Отчаянно охая и сильно хромя, незадачливый корреспондент поплелся за офицерами

- Здесь начинается ход в передовой окоп - сейчас налево, но дальше передвигаться можно только ползком, - указал Шметилло.

- С больной йогой я едва ли туда проберусь, - нерешительно проговорил Ножин.

- Харитина, проводи их благородие в секрет, - приказал капитан.

- Слушаюсь, ваше высокоблагородие. Пожалуйте за мной, - повернулась она к Ножину...

- Право же, мне трудно...

- Ты и есть знаменитая Харитина? - приподнял за подбородок голову молодой женщины Борейко. - Глаза ясные, чистые, видать - девка хорошая. Певунья?

Харитина сперва смутилась и хотела высвободиться, а затем, взглянув на приветливую физиономию поручика, с улыбкой ответила:

- В девках самой голосистой считалась на селе.

- Вот и отлично! Заходи вечером к нам на Залитерную, а то у нас одни мужики и не хватает женского голоса. Да ты не бойся, - успокоил он, увидев недоверие в глазах Харитины, - у нас народ смирный.

- Если капитан пустят...

- Разрешит, не сомневайся. А теперь проводи-ка их благородие.

Ножин скрепя сердце пополз вперед. Вечерело, солнце косыми лучами освещало русские окопы, японские же были в золотистой дымке пыли.

- Отсалютуем, что ли, нашему гостю? - предложил Борейко и, не дожидаясь ответа, выстрелил из самодельного пулемета. Наглухо укрепленный с помощью кольев в землю, пулемет дал резкий залп. Поручик радостно захохотал.

- Вот так здорово! Даже самому страшно стало.

Встревоженные японцы тотчас появились у бойниц бруствера.

- Снимайте! - заорал Борейко, сложив руки рупором, и, припав к прикладу крайней винтовки, выпустил раз за разом всю обойму.

В ответ загревели сначала одиночные выстрелы, а затем залпы. Их дополнили гулкие взрывы ручных гранат.

- Заварилась каша! Теперь до темноты не успокоятся, - заметил Шметилло.

- Как бы Харитину не задело, - забеспокоился Борейко

- Она баба обстрелянная, сумеет спрятаться, а вот шелкоперушку может и зацепить.

- Наука ему впредь будет.

В этот момент в окопе появился без шапки, в разорванном кителе, весь измазанный Ножин и, бессмысленно оглянувшись вокруг, кинулся бежать вдоль окопа.

- Поберегите ногу, она у вас, того и гляди, сломается! - кричали ему вдогонку Шметилло и Борейко, но корреспондент с быстротой молнии мчался по направлению к батарее литеры Б.

- Он теперь, пока не добежит до своей редакции, ни за что не остановится, - усмехнулся капитан.

Подошла смеющаяся, тоже измазанная Харитина, держа в руке фуражку Ножина.

- Ох, и напугались они, когда началась стрельба: припали ничком к земле и только просят: "Спаси, Харитинушка, озолочу". Я им говорю: "Ползите обратно пошвыдче, авось пуля не заденет". Они и задали стрекоча! Что же я теперь с ихней фуражкой делать буду?

- Коль скоро писатель наш бросил ее при бегстве, значит - это твои военные трофеи Нацепишь на нее свою кокарду и будешь носить, - решил Шметилло.

- А вдруг они вернуться?

- Не вернется, - заверил Борейко. - Значит, придешь к нам, Харитина? На батарее так и спрашивай: "Где у вас тут живет главный Медведо".

- Слушаюсь. Спрошу поручика Медведева, - не поняла Харитина, чем еще больше развеселила поручика.

Сахаров расхаживал по кабинету. Мягкие ковры заглушали шаги, и только шпоры тихо позванивали при каждом движении. Капитан был в отличном расположении духа. Ему только что удалось обжулить морское ведомство почти на пятьдесят тысяч рублей, продав портовому управлению украденную у него же медную электрическую проволоку. Дело было так. Один из его агентов, служащий Управления порта, ежедневно выписывал фиктивные требования на провода для различных

кораблей эскадры. Когда таким образом весь провод оказался израсходованным, его преспокойно вывезли якобы на позиции и доставили на склад. Как только это было выполнено, Сахаров отправился к адмиралу Григоровичу с предложением приобрести "случайно обнаруженные на складах провода", образец которых он захватил с собой.

- Благодетель вы рода человеческого, Василий Васильевич, - обрадовался адмирал. - Прямо из петли меня вынимаете. Сколько за него хотите?

Капитан назвал такую цифру, что даже у видавшего виды адмирала зашевелились от изумления волосы на голове.

- Побойтесь вы бога, - взмолился он. - Половину дам, а больше ни копейки, и в случае острой нужды прибегну к реквизиции.

- Это будет невыгодно нам обоим, ваше превосходительство. Я предлагаю вам десять процентов стоимости - и дело в шляпе.

- Вы меня за младенца считаете, капитан?

- Никак нет, за адмирала!

- А проценты предлагаете обер-офицерские!

Вскоре сошлись в цене, и в порт через те же ворота, на тех же подводах была доставлена и сложена на прежнем месте партия проводов.

Все это капитан вспоминал с видимым удовольствием. Приход служащего с бумагами отвлек его от приятных размышлений. Среди присланных пакетов оказался и небольшой голубой конверт, надписанный мелким женским почерком, пахнувший духами. Капитан отложил его в сторону. Отпустив служащего, занялся чтением коротенькой любовной записочки, содержащейся в конверте, затем он подогрел ее на спичке и прочел выступившие между строк отдельные фразы, после чего записку сжег и пепел развеял.

Полистав висевший на стене календарь, Сахаров что-то прикинул в уме и приказал подать экипаж. Через полчаса он бил опять у Григоровича, но на этот раз флаг-офицер адмирала задержал его в приемной, таинственно шепнув:

- У его превосходительства сидят два иностранных корреспондента, только что прибывшие в Артур.

- Какие? Откуда? - изумился капитан.

- Сегодня на рассвете дежуривший в проходе катер с "Полтавы" заметил идущую по направлению к Артуру шлюпку под французским флагом. Он привел ее в порт. В ней и оказались два корреспондента. Сейчас Григорович беседует с ними.

- Какие же новости они привезли нам?

- Плохие! Ляоян сдан, Куропаткин отступает к Мукдену, Балтийская эскадра еще в России, японцы усиленно высаживаются в Дальнем, - махнул рукой лейтенант.

- Может, все это враки?

- К сожалению, нет! Они захватили с собой американские и английские газеты и журналы. В них приведен ряд фотографий с трофеями, взятыми японцами в Ляояне.

- Чем же все это объяснить?

- Полной нашей неподготовленностью в военном отношении. В мирное время больше учились маршировать, чем стрелять.

- Таким образом, надежда на скорое освобождение Артура отодвигается на неопределенное время, - вздохнул Сахаров.

- Если, конечно, он будет когда-либо освобожден.

Все, что я вам говорю, - строго секретно, гарнизон ничего не должен значь об этом, - спохватился моряк.

Вскоре Григорович освободился, и капитан прошел к нему в кабинет - Слыхали новости, Василий Васильевич? - прежде всего спросил адмирал.

- Узнал, вернувшись к себе домой, и приехал сюда их проверить.

- Так, значив, у вас имеются известия о Ляояне из своих частных источников?

- Из Чифу, откуда доставили мне письма и газеты.

- Какой же вы делаете вывод из всего этого?

- Просьба не позже завтрашнего дня учинить со мной полный денежный расчет за продажу порту проводов, и по возможности в золотой валюте.

- Так и быть, три четверти суммы выплачу золотом, - согласился адмирал. Сахаров благодарно поклонился.

Перед уходом капитан заглянул в комнату, где допрашивались прибывшие корреспонденты. Один из них, рослый, рыжий, курчавый, с золотыми передними зубами, предъявил карточку сотрудника газеты "Чикаго дейли ньюс" Джека Эмерсона, второй - низкий, толстенький, подвижной брюнет, с лихо закрученными в стрелки усиками и эспаньолкой, оказался корреспондентом газеты "Матэн" Жаком Лямбреже. Никаких разрешений из штаба Маньчжурской армии на посещение Артура у них не имелось. Путешествие свое они, по их словам, предприняли на свой страх и риск.

Поздоровавшись, Сахаров присел и стал прислушиваться к допросу. Лейтенант Макалинский, которому поручено было это дело, любезно угощал корреспондентов чаем с ромом и печеньем. Оба иностранца снисходительным тоном отвечали на задаваемые вопросы. Вскоре лейтенант вышел из комнаты.

- Вы и есть мосье Сахаров, которого нам рекомендовали? - спросил Лямбреже по-французски.

- Он самый, - подтвердил Эмерсон, хитро улыбаясь.

- Господин Эйдельзон? - удивленно воскликнул капитан по-русски. - Я только сегодня получил известие о предстоящем вашем приезде сюда и поторопился в пор г.

- Вы не ошиблись, Василий Васильевич...

- Но почему вы превратились в Эмерсона?

- Мало ли что может случиться!.. Нам нужно осмотреть город, порт, батареи и повидать самого Стесселя или его начальника штаба. Мы ждем от вас помощи в этом отношении.

- Сделаю все, что могу. Но не опознает ли Стессель вас?

- Едва ли. Он, конечно, не помнит в лицо бедного артурского "жидка", которого в ответ на поклон изволил наградить площадной бранью.

- Сейчас повидая Григоровича. - Сахаров вышел.

Ему удалось быстро уговорить адмирала отправить корреспондентов в

штаб Стесселя.

- Пускай там с ними разбираются, как хотят, - махнул рукой адмирал.

Через пять минут оба "иностранца" в экипаже Сахарова уже катили в штаб генерал-адъютанта.

Вера Алексеевна была сильно заинтересована прибытием в осажденный Артур "знатных иностранцев", к тому же представителей крупнейших заграничных газет. Особенно приятно было это еще и потому, что Вера Алексеевна впервые выступала в роли жены овеянного мировой славой боевого генерал-адъютанта русского императора. Это весьма льстило ее самолюбию и заставило особенно тщательно подготовиться к встрече интересных гостей.

Сам генерал отсутствовал с раннего утра, объезжая форты и батареи. В ожидании его возвращения Вера Алексеевна решила принять их запросто, в домашней обстановке. Дежурный ординарец казак в передней получил приказание пропустить гостей, не задерживая. Генеральша пригласила переводчиком князя Гантимурова, так как считала, что титулованный переводчик произведет сильное впечатление на корреспондентов и придаст импозантность ей самой.

Нарядная Вера Алексеевна, не по годам моложавая и интересная, вышла в гостиную. Сахаров торжественно представил обоих "иностранцев" превосходительной хозяйке. Лямбреже с французской галантностью рассыпался в комплиментах по адресу "порт-артурской героини, которой восхищается весь мир". Ему вторил Эмерсон. Генеральша была приятно польщена и начала расспрашивать гостей о последних новостях.

Завязалась дружеская беседа, во время которой Вера Алексеевна подробно сообщила о деятельности порт-артурского благотворительного общества, председательницей которого она состояла. Попутно она осветила положение в артурских госпиталях и указала общее число больных и раненых офицеров и солдат, что тотчас же было записано в корреспондентские блокноты. Для большей верности из штаба доставили точную ведомость всех госпиталей и вручили ее гостям. Затем вопрос, естественно, перешел на болезни в гарнизоне и причины, их

вызывающие. С печальным вздохом генеральша повествовала о свирепствующих в Артуре цинге, тифе, дизентерии.

- Причиной всего этого, конечно, является голод. Солдаты уже давно питаются кониной и не видят свежих овощей. Кроме того, со взятием Водопроводного редута приходится пользоваться грязными дворовыми колодцами.

Корреспонденты едва успевали записывать все эти сведения. Подробнейшая информация о состоянии города и крепости была закончена как раз к тому моменту, когда появился сам Стессель. В серой рубаше, таких же брюках и высоких сапогах, с генерал-адъютантскими аксельбантами и Георгиевским крестом на шее, высокий, плечистый, он имел весьма внушительный вид. Оба "иностранца" вскочили и удостоились крепкого рукопожатия.

- Зачем изволили пожаловать? Что привело вас в Артур? Надеюсь, вы будете скромны и не проявите чрезмерного любопытства? - приветствовал их через переводчика генерал. - Что это за сволочь и что им тут надо? - спросил он по-русски Сахарова.

Капитан поспешил объяснить Стесселю.

- С ними нужно быть нелюбезнее, Анатоль, - предупредила Вера Алексеевна.

- Весь мир будет читать, что они напишут о нас. Я приглашу их к обеду. Накормим, напоим, они и нас помянут добром!

- Не возражаю. Приглашай, а заодно позови и наших генералов - Фока, Никитина, Белого, Кондратенко.

За обедом хозяева и гости обменялись приветственными тостами, плотно покушали, хорошо выпили. Эмерсон и Лямбреже старательно записали все меню обеда и вскользь осведомились у Стесселя, как долго может продолжаться оборона крепости.

- До освобождения Артура Маньчжурской армией остался месяц-другой, - ответил генерал.

"Иностранцы" в осторожных выражениях рассказали о неудачах у Ляояна.

- Чушь, ерунда, враки! Не Куропаткин, а японцы стремительно отступают к Артуру. Это все пленные на допросе в один голос показывают, - уверял Стессель.

Корреспонденты дипломатично промолчали. Фок, внимательно наблюдавший за разговором, попросил разрешения вечером побеседовать с ними поподробнее.

- Вы сколько дней собираетесь здесь пробывать? - в упор спросил Никитин, уже успевший зарядиться.

- Сколько разрешит его превосходительство, наш гостеприимный хозяин.

- Да, по мне, живите хоть до конца осады! Только предупреждаю - все ваши корреспонденции будут просматриваться в моем штабе.

- Само собой разумеется, господин генерал, - согласился Эмерсон.

По окончании обеда перешли в гостиную. Для увековечения исторического момента несколько раз снялись всей группой. Фотографировали сначала "иностранцы", а затем Гантимуров, Рейс и другие члены штаба генерал-адъютанта.

Поблагодарив за гостеприимство, корреспонденты попросили разрешения побыть на позициях и осмотреть город, чтобы воочию убедиться в положении Артура. Стессель охотно разрешил и направил с ними в качестве сопровождающих Сахарова и Гантимурова.

- Хотите видеть лучшую нашу батарею - поезжайте на Залитерную, - посоветовал Никитин, еще не забывший гостеприимства Борейко.

На двух экипажах, под эскортом казаков, "иностранцы" отправились осматривать город и крепость Борейко и Звонарев отдыхали в своем блиндаже, когда денщик доложил о приезде гостей. Недовольно бурча, поручик оделся и вышел.

Появление Сахарова и Гантимурова в сопровождении двух штатских его удивило. Капитан начал было объяснять, кто и зачем пожаловал на батарею, но Борейко, увидев, что Эмерсон и Лямбреже приготовились снимать позиции, ринулся к ним и без стеснения отобрал аппараты.

- Фотографировать не разрешу, - решительно заявил он.

- Сам генерал Стессель позволил им снимать, - вмешался Гантимуров.

- Пусть они его и снимают, а здесь я хозяин и съемки не допущу.

"Иностранцы" сердито заговорили, требуя возвращения своих фотоаппаратов.

Сахаров смущенно извинялся перед ними.

- Уезжайте-ка отсюда подобру-поздорову, - посоветовал им Борейко. - Знаете, незванный гость хуже татарина, особенно в военное время. Откуда они взялись? Морда вон того, рыжего, что-то мне знакома, - приблизился он к Эмерсону, вглядываясь в его лицо.

Корреспондент побледнел и поспешил отойти.

- Ба, да это никак наш артурский ростовщик Янкель Эйдельзон! Ну конечно, он самый! Его надо немедленно задержать как шпиона.

- Вы ошибаетесь! Мистер Эмерсон никогда в Артуре не был и по-русски ни слова не понимает, - возразил Сахаров.

- Да что вы мне рассказываете! Посмотрите, есть ли у него шрам с левой стороны головы! Два года тому назад я смазал его по уху, да так, что пришлось потом платить штраф за нанесенное увечье, - настаивал поручик, подходя к Эмерсону.

Корреспондент, усиленно жестикулируя, протестовал, продолжая в то же время пятиться назад.

- Господин корреспондент говорит, что в Артуре действительно проживал похожий на него родственник и вы его смешали с ним, - сообщил Гантимуров.

- А ну-ка, покажи свою башку, Янкель! - протянул руки Борейко.

- Сейчас же отпустите господина Эмерсона, - остановил поручика Сахаров. - Если даже ваше заявление справедливо, то оно должно быть сначала проверено в штабе. Поедьте, господа, обратно, - обернулся он к своим спутникам.

Последние не заставили повторять приглашения и поторопились к экипажу.

- Я сейчас отправлю рапорт Стесселю обо всем этом, - крикнул им вдогонку поручик.

- Не страшно, - успокоил по-английски Сахаров Эмерсона. - Рапорт

можно и под сукно положить. Все-таки как вы неосторожны! Прежде чем ехать сюда, вам необходимо было изменить свою наружность, а то, извольте видеть, какой получился камуфлет!

По возвращении в штаб Сахаров рассказал о случившемся Рейсу и спросил, что же делать дальше.

- Борейко известный алкоголик, мало ли что ему могло показаться с пьяных глаз. Не обращайтесь на это внимания и продолжайте свое путешествие, - разрешил полковник.

После этого "иностранцев" повезли на батарею Золотой горы, где, не в пример Борейко, командир ее, капитан Зейц, встретил их очень любезно, охотно разрешил ее снять, став сам на переднем плане, показал и другие укрепления, которые были видны отсюда, сообщил о помощи флота и степени готовности его к выходу в море. Одним словом, он совсем очаровал своих гостей. После Золотой горы проехали по городу, заглянули ненадолго к городскому комиссару Вершинину, который рассказал им о тяготах, переживаемых оставшимися мирными жителями города. Корреспонденты и его запечатлели из фотографической пластинке...

Борейко хотел лично отправиться в штаб Стесселя, но затем раздумал.

- Не примут меня там, а если и примут, то не поверят. Больно у меня репутация неважная. Да и Стессель, верно, еще не позабыл своего последнего посещения Залитерной и вряд ли обрадуется при виде меня. Где твоя амазонка, Сережа?

- Зачем она тебе понадобилась?

- Попросил бы ее съездить к Стессельше и все ей рассказать. Та, наверное, настоит на их немедленном аресте. Сделай милость, Сережа, поезжай туда.

Генеральша тебя знает, даже приглашала к себе, воспользуйся этим, - просил Борейко.

- Если бы вместе с Варей, - колебался Звонарев.

- Супружеский, так сказать, визит, - усмехнулся поручик.

- Не в том дело. Она там свой человек, а я нет.

- Вашбродие, пишите письмо, я его самой генеральше Стесселевой в руки передам, - предложил Блохин.

- Там тебя дальше порога не пустят с твоей физиономией. С генеральшей родимчик случится, когда она увидит твою рожу.

- Тогда сказочника пошлите. Он с лица чистый, и голос у него ласкательный.

- Мямля, не подойдет. Так отправишься, Сережа?

Прапорщик нехотя согласился.

Вера Алексеевна приняла Звонарева благосклонно и даже удостоила поцелуя в лоб, когда Звонарев приложился к ее ручке. Выслушав с интересом сенсационное сообщение, она живо проговорила:

- Мне тоже все время казалось, что я где-то видела это лицо, но не могла вспомнить где. Теперь припоминаю... Я хотела купить у него золотой кулон за пять рублей, а он просил двадцать и не уступил. Я очень тогда рассердилась.

Сейчас разбужу Анатоля.

Но генерал, выспавшийся после сытного обеда, сам появился в гостиной.

- Прикажу сегодня же обоих мерзавцев вздернуть, а потом Костенко задним числом оформит это с судейской точки зрения, - тотчас решил Стессель. - Вот и наш Ножин тоже... Я приказал отобрать у него разрешение посещать позиции, а если он его нарушит - повешу без всяких разговоров.

- Давно пора. Он то и дело выбалтывает секреты и пишет в газете не про тебя, а про Смирнова. Можно подумать, что Смирнов, а не ты главное лицо в Артуре, - поддакнула Вера Алексеевна.

- Не следует все же забывать, что они - иностранные подданные, - робко заметил Звонарев.

- Да, мы это совсем упустили из виду, - быстро согласилась генеральша.

Решено было пригласить на совет Рейса. Полковник не замедлил явиться и посоветовал без шума выпроводить незваных гостей тем же путем, как они прибыли в Артур.

- Я сейчас пошлю Григоровичу просьбу отправить их в море. Пусть

плывут куда хотят, - отклонялся Рейс.

- Как ваши дела с Варей, мосье Звонарев, когда свадьба?

- Этот вопрос не поднимался...

- Не скромничайте, юноша. О вас с Варей щебечут все воробьи на крышах, - улыбнулась генеральша.

Звонарев отклонялся.

- Благодарю вас от лица службы за проявленную бдительность, - церемонно пожал ему руку Стессель.

Когда корреспонденты вернулись в штаб, Рейс сообщил им, что Стессель нездоров и не может их принять. Гостей отвели в отдельную комнату и приставили к ним, как будто для посылок, казака. Оба "иностранца" просили передать их глубокую благодарность Стесселю и занялись приведением в порядок своих заметок. Об инциденте с Борейко они сочли за лучшее умолчать. Вскоре пришел Фок. Он по-немецки попросил поподробнее рассказать ему все последние мировые новости. Эмерсон ответил ему на том же языке. Разговор постепенно принял интимный характер.

- Мы хорошо осведомлены о роли вашего превосходительства в деле обороны Артура, - с ударением на слове "роли" проговорил Эмерсон.

- К сожалению, я сейчас не у дел и мое влияние здесь ничтожно.

- Если Кондратенко называют душой обороны, то вы, ваше превосходительство, без сомнения, являетесь ее мозгом.

- Что же тогда остается на долю Стесселя?

- Кулаки, которые, как известно, всегда направляются головой.

- Вы не лишены остроумия, герр Эмерсон.

- Поскольку нам удалось установить связь непосредственно с вами, мне думается, что прочие передаточные инстанции становятся излишними, - перешел на деловой тон Эмерсон.

- Вы имеете в виду Сахарова?

- Хотя бы его.

- Но он очень много знает и потому, в случае чего, несомненно обидится и может сильно навредить нам.

- От него можно легко избавиться. Артур ведь осажденный юрод; произойдет, например, несчастный случай при бомбардировке, что ли...
- Я этот вопрос обдумую.
- Теперь о деталях связи с вами, - уже вполголоса проговорил Эмерсон, и они перешли на шепот.
- Вы очень неосторожны, герр Эмерсон. А что, если я передам вас куда следует?
- Ваше превосходительство не сделает такой глупости, хотя бы из боязни огласки некоторых документов, писанных вашей рукой и доставленных нам капитаном Сахаровым.
- Эта сволочь, значит, сумела-таки обеспечить себе отступление?
- Капитан - человек осторожный и дальновидный.
- Но не дальновиднее нас с вами.
- С этим я вполне согласен.

Фок поднялся и, поблагодарив за приятную беседу, удалился.

Было уже совсем поздно, когда в окно постучался Ножин. Дежуривший казак долго не хотел пускать его, пока он не вручил свою визитную карточку.

- Мы очень рады видеть артурского коллегу по профессии, - приветствовал его Лямбреже, соскучившийся во время долгого визита Фока, когда разговор велся на малопонятном ему немецком языке.

Боязливо озираясь по сторонам, Ножин начал говорить об узурпаторстве Стесселя, его трусости и глупости, полном неумении руководить осадой; рассказал о не совсем чистых торговых операциях Веры Алексеивны, превознося одновременно Смирнова, как истинного вдохновителя и героя обороны. Оба "иностранца" слушали его с величайшим интересом и обещали принять все меры к разоблачению дутой славы Стесселя. Ножин ушел, окрыленный надеждой, что ему наконец удастся свести старые счета с генерал-адъютантом и ею супругой.

На следующее утро Гатимуров вежливо сообщил, что господ корреспондентов в порту ожидает их шлюпка, которая и будет отбуксирована в море. Затем поручик попросил вернуть ему все

имеющиеся при них блокноты и фотографические пластинки. "Иностранцы" запротестовали, но затем исполнили это требование, предварительно вырвав все наиболее нужные им листки и сохранив самые интересные негавивы. Одновременно в руки князя перешло несколько крупных американских банкнот. Тут же ему был передан и разговор с Ножиным.

С Золотой горы видели, как далеко в море к шлюпке с корреспондентами подошел японский миноносец и принял их на борт.

- Жаль, послушался Рейса и выпустил этих щелкоперов, - выругался Стессель, узнав об этом. - Но Ножин так легко не отделается. Виктор Александрович, прикажите Микеладзе и Тауцу учредить за ним самый строгий надзор и отберите у него корреспондентскую карточку.

День семнадцатого сентября выдался серый, дождливый, но теплый. На фронте продолжалось затишье, изредка нарушаемое одиночными орудийными выстрелами. В городе тоже было спокойно. С утра по разрушенным улицам двигались толпы людей. Во всех уцелевших от бомбардировки церквях усиленно благовестили. Шла подготовка к торжественному богослужению по случаю именин "самой" - Веры Алексеевны. К Отрядной церкви, игравшей роль артурского кафедрального собора, стекались многочисленные богомольцы: военные в мундирах при орденах и лентах, штатские - во фраках, моряки - в треуголках, несколько застрявших в городе дам - в шелковых и бархатных платьях, солдаты - в новом обмундировании.

Около девяти часов подъехал и экипаж генерал-адъютанта, из которого вышла сама превосходительная именинница со своим супругом в придворном мундире.

Она проплыла через наполненную до отказа церковь к своему бархатному коврику, лежавшему у самого амвона. По дороге она милостиво кланялась во все стороны, а Стессель на ходу пожимал руки генералам и полковникам, достаивая всех остальных кивком головы.

После парадной литургии и молебна о здравии "благодетельницы града сего болярыни Веры", с провозглашением ей многолетия, Вера

Алексеевна приняла поздравления от присутствующих в церкви и вышла на паперть, где были выстроены без оружия солдаты от различных полков, офицеры же вместо сабель и палашей держали в руках пышные букеты цветов. Мадам Стессель в сопровождении блестящей свиты генералов и полковников прошла по фронту. Солдаты приветствовали ее громкими криками "ура", а офицеры, почтительно целуя ее ручку, преподносили букеты.

Особое внимание генеральша уделила девятой роте крепостной артиллерии, которой командовал Вамензон. Вера Алексеевна обратилась к солдатам с речью, призывая их к ратным подвигам под руководством их доблестного командира.

Затем Гантимуров зачитал приказ о награждении крестами некоторых артиллеристов, и генеральша собственноручно нацепила их на груди новоиспеченных героев: фельдфебеля, каптенармуса, писарей и одного рядового.

На этом парадная часть окончилась, и превосходительная чета отбыла домой.

Вскоре к дому Стесселя стали один за другим подъезжать экипажи. Одним из первых подкатил экипаж Белых, на передней скамеечке которого скромно восседала Варя в форменном сестринском платье. Она поглядывала по сторонам, рассеянно слушая наставления матери, как ей следует вести себя в обществе.

- Будь любезна со всеми, не фыркай на молодых людей, не смейся громко, не гримасничай... Помни, что по твоему поведению будут судить о нас, - наставляла Мария Фоминична свою дочку.

- Знаю я все это, мама, но что мне делать, если меня так и разрывает от смеха при виде напыщенно-глупых физиономий гостей и хозяев? Так и хочется расхохотаться, выкинуть какую-нибудь штуку...

- Слушай, что тебе говорит мать, и не смей дурить, Варвара, - вмешался Белый. - Я сам послежу за тобой.

Девушка со вздохом замолчала.

В гостиной было уже много народу. На диване сидела Вера Алексеевна в

окружении дам и высших чинов. Заметив Белых, она поспешила им навстречу и по-родственному перецеловалась со всеми. Варя склонилась перед ней в глубоком реверансе и принесла свои почтительные поздравления, после чего отошла в сторону. К ней тотчас же приблизился Гантимуров и рассыпался в комплиментах. Девушка выслушала его со скучающей гримаской и попросила:

- Найдите мне стул и принесите чаю, я хочу пить.

Князь исчез и через минуту появился с креслом, сопровождаемый денщиком с подносом в руках. Варя поблагодарила его и принялась за чай, рассеянно прислушиваясь к болтовне своего кавалера.

- Как ваша работа в госпитале? Я часто вижу вас проезжающей туда верхом.

Вы настоящая артурская Афина Паллада, вам недостает только шлема и копья.

Варя мило улыбнулась, а про себя подумала:

"А ты - просто шут гороховый, которому не хватает только дурацкого колпака и погремушки!"

Генерал-адъютант по случаю именин своей строгой супруги и повелительницы был в ударе и громко хохотал, сотрясаясь при этом своим монументальным корпусом. Рядом с ним маленький, щупленький, скромно улыбающийся Кондратенко

выглядел невзрачным и незначительным. Фок, как всегда, хитро ухмылялся в седенькую бородку и изредка вставлял едкие замечания по чьему-либо адресу.

В соседней комнате около столика с выпивкой, в окружении нескольких партнеров, прочно обосновался Никитин.

Варя начала подумывать, как бы ей скрыться из гостиной. В это время в дверях появился Надеин в старинного покроя мешковатом парадном мундире, с крестами и лентами на груди. В руках он торжественно чес позолоченный складень. Приблизившись к имениннице, он раскрыл его и шамкающим старческим голосом произнес:

- Позвольте вам, матушка, поднести образ ваших небешных

покровительниц - Веры, Надежды, Любви и матери их Шофии. Он хранилша у меня с нежапамятных времен как шемейная швятыня. Отныне он принадлежит вам, наша общая жаштупница перед Анатолием Михайловичем.

Растроганная Вера Алексеевна приняла и поцеловала образ, а затем облобызалась со старым генералом и усадила его около себя.

- Где же Георгиевский крест, недавно пожалованный вам государем? - справился Стессель, подходя к нему.

- Не смею надевать его, пока не получу подтверждения от чаря-батюшки.

- Боюсь, что вам долго придется ждать.

- Беж этого не возложу на шебя штоль вышочкой награды, которой не шчитаю шебя доштойным.

Посидев еще немного, Надеин откланялся и ушел.

- Совсем из ума выжил, старый дурак! - проговорил ему вслед Стессель.

Вскоре затем приехал Костенко. Мелко семеня постарчески несгибающимися ногами, с теплым шарфом на шее, он имел весьма комичный вид. Многие иронически заулыбались. Варя это заметила и обиделась за своего крестного.

Как только генерал со всеми поздоровался, девушка подлетела к нему.

- Крестненький, идемте ко мне, - повела она генерала к своему креслу.

- Тише, тише, стрекоза, того и гляди, опрокинешь меня, - запротестовал Костенко. - Нет ли тут сквозняка, а то я простужусь. На дворе-то ведь уже осень!

- Не беспокойтесь, здесь ниоткуда не дует, тепло и очень уютно. Князь, достаньте еще стул, - обратилась она к Гантимурову.

- Тебе всегда тепло в присутствии кавалеров, а меня старая кровь уже не греет, - зябко поежился генерал.

- Гантимуров нагоняет на меня только холод и тоску смертную. Какой-то он липкий, скользкий и противный, не люблю я его.

- И я тоже! Опытным судейским глазом вижу - прохвост и кончит скамьей подсудимых. Ему верить нельзя, несмотря на то, что он и князь. Твой

румяный прапор куда лучше! Где он сейчас?

- Сидит на Залитерной, - покраснела Варя. - Вы слышали, Крестненький, как он отличился под Высокой?

- Читал о нем в приказе. Молодец! Теперь крест получит наверняка.

- Я всегда говорила, что он очень храбрый, но скромный до застенчивости.

Не правда ли?

- Что же он не делает тебе формального предложения, коль он такой храбрый?

- Со мной он форменный трусишка.

- Это верно, ты хоть кого запугаешь!

Их разговор был прерван грохотом разрыва. Гости всполошились и бросились к окнам.

- Никогда раньше снаряды так близко от нас не падали, - заволновался Стессель.

- Это результат посещения иностранных корреспондентов, - заметила Вера Алексеевна.

- Остается только еще раз пожалеть что я их не вздернул, как хотел сначала, - буркнул генерал.

Новый, еще более сильный взрыв сотряс весь дом до основания.

Большинство присутствующих поспешило во двор. Еще не разошедшийся столб черного густого дыма указывал место падения снаряда. До него было около полуверсты.

- Наверно, опять начался обстрел с моря двенадцатидюймовыми снарядами.

Среди осадных батарей таких крупных калибров не может быть, - проговорил Белый.

Резкий свист и шипенье возвестили о приближении со стороны фортов очередного японского гостинца. Стало очевидным, что стреляют с суши, а не с моря. На этот раз взрыва не последовало.

- Надо сейчас же разыскать снаряд и выяснить его калибр, - заторопился Белый.

Стессель, тоже появившийся на крыльце, отправил на поиски нескольких казаков-ординарцев.

Начавшаяся бомбардировка заставила гостей поторопиться с отъездом.

Первыми уехали адмиралы, за ними тронулись и остальные.

- Господа! Господа! - кричала им вслед именинница. - Прошу помнить, что обед отнюдь не отменяется, а только переносится на вечер. Жду всех к себе обязательно!

Белый, Кондратенко, Ирман и Мехмандаров в ожидании результатов поисков снаряда задержались у Стесселя. Мария Фоминична и Варя с Верой Алексеевной удалились во внутренние комнаты. Там генеральша показала полученные ею сегодня подарки - бриллиантовое кольцо, поднесенное Сахаровым от фирмы Тифонтая, брошь с рубинами - от гражданского населения Артура и ряд более мелких драгоценностей - от различных лиц и организаций города. Варя с интересом примеряла на себя кольца, брошки, кулоны.

- Для твоей свадьбы у меня давно припасены серьги с рубинами. - И генеральша показала их Варе.

Девушка не выказала особенного восторга.

- Ты сегодня все время любезничала с князем. Не правда ли, он очень мил?

Прекрасная для тебя пара.

В ответ Варя только вздохнула. Вера Алексеевна истолковала это в пользу своего протеже.

- Подумай только - княгиней будешь, быть может, станешь придворной дамой.

Побываешь во дворце на балах.

- Я и танцевать-то не умею и, кроме того, собираюсь жить на хуторе, а не в Петербурге.

- Это ты говоришь по молодости лет и под влиянием учительниц Пушкинской школы, известных своим либерализмом и распутным поведением. Напрасно вы ее туда пускаете, Мария Фоминична

- Совсем они не распутные и даже очень скромные, - заступилась Варя.

- То-то одна из них прямо объявила себя женой какого-то офицера, хотя и венчалась с ним только вокруг ракитового куста.

- Леля - гражданская жена Стаха...

- Таких жен можно сколько угодно найти во всех вертепах.

- Неправда, Леля совсем не потерянная, а Оля и не замужем, - пылко запротестовала девушка.

- По тому, как ты разговариваешь со старшими, можно судить, среди кого ты вращаешься. Поди-ка погуляй на дворе, пока я поговорю с твоей матерью.

Варя, красная от возмущения, вылетела из комнаты и наткнулась на Гантимурова, который, видимо, поджидал ее у двери.

- Куда вы так спешите, мадемуазель? - увязался он за девушкой.

- Хочу посмотреть, куда стреляют японцы.

- Вы не боитесь бомбардировки?

- Около нашего госпиталя каждый день падают снаряды.

На дворе они застали казака, приехавшего с докладом о найденном снаряде.

- Дюже глубоко в землю ушел, а дырка от него огромная - голова пролезет; Полиция пригнала китайцев с лопатами, чтобы его выкопать.

В это время Рейс принес сообщение, что на втором форту крупный снаряд пронизал земляное перекрытие, двухэтажный бетонный свод каземата и, разорвавшись внутри, вывел из строя около ста солдат и двух офицеров.

- Василий Федорович, едемте туда немедленно, - предложил Кондратенко. - Там, наверно, найдутся осколки, по которым мы и определим его калибр.

Белый тотчас согласился.

- Подвезите меня по дороге к госпиталю, папа, - попросила Варя, - мне пора на дежурство.

- Ладно уж! Только, чур, не дальше, - ответил Белый.

Через несколько минут оба генерала, как были в парадной форме, с Варей катили на форт номер два. По дороге они увидели дым от нескольких таких же огромных взрывов на батареях Залитерной и литеры

Б и решили завернуть сначала туда. Варя соскочила у своего госпиталя, но, дожидаясь, пока экипаж скрылся за поворотом, пешком направилась тоже на Залитерную. Она была обеспокоена, и ей хотелось поскорее узнать, все ли там благополучно.

На Залитерной Борейко показал генералам две саженой глубины воронки.

- Какого калибра, по-вашему, снаряды? - справился Кондратенко.

- Ровно одиннадцать дюймов. Вот извольте посмотреть на донышко.

- Да не может быть! - в один голос воскликнули генералы.

- Как японцы смогли доставить такие большие пушки под Артур? - удивился Белый.

- Дальний-то им целехонек достался, и железную дорогу наши войска при отступлении почти не испортили. Одним словом, все было сделано, чтобы облегчить подвоз крупных орудий к Артуру, - иронически заметил Борейко.

Наступило молчание. Кондратенко хмурил брови и нервно пощипывал свою бородку. Он чувствовал себя врачом, неожиданно определившим смертельное заболевание у своего пациента. Для него сразу стало очевидным, что отныне дни Артура сочтены. Подавив в себе поднявшееся волнение, он спокойно проговорил:

- Интересно ознакомиться с их действием по нашим бетонным укреплениям.

- Едва ли многие из них выдержат такое испытание, - отозвался Борейко.

Сильный взрыв за горой прервал их разговор.

- Как бы не по нашей литературе Б, - забеспокоился Борейко. - Эй, сбегай кто-нибудь посмотри! - обернулся он к солдатам.

Но Блохин уже выскочил на дорогу.

- В аккурат по самой позиции, в правый каземат, из него и сейчас дым идет! - заорал он во всю мочь.

Все бросились на батарею литеры Б. Генералы с Звонаревым оказались сзади.

- Сергей Владимирович, - обернулся к прапорщику Кондратенко, -

быстренько подсчитайте, какой слой бетона и земли могут пробить такие снаряды.

- Мне нало знать вес бомбы и ее конечную скорость.

- Двадцать пудов, а скорость - около тысячи футов в секунду, - ответил Белый.

Звонарев, откозыряв, направился в блиндаж. Первые же подсчеты показали, что взрыв такого снаряда может выдержать только двухаршинный бетон, прикрытый сверху саженным слоем земли и камня. Ни на одном из укреплений сухопутного фронта таких бетонных сооружений не было. Он понял, что против одиннадцатидюймовых снарядов Порт-Артур совершенно безоружен. Взяв листок с подсчетом, он побежал к генералам. Они уже дошли до батареи. В тыл шло несколько человек с носилками, которые сопровождала Шура Назаренко.

- Много у вас пострадало? - справился Белый, когда она поравнялась с генералами.

- До смерти никого не убило, а придавило в каземате двоих, - кивнула на носилки девушка.

- Отправьте их в Сводный госпиталь к Варе или в Пушкинскую школу, там за ними будет хороший уход.

Разрушения на батарее литеры Б оказались не особенно велики: пробило свод каземата, причем рельсы, заложенные в бетон, выдержали.

Солдаты толпой обступили генералов и внимательно прислушивались к их разговору.

- Видать, теперь Артуру скоро конец, - вздохнул Жиганов. - Супротив таких пушек ничто устоять не сможет.

- На все воля божья, - отозвался Лепехин. - Надо бы молебен отслужить о спасении от новой напасти.

- Хоть с утра до вечера поклоны перед образом бей - все одно ничего не поможет, - вмешался Блохин.

- По-твоему, выходит, что японский бог сильнее нашего? - обиделся Лепехин.

- Генералы да инженеры их башковитее наших, вот тут в чем дело! -

ответил Салихин и, оглянувшись на начальство, быстро зажал себе рот.

- Заделать ночью дыру мешками с землей, - распорядился Белый, обращаясь к Гудиме.

С батареи литеры Б генералы отправились на форт номер два, а Борейко с Звонаревым и солдатами - на Залитерную.

- Ну, каковы результаты ваших подсчетов? - на ходу вполголоса справился Кондратенко.

Прапорщик протянул листок с цифрами. Генерал молча взглянул на него и сунул в карман.

- Я дома проверю еще раз, а пока попрошу не разглашать полученных результатов, - предупредил он.

На Залитерную тем временем пришла Варя. Увидев Шуру с носилками, она тотчас же распорядилась поместить солдат в одном из блиндажей и вызвала по телефону из госпиталя рикш для перевозки раненых.

Борейко и Звонарев застали обеих девушек за перевязкой раненых.

- Вы уже успели прилететь сюда на помеле, ведьмочка? - с притворным ужасом говорил Борейко.

- А ну вас! - отмахнулась от него Варя.

Отправив раненых, она зашла в офицерский блиндаж к Звонареву.

- По какому случаю ваш батюшка и Кондратенко сегодня появились у нас в парадной форме? - спросил прапорщик.

- Сегодня же именинница Вера Алексеевна. Они и приехали сюда прямо от Стесселя.

- Вот оно что! День тезоименитства порт-артурской некоронованной царицы!

То-то во всех церквах попы с утра дилимбонили! - захохотал Борейко.

- Вера Алексеевна - первая дама в Артуре, поэтому к ней так все и относятся, - возразила Варя.

- А вы у нас первая амазонка. Надо думать, что в день ваших именин казаки устроят общую джигитовку, а я, так и быть, в вашу честь заставлю солдат целый день ездить друг на друге верхом.

- За что вы меня так не любите, Медведь? - неожиданно спросила Варя.

- А за что мне, собственно, вас любить?

- Но я все же приношу пользу у вас на батарее как сестра и к тому же фельдшер!

- Как фельдшер вы нашему Мельникову в подметки не годитесь.

- Неправда, он уже все позабыл, что знал, а я сдала экзамены на круглые пятерки.

- Еще бы - генеральская дочь и родственница самого Стесселя! Хоть бы вы и рта на экзамене не открыли, все равно пятерки получили бы. Да захоти вы сейчас - наши эскулапы вам и докторский диплом преподнесут, лишь бы угодить начальству и получить какой-нибудь орден или крестишко.

- Все это неправда. Вы злитесь потому, что сами за всю войну не получили ни одной награды.

- Где уж нам! Я только понять не могу, за какие великие прегрешения господь бог хочет наказать Сережу, наградив такой супругой, как вы. Варина терпение лопнуло, и, дрожа от негодования, она налетела на поручика.

- Вы бестактный, грубый и противный человек! Но постойте, я на вас найду управу у Оли Селениной! Она зам прочтет хорошую нотацию о правилах вежливости, - не обрадуетесь!

Борейко сначала весело смеялся, но затем нахмурился и вышел.

- Ох, и сердитые вы оба с поручиком! - обернулась Шура к Варе. - Того и гляди, подеретесь

- Смотри и учись, как с мужчинами надо обращаться. Им потачки ни на грош давать нельзя. Вы, конечно, проводите меня немного, Сергей Владимирович?

- Боитесь, чтобы вас еще не обидел Медведь?

- С ним я и без вас справлюсь

Солнце уже склонялось за Перепелиную гору. Слышалась довольно оживленная ружейная перестрелка. На Орлином Гнезде грохотали пушки. Борейко, собрав вокруг себя солдат, беседовал с ними на различные темы. Заметив Варю, он с нарочитой вежливостью раскланялся с ней.

- Надеюсь, мадемуазель, до нескорого свидания?

Девушка в ответ свирепо погрозила ему кулаком. Солдаты громко захохотали.

Вернувшись после объезда позиций в штаб Стесселя, Белый и Кондратенко подробно доложили обо всем виденном.

- Значит, все пустяки! - неожиданно резюмировал генерал-адъютант.

- Мы беззащитны против таких крупных снарядов, в этом вся трагедия, - заметил удивленный Кондратенко.

- Василий Федорович мне всегда говорил, что орудия крупных калибров очень недолговечны. Сделают сто выстрелов и приходят в негодность. Выпустят японцы сотню-другую снарядов и успокоятся.

- Одиннадцатидюймовая батарея Золотой горы сделала уже по несколько сот выстрелов из каждого орудия и все же продолжает стрелять, - проговорил Белый.

- Но как? Большая часть ее снарядов попадает на город и наши позиции. Если японцы начнут так же бомбардировать нас, им же будет хуже! Пойдемте-ка к столу и выпьем за здоровье именинницы, которую даже японцы почтили салютом из своих новых пушек.

Вернувшись за полночь в свою квартиру, Кондратенко снял с себя парадный мундир и, вынув бумажку с расчетами Звонарева, внимательно проверил их. Все оказалось правильным. Встав из-за стола, генерал в задумчивости заходил по кабинету. Полученные на днях сведения о поражении русских под Ляоянэ и отходе Куропаткина к Мукдену настроили его на мрачные размышления. Надежда на скорую деблокаду крепости со стороны суши становилась с каждым днем все более призрачной. Балтийская эскадра продолжала находиться в России и, следовательно, могла прибыть в Артур не раньше января. Появление тяжелых осадных мортир предreshало падение крепости в течение ближайших двух-трех месяцев и неминуемо влекло за собой гибель всей эскадры. Даже своевременное прибытие эскадры Рождественского не могло спасти Артур. Плачевный исход войны казался Роману Исидоровичу неизбежным. Жгучий стыд за опозоренную родину сменялся

вспышками гнева на бездарное правительство, приведшее к такому позорному концу.

Невольно ему вспоминалась собственная жизнь. Сын старого кавказского солдата, после полувековой службы получившего прапорщичий чин, он учился на медные деньги. Трудовая жизнь началась для него рано. Мальчиком он на тифлисских базарах продавал искусственные цветы и другие мелкие безделушки, которые делали его сестра и мать-белошвейка. С третьего класса маленький Рома уже дает уроки своим более состоятельным товарищам и этим не только содержит себя, но и помогает родным. Наконец счастье улыбнулось - ему удалось поступить в военно-инженерное училище, а затем в академию, которые он окончил блестяще. Молодой инженер направляется на родной Кавказ, на строительство Батумской-Михайловской, как она тогда называлась, - крепости.

И тут лицом к лицу сталкивается с продажностью и казнокрадством инженеров и подрядчиков. Он попытался бороться с этим. Очень быстро произошел конфликт - на предложенную ему взятку он ответил пощечиной. Начался длинный судебный процесс, в котором он явился подсудимым. В результате Роман Исидорович навсегда решил бросить инженерную деятельность.

Не желая расставаться с любимым и родным ему военным делом, он поступил в Академию генерального штаба, которую также окончил с отличием. Да

льше началась служба в строю, которая раскрыла перед ним картину полной неподготовленности русской армии к войне, где боевое обучение подменялось шагистикой и парадами. Невежество, некультурность и казнокрадство офицеров делали невозможным освоение современной техники войны. После нескольких выступлений на эту тему за Кондратенко прочно установилась репутация беспокойного, неуживчивого командира. От него поспешили избавиться, сплавив его на Дальний Восток.

Сюда он попал к моменту возвращения русских войск из китайского

похода.

Трезво оценивая состояние частей, он пришел к выводу, что этот поход "только понизил боеспособность и развратил их, приучив к легким победам над почти безоружным противником".

В Артуре его встретили недружелюбно. Фок откровенно завидовал его карьере, Стессель смотрел свысока на "слишком ученого" генерала. Но Роман Исидорович прекрасно знал, что, кроме генералов, еще существует русский народ, одетый в серые солдатские шинели, из которого вышел он сам и кровную связь с которым он постоянно чувствовал. Не раз он видел, как каверзы и прямое предательство завистливых генералов разбивались о солдатскую преданность родине.

Перед его мысленным взором одна за другой проходили картины мрачного будущего, ожидающего Артур. Он ясно сознавал, что дальнейшая оборона крепости повлечет огромные, ненужные жертвы среди гарнизона и особенно среди солдат. Спасти их от напрасной гибели, избавить родину от позора могло лишь быстрее окончание войны. Но трудно было рассчитывать, чтобы в Петербурге вняли голосу благоразумия и поспешили с заключением мира.

"Остается одно последнее средство - обратиться непосредственно к царю, через головы наместника, министров и придворной камарильи, - размышлял Кондратенко, - и сделать это может и должен Стессель, как генерал-адъютант, имеющий право обращаться непосредственно к монарху. Нужно только убедить его в необходимости такого шага".

После долгих колебаний Кондратенко решил изложить свои соображения в письменной форме, чтобы в истории остался след от его попытки спасти родину от грозящего ей неминуемого позора, а солдат - от бесцельной гибели.

Роман Исидорович сел за стол и начал быстро писать:

"Ваше превосходительство, многоуважаемый Анатолий Михайлович! В настоящее время, пока Порт-Артур держится, наши неудачи на других театрах войны нельзя считать особенно унижительными. Но если к потере Ляояна и к другим поражениям присоединится падение Артура и гибель

находящегося здесь флота, то, в сущности, кампания будет безвозвратно проиграна. Наш военный неуспех примет унижительные для русского достоинства размеры.

Рассчитывать на своевременную выручку Порт-Артура нашей беспрерывно отступающей на север армией или все еще находящимся в Кронштадте флотом, по-моему, невозможно. Единственным почетным выходом из такого положения является поэтому заключение немедленного, до падения Порт-Артура, мира, который, несомненно, можно (до сдачи Артура) установить на неунизительных для народного самолюбия условиях (свободного пропуска гарнизона с оружием и знаменами к Маньчжурской армии и флота - во Владивосток, денежная компенсация за уступку Артура японцам и т.п.).

Очень вероятно, что государю доносят о военных событиях неправильно, искажая существующую действительность. Истинное, правдивое донесение может устранить большую беду для нашей родины.

Поэтому, как высший представитель здесь государственной власти и лицо, облеченное царским доверием, не сочтете ли Вы возможным шифрованную телеграммой на имя государя донести о действительном положении дел здесь, на Дальнем Востоке.

Настоящее письмо мною написано ввиду моей глубокой уверенности в необходимости такого шага для блага моей родины и Вашего сердечного отношения ко мне.

Вашего превосходительства покорный слуга Р. Кондратенко".

Прочитав письмо еще раз. Роман Исидорович разбудил денщика и приказал ему с утра доставить его к Стесселю.

В окнах уже серел туманный рассвет. С чувством честно исполненного долга Кондратенко разделся и лег спать.

Встав, как всегда, в семь часов утра, Стессель собирался совершить свою обычную утреннюю прогулку верхом по берегу моря, когда ему подали письмо Кондратенко.

Удивленный генерал вскрыл конверт и быстро прочитал написанное. На лице его выразились растерянность и изумление. Как во всех трудных

случаях жизни, он поспешил за советом к своей супруге, Генеральша, утомленная именинными хлопотами, еще нежилась в постели и была сильно недовольна появлением мужа.

Стессель прочитал послание Кондратенко.

- Как, по-твоему, я должен реагировать на это?

- Прежде всего необходимо сохранить письмо. Оно может очень пригодиться впоследствии. Писать царю, конечно, нельзя, иначе выйдет, что Куропаткин и Алексеев обманывают его, а ты их выводить на чистую воду, - рассудила генеральша.

- Кондратенко, ввиду явного упадка его духа, пожалуй, придется заменить в должности начальника сухопутной обороны Фоком, - не совсем уверенно проговорил генерал-адъютант.

- И не думай об этом! Фок через два дня сдаст Артур, а отвечать за это будешь ты, а не он. Вечером ты поговори с Кондратенко и объясни, почему невозможно сделать так, как он предлагает. Остальным, даже Рейсу, об этом ни слова! - предупредила совсем уже проснувшаяся Вера Алексеевна.

Не встретив сочувствия у Стесселя, Кондратенко не стал настаивать на своем предложении и с удвоенной энергией принялся за развитие и воспитание боевых качеств солдат и офицеров.

Часть четвертая

Глава первая

Вследствие болезни Жуковского Звонарей перешел с Залитерной на батарею литеры Б.

В одну из ночей он был разбужен взрывом тяжелого снаряда. Шипение и свист новой бомбы заставили его вскочить с походной кровати и отпрыгнуть к дальней стене каземата. Но взрыва на этот раз не последовало. Звонарев ощупью

пробрался к выходу и приоткрыл дверь. В лицо ему пахнула ночная свежесть. С батареи доносился неясный гул встревоженных солдатских

голосов.

- Сергей Владимирович, вы не спите? - окликнули его из темноты. По голосу прапорщик узнал Гудиму.

- Тут и мертвые проснутся, не то что живые... В чем дело?

- Ночной салют одиннадцатидюймовых осадных мортир. Два снаряда легли за батареей.

Со стороны японцев мягко донеслись выстрелы и почти тотчас же послышался рев приближающихся снарядов.

- Закройсь! - крикнул солдатам Звонарев и юркнул в каземат.

От взрыва бетонный пол заходил под ногами, с потолка посыпалась известь.

В дверь сильно ударил не то осколок, не то камень, отброшенный взрывом.

Выждав несколько секунд, прапорщик выглянул наружу. Места падения снаряда не было видно, но солдаты бежали к траверсу между третьим и четвертым орудиями.

Звонарев поспешил за ними. В темноте он с трудом рассмотрел кучу бетонных осколков, валявшихся на земле.

- Зарядный погреб завалило, - доложил взводный Лепехин.

- Хорошо, что порох не взорвался.

- Принесите-ка свет, - распорядился вынырнувший из темноты Гудима. - Пострадавшие есть?

- Никак нет. После первых снарядов все дневальные и часовые попрятались по бетонным казематам и уцелели.

Принесли несколько фонарей. При их слабом свете разглядели, что разрушены лишь край бруствера да небольшая часть порохового погреба. Торчали в разные стороны изогнутые рельсы.

- Ну и сила же в этих бомбах! - изумлялся Гудима, рассматривая разрушения.

- Ничего себе: снаряд - двадцать пудов, разрывной заряд - пять пудов шимозы - японского мелинита; а тут попало сразу две бомбы, - пояснил Звонарев.

- Летит! - вдруг не своим голосом заорал кто-то, и солдаты сломя голову ринулись к укрыгиям. На месте остались лишь Гудима, Звонарев и Лепехин.

- Спасайся! - толкнул Лепехина прапорщик.

Фейерверкер потрянул головой, расчесал пальцами свою жиденькую бороденку и спокойно отвегил:

- Бог не без милости, вашбродь, а чему быть, того не миновать. - И остался на месте.

Все трое нервно вслушивались в стремительно нараставший свист. Звонарев чувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. В сознании остро билась одна мысль, одно желание - бежать, укрыться, пока не поздно. Но вместо этого он громко зевнул и срывающимся голосом спросил, который час.

- Сейчас посмотрю, - глухо ответил Гудима, и в этот момент над ними пронесся со свистом снаряд и упал далеко за батареей.

- Слава тебе господи! - сняв шапку, закрестился Лепехин. - Чуток прицел поменьше, и в аккурат было бы по нас.

- Без четверти три, - наконец разглядел стрелку часов Гудима. - До рассвета ничего разбирать не стоит, пойдете-ка по домам.

Выпустив несколько снарядов, японцы замолкли.

- Это вам, Сергей Владимирович, не Залитерная, на которую с августа не залетело ни одного снаряда, - обернулся штабс-капитан к Звонареву. - Здесь редкая ночь проходит спокойно.

Жизнь на батарее литеры оказалась гораздо беспокойнее, чем на Залитерной. - сказывалось ее расположение в первой линии обороны. В течение дня батарея по несколько раз открывала огонь и сама часто подвергалась обстрелу.

Ружейные пули почти непрерывно посвистывали над головой, до передовых японских траншей было меньше тысячи шагов.

Звонарев усердно занялся исправлением разрушенных казематов и траверса.

Работать приходилось урывками: днем японцы внимательно следили за

всем происходившим на батарее. Дело подвигалось медленно. Солдаты второго и третьего взводов работали вяло, неохотно.

- Спешить-то некуда, вашбродь, - оправдывался Лепехин. - Лучше повременим, пока японец успокоится, не то все равно разнесет снарядами...

Японцы с каждым днем усиливали обстрел. Не зная, что еще предпринять, чтобы ускорить работы, Звонарев позвонил по телефону к Борейко и попросил у него совета.

- Позови-ка к телефону Лепехина и Жиганова, я с ними поговорю, - предложил поручик.

Оба взводные пришли несколько растерянные и смущенные. Борейко говорил коротко, но внушительно, фейерверкеры сбивчиво оправдывались, затем обещали, что сегодня же все будет исполнено.

- Чем ты им пригрозил, что они так завертелись? - поинтересовался прапорщик.

- Сказал, что вечером побываю на батарее и оторву им головы, если ремонт не будет закончен. А что смотрит Гудима, ведь он у вас за старшего?

- Занят Шуркой, перископами и своим дневником.

Едва начало темнеть, как солдаты дружно принялись за работу. Лепехин усердно подгонял своих бородачей.

- Чего вы так испугались? - спросил Звонарев.

- Так ведь поручик обещал у всех бороды выдрать по волоску, - весело ответил взводный.

В третьем взводе работа тоже кипела.

- Днем обязательно, грит, до вас дотопаю и, ежели не все будет готово, задеру насмерть. Так и ревет в телефон, - рассказывал взводный Жиганов.

- Он может! Не потрафишь - башку сорвет, потрафишь-водки поднесет! С таким и работать весело, - говорили солдаты.

Довольный успешным ходом работ, прапорщик вернулся в каземат. Вскоре туда пришел Гудима - он был недоволен тем, что Звонарев

обратился не к нему, а к его заместителю.

- Я не люблю ссор, Сергей Владимирович, и не хочу нарушать хорошие отношения с вами, но все же вам следует помнить, что командую батареей я, - поднялся Гудима.

Звонарев промолчал и отправился в стрелковые окопы, к капитану Шметилло.

Капитана он застал спящим в блиндаже. Харитина возилась около входа, перетирая посуду. Прапорщик поздоровался с ней и пошел вдоль окопов. Стрелки почти все спали в укрытиях, и только несколько часовых через самодельные перископы наблюдали за врагом. До японцев было не больше ста шагов. Слева они подошли местами почти вплотную к проволоке перед Китайской стенкой; справа, пользуясь оврагом, они стремились обойти батарею литеры Б с фланга.

- Не спит, не ест японец, все роет, как крот, - обернулся к прапорщику часовой. - Нет у нас маленькой пушки, чтобы до него хоть бомбочку добросить.

Мы пробовали приспособить ружья; приделаем к бомбочке деревянную палку, засунем ее в дуло и стреляем. Бывает, летит шагов на пятьдесят, а то и более, а другая тут же и рвется. Двоих уже ранило...

- Мы поставим у нас пару минометов для обстрела японцев. Ты не из команды поручика Енджеевского? - спросил Звонарев.

- Так точно, и вас во время боев на перевалах видел.

Дозвольте узнать, как вы догадались, что я оттуда?

- По твоей изобретательности.

- Евстахий Казимирович нас всегда учили думать над своим делом, и капитан Шметилло тоже очень одобряют солдатские выдумки, награждают.

- Чем же?

- Разно бывает. Кому консервы дают, кому чай и сахар, кому новые сапоги либо шинель.

Прапорщик попросил показать подходящие для установки минометов места.

Стрелок охотно повел его по окопу. Звонарев наметил прекрасные укрытия для людей и мин. Тут же удобно было установить и минометы.

- Мы не знаем только размеров площадки, а то приготовили бы и ее, - пояснил солдат.

Звонарев указал. Вдвоем со стрелком они разметили землю.

Вернувшись к блиндажу Шметилло, прапорщик застал его уже одетым. Харитина хлопотала, накрывая стол.

- Прошу чайку с ромом, - пригласил капитан.

Звонарев сообщил о выборе места для минометов.

- С наступлением же темноты хочу осмотреть проволочные заграждения, чтобы обдумать, как через них лучше пропустить электрический ток.

- Это предприятие опасное. От проволоки до японцев всего сорок шагов.

Только в дождь и туман можно проползти вдоль нее и осмотреть.

- Я провожу их благородие, - отозвалась Харитина. - С неделю назад облазила без малого весь участок, когда подбирала наших раненых.

- А верно. Она вам может очень пригодиться - ползает, как змея. Где она так научилась - и не знаю!

- Белку в Сибири добывала, а она, чуть где шорох или треск, - сразу уходит. На охоте и наловчилась стрелять и неслышно подкрадываться.

Пока офицеры, обсуждая детали, пили чай, Харитина расположилась возле блиндажа стирать белье. Разорвавшийся поблизости снаряд обдал ее землей.

- Который день начинаю стирку, а он не дает! - пожаловалась Харитина, входя в блиндаж.

- Заметь, откуда стреляют, а мы попросим артиллеристов уничтожить батарею.

- Да справа, за двойной горой, где дерево растет. В аккурат за ним и будет.

Звонарев и Шметилло вышли наружу. Из ближайшей бойницы капитан показал предполагаемое место расположения батареи.

- Наша цель номер пять, - узнал прапорщик, - сегодня же займемся ею.

Прощаясь, Звонарев предложил Харитине стирать белье в бане на

Залитерной.

- Заодно и сами помоеетесь.

- Как же я пойду вместе с мужиками? - покраснела Харитина.

- Выгоните их, а если одной страшно, возьмите с собой за компанию Шуру Назаренко, - вдвоем веселее будет.

На батарее литеры Б Шура сообщила прапорщику, что Гудиму вызвали в Управление артиллерии и что он, Звонарев, оставлен за старшего на батарее.

Было за полдень, когда Звонарев увидел неторопливо приближавшегося Борейко в сопровождении Блохина. Поручик тряхнул прапорщику руку, ласково погладил по голове Шуру и пошел вдоль фронта орудий. Завидя его, кое-кто из солдат не спеша поднимался навстречу, другие продолжали сидеть на земле. Борейко нахмурился.

- Жратвы, что ль, много в брюхе, что никак с земли не подыметесь? - сердито спросил он. - Встать!

Солдаты вскочили и вытянулись.

- Садись! Встать! Садись! - командовал поручик, пока лица солдат не покрылись потом. - То-то же, черти клетчатые, а то зажирили здесь без меня!

- уже добродушно сказал он.

В третьем взводе Борейко обратил внимание на хмурые, сонные лица солдат.

- Жиган, - окликнул он взводного, - почему твой народ невеселый? Харчи плохи или вошь заела?

- Никак нет! Мы все с одного котла едим и не жалуемся, и в баню на той неделе ходили, помылись, обстирались.

- Они, вашбродь, по вас скучают, - вставил Блохин.

- Я их сейчас повеселю. Гармонь с тобой, Жиганов?

- Так точно!

- Тащи.

Через минуту взводный уселся и л бетонном обломке и растянул свою "тальянку".

- Барыню! - скомандовал Борейко

Блохин с присвистом пошел вприсядку. Солдаты сгрудились вокруг, но никто не выходил на середину.

- А ну, Лепеха-воха! Покажи, как кержаки пляшут, - подтолкнул взводного поручик.

- Я, вашбродь, не умею, да и беса тешить не хочу, - отнекивался солдат.

- Он над вами, дурнями бородатыми, и так день и ночь потешается. Можно подумать что ты и на свет божий появился с Библией в руках.

Солдаты захохотали. Лепехин досадливо оглянулся на них и, не встретив сочувствия, швырнул фуражку на землю и пошел за Блохиным.

- Ай да Лепехин! Я и не знал, что ты такой мастер! - подзадоривал Борейко Увидев Шуру, прибежавшую поглядеть, поручик крикнул ей:

- А ну, пройдишь-ка с ним в паре, - и вывел на середину круга смущенную девушку.

Лепехин, красный и мокрый от пота, продолжал остервенело бить землю каблуками. Сердитое вначале выражение лица сменилось ухарской улыбкой. И кода Шура, закинув вверх руку с платочком, павой проплыла перед ним, он молодецки гикнул и пустился в такую присядку, что все открыли рты от удивления.

- Как пляшет, черт! - восхищался Борейко и вдруг сам пустился в пляс.

Солдаты один за другим последовали за ним.

- Расступись, дай русской душе развернуться! - орал Блохин, расталкивая солдат.

Пройдя один-два круга, Борейко отошел в сторону и, утирая пот со лба, кивком головы подозвал Звонарева.

- Какие у тебя есть интересные цели? - вполголоса спросил он.

- Номер пять. Шметилло просил обстрелять, но без разрешения начальства открывать огня не разрешается.

- А начхать мне на всех! - махнул рукой поручик. - К орудиям! - громко скомандовал он. - Цель номер пять, бомбою! Живо, черти!

Солдаты опрометью бросились по местам. Борейко взобрался на бруствер и, широко расставив ноги, смотрел по сторонам. Его огромная фигура

четко вырисовывалась на фоне неба.

- Вашбродь, как бы вас не задело. До японца тут недалеко, - подошел к нему Лепехин.

- От меня пули отскакивают. Эй, третье орудие, не копаться! Филя, поди подскипидарь их! - крикнул он Блохину, который в ожидании приказаний стоял внизу у бруствера.

- Готово! - докладывали один за другим фейерверкеры, поднимая руки. Орудийные номера в ожидании выстрела прижались к брустверу. Оглядев батарею, Борейко взмахнул рукой.

- Первое! Второе! - заорал Лепехин, и два огненных столба вылетели из дул орудий.

- Третье, четвертое! - подхватил Жиганов.

Пушки с грохотом отлетели назад по наклонной раме лафета и затем медленно скатились на прежнее место. Борейко в бинокль наблюдал за разрывами.

Японцы не замедлили ответить. Вдали резко прозвучали выстрелы, и в следующее мгновение на батарею с визгом обрушилось несколько снарядов.

- Целик лево два, прицел больше на одно деление. Батарея - залпом! - командовал поручик. - Не суетись, на японские гостинцы не оглядывайся, делай все с толком! - приказывал он, следя за работой орудийных расчетов.

Обменявшись с японцами несколькими залпами, Борейко прекратил огонь.

- Построиться за орудиями! - приказал он, соскакивая с бруствера.

Когда распоряжение было выполнено, он прошел вдоль фронта, всматриваясь в раскрасневшиеся от движения лица солдат.

- Разойдись!

С веселыми шутками и смехом артиллеристы пошли по блиндажам.

- Шура! - окликнул Борейко стоявшую около своего каземата девушку. - У тебя лишней юбки нет?

- Зачем она вам понадобилась? - удивилась Шура.

- Хочу прапорщику подарить.

Шура так и покати́лась от смеха, прикрыв лицо передником. Звонарев покраснел, но сдержался и торопливо прошел в каземат.

- Парень ты, Сережа, не плохой - не трус и не дурак, но командир из тебя, прости, как из чего-то пуля! У тебя тут не люди, а золото, а ты хнычешь, что они никуда не годятся. Сумей подойти к ним, и они заработают, как черти.

Затем он подозвал Блохина.

- Пошли, Филя, домой!

- Чудище, а не человек, - кивнул вслед Борейко Лепехин. - Такой хоть кого расшевелит, у него и мертвяки запляшут. Нагрешил я сегодня, прости господи!

- Ничего, отмолишь, - успокоил его Звонарев.

Через день на батарее литеры Б появились матросы с "Баяна" с двумя минометами. За ночь их установили в намеченных местах и тотчас решили испробовать. Пригласили Звонарева и Гудиму, с Залитерной явились Борейко с Блохиным. Солдаты с любопытством наблюдали за приготовлениями.

- Вашбродь, - подошел Денисов, - не пощупать ли нам японца, когда он испугается? Заглянем к нему в окопы, пошарим в ближнем тылу, глядишь - чем-нибудь и разживемся.

- Ты же знаешь, что вылазки строго запрещены начальством.

- Так оно, вашбродь, ничего не узнает. Мы скажем, что японец напал на нас первый.

Капитан долго раздумывал.

- Эх, куда ни шло, - наконец согласился он. - Бери своих охотников, винтовки, бомбочки и приготовься к атаке. Но только дальше первой линии, чур, не лезть.

Денисов исчез. Капитан приказал изготовить все самодельные пулеметы и следить за действиями охотников, чтобы вовремя прийти на помощь. Борейко и Звонарев устроились возле миномета. Блохин вертелся тут же, объясняя стрелкам устройство и действие минометов.

Заметив место, где японцы особенно усиленно возились, туда направили первую мину. Эффект получился разительный. От взрыва обвалился бруствер на значительном протяжении, в воздух полетели бревна, щепки, лопаты. Около сотни людей с криком бросились в тыл. Денисов со своим отрядом охотников кинулся им вслед. Через минуту первая и вторая линии неприятельских траншей были заняты стрелками. Оставшиеся на позиции солдаты, не дожидаясь команды, последовали за охотниками.

- Куда вы, назад! - пытался было их остановить Шметилло, но солдаты не слушались, и капитан, махнув рукой, отправился вслед за ними.

- На всякий случай надо подготовиться к отражению атаки, - заметил Гудима, - я пойду на батарею.

- А мы с Сережей прогуляемся к японцам в гости, - отозвался Борейко и взобрался на бруствер. Прапорщик последовал за ним.

Вылазка оказалась на редкость удачной. Охотники прорвались далеко в тыл и дошли почти до линии японских полевых батарей. Борейко и Звонарев миновали одну за другой шесть линий и траншей и вышли в глубокий овраг в тылу. Здесь они нашли Шметилло. Из траншеи появилась улыбающаяся Харитина, на шее у нее висела пара биноклей, на поясе болталась шашка.

- Набрала всего, в хозяйстве пригодится. Нате вам, вашбродь, а то у вас такой нет.

- Сколько за нее хочешь?

- Долг платежом красен, - за баню это.

Справа и слева участилась ружейная стрельба. Японцы переходили в контратаку. Со всех сторон стекались охотники, отстреливаясь на ходу.

- Сила его, вашескородие! Не менее батальона, с двумя пулеметами, - подошел Денисов.

Шметилло оглянулся. Вечерело, с северо-востока надвигался туман, с каждой минутой становилось темнее. Вспышки ружейных выстрелов делались все ярче.

Солдаты кучками проходили в тыл, то и дело оглядываясь на выстрелы - Пора и нам двигаться, - заметил Борейко.

- Валите, авось мы и сами отобьемся от японцев.

Начавшийся затяжной уже по-осеннему холодный дождь не позволял японцам до утра вернуть утерянные окопы, а перед рассветом последние охотники Шметилло, разрушив все блиндажи и засыпав окопы, вернулись благополучно назад. За минометами прочно укрепилась слава страшного оружия, против которого японцы не могут устоять

Наступила дождливая осень. Солдаты, спавшие почти всегда под открытым небом, стали прятаться в блиндажи. Скученность немедленно вызвала усиленные заболевания. Теперь уже не приходилось думать об отдыхе на Электрическом Утесе. Людей едва хватало для обслуживания батарей. Утесовцы прочно обосновались на батареях ли горы Б и Залитерной и начали готовиться к зиме.

Размокшая от дождей почва затрудняла боевые операции, и военные действия сводились лишь к орудийной и ружейной перестрелке, да Шметилло изредка по пользовался своими минометами для разрушения японских укреплений.

Японцы даже в дождливые дни продолжали возводить новые траншеи. В одну из ночей Звонарев был разбужен дежурным по батарее.

- Вашескорodie, японец на штурм лезет, - взволнованно доложил он. - Штабс-капитан велели вас разбудить.

Торопливо надев шинель и сунув в карман наган, прапорщик вышел из каземата. Ночь выдалась темная. Моросил мелкий дождь. Со стороны стрелковых окопов доносилась ружейная стрельба, слышались крики. Лучи слабых японских прожекторов, чтобы пробившись сквозь сетку дождя, остановились на русских окопах, как бы показывая своим частям направление атаки.

- Сергей Владимирович, пройдите на правый фланг и пустите несколько ракет и светящихся снарядов, - распорядился Гудима. - Я на всякий случай велю зарядить пушки картечью. Если японцы прорвутся, встречу их как следует!

Прапорщик направился к указанному месту.

- Установить все три станка, - приказал он ракетчикам. - Угол

возвышения пятьдесят градусов.

Солдаты с ручными фонарями выволокли переносные станки, вложили в каждый по ракете и зажгли фитили.

Вымокший на дожде стопин плохо разгорался, затем огонек медленно пополз вверх по нитке, и ракеты, зашипев и выбрасывая сноп искр, взвились к небесам. Рассыпавшись в воздухе на тысячи огненных звездочек, они ярко осветили впереди лежащую местность. Прапорщик увидел в ста саженях колонну, обходящую батарею справа. Японцы поблескивая штыками, бежали густой массой в промежуток между батареей литеры Б и соседним фортом номер один.

- Тащи мортиры! - приказал Звонарев. - Пальба светящимися ядрами, полным зарядом!

Солдаты кинулись к маленьким медным чонкам. Со страшным грохотом, перевернувшись при выстреле навзничь, мортирки выбросили свои огненные шары, которые врезались в наступающих. При ярком свете брандскугелей было видно, как японцы сразу замедлили бег, смешались, а затем и вовсе остановились.

Одновременно с Залитерной загремели частые выстрелы, и в японцев с визгом полетели снаряды. Это Борейко, заметив опасность, угрожавшую батарее литеры Б, поспешил ей на помощь. В стрелковых окопах застучал пулемет. Атака была отбита.

Вскоре перестрелка постепенно стихла.

- Отбой! Разойтись по казематам! - издалека донеслась команда Гудимы.

Звонарев приказал убрать ракетные станки и мортиры.

- Зайдите ко мне на минуточку, Сергей Владимирович, - позвал его штабс-капитан.

В командирском каземате Звонарев застал все еще бледную от волнения Шуру.

Гудима, отряхивая мокрый плащ, знаком пригласил прапорщика к столу.

- Чай готов, Шура? - спросил он у девушки.

- Сейчас подам.

- Расскажите, чем вы привели Шметилло в восторг?

В двух словах Звонарев передал все происшедшее.

- То-то стрелки вас и Борейко величают своими спасителями от верной гибели!..

Затрещал телефон. Гудима снял трубку.

- А, Боря! У нас все благополучно, нет ни раненых, ни убитых. Спасибо за помощь, донесу обо всем подробно в Управление артиллерии. Не будь тебя, сидели бы сейчас японцы на нашей батарее. Звонарев? Жив и здоров. Передаю трубку.

- Здорово! - раздался голос Борейко. - Оказывается, твоя Варвара большая мастерица по кухонной части. Второй раз съедаю твои обеды и пальцы облизываю. Тут есть еще письмецо тебе. Слушай, прочту: "Сэр, послезавтра вы должны по делам службы побывать в отряде Романовского. К двенадцати часам дня лошади будут оседланы. Я еду с вами. Хорошо? В. ".

- Ты не знаешь, Боря, зачем меня туда посылают?

- Чтобы твоя Брунегнльда имела возможность день твоих именин провести с тобой после длительной разлуки. Она сама придумала эту поездку, о чем мне по секрету и сообщила. Ну, будь здоров!

Утром Звонарев отправился в стрелковые окопы, чтобы подробнее узнать обо всем происшедшем ночью. Уже издали он заметил большие разрушения в проволочном заграждении. Козырьки над окопами на многих участках тоже были повреждены, брустверы снесены, окопы полужасыпаны.

- Поберегитесь, вашбродь, а то сегодня японец дюже сердитый, попало ему ночью на орехи, - предупредил стрелок Звонарева.

- Капитан-то цел?

- Слава богу, пока целы. Они ночью в самую свалку лезли, кругом смерть, а они - как заговоренные. Только фуражку с них сбило да погон сорвало.

- А Харитина?

- Герой-баба! От командира ни на шаг не отставала. Двух японцев заколола, хотя ее саму чуть на штыки не подняли - стрелки спасли.

Подошла Харитина.

- Здравия желаю, вашбродие! Здорово вы нам вчера подсобили своими ракетами да огненными бомбами. Сразу все, как днем, стало видать, тут мы и всыпали японцам.

- Это с Залитерной открыл огонь Борейко.

- Медвежья батарея, значит, не подкачала, - улыбнулась Харитина. - Солдаты там все как на подбор, под стать своему командиру - здоровые да красивые, не то, что наша пехотная мелкота.

- Вы бы и переходили в артиллерию.

- Без капитана не пойду, а они ведь пехотинец.

- Где он сейчас?

- В блиндаже горюет. Игнатий Брониславич всегда о своих солдатах печалится, ровно сродни они ему.

Прапорщик застал Шметилло сидящим в мрачном раздумье за столом и поздравил с удачным отбитием ночного штурма.

- Но какой ценой! - горько усмехнулся капитан. Потерял столько прекрасных разведчиков - один лучше другого.

- На войне не без жертв, - попытался успокоить его Звонарев.

- Но все же надо стараться, чтобы их было возможно меньше.

Выяснив обстановку, прапорщик вернулся на батарею.

- Вам телефонограмма, - протянул Звонареву бумажку Гудима.

Командир артиллерии приказывал прапорщику прибыть на следующий день в Управление за получением указаний по рекогносцировке артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов в районе расположения отряда капитана Романовского.

Сигнальная пушка на Золотой горе грохнула как раз в тот момент, когда Звонарев входил в Управление артиллерии. Одновременно на судах, стоящих на рейде, послышался перезвон склянок, отбивавших полдень. Справившись у адъютанта, в Управлении ли Белый, Звонарев постучал в генеральский кабинет.

Дверь приоткрыл полковник Тахателов. Красный от возбуждения, он спорил о чем-то с генералом.

- Согласно распоряжению вашего превосходительства в Управление артиллерии прибыл, - отрапортовал прапорщик Белому.

- Спросите его, Василий Федорович, он с батареи литеры Б и, наверно, был свидетелем и участником ночной атаки, - вместо приветствия проговорил Тахателов.

- Была ли необходимость стрельбы на Залитерной позапрошлую ночь во время японской атаки? - обратился к Звонареву генерал.

- Своим огнем она спасла положение. Таково мнение и Гудимы и командира стрелков капитана Шметилло.

- Рапорт Гудимы я уже получил, а о донесении Шметилло мне пока ничего не известно.

- Я же говорил, ваше превосходительство, что ему надо отдавать в приказе не выговор, а благодарность! - торжествующим тоном воскликнул полковник.

- Но он грубо нарушил все инструкции об открытии огня. Стольников прав, жалуясь на его недисциплинированность.

- Какая тут может быть дисциплина, когда японцы голыми руками забирают батарею! Молодец Борейко! Вы, Василий Федорович, как хотите, а я ему от себя скажу большой спасибо, - с кавказским акцентом проговорил Тахателов.

- Я знаю ваши неизменные симпатии к Борейко, вы всегда горой стоите за него.

- Говорю прямо - люблю, как сына! Пусть пьяница, скандалист, но все же лучший офицер у нас в артиллерии.

- Слов нет - Борейко прекрасный артиллерист, но крайне недисциплинирован, никогда не знаешь, что он выкинет.

- На войне надо считаться только с реальной обстановкой и действовать сообразно с ней. Она же ни в какие инструкции уложиться не может. Спасибо надо говорить Борейко, а не ругать его, - не унимался Тахателов. - Спасибо я не скажу, а ограничусь напоминанием о необходимости беречь снаряды.

Стольников подал рапорт о болезни. Вместо него я назначаю Жуковского,

который поправился. С Борейко они старые друзья. Перемещать же Борейко я просто боюсь. На Залитерной он прижился и сидит спокойно, на новом же месте тотчас начнет переделывать все по-своему.хлопот с ним не оберешься!

- Что прикажете мне делать, ваше превосходительство? - почтительно справился Звонарев.

- Обратитесь, душа мой, к Варе. Она уже за вас получила все инструкции, - дружески похлопал прапорщика по плечу Тахателов.

- Прошу ко мне завтракать, благо уже наступил адмиральский час. Там я все и объясню, - пригласил Белый офицеров.

За столом, вспомнили, что сегодня день Сергия Радонежского и что, следовательно, Звонарев именинник. Варя захлопала от радости в ладоши.

- Я и забыл - у нас во второй и одиннадцатой ротах сегодня ротные праздники. Надо заехать их поздравить, - вспомнил генерал, - а пока выпьем за присутствующего именинника и пожелаем ему счастья.

- Вместе с Варей, - добавил Тахателов и захохотал.

Звонарев покраснел и взглянул на часы.

- Мне надо поторапливаться, - проговорил он. - Теперь рано темнеет.

Белый в двух словах объяснил Звонареву задание; выбрать позиции для батарей и найти наблюдательные пункты между Голубиной бухтой и деревней Яхуцзуй, что около укрепления номер пять Западного фронта.

- Участок занят отрядом капитана Романовского, штаб которого расположен в деревне Юдзянтунь Южный. Этот пакет передайте капитану, - закончил Белый.

- Вы-то зачем едете со мной? - справился прапорщик у Вари, когда они двинулись в путь.

- С вами?! Не слишком ли много чести! Я еду по распоряжению главного врача нашего госпиталя, чтобы передать медикаменты и перевязочные материалы в Западный отряд.

День выдался довольно теплый, ясный. Японские батареи, воспользовавшись улучшением погоды, начали усиленно обстреливать

внутренний рейд и порт.

Несколько снарядов упало около Артиллерийского городка.

- Придется ехать вокруг Пресного озера, чтобы миновать район обстрела,
- решила Варя.

Миновав Старый город, они очутились в Новом городе. Здесь было тихо.

Пользуясь теплым солнечным днем, публика, в большинстве раненые, прогуливалась по набережной. Среди гуляющих Варя и Звонарев увидели Вениаминова под ручку с Лолочкой. Прапорщик хотел было их окликнуть, но Варя ударила нагайкой его лошадь.

- Не смейте здороваться с ними! - грозно зашипела девушка.

Не позволила она своему спутнику и завернуть к дому Акинфиевых.

- На обратном пути полюбуется на вашу ненаглядную Наденьку, которая так эффектно натянула вам нос, выйдя замуж за вашего же друга! - иронизировала Варя.

Проехав мимо морского госпиталя, они свернули на дорогу, ведущую к Голубиной бухте. Здесь было тихо. По дороге двигались, скрипя огромными колесами, китайские арбы, тарахтели две-три военные повозки.

С моря тянул прохладный солоноватый ветер. Лошади, радостно пофыркивая, шли широкой рысью. Кубань, легкая и грациозная, красиво перебирала своими точеными ножками в белых чулочках. За ней следовал более крупный и тяжелый Дон, поекивая селезенкой.

Скоро Варя и Звонарев увидели перед собою деревню Юдзынтунь. У крайних домов, преграждая дорогу, стоял длинный стол, за которым сидело человек двадцать офицеров. Тут же рядом в канаве копошились денщики, откупоривая бутылки. Несколько поодаль песельники выводили какую-то залихватскую мелодию.

Заметив приближающихся всадников, сидевший на председательском месте полковник, в котором Звонарев узнал Ирмана, махнул рукой. Офицеры вскочили с бокалами в руках, хор грянул веселую песню.

Звонарев начал было придерживать лошадь, но Варя, ударив Кубань нагайкой, карьером понеслась навстречу расступившимся перед нею

офицерам, птицей перелетела через накрытый стол и помчалась дальше. Дон тоже ринулся вперед и с размаху взял этот своеобразный барьер, причем Звонарев едва не вылетел из седла. Сзади раздались дружные аплодисменты.

Догнав Варю только за деревней, прапорщик сердито спросил:

- Что за фантазия пришла вам в голову брать с маху такие препятствия? Я чуть не упал и не покалечил Дона.

- Ну и чудак вы! Не ускачи мы, нас напоили бы допьяна.

- Я отказался бы от выпивки.

- Ирман приказал бы вам выпить, как старший в чине. И вообще отказываться страшно неприлично. Какой же вы тогда офицер? Мне было бы стыдно ехать с вами! А так вы против своей воли даже заслужили аплодисменты.

- Они предназначались вам, а не мне.

- Конечно, честь барьера гораздо больше принадлежит Дону, чем такому горе-ездоку, как вы, который сидит на лошади, как собака на заборе. Ну вот и Юдзянтунь. Справа у большой фанзы виден красный флаг, и около стоят заседланные лошади. Там, верно, и помещается штаб Романовского. А вон дальше, на кумирне, флаг Красного Креста. Я туда и поеду. Когда освободитесь, заезжайте за мной.

- Хорошо.

Варя вздохнула.

- Мне бы очень хотелось проехать с вами до самого моря, но боюсь, что Романовский будет этим недоволен...

- Я упрошу его взять вас с собой.

- Я буду тиха, скромна, одним словом - пай-девочка. Так ему и скажите. - Варя подняла лошадь в галоп.

- Прошу садиться, господин Звонарев, - придвинул Романовский стул прапорщику.

Звонарев сел и, пока Романовский читал бумаги, осмотрелся вокруг. Фанза, которую занимал капитан, была чистая, просторная; в узорчатых окнах вместо обычной у китайцев цветной бумаги блестели стекла. На

стене против окон висела подробная карта Артура с нанесенными на ней укреплениями и две большие схемы севастопольской обороны. На столе лежали какие-то книги. В глубине виднелась складная походная кровать.

- Значит, вы желаете проехаться со мной вдоль расположения моего отряда?

- закончил чтение капитан.

- Так точно. Если, конечно, это вас не затруднит.

- Нисколько, погода прекрасная, и я с удовольствием прокачусь верхом.

Капитан позвал денщика и приказал седлать лошадь.

- Мы отправимся сначала на берег моря, а затем проедем вдоль фронта по направлению к Артуру, - объяснил капитан. - Возможные позиции и наблюдательные пункты я нанес на эту карту, которую возьму с собой. Это ускорит и облегчит нашу работу.

- Со мной приехала мадемуазель Белая, дочь нашего генерала. Она хотела бы сопутствовать нам, - робко проговорил прапорщик.

- Она интересная? - улыбнулся капитан.

- Весьма своеобразна, во всяком случае.

- И прилично ездит верхом?

- Очень.

- Буду рад с ней познакомиться.

Подъехав к кумирне, где расположился отряд Красного Креста, они вызвали Варю. Узнав о приезде начальника отряда, на крыльцо вышел врач.

- Нас можно поздравить: мы наконец получили необходимые нам медикаменты и перевязочный материал, - радостно сообщил он. - Нам его любезно доставила сестра Белая.

- Позвольте поблагодарить вас, мадемуазель, и выразить свое удовольствие по поводу предстоящей совместной прогулки, - протянул руку девушке капитан.

Через пять минут они ехали по направлению к Голубиной бухте - Варя посредине, офицеры по бокам.

- Вы прекрасно сидите на лошади, мадемуазель, - заметил Романовский,

критически осматривая Варю. - Повод держите крепко, лошадь хорошо слушается вас. Дать вам в руки меч и копье, и вы станете воплощением девы-воительницы.

- Я всего лишь скромная казачка, - ответила девушка, польщенная похвалой.

Вскоре впереди открылась Голубиная бухта. В нескольких десятках саженей от берега из воды торчал остов миноносца "Внушительный", взорванного здесь 11 февраля командой при приближении японцев. Исковерканные трубы, обломанные мачты и сиротливо стоявшие на палубе пушки четко виднелись на лазурно-голубом фоне воды.

- Памятник трусости наших морячков. Вместо того чтобы принять бой, они поспешили выброситься на берег и взорваться, - высокомерно заметил Романовский.

Выехав к берегу севернее Юдзянтуня, всадники направились к небольшому скалистому, на полверсты выдающемуся в море мысу, именуемому Промежуточной горкой. На нем виднелись стрелковые окопы, а дальше, маскируясь со стороны моря, - скорострельная пушка и несколько фанз. На ближайшей из них висел маленький флажок. Сюда Романовский и направил своего коня. Спешившись, офицеры вошли в дом, а Варя пошла навестить знакомых китайцев. При появлении начальника отряда из-за стола вскочило несколько человек.

Один из присутствующих, штабс-капитан Соловьев, отдал рапорт Романовскому.

- Прошу вас, господа, отправиться к своим частям, я обойду весь участок, - обратился к ним Романовский.

Офицеры поспешили выйти из фанзы, за исключением Соловьева.

- Сейчас мы втроем - пардон, вчетвером, я упустил из виду мадемуазель Белую - направимся к деревне Шаньятоу. Побываем на горке, что к северу от нее. Там расположены окопы сборной роты штабс-капитана Соловьева.

- Придется немного обождать, пока приведут мою лошадь, - предупредил Соловьев. - Мы тем временем пройдемся к ближайшим окопам.

В нескольких сотнях шагов по берегу виднелась скала высотой в тридцать - сорок сажень, на вершине которой был устроен полукругом окоп, фронтом на север и запад. Отсюда открывался широкий вид на бухту и море, а также и на прибрежные холмы, занятые японцами.

Романовский, на ходу здороваясь со стрелками, прошел вдоль окопа и поднялся на бруствер. Звонарев и Соловьев последовали за ним. Звонарев осмотрелся. Скала, на которой они находились, вдаваясь в море, делила Голубиную бухту на две части: меньшую - северную, берег которой был занят японцами, и большую - южную, оставшуюся за русскими. На стороне японцев было заметно движение. В море плавало много парусных и весельных шлюпок. На берегу сустились рыбаки, вытаскивая сети. Им помогали небольшие группы японских солдат. Несколько ближе к русским японцы косили пожелтевший гаолян, тут же рядом паслись лошади.

- Картина совсем мирная, - заметил Звонарев.

- Да, стреляют здесь редко. Мы экономим снаряды, а японцам стрелять не по чем - все голо и пусто. У нас здесь так мало войска, что заирать неприятеля нам не приходится.

Подошедший солдат доложил, что лошади заседланы.

- Где же мадемуазель Белая? - оглянулся Романовский. - Вы не видели сестры милосердия, что приехала с нами? - спросил он у стрелков.

- Они находятся в фанзе, в которой стоят артиллеристы, и подпоручик с ними.

Звонарев и Романовский застали Варю в разгаре операции. Она старательно обмыла нарыв и ловко вскрыла его. При этой операции солдат то и дело вскрикивал от боли, но Варя не обращала на него никакого внимания.

- Грязь у вас, господин подпоручик, поразительная. Все солдаты завшивели.

Не мудрено, что они болеют в таких антисанитарных условиях, - вполголоса отчитывала Варя молодого офицера.

Романовский молча наблюдал эту сценку. Заметив его, подпоручик

забормотал в ответ что-то неразборчивое.

- Нужно сегодня же вынести и проветрить все тюфяки, а фанзу вычистить и побелить, а то у вас лошади прекрасно убраны, а люди живут по-свински, - наставляла девушка.

- У кого еще что болит? - спросила она солдат.

- У меня сильно тело свербит, сестрица, - проговорил один из них.

- Сними рубашку.

Пока солдат раздевался. Варя обернулась и, увидав капитана, нахмурилась.

- Я, конечно, очень признателен вам за проделанную работу, мадемуазель, но сначала следовало бы спросить на это у меня разрешение, - заметил Романовский.

- Я сам попросил сестру осмотреть солдат. Наш фельдшер заболел, и мы лишены всякой медицинской помощи, - заступился за Варю подпоручик.

- В таком случае мне остается лишь извиниться перед мадемуазель Белой, а вам указать, что добровольные сестры не располагают знаниями даже ротного фельдшера.

- Я сдала фельдшерский экзамен, работаю в госпитале и знаю наверняка много больше, чем ваши ротные "эскулапы" - сердито отозвалась Варя.

- Опять неудача, - деланно засмеялся Романовский. - Еще раз извиняюсь. Вы клад: ездите верхом, как Брунегильда, лечите не хуже самого Эскулапа и воинственны не менее Афины Паллады!

Путь до Шаньятоу был проделан без приключений.

Романовский разговаривал с Соловьевым, а Звонарев с Варей ехали сзади.

- Терпеть не могу этого задаваку: "Я начальник отряда, потрудитесь меня слушать, я предупреждаю", - передразнивала Варя Романовского. - Папа-генерал и то так не разговаривает со своими подчиненными. Давайте отстанем от них совсем или поедем другой дорогой.

- Мне неудобно. Я ведь командирован в его распоряжение.

Варя вздохнула и замолчала.

Соловьевская горка, как ее называли по имени командира оборонявшей

роты, оказалась полевым укреплением усиленной профили с двумя рядами проволочных заграждений и прочными блиндажами для стрелков. На флангах стояли два пулемета, а несколько сзади, около деревни, находилась скорострельная пушка.

С этой позиции открывалась огромная панорама от Голубиной бухты на западе до горы Высокой на востоке, то есть на протяжении почти восьми верст. Прекрасно были видны японские тылы в районе Высокой. И Звонарев с удивлением заметил, что японцы успели уже взобраться почти до половины горы.

- Однако они времени даром не теряют, - проговорил он, указывая на неприятельские траншеи.

- Зато мы о них совсем не думаем. Будь у нас здесь хотя бы две старые шестидюймовые пушки, никогда японцы не смогли бы не только взять, но и приблизиться к Высокой. Прошу вас обо всем этом довести до сведения вашего начальства, - ответил капитан.

Проходя мимо группы солдат-стрелков, капитан неожиданно велел некоторым из них раздеться. Поеживаясь от свежего ветра, стояли голые люди. Осмотрев их, Романовский брезгливо потрогал заношенное грязное солдатское белье, кишевшее вшами.

- Мадемуазель Белая кое в чем права. Вши и грязь могут оказать большее влияние на длительность обороны крепости, чем все осадные батареи, вместе взятые. Поэтому борьба с ними не менее важна, чем с японскими шпионами и пушками. Господин штабс-капитан, намотайте эго на свой длинный ус. Прозябшие солдаты поспешили натянуть на себя одежду, вполголоса ругая начальство.

Уже вечерело, когда офицеры вернулись в деревню, где оставалась Варя. Увидя Звонарева, она торжественно потрясла объемистым мешочком.

- Я достала чесноку, который сейчас в Артуре на вес золота. Здесь его фунтов десять. Это все китайцы, им спасибо надо говорить, - пояснила девушка. - Обещал завтра принести нам домой большую рыбу, которую еще и сам не поймал.

- Рыболовство строго запрещено приказом Стесселя, - напомнил

Звонарев.

- Есть-то все хотят, и солдаты и офицеры. Поэтому начальство и, смотрит сквозь пальцы на нарушение этого распоряжения. Китайцы знают, как надо ловить здешнюю рыбу и где она больше всего водится. Если бы не наши китайские друзья, то мы давно, бы голодали.

- Значит, и я еще не умер с голоду благодаря китайцам? - спросил прапорщик.

- Конечно. Ели конину и чумизу, а теперь при их помощи питаетесь прилично, - пояснила Варя. - Вы покончили с делами?

- Так точно, госпожа амазонка, - откозырял прапорщик.

- Тогда поехали домой.

- Разрешите считать мою задачу выполненной? - спросил прапорщик у Романовского.

- Вполне.

Свернув на Юдзянтунь, Звонарев и Варя пустили коней рысью и, миновав деревню, вскоре оказались на окраине Нового города. Солнце уже садилось, но на западе четко выступали Высокая и окружающие ее горы. Царила полная тишина, - очевидно, на позициях шла вечерняя смена частей. Вдруг на батарее Золотой горы взлетел огромный столб огня, сопровождаемый целой тучей искр, за ним другой, третий. Донеслись гулкие звуки выстрелов, многократно повторенные эхом.

- Заяц старается. И когда он только спит? Каждую ночь будит меня своей канонадой, - проговорила Варя.

С тротуара их окликнули. Звонарев узнал Сахарова.

- Откуда путь держите? - поинтересовался, здороваясь, капитан. - Я так давно не видал вас, что решил даже задержать на дороге.

- Мы знакомились с расположением войск на левом фланге, - важно заявила Варя. - Сергей Владимирович интересовался артиллерийскими позициями, а я постановкой медицинской части.

- Которую она нашла в полном беспорядке, за что и объявила Романовскому выговор, - закончил Звонарев.

- Если не очень устали, милости прошу заглянуть ко мне - тут рядом.

Третий раз справляю новоселье с момента начала тесной блокады. Сюда покуда снаряды еще не залетают. Я хотел бы показать мадемуазель Варе несколько японских кимоно, а также кое-какие безделушки.

- На десять минут можем зайти, - решила Варя, соскакивая на землю.

Появившиеся денщики взяли лошадей. Небольшая, в три комнатки, уютная квартира Сахарова вся утопала в коврах: они лежали на полу, висели на стенах, покрывали кушетку, служили портьерами на дверях. Всюду красовались различные безделушки в виде драконов, рыб и мифических животных. В углу под иконой находился большой золоченый Будда с неизменным лотосом в руках.

Капитан провел своих гостей в спальню и распахнул большой гардероб. В нем висело несколько десятков кимоно всевозможных цветов и размеров, из самых разнообразных материй - тяжелые парчовые, вышитые золотыми и серебряными драконами, и совсем невесомые, из тончайшего шелка, похожего на паутину, и теплые, на вате, с меховыми воротниками, сплошь расшитые разноцветным бисером. Драконы, змеи, лотосы, хризантемы, цапли, вишни - все это переплеталось в сложном узоре вышивки. Варя с чисто женским любопытством рассматривала эту своеобразную коллекцию.

- Откуда они у вас?

- Досталось от одного знакомого. Я лишь постарался сохранить их от порчи.

Разрешите предложить вам, мадемуазель, один из них на выбор.

- Что вы, Василий Васильевич, мне просто неудобно принимать такие подарки! - отнекивалась девушка.

- Мне они достались даром, и я, откровенно говоря, не знаю, что с ними делать. Вам же может пригодиться. Поэтому позвольте из личной симпатии к вам и из уважения к вашим родителям, которые всегда так мило относятся ко мне, сделать маленький подарок. Вы доставите мне этим большое удовольствие, - упрашивал Сахаров.

Соблазн взял верх, и небольшое, совсем прозрачное кимоно, которое все можно было собрать в горсть, перешло в собственность Вари. Она

захотела тут же его примерить. Мужчины вышли в соседнюю комнату.

- Каково положение у Романовского? - справился капитан. - Я очень интересуюсь этим участком, так как вся моя связь с внешним миром идет через Голубиную бухту. Нельзя ли взглянуть на вашу карту?

Прапорщик любезно протянул свой планшет. Сахаров быстро перенес к себе линию сторожевого охранения с наличными укреплениями. Затем он расспросил о дальнейших планах обороны и мерах к усилению этого участка. Звонарев подробно рассказал все, что ему было известно по этому поводу. Капитан его поблагодарил.

- Позвольте в знак моей признательности подарить вам маленькую безделушку, - протянул он Звонареву брошку в виде красивой бабочки филигранной работы.

- Благодарю вас, но я, право, не знаю, что мне с ней делать.

- Подарите мадемуазель Белой, она ей, наверно, понравится. Не конфузьтесь, молодой человек. Мы все были когда-то молоды и ухаживали за девушками, - ласково потрепал он по плечу прапорщика. Последнему ничего не оставалось, как принять подарок.

- Не правда ли, оно мне очень к лицу? - впорхнула в комнату Варя в темно-вишневом, расшитом золотом и серебром кимоно.

- Минуточку, сейчас раздобудем гребень и веер. - И Сахаров вышел из комнаты.

Звонарев молча протянул девушке подарок капитана.

- Какая прелесть! Это Василий Васильевич вам дал? - восхищалась Варя.

- Мет, мне прислали ее от китайского богдыхана. Кстати, с вашим продолговатым лицом и довольно-таки основательным носиком вы мало походите на дочерей Страны Восходящего Солнца.

- Я, конечно, гораздо красивее их!

- Какое самомнение: те хорошенькие куколки, а вы - просто кубанская амазонка.

- А ну вас, замолчите! - рассердилась Варя.

Выбрав из принесенных Сахаровым вееров и гребней наиболее подходящие к ее кимоно, девушка потребовала зеркало и стала перед

ним охорашиваться.

- Похожа я на гейшу? - спросила она у капитана.

- Конечно, только гораздо красивее.

- Вот видите! - торжествуя обернулась Варя к Звонареву.

- О вас последнее время много говорит князь Гантимуров, - вкрадчиво сообщил Сахаров.

- Я не переносу его.

- Зато он от вас без ума.

- Если он вздумает высказать мне свои чувства, то боюсь, что он останется без головы. Ну, нам пора. Большое, большое спасибо вам, Василий Васильевич.

Сахаров приложил руку ко лбу.

- Нет ли у вас средства от мигрени?

- Можно достать фенацетин. Завтра же вам привезу. Вид у вас не совсем здоровый. Дайте-ка руку, - перешла на докторский тон Варя. - Учащенный пульс, небольшой жарок. Покажите язык, - я уже кое-что понимаю в медицине.

Обложен, надо немедленно же обратиться к врачам. Сейчас в связи с недостатком и ухудшением качества воды сильно распространяется брюшной тиф.

- Не пугайте, ради бога! Мне гадалка давно предсказала, что я умру от тяжелой болезни.

- Завтра с утра навещу вас по дороге в госпиталь, - на прощанье подтвердила Варя. - Теперь прямо домой, - обернулась она к Звонареву, когда они сели на лошадей.

Луна закрылась тучами, с моря налетел туман, и Артур утонул во мраке.

Спотыкаясь на каждом шагу, лошади медленно двигались по разбитым бомбардировкой улицам города. Когда путники миновали доки и свернули к Артиллерийскому городку, до их слуха долетел из придорожной канавы тихий плач. Варя сразу остановила лошадь.

- Кто тут? - громко спросила она, вглядываясь во тьму. - Сергей Владимирович, чиркните спичку.

Всхлипывания сначала прекратились, а затем слышались вновь. Не дожидаясь, пока Звонарев зажжет огонь, девушка соскочила с лошади. Прапорщику удалось наконец зажечь спичку. При ее слабом свете Варя увидела бедно одетого ребенка лет десяти - двенадцати, вытиравшего кулаками заплаканное лицо.

- Сегодня избу разбило, тятюку убило, - сквозь слезы ответил он на вопрос Вари. - А мамка еще в апреле умерла.

- Пойдем со мной, я тебя накормлю и устрою. Как тебя звать-то?

- Вася Зуев... Куда вы меня поведете?

- В Артиллерийский городок. Перестань плакать и пойдем, - распоряжалась Варя.

Мальчик повиновался.

Скоро они добрались до дому.

- Здесь живет уса́тый генерал, - проговорил Вася.

- Да. Это мой папа.

Мальчик недоверчиво покачал головой.

Отдав конюхам лошадей, Звонарев и Варя направились в дом. Вася неожиданно заупрямился и не захотел идти с ними.

- Боюсь я! Генералы - они сердитые.

- Мой папа совсем не сердитый, не упрямясь, - уговаривала мальчика Варя.

Вася стоял в нерешительности.

- Иди без разговоров, - рассердилась Варя и повела мальчика за руку.

- Мама, посмотри, какого я тебе привела внука, - весело закричала она из передней.

- Чего еще придумала? - отозвалась Мария Фоминична, выходя в переднюю. - Где ты подобрала этого хлопчика?

Варя рассказала.

- Видать, плохо кормленный, такой худой и совсем раздет. Накорми его, а я поищу для него что-нибудь из одежды. Смотри только не воруй, а то выгоню, - пригрозила Белая.

Вася густо покраснел и что-то пробормотал себе под нос.

- Не обижай его, мама! Он хороший, честный, только бедный мальчик. Не правда ли, Вася? - ласково погладила Варя его по голове. - Сначала я его выкупаю. - И Варя поспешила увести его в ванную.

Звонарев тоже умылся, а затем направился с докладом в кабинет к генералу.

Белый внимательно его выслушал.

- Я попрошу вас нанести линию расположения отряда Романовского мне на карту. Что касается его соображений о значении занимаемого им участка, то нам это хорошо известно.

Вскоре Мария Фоминична пригласила их к ужину. Проголодавшийся за день прапорщик отдал должное всему, что находилось на столе. Только к концу ужина появилась Варя.

- Вымыла я Васю зеленым мылом с головы до пят, обстригла его лохмы, накормила до отвала и уложила спать, - тараторила она. - Велела себя называть тетей Варей. Он будет у меня на побегушках здесь и в госпитале.

- Ты прежде всего присмотришь, что он за ребенок, - охладила пыл дочери Мария Фоминична.

- Что же вы не похвастаетесь полученным от Сахарова подарком? - спросил Звонарев.

- Я совсем забыла! - спохватилась Варя и выбежала из комнаты.

Через некоторое время она появилась в кимоно, с брошкой на груди.

- Не правда ли, мамочка, оно прехорошенькое, совсем как из паутинки, и очень мне к лицу! Бабочка словно живая.

- Почему, собственно, Сахарову вздумалось делать тебе такие подарки? - недоумевала Мария Фоминична.

- Он говорил, что не знает, куда девать это кимоно. Брошку же я получила от Сергея Владимировича, а он от Сахарова.

- Сахаров большой умница и хитрец, никогда ничего зря не делает.

Очевидно, вы ему зачем-то нужны. Наверное, он скоро что-либо попросит у вас, - предупредил Белый.

- Я напишу ему письмо с благодарностью, - добавила Мария Фоминична.

Прапорщик начал прощаться.

- Куда вы? Неужели отправитесь на ночь глядя пешком к себе на батарею? - заволновалась Варя. - Мама, а почему бы Сергею Владимировичу не переночевать у нас, хотя бы в папином кабинете?

- И в самом деле! Оставайтесь-ка, молодой человек, утром мы вместе с вами побываем у Кондратенко и окончательно решим, что нам делать на участке отряда Романовского, - решил Белый.

- Вот и отлично! - захлопала в ладоши Варя.

- Вы с Варей совсем на дружеской ноге, - улыбнулась Мария Фоминична.

- Она все время так самоотверженно заботится обо мне. Я глубоко благодарен ей за это и весьма ценю ее дружбу, - ответил Звонарев, невольно краснея под внимательным взглядом Марии Фоминичны.

Через полчаса прапорщик уже лежал в чистой постели, на мягком кожаном диване.

Перед сном Мария Фоминична зашла в комнату дочерей. Катя уже лежала под одеялом, а Варя нетерпеливыми рывками расчесывала на ночь свои длинные волосы,

- С каким бы я удовольствием обрезала эти противные косы. С ними одна только морока, - сердилась она.

- Коса - девичья краса, - заметила Мария Фоминична. - Да не торопись ты так,

- На что мне нужна эта краса?

- Не тебе нужна, а людям, твоему будущему мужу.

- Я замуж не пойду!

Катя громко расхохоталась.

- То-то ты с Звонарева глаз неводишь и готова с ним скакать верхом хоть на край света.

- Слушай, Варя, - серьезно проговорила Мария Фоминична, - сегодня у меня была Вера Алексеевна и сватала тебя за князя Гантимурова.

- Ты же, мама, сама говоришь, что мне еще рано думать о замужестве.

- Верно! Но люди, видно, считают, что ты уже заневестилась, и посылают сватов.

- Надеюсь, ты ее выпроводила не солоно хлебавши?
- Обещала поговорить с тобой. Теперь ведь вы, молодежь, сами все решаете, старших не спрашиваете, - вздохнула Мария Фоминична.
- А как ты самокруткой шла за папу? Небось тоже не спрашивала разрешения у деда с бабкой? - возразила Варя.
- Не тебе судить твоих родителей, дерзкая девчонка! - вспыхнула мать. - Не о нас речь, а о тебе.

- Давай, мама, условимся, что ты всех женихов будешь отваживать. Я, мамочка, свой выбор уже сделала и менять его не собираюсь!

Мария Фоминична с удивлением посмотрела на посерьезневшее лицо дочери.

- Но если он тебя не выберет? - спросила она.
- Выберет! Как он посмеет не выбрать! - упрямо проговорила Варя.
- Я буду только рада этому, он юноша хороший. Ну, спите, детки. - И Мария Фоминична вышла.

Когда Звонарев проснулся и торопливо оделся, генерал уже ушел в Управление.

- Почему меня не разбудили? - спросил прапорщик у Вари, которая встретила его у входа в столовую.
- Воспитанные люди прежде всего здороваются - это раз. Во-вторых, папа сам не велел вас будить, чтобы вы хоть немного отдохнули после длительного пребывания на позициях. А в-третьих - садитесь пить чай, - командовала девушка.

В столовой сидели Мария Фоминична, Катя и Вася.

Последний был наголо острижен и сиял от восторга, глядя на свои новые брюки и рубаху. Его круглое, в веснушках, лицо со вздернутым носом и живыми глазами было преисполнено сознания собственного достоинства. Когда прапорщик занял свое место за столом, мальчик дружески ему улыбнулся, как старому знакомому.

- Вы не настоящий офицер, - неожиданно проговорил он.
- Это почему?
- У вас на груди птица, - показал Вася на золотого орла-значок

технологического института, - значит, вы инженер, а не офицер.

После чая Звонарев и Варя с Васей отправились в Новый город.

- Вы проводите меня в госпиталь, по дороге мы зайдём к Сахарову, - распорядилась Варя. День выдался пасмурный, прохладный, бомбардировки не было, с позиций чуть доносилась ружейная и артиллерийская стрельба. У артиллерийской пристани покачивалась одинокая ярко раскрашенная лодка. На носу с обеих сторон красовались два рыбьих глаза, а вдоль извивался желто-розовый дракон со страшно выпученными глазами. Китаец-лодочник грелся на солнце.

- Эй, вставай, ехать будем! - подбежал к нему Вася.

Китаец вскочил.

Варя с Васей сели на переднюю банку. Звонарев поместился сзади. Китаец оттолкнулся от берега и, ловко вращая весло, заставил лодку быстро двигаться вперед. Вася не спускал с него восхищенных глаз.

- Вот здорово-то! Я хотел было тоже научиться юлаюла, но у меня ничего не вышло, - проговорил он. - Я вчера совсем собрался в Двадцать пятый полк. Есть там такая переодетая солдатом тетя Харитина, она бы пристроила у себя, а тут вы наехали.

- Мы знаем Харитину. Этот дядя находится на позициях рядом с ней. Он и расскажет ей про тебя все.

- Я сам с ним поеду.

- Я тебя туда не пущу.

Вася призадумался. Ему и хотелось побывать на самых позициях, где идет "настоящая война", но он боялся рассердить "тетю Варю".

Сахаров с трудом поднялся с дивана им навстречу.

- Я принесла лекарство, но вид у вас совершенно больной, вам надо немедленно же лечь в госпиталь, - сразу определила Варя. - Хотите, я сейчас это устрою?

- Говорят, в Красном Кресте благоустроеннее, чем у вас в Сводном госпитале? Лучше уход, питание и даже врачи...

- Просто они богаче нас, и у них все есть. Я могу сбегать и туда.

- Не смею вас беспокоить. Да, вас, кажется, можно поздравить? Сейчас

заходил Гантимуров и сообщил, что сама Вера Алексеевна решила вас сосватать.

Звонарев удивленно посмотрел на Варю.

- Она вчера была у нас и говорила с мамой. Я решительно отказалась.

Гантимуров внушает мне отвращение.

- Между нами говоря, я разделяю вашу антипатию к князю, да, кроме того, есть и другие обстоятельства, в силу которых я только приветствую ваше решение.

- Не секрет, какие именно?

- Именно секрет.

- Тогда прошу извинения. Мы отправимся устраивать вас в Мариинскую больницу Красного Креста.

- Хочу воспользоваться вашим присутствием и послать вашему батюшке короткую деловую записку. - Сахаров присел к столу. - Вот и все, - протянул он Варе маленький конверт.

- Быть может, Сергей Владимирович побудет со мной, пока вы будете в отсуствии? - попросил Сахаров.

- С величайшим удовольствием, - отозвался прапорщик.

Варя в сопровождении Васи ушла.

- Я не знаю, каков характер отношений между вами и мадемуазель Белой, но несомненно, что вы очень с ней дружны.

- Не больше.

- Пусть так. Я хотел вас предупредить, что у Гаятимурова наследственный сифилис. Он пытался и еще будет пытаться стать ее женихом. Как друг, вы должны обо всем предупредить Варю.

- Мне не совсем это удобно, я лучше передам это самому генералу.

- Я ему написал, но на всякий случай ставлю и вас в известность. Князь зарится на приданое мадемуазель Белой.

- Разве она так богата?

- Кое-что имеется. А князь вообще непорядочная личность. Многое я мог бы вам порассказать, да, к сожалению, вы редчайший гость у меня. Надеюсь, вы не забудете меня в госпитале?

- Постараюсь посещать вас возможно чаще, как только мне позволят обстоятельства. Варя же, конечно, будет вас навещать каждый день.

Раздался стук в дверь, и вскоре появился Фок. Сахаров болезненно скривился.

- Ужасно голова болит. Прошу, ваше превосходительство, извинить, что я не вышел вам навстречу, - приподнялся с дивана капитан.

- Сидите, сидите, Василий Васильевич. Вам нужен полный покой, - успокоил его Фок.

- Собираюсь лечь в госпиталь Красного Креста...

- И правильно сделаете! Я за последнее время довольно хорошо познакомился под вашим руководством с ведением дел Тифонта и, если понадобится, могу временно заменить вас, приглядывая за служащими. Глаз у меня на жуликов и прохвостов острый. Недаром в жандармах служил!

- Буду благодарен. Этим вы мне окажете неоценимую услугу.

- Все на этом свете имеет свою цену в золоте - и жизнь, и честь, и совесть; все продажно, дорогой Василий Васильевич. Весь вопрос только в том, сколько что СТОИТ.

Возвращение Вари прервало разговор.

- Через час вас будут ждать в Мариинской больнице. Пока устроитесь в палате на двоих, а затем перейдете в одиночку. Я буду заходить к вам каждый день, а если понадобится, то и подежурю у вас.

- Не знаю, как мне вас и отблагодарить, милая барышня. Останусь вашим должником до самой своей смерти!

Варя и Звонарев откланялись.

Оставшись вдвоем с Сахаровым, Фок сразу изменил тон.

- Поскольку вы ложитесь в больницу, необходимо, чтобы все ваши связи перешли ко мне.

- Короче, вы хотите меня отстранить под благовидным предлогом? - едко усмехнулся Сахаров. - Так знайте же - если вы мне напортите в Артуре, то я в международной прессе раскрою вашу роль.

- Дорогой Василий Васильевич, да как у вас язык повернулся произнести такие слова! Я, быть может, и прохвост, но, во всяком случае, не дурак. Нет, милый друг, вы определенно больны, тяжело больны! Ложитесь в госпиталь, поскорее выздоравливайте, и мы еще много поработаем с вами вкупе и влюбе на общую пользу, - обнял Фок Сахарова за плечи. Капитан исподлобья недоверчиво смотрел на своего собеседника, стараясь угадать, где кончается комедия и начинаются настоящие дружеские чувства к нему.

- Я хотел бы вам верить, ваше превосходительство, - наконец глухо произнес он.

- Дурак, дорогуша, тот, кто кому-нибудь или чему-нибудь верит. Оставьте веру богомольным старушкам. Мы же, реально мыслящие люди, должны знать, а не верить, - с ударением на слове "знать" ответил Фок. - А теперь собирайтесь в путь-дорогу, - уже деловито проговорил он.

Сахаров, держась рукой за голову, подошел к секретному шкафу и вынул оттуда пачку бумаг.

- Здесь вы найдете все, что вас интересует по части моих связей.

Фок небрежно взглянул на них и, сложив вдвое, спрятал в нагрудный карман своего сюртука. Лицо его попрежнему было невозмутимо и непроницаемо.

- Мне удалось уговорить Веру Алексеевну взяться за сватовство этого шалопая Гантимурова к дочери Белого. Теперь, надо думать, что векселя обретут реальную ценность. Сейчас я посмотрел на эту девчонку, и, ей-богу, мне жалко стало, что она достанется такому мерзавцу, как наш князь.

"Не достанется!" - подумал Сахаров и велел денщику подать экипаж.

Вечером того же дня Фок с очками на носу сидел за письменным столом и с чисто немецкой педантичностью изучал толстые гроссбухи дел тифонтаевских предприятий. Вошедший денщик доложил о приходе Гантимурова.

- Я потерпел неудачу у мадемуазель Белой. Сейчас Вера Алексеевна передала мне от ее имени решительный отказ, - не здороваясь,

проговорил князь.

- Кто же помешал вам? Неужели этот румянощекий прапор?..

- Нет, это мерзавец Сахаров. Он сообщил Белым, что я болен наследственным сифилисом.

- Вы это знаете наверняка?

- Он и раньше грозил мне сообщить обо всем Белому.

Князь встал и нервно зашагал по комнате.

- Я готов задушить этого подлеца своими руками!

- За то, что он спас порядочную девушку от опасности заболеть неизлечимой болезнью? Картина, достойная богов!

- Я решил его убить, он от меня не уйдет!

- С моей стороны возражений не встречается. Скажу больше: если вы не ликвидируете Сахарова любым способом, то я передам вас в руки военно-полевого суда по обвинению в государственной измене, - резко проговорил Фок. - Я вас больше не задерживаю, поручик князь Гантимуров, - уже с обычной холодной насмешкой закончил генерал.

Побледневший князь вытянулся, щелкнул шпорами и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Глава вторая

С возвращением Жуковского на батарею литеры Б Звонарев после почти двухнедельного отсутствия вновь переселился на Залитерную, чему Борейко очень обрадовался. - Соскучился я по тебе, дружище, - гудел он.

- Я тут много о чем передумал с солдатами. Нам нужно начать подкопы под японские траншеи и взрывать их на воздух. Они теперь близко подошли к форту, и надо начинать подземную войну.

- Поезжай в штаб Кондратенко и изложи ему на словах свой план. Он ведь очень ценит и поощряет всякую инициативу, особенно младших офицеров и солдат.

Поручик отрицательно покачал головой.

- Ругать начальство я умею, но разговаривать с ним совсем не горазд.

Возьмись-ка ты сам за это дело, Сережа. Ты ведь свой человек во всех

штабах и у всех генералов и их дочерей. Кстати, как поживает твоя дева-воительница?

- Обзавелась мальчиком... Подобрала бездомного ребенка-сироту и как бы усыновила его.

- Его усыновила, тебя "умужила"... Так к концу войны у нее на руках окажется целое семейство! - шутил поручик.

Приход писаря Пахомова с целым ворохом бумаг нарушил этот разговор.

- Здорово, Пафнutyч! Как воруетсЯ со штабс-капитаном на Утесе! - приветствовал его Борейко.

- Здравия желаю! Воровством мы не занимаемся.

- Свежо предание, а верится с трудом! Чем порадуешь?

- Огорчить вас должен. Приказано все продовольственные излишки сдать интендантству.

- У нас их и нет.

- Штабс-капитан сообщили, что имеются.

- Пусть у него и берут, коль у него есть, а в роте нет.

- Завтра для приемки приедут на Утес интендантские чиновники.

- Иван! Покличь ко мне Родионова и Зайца! - приказал Борейко денщику.

В блиндаж вошли Родионов и Заяц.

- Честь имеем явиться, вашбродь! - вытянулись солдаты.

- Отберешь сейчас, Тимофеич, десять человек с винтовками и боевыми патронами. Пойдете со мной на Утес, - объявил поручик.

- Что ты задумал, Борис? - с беспокойством спросил Звонарев.

- Пойду выручать наши запасы. Добром не отдадут - силой возьму.

- Ты с ума сошел. Позвони хоть Жуковскому и поговори с ним.

- Теперь на Утесе он не хозяин, а каков будет разговор с Андреевым, узнаю на месте.

Через минуту отряд маршировал за поручиком.

С наступлением темноты к батарее подъехали три подводы с провиантом под охраной вооруженных артиллеристов.

- Живо разгружай и сейчас же назад, пока интенданты не явились! - громко скомандовал Родионов. - Поручик там ждут.

Прапорщик спросил, что произошло на Утесе.

- И смех и грех, вашбродие! Поручик приказал нам открыть погреб и продукты нагрузить на подводы. Штабскапитан выскочили, кричат солдатам, грозят судом и расстрелом, а поручик от них только отмахиваются. Пришел новый командир, бородатый такой, давай тоже кричать. Но нашего поручика разве перекричишь? Слабосильные, как сообразили, что мы провиант хотим забрать, - на нас с костылями да клюками, чуть было не смяли. Пока крик шел, мы подводы и нагрузили. Вскоре появился сам Борейко.

- Знаешь дорогу к батарее литеры А? - спросил он у Звонарева. - По пути там есть незаконченные блиндажи. В них я и устрою на сегодняшнюю ночь временный продовольственный склад, а то с минуты на минуту может нагрянуть погоня за продуктами. Вали, Сережа, а я буду гостей встречать.

Через минуту Звонарев отправился с груженными подводами в указанное Борейко место.

Не успел прапорщик добраться, как началась довольно сильная ружейная перестрелка. Молчавшие сначала крепостные батареи одна за другой открыли огонь. Вскоре загрохотал весь Восточный фронт. Батарея литеры Б и Залитерная тоже полыхали огнями выстрелов. Взволнованные артиллеристы торопились с выгрузкой подвод.

Оставив около склада караул из трех человек, прапорщик поспешил обратно на Залитерную. Он нашел Борейко в блиндаже. Тот протянул ему для подписи акт. В нем значилось, что при подъезде к Залитерной снарядами были разбиты три подводы с продовольствием и убита одна лошадь.

- Около перевязочного пункта действительно разбило одну повозку и убило лошадь. Мы сейчас все перетащим сюда, и дело будет в шляпе, - весело говорил Борейко. - Подпишет и Николай Васильевич, а Чиж с интендантами останутся в дураках.

Утром на батарею приехали Белый, и Кондратенко. Борейко чистосердечно все рассказал Белому. Генерал посмеялся и тут же

утвердил представленный ему акт.

- Оставшиеся на Утесе продукты все же придется поделить с интендантством, - предупредил он. - Вы и так успели захватить хорошую их часть.

Поручику ничего не оставалось, как согласиться с этим предложением.

Пока Белуги разговаривал с Борейко, Кондратенко отозвал в сторону Звонарева.

- Сергей Владимирович, я опять имею на вас некоторые виды. Сейчас начнется новый этап борьбы за Артур - война под землей, в минных галереях.

Не хотите ли вы принять в ней участие?

- Но я в этом деле полный профан!

- Научитесь. Я думаю сначала вас направить в распоряжение Сергея Александровича Рашевского. Вы будете у него помощником. В его ведении участок оборот от батареи литеры Б до третьего укрепления. Работа сосредоточится на втором и третьем фортах. Дело, конечно, опасное, но интересное.

Узнав о сделанном Звонареву предложении. Белый запротестовал:

- Он мне нужен в Управлении. У меня всего два инженера - он и Гобято.

Того взяли моряки для своей секретной работы этого хотите забрать вы...

- При первой же надобности, Василий Федорович, обязуюсь вернуть его вам в целости и сохранности, - уверял Кондратенко.

- Этого вы никак гарантировать не можете, коль скоро направляете его в самые опасные места.

- Бог не без милости, будем надеяться на лучшее Завтра или послезавтра и приступите к своим новым обязанностям, - предупредил Кондратенко Звонарева.

Борейко тоже был крайне недоволен новым назначением своего друга.

- Мелькнешь на батарее искрой малой и опять исчезаешь! - бурчал он. - Нет чтобы на месте посидеть, как порядочному человеку.

Прослышав о новом назначении Звонарева, Блохин не замедлил тотчас явиться в офицерский блиндаж.

- Зачем пожаловал? - спросил Борейко.
- Разрешите мне, вашбродь, с прапорщиком идти японца из-под земли взрывать.
- А я с кем останусь?
- Мало ли еще у нас народу!
- Блоха-то у меня одна...
- Другую можно завести, много их вокруг прыгает.
- Когда найду - тогда и отпущу.

Солдат вздохнул и вышел.

Через минуту явился с тем же Родионов.

- Я, вашбродь, шахтер и привык копать под землей.
- Чем тебе здесь не житье?
- Скушно больно! Когда-нибудь выпустит батарея десяток снарядов и опять на неделю замолчит.
- Мне и самому невесело. Но, верно, японец нас скоро порадует - на штурм пойдет. А коль скучно - Харитиной займись, баба стоящая!
- Я, вашбродь, женат. А на Харитину наш сказочник виды имеет.
- Я тебя, Тимофеич, никуда не отпущу, ты моя правая рука на батарее.

Затем появился Юркин.

- Ты-то что в минном деле понимаешь?! - накинулся на него Борейко.
- Рвут их электрическим проводом, а я как телефонист умею провод прокладывать и к батарее его присоединять, - бойко ответил солдат.
- Черт с тобой! Иди, если прапорщик возьмет.

Уже под вечер осторожно постучал в дверь Ярцев и сконфуженно попросил Звонарева взять его с собой на минные работы.

- А Харитина как же? - спросил Борейко.

Солдат сильно покраснел.

- Они на меня и смотреть не хотят, это только солдаты с зависти сплетки плетут, а я тут совсем ни при чем.
- Спрошу у Харитины, так ли это.
- Верно слово - ни при чем, только ей не говорите ничего, сердать на меня будет.

- А ты и струсил? С японцами под землей воевать хочешь, а бабы испугался!

Пока не поженитесь - не отпущу, - решил поручик.

- Можно? - раздался за дверью женский голос.

Борейко подскочил, как на пружинах, и, быстро застегнув китель, окинул взглядом, все ли в порядке в блиндаже.

- Кто это? - спросил Звонарев.

- Они... - неопределенно бросил Борейко и шагнул к двери. - Милости прошу!

На пороге появилась Оля Селенина, а за ней Леля. Варя, Стах. Шествие замыкал Вася с судками в руках.

- Не ожидали такого нашествия? - проговорила Оля, здороваясь с мгновенно просиявшим Борейко. - Решили вас навестить всей компанией.

- Очень рады, пожалуйста...

- Это Варя подбила нас на прогулку сюда.

- Совсем нет! Стаху надо было побывать в окопах на батарее литеры Б, мы и решили его проводить до Залитерной, - запротестовала девушка.

- ...благо здесь находится Сережа Звонарев, - тотчас поддел Борейко. - А это еще что за хлопчик? - заметил он Васю.

- Варин сын, - ответила Оля.

- Да ну! Я и не знал, что у амазонок родятся сразу такие большие ребята.

- Не пытайтесь быть глупей, чем вы есть, - нахмурилась Варя.

- Как тебя звать, герой? - спросил поручик.

- Вася.

- Так, значит, это тебя недавно подобрали на дороге? Какой ты худой да хилый! Кормить его надо побольше!

Мальчик, поставив судки на стол, спрятался за Варей и с недоверием смотрел на огромного поручика.

- Пойдемте во двор, а то тут очень тесно, - предложила Леля.

- Вы хорошо знакомы со стрелковыми окопами впереди батареи литеры Б? - спросил у Звонарева Стах. - Я назначен начальником этого участка обороны вместо Шметилло.

- А он куда переводится?

- Пока на отдых, в резерв, а затем - где понадобится, туда и назначат. Вы часто заглядываете в стрелковые окопы?

Звонарев рассказал о положении на батарее и сообщил о своем новом назначении.

Борейко повел гостей по батарее. Варя здоровалась с знакомыми солдатами.

- Ты здесь совсем своя, - удивилась Оля.

- Они вместе с нами были под Цзинджоу и во время августовских штурмов, - отозвался Родионов. - Всех наших раненых перевязывали.

- И водочкой угощали, - подошел Блохин. - Давно я ее что-то не пробовал.

- Разве поручик тебя не угощал?

- Да они сами ее пить перестали, - сокрушенно вздохнул солдат. - Когда-нибудь стаканчик пропустят.

- Так, значит, все же пьет? - настаивала учительница.

- Какое уж это питье! То ли дело раньше!

- Пропал теперь Медведь, - шепнула Звонареву на ухо Варя. - Будет ему от Оли. Он ее все уверяет, что бросил совершенно пить.

Вася все время вертелся около пушек, с большим любопытством разглядывая их.

Он залез было на лафет, но его оттуда прогнали, затем нырнул в блиндаж.

- Куда, пострел! - набросился на него Блохин. - Еще styришь что-нибудь! Обиженный мальчик вернулся к взрослым.

Со стороны кухни показались Шура и Харитина с узелками в руках.

- Здравствуй, Шура! - окликнула подругу Варя.

Девушка сконфуженно сунула узел Харитине и направилась к учительницам.

- Да это, никак, Васятка Зуев! - удивилась Харитина, увидев мальчика. - Что ты туг делаешь? Поди батька тебя по всему городу ищет!

- Тятки-то уж нет - убило его, - проговорил Вася и громко всхлипнул.

- Да что ты! Когда же это случилось? - начала расспрашивать мальчика Харитина.

Утирая глаза кулаками, Вася поведал ей свою грустную историю.

- Бедная ты моя сиротинушка! - гладила его по голове молодая женщина.

- Кто-то теперь о тебе позаботится!

Забыв о своем солдатском положении, Харитина совсем по-бабы причитала над ребенком. Варя подошла к пей.

- Я взяла его к себе и пока устроила при Сводном госпитале, - пояснила она.

- Только вы, сестрица, не обижайте его, сироту, - просила Харитина. - Молодая вы, под горячую руку и прибить можете, а у него ни отца ни матери...

Отдали бы вы его мне, барышня?

- Так вы же на позиции, в окопах, - там ребенку совсем не место.

- Жил бы здесь, на Залитерной, я к нему приходила бы.

- Поручик Борейко не позволит этого, да в госпитале и безопаснее.

- Там от больных смердит. Как нанюхаешься, так и есть не хочется, - неожиданно запротестовал Вася.

- Привыкнешь.

Учительницы, Борейко и Стах издали наблюдали за этой сценой.

- Смени, Харитина, брюки на юбку, - посоветовал Борейко. - Окрутил бы я тебя с кем-нибудь из своих добрых молодцев, да поселилась бы на кухне вместе с хлопчиком. И все было бы в порядке.

- Я никому не отдам Васю, - запротестовала Варя.

- Он не вещь, чтобы его отдавать или не отдавать, - вмешалась Оля. - Где тебе, мальчик, больше нравится?

Вася посмотрел на ласковое лицо Харитины, суровое - Вари, на учительницу, Борейко и Звонарева и развел руками, не зная, что ответить.

- Раз не нравится у меня, тогда иди к Харитине, - решила за него Варя.

Вася испуганно взглянул на нее. У него еще свежи были воспоминания о том, что для него сделала Варя, а главной приманкой в будущем

являлась велосипедная команда, куда его обещала устроить девушка. С другой стороны, ласковая Харитина была ближе и роднее ему. Ребенок тихо и печально подошел к Варе.

- Пока тетя Харитина холят и солдатах, я хочу быть у вас, - почти шепотом проговорил он. - Только чтобы я ездил на лисопете.

- Мал, мал, а хитрости у тебя, хлопчик, больше, чем у взрослого! - усмехнулся Борейко.

- Я хочу пройти сейчас к Шметилло. Вы не проводите меня? - обернулся к Звонареву Стах.

- С удовольствием, с нами, верно, пойдет и Харитина.

- Сей секунд, вашбродь, только белье захвачу, - посолдатски ответила Харитина.

- Мы вас подождем здесь, - предупредила Стаха Леля. - Только вы долго не задерживайтесь.

Офицеры и Харитина вышли.

Солнце уже скрывалось за сопками, в долинах стоял вечерний туман. С фронта доносились редкие ружейные выстрелы, чередующиеся с короткими пулеметными очередями.

Вскоре им повстречался бывший фельдфебель охотничьей команды Денисов.

Завидев поручика, он вытянулся во фронт и громко ответил на приветствие.

Радости фельдфебеля не было предела, когда он узнал о назначении Стаха.

- Вашбродь, Евстахий Казимирович, позвольте, я сейчас всех наших позову.

- И Денисов опрометью бросился вперед.

Через минуту десятка два радостно возбужденных стрелков ринулись навстречу поручику, заполнив весь окоп.

- Здорово, молодцы! - приветствовал их поручик.

Солдаты в ответ рявкнули так оглушительно, что перепуганные японцы не замедлили дать несколько ружейных залпов.

- Японцы тоже вас приветствуют, Евстахий Казимирович, по случаю прибытия на передовые позиции, - усмехнулся Звонарев.

- На днях мы заведем с ними более близкое знакомство, - ответил Стах и начал расспрашивать своих солдат о позиции, питании, потерях.

Появился Шметилло и неторопливо зашагал к солдатам.

- Что за шум, почему беспорядок? - крикнул он издали.

- Все в полном порядке, Игнатий Брониславович.

Я беседую с вашими молодцами, - ответил Енджеевский, здороваясь с капитаном. - Завтра прибуду к вам на смену со своими охотниками.

- Наконец-то нас оттягивают в тыл! Уже больше месяца, как мы тут кормим вшей. Рады будете отдохнуть? - обернулся Шметилло к солдатам.

Те замялись и не отвечали.

- Аль не рады? - удивился капитан.

- Дозвольте нам, ваше высокоблагородие, остаться с поручиком Енджеевским, - выступил за всех Денисов.

- То есть как это остаться? Всем перевестись в охотничью команду?

- Тем, которые прежде служили у поручика в команде, и еще человек с десяток. С мирного времени мы с Евстахнем Казимировичем вместе. И под Цзипджовой были, и на перевалах... Сжились, можно сказать, вместились.

- Я без командира полка этого разрешить не могу. Шутка ли, сразу сорок лучших моих стрелков уйдут в охотники. Да и обидно мне это слышать. Кажется, вам у меня жилось не плохо.

- Так точно, вашескородь, вы о нас заботу имели, - ответили стрелки.

- В чем же тогда дело?

- Поручика-то мы до вас еще знали, и они всех нас знают, - сбивчиво пояснили солдаты.

- Как хотите! - махнул рукой все еще обиженный Шметилло. - Околдовали вы их совсем, Евстахий Казимирович.

- А мне к вам, вашбродь, можно? - чуть слышно спросила протолкавшаяся к Стаху Харитина.

- Подойдет она к нам, ребята? - спросил у солдат Енджеевский.

- Так точно, подойдет. Бой-баба, другого стрелка за пояс заткнет! - слышались ответы.

- Можете остаться, - решил Енджеевский.

- А Залитерная как же? - спросил Звонарев.

- Я до вас буду в гости ходить, - улыбнулась Харитина.

- Мы вам уж и жениха подобрали, - продолжал Звонарев, - и про Васю, значит, забыли?

Харитина глубоко вздохнула и призадумалась. Ей не хотелось расставаться со стрелками, с которыми она успела сжиться, не хотелось оставлять привлекавшую ее своей опасностью жизнь разведчика, тянуло и к полюбившемуся ей ребенку.

- Подумаю я до завтра, - решила она наконец.

- Хорошо. Значит, артиллеристы и впрямь вам пришлись по сердцу, - улыбнулся Стах.

- Мальчонку-сироту жалко, - ответила Харитина и отошла.

Заглянув ненадолго в блиндаж к Шметилло, Енджеевский и Звонарев направились обратно. Они подошли к батарее во время вечерней переклички.

Родионов при свете фонаря по списку выкликал фамилии солдат, построенных за орудиями. Несколько поодаль, около костра, стоял Борейко и рассматривал какие-то бумаги. Гости пили чай за небольшим столом у блиндажа. Уткнувшись головой в Варины колени, дремал Вася.

По окончании переклички Родионов подошел с рапортом к Борейко.

- На вечерней перекличке люди налицо оказались все, и за день никаких происшествий не случилось. Прикажете петь молитву?

- Подожди. Сейчас прочту приказ начальника сухопутной обороны генерала Кондратенко. - Борейко зашагал к солдатам. - Дай-ка сюда фонарь.

Заинтересованные Звонарев и Енджеевский последовали за ним. Варя не утерпела и, переложив голову мальчика на колени Лели, тоже подошла.

Прокашлявшись, поручик громким, протодьяконским голосом начал;

Приказ N 36 по войскам сухопутной обороны крепости Порт-Артур.

26 сентября 1904 года

Прошу всех господ офицеров разъяснить нижним чинам, что упорная оборона крепости, не щадя своей жизни, вызывается не только долгом присяги, но весьма важным значением Порт-Артура, как необходимого для России порта на Дальнем Востоке. Упорная оборона до последней капли крови, без всякой даже мысли о возможности сдачи в плен, вызывается - сверх того еще тем, что японцы, предпочитая сами смерть пленению, без всякого сомнения произведут в случае успеха общее истребление. Вследствие весьма важного значения - Порт-Артура не только государь, но и вся наша великая родина с напряженным вниманием следит за ходом обороны, весь мир заинтересован ею. Приложим же все наши силы и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие царя, матушки России и достойно поддержать славу русского оружия на Дальнем Востоке.

Приказ прочесть во всех ротах, батареях, сотнях и командах.

Подлинный подписал начальник сухопутной обороны Порт-Артура

Генерал-майор Кондратенко

- Все поняли? - спросил Борейко, закончив чтение.
- Так точно, поняли, - оборонять, значит, Порт-Артур, как самую Россию, - хором отозвались солдаты.
- На молитву! Шапки долой! Запевай, Белоногов, - распорядился Борейко.

За столом остались Варя и Звонарев. Девушка оперлась на стол и внимательно смотрела на прапорщика.

- Так зачем вы пошли в минеры? Хотите прослыть героем?
- Еще под Цзинджоу вы установили, что у меня заячья душа и, конечно, не замедлили об этом оповестить всех своих друзей и знакомых.
- Не дразните меня! Будете голодать, тогда обо мне вспомните, - И Варя вышла из-за стола. Звонарев, посмеиваясь, последовал за ней.

Невдалеке стояли, обнявшись, обе учительницы и Шура Назаренко с Васей.

Борейко усиленно размахивал руками, дирижируя импровизированным

хором.

- Прекрасно! - одобрил Стах, когда хор смолк. - Кто лучше - хор или регент, - сказать трудно.

- А как вы находите, Ольга Семеновна? - спросил поручик.

- Ничего. Но наши ребяташки в школе поют не хуже, - с напускным спокойствием ответила девушка.

- Вашбродь, пехоцкий капитан просят обстрелять цель номер шесть, - неожиданно вырос перед Борейко дежурный телефонист.

- К орудиям! - рявкнул поручик.

Артиллеристы со всех ног бросились к своим пушкам.

- Батарея, залпом! - скомандовал Борейко.

- Первый взвод готов!

- Второй готов!

- Пли!

Четыре огненных смерча осветили на короткое мгновение солдат, прижавшихся к брустверу, стоящих поодаль оглушенных учительниц и испуганно кинувшегося бежать от батареи Васю. Не успели пушки стать на место, как поручик вновь скомандовал, раздался залп, затем еще и еще.

- Пехоцкие благодарят и просят прекратить стрельбу, - доложил телефонист.

- Отбой! Пробанить орудия, а затем продолжим пение.

Солдаты бросились чистить ПУПКИ.

Учительницы стали прощаться.

- Спасибо вам, солдатики, за прекрасные песни, - обратилась к артиллеристам Оля. - Давно мы так хорошо не проводили время, как сегодня.

- Заходите еще к нам, барышня, - за всех ответил Родионов.

- Обязательно придем, до свидания, - проговорила Оля.

Не успел Звонарев проснуться, как в блиндаж вошел, поеживаясь от утренней свежести, инженер-подполковник Сергей Александрович Рашевский.

- Приношу свои извинения, Сергей Владимирович, что побеспокоил вас в столь раннюю пору, - чуть заметно картавя, проговорил он, поглаживая свою густую черную бороду, - пожалуйста, продолжайте лежать. Я заехал к вам на минутку, чтобы условиться о времени и месте встречи с вами.

- В любое время и в любом месте, господин подполковник, - ответил Звонарев.

- Для вас я - Сергей Александрович, с этого начнем. Вы человек штатский, и стеснять вас официальным титулованием не хочу. Роман Исидорович вчера очень обрадовал меня, сообщив о вашем назначении. Хотя мы раньше встречались не очень часто, но о вас у меня сложилось вполне определенное хорошее мнение как о человеке и инженере.

- Весьма благодарен за столь лестную для меня оценку и постараюсь ее по возможности оправдать.

- Я в этом не сомневаюсь. Теперь о деле. В одиннадцать часов дня я попрошу вас быть в штабе Восточного фронта обороны, у Скалистого кряжа. Там мы вместе с генералом Надеиным и комендантами фортвов обсудим план минных работ. Засим позвольте отклоняться. Еще раз прошу извинения за причиненное беспокойство. - И Рашевский, чуть согнувшись в двери, вышел из блиндажа.

Вскоре ввалился Борейко, дежуривший ночью на командирском наблюдательном пункте. Он продрог и теперь стремился поскорее согреться.

- Ива-а-а-ан! - крикнул он денщика.

По интонации голоса денщик решил, что поручику требуется водка. Наполнив ею до краев стакан и отрезав большой кусок черного хлеба, он явился на зов поручика.

Борейко потянул носом запах водки и отвернулся.

- Убери и больше никогда не приноси!

Иван оторопело посмотрел на офицера.

- Да как же это, Борис Дмитриевич, можно! - возмутился солдат. - Всю ночь на дворе мерзли и вдруг не желаете выкушать водки. Этак и простудиться недолго!

- Вон, сатана! - вдруг взревел поручик.

Денщик мгновенно исчез. Звонарев громко хохотал, лежа в постели.

- Здорово же тебя прикрутила Олечка! Видать, и впрямь - любовь не картошка, не выбросишь за окошко!

- Нишкни, Сергей! И без тебя на душе муторно, - взмолился Борейко.

- Выпей уж, Боря, в последний разок! Я не Блохин и ничего не скажу твоей мучительнице.

- Так это он ей сообщил? Иван, позови сейчас же Блохина! Я ему голову с плеч сорву! - грозился поручик.

Вошел Блохин.

- Ты что же... Подводить меня вздумал? Рассказал все обо мне учительнице?

- накинудся он на солдата.

- Так я же, Борис Дмитриевич, не знал, что вы к ней приверженность имеете.

- Я те пропишу такую приверженность, что до самой смерти не забудешь!

- вскипел офицер.

- И я, уж так и быть, выпью с тобой, Боря. Иван, принеси-ка водки! - вмешался Звонарев.

- Пошел вон, Иван, и если принесешь водку - пришибу на месте! - крикнул Борейко.

- Сходи-ка за ней ты, Блохин!

- Сей секунд, Сергей Владимирович!

- Назад, чертова Блоха! - рякнул поручик, но солдат уже выскочил из блиндажа.

Через минуту он осторожно вошел, с опаской поглядывая на поручик? Тот, сердито сопя, давился горячим чаем, закусывая черным хлебом.

- Хорошо пахнет водочкой, Боря. Не хочешь ли понюхать?

Борейко только прорычал что-то себе под нос.

- Выпьем, Блохин, за здоровье маленькой учительницы! - предложил Звонарев.

- За нее завсегда выпить можно, - осклабился солдат.

Чуть пригубив стакан, Звонарев отдал его Блохину.

- Покорнейше благодарю, - во весь голос заорал тот и, опрокинув водку в рот, поставил стакан на стол около Борейко.

Поручик в бешенстве сбросил его на пол.

- Марш отсюда, Блоха, иначе сгною под винтовкой!

Солдат мгновенно скрылся за дверью.

- Олечка - хорошенькая девушка, но зачем же стаканы бить, Боря? - ехидничал Звонарев.

- Ива-а-ан, водки! - крикнул вдруг поручик.

- Так-то, Боря, лучше!

Выпив подряд три стакана, Борейко лег и мгновенно заснул.

День выдался серый, туманный. Тяжелые тучи низко нависли над сопками.

Временами побрызгивал мелкий холодный дождь. С фронта глухо доносились отдельные ружейные выстрелы. Звонарев поморщился. Перспектива идти по такой погоде за три версты до штаба Надеина была не из приятных.

На батарее, кроме дневальных в накинутых на плечи брезентовых плащах, никого не было видно. Над блиндажами, в которых помещались солдаты, чуть вились дымки. Внизу около кухни Белоногов рубил дрова. Пара артельных лошадей со спутанными ногами медленно бродила поодаль, пощипывая скудную артурскую траву.

Вдруг слева, со стороны батареи Малого Орлиного Гнезда, один за другим четко прогремели четыре выстрела. Затем открыла огонь Заредутная батарея. Зататакал пулемет, оживилась ружейная перестрелка.

- Родионов! - громко позвал Звонарев.

Из крайнего правого блиндажа показалась рослая фигура фейерверкера.

- Я ухожу в штаб Восточного фронта, поручик спит после ночного дежурства.

Зря его не буди, - предупредил Звонарев и зашагал к штабу Надеина. Там он застал Рашевского, комендантов фортов: номер два - капитана

Двадцать пятого полка Рязанова, номер триштабс-капитана Булганова, укрепления номер три - поручика Фролова. Ожидали только прихода Кондратенко, чтобы открыть заседание.

В большом, прочно построенном блиндаже Надеина на стенах были развешаны карты восточного участка обороны и отдельные планы фортов номер два, номер три и укрепления номер три. На последних были нанесены и японские окопы.

Звонарев удивился, увидев, как они близко подошли к фортам номер два и номер три. Было очевидно, что развитие постепенной атаки крепости быстро шло вперед.

Появление начальника инженеров крепости полковника Григоренко оторвало прапорщика от созерцания планов и карт. Полковник сообщил, что Кондратенко прислал его вместо себя.

- Гошпода, прошу жанять мешта, - обратился Надеин к присутствующим и сел за стол.

Генерал был в своем допотопном сюртуке с двумя рядами близко поставленных медных пуговиц; его длинная белая борода придавала ему вид библейского святого.

Рядом с Надеиным поместились Григоренко и Рашевский, затем сел начальник штаба западного участка капитан Степанов, за ним, по чинам, заняли места прочие офицеры. Звонарев оказался в самом конце.

- Шеводня мы должны обшудить вопрош о мерах борьбы с японским продвижением при помощи шап, - прошамкал Надеин. - Шергей Алекшандрович, прошу.

Рашевский подошел к карте и в нескольких словах объяснил свой план.

- Японцы подошли к форту номер два настолько близко, что, конечно, в ближайшие дни начнут вести мину под контрэскарпную стенку форта. Бороться с этим мы можем лишь контрминами. К этой работе надо приступить немедленно. К сожалению, у нас очень мало обученных солдат-минеров.

- Разрешите мне сказать, ваше превосходительство? - попросил Звонарев.

Все обернулись в его сторону. Григоренко презрительно сощурился, глядя на прапорщика. Остальные офицеры смотрели скорее удивленно, чем враждебно. Один Рашевский приветливо улыбался, стараясь этим подбодрить смутившегося молодого человека.

- У нас на Залитерной есть солдаты, знакомые с рудничными работами. Они сами просятся в минеры. Имеются, верно, такие же знатоки и в других частях.

Надо только вызвать желающих заняться этим делом.

- Командиры запротестуют. Эти солдаты нужны всем, так как они обычно прекрасно роют окопы, строят блиндажи и вообще отличаются сообразительностью и инициативой, - возразил Булганов. Но Рашевский поддержал Звонарева:

- Прекрасное предложение! Убежден, что генерал Кондратенко с ним согласится.

- Кроме того, у нас почти нет шанцевого инструмента, - проговорил Рязанов.

- Это я возьму на себя, - ответил Григоренко. - Опасаюсь только, что вызванные охотники из бывших шахтеров далеко не всегда окажутся хорошими минерами, как предполагает прапорщик. Да и роль его самого на нашем совещании мне непонятна: артиллерист по роду службы, технолог по образованию - он едва ли что-нибудь смыслит в минной войне...

- Сергей Владимирович зарекомендовал себя при постройке фортов и батарей и лично известен генералу Кондратенко, - пояснил Рашевский.

- Раз он протезе самого начальника сухопутной обороны, то я, конечно, не смею возражать против мудрых предначертаний его превосходительства, - иронически отозвался Григоренко, опять презрительно прищуриваясь на Звонарева.

Обсудили еще некоторые детали. Генерал закрыл собрание.

- Мы с вами, Сергей Владимирович, и капитаном Рязановым направимся отсюда на форт номер два, - предупредил Рашевский. - На Григоренко вы не обращайте внимания. У него прескверный характер. В любое время он

готов наговорить неприятностей младшим офицерам.

Выйдя из блиндажа, Звонарев неожиданно увидел одноногого солдата в фуражке с красным околышем и с набором крестов и медалей на груди. Он узнал в нем машиниста, вместе с которым вел последний состав из Нангалина в Артур.

- Здравствуй, дедушка, - приветствовал его прапорщик.

- Здравия желаю вашему благородию, - сурово ответил старик, видимо, не узнавая его.

- Забыл, как вместе на паровозе из Нангалина ехали четырнадцатого мая?

- А и вправду вы! - обрадовался старик. - Запомнил было совсем вас, да вы будто и старше с лица стали.

- Что делаешь здесь? - справился прапорщик.

- Состою при их превосходительстве Митрофане Александровиче господине генерале Надеине, - важно ответил солдат. - Мы вместе с ним были в Севастополе, на четвертом бастионе. В те поры они были еще штыкюнкером, затем прапорщиком, а теперь, вишь, до полного генерала дослужились.

- А ты что в чинах отстаешь?

- Даже вроде назад иду. Был о двух ногах, а остался при одной, другую в крушении потерял.

Вскоре Рашевский, Рязанов и Звонарев уже шагали по дороге к форту номер два. День постепенно прояснялся, тучи поредели и поднялись вверх, выглянуло солнце, смоченные туманом и дождем придорожные кустарники блестели.

Перестрелка оживилась. Со стороны гавани раздались громовые раскаты двенадцатидюймовых морских орудий броненосцев.

- Стрельба разгорается, - заметил Звонарев. - Хорошо еще, что не все японские снаряды рвутся. Мы их собираем и отправляем в арсенал, там их перезаряжают и вновь стреляют, благо у японских орудий обратная нарезка.

Перевалив через скалистый кряж, офицеры оказались перед Китайской

стенкой. Японцы тотчас же заметили их по светло-серым шинелям, блестящим пуговицам и погонам. В воздухе запели ружейные пули. Прапорщик невольно ускорил свои шаги. Рашевский продолжал неторопливо объяснять Рязанову план минных работ. Капитан тоже не выказывал признаков волнения. Звонарев устыдился своей нервности и задержался, поджидая их.

- Здесь останавливаться не следует, Сергей Владимирович. Вы служите прекрасной мишенью для противника, - обратился к нему Рашевский. - Пойдемте, господа, поскорее, не стоит искушать свою судьбу.

И все трое поспешили укрыться за бруствером Китайской стенки. Она достигала вместе с наложенными наверху мешками полуторасаженной высоты и вполне прикрывала от взоров и пуль. Вдоль стенки глубоко в земле были устроены блиндажи для стрелков. Несколько обложенных досками ступенек вели в их узенькие двери.

Скоро офицеры добрались до форта номер два. В плане он представлял собой неправильный пятиугольник, расположенный на выдвинутой вперед возвышенности.

Передний фас его выходил на северо-восток, боковые - на восток и север, а два тыловые, так называемые горжевые фасы, или просто горжа, были обращены к Китайской стенке. Форт со всех сторон был окружен высеченными прямо в скалистом грунте рвами глубиной до трех саженей. Рвы эти простреливались из расположенного тут же бетонного капонира. От последнего вдоль наружной стенки рва шла контрэскарпная галерея, которая при помощи подземного бетонного хода-погерны соединялась с задней частью форта и с двухэтажной бетонной казармой. Здесь и помещался гарнизон крепости - две роты стрелков.

Для того чтобы попасть на форт, необходимо было перейти через деревянный мост, расположенный на полторы сажени ниже, во рву. К мосту была проложена стремянка.

- Прошу здесь долго не задерживаться. Сход на мост обстреливается пулеметным и ружейным огнем с редута номер один, - предупредил Рязанов своих спутников.

Как бы в подтверждение его слов, неожиданно в воздухе засвистели пули.

Офицеры отскочили назад, выжидая конца стрельбы.

- Заметили. Теперь будут следить, и без риска на мост не попадешь, - нахмурился Рашевский.

- Оп-ля! - крикнул весело Звонарев и с размаху прыгнул, минуя стремянку, на мост. Несколько пуль свистнули рядом.

- Целы? - крикнул сверху Рашевский.

- Вполне.

- Мы за вами, к сожалению, последовать не можем, нам не по возрасту такие прыжки, - заметил Рашевский.

- Сходите, прапорщик, в казарму и прикажите выслать сюда человек пять с переносными железными щитами - ими прикроемся и пройдем, - решил Рязанов.

Звонарев перешел через мост, вошел в сводчатые ворота казармы и первому встречному стрелку передал распоряжение капитана.

Через несколько минут солдаты с большими щитами в руках вышли на мост и стали на стремянке.

Заметив этот маневр, японцы открыли учащенный огонь. Пули звонко зацелкали по железу. Рашевский и Рязанов быстро спустились вниз, все обошлось благополучно.

- Сегодня же ночью устройте скрытый подход к мосту и прикройте его мешками, - приказал Рашевский.

Офицеры направились к тыловому капониру. В амбразуры его выглядывали тонкие дула скорострельных малокалиберных морских пушек, предназначенных для фланкирования заднего рва.

Через ворота они вошли в казарму. Вдоль стены были расположены двухъярусные нары. В помещении было накурено, душно. Дежурный, громко скомандовав "смирно", подлетел с рапортом.

- Не надо, - остановил его подполковник.

Миновав казарму, спустились вниз в потерну. Здесь было сыро и темно.

Впереди чуть светилась небольшая керосиновая лампочка, тускло

освещающая идущие вниз ступеньки.

- Да тут шею сломишь, - заметил Звонарев. - Надо устроить покатый ровный спуск без ступенек, затем усилить освещение.

- Много надо сделать, Сергей Владимирович, да нет на это ни времени, ни материалов, - возразил Рашевский.

- Готов взять на себя планирование спуска и устройство на форту электрического освещения. Кстати, установим и прожектор, - предложил Звонарев. - Электрические провода достанем у моряков.

Миновав затем длинную, узкую контрэскарпную галерею, слабо освещаемую лишь через узкие стрелковые бойницы, офицеры наконец попали в капонир.

При входе офицеров стрелки вскочили на ноги.

Поздоровавшись, Рашевский направился к тому месту, где в бетонной стенке были сделаны ниши, из которых намечалось выведение минных галерей в сторону противника.

- Пробьем стену и поведем галерею прямо вперед по направлению к японцам.

Работать будем укороченными лопатами и кирками, а скальные работы придется вести при помощи молотов и долот, - подробно объяснял подполковник Звонареву.

Рашевский с прапорщиком пошли назад. Перед уходом Звонарев решил осмотреть внутренний дворик форта, окруженный двухсаженными валами. В углах имелись площадки для противоштурмовых орудий, обычно укрытых в блиндажах под брустверами. Скалистое дно дворика было лишь спланировано землей, с тыловой стороны он прикрывался невысоким земляным барбетом, являющимся запасной тыловой позицией внутри форта. На брустверах стояло несколько часовых, у пушек сидели артиллеристы.

Прапорщик прошел к площадке для противоштурмовых орудий и осторожно выглянул наружу. Прямо за рвами форта, у самых проволочных заграждений, виднелись линии японских траншей. От них в тыл зигзагами шли ходы сообщений.

Вправо, за батареей литеры Б, синело море, влево, внизу, вилось приспособленное к обороне полотно железной дороги. Над ней навис тяжелый массив, увенчанный фортом номер три.

- Вы бы, вашбродь, сховались, - обратился к Звонареву один из часовых.

- Не ровен час, японец подстрелит.

В подтверждение этих слов мелкий снарядик с шуршанием, похожим на шелест воробьиных крыльев, упал во двореке и негромко разорвался.

Прапорщик вернулся в каземат Рязанова. Здесь он нашел Рашевского, за стаканом чая беседующего с капитаном и двумя молодыми офицерами.

- Знакомьтесь, Сергей Владимирович, ваши будущие соратники по минной войне - прапорщик Берг и поручик Дебогорий-Мокриевич.

Берг, румяный, рыжеватый блондин из немцев, приветливо встал навстречу.

Поручик, чуть кивнув своей волосатой головой, ограничился пожатием руки. Он сразу не понравился Звонареву манерой держаться, скрипучим монотонным голосом и неприятно шепелявой, речью. Договорились, что через день артиллеристы с Звонаревым примут участие в рытье минных галерей.

- В таком случае завтра я нанесу визит морякам в порт. Постараюсь повидать самого адмирала Григоровича и с помощью Белого и Кондратенко раздобыть паровой котел, машину, динамо и нужную электрическую аппаратуру, - решил Звонарев, поднимаясь с Рашевским из-за стола.

Они благополучно миновали мост и направились вдоль Китайской стенки по направлению к батарее литеры Б.

Пройдя с версту, офицеры оказались на Куропаткинском люнете - батарее шестидюймовых полевых мортир. Пушки стояли совершенно открыто за невысоким бруствером.

- Так ставить мортирную батарею просто преступление! - возмутился Звонарев. - Отчего бы ее не отнести саженой на двадцать в тыл, врыть орудия глубоко в землю и полностью использовать крутизну мортирной траектории?

- Не собираетесь ли вы перетащить и эту батарею, как Саперную? - улыбнулся Рашевский.

- Готов немедленно заняться этим, - пылко ответил прапорщик.

- Жаль, что вы так поздно появились в Артуре. Год тому назад здесь еще ничего не было построено. Тогда ваши фортификационные таланты развернулись бы полностью, - шутил Рашевский, - но переделывать надо чуть ли не всю крепость, что сейчас, конечно, невозможно.

За Куропаткинским люнетом они распрощались.

На следующее утро, под проливным дождем, прапорщик через весь Артур шагал в Управление артиллерии. Пелена дождя закрывала город и гавань от взоров японцев и мешала обстрелу. Каскады воды, низвергаясь с окружающих город сопok, неслись к гавани, заливая тротуары и мостовую. Спасаясь от дождя, Звонарев завернул в Сводный госпиталь. Подойдя к длинному одноэтажному зданию, он спросил в вестибюле о Варя. Ждать пришлось довольно долго.

Наконец Варя появилась. Она была сильно утомлена и без стеснения все время зевала.

- Я не спала две ночи, - объяснила она, - к нам перевели много тяжелораненых из других госпиталей; непрерывно идут операции и перевязки.

Раздам лекарства и уйду. Подождите меня.

Через четверть часа они вместе вышли из госпиталя.

- Зайдем по пути в Мариинскую больницу проведать Сахарова, - предложила Варя. - Он будет очень рад. Миновав площадь, они подошли к большому двухэтажному зданию готической архитектуры, на главном фронте которого красовался большой красный крест. Варя провела Звонарева до просторной светлой палаты на четырех человек. В одном из больных прапорщик узнал Сахарова. Капитан сильно осунулся, пожелтел, лицо заросло густой щетиной полуседых волос. Глубоко ввалившиеся темные глаза лихорадочно горели.

- Весьма рад видеть, - оживился Сахаров. - Не подаю руки, чтобы не передать заразы. Как мило с вашей стороны навестить болящего старика.

- Вы получаете диетическое питание? - сразу приняла докторский тон Варя.

- При лечении брюшного тифа главное-строгое соблюдение диеты. Это необходимо для поддержания сил.

- Пока что у меня есть все, за исключением хорошего сердца. Оно изнашивается раньше времени...

Варя взяла скорбный лист, просмотрела температурную кривую, ознакомилась с назначением. Сахаров пылливо следил за выражением ее лица.

- Насколько я понимаю, все идет вполне нормально, даже сердечные лекарства назначаются вам в умеренных дозах, - значит, особой надобности в них нет, - проговорила девушка, заметив взгляд капитана. Лицо больного просветлело.

- Мне тоже говорили, что тиф в самой легкой форме, авось и мое сердце выдержит.

- Ни минуты в этом не сомневаюсь. Я принесла вам кизилового варенья.

- Не знаю, как и благодарить вас за ваше внимание ко мне, - растроганно ответил больной. - Что нового на фронте?

Звонарев сообщил о положении на фронтах, о планах обороны.

- Электропровод есть у моряков в порту. Я недавно сам им продал. Сейчас черкну Григоровичу записку. По старому знакомству он должен помочь моему другу.

На прощанье Звонарев пожал сухую и горячую руку капитана, а Варя обещала навещать его ежедневно.

- Не знаю, чем и как смогу отблагодарить вас обоих по выздоровлении! Во всяком случае - свадебный подарок за мной, - обещал Сахаров.

- Ой, что вы, мы об этом и не думаем, - за себя и прапорщика ответила девушка.

- Если сейчас не думаете, то скоро додумаетесь. Со стороны-то виднее. Я прошу вас, милая Варя, - позвольте мне так называть вас, - зайдите в мою контору, тут напротив, около мельницы, и передайте эту записку господину Шубину. Он у меня является главным доверенным лицом во

время моей болезни, - попросил капитан.

- С большим удовольствием, немедленно побываю там, - ответила девушка.

- Врачи говорят, что Сахаров совсем плох, у него никуда не годное сердце, - шепнула она Звонареву, когда они вышли из палаты. - Интересно, что он написал. - И она развернула записку.

На ее лице выразилось полное разочарование. На бумаге было нарисовано несколько иероглифов.

- Надо попросить кого-нибудь ее прочитать, - сказала она.

- Этого еще не хватало! - И, отобрав записку, Звонарев спрятал ее.

Шубин оказался пожилым человеком с круглыми черепаховыми очками на носу.

Он рассыпался в любезностях и сообщил, что все распоряжения Сахарова будут немедленно исполнены.

- А о чем он пишет? Я все хотела понять, что эти значки обозначают, и не могла! - улыбнулась Варя.

- Господин Сахаров хотел сохранить в секрете свои намерения, и он воспользовался китайской письменностью, тем более что кое-что касается непосредственно вас.

- Что именно, скажите, пожалуйста! Василий Васильевич никогда не узнает об этом, - попросила Варя.

- Дело очень щекотливое, и я не имею права ничего сообщить вам при всем моем горячем желании исполнить вашу просьбу, - отказался Шубин.

День прояснился, и японцы начали обычный обстрел города и порта. Снаряды падали у подножья Золотой горы. Батареи Тигровки и броненосцы открыли ответный огонь. Грохот временами доходил до того, что разговаривать на улице было трудно.

- Не придется мне сегодня идти домой, - вздохнула Варя. - Золотая гора своей пальбой так и не даст заснуть целый день. Проводите меня в Пушкинскую школу. Там, забравшись в подвал, я сумею отдохнуть.

У Пушкинской школы они расстались. Звонарев обещал на обратном пути на Залитерную зайти к Варе и направился к Григоровичу.

Командира порта он застал дома и изложил ему свою просьбу от имени Кондратенко.

- Удивительное дело! Вы, сухопутные, все время на чем свет стоит ругаете нас, моряков, и в то же время за всем обращаетесь к нам! Нет у меня электрических проводов. Так и передайте генералу, - стукнул ладонью по столу адмирал.

Звонарев вспомнил о записке Сахарова и передал ее Григоровичу.

- Как здоровье милейшего Василия Васильевича? Не повезло ему, бедняге.

Обязательно побываю у него в больнице, - сразу переменял тон адмирал. Прапорщик подробно сообщил ему все, что знал.

- Жаль, жаль! Такой хороший человек и вдруг может умереть от тифа...

Сколько же и чего вам нужно? Только из уважения к просьбе Василия Васильевича в последний раз иду вам навстречу.

Звонарев протянул ему заранее приготовленный список требуемого имущества.

Григорович, не просматривая его, положил резолюцию об отпуске. Обрадованный таким исходом дела, прапорщик поспешил откланяться.

В этом районе на берегу моря было тихо, и Звонарев отдыхал от обычного грохота и шума передовых позиций. Электрический Утес, бывший в начале войны самой боевой батареей Артура, теперь обратился в спокойную тыловую позицию, и только задранные вверх дула орудий, повернутых в сторону сухопутного фронта, напоминали о войне.

Батарея была загружена выздоравливающими солдатами самых различных полков. Тут же мелькали черные бушлаты матросов с броненосца "Пересвет", обслуживающих пушки.

В офицерском флигеле Звонарев застал нового командира Электрического Утеса, капитана Николая Николаевича Андреева. Высокого роста, широкоплечий, с расчесанной надвое скобелевской бородой, он имел бы представительный вид, если бы не беспрерывно трясущиеся после контузии голова и руки. Тут же находился командовавший матросами лейтенант Любимов, коренастый шатен,

младший врач крепостной артиллерии Зорин и Варина сестра - Катя. Звонарев застал их всех за столом. Хозяйничала Катя.

Отказавшись от обеда, Звонарев вместе с Катей отправился на розыски своих чемоданов. Он не сразу узнал свою бывшую комнату. Заново оклеенная новыми обоями, чистенькая, аккуратно прибранная, она превратилась в очаровательную девичью светелку. Катя осматривала белье.

- Я сейчас заштопаю, - взялась она за иголку.

Звонарев начал смущенно ее благодарить и отказываться.

- Пустяки! Я думаю, Варя давно отучила вас от условностей, называемых приличиями. Она и раньше не очень-то соблюдала их, а теперь и вовсе ни с чем не считается. Давно вы ее видели?

Прапорщик рассказал об утренней встрече.

- До вас ей никто не нравился, а вы сразу покорили ее суровое сердце. Сейчас, кроме вас и хирургии, она ничем не интересуется. Не знаю, отвечаете ли вы ей взаимностью, если нет - то придется пожалеть мою взбалмошную, но все же очень милую сестрицу.

- Мы с Варей большие друзья...

Катя внимательно посмотрела на него и чуть заметно улыбнулась.

Выйдя на крыльцо, Звонарев увидел перед казармой странное зрелище. Человек двадцать раненых и перевязанных солдат стояли под винтовками. Один держал костыль под правой рукой, а на левом плече у него лежало ружье, у другого винтовка была на правом плече, так как левая рука была на перевязи, у третьего была забинтована вся голова, и он ее наклонял набок, чтобы не задеть за винтовку. У крайнего были перевязаны обе руки, и все же винтовка каким-то образом держалась на плече. Перед наказанными расхаживал Чиж и, площадно ругаясь, тыкал солдат кулаками то в живот, то в лицо.

- Я вас приведу в христианский вид! Не поможет винтовка - испробуете розг, а там - на фронт, коль ноги носят! Фельдфебель, кто у тебя еще значится провинившимся? - обернулся он к подбежавшему к нему рысцой Назаренко.

Вытащив из-за обшлага бумагу, фельдфебель зачитал несколько фамилий.

- Всем по десять часов, а эту сволочь завтра через одного перепороть, - распорядился Чиж, отходя от солдат.

Поодаль группа матросов угрюмо следила за происходившим. К Звонареву подошел Любимов и, взяв его под руку, отвел в сторону.

- Чиж, по-моему, сумасшедший маньяк, садист, ненавидящий солдат. Добром это не кончится. В один прекрасный день не эти калеки, так мои матросы его прикончат.

- Не думаю, чтобы это многих печалило.

- Это верно, но ведь пойдет суд, расстрелы, что может вызвать новый бунт, в котором и мы с вами можем пострадать.

Прапорщик пообещал обо всем этом довести до сведения артиллерийского начальства. В это время к нему подошла старая фельдфебельша, мать Шуры, и низко поклонилась.

- До вашей милости, Сергей Владимирович, - проговорила она.

- Здравствуйте, Саввична, как живете?

- Бог грехи терпит, носит еще земля. Хотела я спросить вас о дочке своей:

что она - жива, цела? Умом клянусь ее, а сердце все же тоскует. Одно ведь дите у меня на свете...

- Жива и здорова, вчера была на Залитерной.

- И не одумается, не бросит его, окаянного!.. Сбил с пути глупую девку, опозорил, а потом бросит. Кому она такая будет нужна? Другой раз думаю, уж лучше бы убило ее... - вздохнула Саввична. - Коль увидите, передайте ей мое родительское благословение.

Простившись с Саввичной, Звонарев зашагал по береговой дороге в Артиллерийский городок. В Управлении он застал Тахателова. Узнав о возможности получить в порту электропровод, Тахателов пришел в восхищение.

- Хитер, как муха, наш прапорщик! Кого хочешь на кривой объедет! Недаром Варю вокруг пальца обвел, - смеялся полковник.

- Эка невидаль, глупой девчонке вскружить голову! - бросил Белый. - Провод достать куда труднее! Загляните, пожалуйста, ко мне, жена вас хотела видеть, - переменил он тон.

Мария Фоминична встретила Звонарева вопросом, где Варя и почему она давно не была дома. Прапорщик поспешил успокоить ее, рассказав и о Варе и о Кате.

- За Катю я никогда не беспокоюсь, она глупостей не наделает, а вот что взбредет в голову Варваре - этого никто предвидеть не может. Вас-то она кормит?

Звонарев поблагодарил.

- Пока есть чем, будем вас питать, как можем. Муж считает вас одним из самых нужных офицеров в артиллерии. Увидите Варю, передайте, чтобы она завтра обязательно пришла домой; поди вся грязная! Да и мальчонку с собой пусть приводит.

Звонарев вышел. Вечерело. Стрельба по городу прекратилась, и прапорщик быстро дошел до штаба Кондратенко.

Там он застал подполковника Рашевского, Науменко и Бутусова. Они благодумствовали за чаем. Прапорщику тотчас предложили чай с лимоном, который уже был большой редкостью в Артуре. Звонарев доложил Рашевскому о достигнутых успехах.

- Великий вы мастер говорить с начальством. На что Григорович крепок, как камень, и того сумели уговорить, - заметил Рашевский.

Звонарев рассказал о магическом действии записки Сахарова. Все трое присутствующих громко расхохотались.

- Ворон ворону глаз не выклюет, рука руку моет, - в один голос проговорили Науменко и Бутусов.

- Умение со всеми ладить - драгоценнейшее свойство человеческого характера, - заметил Науменко.

- Сам Роман Исидорович является образцом такого человека. Даже с нашими артурскими генералами, враждующими друг с другом, он один со всеми сохраняет дружеские отношения.

- Самое главное - он завоевал горячие симпатии Веры Алексеевны, не

раболепствуя перед ней и сохраняя чувство собственного достоинства, - произнес Бутусов. - Я когда-то служил вместе со Стесселем в Ростовском гренадерском полку. Я был прапором, а он поручиком. Он и тогда не блистал умом, хотя и был прекрасным строевиком, танцором, весельчаком и выпить был не дурак. Там же в полку служил и отец Веры Алексеевны, капитан Иевлев. К пятидесяти годам он едва добрался до капитана, зато обзавелся шестью дочерьми. Одной из них и была Вера Алексеевна.

- Чем же ее прельстил Стессель? - поинтересовался Науменко.

- Не век же ей было сидеть у отца на шее. Девка она была умная, энергичная. Быстро раскусила своего будущего супруга и решила сделать ему карьеру. Заставила держать экзамен в Академию генерального штаба, но он три раза ездил и три раза провалился. Тогда по совету Куропаткина, друга детства Стесселя, он перевелся на Дальний Восток. Служить здесь было спокойнее и легче было выдвинуться. Так с помощью жены Стессель сделал карьеру, получил крест и чин генерала.

- А помните, как в тысяча девятьсот третьем году здесь побывал Куропаткин проездом из Японии? Принимали его с треском и помпой! - проговорил Рашевский. - Тогда на маневрах Фок брал Артур, а Стессель защищал. Фока признали побежденным, а Стессель за особое отличие по службе получил генерал-лейтенанта. И тут, конечно, не обошлось без Веры Алексеевны.

- Хорошо жить за спиной такой жены, - улыбнулся Науменко.

- Сам Стессель временами держится другого мнения. Не раз пытался удрать от нее, но она крепко держала его на привязи, - улыбнулся Бутусов.

- Как ни странно, а несомненно судьба Артура в какой-то степени зависит от капризов пусть не глупой, но все же женщины, совершенно не разбирающейся в военном деле, - задумчиво бросил Рашевский.

- Пока ее продовольственные запасы не иссякнут, она не будет настаивать на немедленной капитуляции. Сейчас она загребает большие деньги, продавая свою живность по умопомрачительным ценам, -

отозвался Бутусов.

- Мы должны быть готовыми ко всяким случайностям. Никто не знает, о чем думает и о чем не думает госпожа Стессель, - иронически заметил Рашевский.

- Одна надежда на Романа Исидоровича. Он сумеет в нужную минуту повлиять на Стесселя и его жену, - отозвался Науменко.

Денщик пригласил всех на другую половину дома к Кондратенко.

Отдохнувший генерал приветливо поздоровался с ними и выслушал доклад Рашевского. Одобрив намеченные мероприятия по сооружению минных галерей и сделав несколько замечаний, Кондратенко перешел на артурские темы.

- Сегодня видел Анатолия Михайловича. Он клятвенно уверял меня, что в течение октября Куропаткин обязательно перейдет в наступление и к ноябрю, самое позднее к началу декабря, Артур будет освобожден. Эскадра Рожественского уже вышла из Либавы и, следовательно, в январе - феврале будет здесь. Тогда превосходство на море будет на нашей стороне, и к лету будущего года война закончится, - сообщил генерал.

- Значит, надо ждать очередного японского штурма, - резюмировал Науменко.

- Это почему? - удивился Кондратенко.

- Во-первых, если правда, что Куропаткин действительно будет наступать, то вполне естественно, что японцы приложат все силы, чтобы возможно скорее освободить свою осадную армию, взяв Артур, и, во-вторых, подобные известия исходят из штаба района каждый раз, когда получают сведения об увеличении осадной армии.

- Пожалуй, вы правы, Евгений Николаевич, - отозвался Рашевский. - В куропаткинскую победу я не верю. После Тюренчена, Вафангоу и Ляояна трудно рассчитывать на быстрый успех. К весне, быть может, и удастся Маньчжурской армии перейти в наступление, но едва ли Артур доживет до того времени.

- Вы, Сергей Александрович, чрезмерный пессимист! Наступление

Куропаткина тотчас же заставит японцев" оттянуть часть своих сил от Артура, что сделает невозможными новые штурмы, а без них мы сможем протянуть до весны. В этом-то и заключается взаимодействие полевой армии и крепости, - пояснил Кондратенко.

- Дотянем до весны, если только Вера Алексеевна не сдрейфит и не капитулирует, - шутливо заметил Науменко.

- В Артуре преувеличивают влияние мадам Стессель на мужа. Дальше распределения наград она не идет, - запротестовал генерал.

- Сильно ошибаетесь, Роман Исидорович, недавно я узнал от самого Рейса, что Вера Алексеевна заступалась за вас перед мужем, когда вы в июле самовольно уехали на передовые позиции на Зеленых горах, - ответил Науменко.

- Все это сплетни, которые я не хочу даже слушать! - рассердился Кондратенко и встал.

Офицеры поспешили откланяться. Звонарев направился к Пушкинской школе.

Уже совсем стемнело, лучи японских прожекторов скользили по вершинам гор. На улицах началось обычное ночное движение по направлению к фортам и обратно.

Выспавшаяся за день Варя с распущенными волосами расхаживала по небольшой гостиной. В углу, в качалке, с рукоделием в руках сидела Мария Петровна, на диване примостилась Леля, за роялем наигрывала что-то Оля.

- Вы мне прожужжали уши, твердя о женском равноправии, - кипятилась Варя, - почему же я должна ждать, пока мне сделают предложение, а не могу сама предложить жениться на мне?

- Это будет нескромно с твоей стороны, - возразила Мария Петровна. - Как ты будешь чувствовать себя, если получишь отказ? Скажут, что ты вешалась на шею и была отвергнута?

- И что же из того? Раз мужчинам не стыдно получать отказы, то, значит, и мне этого нечего стыдиться, - не уступала Варя.

- Одним словом, ты собираешься объясниться в любви Сереже

Звонареву? - заметила Оля.

- Я ему на шею не вешаюсь, как ты Борейко.

- Что за вульгарный тон у тебя, Варя! Я просто люблю этого большого младенца и не скрываю этого от него. Быть может, со временем мы и поженимся, а может, и разойдемся, - задумчиво ответила маленькая учительница.

Стук в наружную дверь прервал разговор. Варя поспешила скрыться в другую комнату. Вошел Борейко со свертком.

- Привет честной компании! Разжился ослиатиной и занес вам, - положил он сверток на стол.

- И совершенно напрасно. Вам самому надо питаться, - возразила Мария Петровна.

- Мы на позициях изредка постреляем, а вы тут в тылу работаете не покладая рук, вам поэтому и есть надо больше, - уверял поручик. - Не был у вас сегодня Звонарев?

- Варя, где твой Сережа? - крикнула Леля в соседнюю комнату.

- Мой он не больше, чем твой, - появилась Варя, заплетая на ходу косу, - обещал вечером зайти из штаба. А вы почему, господин Медведь, удрали с батареи?

- Там остался Жуковский, а меня отпустил в город.

- Какие новости, Борис Дмитриевич? - справилась Мария Петровна.

- Простите, я еще не успел их придумать, - с невозмутимым видом отозвался поручик.

- Вот и Сережа, легок на помине, - вскочила с места Леля и пошла открывать дверь Звонареву.

Борейко поместился около Оли у рояля. Она открыла ноты с романсами и стала наигрывать одной рукой.

- Спойте что-нибудь дуэтом, - попросила Мария Петровна. - После целого дня тяжелой работы в госпитале приятно послушать пение.

Когда прапорщик со всеми поздоровался и уселся на диване между Варей и Лелей, Оля взяла несколько аккордов и запела:

Не искушай меня без нужды...

- Не искушай... - подхватил поручик, и голоса их красиво сплелись.

Звонарев внимательно слушал. Свет лампы, стоящей на рояле, падал на разгоревшееся, радостное лицо Оли. Уголком глаза Оля косилась на своего партнера и улыбалась ему. Борейко не сводил с девушки восхищенных глаз. Было видно, что они поют друг для друга и ничего не замечают вокруг себя.

За первым романсом последовал второй. Все, за исключением Вари, громко аплодировали певцам.

- Ну, хватит! - наконец решила Оля и, захлопнув крышку, встала из-за рояля. - Пусть теперь сыграет или споет кто-нибудь другой, например Варя.

Сев за рояль, Варя заиграла, напевая вполголоса:

Иль мне правду сказали,

Что будто моя лебединая песня пропета...

- Чушь-то какая невероятная! - остановилась она. - И есть же дураки и дуры, которым это нравится! То ли дело Кармен. - И девушка бойко заиграла хабанеру. Пальцы ее сразу приобрели быстроту и четкость, лицо разгорелось, глаза заблестели.

Меня не любишь, но люблю я, Так берегись любви моей!

- Слушай, Сережа, и наматывай себе на ус, - не преминул заметить поручик.

- Я и так уж забрался на второй форт, спасая свою жизнь...

Варя свирепо поглядела на прапорщика и вдруг заиграла "Варшавянку".

Мария Петровна тревожно посмотрела на окно и поплотнее захлопнула ставни.

- Нам пора и до дому, Сережа, - поднялся Борейко.

- Сейчас подадим чай, а до тех пор вас не отпустим, - встала с места Оля и вышла из комнаты. За ней последовала Варя.

Выпив по стакану чая, офицеры стали одеваться.

В это время раздался стук в дверь, и звонкий детский голос прокричал:

- Тетя Варя у вас?

- Вася прислан за мной из госпиталя, - догадалась Варя, открывая дверь.

- Дохтур главный Протопопов просит вас приютить. Сейчас принесли двух тяжелых, а хирургической сестрицы нет, - одним духом выпалил запыхавшийся мальчик.

- Ладно уж, приду, - вздохнула девушка. - Ты ел? Садись пить чай.

Мария Петровна взяла мальчика под свое покровительство, надела огромный кусок хлеба, намазанным вареньем, и налила чаю. Через пять минут Варя, Борейко и Звонарев уже шагали по темным улицам, ежеминутно спотыкаясь по дороге. В конце концов офицеры подхватили девушку под руки и довели ее до госпиталя. Вася торопливо шагал за ними.

- Итак, до скорого свидания, - пожала руки своим спутникам девушка. - За вашу сегодняшнюю любезность прощаю вам, Медведище, многие передо мной прегрешения!

Прапорщик проснулся. Рядом на складной кровати храпел неопрятный и трусоватый Рязанов. От него шел густой запах давно не мытого человеческого тела и водочного перегара. У окна посапывали Дебогорий-Мокрневич и младший офицер стрелковой роты, глуповатый и пошловатый Карамышев. На столе чадила сильно прикрученная керосиновая лампа. Было темно и холодно. Снаружи изредка доносились глухие звуки не то артиллерийской стрельбы, не то взрывов ручных бомб.

Прапорщик, спавший одетым, встал и поднял фитиль лампы. Его слегка лихорадило. За девять месяцев войны он привык к опасностям и почти не думал о них. Ему вспомнилось, как вначале, еще на Электрическом Утесе, при каждом появлении на море японской эскадры страх закрадывался в его душу, сковывая движения и путая мысли. Постепенно он научился владеть собою. Сегодня впервые им овладел безотчетный, неопределенный страх. Звонарев попытался стряхнуть с себя это гнетущее чувство и не смог.

"Предчувствие? - подумал он, и тотчас же его трезвый ум запротестовал. - Устал, сдают нервы", - решил он, но, достав из-под подушки листок бумаги,

неожиданно для себя написал письмо Варе.

"Милая Варенька, плохо себя чувствую. Что-то давит душу. Думаю - убьют меня скоро. Если это случится - не горюйте. Вы в Артуре самый близкий мне человек, поэтому я к вам и обращаюсь в минуту душевной слабости. Не плачьте, если это вообще разрешается амазонкам и валькириям. Ваш С. Пожалуй, можно ограничиться и одной первой буквой. Как вы думаете, госпожа Брунегильда?"

Заклеив письмо в конверт и написав адрес, прапорщик сунул его в папку, где хранились его расчеты и чертежи, и задумался. На столе лежали неоконченные проекты минных галерей. Надо было работать.

Со времени пребывания на форту внешний мир Звонарева страшно сузился, ограничиваясь подземными работами и событиями вокруг. Форт стал ему казаться уединенным от всего мира островом, окруженным вражеской стихией - японцами.

Все интересы, разговоры, мысли, действия исчерпывались тем, что делают или собираются делать японцы и как этому противодействовать. Артур, Электрический Утес, даже Залитерная стали чемто далеким и неощутимым. О Бореико, Варе, учительницах прапорщик вспоминал как о людях, находившихся за тысячу верст от форта номер два. Их заботы, треволения перестали его интересовать, поскольку они не были связаны с происходившим здесь, на окруженном с трех сторон и сильно пострадавшем передовом укреплении осажденной крепости.

Прапорщик старательно вычерчивал карандашом наличные минные галереи и намечаемое в дальнейшем их развитие. От этого занятия его оторвал хриплый голос Дебогория-Мокриевича, спрашивавшего, который час.

- Пять часов двадцать минут утра, - ответил Звонарев, взглянув на часы.

- Сейчас японцы будут сменяться, надо пойти послушать, что у них делается.

- Не мешает, - отозвался саперный поручик и, повернувшись на другой бок, опять захрапел.

Звонарев отложил чертежи, потянулся, сложил свои бумаги и вышел из

каземата. Сразу же его охватила ночная сырость, и он поспешил войти в казарму. Едва он отворил дверь, как ему в нос ударил тяжелый, спертый воздух. Сказывалось полное отсутствие вентиляции. Больше сотни людей спало на двухъярусных нарах. Дневальные сидели на табуретках или расхаживали по проходу. Завидя Звонарева, дежурный по роте подскочил с рапортом.

- Где спят мои артиллеристы? - спросил Звонарев у дежурного.

- Все уже вышедши на работу и с ними два плотника.

Миновав казарму, прапорщик направился в потерну.

Вместо прежних ступеней теперь в нее вел пологий спуск.

Здесь ему повстречалось несколько солдат. По их запачканным земляным шинелям Звонарев догадался, что они из минной галереи.

- Смена уже произошла? - спросил он.

- Так точно. В левой галерее заступили артиллеристы.

- Ночью все было спокойно?

- Японец тоже где-то землю долбит, а где - не разберешь, - отвечали солдаты.

Миновав контрэскарпную галерею, прапорщик оказался в капонири. Здесь два плотника сбивали крепёжные рамы, у задней стены возвышалась куча вынутой земли и камней. Наклонившись, Звонарев заглянул в прорытый туннель. Из глубины доносились стук лопат и ломов, приглушенные человеческие голоса.

Работа шла полным ходом.

- Блохин! - окликнул прапорщик.

- Он в левой галерее, - доложил один из плотников.

Прапорщик пошел к следующей галерее. В оружейных капонирах, прямо на полу, на соломе спали стрелки. Около стояли часовые, наблюдая за происходившим во рву. Около левой галереи был разложен небольшой костер, дым от которого уходил в бойницу. Тут же сидел Юркин и подогревал в котелке чай.

Поздоровавшись с ним, прапорщик спросил, где Блохин.

- Роется в галерее вместе с Лебедкиным. Прошли уже с пол-аршина

после смены. Грунт тут мягкий, копать легко.

- Сколько человек сейчас внутри?

- Трое: Блохин с помощником и один относчик.

Через минуту из галереи показался стрелок. Мешок по дороге прорвался, и солдат рукой зажимал дыру, отчаянно при этом ругаясь. Увидев Звонарева, он сконфуженно замолчал и понес землю к бойнице.

Приказав солдатам подождать своего возвращения, Звонарев, согнувшись, нырнул в галерею.

Вокруг была непроглядная тьма. Приходилось продвигаться ползком, так как высота галереи была всего метр с четвертью, и все же прапорщик то и дело стучался головой о крепление. Пушистая сибирская папаха несколько предохраняла голову от ударов. Шашка и шпоры были сняты, в кармане лежал электрический фонарь.

Вдали слабо мерцал огонечек масляного фонаря, то появляясь на мгновение, то исчезая. Земля попадала за шиворот, липла к ногам. Преодолев половину расстояния, Звонарев окликнул Блохина.

- Ау, кто там прет? - отозвался Блохин. - Никак, Сергей Владимирович?

Звонарев присел на корточки и стал разглядывать крепление. Рамы отстояли одна от другой на пол-аршина и больше. Дальше их и вовсе не было, хотя грунт был и не из твердых.

- Сколько всего прошли? - справился прапорщик.

- Четыре с половиной сажени. За сегодня, может, и до шести сажений доберемся, - ответил Блохин.

- Почему не крепите?

- Нет готовых рам, а ждать неохота. Как наготовят, сразу все и поставим на место. Японец где-то сильно бьет. Я в толк не возьму - сверху или сбоку.

Вот послушайте, вашбродь. - И солдат затих.

Прапорщик уловил слабый, едва различимый стук в земле. Раздавался он спереди, но выше или ниже галереи - разобрать было невозможно.

Звонарев добрался до конца галереи. Блохин и Лебедкин полулежали у стены.

Тут же валялись лопаты, кирки и несколько дерюжных мешков.

Лебедин взял в руки комочек земли и растер его между пальцами.

- Совсем тощая глина, почти песок, так и сыплется, - проговорил он.

- Поэтому надо обязательно крепить потолок, иначе может произойти обвал, - заметил прапорщик. - Отправляйся-ка, Лебедин, и капониры и поторопи плотников, а я побуду здесь, послушаю, что делается у японцев.

Оставшись вдвоем, Звонарев и Блохин стали вслушиваться в окружающую тишину. Из-за недостаточного притока воздуха дышать было трудно, лампа горела тускло и отравляла воздух своим чадом. Вдруг справа послышался довольно сильный удар, и с потолка посыпалась земля.

- Бьет из пушек либо кидает бомбочки, - пояснил Блохин.

- Сколько, по-твоему, до поверхности земли? - спросил Звонарев.

- Кто его знает, надо думать, не меньше полутора саженей. Мы шли с уклоном четверть на аршин длины.

- Значит, углубились почти на сажень против пола капонира и находимся в двух, двух с половиной саженях под землей, - подсчитал Звонарев.

Несколько новых ударов вызвали значительное осыпание. Большой ком земли попал в лампочку. Она затухла. Все погрузилось в непроницаемый мрак.

Ругаясь, Блохин полез в карман за спичками. Прапорщику стало жутко.

- Пошли-ка от греха туда, где есть крепления, - проговорил он и, повернувшись, ощупью полез на четвереньках. В это же мгновение над головой сильно грохнуло, сверху обрушилась земля. Звонарев закричал, пытаясь освободиться, но под страшной тяжестью распластался на дне галереи.

Сколько времени прошло с момента обвала - он не представлял себе. Вокруг по-прежнему было темно, сверху давила тяжесть, но около рта образовалось пустое пространство, в которое откуда-то проникал воздух. С трудом ему удалось пошевелить правой рукой. Постепенно высвободив ее и подняв вверх, он ощутил над собой пустоту. Затем удалось

освободить и левую руку. Чуть приподнявшись, Звонарев громко позвал Блохина и удивился слабости своего голоса.

Неожиданно он увидел над головой небольшое светлое пятно и понял, что в галерею попал снаряд, обрушив ее. Светлое же пятно над головой - дно воронки от снаряда. Прапорщик обеими руками начал разгребать рыхлую, чуть влажную землю.

- Блохин, Блохин!.. - несколько раз окликнул он. Ответа не последовало. Через несколько минут Звонарев уже встал во весь рост, причем голова его оказалась как раз на уровне воронки. Рядом виднелись поваленные колья проволочного заграждения, темной ниткой чернела проволока на сером фоне позднего осеннего рассвета. Где-то высоко с резким шипением пролетел снаряд и гулко разорвался.

"А вдруг японцы заметят ворочку и захотят занять ее? - мелькнула мысль. - Тогда они сразу же увидят отверстие и не преминут бросить в него бомбочку, или наши угодят сюда ручной гранатой". И Звонарев поспешно опустился вниз.

- Блохин! - изо всей силы закричал он. - Отзовись!

Он прислушался, и ему показалось, что из-под земли донесся слабый стон.

Прапорщик начал быстро разгребать руками землю прямо перед собой. Вскоре его рука наткнулась на что-то твердое,

"Сапог! - мелькнула догадка. По положению ноги прапорщик примерно определил, где должна была находиться голова солдата, и принялся еще быстрее рыть. Через минуту он уже увидел солдатскую фуражку. Ею было прикрыто лицо Блохина. Мертвенно-бледное, с закатившимися вверх зрачками глаз, оно выглядело совершенно безжизненным.

- Блохин! - наклонившись к лицу, крикнул он. Но тот оставался неподвижным. Напрасно Звонарев тормозил его, дул в лицо. Отчаявшись, он решился на последнее средство - осторожно запустил спичку в нос Блохину и легонько пощекотал. Нос дрогнул, лицо сморщилось, и наконец солдат сильно чихнул.

- Жив! - радостно воскликнул прапорщик.

Солдат тихо простонал, закрыл глаза и чуть слышно прошептал:

- Выпить бы... водочки.

- Потерпи немного, сейчас нас отроют. Я подниму тебе голову повыше. - И Звонарев нагреб земли к изголовью Блохина.

Возясь с ним, он совсем забыл обо всем остальном и неожиданно явственно услышал сзади стук лопат и говор. Помощь была близка.

- Вашбродь, Блохин, откликнитесь! - донеслось до него сквозь толщу земли.

- Мы живы, скорей копайте! - изо всех сил закричал прапорщик и опасливо оглянулся на дыру вверху.

- Потерпите чуток, Сергей Владимирович, через полчаса доберемся до вас! - Прапорщик узнал голос Лебедкина. Застучали лопаты.

Скоро Блохин совсем оправился.

- Нам бы начать копать им навстречу, - посоветовал он все еще слабым голосом.

- Ладно уж, лежи. Я один буду действовать. Лишь бы не произошло нового обвала, - отозвался прапорщик и принялся обеими руками разгребать землю навстречу своим спасителям.

Минут через сорок напряженной работы показался свет лампочки, и еще через четверть часа Звонарев был уже в капонире. За ним вынесли на руках Блохина.

Дебогорий-Мокриевич стоял около входа в галерею и приветствовал появление прапорщика насмешливым замечанием:

- Беда, коль артиллеристы берутся не за свое дело! Мой вам дружеский совет - сегодня же вернуться на свою батарею.

- Благодарю, я в ваших советах не нуждаюсь и прошу их оставить при себе, - резко ответил Звонарев и отошел к Блохину, около которого хлопотали солдаты.

- Глотнуть бы водочки, - тихонько попросил солдат, - мигом очухаюсь.

- Не водки тебе надо, мерзавцу, а розог! Как ты, сволочь, смел рыть дальше без крепления? - накинулся на него подошедший саперный поручик.

- Это сделано по моему личному распоряжению для ускорения работ, - вступился Звонарев. - И поскольку я отвечаю за ведение минной галереи, то прошу не вмешиваться не в свое дело. Ваше присутствие здесь я нахожу совершенно лишним.

- Ваше поведение хоть и объясняется пережитым страхом, но все же недопустимо на военной службе, о чем я подам рапорт по команде. - И разобиженный Мокриевич ушел.

- Чистая зануда, а не человек! - сказал Лебедкин. - Как только васязасыпало, мы с Юркиным кинулись выбирать землю и послали сказать коменданту.

Они прислали сюда поручика. Он и начал нам разные слова говорить, что можно и чего нельзя... Я говорю: люди, мол, там задохнуться могут, пока мясобираются будем. А он - раз меня в морду...

Звонарев решил сходить в офицерское помещение вымыться и заодно захватить водки для Блохина. Он застал Рязанова и Карамышева играющими в гусарский винт вдвоем. Его появление не вызвало у них ни удивления, ни радости, как будто ничего особенного не случилось.

- Вещички ваши я уже отправил в штаб фронта, - думал, что вам аминь пришел, - неторопливо проговорил капитан.

- Почему же вы так поспешили? Теперь мне даже умыться нечем.

- Возьмите мое мыло и полотенце. Вот и списочек вещей из штаба.

Звонарев прочитал его.

- А где же мой бинокль и фляга? - удивился он.

- Вместо них к вещам приложено пять рублей деньгами. Бинокль приобрел за четыре с полтиной поручик Карамышев, а фляга лежит у меня под подушкой.

- Но ведь это чистый грабеж! Бинокль стоит минимум двадцать пять рублей, а фляга-термос-три, - возмутился прапорщик.

- Продажа состоялась с публичного торга в присутствии всех наличных офицеров форта, следовательно, закон соблюден.

Звонарев не стал слушать дальнейших рассуждений капитана, а просто взял свою флягу с его постели и снял со стены бинокль.

- Прошу чужих вещей без разрешения не брать! - вскинулся Карамышев.
- И, кроме того, зачем вам нужен бинокль в подземной галерее?..
- Чтобы его здесь не украли. - И прапорщик направился обратно в капониры.

Там он застал Мокриевича, с эпическим спокойствием избивавшего стоявших перед ним Лебедкина и Блохина. Поручик неторопливо тыкал кулаком в зубы то одного, то другого и негромко при этом приговаривал:

- Будете знать до самой смерти, как исполнять мои приказания! Прикажу умереть - и умрете, а не умрете - пристрелю, как паршивых собак!

У Лебедкина уже заплыл левый глаз, у Блохина до крови были рассечены губы, но оба солдата стояли на вытяжку, не смея защищаться.

- Сейчас же, прекратите это безобразие, - ринулся вперед прапорщик, - и уходите отсюда, или я за себя не ручаюсь. - И схватил стоявшую около стены винтовку.

- Блохин, Лебедкин, Юркин, в ружье!

Саперный поручик пытался было что-то сказать, но Звонарев разразился по его адресу такими дикими выкриками, что Мокриевич поспешил скрыться.

- Не стоит, вашбродь, так из-за нас беспокоиться, - уговаривал Звонарева Блохин. - Солдатская морда, по мнению начальства, на то и существует, чтобы по ней бить, - утирал он кровь с разбитого лица.

- Шли бы вы, Сергей Владимирович, отдохнуть, - предложил, в свою очередь, Лебедкин. - Чать, и вам сегодня не сладко пришлось, когда земля обрушилась.

- Сейчас не до этого. Надо немедленно произвести забивку всей обрушившейся галереи, чтобы японцы по ней не смогли проникнуть сюда, - распорядился Звонарев.

Позвали саперных солдат и стрелков, назначенных в помощь артиллеристам.

Прапорщик объяснил им свои намерения.

- Без поручика никак не можем делать этого, - заупрямились саперы, - они нас со свету сживут, хотя и мы думаем, что по-вашему будет лучше.

- Ладно, идите в галерею, а я тут буду орудовать со своими артиллеристами.

- Мы вам подсобим, вашбродь, - неожиданно отозвалось несколько стрелков, слушавших разговор прапорщика с саперами. - Поручик нам не указ, мы под ним не ходим.

Через пять минут работа закипела. Наполненными землей мешками закладывали обвалившуюся часть галереи. Заодно наглухо забили и дно воронки.

За этим делом незаметно прошел день. Стемнело, и пришлось зажигать свет.

Вскоре солдатам принесли ужин. Стрелки и саперы расположились группами около котелков. Артиллеристы тоже сунулись было со своими котелками, но получили решительный отказ.

- Комендант приказал для них ничего не давать. Пусть, грит, убираются с форта подобру-поздорову со своим прапорщиком, - сообщил вернувшийся ни с чем Юркин.

Блохин замысловато выругался и вопросительно посмотрел на Звонарева.

- Я сейчас схожу сам и выясню этот вопрос. В крайнем случае вернемся на Залитерную. Там нас, наверно, накормят.

Рязанов удивленно уставился на Звонарева, когда тот обратился с просьбой накормить солдат.

- Вы еще здесь? Советую вам возможно скорее исчезнуть с форта. У меня лежит рапорт поручика Дебогория-Мокриевича, в котором он обвиняет вас в открытом неповиновении и грубом нарушении воинской дисциплины. Я должен вас немедленно арестовать и направить в штаб района.

- Сейчас идет разговор не обо мне, а о солдатах. Прошу их накормить!

- Ваших разбойников я немедленно же прикажу выгнать в три шеи. Они вносят дезорганизацию в среду стрелков и саперов!

Неизвестно, чем бы кончился этот разговор, не появившись в каземате Рашевский.

- Рад вас видеть в добром здравии, Сергей Владимирович, - крепко пожал

он руку прапорщику. - Расскажите подробно, что с вами произошло. Признаюсь, не ждал видеть вас живым, когда мне в штабе показали донесение капитана Рязанова и присланные им ваши вещи. Письмо ваше мадемуазель Белой отправлено.

"Бедная Варя только зря будет беспокоиться! - подумал прапорщик, совсем забывший о ночном послании.

Он подробно рассказал Рашевскому все перипетии минувшего дня, вплоть до своего изгнания с форта. Подполковник слушал молча, теребя свою бородку и делая заметки в полевой книжке.

- Сколько у вас было денег, Сергей Владимирович? - внезапно спросил он.

- Сто двадцать четыре рубля с копейками.

- В штаб доставлено всего двадцать четыре рубля.

- Украли по дороге, мерзавцы! - покраснев, воскликнул Рязанов.

- Советую вам, капитан, эти деньги поискать, - обернулся к нему Рашевский.

Затем он прочел рапорт Мокриевича и спокойно проговорил:

- Все это, конечно, сплошная чепуха. Поручика я переведу на форт номер три, куда он сейчас и отправится. Все работы здесь я поручаю прапорщику Звонареву. Артиллеристов надо немедленно накормить, капитан. Пойдемте в капонир. - И Рашевский поднялся со стула.

- Скажите откровенно ваше мнение о порядках на этом форту, - спросил он по дороге Звонарева.

- Да тут никакого порядка нет! Офицеры сидят в своем блиндаже, а солдаты обороняют форт по своему разумению. Вернее всего, главным командиром и покровителем форта состоит исконный заступник земли русской - Николай-угодник, - улыбнулся прапорщик.

- Придется сменить командира. Рязанова отправим в другое место, Карамышеву поручим произвести вылазку и определить направление японских галерей.

- Лучше уж я возьму это на себя. Он едва ли сумеет, или, вернее, едва ли захочет выполнить как следует.

- Заставим. Не доставит нужных сведений - пошлем в разведку еще раз, пока не добудет того, что нам нужно.

Осмотрев работы на месте, Рашевский одобрил все мероприятия прапорщика и поблагодарил за службу артиллеристов.

- Здорово ж тебе физиономию помяло при обвале, - заметил подполковник, взглянув на Блохина.

- Эти его изукрасил Мокриевич, - ответил Звонарев.

- И тебя тоже? - спросил у Лебедкина Рашевский.

- Так точно, ваше высокоблагородие.

- Тяжел на руку поручик. Очевидно, еще не очень изголодался, - заметил подполковник. - И об этом я доложу Кондратенко. Он органически не переваривает "дантистов". Не дать ли вам и вашим солдатам день-другой передышки, а то вы здесь уже чуть ли не неделю без отдыха?

- Не откажемся.

- Тогда я завтра вам пришлю на смену саперов, но эту ночь вам придется еще провести здесь.

Звонарев поблагодарил за внимание.

На обратном пути из капонира в плохо освещенной потерне они неожиданно встретились с Варей.

- Да не бегите сломя голову, вам же говорят, что он жив и здоров, - слышался из темноты голос Борейко, едва поспевавшего за девушкой.

Но Варя, рискуя разбить лоб, стремительно неслась вперед, пока не налетела на офицеров. Не разобрав в темноте, кто перед ней, она схватила за руку Рашевского и дрожащим от слез и волнения голосом воскликнула:

- Вы живы, целы, Сереженька?.. Если бы вы знали, что я пережила сегодня!

Как только получила ваше письмо, бросилась в штаб, попросилась на фронт - не пускают, пошла на Залитерную к Медведю. Тут и он зашевелился и приволок меня прямо сюда! - быстро говорила девушка, вглядываясь в лицо Рашевского.

- Хотя я и Сереженька, но не тот, какой вам нужен, - тихонько освободил

свою руку подполковник.

- Ах, извините, я совсем голову потеряла от волнения! Я думала, считала... не увижу. - И Варя неожиданно громко всхлипнула, уцепившись на сей раз уже за Звонарева.

- Успокойтесь, милая Варя, ведь все обошлось благополучно, - тихонько гладил припавшую к его груди девушку прапорщик.

Рашевский и Борейко из деликатности пошли вперед.

- Вы должны немедленно, сегодня же, сейчас же уйти с этого проклятого форта, иначе я совсем рехнусь! Слышите, Сергей Владимирович?

- Мне разрешают завтра отлучиться отсюда на один день.

- Нет, вы не должны, не смеете возвращаться сюда, я этого не хочу, вы должны пожалеть меня. Я пойду к Кондратенко и попрошу за вас, откажет - брошусь перед ним на колени и не встану, пока он вас не отпустит отсюда, - быстро бормотала Варя.

- Лучше вам не вмешиваться в это дело. Как только минная галерея будет окончена, меня отпустят на Залитерную.

- И опять пошлют в какое-нибудь пекло...

- Весь Артур сейчас в таком же положении. Побольше спокойствия, Варюша.

Завтра я буду на Залитерной, приходите и вы туда. Поговорим обо всем, - уговаривал Звонарев девушку. - Ну, будьте молодцом. Нас, верно, уже ждут.

Миновав казармы, они прошли в офицерский каземат. Тут они застали Борейко, Рашевского и Рязанова. Последний был смущен и взволнован - Прапорщик меня неверно понял, тут явное недоразумение, смею вас в этом уверить, - бормотал он. - Вот и ваши сто рублей нашлись, они случайно завалились в ящике стола, - проговорил Рязанов, протягивая деньги. - Теперь, кажется, все на месте?

Звонарев сухо поблагодарил его.

- Поскольку все здесь улажено, можно двигаться и домой, - стал собираться в обратный путь Рашевский.

- И мы с вами, - присоединились Борейко и Варя.

- Сергей Александрович, а здесь нельзя устроить перевязочный пункт, как у Авророва? - спросила Варя.

- Отчего нельзя - можно. Но кто за это возьмется?

- Я...

- Тогда нельзя, - решительно ответил Рашевский.

- Это почему? - вскинулась Варя. - Я, то есть мы с Сергеем Владимировичем, оборудовали пункт номер два у Залитерной, и нас даже Кондратенко похвалил.

- Нельзя потому, что вы при каждом разрыве снаряда или бомбы будете бросать раненых и бежать разыскивать Сергея Владимировича, - ответил Рашевский. - Он тоже будет беспокоиться о вас.

- Он обо мне и не думает! Если бы это было так - он не согласился бы пойти сюда на минную работу.

- А записку забыли? - опросил Звонарев.

- Один раз в счет не идет...

Звонарев и Рязанов проводили гостей за мост и вернулись в каземат.

Мокриевича уже не было. Карамышеву было дано задание организовать вылазку, и он, пользуясь темнотой, пытался найти наиболее удобный путь для выхода с форта.

- Надеюсь, вы на меня не в претензии, Сергей Владимирович, за те небольшие шероховатости, которые сегодня имели место, - проговорил Рязанов, почувствовавший необыкновенное расположение к прапорщику после разговора с Рашевским.

Звонарев буркнул что-то неопределенное и откланялся. Он решил ночевать сегодня не в офицерском каземате, а в капонири, около места работ. Там он застал своих солдат за ужином. В бачке плавали несколько бобов и разваренная картошка.

- От такой еды никакой силы не может быть у человека. Бурда да в придачу китайская чумиза, - ворчал Блохин. - Скорей бы попасть к себе на Залитерную!

- Ничего удивительного, если солдаты болеют от такой пищи, - проговорил прапорщик.

- Мы для себя займем этот каземат, Пусть он будет нашим, артиллерийским, - решил после еды Блохин. - А ну, пехтура, вались отсюда и забирай с собой всех своих вшей, - обернулся он к стрелкам, толпившимся вокруг.

- У тебя, что ль, их нет? - обиделся один из стрелков.

- Есть, как не быть, да другого фасона - артиллерийского образца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

- Что же, они не кусаются, что ли?

- Нас не трогают, а пехотских загрызают до смерти, - зубоскалил Блохин.

Утомленные за день Звонарев и Блохин задремали на охапке гаюляна, брошенной на пол. Прапорщик вспомнил Варю, ее сегодняшнее неподдельное волнение и остро почувствовал, как прочно она уже вошла в его жизнь, эта славная, так привязавшаяся к нему девушка.

"Скорее бы кончилась война, тогда можно будет и попытать счастья в семейной жизни", - со вздохом подумал Звонарев, погружаясь в глубокий сон.

Около полуночи прапорщик проснулся от холода и пошел посмотреть, что делается на месте работ. Два сапера и два стрелка под руководством Лебедкина усердно рыли колодец, углубляя галерею, и в мешках выносили землю. В забитом конце туннеля чуть прослушивались стуки японцев, ведущих подкоп.

"Надо возможно скорее выяснить направление и характер их работ", - подумал Звонарев, входя в капонир. Он поделился своими соображениями с солдатами.

- Пойдем, Сергей Владимирович, сами на разведку, - предложил Блохин, тоже очнувшийся от сна. - Сейчас ночь, темно, постараемся пробраться к японцу в гости. Быть может, и узнаем кое-что.

Оставив Лебедкина за старшего, прапорщик вместе с Блохиным отправился к Рязанову. Капитан сидел за столом и пил водку. Перед ним стоял взволнованный Карамышев в испачканной землей шинели.

- Как хотите, Василий Петрович, а я больше туда не пойду. Японцы завели маленьких собак, очень чутких, которые сразу же начинают

лаять, едва заслышат малейший шорох, и этим предупреждают о нашем приближении.

Звонарев сообщил о своем желании лично произвести разведку японских работ.

- Приветствую ваше намерение. Если вы руководите минными работами, вам и книги в руки. Не желаете ли выпить "русский флаг"?

Звонарев отказался, зато Карамышев с видимым наслаждением налил в стакан сначала водки, затем синий пипермент и сверху красный абрикотин. Не смешивающиеся между собой жидкости составили основные цвета русского флага, откуда и произошло название напитка.

Проглотив одним глотком стакан, поручик сразу побагровел.

- Может быть, вы теперь рискнете повторить вылазку вместе с прапорщиком?

- спросил Рязанов, усмехаясь в усы.

- Нет, сегодня я уже достаточно наигрался в жмурки со смертью. Отложим до завтра. Я немного прилягу. - И через мгновение поручик храпел на весь каземат.

Рязанов молча пил водку.

- Пройдемте по форту, - предложил он Звонареву.

Они спустились из офицерского каземата в расположенный внизу пустой пороховой погреб, а затем попали в нижний этаж горжевой казармы. Прикрытый верхним этажом, землею и прослойкой камней, он являлся самым защищенным убежищем на форту.

Едва они открыли дверь, как им в нос ударил крепкий запах йодоформа, карболки и еще каких-то лекарств. К этому примешивался обычный солдатский дух - пота и немытого тела. Первое, что они увидели, войдя внутрь, было несколько трупов, лежащих на нарах.

- Убрать, пока не завоняли, - распорядился Рязанов.

Рядом с убитыми лежало человек десять раненых.

Санитары поили их водой, подбинтовывали раны и по возможности старались подбодрить своих пациентов. В воздухе плавали облака густого махорочного дыма, который раздражал глаза и горло.

Керосиновые лампочки тускло светили.

- Открыть дверь, проветрить! Накурили так, что дышать невозможно, - распорядился Рязанов.

Звонарев обратил внимание на то, что многие солдаты были полураздеты.

- Как же они выскочат по тревоге? - спросил он.

- Здесь помещается резервная полурота. Она вызывается не сразу, поэтому у солдат будет время одеться, - пояснил капитан.

В конце казармы был устроен склад бомбочек. Несколько сот их лежало прямо под нарами, на которых лежали солдаты. Тут же стояли цинковые ящики с ружейными патронами.

- Почему все это находится здесь, а не в пороховом погребе? - удивился Звонарев.

- Покорно благодарю! Погреб помещается рядом с нашим казематом. Стоит одному снаряду попасть в него, и мы взлетим на воздух, а тут и более укрыто, и при взрыве пострадает солдатня, а не мы, - спокойно ответил капитан.

Обойдя нижний этаж, они по лестнице поднялись вверх. Тут картина была несколько иная. Солдаты сидели или лежали на нарах с винтовками, почти никто не спал. В любую минуту вся рота могла выйти с оружием в руках. Около входа стояли приготовленные к действию пулеметы с вдетыми лентами. Рядом дремали пулеметчики. При появлении офицеров солдаты вскочили и вытянулись. Рязанов неторопливо прошел вдоль нар, осматривая стрелков.

Несколько глухих взрывов, донесшихся со стороны внутреннего двора форта, отвлекли внимание капитана.

- Японец сегодня сильно волнуется с самого вечера, как бы не полез на штурм, - забеспокоился Рязанов.

- Он, ваше высокоблагородие, слышит, как мы роемся под землей, и трусит, что его могут взорвать. Со страху и бомбочки бросает, - вмешался Блохин.

- Я вернусь в свой каземат, - проговорил капитан, - вас же попрошу

понаблюдать с брустверов, что делается у противника.

Звонарев повиновался. На дворе было очень темно. Низко нависли тяжелые тучи, шел нудный осенний дождь, сквозь который с трудом пробивались лучи прожекторов.

Когда глаза привыкли к темноте, прапорщик различил фигуры часовых, припавших к бойницам. Несмотря на темноту, ружейная перестрелка не замолкала ни на минуту.

- Берегись! - крикнул Блохин и толкнул Звонарева за прикрытие. Почти тотчас блеснул яркий огонь и грохнул взрыв ручной гранаты.

Поднявшись затем на бруствер, Звонарев и Блохин стали вглядываться в окружающую темноту. За пеленой дождя японские окопы едва выступали чуть заметной полоской. На ней то здесь, то там вспыхивали на мгновение огоньки ружейных выстрелов.

- Вот бы сейчас пойти в разведку, - проговорил Блохин.

- Завязнешь в грязи и заплутаешься в темноте, - возразил Звонарев.

- Никак нет! В такую погоду только и ползать к японцу в гости. Давайте сходим сейчас на укрытый ход, - предложил он. - Там до врага рукой подать: может, что ежели и не увидим, то услышим.

Звонарев замялся. Укрытый ход представлял собой узенькую, в аршин шириной, тропинку, которая шла по наружному краю рва вдоль крыши контрэскарпной галереи. Даже днем там легко было оступиться и упасть с трехсаженной высоты в ров. Теперь же двигаться по нему было во много раз опаснее. С наступлением темноты здесь выставлялись часовые. Поколебавшись немного, он все же согласился. Они осторожно миновали дворик и зашли к Рязанову, которому сообщили свои наблюдения и планы.

- Желаю успеха, хотя и уверен в противном, - напутствовал их капитан.

Добираться до укрытого пути пришлось ощупью, на четвереньках. Их окликнул испуганный голос часового:

- Кто идет?

Узнав, кто идет и зачем, он вызвался проводить их до самого капонира.

Заметив движение, японцы открыли ружейный огонь и начали бросать

бомбочки. Одна упала к самым ногам Звонарева. В темноте чуть заметной точкой тлел бикфордов шнур. Прапорщик остолбенел от ужаса. Еще мгновение, и фунтовый заряд пироксилина взорвется у его ног, убьет или искалечит на всю жизнь. Звонарев как зачарованный смотрел на тлеющий огонек, не двигаясь с места.

- Пошла дальше, - спокойно проговорил стрелок, сталкивая бомбочку в ров, где она тотчас же взорвалась.

Тут только прапорщик вполне осознал, какой опасности он только что избежал.

- Спасибо тебе, братец! - схватил он солдата за руку.

- Э, что, вашбродие! Пустое это. За ночь-то сколько их таких перекидаешь в ров, - неторопливо рассказывал стрелок.

Добравшись до крыши капонира, Звонарев хотел было высунуться и посмотреть вперед, но в это время луч японского прожектора остановился против этого места. Опять пришлось томительно ожидать, пока он сдвинется в сторону.

Прапорщик стал дрожать от холода.

- Пошли назад, - предложил он Блохину.

- Подождем еще малость, Сергей Владимирович.

Сосчитаю до ста: коль прожектор не уйдет - поползем домой.

Не успел он просчитать и до пятидесяти, как луч угас и опять стало совершенно темно. Блохин мигом вскарабкался на бруствер и пополз вперед.

Звонарев и двое часовых остались ожидать на месте. До японцев здесь было всего шагов тридцать. В тишине ясно слышался их гортанный говор, стук лопат, звяканье железа и тонкий, пискливый лай маленьких сторожевых собачонок.

- Ох, и вредные же они! За сто шагов русского человека чуют, а на своих не лают, - сообщил шепотом один из стрелков.

Прислушиваясь к разговору, Звонарев внимательно всматривался туда, где скрылся Блохин.

- А ну, потише, послушаем, что впереди делается, - остановил он солдат.

- Вы, вашбродь, не очень высовывайтесь, может я заметить, - предупреждали стрелки.

Вдруг впереди у японцев звонко залаяла собака.

- Почуяла, стерва, - буркнули в один голос солдаты. - Будет теперь баня. После полуминутного молчания посыпались ружейные выстрелы, полетели бомбочки. Прапорщик и стрелки припали к самому брустверу.

- Пропал, черт рябой, - проговорил один из стрелков, имея в виду Блохина.

Переждав минуту, Звонарев все же рискнул на мгновение высунуться из-за бруствера и чуть не ударился лицом о сапоги ползущего назад Блохина. Солдат удивительно тихо и неслышно опустился на укрытый путь.

- Ничего не видел, а где работают - слышал: чуть правее нашего.

Прошло не меньше четверти часа, пока японцы наконец успокоились. За это время несколько бомбочек опять упали совсем рядом с прапорщиком, но он уже спокойно скидывал их в ров, где они и рвались.

- Надо придумать такую бомбочку, чтобы она взрывалась от удара, - заметил Блохин. - Пошли обратно. Сергей Владимирович. - И артиллеристы тихонько двинулись вдоль бруствера.

Рязанов крепко спал, положив голову на стол. Рядом с ним стоял недопитый стакан водки.

- Разрешите, вашбродь? - проговорил Блохин и, не дожидаясь ответа, опрокинул водку себе в рот. - Сразу веселее на сердце стало, - улыбнулся он.

Карамышев храпел на кровати. Прапорщик не захотел будить офицеров и вместе с Блохиным направился в капонир.

Проходя через казармы, Звонарев обратил внимание на то, что сегодня здесь почти никто не спал. Посреди на нарах сидел бородатый и уже не молодой солдат и рассказывал сказку. Стрелки - кто лежа, кто сидя - расположились вокруг и, дымя сигарками, внимательно слушали.

- Почему не спите? - обратился офицер к вскочившим при его появлении солдатам.

- Японец что-то больно разыгрался нынче. Все время бомбочки бросает. Как бы не полез на нас, - пояснил один из унтеров.

- Ну, пошли, Блохин, - заторопил Звонарев.

- Пехтура народ скучный - никакого тебе веселья нет у них в голове. То ли дело у нас: Белоногов споет - душа радуется, Заяц представит - живот от, смеха лопается, поручик рыжнет - так всего до печенок проберет! - разливался Блохин, идя за офицером.

В контрэскарпной галерее солдаты тоже бодрствовали у "остров, разложенных прямо на бетонном полу. Дым клубами плыл по потолку.

- Удивительное дело! Сегодня все офицеры спят, а солдаты глаз не смыкают, - сказал прапорщик.

- Держут форт, чтобы невзначай его японец не захватил.

- Об этом должны прежде всего беспокоиться командиры, а затем уж солдаты.

- Солдат сам обо всем подумает, - ему начальство совсем даже без надобности. Сказано - держи форт, они и держат его всем миром.

Работы в минных галереях шли полным ходом. Лебедкин распоряжался всем - и стрелками и саперами. Юркин помогал ему, объясняя, что и как надо делать.

Солдаты беспрекословно их слушали, признав авторитет артиллеристов.

- С обеих галдерей японцев слышно. В левой - справа, а в правой - слева.

Видать, они роют между нашими, - доложил Лебедкин. - Отросток бы теперь дать ему наперек.

Звонарев побывал в обеих галереях, послушал доносящиеся стуки и согласился с мнением Лебедкина.

- Завтра саперы начнут рыть боковую галерею, - сообщил он солдатам.

Было около трех часов утра, когда он наконец улегся на соломе рядом с уже храпевшим Блохиным.

Утром прибыл с несколькими саперами прапорщик минной роты Берг. Передав ему работу, Звонарев со своими артиллеристами зашагал на Залитерную. Тут только он почувствовал, как сильно устал морально и

физически за десять дней, проведенных на втором форту.

После бани и крепкого сна Звонарев сразу даже не мог понять, где он находится. Не хотелось открывать глаза, во всем теле ощущалась приятная свежесть. Прапорщик прислушивался к полузаглушенным разговорам в блиндаже: как шмель, гудел Бореико, его то и дело перебивал чей-то прерывистый сердитый шепот. На столе позвякивала посуда. Извне глухо доносилась стрельба. Затем хлопнула дверь, и звонкий голос Васи возвестил:

- Тетя Харитина сейчас принесет подогретый обед!

- Тише ты, разбудишь Сергея Владимировича, - остановил его голос Вари.

- Не беда, если и проснется. Дрыхнет целый день без просыпу, - отозвался Бореико.

Звонарев открыл глаза и сладко зевнул.

- Агусеньки, Сереженька! - наклонился над ним поручик.

Вася громко засмеялся, за что и получил шлепок от своей строгой наставницы.

- Добрый вечер, Сергей Владимирович, - неожиданно приветствовала его Леля. - Ну-с, Борис Дмитриевич, пойдете к столу, пусть наши голубки здесь на свободе поворкуют.

За обедом Варя потребовала подробного рассказа о событиях, происшедших на втором форту.

- Вы туда больше не вернетесь, - объявила она, протягивая прапорщику бумагу.

"Вы временно откомандировываетесь на форт номер три, - с удивлением читал Звонарев, - где вам надлежит организовать работу прожекторов. Начальник штаба капитан Степанов".

- Как она к вам попала? - спросил он, подозрительно поглядывая на девушку.

- Шла мимо штаба, справилась у Степанова о вас. Узнав, что я иду к вам, он и всучил мне это послание.

- Это называется из огня да в полымя. На третьем форту еще

беспокойнее, чем на втором. Его почти непрерывно обстреливают одиннадцатидюймовыми бомбами.

- Тогда вы не идите на этот форт, пока не переговорите с Рашевским, - сразу забеспокоилась Варя.

- Наше дело маленькое, куда велят, туда и пойдем...

В дверь постучали, и вошла Харитина, в женском платье, повязанная платком.

- Здравствуйте, Сергей Владимирович, - приветствовала она прапорщика.

- Вы будто похудели на форту.

- Здравствуйте, Харитина. Решили перейти в свое природное положение?

- Попробую; а может, и опять в окопы потянет.

- А Шметилло где?

- Капитан находится на укреплении номер три. И меня туда звали, да я здесь на Залитерной застряла.

- Это все наш сказочник Ярцев виноват.

- Ой, что вы! - густо покраснела молодая женщина. - Он тут совсем ни при чем. Мне поручик приглянулся. Высокие они, такие видные. Сердце у них ясное, чистое, а что пьет - не беда. Кто же из мужиков-то не пьет, - убежденно проговорила Харитина. - Пойдем-ка со мной, сынок, - позвала она Васю. - Я тебя малость причешу, а то смотри, какой ты стал вихрастый.

Вскоре после их ухода в блиндаж торопливо постучался Родионов. Его обычно спокойное и суровое лицо выражало сильное волнение.

- Нельзя ли вас попросить к нам в блиндаж, сестрица? - обратился он к Варе. - Надо перевязать раненого.

- Сергей Владимирович, где бинты? - вскочила Варя.

- Что случилось? - торопливо спросил Звонарев, накидывая шинель.

- Блохин, черт пьяный, сказочника изувечил, - сердито ответил фейерверкер. - Как пришел утром с форта и узнал, что Харитина проводит с Ярцевым все время, так и начал к тому приставать. А сейчас явился откудато пьяный и сразу полез в драку. Ярцев, обороняясь, хватил его табуреткой по башке, а тот, варначья душа, японским тесаком

сказочнику голову рассек.

- Блохина немедленно связать и посадить под арест.

- Скрутили уж. Здоровый он, впятером едва осилили. Пришлось даже малость прикладом стукнуть.

В крайнем блиндаже на нарах лежал с окровавленной повязкой на голове Ярцев. Около него плакала, утирая слезы концами головного платка, Харитина.

- Егорушка, соколик ты мой ненаглядный! За что тебя злодей убил-покалечил, - причитала она.

Варя вместе с Мельниковым начала перебинтовывать раненого. Слева над ухом зияла большая резаная рана.

- Черепные кости целы. Рана неопасная, поверхностная, - обернулась Варя к Звонареву. - Его надо сейчас же на подводе отправить в госпиталь с моей запиской. Пусть положат в мою палату на полу. Завтра я его устрою как следует.

Пришедшему Борейко Звонарев и Родионов подробно доложили о случившемся.

- Придется Харитину с батареи убрать. Пока она никому предпочтения не давала - все шло хорошо, а как предпочла сказочника-все остальные просто с ума посходили. Крики, брань, драки... Возьмите ее к себе в госпиталь, - обернулся он к Варе.

- Не знаю, захочет ли она, - неуверенно заметила Варя.

- Здесь я ее держать больше не стану. Готов командовать тысячей мужчин, но ни одной бабой командовать не хочу.

- Бабой! Грубиян вы этакий, - возмутилась Варя.

Вскоре раненого отправили в госпиталь с Харитиной, Лелей и Васей. Борейко приказал держать Блохина связанным до утра.

Варя и Звонарев отправились в штаб Кондратенко. Было уже совсем темно. По чуть заметной во тьме дороге, все время спотыкаясь и поддерживая на ходу друг друга, они добрались до места.

- Мы пришли спросить, нужно ли Сергею Владимировичу отправляться завтра на форт номер три, - обратилась Варя к встретившему их

Науменко.

- Приказ касается прапорщика Звонарева и совсем не обязателен для вас, мадемуазель, - шутливо ответил ей подполковник. Затем он в двух словах объяснил Звонареву задание.

- Я тоже буду проситься на форт номер три, на перевязочный пункт к доктору Авророву, - проговорила Варя.

- Заранее предупреждаю, что вам в этом будет отказано.

Прапорщик пошел проводить Варю в госпиталь

- Как здоровье Сахарова? - спросил Звонарев, когда они проходили мимо больницы Красного Креста

- Представьте, выскочил. Тиф принял лизисную форму, температура спадала постепенно, и он на пути к полному выздоровлению. Давайте зайдем к нему.

- Не поздно сейчас?

- Со мной пропустят в любое время.

Сахарова они застали в одиночной палате дремлющим. Он сильно осунулся.

Варя осторожно потрогала его руку. Она была влажная и холодная. Не желая его беспокоить, они тотчас вышли. В коридоре они неожиданно встретились с Гантимуровым. Князь любезно раскланялся и сообщил, что он принес Сахарову лимоны.

- Он опит, его нельзя будить, - предупредила девушка.

- Я на одну секунду, только положу их к нему на стол. - И Гантимуров вошел в палату.

Он тихонько подошел к больному и окликнул его. Капитан не ответил.

Поручик оглянулся. Взгляд его упал на плохо закрытую форточку. Гантимуров подошел к окну, широко распахнул ее. Струя сырого, холодного воздуха сразу ударила в больного. Князь поспешно вышел, старательно прикрыв за собой дверь. На его лице появилось выражение злобного торжества. В вестибюле он нагнал Варю и Звонарева, еще раз учтиво с ними раскланялся и скрылся за дверью.

- Как ни верти, Блохин, выходишь ты сволочью, - сурово говорил

Борейко, сердито глядя на стоявшего перед ним солдата. - Посмотри на свою рожу - черт на ней в свайку играл! Голос у тебя грубый - лаешь, а не говоришь. Двух слов без площадной брани не выговоришь. Куда тебе до сказочника! Тот и лицом чист, и голосом тих, и речь у него ласковая. Конечно, он, а не ты пришелся Харитине по нраву.

Блохин глубоко вздохнул. При этом его изувеченное в драке лицо страшно перекошилось.

- Я, вашбродие, у ней попрошу прощенья, что Ярцева попортил.

- Чтобы она тебя огрела по башке поленом? Дело не в том. Как мог ты кинуться с оружием на своего же брата солдата? И из-за чего? Бабу не поделили?

Борейко говорил необычно для него спокойно, с грустью глядя на Блохина.

- Сегодня из-за бабы сказочника порезал, завтра еще кого-нибудь пристукнешь. Нам на батарею таких солдат не надо. Откомандирую я тебя на минные работы на форт номер два. Баб там и близко нет, - авось башка твоя проветрится. Я спрашивал солдат, что с тобой делать. Они так и просят - пусть уходит, может, одумается. Такой разбойник, что своих калечит, нам не нужен.

Блохин побагровел и прерывающимся от волнения голосом спросил:

- Неужто насовсем от себя гоните, вашбродь?

- Сейчас - да, а там видно будет, как дело пойдет.

- Вашбродь, что я за проклятуший такой, что со мной никто и знаться не хочет? Разрешите хоть с прапорщиком быть...

- Спроси об этом у него. Возьмет - будешь, не возьмет - значит, и ему поперек горла стал. Так-то, брат Филя. Прощтрафился - иди замаливай грехи.

По закону я должен был отдать тебя под суд.

- Так, может, потом и обратно возьмете? - с надеждой в голосе спросил солдат.

- Хорошего человека отчего не взять, а дряни нам не надо. - И поручик отошел.

Через пять минут Блохин с узелком под мышкой уходил с батареи. Солдаты, сумрачные, молчаливые, старались на него не глядеть, даже когда он заговаривал с кем-нибудь.

- Прощайте, братцы, да не поминайте лихом, коль смерть приму на форту...

Никто ему не ответил.

- А жаль Блоху. Парень он не плохой, - неожиданно обернулся Борейко к Родионову.

- Проучить его, Борис Дмитрич, надо, чтобы на всю жизнь запомнил, - ответил фейерверкер.

Глава третья

Через несколько дней Звонарев получил приказ отправиться на форт номер три.

Около штаба Восточного фронта он застал роту "баянцев", пришедшую в резерв. Моряки в черных бушлатах, высоких сапогах, с винтовками и подсумками своим видом напоминали больше морскую пехоту, чем матросов. Командовал ими Павлик Сойманов. Поздоровавшись с ним, прапорщик справился, зачем здесь моряки.

- Прибыли на помощь форту номер три и укреплению номер три. К вечеру должны будем сменить в них часть гарнизона. Пока же стоим неизвестно зачем, - жаловался лейтенант.

В свою очередь, прапорщик рассказал ему о своем назначении на третий форт.

- Значит, вместе будем! - обрадовался Сойманов.

Появление Фока верхом на лошади заставило их отойти к своим частям.

- Здорово, матросня! - приветствовал моряков генерал, прибавив при этом, как всегда, матерщину.

Моряки рывкнули что-то похожее на ответную брань. Но Фок только добродушно улыбнулся и тут же завернул несколько совершенно нецензурных выражений, вызвавших громкий смех среди солдат и матросов. Довольный произведенным эффектом. Фок слез с лошади и,

подозвав офицеров, вошел с ними в штабной блиндаж. Надеин и Степанов поднялись ему навстречу.

- Генерал Стессель приказал мне подробно ознакомиться с положением на вашем участке и обо всем доложить ему, - проговорил Фок, пожимая им руки.

- Шлушаюшь, - прошамкал Надеин. - Капитан Штепанов шейчаш вше доложит вашему превошходительштву.

Начальник штаба подошел к карте и подробно стал объяснять, что происходит на каждом форту и батарее.

- Выходит, что японцы присосались к фортам второму и третьему и укреплению номер три. Сколько же времени они, по-вашему, смогут еще продержаться? - спросил Фок, делая заметки в записной книжке.

- Ждавать их я не шобираюшь, - отрезал Надеин, но Фок на него даже не посмотрел, ожидая ответа Степанова.

- Я вполне разделяю мнение его превосходительства, - ответил капитан.

- Нет таких крепостей, которые не сдавались бы, тем более нет таких фортов. Нужно заранее определить срок ее возможной обороны и своевременно подготовиться к ее очищению.

- Шрок обороны иштечет тогда, когда на форту не оштанется защитников.

Пока я жив, форты жданы не буду ешли мне даже это прикажут! - разволновался старик, трясая от возбуждения своей длинной белой бородой.

- Надо, Митрофан Александрович, всегда исходить из реального соотношения сил, а не из личных побуждений и чувств. Мне тоже совсем не хочется, чтобы форты были сданы, но предусмотреть эту возможность необходимо.

- Генерал Кондратенко больше заботится об укреплении фортов, чем о сроке их сдачи, - заметил чуть насмешливо Степанов.

- Надоел мне этот умник! В Артуре сложилось мнение, которое, к сожалению, разделяет даже Стессель, что Кондратенко все знает, все может и, кроме него, в крепости нет ни одного толкового человека. По-

моему же, он приносит больше вреда, чем пользы. Возьмите, например, избыток солдат в окопах. Зачем это?

Это ведет только к излишним потерям. Зря льется солдатская кровь. Если война затянется и через месяц Куропаткин не будет у Цзинджоу, то Артур обречен на капитуляцию

- Ошобенно при наличии таких генералов, как ваше превосходительство, - не утерпел Надеин.

- Вы, очевидно, переутомлены от слишком долгого пребывания на позициях, и вам следует отдохнуть, - спокойно, не повышая голоса, чуть поблескивая своими холодными серо-голубымч глазами, ответил Фок.

- Пока у меня ешть шилы, буду нешти шлужбу его величештва.

- Итак, господа, я хотел бы, чтобы вы продумали вопрос о пределе обороны атакованных фортов и в письменной форме доставили генералу Стесселю ваши соображения.

- Прошу предштавить и этот приказ в пишьюменной форме, - потребовал Надеин.

- Сегодня же получите.

- Тогда и подумаем, што нам с ним делать, а равно и ш теми генералами, которые отдают такие приказания! - весь трясся от негодования Надеин.

- Вредно так волноваться в ваши почтенные годы, - с издевкой проговорил Фок, поднимаясь со стула.

Через минуту он уже трусил мелкой рысцой, направляясь в тыл.

Степанов бегло ознакомил Звонарева с положением на форту и попросил его вечеров прийти с докладом в штаб.

- Вообще я считаю ваше постоянное пребывание на фортах ненужным. Вы - инструктор, а не офицер гарнизона, поэтому вы должны ночевать при штабе.

Пока желаю счастливого пути, - пожал ему руку капитан.

Воспользовавшись некоторым затишьем, Звонарев и Сойманов напрямик пошли к форту. Военная дорога здесь шла узкой лощиной почти до самого форта, который возвышался на крутой каменистой сопке.

Комендант форта штабс-капитан Булганов, подвижной, веселый человек

лет тридцати, приветливо встретил гостей и провел их в конец казармы, где за занавеской он расположился с двумя младшими офицерами и ветеринарным врачом Авроровым. Доктор заведовал на форту перевязочным пунктом.

- Правда, воздух у нас не лучше, чем в остальной казарме, и далеко не спокойно, зато нижние чины всегда у меня на глазах, а мы - у них. Это обеспечивает непосредственную и постоянную связь с ними, что очень важно в военное время, - пояснил он Сойманову и Звонареву. - Прошу закусить чем бог послал, - не то конинкой, не то ослятинкой. Отдельной кухни от солдат у нас нет, питаемся из общего котла.

- И жестоко страдаем желудками, - закончил Авроров.

- Вода, правда, у нас привозится из города в бочках и часто бывает несвежая, от этого болеем и мы и солдаты, но улучшить водоснабжение все же не удастся, - продолжал капитан.

Узнав о цели визита своих гостей, он предложил вместе пойти осмотреть форт.

- Пока он еще не окончательно разбит одиннадцатидюймовыми бомбами. Вчера, сволочи, десять снарядов вlepили, засыпали наполовину левый ров, отбили угол капонира, разрушили горжевой бруствер. Мы всю ночь провозились потом с починкой.

Следуя за Булгановым вдоль казармы, Звонарев обратил внимание на то, что при проходе офицеров солдаты продолжали спокойно сидеть и заниматься своими делами. Некоторые из них подходили к командиру с различными вопросами.

Капитан держался с ними просто, шутил, хлопал по плечу и шел дальше.

Заметили это и прибывшие с Звонаревым солдаты.

- Комендант-то здесь не очень форсистый, вроде нашего поручика, не то что на втором форту, - говорили они.

Из казармы, по короткой потерне, они вышли во внутренний дворик форта и оказались перед четырехорудийной батареей шестидюймовых пушек, примыкавшей к правому брустверу. Одно из орудий было подбито и лежало на боку.

Артиллеристов не было видно.

- С час тому назад попали, - указал Булганов на лежавшую на земле пушку.

- И все потому, что она стоит открыто, - вставил Сойманов. - На Скалистом кряже, где мы, моряки, строим новые батареи, все орудия устанавливаются на обратных скатах.

- Наконец-то за ум взялось ваше начальство, - отозвался Звонарев.

Из бокового блиндажа батареи появился молодой поручик Соломонов, которого Звонарев раньше встречал на цзинджоуских позициях. Раненный в ногу на батарее литеры Б во время августовских боев, он и сейчас еще ходил с палочкой.

- Привет артурскому Архимеду, - поздоровался он с прапорщиком. - Ваше появление у нас сразу же подняло мой слабеющий дух. Не желаете ли заглянуть ко мне в келью?

- Мы, Александр Александрович, сейчас заняты и зайдем к вам на обратном пути, - ответил за Звонарева капитан. - Лихой артиллерист, но любит заложить за галстук, - заметил он, когда они отошли от батареи.

Внутренний дворик вдоль и поперек был загроможден траверсами из мешков для предохранения от пуль и осколков.

- Нас обстреливают с трех сторон. Брустверы недостаточно высоки, поэтому и приходится так загромождать внутренность форта, - пояснил Булганов.

Офицеры подошли к входу в бетонную потерну, ведущую в капонир, расположенный в переднем рву. Потерна проходила через передний бруствер и спускалась под дном рва. У входа в нее стояли противоштурмовые пушки и пулеметы, приготовленные к быстрому выдвижению на валы форта при атаке.

Обслуживались они матросами с "Пересвета", которые помещались в небольшом каземате рядом. Миновав слабо освещенную потерну, офицеры попали в капонир.

В отличие от второго форта, он был приспособлен для ружейно-пулеметной обороны и поэтому имел только узкие стрелковые бойницы.

Они пропускали настолько мало света, что внутри капонира царил полумрак. Присмотревшись, Звонарев увидел нескольких матросов и стрелков. Некоторые стояли, приложив ухо к задней стенке капонира.

- Слышно что-нибудь? - справился Булганов.

- Так точно. Постучит, постучит и перестанет, - ответил один из них.

- Какой здесь грунт? - поинтересовался прапорщик, прижав ухо к стене.

- Сплошь скала, и притом такая твердая, что лом - и тот часто не берет, не говоря уже о кирках и лопатах.

- До японцев, по-моему, не меньше двадцати пяти - тридцати саженей, если судить по силе доносящихся ЗВУКОВ.

- Они свою траншею ведут как раз на таком расстоянии.

- Раз так, то трудно определенно сказать, роют ли они траншею или ведут минную галерею, - решил Звонарев. - Все же следует незамедлительно приступить к противоминным работам. Крепления стен и крыши у вас, конечно, не потребуется. Я сейчас могу наметить и места для минных галерей, - предложил он.

Капитан вытащил план форта, на котором были нанесены линии японских траншей. При взгляде на карту стало очевидным их стремление возможно скорее продвинуться именно к капониру. В ближайшем будущем должна была начаться подземная борьба в непосредственной близости к форту.

- Не следовало допускать занятия японцами передних окопов, - заметил Звонарев, - теперь они оттуда легко могут опередить нас в продвижении под землей. Минная же галерея в непосредственной близости от капонира потеряет свой смысл.

- Это почему?

- Ведя подземные работы, мы стремимся подойти под противника и взорвать его. Вблизи же от стен капонира такой взрыв будет опасен прежде всего для нас, так как может разрушить капонир, - пояснил Звонарев.

- Быть может, уже и поздно начинать работы?

- О нет, время еще не упущено, но мешкать, конечно, не следует.

- Сейчас же пришлю сюда стрелков для работ. Саперов у меня нет.
- Со мной пришли два артиллериста, которые уже знакомы с ведением минных галерей. Они и будут руководить стрелками.
- Я могу прислать матросов. Среди них имеются шахтеры, - предложил Сойманов.
- Вот и отлично. Общее руководство возьмет на себя прапорщик Звонарев, в помощь вам я прикомандирую своего "фендрика", а сам перееду из казарм в помещение при входе в потерну. Оттуда мне будет близко до любого места форта.
- Но зато не очень удобно и весьма беспокойно, - заметил прапорщик.
- На войне с этим считаться не приходится. Очень признателен вам, господа, за все указания, - пожал руки гостям Булганов. - Заходил сюда вчера саперный поручик Мокриевич, - мямлил, мямлил, так ни с чем и ушел.

Подозвав солдат и матросов с "Баяна", Звонарев подробно разъяснил им, как приступить к работам, что надо делать и чего следует опасаться. Булганов тоже слушал и старательно делал заметки.

- Если вас и не окажется на форту, я сам все растолкую солдатам, - улыбнулся он. - Пока на фронте тихо, давайте-ка полюбуемся на панораму, открывающуюся с нашего богом спасаемого форта.
- Надо думать, что помимо господа бога и гарнизон принимает в этом некоторое участие, - вставил Сойманов.

Все направились к выходу из капонира, сталкиваясь в полутемных узких переходах. Едва успели они выйти на дворик, как раздалось хорошо знакомое шипенье одиннадцатидюймовых бомб.

- Наша! - крикнул Булганов и, схватив за руки Звонарева и Сойманова, бросился обратно в потерну.

Едва они скрылись в ней, как на дворе взвились два огромных столба дыма, сопровождаемые страшным грохотом. Тысячи осколков и камней с визгом разлетелись во все стороны. Сойманов упал на землю, а капитан налетел на пулемет и сильно расшиб колено. Матросы и артиллеристы, не успевшие еще выбраться из потерны, побежали назад в капонир.

Когда наконец офицеры пришли в себя и вновь выглянули наружу, они увидели, что левый боковой бруствер снесен почти наполовину, а сложенные из мешков траверсы разметаны по всему внутреннему дворику форта.

Свист новых снарядов заставил всех вернуться в потерну и переждать здесь обстрел. Снаряды с ревом взрывались, уничтожая все вокруг и до основания сотрясая весь форт.

- Пронеси, господи, и помилуй, - набожно крестились солдаты при каждом новом взрыве.

- Это, пожалуй, будет почище морского боя. Там дистанция до цели все время меняется, и поэтому попасть гораздо труднее, а тут и батарея и цель неподвижны, - можно все снаряды класть чуть ли не в одну точку, - заметил Сойманов.

- По-видимому, к третьему форту пристрелялись сразу несколько батарей и теперь решили его смести с лица земли, - проговорил Звонарев.

Он с опаской поглядывал вверх на свод потерны, откуда сыпалась бетонная пыль.

- Ты боишься, что потерна завалится? - спросил его Сойманов. - Я думаю, она рассчитана с большим запасом прочности.

- На обстрел шестидюймовыми снарядами, а не одиннадцатидюймовыми, - пояснил прапорщик. - Эти могут свободно пронизать любое перекрытие на форту.

- Я этого и не подозревал. Значит, мы фактически совершенно беззащитны! - испуганно вскочил Булганов. - О чем же вы, инженеры, думали, когда строили форты? За это всех вас надо отправить в Сибирь на каторгу или просто расстрелять!

- От этого форты прочнее не станут, - философски заметил Сойманов.

- Надо немедленно же принять меры к усилению бетонных перекрытий!..

Яркий снаряд у входа в потерну заставил всех броситься на землю.

Раздался страшный грохот, посыпались целые глыбы бетона. Булганов пронзительно вскрикнул и сразу умолк. Несколько небольших бетонных осколков ударили Звонарева по голове, но папаха предоохранила его от

ранения. Рядом с ним Сойманов отряхивался, вставая на ноги. В группе матросов и солдат кто-то громко стонал.

- Капитан-то наш убит или только обмер от страха? - чуть иронически справился лейтенант, наклоняясь к Булганову. - Кажись, жив, только малость животом приболел, - потянул он воздух носом.

- У меня началась тифозная дизентерия, - охая, поднимался комендант форта.

Звонарев обернулся к солдатам. В темноте можно было разобрать лежавшую на земле фигуру. Чиркнув спичкой, прапорщик нагнулся к раненому и в ужасе отпрянул. Большой осколок снаряда врезался в лицо матросу, превратив его в кашу.

- Аминь! - сказал Сойманов, снимая фуражку.

- Аминь! - как эхо отозвались солдаты и матросы.

Капитан приказал послать за носилками, и тут только все увидели, что вход в потерну был завален обломками бетона с землей.

- Попали в ловушку, черт возьми! - проговорил Сойманов.

Звонарев подошел к засыпанному месту. Проход был завален до самого верха.

Ни лопат, ни кирок под руками не оказалось. Надо было вручную разгребать землю и разбирать камни.

- Аида, ребята, разбирать завал, - обернулся Звонарев к солдатам и, показывая пример, начал вытаскивать камни.

С десятков рук сразу же потянулось за ним. Работа двигалась медленно.

Несколько новых взрывов поблизости увеличили обрушение свода. Прошло добрых полтора часа, пока наконец показался дневной свет. Капитан успел вылезти наружу, когда со стороны тыловой казармы показался десяток-другой стрелков с кирками и лопатами, предводительствуемых доктором Авроровым.

- Где же офицеры? Почему они не сразу пришли к нам на помощь? - накинулся на врача Булганов.

- В горжу тоже были попадания снарядов. Ранены подпоручики Жилин и

Турский. Убито десять солдат, а ранено свыше тридцати. Я едва успел перевязать, - сообщал Авроров.

- Это возмутительное безобразие! Вы начали оказывать помощь солдатам и забыли о коменданте! Что делал артиллерийский поручик Соломонов?

- Пьян, пришлось ему дать нашатырного спирта, чтобы он хоть немного пришел в себя.

- Под суд! Расстреляю! - бешено орал капитан, наседавая на врача.

- Наша! - вдруг крикнул Сойманов и кинулся бежать к казарме.

Забыв обо всем, капитан бросился за ним. Звонарев прислушался, но знакомого свиста снаряда не было слышно, и он не торопясь пошел по дворику.

- Лейтенанту с перепугу все время мерещатся выстрелы из мортир, - усмехнулся один из артиллеристов.

- И выходит, что ты совсем дурак, - вступился за своего офицера матрос с "Баяна". - Лейтенант нарочно крикнули, чтобы капитан поскорее убрался отсюда.

Веселое и хитрое выражение лица Сойманова, поджидавшего Звонарева у казармы, подтвердило правоту этих слов.

- Здорово я разыграл этого капитаншу! Мигом смылся и прямо в уборную! - хохотал Сойманов.

- Вы, что ли, господин доктор, будете руководить работами по восстановлению потерны? - спросил у Авророва прапорщик.

- Стрелки и без меня это сделают. Я иду к раненым. Среди них есть тяжелые. Трудно одному здесь работать, так как никто не решается поселиться вместе со мной. Уйти же зазорно, - сам сюда напросился.

- Хотите, пришлю к вам сестрицу? - неожиданно для самого себя предложил Звонарев, вспомнив о Варя.

- Дайте мне лучше двух толковых санитаров. За это я вам скажу большое спасибо, а от сестричек-благодарю, отказываюсь! - замахал руками Авроров.

Звонарев почувствовал облегчение. Теперь он был гарантирован, что Варя сюда не попадет. Сегодняшний обстрел показал ему, как опасно

пребывание на этом выдвинутом вперед форту.

Воспользовавшись наступившим затишьем, он поднялся на барбет и выглянул за бруствер. По берегу реки Лунхе вилось разрушенное местами полотно железной дороги. Насыпь ее служила прикрытием для японских ходов сообщения.

Левее, на соседней горужке, чернели валы укрепления. Между ним и фортом лежала глубокая лощина, преграждаемая расположенной несколько сзади, за Китайской стеной, Курганной батареей. Справа торчали развалины капонира.

Еще дальше можно было разглядеть и форт номер два. Последний был гораздо лучше применен к местности, чем третий форт.

"Молодчина Кондратенко, - подумал Звонарев, - талантливо использовал рельеф для целей обороны".

Прямо в тылу возвышался, доминируя над всеми фортами и укреплениями района, скалистый утес - обычный наблюдательный пункт Кондратенко, почти непрерывно обстреливаемый японцами.

В непосредственной близости от рвов, на самом гласисе форта, темнели два ряда японских окопов. Звонарев не замедлил привлечь внимание японцев, по нему сделали несколько выстрелов. Прапорщик сошел вниз и направился в казарму.

В горжемом рву, как муравьи в развороченном муравейнике, толпились солдаты, исправляя причиненные бомбардировкой разрушения. Булганов, весело покрикивая, бегал между ними. Он уже успел успокоиться, но ласковое, дружеское обращение с солдатами на этот раз показалось Звонареву неискренним.

- Шевелись, дружочки! Надуем японца, чтобы к утру все опять было в прежнем виде. Он разбивает, а мы восстанавливаем. Ему это скоро надоест, и он уйдет от Артура, - говорил Булганов.

Верили солдаты ему или нет, прапорщик понять не мог, но работали они дружно. Комендант попросил Звонарева и Сойманова остаться до прибытия на форт офицеров взамен выбывших из строя.

Было далеко за полночь, когда Звонарев вернулся в штаб. Кроме

дежурных телефонистов, все спали. Наскоро поужинав холодной кониной и горячим чаем из термоса, Звонарев, не раздеваясь, улегся на свою раскладушку.

- Прошу вас, ваше превосходительство, сегодня же сдать все дела генералу Горбатовскому, - сердито приказал Стессель.

- Шлушаюшь, - дрожащим от волнения голосом ответил Надеин, стоявший около генерал-адъютантской лошади.

- Вам, Митрофан Александрович, надо хорошенько отдохнуть. Посмотрите, на что вы стали похожи - похудели, осунулись, мешки под глазами. Как вы не крепитесь и ни храбритесь, а годы берут свое, - уже гораздо мягче проговорил Стессель.

- Отдыхать будем, ваше превосходительство, в могиле. Ежели я уже не пригоден жа штароштью для командования вшем фронтом, то ражрешите мне принять хотя бы роту в первой линии, ш ней я авошь еще шправляюшь, - просил Надеин, глядя слезящимися глазами на монументально восседавшего на коне Стесселя.

- Что вы, у меня этого и в мыслях не было, Митрофан Александрович! Поживите в городе неделю-другую, отоспитесь, сходите в баньку, - старался успокоить гь старика генерал-адъютант.

- Как милошти, прошу у вашего превосходительства оштатъша на фронте вмеште ш шолдатами на любой долгиошти - хоть шанитаром или кашеваром.

- Какой же вы упрямец, Митрофан Александрович. Жена, узнав, что вы будете в Артуре, велела мне передать вам приглашение на обед на завтра.

- Премного благодарен матушке Вере Алексеевне жа штоль милоштивное внимание ко мне. Прошу передать ей мою глубокую прижнательношь.

- Сейчас сюда прибудет генерал Горбатовский, а вы отправитесь в мое распоряжение, - теряя терпение, повторил приказание Стессель. - Мои адъютанты все разосланы по фортам. Просьба откомандировать в мое распоряжение на сегодня одного из чинов вашего штаба.

- Шлушаюшь! - ответил Надеин. - Федор Вашильевич, кого бы мы отдали

беж ущерба для дела? - обратился он к Степанову.

- Прапорщика Звонарева. Собирайтесь поживей, молодой человек, и отправляйтесь сопровождать генерал-адъютанта. Возьмите мою лошадь, а то она сильно застоялась.

Через десять минут прапорщик уже ехал в свите генерал-адъютанта, неторопливо следовавшего по улицам

Старого города. Густой туман мешал японцам, и они ограничивались обстрелом наудачу города и порта.

- Мерзейшая погода, - ежился Стессель. - Хорошо только, что япошата молчат и наши артурцы смогут немного отдохнуть от обстрела. Свернув влево, они выехали на Пушкинскую улицу.

Почти все дома в Старом городе были разрушены. Только почтовая контора еще уцелела. На Пушкинской улице виднелись развалины нескольких домов - магазина и склада Чурина, городской читальни, типографии газеты "Новый край" и других. Возле разрушенного здания типографии уныло бродил редактор-издатель газеты полковник Артемьев. Вместе со своими сотрудниками он под обломками разыскивал уцелевшие части печатных машин.

Подозвав его к себе кивком головы, Стессель выразил ему свое соболезнование в постигшей беде, но тут же не преминул прибавить:

- Я думаю, что оборона Артура от этого не пострадает. Газета, да еще в условиях осажденной крепости, излишняя роскошь. Пусть читают мои приказы, в них написано все, что нужно и можно знать гарнизону и жителям города.

- Я все же собираюсь возобновить газету, но уже в Новом городе. Сейчас подыскиваю подходящее здание.

- Только без какого бы то ни было участия в ней этого мерзавца и японского шпиона Ножина, - сразу загорячился генерал, вспомнив сообщения "иностранных" корреспондентов.

- Воля вашего превосходительства будет строго выполнена, - поспешил заверить полковник.

Миновав Старый город, разрушенную железнодорожную станцию с

разбитыми и исковерканными вагонами на путях, генерал-адъютант решил побывать на Зубчатой и Саперной батареях, благо сегодня там было совершенно тихо и безопасно.

Вениаминов встретил генерала далеко впереди позиции и почтительно шел у генеральского стремени, на ходу докладывая о положении дел. За убылью артиллерийских офицеров он командовал обеими батареями и переселился в прекрасно оборудованный блиндаж Страшникова на Зубчатой.

Спешившись, Стессель зычным голосом поздоровался с солдатами, затем даже рискнул забраться на бруствер и, став во весь рост, внимательно разглядывал в бинокль сквозь туман японские позиции. Поблагодарив за службу Вениаминова и солдат, генерал направился уже обратно. В это время где-то далеко чуть слышно прогремел выстрел и затем послышался свист приближавшегося снаряда.

- Сюда, кажется, - беспокойно проговорил генерал-адъютант, ускоряя шаги.

Впереди и несколько сбоку вырос фонтан дыма, раздался грохот, запели осколки. Забыв обо всем, Стессель ринулся к спасительным блиндажам, придерживая рукой шашку, и в этот момент небольшой осколок ударил его в правый висок. Генерал охнул и со всего размаху повалился на землю. Его фуражка отлетела далеко в сторону. Свита бросилась его поднимать. Несколько капель крови алели на седеющих волосах генерала.

- Генерал-адъютант убит или смертельно ранен! - не своим голосом закричал Вениаминов, падая на колени рядом с лежащим на земле Стесселем. - Скорей носилки, позвать врачей! - командовал он, прикладывая свой носовой платок к голове раненого.

Сопровождавшие генерала казаки и солдаты бросились исполнять эти приказания. Звонарев опустился на землю рядом с Вениаминовым и помогал ему привести в чувство Стесселя. Генерал был бледен и едва заметно дышал, но кровавое пятно на платке почти - не увеличивалось.

- Где я, что со мной? - чуть слышно спросил наконец генерал и

попытался приподняться.

- Ради бога, ваше превосходительство, лежите спокойно и не двигайтесь, иначе у вас выпадут мозги из головы, - трагически проговорил Вениаминов.

"Если только они у него есть", - не смог не улыбнуться про себя Звонарев.

Слова капитана и особенно гон, каким они были произнесены, вновь повергли Стесселя в беспамятство.

- Пойдите за носилками сами, Сергей Владимирович, - все сильнее нервничал Вениаминов.

Но к месту происшествия уже со всех сторон бежали санитары с носилками в руках. Раненого генерал-адъютанта бережно перенесли в ближайший солдатский блиндаж, и здесь ротный фельдшер сделал первую перевязку. Стессель уже вполне оправился и теперь только морщился от боли. Вениаминов разослал целую роту стрелков и артиллеристов на поиски врача. Как на грех, воспользовавшись затишьем на фронте, все доктора уехали в тыл за медикаментами и перевязочным материалом. Наконец нашли молодого врача Красного Креста Миротворцева. Он осмотрел рану и поспешил успокоить генерала:

- Сущие пустяки, царапина, а не рана. Через неделю все заживет.

Все еще бледное лицо Стесселя сразу побагровело.

- Очевидно, вы, доктор, не хирург по специальности.

У меня страшно болит вся правая половина головы и пульсирует в мозгу. Вероятно, треснули черепные кости и начинается кровоизлияние в мозг, - сердито проговорил он.

- Да этого быть не может, ваше превосходительство, - простодушно уверял врач. - Случись это, ваше состояние было бы гораздо тяжелее. С такими ранами мы возвращаем стрелков в строй.

Последняя фраза окончательно вывела генерала из себя.

- Вы, очевидно, забываете, что я генерал, а не солдат, если позволяете себе разговаривать подобным тоном. Доложите обо всем егермейстеру Балашову.

Хотя вы и не военный врач, но чинопочитание обязательно и для вас. - И генерал, не прощаясь, вышел из блиндажа.

- Быть может, прикажете подать экипаж? - почтительно справился Вениаминов.

- Как-нибудь доберусь и верхом, - ответил Стессель.

С помощью двух ординарцев он водрузился на свою смиреннейшую кобылу и шагом тронулся по дороге. Раздавшиеся сзади разрывы шрапнелей сразу же придали бодрости его превосходительству, который не замедлил перевести свою лошадь на рысь, а затем в галоп. Постепенно прибавляя аллюр, вся кавалькада вскоре уже карьером неслась по узким улицам. Встречные повозки и экипажи при виде бешено мчавшегося генерал-адъютанта с перевязанной головой спешно сворачивали в сторону, люди мгновенно цепенели, отдавая честь или снимая фуражки перед грозным начальством. Проскакав добрых пять верст, Стессель около своего дома перешел в шаг.

Как ни быстро мчался генерал, но все же телефонограмма о его тяжелом ранении уже дошла до штаба. Немедленно же Рейс кинулся с нею к Вере Алексеевне. В доме поднялась невообразимая суматоха. Забыв обо всем, генеральша в одном капоте, с непокрытой головой выбежала навстречу своему супругу и тут же на улице, заключив его в свои объятия, истерически разрыдалась. Девочки-воспитанницы бросились на колени перед своим благодетелем и наперебой целовали ему руки. Рейс, Водяга, Гаптимуров и еще с полдюжины штабных офицеров кинулись поддерживать под руки свое начальство.

Успокаивая взволнованную жену, генерал-адъютант милостиво раскланивался по сторонам и благодарил окружающих за проявленное сочувствие.

Звонарева все наперебой расспрашивали, что и как произошло на злосчастной Зубчатой батарее. Он десять раз повторил несложный рассказ о происшедшем.

Едва Стессель вошел в свой кабинет, как появился Никитин, за ним - Фок, Церпицкий, Белый. За генералами пришли полковники и все

желающие так или иначе выразить свое сочувствие генералу. Целый сонм врачей во главе с егермейстером Балашовым и артурским Пироговым - главным хирургом крепости доктором Гюббенетом, еще раз осмотрели и вновь забинтовали генеральскую голову.

Более опытный в житейских делах, чем простак Миротворцев, Гюббенет много и долго распространялся о необходимости соблюдать полный покой, не волноваться и вообще обратить самое серьезное внимание на здоровье генерала.

При этом условии он обещал полное и скорое исцеление.

- Скажите правду, Борис Викторович, - умоляла его Вера Алексеевна, - рана не смертельна?

- Все в руках божьих. Но будем надеяться, что это так, - дипломатично отвечал главный хирург.

- Я вас запишу в свой поминальный синодик о здравии, Борис Викторович, и попрошу протоиерея Глаголева вынимать частицу из просфоры за ваше долголетие.

Гюббенет поблагодарил и почтительно приложился к ручке генеральши.

Стессель счел нужным также особо отметить проявленную при его ранении распорядительность Звонарева.

- Да, да, конечно, Анатоль. Поведение мосье Звонарева заслуживает награды, - вторила ему супруга.

- Все это найдет отражение в приказе. Прапорщик, вы имеете уже клюкву? - спросил генерал-адъютант.

- Никак нет, клюквенного морса у меня не имеется.

Дружный хохот окружающих был ответом на эти слова Звонарева.

- О господи, какой вы все еще штатский человек! - вздохнула Вера Алексеевна. - Я женщина, и то знаю, что "клюквой" называется красный анненский темляк на шашке - первая боевая офицерская награда.

- Орден Святой Анны четвертой степени с надписью "За храбрость", - пояснил Стессель.

- Никак нет, не имею!

- В таком случае властью, данной мне главнокомандующим, я

поздравляю вас кавалером этого ордена, - объявил генерал, протягивая руку прапорщику.

- Мне кажется, я ее совсем не заслужил, - смущенно забормотал Звонарев.

- Не скромничайте, молодой человек, вы давно заслужили, и только не представлялось подходящего повода для награды. Давайте вашу шашку, я сама прикреплю к ней новый темляк, - запела Вера Алексеевна.

Начались общие поздравления. Были уже сумерки, когда наконец прапорщик после обильного обеда был отпущен домой. Около Пушкинской школы его окликнула Варя.

- Он сегодня умер, - печально сообщила она.

- Кто?

- Сахаров, конечно. Все шло так хорошо, и вдруг ни с того ни с сего крупозное воспаление легких - и через два дня конец.

- Откуда вы это узнали?

- Я дежурила около него последние сутки. Сделали все, что только было можно. Главный врач больницы Петр Андреевич Розанов не отходил от него ни на минуту, и все же спасти Василия Васильевича не удалось, - голос девушки дрожал от еле сдерживаемых слез.

Звонарев сочувственно вздохнул.

- Пожелаем ему царствия небесного.

- Он все время бредил, говорил что-то о Фоке и бранил Гантимурова, вспоминал Веру Алексеевну...

- Вы знаете, сегодня на Зубчатой батарее ранен Стессель, - в свою очередь, поделился новостью Звонарев.

- И серьезно? - довольно безучастно спросила девушка.

- Пустяки, оцарапало ему голову камнем или осколком при взрыве снаряда.

Он-то старается всех убедить, что рана весьма опасна, а окружающие делают вид, что верят этому. Настоящая комедия! Меня за "безумную" храбрость, проявленную при оказании первой помощи генералу, наградили "клюквой", - похвастался прапорщик и подробно рассказал

обо всем происшедшем.

- Если все это правда, то за что же вас наградили? А затем - неприлично разговаривать с дамой, сидя на лошади, потрудитесь сейчас же слезть на землю! - обрела свой обычный тон Варя. Звонарев повиновался. - Пойдемте к учительницам в школу. Вы им расскажете о своих чудесных приключениях.

В школе, где они застали Стаха и Борейко, в сотый раз Звонарев рассказал обо всем самым подробным образом, вплоть до своего неожиданного награждения.

Последнее вызвало общий смех.

- Вы были на Электрическом Утесе, под Цзинджоу, на батарее литеры Б, при штурме Высокой, наконец, на фортах - и не удостоились даже благодарности, а тут сразу получили орден! - удивлялась Мария Петровна.

- Покажи-ка свою саблю, Сережа, - попросил Борейко.

Взяв шашку в руки, он с комическим видом понюхал красный темляк и, сорвав его с эфеса, бросил в горящую печь.

- Чтобы стесселевским духом от тебя не пахло, - пояснил он, возвращая шашку. - Есть награды, которыми можно и должно гордиться, а есть и такие, которые унижают, которых нельзя не стыдиться, - добавил он.

Звонок прервал этот разговор.

- Варя, тебя спрашивает какой-то служащий Тифонтая, - сообщила Оля, открывавшая дверь.

- Проси его сюда, - распорядилась Мария Петровна.

Через минуту в столовую вошел господин Шубин и раскланялся со всеми присутствующими.

- Я хотел бы переговорить с мадемуазель Белой без свидетелей, - проговорил он.

Удивленная девушка вышла с ним в соседнюю комнату.

- Наш общий друг и мой начальник Василий Васильевич Сахаров отошел в мир теней, - начал Шубин. - Незадолго перед своей смерч господин Сахаров через вас же передал мне записку, которую вы так хотели

прочитать. Теперь я могу удовлетворить ваше любопытство. Василий Васильевич сделал завещание в вашу пользу. Он оставил вам всю обстановку своей квартиры. Он приказал мне передать вам, что это его свадебный подарок. Вам надо подать заявление в местный суд о вводе во владение. Я его уже заготовил, подпишитесь внизу, и я завтра с утра начну хлопотать об этом, - протянул бумагу Шубин.

- Но я не собираюсь выходить замуж, а поэтому, господин Шубин, не считаю возможным и вступить во владение завещанным имуществом, - отказалась Варя.

- Этим вы оскорбите тень нашего друга. Быть может, вы примете хоть небольшой слиток червонного золота на обручальные кольца? Когда в них встретится надобность, вы его используете.

Варя решительно отказалась. Вернувшись в столовую, она рассказала о завещании Сахарова и о своем отказе от наследства.

Друзья начали прощаться.

Пройдя полдороги вместе с Борейко, прапорщик свернул к штабу. Он подробно рассказал Степанову о дневных приключениях, умолчав, однако, о своем награждении. Капитан выслушал его с видимым интересом, а затем повел к новому командующему фронтом, генералу Горбатовскому.

Очень высокого роста, широкоплечий, с пушистыми седыми бакенбардами, с отрывистой лающей речью, он показался прапорщику типичным армейским бурбоном.

Генерал принял прапорщика просто и смеялся, слушая его рассказ.

Вернувшись от Стесселя, Фок уселся в мягкое кресло и принялся читать недавно полученную в Артуре немецкую газету "Остазиатнше Цейтунг". Не успел он погрузиться в дебри высокой политики, как к нему вихрем влетел радостный Гантимуров.

- Приказание вашего превосходительства выполнено. Сахаров умер.

- Когда и при каких обстоятельствах?

- Сегодня, от воспаления легких, которое я ему устроил. Надеюсь, вы теперь не откажетесь вернуть мне хотя бы часть моих векселей?

- У меня к этому нет никаких оснований, - невозмутимо ответил генерал.
- Зато у меня есть все основания считать вас непорядочным человеком, - вспыхнул поручик.
- Что вы, сутенер, шулер и просто мелкий жулик, понимаете в порядочности?
- Во всяком случае, больше, чем бывшие жандармы и шпионы.
- Напрасно вы думаете, что можете меня оскорбить. Я слишком презираю вас, чтобы обижаться. Но так как ваше присутствие не доставляет мне никакого удовольствия, то прошу вас покинуть мою квартиру. Эй, подать поручику пальто! - крикнул генерал.

Князь ушел. Фок по телефону вызвал Рейса и, попросив не допускать Гантимурова до Стесселя, добавил:

- Жду вас немедленно к себе.
- Позвать сюда Шубина, - приказал он затем денщикам.

Как только Шубин появился в комнате, лицо Фока сразу просветлело.

- Итак, наш милейший друг Василий Васильевич, к великому сожалению, покинул бранный мир. Что же вы собираетесь теперь делать?
- Господин Тифонтай предусмотрел этот случай. Управление всеми делами передается мне, но под мудрым контролем вашего превосходительства, - отвечал Шубин.
- Никогда не думал, чтобы он оказался столь дальновидным.
- Покойный капитан был неплохим советчиком.
- Постараюсь во всем следовать ему, за исключением оплаты моих, как вы выразились, мудрых советов. По своему генеральскому чину и положению я должен получать значительно больше, чем получал Сахаров. В цене скоро сошлись. Обсудив затем некоторые детали, оба собеседника поднялись с мест.
- Да, не думаете ли вы, милейший, что некий князь совершенно не нужен в Артуре?
- Мои мысли всегда совпадают с желаниями вашего превосходительства.
- Тем лучше, медлить не следует.
- Все будет сделано в кратчайший срок!

Шубин исчез, а на смену ему появился Рейс.

- Надо немедленно опечатать квартиру Сахарова, - с места начал Фок.

- Это уже сделано.

- ...и назначить комиссию для приведения в ясность оставшихся дел и имущества. Общее руководство - за мной, но меня в нее официально не вводите.

Рейс едва успевал записывать распоряжения Фока.

- Сегодня же оформите у Стесселя этот приказ.

- Будет сделано, ваше превосходительство.

- Итак, мы теперь без всяких посторонних лиц связаны со штабом, но, конечно, не Куропаткина, - весело засмеялся Фок. - И можно действовать смелее. Вам поручается "мадам", благо вы еще мужчина в соку и вполне сохранили свой гвардейский вид, а я вплотную займусь моим старым, но, увы, безнадежно глупым другом, - весело шутил генерал, потирая от удовольствия руки.

- Кстати, следовало бы также чем-либо отметить память нашего незабвенного друга. Это бы и для нас было полезной ширмой. Надо подумать о сооружении ему памятника в Дальнем, - предложил Рейс.

- Нет, этого без разрешения японцев не сделаешь. Проще представить его к ордену, например - к Георгиевскому кресту.

- Но за что же?

- Хотя бы за то, что так хорошо сумел наладить связь с... японцами. Это ведь дело весьма рискованное. Подайте-ка эту мысль Вере Алексеевне!

Поздний звонок встревожил собравшуюся на покой Веру Алексеевну. Не желая беспокоить уже дремавшего в постели мужа, она сама вышла в приемную.

- Приношу тысячу извинений! Не будь самых срочных дел, никогда не посмел бы беспокоить в столь поздний час, - расшаркался Рейс. - Сейчас получил известие о смерти в больнице Красного Креста капитана Сахарова.

- Василий Васильевич умер? - с ужасом воскликнула генеральша и от волнения опустила на стул. - Какое несчастье! Неужели эти медики не

могли его спасти? Два дня тому назад уверяли, что он вне опасности - и вдруг умер!

Завтра же велю отслужить по нем панихиду. - И Вера Алексеевна по-настоящему всхлипнула.

- После Василия Васильевича осталось значительное имущество, различные документы, имеющие, быть может, большую государственную важность. Все это надо привести в ясность, необходимо принять сразу же экстренные меры. Я набросал тут проект приказа и хотел просить его превосходительство о подписи.

- Анатолий уже спит, завтра с утра я передам ему. Никак не могу примириться с мыслью, что бедного Василия Васильевича уже нет на свете, - печально вздохнула Вера Алексеевна. - Когда же всем этим ужасам придет конец?

- Когда это найдет нужным и возможным Анатолий Михайлович.

- Разве дело только в нем? А Фок, Смирнов, Белый, Кондратенко, адмиралы...

- Генерал Фок давно уже обдумывает этот вопрос. Вот с Кондратенко договориться труднее! Остальных не стоит и принимать в счет. В случае чего их можно и обезвредить.

- Роман Исидорович еще месяц тому назад поднимал вопрос о сдаче, но Анатолий отклонил его предложение, - проговорила генеральша. - Только вы не выдавайте меня мужу, Виктор Александрович. Это секрет.

- Тем не менее Кондратенко проявляет самую кипучую деятельность по обороне Артура и, кроме того, очень популярен среди солдат и младших офицеров.

- Ну, тех-то никто спрашивать не станет, что делать. Прикажут - они сдадутся.

- А если нет?

Вера Алексеевна с удивлением и страхом посмотрела на своего собеседника.

- Быть этого не может, - полушепотом проговорила она.

- Я вполне уверен, что первым откажется повиноваться приказу о сдаче

все тот же Кондратенко, и гарнизон его поддержит. Недавно я шутя спросил его, что он будет делать при известии о сдаче Артура. Он совершенно серьезно ответил, что арестует начальника, отдавшего такое приказание, и будет продолжать сражаться до последнего человека.

- Анатолий об этом знает?

- Я не доводил до сведения его превосходительства.

- Напрасно. Я сама расскажу ему обо всем. Спокойной ночи. - И генеральша удалилась.

- В чем там дело? - сонно справился Стессель у жены.

Вера Алексеевна передала свой разговор с Рейсом. К известию о смерти Сахарова генерал отнесся совершенно спокойно. Но награждать Сахарова все же не согласился.

- Одним жуликом в Артуре стало меньше, царство ему небесное, - пробормотал он зевая.

- Как ты можешь так говорить о покойнике? О них или не говорят, или говорят хорошо.

- В могиле все безукоризненно честны, Верунчик. А Рейс - хитрая лиса, себе на уме, вроде твоего Кондратенко. Два сапога пара. Крестов же за мошенничества пока не дают.

- Виктор Александрович всецело предан тебе и твоим интересам...

- Потому что сидеть в штабе гораздо спокойнее, чем командовать полком на позиции: больше шансов уцелеть.

- Когда ты думаешь кончить воевать, Анатолий? - спросила генеральша.

- Это вопрос сложный. Если Артур падет раньше времени, я за все буду отвечать. Выгонят меня со службы.

- У нас кое-что есть в Шанхайском банке.

- На три-четыре тысячи долго не проживешь.

- А золото, которое хранилось в Артуре?

- О нем, конечно, знают японцы и все отберут при капитуляции.

- Можно попробовать с ними договориться.

- Снявши голову, по волосам не плачут. Сдавши крепость, об условиях капитуляции не говорят.

- Тогда нужно начать переговоры заранее.
- О сдаче? - даже приподнялся на кровати генерал.
- Если Артуру суждено пасть, то надо хоть себя обеспечить в материальном отношении. Служишь ты почти сорок лет, а, в сущности, гол как сокол; нищ как церковная крыса.
- Это-то, конечно, верно, но твои планы очень опасны, - уже неуверенно проговорил Стессель.
- С точки зрения гуманности тоже не следует затягивать оборону, так как это поведет к лишним, напрасным жертвам. Ты подумай, сколько жен, матерей и детей будут за тебя молиться богу, если ты сохранишь их мужей, сыновей и отцов.
- Этот вопрос надо как следует обдумать, а за Кондратенко установить негласное наблюдение: не ведет ли он интриг против меня? Но кому это поручить?
- Конечно, Фоку. Он ведь из жандармов и хорошо знает, как это следует организовать.
- Завтра же с ним об этом переговорю.
- А заодно и о сроках обороны, - вставила Вера Алексеевна.

В тот же вечер, когда Гантимуров возвращался домой после безуспешной попытки повидать Стесселя и пожаловаться на Фока, он был убит случайной пулей, залетевшей в город.

- Потарапливайтесь, Сергей Владимирович, - будил Рашевский заспавшегося Звонарева. - К десяти часам на форт номер два должен прибыть генерал Смирнов. Он лично хочет взорвать заложенный нами в левой галерее камуфлет.

Обжигаясь горячим чаем, глотая целиком куски холодной конины, прапорщик одновременно одевался. Через несколько минут он уже шагал рядом с подполковником по военной дороге. Стоял ясный, солнечный день. Японцы усиленно обстреливали все форты и тылы крепости. Русские батареи молчали. После ночного дождя было свежо, еще не высохшие лужи блестели под лучами солнца. Рашевский громко хохотал, слушая рассказ о ранении Стесселя и о награждении Звонарева.

- Смех-то наш сквозь слезы Больно все это грустно и гнусно. Служить бы каждый из нас рад, но прислуживаться тошно, - заметил Рашевский, выслушав рассказ.

- Зато меньшинство, которое вьется около начальства, процветает, осыпавшее наградами.

- Вот и на форту втором. Решили мы подорвать японскую минную галерею.

Рассчитал я заряд, получилось около трех пудов пороха, а у Григоренко вышло в два с лишним раза больше. Мы заспорили. Подошел Смирнов и давай тоже считать. Досчитался чуть ли не до десяти пудов. Если взорвать такой камуфлет, то может обнажиться тыльная стена капонира. Сколько я ни возражал - не слушают, а Григоренко не смеет перечить начальству. Вот и заложили девять с половиной пудов. Сделали забивку, теперь сам Смирнов прибудет для того, чтобы замкнуть ток мины.

- И получить крест за вашу работу...

- Вернее, наградить деревянными крестами добрый десяток наших солдат, если только все выйдет, как я предполагаю.

- Быть может, сообщить об этом Стесселю, он остановил бы своей властью это дело?

- Что вы! - замахал руками Рашевский. - Если только сунуться сейчас к нему, жена раскричится. Нет, надо идти на форт и там по возможности обезвредить генеральскую затею.

На форту они застали нового коменданта, молодого поручика Фролова. Он проявлял кипучую деятельность. Противоштурмовые пушки в полной боевой готовности находились на брустверах. Рядом с ними сидели на земле номера. На тыловом капонире поставили пулеметы и старые полевые пушки. Капонир вооружили малокалиберными скорострельными морскими орудиями. Гарнизон был разбит на три части. Одна часть гарнизона спала в нижней казарме, другая дежурила в верхней, а третья караулила снаружи. Даже на укрытом ходу над контрэскарпной галереей усилился караул. Молодой артиллерийский поручик носился по форту, примеряя, где бы еще можно было установить орудие или миномет.

Солдаты сразу повеселели и имели бодрый вид. Около минных галерей Рашевский и Звонарев нашли прапорщика Берга.

- Выдержит забивка? - спросил его Рашевский.

- Думаю, что выдержит, но боюсь, чтобы свод или стены каземата не дали трещины при взрыве камуфлета, - ответил минер.

- Тогда микадо должен будет наградить Смирнова большим орденом за его помощь японским саперам!

- Во всяком случае, отсюда и из контрэскарпной галереи надо будет вывести всех людей, а также убрать часовых с укрытого хода и брустверов, - распорядился Рашевский.

- Генерал Смирнов! - торопливо доложил Один из стрелков.

В сопровождении Фролова быстро шел своей прыгающей петушиной походкой комендант крепости.

- Здравствуйте, друзья мои! - на ходу приветствовал он солдат.

- Ишь ты, друг-то какой у меня нашелся, с красными отворотами! - прошептал кто-то сзади Звонарева.

Прапорщик обернулся и увидел Блохина. Солдат похудел, почернел, оброс щетиной. Его глубоко посаженные в орбитах глаза горели беспокойным огнем и все время находились в движении.

- Здорово, Блохин! - дружески улыбнулся ему Звонарев.

- Здравия желаю! Думал, не захотите и признать меня. А где наши-то? - скороговоркой вполголоса проговорил солдат.

- Работают около третьего форта по устройству электрической станции. А ты как поживаешь?

- Скушно без своих, - вздохнул солдат. - День за неделю кажется. Хоша бы поручик набил мне морду да вернул на батарею.

- Что там за приватные разговоры в моем присутствии? - вдруг обернулся Смирнов. - Можете найти другое время и место для своих собеседований, господин прапорщик. Это что за бандитская рожа? Как стоишь, какой части, фамилия?

- Бомбардир-лаборант Блохин.

- Титуловать надо, дурак. Зачем здесь? На неделю без горячей пищи! -

брызгался слюной генерал, злобно глядя на солдата.

- Хорош друг, нечего сказать! - пробурчал Блохин себе под нос.

- Не угодно ли вашему превосходительству послушать, как работают японцы? - поспешил отвлечь внимание генерала Рашевский.

Смирнов махнул рукой, чтобы все замолчали, и припал ухом к бетону. Прошла минута напряженного молчания.

- Да, да! Но они, по-моему, еще очень далеко от капонира, не ближе тридцати саженей.

- Я считаю, что не больше десяти-двенадцати, - возразил Рашевский.

- Вы считаете! - презрительно бросил комендант. - Я окончил две академии - артиллерийскую и генерального штаба - и, надо думать, кое-что в минном деле понимаю.

- Я же учился всего лишь в одной - в инженерной академии.

- Вечно вы, полковник Рашевский, вступаете в неуместные споры, - оборвал генерал и вышел из капонира.

- Видели? - кивнул ему вслед головой Рашевский. - Изволь иметь дело с таким упрямым ослом!

Электрические провода от мины были выведены на внутренний дворик форта в один из блиндажей переднего бруствера. Смирнов, все еще раздраженный, брюзжал всю дорогу. На дворике он громко, во весь голос, поздоровался с солдатами. Те ответили сдержанно и тихо, не желая привлекать внимания японцев, до которых было не более пятидесяти шагов.

- Отвечать как следует, а не бормотать себе под нос! Здорово, друзья! - крикнул генерал.

Солдаты ответили на этот раз громко и дружно, и через минуту около бруствера разорвались две бомбочки, брошенные японцами.

- Ой, братцы, ой, рука! - застонал стрелок, у которого по локоть оторвало руку. Соседи бросились к нему на помощь. Генерал же поспешил юркнуть в блиндаж.

Не успели солдаты отойти от брустверов, как Смирнов включил ток. Над местом взрыва поднялся столб дыма и пыли, полетели вверх доски,

камни и какие-то бесформенные предметы. Сильно осела земля.

В первый момент у японцев воцарилось полное затишье, которое через минуту сменилось неистовой ружейной трескотней и градом ручных гранат. Пули и осколки засвистели во всех направлениях, ранив и калеча не успевших укрыться.

Смирнов предпочел отсиживаться в блиндаже, пока не уляжется этот ураган смерти. Фролов, выскочивший наружу, чтобы успокоить метавшихся по дворику солдат, тоже получил ранение в кисть руки.

- Всего этого можно было избежать, если бы ваше превосходительство не так торопились, - проговорил Рашевский, глядя на происходившее в форту смятение.

- Потрудитесь не учить, что и как мне делать! - обозлился Смирнов. - Вы боялись, что развалится капонир, а он стоит целехонек. Я предвидел и учел все возможное и невозможное, когда рассчитывал взрывной заряд. У меня было сделано свыше десяти вариантов для разных случаев.

Как только стало тише, Смирнов торопливо скрылся в тыловую казарму. Здесь прапорщик Берг доложил ему, что капонир остался совершенно цел и забивка камуфлета хорошо выдержала удар взрывной волны.

- Вот видите, - торжествовал генерал, обращаясь к Рашевскому, - а вы еще со мной спорили.

В это время с Куропаткинского люнета прибежал с запиской запыхавшийся стрелок. Комендант люнета сообщал, что камуфлетом была обнажена тыловая стена капонира и японцы, видимо, подготавливали ее взрыв снаружи.

- Немедленно обстрелять и забросать бомбочками, - распорядился Смирнов.

- Обстрелять нельзя, так как это место в мертвом пространстве, а бомбочками можно повредить стену, - нахмурился Рашевский.

- Вашескорodie, японец долбит самую крышу капонира! - прибежал с докладом Блохин.

Рашевский опрометью бросился к потерне. За ним устремились все, кроме Смирнова, что-то сердито кричавшего им вдогонку.

Оправдались наихудшие опасения Рашевского. Японцы подобрались к крыше капонира и, положив на нее заряд динамита, произвели один за другим несколько взрывов. После первого в своде появились трещины, после которого в нем образовалось небольшое отверстие, а после третьего свод рухнул, и японцы ринулись внутрь капонира. Все это произошло настолько быстро, что стрелки едва успели загородить мешками с землей выход из капонира в контрэскарпную галерею.

Японцы втащили в капонир пулемет и открыли из него огонь вдоль галереи.

Положение русских стало сразу критическим. Спасая положение, Фролов бросился вперед и бомбочкой уничтожил пулемет. Оправившиеся стрелки кинулись за ним.

У входа в тесный, темный, полуразрушенный капонир начался рукопашный бой.

Несколько японских солдат подобрались по рву к пушечным амбразурам и через них забросали внутренность капонира бомбочками большой разрушительной силы, при этом взорвалась целая груда пушечных патронов, оставшихся в орудиях.

Часть капонира рухнула. Контрольная галерея наполнилась едким дымом и пылью.

Среди солдат началась паника.

Раненый Фролов, стараясь перекричать грохот, сзывал к себе стрелков и попытался с несколькими смельчаками еще раз броситься в штыки.

Звонарев потерял в темноте Рашевского и, схватив первую попавшуюся под руку винтовку, выпускал патрон за патроном в сторону японцев.

- Поберегитесь, Сергей Владимирович, я их сейчас угощу, - хрипел у него над ухом Блохин и, размахнувшись, кинул сразу целый десяток бомбочек.

Страшный взрыв оглушил припавшего ничком к земле прапорщика. Сверху посыпались осколки бетона, земля и окровавленные куски человеческих тел.

Блохин вскочил на ноги и, громко закричав, со штыком наперевес

бросился в сторону японцев. Прапорщик последовал за ним. Вдвоем они вскочили в полуразрушенный капонир, где в живых застали двух оглушенных японцев, которых Блохин тут же и приколол. За ним вбежали стрелки и наскоро стали сооружать траверс из земляных мешков. Японцев не было видно.

Звонарев начал осматриваться. Половина капонира около левой минной галереи была разрушена сверху донизу и представляла собой груду бетонных осколков. Часть капонира около правой минной галереи уцелела. Ее-то и начали торопливо укреплять земляными мешками.

Вскоре японцы опять попытались прорваться в ров через разрушенный капонир, но были отброшены картечью с брустверов форта и вернулись в свои окопы. Настало временное затишье. Рашевский, дважды оцарапанный бетонными осколками, перевязанный носовым платком, расхаживал окопы остатков капонира.

- Надо сейчас же вокруг разрушенного пространства в гласисе устроить бруствер из мешков с землей и гнезда для пулеметов, иначе ночью японцы прорвутся через ров прямо на форт, - предупреждал он.

Стрелки быстро и сноровисто стали укладывать метки по его указанию.

- А Смирнов где? - вспомнил Звонарев.

- Как только пахло жареным, дал стрекача. Забыл и про свой генеральский чин, когда бежал через горжевой мост, - ответил подполковник.

День промелькнул очень быстро, и совсем неожиданно наступил вечер. Стало быстро темнеть. Начавшийся артиллерийский обстрел форта заставил стрелков спрятаться в контрэскарпную галерею и казармы. Тяжелые, сотрясавшие до основания весь форт взрывы указывали, что идет бомбардировка из одиннадцатидюймовых орудий. Звонарев, Рашевский, Фролов и артиллерист Корсаков сидели в казарме, когда на форт неожиданно прибыл Кондратенко в сопровождении своего неизменного начальника штаба Науменко. Невзирая на обстрел, они сразу же отправились осматривать повреждения капонира.

- Зачем вы, Сергей Александрович, впутали в минное дело Смирнова? Он

ведь ни уха ни рыла в нем не понимает, - упрекал генерал Рашевского.

- Сам впутался, будь он неладен! Кинься японцы сразу после взрыва на штурм, была бы нам крышка, не отбились бы от них.

- Эта опасность, по-моему, еще не миновала. Я распорядился передвинуть сюда две роты резерва и направил вам еще два пулемета с китайской гладкостенной картечницей.

- Она-то нам на что? - удивился Корсаков.

- Она у нас будет на ролях сторожевой пушки. Поставьте ее на месте прорыва и в случае штурма ударите картечью.

Проходя по казармам, Кондратенко, как и Смирнов, здоровался с солдатами, но обращал внимание исключительно на их вид, а не на выправку.

- Когда ели, давно ли были на отдыхе, нет ли цинготных? - спрашивал он у стрелков.

Глядя со стороны на этого невысокого, невзрачного на вид генерала с глуховатым голосом и живыми умными глазами, Звонарев мысленно представил себе его в серой солдатской шинели.

"Едва ли бы он выделился чем-либо из толпы десятков и сотен других стрелков, разве что своей сметкой", - подумал прапорщик, так мало было в Кондратенко специфически барского, офицерского.

Солдаты, видимо, чувствовали то же самое и свободно разговаривали с генералом, путая официальное титулование с простым обращением к нему по имени и отчеству, которое твердо знали все стрелки. Кондратенко даже не замечал этого нарушения уставной формы.

- Если японцы прорвутся в ров, стремитесь отрезать им путь отступления, атакуя их из контрэскарпной галереи. Капонир надо отстаивать до последней возможности, - предупреждал генерал обступивших его стрелков.

- Нам бы втащить в галерею скорострельную пушку, - проговорил Блохин.

- Дельное предложение. Ты кто такой? - спросил генерал.

Блохин назвался.

- Он сегодня отличился - выбил японцев из уцелевшей части капонира, - доложил Фролов.

- Представьте его к кресту.

- Бог с ним, с крестом, все равно все под деревянными лежать будем; мне бы... - замялся солдат.

- Ну, говори, чего хочешь! В город, что ль, сходить нужно?

- Никак нет... Водочки бы выпить, - смущенно улыбаясь, попросил солдат.

Стрелки дружно захохотали.

- Выдайте ему от моего имени чарку, поручик, - обратился к Фролову генерал.

- Покорнейше благодарю, ваше превосходительство! - гаркнул в ответ Блохин.

- Зайдешь потом, - приказал Фролов.

Обойдя весь форт, побывав даже в укрытом пути над контрэскарпной галереей, Кондратенко ушел с Рашевским и Звонаревым.

- Откровенно скажу - очень опасаясь, что при нервом же серьезном штурме форт будет взят, а это затруднит и осложнит оборону Китайской стенки, - задумчиво говорил Кондратенко.

В штабе Звонарева уже поджидала Варя.

- Идемте обедать вон в тот блиндаж. Там помещается кухня, а то в штабе неудобно. Скорее бы вы возвращались на Залитерную, и я буду спокойнее за вас, и люди там все знакомые. Харитина с мужем сегодня отправились уже на позицию.

- С каким мужем?

- Да Ярцевым. Вчера их повенчал госпитальный батюшка. Это Медведь им приказал жениться.

- То есть как?

- Фу, какой вы непонятливый. Из-за Харитины Блохин поранил Ярцева.

Медведь за это прогнал его с батареи. Харитине тоже запретил там появляться, чтобы все солдаты не передрались между собой. С мужем, говорит, пущу, а одну нет. Ну, они и переженились.

- Что значит - переженились? Кто на ком? Харитина на Ярцеве или он на ней?

- Замолчите, или я сейчас же уйду.

- Как же я один обедать-то буду?

- Ян забыла, что по молодости лет вас еще нужно с ложечки кормить.

За обедом Звонарев выслушал подробный рассказ обо всех артурских новостях, о самочувствии Стесселя, об увлечении Григоровича. Полочкой, о произведенных за день в Свободном госпитале операциях, причем выходило так, что во всех них Варя была едва ли не самым отавным действующим лицом.

- Они, конечно, все уже умерли?

- Кто?

- Да раненые, оперированные вашей милостью.

- Останетесь за дерзость без сладкого. - И Варя миюм проглотила крем.

- Молчу, а то и второе блюдо так же быстро исчезнет...

- Вот вам, вот вам, чтобы не дразнили меня. - И Варя слегка подергала прапорщика за ухо.

Тот в ответ свирепо зарычал, и оба весело захохотали.

Звонарев проводил девушку до городских ворот. Вернувшись в штаб, он получил от Рашевского задание на следующий день побывать на укреплении номер три.

Укрепление номер три являлось крайним западным фортом Восточного фронта обороны крепости. Хотя оно носило название "временного", но, как и многое другое в Артуре, это не соответствовало действительности. По своему устройству это было настоящее долговременное укрепление, как и форты номер два и номер три, только несколько меньшего размера. Оно защищало подступы к форту номер три с долины реки Лунхе. Китайская стенка, отходившая от западнотылового угла форта номер три, тянулась до самой горжи укрепления.

В плане оно представляло собой треугольник с закругленной вершиной.

Передний вал его шел дугой, концы которой опирались на боковые брустверы.

В тыловой части имелась бетонная казарма для гарнизона. От нее шла к бетонному капониру, расположенному в переднем рву, изогнутая потеря.

Впереди укрепления имелась линия стрелковых окопов, в непосредственной близости от которых была передовая траншея японцев. Здесь ни днем ни ночью не прекращалась борьба - то японцы врывались в русские окопы, то русские, выбив японцев, захватывали часть их траншей. Ружейная перестрелка, трескотня пулеметов и взрывы бомбочек не замолкали ни на минуту. Настойчивости "сынов Восходящего Солнца" противостояло упорство сибиряков.

Сюда-то и направился на следующий день Звонарев для ознакомления с положением дел на этом участке обороны.

Стоял слегка туманный, пасмурный день. Лениво погромыхивали пушки, да японские батареи, с присущен им методичностью, неустанно посылали снаряд за снарядом по городу и стоявшей на внутреннем рейде артурской эскадре.

Постепенно незначительная с утра орудийная перестрелка превратилась в сплошную канонаду. Сотни тяжелых снарядов обрушились на форты номер два и номер три и на укрепление. Являлось ли это подготовкой к общему штурму крепости или только предварительной пробой сил, определить было невозможно.

Едва прапорщик вышел из ущелья, где помещался штаб, как попал под сильный обстрел и поспешил укрыться за скалой. Пробегая таким образом от укрытия к укрытию, он добрался до вершины Скалистого хребта, расположенного в версте с небольшим за линией фортов. Обрывистый, лишенный всякой растительности кряж доминировал над первой и второй линиями обороны - фортами и Китайской стенкой.

Припав за камнем, Звонарев в бинокль начал разглядывать развернувшуюся перед ним панораму. Внизу и несколько вправо лежал форт номер три. Он весь был окутан черными столбами пыли и дыма от беспрерывно падающих на него бомб. Над ним в воздухе то и дело появлялись белые комочки шрапнельных разрывов.

Крупный снаряд ударил в самый центр казармы, и в следующее мгновение из всех окон выбросило густые облака дыма. Звонарев невольно вздрогнул. На мгновение он представил себе десятки искромсанных, разорванных на куски, искалеченных солдатских тел вперемешку с осколками бетона и дерева, стоны, крики, хрипение умирающих и воздух, насыщенный едким запахом шимозы...

"Едва ли кто уцелел из находящихся в этот момент в казарме", - с ужасом подумал он и перевел взгляд на укрепление номер три.

Также окутанное густой пеленой пыли и дыма, оно едва различалось на сером фоне окружающей местности. Посредине между фортом номер три и укреплением четко виднелась глубокая ложина. В этом месте, несколько сзади, расположилась маленькая батарея из двух полевых орудий, долженствовавшая, очевидно, защищать подступы к этой ложбине.

За рекой Лунхе темнели массивы Волчьих гор.

Прояснилось. Еще теплое солнце приятно согревало спину своими лучами. При виде сильного обстрела укрепления номер три Звонаревым овладело раздумье - идти туда или нет.

"При такой бомбардировке я, конечно, ничем не смогу помочь укреплению, там сейчас не до минных галерей", - оправдывался он перед собой. Наконец он принял компромиссное решение: подождать некоторое время, не уменьшится ли обстрел, и после этого идти на укрепление. Успокоившись на этом, он стал наблюдать за тем, что делается правее.

Далеко, чуть выступая из-за ближних сопок, виднелась батарея литеры Б. На ней тоже взлетали черные султаны дыма, но гораздо реже, чем на соседних фортах. Крепостные батареи на японский огонь отвечали вяло, посылая свои снаряды далеко в тыл. Сзади, со стороны города, доносился рокочущий гул орудий броненосцев, помогавших крепости своим огнем.

Неожиданно заговорила расположенная за Скалистым хребтом батарея сорокадвухлинейных пушек.

"Один преждевременный разрыв, и от меня останется только мокрое

место", - сообразил он и медленно побрел к укреплению.

Прошло около часа, пока бомбардировка несколько стихла. Воспользовавшись этим, Звонарев быстро прошел оставшееся расстояние и, перебравшись под ружейным огнем через горжевой мост, вбежал в ворота казармы.

После яркого солнечного света и чистого воздуха он сразу попал в полутемное помещение. В казарме было душно и смрадно. С полсотни солдат сидело на нарах, держа винтовки между колен, готовые по первому приказанию кинуться в нужную сторону.

- Где комендант? - спросил прапорщик у первого попавшегося солдата.

- Их высокоблагородие в потерне.

Звонарев вышел из каземата и несколько раз глубоко вдохнул свежий воздух.

Затем он направился к черневшему впереди входу в потерну, которая освещалась несколькими фонарями. Пройдя почти половину потерны, прапорщик оказался у выхода из нее во внутренний дворик. Здесь, на перекрестке, стоял небольшой стол, за которым пили чай все наличные офицеры укрепления - капитан Шметилло, артиллерист поручик Есаулов, Дебогорчй Мэкриевич и стрелковый прапорщик. Веселые, бодрые лица, шуточный разговор-все это показывало, что бомбардировка не смутила дух защитников.

- Знаменитому артиллеристу и инженеру наше глубочайшее уважение! - приветствовал Звонарева капитан. - Вот уж никак не ожидал, что после сегодняшней бани кто-либо рискнет днем пожаловать к нам в гости. Садитесь к столу. Эй, денщик, стул!

Прапорщик пожал всем руки и занял указанное ему место. Его тотчас забросали вопросами о причинах появления на форту, о штабных новостях, после их артурских слухах, - одним словом, говорили о чем угодно, кроме бомбардировки и сопряженной с ней смертельной опасностью. Прапорщик удовлетворил их любопытство.

- Я чуть ли не час переживал окончания обстрела вашего укрепления, - признался он.

- И правильно сделали. Зачем зря рисковать? Я всех, кого можно, упрятал в казармы, оставив только часовых. Сам же засел здесь, так как отсюда легко добраться до любого места форта, - проговорил капитан. - Что нового на Залитерной, как поживает Харитина?

- Она счастлива и довольна. Вышла замуж за нашего солдата.

- К солдатам, значит, ее все-таки потянуло. А бабочка она ничего, стоящая, - покрутил усы капитан.

После чаю с красным вином Шметилло повел Звонарева в капонир. Потерна полого спускалась в ров, но не проходила под ним, а рассекала его на две части. В этом месте она несколько расширялась, в стенах имелись бойницы для мелких орудий, из которых можно было обстреливать передний ров продольным - огнем. Потерна подходила как раз к середине капонира. Вправо и влево от нее шло по пяти казематов, установленными в них на тумбах капонирными пушками и снятыми с японских брандеров пятиствольными митральезами, что давало возможность прекрасно обстреливать боковые рвы.

- В левом углу капонира слышна работа японских минеров, - сказал Шметилло.

Звонарев стал прислушиваться и вскоре уловил довольно сильные удары киркой или мотыгой.

- Будете вести контрминную галерею? - спросил прапорщик.

- Мокриевич с саперами собираются. Да, между нами говоря, он редкостная шляпа и размазня, к тому же и трусоват. Пока он раскачается, японцы заберутся в самый ров Оставайтесь у пас вместо него. Саперов я задержу, дам своих людей, и мы с вами покажем японцам кузькину мать.

Звонарев не ожидал такого оборота дела и заколебался.

- Я командирован на время, меня ждет с докладом Рашевский.

- Черт с ним, с Рашевским. Мокриевич все ему расскажет и от себя еще наврет с три короба. По рукам, значит? - хлопнул Шметилло Звонарева по плечу.

Через полчаса солдаты по указаниям прапорщика уже долбили стенку

кирками и мотыгами. Хозяйственный Шметилло откуда-то достал переносный горн и молот для оправки затупившихся кирок и мотыг, доски для рам, мешки. Работа закипела.

Незаметно подошла ночь, опять возобновился обстрел укрепления, снаряды с воем рвались то во рву, то на крыше капонира. Во избежание ранений осколками бойницы заложили мешками.

Кряхтя, Шметилло поднялся из-за стола.

- Пойдем, Сергей Владимирович, посмотрим, что делается на дворе, - предложил он. - Надо фендрика-то отпустить, он сейчас караулит около штурмовых пушек, там же, верно, и Есаулов. Хлопец хоть куда, разбитной и бравый, то и дело приходится его за хвост в каземат тащить, чтобы зря собой не рисковал.

Небо было покрыто легкими облаками, сквозь которые просвечивали звезды.

Дул довольно резкий, холодный ветер. На фронте было тихо, только из ближних японских окопов временами доносился залиvistый лай маленьких сторожевых собачек, которые постоянно жили в траншеях. Лучи японских прожекторов медленно скользили вдоль фронта. Из темноты неожиданно выступали то брустверы окопов, то группы изуродованных снарядами деревьев, то полоса проволочных заграждений.

Японцы методично обследовали всю линию русских. Дойдя до укрепления, луч остановился, как бы вглядываясь в происходящее на нем. Шметилло приказал стрелкам не попадать под лучи прожектора, чтобы японцы не заметили движения и не начали обстрел. Несмотря на то, что до прожектора не было и версты, свет его был слаб.

У переднего бруствера зашевелилась прислуга около прогивоштурмового орудия.

- Михаил Филиппович, что вы собираетесь делать? - окликнул Шметилло.

- Пальнуть раз-другой по прожектору, чтобы он так не нахальничал, - отозвался из темноты Есаулов.

- Воздержитесь пока! - остановил его капитан. - Сейчас уносят раненых,

подвезли горячую пищу и воду, в горже полно людей. Теперь не время дразнить японцев.

Поручик что-то сердито заворчал, но все же артиллеристы отошли от орудий.

Сзади, со стороны Скалистого хребта, вспыхнул резкий луч русского прожектора.

- За исключением прожекторов - все у японцев лучше: и бинокли, и одежда, и шанцевый инструмент, разве мы не могли бы иметь такого же инструмента? - с досадой проговорил Шметилло. - Единственно, в чем мы не уступаем, если не превосходим их - это в храбрости. В мирное время мы занимались только шагистикой да парадами. Смешно сказать, а я уже во время войны обучил грамоте десяток-другой солдат.

- И охотно они учатся?

- Загляните в свободную минуту в казарму. Обязательно найдете несколько человек за чтением или письмом. Идут на позицию и вместо лишней смены портянок суют в мешок букварь. А наши дурачки генералы все еще твердят, что от грамоты только вред в армии.

- Сами в грамоте не сильны. Возьмите приказы Стесселя - у него безграмотность возведена в стиль. Что ни приказ-то литературный перл, - заметил Звонарев

- Если у нас не будет большого численного превосходства над японцами, то набьют макаки "кое-каким" по первое число! - вздохнул капитан и пошел на другую сторону форта.

Луч японского прожектора скользнул дальше, и все опять погрузилось во тьму. Правее вспыхнул яркий огонь орудийного выстрела, и донесся глухой раскат.

- Заредутная батарея, - определил Шметилло. - Молодцами работают. Сколько раз японцы пытались ее сбить, да все неудачно. Вот что значит хорошо применить орудия к местности!

Офицеры прошли в казарму и застали там генеральную приборку. Вынесли раненых, и дежурные с дневальными усердно мели, скребли и чистили полы, прибирали на нарах. В потерне при свечах солдаты

ужинали. Тут же рядом возвышались пирамиды бомбочек вперемешку с патронами и снарядами.

Звонарев справился у Шметилло, где находится пороховой погреб.

- При постройке инженеры про него забыли, а когда спохватились, было уже поздно. Так и складываем бомбочки где придется, - ответил Шметилло.

- Но ведь это опасно. Может произойти взрыв от случайных попаданий осколков или даже просто от толчков.

- На этом укреплении больше погибло солдат от взрывов своих же бомбочек, чем от японских снарядов. А бетон какой в капонирах? Глины больше, чем цемента. Я бы этих мерзавцев Лилые и Бармина за такую постройку повесил без суда, - разволновался Шметилло.

Звонарев вышел с капитаном на внутренний дворик форта. Справа беспрерывно вспыхивали зарницы выстрелов и доносился гул канонады. Снаряды с воем неслись в сторону Артура. Близко мигали огоньки ружейных выстрелов, и пули с легким свистом летели над головой. Расположенные вдоль бруствера шметилловские пулеметы, составленные из десятка соединенных вместе ружей, изредка отвечали залпом. Красиво извиваясь, к небу взлетали ракеты и рассыпались целой гирляндой ярких звездочек. При свете ракет из темноты на несколько мгновений выступали сопки, темные линии брустверов японских траншей, группы деревьев и черные точкидвигающихся людей, и затем все опять исчезало во мгле.

У бруствера, не спуская глаз с врага, стояли часовые, готовые ежеминутно поднять тревогу. Шметилло с Звонаревым прошли вдоль всего внутреннего дворика. Около каждого солдата капитан останавливался и обменивался с ним несколькими словами.

- Золотой народ мои сибиряки! Сколько времени уже я с ними живу и все же не успел еще их вполне оценить. Молчаливы, грубоваты с виду, но смекалисты и очень инициативны. Все время придумывают разные новые каверзы японцам. Вчера выпустили на веревке одну из захваченных японских собачонок с трещоткой. Что тут поднялось - уму непостижимо!

Сначала страшная ружейная стрельба, за ней артиллерийская, полетели градом бомбочки. Собачонку давно уже спрятали, а те все продолжают бить из орудий.

Офицеры вернулись в потерну. Солдаты кончали ужинать. Вставая из-за стола, они истово крестились.

- Гнедых! - окликнул Шметилло рослого старшего унтер-офицера. - Какую пакость на сегодня придумали японцу?

- Думаем змея запустить с гранатами, - улыбнулся солдат, отдавая честь капитану.

- Но только после приборки казарм и отъезда кухни и водовоза, чтобы не было напрасных потерь.

- Не извольте беспокоиться, Игнатий Брониславович, все будет в аккурате.

Человек десять стрелков возились с большими бумажными змеями, привязывая к хвостам их небольшие бомбочки с короткими запальными шнурами.

Когда все было готово, солдаты вышли в ров. В сторону японцев дул сильный ветер. Один за другим поджигались шнуры бомбочек, и змеи взлетали вверх. В темноте едва были заметны светящиеся точки горящих шнуров. Сверху с брустверов "наводили" их куда надо, голосом командуя, травить ли еще веревку или держать ее неподвижно, если змей оказывался в нужном месте. В небе на мгновение вспыхивал огонек, и бомбочка летела вниз, падая в расположение японцев, а змей, козырнув, стремительно взмывал вверх. Стрелки быстро подтягивали его за веревку и снова "заряжали" этих своеобразных бомбардировщиков. Японцы в полной растерянности палили в воздух, безуспешно стремясь сбить невидимого врага, и в отместку стали забрасывать ров ручными гранатами. Стрелки с веселым смехом поспешили укрыться в казармах.

- Сейчас пустим еще гадючку, - предупредил Гнедых Звонарева.

Японцы несколько успокоились.

Два стрелка выползли на бруствер с небольшими ракетами в руках. К ракетам был прикреплен белый бенгальский огонь. При взлете ракеты он

загорался и освещал местность. Ракета пускалась низко над землей, "ползла гадюкой", как говорили - стрелки, и, пролетев около сорока-пятидесяти шагов, падала. С бруствера укрепления следили за "гадами" и тотчас же обстреливали залпами из шметилловских пулеметов обнаруженные цели.

Не успела потухнуть последняя ракета, как обозленные японцы перевели луч прожектора на укрепление и обстреляли его сосредоточенным огнем нескольких батарей. Стрелки, за исключением часовых у пулеметов и наводчиков у противотанковых пушек, спрятались в центральной потерне.

- Здорово мы сегодня раздрадили японцев, - совсем по-детски смеялся Шметилло, стоя у входа в потерну. - Будут теперь с полчаса молотить по нас, пока сердце отойдет.

- Чего доброго, еще кинется в атаку, - заметил стрелковый прапорщик, стоявший несколько поодаль.

- Мои артиллеристы не прозевают, пошпарят в упор картечью, - усмехнулся Есаулов.

Звона рев отошел в глубь потерны. Снаряды то и дело рвались около входа, и осколки залетали в самый проход. Здесь же были сложены пирамидками ручные бомбочки и пороховые заряды противотанковых орудий. Случайное удачное попадание осколка - и все это взлетело бы на воздух. Но ни Шметилло, ни два других офицера не обращали ни малейшего внимания на эту опасность. Капитан сел к столу и крикнул, чтобы ему подали горячего чаю.

- И мне тоже, - попросил Есаулов.

- К вам, Сергей Владимирович? - обернулся к Звонареву Шметилло.

При тусклом свете керосиновой лампочки его заросшее щетиной лицо приветливо и добродушно улыбалось, как будто вокруг не летали осколки, грозя ему ежеминутной смертью.

Вдруг ослепительный яркий огненный столб вырос совсем рядом. Звонарева оглушило и так сильно обо что-то ударило, что он потерял сознание.

Он не мог определить, прошло ли пять минут или два часа, когда сознание медленно стало возвращаться к нему. В ушах звенело, все тело ныло, дышать было трудно, руки и ноги казались страшно тяжелыми и не повиновались ему.

Мрак перед глазами постепенно рассеивался. Наконец Звонарев разобрал наклонившееся над ним бородатое лицо ротного фельдшера и почувствовал острое раздражение в носу.

- Приходит в себя, - расслышал он хриловатый низкий голос.

Звонарев чихнул, почувствовав при этом острую боль в голове, и застонал.

Фельдшер убрал нашатырный спирт и влил в рот Звонареву лекарство.

- Вашбродь, принимайте команду, - сказал он.

- А капитан? - с трудом выговаривал слова, спросил прапорщик.

- Их разорвало на куски вместе с артиллерийским офицером, а нашему прапорщику раздробило ногу. Так что вы остались за старшего, - ответил фельдшер.

- У меня сильно болит голова.

- Малость оконтузило вас, а так все цело, я уже осмотрел.

Звонарев чуть приподнялся и увидел, что лежит полураздетым на нарах в казарме. Он попытался было встать на ноги, но голова закружилась так сильно, что он едва опять не потерял сознания. Кое-как одевшись, с помощью поддерживавших его под руки стрелков прапорщик вышел в потерну. По дороге его окликнул раненый стрелковый офицер.

- Умоляю вас, отправьте меня в перевязочный пункт.

Я умру здесь от потери крови, - просил он. - Ваше счастье, что вы не подошли к Шметилло, когда он вас спросил. Взорвались бомбочки как раз рядом с ним. Я успел отскочить, и все же мне повредило ногу, иначе и меня разнесло бы в клочья.

Обстрел постепенно стихал. Солдаты столпились возле останков своего капитана. Они были удручены гибелью любимого начальника.

Прапорщик взглянул на обгорелые щепки стола, за которым сидел Шметилло, уже засыпанные землей лужи крови на полу и велел убрать в

потерну подальше взрывчатые вещества. Неожиданный треск шметилловских пулеметов и грохот противотанковых орудий заставил Звонарева выйти во двор.

- Японец лезет, - сообщил стрелок.

- В ружье! Первый взвод направо, второй налево, третий в капонир.

Четвертому оставаться здесь в резерве, - приказал Звонарев, и десятки голосов тотчас разнесли это распоряжение по всему укреплению. Солдаты, расхватывая на ходу винтовки, бросились по указанным местам.

Артиллерийский огонь прекратился, зато градом сыпались ручные бомбочки. К счастью, большинство из них не долетало и падало в бруствер или около него.

Стрелки с необычайным проворством выкидывали их обратно в ров.

- Банзай, банзай! - несло со стороны японцев.

При свете русских прожекторов Звонарев увидел, как японцы, добежав до рвов, быстро прилаживали бамбуковые лестницы и по ним спускались вниз.

- Усилить огонь из капониров, четвертому взводу из горжевого рва атаковать японцев, - приказал Звонарев.

- Бей их бомбочками! - вопил рядом артиллерист.

В темноте трудно было разобрать, где находились стрелки, и еще труднее командовать ими. Но солдаты действовали сами, сообразуясь с обстановкой.

Унтера или просто рядовые бросали отрывистые фразы, объясняя свои предположения и намерения. Остальные их понимали с полуслова. Па Звонарева стрелки почти не обращали внимания, часто не замечая его в темноте.

- Отобьем японцев, не впервой нам это! - спокойно говорил прапорщику стрелок, поддерживая под руку все еще не вполне оправившегося Звонарева. - Вы, вашбродь, присядьте в проходе потерны, а вам туда будут докладывать, что где деется, - посоветовал он.

Прапорщик последовал этому совету. Вскоре прибежали из капонира

сообщить, что японцы забрасывают казематы ручными гранатами и пытаются пролезть в амбразуры. Звонарев поспешил туда. При слабом свете нескольких свечей он разглядел стрелков, которые, стоя у бойниц, вели частую перестрелку.

Помещение было полно дыма.

- Вашбродие, прикажите забросать японцев сверху бомбочками, а мы попробуем поджечь лестницы паклей, смоченной в керосине, - предложил один из стрелков и, не дожидаясь одобрения офицера, побежал отдавать нужные распоряжения.

В крайнем каземате через амбразуру просунули длинный шест с укрепленной на нем горячей паклей и этим своеобразным факелом подожгли штурмовые лестницы. Сухой бамбук вспыхнул, как порох, ярко освещая ров.

Заметив, что путь отступления отрезан, японцы ринулись к горжевой части укрепления, надеясь здесь найти выход, но тут их поджидал четвертый взвод, бросившийся в штыки. В тесном пространстве глубокого рва завязалась свалка.

По собственной инициативе стрелки начали спрыгивать с брустверов вниз и затем с тылу напали на японцев. Звонареву оставалось лишь освещать своими факелами место боя.

- Туши, - прокричал в амбразуру один из стрелков. - С японцами кончили, ни один живым не ушел.

Наступило затишье. Прапорщик прошел в казарму, куда сносили раненых и убитых.

Как только упало возбуждение, вызванное боем, Звонарев опять почувствовал себя настолько скверно, что принужден был лечь.

- Отдохните малость, вашбродь. Теперь японцы до утра будут сидеть тихо.

Мы часовых расставим, переведем дежурный взвод в потерну, а сами тоже полягаем спать, - дружелюбно советовали прапорщику стрелки.

Остаток ночи прошел спокойно. Наступило туманное утро. На фронте было тихо. Звонарев, хорошо отоспавшийся, почувствовал себя лучше.

Когда он вышел из-за занавески, которая отгораживала офицерское помещение от остальной казармы, то первое, что бросилось ему в глаза, была куча различных вещей, снятых с убитых японцев. Гнедых, исполнявший обязанности фельдфебеля, внимательно пересматривал их, отбирая то, что, по его мнению, могло пригодиться в роте, - теплые зимние японские шинели с широченными поповскими рукавами и меховыми воротниками, ремни, манерки, фляги, ботинки, теплое белье. Галеты же и другие съестные припасы складывались отдельно. Солдаты, стоявшие вокруг, помогали своему фельдфебелю.

- Первый взвод, подходи, - скомандовал Гнедых. - Вот вам пара шинелей, ботинки, галеты и консервы, - наделил он взводного. За первым потянулись и остальные взводы. Оставшееся имущество Гнедых велел спрятать.

Звонарев с интересом наблюдал за этой картиной. На Залитерной такого дележа не было. Там каждый считал своей собственностью все, что ему удавалось достать.

- Что вы делаете? - спросил он.

- Дуван дуваном, вашбродь, - бойко ответило несколько солдат.

- Покойный капитан Шметилло, царство ему небесное, хотя он и был поляцкой веры, завел такой порядок, чтобы промеж солдат не было зависти и споров, - добавил Гнедых. - А это вам, вашбродь. - И он указал на аккуратно сложенные отдельно офицерские сумки с картами и бумагами. Тут же лежал прекрасный бинокль, компас, короткая шашка и несколько банок консервов.

- Так я же на японцев в штыки не ходил, - удивился прапорщик.

- Вы, вашбродь, хоть на ногах почти не стояли, а вместе с нами были на бруствере и капонирах, опасность с нами делили и очень даже прекрасную команду всем нам подавали, - торжественно, запинаясь от волнения, проговорил Гнедых.

Звонарев понял, что отказом обидит солдат, и, поблагодарив, взял выделенное ему имущество.

Вернувшись к себе, прапорщик стал разбирать захваченные планы и

бумаги.

Все они были исписаны иероглифами, на планах аккуратно были нанесены русские форты и батареи, передовые линии японских окопов, которые и так были хорошо известны. Ни батарей, ни тыловых учреждений японцев на картах не было.

Раскупорив японским штыком банку консервов, Звонарев нашел в ней прекрасное сгущенное молоко, которое съел с галетами. Появился Гнедых с полубутылкой плохонького коньяку, пахнувшего клопами, и пачкой дешевых сигареток.

- Садись, Гаврилыч, - вспомнил отчесгво Гнедых Звонарев, - вместе выпьем и поедим.

Фельдфебель снял папаху, набожно перекрестился, достал ломоть черного хлеба и неторопливо принялся за еду. Попутно он рассказал, что еще полгода назад был рядовым стрелком и за боевые отличия получил нашивки, но "не загордился и солдат уважает": без дела не бьет и не ругает, по начальству не ябедничает; поэтому стрелки тоже хорошо относятся к нему и зовут своим "атаманом". В мирное время он бродил по тайге с артелью старателей и там, несмотря на свою молодость, тоже был за атамана. С теплым чувством он вспомянул Шметилло, выругал раненого прапорщика, который, по его мнению, был "не самостоятельный" и при опасности первый спешил под укрытие.

- Вы бы, вашбродь, - имя-отчества вашего не знаю, - остались насовсем у нас за командира. И покойный Игнатий Брониславович вас хвалили. На всякие, говорит, выдумки они горазды. И вчерась вы понравились стрелкам своею храбростью...

- Начальство пришлет нового командира, постарше меня чином.

Подкрепившись, Звонарев и Гнедых направились Б капонир.

Пользуясь затишьем, солдаты продолжали спать, кто где придется - в казарме на нарах, в потерне прямо на полу, вдоль стен.

Минные работы шли полным ходом. Преодолевая некоторый страх, Звонарев полез в галерею. После того как он был засыпан, у него осталась инстинктивная боязнь подземелья. Добравшись до конца,

прапорщик прислушался.

Все было тихо.

- Отдыхает японец, умаялся за эти дни, - проговорил сапер.

В левой галерее была та же картина. Звонарев недоумевал, почему японцы прекратили свои минные работы.

Но они сами поспешили разъяснить ему свои намерения. Едва туман стал расходиться, как начались новые атаки укрепления. Передняя цепь залегла на самом краю рва, а последующие, добежав до этого места, кидали вниз большие мешки с тряпьем и убегали назад. Стрелки закидали врага бомбочками, но это не смутило японцев. Цепь за цепью они продолжали сбрасывать тюки, скоро покрыв ими почти сплошь дно рва.

Звонарев, следивший за этим из бойницы капонира, никак не мог понять, зачем это делается. Стрелки тоже строили самые разнообразные предположения.

Забросав ров, японцы отошли в свои окопы. Вызванные охотники вытащили из рва несколько мешков, наполненных старым, никуда не годным тряпьем.

Пока Звонарев со стрелками разглядывал мешки, японцы неожиданно бросились в атаку. На этот раз они не останавливались на краю рва, а с размаху прыгали с трехсаженной высоты на мягкие тюки, которые, очевидно, для этого и предназначались. В несколько минут ров был заполнен японскими солдатами, которые, приставив бамбуковые лестницы к внутренней стенке рва, стали взбираться на бруствер. Укрепление сразу же оказалось в критическом положении: не меньше двух батальонов обрушилось на одну роту Звонарева. Но стрелки не растерялись. Пользуясь безмолвием японской артиллерии, они встретили штурмующие колонны залпами в упор, а затем кинулись в штыки, сбрасывая врага в ров. Гнедых с двумя стрелками выволок на бруствер большую деревянную бочку с керосином и сбросил ее вниз. Она разбилась при падении.

Керосин облил далеко вокруг мешки с тряпьем, затем несколькими

ручными гранатами их подожгли, и вскоре весь ров был охвачен огнем. Густые облака дыма поднялись высоко в воздух, создав защитную завесу. Обезумевшие от ужаса японцы заметались во рву, расстреливаемые из пулеметов.

То же было проделано и в другом боковом рву. Солдаты с остервенением забрасывали бомбочками беспомощно бегавших по дну рва японцев. Беспрерывно строчили капонирные пулеметы, а четвертый взвод в горже добивал всех, кому удавалось вырваться живым из моря огня, бушевавшего в боковых рвах.

Не понимая, что произошло в укреплении, все новые и новые японские цепи подходили ко рву, но в ужасе останавливались перед огненной преградой, в упор сметаемые с валов огнем шметилловских пулеметов и противотанковых пушек.

Крепостные батареи, видя объятые пламенем и дымом укрепление, решили, что наступают его последние минуты, и обрушились на японцев сосредоточенным огнем десятков орудий. Устилая землю своими телами, японцы в панике бросились наутек.

Задыхаясь от смрадного густого дыма, Звонарев то руководил огнем стрелков на бруствере, то появлялся в капонире, где полуживые от дыма пулеметчики продолжали беспощадно истреблять врага, то бежал к горжевой казарме, чтобы удостовериться в безопасности тыла. Приученные Шметилло к самостоятельности, стрелки работали уверенно, ни одной пули не выпуская мимо цели, ни одной бомбочки не бросая безрезультатно. Раненые не хотели до конца штурма идти на перевязку, убитых же, к счастью, было немного.

Уничтожив врага, солдаты, как после трудной, но удачной работы, вытирали пот с лица и радостно улыбались.

- Знатно мы справили поминки по нашему капитану, - никто живым не ушел...

- Да, дюже воняет жареным японцем, - повел носом Гнедых, шагая рядом с Звонаревым.

Прапорщик велел выставить часовых, а остальных людей отвел в

казармы и потерны. Воспользовавшись дымовой завесой, развели огонь и кухне, чего обычно днем не делали. Вскоре бак с водой закипел, и стрелки потянулись к нему с чайниками и кружками.

Звонарева вызвал по телефону генерал Горбатовский и справился о положении на укреплении. Прапорщик подробно доложил ему обо всем.

- Немедленно прекратить пожар и впредь этого не допускать, - неожиданно распорядился генерал.

Прапорщик, считая, что Горбатовский его не расслышал, вновь стал объяснять причину возникновения огня.

- Мы уничтожили таким образом целый батальон японцев, - доказывал он.

- Категорически запрещаю впредь делать это, - отрезал генерал.

- Что? Запрещаете уничтожать японцев? - переспросил Звонарев.

- Уничтожать приказываю, разводить огонь запрещаю, - упорствовал начальник обороны Восточного фронта. - Дальнейшие разговоры считаю излишними. - И его превосходительство дал отбой.

- Круглый идиот! - выругался Звонарев и повесил трубку.

- Кто это, вашбродь, - любопытствовал телефонист.

- Один мой знакомый, - улыбнулся прапорщик и отошел.

Начался обычный методический обстрел укреплений артиллерийским огнем. С ревом проносились одиннадцатидюймовые снаряды, сотрясая землю при взрыве, пронзительно визжали стодвадцатимиллиметровки, рикошетируя после взрыва, глухо бухали шестидюймовки.

Погода совсем прояснилась, выглянуло солнце, ярко осветив все вокруг, и только многострадальное укрепление номер три все еще было окутано дымом от пожара. Но жизнь в нем была ключом. Стрелки раздобыли гармошку и под аккомпанемент взрывов лихо отплясывали в потерне. Звонарев с улыбкой прислушивался к этому, строча в своем углу длинейшее донесение о вчерашних и сегодняшних штурмах. Сидевший рядом Гнедых называл ему фамилии особенно отличившихся солдат, скромно умалчивая о своей персоне.

Покончив с донесением, прапорщик прилег на нары. Голова продолжала

мучительно болеть, поташнивало, глаза слипались от усталости. Он задремал.

Разбужен он был громким возгласом солдат: "Здравия желаем вашему превосходительству!"

Не успел Звонарев подняться, как из-за занавески показался Кондратенко в сопровождении Рашевского.

- Так это вы и являетесь комендантом укрепления! - воскликнул генерал.

- Я все ломаю себе голову, кто так успешно руководит его обороной. Оно со всех сторон охвачено огнем и дымом. Кажется, вот-вот его возьмут, а вместо этого японцы бегут от него во все стороны.

- Моя роль свелась к отдаче двух-трех приказаний. Солдаты сами отбивали штурмы, выкуривали японцев и вообще проявляли массу инициативы.

- Ваша скромность мне известна, Сергей Владимирович. Одна молодая особа решительно требовала, чтобы я разрешил ей побывать здесь, - улыбнулся Кондратенко. - Я только тем ее и успокоил, что обещал доставить к ней вас лично в целости и сохранности.

Звонарев хотел было улыбнуться, но у него так закружилась голова, что он едва устоял на ногах.

- Что с вами, вы нездоровы? - успел подхватить его Рашевский.

- Вчера меня слегка контузило, - тихо проговорил прапорщик.

- Их благородие более двух часов лежали без сознания, а как японец полез на штурму, вышли с помощью двух стрелков и всем командовали, - доложил Гнедых.

Кондратенко с чувством пожал руку Звонареву, Рашевский последовал его примеру.

- Я хотел просить ваше превосходительство оставить меня здесь и дальше.

- О нет, на это я не согласен. Вы нужны и в других местах. Теперь прошу показать нам укрепление, - попросил Кондратенко.

Прапорщик повел генерала через потерну в капонир. Кондратенко то и дело останавливался, расспрашивая солдат. Многих он знал в лицо и по

фамилии.

- Откуда вы их знаете, ваше превосходительство? - удивился Звонарев.

- Шметилловских-то стрелков? Они у меня одни во всей дивизии, других таких героев нет. Когда в штабе крепости узнали о смерти Игнатия Брониславовича, то решили, что часы укрепления сочтены. Смирнов уже спешно разрабатывал тысяча сто первый вариант отражения, японской атаки. Я же был настолько уверен в шметилловцах, что рискнул отправиться сюда только вдвоем с Сергеем - Александровичем, не дожидаясь подхода резервных частей, - говорил Кондратенко, неторопливо двигаясь по потерне.

У места гибели Шметилло генерал снял фуражку и перекрестился.

- Мир его праху. Жил и умер честным солдатом.

В капонире Звонарев указал на крайне плохое качество бетона, который оказался мягче, чем окружающая скалистая почва.

- Была бы моя воля, я посадил бы сюда Бармина и заставил ожидать, пока японцы не взорвут капонир снаружи, - заметил Кондратенко. - Как вы предполагаете укрепить капонир? - справился он у Рашевского.

- Никак. Этот дефект сейчас устранить не можем.

- Тогда капонир надо оставить, забив его бутовым камнем на цементной кладке. Пробив свод, японцы окажутся перед необходимостью разрушить стену до основания, чтобы проникнуть в ров. Потерну тоже придется заложить в ее передней части. Ров же будем фланкировать из горжи, возведя там брустверы из мешков, и установим мелкие скорострельные морские пушки и многоствольные митральезы, - продолжал генерал. - Прошу вас, Сергей Владимирович, немедленно произвести забивку всего капонира до самого верха. Надо, чтобы к завтрашнему утру это было выполнено.

- Слушаюсь, ваше превосходительство, - вытянулся Звонарев. Затем генерал обошел все брустверы, понаблюдав в бинокль за японскими работами и хотел уйти. Но в этот момент неподалеку упала и разорвалась небольшая японская бомбочка. Звонарев со стоном схватился за голову и медленно опустился на землю. Кондратенко бросился к нему. Прапорщик

был бледен и долго не подавал признаков жизни,

- Что с ним случилось? - взволнованно спросил генерал. - Пустяковый взрыв - и такая реакция на него?

- Должно быть, их благородие опять ударило воздухом в голову, - сказал подбежавший Гнедых и с помощью стрелков снес прапорщика в казарму.

- До подхода резервов я приму на себя командование укреплением, а вас, Сергей Александрович, попрошу заняться забивкой капонира, - решил Кондратенко.

Прошло больше часа, пока подошли вновь назначенные на укрепление роты. С ними прибыл и новый комендант, штабс-капитан Ржевский. Когда Кондратенко уходил с укрепления, фельдфебель подошел к нему.

- Мы уже месяц находимся здесь без смены, ваше превосходительство, обовшивели все и от грязи заросли коростой. Дозвольте хоть в баньке помыться.

- Ладно, даю вам неделю отдыха, а затем верну па позиции.

- Покорнейше благодарим, - радостно ответил солдат.

С темнотой шметилловцы, забрав почти все свои трофеи, двинулись в тыл, неся на носилках Звонарева.

- Теперь нам надо самим присмотреть себе командира, к нему и подаваться, - проговорил Гнедых.

- Идите к поручику Енджеевскому. Он на батарее литеры Б, - посоветовал Звонарев, которого бережно несли на носилках четыре стрелка. - И я поблизости буду, на Залитерной.

- Про него мы слыхали много хорошего от покойного капитана. Пошлем к нему ходоков, может, и возьмет к себе, - отозвались в толпе.

Они донесли Звонарева до штаба Восточного фронта, где он и остался ночевать.

Глава четвертая

Звонарева поместили в одном блиндаже с Надеиным. Старик, пробыв два дня в городе, не утерпел и вернулся а штаб, чтобы быть поближе к позициям. Он упросил Горбатовского разрешить ему расположиться в

одном небольшом блиндажике на отлете, чтобы никому не мешать своим присутствием. Верный Капитоныч с помощью денщика, как мог, привел блиндаж в порядок. Надеин развесил по стенам иконы и на столе тоже водрузил складень из трех икон.

В помещении было холодно, сильно дуло с пота, заливала вода при дожде, плохо горела печка. Но старик терпеливо переносил все эти неудобства.

Капитоныч недовольно бурчал, но не покидал своего барина, хотя ничем не был с ним формально связан.

Для контуженного прапорщика стрелки устроили кровать из досок, наложенных на козлы. Бережно опустив Звонарева на постель, стрелки пожелали ему скорейшего выздоровления и удалились.

- Шлавные у наш шолдатики! Никогда швоего офицера в беде не оштавят, - прошамкал Надеин, наблюдая за этой сценой. Затем он подробно расспросил Звонарева обо всем случившемся на укреплении номер три и принял прапорщика под свое покровительство.

У прапорщика все время кружилась голова, и он никак не мог уследить за ходом разговора. Иногда сознание на несколько мгновений совсем покидало его. Во всем теле чувствовалась необычайная тяжесть, не хотелось ни двигаться, ни думать. Где-то в подсознании всплыл образ Вари Белой, и он не мог понять, бред это или действительность. Полное безразличие к окружающей обстановке казалось ему преддверием смерти, но мысль о ней не пугала его.

- Вы меня не слышите? Ответьте мне, миленький, хоть одно слово, - шепотом упрашивала Варя, наклонившись к самому уху прапорщика, сознание которого в этот миг несколько прояснилось.

- Слышу, милая Варюша, но я очень слаб, и мне трудно говорить.

- Я сейчас достану рикшу с носилками и лично отвезу вас в госпиталь.

- Я никуда не поеду, мне тяжело двигаться, и я хочу спать.

- Выпейте бульона. - Варя сунула ему в рот носик чайника, наполненного теплым бульоном. - Ведь вы уже три дни как следует не ели.

Выпив бульон, прапорщик почувствовал себя значительно лучше и тут

только понял, как изголодался за последнее время. Глядя на озабоченное, осунувшееся личико Вари, он улыбнулся.

- Все-то вы обо мне думаете, а сами на что стали похожи. Один нос остался на лице. - И Звонарев нежно поцеловал руку девушке. Варя просияла, ласково погладила прапорщика по голове.

- Во всем виноваты вы! Сидели бы смирно на Залитерной, как раньше, и я бы не беспокоилась. На вас очень зла Вера Алексеевна за то, что вы в ироническом тоне рассказывали о ранении Стесселя.

- Откуда она это знает?

- У нее везде есть свои люди. Вчера она встретила меня на улице и заявила, что вы самый неблагодарный человек, какого ей пришлось встречать в жизни. Я ей ответила, что про вас насплетничали, а она назвала меня невоспитанной девчонкой, которая не умеет разговаривать со старшими. И это все происходит потому, что я дружу с учительницами и с вами.

- Надо думать, что последнее слово все же осталось за вами?

- Конечно. Я ей сказала: "Вполне понятно, что я бываю в обществе молодых людей, так как не успела еще состариться".

Звонарев захохотал, несмотря на острую боль в голове.

- Воображаю, какая при этом у нее была физиономия!

- А вот такая. - Варя разинула рот, вытаращила глаза и придала своему лицу растерянно-глупый вид.

Это было так смешно, что даже молчаливо сидевший на своей койке Надеин не мог удержаться от смеха.

Накормив и напоив прапорщика, Варя приказала ему немедленно заснуть.

- Я тихонько посижу рядом, пока вы не уснете, - объявила она и села у изголовья Звонарева.

Через минуту и Звонарев и Варя спали крепким сном.

Надеин с помощью Капитоныча осторожно уложил девушку на свою постель, затем, кряхтя, стал укладываться на полу, рядом с Капитонычем. Старики долго ворочались, кряхтели, шептали молитвы и

наконец заснули.

Варя проснулась от холода уже на рассвете и сразу не могла вспомнить, где она и как сюда попала. Затем, соскочив с постели, она нагнулась к мерно дышавшему Звонареву и, быстро оглянувшись на спавших Надеина с Капитоном, осторожно поцеловала прапорщика, после чего выскользнула из блиндажа, на ходу надевая пальто. Через минуту она уже скрылась в густом предрассветном тумане.

Через день Звонарев настолько поправился, что уже смог пройти до форта номер три. Артиллеристы и матросы встретили его, как выходца с того света.

- Нам сказали, что вас разорвало на куски на укреплении. Мы и не ждали вас видеть живым! - обступили они прапорщика. - Жалели вас, думали: зазря пропал наш Сергей Владимирович. Пошел на полчаса и сложил там свою буйную голову...

Прапорщик осмотрел почти законченную сооружением прожекторную установку.

- Этой ночью начнем светить, - уверял Братовский. - Будет теперь наш третий форт со светом. Япошка не сможет уже незаметно подбираться. Да и на третье укрепление дадим свет.

- Приготовьтесь к обстрелу, неприятель постарается тотчас же сбить прожектор, - предупредил Звонарев.

Возвращаясь в штаб, он увидел идущих впереди по шоссе Надеина и Капитона. Последний с трудом ковылял на своей деревяшке, опираясь на палку. Дорога обстреливалась редким шрапнельным огнем, но старики не обращали на это никакого внимания. Уже согнутый годами, но все еще высокий.

Надеин неторопливо шагал впереди, то и дело оборачиваясь на своего спутника.

- Шовшем штар ты штал, Капитон, ноги тебя уже не носят, - услышал голос генерала подошедший Звонарев.

- Нога-то у меня, Митрофан Александрович, осталась только одна, да и та на Малаховом кургане прострелена, а у вас все же две. Вестимо, мне за

вами не угнаться.

В это время навстречу показался молоденький солдат-стрелок. Завидя генерала, он подтянулся и по-уставному, за четыре шага, четко стал во фронт.

- Здорово, молодчик! - ласково приветствовал его генерал.

- Здравия желаю вашему превосходительству! - заорал в ответ стрелок и затем уже обычным голосом добавил: - Разрешите приложиться к вашей иконе.

- Изволь, братец, - остановился Надеин.

Солдат снял папаху, несколько раз истово перекрестился и поцеловал висевший на груди генерала сверж пальто образ Спаса Нерукотворного. Надеин обнял его за шею и добродушно стал расспрашивать, какого срока службы, женат ли, есть ли дети.

Стрелок, позабыв официальный гон, ответил, что всего на службе первый год, дома оставил жену и двух ребят.

- Как твое имя-то? - справился генерал.

- Егор Николаев.

- Ну, штупай ш богом, раб божий Егор, вечером помолюшь, чтобы гошподь бог шохранил тебя целым и невредимым вернул твоей жене, - потрепал Надеин растроганного солдата по плечу и пошел дальше.

Все трое шли молча. Звонарев, почти не думавший последнее время о своих родных, вспомнил сестер и брата и невольно вздохнул.

- Хорошо вам, гошподин прапорщик, коль ваша невешта каждый день ваш навещает, - обернулся к нему генерал.

- Мадемуазель Белая всего лишь моя хорошая знакомая.

- Которая целует вас в темноте, когда вы шпите.

Звонарев вспыхнул.

- Когда это было?

- Шпрошите у нее, пушть она шама вам рашшкажет, - мое дело шторона.

Так прапорщик больше ничего и не добился от упрямого старика.

К вечеру погода прояснилась, выглянуло солнышко, и совсем по-летнему потянуло теплом с моря. Поджидая обычного визита Вари, Звонарев

сидел около штабного блиндажа и наблюдал, как по всем дорогам тянулись к фортам кухни, водовозы, маленькие рикши с носилками.

На закате солнца Капитоныч вынес из блиндажа табуретку, поставил на нее окладной образ, постелил на землю коврик и пошел доложить Надеину.

Вскоре из блиндажа вышел генерал с непокрытой головой, в одном сюртуке, но с неизменным образом на груди. Он стал на коврик и перекрестился на все четыре стороны. Его высокая фигура с длинной седой бородой и густыми всклокоченными волосами четко вырисовывалась на фоне вечернего неба.

Оглянувшись вокруг, Надеин опустился на колени. Воздев кверху руки, он громким голосом начал читать молитвы.

Завидя молящегося генерала, десятка два солдат подошли к нему и, обнажив головы, гоже стали на колени. Постепенно число их увеличивалось, и вскоре вокруг Надеина образовалась толпа.

Звонарев с удивлением издали наблюдал за этим своеобразным богослужением. Солдаты, крестясь и вздыхая, медленно расходились, совсем как в церкви после вечерни или обедни.

Стоявшие поодаль матросы десантной роты с "Пересвета" иронически поглядывали на это моление, перебрасываясь между собой шутками.

- Ишь колдует дедок! Только не пойму, к добру это или нет?

- Ворожит, чтобы японские пули да снаряды никого из солдат не убивали, вроде как бы заговаривает весь артурский гарнизон.

- Жаль, его с нами не было в бою двадцать восьмого июля. Околдовал бы он адмирала Тогова, чтобы у ого глаза позастилало. Сидели бы сейчас во Владивостоке да с русскими бабочками прохлаждались...

Вскоре появилась Варя и увела Звонарева в блиндаж обедать.

В конце обеда Звонарева неожиданно вызвали к начальнику артиллерии Восточного фронта обороны полковнику Мехмандарову. Варя пошла с ним.

Мехмандаров, пожилой мужчина, с лицом, заросшим по самые глаза густой черной бородой, сквозь которую проступал большой горбатый нос,

с недоумением посмотрел на появившуюся перед ним парочку.

- Мне нужен прапорщик Звонарев, а не его жена.

- Да он мне совсем и не муж, только знакомый, - несколько смутилась девушка.

- Сейчас сообщили, что на батарее литеры Б одиннадцатидюймовый снаряд попал в офицерский каземат...

- И Жуковский убит? - в ужасе воскликнула

Варя.

- Никто не убит! Все живы, только ранены Жуковский и Гудима. На батарее не осталось ни одного офицера...

- ...И вы хотите послать туда Сереж... Сергея Владимировича? Но он совсем больной и едва стоит на ногах!

- Ва! - досадливо сморщился Мехмандаров. - Если он болен, то от вашего присутствия, сударыня. Без вас он совсем здоровый, ходил сегодня на третий форт. Но посылать его на литеру Б я не собираюсь. Он еще чином не вышел командовать такой батареей. Туда отправится высокий поручик, что на Залитерной...

- Борейко, - подсказал Звонарев.

- Он самый, а вас направим на Залитерную. Там осталось всего две пушки, так что и офицер не нужен, но, поскольку вы контужены, пробудете там с неделю и отдохнете. Только чтобы вы, сударыня, туда не смели показывать и носа, иначе прапорщик никогда не поправится... - И полковник громко захохотал.

- Когда прикажете отправиться на Залитерную? - спросил Звонарев.

- Чем скорей, тем лучше.

Распрощавшись с Варей, прапорщик шагал по дороге к Залитерной. Стояла темная, но теплая ночь. С моря дул мягкий, влажный ветер. На безоблачном небе сверкали звезды. Навстречу Звонареву шли роты моряков.

Прошло добрых полтора часа, пока Звонарев наконец добрался до Залитерной.

Борейко там уже не оказалось. Он ушел на батарею литеры Б, захватив с

собою половину солдат. За старшего на батарее остался Ярцев, который уже выписался из госпиталя.

Звонарев был удивлен переменой, происшедшей с ним. Сказочник пополнел, был чисто выбрит, аккуратно одет, щеголял в новой рубахе и до блеска начищенных сапогах. При виде прапорщика физиономия Ярцева расплылась в широчайшую улыбку.

- Мы вас, вашбродь, совсем уже похоронили. Поручик даже в помин вашей души стакан водки выпили, хоть последнее время на нее и смотреть не хотели.

- Тебе женитьба, видать, пошла впрок! Где Харитина-то?

- На кухне с бельем возится. Сейчас я ее пришлю.

- Подожди, расскажи, что случилось с командиром и Гудимой?

- Бомба попала в каземат, капитана ранило в голову, спину и ноги, а штабс-капитану повредило правую руку и бок. Их отправили на Утес, - на квартиру.

- А Шура уцелела?

- Ее в те поры в казематов не было, потому и осталась невредима, уехала тоже на Утес; а Мельникова поручик забрали на "литербу", у нас же за фершала осталась Харитина. - И солдат прыснул со смеху.

- Чего ты хохочешь?

- Наши канониры все к ней пошли с разной хворобой, кто что выдумал, а она давай их лечить... ухватом! Живо все поправились! - опять закатился Ярцев.

- И тебя поди она им угощает под сердитую руку?

- Никак нет. Она меня уважает как мужа и свое бабье место знает, - с достоинством проговорил сказочник.

В дверь постучали. Вошла Харитина. Она была в женском платье, с платком на стриженной голове.

- Здравствуйте, Сергей Владимирович, с прибытием вас! - певучим голосом приветствовала она Звонарева. - Не откушаете ли чайку со свежими шанежками?

Только сейчас испекла. Мы как раз садимся за стол. Пойдем-ка, Егор

Иванович, - обратилась она к мужу.

- И я с вами отужинаю, - поднялся Звонарев.

- Милости просим, - радушно и просто, по-хозяйски пригласила Харитина.

Вернувшись в блиндаж, Звонарев позвонил по телефону Борейко.

- Здорово! Жив еще курилка? - спросил поручик. - Николай Васильевич, бедняга, сильно пострадал, к тому же он еще не совсем поправился после дизентерии, может и, не вытянуть. Гудима отделался легкими ранениями, отправился больше отдыхать, чем лечиться. Завтра приходи сюда, есть кое-какие дела. Стах кланяется. Его вчера ранило в четвертый раз, но легко, и он остался в строю.

В предрассветном сумраке замелькали первые вспышки выстрелов японских батарей. Интенсивность огня возрастала с каждой минутой, вскоре грохот сотен орудий слился в один протяжный гул. Снаряды сплошной лавиной обрушились на русские позиции от батареи литеры Б до укрепления номер три. Бомбы, шрапнели, сегментные снаряды, бризантные гранаты всех калибров дождем падали на Залитерную.

- Японец штурм готовит, вашбродь, - сообщил Звонареву Ярцев.

Один из снарядов разорвался близко от блиндажа, и осколки забарабанили в дверь. Застегиваясь на ходу, Звонарев выскочил наружу. Батарея казалась вымершей, солдаты попрятались. Облако дыма и пыли, не расходясь, стояло над Залитерной.

Прапорщик поспешил нырнуть обратно в блиндаж и попытался по телефону вызвать батарею литеры Б, чтобы узнать обстановку на фронте, но провода были перебиты, и Залитерная оказалась отрезанной. Звонарев понял, что, несмотря на этот смертоносный вихрь, ему нужно идти посмотреть, что делается на линии Китайской стенки.

- Дай-ка мне бинокль; с наблюдательного пункта, вероятно, хорошо видно наше и японское расположение, - обернулся он к Ярцеву.

- Вы бы, Сергей Владимирович, малость обождали, может, стрельба утихнет, - посоветовал солдат.

- Тогда будет поздно, японцы успеют, чего доброго, и до нас добраться,

как в августе. Прикажи всем, даже Зайцу и Белоногову, приготовить винтовки, чтобы было чем встретить японцев, если они прорвутся на батарею, - распорядился Звонарев, выходя из блиндажа, и направился к наблюдательному пункту. Те немногие минуты, которые были нужны для преодоления этого пространства, показались прапорщику вечностью. Не прошел он и десяти шагов, как взрывной волной сбило у него фуражку с головы, засыпало глаза пылью, осколком порвало шинель. Оглушенный от взрывов, ослепленный пылью и дымом, он с трудом нашел наблюдательный пункт. Там находился Юркин, который от ужаса забился в дальний угол блиндажа и взглянул на прапорщика, как на привидение.

- Здравствуй! Труса, что ли, празднуешь? - спросил Звонарев.

- Здравия желаю, ваше благородие. Попервах думал, что мне попритчилось, что вы живой сюда пришли, - вскочил на ноги солдат.

- Что видно впереди? - подошел прапорщик к смотровой прорези и стал смотреть на развернувшуюся перед ним панораму.

Батарея литеры Б, Китайская стенка, Куропаткинский люнет и форт номер двенадцать чуть проступали сквозь пелену дыма и пыли. На батарее литеры Б то и дело вспыхивали красные языки выстрелов. Борейко из всех уцелевших еще орудий отбивался отседавших японцев. Все остальные батареи первой линии были приведены к молчанию.

Зато батареи берегового фронта и броненосцы перекидным огнем громили японцев. Когда дым и пыль относились ветром в сторону, Звонарев мог разглядеть большие разрушения на фортах и Кшайской стенке.

Вдруг над Куропаткинским люнетом взвился огромный столб черного дыма, и вслед за тем долетел тяжелый грохот взрыва. Прапорщик понял, что взлетел на воздух пороховой погреб.

Не успел дым от взрыва разойтись, как японцы кинулись на штурм люнета.

Впереди бежали с флагами в руках офицеры, и не прошло и минуты, как белые флаги с красными кругами посередине взвились над павшим

укреплением.

- Пропал люнет, - испуганно проговорил Юркин.

- Отобьем, японцев там совсем немного. Беги на батарею и прикажи обстрелять цель помер пять, уменьшив прицел на шесть делений, - распорядился прапорщик.

Телефонист перекрестился и побежал на батарею.

Вскоре с Залитерной прогремело несколько выстрелов, и белые комочки шрапнелей появились над Куропаткинским люнетом. Японцы поспешили спрятаться.

Подоспевшая рота моряков снова заняла люнет.

После полудня стрельба временно ослабела. Звонарев пошел на батарею. Несмотря на сильный обстрел, Залитерная пострадала сравнительно немного. Дав указания об исправлении разрушений, прапорщик направился к Борейко, чтобы договориться о дальнейших совместных действиях. Поручика он нашел на перевязочном пункте. Мельников на скорую руку перевязывал его раненый бок.

- Малость зацепило осколком, приходится дырку зашивать, - небрежным тоном проговорил Борейко, но по бледности лица и лихорадочно горящим глазам прапорщик понял, что его друг сильно страдает и едва переносит боль.

- Перевязывай поскорее народ, я сейчас пришлю всем раненым водки, - проговорил поручик, выходя из каземата.

На батарее по-прежнему то и дело рвались снаряды; солдаты попрятались по казематам.

- Здорово нам сегодня досталось. Семеро убито да человек пятнадцать ранено, в том числе все взводные; но они все остались в строю, - сообщил Борейко.

Звонарев договорился, что всемерно будет поддерживать батарею литеры Б своим огнем,

- Бей на малых прицелах, не бойся вклепить нам шрапнель в спину. Это лучше, чем пропустить японца, - предупреждал поручик.

- Японец в атаку идет, - влетел в офицерский каземат Жиганов.

- По местам, к орудиям! - заорал Борейко, выбегая на батарею. - Лети к себе и не зевай, - напутствовал он Звонарева.

На батарее поднялась суматоха, подносили снаряды к орудиям, торопливо заряжали пушки, на брустверах между орудий прилаживали пулеметы. Борейко, опираясь на ружье, как на палку, ходил вдоль фронта батареи. Издали уже доносились истошные крики "банзай".

Звонарев едва успел добежать до Залитерной батареи, когда первая колонна штурмующих японцев обрушилась на стрелковые окопы, занятые ротой Енджеевского, опрокинула ее и устремилась к батарее литеры Б. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как они быстро приближались к орудиям.

С замиранием сердца Звонарев следил за происходящим на батарее литеры Б.

Японцы были уже около орудий, скатившись врукопашную с артиллеристами. Серые шинели русских перемешались с зелеными японцев. Но последних было во много раз больше, и артиллеристы начали отходить, отбиваясь от наседавшего врага.

Несколько человек бросилось бежать в тыл. Казалось, батарея была потеряна.

Но тут справа, во фланг японцам, ринулись матросы подошедшего резерва, впереди которого двигалась огромная фигура Борейко. Он держал в правой руке большой морской палаш и, как Самсон, сокрушал вокруг себя маленьких японцев.

Не выдержав внезапного удара, японцы смешались, а затем отхлынули назад. Но стрелки Енджеевского успели уже занять свои окопы и встретили их ружейными залпами. Несколько сот зеленых фигурок заметалось в узком пространстве между батареей и передовым стрелковым окопом, расстреливаемые перекрестным огнем артиллеристов, моряков и пехоты. Земля с каждой минутой все больше покрывалась зелеными пятнами упавших тел. Звонарев ясно видел, как японцы в отчаянии бросались со штыками наперевес то в одном, то в другом направлении и, скошенные пулями, падали. Немногие уцелевшие,

побросав оружие, подняли руки вверх.

Ружейный огонь прекратился. Японцы гуськом, один за другим, скрылись в окопах стрелков. И тотчас молчавшие осадные батареи вновь обрушились на батарею литеры Б. Русские поспешили укрыться. Только Борейко, помахивая своим длинным палахом, неторопливо шел вдоль батареи, заглядывая в каждый каземат.

- Живы поручик! Гуляют, ровно по набережной в воскресный день, - восхищенно заметил Юркин. - Даром, что только утром их ранило.

Канонада по всему фронту постепенно стихала. Звонарев с удивлением заметил, что день уже клонится к вечеру, небо затянуло тяжелыми тучами и начинает накрапывать мелкий дождь. Ему сразу захотелось есть, тело стало тяжелым от усталости. Он громко зевнул и с удовольствием потянулся, разминая затекшие члены.

- Как ты думаешь, Юркин, готов у нас обед?

- Давно готов! На батарее пообедали, когда вы были на литере Б. Харитина Федосеевна кликала вас, как вы бежали на пункт, а вы только отмахнулись от нее рукой - не до тебя, мол.

- На всякий случай побудь здесь до темноты, а я схожу на батарею поем, - приказал Юрину Звонарев.

Заметив его издали, Харитина поспешила принести щи и жареную ослитину.

Прапорщик торопливо ел, слушая болтовню молодой женщины.

- На слатербе пятнадцать убито и около полсотни раненых, - рассказывала Харитина, - Софрона Тимофеевича ранило два раза за один день, а он не захотел идти в госпиталь. Жигана, на что верткий черт, и того чуть на штык не поддели. Не будь Зайца рядом, распороли бы ему брюхо.

- Заяц-то как туда попал?

- Пришел с Белоноговым по делам к поручику, а тут япошка лезет к самым пушкам. Он и схватил винтовку. Хвастает - двух японцев заколол. Зато самому бедро поранили, лежит сейчас на кухне и охает, придется его отправить в госпиталь. Да и Белоногову портрет прикладом

попортили, нос распух так, что глаз не видно. Хотела я вас даже спросить о капитане Шметиллове, царствие ему небесное, да при других постеснялась. Как его убило-то?

Прапорщик подробно рассказал о гибели капитана.

Лицо Харитины неожиданно сморщилось, глаза налились слезами, и она всхлипнула.

- Душевный был человек Игнатий Брониславович. При нем хорошо жилось солдатам. Жаль его, а их еще больше. Кто-то теперь будет ими командовать?

Попадется какой-нибудь аспид, и натерплюся они горя.

Звонарев попробовал вызвать к телефону Борейко, но телефон не действовал, и прапорщик решил идти на батарею литеры Б, благо совсем стемнело и на фронте наступило затишье.

Он застал Борейко перед фронтом батареи. Перед поручиком стояло несколько солдат.

- Трусы, батарею бросили, спасая свою шкуру! Таких солдат у меня еще не было. Рук своих о ваши морды пачкать не хочу. Пусть сами солдаты, которые честно защищали свои пушки, накажут вас как хотят.

Артиллеристы молчаливо направились по своим казематам, а Борейко подошел к Звонареву.

- Что у тебя, все благополучно?

- Да. Харитина заведует хозяйством на батарее, а сказочник ею командует.

Я же лишь временно гощу на Залитерной. В общем, все идет хорошо.

Пока офицеры разговаривали, солдаты собрались по взводам в казематах.

Лепехин созвал всех своих подчиненных к иконостасу и вынул старообрядческое Евангелие. Его борода чинно уселась на нарах, терпеливо ожидая, что будет делать взводный. Тут же находились трое бежавших с батареи во время атаки.

Они боязливо оглядывались по сторонам.

- Подь сюда, - подозвал одного из них взводный. - Рассказывай, кто ты

есть такой, а то тебя, как нового в роте, еще не знают.

- Фамилие мое Шестеркин, с Танбовской губернии.

- Рабочий, что ли?

- Никак нет, из хрестьян, служил половым в трахтире.

Солдаты задвигались и враждебно загудели:

- Знаем мы их, мошенников, - напоят, оберут и на улицу выкинут.

- Какое ты имел полное право бежать с батареи? - спросил Лепехин.

- Спужался; думал, всех японец заберет.

- Думал! А ты бы на других смотрел и штыком работал.

- Дык я не один бежал, и другие со мной...

- Мы со всех я ответ требуем.

Солдаты вздыхали, почесывались.

- Что же с ним делать? - спросил у присутствующих Лепехин.

- А как о том сказано в Писании? - задали, в свою очередь, ему вопрос.

- "Возлюбивый сына, да сокрушит ему ребра пользы его ради. Послание апостола Павла к коринфянам, глава третья, стих седьмой", - по Евангелию прочитал Лепехин.

- Всыпать двадцать пять горячих, - предложили в толпе.

- Правов таких нет, - злобно оглянулся Шестеркин.

- Ас батареи бегать права есть? - подошел к нему вплотную Лепехин.

- Я жалиться буду.

- Кому? Поручику? Так сам слышал, как он тебя на наш суд отдал...

- Повыше найдем.

- Ишь ты какой прыткий!

Шестеркин не пошевелился, с угрюмой злобой глядя на взводного.

- Шевелись, сука! - слышалось в толпе.

- Правов у вас таких нет.

- Вали на нары и стаскивай порты! - распорядился взводный.

Несколько человек накинлись на "виновного" и без особого труда уложили его на нары. Пороли вперехлест солдатскими портупьями, истово и деловито.

Лепехин считал удары. Шестеркин при каждом ударе вскрикивал и

просил пощадить, но на него не обращали внимания.

- Хватит! - остановил наказание взводный, когда положенное число ударов было отсчитано.

Шестеркин торопливо одевался.

- Благодарю мир за науку, - сурово приказал Лепехин.

В ответ наказанный разразился грубой бранью.

- Бей! - скомандовал Лепехин солдатам, возмущенный нахальством Шестеркина.

Добрый десяток кулаков сразу обрушился на Шестеркина.

- Довольно, - вмешался наконец Лепехин, оттаскивая расходившихся солдат.

- Не ровен час, до смерти убьете.

Окровавленный, охающий Шестеркин, шатаясь, едва поднялся на ноги.

Двое других бегунов, уstraшенные виденным, беспрекословно дали себя выпороть. Ввиду их полной покорности Лепехин ограничился всего десятью ударами. После экзекуции оба наказанные низко кланялись по сторонам и благодарили за науку. Когда порка кончилась, взводный пошел с докладом к Борейко.

- Твои лешаки поди переломали им все ребра? - забеспокоился поручик.

- Не должно того быть; на ногах стоят - значит, целы.

Разговор был прерван появлением Блохина.

- Здорово, варнак! - приветствовал его поручик. -

Зачем пожаловал?

- Здравия желаю, вашбродь! Явите божецкую милость, разрешите вернуться на батарею, - взмолился солдат.

- Здесь ты не нужен, а Залитерной командует прапорщик. С ним и разговаривай.

- Вашбродь, - жалобно взмолился Блохин к Звонареву, - дозвольте к вам обратно!

Прапорщик внимательно посмотрел на него.

- Чем тебе плохо на втором форту? - спросил он.

- Житья от пехтуры нету. Даве смена произошла, пришли новые, один

дурнее другого. Невесть што мелют.

- Что же именно? - поинтересовался Борейко.

- Вашу, грит, "литербу" японец с потрохами забрал. Как, говорю им, это может быть, коль на ней солдаты с Электрического Утеса, да еще с самим Медв... то бишь поручиком Борейко! - В глазах солдата мелькнула лукавая искорка. - Да нет на всем свете такого войска, чтобы их одолеть! А у самого на сердце кошки скребут: а вдруг, думаю, осрамились. Чуть стемнело, сюда и побег посмотреть, что здесь деется.

- Гладко врешь. Блоха, без запинки, - расхохотался Борейко.

- Убей меня гром, если вру! - перекрестился солдат.

- Ладно, можешь остаться на Залитерной, только, чур, к Харитине не подкатывайся. Совсем тогда выгоню из роты до конца войны, - предупредил поручик.

- Покорнейше благодарю, вашбродь! - гаркнул солдат и, умильно посмотрев на водку, тяжело вздохнул.

Заметив это, поручик налил полстакана и протянул солдату. Тот мгновенно проглотил водку и, прокричав благодарность, выскочил из блиндажа.

- Люблю Блоху. Пьяница, варнак, под горячую руку отца родного зарезать может, а сердце золотое! Да и не дурак, хотя и малограмотный. Много такого нашего народа без настоящего дела шляется по Руси-матушке... - задумчиво проговорил Борейко. - А твоя амазонка как?

- Хорошо, что напомнил. Она, верно, ожидает с судками меня на Залитерной, надо возвращаться. Оля как?

- Не видел уже с неделю, - видно, занята в госпитале, - вздохнул поручик.

- Не вздумай Варе рассказать о моей ране, а то Ольга Семеновна только зря будет беспокоиться.

На Залитерной Вари не оказалось. Вместо нее явился с обедом Вася.

Звонарев застал его в своем блиндаже беседующим с Харитиной.

- Тетя Варя велела вам передать записку и просила ответ.

Подчеркнув две грамматические ошибки, прапорщик на обороте сообщил

девушке, что цел, невредим и сидит в полной безопасности на Залитерной.

- Зайца придется отправить в госпиталь, - проговорила Харитина. - Как бы у него от грязи антонов огонь не сделался. Вася доведет его до перевязочного пункта, а оттуда его доставят в Сводный госпиталь, к Варваре Васильевне.

Звонарев согласился. Поужинав, он зашел на кухню к Зайцу. Солдат лежал в жару и бредил.

- Справишься один, Балоногов? - спросил Звонарев, увидев певца с забинтованной физиономией.

- Харитина Федосеевна помогут, а вместе, конечно, справимся, - весело отозвался солдат.

- Егор Иванович тоже нам подсобят, - добавила Харитина.

Следующие два дня штурм крепости продолжался. Звонарев все время проводил на наблюдательном пункте, поддерживая огнем то батарею литеры Б, то форт номер два, то Куропаткинский люнет. Японские атаки нигде не увенчались успехом.

Варя совсем не показывалась на батарее, будучи сильно занята в госпитале.

Вася же неизменно являлся по вечерам с судками. От Харитины и солдат он узнавал все о прапорщике, затем получал записку для Вари и уезжал, вздыхая, что ему не разрешают остаться на батарее.

На третий день утром Звонарева вызвали в штаб.

Японские атаки снова возобновились, но уже в направлении форта номер три.

Степанов нервничал и не отходил от телефона, требуя подкрепления из штаба крепости. Горбатовский отдавал целый поток бестолковых распоряжений, которые тут же и отменял. Надеин молился перед иконами в своем блиндаже, призывая божье благословение на русское воинство.

Один Рашевский сохранял полное спокойствие. Он сидел над картой и делал на ней пометки карандашом. Звонарев подошел к нему.

- Рад вас видеть опять в добром здравии, Сергей Владимирович, -

приветствовал его подполковник. - Вы нам очень нужны. Дело в том, что японцы прочно засели во рву форта номер два и около - батареи литеры Б. Мы решили спустить в них шаровые мины. На форт направится лейтенант Лурский, а вам мы хотим поручить батарею литеры Б. Я думаю, что вы с этим делом справитесь. На всякий случай вместе со снаряженной миной пришлю к вам своего кондуктора, минера Бутбфина, - добавил Рашевский.

Договорившись о деталях, Звонарев поторопился обратно, чтобы заблаговременно произвести все необходимые приготовления.

В штабном блиндаже по-прежнему царила растерянность Горбатовский нервничал и дергал Степанова. Выведенный из себя капитан с отчаянием спрашивал:

- Так, что же вы наконец решили, ваше превосходительство? Двинем ли мы резервные роты моряков к Китайской стенке или нет?

- Делайте, Федор Васильевич, как хотите, но чтобы положение там было немедленно восстановлено и прочно закреплено, - отмахнулся генерал и поспешил выйти в соседнее помещение.

Степанов выбежал из блиндажа и позвал командовавшего моряками офицера.

- Эта неразбериха тянется с утра, - с досадой проговорил Рашевский, подошедший провожать прапорщика. - Надеин, при всей своей старости и дряхлости, никогда так не волновался и не падал духом, как Горбатовский.

Хорошо хоть Степанов, человек уравновешенный и умный, при всяких обстоятельствах сохраняет присутствие духа и ясность мышления.

Около блиндажа Звонарева увидел Надеина. Генерал с иконкой в руках направился к матросам.

- Ждрааштвуйте, братцы! - приветствовал их Надеин, беря под козырек.

Моряки дружно ответили,

- Шейчаш - вы пойдете в атаку на нашего врага и шупоштата - японца. Я хочу благожловить ваш, чтобы пречиштая дева-матерь шохранила ваш швятым твоим покрововом. На молитву, шапки долой!

Матросы, переложив винтовки на сгиб левой руки, поуставному сняли фуражки. Генерал громко прочитал несколько молитв и, подняв обеими руками иконку, трижды перекрестил ею моряков.

- Теперь ш богом! Ш ружьем в руке и крештом в шердце, жа мной, ребята!

Звонарев взволнованно следил за этой сценой. Он видел, как большинство матросов иронически улыбалось, смотря на Надеина, но некоторые истово, с чувством осеняли себя крестом.

Подошедший Степанов пытался было отговорить Надеина от намерения лично вести матросов в бой.

- Генерал Горбатовский просит ваше превосходительство вернуться назад, - доложил он.

- Скажите ему, што никто не может жапретить умереть во главе швоих шолдат жа матушку Рошию, - на ходу бросил генерал, продолжая идти вперед.

Степанов пожал плечами и пошел обратно.

Звонарев, сам того не замечая, увлеченный примером Надеина, тоже пошел за моряками. Сбоку дороги торопливо ковылял Капитоныч, опираясь на винтовку вместо палки. Старик, верный своему другу и генералу, решил последовать за ним в бой.

Свыше двухсот человек, увлеченные порывом старика, лавиной ринулись вперед, не обращая внимания на огонь японских батарей.

- Рашшыпаться в цепь! - скомандовал Надеин, когда до Китайской стенки осталось две-три сотни шагов. Затем он еще раз перекрестился, выхватил шашку из ножен и закричал во всю силу неожиданно окрепшего голоса:

- Ш нами бог! Ура! - и бросился бежать по направлению к японцам, открывшим пачечный огонь по атакующим.

Несколько мгновений генерал бежал впереди всех, но затем матросы обогнали его и со штыками наперевес обрушились на врага. Надеин споткнулся, упал, выронив шашку, затем с трудом встал и уже с одним револьвером в руке побежал дальше. Рядом падали убитые и раненые, но старик не видел и не замечал ничего, продолжая хриплым голосом

кричать "ура".

Вскоре его еще раз сбили с ног бегущие матросы. Двое из них остановились и, подняв старика под руки, бережно поставили на ноги.

- Вы бы, ваше превосходительство, поберегли себя, в свалке вас затопчут, - уговаривали они генерала, отряхивая испачканную землей шинель.

Надеин покорно слушал их, и слезы капали из его глаз.

- Штар штал, никуда больше не гожушь! Думал шегодня шмерть принять вмеште ш матрошиками, да, видно, гошподь бог еще не приживает меня к шебе. Идите ш богом, братцы!

Между тем у Китайской стенки все уже было кончено.

Немногие уцелевшие в штыковой схватке японцы поспешно отступали в свои окопы, а матросы, рассыпавшиеся вдоль стены, готовы были встретить врага штыком и пулей.

Звонарев, вместе с матросами кинувшийся в атаку, вскоре заметил упавшего Надеина. Вырвавшись из штыковой свалки, он поспешил к нему на помощь.

- Вше шлава богу, жив и невредим, - ответил генерал на вопрос прапорщика.

- Пойдемте поблагодарим матрошиков жа геройшкую атаку.

Обойдя весь участок, отбитый только что моряками, генерал громко благодарил чуть не каждого в отдельности матроса за проявленную храбрость.

Моряки отвечали ему весело и бодро. Ни тени прежней иронии не мог заметить на их лицах Звонарев. Наоборот, теперь матросы с нескрываемым восхищением и любовью смотрели на чудаковатого деда, только что показавшего пример мужества, порожденного великой любовью к своей родине.

- Ура нашему генералу, нашему дедушке! - неожиданно выкрикнул один из матросов, и этот крик был подхвачен всеми остальными. Надеин остановился и, поднявшись на цыпочки, поцеловал рослого моряка.

Пережитое напряжение не прошло для старика даром, к вечеру он слег и

был отправлен в госпиталь.

Проводив генерала почти до штаба, Звонарев вернулся на Залитерную, где его ожидала Варя. Она успела по дороге побывать в штабе Горбатовского и уже узнала об участии прапорщика в контратаке.

- Ну зачем, зачем вы зря рискуете собой? - встретила его девушка. - Чего ради вы пошли с моряками?

- Хорошо все, что хорошо кончается, милая Варя, не стоит больше об этом говорить.

- Обо мне вы даже и не подумали! - И Варя неожиданно разрыдалась.

Долго пришлось прапорщику уговаривать ее, пока она наконец успокоилась.

Стук в дверь заставил Варю торопливо вытереть глаза и принять равнодушно-сосредоточенный вид. Вошла Леля Лобина.

- Как бы мне повидать Стаха? - спросила она, поздоровавшись.

Прапорщик по телефону через батарею литеры Б соединился с Енджеевским.

Поручик пообещал немедленно прийти на Залитерную.

- Кстати, у меня к вам, Сергей Владимирович, есть разговор по поводу спуска шаровой мины в японские окопы, - добавил он.

В ожидании прихода Стаха все направились навестить раненого Родионова, который отлеживался на Залитерной. У фейерверкера был жар, одна из ран в ноге нагноилась. Осмотрев солдата, Варя решительно заявила, что его необходимо тотчас же отправить в госпиталь.

- Необходимо произвести очистку ран, иначе септицемия неизбежна, - авторитетно заявила она.

Родионов умолял оставить его на Залитерной. Долго пришлось его уговаривать, пока наконец он согласился уехать с батареи, на только к Варе, чтобы быть "месте хотя бы с Зайцем.

Стах рассказал о последних штурмах батареи литеры Б. Варя подробно сообщила о сегодняшней штыковой атаке Китайской стенки. Звонарев ее тихонько поддразнивал, Леля ужасалась.

Начал накрапывать дождь, и обе гости заторопились домой. Офицеры

немного проводили их, а затем вернулись на Залитерную и договорились о спуске мины.

Решено было на следующий день произвести рекогносцировку на месте, а с наступлением темноты приступить к действиям.

Место для спуска шаровой мины выбрали в передовом окопе, который обычно на ночь занимали секреты. До противника было около тридцати шагов, причем японские траншеи помещались значительно ниже, под крутым скатом горы.

Буторин с двумя матросами доставил на батарею литеры Б большую шаровую мину весом около шестнадцати пудов. Внутри ее, в жестяном ящике, помещался семипудовый заряд пироксилина. Свободное пространство мины было заполнено кусками железа и камнями: они имели назначение усилить картечное действие при взрыве. Для спуска мины имелся деревянный желоб длиной свыше трех саженей. Разогнавшись по нему, мина дальше катилась по инерции.

Кроме Буторина, Звонарев взял с собой еще Блохина и Ярцева, уже видевших в сентябре, на Высокой горе, действие таких мин. Борейко тоже не утерпел и решил хотя бы сзади, из стрелковых окопов, посмотреть на взрыв.

Для доставки мины к месту спуска Стах отрядил десяток стрелков. Солдаты с трудом перенесли ее на носилках. Как только наступили сумерки, японцы начали усиленно освещать укрепления прожекторами. Несколько раз лучи света останавливались на батарее литеры Б и затем, не обнаружив ничего подозрительного, ползли дальше.

Уложив на бруствер окопа желоб, стрелки подняли и положили в него мину.

Чтобы она не скатилась раньше времени, ее удерживали короткой веревкой, привязанной к специальному кольцу на корпусе мины. Затем солдаты сошли в окоп, а Звонарев поднялся к мине и вставил запальный шнур, рассчитанный на полторы минуты горения.

- Подай-ка фитиль, Блохин, - вполголоса приказал он.

Солдат протянул ему жестяную коробку, в которой чуть тлел джутовый

фитиль. Подув на него, чтобы он лучше разогрелся, прапорщик приложил его к запалу. Последний тотчас вспыхнул и начал гореть с легким шипением. Звонарев оглянулся. В японских окопах было все тихо и темно. Луч прожектора удалился далеко вправо.

Опасаясь, чтобы мина не взорвалась через слишком долгий промежуток времени, что дало бы японцам возможность разбежаться, прапорщик решил выждать еще полминуты, прежде чем ее пустить. Прислушиваясь к чуть слышному шипению горевшего запального шнура, он дро себя отсчитывал секунды: ноль раз, ноль два, ноль три... С последним счетом - ноль тридцать - он приказал солдатам отпустить конец веревки, удерживающий мину, и изо всех сил толкнул ее. К его удивлению, мина даже не шевельнулась.

Звонарев хотел выдернуть запальный фитиль, но последний снаружи уже обгорел, и только в запальном отверстии чуть заметно мерцал огонек. Вынуть его уже было невозможно.

"Сейчас взорвется", - мелькнула тревожная мысль.

Часть стрелков стремительно бросилась в тыл. Холодный пот выступил на спине у прапорщика, волосы зашевелились на голове.

- Я сейчас вам подсоблю, вашбродь, - неожиданно раздался голос Блохина, и он очутился рядом с Звонаревым.

- Раз, два, сильно! - скомандовал солдат, и они вдвоем навалились на страшный шар. Он скрипнул и повернулся. Наполнявшие его осколки и камни, пересыпаясь, сильно зашумели.

- Давай, давай, - шептал Блохин, продолжая катить мину со все увеличивающейся скоростью.

Шестнадцатипудовый шар с грохотом полетел вниз. В японских окопах поднялась тревога, японцы открыли беспорядочный огонь по направлению шума, засвистели пули. Достаточно было одной из них удачно попасть в мину, и она взлетела бы на воздух.

- Бежим назад! - скомандовал прапорщик и ринулся к окопу.

Блохин все же сперва пробежал вслед за миной до самого конца желоба и только тогда вернулся обратно. Припав за бруствером почти к самой

земле, они с трудом переводили дух от волнения и с нетерпением ожидали взрыва. Грохот все еще катящейся мины постепенно ослабевал, один за другим раздались два небольших взрыва.

- Не наша, - быстро прошептал Звонарев.

- Японец, верно, хочет ее остановить и бросает ей навстречу бомбочки, - отозвался Блохин.

- Хотя бы фитиль не затух, - забеспокоился прапорщик.

Через мгновение внизу вспыхнуло яркое пламя и грохнул оглушительный взрыв. С бруствера слетело несколько мешков с землей. Над головой засвистели осколки.

Затем в японских окопах наступила полная тишина, только луч прожектора торопливо заметался в разные стороны. С какого-то форта или крепостной батареи сзади высоко взвилась ракета, за ней другая, и, разорвавшись, рассыпались тысячами огненных звездочек, освещая далеко все вокруг.

- Вот дураки! Они нас выдадут, - выругался прапорщик, совсем припадая ко дну окопа.

При ярком свете сразу же разгорелась с обеих сторон ожесточенная ружейная и пулеметная стрельба и быстро распространилась по всему фронту. Звонарев и Блохин оказались под перекрестным огнем, целые рои пуль с визгом носились над их головами.

- Ложись! - приказал прапорщик приподнявшемуся Блохину.

- А вдруг японец пойдет в атаку и заберет нас? - с сомнением проговорил солдат, опускаясь на землю.

- Наши не допустят сюда японцев, - успокоил его прапорщик.

Прошло добрых четверть часа, пока стрельба настолько утихла, что Блохин рискнул выглянуть из-за бруствера. При свете прожектора он разглядел огромную яму среди японских окопов. Вокруг нее валялись трупы и огромные каменные глыбы, вывороченные из земли при взрыве.

- В самый раз угодили, Сергей Владимирович! Можно теперь и домой идти.

Прапорщик, в свою очередь, рискнул выглянуть из окопа. В то же

мгновение пуля сбила у него с головы папаху.

- Зацепило? - тревожно спросил Блохин и, не дожидаясь ответа, провел своей шершавой рукой по лицу и волосам Звонарева.

- Кажется, цел, - еще неуверенно отозвался прапорщик, ощупывая голову.

- Ну и ударила же ваша мина! - подошел Енджеевский. - В блиндажах до сих пор еще пыль не улеглась.

Лампы сразу потухли, все посыпалось со стен, у меня у дверь соскочила с петель.

Попрощавшись с Енджеевским, прапорщик направился на батарею литеры Б, где его с нетерпением ожидал Борейко.

- Наделал же ты, Сережа, переполоху и у японцев и у нас! - встретил его поручик. - Со всех сторон звонят по телефону, спрашивают, что случилось.

- Уже все знает - удивился Звонарев.

- Ну он никого ни о чем не предупредил. Да и я, признаться, после взрыва со всех ног бросился на батарею: думал, что начинается грандиозная драка.

- Поднеси Блохину стакан водки. Если бы не он, меня разнесло бы в куски.

- И прапорщик рассказал о своих переживаниях.

- Верно, здорово за тебя молится твоя великомученица Варвара, - шутил поручик и вдруг оглушительно крикнул: - Филя, подь сюда, сучий сын!

Блохин выскочил, как из-под земли.

- Пей! - налил Борейко стакан водки.

- За что жалуете, вашбродь? - удивился солдат.

- За спасение прапорщика от верной смерти. Расскажешь потом все его барышне, она тебе еще поднесет.

- Нет уж, пожалуйста, Варю сюда не вмешивайте.

Опять будет реветь в три ручья, - запротестовал Звонарев.

- Она способна на это? - удивился Борейко.

- Представь себе, и даже очень!

- Значит, быть тебе за ней замужем, - хлопнул поручик по спине Звонарева.

Блохин захохотал, почтительно закрыв рот рукой.

- Пошли домой, на Залитерную, - обернулся к солдату Звонарев, и они зашагали по разбитой и скользкой от дождя дороге.

После штурма наступило затишье. Японцы, потеряв пятнадцать тысяч человек и добившись лишь незначительных успехов, усиленно занялись траншейными работами, проводя все новые и новые параллели в непосредственной близости от русских. Одновременно из Японии шли большие пополнения, которые надо было обучать тактике осадной войны. Артурцы, в свою очередь, использовали затишье на фронте для исправления нанесенных фортам и укреплениям повреждений и создания тыловых линий обороны. Как и прежде, всеми работами руководил Кондратенко, а Стессель и Смирнов отсиживались в своих штабах, ведя между собой бумажную войну из-за всякого пустяка.

Звонарев продолжал пребывать на Залитерной, отдыхая после пережитых треволнений. Борейко умудрился организовать на батарее литеры Б, в непосредственной близости японцев, лабораторию по изготовлению ручных гранат и одновременно мастерил пушку для стрельбы минами. По мере сил Звонарев помогал ему.

Стоял серый, уже по-зимнему холодный день. Временами срывался снег. В офицерском блиндаже на Залитерной было сыро, дымно и неуютно. Звонарев мерз, был голоден и поэтому зол. Варины обеды все больше оскудевали, а с ними тощал и прапорщик. Девушка тоже сильно похудела. На осажденную крепость вплотную надвигался голод, но осаде не было видно конца.

Вошедший в блиндаж Ярцев принес несколько приказов и распоряжений, полученных из Управления артиллерии.

Звонареву бросилась в глаза длиннейшая "Ягска" Фока "О пределе обороны каждой крепости", взяв ее, прапорщик с удивлением стал читать: "Осажденную крепость можно сравнить с организмом, пораженным гангреной."

Как организм рано или поздно должен погибнуть, так равно и крепость должна пасть. Это должны знать и всегда помнить доктор и комендант. Конечно, никто не мешает им верить в чудо, но их на войне не бывает. Гангрена поражает организм с конечностей, - доктор должен своевременно их удалить; так и крепость теряет прежде всего свои передовые форты, - и комендант должен своевременно их очистить, дабы вовремя уйти из-под удара. Доктор постепенно отделяет пораженные органы; комендант же постепенно оставляет периферию и уводит войска в цитадель. Ни один доктор не станет вновь приобщать к организму удаленный орган, - так и комендант не должен пытаться вернуть утраченные форты и укрепления, ибо это ни - когда не может увенчаться успехом и поведет только к напрасным жертвам. Доктору, для того чтобы удалить больной орган, нужны ассистенты, - так и коменданту нужны надежные помощники, чтобы выполнять его приказания об очистке фортов и укреплений".

Дальше Звонарев не стал читать. Ему стало ясно, что Фок, с благословения Стесселя, предлагает постепенно сдать Артур японцам. Вздвигнувшись, он позвонил Борейко на батарею литеры Б.

- Ты читал записку Фока? - спросил он. - Что ты о ней думаешь?

- Думаю, что Фок подготавливает изменническую сдачу крепости.

- Чем все это кончится?

- Совместным парадным обедом Стесселя и Ноги в Артуре, если только Кондратенко решительно не вмешается и не арестует этих предателей. Я готов со своей ротой оказать ему в этом полное содействие.

- Сомневаюсь, чтобы он осмелился на такие решительные шаги, это не в его характере.

- Сообща уговорим. Одним словом, сейчас осаждают Артур сразу три генерала: Ноги с фронта и Фок со Стесселем изнутри... Кстати, еще новость: Вамензон назначен начальником артиллерии нашего сектора и собирается сегодня посетить "литербу".

- Я далеко не в восторге от этого известия...

- Да... следует ожидать всяких пакостей. Прикажи на батарее и около

кухни все привести в порядок, да и Харитине вели куда-нибудь на время исчезнуть.

Едва прапорщик успел отдать необходимые распоряжения, как Вамензон уже подъехал в экипаже и направился к батарее. Звонарев встретил его рапортом.

Сухо поздоровавшись, капитан прежде всего справился, есть ли на батарее икона и у всех ли солдат имеются нательные кресты. Удивленный этим вопросом, прапорщик сообщил, что иконы нет, а нательными крестами он совсем не интересовался.

- Вы, очевидно, к сожалению, не религиозны? Православный воин прежде всего должен быть глубоко верующим. Только тогда, с помощью божьей, он может надеяться на победу, - поучал Вамензон, неторопливо идя вдоль батареи.

- Помимо веры, нужны еще снаряды, патроны и продовольствие, а их-то у нас как раз не хватает.

- Вы, оказывается, настоящий крамольник, - даже остановился от возмущения капитан.

Далее начался разгром. Вамензон шарил по всем углам и закоулкам, заставляя солдат разуваться, чтобы видеть, острижены ли у них ногти, и совал в нос Звонареву грязные портянки. На беду, около кухни он завидел Харитинину юбку и произвел целое расследование, как она оказалась на батарее, и в результате обнаружил Харитину.

- Это что за... - выругался он.

Харитина вспыхнула.

- Я законная жена бомбардира Егора Ярцева, и вам очень даже стыдно такие слова мне говорить.

- Вон с батареи! Чтобы твоего здесь и духу не было.

Где ее так называемый муж? - обернулся он к прапорщику.

- Я здесь, ваше высокоблагородие, - отозвался Ярцев.

- Как ты смел держать здесь свою суку, мерзавец?

- Жена Ярцева здесь находилась с разрешения поручика Борейко, - доложил Звонарев.

- Я ему за это объявлю выговор, а ты сегодня же набьешь морду своей шлюхе, - обернулся к Ярцеву капитан.

- Ваше приказание дико и незаконно, - вмешался Звонарев. - Вы не имеете права предъявлять к солдатам такие требования.

- Вы с ума сошли, прапорщик! Я вас немедленно арестую и дело передам военно-полевому суду.

Звонарев обернулся к батарее. Все солдаты высыпали из блиндажей и издали хмуро следили за происходящим.

- В ружье! Ко мне! - звенящим от волнения голосом крикнул прапорщик.

Солдаты метнулись в разные стороны, и через минуту тридцать человек с винтовками в руках стояли за спиной Звонарева.

- Зачем вы их вызвали сюда? - спросил испуганно Вамензон.

- Чтобы отдать вам честь, когда вы будете уезжать, - иронически ответил уже овладевший собой прапорщик.

Вамензон бросил на него уничтожающий взгляд и, не прощаясь, пошел к экипажу.

- Слушай! На кра-ул! - совсем весело скомандовал Звонарев.

Вамензон уехал.

- Мне надо уходить с батареи? - спросила Харитина.

- Можете оставаться здесь по-прежнему. Едва ли капитан Вамензон еще нас посетит, - усмехнулся прапорщик.

- Вы бы, вашбродь, нам только глазом мигнули, мигом подняли бы их высокоблагородие на штыки, - проговорил Лебедкин.

- ...и попали бы под расстрел.

На батарее литеры Б Вамензон встретил Блохина.

Солдат сразу же ошетинился и свирепо посмотрел на своего давнишнего врага.

- Как стоишь, сволочь? Голову выше. - И капитан ударил Блохина в нижнюю челюсть с такой силой, что он, громко ляснув зубами, едва устоял на ногах.

- Забыл, как я тебе каждый день спускал шкуру? Смотри, и сейчас отполирую ее под орех!

Блохин с ненавистью смотрел на Вамензона.

- В чем дело, господин капитан? - подошел Борейко. - В чем провинился бомбардир Блохин?

- Ни в чем! Просто увидел его нахальную рожу и решил проучить как следует. Он у вас совсем обнаглел и распустился, поручик.

- И, очевидно, поэтому получил два Георгиевских креста.

- Его надо ежедневно пороть, а не награждать крестами! Пошел вон, сволочь!

Блохин повернулся по уставу, а затем, бормоча под нос самую отчаянную брань, побежал к своему каземату. Через минуту он вышел со своей трофейной японской винтовкой, но Вамензон уже скрылся в каземате второго взвода.

Заметив там большой образ и лампаду перед ним, начальник сектора снял фуражку и долго крестился.

- Вот это я одобряю! Это не то, что на Залитерной, где командует нигилист. Все успехи батареи я объясняю поручик, правильным, религиозным воспитанием ваших солдат.

Борейко слушал капитана с иронической усмешкой.

Вамензон уже собрался уходить, когда его взгляд упал на лежавшую на нарах лепехинскую Библию. Золотое старообрядческое двуперстие четко бросалось в глаза.

- Чья это книга? - сразу же взъерошился капитан.

- Обчая, - доложил взводный.

- Да у вас тут, оказывается, целый раскольничий скит!.. Сейчас же сжечь эту еретическую книгу!

Затем капитан подошел к иконе и тут только разглядел, что она тоже старинного письма. Рядом стояло еще несколько таких же образов.

- Это настоящая моленная! Немедленно уничтожить всю эту мерзость. - И Вамензон стал швырять иконки на пол, топча их ногами.

Солдаты зашумели и бросились поднимать свои святыни.

- Это... это бунт! Я вызову сюда стрелков, чтобы заставить вас выполнить мое распоряжение! - Капитан выскочил из каземата и торопливо зашагал

к экипажу.

Едва он отъехал, как из-за угла с ревом вылетел Блохин и, вскинув винтовку, пуля за пулей выпустил по Вамензону целую обойму, но промахнулся.

- Тогда ни далеко отшвырнул ружье и, невероятно ругаясь, с пеной у рта стал кататься по земле. Борейко приказал запереть Блохина в свободном пороховом погребе.

- Пусть посидит, а то еще опять попортит кого-либо под горячую руку, - решил он.

Сверх ожидания Блохин подчинился без возражений.

Переговорив по телефону с Залитерной, поручик узнал, что произошло там, и, в свою очередь, осведомил Звонарева обо всем случившемся на батарее.

- Чем, по-твоему, все это кончится для нас с гобой? - спросил прапорщик.

- Для тебя, дважды контуженного и будущего зятя Белого, ничем, а мне, верно, придется расстаться с батареей и немного отдохнуть на гауптвахте.

- Но ты ведь тоже ранен?

- Зато обо мне не беспокоится никакая генеральская дочка... Одним словом, проживем - увидим.

На следующий день Залитерию посетил начальник крепостной артиллерии Восточного фронта подполковник Стольников. Среднего роста, почти совсем седой, с седыми же усами и эспаньолкой, всегда раздраженный, он не пользовался особым авторитетом и любовью своих подчиненных, несмотря на несомненную храбрость.

Сразу же, с момента своего появления на батарее, он начал брюзжать на Звонарева и солдат. Но, в отличие от Вамензона, Стольников считал мордобой некультурностью, недопустимой для офицера. Поставив многих солдат под винтовку на различные сроки и доведя прапорщика до состояния тихого бешенства. Стольников прошел с ним в офицерский блиндаж и тут с глазу на глаз объявил ему выговор за вчерашнее непочтение к Вамензону.

- Я сам не перевариваю этого "дантиста" и прохвоста, но поскольку он является вашим начальником, то дерзить ему все же нельзя. Я вас снимаю с Залитерной и отправляю в госпиталь. Сдадите сегодня же батарею штабс-капитану Чижу. Он заодно примет и батарею литеры Б. - А куда денется Борейко?

- Я пока отправлю его на гауптвахту.

Затем Стольников, сразу переменив тон, уже совсем по-дружески попросил прапорщика проводить его на батарею литеры Б.

- Вместе обсудим там все хозяйственные дела.

Известие об отправке на гауптвахту Борейко принял совершенно спокойно.

- Не перевелись, значит, еще умники в Артуре, готовые и во время осады заниматься крючкотворством, - пробурчал он.

- Прикажете, вашбродь, вещи собирать? - испуганно вскинулся на Борейко вертевшийся тут же денщик Иван.

- Укладывай чемоданы, поедem отдыхать в город на губу.

Солдат тотчас выскочил из каземата и бегом направился вдоль батареи.

Встретив Блохина, он торопливо сообщил ему об аресте Борейко.

- Не дадим, - решительно махнул головой солдат и устремился в казематы с криком: - В ружье? Спасай братцы, Медведя, его от нас забирают!

Артиллеристы, потрясая винтовками, ринулись к офицерскому каземату.

Через минуту тут собралась толпа вооруженных, взволнованных солдат.

Заметив сбирище солдат, Звонарев вышел справиться, в чем дело.

Стоящие впереди толпы Лепехин, Жиганов и Блохин спросили его, правда ли, что забирают Борейко. Получив утвердительный ответ, Блохин громко заявил, стукнув прикладом о землю:

- Мы на это не согласны! Без поручика нам не жить! Нельзя ли, вашбродь, так и доложить по начальству?..

Вернувшись в каземат, прапорщик сообщил Стольникову о возникшем среди солдат волнении и от себя посоветовал оставить Борейко на прежнем месте.

- Тридцать лет служу, но таких вещей еще не видел! Да понимают ли солдаты, что им грозит поголовный расстрел? - возмутился подполковник.

- Здесь они тоже ежедневно рискуют своей жизнью, господин подполковник, - заметил Звонарев.

- Я сейчас их разгоню. Все эти безобразия являются прямым результатом вашего либерального отношения к солдатам, - обернулся Стольников к Борейко.

- В чем дело, ребята? Почему вы сюда собрались? - вышел к солдатам Стольников.

- Просим поручика от нас не брать, - проговорил Лепехин.

- Как я приказал, так и будет.

- Тогда берите и меня, ваше высокоблагородие, - шагнул вперед Блохин.

- И меня, и меня! - раздалось в толпе, и солдаты тесным кольцом окружили испуганного подполковника.

- Назад! - хрипло крикнул он, но его не послушались.

Крик и шум с каждой минутой становились все более угрожающими. Звонарев бросился за Борейко. При появлении поручика толпа сразу стихла.

- Смирр-но! Разойдитесь по казематам, братцы! - крикнул он солдатам.

Артиллеристы недовольно зашумели, но все же стали расходиться.

- Я решил оставить вас на батарее, Борис Дмитриевич, - умышленно громко проговорил Стольников.

- Покорнейше благодарим! - оглушительно рявкнули солдаты.

Стольников, ни с кем не прощаясь, поспешил уйти с батареи. Солдаты, давая дорогу, почтительно расступались перед ним.

Когда подполковник отошел достаточно далеко, Борейко скомандовал "смирно" сгрудившимся около него солдатам.

- Спасибо, братцы, - с чувством проговорил он.

- Рады стараться, вашбродь! - дружно ответили артиллеристы.

- Поручику "ура"! - заорал Жиганов, и солдаты бросились качать своего офицера, пока встревоженные криками японцы не открыли сильного

ружейного огня по батарее.

- Разойдись! - скомандовал Борейко. - Хорошо, брат Сережа, когда за твоей спиной стоит сотня людей, готовых за тебя идти в огонь и воду.

Стольников был не глуп и решил не предавать огласке происшедшее с ним на батарее литеры Б. Поэтому в штабе фронта он доложил начальнику артиллерии участка полковнику Мехмандарову, что все нашел в порядке и считает излишним снимать оттуда Борейко. Полковник с ним согласился. Правда, вечером того же дня Стольников подробно обо всем доложил наедине Белому. Генерал вполне одобрил его действия, решив ограничиться выговором Борейко. На этом дело и кончилось. Но солдаты, сильно приукрасив всю историю, не замедлили рассказать стрелкам, как они "отбили у начальства своего Медведя". История получила совершенно неожиданный резонанс в пехотных частях. Стрелки почувствовали свою силу. Офицера, ударившего солдата, они, разобрав винтовки, загнали в блиндаж, где он и просидел, пока стрелки не разошлись.

Несколько других офицеров поспешили "заболеть" и уехать в город. Раздавать попрежнему зуботычины уже стало опасно.

Глава пятая

Следующий день выдался серенький, относительно спокойный, и прапорщик с чувством облегчения неторопливо шел по дороге в Старый город. Ни транспорты раненых, тянувшихся в тыл, ни резервные команды, двигавшиеся к фортам, не могли нарушить его спокойного и радужного настроения. Миновав полуразрушенный бомбардировкой Новый китайский город, Звонарев добрался до Сводного госпиталя.

Уже в вестибюле прапорщик увидел на полу десятки носилок, заполнявших все свободное пространство. Только с большим трудом, шагая через раненых, ему удалось пробраться в палату, которую вела Варя. Девушка была занята раздачей лекарств своим больным.

В палате, рассчитанной на пятнадцать человек, находилось не меньше тридцати. На двух составленных вместе койках помещалось по трое

тяжелораненых. Легкораненые лежали прямо на полу, на шинелях, носилках, изредка на тюфяках. Воздух в палате, несмотря на открытые форточки, был тяжелый. Пахло карболкой, йодоформом, махоркой и грязным человеческим телом.

Звонарев поморщился и постарался поскорее найти своих утесовцев. Они расположились все вместе в углу возле окна. На койке лежали Родионов и Заяц. Тут же вертелся уже совсем поправившийся Гайдай и еще два запасных бородача, фамилии которых прапорщик не знал. Звонарев поздоровался с ними.

Артиллеристы, забыв об окружающих, громко рявкнули в ответ.

- Тише вы, - сердито обернулась к ним Варя и увидела наконец прапорщика.

- Как вы смели войти сюда без моего разрешения? - коршуном налетела она на Звонарева.

- Виноват, господин фершал, разрешите остаться! - шутливо вытянулся офицер.

- Через полчаса я освобожусь, вместе и пойдем.

- Разрешите нам на выписку, - взмолился Родионов, - а то мы здесь умрем с голоду, дюже харчи плохие.

Их похудевшие, осунувшиеся лица говорили сами за себя.

- Отпустите их, Варя. Я распоряжусь, чтобы за ними прислали лошадь перевезти на Утес, - заступился за солдат прапорщик.

- Ладно уж, если вы так просите за них, - смиростивилась девушка.

- Покорнейше благодарим, вашбродь, - обрадовались солдаты, - мы и сами как-нибудь добредем.

В это время в палату заглянул озабоченный врач в белом халате.

- Приведите все по возможности в порядок, сестра.

Сейчас к вам зайдет сама Вера Алексеевна. Она обходит все палаты. - И он исчез.

- Приберите постели, бросьте курить, - захлопотала Варя, торопливо оправляя койки больных и подбирая бумажки с пола.

- Уходите отсюда, - прогнала Варя Звонарева из палаты, но в дверях

появилась фигура генеральши в сопровождении ротмистра Водяги и главного врача госпиталя Протопопова.

Варя сделала глубокий реверанс. Вера Алексеевна ласково поцеловала ее в лоб.

- Вот видите, доктор, как ведут себя приличные девушки, - обернулась генеральша к Протопопову. - Не то что другие сестры, которые боятся склонить передо мной свою головку. Еще бы, учительница и вдруг станет делать реверанс, это ниже нашего" достоинства, - иронизировала Вера Алексеевна.

- Здравствуйте, солдатики! - обратилась она к больным.

- Здравия желаем, барыня, - нестройно ответили они.

- Не барыня, а ваше превосходительство! - резко прикрикнул Водяга, сердито глядя на солдат.

Генеральша начала раздавать солдатам иконки и крестики.

- Чего тебе не хватает, Варя? - спросила генеральша.

- Хорошего питания, бинтов, белья, лекарств...

- Не так быстро. Мосье Водяга сейчас все это запишет, но, конечно, я сделаю только то, что будет возможно, - забеспокоилась генеральша.

- Прежде всего нужно питание. У меня два легкораненых умирают от цинги.

Неделя хорошего питания - и они будут спасены. Хотя бы пару куриц, десяток яиц, - упрашивала девушка.

- Ну, посмотрю дома, - покривилась генеральша и проплыла к выходу. - Зачем у тебя, Варя, в палате посторонние лица, - кивнула она на поклонившегося ей Звонарева..

- Я велела ему зайти за мной, - поспешила на помощь Звонареву Варя. - Он должен проводить меня домой.

- А я-то, дурак, думал, что это барыня, а оказывается - генерал в юбке, - усмехнулся Заяц вслед ушедшим.

Больные засмеялись. Варя пугливо замахала на них руками.

- Сурьезная баба, - подтвердил Родионов. - Кто она такая?

- Стесселева генеральша, - пояснил Заяц.

Варя торопливо заканчивала раздачу лекарств. Звонарев, поджидая ее, присел на койку Родионова.

- Сколько человек здесь на выписку, сестра? - неожиданно появился в дверях Протопопов в сопровождении инспектора госпиталей доктора Субботина.

- Четверо, - ответила Варя.

- Это никуда не годится! Отсюда можно выписать, по крайней мере, человек десять, - сердито пробурчал Субботин. - У тебя что? - обратился он к лежащему с краю солдату.

- Он ранен в ногу, она еще гноится, - отозвалась Варя.

- Выписать, долечат в околотке. У этого что? - подошел Субботин к следующему.

- Раны на обеих ногах, не может даже стоять. Кроме того, высокая температура.

- Притворяется, мерзавец! В околотке и температура спадет, а набьют морду, так он и совсем поправится. У этого что?

- Правая нога не сгибается, не может ходить.

- Пустяки, сейчас ногу выправим. - И Субботин изо всей силы согнул больную ногу.

Солдат закричал от нестерпимой боли и потерял сознание.

- Ишь какой неженка! Привести в чувство и сегодня же выписать. В роте с ним церемониться не станут.

- Вы... вы не человек, а бездушная приказная строка! - вся затряслась от возмущения Варя. - Это бесчеловечно!

- Сегодня же увольте сестру, она слишком слабонервна для нашей работы, - пожал плечами, уходя, Субботин.

- Это дочь генерала Белого, - тихонько проговорил Протопопов.

- Что же вы мне сразу не сказали?! Переведите в операционные сестры, а то нажалуется самой Вере Алексеевне, потом неприятностей не оберешься, - ответил, уходя, Субботин.

- Опять вы, Варя, наскандалили, - укоризненно заметил Звонарев. -

Нужно освободить места для вновь поступающих с фронтов, вот он и старается.

- Заставь "умника" богу молиться, он и лоб расшибет.

Варя постепенно успокоилась. Сдав дежурство добровольной сестре, она пошла одеваться. Затем Звонарев и Варя направились в Пушкинскую школу. Там они застали Лелю Лобину, которая им рассказала о своем столкновении со Стессельшей. Генеральша потребовала, чтобы учительница сделала ей реверанс, она же ограничилась лишь поклоном.

- Меня приказано перевести в тифозный госпиталь на Тигровом полуострове.

- Ты добровольная сестра, а не крестовая, и можешь отказаться от такого назначения. Я слышала, что у вас в школе вновь откроется госпиталь-филиал Сводного. Попросись туда у Протопопова, он ведь большой добряк. Хочешь, я сама завтра об этом поговорю с ним?

- Буду тебе только благодарна. Это меня вполне устроит. Вы куда направляетесь? - справилась Леля.

- На Электрический Утес, - ответила Варя.

Взяв девушку под руку, Звонарев повел ее сначала на "Этажерку". Но бульвар был весь исковеркан снарядами. И все же несколько пар, пользуясь затишьем, разгуливали по еще сохранившимся аллеям. Около развалин ротонды для музыки возились мальчишки-китайчата. В гавани, прижавшись к берегу, прятались оставшиеся в Артуре суда. По мостовой шел отряд матросов, бодро распевая:

Было дело под Артуром,
Дело скверное, друзья,
Тоги, Ноги, Камимура
Не давали нам житья.

- Плохи наши дела на фронте, - вздохнула Варя.

- Мало что осталось и от эскадры, - заметил Звонарев. - Не понимаю, почему моряки сидят в Артуре, а не попытаются хотя бы по ночам поодиночке прорваться в нейтральные порты.

- Папа говорит, что матросы и пушки нужны здесь. Без них крепость

долго не устоит.

Некогда оживленный район порта и доков теперь был пустынен. Откуда-то из дальних цехов слабо доносились удары молота, взвизгивала пила, тяжело перекачивался подъемный кран. Работа производилась почти исключительно ночью: днем из-за обстрела вся жизнь в мастерских замирала.

Миновав доки, Звонарев с Варей свернули к Утесу. За Золотой горой открывались безграничные просторы океана. На горизонте по-прежнему маячили силуэты японских судов. Резкий холодный ветер покрыл все море белыми гребешками волн. Варя поежилась.

- На душе становится грустно, когда видишь такую картину. В порту наши искалеченные суда, в океане пустыня и на горизонте несколько японских козьявочек, а на сухом пути мрачные серые сопки с полуразрушенными фортами и умирающими от тифа, цинги и дизентерии защитниками. Вместо города - сплошные развалины да полуразрушенные госпитали, переполненные ранеными и больными, которых нечем лечить.

- Ой, Варя, я умру с тоски, если вы еще продолжите перечисление всех наших бед, - взмолился Звонарев. - Мы с вами молоды, здоровы, и у нас нет никаких оснований быть такими пессимистами.

- Сегодня - да, а завтра - темно и страшно...

- О нем и будем говорить завтра, а пока... Ловите меня. - И Звонарев бросился вперед, Варя за ним. Она вскоре нагнала прапорщика, но тот увернулся и побежал обратно.

- Это не по правилам, надо бежать к Утесу, - совсем по-детски возмутилась Варя, забыв о своих мрачных мыслях.

Так, дурачась и играя, они незаметно добрались до Утеса. Возбужденные, покрасневшие, веселые, они влетели в офицерский флигель. В столовой, закутавшись в плед, сидел в качалке Жуковский. Он похудел, постарел.

Грустными глазами следил он за морем и временами тяжело вздыхал. Поднятый Варей и Звонаревым шум заставил его обернуться.

- Здравствуйте, Николай Васильевич, как ваше здоровье? - присела а

реверансе Варя.

- Здравствуйте, здравствуйте, приятно посмотреть на вас с Сергеем Владимировичем. Уж очень тоскливо на душе...

Оживление да лицах Вари - и Звонарева потускнело.

- Как заживают ваши раны, Николай Васильевич? - вздохнув, спросила девушка.

- Раны-пустяки, цинга сводит в могилу. Все зубы шатаются. Никто из нас, артиллеристов и стрелков, из Артура не уйдет. - ...Мы обречены на гибель, как обречен Артур. Крепость рано или поздно будет взята, и едва ли кто-либо из нас переживет ее падение, - мрачно говорил капитан.

Вскоре в столовой к обеду собралось все население офицерского флигеля. Из казарм пришли Катя Белая в Шура Назаренко с доктором Зориным. Появился фатоватый мичман Любимов, за ним - Гудима. На хозяйском месте села Катж, рядом с ней доктор и моряк, далее Шура с Гудимой, с одной стороны, и Варя с Звонаревым - с другой. Жуковский поместился против Кати.

За едой говорили мало, стараясь избегать артурских тем.

С тех пор как Старый город подвергся усиленной бомбардировке, оттуда стали переправлять наиболее ценные вещи на батареи приморского фронта. Таким образом на Утес попали большой концертный рояль и пианино. Из всех обитателей Утеса только Катя и Любимов умели играть на рояле. Теперь, по общей просьбе. Ката села к роялю и: начала тихонько наигрывать ра личные мотивы, которые успокаивали Жуковского. Шура Назареако стала вполголоса ей подтягивать.

- Спойте, Шура, мою любимую, - попросил Жуковский.

Девушка запела. Капитан - грустно вторил;

Догорай, моя лучина,

Догорю с тобой и я.

- Эх, нет Бориса Дмитриевича, - вздохнул капитан. - У того всякое дело в руках спорится, а запоем - заслушаешься. Жаль только - пьет сильно. Слыхал я, что он всерьез жениться собирается?

- Это уж спрашивайте у Вари. Она в курсе всех дел батарей литеры Б и

Залитерной, а равно и Пушкинской школы, - заметила Катя.

- Оля Селенвна, верно, выйдет за него замуж. Она ему явно симпатизирует.

- Дай бог! Бросит пить, человеком станет, - проговорил Жуковский.

На следующий день, уже довольно поздно, Звонарева разбудил громкий стук в дверь.

- Вставайте поскорее, соня вы этакий! Через четверть часа мы с вами пойдем в Артиллерийский городок, - кричала Варя.

- Я никуда не собираюсь уходить с Утеса.

- Зато я ухожу, значит, вы должны меня проводить.

Как ни отнекивался Звонарев, но через полчаса все же шагал рядом с Варей по береговой дороге. День был безветренный, солнечный. Из-за Золотой горы почти непрерывно слышались раскаты орудийной стрельбы и разрывы тяжелых снарядов. Но со стороны моря все было тихо. В этот район японские снаряды не долетали, поэтому на опустевших батареях появлялись новые, наспех построенные небольшие домики и землянки. Возле них копошились люди, висело белье, с лаем бегали собаки. Звонарев и Варя с удивлением оглядывались вокруг.

- Пожалуй, сюда скоро переедет половина Старого города и здесь откроются лавки и магазины, - заметила Варя.

- Вы можете только радоваться этому - совсем рядом с Артиллерийским городком.

- Мама и так все время ворчит, что я много трачу денег, а они у меня идут только на раненых. На себя же я ничего не расходую.

- Я ваш неоплатный должник. Варя. Сейчас в Управлении получу жалованье за два последних месяца, что-то рублей семьсот со всякими накидками и прибавками, и передам их вам.

- У меня еще остались ваши деньги. Поэтому я возьму не более ста рублей, а на остальные вы можете что-нибудь подарить вашей ненаглядной Ривочке, Надтоше теперь...

- Слушайте, Варя, давайте поговорим серьезно...

- Я и так не шучу, - насторожилась Варя.

- Выходите-ка за меня замуж, - одним духом выпалил Звонарев.
- Вы с ума сошли! Да разве так делают предложение порядочной девушке! Вы должны стать передо мной на одно колено и оказать: "Я вас безумно люблю, сделайте меня счастливым на всю жизнь, будьте моей женой, - наставительным тоном проговорила Варя. - Тогда я еще подумаю, что мне вам ответить.

Звонарев захохотал так, что девушка сначала удивленно посмотрела на него, а затем, обидевшись, набросилась на него:

- Замолчите сейчас же, противный, или я никогда с вами не буду говорить!
- Ох, уморили вы меня, Варя! Сегодня же всем расскажу, как вам надо делать предложение.
- Попробуйте только! Я сразу же объявлю вас врунишкой.

Несколько шагов прошли молча.

- Вы это серьезно? - недоверчиво посмотрела на Звонарева Варя. - Повторите все при маме, тогда поверю.

Мария Фоминична встретила дочь попреками:

- На минуту заглянуть домой у тебя нет времени, а с кавалерами проводишь целые дни.
- Он, мамочка, не кавалер, а хочет стать моим женихом.
- Вы, Сергей Владимирович, не смейтесь над нашей дурочкой. Она ведь все за правду принимает.
- Я самым серьезным образом...
- Ох, что-то вы меня надуете, гадкий! Говорит - с серьезными намерениями, а сам смеется, - опять с сомнением посмотрела на прапорщика девушка. При этом она имела такой недоверчивый комичный вид, что Звонарев громко расхохотался.
- Не верь, мама, этому врунишке. Он только смеется надо мной.

Девушка выбежала из комнаты.

- Беда с ней! - вздохнула Мария Фоминична. - Как трава растет, совсем от рук отбилась; что в голову вступит - то вынь да положь. Не время сейчас о женихах думать, да и молода она еще. Вы не обижайтесь,

Сергей Владимирович, что я так прямо высказываю свое мнение.

Звонарев смущенно молчал, почтительно слушая.

Сильный взрыв поблизости отвлек их внимание. Начался очередной обстрел Старого города. В порту загорелись цистерны с маслом, и огромные клубы черного дыма заволокли весь Старый город. Японцы еще усилили бомбардировку.

На фоне пожара то и дело появлялись взблески разрывов и белые дымки шрапнели. К месту пожара торопливо направилась команда моряков, поскакала городская пожарная команда в блестящих медных касках.

- Нечего тебе сегодня в госпиталь идти, Варя, - решила Мария Фоминична.

Звонарев отправился в Управление артиллерии за деньгами. Там было почти пусто: два-три писаря, телефонист, легкораненый, с рукою на перевязи, адъютант, поручик запаса Азаров и несколько чиновников. Старший казначей Иван Кирович, участник севастопольской обороны, кашляя и кашляя, возился около денежного ящика. Поздоровавшись с Азаровым, Звонарев справился, как это он умудрился быть раненым, сидя в Управлении артиллерии.

- Вы же нашего генерала знаете: дня не проходит, чтобы он вместе с Кондратенко не побывал на фортах или батареях, и я с ними. Недавно на Куропаткинском люнете нас чуть не подстрелили японцы. У генерала пулей сорвало погон, а меня ранило в правую руку и бок да при бомбардировке поцарапало камнями.

Завязался общий разговор.

- Сколько еще, по-вашему, продержится Артур? - спросил казначей Звонарева. - Севастопольская осада длилась триста тридцать шесть дней, - думается, что Артур столько не выдержит.

- Мы совершенно отрезаны от мира, а Севастополь до самого конца сообщался с остальной Россией. Думаю, что месяц-другой еще свободно удержимся, а там подойдет или Куропаткин, или Рождественский.

- Ждите! - вмешался Азаров. - Куропаткин, как рак, все время пятится назад, на север. Скоро зима, время для наступления мало подходящее.

Вторая эскадра раньше конца декабря до нас не доберется, да и что ей у нас делать?

Внутренний рейд простреливается из одиннадцатидюймовых мортир, ремонтная база слабая. Вернее всего, она пройдет прямо во Владивосток, а наши суда, которые еще уцелеют, присоединятся к ней по дороге.

- Значит, нам нечего от них ожидать помощи, - вздохнул казначей.

- Если Артур удержится до подхода Рождественского, то он свою роль, как убежище для флота, выполнит, - проговорил Звонарев. - Тогда можно и капитулировать, благо к тому времени в крепости не останется ни еды, ни снарядов.

- Да и людей уцелеет немного, - добавил Иван Кирович.

Выходя из Управления, прапорщик встретил старшего писаря Севастьянова.

- Как дела, Петр Евдокимович? - поздоровался с ним Звонарев.

- Как сажа бела! Скоро все с голоду перемерем. У нас в артиллерии уже выбыли из строя половина солдат и треть офицеров. В стрелковых полках убыль того больше. Скоро некого и в окопы будет сажать. Цинга да тиф косят людей больше пуль и снарядов.

- Вы-то, кажется, здоровы пока?

- Бог грехи терпит, - отозвался Севастьянов. - А вы, Сергей Владимирович, слышали, что Стессель приказал всех раненых солдат класть в госпиталях вместе с цинготными и дизентериками, чтобы, значит, болезнь перешла на всех, а затем объявить: некем, мол, больше Артур защищать, и сдаться?

- Что-то уж слишком невероятно такое предположение.

- Могу в Управлении показать приказ доктора Субботина о совместном размещении в госпиталях раненых и больных; в нем так и написано: по приказанию генерала Стесселя. Хотят перевести солдатиков и замирились. Вот так дела-то, Сергей Владимирович.

Простившись с писарем, Звонарев вернулся к Белым и сообщил услышанные новости Варе.

- Я к себе в палату не приму ни одного заразного больного, - объявила

она.

- Так тебя, девчонку, и послушают. Не спросят и положат, - вмешалась Мария Фоминична.

Вскоре приехал сам Белый. Он был весь в копоти. Даже пышные седые усы его стали совсем черными.

- Папка, да ты помолодел! Усы у тебя как у двадцатилетнего парубка, - кинулась к нему Варя.

- Не прикасайся ко мне, а то и сама запачкаешься. Едва проехали мимо пожара, - бурчал Белый. Затем он отправился мыться и переодеваться.

Пока Белый приводил себя в порядок, прапорщик вручил Варе все полученные деньги, прося их сохранить. Девушка сначала запротестовала, а потом спрятала вместе со своими безделушками.

- Смотрите, кладу сюда, - показала она. - Если меня ранят или убьют, то будете знать, где они лежат.

- Это в гораздо большей степени грозит мне.

- Не геройствуйте, целее будете.

За обедом Варя с возмущением рассказала отцу о распоряжении Субботина.

- Я это знаю. Говорил со Смирновым и Кондратенко. Эго будет доложено Стесселю, - ответил Белый

Как только встали из-за стола, Варя решительно объявила, что идет в свой госпиталь.

Уже стемнело, обстрел почти прекратился, но пожар продолжал бушевать с прежней силой. Рейд, Золотая гора и окружающие город сопки осветились красным заревом. Начался дождь, и поэтому дым и сажа не разлетались так далеко, как раньше. Звонарев пошел проводить девушку. Кое-как они добрались до госпиталя. Прапорщик остался в вестибюле. Через несколько минут вернулась Варя и с возмущением сообщила, что все освободившиеся в ее палате места заняты дизентериками и цинготниками.

- Солдаты волнуются и думают, что это делается нарочно, чтобы их заразить, - шепотом добавила Варя, испуганно смотря на Звонарева, -

грозят убить всех генералов, значит, и папу тоже, а он совсем ни при чем.

- А вы не обращайтесь внимания, поговорят и перестанут, - успокоил ее прапорщик.

- Субботин велел меня перевести в операционную, чтобы я работала там, а не в палате. Мне жаль моих больных, но зато в операционной интереснее. Видя, как работают доктора, может, и я научусь делать простенькие операции, - мечтательно вздохнула Варя. - Ну, прощайте, мне надо идти.

Прапорщик издали видел, как на огненно-красном фоне пожара мелькали черные фигурки пожарных, матросов и солдат, ловко забрасывавших пламя земель. Из темноты доносился зычный голос брандмейстера Вайтнкайнена, распоряжавшегося всеми принимавшими участие в тушении пожара. Затем Звонарев свернул к Новому городу и незаметно для себя оказался перед домиком Акинфиевых.

Дождь перестал, с рейда потянуло запахом водорослей, на небе показались звезды. С фронта чуть доносилась ружейная стрельба. В городе совсем по-мирному лаяли собаки. По дорогам тянулись скрипучие военные повозки да молчаливо шли в разных направлениях роты солдат и матросов. Все рестораны и кафе давно превратились в лазареты, из которых доносились стоны раненых и умирающих,

Подойдя к домику, Звонарев наудачу постучал, хотя в нем не было видно ни одной светлой полоски и царила полная тишина. К его удивлению, за дверью тотчас же послышались легкие, быстрые шаги, и голос Акинфневой спросил, кто пришел. Прапорщик назвал себя. Стукнул болт, и дверь распахнулась.

- Входите, милый Сережа, - приветствовала его Надя. - Совсем не ожидала вас сейчас видеть. Для меня ваше появление - приятный сюрприз.

Прапорщик поспешил захлопнуть за собой дверь. Несколько мгновений они рассматривали друг друга. Акинфиева поправилась, порозовела и показалась Звонареву еще привлекательнее. Надя тоже смотрела на него

с нескрываемой нежностью.

- Как вы хороши, Надюша! - чуть слышно от волнения проговорил он.

- Вы тоже похорошели, если так можно выразиться относительно мужчины, - улыбнулась Акинфиева.

Не отдавая себе отчета, Звонарев обнял молодую женщину и припал к ее губам.

Надя от неожиданности выронила из рук свечку. В наступившей темноте несколько мгновений были слышны лишь звуки поцелуев.

Наконец Звонарев отпустил ее.

- Возьмите же себя в руки, милый, - просила Акинфиева. - Быть может, вам лучше уйти? Я не гоню вас, но вы сами должны чувствовать, что вам лучше: оставаться ли дальше со мной или обдумать все на свободе.

- Я останусь, - хрипло проговорил Звонарев.

- Тогда успокойтесь, - уже со строгой ноткой в голосе сказала Надя. - Я сейчас зажгу свечу. Хорошо, что я одна в доме и никто не видел нас.

Звонарев постепенно успокоился и заговорил об Андрюше, жизни на Ляотешане, видах на будущее.

После чая он поднялся.

Надя вышла на крыльцо проводить своего гостя. Стояла глухая темная ночь.

Моросил мелкий дождь, временами налетали порывы ветра. Пламя пожара трепетными красными отблесками освещало склоны Перепелки и часть внутренней гавани.

- Б-р-р, как холодно и противно. И в такую погоду вы гоните меня из квартиры? - упрекнул ее Звонарев.

- Поймите, что я не могу оставить вас у себя, - нервно вскрикнула молодая женщина и, вскинув руки на шею прапорщику, крепко поцеловала его.

Прапорщик медленно отошел и зашагал по дамбе. Он и не заметил, как чья-то темная фигура обогнала его, стараясь при этом разглядеть лицо офицера.

В душе прапорщика царило полное смятение. Он чувствовал, что

окончательно запутался в своих отношениях к Варе и Наде. Еще утром все было так просто и ясно. Варя казалась единственной, близкой, любимой девушкой, с которой он готов был пройти жизненный путь. И тут на его пути опять появилась Надя Акинфиева.

В глубокой задумчивости Звонарев не заметил, как оказался в Старом городе, около Пушкинской школы. Он решил попросить приюта на ночь у учительниц. На его стук тотчас вышла встревоженная Леля Лобина. Узнав, в чем дело, она пригласила прапорщика зайти.

- Я буду только рада вашему присутствию в доме, так как я одна, и, признаться, мне немножко жутко в одиночестве, - приветливо проговорила учительница.

Утомленный дневными передрягами, Звонарев вскоре заснул одетым на диване.

Проснулся он на следующий день поздно, и первое, что увидел, - Варю, молчаливо сидевшую за столом с замкнуто суровым выражением утомленного, бледного лица. Ее серые глаза были красны не то от бессонницы, не то от слез. При виде ее все ночные сомнения Звонарева рассеялись, он почувствовал большую нежность к Варе и беспокойно спросил:

- Что случилось, милая Варя, чем вы так опечалены?

- Он еще спрашивает! - вздрогнув, вскочила со стула девушка. - Мне все известно, и поэтому между нами все кончено! - вскрикнула она.

На лице прапорщика выразилось такое недоумение и растерянность, что девушка сразу осеклась.

- Никакой помолвки не было и никогда не будет! Вы вчера целовались с Надей на крыльце, и вас видели. Да, да, не смейте отпираться! И Леля говорит, что у вас даже распухли губы! Какой вы мерзкий, грязный человечиска, а я-то... - И тут Варя, разрыдавшись, выбежала из комнаты.

Торопливо приведя себя в порядок, прапорщик поспешил за ней, но ее уже не было в школе. Лобина следила за ним с выражением серьезной задумчивости на лице.

- Не огорчайтесь, Сергей Владимирович, - ласково проговорила она. - Варя известный порох - взорвется, нашумит, а затем скоро успокоится.

- Тем более что никаких поводов для скандалов нет. - И Звонарев рассказал все Леле.

- Вас с Надей заметила сестра, работающая вместе с Варей, и, конечно, не замедлила довести обо всем до ее сведения.

Вскоре Звонарев снова обедал у Белых. В конце обеда генералу подали пакет из штаба эскадры. Командующий отрядом броненосцев и крейсеров адмирал Вирен приглашал начальника артиллерии на заседание у адмирала Григоровича, которое должно было состояться сегодня вечером. Взглянув на часы, Белый проговорил:

- Так как Азаров нездоров, то я попрошу вас, Сергей Владимирович, побыть сегодня моим адъютантом. После обеда зайдите, пожалуйста, в Управление и там захватите все материалы о наличии и потребности в морских орудиях и снарядах к ним. Пока вы подберете нужные материалы, я немного отдохну. К шести часам экипаж будет вас ждать у моей квартиры.

В условленное время Звонарев с папкой бумаг в руках подходил к крыльцу квартиры Белых. Парный экипаж ожидал у подъезда. Едва Белый и прапорщик сели, как экипаж с места быстро покатился по дороге. Они успели основательно промерзнуть, пока добрались до дачи Григоровича.

Моряки были уже все в сборе: три контр-адмирала - Григорович, Вирен и Лощинский, все командиры судов. Тут же были несколько флагманских специалистов.

Артиллеристы прошли в кабинет Григоровича. После взаимных приветствий Лощинский, как старший из адмиралов, попросил разрешения у Белого, как у старшего из присутствующих, открыть заседание. Звонарев в качестве адъютанта расположился рядом с Белым. Вирен, доложил, что доставлена телеграмма Алексеева. Адмирал сообщил о своем отозвании в Петербург и передаче начальствования над Тихоокеанским флотом главнокомандующему Маньчжурской армией

генералу Куропаткину.

- Теперь об Артуре никто уже не позаботится, - вздохнул Григорович. - Куропаткин больше будет думать об армии, чем о флоте, а Артур превратится в неприятную обузу для Маньчжурской армии.

- Но Артур ведь должен стать базой для эскадры Рождественского, - возразил Белый.

- Он еще находится в испанских портах, кроме того, в Балтике снаряжают еще третью эскадру - Небогатова. Очевидно, Рождественский подойдет сюда, лишь соединившись с ней, так что пройдет не менее двух - двух с половиной месяцев, пока вторая эскадра сюда доберется. Неизвестно, удержимся ли мы до того времени, - усмехнулся Григорович.

- Да, с продовольствием туго, среди матросов появилась цинга, а с теплой одеждой еще хуже, - поддакнул Вирен.

- Армия хотя одета и тепло, но голодает больше моряков, а цингой болеют не только солдаты, но и офицеры. Да что офицеры, признаки цинги обнаружены у Кондратенко и Надеина, - проговорил Белый.

- Не хватало только этого! Неужели их не может поддержать мадам Стессель из своих обильных запасов? - возмутился Вирен.

- Очевидно, не хочет... - отозвался Лощинский.

- Господа, предлагаю с завтрашнего же дня генералов Кондратенко и Надеина зачислить на довольствие в Квантунский экипаж. Основанием для этого является то обстоятельство, что оба они командуют всем нашим десантом, который довольствуется из экипажа, - предложил Григорович.

- Они не согласятся. Кондратенко и Надеин очень щепетильные в этом отношении люди и ни за что не станут брать больше того, что им полагается по закону.

- Не в пример Рейсу, Фоку, Никитину, которые даже официально по приказу получают по три-четыре пайка, - горячо проговорил до этого молчавший Эссеп.

- И Церпскому, который ежедневно обедает, по крайней мере, в трех или четырех госпиталях, - добавил Лощинский.

Затем собрание перешло к деловому обсуждению злободневных вопросов

обороны - о передаче на сухопутные батареи последней тысячи шестидюймовых снарядов, о подготовке крейсера "Баян" к прорыву блокады навстречу эскадре Рожественского. Подорванный на минах за день до выхода, двадцать восьмого июля, крейсер был исправлен. Моряки просили вернуть переданную на форты среднюю и мелкую артиллерию и триста человек команды, после чего "Баян" мог немедленно выйти в море. Командир этого крейсера капитан второго ранга Иванов обратился с просьбой об ускорении отправки его корабля из Артура.

- Находясь здесь, "Баян" ежедневно рискует получить попадание одиннадцатидюймовой бомбы и вновь выйти из строя. Сейчас ночи длинные, часты туманы. Если с наступлением темноты я выйду из Артура, то к рассвету буду около Циндао. Затем, по способности, двинусь на юг, - пояснял капитан, известный блестящей установкой мин в мае, на которых подорвались сразу два японских броненосца.

- Прощлое собрание флагманов решило, что эскадра прочно связала свою судьбу с крепостью и до того момента, когда последней будет грозить падение, ни один корабль не покинет Артур, за исключением миноносцев, посылаемых с почтой, - скрипучим, неприятным голосом наставительно проговорил Вирен.

- Тогда нам заранее надо похоронить всю эскадру в артурских лужах, - пылко произнес Эссен. - Мой "Севастополь" уйдет в море, как только будет закончено исправление. Дарить свой корабль японцам я не собираюсь.

- Вы уйдете, Николай Оттович, тогда и только тогда, когда я разрешу вам это, - оборвал его Вирен.

- В крайнем случае я обращусь за помощью к генералу Стесселю.

- Ранее того вы будете списаны с корабля и подвергнуты аресту.

- Побольше спокойствия, господа, - вмешался Лощинский. - Кроме "Севастополя", сейчас могут выйти в море еще "Победа", "Полтава" и "Паллада", не считая канонерских лодок "Гиляк", "Отважный" и миноносцев.

Выход этот будет допущен лишь по особому приказу Куропаткина или Скрыдлова, назначенного командующим Тихоокеанским флотом.

- Который находится неизвестно где, - проговорил Эссен.

Затем Белый с помощью Звонарева довел до сведения моряков о нуждах артиллерии обороны. Тут дело пошло сразу гладко. Адмиралы очень охотно отдавали крепостному начальству матросов, пушки, снаряды, патроны, лишь бы только не идти самим на верки крепости. Командиры броненосцев для вида поворчали, но, узнав, что им уготованы спокойные и безопасные места в глубоком тылу, быстро смолкли. И опять только Эссен и Иванов запротестовали самым решительным образом.

- Нам надо вернуть людей из десанта, вернуть пушки, сохранить снаряды, так как корабли наши должны покинуть Артур. Ни одного матроса, ни одного снаряда с "Севастополя" я больше не дам Василию Федоровичу при всем моем глубоком уважении и расположении к нему, - решительно заявил Эссен.

Командир "Баяна" тоже возражал, но в более спокойном тоне.

Белый, хитро улыбаясь в свои пышные усы, примирительно заявил, что пока для него достаточно людей и снарядов с других кораблей.

- А теперь прошу, господа, по стаканчику чайку с ромом, - гостеприимно предложил Григорович и позвонил.

Несколько матросов с подносами в руках начали подавать чай, за ними выплыла, блистая браслетами и жемчугами, Лолочка. Офицеры мгновенно повскакали с мест и почтительно с ней поздоровались. Лолочка прежде всего подошла к Белому.

- Позвольте, Василий Федорович, представить вам мою хозяйку, - улыбаясь, проговорил Григорович.

Белый пробурчал что-то невнятное и заторопился с отъездом.

- Нам надо еще побывать у Кондратенко, - проговорил он.

Григорович попросил от его имени отвезти генералу различные продукты, в том числе лук, чеснок, свежее мясо, лимонную кислоту, клюквенный экстракт и другие противцинготные средства. Лолочка захлопотала. Звонарев поспешил к ней на помощь.

- Вам-то цинга, во всяком случае, не грозит с такими алыми губами и румяными щеками, - заметила молодая женщина, фамиллярно проводя рукой по лицу прапорщика.

- Ваш адъютант даром времени не теряет, - раздался около дверей насмешливый скрипучий голос Вирена, - как бы у нашего хозяина вскоре не появились на лбу некоторые не предусмотренные штатным расписанием для адмиралов отличия.

- Именно у флагманов и, пожалуй, капитанов первого ранга они чаще всего и появляются, а не у мичманов и лейтенантов, - весело проговорил Эссен, лукаво поглядывая на появившегося в кабинете смущенного Звонарева.

Все моряки вышли провожать артиллеристов.

В стороне фортов блистали зарницы выстрелов и доносились глухие раскаты почти - непрерывной канонады. Было очевидно, что японцы вели очередную атаку в одном из пунктов обороны. Довольно сильно вьюжило. Сквозь снег чуть проступали тревожно двигавшиеся по горам лучи русских и японских прожекторов.

- Старый адмирал, женатый человек, а ведет себя, как мичман, со всякими потаскушками и даже показывает их своим гостям, - недовольно бурчал всю дорогу Белый.

Кондратенко жил в небольшом одноэтажном домике на самой окраине Старого города, вблизи дачных мест. Японцы почти не обстреливали этот район, видимо, не зная, что здесь расположен штаб Кондратенко, бывшего душой артурской обороны. Окна дома были плотно закрыты, вокруг было совершенно безлюдно, и только одинокая фигура часового в папахе и башлыке чернела у ворот.

У Кондратенко собралось довольно много друзей и соратников: начальник штаба подполковник Науменко, инженеры - подполковник Рашевский, капитан Шевцов - оба из штаба Восточного фронта, начальник обороны Северного участка полковник Семенов, начальник обороны Западного участка полковник Ирман. Не было лишь представителей штаба Стесселя и моряков.

Появление Белого, тесно связанного по службе со штабом района и адмиралами, все приветствовали. Звонарев задержался около экипажа, передавая денщикам привезенную провизию. Когда он появился в столовой, где собрались все офицеры. Белый уже рассказывал новости, слышанные от Григоровича.

Известие об отзывании Алексеева вызвало общий вздох облегчения.

- Наконец-то армией будет командовать сведущий человек, а не моряк, - проговорил Семенов. - Теперь надо думать, Куропатки" перейдет к решительным действиям для освобождения Артура от блокады.

- Как бы не было обратного, то есть Куропаткин решит, что раз артурская эскадра перестала быть боеспособной, то нечего заботиться и об Артуре. Пусть, мол, выкручиваются сами, как хотят. Так, по крайней мере, думают моряки, - пояснил Белый.

- Им-то, конечно, замена Алексеева Куропаткиным не по вкусу. Куропаткин с ними церемониться не станет. Прикажет немедленно всем боеспособным кораблям уйти из Артура навстречу Рождественскому, - убежденно проговорил Семенов.

- Это сильно ослабит оборону крепости. Правильнее было бы отправить из Артура крейсера "Баян" и "Палладу" с несколькими миноносцами навстречу второй эскадре. Они поторопили бы Рождественского с приходом, а при приближении эскадры ей на помощь выйдут пять броненосцев, - проговорил Кондратенко.

- Если только они сохраняют к тому времени свою боеспособность, - усомнился Рашевский.

На несколько минут разговор принял общий характер.

Присутствующие высказывали самые разнообразные предположения о дальнейшей судьбе Артура в связи с уходом наместника.

- Господа, мы отвлеклись от основной темы нашей сегодняшней беседы, - постучал карандашом по столу Кондратенко. - Кто нам расскажет о положении на Восточном фронте? Сергей Александрович, не вы? - обернулся он к Рашевскому.

- Евгений Николлаевич больше меня в курсе тамошних дел, - кивнул

головой Рашевский в сторону Науменко.

- С большим удовольствием, - не замедлил согласиться неизменный начальник штаба Кондратенко и начал развертывать лежащие перед ним бумаги.

- Господа, прошу внимания, Евгений Николаевич начинает свое сообщение, - повысил голос Роман Исидорович.

Разговоры смолкли, все приготовились слушать.

- На крайнем правом фланге от моря до батареи литеры Б японцы по-прежнему находятся в версте от линий наших укреплений и держатся совершенно пассивно, ограничиваясь, лишь редкой ружейной и артиллерийской перестрелкой. В сущности, с самого начала осады этот участок был, самым спокойным на сухопутном фронте.

- Недаром Стессель часто бывает в этом районе, - проговорил вполголоса Рашевский, что-то рисуя карандашом на бумаге.

Кое-кто засмеялся. Кондратенко неодобрительно покачал головой.

- Замечательно то, - продолжал Науменко, - что японский флот, полностью господствуя в море, все же не решается обстреливать фланг и тыл нашего Восточного фронта. Его орудия свободно могли бы держать под огнем все наши позиции до форта номер два, что поставило бы нас в очень тяжелое положение.

Это объясняется блестящими действиями береговых батарей под искусным управлением его превосходительства. - И Науменко поклонился Белому.

Все дружно зааплодировали.

- Мы это знаем и очень ценим, - пожал Кондратенко руку Белому.

- Тут заслуга не моя, так как я целиком занят действиями на сухом - пути, а моих офицеров и солдат, - отнекивался генерал, смущенно покручивая свои пышные усы.

- У батареи литеры Б, после удачно спущенной Сергеем Владимировичем мины, японцы не проявляют активности. Что-то, роят и ограничиваются ружейной стрельбой и метанием бомбочек. Дальше, до форта номер два, они возводят новую параллель в трехстах шагах от Китайской стенки. На

форту номер два укрепляются во рву, ведут минные галереи под бруствер. Им необходимо энергично противодействовать. Лейтенант Гурский болен, и это придется поручить прапорщику Звонареву.

Звонарев вздохнул и только покачал головой, не смея протестовать вслух.

- На форту номер три положение еще тяжелее, чем на втором. Японцы чуть ли не ежедневно производят местные атаки, пытаюсь ворваться внутрь форта, но пока безуспешно. Комендант, штабс-капитан Булганов, держится молодцом. На укреплении номер три японцы, после того как сотни их сожгли живьем во рву, временно отошли в ближайшие свои траншеи. Вот и все о нашем участке, - закончил Науменко.

- Чем вы нас порадуете, Владимир Григорьевич? - обернулся к Семенову Кондратенко.

- У меня дело обстоит более благополучно. У Курганной батареи японцы сидят в трехстах шагах, у Краматорной - еще дальше. На Казачьем плацу до них сто шагов, но активности и здесь они не проявляют. У Зубчатой и Стрелковой батарей и форта номер четыре редкая перестрелка и поиски разведчиков. На Западном фронте по-прежнему решающим участком является гора Высокая. Пока она наша, держатся и горы Плоская, Фальшивая и Дивизионная. За два месяца противник соорудил две параллели и подошел на четыреста шагов к вершине.

Это, конечно, не беда, но японская артиллерия день и ночь долбит по Высокой и не дает ее как следует укрепить. Стрелки сидят в полуразрушенных, наскоро подправленных окопах. На прочих участках положение прочное. Но если мы не удержим Высокой - придется отойти прямо на сопки над Новым городом и на Ляотешань. Пока же вся дорога до Голубиной бухты в наших руках. Отряд Романовского удерживает данную ему линию обороны. Высокую надо отстаивать до последней возможности. Она - стратегический ключ всей крепости, и с ее падением эскадра будет расстреляна в несколько дней.

- Счастливая мысль поручить ее оборону матросам - это наша артурская гвардия. Прекрасные вояки, золотой народ, развитой, инициативный, не

чета нашим стрелкам. Те сильны своим упорством, а моряки - смекалкой, - заметил Рашевский.

- Итак, самое тяжелое положение у нас на Восточном фронте. Туда надо и обратить наше главное внимание. На Западном - упорно удерживать Высокую, а Владимиру Григорьевичу, по мере своих сил и возможностей, помогать соседям, - резюмировал доклады Кондратенко. - Как дело обстоит со снарядами, Василий Федорович?

- Хватит на отбитие двух штурмов. К орудиям мелких калибров снарядов имеется в избытке, зато к крупным - острый недостаток. Живем подачками моряков да сами отливаем по шестьдесят штук в день шестидюймовых чугунных снарядов, - сообщил Белый.

- А как с продовольствием? - поинтересовался Ирман.

- Крепостной интендант уверяет, что муки, сухарей, круп, чаю хватит еще на два месяца, а мяса, кроме конины, уже не осталось. Решено давать ее два раза в неделю по полфунта, а остальные дни постные: чумиза на обед и ужин.

Вообще продержимся до середины февраля, - ответил Науменко.

- Вот с госпиталями у нас дело обстоит совсем не благополучно, - проговорил Кондратенко. - В них находится до тридцати тысяч человек - треть гарнизона. Выздоровливают все меньше; цинга косит все больше и больше. А тут еще смудрил Субботин - приказал больных и раненых класть вперемешку во всех госпиталях. В результате мы имеем вспышку инфекционных заболеваний с очень большой смертностью. Я говорил об этом Стесселю, но он или не понимает, или прикидывается, что не понимает прямой преступности действий Субботина, и не хочет в них вмешиваться. Написал обо всем Балашову, быть может, он сумеет повлиять на генерал-адъютанта, чтобы тот отменил это вредное распоряжение.

- Теперь наконец мы хотим подробнее знать и о вашем здоровье, дорогой Роман Исидорович, - спросил Белый.

- Пустяки, небольшой плеврит справа, через деньдругой все пройдет, - нехотя ответил генерал.

- Плеврит основательный, как уверяют доктора, а главное - цинга. Она и мешает быстрому вашему выздоровлению, - дополнил Науменко.

- Постараемся ликвидировать ее в ближайшее же время. Этим занялись моя жена и наши адмиралы, которые и зачислили вас, Роман Исидорович, к себе на довольствие, - сообщил Белый.

- Поскольку это незаконно и моя цинга не более как плод воображения врачей, я решительно протестую против подобных действий моряков, - возразил Кондратенко.

- С паршивой овцы хоть шерсти клок. От наших адмиралов мы не видим никакого толку. В Севастополе морское начальство было душой обороны, а в Артуре адмиралы живут гостями и никуда не вылезают из своих блиндажей, - презрительно заметил Ирман.

- Матросы и офицерская молодежь - истинные герои, а адмиралы-трусы и интриганы, - поддержал его Семенов.

Как только совещание закончилось. Белый и Звонарев стали прощаться.

- Заглянем еще на минутку к Стесселю, может, у него есть какие-нибудь новости, - проговорил Белый, пожимая руку Кондратенко.

В это время зазвонил телефон. Кондратенко снял трубку и стал слушать.

- Сейчас прикажу подтянуть две роты морского десанта к вашему штабу, но вводите его в дело лишь в крайнем случае и вообще расходуйте моряков возможно осторожнее, - распорядился Кондратенко. - Японцы лезут - на фарт номер два, уже два раза побывали на гребне бруствера. Фролов просит поддержки, а частный резерв Горбатовского весь израсходован. Посылать им моряков из арсенала, где расположен общий резерв, - пояснил генерал. - Придется вам, Сергей Владимирович, еще сегодня побывать на форту номер два.

- Слушаюсь! Готов идти туда хоть прямо отсюда, - Особенно торопиться нечего. Пока японцы лезут, вам там делать нечего, а когда успокоятся, вы и решите, где нужно спускать мины.

- Сначала побываем у Стесселя, узнаем обстановку у него, - предупредил Белый.

К Стесселю Белый и Звонарев пошли пешком. Разыгралась вьюга. Тысячи

снежинок носились в бешеном вихре, залепляя глаза, забираясь за ворот и в рукава шинели. Сквозь белую муть снежной ночи то и дело вспыхивали зарницы орудийных выстрелов...

Бледные лучи прожектора чуть пробивались сквозь вьюгу, одна за другой взвивались к небу огненные змеи ракет. Временами долетали звуки сильнейшей ружейной и пулеметной стрельбы. Казалось, что кипит какой-то огромный котел.

По направлению атакованного участка торопливо проскакало несколько всадников и прошло быстрым шагом несколько отрядов моряков. Наконец с грохотом пронеслись полевые орудия в запряжке. Сбоку скакали с зажженными факелами в руках фейерверкеры и ящичные вожатые.

Белый и Звонарев почти бегом добрались до дома Стесселя и влетели в прихожую. Здесь при слабом свете керосиновой лампы Стессель рассылал в разные стороны ординарцев-казаков. Генерал резким отрывистым голосом отдавал приказания: узнать, выяснить, установить. Тут же у стола, согнувшись почти вдвое, писал приказания в полевой книжке Рейс.

- В чем дело, что происходит на фронте? - кинулся к вошедшим Стессель.

- Мы сами пришли затем, чтобы узнать обстановку, - ответил Белый.

- Я ничего не знаю. Звонил Кондратенко, но он все еще болен.

- Мой экипаж у крыльца, поедомте, Анатолии Михайлович, в штаб к Горбатовскому, - предложил Белый.

- Мм-да... я, право, не знаю... - замялся генерал.

- Что, что? Куда это вы, Василий Федорович, зовете Анатолия? Я его отсюда не отпущу! Здесь его штаб, значит, и он должен находиться тут! - коршуном налетела Вера Алексеевна на Белого. - Пусть едет этот полусумасшедший Смирнов, Виктор Александрович, вы и, наконец, Владимир Николаевич, - кивнула генеральша на Никитина.

- Стопочку коньяку на дорогу, и готов отправиться хоть к черту в пекло, не то чтоб в штаб Горбатовского, - проговорил Никитин.

- Виктор Александрович нужен мне в штабе. Смирнова и близко подпускать туда нельзя - все перепутает. Значит, остаются только

Василий Федорович и Владимир Николаевич, - вас я попрошу отправиться в штаб Восточного фронта, - рассудил наконец Стессель.

- Поскорее возвращайтесь назад, буду ждать с чаем, - напутствовала уезжающих генеральша.

Канонада продолжалась с прежней силой. Никитин, хорошо заправившись на дорогу коньяком, все время напевал неприличные шансонетки и рассказывал последние новости, слышанные у Стесселя.

- Алексеева-то поперли, теперь мы здесь покажем морякам кузькину мать.

Живо все выплывут в море, - разглагольствовал он.

- Это ослабит оборону крепости; кроме того, эскадра наша слишком слаба, чтобы вступать в бой с японцами, - возразил Белый.

- Не в кораблях дело, а в моряхах. У японцев - того, а у нас никого, - скаламбурил Никитин и захохотал во все горло. - Назначили бы меня главным адмиралом. Слово даю, немедленно вышел бы в море и побил японцев.

В штабе Восточного фронта они уже застали, к своему удивлению, Кондратенко, Рашевского, Науменко и Шевцова. Лицо Романа Исидоровича лихорадочно горело, он мелкими глотками пил чай с красным вином. Перед ним стоял Горбатовский и, низко согнувшись, водил пальцем по лежащей на столе карте, объясняя обстановку на атакованном участке. Степанов, нервно подергивая свою бородку, то и дело поправлял путавшегося генерала, что, видимо, раздражало Кондратенко.

- Пусть лучше докладывает ваш начальник штаба, - наконец прервал он Горбатовского.

Капитан объяснил все в двух-трех словах.

- Какая сейчас связь с фортом номер два? - справился Кондратенко.

- Телефон давно не действует, и солдаты добираются до нас далеко не все. - Когда было получено последнее донесение?

- В восемь часов тридцать минут вечера, - сообщил Степанов, разыскав полевую записку коменданта форта Фролова.

- То есть почти час как вы ничего не знаете о положении на атакованном участке? - удивился генерал. - Немедленно отправить туда ординарцев, да не одного, а двух для верности. Быть может, хоть один вернется назад.

- Они все в разгоне, - доложил Степанов.

- Тогда остается одно: мне лично побывать на форту. - И Кондратенко встал, собираясь выйти из блиндажа. Против этого все дружно запротестовали. Шевцов, Рашевский, Степанов и Звонарев наперебой предлагали отправить их на опасный участок.

- Придется послать вас, Сергей Владимирович, - обернулся к Звонареву Кондратенко. - Вы самый молодой. Отправляйтесь на форт номер два, подробно выясните, что там делается, и, не задерживаясь, возвращайтесь сюда. Ждем вас до половины одиннадцатого, а там будем считать погибшим и пошлем другого.

Ну, с богом! - И генерал крепко пожал руку прапорщика.

На дворе по-прежнему мела вьюга. Вой ветра смешивался с визгом пуль и шрапнели. Хорошо зная дорогу, Звонарев бегом добрался до хода сообщения, ведущего к форту. Здесь он остановился, чтобы несколько отдышаться. Два снаряда разорвались совсем близко, осыпав прапорщика землей и снегом. Ему вдруг стало жутко. Он был один среди вьюжной ночи, под градом пуль и снарядов. В случае даже незначительного ранения трудно было рассчитывать на помощь раньше рассвета.

"А я так и не помирился с Варей! - неожиданно подумал он.

До форта оставалось не более полуверсты. Уже ясно были слышны взрывы бомбочек, крики "ура" и "банзай". Лучи русских и японских прожекторов неподвижно лежали на форту и подступах к нему, освещая все мутным, неровным светом.

Из-за бруствера прапорщик старался разглядеть картину боя; временами ему казалось, что он видит темные полосы штурмующих колон, но затем все тотчас же тонуло во вьюжной пурге. Вскоре он встретил двух раненых стрелков, которые, помогая друг Другу, медленно шли с форта.

- Как дела на форту, земляки? - спросил их прапорщик.

Один из них степенно начал рассказывать:

- Поперва совсем табак было дело. Влез японец во внутренний дворик и уже добирался до казармы, да подошли матросики, дай бог им здоровья, и подсыпали японцу перцу. Сидит он сейчас там во рву и только бомбочки в нас швыряет, заслабела, видать, у него кишка. Дай-кось прикурить, землячок. Со штаба, штоль, за вестями бредешь? Коло моста ховайся хорошенько, бьет он по нему из пулемета с обеих сторон, а откуда - не поймешь.

Поблагодарив солдат, Звонарев пошел дальше. Уже около самого моста рядом с ним упала бомбочка и, шипя, завертелась.

"Вот она, смерть-то, где" - мелькнула мысль, и в то же мгновение, инстинктивно схватив бомбочку, прапорщик швырнул ее далеко в сторону. Еще не успев упасть, она с грохотом взорвалась в воздухе, оглушив Звонарева. Он стремительно побежал по мосту.

Коменданта форта поручика Фролова Звонарев нашел у входа в потерну, ведущую в контрэскарпную галерею. Здесь же находились прибывший с матросами мичман Вася Витгефт и артиллерийский поручик Юницкии, страшно бледный и что-то бессвязно доказывавший Фролову, который только отмахивался от него.

- Идите в наш каземат, выпейте водки и не смейте наводить панику на людей, - решительно отчеканил Фролов. - Привет вам, - пожал он рук Звонареву. - С помощью молодцов господина Витгефта мы уже отогнали самураев на прежнее место и даже потеснили в капони́ре. Теперь они со злости забрасывают нас бомбочками.

Звонарев объяснил цель своего прихода.

- Не стоило Роману Исидоровичу так беспокоиться.

Пока жив поручик Фролов и хоть один из его трехсот молодцов - японцам не видеть этого форта, как своих ушей! Пойдем в каземат и выпьем с мороза стаканчик водочки, - пригласил он прапорщика.

- Я не пью, - отказался Звонарев.

- Я тоже вкушаю водку во благовремени и в умеренном количестве, но

ради сегодняшней виктории выпью и стрелкам поднесу! Жаль, десятка-другого недосчитаюсь, - вздохнул он, - а ребята как на подбор - молодец к молодцу!

Когда я сюда прибыл, то меня предупредили, что здесь не солдаты, а сброд.

Ротный бил их по мордам и оптом и в розницу, фельдфебель с унтером вышибали зубы, сворачивали носы и скулы. На вылазку в секреты солдат загоняли побоями. Я все это отменил. Теперь во все опасные места идут только охотники. И представьте, никогда в них не бывает недостатка.

Звонарев с интересом слушал этого веселого и энергичного человека, сжившегося со смертельной опасностью, ежеминутно угрожавшей ему. Витгефт, легко раненный в кисть левой руки, кивками головы как бы подтверждал правдивость рассказа поручика. Зато Юницкий мрачно слушал коменданта форта.

- Вы бы, Георгий Петрович, полюбопытствовались, как ваши артиллеристы установили свои пушки, - обернулся к нему Фролов.

Поручик нехотя отошел от них и скрылся в проходе, ведущем на внутренний дворик форта.

- Вот уж золотце навязалось на мою голову! - кивнул вслед ему Фролов. - Трус, хвастун и вдобавок ненавидит и презирает своих солдат, буквально за людей их не считает. А гонору-то сколько! "Мы, Юницкие, - старинный дворянский род, если бы не бедность, я бы мог служить хоть в кавалергардах", - передразнил Фролов пошловатый презрительный тон Юницкого.

Офицеры прошли в каземат. Звонарев из приличия выпил с четверть стакана водки и закусил тягучей, как резина, старой кониной.

- С завтрашнего дня я перебираюсь к вам с командой артиллеристов и матросов-минеров, - объявил он.

- Превосходно! Мы втроем с вами и мичманом покажем японцам, где раки зимуют. Я дам вам письмецо прямо к вашему генералу, пусть поскорее забирает Юницкого.

Осмотрев затем весь форт, Звонарев уже при относительно спокойной

обстановке вернулся в штаб, где его ожидали с большим нетерпением. Выслушав доклад, Кондратенко поблагодарил прапорщика, затем Белый, Кондратенко и Звонарев в экипаже отправились с докладом к Стесселю, куда уже раньше уехал Никитин.

Вера Алексеевна встретила гостей в прихожей и тотчас же пригласила их в столовую, где уже был накрыт стол для ужина. После мороза и ветра накрытый стол выглядел особенно соблазнительно. Даже Кондратенко позабыл о своей болезни и оживился.

Освободившись от верхней одежды, все направились к Никитину, который священнодействовал у буфета с выпивками и закусками.

- Милости прошу по рюмашке коньячку, - угощал он, входя в роль любезного хозяина, - а затем попробуйте вот эти рыжики в маринаде изготовления самой Веры Алексеевны. Так и тают во рту. Вот балычок от Чурина, швейцарский сыр со слезой, не угодно ли отведать?

Генералы дружно чокались, выпивали, крикая от удовольствия, и с наслаждением закусывали. Звонарев скромно стоял в стороне. Стессель и его жена, казалось, не замечали прапорщика, все свое внимание отдав превосходительным гостям.

Заметив неловкое положение Звонарева, Кондратенко с подчеркнутой теплотой поднял свою рюмку за здоровье "храброго юноши, только что смело рискнувшего своей жизнью для установления связи с атакованным фортом". Белый тотчас присоединился к нему. Расчувствовавшийся Никитин не замедлил со слезами облобызать прапорщика... Супругам Стессель ничего не оставалось, как, в свою очередь, поздравить Звонарева с боевым успехом. Вера Алексеевна все же не преминула заметить, что почтительность к старшим является неотъемлемой частью хорошего воспитания молодых людей. За закусками последовал сытный и обильный ужин. Проголодавшийся Звонарев отдал должное кулинарному искусству Веры Алексеевны. Слегка отяжелев и опьянев от вина и сытной еды, он стал наблюдать за происходящим.

Шел оживленный разговор. Ничто не напоминало ни об осаде, ни о войне, голоде, цинге, тифе и десятках тысяч раненых, страдающих в

госпиталях.

Сквозь плотно закрытые двери едва доносились глухие удары орудийных выстрелов.

- Слыхал, Василий Федорович, как сегодня отличились твои друзья самотопы?

- проговорил Стессель. - Оказывается, еще месяц тому назад Григорович получил сведения о предполагаемом на сегодня прибытии одного из пароходов с боевыми припасами и продовольствием, который должен был прорвать морскую блокаду. Он и появился у Голубиной бухты около полудня. Твои артиллеристы об этом ничего не знали и, когда пароход стал подавать сигналы, обстреляли его, решив, что он дает знаки японцам. Он отошел от берега, а тут к нему подлетел японский миноносец и увел с собой на виду у нас! Самотопы же появились лишь значительно позже. Так и пропали наши снаряды, а их там было несколько тысяч и сто тысяч пудов продовольствия.

- Арестуй немедленно, Анатолий Михайлович, всех адмиралов и перевешай как изменников, - вскочил с места Никитин. - Иначе я собственноручно их перестреляю.

- История столь невероятна, что заставляет меня сомневаться в ее правдивости, - отозвался Белый. - Моряки мне не рассказывали ничего подобного.

- Мы получили об этом подробное донесение от Романовского, - подтвердил Рейс.

- Я запросил адмиралов, - продолжал Стессель. - Представьте - они имели наглость обвинить во всем артиллеристов! Пароход, мол, должен был прийти вечером, а днем его никто не ждал, и крепости давно пора усвоить морскую сигнализацию.

- Во всяком случае, они должны были заблаговременно предупредить хотя бы Василия Федоровича, если это уж так секретно, - вмешалась Вера Алексеевна. - Теперь ты, Анатолий, можешь потребовать, чтобы они поделились с крепостью своими запасами.

- Добром они этого не сделают, а применить силу - значит, начать в

Артуре междоусобную войну, - ответил Стессель.

- Да, так или иначе, прозевали снаряды и продовольствие, которые помогли бы нам продержаться, по крайней мере, лишний месяц, если не больше, - грустно проговорил Кондратенко.

- Тем лучше! Расстреляем все снаряды, кончится продовольствие, а с ним кончится для Артура и война, - живо проговорила генеральша.

- Ваши запасы, Вера Алексеевна, судя по сегодняшнему лукулловскому пиршеству, еще так обильны, что их хватит надолго, - заметил с улыбкой Кондратенко. - Вы уже отменили, Анатолий Михайлович, распоряжение Субботина о совместном размещении инфекционных больных и раненых? - обернулся он к Стесселю.

- Решил сначала поговорить с Балашовым. Фок уверяет, что это совершенно безопасно и только лодыри-врачи не хотят возиться с больными.

- Подобное рассуждение граничит с преступлением. Надо в кратчайший срок исправить эту ошибку Субботина, - настаивал Кондратенко.

- Еще вопрос, ошибка ли это? Раз Фок настаивает, значит, здесь дело похуже, чем простая ошибка, - неожиданно отозвался Никитин, успевший основательно нагрузиться коньяком и водкой.

- Выпил ты лишнее, Владимир Николаевич, потому и несешь такие нелепости! - резко остановил Стессель своего приятеля.

- Ну, пора, - встал Белый, - а то уже час не ранний.

Все стали прощаться. Кондратенко и Науменко пешком отправились к себе.

Звонарев предложил заехать за Варей в Сводный госпиталь.

- Быть может, она свободна и пешком отправиться домой в такую вьюгу и темень побоится.

Генерал немного поворчал, но потом все же согласился. Варя оказалась занятой в операционной и появилась лишь через несколько минут. Увидев отца, она торжественно заявила, что сейчас ассистировала при тяжелой операции.

- И оперированный, конечно, умер на столе? - улыбнулся ее восторгу

Звонарев.

В ответ Варя обдала его ледящим взглядом и попросила не вмешиваться в ее разговор с отцом.

- Не дури, Варвара! Прежде всего поздоровайся с Сергеем Владимировичем, - остановил ее Белый.

- Извините меня, пожалуйста, Сергей Владимирович. - И девушка карикатурно низко присела, одновременно презрительно глядя на прапорщика.

- Не можешь без глупостей? - окончательно рассвирепел Белый. - Одевайся, поедешь со мной домой.

- Но, папа, я занята! У меня еще одна операция.

- Что ты за знаменитый хирург?! И без тебя обойдутся, марш за пальто!

Варя вспыхнула, но возражать не посмела. Когда размещались в экипаже, генерал заставил Варю, несмотря на ее протесты, сесть между собой и Звонаревым. Всю дорогу она старалась возможно меньше прикасаться к прапорщику, но, как назло, экипаж то и дело попадал в ухабы, и Варя волей-неволей приходилось чуть ли не ежесекундно опираться на молодого человека.

Пользуясь тем, что верх был поднят и в фэртоне было довольно темно, Звонарев несколько раз осмеливался осторожно прикоснуться губами то к розовому ушку, то к затылку, а то и к раскрасневшейся от мороза щеке девушки. Всякий раз при этом Варя резко отклонялась в сторону и наконец, не выдержав, с отчаянием в голосе пожаловалась отцу.

- Папочка, скажи ему, чтобы он не смел прикасаться ко мне.

- Не подставляй ему свою физиономию, тогда никто такую злючку, как ты, и целовать не станет, - равнодушно ответил Белый и еще сильнее уткнул лицо в меховой воротник своей шинели.

Не успел экипаж остановиться около крыльца квартиры Белого, как Варя, вся трепеща от гнева, первая выскочила из него и ринулась в дом. Звонарев помог выйти генералу и вместе с ним появился в передней.

Хотя было около полуночи, но Мария Фоминична с чаем поджидала мужа. Чтобы не обидеть ее, Звонарев и Белый выпили по стакану, в то время

как Варя жадно набросилась на еду.

- Можно подумать, что вас в госпитале совсем не кормят, - заметила ей мать.

- Я сегодня не обедала, мамочка, все была занята на операциях. Я ведь теперь операционная сестра и должна все время находиться там.

- Надеюсь, что тебе-то оперировать не разрешают? - с беспокойством спросила Мария Фоминична.

- Так и позволят ей оперировать, такой вертлявой девчонке! - перебил жену Белый. - Сейчас она жаловалась мне на Сергея Владимировича...

- Папка, не смей говорить при нем! Я сама потом все расскажу маме, - даже привскочила со стула от волнения девушка, густо покраснев.

- Ей-богу, неправда! - сказал Звонарев.

Глядя на молодую пару, старики залились громким, веселым смехом.

- Можешь и не говорить, Федорович! Я и так понимаю, в чем дело, - произнесла наконец Мария Фоминична.

- Совсем, совсем не так, как ты, мамочка, думаешь, - уверяла Варя.

- Ладно уж, чай, и я не всегда была старухой! Приготовишь Сергею Владимировичу постель в кабинете, - распорядилась Мария Фоминична, когда чай был окончен.

Звонарев поднялся из-за стола вместе с Варей и хотел идти за ней, но девушка так свирепо взглянула на него, что он отказался от своего намерения.

Побыв еще немного с Белым в столовой, он направился в кабинет. Сквозь неплотно притворенную дверь Звонарев увидел, как девушка сердито, рывками накрывала кушетку простынями, небрежно бросила на нее подушки и с силой ударила по ним кулаками.

- Можно подумать, Варя, что вы и меня хотели бы угостить такими тумачами, - проговорил прапорщик, входя в кабинет.

- С сегодняшнего дня я вам не Варя, а Варвара Васильевна или даже никто!

Я не желаю иметь с вами ничего общего после той наглости и нахальства, которые вы себе позволили в экипаже, господин Звонарев.

- Если я повинен лишь в том, что поцеловал вас недостаточно крепко, то я готов немедленно исправить свою ошибку, - улыбнулся Звонарев и, шагнув к девушке, хотел было обнять ее. В то же мгновение он получил оплеуху. Охнув от удивления, прапорщик на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, как Варя с торжествующим видом выпорхнула из комнаты.

Расправившись с Звонаревым, Варя ласково попрощалась с родителями перед сном и тоже улеглась в постель. Как ни устала она за день" но уснуть ей скоро все же не удалось. Она вновь переживала все нанесенные ей сегодня Звонаревым обиды. Оказался он виновен и в замечании, сделанном ей отцом в госпитале, и в шутках родителей, не говоря уже о предрезких поцелуях в экипаже и попыток обнять в кабинете. Одним словом, прапорщик был кругом виноват перед нею и вполне заслужил постигшую его кару. И все же Варя была недовольна собой. В глубине души она признавалась, что не так уж неприятны были звонаревокиие поцелуи и сам он не меньше ее был смущен подтруниванием отца и матери. Пожалуй, можно было бы обойтись и без пощечины, ограничиться лишь холодной вежливостью и ледяным презрением. Варя ярко представила себе, какой неприступный вид был бы у нее в этом случае.

"Быть может, он, бедняжечка, от огорчения тоже не спит, - вздохнула Варя и вспомнила рассказ отца об опасном путешествии прапорщика на форт. - И зачем только он всегда норовит попасть в такие места! Не дай бог, случится еще с ним что-нибудь! - уже с волнением подумала Варя. - Тогда я себе никогда не прощу сегодняшней пощечины".

Накинув затем шаль на плечи, она осторожно пробралась к двери кабинета, желая убедиться, спит ли прапорщик. Каково же было ее разочарование, когда из-за двери до нее донесся храп крепко уснувшего Звонарева. Это было для нее новой обидой. Добравшись до своей постели, она решительным движением сунула голову под подушку и мгновенно уснула.

Утром Звонарев не встретил Варю - она убежала в госпиталь. Получив от

Белого различные указания служебного характера, прапорщик побывал в Управлении артиллерии, в порту, а затем направился в штаб Кондратенко.

Уже темнело. Солнечный день сменился холодным, туманным вечером. Артур заволокся густыми облаками.

Генерала он застал лежащим в постели, с высокой температурой. Вчерашняя прогулка в штаб Горбатовского не прошла даром. Тем не менее Роман Исидорович тотчас же принял прапорщика и, подробно расспросив о результатах посещения моряков, дал ряд указаний о спуске мины.

- Помните, что вы остались единственным специалистом по опусканию шаровых мин. Горский болен и не скоро оправится. Значит, на вас ложится вся тяжесть руководства минно-шаровым делом. Главное же - не рисковать зря людьми и собой, - проговорил генерал.

- Больше всего надо вам самим беречься, ваше превосходительство. Меня и солдат легко можно заменить, вас же заменить нечем! Между тем вы совсем не бережетесь, о чем свидетельствует ваше здоровье.

В ответ Кондратенко громко рассмеялся.

- Первый раз в жизни слышу, чтобы прапорщик читал нотации генералу!

- Я не хотел вас обидеть... - смутился Звонарев.

- Прекрасно это понимаю. Меня заменить легко, и, быть может, давно пора это сделать. Оборона крепости отличается крайней пассивностью. Ни одной вылазки за три с половиной месяца тесной блокады! Это ли не возмутительно! В первые дни осады мы легко могли прорвать расположение японцев, выйти в тыл, захватить их артиллерию, а главное - так необходимые нам снаряды, порох и продовольствие. По этому одному можно судить, насколько хорош я как руководитель сухопутной обороны.

- Вы тут ни при чем. Стессель, Фок и Рейс никогда не допустили бы такого образа действий с вашей стороны. Вылазки были запрещены Стесселем. Фок и Рейс все время мешали активизации обороны.

- Какой же я военный, если не сумел отстоять своего мнения перед

высшими начальниками?

- Зная Стесселя и его окружение, нетрудно понять, что тут играет роль не ваша мягкость, а твердокаменное упрямство высшего артурского начальства. Мне не совсем понятна роль Смирнова. Комендант крепости по должности мог и должен был возглавить оборону Артура, не уступать своего места Стесселю.

Фактическим комендантом является генерал-адъютант, Смирнов же играет роль коменданта без крепости.

- Хрен, говорят, не слаще редьки! Если бы фактически во главе Артура стоял Смирнов, то, возможно, мы были бы свидетелями еще более "оригинальных" деяний, чем теперь. Комендант крепости хочет предвидеть все возможное и невозможное. Ему совершенно непонятна та простая истина, что всего не предусмотреть и, следовательно, должна быть сохранена инициатива младших начальников. Нет, знаете, не хотел бы я видеть Смирнова в роли старшего начальника в Артуре. У него нет необходимой для этого широты взглядов, - задумчиво закончил Кондратенко.

- Мнение огромного большинства артурского гарнизона, что ваше превосходительство являетесь наиболее подходящим комендантом для Артура.

- Начальство в Питере и Маньчжурии держится иного мнения, да и здесь некоторые весьма влиятельные лица находят, что я приношу больше вреда, чем пользы, - с горечью проговорил генерал.

- А кто же такие эти глупцы, выражаясь мягко? - возмутился Звонарев.

- Прочтите, - протянул ему Кондратенко одну из бумаг, лежащих на столе.

Это была напечатанная на машинке записка Фока под заглавием "Некоторые соображения об артурской обороне". Адресовалась она Стесселю и всем генералам и командирам отдельных частей. Наверху имелась надпись: "Не подлежит оглашению". Прапорщик уже был знаком с литературными произведениями Фока и сразу понял, что перед ним очередной пасквиль на Кондратенко.

- Стоило ли читать эту чепуху? - повернулся он к генералу.

- Хотя она и "не подлежит оглашению", но ее читают все писари, вплоть до ротных, и, конечно, знакомят с ее содержанием солдат. Это, так сказать, артурекая литература для народа. Все равно вам придется с нею познакомиться.

Звонарев принялся за чтение.

- "Я уже не раз указывал, что излишнее переполнение передовых окопов стрелками и матросами ведет только к ненужным, ничем не оправданным потерям.

Но генерал Кондратенко, который воображает себя самым умным человеком в Артуре, конечно, не пожелает снизойти до этих соображений. С ученым видом всезнайки он по-прежнему будет напрасно проливать реками солдатскую кровь, твердо веря, что это принесет ему славу героя, чины и ордена".

- Как допускает Стессель появление подобных произведений? - не выдержал Звонарев. - Ведь это не только подрыв вашего авторитета среди солдат и матросов, но прямое натравливание их на вас!

- "Известный всему Артуру своими длинными усами генерал недавно прямо заявил мне, что он гораздо больше беспокоится о снарядах, которых мало, чем о людях. По его мнению, солдат в крепости гораздо больше, чем имеющегося продовольствия. Поэтому потеря тысячи-другой человек только облегчит положение крепости. Надо ли говорить, что он сам отнюдь не хочет оказаться в числе этих тысяч". Вопиющий поклев на Василия Федоровича.

- Его хоть прямо по фамилии не называют, - все же как-никак родственник Стесселю, не то что мы, грешные.

- Не секрет, что вы собираетесь предпринять, Роман Исидорович, в связи с этой наглой и бестактной выходкой Фока?

- Подал рапорт об освобождении от должности начальника сухопутной обороны и, как следовало ожидать, получил отказ. Нельзя-де обращать внимания на чудачества Фока, он ведь еще в турецкую войну ранен в голову и немного ненормален. Я не настаивал: боюсь, что без меня дело

попадет в руки того же Фока, и тогда дни Артура будут сочтены. Нет, я не собираюсь сдавать свои позиции! - с жаром проговорил Кондратенко.

- Если бы вам, Роман Исидорович, предложили взять на себя высшее начальствование в Артуре, вы согласились бы?

- Куда же денутся Стессель и Смирнов?

- Мы бы их арестовали.

- Кто вы?

- Ваши приверженцы.

- Я бы немедленно арестовал вас и освободил Стесселя и Смирнова, дабы они вернулись к исполнению возложенных на них обязанностей, - улыбнулся Кондратенко. - Нет, я против всяких незаконных действий. Так и передайте всем "моим приверженцам", как вы выражаетесь.

Прапорщик разочарованно вздохнул. Вскоре пришел Науменко.

Воспользовавшись этим, Звонарев стал прощаться.

В Свободном госпитале ему пришлось довольно долго ждать в приемной, пока вышла Варя. Увидев прапорщика, она сурово сдвинула брови и сухо справилась, чем она может быть ему полезна.

- Прежде всего, я думаю, вам следует извиниться передо мной за вашу вчерашнюю грубость, - в тон ей умышленно хмуро ответил Звонарев.

Не произнеся ни слова, девушка повернулась и направилась к двери.

Прапорщик едва успел схватить ее за руку.

- Стоп, стоп, стоп! Я еще не кончил, и вы, как всякая воспитанная девочка, должны выслушать до конца, когда с вами говорит старший, - проговорил он.

- Руки прочь, или вы получите еще одну оплеуху, - попыталась вырваться Варя.

- Ша, киндер, как говорит Борейко в таких случаях, - еще крепче сжал ее руку Звонарев. - Кондратенко прислал вашим больным цингой свежее мясо и овощи. Потрудитесь их получить, - протянул он большой сверток.

- Я больше не веду палаты. Пустите, мне больно, - тихо проговорила она.

- А вы драться не будете? - уже совсем весело спросил Звонарев.

- Не хочу марать руки о вашу... вашу противную физиономию, - заикаясь

от волнения, проговорила девушка.

- То-то же, - отпустил ее прапорщик. - Теперь мы квиты, и я могу опять поцеловать вас...

Варя фыркнула, как кошка, и одним прыжком оказалась за дверью.

- Не смейте никогда больше приближаться ко мне, приходить сюда или к нам домой, низкий вы... человечиска, - наконец подобрала она наиболее уничтожающее слово и, хлопнув дверью, исчезла.

Звонарев улыбнулся. Негодующая Варя была ему больше по сердцу.

В штабе Горбатовского его уже поджидали Буторин и Фомин с тремя десятипудовымн шаровыми минами. Наскоро переговорив со Степановым и получив от него последние указания, прапорщик отправился с матросами на форт номер два.

На форте было относительно тихо: редкая ружейная перестрелка, взрывы бомбочек, изредка гулкий артиллерийский выстрел и визг разорвавшейся шрапнели. Сквозь туманную ночь чуть пробивались бледные лучи прожекторов.

Две подводы, запряженные парой осликов каждая, затарахтели за Звонаревым и матросами.

Фролов уже ждал прапорщика. Им был разработан подробный план очищения рвов форта от японцев.

- Как только ваши мины взорвутся, мичман Витгефт с матросами бросится в атаку вдоль левого бокового рва, я со стрелками - вдоль правого, поручик Юницкии из контрэскарпной галереи попытается выбить японцев из капонира. Вы же будете орудовать на бруствере и командовать артиллерией внутри форта, - распределил он роли между офицерами.

- По-моему, мое задание невыполнимо. Японцы так прочно засели в капонире, что едва ли мы сможем чтолибо с ними поделаться, - заикаясь, проговорил Юницкий.

- Умереть-то там вы, я думаю, сможете, если это будет нужно, - насмешливо ответил комендант форта.

- Думаю, что я больше пользы принесу живым, чем мертвым.

- Можете думать что хотите, но выполнить поставленную вам задачу вы

обязаны. Ступайте! - резко приказал Фролов. - От него, живого, пользы не больше, чем от мертвого.

Места для спуска мин были выбраны на бруствере заранее, и на них начали устанавливать желобообразные салазки, соблюдая полную тишину, боясь столкнуть малейший камешек или комочек земли. Как только это было сделано, Фролов в последний раз повторил свои наставления: взрывы спускаемых мин послужат сигналом для общей атаки, Звонарев с артиллеристами форта должны орудийным огнем парализовать контратаку японцев, если она последует. Пожелав прапорщику успеха, Фролов ушел.

Мины осторожно, без шума подняли на салазки. Звонарев поочередно поджег фитили и шепотом скомандовал:

- С богом, кати!

По три рослых матроса налегли на каждый шар, и они со слабым скрипом двинулись с мест. Налетевшая густая волна тумана совсем закрыла русских.

Японцы ничего не подозревали и держались тихо. С нарастающим шумом мины ринулись вниз.

Один за другим раздались три сильных взрыва. Сотрясение было так сильно, что мешки с землей лавиной обрушились вниз, завалили вход в блиндаж, крыша которого подозрительно заскрипела.

- Господи Иисусе Христе, да что же это такое? Никак, японец сам нас взорвал? - заметались испуганные солдаты, торопливо расчищая выход из блиндажа.

Прапорщик выбрался наружу одним из первых. Осколки и комья земли после взрыва уже пролетели, но в воздухе стоял грохот ружейной стрельбы, взрывов бомбочек и свист пуль. Из рвов доносился шум рукопашной схватки; крики, стоны, выстрелы, взрывы бомбочек слились в один общий рев, который все нарастал и быстро передвигался по направлению к переднему рву.

- Бежит японец! - проговорил Буторин. - Мы его сегодня застали врасплох.

С перепугу он и стал тикать без оглядки.

Звонареву хотелось выглянуть из-за бруствера, но это грозило ранением или даже смертью. Несколько лучей японских прожекторов остановились над фортом, тщетно сясь проникнуть сквозь молочную пелену густого тумана. Молчавшие ранее осадные батареи теперь открыли беспорядочный огонь, осыпая снарядами всю площадь форта.

Вскоре прибыл связной от Фролова и сообщил, что все рвы очищены от японцев.

- Потери велики? - спросил Звонарев.

- Почти нет, двое или трое легкораненых. Поручика немного зацепило, но они остались в строю, да морского офицера ранило "в плечо, но тоже не сильно, - докладывал стрелок. - Только в капонире артиллерийский поручик дюже спужались и не пошли вперед. Комендант просили вас, вашбродь, пройти туда, помочь им.

Звонарев торопливо перебежал дворик форта, который забрасывался ручными гранатами, и укрылся в тыловой казарме. Тут он встретил Фролова, как всегда, бодрого и веселого.

- Все вышло как нельзя лучше. Я даже не ожидал такого быстрого и решительного успеха. Особенно нам помог взрыв японского склада пироксилина.

Он уничтожил массу людей у противника. Сейчас стрелки начнут кидать бомбочки в амбразуры, а вас попрошу сменить Юницкого и организовать удар со стороны контрэокарпной галереи.

- Слушаюсь, - козырнул прапорщик и направился вниз по потерне.

Едва Звонарев минул потерну, как вдоль галереи хлестнула пулеметная очередь, пули с громким щелканьем впивались в бетонные стены. Прапорщик отпрянул назад, пережидая конца стрельбы.

- Он, вашбродь, почитай уже с час бьет без передыху. Надо сюда подвезти пушку и вдарить по пулемету, - проговорил один из стрелков.

Со стороны капонира донеслись один за другим два взрыва ручных гранат, и пулемет сразу смолк.

- Подбили через амбразуру, - понял прапорщик. - Пошли, - обернулся он

к стрелкам.

В контрэскарпной галерее было почти темно. Только два фонаря, стоящие в углублениях амбразур, чуть освещали сводчатое помещение. В конце его, прижавшись за бруствером из земляных мешков, сидело несколько стрелков.

Невдалеке от них, распластавшись на полу, лежал Юницкий. Когда надо было отдать приказание, он взмахом руки подзывал к себе солдат. Стрелки опускались рядом с офицером на колени и получали нужные распоряжения.

Поручик боялся даже поднять голову от земли и при каждом взрыве ручной гранаты испуганно вздрагивал.

Подойдя к нему, Звонарев передал ему распоряжение Фролова. Юницкий рассыпался в благодарностях и, не поднимаясь на ноги, на коленях пополз в тыл.

- Вы бы встали! - посоветовал ему прапорщик.

- Береженого и бог бережет, - ответил поручик, торопливо отползая от него.

- Уж очень они нервные, - усмехнулся один из стрелков, глядя на странную фигуру офицера. - А каким козырем смотрят, когда тихо! Чуть зазеваешься с отдаванием чести, враз по рылу смажут.

- То ранее было, теперь господа офицеры стали уважать солдатскую морду...

Пули ведь и с тылу попасть могут, - зло заметил другой стрелок.

- Где японцы и что вы предпринимаете, чтобы их выбить? - перебил Звонарев.

- Ждем, когда наши из рва начнут бросать бомбочки, тогда мы и ударим на японца, - пояснили стрелки прапорщику.

Звонареву это не понравилось.

- Вперед! - скомандовал он и с винтовкой в руках вскочил на траверс.

Стрелки бросились за ним.

Оглушенные японцы были быстро разоружены. Вскоре вся правая уцелевшая часть капонира оказалась в руках стрелков.

Преследуя отступающих японцев, русские ворвались в ход сообщения, идущий в японский тыл, но были встречены пулеметным огнем. Почти в полной темноте, на небольшом пространстве, в узком ходе завязался штыковой бой. Бились прикладами, кулаками, кололи штыками, кусались, душили друг друга... Над местом побоища стоял смешанный гул криков, стонов, брани.

Неожиданно перед Звонаревым выросла фигура Фролова.

- Я приказал подвезти сюда полевую пушку и стрелять в упор картечью, - проговорил поручик.

- Да в темноте не разберешь, где наши, а где чужие.

- Солдаты и матросы разберут и лучше нас сообразят, что и как надо делать.

Звонарев прошел по контрэскарпной галерее и потерне во внутренний дворик форта, где вдоль брустверов были распределены противотурмовые орудия. Здесь он застал Витгефта с его моряками. Мичман был ранен в обе руки, но остался в строю, продолжая распоряжаться действиями стрелков и матросов.

- Вручную скатите одну из пушек в горжевой ров и там установите ее по указаниям прапорщика. Захватите с собой также десяток-другой картечи и зарядов к ним. Матросы и стрелки помогут вам.

Солдаты быстро подхватили одно из орудий и покатали его к проходу в тыловой ров. Звонарев едва поспевал за ними. В горжевом рву около пушки собралась прислуга - четыре канонира с фейерверкером. Тут же находились человек шесть стрелков и матросов, державших в руках картечь и картузы с порохом.

Не успели подвезти орудие к нужному месту, как было ранено несколько солдат и матросов. Все же с трудом пушку установили. Неподалеку началась рукопашная схватка. Стрельба почти прекратилась, и слышались отдельные вскрики, стоны, ругань.

- Банза-а-ай! - раздалось откуда-то сверху из темноты.

Стрелки и матросы сначала в одиночку, а затем группами отбегали назад и скрывались в уцелевшем крыле капонира. Часть из них отходила в ров.

- Одолевает японец, вашбродь! - испуганно проговорил один из артиллеристов.

Прапорщик и сам видел, что опасность нарастала с каждой секундой.

Гарнизон форта слабел все больше. В мутном свете скользивших поверху лучей прожектора темной массой проступали приближавшиеся колонны противника.

Наступил момент действовать картечью.

- Заряжай! - скомандовал Звонарев.

- Давно заряжено, - отозвался наводчик.

- Пли!

Выбросив вперед огненный столб и струю визжащей на лету картечи, пушка отлетела назад, но ее тотчас же накатили на место.

- Больно высоко! Картечь над головами пошла, - пробормотал наводчик, - надо брать пониже.

- Пли! - заорал не своим голосом прапорщик, заметив в двадцати шагах поблескивавшие японские штыки.

На этот раз картечь врезалась в плотную массу человеческих тел. Со стороны японцев донесся протяжный вой, и на мгновение они остановились.

Воспользовавшись этой заминкой, пушка дала еще два выстрела, сметая передние ряды наступающих. Подбодренные успехом, стрелки и матросы вновь кинулись на врага. Звонарев хотел дать еще один выстрел, но тут произошел взрыв у самого орудия. Стрельба для скорости велась без пробанивания, и в зарядной камере пушки остались тлеющие клочки зарядного картуза. Впопыхах заряжающий не заметил этого и сунул новый заряд с порохом, который мгновенно взорвался в еще не закрытом орудии. Вся прислуга орудия погибла; Звонарева отбросило в сторону, слегка опалив ему лицо и руки. Японцы воспользовались этой заминкой и бросились в атаку.

Стрелки и матросы кинулись под прикрытие капонира. Преследуя их, японцы стали быстро распространяться по рвам. Едва поднявшись на ноги, прапорщик опрометью бросился к левому боковому рву.

Остановился он уже вблизи казармы.

Тут только он заметил отсутствие папахи, шашки, бинокля. Проведя ладонью по лицу, он с удивлением установил отсутствие бровей, усов и чуть пробивающейся бородки. Отдышавшись, Звонарев уже не спеша отправился в казарму. Около ворот его чуть не сбили с ног матросы и стрелки, под командой Витгефта спешившие в правый боковой ров.

- Неужели это вы? - подошел мичман к прапорщику. - Мне только что доложили, что при разрыве орудия вас разнесло на клочки, и в доказательство представили вашу окровавленную папаху. Она лежит на столе в офицерском каземате.

- Разве пушку разорвало? - удивился Звонарев. - Мне казалось, что бомбочка попала в сложенные около орудия пороховые заряды, которые и взлетели на воздух. Меня отбросило в сторону и немного обожгло.

- Идите в казарму. Там вас перевяжут, а главное, - добейтесь у Горбатовокого срочной помощи. Фролов ранен еще раз, но не хочет уходить из капонира. Я постараюсь задержать распространение японцев вдоль рвов, а вы временно командуйте тылом - фортным двориком, - распорядился мичман.

Быстро забинтовав лицо и обожженную левую руку, прапорщик пошел к телефону. Надрываясь от крика, солдаты пытались передать сообщение о положении на форту, но слышимость была очень плохой. Звонарев решил отправить своего связного и набросал коротенькую записку Степанову.

- Уже три человека ушли в штаб, но ни один из них не вернулся. Видать, не добрались, - проговорил ординарец, пряча записку за обшлаг шинели.

- Я махну напрямик, минуя ходы сообщения, авось проскочу. Тогда через четверть часа буду в штабе, - тряхнул он головой и вышел.

- Отчаянная башка этот Оленин. Три раза ранен, а все еще идет на риск, - восторженно сказал телефонист.

Звонарев поднялся во внутренний дворик. Здесь было гораздо светлее, так как прожекторные лучи непосредственно падали сюда. Артиллерийский огонь совсем прекратился - японцы боялись попасть в свои штурмующие части. Справа и слева от форта шла довольно сильная

артиллерийская дуэль между осадными и крепостными батареями.

Прапорщик тревожно прислушивался к шуму боя.

Из рвов доносились ружейные выстрелы, взрывы, крики сотен людей.

В таком неопределенном положении прошло с полчаса. Наконец прибежал стрелок с сообщением о прибытии подкрепления - роты моряков и полуроты стрелков с двумя пулеметами. Свежие части тотчас же были направлены в бой.

Несмотря на сильную контратаку, японцев полностью выбить из форта все же не удалось; они задержались во рву примерно на тех же позициях, что и раньше.

Уже светало, когда бой закончился и офицеры собрались в своем каземате.

Трижды раненный за ночь Фролов полулежал на своей койке и, преодолевая слабость и боль, продолжал распоряжаться. Обожженный Звонарев излагал свои соображения о дальнейшей обороне рвов.

Витгефт, у которого сильно болело раненое плечо, молчаливо прохаживался по узкому пространству между столом и походными кроватями. Только прибывший с подкреплениями лейтенант Морозов был вполне цел и невредим.

- Вас, Сергей Владимирович, я все же выпровожу отсюда, - решил Фролов. - Вы обойдете крепостные батареи, с которых видны японцы, засевшие во рву, и дадите артиллеристам указания о стрельбе. Дня через два, когда подживет ваша физиономия, надеюсь, вы вернетесь ко мне.

Прапорщик не замедлил покинуть многострадальный форт. Усталый после тревожной бессонной ночи, мучимый ожогами, он все время шел, укрываясь Китайской стенкой, и неожиданно для самого себя оказался у батареи литеры Б вместо Большого Орлиного Гнезда, куда собирался попасть.

- Что с тобой случилось, дружище? - приветствовал его Борейко. - Неужели тебя так отделала твоя амазонка?

Звонарев рассказал о приключениях на форту.

- Так-с! Сейчас пойдем и подумаем вместе, чем можно помочь Фролову, -

ответил поручик.

Офицеры вышли из каземата. С батареи были видны лишь подступы к форту, но не рвы.

- Кроме Большого Орлиного Гнезда, японцев ниоткуда не увидишь, - решил Борейко, - но на нем пушек давно уже нет. Ближайшая к ней батарея-Малое Орлиное Гнездо. С нее и надо обстреливать японцев, поместив наблюдателя на вершине Большого Гнезда. Я сейчас пошлю туда записку с нарочным. Тебя же тем временем перебинтует покрасивее Мельников, а то, не ровен час, увидит Варя и даст тебе полную отставку.

- Между нами и так все кончено.

- Что же у вас произошло?

Звонарев замялся.

- Ты встретился с Акинфиевой, а свирепая амазонка приревновала? - догадался поручик.

- Около того... - И прапорщик рассказал про свои горести.

- Не одобряю, - неожиданно серьезно проговорил Борейко. - Люблю Варю, целую Надю, думаю о Лоле! Это, брат, не любовь, а свинство! Выбери себе одну женщину и на других уж не смотри!

Борейко был хмур и серьезен.

Звонарев с удивлением смотрел на своего Друга, которого неожиданно увидел с новой, еще незнакомой ему стороны. Приход Мельникова с бинтами прервал этот разговор. Началась мучительная процедура перевязки. Ожоги были несильные, но охватили большую часть лица.

- Через неделю все заживет, - утешал фельдшер. - Красивше прежнего будете, вашбродь!

Утомленный прапорщик прилег на походную кровать и тотчас заснул. Борейко приказал его не тревожить и сам отправился на Орлиное Гнездо, чтобы наладить обстрел японцев у форта номер два.

Глава шестая

Звонарев провел несколько дней на батарее литеры Б, помогая Борейко. Хотя батарея и мало подходила для отдыха, но идти в город прапорщику

не хотелось, а на Залитерной сидел Чиж, одно присутствие которого раздражало его.

Прапорщик занялся производством ручных бомбочек. В крайнем каземате была организована лаборатория по их изготовлению. Они делались просто: пироксилином набивали стреляные гильзы тридцатисеми- и сорокасемимиллиметровых патронов, вставляли небольшой кусок запального шнура, и бомбочка была готова.

За старшего в лаборатории орудовал Блохин. Он не отставал от прапорщика ни на шаг, оказывая ему большую помощь во всех его начинаниях.

Столовались офицеры вместе с солдатами из котла. Благодаря заготовленным припасам питание на батареях литеры Б и Залитерной было сносное, но все же Звонарев со вздохом вспоминал Варины обеды, которых был теперь лишен. Из гордости он не хотел напоминать Варе о себе, а девушка, видимо, всерьез решила порвать с ним. Борейко по-братски делился с прапорщиком.

В один из вечеров на батарею появилась Харитина. С ней пришел и Вася. Мальчик имел весьма солидный вид в длинной до пят японской шинели, в старой генеральской фуражке, с повязкой Красного Креста на рукаве.

Увидев Звонарева, он не узнал его и недоверчиво покосился.

- Здравствуй, Вася! - приветствовал мальчика прапорщик.

- Так это вы, Сергей Владимирович? - даже взвизгнул от радости Вася. - Тетя Варя уже который день ищут вас, и в штабе были, и в Пушкинской школе.

То-то они обрадуются!

- Не смей ей и заикаться, что я здесь, - предупредил Звонарев, - я завтра буду в другом месте.

- Ты не слушай его, хлопчик, - вмешался Борейко, - тете Варе скажи, что мы с Сереженькой совсем умираем с голоду без ее обедов. А если прапорщика здесь и не будет, то я всегда тут. Мигом проглочу все.

- Как же вы чужое возьмете? Тетя Варя завсегда наказывает мне, как я иду с судками, чтобы вам не давал, - сожрет, грит, все этот Ведмедь, а

Сереее нечего и не достанется, - не унимался Вася.

Звонарев хохотал во все горло, а Борейко, скорчив страшную физиономию, свирепо прорычал:

- Я те пропишу такого Ведмедя, что ты забудешь, как себя самого звать.

Мальчик весело запрыгал на месте.

- Пиши, Сережа, покаянное письмо своей амазонке, авось завтра поедем досыта, - предложил Борейко.

Прапорщик написал несколько теплых слов и просил не присылать ему обедов, так как он каждый день будет находиться в разных местах.

Получив записку, мальчик с деловым видом спрятал ее в фуражку и собрался уходить, но его задержала Харитина.

- К вам я, Борис Дмитриевич, - обратилась она к Борейко, - явите божескую милость, защитите от супостата. Проходу мне не дает-пристает с неприличностями. Придирается к мужу ни за что ни про что, ставит под винтовку, да еще впереди наблюдательного пункта, японцам на расстрел. Вчерась на Егорушке полу шинели прострелили, нонче, может, и вовсе убьют...

- Что же я с Чижом поделать могу? Чинем он меня старше, слушать не станет. Сходи к генералу Белому, а лучше к Варе, расскажи ей, она сообщит отцу, - посоветовал поручик.

- Пока генерал возьмутся за это дело, так штабс-капитан всех солдат на Залитерной переведут.

- Сходил бы ты, Сережа, туда, попробовал уговорить эту сволочь!..

- Со мной Чиж и разговаривать не станет. Он меня не переносит.

- Вы бы, Сергей Владимирович, будто ненароком, по другому делу зашли на наблюдательный пункт. Штабс-капитан провинившихся ставят под винтовку впереди пункта, а сами сидят в бронебойной башне и смотрят. Чисто аспид, а не человек, - с чувством проговорила Харитина.

Звонарев обещал на следующий же день побывать на Залитерной.

- Не сносить Чижу головы, - заметил Борейко, когда Харитина и Вася вышли.

- Убьют его солдаты.

На следующий день прапорщик отправился на Залитерную. Подойдя к батарее, Звонарев увидел трех солдат, стоявших под винтовкой, в их числе Ярцева и Зайца. Перед ними расхаживал Чиж.

- Я вас, сволочей, научу, как служить! Сгною под винтовкой, распустились, мерзавцы! - бесновался он, поднося кулаки к лицам солдат.

По команде солдаты повернулись и пошли по направлению к наблюдательному пункту, расположенному на вершине Залитерной горы.

- Станете в ста шагах впереди пункта! - крикнул им вдогонку Чиж. - Здравствуйте, Сергей Владимирович! - приветливо обратился он к прапорщику. - Какие новости?

- По-видимому, начинается новый штурм крепости. Поэтому рекомендуется солдат далеко от батареи несылать. Не ровен час, прорвутся японцы на Залигерную, как в августе. Тогда каждый человек будет на счету, - ответил Звонарев.

- Зачем изволили пожаловать на Залитерную? - поинтересовался Чиж. - Я тут совсем пропадаю от холода и сырости в обществе тридцати вшивых канониров и одной грязной солдатской шлюхи. Быть может, вы не откажете замолвить за меня словечко перед его превосходительством, вашим будущим тестем?

- Я не собираюсь стать родственником Белого, - сухо ответил прапорщик.

- Что же вы скромничаете, Сергей Владимирович! Все в Артуре говорят о вашей свадьбе с мадемуазель Белой.

В это время с горы показались артиллеристы с раненым на руках.

- Никак, кого-то убило. Уже не моего ли Егорушку? - вскрикнула вышедшая из кухни Харитина и бросилась им навстречу.

Прапорщик поспешил за ней. Раненым оказался Заяц. Пуля ударила ему в бедро, как только он стал под ружье на указанное штабс-капитаном место.

Артиллерист был без сознания. Из наскоро перевязанной раны падали на землю густые капли крови. Звонарев пощупал чуть заметный пульс и велел отнести раненого в офицерский блиндаж. Но Чиж решительно

воспротивился этому.

- Наполовину представляется, жидовская морда! - брюзжал он. - Ему и на кухне хорошо, а вы-марш обратно на место! - обернулся он к Ярцева и другому солдату.

- Казните нас здесь, вашбродь, а под расстрел мы не пойдем, - угрюмо ответил Ярцев.

- Что? - взвизгнул штабс-капитан. - Да я тебя изувечу! - И он с кулаками бросился на солдата.

Не помня себя от возмущения, Звонарев бросился вперед и стал между Ярцевым и Чижом.

- Как вы смеете, прапорщик, мешать мне, когда я наказываю солдата! - заорал Чиж.

- Мордобой не предусмотрен в числе дисциплинарных взысканий, - едва сдерживая себя, проговорил Звонарев. - Кроме того, подобное обращение с солдатами недостойно культурного человека.

- Молчать! Прочь с дороги! - Штабс-капитан вновь ринулся к Ярцеву, но Звонарев его не допустил, схватив руку.

Чиж рывком освободил руку и, выхватив револьвер, направил его на прапорщика. Ярцев изо всей силы ударил штабс-капитана по руке. Грохнул выстрел. Пуля пролетела мимо. Тогда с искаженным от ненависти лицом Чиж один за другим два раза выстрелил в живот Ярцеву. Солдат со стоном повалился на землю. В то же мгновение Харитина кинулась на штабс-капитана и, схватив его за горло, опрокинула его на землю.

Сбежавшиеся на выстрелы солдаты отнесли в блиндаж смертельно раненного сказочника и с трудом оттащили молодую женщину от избитого, исцарапанного Чижа.

- Подать мне винтовку, - прохрипел Чиж, - я должен кровью этой шлюхи смыть нанесенное мне оскорбление.

- Вы арестованы, господин штабс-капитан, - заявил Звонарев. - Отвести его благородие в блиндаж и выставить к дверям часового, - распорядился прапорщик.

Чиж пытался сопротивляться, но двое солдат подхватили его под руки и поволокли в блиндаж.

Звонарев по телефону сообщил о происшествии Борейко и спросил, что ему делать.

- Японцы готовятся штурмовать форты и батареи. Принимай командование на Залитерной, а потом донеси обо всем Белому. Присмотри, чтобы Чижик не вздумал улететь, а то солдаты бросятся за ним и растерзают его на части.

- Я сам готов немедленно прикончить его.

- Самосуда не допускать! - предупредил Борейко.

Звонарев зашел в блиндаж к раненым. Заяц пришел в себя и тихонько стонал.

Ярцев был в агонии. Харитина тихо плакала над ним.

- Неужто штабс-капитану ничего не будет за сегодняшнее смертоубийство? - чуть слышно спросил артельщик, узнав Звонарева.

- Что бы там ни было, а от меня он не уйдет - своими руками смертью казнь душегуба проклятого! - крикнула Харитина. - А потом опять в стрелки пойду...

Грохот орудий заставил Звонарева поспешить на командный пункт.

Затрещал телефон, из штаба фронта передали приказание поддержать огнем Куропаткинский люнет.

Первые же снаряды, пущенные с Залитерной, легли очень удачно. Штурмующие колонны японцев залегли, а затем начали откатываться назад.

Соседние батареи присоединились к Залитерной, и японцы в беспорядке побежали. Русская артиллерия преследовала их своим огнем. К трем часам дня штурм на всем участке был отбит.

Воспользовавшись затишьем, прапорщик прошел на батарею. Уже издали были слышны плач и причитания Харитины. Звонарев понял, что Ярцев скончался.

Возле кухни Белоногов с несколькими солдатами на скорую руку сбивали гроб для сказочника. По заведенному обычаю, всех утесовцев, где бы

они ни умирали, - на позициях ли, в госпиталях, - хоронили на кладбище около Электрического Утеса, за небольшой скалой, у самого моря. За время осады там выросло несколько десятков небольших солдатских надмогильных крестов.

С батареи литеры Б тоже пришли солдаты проститься с покойным. Пришел и Бореико. Он долго смотрел в лицо Ярцева, затем положил земной поклон.

- Прости, сказочник, если когда ненароком обидел, - с чувством проговорил он. - А с убийцей твоим мы посчитаемся.

Затем он обернулся к Харитине и погладил ее по голове.

- Не кручинься, ты молода, найдешь еще себе человека по сердцу.

Блохин наскоро простился с Ярцевым, но зато долго шептал что-то на ухо Харитине.

Заметив движение на батарее, Чиж потребовал к себе Звонарева. Прапорщик подошел.

- Как старший в чине, я приказываю вам немедленно освободить меня из-под незаконного ареста, иначе я применю силу оружия, - угрожал штабс-капитан.

- В случае малейшего неповиновения часовым вы будете немедленно расстреляны на месте, - ответил Звонарев.

Штабс-капитан растерялся. Мягкий, деликатный, застенчивый прапорщик вдруг заговорил языком Бореико. Даже обычно приветливое, улыбающееся лицо Звонарева теперь было хмуро и непроницаемо.

- Блохин, - позвал Бореико, - на тебя возлагается обязанность сторожить арестованного, пока за ним не пришлют из Управления.

- Слушаюсь, вашбродь! Не извольте беспокоиться, не убежит, разве на тот свет, - хмуро отозвался солдат и, вскинув трофейную японскую винтовку, расположился у входа в блиндаж.

Под вечер начался новый штурм.

Японцы обрушились орудийным огнем на Китайскую батарею и батарею второй линии, к числу которых принадлежала и Залитерная. Ежеминутно падали десятки снарядов. Воздух наполнился массой осколков, со

свистом летевших во всех направлениях.

Звонарев приказал солдатам спрятаться в блиндажи, а сам продолжал наблюдение. Только с темнотой окончился обстрел, и прапорщик вернулся на батарею. Перед ним встал вопрос: что делать с Чижом? Еще днем он послал донесение в Управление артиллерии, но ответа не было. Штабс-капитан опять вызвал его к себе и справился о своей дальнейшей судьбе. От его прежней заносчивости не осталось и следа. Заискивающим голосом он просил убрать часовых, особенно Блохина.

- Этот бандит обязательно прирежет меня ночью, - говорил он. - Верните мне хоть оружие для самозащиты.

- По уставу арестованным не полагается иметь при себе оружие. Блохин, смотри в оба, - обернулся к солдату Звонарев.

- Слушаюсь! Пожалуйста в блиндаж, вашбродь. - И он вплотную приставил штык к животу Чижа. Тот отчаянно взвизгнул и отскочил назад.

- Не так стремительно, господин Чиж, а то, не ровен час, споткнетесь и упадете, - иронически заметил прапорщик.

Штабс-капитан со злостью хлопнул дверью.

Звонарев решил на ночь поместиться в одном из солдатских блиндажей.

Вскоре вернулись с Утеса солдаты, провожавшие Ярцева в последний путь, с ними пришла и Харитина. Она уже не плакала, но была сурова, молчалива.

- Честь имею явиться! - доложил Звонареву Родионов.

- А, Софрон Тимофеевич! - обрадовался прапорщик. - Что, поправился?

- Так точно, почти все зажило! На Утесе сегодня преставился капитан. Они наполовину заживо сгнили от цинги...

- Царство им небесное. Добрый к солдату был командир, никого зря не обижал, - закрестились солдаты, узнав о смерти Жуковского.

- Отчего это хорошие люди умирают, а такая вредная для солдата птица, как наш Чижик, живет да еще других людей убивает? - задумчиво проговорил Юркин.

- Дай срок, и ему башку открутим! - отозвался Блохин.

Прапорщик по телефону сообщил Борейко о кончине Жуковского.

Поручик тяжело вздохнул.

- Всем хорош был покойник, да больно мягок со всякой сволочью, вроде Чижа, - проговорил он.

Совсем уже поздно прибыл ординарец из Управления артиллерии с приказом направить Чижа в распоряжение Белого.

Штабс-капитан прежде всего потребовал возвращения себе оружия и хотел расправиться с Харитиной, но она уже ушла с батареи. Тронуть же солдат Чиж не решился и, не прощаясь с Звонаревым, пошел пешком в город.

Ночь выдалась темная, туманная. Чиж не заметил, как за ним неотступно двигались две тени. Когда он проходил по глухому, пустынному району около Пресного озера, перед ним неожиданно появились двое. Штабс-капитан принял их за ночной патруль и крикнул:

- Штабс-капитан Чиж идет по делам службы в Управление артиллерии.

- Молись богу, вашбродь, смерть твоя пришла, - прозвучал грудной голос Харитины, переодетой уже в солдатскую одежду.

- Да как ты, сволочь, смеешь! - выхватил Чиж из кармана наган.

Но в то же мгновение другой солдат сбил его с ног ударом приклада.

Офицер ткнулся лицом в грязь и заверещал:

- Братцы, пощадите!..

Харитина, деловито нацелившись, всадила штык под левую лопатку Чижа.

Короткий стон, хрип, и все было кончено.

Труп оттащили в ближайшую воронку. Брлохин положил ему на грудь бомбочку и поджег фитиль.

- Теперь тикаем, Харитина. - И они исчезли в ночном мраке. Через мгновение раздался глухой взрыв.

Наутро патруль обнаружил труп неизвестного офицера, у которого была снесена голова и верхняя часть туловища.

Следствием установили его личность и определили, что он погиб от случайного снаряда.

Ночью Звонарев получил приказ срочно прибыть в штаб генерала

Горбатовского. Прапорщик нехотя встал с постели и, выйдя из блиндажа, позвал старшего фейерверкера Родионова.

- Я отправляюсь в штаб. Ты останешься старшим на батарее, - распорядился он. - Утром доложи об этом поручику Борей ко.

Стояла мутная ноябрьская ночь. Шел мокрый снег. Изредка срывался ветер.

По дороге уныло тянулись темные силуэты солдат, матросов, повозок. После почти часового путешествия пешком Звонарев наконец попал в штаб. Там он застал капитана Степанова с воспаленными от бессонницы глазами, бегающего от одного телефона к другому. Тут же находился окончательно поглупевший от переутомления генерал Горбатовский.

- Па форту номер три ранены Булганов и Соломонов и большие потери в людях. Туда двинуты "баянцы" во главе с лейтенантом Соймановым.

Отправляйтесь немедленно и примите на себя командование всей артиллерией форта. Японцы в настоящий момент лезут на бруствер, им удалось захватить капонир, и, кроме того, они засели во рву, - дал указание Степанов.

Прапорщик попросил разрешения взять с собой на форт своих солдат. Капитан охотно согласился, и Звонарев тут же отправил записку Борейко с просьбой прислать Блохина, Юркина и Лебедкина.

Спотыкаясь в темноте на каждом шагу, прапорщик только к рассвету добрался до места назначения. Занималось туманное, серое утро. Окрестные горы сливались с небом. Продолжал идти мокрый снег.

На форту прапорщика встретили матросы и проводили его с Сойманову.

- Японцы готовят взрыв переднего бруствера форта, - взволнованно проговорил лейтенант. - Слышны стук и возня во рву. Боюсь, что взрыв может произойти каждую минуту, и не знаю, что мне предпринять.

- Отводи солдат в казармы и к горжевому рву, а впереди оставь только часовых, - посоветовал Звонарев.

Лейтенант тотчас же отдал необходимые распоряжения. Затем оба офицера прошли во внутренний дворик форта. С помощью стрелков и

матросов артиллеристы сделали бруствер из мешков, заполненных землей. Здесь же установили три полевых пушки, возле них положили картечь и картузы с порохом. За наводчиков около орудий Звонарев поставил подошедших утесовцев.

С ними пришла и Харитина в солдатском обмундировании.

- Дозвольте, вашбродь, остаться при вас, - попросила она.

- Вы опять перешли на солдатское положение? - удивился Звонарев.

- После смерти Егорушки мне жизнь совсем опостылела. Я решила вернуться на позиции, только теперь артиллеристом, а не стрелком.

Матросы также обратили внимание на Харитину. Коекто даже попытался поухаживать за ней, но, получи, в решительный отпор, незадачливые кавалеры поспешили ретироваться.

- С огоньком, - улыбнулся Сойманов, издали наблюдая за Харитиной.

Наступило утро. Холодное ноябрьское солнце осветило окрестности Артура.

Звонарев каждые четверть часа ходил в потерну, ведущую в передний капонир, и там прислушивался к стуку, доносившемуся из подземного коридора.

Двое часовых зорко следили за происходившим во рву.

- Японец дюже торопится. Вот-вот взорвет мину, - тревожно докладывали они прапорщику, но продолжали оставаться на своих местах.

Около трех часов дня стук прекратился. Звонарев понял, что момент взрыва приближается. Он отвел всех солдат к тыловой казарме, велел зарядить орудия.

Сам стал за наводчика у правой пушки.

- Стрелять только тогда, когда японцы взберутся на бруствер, - предупредил прапорщик Блохина, Юркина и Лебедкина.

Прошло несколько томительных минут. Звонарев уже начал думать, что он ошибся, ожидая немедленного взрыва, как вдруг земля вздрогнула, передний бруствер чуть колыхнулся и сразу глубоко осел. В то же время из переднего рва поднялось густое облако темно-сизого дыма. Стало очевидно, что вследствие слабой забивки камуфлет прорвался в ров и

вызвал лишь частичное оседание бруствера.

Вслед за взрывом раздались крики "банзай", и японцы ринулись на штурм. На переднем бруствере сначала показались два офицера, которые обнаженными шашками указывали путь своим солдатам.

- Не торопись стрелять, - еще раз напомнил прапорщик.

Блохин ерзал от нетерпения на месте, его лицо разгорелось от возбуждения.

В правой руке он держал вытянутый шнур, в левой - свою трофейную винтовку.

У Юркина постукивали зубы, и он беспокойно вертел головой то в сторону прапорщика, то в сторону японцев.

Между тем с каждой секундой на бруствере появлялось все больше японцев.

Вскоре они заполнили весь передний вал. Офицеры взмахнули саблями, и несколько сот человек со штыками наперевес ринулись внутрь форта.

- Пли! - скомандовал Звонарев.

Картечь с визгом врезалась в густые ряды наступающих, все сметая на своем пути. Когда дым рассеялся, артиллеристы увидели перед собой десятка полтора японских солдат. Остальные усеяли своими телами всю переднюю часть двора.

Дружным залпом моряки добились уцелевших.

Артиллеристы снова зарядили орудия. Не прошло и пяти минут, как новая волна штурмующих нахлынула на форт, но и она была сметена картечью. Огромные потери, понесенные японцами, их все же не смутили. Через несколько минут во рву раздались воинственные звуки горна, слившиеся с оглушительными криками "банзай", и третья, еще более многочисленная колонна кинулась во внутренний дворик. Ни картечь, ни ружейные залпы не смогли уничтожить всех японцев.

Вокруг орудий завязалась рукопашная схватка. Звонарев с кучкой артиллеристов отбивался от наседавшего врага. Харитина очутилась рядом с прапорщиком, она с яростью орудовала штыком и приколола несколько человек. Блохин схватился рукопашную с японским

офицером, опрокинул его на землю, пытаясь задушить, но тут на него налетел солдат, и, не ударь его Звонарев штыком, смерть Блохина была бы неизбежной.

Подошедшие стрелки опрокинули японцев и отбросили их. Вместе с моряками, на плечах японцев, они ворвались в ров и перекололи почти всех отступающих.

Наступили ранние зимние сумерки. Артиллеристы со стрелками принялись за уборку множества трупов, лежавших на дворике и брустверах. Убитых сбрасывали в левый ров, где их складывали, как дрова, штабелями, чтобы они не мешали обстрелу.

Харитина принесла Звонареву банку консервов, галеты и бутылку коньяку.

- Наши все целы? - справился у нее прапорщик.

- Все, только Блохину японец чуть нос не откусил. И так был некрасив, а тут и вовсе на черта стал бы похож, - улыбнулась она.

Вскоре появился Блохин с перевязанной физиономией, но в сильно приподнятом настроении.

- Я, вашбродь, решил сегодня попробовать сходить в разведку! Не знаю, что из этого выйдет, - проговорил солдат.

- Только не в эту ночь. Мы будем заняты исправлением повреждений на форту, - предупредил его Звонарев.

Вечером на форт прибыл водовоз со своей сорокаведерной бочкой, запряженной парой мулов. Вместе с ним появился Вася с неизменными судками.

- Кто тебе позволил прийти сюда? - набросился на него прапорщик. - Узнает об этом тетя Варя, попадет тебе от нее.

- Я вас шукал на "ли гербе". Ведмедь хотел было весь обед отобрать, да я не дал. Насилу узнал, где вы.

- Записка от тети Вари есть?

- Нет. - И Вася хитренько улыбнулся. - Пусть, грит, он думает, что я еще сердюсь. А как прочитали ваше письмо, так аж запрыгали на месте и сейчас меня послали до генеральши Стесселевой купить курицу. Но я ее

и как достал, - опять хитро сощурился мальчик.

- То есть как? Украл, что ли?

- На удочку поймал.

- Какую удочку?

- Абнакновенную, што рыбу ловлють. Крючок с леской, только без удилица.

Куры-то ходят по двору за забором. Я их подзову и кидаю крючок с хлебом. Они начинают клевать, а я их тут подсекаю, дергаю за леску. Смотришь, крючком и зацепило какую-нибудь. Ташу через забор, она, конечно, верещит. Тут я ей голову сворачиваю, да и деру, - неторопливо рассказывал Вася.

- Дознается тетя Варя, по головке тебя не погладит за такие художества, - неодобрительно покачал головой прапорщик.

- А вы ей не сказывайте.

Все же суп из курицы пришелся Звонареву по вкусу, равно как и куриные котлетки. Харитина наградила Васю несколькими банками консервов, найденными у японцев.

- Ты скажи барышне Варе, чтобы она за Сергея Владимировича не беспокоилась. Нас японец кормит, - улыбнулась она.

Вася попросил оставить его на форту до утра.

- Хочу поближе посмотреть на японца, какой он с виду.

- Во рву не одна сотня дохлых валяется, можешь и сейчас на них полюбоваться, - ответила Харитина. - Да и не место здесь малому дитю.

Подрастешь, тогда и сам пойдешь на войну, всего насмотришься.

Огорченный мальчик вместе с водовозом отправился в обратный путь. Как особую драгоценность, он нес японскую фляжку и перочинный ножик с несколькими лезвиями.

Ночь на форту прошла спокойно. Перед рассветом Звонарев отправился в обход постов. На гласисе японцы рыли новую траншею, а в десятке шагов от них русские из мешков с землей выкладывали бруствер. Изрядно морозило. Солдаты согревали дыханием руки и топали ногами.

Днем японцы произвели еще две вялых атаки на форт, которые легко

были отбиты. Так же безуспешны были их попытки овладеть фортом номер два и укреплением номер три. Понеся большие потери, осадная армия вернулась в исходное положение.

Прибывший на форт номер три новый комендант капитан Усенко, немолодой уже человек с длинейшими запорожскими усами, неторопливо обошел укрепления, познакомился с солдатами и решил с наступлением темноты произвести вылазку с целью узнать, что делается у японцев.

Приехавший позже капитан Степанов нашел, что достаточно послать в разведку двух-трех солдат, а не целый взвод, как предполагал Усенко.

- Поскольку прапорщик Звонарев лучше остальных офицеров знаком с расположением и обороной форта, то он и назначается мною временным комендантом его. Капитан же Усенко будет его непосредственным помощником и заместителем, - распорядился Степанов.

Капитан поморщился, но возражать не посмел. Сойманов дружески похлопал прапорщика по плечу.

- Ты делаешь карьеру не по дням, а по часам, дорогой Сережа. Этак к концу осады окажешься по меньшей мере комендантом крепости, если не заменишь самую Стесселя!

Вечером Звонарев вызнал охотников из числа стрелков и матросов, но желающих не оказалось. Тогда вышли вперед Блохин, Юркин.

- Мы охочи, вашбродь, с японцами потрать в кошки-мышки, - осклабился Блохин.

Прапорщик хотел было отговорить Харитину от намерения идти в разведку, но она решительно настаивала на своем.

Уже за полночь трое разведчиков вышли из своего рва и поползли в сторону японцев. Звонарей с десятком стрелков и матросов взобрался на наружный скит правого рва. Наблюдая за движением разведчиков, он ежеминутно готов был подать им помощь. Сначала все было тихо, раздавались только ружейные выстрелы. Затем у японцев таякнула собака, за ней другая.

- Почуяли, сволочи! - забеспокоились стрелки.

Но лай вскоре прекратился. Прошло несколько томительных минут. Вдруг справа раздался грохот взрыва, отдельные вскрики и вспыхнула сильная ружейная перестрелка.

"Влопались", - мелькнуло в голове Звонарева.

- Смотри теперь, ребята, в оба, где наши! - крикнул он солдатам.

Стрелки и без напоминания старательно вглядывались в окружающую темноту. На фоне мутного неба промелькнула тень, и тотчас же показался запыхавшийся Блохин.

- Харитину ранило, упала недалеко, подсобите ее вынести, - прохрипел он, едва переводя дух.

Разорванный рукав шинели Блохина постепенно темнел.

- Тебя что - ранило? - спросил Звонарев.

- Не извольте беспокоиться, вашбродь, зацепило малость. Харитину бы вот вытащить...

Пули свистели в воздухе, громко щелкая при ударе о мерзлую землю. Солдаты замялись.

- Переждать надо, вашбродь, пока японец малость поуспокоится, - заметил кто-то из них.

- Пойдем со мной, Блоха, - неожиданно предложил Звонарев и выскочил из-за укрытия.

Блохин мгновенно оказался рядом с ним.

Пробежав шагов двадцать, солдат приостановился.

- Где-то тут, в темноте не разберешь. Харитина, отзовись! - вполголоса позвал он.

Ружейная трескотня заглушила его голос. Прапорщик опустил на землю и стал ощупью шарить вокруг себя. Немного в стороне он вскоре наткнулся на что-то.

- Харитина, это вы? - тихо спросил он.

В ответ послышался слабый стон. Звонарев подхватил молодую женщину на руки и побежал по направлению рва. Но не успел он сделать и десяти шагов, как что-то сильно ударило его по ногам, и он упал, выронив свою ношу.

Харитина громко охнула и смолкла. Прапорщик попытался было встать, но с удивлением почувствовал, что ноги ею не слушаются. Тогда он ощупал их и тотчас же почувствовал на ладони горячую липкую жидкость.

"Ранен", - мелькнула мысль, и он сразу ослабел.

- Харитина! - чуть слышно позвал он, но не получил ответа.

Собрав последние силы, Звонарев пополз к форту. Вскоре он свалился в глубокую воронку от снаряда.

Варя кипятила инструменты в операционной, когда перед ней неожиданно вырос запыхавшийся Вася. Он был в шинели, фуражке и грязных сапогах.

- Как ты смеешь в таком виде входить сюда! - набросилась на него девушка.

- Тетя Варя, они пропали! - только мог ответить мальчик.

- Кто, где?

- Сергей Владимирович! Пошли ночью в разведку с тетей Харитиной. Тетю-то убило, а они пропали, не нашли их.

Варя выронила банку из рук и опустилась на табуретку.

- Когда это случилось? - глухо спросила она.

- Этой ночью. Я был в штабе, смотрю: лежит тетя Харитина, совсем мертвая, лицо в крови, а рядом солдаты о ней горюют. А я и спросил о Сергее Владимировиче. Они и говорят - пропал он безо всякой вести. Не то убит, не то японец к себе уволок.

Варя побежала к главному врачу госпиталя и попросила разрешения уйти с работы.

- Мы вас, мадемуазель, никогда не неволим - ведь вы работаете добровольно. Но что случилось, на вас лица нет!

- Погиб близкий мне человек...

- Неужели этот розовощекий, веселый прапорщик?! Как жаль беднягу, - начал было Протопопов... Варя разразилась громкими рыданиями и торопливо ушла.

- Пойдем сейчас же со мной в штаб, - позвала она Васю.

Через минуту они шлепали по мокрой дороге, направляясь к фортам.

- Господин капитан, скажите, ради бога, где Звонарев? - не здороваясь, обратилась Варя к Степанову, когда они добрались до штаба Восточного фронта.

- К величайшему сожалению, мадемуазель, ничего не могу вам ответить на этот вопрос. Известно только, что прапорщик был ночью ранен и остался между окопами. Утром его на поле не обнаружили. Вероятнее всего, он попал в плен к японцам.

- Я хочу лично отправиться на поиски Звонарева. В меня-то, женщину, представительницу Красного Креста, японцы стрелять не станут.

- Они не позволяют подбирать раненых и всегда обстреливают наших санитаров из ружей и пулеметов.

- Но ведь это варварство!

Степанов пожал плечами.

Варя позвонила по телефону Борейко.

- Наш Сереженька пропал без вести, - сообщила она.

- Только для вас или на самом деле? - попытался пошутить поручик.

- Он не вернулся из ночной разведки...

- Надо немедленно принять меры к его розыску, - забеспокоился Борейко. - Я сейчас пришлю к вам Родионова с несколькими солдатами. А где же Блохин, как это он не усмотрел за своим офицером? Кроме того, ведь там была и Харитина.

- Ее уже нет в живых. Спасая ее, Сережа и погиб.

Варя не могла спокойно сидеть на месте и в ожидании Родионова решила взобраться на Скалистый кряж, чтобы осмотреть окрестности форта в бинокль.

- Там далеко не безопасно, - предупредил ее Степанов.

Но девушка только досадливо махнула рукой. Вася не замедлил присоединиться к ней.

- Тетю Харитину уже схоронили в общей могиле с солдатами, - сообщил он и всхлипнул.

Варя ласково погладила его по голове и прижала к себе.

- Осиротели мы с тобой, мой мальчик, - проговорила она, утирая слезы. Со Скалистого кряжа форт номер три и его окрестности были видны как на ладони. Вся земля вокруг была изрыта тысячами больших и малых воронок. Между ними лежали трупы русских и японцев. Но как ни вглядывалась Варя, среди них не было ни одной светло-серой офицерской шинели. Девушка со вздохом опустила бинокль. Вася тоже тщетно искал Звонарева. Над их головами то и дело с визгом пролетали снаряды. Иногда поблизости вздымался черный столб дыма, но ни Варя, ни мальчик не обращали на это внимания.

Опечаленные, они вернулись обратно в штаб. Вскоре подошли утесовцы - Родионов, Кошелев, Белоногов, Жиганов, Смекалов, Братовский.

- Не кручиньтесь, барышня, - утешал Варю фейерверке? - Не может того быть, чтобы мы своего прапорщика не нашли. На дне морском и то сыщем. Только бы его японец к себе не уволок.

Вместе с артиллеристами Варя отправилась на форт номер три. Там их встретил уже предупрежденный штабом Сойманов и повел девушку в офицерское помещение Усенко, узнавший от лейтенанта, кто такая Варя, старался по мере возможности быть любезным и предупредительным.

- Где Блохин и Юркин? - прежде всего спросила девушка.

- Мы здесь, барышня! - Юркин и Блохин, уже успевший оправиться от легкой раны, остановились перед ней.

Варя заставила их рассказать об обстоятельствах исчезновения Звонарева.

- Что же предполагаете предпринять дальше? - спросила она у офицера.

- Как стемнеет, вышлем усиленную разведку и под ее прикрытием обыщем весь район, где нашли труп Харитины. Прапорщик должен быть поблизости от этого места.

Уговорились, что моряки со стрелками будут прикрывать утесовцев, которые взялись обыскать весь участок, где можно было предположить присутствие Звонарева.

Как Варю ни отговаривали, она все же поднялась на внутренний дворик форта и попыталась с бруствера осмотреть местность. Но японцы быстро

заметили ее и открыли огонь из ружей. Сойманов почти насильно увел девушку в казарму.

Родионов с утесовцами, собравшись в углу, обсуждали подробности предстоящей ночной разведки.

К вечеру на форт пришел Борейко.

- Отпросился у начальства в город на отдых, а сам решил поискать Сережу, - объявил он, здороваясь с Соймановым и Варей.

Затем поручик отправился осматривать форт.

- Здесь надо подправить бруствер, в передних углах двора установить противотанковые пушки для обстрела рвов, в тыловом рву разместить пулеметы и скорострельные орудия, - делал он указания стрелкам и матросам.

- Комендантом форта ведь состоит капитан Усенко, а не ты. Он будет на тебя в претензии за твое самоуправство, - предупредил поручика Сойманов.

- В таком случае можешь передать ему от меня, что он глупец. Коль своего ума не хватает, так попроси у других.

Ни стрелки, ни моряки не знали, кто такой этот большой и решительный поручик, зачем он явился на форт, но все стремительно бросились исполнять отданные им распоряжения.

- Откуда такой? - спросили они у артиллеристов.

- Прапорщик дружок, наш Ведмедь, - с гордостью ответил Блохин. - Самый башковитый офицер в Артуре и водку хлещет, как воду.

- Ишь ты! А как насчет солдатской морды?

- Не обижаемся. Без дела в рыло не дает.

Обойдя форт, Борейко в сопровождении Блохина и Родионова отправился на расположенную сзади Прожекторную горку и отсюда осмотрел то место, где предположительно мог находиться Звонарев.

- На поиски пошлем три группы. Одна пойдет прямо вперед, другая левее, а третья - вправо. За старшего поставим Блохина, Белоногова и Лебедкина. Ты, Софрон, останешься со мной, - распределил роли поручик, вернувшись на форт.

- Я тоже хочу отправиться на поиски, - заикнулась было Варя.
- Попробуйте только, запру в пороховом погребе, а затем прикажу совсем увести с форта, - пригрозил Борейко.
- Вы не имеете права... - начала было Варя.
- Я буду действовать без всяких прав, но мешать нам не позволю, - внушительно говорил поручик.

Варя хотела было ответить дерзостью, но Борейко уже повернулся к ней спиной и продолжал разговаривать с солдатами.

Вася, вертевшийся тут же, только таращил глаза от удивления. Никто еще так дерзко не обращался с его повелительницей, и она все это молчаливо сносила.

- Приготовьте лучше носилки и перевязочные средства для Сережи, - обернулся Борейко к обиженной девушке. - Они ему, наверно, пригодятся.

Около девяти часов вечера поручик разрешил начать поиски. Сам он расположился в правом рву. Тут же с носилками поместилась и Варя. Она то и дело поднималась вверх, стараясь что-нибудь увидеть в окружающей темноте.

Стояла безлунная, чуть морозная ночь. Временами налетал густой туман. У японцев было тихо. Только изредка тявкали их сторожевые собаки. Время тянулось томительно долго. Борейко начал сердито посапывать носом, Сойманов нервно курил папиросу за папирсой. Один Усенко, также пришедший в ров, лениво позевывал.

Наконец вернулась первая партия солдат.

- Своими руками обшарил все ямки и воронки, нигде прапорщика нет, - сокрушенно доложил Лебедин.
- Передохнете и пойдете еще раз, - распорядился поручик.

Вскоре также ни с чем вернулся Белоногов.

Вертевшийся около своей "тети" Вася, наскучив бездеятельностью, взобрался на наружную стенку рва. Перед ним в темноте чуть проступали кольца проволочного заграждения, за которыми тянулись японские траншеи. Мальчик с сильно бьющимся от волнения сердцем осторожно

пополз вперед. Он боялся японской пули и гнева своей свирепой повелительницы, по все же потихоньку двигался. Он легко прополз под проволокой, обогнул колья и камни и оказался за линией проволочных заграждений. Перед каждой ямой или воронкой мальчик задерживался, тихонько окликал Звонарева и шарил руками. Незаметно для себя он отполз настолько далеко, что бруствер форта стал чуть заметен в ночной темноте. Где-то вблизи тявкнули собаки в японских траншеях. Вспомнив о них, Вася испугался, решил поскорее возвращаться назад, но сбился с прежнего направления и пополз напрямик.

Неожиданно он оказался перед большой глубокой воронкой.

- Сергей Владимирович, - тихонько окликнул он больше для очистки совести.

- Я, - вдруг отозвался слабый голос. - Это кто, Блохин?

- Нет. Это я - Вася. Тетя Варя с Ведмедем вас ищут и никак не могут найти. Ползите за мной, тут недалеко.

Звонарев пошевелился и громко застонал.

- Не могу. У меня ранены обе ноги. Дай мне напиток...

- Воды нету. Подождите чуток, я мигом доползу до форта и приведу сюда солдат. Только вы о себе голосом подавайте сигнал, а то даже трудно. - И Вася исчез.

Теперь он уже передвигался быстрее, не обращая внимания на острые камни и колючую проволоку. Добравшись до рва, он чуть не кувырком скатился в него, прямо к ногам Вари.

- Да перестань ты шалить, негодный мальчишка! - рассердилась на него девушка.

- Я их нашел, тетя! Они тут недалеко, в воронке, живые, только без ног, то есть ходить не могут и пить просят, - без передышки выпалил мальчик.

- О господи, да говори толком! - встряхнула его за плечи Варя.

Тогда Вася уже подробно рассказал обо всем сначала девушке, а потом Борейко и остальным офицерам. Поручик отнесся с недоверием к его рассказу.

- Ты не брешь, хлопец? - сурово спросил он.
- Да нет же! Он никогда ничего не выдумывает! Надо скорей послать туда носилки, - вступилась за своего воспитанника Варя.
- Блохин, Белоногов, отправляйтесь с мальцом, - распорядился Борейко.
- Он уверяет, что нашел прапорщика.

Там, где легко и свободно пролезал Вася, взрослые солдаты застревали и, тихо ругаясь, должны были двигаться в обход. Еще труднее был обратный путь.

Звонарева пришлось нести на руках. При каждом движении он слабо стонал, особенно когда его переносили через проволоку. Шорох привлек внимание японцев, которые открыли ружейный огонь. Последние несколько шагов прапорщика пришлось просто волочить по земле. От боли и потери крови он потерял сознание и, неподвижный, как труп, наконец был доставлен в ров.

Забыв обо всех окружающих, Варя с плачем бросилась к нему.

- Угостите его лучше водочкой, чем слезами, - взял за плечи девушку Борейко.

Прапорщик скоро пришел в себя. Его перенесли в казарму. Здесь при свете лампы стало видно, как он осунулся и похудел за истекшие сутки. Глаза ввалились и лихорадочно горели. На щеках выросла темная щетина. Напоив и накормив Звонарева, Варя приступила к перевязке. Оба сапога были разрезаны и сняты. На обнаженных, страшно распухших ногах зияли кровоточащие раны. Левая нога была лишь слегка задета пулей. Зато в правой виднелась сквозная рана.

- Через месяц будешь танцевать, - подбадривал друга Борейко. - Не правда ли, господин фершал? - обернулся он к Варе.

Более опытная, чем поручик, девушка сразу же заметила красную полосу, идущую вверх под коленом. Она знала, что это грозный признак наступающей гангрены.

- Надо скорее отправить его в госпиталь, так как нужна срочная операция, - произнесла она.
- А Харитина где? - слабым голосом спросил Звонарев.

- В могиле, земля ей пухом. Славная была женщина, - вздохнул Борейко.
- Я ее нес, пока меня не ранило, а потом я потерял сознание, - оправдывался прапорщик.
- И закатился куда-то в сторону, где тебя никто и не думал искать, - пробурчал Борейко.

Когда перевязка была окончена, прапорщика положили на носилки. Утесовцы бережно подняли их, и весь кортеж под командой Борейко двинулся к штабу Горбатовского. Впереди бежал Вася, о котором совсем забыли за хлопотами.

Мальчик чувствовал себя героем. Сам дядя Блохин приласкал его и подарил ему настоящий японский шгык-тесак. Мальчик гордо привесил его себе к поясу, как саблю.

Варя шла рядом с носилками, ежеминутно наклоняясь к лицу Звонарева. Она была счастлива, и только опасность возможной ампутации правой ноги омрачала ее радужное настроение. Звонарев в те минуты, когда Варина рука касалась его губ, украдкой целовал ее. Девушка делала вид, что не замечает этого, и с удовольствием вновь и вновь подставляла свою руку к лицу прапорщика.

- Поблагодарите за меня Васю. Если бы не он, то я и сейчас валялся бы в грязной воронке, - тихонько проговорил Звонарев.

- Он у нас останется жить до тех пор, пока не вырастет, - решила Варя. - Вы, надеюсь, против этого возражать не будете?

- Конечно, вырастим мальчика, если только я переживу осаду.

Борейко решил проводить своего друга до госпиталя. Варя вместе с Васей пошли вперед, чтобы подготовить место для Звонарева. Борейко все время беспокоился и торопил солдат. Но около Мариинской больницы их неожиданно остановил Вася.

- Тетя Варя велела нести в больницу Красного Креста, а то у них в госпитале нет местов. - сообщил он.

Носилки внесли в вестибюль больницы и поставили на пол. Прапорщик был в полузабытьи и временами бредил.

- Ничего больше от меня не требуется? - обернулся Борейко к

подошедшей Варя. - Надеюсь, вы не будете экспериментировать над Сережей? - с недоверием справился он. - Лечите его обычным способом и не выдумывайте новых средств.

- Я думаю, что здоровье Сергея Владимировича и мне дорого, - обиделась Варя. - Я боюсь, как бы ему не пришлось отрезать ногу.

- Передайте тому хирургу, который это сделает, что я тогда отрежу ему не только ногу, но и голову. Им, врачам, только дай потачку - мигом всего исполосуют, - свирепо проговорил Борейко. - Слез зря не лейте, духом не падайте и докторам ходу не давайте. Завтра зайду. - И он исчез.

Через четверть часа Звонарев лежал на операционном столе. Варя внимательно следила за пульсом. Главный крепостной хирург, Борис Викторович Гюббенет, в белом клеенчатом переднике и белом колпаке, внимательно разглядывал распухшие, сизо-багровые голени Звонарева. Рядом с ним в таком же наряде стоял молодой врач Сергей Романович Миротворцев. Врачи перебрасывались короткими латинскими фразами. Варя с трепетом прислушивалась к ним, силясь понять их смысл.

- Ампутация правой ноги ниже колена неизбежна. С левой можно повременить еще денек, - решил наконец Гюббенет.

- Доктор, миленький, не делайте его калекой! - взмолилась Варя.

- Вы же сестра и поэтому должны понимать, что правая нога уже поражена гангреной. Сегодня мы отнимем только до колена, завтра выше колена, а через день по самое бедро.

- Я умоляю вас, подождите еще хоть день! Если рану хорошенько очистить, быть может, удастся сохранить в целости ногу.

- Я решительно отказываюсь. Быть может, вы согласитесь на это? - проговорил Гюббенет, обращаясь к Миротворцеву.

Миротворцев внимательно осмотрел Звонарева с головы до ног, выслушал сердце, легкие и задумчиво проговорил:

- Общий хабитус прекрасный. Сердце здоровое, упитанность вполне удовлетворительная, никаких даже отдаленных признаков цинги не имеется. Да я его и раньше встречал, юноша - кровь с молоком. Куда ни шло, попробую подождать с ампутацией день-другой. Авось молодой

организм справится!..

- Как хотите, как хотите, но я снимаю с себя всякую ответственность, - отозвался Гюббенет.

Врачи начали готовиться к операции.

- Наркоз, - скомандовал Миротворцев.

Операционная сестра - Верочка Гаршина - наложила маску на лицо прапорщика и стала капать хлороформ.

- Ручаетесь, что не закатите истерики, когда начнем резать вашего жениха?

- в упор спросил Миротворцев.

- Ручаюсь, - без колебаний ответила Варя.

Операция продолжалась более двух часов. Раны были глубоко вскрыты, очищены от гноя и инородных тел. Затем на них наложили швы, затампонировали и забинтовали. Пот катился с лица Миротворцева, когда он отошел от операционного стола. Гюббенет все время давал ему короткие советы и помогал при операции.

- Мы сделали все возможное, даже невозможное, чтобы избежать ампутации.

Теперь все зависит от стойкости его организма, - заверил Гюббенет девушку.

Звонарева поместили в палате в верхнем этаже главного здания больницы Красного Креста. Соседи оказались также артиллеристами-офицерами. Капитан Вахнеев был ранен еще в августе и давно уже поправился, но продолжал отлынивать, лежа в госпитале. Поручик Соломонов два дня тому назад был ранен на том же третьем форту, где и Звонарев. Третьим оказался старый знакомый Звонарева по Цзинджоускому бою, подпоручик Садыков. Его тяжелая рана в голову заживала с большим трудом. К тому же пристрастие к наркотикам, и в частности к опиуму, сильно мешало процессу заживления.

Появление Звонарева в сопровождении Вари внесло свежую струю в однообразную жизнь палаты.

- Нашего полку прибыло, - весело объявил Вахнеев. - Вы, Варя, не

горюйте, тут врачи чудеса творят. Недавно капитану Ружицкому отрезали голову, а потом по ошибке пришили чужую, какого-то солдата.

- И представьте, он сразу поумнел, - добавил Соломонов со своей постели.

- Поэтому мы вносим предложение заменить головы и некоторым нашим генералам вроде Стесселя. Авось они станут похрабрее и посмекалистее, - закончил Садыков.

- Последнего, к сожалению, нельзя сказать о тебе, мой друг, - поддел его Садыков.

Звонарева с большим трудом разбудили от наркотического сна.

- Теперь ему нельзя давать спать, - объявила Варя.

- Не беспокойтесь, у нас покойник проснется, не то что ваш больной, - уверял Вахнеев.

Потянулись длинные, тяжелые дни. Звонарев находился между жизнью и смертью. Температура все время лихорадочно прыгала. Миротворцев заходил по несколько раз в день, щупал пульс, осматривал ноги, качал головой и уходил.

Когда жар спадал и воскресала надежда на выздоровление, Варя, осунувшаяся и побледневшая за это время, оживала и начинала усиленно кормить больного бульоном. Затем она радостно бегала по больнице, сообщая всем об улучшении состояния прапорщика. Но как только температура опять взлетала до сорока одного и выше, она сразу каменела, неподвижно сидя у постели больного, и внимательно следила за его пульсом.

Веселые соседи по палате тоже делались серьезнее, исчезали громкие разговоры и смех, в палате воцарялась гнетущая тишина.

- Все же придется ампутировать ногу, - грустно проговорил Миротворцев на третий день.

- Ох! - схватилась рукой за сердце Варя.

- Больше нельзя ждать ни одного часа, - добавил доктор.

Опять полуобнаженное, искалеченное тело Звонарева распласталось на белоснежном операционном столе, около которого поместились Гюббенет

и Миротворцев. Тут же находилась Варя.

- Прошло три дня, но гангрена мало продвинулась вперед. Это говорит, что организм стойко борется с ней. Быть может, дальше дело пойдет на поправку, - говорил Миротворцев.

- Едва ли это так. Давайте все-таки поищем гнойник, - нехотя согласился Гюббенет.

Варя с трепетом следила за тем, как блестящая сталь с легким треском разрезала кожный покров и погружалась в тело. Кровь брызгала в разные стороны и тонкими темными ручейками сбегала вниз. Ассистирующая сестра поспешила наложить зажимы на кровеносные сосуды. Миротворцев быстрыми и точными движениями сделал два глубоких разреза. Затем раздвинул края раны и ощупал что-то внутри нее.

- Мое предположение верно. По-видимому, гнойник находится здесь.

Приготовьте тазик, сестра, - распорядился он.

Еще движение скальпелем - и из раны хлынул желто-золотый гной.

- Абсцесс вскрыт. Теперь его надо только как следует вычистить, - бросил Гюббенет.

- Пульс слабеет, - тревожно сообщила Вера Гаршнна, дававшая Звонареву наркоз.

Миротворцев схватил руку больного.

- Два шприца камфары, да поскорее!

Недавно еще красное от жара лицо Звонарева быстро бледнело, принимая желтовато-восковой оттенок, глаза рстекленились, нос заострился и все тело покрылось крупными каплями пота.

Не помня себя от ужаса, Варя быстро всадила в руку Звонарева иголку. Чуть заметно пульс стал выравниваться, шок благополучно миновал.

- Вы оказались правы - вскрытый гнойник давал температуру, - заметил Гюббенет. - Посмотрите, как сразу ожило лицо больного.

Через несколько минут очистка гнойника была окончена, в рану ввели дренаж.

Прошло еще два дня, температура почти не поднималась. Прапорщик

спал круглые сутки, просыпаясь лишь для принятия пищи. Лицо его за эти дни несколько порозовело.

- Счастлив ваш бог, сестрица, будет жить ваш жених, и ноги его останутся при нем, - улыбался Миротворцев, глядя на выздоравливающего.

Варя неожиданно громко разрыдалась, закрыв лицо руками.

- Что вы, сестрица, ведь все окончилось благополучно. Пойдемте, я вам сейчас дам валерьянки. - И доктор увел плачущую девушку.

- Если бы ни знали, Сергей Романович, что я пережила за эти дни, - сквозь слезы говорила Варя. - Думаю, умрет он, а виновата буду я, потому что не дала своевременно отрезать ногу.

- Остался он жив и с ногами! Я еще на вашей свадьбе попляшу, - успокаивал ее Миротворцев.

- Вы... вы не Миротворцев, а Чудотворцев. - Варя быстро схватила руку врача и несколько раз крепко поцеловала ее.

- Что вы, сестра! - поспешил отдернуть свою руку доктор.

- Здорово, Сережа! Ты выглядишь совсем героем, - ввалился в палату Борейко.

Белый халат чуть прикрывал его могучие плечи. В руках поблескивали две бутылки с вином.

- Решил выпить за твое и амазонкино здоровье, если, конечно, не запротестует медицина.

- Господин офицер, носить больным спиртные напитки не разрешается, - влетела следом за поручиком старшая сестра Красного Креста Доможирова.

- Я несу его здоровым, вроде капитана Вахнеева и этого лодыря Садыкова.

- А про меня забыл? - сказал Соломонов.

- Хотя ты и притворяешься больным, но вдвое здоровее меня. Не хотите ли марсалы, сестрица? Сладкая, специально для дам покупал.

- Ой, что вы! Да я вина в рот не беру.

- Поэтому-то вы такая худая и сердитая. Принеситека нам бокальчики.

Первый бокал выпьем за... вашего будущего муженька.

- Откуда вы знаете, что я не замужем?

- Иначе вы не были бы такой злой. Посмотрите на Варю Белую. Черт в юбке, а не женщина, а женится, то бишь выйдет замуж за Сережу, - сразу станет земным воплощением ангела, - балагурил поручик.

Доможирова махнула рукой и вышла. Вахнеев прикрыл за ней дверь.

- Умеешь же ты, Боря, с людьми обращаться. Даже эту старую ведьму обошел.

Она тут всех молодых сестер прямо со свету сживает, не разрешает им сказать с нами ни одного слова.

- Зато к молодым людям, вроде нашего Садыкова или Звонарева, она очень даже благоволит, - заметил Соломонов.

- А ты бы, Василий Николаевич, поухаживал за ней! Может быть, она и к тебе станет благосклоннее, - повернулся Борейко к Вахнееву.

- Да ну ее к черту!

Вошла Варя, неся в руках несколько стаканов.

- Здравствуйте, чертушка! - приветствовала она Борейко. - Я так и думала, что вы пожаловали к нам, когда Доможирова дала мне эти стаканы. Пришел, говорит, веселый офицер с бутылками.

- Решил всприснуть выздоровление Сережи и устроить в некотором роде мальчишник.

- До выздоровления ему очень далеко. Пусть сначала встанет с постели.

- Тогда мы подыдем бокал за ваше будущее счастье, - предложил Вахнеев.

- Воспрепятствовать этому я не могу, - не очень любезно отозвалась девушка, но все же пригубила бокал. - Остальное допьете вы, - протянула она вино Звонареву, - но больше ни одной капли я вам не дам. Бутылку водки по-братски разделили Борейко с Соломоновым. Марсала же досталась на долю Вахнеева и Садыкова.

- Вечером угощу сестрицу, да и эту старую каргу Доможирову, чтобы она нам не мешала, - заявил Вахров.

Неожиданно появился Миротворцев. Потянув воздух носом, он сразу же

обернулся к Борейко.

- До адмиральского часа, господин поручик, еще далеко.

- Тороплюсь на Высокую гору, мимоходом зашел повидать Сережу и поздравить его с выздоровлением.

- Надеюсь, вы успели уже удовлетворив свое желание?

Поручику оставалось только откланяться.

Звонарев задремал. Война, позиции - все это отошло на задний план.

Правда, иногда поблизости с грохотом рвались тяжелые снаряды, звенели разбитые стекла, торопливо прибегали на шум санитары, но после пребывания на атакованных фортах все это производило на прапорщика мало впечатления.

Было уже темно, когда Звонарев чуть приоткрыл глаза. В палате стояли сумерки, ламп еще не зажигали. Над ним склонилось женское лицо.

"Варя не утерпела-таки и опять вернулась", - подумал прапорщик.

- Вы проснулись, Сережа? - неожиданно услышал он голос Акинфиевой. - Варя пошла отдыхать, а я побуду около вас до утра.

- Надюша, как вы узнали, что я здесь? - удивился Звонарев

- Мне все рассказал Павлик Сойманов. Его с ротой "баянцев" поставили в резерв в Новом городе. Он зашел к нам и рассказал про вас. Я, конечно, бросилась сюда. По дороге увидела Варю и решила даже остановить генеральский экипаж. Мы с ней уговорились, что я подежурю около вас. Взяв руку Акинфиевой, Звонарев несколько раз приложил ее к своим губам.

- Поменьше пыла, милый Сережа, - прошептала Надя, отнимая свою руку. Она зажгла свет и начала рассказывать о муже, о последних новостях.

- Эскадра Рождественского уже прошла Испанию и теперь идет где-то около Африки. Японцы очень ее боятся и поэтому торопятся взять Артур или хотя бы потопить нашу эскадру. Они все время бомбардируют гавань и штурмуют Высокую гору, откуда хорошо виден внутренний бассейн.

Долго не спалось Звонареву в этот вечер.

Затянувшаяся осада Порт-Артура и приближение эскадры Рождественского вызывали большое беспокойство в Японии и в главной квартире

японской армии.

Решено было во чтобы то ни стало покончить с Артуром в ближайшее время.

Полная неудача атак на форты номер два, три и укрепление номер три заставили командующую японской армией генерала Ноги перенести удар на соседний участок - на Курганную батарею, расположенную в тычу укрепления номер три. Она была вооружена шестнадцатью орудиями различных калибров и оборонялась, помимо артиллеристов, четырьмя ротами пехоты и ротой моряков. Это был сильный узел обороны, хотя и принадлежал к числу временных укреплений полевого типа.

Овладение этим пунктом обороны выводило японцев в тыл основной линии обороны и давало возможность проникнуть в глубину крепости.

Придавая особенно важное значение этой операции, генерал Ноги сформировал особый отряд из охотников добровольцев под командой вызвавшегося руководить штурмующими колоннами генерал-майора Накамура. Генерал отобрал всего около трех тысяч человек, специально их подготовил к действиям в условиях, похожих на ю, с которыми им придется встретиться при штурме батареи.

Вечером в день штурма он собрал свой отряд и перед ним произнес торжественную клятву - во что бы то ни стало взять укрепление и прорваться в глубину крепости или умереть. Его солдаты повторили клятву. Чтобы отличать друг друга в темноте, все участники предстоящего штурма поверх шинелей надели крест-накрест белые повязки на грудь.

Еще днем была начата артиллерийская подготовка штурма. Сотни снарядов различных калибров обрушились на Курганную. Бомбардировка продолжалась в течение двух с половиной часов. Все укрытия и блиндажи на батарее были уничтожены, половина орудий подбита, потери гарнизона огромны. Уже затемно бомбардировка прекратилась, и гарнизон начал поспешно приводить батарею в порядок. Подошедшие на смену моряки, подвели ток высокого напряжения в проволочные заграждения. Вскоре утомленные боем люди уснули. На батарее остались бодрствовать лишь дежурные. Тем временем японцы, пользуясь ночным

туманом, незаметно подползли к батарее.

Незадолго перед этим на Курганную подошли артиллеристы с Залитерной батареи. Ими командовал Родионов. В их числе был и Блохин.

Утесовцы никогда раньше не бывали на Курганной, совершенно не были знакомы с местностью; расположением орудий, пороховых погребов, проволочных заграждений. Родионов отправился разыскивать командира батареи. За отсутствием офицеров Курганной командовал стрелковый унтер-офицер. Он очень обрадовался появлению утесовцев.

- Какая ни на есть, все же подмога, - проговорил он. - Ты командуй артиллерией, а я буду держать оборону.

На этом и порешили. Находящийся тут же Блохин предложил разведать, что делается перед батареей.

- Секретов у вас впереди нет, а без них мы как без глаз. Сам полезу и возьму с собой Юркина. Ежели что замечу, мигом сообщу через него. - И солдат скрылся в темноту.

Было по-прежнему темно, тихо, и ничто не предвещало приближения штурма.

Японцы решили полностью использовать элемент внезапности и без единого звука ползли к батарее. Блохин благополучно миновал проволочные заграждения и расположился невдалеке от них. Как ни старался он что-либо заметить в тумане ночи, но ничего видно не было. Только раз или два привлекли его внимание скатывающиеся где-то внизу камешки. Он и Юркип насторожились.

- Ты телефонист, привык слухать всякий звук, - обернулся к Юркину Блохин.

- Слышишь?

- Кто-то шастает неподалеку, - проговорил Юркип. - Должно, японец тоже лазит. Хочет узнать, много ли szkody днем наделал.

- Револьверт с тобою? - справился Блохин.

- Со мною, и нож за голенищем.

- Ежели японец близко подползет, бросимся на него вдвоем, чтобы пикнуть не смог, - распорядился Блохин.

Справа загорелся прожектор, и его луч бледной лентой пополз по серым сопкам, но по-прежнему ничего не было видно. Вдруг шагах в ста-ста пятидесяти Блохин отчетливо увидел ползущих японцев. Он заметил не самих солдат, а белые повязки на шинелях. В первое мгновение он не понял, что это такое. Дальнозоркий Юрки в ужасе вскрикнул:

- Японцев тьма-тьмушая и с белыми крестами.

Мгновенно оценив обстановку, Блохин вскочил с ног и с криком: "Японцы! - кинулся на батарею. Боясь в темноте налететь на проволочные заграждения, прикосновение к которым грозило смертью, солдаты побежали в обход. Это несколько задержало их, и они попали на батарею одновременно с головной партией японцев. Но дремавший около орудия Кошелев все же услышал крик Блохина и успел дернуть за вытяжной шнур. Пушка, заряженная картечью, выстрелила. Это послужило сигналом тревоги не только для Курганной батареи, но и для соседних. Лучи крепостных прожекторов сосредоточились на штурмующих колоннах, на них обрушился сосредоточенный огонь нескольких крепостных батарей, нанося японцам огромные потери. Однако они двигались вперед, не обращая внимания на убыль людей. Курганная была захвачена ими с ходу. Лишь немногие защитники успели отойти в тыл. Родионов отправил Блохина к резервной роте моряков, мимо которой проходили утесовцы, направляясь на Курганную. Солдат опрометью бросился в тыл и вскоре наткнулся на матросов, бегущих к Курганной. Их вел Акинфиев.

- Куда бежишь, трусливая сволочь? - набросился он на Блохина. - Пристрелю мерзавца на месте.

- Я, вашбродь, с Утеса, побег за подмогой. Курганную японцы забирают, - запыхавшись, ответил солдат.

- Никак, Блохин? - узнал его лейтенант. - Поручик где?

- Остались на Залитерной. Родионов у нас за командира.

Акинфиев знал почти всех утесовцев - не поверить Блохину было невозможно.

- Веди нас так, чтобы мы вышли во фланг или тыл японцам, - приказал

лейтенант.

Блохин повел моряков в обход Курганной. Матросы вышли в тыл японцам и, атакуя подходящие к ним резервы, смяли и отбросили их. Бой в тылу вызвал панику среди японцев, уже было захвативших Курганную. Они поняли, что обойдены и, быть может, отрезаны от своих. Никакими криками, побоями не могли японские офицеры сдержать обезумевших от страха солдат, которые лавиной ринулись назад. Им удалось отбросить матросов Акинфиева и прорваться к себе. Но здесь их ожидал сам генерал Накамура. С бранью и криком набросился он на отступающих. Офицеры пристреливали на месте бегущих в панике солдат. Эти чрезвычайные меры помогли Накамуре кое-как перегруппировать потрепанные силы и снова бросить своих солдат в атаку.

Японцы добрались до проволочного заграждения Курганной батареи и попытались штурмовать ее в лоб. Но едва они касались проволоки, как падали, сраженные электрическим током. Сам Накамура находился вблизи от ба гарей и подбадривал солдат. Взбешенный неудачей, генерал пригрозил, что, если высота не будет взята, он бросится на свой меч, дабы смыть позор постигшего его поражения.

Но все было безуспешно.

Увлеченный атаками, Накамура оставил без внимания свои фланги и тыл. Тем временем, незаметно подкравшись, три роты моряков неожиданно ударили в тыл наступающим и вышли к самому штабу генерала, едва не захватив его в плен. В полном беспорядке японцы неудержимо бросились назад. Махнув на все рукою и забыв о своих самурайских клятвах, Накамура последовал за солдатами. Только темнота спасла жалкие остатки незадачливых вояк. В бегстве Накамуру едва не заколол один из матросов с "Баяна", распоров ему штыком штаны и поранив при этом ягодицу. Так, полностью разбитый, придерживая рукою рану, предстал он перед гневные очи командующего особой армией генерала Ноги, который тут же сместил его с командования.

Наутро на батарее и около нее были подобраны трупы сорока офицеров и около тысячи солдат, полтораста японцев сгорели на электрической

изгороди.

Большие потери были и у русских, особенно много погибло моряков. Утесовцы, все время находившиеся на батарее около орудий, отделались лишь легкими ранами.

Едва забрезжил рассвет, как на Курганную пришел Борейко. Он подробно расспросил своих солдат о всех перипетиях боя.

- Не посрамили, значит, Утеса? - спросил он.

- Никак нет, все в аккурате! Не подкачали мы, хотя без вас и страшновато было. - ответил Блохин.

Поблагодарив солдат за службу, поручик увел их на Залитерную.

Неудача боя на Курганной батарее заставила командующего армией генерала Ноги перенести свой удар на другой участок обороны. Он решил атаковать Высокую гору. В этом районе японцы далеко еще не дошли до линии крепостных фортов и находились лишь на подступах к ним. Высокая господствовала над всем западным районом крепости. С нее отлично был виден Новый город, вся стоявшая в гавани эскадра и тыл Восичного фронта. Захватив ее, японцы получали прекрасный наблюдательный пункт для стрельбы по судам аргурской эскадры и весьма затруднили бы сообщения между Восточным и Западным фронтами крепости. Положение Артура сразу становилось тяжелым, а эскадра обрекалась на неизбежную гибель. Обе враждующие стороны вполне понимали значение Высокой, что и определило ожесточенный характер борьбы за нее.

Первые штурмы были сравнительно легко отбиты русскими. Тогда на двугорбой вершине Высокой японцы сосредоточили огонь всех осадных батарей. Легкие полевого типа окопы и блиндажи, лишь слегка усиленные перекрытием из рельсов и бревен, быстро сметались одиннадцатидюймовыми снарядами. Люди гибли под шрапнельным огнем. Три дня шла ожесточенная борьба, когда наконец японцы решились броситься на штурм.

Борейко подошел к штабу полковника Ирмана, руководившего обороной Высокой, как раз в тот момент, когда японцы снова пошли в атаку.

Дымившаяся от непрерывных разрывов вершина горы на несколько мгновений открылась.

Стали ясно видны кучи камня, мусора, щепы, десятки трупов, между которыми мелькали фигуры еще уцелевших стрелков.

- Банзай! - донеслось оттуда, и почти в тот же момент в левой части горы взвился белый флажок с красным кругом восходящего солнца.

Ирман, окруженный своим штабом, стоял неподалеку, наблюдая в бинокль за происходящим на горе. Тут же расположилась рота моряков с "Баяна" под командованием Сойманова. Матросы нетерпеливо переминались с ноги на ногу, ожидая приказа двинуться на гору. По склону ее уже подымалось несколько стрелковых цепей, охватывая с фланга атакованный участок.

- Как вы думаете, Николай Александрович, побьет наш отряд японцев или нет? - спросил Ирман командира Пятого Восточносибирского стрелкового полка полковника Третьякова, который руководил обороной участка горы Высокой.

- Я очень надеюсь на капитана Ливотова. Он сумеет довести людей до штыкового удара, - ответил Третьяков. - Японцы, как известно, этого не любят, но все же надо подготовиться и морякам. Лейтенант, ваши люди собраны?

- обернулся он к Сойманову.

- Так точно. Прикажете идти в атаку? - вытянулся моряк.

- Подождите еще минут десять.

- Есть.

- А вы зачем пожаловали? - обратился Третьяков к подошедшему Борейко.

- По приказанию генерала Белого прибыл в ваше распоряжение.

- Но артиллерии на Высокой нет, и вы нам не нужны.

- Разрешите тогда мне идти вместе с моряками.

Слышавшие этот разговор матросы с удивлением поглядывали на огромного артиллериста, который добровольно собирался вместе с ними идти на штурм.

- Вы не возражаете, лейтенант? - спросил Ирман у Сойманова.

- Наоборот, буду очень рад. Что, Боря, кулаки у тебя чешутся, что ты так рвешься в бой?

- Надо кровушку по жилочкам разогнать, а то больно засиделся на батарее.

Эй, ребята, подайте-ка мне винтовку со штыком.

Поручику принесли винтовку. Он ее несколько раз подбросил в воздух.

- Легковата для меня.

- Да поувесистей, к сожалению, нет.

- Пошли, что ли, Павлуша, - обернулся Борейко к Сойманову.

Лейтенант поглядел на черные ряды выстроившихся в две шеренги моряков.

- Налево, шагом марш! - скомандовал Сойманов.

И отряд двинулся.

Дорога на гору была изрыта воронками и усыпана осколками снарядов. В воздухе непрерывно свистели пули, шрапнели с визгом рвались над головой, осыпая землю свинцовым градом.

- Честь имею явиться, - выросла фигура Блохина с японской винтовкой перед Борейко

- Ты откуда взялся?

- За вами следом, вашбродь, притопал. Отпросился с батареи.

Заряжая на ходу ружья, моряки перестроились в цепь, стараясь возможно скорее миновать открытое пространство и спрятаться за складки местности.

Справа мелькнула мортирная батарея. Было видно, как в момент выстрела из дула вылетела бомба, окутанная столбом белого дыма, и исчезла в небе.

Сойманов и Борейко шли впереди матросов. Сзади неторопливо шагал младший офицер роты мичман Соколов. Он показывал матросам, где можно лучше укрыться, и подбадривал их различными нитками. Борейко, опираясь на винтовку, как на пачку, медленно пересыпал с ноги на ногу, то и дело подшучивая над кланявшимся пулям Соймановым.

- Что, Павлик, больно много у тебя знакомых здесь оказалось? - улыбнулся он.

- Тебе-то хорошо говорить, а я уже два раза ранен.

Что-то не хочется умирать.

- От судьбы не уйдешь.

Наконец моряки подошли к полуразрушенному ходу сообщения и втянулись в него. Сойманов на минуту задержался, высунувшись из-за бруствера, осмотрел впереди лежащую местность. Сквозь дым и пыль он разглядел остатки блиндажа левого редута горы. Передние цепи таяли одна за другой, устилая склоны трупами. Только несколько стрелков добрались до вершины и теперь беспомощно отстреливались из-за обрушенного блиндажа. Никого больше не было видно.

- За мной, вперед! - скомандовал лейтенант и, вскочив на брустер, напрямик побежал к левому редуту, размахивая обнаженным палахом.

Матросы начали выбираться из хода сообщения. Некоторые тут же упали, сраженные пулями. Выбежавший вперед Соколов был уже около вершины, когда над ним разорвалась шрапнель. Пробежав еще несколько шагов, он медленно опустился на землю. Сойманов бросился к нему, перевернул мичмана на спину и близко увидел уже остекленевшие глаза и мертвый оскал окровавленного рта.

- К брустеру! - вскочив на ноги, скомандовал лейтенант.

Матросы поспешили расположиться за еще уцелевшими мешками с землей.

Воздух был наполнен пылью, запахом теплой крови и пороха.

- Рота, залпом! - стараясь перекрыть ружейную трескотню, командовал Сойманов.

- Пли! - оглушительно рявкнул за него Борейко. - Залпом, залпом! - повторил он еще несколько раз.

Японцы, засевшие в нескольких шагах от редута, также довели ружейную и пулеметную стрельбу до предела. Белые их флаги все еще торчали на брустере между сражающимися сторонами, пронизываемые сразу множеством пуль. Один за другим раненые и убитые матросы

сползали вниз с бруствера. За щитом разбитой сорокасемимиллиметровой пушки примостились два матроса и посылали пулю за пулей в японские цепи. Из полуразрушенного блиндажа появился с перевязанной головой стрелковый поручик в серой разорванной шинели и представился: - Комендант горы, поручик Любимов. Только что пришел в себя после ранения, в ушах и сейчас стоит звон. Надо перейти в контратаку и окончательно выбить японцев с горы. Дайте мне человек двадцать матросов.

Сойманов отдал необходимые распоряжения. Матросы сгруппировались около Любимова, который объяснял им задачу.

- Пока не добежим до японцев, не стрелять, а там сразу бей штыком и прикладом. Далеко вниз не преследуй, иначе трудно будет вернуться, а теперь - вперед! - И поручик скрылся за углом редута.

Поддерживая атаку, матросы сверху давали залп за залпом.

- Стой! Японцы бегут. Ура! - закричал Сойманов.

Маленькие фигурки японцев быстро скатывались по крутым склонам горы, прячась в складках местности. Черные матросские бушлаты стремительно летели за ними. Любимов, стоя во весь рост на небольшом бугре, громко свисте - собирая моряков к себе.

Лейтенант подбежал к нему, и в этот момент его словно чем-то ударили по голове. В ушах зашумело. Теплая струйка крови побежала по лицу.

- Перевяжитесь, - бросил ему в руки свой платок Любимов. - Рана поверхностная, царапина.

Матрос-фельдшер отвел офицера обратно в редут и тут наскоро перевязал его.

Затихшая было артиллерийская стрельба разгорелась снова. С громким шипением пролетали тяжелые одиннадцатидюймовые бомбы, и черные столбы то и дело взлетали вокруг вершины Высокой. Вскоре принесли убитого наповал Любимова.

- Вашбродь, мы из-под обломков откопали пушку, - доложил Бореико появившийся откуда-то Блохин. - Пошукаем еще снарядов и тогда угостим японца.

Заметив, что "баянцам" одним не справиться и не удержаться на горе, Борейко поспешил вниз за помощью.

Сойманов подошел к тому месту, где была обнаружена скорострельная пушка.

Несколько матросов с удивительным проворством разгребали руками землю и изпод нее вытаскивали небольшие патроны, аккуратно складывая их около орудия. Скоро набралось около полусотни. Блохин, смахнув землю с прицельных приспособлений, принаравливался вместе с другими матросами наводить орудие.

- Чуть влево. Так, хорошо. Заряжай, - распорядился он.

Звякнул закрываемый замок.

- Готово, - доложил Блохин.

- Пли!

Пушка грохнула и, резко откатившись, осталась в заднем положении.

- Испорчен накатник, - сообразил лейтенант.

Матросы вручную докатили пушку в нужное положение, и опять грянул выстрел.

- Слева японец лезет, - подбежал унтер-офицер. - Как бы он к нам в тыл не зашел.

Сойманов побежал за ним, уже не обращая внимания на пули и снаряды.

- Не споткнитесь, ваше благородие. Тут мертвяки лежат, - поддержал офицера стрелок.

- Пусть повернут сюда пушку, - распорядился Сойманов, увидя японские цепи.

В это время невдалеке разорвался снаряд, и взрыв сбил его с ног.

- Пропало наше орудие. Аккурат вклепил в него японец. Двух повалило, а остальные разбежались, - доложил Блохин.

Не успел Сойманов отряхнуться от земли, как раздался новый взрыв. Сквозь дым, грохот, удушливый запах шимозы слышались душераздирающие крики изпод обрушивающегося блиндажа:

- Помо-ги-те!

Сойманов попытался отдать распоряжение, но новый снаряд попал в то

же место. Крики прекратились. Из-под земли доносились только глухие стоны, но скоро и они смолкли.

- Помяни, господи, в царствии твоём новопреставленных рабов, - набожно перекрестились стрелки.

- Японцы идут, видимо-невидимо, - доложил матрос.

Сойманов шагнул к брустверу. Молодой, безусый японец торопливо водружал желтое знамя с красным кругом. Уже на самом гребне раздавались победные крики "банзай". Немногие уцелевшие стрелки и матросы, крепко зажав в руках винтовки, принимали на штыки прыгающих сверху японцев. На редуте завязалась рукопашная схватка. И вдруг сзади грянуло могучее "ура". Снизу бежала десантная рота с "Севастополя". Впереди возвышалась могучая фигура Борейко.

Грозной лавиной они ворвались на редут, смяли и опрокинули врага, сорвали флаги и, преследуя японцев, кинулись вниз по горе.

Двадцатая за день атака была отбита.

- Крепко подрались, - проговорил Борейко, оглядываясь вокруг.

Поручик осмотрел свою порванную в нескольких местах шинель, винтовку, забрызганную кровью.

- Ты цел? - спросил он у Сойманова, сидевшего невдалеке на развалинах командирского блиндажа.

- Оглушило при взрыве бомбочки. В левом ухе звенит и по сейчас. Ты, Боря, очень хорошо сделал, что придел к нам подмогу, иначе нам бы несдобровать.

Кто командовал "севастопольцами"?

- Андрюша Акинфиев. А вот и он.

Акинфиев, все еще разгоряченный, подошел к друзьям.

- Никак не предполагал, что мне придется покинуть тихое житие на Ляотешане и идти спасать Высокую. Офицеры внимательно осмотрели друг друга.

- Три мушкетера, - усмехнулся Сойманов. - Вот уже скоро год, как мы сражаемся бок о бок на суше и на море.

- Нет уже Жоржа Дукельского, надолго выбыл из строя Сережа Звонарев.

Теперь очередь кого-нибудь из нас... - проговорил Акинфиев.

- Не каркай, Андрюша, - добродушно отозвался Борейко. - Что будет - посмотрим, а теперь выпить бы чего-нибудь, а то совсем пересохло горло. Эй, Блохин! Где ты, черт рябой?

- Я здесь, вашбродь! - бодро отозвался солдат.

На лице его светилась блаженная улыбка. В каждой руке поблескивали небольшие бутылки с коньяком. Было видно, что он уже успел глотнуть.

- Не желаете ли попробовать, вашбродь? - предложил Блохин, протягивая поручику бутылку. - Трофейная!..

Борейко вмиг отправил себе в рот добрую половину содержимого бутылки.

Крякнув от удовольствия, он предложил остатки коньяка морякам. Закусили японскими галетами.

- Заправились, теперь можно и дальше воевать. Поскольку я старший в чине, значит, я и являюсь комендантом горы, - объявил Борейко. - Ты, Павлик, будешь оборонять левую вершину, а ты, Андрюша, - правую. Я останусь посредине в седловинке.

Моряки откозыряли и направились по своим местам.

Поручик в сопровождении Блохина направился в небольшую ложбинку между двумя вершинами Высокой. В этом районе не было даже простых окопов и шел только сильно разрушенный ход сообщения, соединяющий обе вершины горы.

Борейко осмотрелся. Внизу виднелся японский окоп, опоясывающий гору полукругом. От него в тыл тянулись ходы сообщения.

- Как ты думаешь, Филя, возьмут Высокую или нет?

- Смотря кто ее будет защищать. Ежели мы с вами, то вовек японцам ее не видать, - усмехнулся Блохин.

Заметив на вершине Высокой фигуру Борейко, японцы открыли ружейный и пулеметный огонь.

Вскоре Борейко и Блохин дошли до разбитой батареи.

Установленные на горе орудия еще в сентябре были приведены в негодность осадной артиллерией, "о изуродованные до неузнаваемости

пушки оставались на прежних местах. Недавно в этом районе происходила рукопашная схватка, и около орудий оставалось лежать большое количество трупов, застывших в том положении, в котором их застала смерть. Один японец стоял на колене, опираясь правой рукой на ружье, голова свесилась вниз, как от усталости.

Рядом матрос, вцепился японцу в горло, а у самого в животе торчал японский штык.

Вечером на вершине появился стрелковый капитан Солоникио, назначенный комендантом горы. С ним прибыла на смену морякам пехота. Акинфиев пригласил Сойманова и Борейко к себе в Новый город. Обед подавал денщик-матрос. Друзья вспоминали минувшие дни. Андрюша нетерпеливо поглядывал на часы.

- Когда же наконец вернется Надя? - нервничал он.

- Бедный Сережа страшно слаб, не может даже повернуться на бок. Он кланяется тебе, Андрюша, справлялся о твоём здоровье. Ты знаешь, скоро его свадьба с Варей, - проговорила вошедшая Акинфиева.

После обеда офицеры отправились в штаб Ирмана, расположенный в одной из казарм Нового города. Там они застали Кондратенко, Белого и Третьякова. Шло совещание о мерах обороны Высокой. Кондратенко сидел в конце стола и, как всегда, молчаливо слушал других, быстро делая заметки в записной книжке.

Ирман говорил долго и путано, убеждая не сдавать Высокую, против чего никто не возражал. Третьяков жаловался на крайнюю усталость солдат, просил их сменить, а также прислать подкреплений. Присутствовавшие тут же стрелковые офицеры указывали, что солдат надо прежде всего накормить, так как они не ели уже больше суток. - Во-первых, там нужна походная кухня с горячей похлебкой, а затем уже бомбочки и патроны и, наконец, теплая одежда, - в один голос заявляли они.

- А вам, морякам, что нужно? - обратился к вошедшим генерал.

- Приказ, когда и куда выступать, - бойко ответил Сойманов.

- Неплохой ответ. Как у вас с пищей и теплой одеждой?

- Управление порта нас вполне обеспечило и тем и другим. Матросы

получают по полбанки мясных консервов в день на человека и имеют теплую одежду. Борщ готовится в морских казармах и подвозится к самым позициям.

- Поскольку флот больше заинтересован в судьбе Высокой, то пусть он ее и защищает, - заметил один из стрелковых офицеров.

- Совершенно неправильное мнение. Во время осады крепости моряки четыре месяца рука об руку со стрелками и артиллеристами мужественно сражались на фортах и укреплениях крепости. А в дальнейшем ходе осады весьма важно, в чьих руках будет находиться Высокая, - отозвался Белый.

- Так и решим: моряков оставим на горе, стрелков снимем, пополним их госпитальными командами и выздоравливающими, - распорядился Кондратенко и направился к двери. За ним пошли и остальные.

- Построить морские команды, - приказал генерал.

Когда распоряжение было выполнено, Кондратенко тепло поблагодарил матросов за боевую работу.

- Вам придется защищать Высокую и дальше. Помните, что ее падение равносильно гибели ваших судов и кораблей. Я надеюсь на вас, как на своих стрелков. Наша родина поручила вам защиту Артура, и я твердо уверен, что вы сумеете отстоять его так же, как и Высокую.

- Постараемся, ваше превосходительство! - гаркнули в ответ моряки.

- Ну, с богом, - махнул рукой Кондратенко.

Сойманов и Акинфиев увели свои команды.

Ушел и Борейко. Вскоре он оказался около Пушкинской школы. Осторожно постучав в дверь, он назвал свою фамилию. Его встретила маленькая учительница.

- Каким ветром вас сюда занесло в такой поздний час? - спросила она поручика.

- Вы мне разрешите у вас переночевать? - спросил он.

- Только, чур, вы будете вести себя скромненько, - проговорила учительница, грозя ему пальцем.

- Об этом не беспокойтесь. В вашем присутствии я делаюсь, как известно,

ручным.

- До сих пор у меня были ручные кошки, собаки и другие звери, но медведей еще не было.

- Поскольку у вас имеется уже такой большой опыт дрессировщика, я думаю, что вы и меня сумеете прибрать к рукам, а вернее, уже давно прибрали, - добавил он через несколько секунд.

- Вы, кажется, против этого не возражаете? - улыбнулась учительница.

- Нет, - буркнул поручик и, неожиданно подхватив ее на руки, крепко поцеловал.

- На место! - крикнула Оля, отбиваясь от него, но поручик понес ее, как маленького ребенка, в соседнюю комнату, где их ожидали уже Мария Петровна и Леля.

- Наши голубки, кажется, договорились, - заметила Леля, увидев их счастливые лица.

Оля торжественно представила:

- Мой муж.

Наступили последние дни горы Высокой. 20 ноября с утра на Высокую гору обрушился шквал огня. Осадные батареи неистовствовали. Весь береговой фронт и броненосцы открыли ответный перекидной огонь по японцам, стараясь привести к молчанию их тяжелые батареи.

Едва началась стрельба, как Борейко заторопился на Высокую. Около Сводного госпиталя он нагнал Варю Белую с Васей.

- Сереже стало гораздо лучше, - радостно сообщила девушка. - Он быстро поправляется.

- Очевидно, после Надиных поцелуев, - пошутил поручик.

Варя растерянно посмотрела на Борейко.

- Сережа не такой, чтобы любить меня, а целоваться с другой.

- Кто это вам сказал, что он вас любит?

- Он сам.

- И вы поверили ему?

- А ну вас, Топтыгин. - Варя поспешила в госпиталь.

Со стороны Нового города по направлению Высокой потянулись

разношерстные колонны - последний резерв крепости: солдаты, матросы, дружинники, выписанные из госпиталей, еще перевязанные хроые.

- Чертова мясорубка, - кивнул на Высокую проходивший солдат. - Сколько уже легло на ней народу!

Целый день гревели пушки, грохотали взрывы одиннадцатидюймовых снарядов, рвались шрапнели, бомбочки, ручьем лилась кровь, люди мучились и умирали.

Японцы в атаку не переходили, но готовились к штурму.

На следующий день канонада возобновилась с прежней силой. Погода выдалась морозная, ясная, что облегчало пристрелку по Высокой. К осадным батареям присоединились канонерские лодки со стороны Голубиной бухты. Вершина горы оказалась под перекрестным огнем. Ливень чугуна и стали усиливался с каждой минутой.

После полудня японцы снова густыми колоннами двинулись на Высокую. Тысячи их валились, как подкошенные, под огнем орудий, пулеметов, винтовок, ручных гранат... Японцы продолжали продвигаться вперед. По грудам трупов и раненых неудержимо катились все новые и новые волны атакующих. Все выше поднимались они к двурогой вершине Высокой. И русские попятились. Японцы ворвались на самую вершину.

Завязался рукопашный бой. Озверелые люди дрались чем попало - штыками, прикладами, камнями, бомбочками, резали, душили, кусали друг друга.

Осадная артиллерия перенесла огонь на резервы и Новый город. Один за другим разрушались дома, возникали пожары, и все тонуло в облаках дыма и пыли.

Кондратенко понимал, что положение с каждой минутой становилось все труднее. Не хватало солдат, коменданты горы выбывали из строя один за другим. Необходимо было послать туда вполне надежного человека, который сумел бы подбодрить солдат и сдержать все усиливающийся натиск японцев.

Генерал решил направить ", гору пограничников под командой Бутусова. Он был уверен, что будет сделано все возможное и невозможное, чтобы

удержать Высокую.

Бутусов только накануне вернулся с Курганной батареи, где почти неделю отбивал непрерывные атаки японцев. Ряды его солдат сильно поредели.

Осталось не более половины всего состава при двух офицерах. Тем не менее, когда Кондратенко сообщил ему о назначении на Высокую, подполковник не стал возражать.

- Если вы, Роман Исидорович, считаете нужным туда направить меня, значит, так и будет сделано!.. Через час мои люди подойдут сюда из резерва, а я прямо отсюда направляюсь на вершину Высокой.

Кондратенко прекрасно понимал, что направляет насмерть одного из лучших своих офицеров, который с честью выдержал все испытания войны. Генерал с трудом превозмог свое волнение и, встав из-за стола, крепко обнял и поцеловал Бутусова.

- Да будет над вами, дорогой Петр Дмитриевич, благословенье божие! По мере возможности не рискуйте, старайтесь сохранить себя для Артура. Таких, как вы, у нас немного, и они еще очень нужны здесь, - с чувством проговорил Кондратенко.

Растроганный Бутусов попросил только об одном: позаботиться о его семье.

Генерал обещал.

После ухода Бутусова Кондратенко тяжело опустил голову, задумавшись о страдной доле, выпавшей артурцам. Но долго раздумывать было некогда: Артур ждал своего генерала. Сообщили о начале нового штурма Высокой. Генерал вышел на двор, наблюдая в бинокль за тем, что происходило на горе.

Она была окутана густой пеленой дыма и пыли, сквозь которые то и дело проступали красноватые молнии разрывов тяжелых снарядов. Казалось, что на Высокой происходит извержение вулкана. Временами доносилась дробь пулеметной стрельбы и людские крики не то "ура", не то "банзай". Только по стремительно спускавшимся вниз с горы группам людей и одиночным солдатам можно было догадаться, что русские отходят под

давлением превосходящих сил врага.

- Высокая снова занята японцами, - доложил телефонист.
- Справься, где подполковник Бутусов, - распорядился генерал.
- Пограничники подошли! - доложил адъютант.

Генерал вышел из дома. На улице стояла шеренга солдат с зелеными погонами и такими же околышами на фуражках. Поздоровавшись с ними, Кондратенко обошел фронт. Хотя многие солдаты были ранены и носили еще повязки, вид у них был бодрый, не было заметно признаков истощения, солдаты выглядели здоровыми.

Бутусов всегда особенно заботился о питании солдат и с помощью своих друзей-китайцев умел доставать противоязвенные средства и продукты. Сравнивая вид пограничников со стрелками, Кондратенко сразу понял, что физически крепкие и выносливые пограничники окажут гораздо большее сопротивление, чем любой стрелковый полк. "Да, на них можно положиться", - подумал он. Поблагодарив солдат за героическую службу, генерал указал на Высокую:

- Запомните, братцы: если гору займут японцы, Артуру придет конец. Там, на горе, вас ожидает подполковник Бутусов, которого я назначил комендантом Высокой. Вместе с ним, под его командой, вы сможете и должны отстоять гору. С богом в бой!
- Постараемся, ваше превосходительство! - дружно ответили солдаты и двинулись по направлению к горе.
- Подполковник Бутусов ожидают своих солдат на подъеме горы, - доложил телефонист.

Кондратенко снова вышел на улицу. В бинокль было видно, как перестроившиеся уже в цепь пограничники быстро поднимались к вершине. Сразу усилился ружейный и артиллерийский огонь японцев. Залпы смешались с трескотней пачечного огня, забесновались, стреляя на предельной скорости, пулеметы. Снова вся вершина утонула в пыли и дыму. Цепи пограничников залегли, но затем частыми перебежками двинулись дальше и скоро исчезли в окутывающем вершину облаке.

Через минуту было получено сообщение, что дружным штыковым ударом

пограничники сбросили японцев вниз и полностью заняли Высокую. Кондратенко облегченно вздохнул.

Тотчас же возобновился артиллерийский огонь осадных батарей. Шесть раз в этот день бросались японцы на штурм и шесть раз отступали, устилая землю своими телами. Только с наступлением темноты штурм прекратился. Гора снова осталась в руках артурцев.

Уже затемно подполковник Бутусов, геройски оборонявший весь день гору, был смертельно ранен в живот осколком снаряда. Со слабыми признаками жизни доставили пограничники своего командира в штаб Кондратенко. Генерал не замедлил прийти на перевязочный пункт. Он опустил на колени перед носилками, на которых лежал Бутусов. Подполковник на мгновение пришел в себя. Узнав Кондратенко, он чуть слышно доложил:

- Приказание вашего превосходительства выполнено: Высокая полностью осталась за нами.

Это были его последние слова. Через минуту он затих. Сняв фуражку, Кондратенко поцеловал уже холодеющий лоб своего верного соратника и друга.

Не в силах сдержать навertyвающиеся на глаза слезы, генерал долго сморкался, не подозревая, что не пройдет и двух недель, как и он последует за Бутусовым, кровью своею запечатлев преданность родине.

Борейко был не в силах спокойно смотреть на происходящее на Высокой и вечером отправился в штаб Ирмана.

- Быть может, я вам здесь пригожусь, - обратился он к адъютанту поручику Костюшко.

- Сейчас у нас на счету каждый здоровый человек.

Поэтому оставайтесь в штабе, мы найдем и вам какоенибудь дело.

Всю ночь подходили к штабу пополнения - госпитальные команды, слабосильные. Их вперемешку с моряками и стрелками, снятыми с других участков обороны, направляли на вершину горы.

Кондратенко с Ирманом бессменно руководили всей обороной. Около полуночи появился в штабе бледный, осунувшийся Стессель в

сопровождении Фока и Никитина. Генералы наперебой отдавали противоречивые приказания.

- Зря так упорно защищаете Высокую. Сколько солдатской и матросской кровушки здесь напрасно проливается! Давно бы пора ее очистить и отойти на основную линию обороны к фортам, - брюзжал Фок.

- Но тогда погибнет флот, - возразил Стессель.

- За него мы, Анатолий Михайлович, не ответственные. Шли бы себе кораблики в море, а то их никак не выгонишь из Артура. В море-то попросторнее, чем в нашей гавани...

- Там их поджидает японская эскадра, которая гораздо сильнее нашей.

- Бог не без милости. Авось какое-нибудь суденышко и доплетется до нейтрального порта.

- Да, да, надо самотопам сегодня же послать ультиматум - пусть убираются из Артура, пока японцы не перетопили все их калоши, - поддержал Никитин.

- Чтобы эскадра имела возможность выйти в море, необходимо ей вернуть взятые на сухопутный фронт мелкие и средние орудия, что-то около двухсот штук. Это сильно ослабит оборону. Кроме того, нам придется вернуть и снаряды, которых у нас очень мало, - возразил Кондратенко.

- Пушки со второй и третьей линии обороны мы им вернем и часть снарядов - лишь бы только они ушли, - проговорил Стессель.

- Я решительно протестую против этого, - заволновался Кондратенко. - У нас и так нет резерва, а если мы снимем с фронта пять тысяч моряков, то заменить их будет абсолютно нечем.

- Сократите гарнизоны фортов, там много лишних людей, - предложил Фок.

- Тогда они быстро будут заняты японцами.

- По-вашему, значит, следует уничтожить еще полтора десятка тысяч солдат и матросов, а потом уже поднимать вопрос о капитуляции. Бедные солдатики, они и не подозревают, что их хотят перевести чуть ли не поголовно, - вздохнул Фок.

- Высокую мы должны отстаивать любой ценой, чего, видимо, ваше превосходительство не хочет понять, - резко проговорил Кондратенко.

- Где уж мне, старому дураку, понять. Я никаких академий не кончал, - издевался Фок.

- Господа, господа, побольше спокойствия, - вмешался Стессель. - Я решил защищать Высокую еще один день, а если это не удастся, то очистить ее. Люди нам нужны на других участках.

Несколько разорвавшихся невдалеке снарядов заставили генерал-адъютанта поторопиться с отъездом.

Около полуночи Борейко и Третьяков отправились на вершину Высокой. Навстречу им тянулись нескончаемой вереницей раненые и больные куриной слепотой. Спотыкаясь на каждом шагу о трупы, офицеры кое-как добрались до редута на левой вершине горы. Он был почти полностью разрушен. При слабом свете мерцающих звезд сотни стрелков и матросов пытались восстановить брустверы и блиндажи.

Подошедший комендант горы капитан Солоникио доложил, что работы идут медленно и вяло, так как люди устали и не хотят работать.

- Но вы им объяснили необходимость этого?

- Они резонно возражают, что все равно с утра японцы все снова разобьют.

Так уж лучше как следует отдохнуть, чем напрасно трудиться, - ответил капитан.

- Люди выбились из сил, надо подбросить свежие части, иначе едва ли из всех работ выйдет прок, - подтвердил Борейко.

- Да откуда же их взять? Сюда посланы даже санитары и калеки, - ответил полковник.

- Тогда трудно рассчитывать на успех обороны, - вздохнул поручик.

- Но оборонять Высокую все же необходимо.

Японская артиллерия, несмотря на темноту, продолжала обстреливать вершину горы редким огнем.

- Вы бы, господин полковник, побереглись, - предупредил Борейко.

- Да тут и укрыться негде, разве в комендантском блиндаже, если его

только успели исправить. - И Третьяков направился к правой вершине, где находился комендант горы.

Как только рассвело, артиллерийская канонада возобновилась с еще большей силой, а затем японцы бросились на штурм. Вскоре им удалось овладеть сначала левой вершиной, а затем правой. Гарнизон горы почти весь погиб.

Уцелевшие единичные защитники отступили вниз к штабу. Собрав всех, кто оказался под рукой, - стрелков, матросов, полевых артиллеристов, дружинников, - Кондратенко лично повел их в контратаку. Борейко шел рядом с ним. Но японцы уже успели установить на горе пулеметы и минометы. Сборный отряд попал под перекрестный огонь, смешался и залег на половине горы.

Напрасно Кондратенко и поручик пытались поднять людей. Они решительно отказывались двигаться дальше. Несколько матросов, попытавшихся идти вперед, были тотчас убиты. С Кондратенко пулей сбило папаху. Контратака не удалась.

По возвращении в штаб генерал собрал к себе всех уцелевших офицеров, чтобы узнать их мнение о мерах дальнейшей обороны Высокой. Стрелки, моряки и артиллеристы единодушно высказались, что дальнейшая борьба за гору невозможна. Но тут прибыл генерал Смирнов. Выслушав доклад Кондратенко о положении, он раскричался:

- Волею государя императора я назначен комендантом Артура, и без моего ведома не может быть оставлено ни одно укрепление. Я разработал восемь вариантов отбития Высокой. Сейчас я вам их зачитаю, - начал он.

- Как бы ни хороши были соображения вашего превосходительства, но выслушивать их - значит, напрасно терять время, - возразил Кондратенко. - У нас нет людей для выполнения хотя бы даже самой простой контратаки.

- Вашего мнения, генерал, я не спрашиваю! - повысил голос Смирнов.

Кондратенко, покрасневший от волнения, встал из-за стола и направился к выходу. Офицеры последовали за ним.

- Это безобразие, я приказываю вернуться, - кипятился Смирнов, но от

него только досадливо отмахивались.

Последним к двери подошел Борейко. Комендант обеими руками уцепился за его шинель. Поручик осторожно освободился.

- Лучше бы вы, ваше превосходительство, ехали домой, - соболезнующим тоном проговорил он. - Высокую вы не вернете, а своими вариантами только собьете людей с толку.

Генерал растерянно посмотрел на поручика.

- Вас за такие речи следует расстрелять, - тихо проговорил он.

- Не стоит напрасно тратить патронов. Японцы со многими проделывают эту операцию без расходов для русской казны, - усмехнулся поручик.

Этот ответ окончательно убедил Смирнова в том, что перед ним находится ненормальный человек, и он, осторожно оглядываясь на Борейко, торопливо вышел из комнаты. Поручик с улыбкой последовал за ним. Первое, что он увидел, выйдя во двор, был яркий прожектор, установленный японцами на Высокой. Его сильный луч скользил по поверхности воды в гавани, нащупывая стоявшие в порту суда.

"Японцы даром времени не теряют", - подумал поручик.

- Я все же хочу еще раз попытаться вернуть Высокую, - услышал он невдалеке глуховатый голос Кондратенко.

- Кроме ездовых моей бригады, свободных частей под руками нет, - доложил Ирман.

- Есть еще рота "баянцев" с лейтенантом Соймановым и сборная команда писарей. Мы образуем из них три штурмовых колонны, - отправился генерал.

- Вы очень увлекаетесь, ваше превосходительство. Я не верю в успех этого, но готов лично вести колонну артиллеристов, - ответил Ирман.

На этом и порешили. Борейко присоединился к морякам. По сигнальному выстрелу с ближайшего форта атакующие в полном молчании двинулись на гору.

Сначала все шло хорошо. Японцы ничего не замечали, и колонны успели взобраться уже довольно высоко, когда залаяли сторожевые собачонки. Почти тотчас поднялась ружейная и пулеметная стрельба и полетели

ручные гранаты.

Правая колонна, состоящая из артиллеристов, успела ворваться на правую вершину и в рукопашной схватке переколола гарнизон. Сам Ирман при этом был дважды легко ранен. Моряки добрались до седловинки между вершинами и тут попали под огонь с флангов и залегли.

- Надо поднять матросов в атаку, - сказал Сойманов, обернувшись к Борейко, который прилег за скалу и оттуда всматривался в окружающую темноту.

Прожектор потух, и были видны лишь вспышки ружейных выстрелов.

- Перед нами как будто никого нет. Зато слева сосредоточены большие силы японцев. Придется переменить направление атаки. Постараемся выйти во фланг левому редуту, - поделился поручик своими соображениями с лейтенантом.

- Не знаю, много ли уцелело из моей роты. В темноте черные бушлаты матросов совершенно не видны. Гаврилов, Тяпин, сюда! - крикнул Сойманов. - Какие у нас потери?

- Не видать, чтобы много было. Японец-то на дурницу стреляет, больше для устрашения. Только случайные пули попадают в людей, - доложили матросы.

Сойманов сообщил им план дальнейшего наступления:

- Доберешься до седловинки, а оттуда выйдешь в тыл японцам.

- Писаря-то, что пошли левее нас, вовсе отстали на половине горы. Как только поднялась стрельба, они спужались, попадали на землю и дальше ни шагу. Известное дело, нестроевщина, пороху не нюхали.

Но в этот момент справа вспыхнуло дружное "ура" и послышался топот быстро бегущих людей.

- Ишь ты, как писаря расхрабрились, - заметил Гаврилов.

- За мной, вперед, ура! - вскочил Сойманов.

Матросы подхватили этот крик и ринулись за своим командиром. Но не пробежал лейтенант и десятка шагов, как громко вскрикнул и присел.

- Боря, я ранен. Прими командование, - с трудом проговорил он.

Поручик остановился и подошел к другу.

- Куда попало?

- В правую ногу выше колена, не могу ни идти, ни стоять.

Остановив двух матросов, Борейко приказал им отнести лейтенанта на перевязочный пункт, а сам бросился вперед.

Японцы успели подтянуть резервы. На вершине горы в темноте завязался штыковой бой. Писаря и ездые артиллеристы, плохо обученные владению штыком, были смяты и начали отходить вниз по горе. Моряки оказались окруженными.

Поняв это, Борейко с криком ринулся на японцев. Он действовал винтовкой, как дубиной, взяв ее за дуло рукой, сметая все на своем пути. Героически дрались матросы. Враг не выдержал и бросился врассыпную. Моряки вырвались из окружения.

Борейко отправил в штаб донесение и предлагал с рассветом возобновить атаку, но в ответ получил приказ об отходе всех частей к форту номер четыре.

После десятидневных упорных боев Высокая наконец перешла в руки японцев.

- Теперь начинается агония Порт-Артура, - произнес Кондратенко, когда поручик на рассвете прибыл в штаб, передав командование над матросами морскому офицеру.

- Агония эскадры, но не крепости, - поправил генерала Борейко.

- Боюсь, что и крепость отныне будет в очень тяжелом положении, - возразил Кондратенко.

Тяжелое настроение генерала несколько рассеялось, когда ему доложили о показаниях одного из пленных японцев, захваченных ночью моряками на Высокой.

Немолодой японец из Токио, адвокат по профессии, недавно призванный рядовым в армию, имел крайне утомленный вид и охотно отвечал на все задаваемые вопросы. По его словам, Япония находилась уже сейчас в чрезвычайно тяжелом финансовом и экономическом положении, запасы военных материалов приходили к концу, обученные людские резервы

иссякали, солдаты осадной армии были крайне утомлены и истощены вследствие плохого питания.

- От полного краха нас может спасти лишь возможно быстрое заключение мира, - закончил японец свои показания. - Но для этого нам нужно сначала взять Артур. Иначе Россия не согласится начать с нами переговоры о мире, несмотря на ряд поражений ее армии в Манчжурии.

- Он человек штатский и едва ли вполне разбирается в военной обстановке, - усомнился Кондратенко, когда переводчик передал ему показания пленного.

- Что касается экономики и финансов, то он, как адвокат, к тому же специалист по торгово-финансовому праву, конечно, вполне в курсе дела, - возразил переводчик.

- А внешний его вид говорит, что японцам под Артуром тоже приходится не сладко, - добавил Науменко.

- Интересно знать, на что рассчитывали, по его мнению, японцы, начиная войну с нами, - проговорил Кондратенко.

Переводчик спросил пленного. Японец немного замялся, но затем подробно ответил. По его словам выходило, что Германия, которой важно было отвлечь внимание своей могущественной восточной соседки от своих границ, спровоцировала Россию на войну с Японией. Поэтому японцы и рассчитывали, что, помимо союзных с ними Америки и Англии, им поможет и Германия.

- Чего, однако, пока что не произошло. В этом и заключается один из главных просчетов японцев, - задумчиво добавил Кондратенко. - Артур же, несомненно, нам надо защищать до последней крайности, - резюмировал он.

В тот же вечер он сообщил результаты допроса Стесселю. Но генерал-адъютант под влиянием падения укреплений горы Высокой был мрачен и к этим сведениям отнесся недоверчиво.

- Все врут пленные, чтобы шкуру свою спасти. Немцы же искони были с нами в дружбе, - бурчал он.

Присутствующий тут же Фок ехидно заметил:

- Нельзя же быть таким наивным, ваше превосходительство, чтобы верить всем показаниям пленных, особенно в части наших отношений с Германией. Уж кто-кто как не немцы все время бескорыстно помогали России на всем протяжении ее истории.

- Например, целиком предали нас на Берлинском конгрессе в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году, - усмехнулся Кондратенко, - а сейчас заставили нас заключить крайне невыгодный для нас торговый договор, очевидно используя наши затруднения в Манчжурии.

Варя устроила перевод Звонарева в маленькую палаку на двоих, из окон которой открывался прекрасный вид на Старый город и гавань со стоящими в ней судами. Прапорщик, обреченный на безделье, часами любовался развернувшейся перед ним панорамой. Все свободное от работы время Варя проводила около него.

Сосед Звонарева по палате, пожилой стрелковый капитан, обычно уходил, оставляя молодую пару наедине.

Варя садилась у изголовья кровати, и они вели нескончаемые разговоры, строя планы будущей совместной жизни.

Когда Варя была занята, ее заменял Вася, Мальчик быстро привык к прапорщику и занимал его своей болтовней.

- Только вы тете Варе ничего не говорите, а то они заругаются, - предупреждал он.

Звонарев обещал, а затем коварно потихоньку все передавал Варе. Прапорщик предложил Варе заниматься с ним, на что мальчик охотно согласился. Спокойный и уравновешенный, Звонарев оказался неплохим педагогом, и под его руководством Вася быстро научился читать.

Прямо из-под Высокой Борейко пришел в больницу навестить своего друга.

Заросший щетиной, похудевший, с красными от бессонницы глазами, он ввалился в палату.

- Здорово, Сережа! Высокая-то - тю-тю! Сдали японцам, - с места объявил он. - Счастлив ты, что ранен. Доживешь до сдачи.

- Ты помирать, что ль, собрался? - удивился Звонарев.

- Во всяком случае в плен не сдамся, - серьезно проговорил Борейко. Поручик подробно рассказал все перипетии борьбы за Высокую.

- Едва сегодня рассвело, как японцы начали пристреливаться к нашим судам в гавани. Приподнимись и полюбуйся на наших моряков. Им грозит затопление в артурской луже, а они и в ус не дуют, даже не пытаются выйти в море, - возмущался поручик.

Звонарев приподнялся на постели и увидел, как огромные фонтаны воды то и дело вздымались около броненосцев, стоявших у самого берега под горой Перепелкой. Особенно много падало снарядов рядом с броненосцем "Полтавой".

Вдруг над его кормой взвился столб черного, а потом бурого дыма. Корабле окутался паром. Когда пар рассеялся, Звонарев увидел, что "Полтава" до верхней палубы погрузилась в воду и накренилась набок.

За "Полтавой" к концу дня был потоплен "Ретвизан". Объятый пламенем, он тоже сел на грунт, но у него даже батарейная палуба осталась над водой.

Только сильный крен на левый борт мешал действиям артиллерии. Бомбардировка судов продолжалась до глубокой темноты.

Днем ненадолго зашел к Звонареву Белый. Он был сильно утомлен и нервничал.

- Моряки ведут себя преступно. Вместо обстрела вершины Высокой двенадцатидюймовыми орудиями они покорно ждут, когда настанет их черед затонуть в нашей луже, - теребил он свои длинные усы. - Никогда не ожидал, что адмиралы и командиры броненосцев окажутся такими растяпами.

- Наши-то крепостные батареи обстреливают Высокую? - справился Звонарев.

- Мы должны экономить снаряды. Я посылал Азарова к Вирену с просьбой обстрелять Высокую, но адмирал ранен, и вообще выяснить не удалось, кто сейчас командует эскадрой, - сердито говорил Белый.

В следующие три дня японцы продолжали так же методически расстреливать суда русской эскадры. Один за другим были потоплены

броненосцы "Победа", "Пересвет", крейсер "Баян", "Паллада" и канонерка "Гиляк".

Стессель нервно ходил по своему кабинету. Его возмущала полная бездеятельность моряков при обстреле и затоплении судов в порту.

- Не сделать ни одного выстрела по Высокой, где расположены наблюдательные пункты осадных батарей! Не оказать ни малейшего сопротивления японцам! Это не только трусость, это прямая измена русскому делу, - кипятился генерал.

- Вызвал бы ты к себе, Анатолий Михайлович, самотопов и устроил им хорошую головомойку, - предложил Никитин. - Хотя я и обещал поставить Николе-угоднику рублевую свечку, когда утонет наша последняя калоша, но все-таки бесславно вести себя непозволительно даже морякам. Ведь на судах имеются еще нужные нам снаряды, продовольствие, уголь, медикаменты и много других необходимых вещей.

- Они заняты спасением собственных шкур, бегут с кораблей вместе с крысами, спасая личные вещи, а о крепости не думают. Я послал Вирену приглашение прибыть ко мне по делам службы и получил ответ, что у него, видите ли, ножка болит и поэтому он не может прийти. Григорович занят спасением гибнущих СУДОВ. Это на дачных-то местах...

- С ним, наверно, и эта потаскушка из "Варьете - Лолка", - вмешалась Вера Алексеевна. - Я уже приказала полиции схватить ее на улице и отправить в портомойную. Пусть там помозолит свои белые ручки.

Вошедший полковник Рейс подал Стесселю телефонограмму с приглашением на заседание адмиралов.

- Я, конечно, туда не поеду, а попрошу отправиться вас, Виктор Александрович, - решил генерал-адъютант.

- Пошли еще нашего сухопутного адмирала Белого, - предложил Никитин.

- Почему вы так отзываетесь о Василии Федоровиче? Он человек, достойный уважения, - вступилась генеральша.

- Душа у него самотопская, водки не пьет и с моряками дружит.

- Я тоже водку не употребляю, - заметил Стессель.

- Ты, дружок, сидишь под очаровательным башмачком матушки Веры

Алексеевны, а то давно бы спился округа, вроде меня.

Вечером того же дня на даче у Григоровича собрались все флагманы и командиры судов первого ранга. Ожидали только представителей сухопутного командования. Появление Белого было встречено тепло. Адмирал поспешил ему навстречу, расточая комплименты. Зато Рейса моряки приняли сдержанно и сухо.

Началось обсуждение, что предпринять для спасения судов. Командиры броненосцев и крейсера в один голос говорили, что наиболее рационально - заголить корабли в гавани.

- После войны они легко могут быть подняты, - уверял собрание Вирен.

- Кем, русскими или японцами? - спросил Рейс.

- Падение Артура мы считаем невероятным. К нам идет эскадра Рождественского. Через месяц, самое большее полтора, она появится здесь.

Тогда морская блокада будет прорвана и нам подвезут с моря продовольствие и боеприпасы, - ответил Григорович.

- Генерал-адъютант Стессель потому и прислал меня сюда, чтобы предупредить ваши превосходительства о необходимости учесть и факт возможности взятия крепости японцами, - ответил полковник.

- Хотя я и не разделяю опасений генерал-адъютанта, но все же считаю, что суда необходимо вывести на внешний рейд, а не ждать, когда их перетопят японцы. Помоему, бездействие наших кораблей является просто позорным, - пылко проговорил Эссен.

- Но вы-то сами, Николай Оттович, также не сделали ни одного выстрела по Высокой, - упрекнул Вирен.

- Я так замаскировал свой броненосец портовыми кранами и другими судами, что японцы меня не нашли. Открыв огонь, я немедленно бы обнаружил себя.

- Что же вы хотите делать со своим кораблем?

- Перейти в бухту Белого Волка и оттуда попытаться пойти на прорыв в нейтральный порт или навстречу адмиралу Рождественскому.

- Но вернет ли вам крепость орудия и команду?

- Могу заверить, что любой корабль, который будет назначен к прорыву, получит от крепости то и другое, - проговорил Рейс.

- Хотя мне особенно жаль расставаться с "севастопольцами", которые прекрасно себя показали на батареях, но все же и я не буду возражать против возвращения матросов, а также некоторого числа орудий и необходимого к ним - комплекта снарядов, - добавил Белый.

- Итак, решено: "Севастополь" переводим в бухту Белого Волка, - резюмировал Вирен. - Кто еще желает последовать примеру Николая Оттовича? - обернулся он к сидящим за столом командирам судов.

Желающих не нашлось.

- А что вы думаете делать с "Баяном"? - обратился Григорович к командиру крейсера Иванову.

- Вчера одиннадцатидюймовый снаряд попал в среднюю кочегарку, и "Баян" лишился возможности самостоятельно передвигаться...

- Но почему же вы раньше не ушли? - задал вопрос Эссен.

- Потому, почему и вы, Николай Оттович, - ответил Иванов.

- Я собираюсь теперь выйти.

- А я лишен этой возможности, и мой "Баян" придется оставить в гавани. Началось обсуждение подробностей выхода "Севастополя" в бухту Белого Волка. Решили направить, помимо него, еще канонерку "Отважный", все уцелевшие миноносцы и портовой буксир "Силач" На этом совещание закончилось.

Узнав о результатах совещания, Стессель в категорической форме потребовал выхода в бухту Белого Волка всех уцелевших кораблей и в ответ получил решительный отказ Вирена.

- Эскадра вашему превосходительству не подчинена и будет действовать и дальше согласно указаниям своего флагмана, - ответил он генерал-адъютанту.

Бухта Белого Волка, находящаяся между Тигровым полуостровом и Ляотешанем, была совершенно открыта с моря и лишь с севера прикрывалась небольшим скалистым мысом. Поэтому, как только корабли

перешли сюда на стоянку, немедленно было притуплено к сооружению противоминных бонов. Кроме того, были выставлены противоминные сети. Прикрытая горами с берега, бухта Белого Волка была не доступна для обстрела батарей осадной армии и поэтому являлась едва ли не самым спокойным местом в Артуре.

Для охраны с берега в бухту были переброшены три полевые пушки с небольшим комплектом снарядов под командой Борейко. За ним следовали неизменный фейерверкер Родионов и другие утесовцы.

- Паскудное место для батареи, вашбродь, - ворчал фейерверке? - Никакого тебе укрытия с моря, кругом камень, блиндажей не построишь. Морякам-то хорошо сидеть на броненосцах, а мы тут стой на самом юру!

- Что расплакался на старости лет, Тимофеич? На втором форту японец сидит в пяти саженьях от наших стрелков, и тоничего. Да и стрелять с моря он будет прежде всего по судам, - возразил Борейко.

Осмотрев берег, поручик наметил места для орудий за небольшим прибрежным валом. Для людей, по совету Родионова, решили рыть пещеры в одном из круглых склонов горы. Старый шахтер из Донбасса, Родионов был большой любитель "проходки стволов и штреков", как он именовал все без исключения саперные работы.

Установив орудия на указанных местах, солдаты с шутками и прибаутками принялись за подготовку землянок.

Оставив Родионова за старшего, Борейко отправился на "Севастополь" с докладом Эссену. Но найти командира оказалось не так просто. Эссен перед походом лично осматривал свой корабль, заглядывая во все щели и углы. За ним неотступно следовали старший офицер, боцман, кондукторы и различные специалисты. Борейко увидел его вылезавшим из какой-то горловины, с фуражкой, сбитой на затылок, с растрепанной, запыленной бородой.

- Вы ко мне, господин офицер? - спросил Эссен. - Чем могу быть полезен?

Узнав, что поручик со своими устарелыми полевыми пушками собирается прикрывать броненосец, Эссен громко расхохотался.

- Это все равно, если бы двухлетний ребенок выступил на защиту взрослого человека. Вы нам совсем не нужны. Разве для отбития минных атак, - несколько мягче добавил Эссен, заметив обиду на лице Борейко. - Как у вас обстоит дело со связью, снабжением и прожекторами?

- К сожалению, ничего нет.

- Ладно. Сигнальщика дадим, на довольствие зачислим, прожектор поставим.

Вас же попросим лишь не зевать и обстреливать все доступные вам цели, как-то: миноносцы, катера. Тратить на них крупные сибирские снаряды нет смысла, ваши же полевые пушки как раз подойдут для этой цели. Присылайте баталера за хлебом и консервами. Имею честь кланяться.

Борейко вернулся на берег. Солдаты усиленно долбили кирками и, лопатами мерзлую землю, крепили крышу землянок, и вскоре уже были готовы четыре пещеры, способные вместить всех утесовцев. Родионов, порозовевший и оживившийся, то и дело покрикивал на своих "номерков":

- Поторапливайтесь! К ночи все должно быть кончено, чтобы мы на новоселье поели горячей каши, а может, морячки пришлют нам по чарочке водки.

- Надо отправить на "Севастополь" человека за продуктами, - распорядился подошедший Борейко.

- А вот и Зайчик наш! - воскликнул Родионов.

- Честь имею явиться, вашбродь, до вас прибыл! - отрапортовал артельщик.

- Зачем бог принес?

- Утек из госпиталя. Больно японец бьет с мортиры.

Терпежу никакого нет. Рядом госпиталь разбило, да в наш два снаряда попало. Узнал, что вы здесь, и подался сюда, - ответил солдат.

- Оставайся, будешь и тут артельщиком. Надо сейчас отправляться на "Севастополь". Сможешь сделать это?

- Так точно, смогу! - обрадовался солдат, сразу повеселев.

Он кинулся было по направлению к берегу, но закачался и едва не упал

на землю.

- Совсем ты ослаб, Зайчик, - мягко проговорил Борейко. - Подожди, мы дадим тебе кого-нибудь в помощь, тогда и отправишься на броненосец. Посиди здесь пока с Родионовым.

Поручик написал требование на продукты и вручил его Зайцу. Вскоре артельщик отправился на лодке с "Отважного" за продуктами.

Короткий зимний день клонился к вечеру. Тяжелые низкие тучи нависли над свинцово-серым океаном. Дул норд-ост. Огромные волны с шумом налетали на берег, покрывая скалы белой каемкой пены и изморозью. На горизонте маячили чуть заметные точки японских сторожевых судов. Посредине бухты высилась серая громада "Севастополя". Левее него рядом поместился "Отважный", еще ближе к берегу портовый буксир "Силач". У самих скал мотался на волне миноносец "Сторожевой". Вправо от броненосца в одну линию вытянулись "Сердитый", "Статный", "Скорый", "Смелый" и "Властный" - все, что осталось от флотилии артурских миноносцев. Из-за прибрежных сопok со стороны Артура доносилась глухая орудийная стрельба.

Утесовцы как можно удобнее устраивались в своих норках. Раздобыли сухой гаюлян на подстилку, вход в блиндаж прикрыли палаточным брезентом - В укрытых от моря местах сложили несколько камельков. На батарее устанавливали орудия и рыли углубления для склада снарядов. Борейко шагал вдоль орудий, соображая, куда направить батарею. Со стороны Ляотешаня к берегу подошла рота моряков с "Севастополя" во главе с Андрюшей Акинфиевым.

- Как только установим на корабле артиллерию, тотчас попытаемся прорваться из Артура, - радостно сообщил лейтенант, здороваясь с Борейко.

- Буду рад вашему успеху. Пришел защищать вас от японцев, - сообщил поручик.

Пока матросов перевозили на броненосец, приятели разговорились.

- Твоя жена останется в Артуре, если "Севастополь" уйдет? - справился Борейко

- Да. Большая просьба позаботиться о ней. Ты ведь теперь тоже стал женатым человеком.

- Не беспокойся, Андрюша, все твои артурские друзья не оставят Надежду Сергеевну, и в случае нужды окажут ей всемерную помощь.

Акинфиев предложил Борейко на ночь поместиться на броненосце.

- В твоей берлоге едва ли тепло и удобно.

- Зато близко к солдатам и пушкам. Я привык делить со своими людьми все тяготы войны, - отказался поручик.

- Тогда приходи хоть обедать к нам в кают-компанию.

- Пришли мне бутылку-другую водки, чтобы было чем согреться на морозе, - попросил Борейко.

С наступлением темноты загорелись прожекторы на крепостных батареях Белого Волка. Корабли не открывали своих огней. Началась пурга. Сухой крупный снег зашелестел по земле. Артиллеристы, забравшись в свои пещерки, ужинали. Около орудий молчаливо шагал часовой.

Борейко прилег на охапку гаюляна и при слабом свете ручного фонаря погрузился в рассматривание карты района Белого Волка. Денщик Иван открывал банки с консервами.

- Водку будете пить, вашбродь? - спросил он.

- Пока не окоченею до полусмерти, не стану. Убери ее подальше от соблазна.

Солдат вздохнул и недобрым словом помянул "маленькую учительку", совсем околдовавшую его барина.

До полуночи все было спокойно. Снег сыпал не переставая, видимость на море не превышала одного кабельтова. Даже силуэт броненосца только чуть проступал в ночной мгле. Часовые на батареях сменялись каждый час, прислушиваясь к перезвону склянок на судах. Борейко дремал у себя в блиндаже.

Вдруг в непосредственной близости от "Сторожевого" мелькнула темная тень и почти тотчас же блеснул красноватый огонек минного выстрела. На всех кораблях поднялась тревога. Пробили отражение минной атаки, загорелись прожекторы на дежурных миноносцах, загрохотали

скорострелки на "Севастополе".

- К орудиям! - крикнул выскочивший из блиндажа Борейко. - Прямой наводкой, гранатой, прицел двадцать.

Залпом!

Утесовцы опрометью бросились на батарею, замелькали ручные фонари, звякнули открываемые и закрываемые затворы.

- Готово! - один за другим доложили наводчики.

- Пли!

Три огневых столба прорезали белую муть, и почти одновременно блеснули разрывы снарядов на темном фоне вражеского корабля.

- Должно, попали, - неуверенно проговорил Родионов.

- Больно копаются, черти лапчатые, - сердито ворчал поручик. - Эх, нет Блохина, тот умел быстро работать!

- Он совсем от нас отбился, - отозвался фейерверке?

Прошло полчаса, тревога на море улеглась, потухли прожекторы, и все опять погрузилось в темноту. Замершие артиллеристы топтались на месте, чтобы согреться.

- Отбой! - скомандовал наконец Борейко. - В следующий раз шевелитесь быстрее.

Под утро снегопад прекратился, видимость улучшилась. Неожиданно из-за Ляотешаня появились два японских миноносца. Они на всех парах шли к бухте Белого Волка.

- Прожектор на правую! - раздалась команда на "Сторожевом".

Светлый луч осветил в двух кабельтовых от берега большие четырехтрубные миноносцы. Передний успел выпустить мину, а задний ограничился стрельбой из орудий. Затем оба развернулись и стали уходить в море.

- Мина, мина идет! - раздался крик на дежурном миноносце.

На палубе поднялся шум, матросы приготовились прыгать в воду. В темных волнах был ясно виден светящийся след движущейся мины. Она прошла близко от миноносца и, вылетев на берег, взорвалась со страшным грохотом. Даже на батарею вместе с осколками долетели

холодные брызги соленой воды.

Утесовцы стреляли с предельной скоростью. Им удалось два раза попасть во вражеские корабли, но серьезных повреждений нанесено не было, что весьма опечалило артиллеристов. Моряки тоже не могли похвастаться успехом.

День прошел спокойно. Утесовцы продолжали устраиваться на новом месте. На "Севастополе" устанавливали возвращенные с берега орудия, пополняли бомбовые и пороховые погреба, принимали воду и провиант. Воспользовавшись затишьем, Борейко побывал на броненосце, чтобы договориться с Эссеном о совместных действиях при отражении минных атак. Командир корабля тепло принял поручика.

Вернувшись к себе, Борейко застал в своем блиндаже Надю Акинфиеву и Олю Селенину. Они принесли различные теплые вещи и бритвенные принадлежности.

Надя попросила вызвать Андрюшу с "Севастополя". Борейко велел сигнальщикам пригласить Акинфиева на берег.

- Это тебе, чтобы ты не замерз, - протянула Оля мужу бутылку водки. - Только, чур, не выпей все в один присест!

- И ты, Брут! - с комическим вздохом проговорил Борейко. - У меня в запасе имеются уже две бутылки, твоя будет третьей. Этак я скоро запью горькую.

С броненосца прибыл Акинфиев. В маленькой пещерке стало тесно. Надя с мужем вышли наружу и прохаживались по берегу. Но ветреная и морозная погода мало располагала к прогулке.

- Отправимся на корабль. Там у меня ты и переночуешь, - предложил лейтенант.

Сообщив Оле и Борейко о своем намерении, Акинфиевы отправились на "Севастополь".

Ночью видимость улучшилась. В ожидании минных атак Борейко приказал солдатам посменно дежурить у орудий.

Вскоре после полуночи зашла луна. К бухте Белого Волка со всех сторон начали приближаться вражеские миноносцы. Они шли сразу с севера,

юга и востока, в одиночку и группами. Между ними сновали мощные катера.

- К орудиям! Огонь! - выскочил Борейко из блиндажа.

Опережая утесовцев, загрохотали пушки "Севастополя", "Отважного" и миноносцев. За ними вступили в бой береговые батареи, затрещали пулеметы.

Японские миноносцы, попадая в лучи прожектора, бросались в сторону. Затем они пускали мины, разворачивались и уходили, отстреливаясь из всех орудий.

Двенадцатидюймовым снарядом с "Севастополя" снесло одному и - них переднюю часть. Миноносец некоторое время еще двигался, но уже зарывался в воду. На мгновение мелькнули лопасти винта, и все исчезло. В другой миноносец сразу попало несколько снарядов. Окутываясь облаками пара, он быстро начал оседать, продолжая при этом яростно стрелять из всех пушек. У третьего было повреждено рулевое управление. Он полным ходом ринулся на "Отважного", как бы желая его протаранить. Взрывом мины, удачно пущенной со "Сторожевого", его переломило, и он мгновенно скрылся под водой. Еще два миноносца, потеряв ход, остановились на виду у батареи. Борейко расстреливал их в течение нескольких минут.

У берега то и дело взрывались вылетающие на камни мины, другие рвались на противоминных бонах, третьи запутывались в минных сетях и долго жужжали в них, как шмели.

Увлеченные борьбой с миноносцами, моряки совсем не следили за минными катерами. Воспользовавшись этим, японцы вдоль берега подобрались к самой корме "Севастополя" и в упор выпустили мину. Страшный грохот показал, что попадание было удачно. Прекратив стрельбу, корабль торопливо подтянулся почти вплотную к берегу и сел кормой на дно. Затем японцам удалось повредить также "Отважного" и "Сторожевого". С артурской эскадрой было покончено.

Когда наконец скрылся последний вражеский миноносец, Борейко с удивлением увидел, что наступает рассвет. Всего за ночь прошло не

менее пятидесяти вражеских кораблей, и добрый десяток из них нашел свою могилу в бухте Белого Волка.

- Вашбродь, учителька просит вас к себе. Их ранило осколком, - доложил Борейко денщик.

- Что же ты молчал раньше? Где она? - И поручик поспешил в блиндаж. На охапке гаюляна лежала с неестественно выпрямленной правой ногой бледная Оля и тихо стонала.

- Не волнуйся, Боречка, мне повредило правое колено, но рана не опасная, - чуть слышно проговорила она.

- Ненаглядная моя, зачем ты только сюда приехала, - заволновался поручик, - лучше бы мне оторвало сразу обе ноги... Потерпи немного, я сейчас постараюсь вызвать врача с "Севастополя"...

Вместе с доктором с броненосца прибыла и обеспокоенная полученным известием Акинфиева. Осмотрев Олю, доктор объявил, что разбита коленная чашечка. Рана не опасна, но учительница может на всю жизнь остаться хромой.

Отчаянию Борейко не было предела.

С наступлением дня раненую на катере отправили в Артур в сопровождении Акинфиевой.

- Что в конце концов случилось ночью с "Севастополем"? - вспомнил Борейко.

- Отвоевался наш броненосец! В корме минная пробоина в три квадратных сажени. Исправить ее и в Артуре нет возможности, - отвечал врач.

Глава седьмая

Белый просматривал табель снарядов, еще сохранившихся в крепости, когда неожиданно пришел полковник Рейс. Белый не любил и не уважал льстивого и двуличного начальника штаба Стесселя и избегал встречаться с ним.

Полковник справился о здоровье генерала, пожаловался на погоду, спросил, скоро ли будет свадьба Вари. Белый отвечал кратко и (ухо, все

более недоумевая, зачем же явился Рейс. Наконец он не выдержал и в упор спросил его об этом.

Рейс заговорил о тяжелом положении крепости, о мрачном будущем Артура в случае взятия его штурмом.

- С гибелью эскадры значение Артура как крепости сводится к нулю.

Наконец, во имя сострадания к десяткам тысяч раненых и больных и выбившемуся

из сил гарнизону нужно подумать о пределе обороны.

Белый молчаливо слушал, глядя в упор на своего собеседника.

- Трудно надеяться на освобождение Артура извне.

Эскадра Рождественского едва ли справится с японцами.

Маньчжурская армия далеко и пока что не собирается идти на выручку крепости, - продолжал полковник.

- Какой же прикажете сделать вывод из ваших речей, господин полковник? -

покрутил длинный седой ус генерал.

- Не считает ли ваше превосходительство нужным собрать совет обороны и на нем обсудить затронутые мною вопросы? - увильнул от прямого ответа Рейс.

- Отчего не собрать? Поговорим на совете, как нам лучше оборонять нашу крепость, - с иронией ответил Белый.

Седой мудрый казак давно уже разгадал смысл всех словоизлияний Рейса и теперь явно издевался над ним.

Полковник поспешил откланяться, сообщив, что он уже переговорил по этому вопросу с Кондратенко и сейчас отправляется к Смирнову.

- В добрый час. Рекомендую вам запастись герпением, когда вы будете разговаривать с комендантом крепости, - совсем уже насмешливо напутствовал его генерал.

Около пяти часов вечера того же дня в кабинете Смирнова собрались Фок, Белый, Никитин, Горбатовский, Рейс и начальник штаба Смирнова полковник Хвостов. Ждали запоздавшего Кондратенко.

- Я хочу вас коротенько ознакомить с новыми вариантами обороны

Артура, - похлопал Смирнов рукой по объемистой папке.

- Надеюсь, в них нег высшей математики? - спросил Белый.

- О нет! Тут только общие соображения, - ответил

Смирнов и начал монотонным голосом читать длиннейшие диспозиции гарнизону крепости при всяких возможных и совершенно невозможных случаях японского штурма.

Присутствовавшие, прикрывая зевоту, с тоской слушали генерала. Появился Кондратенко.

- Теперь мы все в сборе. Приступим же к делу, - громко заметил Белый.

- Да, да, - заторопился Смирнов. - Я вам зачитаю свои соображения в другой раз. Итак, господа, Высокая пала, эскадра больше не существует. Что же нам делать дальше?

- Продолжать оборону, - отозвался с места Кондратенко.

- Но у нас на исходе снаряды и патроны, гарнизон быстро тает, - подал голос Рейс.

- Снарядов хватит на отбитие двух больших штурмов, - резко проговорил Белый, - а если штурмов не будет, то на два-три месяца обороны.

- Как обстоит дело с продовольствием? - справился Кондратенко.

- Муки имеется на два месяца, крупы на две недели, на мясо можно пустить еще до трех тысяч лошадей, что даст возможность продержаться около двух месяцев, - ответил Смирнов.

- Кроме того, сегодня в Голубиную бухту пришел, прорвав блокаду, английский пароход "Кинг Артур". На этот раз моряки своевременно предупредили меня, и все обошлось благополучно, - сообщил Белый.

- А что он доставил? - живо спросил Фок.

- Пятьдесят тысяч пудов муки, немного консервов и колбасы, но боевых припасов, к сожалению, на нем не оказалось.

- Тогда мы обеспечены продовольствием, по крайней мере, еще на месяц, то и до конца февраля. За это время к нам могут подойти и другие пароходы, - обрадовался Кондратенко.

Затем он сообщил о показаниях пленного японского адвоката. Это вызвало оживленный обмен мнений среди присутствующих. Все в один

голос, кроме Рейса, говорили о необходимости защищать Артур до последней возможности.

- Раз положение японцев столь критическое, наш долг перед родиной елико возможно затянуть оборону крепости. Преждевременная ее сдача, хотя бы на один день, будет тяжким преступлением, граничащим с прямой изменой, - необычно для него пылко проговорил Белый.

- Генерал-адъютант все же приказал мне поставить на совете вопрос о пределе возможной обороны крепости, - проговорил Рейс.

- Говорить о сдаче Артура сейчас совершенно недопустимо, - горячился Кондратенко. - Будем воевать, пока есть снаряды и патроны! Не станет их - пойдем в штыки, будем драться врукопашную.

Слушая эту речь, Фок понял, что еще никогда Кондратенко не был так опасен для выполнения задуманных им планов, как сейчас. Он, получив от пленных сведения о внутренней слабости Японии, решил действовать немедленно.

- О да! Говорить о капитуляции еще слишком рано, - неожиданно проговорил он.

Рейс с удивлением взглянул на генерала и замолчал. Сопровождение окончилось. Гости стали расходиться. Задержались только Фок и Кондратенко.

- На втором форту дела обстоят неважно. Роман Исидорович! - обратился к Кондратенко Смирнов. - Того и гляди, японцы ворвутся во внутренние казармы.

- Я надеюсь на Фролова. Пока он жив - второй форт будет в наших руках.

- Зря только губите людей, ваше превосходительство, - вмешался Фок. - Чему быть, того не миновать. Второй форт так сильно разрушен, что нам его все равно не удержать. Так зачем же упорствовать в его обороне?

- Я в одном из своих вариантов предусмотрел эту возможность. Но пока еще форт в наших руках, - заметил Смирнов.

- Сегодня наш, а завтра может быть японским, - многозначительно проговорил Фок.

- Надеюсь, что по-вашему не будет, - вспыхнул Кондратенко.

- Все же съездите-ка туда, Роман Исидорович, - предложил Смирнов.
- Я собирался побывать там завтра утром.
- Нет, нет, следует побывать сейчас же, - сразу оживился Фок. - Хозяйский глаз многое может заметить, чего не скажут никакие донесения.

Кондратенко посмотрел на часы.

- К девяти вечера, раньше я туда не успею... - проговорил он.
- Торопиться, конечно, не следует, - говорил Фок. - Я и сам бы отправился с вами, Роман Исицорович, да что-то простужен, насморк, кашель.

Генералы простились.

Вернувшись домой, Фок немедленно послал за Шубиным и сообщил ему о предстоящей поездке Кондратенко на второй форт.

- Вам представляется удобнейший случай развязать мне руки, - закончил генерал.

- Приложу все свои силы, чтобы помочь вашему превосходительству.

Шубин исчез.

Вечером, в начале девятого, Кондратенко в сопровождении нескольких ординарцев легкой рысцой ехал через новый Китайский город, направляясь в штаб Горбатовского. Дул сильный ветер. Сухой снег с легким шуршавшем катился по земле.

Прибыв в штаб Восточного фронта, Кондратенко выслушал доклад Горбатовского о положении на втором форту.

- Я сейчас отправлюсь туда лично. Вас же, Владимир Николаевич, беспокоить не буду, отдыхайте, пока на фронте тихо. - И генерал вышел. Путь на форт проходил через Куропаткинский люнет. Кондратенко нашел здесь подполковника Науменко, временно командовавшего Двадцать пятым полком, и вместе с ним двинулся дальше.

Дорога шла ходами сообщения, которые во многих местах были засыпаны землей. Приходилось с трудом перебираться через груды замерзшей почвы, камней и отдельных бревен. Добравшись до форта, генерал направился в офицерский блиндаж.

Отряхнув с себя снег и сняв намерзшие на усах и бороде сосульки, Кондратенко, как всегда, приветливо поздоровался со встретившим его комендантом форта поручиком Фроловым и вслед за ним вошел в блиндаж, где уже собрались его ближайшие помощники: подполковник Рашевский, инженер-капитан Зедгенидзе и несколько стрелковых офицеров. Поздоровавшись с каждым в отдельности, Кондратенко сел за стол в углу каземата и приступил к совещанию, расспрашивая защитников форта, что сделано за последние два дня японцами. Затем он приказал позвать охочников - солдат, особенно отличившихся за последние дни, и, поздравив их, тут же наградил Георгиевскими крестами. Среди них был и Блохин.

- Тебе полагается золотой крест второй степени, но такого у меня нет сейчас, - сказал генерал артиллеристу. - Я тебя только поздравляю, а крест получишь в штабе района.

- Покорнейше благодарю, ваше превосходительство. Крест мне тут без надобности, еще потеряю, - ответил Блохин.

- Он у меня правая рука по минной части. Природный минер, хотя и служил в артиллерии, - сказал Фролов.

- В какой роте? - поинтересовался Кондратенко.

- С Электрического Утеса, а потом на "литербе", из роты поручика Борейко и прапорщика Звонарева, ваше превосходительство.

- Значит, прошел прекрасную школу. Эх, все собираюсь провести Сергея Владимировича в больницу, да времени не хватает! Евгений Николаевич, напомните мне об этом завтра.

Затем Кондратенко отпустил награжденных и отправился с Рашевским в контрэскарпную галерею, где японцы пустили какой-то ядовитый газ. Вся передняя часть галереи уже была занята японцами, и только бруствер из мешков отделял их от русских. При свете ручного фонаря Кондратенко подошел к брустверу и стал нюхать воздух. Несколько солдат перестреливались с японцами. Выстрелы гулко раздавались под низким сводчатым потолком. Пули ударялись о стенки и с визгом рикошетировали вдоль галереи.

- Пахнет чесноком, возможно, это мышьяковистые пары, - проговорил генерал.

Услышав знакомый голос, стрелки прекратили стрельбу и вытянулись.

- Здорово, молодцы! Спа-сибо за геройскую службу!

Стрелки ответили четко и дружно. Японцы тотчас же открыли частую стрельбу.

- Спрячьтесь, Роман Исидорович, а то, не ровен час, вас заденет, - упрашивал Фролов.

- Почему это должен прятаться я, а не вы?

- Нас много, а вы один!

Кондратенко усмехнулся, похлопал офицера по плечу и направился в обратный путь.

Вернувшись в офицерский блиндаж, они застали в нем до пятнадцати человек.

Было так тесно, что многие сидели на кроватях, кое-кто стоял, Вдруг раздался свист приближающегося снаряда, а затем грохот где-то сзади, за фортом.

Фролов вышел из каземата узнать, что случилось. Не успел он вернуться, как новый снаряд упал на этот раз впереди форта.

- В вилку взяли, - заметил кто-то.

- Вы бы, Роман Исидорович, ушли отсюда, от греха, - забеспокоился Рашевский.

- Двум смертям не бывать, а одной не миновать, - сказал Кондратенко.

Вернувшись. Фролов доложил, что разбит сторожевой Пост и, по-видимому, японцы догадались о пребывании на форту хрянского начальства.

- Вашбродь, японец что-то совсем затих под землей, не хочет ли взорвать мину? - доложил Рашевскому Блохин, появляясь в каземате.

- Пойдем, что ли, посмотрим, что там происходит? - обратился Кондратенко к Рашевскому, поднимаясь с места, но тотчас же сел опять.

- Устал очень, лучше загляну в следующий раз, - добавил он слабым голосом. В голове Кондратенко проносились образы его жены и детей.

Вспоминалась младшая дочка, четырехлетняя Маня, - как она просила привезти ей с войны маленького живого япончика". Он ей, по-видимому, представлялся чем-то вроде плюшевого мишки. На лице Романа Исидоровича при этом воспоминании появилась мягкая улыбка, и он закрыл глаза.

Оберегая его отдых, все в блиндаже хранили молчание.

Послышался вой приближающегося снаряда, он нарастал с каждой секундой.

Все притаили дыхание, вслушиваясь в этот режущий звук.

Прошла секунда, другая, третья... Страшный удар взрыва, яркий, ослепительный блеск, общий не то стон, не то крик ужаса... Свет потух, все смешалось, пыль, дым, грохот обваливающегося бетона, стихающие стоны...

Помещение наполнилось удушливым бурым газом, синеватое пламя пробежало по обломкам и трупам... Шуршал падающий сверху песок.

Услышав грохот взрыва, стрелки прибежали к месту происшествия. Первым, кого увидели, был окровавленный комендант форта поручик Фролов.

- Все убиты, - хрипло проговорил он, когда к нему подбежал единственный уцелевший офицер, поручик Куров. - Примите командование...

Приказав стрелкам быть готовыми к отражению штурма, Куров вошел в разрушенный каземат. Помещение было завалено обломками и человеческими телами. Коегде слышались слабые стоны. Солдаты начали разбирать мусор и выносить на двор пострадавших. Девять человек были еще живы, остальные семеро убиты. Среди них Кондратенко, Науменко, Зедгенидзе, Рашевский и трое только что награжденных солдат. Генерал полулежал на столе, за которым он только что сидел. Из рассеченного затылка просачивались кровь и мозг.

- Как же мы теперь будем воевать? - уныло проговорил подошедший Блохин. - Нет теперь нашего генерала...

- Пропал Роман Исидорович! Значит, и нам придется пропадать, -

проговорил один из унтер-офицеров.

- Кондратенко убит! - вошел в комнату жены взволнованный Стессель.

- Упокой, господи, душу новопреставленного раба твоего Романа, - набожно перекрестилась Вера Алексеевна. - Царство ему небесное.

- Что же мы теперь будем делать? Кто его заменит? - растерянно спрашивал генерал.

- Кроме Фока, я никого не знаю. Надо его немедленно поставить во главе сухопутной обороны и подумать о конце осады. Довольно повоевали, пора и мириться.

Участь Артура была решена, как только перестало биться сердце Романа Исидоровича Кондратенко.

Серое, холодное утро четвертого декабря. На фронте тихо. Скорбный Артур притаился. Крепостные батареи молчат, не слышно даже ружейной перестрелки. В церкви десятого полка идет траурное богослужение. Посредине возвышаются девять простых деревянных гробов. Их окружает толпа офицеров, чиновников.

Тут же несколько женских фигур в сестринских костюмах. У большинства измученный, болезненный вид.

Впереди - у самого изголовья Кондратенко-Стессель и его жена.

Генерал-адъютант в полной парадной форме с траурным крепом на рукаве. Вера Алексеевна вся в черном. Рядом - Белый с женой. С ними Варя. Старик Надеин, кряхтя, бьет земные поклоны. Неподалеку, закутанный теплыми шарфами, изможденный Костенко. Фок демонстративно отсутствует. Сзади пестрая толпа сухопутных офицеров. Поодаль в сторонке группа адмиралов - Григорович, Вирен, Лощинский - в окружении моряков.

Сквозь толпу осторожно пробирается гибкая фигура господина с огромным венком в руках. На черной бархатной ленте ярко бросаются в глаза вышитые золотом слова: "Доблестному защитнику Артура, душе героической обороны генералу Р. Н. Кондратенко от фирмы "Тифонтай". Шубин в новом фраке и туго накрахмаленной манишке. Он торжественно возлагает венок на гроб генерала, кладет земной поклон, почтительно

приветствует супругов Стессель и отходит к двери. Приносят еще Несколько маленьких венков от различных, частей.

Медленно проходит отпевание. Варя все сильнее томится и, чтобы занять свое внимание, начинает разглядывать покойников. Вот Кондратенко, на лице которого застыла тревожная дума. Рядом Науменко с перекошенным от боли и ужаса лицом. Затем Рашевский с гримасой удивления на лице. За ним Зедгенидзе - лежит совсем как живой, ни одной царапины, ни малейшего ожога на лице.

Дальше не хочется смотреть на обугленные, обезображенные трупы.

"Зачем их держат в открытых гробах?" - Варя отворачивается.

Отпевание кончилось. Генералы подняли гроб Кондратенко. Другие гробы понесли офицеры.

На улице сводная рота стрелков и артиллеристов при знамени, играет оркестр.

- Слушай, на караул! - рокошет густым басом Бореико.

Взлетают вверх винтовки, блестят обнаженные шашки, оркестр играет Коль славен". Знамя чуть склоняется, отдавая последний салют героям.

Установленные на лафеты гробы трогаются в последний путь. За гробами идут Стессель, Белый, Рейс, Степанов... Варя с матерью и Верой Алексеевной несколько отстали. Звучит траурная мелодия похоронного марша...

Не бил барабан

Перед смутным полком,

Когда мы вождя

Хоронили... - мелькают в голове Вари знакомые слова.

Справа и слева от дороги толпы солдат и рабочих, пришедших проститься со своим любимым генералом.

- Теперь скоро Артуру конец, - вздыхают в толпе.

Стессель сердито обернулся и приказал казакам отогнать подальше толпу.

Неприветливо, холодно светит, зимнее солнце. Как саваном, покрыл землю снег. Над океаном нависла туманная мгла.

Могилы были приготовлены на холме у Плоского мыса, откуда открывался широкий вид на бесконечную даль океана.

Началась последняя лития. Священник бросил горсть мерзлой земли на грудь каждого покойника.

- Рота! Залпом! - скомандовал Борейко.

- Не смей стрелять! Никаких салютов! Иначе нас моментально "раскатают японцы, - зычно крикнул Стессель.

Борейко медлил, недоуменно глядя на генерала.

- Отставить! - как бешеный закричал Стессель, подбежав к солдатам.

- Отставить - скомандовал нахмурившийся поручик.

Рота опустила ружья к ноге. Музыка заиграла "Коль славен". Гробы медленно погружаются в могилу.

- Слушай, на караул! - неожиданно скомандовал Борейко и, выхватив наган, один за другим выстрелил шесть раз.

Его примеру последовали еще несколько офицеров.

- Прекратить! Прекратить! - крикнул Стессель, оборачиваясь к стрелявшим, но его никто не слушал. - Под арест, под суд! - накинулся он на Борейко.

Поручик хмуро посмотрел на разъяренного генерала и вдруг вскинул на него револьвер. Стессель в ужасе шарахнулся в сторону.

- Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я проверяю, не осталось ли случайно патронов в револьвере, - громко проговорил Борейко насмешливым тоном.

Перепуганный Стессель поспешил уехать, приказав Белому "строго взыскать с этого нахала".

- Вы не можете, Борис Дмитриевич, без фокусов... Пора бы и угомониться! Я слышал, что вы обвенчались уже со своей учительницей. Хотя бы о своей жене подумали, - добродушно пожурил генерал офицера и отошел.

- Вашу лапу, Медведюшка! - подлетела Варя. - Вы вели себя молодцом.

Сегодня же повидаю Олю и все ей подробно расскажу.

- Не смейте ее напрасно волновать.

- Она, наверно, будет только гордиться вашим поступком. - И девушка поспешила за отцом и матерью.

Вечером того же дня в кабинете Стесселя сидели Фок, Рейс, господин Шубин.

Присутствовала и Вера Алексеевна с неизменным вязаньем в руках... Несмотря на то, что дверь в комнату была плотно прикрыта, все говорили вполголоса, словно боясь быть услышанными посторонними.

- К великому сожалению фирмы "Тифонтай", чек на пять миллионов долларов придется несколько задержать, - проговорил Шубин, любезно улыбаясь. - Каждый лишний день осады приносит нам большие убытки, и мы принуждены будем снижать обусловленную плату за услугу ваших превосходств.

- Не могу же я мгновенно прекратить оборону. Если я ни с того ни с сего сдам Артур, то меня за это повесят. Зачем же мне тогда ваши деньги? - сердито возразил Стессель.

- Японская армия уже взяла Высокую, уничтожила артурскую эскадру, в гарнизоне свирепствует цинга и другие болезни. Эскадра Рождественского застряла около Мадагаскара, а Куропаткин и не думает двигаться на юг. Наконец - умер и Кондратенко. А генерал Фок лично говорил мне, что это развяжет ему руки, - ровным голосом продолжал Шубин.

- Пока форты Восточного фронта держатся, оборона будет продолжаться, - сухо проговорил Стессель.

- Сейчас создалось очень тяжелое положение на втором форту, но его, конечно, нужно еще взять, - вскользь заметил Фок.

- Приму во внимание замечание вашего превосходительства, - заулыбался Шубин.

- Неважно обстоит дело и на третьем форту, несколько лучше на укреплении номер три. На остальном фронте положение прочнее, - сквозь зубы цедил Фок, глядя на Шубина.

- Имеется еще вторая линия обороны - от батареи литеры Б до Курганной батареи. На ней также можно держаться, - заметил Шубин.

- Об этом не беспокойтесь, - отрезал Фок.

- Большая просьба господина Тифонта - не затягивать дела. К январю все должно быть кончено, в противном случае мы будем считать договор расторгнутым.

- Прошу передать... господину Тифонтаю, - насмешливо ответил Фок, - что он может твердо рассчитывать на пятнадцатое-двадцатое декабря. Это крайний срок. Как начальник сухопутной обороны я ручаюсь за это.

- Во имя человеколюбия и гуманности необходимо все кончить возможно быстрее. Каждый день несет десятки и сотни новых жертв. Анатолий, ты должен пожалеть жен и детей артурцев! - патетически воскликнула генеральша.

- Приятно слушать разумные речи. Я не замедлю довести их до сведения господина Тифонта, - поспешил откланяться Шубин.

- Должно быть, японцам действительно, как говорят пленные, уже воевать не под силу, что они так торопят со сдачей крепости, - заметил Рейс.

- Тем более оснований содрать с них побольше, - пылко проговорила Вера Алексеевна.

Приняв командование сухопутной обороной крепости, Фок прежде всего вдвое сократил численность гарнизона всех фортов.

- От скученности только развиваются эпидемические болезни, да и потери будут большие. Только изменники могут настаивать на увеличении гарнизонов, - постоянно твердил он.

Был сильно сокращен и гарнизон второго форта, хотя положение его считалось весьма трудным. Японцы прочно укрепились в переднем рву форта и неустанно работали, подготавливая взрыв бруствера. Они захватили также переднюю часть контрэскарпной галереи. Форт непрерывно обстреливался одиннадцатидюймовыми снарядами, которые сильно разрушали тыловую казарму.

С раннего утра пятого декабря на форту происходила редкая перестрелка.

Гарнизон находился в тыловой казарме, только часовые стояли у брустверов.

День выдался ясный, солнечный. Изнуренные долгой осадой, солдаты и матросы высыпали в тыловой ров и грелись на солнце. Новый комендант форта штабс-капитан Кванц прохаживался тут же. Он недавно выписался из госпиталя и ходил теперь, опираясь на палочку.

Кванц спустился в потерну и пошел в контрэскарпную галерею. Здесь даже в светлый солнечный день царил полумрак.

- Вашбродь, стащить бы сюда пушку да пальнуть в упор по японцу... - обратился к штабс-капитану Блохин.

- А ты кто такой, что подаешь мне советы? - вскинулся офицер.

- Бомбардир-лабораторист Блохин, веду минную работу по форту.

- Вон что! Как же ты попал в минеры?

- По своей охоте. Прибыл сюда еще с прапорщиком Звонаревым.

- Вали, только поскорее, а то японцы собираются взорвать форт.

Через четверть часа с помощью стрелков и матросов Блохин втащил пятидесятимиллиметровую пушку в галерею, поставив ее непосредственно за бруствером.

- Катись отсюда, пехтура, - распорядился он.

Стрелки с удивлением посмотрели на новоявленного командира.

- Сам ты собирай свои монатки, да поживее, пока не надавали по шеям, - огрызнулись они.

Блохин спокойно начал сбрасывать мешки с бруствера, очищая амбразуру для орудия. Услышав возню, японцы бросили несколько бомбочек, но стрелки их хватали на лету и возвращали обратно.

Установив пушку, Блохин сам стал за наводчика и несколько раз выстрелил в упор по японцам. Среди японцев началась паника, и они с воем ринулись из галереи. Не давая врагу опомниться, Блохин продолжал выпускать снаряд за снарядом, чередуя гранаты с шрапнелями, поставленными на картечь.

- Аида, за мной в атаку! - крикнул стрелковый унтер-офицер и выскочил на остатки бруствера. Солдаты бросились за ним. Блохин же остался около пушки, утирая рукой потный лоб.

Стрелки из контрэскарпной галереи проникли в разрушенный капонир, а

оттуда в ров и оказались перед японской минной галереей.

Энергичные действия русских заставили японцев спешно подтянуть ко второму форту свои резервы и поторопиться со взрывом мины под передним бруствером.

Одновременно они установили горную пушку при входе в контрэскарпную галерею.

Блохин не сразу заметил ее и кинулся к своей пушке как раз в тот момент, когда грянул первый японский выстрел. К счастью, снаряд пролетел выше, не задев никого из орудийной прислуги.

Началась своеобразная подземная артиллерийская дуэль. В сумраке галереи то и дело вспыхивали зарницы. Грохотали выстрелы, со страшным визгом летели гранаты и шрапнели. Стрелки распластались на полу, предоставив Блохину действовать в одиночку. После нескольких выстрелов вражеская пушка замолчала.

Как только с ней было покончено, Блохин вернулся в тыловую казарму.

Стрелки и матросы встревоженно говорили о странном поведении японцев: они приостановили все работы в переднем рву и отвели своих солдат в тыл.

- Должно быть, хочет взорвать мину, а затем кинуться на штурм, - решили стрелки.

Кванц приказал убрать всех часовых от брустверов к ретраншементу, сложенному из мешков около тыловой казармы. Гарнизон форта разобрал винтовки и был готов ежеминутно броситься на отражение штурма.

Начался длительный обстрел форта и подступов к нему из орудий всех калибров. Ливень снарядов обрушился на укрепление. Страшные взрывы уничтожали буквально все далеко вокруг. Малочисленный гарнизон, сокращенный Фоком почти вдвое, быстро таял. Телефонная связь со штабом Горбатовского была нарушена, и форт был предоставлен собственным силам.

Днем, в половине второго, над передним бруствером взметнулось огромное черное, с серым отливом облако дыма и раздался оглушительный взрыв. За ним последовал второй и третий.

Полуразрушенные казематы, казармы стали обваливаться. Ужас и смятение охватили гарнизон. Выбежав из казармы, солдаты увидели перед собой штурмовую колонну японцев, которая проникла в форт через огромную воронку, образованную взрывом в переднем бруствере. На тесном пространстве внутреннего двора завязалась рукопашная схватка. К японцам подходили все новые и новые подкрепления, и русские были принуждены отступить к самой казарме.

На помощь атакованному форту пришли соседние крепостные батареи. Они открыли жесточайший огонь по всем подступам к форту со стороны японцев, отрезав штурмующих от их тыла. Это дало возможность гарнизону форта оправиться и предпринять энергичную контратаку. Забросав японцев бомбочками, остатки стрелков и матросов бросились в штыки. Враг был уничтожен.

Выставив часовых, солдаты и матросы собрались в казарме. Уцелело не больше пятидесяти человек.

- Что же нам, братцы, дальше делать? - спросил кто-то из матросов.
- Вестимо что - миром держаться, - ответил один из бородачей стрелков.
- До темноты подождем, а там пришлют подмогу.

Как только произошел взрыв на втором форту, Горбатовский по телефону сообщил об этом Фоку. Генерал не замедлил прибыть в штаб Восточного фронта.

- Второму форту необходимо срочно послать подкрепление, - докладывал Горбатовский. - У меня есть сводная рота с "Победы" и "Полтавы".
- Пока они дойдут до места, большая часть из них будет убита или ранена.

Нельзя же зря проливать матросскую кровушку, как это любил делать покойный Кондратенко! Надо немного подождать. - Но японцы-то не ждут! Они непрерывно атакуют форт, - продолжал настаивать Горбатовский.

- Пусть еще подержатся, а не выдержат - значит, пора очищать форт. Он дорого обошелся нам за пять, месяцев обороны.
- Японцы потеряли под ним в десять раз больше, - возразил Степанов.

- Тем более, значит, форт сыграл свою роль.

Перед наступлением темноты часть моряков все же была послана, но их рассеяли огнем осадные батареи, прежде чем моряки успели дойти.

- Я же говорил, что так будет, - торжествовал Фок.

В дело вступили свежие части японцев и вновь овладели фортом.

Малочисленный гарнизон едва смог удержаться в тыловой казарме. Об этом сообщили в штаб Фоку. Генерал приказал взорвать казармы и оставить форт.

Солдаты недоумевали.

- Японец целый день старался, но не мог выбить нас. Зачем же теперь даром будем отдавать форт?

- Приказано начальством, - сказал Кванц.

- Каким, русским аль японским? - протолкался вперед Блохин. Он был дважды ранен за день, и на его голове и левой руке были окровавленные бинты.

Кванц хотел было прикрикнуть на него, но, заметив злые лица солдат, не решился и смолчал.

- Измену генералы делают, - продолжал Блохин. - Кто хочет, пусть уходит, а я останусь здесь.

- Ну, я с тобой, и я, и я... - раздалось несколько голосов.

- Ну, как хотите, а мы уйдем, - проговорил Кванц. С ним отправилась значительная часть гарнизона.

Оставшиеся солдаты приступили к закладке мин в различных местах форта, казармах, потерне, контрэскарпной галерее. Руководил Блохин. Японцы устраивались на захваченной части форта и подтягивали резервы, готовясь к ночному штурму.

Рассыпавшись по всему участку, Блохин и несколько стрелков и матросов вели редкую ружейную стрельбу. Шум у японцев нарастал с каждым часом, но это мало беспокоило Блохина. Все заложенные мины были соединены электрическим проводом. Если бы японцы ринулись на штурм, то стоило только включить ток, и они были бы погребены под развалинами форта.

Блохин отправился в обход опустевшего форта.

В контрзскарпной галерее два матроса с "Паллады" перебрасывались с японцами бомбочками. Сюда электрических проводов за дальностью расстояния не проводили и установили лишь подрывные патроны с запальным шнуром.

- Помни, ребята, если японец поперет, отходи не спеша и поджигай бурки, что заложены в стенах. Сбор всех у моста за задним рвом.

- Ты совсем офицером стал, Блохин, - насмешливо проговорил Лебедин.

- Только золотых погон не хватает. Того и гляди, в рыло заедешь.

- Порядок должен быть, иначе японец всех нас передушит, как кур. Слухай мою команду, - продолжал Блохин. - Как крикну: "С моста ко мне!

- так и бежи, да смотри не задерживайся, а то при взрыве казармы может придавить.

Неожиданно зазвонил телефон. Заглянув в дверь каземата, Блохин увидел забытый при уходе офицера телефонный аппарат.

- Вот шкуры окаянные бросили-таки казенное имущество, - выругался он вслух и снял трубку.

- Кто у телефона? - услышал он чей-то сердитый голос.

- Комендант форта номер два бомбардир-лабораторист Филипп Блохин.

- Кто тебя, дурака, комендантом назначил? Позови кого-либо из господ офицеров!

- Нету здесь таких.

- Как ты смеешь так со мной разговаривать!

- Виноват, вашбродь, но в телефон вашего чину не видать, - иронически ответил Блохин.

- Говорит генерал Горбатовский. Почему форт еще не взорван?

- Ждем, когда японец пойдет на штурм. Тогда вместе с ним и взорвем, ваше превосходительство.

- Приказываю немедленно взорвать, иначе я вас всех отдам под суд!

- Не очень-то мы испугались этого, - пробурчал Блохин и отсоединил аппарат от линии. - Кричи теперь, надрывай свою глотку... - выругался он.

Скоро в воздухе вспыхнула яркая ракета, и почти тотчас же начался штурм.

Блохин поспешил в потерну. Навстречу ему уже бежали солдаты.

- Подожгли все заряды, - сообщили они.

Один за другим прогремели взрывы. Галерея и потерна с грохотом обрушились, погребая под собой штурмующих. Дым и пыль хлынули в казарму.

Блохин выбежал на мост и крикнул стрелкам, охранявшим боковые рвы. Как только они все перебежали по мосту через ров, Блохин торопливо включил рубильник. Огромное пламя поднялось вверх, сильный взрыв потряс все окружающее. Взрывной волной Блохина сбilo с ног. Рядом кричал придавленный насмерть матрос. Остальные успели отбежать на безопасное от осколков место.

Когда все стихло, Блохин поднялся на ноги и побежал к Куропаткинскому люнету. Здесь он нашел несколько матросов и Лебедкина, все остальные защитники форта погибли под обломками.

После падения форта номер два бомбардировка Старого города усилилась.

Днем и ночью в воздухе с воем проносились одиннадцатидюймовые бомбы, сметая все на своем пути. Много стало падать снарядов и около больницы Красного Креста.

Как только начинался обстрел, все, кто мог двигаться, спускались в подвальный этаж. Возле тяжелобольных в палатах оставались сестры и санитары.

Сосед Звонарева обычно уходил, и прапорщик оставался один. Его охватывало жуткое чувство одиночества и беспомощности. Особенно сильно оно было в ночное время. Никогда раньше на фортах и укреплениях он не испытывал такого ледящего душу ужаса, как теперь. Там было во много раз опаснее, снаряды рвались рядом, со всех сторон летели осколки, и все же чувство самосохранения было гораздо слабее, чем сейчас. Звонарев понимал, что это происходит от сознания собственной слабости и неподвижности. Он никуда не мог уйти, не мог

спрятаться и должен был спокойно ожидать своей участи. Шаги дежурной сестры в коридоре обычно сразу же вносили успокоение в его смятенную душу.

- Вам не страшно? - заглядывала в палату Верочка Гаршина.

- Нисколько, - с напускным спокойствием отвечал прапорщик, хотя внутри у него еще все трепетало от страха.

- Вот и прекрасно. Вы держитесь молодцом, а в палате для тяжелых - просто кошмар: раненые волнуются, кричат, умоляют спрятать их от бомб. Даже не верится, что это взрослые мужчины, офицеры. - И сестра уходила.

Для Звонарева снова начиналась пытка, и тем не менее он не смел об этом рассказать даже Варе, боясь показаться трусом.

- Все сестры говорят, что ты во время бомбардировок ведешь себя храбрецом, - уверяла девушка.

Только как-то Акинфиевой решился он намекнуть на свое состояние.

- Что же тут удивительного? Мы с Андрюшей люди здоровые и то во время ночной бомбардировки не можем иногда уснуть.

Как-то вечером Надя зашла провести прапорщика.

Началась усиленная бомбардировка. Несколько снарядов упали совсем близко от больницы. Заколебался пол, зазвенели разбитые стекла. Молчаливый капитан, сосед Звонарева, поспешил уйти. Прапорщик остался наедине с Акинфиевой. По напряженному выражению лица Нади Звонарев догадался о ее душевных переживаниях.

- Вам страшно, Надюша? - спросил он, беря молодую женщину за руку.

- Да, - откровенно проговорила Акинфиева. - Кажется, что вот-вот снаряд попадет сюда и всему будет конец.

- Идите вниз и спрячьтесь в подвал. Там безопасно, - предложил Звонарев.

- Но вы-то останетесь здесь один, и вам будет вдвое страшнее. В такие минуты вдвоем бывает гораздо спокойнее.

Прапорщик благодарно посмотрел на нее.

Вдруг здание вздрогнуло до самого основания. В окнах блеснуло яркое

пламя. Свет погас. Посыпались стекла, захлопали двери, из коридора донесся громкий вопль. Акинфиева в ужасе бросилась к окну, как бы желая предохранить Звонарева от осколков стекла. Прапорщик быстро присел на кровати и, спустив ноги на пол, собирался ей помочь, но острая боль в ногах заставила его свалиться на постель.

Прикрыв окна ставнями, Надя ощупью приблизилась к постели.

- Где вы, Сережа?

Звонарев откликнулся, Акинфиева осторожно присела на кровать. Новый взрыв заставил ее испуганно вскрикнуть и инстинктивно склониться к больному.

Звонарев обнял ее и прижал к себе.

- Не надо, Сережа, - испугалась Акинфиева и быстро вскочила с кровати.

- Какое варварство - специально обстреливать госпитали, - проговорила она. - Мы же, лечим их раненых наравне со своими, а они...

- По-видимому, вопросы гуманности чужды японской военщине, - ответил Звонарев.

Вскоре бомбардировка прекратилась, и Акинфиева стала прощаться.

- Андрюша с десантом "севастопольцев" сейчас находится в резерве около Скалистого кряжа. Я на время перебралась в Пушкинскую школу и буду изредка заглядывать к вам.

Звонарев быстро поправлялся. Он даже бродил по палате на костылях. Варя внимательно следила за ним, как любящая мать следит за первыми шагами своего ребенка, боясь, чтобы он не оступился и не упал.

Частый обстрел госпиталя делал пребывание в нем не безопасным. Зайдя как-то в палату. Миротворцев разрешил Звонареву походить на костылях по двору.

- Только не увлекайтесь. Ступайте пока только на левую ногу, правую надо еще поберечь.

- Скоро ли вы его выпишете, Сергей Романович? - спросила Варя.

- Для строя он пока не годен, а если его поместить в частной квартире - можно выписать хоть завтра.

- Вот и отлично! Переговорю сегодня же с папой и мамой, и ты поедешь к

нам, - решила Варя.

Но Звонарев заупрямился, не желая стеснять Марию Фоминичну.

- Что вам за охота сидеть здесь, подвергаясь опасности постоянных бомбардировок? - проговорил Миротворцев. - Ехали бы куда-нибудь на Ляотешань или Тигровый полуостров. Там совершенно спокойно, а у нас даже на дворе начинают летать ружейные пули. Дальше будет еще опаснее.

- Мы переберемся на Электрический Утес, - надумала Варя.

- Но там нет места, - заколебался прапорщик.

- Найдем. Освободилась комната Жуковского и Чиж. Я помещусь вместе с Катей или Шурой, - быстро решила Варя.

- Необходимо также ежедневно массировать ноги, - предупредил Миротворцев.

- Я сама буду делать ему массаж.

Через день, тепло попрощавшись с Миротворцевым, Звонарев осторожно спустился в вестибюль и с Варей сел в экипаж Белого. Вася торжественно водрузился на козлы рядом с кучером.

Старый город производил жалкое впечатление. Разбитые дома, изрытые воронками мостовые и тротуары, обугленные стропила, закопченные стены - все это говорило о войне и длительной осаде. Около дома Стесселя стояла группа пестро одетых женщин, окруженных полицейскими. Среди них Звонарев, к своему удивлению, заметил Лолочку и Лелю Лобину. Женщины о чем-то громко спорили с городовыми.

- В чем дело, Леля? - остановила экипаж Варя.

- Я шла по улице, когда ко мне подлетел этот субъект и потащил сюда.

Оказывается, он принял меня за проститутку и повел на расправу к самой Вере Алексеевне.

- Немедленно отпустите ее! - сердито крикнула Варя полицейскому.

- Я эту госпожу хорошо знаю, она жена офицера.

Сейчас же освободите ее, - обозлился и прапорщик.

- Не имею права, - угрюмо твердил фараон.

- Садись к нам в экипаж, Леля, - пригласила подругу Варя.

Но полицейский схватил учительницу за руку. Лобина вырвалась и бросилась к экипажу. Полицейский схватил ее за пальто. Вне себя от гнева Звонарев ударом костыля сбил полицейского с ног.

В этот момент отворилась дверь, и на крыльце появилась Вера Алексеевна в сопровождении ротмистра Водяги.

- Варя, мосье Звонарев, что за расправа с городовым? - пропела генеральша сладким голоском. - Никак не ожидала, что вы столь темпераментны, господин Звонарев. Вы, верно, еще не оправились от ранения и не вполне здоровы!..

Варя, запинаясь и путаясь от волнения, объяснила генеральше все происшедшее.

- Таких "жен" у каждого мужчины бывают десятки А вам, сударыня, - повернулась генеральша к Леле, - как учительнице, стыдно якшаться со всякой тварью. Пусть это будет вам впредь наука. Вы свободны!

- Старая жаба! - выпалила Лолочка, глядя на Стессельшу.

- Повтори, повтори, что ты осмелилась сказать? - повернулась к ней генеральша.

Тут Лолочка пустила в ход весь свой обширный лексикон нецензурных выражений, так что даже издававший виды Водяга оторопел. Вера Алексеевна поспешила зажать уши.

- Эту мерзавку сейчас же выпороть, сто розог! Остальных на неделю отправить в портомойню, - распорядилась она.

Звонарев приказал кучеру поскорее трогаться. Все еще взволнованную Лелю довезли до Пушкинской школы.

- Я презираю эту грязную Лолку, но Стессельшу она выругала поделом и за себя и за Лелю, - говорила Варя. - На месте Стаха я застрелила бы Веру Алексеевну за такое оскорбление жены

- Приходится радоваться, что у тебя будет всего только муж.

Не успели они доехать до Утеса, как их обогнал экипаж с матросом на козлах. В нем торжественно восседала Лолочка рядом с мичманом, флаг-офицером Григоровича.

- Моему старику пришлось основательно раскошелиться, чтобы освободить меня, - крикнула она. - А здорово я отделала эту старую.

Мичман поспешил зажать рукой хорошенькие губки своей соседки.

- Скорей поправляйся, пупсик! - крикнула она Звонареву.

- Как она смеет так обращаться с тобой? - возмутилась Варя.

- Чтобы подзадорить тебя. Ты должна знать, что на таких особ, как Лолочка, не принято обижаться.

На Утесе Звонарев поместился в небольшой комнате. выходящей окнами в тыл батареи. Ему хорошо была видна казарма, превращенная в лазарет для выздоравливающих, кухня, электрическая станция, а в отдалении - кладбище, где хоронили утесовцев. Варя выпросила себе перевод на Утес и теперь работала вместе с сестрой под начальством доктора Зорина Орудия на батарее обслуживались моряками с броненосца "Пересвет" под начальством лейтенанта Любимова, но командиром Утеса состоял капитан Андреев Этими лицами и исчерпывалось общество Звонарева.

Варя поместилась в одной комнате со своей сестрой. Шура Назаренко, расставшись с Гудимой, вернулась к родителям Под вечер она пришла проведать Звонарева. Глядя на ее пополневшую фигуру, осторожные плавные движения, прапорщик догадался, что она ждет ребенка Заметив его пристальный взгляд, девушка густо покраснела. Чтобы не смущать ее, прапорщик заговорил о своих ранах, положении на фронте, о погоде. Шура мало-помалу осмелела - Ушла я от Алексея Андреевича, - тихо промолвила она.

- И хорошо сделали. Помните, я вам как-то говорил: со временем все забудется, и вы найдете себе другого человека, по сердцу.

В тот же вечер Звонарев передал Варе свой разговор с Шурой.

- Надо будет устроить ее в Пушкинскую школу, - тотчас придумала Варя.

На следующее утро, сидя в кресле у окна, Звонарев увидел Шуру, идущую по двору. Девушка несла охапку дров. Ее полный живот особенно выпятился вперед.

Несколько солдат из слабосильной команды начали зубоскалить, глядя на нее. Один из них подбежал к ней и хлопнул по животу. Шура охнула,

перегнулась и упала под тяжестью вязанки дров. Возмущенный Звонарев, забыв о своих ранах, бросился к окну, чтобы отогнать негодяя, но тут неожиданно появился Блохин. Одним ударом кулака он сбил хулигана с ног, затем бережно поднял плачущую девушку, взял дрова и донес их до фельдфебельской квартиры.

- Ты в холуях, что ли, ходишь у этой шкуры? - поднимаясь на ноги, проговорил солдат.

Рассвирепевший Блохин подскочил к нему и схватил за горло.

- Блохин, оставь его! - крикнул в окно Звонарев.

Но Блохин не слушал. У его жертвы уже вывалился язык и посинело лицо.

Проходившие мимо двое матросов с трудом оттащили артиллериста.

- Ежели еще какая стерва будет обижать Шуру, задущу своими руками! - пригрозил Блохин.

Звонарев подозвал его.

- Здравствуй! Зачем пришел на Утес? - справился прапорщик.

- Здравия желаю! Поручик прислали за теплыми вещами, а то солдаты на батареях литеры Б и Залитерной обижаются на холода, - ответил он.

Блохин задержался на Утесе до следующего дня. Вечером он зашел к Звонареву.

- Садись, кури и рассказывай, как произошла сдача второго форта, - предложил ему прапорщик.

Солдат уселся около двери, но дымить махоркой постеснялся.

- Дух от нее тяжелый, и с непривычки голова заболит, - пояснил он.

Затем Блохин неторопливо, подбирая слова, сообщил о всех подробностях падения форта номер два.

- Плохо дело стало в Артуре. Как ни раскинут своими мозгами солдатики и матросы, а выходит, завелась у нас измена. Продать хотят крепость, а нас перевести, чтобы некому было обороняться, - закончил он свое повествование.

- Ну, уж и измена! Плохо продуманные приказания, незнание обстановки на местах, - вот это и приводит к таким результатам, - возражал

Звонарев.

- Если бы генералы да полковники были неученые, вроде нас, то их можно было б еще извинить, а раз солдат понимает, что так делать нельзя, то генералы и подавно должны понимать.

Разубедить Блохина прапорщику так и не удалось.

Пришла Варя и скромно уселась в сторонке, молча слушая их разговоры. Ее присутствие явно стесняло солдата, и он поспешил уйти.

- Блохин рассуждает правильно, - проговорила Варя, - когда солдат вышел.

- Что Горбатовский очень недалек, это мы знаем, но до измены тут еще далеко.

- Папа говорит, что сейчас глупость равноценна измене. По его мнению. Фок самый зловредный генерал в Артуре, затем Рейс. Стессель же делает все то, что ему скажет Вера Алексеевна.

Ночью Блохин вышел во двор. Неожиданно он заметил, как в приоткрытую дверь дровяного склада метнулась чья-то тень. Солдат насторожился, решив, что это кто-либо из матросов или слабосильной команды тайком отправился за дровами, в которых уже ощущался большой недостаток. Выждав несколько минут, Блохин потихоньку подошел к сараю и прислушался. До него донесся не то стон, не то плач, а затем слабый крик. Солдат широко распахнул двери и вскочил внутрь. Первое, на что он натолкнулся, было человеческое тело, раскачивающееся в темноте.

"Шурка! - мгновенно сообразил он и, приподняв, освободил девушку из петли.

Она не подавала признаков жизни. Блохин осторожно опустил ее на землю и начал делать искусственное дыхание, вспоминая, как его производил фельдшер Мельников. Но Шура не приходила в сознание. Солдату даже показалось, что она начинает холодеть. Испуганный этим, Блохин, подхватив девушку на руки, бросился к офицерскому флигелю и отчаянно застучал в окно Звонарева.

Прапорщик, разбуженный этим грохотом, сначала подумал, что начался

общий штурм крепости.

- Вашбродь, Сергей Владимирович, помогите! - вдруг расслышал прапорщик и, схватив костыли, подошел к окну.

- Шурка повесилась до смерти! - крикнул Блохин.

Звонарев распахнул окно и тут только понял, в чем дело.

- Неси ее на крыльцо, я сейчас разбужу доктора и Варю.

Он начал стучать в стенку комнаты, где ночевали сестры Белые. Разбудить Варю было нетрудно. За время болезни Звонарева она привыкла прислушиваться к малейшему шуму в его комнате.

- Тебе плохо, Сереженька? - влетела она, полуодетая, в комнату: Прапорщик рассказал ей о Шуре, и Варя опрометью бросилась на крыльцо.

Через несколько минут девушку привели в сознание и затем перенесли в квартиру фельдфебеля. Варя до утра продежурила около постели подруги и затем сама отвезла ее в Пушкинскую школу. Блохин также отправился с ними.

- Смотри, Ликсандра, не моги больше об этом и думать, - сурово проговорил Блохин на прощанье, грозя девушке пальцем.

- Никогда не предполагала, чтобы такой грубиян, как Блохин, мог проявить столько теплого человеческого чувства, - вечером говорила Варя Звонареву.

- Сердце у него золотое.

Сведения о происходящем на фортах скудно доходили до Утеса, главным образом через Варю, которая чуть ли не каждый день бывала в городе или у себя дома. Иногда забегали солдаты с Залитерной или с батареи литеры Б и сообщали последние известия.

Прапорщик скоро привык к этой солдатской почте и подолгу беседовал с ними.

- Охота вам, образованному человеку, слушать всякий вздор, - удивлялся Андреев. - Ведь солдатские рассказы - на три четверти брехня.

- Но четверть-то правда. В сущности, сейчас Артур держится исключительно солдатами.

- Нижние чины без офицеров - ноль, неорганизованная толпа.
- Офицеры без солдат часто бывают и отрицательными величинами.
- Вы все еще остаетесь штатским человеком. Вам непонятна та простая истина, что только офицеры являются солью армии, носителями ее боевых традиций.

Взволнованный Андреев начинал дергаться, и прапорщик спешил перевести разговор на другие темы.

С утра Варя вместе с сестрой уходила в казармы делать перевязки раненым.

Звонарев на костылях ковылял по Утесу, заглядывал на кухню, где верховодил Белоногов, пробовал пищу, затем направлялся на электрическую станцию к Лебедкину. С Родионовым обходил казематы на батарее, где размещались артиллеристы и матросы, и, наконец, просматривал бумаги в канцелярии.

Андреев, почти все время больной, предоставлял прапорщику распоряжаться всем по своему усмотрению. К трем часам все собирались на обед в офицерском флигеле.

Батарея почти не стреляла, так как осталось всего около сотни десятидюймовых бомб. Их берегли на случай штурма. На море было пусто. После гибели эскадры японцы отвели свой флот из-под Артура, за исключением небольшого числа мелких сторожевых кораблей. Поэтому на ночь оставались бодрствовать только дежурные, часовые и дневальные, все же остальные погружались в мирный сон. Только глухой грохот канонады на сухопутном фронте да приток свежих раненых напоминали о войне.

Вскоре пришло известие о гибели Назаренко. Старый фельдфебель ехал на катере через пролив, когда упавший вблизи снаряд перевернул катер. Назаренко камнем пошел на дно. Получив известие об этом, Саввична так расстроилась, что заболела и Шуре пришлось вернуться назад и ухаживать за матерью. Девушка сильно осунулась и подурнела. Она избегала заходить даже к Звонареву.

В один из декабрьских дней пришла Акинфиева.

- Наконец-то собралась навестить вас, Сережа! - поздоровалась она. - С Утесом у меня связаны такие тяжелые воспоминания, что я с суеверным ужасом приближалась к нему. Так и кажется, что опять появятся жандармы.

- Теперь их нечего опасаться. Микеладзе давно убрали из Артура, а Познанский чуть жив после тифа, - сообщила Варя.

- Этому можно только порадоваться. Со шпионами они не боролись, а хватали ни в чем не повинных людей, - заметил Звонарев. - Как поживает Андрюша?

- Он защищает третий форт. Говорят, там очень опасно, и я сильно беспокоюсь. Японцы все время атакуют. Оля просила вас кланяться. Она тоже уже ходит на костылях с помощью Борейко и быстро поправляется. Со стороны смешно и трогательно смотреть на эту парочку - колокольня, а рядом с ним блоха.

- Не в этом дело. Их связывает крепкая взаимная любовь, - заметила Варя.

- Как и вас с Сережей, - проговорила Надя.

- Мы с Сережей тоже крепко любим друг друга. Правда? - в упор спросила Варя жениха.

- Как ни странно, а я все же люблю эту ревнивую и колючую особу, - привлек к себе невесту Звонарев.

Глава восьмая

- Прошло больше недели после взрыва форта номер два, и все усилия японцев, атакующих третий форт, пока не привели ни к чему. Это отдалает час освобождения Артура и кровно затрагивает интересы фирмы "Тифонтай", - с любезной улыбкой на лице проговорил Шубин, глядя на Фока.

- На войне, увы, много зависит от случайностей. Так, позавчера в момент штурма этого форта рядом оказалась рота моряков, подготовлявшая вторую линию обороны. Она по собственной инициативе приняла участие в отражении атаки, - ответил генерал.

- Надеюсь, ваше превосходительство примет меры, чтобы на будущее время такие случайности не повторялись? Иначе могут пострадать и ваши личные интересы...

- Конечно, конечно. Я убежден, что наш план будет выполнен в намеченные сроки.

Шубин откланялся и вышел. Оставшись один, Фок нервно зашагал по кабинету.

- Эта обезьяна мертвой хваткой держит меня за горло, и я не смею приказать ее повесить, - бурчал он. - С другой стороны, около меня находится этот трус Стессель, которому все время мерещатся виселицы за преждевременную сдачу крепости. Изволь при таких условиях служить!..

Генерал сел за стол и размашистым почерком написал записку Горбатовскому: Ввиду сильных разрушений бетонных укрытий на третьем форту прошу ваше превосходительство помнить, что чрезмерно упорная оборона этого пункта поведет лишь к напрасным потерям в людском составе. В настоящее же время в крепости на счету каждый человек. Необходимо возможно больше беречь оставшийся гарнизон".

Письмо было отправлено с конным ординарцем в штаб Восточного фронта.

- Слушай, ребята, повнимательнее - стучит ли японец или нет, - распорядился комендант третьего форта штабс-капитан Булганов. - Как только стук прекратится - беги ко мне с докладом.

Засев в переднем рву, японцы справа и слева от потерны, ведущей в капонир, готовили две минные галереи, намереваясь взорвать бруствер. Чтобы воспрепятствовать этому, русские приступили к контрминным работам, но велись они вяло и неумело. Саперов не было, и рыли землю рядовые стрелки и матросы.

Булганов предпочитал отсиживаться в тыловой казарме. Кроме него, на форту находился еще Андрюша Акинфиев со своими "севастопольцами". Лейтенант мало понимал в крепостной войне и ограничивался лишь расстановкой часовых и сооружением ретраншементов в тыловой части

дворика.

Вскоре форт начал обстреливаться из крупных орудий. Кроме того, японцы установили в траншеях фортового гласиса минные аппараты и начали засыпать минами внутренний дворик. Стрелки и матросы поспешили укрыться в потерне, но взрывом мины потерна была разрушена. Все находившиеся в ней оказались заживо погребенными.

Акинфиев с матросами кинулись на помощь. Новый взрыв разметал их в стороны. Оглушенный лейтенант вернулся в казарму и взволнованно спросил у Булганова, как можно помочь засыпанным в потерне.

- Это не в нашей власти. Гарнизон надо беречь для отбития штурма. Если отгоним японцев, тогда попытаемся помочь нашим.

Лейтенант не согласился с этим и вызвал охотников из своих матросов. Они осторожно, шаг за шагом, прячась от глаз японцев, начали разбирать завал. К вечеру удалось извлечь из потерны около тридцати человек невредимых и столько же раненых. Андрюша торжествовал.

После морозного, ясного дня наступила темная ночь.

Воспользовавшись ею, защитники форта начали торопливо исправлять нанесенные за день повреждения. Было решено потерну совсем оставить и засыпать ее обломками и землей. На всякий случай стены и потолок ее минировали.

Японцы также не прекращали работ под бруствером.

Наступило туманное утро. Солдаты сидели в казармах за чаем, когда неожиданно раздался оглушительный взрыв. Посыпались земля, обломки бетона, камни, густой едкий дым наполнил весь дворик. Булганов и Акинфиев пытались вывести солдат и матросов из казармы, но огонь косил смельчаков.

- Нужно подать им пример храбрости, господин штабс-капитан. - И лейтенант направился к выходу.

- Вашбродь, обождите, чего зазря погибать, - обратились к нему матросы.

- Когда японец полезет на форт-стрельба прекратится, не станет же он бить по своим.

Замечание было дельное, и лейтенант остановился.

- Бросьте, друг мой, играть со смертью, - подошел Булганов. - В конечном счете вы всегда останетесь в проигрыше и раньше времени отправитесь к праотцам Горбатовский приказал беречь солдат и без настоящей надобности в контратаки не ходить.

- Короче говоря, прекратить оборону форта?..

- Не совсем так, но около этого. Я уже велел понемножку складывать пожитки. До ночи переждем, а там смотаем удочки...

- Но ведь имеется полная возможность защищать форт и дальше!..

- Очевидно, это не входит в расчеты начальства.

Лейтенант не поверил до тех пор, пока ему не была показана подлинная телефонограмма начальника Восточного фронта обороны крепости. Содержание ее вскоре стало известно всему гарнизону.

Японцы не верили, что русские, так упорно до сих пор оборонявшие каждый шаг, теперь без сопротивления уступают им почти всю территорию форта. Они продолжали усиленно обстреливать казарму и ров и не решались продвигаться вперед, подозревая какую-то каверзу со стороны русских.

Под вечер был получен прямой приказ об оставлении форта "ввиду совершенной невозможности дальнейшей его обороны".

- Это предательство! - кипятился Акинфиев. - Мы еще можем здесь держаться.

- Против воли начальства не погрешь, - ответил Булганов.

Тогда Акинфиев от своего имени написал Горбатовскому протест и отправил его генералу с одним из своих матросов. В ответ он получил приказ явиться в штаб Восточного фронта.

- Что нам, вашбродь, делать? - спрашивали у лейтенанта матросы, когда он собирался идти в штаб.

- До моего возвращения никуда отсюда не уходить, хотя бы стрелки и оставили форт.

- Есть, вашбродь, будет исполнено!

В штабе Горбатовский рассыпался в комплиментах по адресу лейтенанта, благодаря его за мужество и бесстрашие, проявленные при обороне

форта.

- Если бы весь гарнизон состоял из моряков, то об оставлении форта номер три не могло быть и речи, но стрелки очень ослабели и потеряли свою былую стойкость, - уверял генерал. - Поэтому решено сократить линию обороны и оставить особенно сильно разрушенные форты, где держаться уже почти невозможно. К числу таких принадлежит и третий форт.

- Я со своей ротой продержусь там не менее недели, - заверял Акинфиев.

- Ваши матросы будут нужны в другом месте. Очень прошу вас выполнить мое распоряжение.

- Есть!

По дороге на форт он встретил своих матросов. Они сообщили ему, что форт оставлен.

- Почти целеньким отдали... Успели только взорвать в проходе одну шаровую мину, да и то штабс-капитан заругался, - доложил унтер-офицер.

- Почему же вы оставили форт без моего приказанья? - удивился Акинфиев.

Матросы удивленно взглянули на него.

- Так нам же от вашего имени передали по телефону приказ вернуться в штаб, что мы и сделали.

Акинфиев был возмущен, но ничего уже не мог поде дать.

Японцы не сразу заметили уход русских с форта и только к вечеру следующего дня решились полностью занять его.

- Лепехин, возьми с собой человек пять и отправись на укрепление номер три, - распорядился Гудима. - Там будешь, за начальника артиллерии.

Фейерверкер откозырял и направился в свой каземат.

Там он собрал около себя солдат и сообщил им о полученном приказании.

- Кто хочет со мной?

Солдаты вздыхали и молчали.

- Жили себе на батарее, не тужили, думали, до конца здесь пересидим, ан нет - иди на какое-то там третье укрепление, - наконец отозвался один из них.

- Такова воля божья, - сурово ответил Лепехин.

Перед уходом Лепехин прочитал несколько молитв, взял с собой Библию и одну из икон. Когда солдаты проходили мимо Залитерной, их окликнул Борейко, незадолго перед тем вернувшийся с батареи Белого Волка.

- На богомолье, что ли, собрались, кержаки?

- За вас, вашбродь, бога молить будем на третьем укреплении, - в тон поручику ответил Лепехин.

- Место там опасное, смотрите не осрамите наш Утес. Если узнаю, что вы сдрейфили, головы поотрываю! - предупредил Борейко.

Вечером артиллеристы добрались до укрепления и явились к его коменданту Спредову.

Лепехин разместил своих людей в казарме, а затем пошел знакомиться с артиллерийским вооружением. Оно состояло из двух поршневых пушек, старой китайской гладкоствольной картечницы и нескольких мелкокалиберных морских орудий.

Японцы уже овладели передним капониром и частью потерны. Осмотрев укрепление, Лепехин расставил пушки на брустверах и в тыловом рву, назначил к каждой командира из своих утесовцев, в которых он был уверен.

- Без приказа не пали, стреляй с толком, чтобы снаряды зря не пропадали, - наставлял он артиллеристов.

Как и на третьем форту, японцы здесь применили минометы, обстреливая всю внутренность форта. Это заставило отвести всех людей, кроме часовых, в потерну и разместить их около входа на внутренний дворик. Капитан Спредов поместился тут же, а зауряд-прапорщиков из фельдфебелей направил охранять горжевой ров.

Весь день прошел в напряженном ожидании взрыва переднего бруствера, но японцы не торопились. К вечеру обстрел укрепления совершенно прекратился.

Противники обменивались лишь редкими ружейными выстрелами и лениво перебрасывались бомбочками.

Уже в темноте, на переднем бруствере показался японец и громко закричал по-русски:

- Эй, оборванцы, сдавайтесь! Вам давно надоело есть конину, а нам мерзнуть в окопах. Пора кончать войну. Ваши генералы продали нам крепость со всеми солдатами.

- Ах ты, черт проклятый, - схватились стрелки за винтовки, но японец поспешно скрылся.

Затем в русские окопы полетели камни с привязанными к ним прокламациями.

Японцы уговаривали сдаться.

- Пока сила у нас есть, надо укрепление отстаивать до последнего, - заявил Лепехин.

Ночь прошла спокойно. Японцы усиленно работали в минных галереях.

Утром стук прекратился. Спредов приказал всех людей отвести в тыловую часть укреплений, оставив впереди лишь одного или двух часовых.

Артиллеристы изготовились у своих орудий, зарядив их картечью.

Лепехин деловито говорил артиллеристам:

- Помни, что Ведмедь сказал: "Не посрами Утеса, бей японца прямо в самое рыло!"

Около девяти часов утра, при полном спокойствии на фронте, раздались один за другим два сильных взрыва. Передний бруствер по обеим сторонам потерны сильно осел и обнажил ее бетонные стены. Японцы немедленно открыли по укреплению сосредоточенный огонь из одиннадцатидюймовых мортир. Весь гарнизон поспешил укрыться в казарме и потерне. Лепехин отвел своих артиллеристов в тыловой ров. Вскоре один из снарядов попал в переднюю часть потерны, пробил бетонное перекрытие и разорвался внутри помещения.

Одновременно взорвались сложенные тут же бомбочки. Силой взрыва вся передняя часть потерны обвалилась. Погиб командир укрепления и большая часть гарнизона. Выход на внутренний дворик оказался

заваленным.

Тотчас же японцы кинулись на штурм. Не встречая сопротивления, они захватили весь внутренний дворик и по боковым рвам прошли в тыл укрепления.

Остатки гарнизона оказались окруженными в казарме. Лепехин первый понял, в какое положение попал гарнизон. Вынув Библию, он набожно перекрестился.

- Пришел, братцы, наш смертный час, - обернулся он к утесовцам.

Его бородачи по очереди приложились к Библии и разобрали винтовки.

- Приказывай, старшой, что делать.

Лепехин расставил солдат у окон казармы, а сам поместился у входа. Тут наскоро соорудили из мешков бруствер и установили пулемет. Всего уцелело в казарме и потерне около ста человек, но большую часть их составляли раненые, контуженные и оглушенные. Вполне боеспособных осталось не больше сорока человек.

- Сдавайся, рус! - кричали японцы, но в ответ гремели выстрелы.

Японцы подтащили полевые пушки и начали в упор расстреливать тыловые казармы. Но бетон выдержал эту бомбардировку. Солдаты притаились в простенках и в промежутки между орудийными выстрелами бросали в противника бомбочки. Лепехин из ворот умудрялся выпускать по японцам очереди из пулемета. Небольшого роста, коренастый, с редкой бородкой, он как-то сразу вырос, голос его приобрел суровые, повелительные нотки, серые глаза смотрели остро и твердо. Все его приказания выполнялись немедленно. Даже матросы, иронизировавшие вначале над пристрастием фейерверкера к Библии, теперь слушались его во всем.

Зимний день склонялся к вечеру, но гарнизон продолжал оказывать сопротивление. К укреплению прибыл сам начальник штаба осадной армии генерал Идзита. Он приказал послать парламентаря для переговоров о сдаче. Японский майор с белым флагом появился перед воротами и потребовал к себе старшего офицера.

- Внимательно следи за японцем, чтобы он не сделал какого-нибудь

подвоха.

Чуть что - бей без предупреждения, - распорядился Лепехин, выходя к парламентарю.

- Я хочу видеть офицера-коменданта, - проговорил японец.

- Я и есть комендант, а офицеров у нас нет, - ответил с достоинством фейерверкер.

- Если вы сейчас добровольно сдадитесь, мы гарантируем вам жизнь, - проговорил японец.

- Долгонько придется вам ждать этого, ваше японское благородие, - ответил Лепехин и ушел.

Подтянув еще несколько рот к укреплению, японцы с криками кинулись на штурм. Немногочисленный гарнизон быстро таял. У амбразур стрелки менялись один за другим. Легкораненые подавали патроны и бомбочки. Лепехин, уже дважды раненный, продолжал стрелять из пулемета, пока последний не разбило взрывом бомбочки. Казарма наполнилась едким дымом. Число раненых увеличивалось с каждой минутой. Они собирались в уцелевшей части потерны.

Здесь же были сложены и запасы бомбочек.

Наконец японцам удалось ворваться внутрь. Началась штыковая схватка в густых сумерках уже наступающего вечера. Раненный в третий раз, Лепехин с трудом добрался до потерны. Японцы заполнили казарму и ринулись в потерну.

Фейерверкер в последний раз окинул взглядом уцелевших защитников гарнизона и с силой ударил ногой по одной из лежащих на земле бомбочек. Огромное пламя на мгновение осветило десяток-другой израненных русских матросов и солдат, а также японцев со штыками наперевес. Затем все исчезло среди облаков дыма.

Под обломками укреплений погибли остатки гарнизона вместе со штурмующими колоннами.

В доме Стесселя заседал военный совет. Человек двадцать офицеров, генералов и адмиралов собралось в просторном кабинете. На стене висела большая карта Артура с нанесенными на ней фортами и

укреплениями. Фок красным карандашом старательно перечеркнул укрепление номер три и аккуратно вывел дату его падения: 18 декабря 1904 года. Рядом на карте уже виднелись такие же крестики над вторым и третьим фортами.

- Прошу внимания, господа, - постучал Стессель карандашом. - Сейчас получено известие о падении укрепления номер три. Таким образом, все долговременные сооружения Восточного фронта перешли в руки противника. Наши войска отныне занимают плохо оборудованные полевые позиции второй линии. Я хочу слышать ваше мнение о возможности дальнейшего продолжения обороны.

Присутствующие начали высказываться. Артиллеристы, моряки и командиры полков Седьмой дивизии единодушно говорили о необходимости продолжать оборону. Зато представители Четвертой дивизии, которой командовал Фок, не менее дружно высказывались за бесцельность дальнейшего сопротивления.

- У нас совсем нет снарядов, - утверждал начальник штаба Четвертой дивизии подполковник Дмитриевский.

- В наличии имеется свыше ста тысяч снарядов и шрапнелей различных калибров, - возразил Белый.

- В полках больше половины солдат больны цингой, питание плохое.

Наступили холода, но нет теплой одежды, - на разные голоса твердили полковники Савицкий, Гайдурин и Некрашевич в тон Дмитриевскому.

- Японцу тоже приходитша не шладко, он больше его страдает от холода.

Шолдатики еще могут держаться, только надо увеличить дачу конины. У наш имеетша еще нешколько тыщяч лошадей. Обязательно и необходимо шражаться до конца, - с большим подъемом проговорил старик Надеин, который после смерти Кондратенко вступил в командование Седьмой дивизией.

- Я недавно был в траншеях и видел там наших мучеников-солдатиков. Только жестокосердные люди могут заставлять их воевать. Они завшивели, изголодались, но еще полны героического духа. Необходимо

сохранить их для России. Они вполне заслужили право на дальнейшую жизнь, - со слезой в голосе разливался Фок.

- О сдаче не может быть и речи! У меня есть еще около полсотни вариантов дальнейшей обороны Артура, - торжественно проговорил Смирнов, но это заявление вызвало лишь досадливую улыбку на лицах присутствующих.

- Миссия Порт-Артура в смысле защиты флота окончена, так как эскадра перестала существовать. Для Северной армии Артур теперь является лишь обузой. Дальнейшая защита может привести к взятию крепости штурмом и общей резне, - спокойным профессорским тоном проговорил Рейс.

- Вы забываете об эскадре Рожественского. Он ведь рассчитывает идти в Артур, а не во Владивосток, - возразил Вирен.

- Чтобы затонуть в наших лужах совместно с артурской эскадрой, - заметил иронически Стессель. - Для этого не стоило совершать путешествия вокруг Европы.

Но за продолжение обороны все же высказалось огромное большинство присутствующих на совете.

- Итак, будем считать, что совет высказался за оборону до конца, - подвел итоги Стессель. - На каких рубежах мы дальше будем обороняться?

- Я доложу, - поднял руку Смирнов. - Сначала за Китайской стенкой, где мы находимся сейчас. Тут у меня имеется пять вариантов.

- Пожалуйста, без них, - остановил его генерал-адъютант.

- Затем отойдем на Скалистый кряж, потом на Владимирскую и Митрофаниевскую горки и, наконец, зайдем городскую ограду. Конечно, тут могут быть различные варианты, но я уже о них не говорю.

- Я нахожу, что все эти линии не имеют серьезного оборонного значения. Задерживаться на них долго не удастся. Да, впрочем, это в настоящее время и не важно, - ответил Стессель.

Едва все разошлись, Фок сел за письменный стол Стесселя и быстро набросал приказ об оставлении батареи литеры Б и Залитерной, обоих

Орлиных Гнезд и всей второй линии обороны.

- Я отхожу прямо к центральной ограде, - сообщил он Стесселю.

- Что ты, что ты. Ведь только что совет высказался за продолжение обороны!

- Плевать мне на все советы! Если до двадцатого числа Артур не капитулирует, мы с тобой лишимся нескольких миллионов долларов. Это поважнее. Хоть остаток дней мы будем жить спокойной, обеспеченной жизнью.

Ну, я пошел.

- Постой, нельзя же так сразу... - пытался остановить его Стессель.

- Прикажи Рейсу подготовить письмо с предложением о капитуляции. До полуночи двадцатого декабря старого стиля оно должно быть в японском штабе.

- И Фок, не прощаясь, вышел.

Штаб командующего японской осадной армией под Порт-Артуром генерала барона Ноги расположился в большой китайской деревне Шуйшиин, в четырех километрах от передовых фортос осажденной крепости.

Сам генерал занимал просторную светлую фанзу, асе стены которой были увешаны картами и схемами портартурских фортос и укреплений.

Темным декабрьским вечером Ноги вместе со своим начальником штаба генералом Идзити склонился над письменным столом, на котором лежали только что составленные сведения о потерях осадной армии во время последних штурмов.

- Больше штурмовать мы не можем, ваше превосходительство, мы останемся без армии, - доложил Идзити.

- Но наш божественный Тенно требует немедленного взятия Артура, так как эскадра Рождественского уже находится около Мадагаскара, а к Маньчжурской армии Куропаткина ежемесячно прибывает по два свежих корпуса. Если Артур не будет взят до января, русские получают перевес как на суше, так и на море, и война будет нами проиграна, - неторопливо возразил Ноги.

- Но штурмовать сейчас нам просто нечем - нет ни людей, ни снарядов, ни патронов, - нервно проговорил Идзити.

Наступило тягостное молчание.

- Тогда нам остается только одно, Идзити-сан: харакири, - отдельно, строго произнес Ноги, в упор глядя на своего начальника штаба.

Разговор прервал сильный стук в дверь.

- Войдите, - недовольно разрешил Ноги. В комнату влетел радостно возбужденный генерал Танака.

- Счастлив доложить вашему превосходительству! генерал Стессель обещал сдать крепость не позднее первого января, - почтительно доложил он Ноги.

Было ясное, морозное утро. Борейко вышел из блиндажа на Залитерной и начал мыться ледяной водой. Он был небрит, похудел, но выглядел бодрым и здоровым.

- Наши вернулись с укрепления номер три? - спросил он у денщика.

- Никак нет! Стрелки сказывали, что япошка взорвал укрепление и на нем пропали все до последнего человека.

Поручик нахмурился.

- Жаль Лепехина... Но раз в плен не сдались - значит, погибли с честью, - задумчиво проговорил он. - Лучше умереть с оружием в руках, чем положить его перед врагом.

Вымывшись и наскоро проглотив стакан чаю, Борейко отправился на командирский пункт.

Едва он взглянул в бинокль, как удивленно опустил его. Вся Китайская стенка уже была занята японцами, которые наскоро приспособляли ее к обороне. Еще вечером стрелки находились здесь, а теперь оказались почти на версту ближе к Залитерной, хотя ночь прошла совершенно спокойно.

Борейко немедленно отправился к стрелкам, чтобы выяснить обстановку и узнать, почему стрелки оставили хорошо оборудованную позицию.

- Приказ генерала Фока, - ответил ему стрелковый прапорщик, командовавший участком. - Говорят, в следующую ночь мы отойдем к

самому городу.

- Я со своими артиллеристами с Залитерной не уйду, - угрюмо бросил Борейко.

- И попадете в лапы к японцам.

- Предварительно поверну свои пушки на город и разгромлю штаб Стесселя вместе с его квартирой, - буркнул поручик в мрачном раздумье.

На батарее его ждал новый сюрприз. Гудима сообщил, что получено приказание очистить батареи литеры Б и Залитерную сегодня к двенадцати часам.

- Кто отдал такое распоряжение?

- Штаб генерала Горбатовского, по приказу Фока.

- Я не собираюсь ему подчиняться! Что об этом распоряжении думает Енджеевский?

- Он послал протест самому Стесселю.

- Чудак! Неужели он не знает, что генерал-адъютант и Фок - одна лавочка!

Ты-то, Алексей Андреевич, что собираешься делать?

- Пока стрелки останутся здесь, не уйду и я.

Заметив отход русских, японцы обрушили на них огонь всех своих батарей. В плохо оборудованных окопах стрелки сразу же начали нести большие потери, а местами и подались назад. Японцы кинулись за ними по пятам, но попали под губительный огонь крепостных батарей и отошли в исходное положение. Началась артиллерийская дуэль между Артуром и осадными батареями.

Борейко сидел на наблюдательном пункте и вел интенсивную стрельбу по пехоте противника и его батареям. В свою очередь, японцы пытались заставить Залитерную замолчать, но это им не удавалось. После полудня конный ординарец привез новый приказ - немедленно очистить Залитерную.

Гудима и Борейко отказались подчиниться и этому приказу. Но не прошло и часа, как батареи литеры Б и Залитерная были обстреляны с тыла батареями третьей линии обороны. Первыми же выстрелами было

ранено несколько человек из оружейной прислуги. Не желая подвергать своих людей напрасному риску, Борейко и Гудима принуждены были оставить Залитерную и батарею литеры Б.

Они отправились в штаб Горбатовского.

- Что вами сделано по разрушению батареи? - справился генерал.

- Взорваны все пушки и блиндажи, облиты керосином и подожжено все то, что может гореть, вынесено все то, что можно было вынести, - доложил поручик.

- С вами много людей? - подлетел начальник штаба капитан Степанов. - Нам необходимо поддержать гарнизон Большого Орлиного Гнезда.

- Около двадцати человек, все артиллеристы с Залитерной и батареи литеры Б

- Нужно немедленно отправиться на Большое Гнездо и постараться как можно дольше задержать японцев, чтобы наши части успели укрепиться на третьей линии обороны. Иначе противник ворвется в город и учинит резню мирного населения и раненых, как это было в китайскую войну.

Через десять минут остатки утесовцев маршировали к Орлиному Гнезду.

Впереди шагала Борейко, а шествие замыкал Блохин.

Большое Орлиное Гнездо возвышалось над всем Старым городом и тылом Восточного фронта. С его падением японцы получали в свои руки тактический ключ всей северной и восточной обороны крепости. Не оставалось ни одного места в Артуре, которое бы не было видно с Большого Орлиного Гнезда и горы Высокой.

На вершине горы были сооружены полевые укрепления, в скале высечено несколько пещерных блиндажей, прекрасно предохраняющих от снарядов любого калибра. Возвышаясь на добрую полсотню саженей, гора была почти недоступна для атаки пехоты, но зато у ее подножья имелось большое мертвое пространство. Это позволяло сосредоточить здесь значительные силы в непосредственной близости от вершины.

С падением Залитерной и батареи литеры Б все подступы к Орлиному Гнезду оказались под прямым ружейным обстрелом противника, так что артиллеристы с" большим трудом, местами перебежками, добрались до

крутой тропинки, ведущей на вершину. Здесь они застали коменданта горы капитана Голицинского и начальника команды моряков лейтенанта Тимирова. Голицинский был ранен и контужен и, весь перевязанный, лежал в блиндаже. Тимиров, больной цингой, едва держался на ногах.

- Прошу вас принять на себя обязанности коменданта, - обратился к Борейко капитан, - так как я и лейтенант уже совсем выбились из сил.

- Слушаюсь! - откозырял Борейко. - Прежде всего я предложу вам, господа, при первой же возможности покинуть Орлиное Гнездо и отправиться на перевязочный пункт.

Он обошел укрепление. Гарнизон его без артиллеристов не превышал двадцати человек стрелков и моряков. На вооружении состояли три пулемета и несколько шметилловских пулеметов. Кроме того, имелись шаровые мины и бомбочки.

- Блохин, ты подумай, как удобнее спустить вниз эти гостинцы, - приказал Борейко. - А ты, Гайдай, займешься шметилловскими пулеметами. Ты, Зайчик, ознакомься, много ли здесь продовольствия и воды.

С Орлиного Гнезда открывался широкий вид на все японские позиции, артурскую гавань и Старый город. Поручик отыскал Пушкинскую школу, где находилась Оля Селенина. Это здание было хорошо видно.

"Что она сейчас подделывает? - подумал Борейко.

Заметив усиленное движение на вершине горы, японцы открыли сосредоточенный огонь. Гарнизон укрылся в узких и глубоких траншеях и почти не нес потерь. После получасовой артиллерийской подготовки густые цепи противника пошли на штурм. Им удалось дойти до подножья. Высунувшись из-за бруствера, Борейко видел, как японцы карабкались с камня на камень, стараясь взобраться наверх.

- Надо спустить на них шаровую мину, - распорядился поручик и бросил в японцев связку бомбочек. Раздавшийся вслед за этим крик показал, что они попали в цель.

Блохин с помощью стрелков и матросов поднял на бруствер десятипудовый шар, начиненный пироксилином.

- Готово! - наконец доложил Блохин и поджег запальный шнур.

Борейко сам навалился на мину и столкнул ее вниз.

Не успев коснуться земли, мина с грохотом взорвалась.

Немногие уцелевшие японцы стремительно бросились к своим окопам.

Снова началась бомбардировка Орлиного Гнезда.

Вершина горы утонула в облаках пыли и дыма.

- Вытянем до ночи? - спросил поручик у солдат.

- Как бог даст, - уклончиво ответил явно робевший Гайдай.

- Не может японец осилить утесовцев, - убежденно проговорил Блохин, - Мы должны выдержать, а там подадимся в город, к учителькам, - уголком глаза лукаво посмотрел он на поручика.

- Я слышал, что ты проявляешь больно много интереса к фельдфебельской дочке, - не остался в долгу Борейко.

- Сиротку надо пожалеть, особенно ежели она обижена от людей, - смущенно ответил солдат.

Под прикрытием артиллерийского огня японцы вновь добрались до подножия горы и на этот раз прочно закрепились в мертвом пространстве. Ни бомбочки, ни шаровые мины не могли их достать.

Дул северный ветер. Блохин решил воспользоваться им. Набрав по блиндажам всякого тряпья, солдат связал его, прицепил к нему камни, облил керосином, зажег и спустил вниз. Едкий, вонючий дым распространился вокруг. Японцы не выдерживали, выбегали из своих нор и попадали под обстрел.

- Выкурили мы японца, - обрадовались солдаты.

Но сильный орудийный обстрел заставил гарнизон Орлиного Гнезда опять укрыться в блиндажах. Число раненых все время увеличивалось. Их едва успевали наскоро перевязывать; Борейко разрешил им уходить с горы.

- Нам некогда возиться с перевязками, - решительно заявил он.

Утесовцы, все, как один, решили остаться до конца со своим командиром.

- Вместе воевали на Утесе и Залитерной, вместе и смерть принимать будем, - за всех сказал взводный фейерверке? Жиганов.

Около двух часов дня, без всякой подготовки, японцы снова кинулись на

Орлиное Гнездо. Они быстро окружили его со всех сторон и по склонам начали взбираться вверх. Некоторым удалось добраться до вершины, но их тотчас же перекололи.

Отрезанный от штаба, Борейко мог только сигнальными флагами сообщать о своем положении и просить помощи из резерва. Но Горбатовский был глух и нем.

По приказу Фока Орлиное Гнездо подлежало сдаче, и гарнизон его был обречен на гибель.

Перед вечером поднялся туман. Старый город затянуло пеленой. Борейко последний раз взглянул на здание Пушкинской школы и глубоко вздохнул.

Вскоре иссяк запас воды. Раненые просили пить и в смертельной муке беспомощно метались в блиндажах. На исходе были бомбочки и ружейные патроны.

- Вашбродь, разрешите отогнать японца штыками и вынести раненых, - обратился к Борейко Жиганов.

Поручик осмотрелся. Здоровых солдат оставалось всего пятнадцать-двадцать человек, раненых было примерно столько же, из них человек пять тяжело.

- Вали, Жиганов! - с грустью проговорил он. - Оставь мне двух человек, я с ними буду прикрывать твой отход.

- Разрешите, вашбродь, мне остаться с вами, - тотчас отозвался Блохин.

- И мне также, - подошел Заяц.

- У тебя еще не зажили раны, поэтому ты не подходишь. Кто еще? - окинул он своих солдат испытующим взглядом.

- Эх, была не была! Вместе с Блохиным дрался под Цзинджовой и теперь еще раз попытаю свое дырявое счастье, - потрянул головой Гайдай.

- Помните, живыми отсюда едва ли уйдем, - предупредил Борейко.

- Мы, вашбродь, утесовцы, - бойко отозвался Блохин.

Собрав около себя всех способных держать винтовки, Жиганов бросился сверху на японцев. Это было так смело и неожиданно, что осаждающие кинулись врассыпную. Почти все солдаты благополучно прорвались

через цепь, окружавшую Орлиное Гнездо.

- Прешли, - проговорил следивший за ними Борейко. - Теперь, ребята, держись! Сейчас японцы кинутся на нас.

Он не ошибся. Решив, что Гнездо очищено, японцы со всех сторон стали взбираться к его вершине. Но Борейко, Блохин и Гайдай качали забрасывать их бомбочками. Как ни старались японцы подбодрить себя криками "банзай", все же принуждены были вновь отступить.

- Сколько осталось бомбочек? - усталым голосом справился Борейко.

- Десять штук, вашбродь. Девять японцам, а последняя нам, - ответил Блохин.

- И последнюю в них. У нас еще останутся винтовки со штыками.

- Банзай! - снова раздалось внизу.

Трое защитников кинулись к переднему брустверу. Едва их фигуры показались на вершине, как прогреготал страшный взрыв мины, высоко вверх взлетели обломки скалы, бревна...

Через пять минут японский флаг взвился над Орлиным Гнездом.

Силой взрыва Блохина отбросило далеко в сторону. Оглушенный при падении, он потерял сознание. Уже затемно солдат пришел в себя, припомнил, что с ним произошло, и решил двинуться на поиски Борейко.

Вскоре ему попалась изорванная, окровавленная артиллерийская фуражка с черным бархатным околышем. Внутри были ясно видны золотые инициалы: "Б. Б." - Эх, пропал наш Ведмедь! А какой человечество-то был! - И Блохин почувствовал, как у него защекотало в горле. Слезы хлынули из глаз. Вокруг никого не было, и он, не стыдясь, вытер лицо рукавом. Затем спрятал фуражку в карман.

Заняв Большое Орлиное Гнездо, японцы не рискнули ночью продолжать наступление на Артур и стали окапываться. Это дало возможность Блохину благополучно добраться до русских частей. Попав в город, он прежде всего направился в Пушкинскую школу. На стук вышла Оля Селенина, опираясь на костыль. Солдат молча подал ей фуражку. Оля непонимающе повертела ее в руках, потом глухо зарыдала.

- На Большом Орлином Гнезде японские флаги! - влетел без спроса в

кабинет Стесселя ротмистр Водяга.

Генерал-адъютант вскочил, как на пружинах, а затем снова сел на стул.

Вера Алексеевна всплеснула руками и заплакала. В доме началась суматоха.

Забегали ординарцы, захлопали двери.

- Где это запропастился Фок? - истерически вопрошала генеральша. -
Надо немедленно начать переговоры о мире, пока японцы не ворвались в
Артур и не устроили поголовной резни. Анатолий, пошли сейчас же за
Рейсом!

Через минуту прибежал взволнованный начальник штаба.

- Виктор Александрович, надо немедленно отправить Ноги письмо с
предложением сдачи Артура, - встретила его Вера Алексеевна.

- Текст у меня уже заготовлен, - вынул полковник бумагу из бокового
кармана. - Но ведь мы еще не имеем официального донесения о
положении наших частей ни от коменданта крепости генерала Смирнова,
ни от начальника сухопутной обороны генерала Фока, - напомнил Рейс.

- Смирнова нечего путать в это дело, а Фока надо немедленно разыскать
во что бы то ни стало, - распорядился Стессель.

- Он только что подъехал к дому, - доложил Водяга.

Через минуту Фок в пальто, перепоясанный серебряным шарфом, при
шашке и с револьвером на боку, широким строевым шагом вошел в
кабинет. Он официально вытянулся перед Стесселем и доложил:

- Ваше превосходительство, под давлением превосходящих сил японцев
наши части отошли на последнюю линию обороны. Ввиду истощения
запасов артиллерийских снарядов и ружейных патронов, а также
вследствие крайнего изнурения гарнизона считаю дальнейшее
сопротивление невозможным.

Стессель стоя выслушал этот доклад.

- Вполне согласен с тем, что дальше мы сопротивляться не можем. Что же
вы, ваше превосходительство, предполагаете делать? - спросил генерал-
адъютант.

- Считаю необходимым немедленно начать переговоры о капитуляции

Порт-Артура, - твердо ответил Фок.

Стессель стоял бледный, взволнованный, сразу осунувшийся, потеряв обычный бравый вид.

- Как генерал-адъютант русского императора и старший из военных начальников в Артуре я решаю капитулировать, - проговорил он. - Полковник Рейс, потрудитесь по этому поводу вступить в переговоры с командующим японской осадной армией генералом бароном Ноги, - официальным тоном закончил он и опустил в кресло. - Господи, спаси и сохрани меня от всякого зла! Не миновать теперь мне виселицы...

- В России, слава богу, еще генерал-адъютантов не вешают, а если они проштрафятся, то направляют их в Государственный совет, - успокоила мужа Вера Алексеевна. - Анатолий, ты должен помнить, что этим шагом ты спасаешь от смерти десятки тысяч наших героических офицеров и солдат. Тысячи и тысячи матерей, жен, сестер и дочерей вечно будут молить за тебя господу бога.

- Разрешите прочитать письмо к японскому главнокомандующему, - вкрадчиво произнес Рейс.

"Его превосходительству барону Ноги, главнокомандующему японской армией, осаждающей Порт-Артур.

Милостивый государь!

Сообразуясь с общим положением дела на театре военных действий, я признаю дальнейшее сопротивление Порт-Артура бесцельным и, во избежание напрасных потерь, желал бы войти в переговоры относительно капитуляции. Если Ваше превосходительство на это согласны, то прошу назначить лиц, уполномоченных для переговоров об условиях и порядке сдачи, а равно указать место, где они могут встретить назначенных мною лиц.

Пользуюсь случаем выразить Вам чувство моего глубочайшего уважения. Генерал-адъютант Стессель".

- Прекрасно, - одобрил Стессель и подписал протянутую ему бумагу.

Через четверть часа прапорщик Мальченко в сопровождении двух казаков с огромным белым флагом уже скакал по направлению к

японским линиям. Когда он поравнялся со штабом Горбатовского, генерал с удивлением спросил:

- Куда направляется парламентар в столь позднее время?
- Очевидно, поехал передать от Стесселя поздравление генералу Ноги с наступившим Новым годом, - иронически ответил Степанов.

Когда Мальченко со свитой миновал русские линии и направился дальше, стрелки догадались о его намерениях.

- Поехал продавать Артур японцу, - сердито проговорил Денисов, фельдфебель охотничьей команды Енджеевского, и, вскинув винтовку, один за другим выпустил по парламентарам всю обойму. Вечерние сумерки помешали, однако, попасть ему в цель.

Услышав за собой стрельбу, Мальченко поспешил укрыться от русских пуль в японских окопах.

Белый нервно ходил по кабинету, ожидая донесения о положении на фронте.

Очищение батарей литеры Б и Залитерной явилось для него полной неожиданностью. Еще утром он получил от Фока приказание обстрелять эти укрепления, так как они заняты японцами. Крепостные батареи сосредоточили на них свой огонь. Как потом оказалось, укрепления были оставлены именно вследствие этого обстрела с тыла. Белый начинал понимать, что он был обманут Фоком, и решил обо всем переговорить непосредственно со Стесселем.

Волновала его и судьба Большого Орлиного Гнезда. Там находились его солдаты-артиллеристы и офицер, о которых он не мог не беспокоиться. Да и огромное значение этого укрепления для дальнейшего хода обороны было для него очевидным. Он несколько раз звонил по телефону, справляясь о положении дел на Гнезде, но ему неизменно отвечали, что гора все еще держится.

Подали обед. Генерал рассеянно поздоровался с Варей, пришедшей с Электрического Утеса, и вполуха слушал ее болтовню о всех утесовских событиях. Затрещал телефон. Варя бросилась к нему и через минуту вернулась бледная, испуганная.

- Борейко убит! - с трудом проговорила она. - Передали из штаба Горбатовского. - И девушка заплакала.

- А каково положение Большого Орлиного Гнезда? - быстро спросил Белый.

- Я не... знаю, я не... дослушала...

- Эх ты, глупая девчонка, самое важное и не спросила, - рассердился генерал и сам пошел к телефону.

- Пало? Что же Фок предполагает дальше делать? Долго на третьей линии мы не продержимся. - И взволнованный Белый вернулся к столу. - После обеда я сейчас же еду к Смирнову. Вели заложить экипаж, - сердито приказал он Варе, которая продолжала плакать.

- Жаль, жаль Борейко. Прекрасный был офицер, хотя и безалаберный человек.

Говорят, его разнесло на клочки, - сообщил Белый жене.

- Господи, когда же этот ужас кончится? - тяжело вздохнула Мария Фоминична.

- Теперь скоро! Не то что дни-часы Артура уже сочтены. - Генерал торопливо заканчивал обед.

Звонок в передней возвестил о прибытии гостя. К своему удивлению, Белый увидел адмирала Вирена.

- Я решил вас побеспокоить, Василий Федорович ввиду наступления чрезвычайных обстоятельств, - про говорил моряк.

- Прошу в кабинет, - пригласил Белый.

- С четверть часа тому назад я получил следующую записку: "Сейчас отправляю с парламентарями письмо генерала Стесселя к барону Ноги с предложением начать переговоры о капитуляции. Поэтому только сегодняшняя ночь остается для того, чтобы сделать с кораблями то, что вы найдете нужным.

Необходимо подготовить миноносец для отправки с ним знамен и секретных бумаг в Чифу. Рейс".

- Первый раз об этом слышу. Едемте сейчас же к Смирнову. Он, верно, в курсе дела. Ведь только вчера совет решил продолжать оборону, а тут

вдруг сдача, - недоумевал генерал,

Накинув на плечи шинель, Белый вместе с Виреном направился к Смирнову.

Комендант крепости только захлопал глазами, когда ему сообщили о капитуляции.

- Тут какое-то недоразумение! Едемте сейчас же к Стесселю...

Стесселя застали в обществе Фока, Рейса, Никитина и нескольких адъютантов. Он уже обрел свой обычный важный вид. Фок о чем-то вполголоса совещался с Рейсом. Никитин же с графинчиком в руке пил рюмку за рюмкой, чокаясь с адъютантами.

- Поминки справляю по русскому Артуру, - хохотал генерал. - Заодно можно будет выпить и за все наши потопленные калоши. Начинайте, ротмистр Водяга.

За "Ретвизана", "Полтаву", "Победу", "Пересвет", - начал он перечислять затонувшие корабли.

- Вместо того чтобы попусту разъезжать по городу, вашим превосходительствам следовало бы озаботиться о возможно быстрейшем выполнении моих приказаний, - накинулся Стессель на прибывших. - У вас, адмирал, времени в обрез, чтобы подорвать свои корабли. А тебя, Василий Федорович, попрошу позаботиться о батареях, особенно береговых. Я больше вас не задерживаю, господа.

Превосходительным гостям оставалось только откланяться.

Как только Белый уехал, Варя заторопилась на Электрический Утес. Известие о гибели Борейко страшно взволновало Звонарева.

- Пока я не увижу его труп своими глазами, я не поверю в его смерть, - твердил прапорщик.

- К тебе пришел Блохин, - сообщила Варя.

- Где Борейко? - кинулся к солдату прапорщик.

- Погибли на Орлином Гнезде. - И Блохин подробно рассказал об обстоятельствах смерти Борейко.

- Но, может быть, поручик уцелел, так же, как и ты?

- Никак нет. Перед взрывом они стояли впереди всех. Рядом был Гайдай,

я находился чуток подале. Не иначе как разорвало поручика на части и Гайдая с ним...

- По-моему, следует немедленно послать наших утесовцев на розыски Борейко.

- Туда, вашбродь, сейчас не доберешься. Наши части отошли к самой городской стене.

Звонарев все же пошел на батарею потолковать с Родионовым и другими солдатами первого взвода. Решили с рассветом поискать Борейко в районе Орлиного Гнезда. На это надо было получить разрешение от Белого. Прапорщик намеревался лично отправиться в Артиллерийский городок, чтобы там переговорить с генералом.

- Как ты, хромой, на ночь глядя поедешь туда? Хочешь, схожу я и все устрою, - отговаривала Варя своего жениха.

Но Звонарев стал молча одеваться.

- Я и не знала, что ты можешь быть таким упрямым!

- Дело идет о жизни самого близкого мне друга. Неужели тебе это непонятно? - возразил прапорщик.

- Я попрошу у Андреева пролетку, чтобы тебе не идти пешком, - уступила наконец Варя.

Через четверть часа они уже ехали по береговой дороге вокруг Золотой горы. Низкие тучи нависли над океаном, который глухо шумел. На сухопутном фронте слышались редкие ружейные выстрелы. Лучи прожекторов медленно ползали по земле.

Когда Звонарев приехал к Белому, генерал уже вернулся домой. Выслушав предложение прапорщика, он мрачно насупил брови и коротко сообщил, что к японцам направлен парламентар с предложением начать переговоры о сдаче.

- Надо думать, завтра наступит перемирие, и вы легко сможете навести все справки о Борейко у самих японцев, - закончил генерал.

Звонарев остолбенел. Варя растерянно посмотрела на отца и жениха, затем вдруг запрыгала и начала хлопать в ладоши.

- Значит, конец войне! Конец всем ужасам и мучениям! Какой ты

хороший, папка. - И девушка крепко поцеловала отца и шаловливо дернула за ухо жениха.

- Значит, ты больше не будешь сидеть на позициях, а я бояться за тебя.

- Да перестань ты шуметь, глупая девчонка! - рассердился Белый. - Нашла чему радоваться. Что хорошего в том, что мы сдали русскую крепость? Ведь это кладет позорное пятно на всех защитников.

Варя сразу потускнела.

- Но ты же, папочка, и Сережа в этом не виноваты?

- Кто станет разбирать - виноват или нет! Раз был в Артуре, значит, повинен в его преждевременном падении, - с горечью проговорил Звонарев.

- Но раз война окончена, то можно будет уехать домой в Россию. Не правда ли? - спросила девушка.

- Едва ли будет так. Вернее, весь гарнизон пойдет в плен, а тяжелораненые, женщины и дети отправятся на родину. Но еще пока ничего не известно. Необходимо подготовить батарею Электрического Утеса к уничтожению, - перешел на деловой тон генерал. - Взорвите пушки, снаряды, порох. Не сможете сделать этого - побросайте в море все, что только можно. Японцам ничего не должно достаться.

- Слушаюсь, ваше превосходительство, - вытянулся Звонарев.

Со стороны гавани раздался сильный грохот.

- Что это за стрельба? - удивилась Варя.

- Должно быть, моряки начали взрывать свои суда, - ответил Белый.

Варя бросилась на балкон, за ней вышли генерал и Звонарев. На дворе было очень темно. Справа, над Большим Орлиным Гнездом, пылали два огромных костра, освещая своим кроваво-красным заревом весь Севере Восточный фронт. Пламя костров яркими огненными столбами тянулось к низко нависшим тучам. На фронте стояла полная тишина, не было слышно даже обычной ружейной перестрелки. С горы Высокой тянулись белые ленты прожекторных лучей, медленно скользя по внутренней гавани Артура. На Перепелиной горе ярко горело какое-то здание. Под ней, в районе затопленных кораблей артурской эскадры, вспыхивали

яркие зарницы и раздавались глухие, продолжительные взрывы. Ближе к Артиллерийскому городку, в Восточном бассейне, неожиданно возникло яркое пламя, на фоне которого вырисовывались силуэты какого-то большого военного корабля.

- Папочка, да ведь это горит "Баян"! - испуганно проговорила Варя.

- Очевидно, решили его уничтожить, - ответил генерал.

Слева, в конце Западного бассейна, над Минным городком полыхало зарево.

Оттуда доносились громopodobные раскаты, взрывов. Темные воды залива рдели багрянцем пожаров.

- Не правда ли, Сережа, жутко? Кажется, что вся гавань наполнена человеческой кровью, - содрогаясь, проговорила; Варя.

Белый сердито фыркнул и вернулся в кабинет.

Вскоре Звонарев заторопился на Утес. Варя осталась помогать матери. Мария Фоминична решила, что раз Артур сдается - следовательно, предстоит длительная дорога в Россию и принялась заблаговременно за сборы.

Около Утеса пролетку Звонарева остановила группа офицеров.

- Будьте добры, скажите, пожалуйста, где тут находится миноносец "Статный"?

- Понятия не имею.

- Нам сказали, что он будет ждать у Электрического Утеса. Мы везем с собой полковые знамена, георгиевские трубы и секретные документы штаба.

- Значит, сдача решена окончательно?

- На занимаемых нашими частями позициях защищаться невозможно.

Около батареи чуть проступал силуэт небольшого миноносца, приткнувшегося к берегу. По сходням, проложенным прямо на прибрежные скалы, сновали темные фигуры матросов. С мостика доносились приказания.

- Возможно, что это и есть "Статный", - указал на него Звонарев.

- Эй, на "Статном"! - крикнул один из спрашивающих.

- Есть на "Статном"? - тотчас отозвались с миноносца.

Офицеры двинулись по направлению к берегу, а за ними последовали две тяжело нагруженные телеги.

На Утесе уже знали о капитуляции, и прапорщика забросали вопросами. Артиллеристы хотели сразу же взорвать орудия, снаряды и порох, но Звонарев запретил делать это.

- Неизвестно, примет ли японец наше предложение о сдаче. Быть может, он отклонит его и бросится на штурм. Тогда пушки и снаряды нам еще очень пригодятся, - пояснил он солдатам.

- Мы, Сергей Владимирович, только подготовим все для взрыва и, когда узнаем, что японец согласился на мир, взорвем, - предложил Родионов. На этом и порешили. Блохин, как признанный всеми знаток подрывного дела, руководил подготовкой.

Звонарев с Родионовым и Блохиным обошли напоследок весь Утес. В дуле каждого орудия помещались заложенные пироксилиновые, шашки. Около сотни десятидюймовых снарядов, сложенных вместе, также должны были взлететь на воздух от электрического запала. Стены бетонных казематов батареи также были минированы.

- Где же мы будем помещаться, если батарея будет взорвана? - спрашивали матросы и артиллеристы, жившие в этих казематах.

- Моряки отправятся к себе в экипаж, а мы разместимся с дохляками в нашей казарме, - ответил Блохин, кивнув головой на команду слабосильных.

На электрической станции Лебедин рассовал около десятка пироксилиновых шашек.

- Кажется, ничего не забыли, - проговорил Звонарев, когда обход был закончен. - Можно и отдохнуть до утра.

Но спать в эту ночь не пришлось. Еще было совсем темно, когда из Управления артиллерии передали, что японцы согласились начать переговоры о капитуляции.

"Категорически запрещается, под страхом личной ответственности командиров батарей, что-либо портить или жечь", - заканчивалась

телефонограмма за подписью Белого.

"Статный" и еще пять других миноносцев в эту ночь благополучно добрались до Чифу, где и разоружились.

Звонарева разбудил грохот на батарее. Наскоро одевшись, он вышел на двор.

В предутренних сумерках беспрерывно вспыхивали зарницы взрывов. Искалеченные пушки падали на землю, в воздухе летали осколки снарядов, к небу взметалось огромное пламя. Гремел Утес, гремела Золотая гора, батареи на Тигровке, на Крестовой горе. С сухопутного фронта доносился несмолкаемый грохот.

Казалось, что Артур вновь переживает штурмовые дни.

- Самоубийство русского Артура, - вздохнув, проговорил Звонарев, прислушиваясь к перекатному грохоту взрывов.

Около девяти часов утра со стороны Белого Волка вышли на буксире "Севастополь" и "Отважный". Затем на них раздалось несколько взрывов. Появились облачка дыма, и два последних корабля артурской эскадры медленно погрузились в морскую пучину.

Покончив с Электрическим Утесом, солдаты разошлись по соседним батареям и в город. Звонарев направился в Управление артиллерии. Еще издали, подходя к городу, он увидел, что там идет погром. Солдаты разбивали магазины, лавки, частные квартиры, поджигали еще уцелевшие дома, - "чтобы япошке не досталось", как объясняли они. Стрелки и матросы бросались на проходивших мимо офицеров.

- Теперь все равны - генералы, офицеры и солдаты. Все пленные! - кричали солдаты.

- Продали нас генералы вместе с Артуром! Проходите, ваше благородие, а то и по шеям получить можете, - подлетели к остановившемуся Звонареву два пьяных стрелка.

- За что же? - спокойно спросил прапорщик.

- На нашей теперь улице праздник! Раньше нас били, а теперь мы, - объяснил один из них.

- Брось, не видишь, их благородие раненые, да и видали мы их не раз на

втором форту, - остановил другой стрелок. - Идите, ваше благородие, к себе домой, да лучше там и сидите, - посоветовал он.

Добравшись до квартиры Белых, Звонарев рассказал об этом приключении Варе.

- Никуда я тебя больше не пущу, пока в городе не наведут порядок, - решительно проговорила девушка.

Второй день в доме Стесселя шла кутерьма. Беспрестанно приходили и уходили офицеры, штатские, полиция и даже китайцы, чтобы получить подтверждение о предстоящей капитуляции. Вера Алексеевна поспешно укладывалась. Человек десять солдат сколачивали ящики, наполняли их доверху различным скарбом и забивали. Гора их росла с каждым часом. Генеральша не собиралась что-либо бросать в Артуре.

В закрытом кабинете у Стесселя собрались его ближайшие друзья и помощники: Никитин, Фок, полковники Савицкий, Гайдурин и другие приверженцы генерала.

Начавшиеся в городе беспорядки сильно напугали Стесселя и его компанию.

Полковник Савицкий, который вздумал увещевать солдат, едва не был избит и спасся тем, что спрятался в частной квартире. Фок также пытался восстановить порядок, и только седина спасла его от побоев. В доме генерал-адъютанта нашли убежище еще несколько офицеров, особенно ненавистных солдатам.

Проведав об этом, стрелки и артиллеристы двинулись к дому генерал-адъютанта. По телефону была поспешно вызвана единственная в Артуре кавалерийская часть - сотня забайкальских казаков под командованием есаула Концевича. Она поспела как раз вовремя, чтобы преградить путь толпе.

Началась перебранка между солдатами и казаками, грозившая перейти в потасовку. Концевич осторожно доложил генералу, что и его люди не вполне надежны.

- Пошли Ноги просьбу немедленно ввести в город японские войска для прекращения беспорядков, - предложила Вера Алексеевна, с ужасом

глядя на огромное пожарище в городе.

С наступлением темноты ротмистр Водяга под охраной взвода казаков поскакал с личным письмом Стесселя в ставку японского командующего армией.

Ноги не замедлил прийти на помощь "храброму оборонителю", как он величал в своем ответе Стесселя.

Вскоре рота японцев с примкнутыми штыками, в фуражках с желтыми околышами, в суконных шинелях с меховыми воротниками, плотным кольцом окружила дом генерал-адъютанта, сменив казаков и артиллеристов.

Японские патрули направились в город и тут при свете пожара хватали и десятками расстреливали героических защитников Артура. В то же время Стессель с женой и своими приспешниками поднимали бокалы в честь японского императора и генерала Ноги.

Как только стало известно, что порядок в городе восстановлен, Варя отправилась на поиски Борейко в район Большого Орлиного Гнезда. По телефону с Утеса были вызваны Блохин и Родионов, и они втроем двинулись пешком на гору. Утесовцы успели еще засветло осмотреть как самое Орлиное Гнездо, так и все вокруг него. Поиски не увенчались успехом. Среди японцев нашлись говорящие по-русски. От них Варя узнала, что еще накануне около Гнезда был подобран в бессознательном состоянии тяжелораненый русский офицер. "Шипка большой, мы таких еще не видали, на нем не было целого места, а он все еще дышал", - пояснили японцы.

- Не иначе, Ведмедь! - обрадовались артиллеристы.

- Завтра же постараюсь навести справки у японцев через Балашова, - решила Варя.

Окрыленные надеждой, утесовцы направились домой.

- Пойду Вамензона убивать, - сообщил Блохин фейерверкеру, тряхнув своей трофейной винтовкой.

- Охота тебе марать об него руки, - спокойно проговорил Родионов.

- Если его не убить, то он и дальше будет тиранить солдат. - И Блохин

ушел.

На батарее номер двадцать два, которой командовал капитан Вамензон, горели подожженные солдатами деревянные казармы. Капитан торопливо укладывал в чемодан наиболее ценные вещи, когда его внимание привлек шум на дворе.

Взглянув в окно, Вамензон увидел толпу вооруженных солдат, впереди которой шел Блохин. Капитан понял, что настал час расплаты за все его издевательства над солдатами. Бросив все, он поспешно выбежал на задний двор и спрятался в отхожем месте.

Солдаты ворвались в квартиру. Они заглядывали под кровати, открывали шкафы, осмотрели чердак, но нигде не могли обнаружить капитана.

- Зон, где ты, растакой сын?! - зывал Блохин, тыча штыком во все укромные места, но нигде никого не было. - Куда же он мог деваться? Не вылетел же в трубу на помеле, - недоумевал солдат.

Выйдя во двор, Блохин решил заглянуть в уборную. Как только капитан увидел его в щель, он быстро поднял доски стульчака и прыгнул в нечистоты, погрузившись в них по самое горло. Шаги приближались. Вамензон судорожно прижимался в самый угол, стараясь спрятаться возможно лучше. Открылась дверь, и в то же мгновение, набрав побольше воздуха, капитан нырнул. Блохин заглянул в дырку.

- Нет его, проклятого, и тут. Аида дальше! - скомандовал он солдатам.

Капитан тотчас вынырнул на поверхность.

- Погодите же у меня, мерзавцы? Заставлю я вас сторицей заплатить за это купанье... - Когда солдаты ушли, он начал выбираться из выгребной ямы.

Все перебив и переломав на квартире Вамензона, солдаты подожгли дом и долго любовались, как огонь уничтожал жилище ненавистного им командира.

- "По моему ходатайству государь император разрешил желающим господам офицерам дать японским властям подписку о неучастии в этой войне и вернуться в Россию", - громко прочитал Белый Звонареву только что полученную телефонограмму. - Как вы на это смотрите, молодой

человек?

- Ни один порядочный офицер не оставит своих солдат и не вернется в Россию, - твердо ответил прапорщик.

- Сереженька, дай я тебя поцелую за это! - порывисто кинулась к жениху Варя. - Мне очень хочется, чтобы ты остался со мной, но это будет нехорошо по отношению к солдатам.

Белый ласково посмотрел на дочь.

- Из тебя выйдет со временем, когда ты подрастешь и войдешь в разум, неплохая жена, - проговорил он. - Вопрос идти или не идти в плен будет обсуждаться сегодня вечером на общегарнизонном собрании офицеров. Мы с вами сейчас и отправимся туда.

В темном, загрязненном помещении собрания они застали уже более сотни офицеров всех частей артурского гарнизона стрелков, артиллеристов, саперов, казачьей сотни и различных штабов. В зале и столовой красовались длинные столы под белоснежными скатертями.

Вскоре прибыл Стессель в сопровождении Фока и Никитина.

- Господа офицеры! - скомандовал Белый.

Все вытянулись. Отдав общий поклон и пожав руки генералам и полковникам, Стессель прошел к концу стола.

- Прошу занять места, - зычным командирским голосом проговорил он.

Офицеры задвигали стульями, рассаживаясь по чинам - генералы около Стесселя, за ними полковники и так далее. Звонарев поместился в конце последнего стола, вместе с врачами и чиновниками.

- В последний раз мы собрались дружной артурской семьей, - поднялся с места Стессель. - Многих мы недосчитываемся в своих поредевших рядах. Одни лежат в госпиталях, другие пали геройской смертью на поле брани. Прошу почтить их память вставанием.

Все поднялись и несколько мгновений молчаливо стояли.

- Истощение всех средств обороны, массовые болезни среди гарнизона сделали невозможным дальнейшее сопротивление, и я вошел в переговоры о капитуляции. Полковник Рейс сообщил мне из Шуйшиина, где велись переговоры, что условия ее вполне почетны. Нижние чины

идут в плен, господам же офицерам предоставляется возможность вернуться в Россию. Им также сохранено право на ношение оружия, на денщиков и определенное количество вещей. Государь император разрешил господам офицерам по своему усмотрению идти либо в плен, либо возвращаться на родину. Нам следует теперь побеседовать на эту тему. Я лично, конечно, возвращаюсь в Россию вместе со своим начальником штаба полковником Рейсом для непосредственного доклада его величеству о всех обстоятельствах артурской обороны. Кто желает высказаться, прошу не стесняться, - закончил Стессель.

- Позвольте мне, - с кавказским акцентом проговорил полковник Тахателов, приглаживая рукой свою пышную полуседую шевелюру. - Мы все, как один человек, должны разделить участь наших солдат и вместе с ними идти в плен.

Как мы будем потом смотреть им в глаза, если в настоящую трудную минуту бросим их на произвол судьбы? Я иду в плен и считаю, что все здоровые и легкораненые офицеры должны сделать то же самое.

Затем шумно поднялся со своего места Вамензон. Он успел привести себя в порядок после вынужденного купанья.

- В течение всей осады мы делили с нижними чинами все невзгоды и лишения.

А как они нам отплатили за это? Оскорблениями, угрозами и даже нападениями, чему мы были свидетелями вчера и сегодня в городе. Что может быть общего между мною и этими, извините за выражение, скотами, которые понимают лишь матерную брань и зуботычины? Нет, господа, я считаю: ничто нас не связывает с этой бандой неблагодарных животных, и, конечно, отправляюсь в Россию.

- Правильно! Нечего связывать свою судьбу с этим хамьем, - раздались голоса.

- Таким офицерам, как вы, капитан, не место в армии, - вскочил полковник Мехмандаров. - Вы позорите нашу среду!

- Прошу, ваше превосходительство, оградить меня от оскорблений, - весь красный от злости, обратился Вамензон к Стесселю.

- Побольше спокойствия, господа! Полковник Мехмандаров, призываю вас к порядку.

Начались горячие споры, мнения офицеров разделились. Часть поддерживала Вамензона, остальные - Мехмандарова.

- Каково твое мнение, Василий Федорович? - спросил Стессель, обернувшись к Белому.

- Я перестал бы уважать себя, если бы вернулся до окончания войны в Россию, - коротко бросил генерал.

Сидящие поблизости офицеры зааплодировали. Стессель сердито фыркнул и отвернулся.

Было довольно поздно, когда собрание закрылось, не придя ни к какому определенному решению. Раздраженный Белый вместе с Звонаревым уехали домой.

- Анатоль, я велела перевезти к нам все ценные вещи из артурского казначейства, - сообщила мужу Вера Алексеевна. - У нас они будут целее.

- И прекрасно сделала, - одобрил Стессель. - Там ведь их что-то на восемьсот тысяч рублей.

- Я думаю, что мы можем их вывезти из Артура вместе со своими вещами. Японцы не посмеют осматривать твой багаж. Только смотри, Ачатоль, не проболтайся кому-нибудь об этом, - предупредила генеральша.

- Буду нем, как могила, - понимающе кивнул головой генерал-адъютант.

- Папочка, мы с Сережей хотим пожениться, - вошла в кабинет отца Варя.

- Нашла время глупостями заниматься, - сердито буркнул генерал. - Ты еще слишком молода, подождешь, пока выйдет замуж Катя, а Звонарев вернется из плена.

- Но, папочка... - начала было Варя.

- Никаких но. Сказано нельзя, значит, нельзя! - повысил голос Белый.

Разобиженная девушка поспешила выйти и направилась к жениху поделиться своим горем.

- Василий Федорович, конечно, прав, придется подождать, когда кончится война, - вздохнул прапорщик.

- Значит, ты меня совсем не любишь? - вспыхнула Варя и хотела уйти.

Звонареву пришлось долго успокаивать ее.

В этот вечер Варя рано отправилась в свою комнату и тотчас улеглась в постель, но заснуть не могла. Она была сильно озабочена. Предстояла продолжительная разлука с любимым человеком. Она долго обдумывала, как добиться согласия родителей на немедленную свадьбу, пока наконец, приняв решение, не соскочила на пол и вышла в коридор. С минуту она постояла у двери родительской спальни. Убедившись, что отец с матерью спят, девушка, с минуту поколебавшись, с сильно бьющимся сердцем на цыпочках подошла к комнате Звонарева и бесшумно проскользнула в нее...

Утром она тормошила заспавшегося Звонарева:

- Вставай, вставай. Папа тебя уже ждет в кабинете.

- А? Что? - протирал глаза Звонарев. - Зачем я понадобился Василию Федоровичу?

- Как зачем? Я рассказала маме, что, ты теперь совсем мой... - И девушка несколько раз поцеловала его...

Через несколько минут прапорщик уже сидел перед Белым.

- Я хотел поговорить с вами... Мы с Варей хотели... Разрешите нам с Варей пожениться, - наконец выдал из себя.

Генерал с напускной суровостью посмотрел на него и проговорил:

- Рано ей еще замуж; но коль скоро у вас зашло так далеко, то делать нечего. Фоминична! - окликнул он жену, поднимаясь с места.

Варя, которая подслушала у дверей, прошмыгнула в комнату и встала рядом с Звонаревым. Белый с женой по очереди благословили иконой молодую чету.

- Ну, теперь надо двигаться в Управление, - промолвил генерал.

- Он, папа, еще чай не пил, - потащила Варя за рукав в столовую Звонарева. - Я уже все обдумала, - затараторила она, наливая жениху чай. - Тахателов будет посаженным отцом, Мария Петровна - посаженной матерью. Оля и Леля - подружки, а Стах и Сойманов - шафера, Вася же понесет впереди икону.

- А почему ты не упоминаешь об Андрюше? - удивился Звонарев.
- Он, бедняжка, убит еще позавчера, - вздохнула Варя. - Я позабыла тебе об этом сказать.
- Значит, Надя опять овдовела, - грустно проговорил прапорщик.
- Ты уже кончил пить чай? - по-родственному обратился Белый к Звонареву.
- Сию минуту. - И прапорщик спешно допил свой стакан.
- Дай безымянный палец, надо снять мерку для обручального кольца, - подбежала уже в переднем Варя к Звонареву. - Я сейчас закажу их и договорюсь с батюшкой о свадьбе.

В Управлении артиллерии собрались все офицеры артиллеристы и прикомандированные моряки. Белый, поблагодарив их за службу, разрешил морякам вернуться в распоряжение флотского начальства и дал указание своим офицерам о порядке передачи орудий японцам. После этого Звонарев с Гудимой и Андреевым отправились на Утес.

Едва они появились на батарее, как их окружила возбужденная толпа солдат.

Звонарев еще никогда не видел на лицах своих артиллеристов столько недоверия и злобы, как сейчас.

- В чем дело? - удивился он.
 - Дозвольте, вашбродь, без утайки спросить вас, неужто мы пойдем в плен, а господа офицеры поедут прохладиться домой в Россию? - обратился к прапорщику Родионов.
 - Желающим офицерам разрешено вернуться на родину.
- Солдаты возмущенно зашумели. Звонареву показалось, что они сейчас кинутся на своих офицеров.
- Не шуми, ребята, - остановил солдат Родионов. - Вы-то, вашбродь, с нами останетесь? - обернулся он к прапорщику.
 - Конечно, с вами. Вместе воевали, вместе и в плен пойдем.
 - Я же вам говорил, что Сергей Владимирович завсегда с нами, как и наш Ведмедь, - торжествующе сказал Блохин.
 - А штабс-капитан Гудима и капитан Андреев? - спросил Родионов.

- Они тоже идут в плен.

- Ура! Качай, братцы, наших офицеров! - подхватили солдаты на руки своих командиров.

Добрых четверть часа подлетал Звонарев в воздух, пока наконец его отпустили.

Вскоре на Утесе появился японский офицер с двумя солдатами. Приседая и вежливо шипя, он просил передать ему все личное оружие.

- Мы артиллеристы, у нас давно все отобрали стрелки, - невозмутимо ответил Андреев. - Остались две учебные винтовки да поломанные наганы.

Разочарованные японцы поспешили уйти.

- Куда же, вы девали винтовки? - удивился Звонарев.

- Дерево пожгли, а дуло поломали и побросали в море, - весело осклабился Блохин. - У меня, вашбродь, имеется к вам просьба, - сразу посерьезнел он.

- Говори, в чем дело.

- Дозвольте мне вступить в закон с Ликсандрой Назаренко.

Прапорщик открыл рот от удивления.

- Так ведь ребенок...

- Мой, вашбродь, - строго проговорил Блохин.

Звонарев понял, что Блохин решил помочь Шуре, все приняв на себя.

- Хорошо! Я доложу капитану. Только надо торопиться. Завтра или самое позднее послезавтра мы уйдем из Артура, - предупредил он.

Вечером того же дня состоялась скромная свадьба Вари. Кроме двух-трех знакомых и близких друзей, никого не было. Варя была в простеньком беленьком платье, Звонарев в сюртуке, за неимением мундира. В церкви присутствовали и представители утесовцев.

Вслед за Звонаревым венчался Блохин с Шурой.

- Я и не знала, что ты такой хороший человек, - крепко расцеловала Варя солдата. - Не беспокойся, мы с Сережей не оставим вас, поможем, если нужно, Шуре.

- Филипп Иванович первейший человек в мире, - убежденно проговорил

Родионов.

С утра 23 декабря русские войска со всех сторон двинулись к большой площади под фортом номер пять, за Новым городом. Стояла прекрасная солнечная погода. Чуть тянул с моря теплый влажный ветер. Японцы уже заняли Старый город, и по улицам маршировали их патрули, наблюдая за порядком. Рота за ротой, батальон за батальоном, полк за полком непрерывным потоком медленно текли русские части по разбитым артурским мостовым. Среди них были тысячи раненых, выписанных и просто убежавших из госпиталей. Тяготы и лишения осады сблизили всех, и расставаться друг с другом не хотелось. Некоторые из солдат были так слабы, что товарищи вели их под руки. Офицеров почти не было видно, а у тех, которые шли в строю, был изможденный, болезненный вид; многие сильно хромали и опирались на палки.

Но вот на солнце блеснула медь оркестра, и раздались бодрящие звуки военной музыки. Это шел Восточносибирский стрелковый полк. Несмотря на то, что в полку было очень много раненых, все же солдаты твердо держали ногу, сохраняя равнение в рядах, и двигались бодрым широким шагом. Впереди полка, по-старчески семеня ногами, шел Надеин, а за ним, прихрамывая, с перевязанной головой и рукой, следовал Стах Енджеевский. По тротуару ковылял неизменный Капитоныч.

Как только оркестр смолк, Енджеевский подал знак рукой, и тысячный солдатский хор грянул:

Как ныне собирается вещий Олег
Отметить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и поларам.

Японцы сразу встревожились, с их лиц исчезли улыбки, они забежали, и к месту сдачи тотчас же подошла из ближайшей казармы рота пехоты.

- Какая часть? - подлетел японский офицер к полку.

- Двадцать пятый Восточносибирский генерала Кондратенко полк, - отчеканил Стах. - Надеюсь, вам имя этого генерала известно?

Японец заулыбался и, смешно приседая, зашипел.

Двадцать пятый полк отвели несколько в сторону и окружили плотным кольцом часовых.

- Посадили под арест сразу весь полк, - шутили солдаты.

За стрелками шли артиллеристы. Утесовцев вел Звонарев. Совершить шестидесятиверстный переход пешком до Дальнего он, конечно, был не в силах, но все же решил проводить своих солдат до границ Артура, а затем его сменил Гудима. Шествие замыкали моряки в черных бушлатах, в лихо заломленных набекрень бескозырках. Но лица матросов и офицеров были хмуры и суровы. Они не спускали глаз со своих затопленных на мелководье внутреннего рейда кораблей, на которых уже, как муравьи, копошились японцы. Едва вступив в Артур, они сразу же кинулись в порт и приступили к осмотру судов, ликвидации пожаров, где они были, водолазы приступили к работам по подъему захваченных кораблей.

- Эх, отдали мы японцам наши кораблики! Взорвать даже их как следует не сумели!

- Говорят, генерал Стесселев нарочито до самого конца нашим адмиралам ничего не сообщал, чтобы, значит, корабли мы не испортили заранее.

- Дали бы нам, матросикам, волю, зубами бы на части суда порвали, а японцам не дали! - ворчали моряки.

К Звонареву, стоявшему с утесовцами несколько поодаль, подошел, опираясь на палку, Сойманов.

- Рад тебя видеть на ногах, - приветствовал он прапорщика, - а равно и поздравить с законным браком, - кивнул лейтенант на обручальное кольцо на руке Звонарева.

- Спасибо. Быть может, и ты заглянешь к нам с Варей в Артиллерийский городок. Тесть мой что-то заболел, и я еще на несколько дней задержусь в Артуре.

- Кораблики-то наши скоро воскреснут под японским флагом, к великому нашему стыду и позору, - грустно кивнул лейтенант на гавань.

- Сейчас мне сказали, что Григорович сдал японцам большое количество продовольствия, а как оно нам было нужно последнее время! Это он,

верно, сохранял к рождественским праздникам. Ведь завтра уже сочельник. Мы, артиллеристы, тоже не успели уничтожить всего. Одних снарядов сдаем свыше двухсот тысяч, - правда, годных к стрельбе из них всего около двадцати тысяч, да и то мелких калибров.

- Но остальные-то японцы быстро исправят и могут использовать против Маньчжурской армии.

- Да, наше начальство, как морское, так и сухопутное, оказалось не на высоте, - примирительно произнес Звонарев.

- По-моему, просто преступным. И прежде всего Стессель и наши адмиралы, - пылко произнес Сойманов.

Невдалеке стояла небольшая палатка, на которой красовалась надпись: "Место клятвы". Здесь давали подписку о дальнейшем неучастии в войне офицеры, возвращавшиеся в Россию.

Когда появился Надеин, японский офицер пригласил его зайти в палатку и протянул ему бланк для подписи. Разобрав, в чем дело, старик возмутился.

- Я пятьдесят лет шлужу в армии и никому никогда не давал таких пожорных обещаний. Я не Штешшель. - И рассерженный генерал вышел из палатки.

Несмотря на солнце, ему было холодно, и он подсел к одному из костров, разведенных стрелками.

- Надо погреть штарые кошти, - улыбнулся он беззубым ртом. - Капитоныч, ты бы хоть водочки разжилшя!

Кавалер тотчас исчез.

К месту сдачи гарнизона никто из генералов, кроме Надеина, не прибыл. У Стесселя в это время собирались гости на торжественный банкет. Вера Алексеевна в парадном шелковом платье, затянутая в корсет, со сложной прической, последний раз зорким хозяйским взглядом окидывала накрытый стол.

В гостиной сам генерал-адъютант вместе с "истинными друзьями и помощниками" - Фоком, Никитиным, Рейсом и Водятым - занимал гостей. Ждали "самого победителя Артура" - генерала Ноги и начальника его

штаба генерала Идзита, но они что-то запаздывали. Стессель нетерпеливо посматривал на часы.

Опоздание уже принимало явно оскорбительный характер. Но вот подкатила парная коляска, и из нее легко выскочили два военных в японской форме.

Генерал-адъютант и его супруга ринулись в переднюю встречать гостя. Но вместо Ноги они неожиданно увидели перед собой расплывшуюся в радостной улыбке физиономию генерала Танаки.

- Ваше превосходительство, генералы барон Ноги и Идзита просят их извинить, по оба они не совсем здоровы и поэтому не могут воспользоваться вашим любезным приглашением, а поручили мне представлять их особы, - расшаркался Танака.

Супругам Стессель ничего не оставалось, как выразить свое сожаление и пригласить гостей к столу. Чтобы заполнить свободные места за столом, были приглашены два-три случайно попавшихся на улице японских офицера. Один из них оказался артурским часовщиком Ито, а другой - бывшим куафером наместника Жаном, превратившимся в капитан-лейтенанта Кабаяси. Не прибыли также к обеду без всяких объяснений Горбатовский, Балашов и Костенко. Стессель впервые почувствовал, что его звезда начинает закатываться.

Чтобы поднять настроение, Никитин изрядно подливал вино в бокалы. Один за другим следовали тосты за русского и японского императоров, за обе воюющие армии, за Ноги и Стесселя. Начались взаимные комплименты.

- Я бесконечно счастлив, что мне пришлось еще раз встретиться с вашим превосходительством в более удобной обстановке, чем в предыдущий раз, - рассыпался Танака. - Я твердо помню, что обязан вашему превосходительству жизнью, и буду до гроба хранить в своем сердце самурайскую благодарность к вам.

Господин Шубин, ставший майором Тодзима, вел деловой разговор с Фоком, который, как всегда, ничего не пил, кроме воды. Попросив разрешения встать, они отправились в кабинет.

- Имею честь передать вашему превосходительству чек на обусловленную сумму на японский банк. На нем вы увидите подпись самого принца Коноэ, члена нашей божественной императорской фамилии, - протянул он листок, исписанный иероглифами.

- Хотя бы небольшой аванс наличными, - попросил генерал.

- В счет аванса мы засчитали те золотые вещи, которые хранились в Артуре после китайского похода и которые сейчас упакованы вместе с вещами генерала Стесселя, - бесстрастно ответил японец.

- В первый раз слышу, - удивленно пробормотал Фок.

- Наведите справки у Веры Алексеевны, - предложил Тодзима.

"Обжулили", - возмущенно подумал Фок, но возражать не посмел.

После обеда гости перешли в соседнюю комнату, и тут Стессель вспомнил, что сейчас гарнизон покидает Артур.

- Я хочу проститься с солдатами, - проговорил он. - Быть может, ваше превосходительство пожелает посмотреть на наших артурских героев? - обратился он к генералу Танаке.

- Я на них вдоволь насмотрелся в свое время, - ответил японец, вспоминая полученные им при аресте тумачи и подзатыльники.

- Тебе нельзя туда ехать, Анатолий. Солдаты так разнуздались, что могут тебя и убить, - вмешалась Вера Алексеевна.

- Ваш супруг находится уже под охраной императорской японской армии, следовательно, ему не грозит никакая опасность, - высокомерно ответил Танака.

Прощаться с гарнизоном от имени Стесселя отправился полупьяный Никитин.

Части еще продолжали стоять на прежнем месте, когда он подъехал к пятому форту. Приказав им построиться, генерал поздоровался с солдатами и пожелал "веселого плена". Стрелки зашумели.

- Пьян в стельку, поэтому тебе и весело, а нашего брата вчера за полбутылки японцы расстреливали на месте! - кричали солдаты.

- Доберемся мы еще до генерала Стесселя и его дружков!

Никитин поспешил уехать.

К солдатам подошел Капитоныч. Старик был сильно выпивши, шапка сбилась набекрень, и единственная нога вместе с деревяшкой выписывала мыслете.

Заметив унылые лица солдат, Капитоныч заорал:

- Смирно! Слухать меня, как самого генерала Стесселева!

Стрелки захохотали.

- Не журишь, ребята! Я в Севастополе воевал с англичанами, французами, турками, сардинцами и знаю, что супротив русского солдата никто не может устоять! Купили японцы Артур у генерала, а русского солдата им вовек не победить!

Несколько японских солдат из караула тотчас же набросились на него и поволокли, не обращая внимания на уговоры Надеина.

Белый и Звонарев уезжали, из Артура в сумрачный серый день 29 декабря. До разъезда на девятнадцатой версте они должны были ехать в экипаже, а дальше по железной дороге через Дальний и морем в Японию. Проводить их, кроме родных, пришли учительницы Пушкинской школы, Шура и Надя Акинфиева, вся в черном. Тут же вертелся Вася, окончательно переселившийся к Белым.

Генерал поцеловал жену и дочерей, пожал остальным руки и сел в экипаж.

Звонарев, простившись со всеми, подошел к Акинфиевой.

В это время подбежала, опираясь на костыль, Оля Селенина. Лицо ее сияло радостью, и на ходу она размахивала каким-то листком бумаги.

- Жив, жив! - уже издали кричала она своим друзьям.

- Кто? - удивленно спросил Белый.

- Мой Боря! Сейчас получила официальную справку у японцев. Эвакуирован из Дальнего в Японию.

- Олечка, миленькая! - бросилась к подруге Варя. - Как я рада, что наш Медведь нашелся живой!

- Слава тебе господи! - набожно закрестилась Мария Фоминична.

Даже лицо Акинфиевой прояснилось.

- Немедленно разыщите его, Сережа, и передайте от всех нас самый

искренний привет, - попросила она Звонарева.

- Пора ехать, - заторопился Белый.

- Будь здоров и не смей ухаживать за японками! - И Варя на прощанье поцеловала мужа.

Экипаж тронулся.

На сигнальной мачте, возвышавшейся на Золотой горе, опустился русский военный флаг и взвился японский.

Грохот салюта потряс воздух.

Артурская эпопея окончилась.

1939-1941-1944-1958

ПРИМЕЧАНИЯ

Александр Николаевич Степанов (1892-1965) в детстве был свидетелем и участником героической обороны Порт-Артура. Отец его, Николай Иванович Степанов, был командиром батареи Электрического Утеса, а затем Суворовской мортирной батареи на Тигровом полуострове. Двенадцатилетний Саша все видел,

запоминал, старался быть полезным - был связным у своего отца, подвозил вместе с другими ребятами воду на ослах к передовым позициям. Он был контужен, едва не лишился ног, их вылечил молодой тогда еще врач С. Р. Миротворцев, известный впоследствии ученый, с которым А. Н. Степанов, будучи уже писателем, вел дружескую переписку. И не только о нем, о многих участниках героической обороны А. Н. Степанов сохранил живые, теплые воспоминания. А видел он много. Он "лично знал Стесселей, Белых, Никитина, Кондратенко и многих других. У Белых видел Макарова, с мичманами забирался на броненосцы; мечтал стать моряком и т.д.". Оборона Порт-Артура на всю жизнь осталась самым ярким его воспоминанием.

После капитуляции крепости А. Степанов с отцом в числе военнопленных попал в Нагасаки и лишь оттуда вместе с ранеными и медицинским персоналом был отправлен пароходом вокруг Азии в Одессу, к матери.

Мать А. Н. Степанова, Лидия Николаевна, преподавала русский язык в гимназии, под ее влиянием будущий писатель с детства полюбил книги и научился записывать свои впечатления. Дневники он вел всю жизнь.

Эта привычка сослужила писателю большую службу. Повседневные записи событий позволили ему накопить большой материал. Прекрасная память помогала ему восстанавливать "обстановку, при которой делал некоторые записи почти тридцать лет назад", - признавался А. Н. Степанов в 1944 году. И не случайно все произведения писателя в большей или меньшей степени связаны с его биографией.

В 1913 году А. Н. Степанов окончил Петербургский технологический институт, но вскоре был призван на военную службу, всю первую мировую войну провел на фронте. Это позволило ему позже создать хранящиеся в архиве писателя "Записки гвардейца", повести "Поход в Восточную Пруссию" и "Артиллеристы", а также многие страницы романа "Семья Звонаревых".

В 1917 году А. Н. Степанов был послан в Артиллерийскую академию в Петроград. После Октября он - в рядах Красной гвардии, принимал участие в разгроме Юденича, участвовал с отрядом путиловских рабочих в боях под Нарвой 23 февраля 1918 года (впоследствии он написал об этих событиях в повести "Стальной рабочий отряд" (1958), командовал артиллерийским дивизионом, воевал против деникинских полчищ под Ростовом и Екатеринодаром.

В ночь на 17 марта 1921 года, во время штурма Кронштадта, при подавлении кронштадтского мятежа А. Н. Степанов провалился под лед Финского залива, тяжело заболел и вынужден был уехать лечиться на юг, в Краснодар.

В Краснодаре А. Н. Степанов жил до 1942 года, работал инженером, преподавал в вузах и техникумах. В 1932 году бруцеллез надолго приковал его к постели. У него появилась возможность вспомнить, передумать и заново перечувствовать пережитое. Все его мысли теперь заняты Порт-Артуром. Начал писать воспоминания и понял, что одних личных впечатлений мало. Помогали записки, которые вел во время

обороны Порт-Артура отец писателя, но и этого было недостаточно. Тогда он начал читать о Порт-Артуре и русско-японской войне все, что мог достать в Краснодаре, получал книги и из Москвы и других городов.

Позже А. Н. Степанов писал: "Передо мной стояли три основные задачи: показ героизма солдат и младших офицеров артурского гарнизона, показ развала и разложения руководящей верхушки артурских властей, показ тесно связанного с ними широко разветвленного в Артуре японского шпионажа. На примере Артура легко было демонстрировать всю гниль правящей Россией самодержавной клики".

Статья В. И. Ленина "Падение Порт-Артура" (январь 1905 г.) помогла А. Н. Степанову осмыслить и правильно оценить собранный им огромный фактический материал. В. И. Ленин писал: "Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие...

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо"².

Анализируя причины, приведшие царизм к поражению, Ленин утверждал: "Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма".

Через пять лет напряженной работы А. Н. Степанов посылает рукопись своих воспоминаний о порт-артурской обороне признанным мастерам исторического романа А. С. Новикову-Прибою и С. Н. Сергееву-Ценскому. Рукопись они одобрили и посоветовали А. Н. Степанову продолжить работу над романом.

Первая книга романа "Порт-Артур" была опубликована в 1940 году в

Краснодаре, вторая - там же в 1912 году.

А. С. Новиков-Прибой писал А. Н. Степанову после выхода первой книги, 8 февраля 1941 года: "... книга имеет большое познавательное значение и, я уверен, будет принята читателем с большим интересом. Вашу книгу "Порт-Артур" я прочитал с большим удовольствием. Написана она правдиво, хорошо"².

Один из первых рецензентов романа - генерал-майор А. А. Игнатьев, участник русско-японской войны, - вскоре после выхода первой книги "Порт-Артура" отметил "великолепные батальные сцены как на море, так и на суше", "живость и правдивость изображения", превосходное знание автором материала, что позволило ему "не только избежать ошибок, но и передать самую технику войны"³.

В 1944 году роман А. Н. Степанова "Порт-Артур" был переиздан большим тиражом и получил всенародное признание. В 1946 году А. Н. Степанову была присуждена за него Государственная премия.

Во многих театрах страны шла пьеса "Порт-Артур", написанная А. Н. Степановым в соавторстве с драматургом И. Ф. Поповым по мотивам романа. А. Н. Степановым также был создан киносценарий "Порт-Артур". Писатель получал сотни писем от читателей. Участники обороны Порт-Артура делились своими воспоминаниями, сообщали неизвестные факты героических эпизодов, боев. Используя новые материалы, А. Н. Степанов постоянно совершенствовал свое произведение, уточняя характеристики, дописывая новые главы и сцены.

В 1953 году А. Н. Степанов включил в роман эпилог, в котором рассказывалось о последующей судьбе героев романа и о процессе над Стесселем и другими виновниками сдачи Порт-Артура японцам, происходившем в Петербурге в 1907-1908 годах. В дальнейшем при переизданиях романа этот эпилог не печатался, а был использован в романе "Семья Звонаревых", над которым писатель трудился до конца своей жизни.

Роман А. Н. Степанова "Порт-Артур" вошел в золотой фонд советской литературы. Он издавался семнадцать раз тиражом более миллиона

экземпляров.

Роман переведен на языки народов СССР и на многие иностранные, в том числе на английский, французский, венгерский, китайский, японский и другие.

В настоящем издании текст романа дается по изданию Гослитиздата 1960 года - последнему, над которым автор тщательно работал и где сделал значительные исправления.

Порт-Артур (Люйшунь) - город, незамерзающий порт и военно-морская база Китая на юго-западе Ляодунского полуострова - Квантунском полуострове, у входа в заливы Ляодунский и Бохайвань. Порт и крепость построены в 80-х годах XIX века на месте рыбацкой деревни Люй-шунь-коу.

В 1894 году во время японо-китайской войны 1894-1895 годов Порт-Артур был взят японскими войсками, многие крепостные сооружения были ими разрушены. По Симоносекскому договору 1895 года Порт-Артур отошел к Японии, но под давлением России, Германии и Франции был возвращен Китаю.

15 (27) марта 1898 года в Пекине была подписана Россией и Китаем конвенция, по которой Квантунский полуостров с крепостью Порт-Артур передан России в аренду на двадцать пять лет.

Квантунский полуостров и прилегающие к нему острова образовали Квантунскую область, которая в 1903 году вместе с Приамурским генерал-губернаторством вошла в состав наместничества на Дальнем Востоке. Во главе наместничества был поставлен адмирал Алексеев.

После окончания русско-японской войны по Портсмутскому мирному договору 1905 года арендные права на Порт-Артур перешли к Японии. Японская оккупация длилась до 1945 года, когда советские войска разгромили японские самурайские части. В настоящее время Порт-Артур принадлежит КНР.

26 января 1904 года-все даты в тексте даны по старому стилю.

Алексеев Евгений Иванович (1843-1918)-адмирал, генерал-адъютант, в 1903-1905 годах - царский наместник на Дальнем Востоке с подчинением

ему Приамурского края, Забайкальской области, Маньчжурии и Квантунской области.

С началом русско-японской войны назначен главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке. После поражения русских войск на реке Шпхэ в октябре 1904 года был освобожден от обязанностей командующего и заменен генералом Куропаткиным.

Флаг-офицер-офицер, состоящий при флагмане, ведающий сигнальным делом и выполнявший адъютантские обязанности.

...телеграммы о разрыве дипломатических сношений с Японией. - Начиная военные действия против России без объявления войны, Япония, считаясь с мировым общественным мнением, проявила некоторую осмотрительность: 24 января (6 февраля) 1904 года были прерваны русско-японские переговоры в Петербурге, прекращены дипломатические отношения с Россией. Однако, чтобы использовать преимущество внезапности нападения, японское правительство создало впечатление, что это не означает начала войны, а является лишь средством давления на царское правительство. В связи с этим адмиралу Алексееву была послана телеграмма с указанием соблюдать осторожность, чтобы не спровоцировать военные действия.

Ламсдорф (Ламздорф) Владимир Николаевич (1841-1907) - граф, дипломат, служивший в министерстве иностранных дел с 1866 года. В 1900-1906 годах - министр иностранных дел. Сторонник мирного урегулирования с Японией корейско-маньчжурского вопроса.

...военный союз с Японией, направленный в основном против России и Китая.

- Речь идет об англо-японском союзном договоре 17 (30) января 1902 года, по которому договаривающиеся стороны обязались соблюдать нейтралитет, если одна из сторон, защищая свои интересы в Китае, окажется в состоянии войны с третьей державой, и о военной помощи в случае столкновения с двумя и более державами.

В газетах промелькнуло сообщение, что японский объединенный флот вышел в море... - В тот же день, когда были прерваны дипломатические

отношения с Россией-24 января (6 февраля) 1904 года - японский объединенный флот действительно вышел в море и направился к Порт-Артуру. Однако в печати сообщение об этом не могло появиться, так как одновременно в Японии было введено строжайшее запрещение посылать телеграммы за границу, и даже русская миссия и ее военно-морской атташе не смогли сообщить в Петербург о выходе эскадры.

Микадо - дословно - "возвышенные ворота" - титул японского императора; в самой Японии более распространен титул тенно - божественный".

Того Хейхатиро (1847-?) - вице-адмирал, командующий японским соединенным флотом, блокировавшим Порт-Артур в 1904 году, и разбивший эскадру адмирала Рожественского в Цусимском проливе.

Стационар - судно, постоянно находящееся на стоянке в иностранном порту.

Белый Василий Федорович (1854-1913)-русский генерал от артиллерии, один из доблестных защитников Порт-Артура. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов. В 1886-1902 годах служил в крепостной артиллерии Карса, Севастополя, с 1902 года - начальник Квантунской крепостной артиллерии.

Старый город - Порт-Артур рекой Лунхэ делился на Старый город, на берегу Восточного бассейна, и Новый город, на берегу Западного бассейна. Восточное Старого города располагался Новый китайский город.

Стессель Анатолий Михайлович (1848-1915)-генерал-лейтенант. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского народного восстания 1899-1901 годов в Китае.

Комендант крепости ПортАртур. С марта 1904 года - начальник Квантунского укрепленного района. За сдачу Порт-Артура японцам был отдан в 1906 году под суд вместе с другими виновниками сдачи крепости - генералами Фоком, Рейсом, Смирновым. Следствие выявило полную бездарность Стесселя, сознательно подготавливавшего крепость к сдаче. Верховный военно-уголовный суд 7 февраля 1908 года приговорил

Стесселя к расстрелу, замененному десятилетним заключением в Петропавловской крепости, но уже 6 мая 1909 года он был освобожден по распоряжению Николая II и уехал за границу.

Витгефт Вильгельм Карлович (1847-1904)-контр-адмирал, начальник морского отдела штаба наместника. С 22 апреля 1904 года - временный командир Тихоокеанской эскадры вместо вице-адмирала Н. И. Скрыдлова.

Бон - плавучее ограждение, используемое для защиты места стоянки флота от проникновения неприятельских кораблей, торпед, мин. Боны состоят из неподвижной части и разводной (боновые ворота), служащей для прохода своих кораблей.

Чифу (Яньтай) - порт на северо-востоке Шаньду некоего полуострова, одна из лучших гаваней Китая. В 1860 году по Тяньцзинскому договору был открыт для иностранцев.

...пробили шесть склянок. - Склянка на кораблях флота обозначает полчасовой промежуток времени, причем количество ударов колокола-склянок показывает время, счет их начинается в 0 час. 30 мин. Шесть склянок - три часа. Выражение это осталось от давних времен, когда на судах у колокола стоял вахтенный с песочными часами и каждые полчаса "отбивал склянки".

Дальний (китайское название - Далянь, японское - Дайрен) - торговый порт, построенный русскими в 1898-1903 годах. Город имел свое градоначальство и подчинялся не военному ведомству, как вся Квантунская область, а был в ведении министерства финансов. Много внимания развитию этого торгового порта уделял, в частности, министр финансов С. 10. Витте.

Невский завод - Невско-литейный и механический завод в Петербурге, известный также под названием Семянниковского завода. Основан в 1850 году.

Сначала выпускал чугунные снаряды и литье. В дальнейшем на заводе развивалось судостроение, паровозостроение и металлургическое производство.

Ныне - машиностроительный завод имени В. И. Ленина.

Китайский поход. - Речь идет о вторжении на территорию Китая соединенных сил царской России, Германии, Англии, Франции, Италии и Японии для подавления народного антиимпериалистического восстания (Ихэтуаньское, известное также под названием "боксерского" восстания 1899-1901 гг.).

Фок Александр Викторович (1843-?) - генерал-лейтенант, начальник Четвертой Восточносибирской дивизии, комендант цзпнджоуской позиции, затем - командир резерва, а с 2 декабря 1904 года, после гибели генерала Кондратенко, - начальник сухопутной обороны Порт-Артура. В итоге следствия 1906-1908 гг.

Верховный военно-уголовный суд ограничился объявлением ему выговора.

Кондратенко Роман Исидорович (1857-1904) - генерал-майор, военный инженер. Окончил Военно-инженерную академию и академию Генерального штаба.

Перед русско-японской войной служил в штабе Приамурского военного округа, командовал Седьмой Восточносибирской стрелковой бригадой в Порт-Артуре. С началом войны назначен командующим сухопутной обороны крепости Порт-Артур, организатор и герой ее защиты.

Варя Белая. - Прототипом этой героини романа послужила дочь генерала Белого Лидия Васильевна (по мужу Кобеяцкая), которая была в начале войны в Порт-Артуре. Впрочем, как литературный персонаж, образ Вари Белой мог создаваться как обобщенный, типизированный образ, вобравший в себя черты разных людей. На письме С. Р. Миротворцева А. Н. Степанову от 26 апреля 1941 года есть пометка писателя-при упоминании имени Вари А. Н. Степанов написал:

"Корниевская". О ней А. Н. Степанов сообщал в лекции 30 сентября 1955 года в Литературном институте, что она стала врачом, во время гражданской войны работала в красноармейском госпитале на Восточном фронте. Очевидно, эти обстоятельства легли в основу дальнейшего развития образа Вари в романе "Семья Звонаревых".

Цзинджоу (Кинджоу, Наньшань - возвышенное плато) - один из четырех городов Квантуна, а также возвышенность" пересекающая Ляодунский полуостров в самом узком месте.

Григоренко А. А. (1864-?)-военный инженер, полковник, с февраля 1904 года исполнял должность начальника инженеров крепости Порт-Артур. Принимал участие в строительстве крепостных сооружений с 1899 года. В 1908 году привлекался к уголовной ответственности за злоупотребления при производстве инженерных работ на Квантуне, но "за давностью преступления" освобожден от наказания.

Батарея нормальной профили - насыпь (бруствер) в рост человека, возведенная перед батареей. Поперечные насыпи отделяли орудия друг от друга и защищали их от огня с флангов.

Траверс - в фортификации - поперечная стенка или насыпь, пересекающая через определенное расстояние окоп для защиты от продольного огня с флангов.

Целик - прицельное приспособление в виде выступа с прорезью для визирования мушки.

Кильватерная колонна - строй, когда суда следуют один за другим в кильватерной струе (струе, остающейся за кормой идущего корабля) головного корабля.

Фейерверкер - чин младшего командного состава в артиллерии, соответствовавший званию унтер-офицера в пехоте.

Пробанить орудия - прочистить дуло орудия банником, то есть специальной щеткой на длинном древке.

Канонир - рядовой солдат в артиллерии.

Шенснович - В документах и воспоминаниях участников обороны Порт-Артура фамилия командира броненосца "Ретвизан" капитана первого ранга пишется "Щенснович".

Андреевский флаг - кормовой флаг кораблей русского военно-морского флота - на белом поле синий крест по диагонали, - учрежденный Петром I и существовавший с начала XVIII века до Великой Октябрьской революции.

Руднев Всеволод Федорович (1855-1913)-контр-адмирал, командир героического крейсера "Варяг". В 1880-1883 годах совершил кругосветное плавание. В 1900 году назначен помощником командира порта в Порт-Артуре. С 1902 года - командир лучшего русского крейсера "Варяг". 27 января 1904 года крейсер "Варяг" и канонерская лодка "Кореец" вступили в бой с японской эскадрой в Чемульпо (Инчен). За этот бой Руднев был награжден орденом и званием флигель-адъютанта В 1905 году командовал броненосцем "Андрей Первозванный". Во время революции 1905-1907 годов за отказ участвовать в расправе с революционными матросами уволен в отставку. Автор книги "Кругосветное плавание крейсера "Африка" в 1880-1883 гг. ".

Танака. - А. Н. Степанов в одной из своих статей ("Новый мир", 1945, N8) указывал, что Танака и Кунпсан - лица вымышленные. Так что неправильно было бы, как это иногда делают, отождествлять этот персонаж романа с известным японским генералом Танакой Гиити, который впоследствии был одним из организаторов японской интервенции в 1918-1921 годах на советский Дальний Восток. Такое недоразумение стало возможно потому, что, выводя в романе образы японских шпионов, А. Н. Степанов брал для них широкоизвестные японские имена. Это же можно, например, сказать и о японском шпионе-часовщике Ито, однофамильце крупного политического деятеля Японии.

Имя Куинсан созвучно одной из гор, окружающих Порт-Артур. Шампунка - небольшая китайская весельная лодка-сампани.

После войны с Китаем в 1894-1895 годах. Корея фактически оказалась под протекторатом Японии. - Речь идет о японо-китайской войне, основной целью которой была борьба Китая и Японии за обладание Кореей. По заключившему войну Симоносекскому договору Китай признавал независимость Кореи. Япония аналогичного заявления не сделала. Навязанное Кореи соглашение о протекторате Японии, поддержанное Соединенными Штатами Америки, было подписано в ноябре 1905 года.

Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права... - Японо-китайская война началась с вероломного нападения 25 июля 1894 года японских военных кораблей под командованием Х. Того, бывшего тогда еще в чине капитана, на китайское транспортное судно, перевозившее войска. Официальное объявление войны с Японией последовало лишь 1 августа 1894 года.

Коммодор - в военном флоте США и Англии звание командира соединения кораблей (эскадры), не имеющего адмиральского чина.

Эдуард - Эдуард VII (1841-1910) - английский король (1901-1910).

Брандвахта - судно, поставленное в гавани на рейде за наблюдением движения судов. Брандвахтой называют также суда, предназначенные для жизни и дежурства пожарных команд.

Рифы - ряд продетых сквозь парус завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса - брать рифы - во время штормового ветра.

Марс - площадка на верхней части мачты для наблюдения. На боевых кораблях на марсе находятся посты управления огнем, дальномеры и т.п.

Рей - брус, прикрепленный к мачте горизонтально к палубе, служит для крепления парусов.

Марселя и кливера-марсель - прямой парус, ставящийся на марса-рее; кливер - косой треугольный парус, устанавливаемый впереди передней мачты - фок-мачты.

Люфтики-люфт - устарелый термин для обозначения зазора между поверхностями частей машин.

Ретирадное орудие (стар) - кормовая пушка, стрелявшая при уходе от противника.

Ендова - медная луженая посуда с носком, в котором выносилось вино для раздачи матросам в царском флоте.

Баталер - кондуктор или унтер-офицер, ведавший денежным, вещевым и пищевым довольствием личного состава корабля.

Стеньговые флаги-флаги и вымпелы должностных лиц, поднимаемые на фор-стенге или грот-стенге (стенга - брус, служащий продолжением

мачты), а также государственные и военно-морские флаги, поднимаемые на этих стенах в особых случаях.

Строй пеленга - строй, при котором угол строя кораблей есть любой заданный угол от 0° до 180°.

Фор-марс - марс на фок-мачте.

Беседки левого борта - беседки угольные (устар.) - деревянные площадки, навешиваемые с бортов судна в виде ступенек для погрузки угля вручную (с барж корзинами или мешками).

Я уговорил Руднева не взрывать "Варяга", а затопить... - Затопленный русскими крейсер "Варяг" был поднят японцами, отремонтирован и назван "Сойя". В 1916 году Россия купила его у Японии, и он получил прежнее название. По пути из Японии в Россию был захвачен в Англии, куда зашел для ремонта. Погиб в Ирландском море в 1918 году.

Енджеевский Евстахий Казимирович (? - 1918) - лицо историческое. Позже служил в Красной Армии и в 1918 году умер от сыпного тифа.

Макаров Степан Осипович (1848-1904) - вице-адмирал, флотоводец, изобретатель, теоретик военно-морского дела, написавший более пятидесяти научных работ, мореплаватель, дважды обогнувший земной шар, исследователь Арктики. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов, во время которой немало способствовал активизации русских морских сил на Черном море.

Командовал эскадрой Средиземного моря, направленной в 1894 году на Дальний Восток. В 1897-1898 годах, будучи уже вице-адмиралом, построил по собственному проекту ледокол "Ермак", на котором плавал в морях Арктики. С 1899 года - главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. В 1904 году (1 февраля) назначен командующим Тихоокеанским флотом и 24 февраля прибыл в Порт-Артур. Погиб 31 марта 1904 года на броненосце "Петропавловск", подорвавшемся на mine.

Эссен Николай Оттович (1860-1915) - адмирал, талантливый русский флотоводец, ученик С. О. Макарова. После русско-японской войны служил на кораблях Тихого океана и Средиземного моря, С 1908 года -

командующий Балтийским флотом. Сыграл большую роль в усилении боеспособности русского флота, нанесшего крупные потери германскому флоту в первую мировую войну.

Квадрант - прибор для придания стволу орудия нужного угла возвышения.

Мелинит - пикриновая кислота (тринитрофенол) - взрывчатое вещество, широко применявшееся в снарядах морской артиллерии.

Вильд (Вилд) Генрих Иванович (1833-1902) - академик, физик и геофизик, швейцарец по происхождению. Будучи директором астрономической обсерватории в Берлине, создал ряд метеорологических приборов.

"Инвалид - газета, основанная в Петербурге в 1813 году, с тем чтобы доход от издания "употребить на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам". С 1861 года "Русский инвалид, или Военные ведомости" выходил как официальная газета, публиковавшая сведения о русской армии и иностранных войсках, статья по военным вопросам и т, д. Виреп Роберт Николаевич (1856-?) - контр-адмирал и командующий (после вице-адмирала Ухтомского) Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре. В чине капитана первого ранга командовал крейсером "Баян". В 1906-1908 годах привлекался к следствию по делу о сдаче Порт-Артура, от суда освобожден.

"Лейтенант Бураков - самый быстроходный миноносец Тихоокеанского флота, неоднократно во время осады доставлявший в Порт-Артур почту из Инкоу. Назван по имени Буракова Евгения Николаевича (1874-1900)-лейтенанта, погибшего в бою под Таку.

Янтайский уголь - уголь из Янтайских копей в Южной Маньчжурии - лучший из местных углей. Эти копи имели большое значение для снабжения русского флота углем, который Россия вынуждена была покупать для своих кораблей в иностранных портах.

Гаолян - маньчжурское, китайское просо, растение семейства злаков, имеющее стебли до четырех метров высоты.

Хунхузы (от китайского хунхуцзы - краснобородый) - участники

вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае.

Витте Сергей Юльевич (1849-1915) - русский государственный деятель, убежденный сторонник самодержавия, один из организаторов подавления революции 1905-1907 годов. Был министром путей сообщения (1892), министром финансов (1892-1903), председателем совета министров (1905-1906). Своими мероприятиями в области финансов, таможенной политики, железнодорожного дела способствовал развитию капитализма в России. Влияние Витте сказалось почти на всех мероприятиях, проводимых царским правительством на Дальнем Востоке. Он стремился осуществить колониальные интересы царизма путем финансово-экономической экспансии. Был инициатором постройки Китайско-Восточной железной дороги, порта Дальний, получения Россией концессий в Маньчжурии и Корее. В 1906 году возглавил русскую делегацию на конференции в Портсмуте, заключившей мирный договор с Японией.

Кокор - приспособление для подноски боевых припасов к оружию при зарядании; делятся на снарядные и зарядные - в зависимости от калибра оружия.

Барбеты - насыпная площадка за бруствером укрепления для установки артиллерийского оружия.

Картуз - мешочек цилиндрической формы, в котором помещался заряд пороха.

Никитин Владимир Николаевич (1848-1917) - генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов. С 1904 года - начальник артиллерии третьего Сибирского армейского корпуса. Позже был командующим войсками военного корпуса в Иркутске и Одессе; в 1916 году - комендант Петропавловской крепости. В 1917 году был расстрелян как сторонник Распутина.

Дубасов Федор Васильевич (1845-1912) - генерал-адъютант, адмирал, член Государственного совета. В 1905 году возглавлял карательную экспедицию в Черниговской, Курской и Полтавской губерниях, а затем, будучи генерал-губернатором Москвы, жестоко подавлял московское

вооруженное восстание.

Скрыдлов Николай Илларионович (1844-?) - вице-адмирал, член адмиралтейств-совета. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов. В 1900-1902 годах - начальник Тихоокеанской эскадры, в 1904 году, после гибели С. О. Макарова, назначен командующим флотом в Тихом океане, но в Порт-Артур не прибыл, и его обязанности исполнял контр-адмирал Витгефт.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848-1925) - военный деятель, генерал-адъютант от инфантерии.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов проявил себя храбрым офицером, был начальником штаба у генерала Скобелева, который якобы сказал ему: "Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника; тебе не хватает решительности и твердости воли..." (Теттау. Куропаткин и его помощники, ч. 1, Спб., 1913, с. 20), В 1898-1904 годах - военный министр, входил в политическую группу С. Ю. Витте, стремившуюся к экономической экспансии на Дальнем Востоке. Один из виновников неподготовленности России к войне с Японией. Во время русско-японской войны 1904-1905 годов был командующим Маньчжурской армией, а затем - всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. Показал себя безвольным и бездарным военачальником. Смещен с этого поста в марте 1905 года после поражения русской армии под Мукденом. В первой мировой войне командовал Северным фронтом, в 1916 году - командующий войсками в Туркестане, руководил подавлением восстания местного населения. В 1917 году арестован и отправлен в Петроград, После освобождения Временным правительством жил в Псковской губернии.

Кирилл Владимирович Романов (1876-?) - великий князь, двоюродный брат царя Николая II, контр-адмирал. В 1904 году назначен начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане. После революции эмигрировал за границу, где объявил себя императором всероссийским Кириллом 1.

Борис Владимирович Романов (1877-?) - великий князь, двоюродный брат Николая II, генерал-майор. После революции - в эмиграции.

Улисс - герой древнегреческого эпоса, мифический царь острова Итаки Одиссей.

Брандер - старое судно, предназначенное для затопления у входов в морские порты с целью их заграждения.

Алексей Алексеевич Романов (1850-1910)-великий князь, сын Александра III и дядя Николая II. Генерал-адъютант, адмирал, член Государственного совета.

Леер - туго натянутый трос, служащий для ограждения борта или люка, является поручнем в штормовую погоду, протянутым вдоль судна и т.п.

Траверз - направление, перпендикулярное курсу судна.

Околоток - в старой армии - врачебный пункт при воинской части или военном лазарете.

Кессон - приспособление для частичного осушения подводной части корабля при ремонте в виде приставного ящика, из которого откачивалась вода.

Корнилов Владимир Алексеевич (1806-1854) - выдающийся деятель русского флота, ближайший соратник и ученик флотоводцастроителя Черноморского флота М. П. Лазарева. Герой и один из главных организаторов героической обороны Севастополя.

Нахимов Павел Степанович (1803-1855) - адмирал, флотоводец, герой Наварина, Синопа и Севастопольской обороны, которой руководил после смерти В. А. Корнилова.

Бочка-поплавок, сварной или клепаный, поддерживающий цепь, идущую от большого якоря, лежащего на грунте. Служит в гаванях и на рейдах для стоянки кораблей.

Агапеев Александр Петрович (1868-1904) - полковник, начальник военного отдела штаба командующего флотом на Дальнем Востоке, профессор Николаевской академии. В 1901 году был военным агентом в Вашингтоне.

Безобразовская компания - влиятельная, близкая к царю группировка

крайне реакционных помещичьих элементов, стоявшая за военную экспансию на Дальнем Востоке. Возглавлялась А. М. Безобразовым, назначенным в мае 1903 года статс-секретарем особого комитета по делам Дальнего Востока, получила в истории название "безобразовской шайки".

...повторили наши ошибки под Плевной. - Речь идет о боях во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов у города Плевен (старое русское название - Плевна), когда он не был взят во время первой атаки и турки получили возможность - укрепиться за счет подошедшего корпуса под командованием Осман-паши.

Канэ Густав (1846-1908) - французский инженер, известный в области артиллерийской техники.

Обтюрирующие кольца - приспособление на пушках для устранения пороховых газов при выстреле.

"Рассуждения по вопросам морской тактики". - Лекции, с которыми выступил С. О. Макаров в 1896-1897 годах, изданные в "Морском сборнике" в 1897 году.

Желая ознакомить широкий круг офицеров флота со своими взглядами на ведение морской войны, С. О. Макаров неоднократно обращался в морское министерство с просьбой издать его труд отдельной книгой. Издана она была лишь после гибели автора.

Верп - вспомогательный якорь на корабле, служит для стягивания судна с мели и при перемене места судна на рейде; заводится на шлюпках.

Рашевский Сергей Александрович (1866-1904) - военный инженер, подполковник (посмертно получил звание полковника). Окончил Военно-инженерную академию в 1890 году. Принимал деятельное участие в создании укреплений Порт-Артура, руководил минной войной, участвовал в вылазках. Погиб вместе с генералом Кондратенко 2 декабря 1904 года.

Большой интерес представляет дневник С. А. Рашевского, который он вел с 26 января по 29 ноября 1904 года и в котором отражены многие важнейшие события обороны Порт-Артура. Так как дневник этот был лишней уликой против продажного командования, сдавшего крепость

японцам, военное ведомство, приобретя в 1905 году рукопись дневника, передало ее в архив "в запечатанном виде". "Дневник полковника С. А. Рашевского" издан в 1954 году Институтом истории АН СССР ("Исторический архив", т. X). А. Н. Степанов был одним из его рецензентов и в последующих за публикацией этого дневника изданиях "Порт-Артура" несколько дополнил характеристику С. А. Рашевского.

После Берлинского конгресса, когда немцы предали нас... - Речь идет о международной конференции, собравшейся в Берлине в июне 1878 года для пересмотра Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией, завершившего русско-турецкую войну и вызвавшего недовольство Австро-Венгрии и Англии. Германский канцлер Бисмарк, председательствовавший на конференции, поддерживал противников России, в результате чего Берлинский трактат резко изменил условия договора в ущерб России и Балканским странам.

Рожественский Зиновий Петрович (1848-1909) - адмирал, командующий второй Тихоокеанской эскадрой, направленной 20 сентября 1904 года на Дальний Восток из Балтийского моря. Один из главных виновников гибели этой эскадры в Цусимском сражении 1905 года. Во время этого боя был ранен и взят в плен вместе со своим штабом. В 1906 году вышел в отставку. Царским судом был оправдан в связи с тяжелым ранением.

Истомин Владимир Иванович (1809-1855) - контрадмирал, один из героев обороны Севастополя 1854-1855 годов.

Кабельтов - мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

Перлинь - трос кабельной работы от 4 до 6 дюймов.

Фланцы - соединительные части трубопроводов, валов и т.п., состоящие из дисков с отверстиями для болтов.

Верещагин Василий Васильевич (1842-1904) - известный русский художник-баталист. Окончил морской корпус, затем обучался в Академии художеств. Много путешествовал. Участвовал в боевых действиях в Средней Азии в 1867-1870 годах, в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, всюду делая многочисленные зарисовки для своих картин. С началом русско-японской войны приехал в Порт-Артур. Погиб вместе с

адмиралом Макаровым 31 марта 1904 года на броненосце "Петропавловск".

Плеве Вячеслав Константинович (1846-1904) - реакционный государственный деятель царской России, был министром внутренних дел и шефом жандармов.

Сторонник развязывания русско-японской войны, считавший, что таким способом можно приостановить рабочее движение.

Боцманмат - звание строевого унтер-офицера первой статьи в царском флоте.

Митральеза - французское название первого типа скорострельного многоствольного оружия - картечницы, являвшегося прообразом пулемета.

Бубнов М. - капитан первого ранга, командир канонерской лодки "Бобр", затем - начальник второго отряда миноносцев, позже - командующий Квантунским флотским экипажем.

Воспоминания, написанные М. Бубновым в японском плену по свежим впечатлениям, печатались в "Морском сборнике", а затем вышли отдельной книгой: "Порт-Артур. Воспоминания о деятельности Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. ", Спб., 1907.

Смирнов Константин Николаевич (1854-?) - генерал-лейтенант, служил в Генеральном штабе, был начальником одесского юнкерского училища, начальником штаба Варшавской крепости. С 1900 года - на Дальнем Востоке, начальник второй стрелковой бригады. 2 февраля 1904 года назначен комендантом крепости ПортАртур (прибыл в крепость 4 марта). В 1906-1908 годах привлекался к уголовной ответственности вместе со Стесселем, Фоком и другими за сдачу крепости японцам. Решением Верховного военно-уголовного суда 7 февраля 1908 года был оправдан.

Оку (1850-?) - барон, генерал-лейтенант, командующий второй японской армией. В 1905 году его армия действовала на маньчжурском фронте военных действий.

Люнет - открытое с тыла полевое укрепление, состоявшее из одного-двух

валов, обращенных к противнику, прикрытых с боков такими же валами. Лао - старина (китайск.).

Бомбардир - звание, установленное Петром I для артиллеристов потешных войск. С конца XVIII века - рядовой артиллерист при орудии, в дальнейшем - звание солдата артиллерийских частей русской армии, соответствующее ефрейтору.

Третьяков Николай Александрович (1854-?) - полковник, впоследствии генерал-майор. В 1904 году - командир Пятого Восточносибирского полка, комендант цзинджоуской позиции и горы Высокой.

Фланкировать - вести огонь вдоль линии фронта.

Надеин Митрофан Александрович (1839-1907) - генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов, ранен при обороне Шипки. В 1904 году назначен командиром второй бригады Четвертой Восточносибирской дивизии, которая вошла в состав гарнизона Порт-Артура.

Субалтерн-офицер - общее наименование младших офицеров роты, эскадрона, батареи.

Шипка - Шипкинский перевал в Болгарии. Известен упорной героической обороной его русскими войсками и болгарскими ополченцами во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Аматерасу-Аматэрасу-Омиками - богиня солнца, культ которой в Японии связывают с происхождением династии японских императоров

Ирман Владимир Александрович (1852-?) - полковник, впоследствии генерал-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Командир Четвертой Восточносибирской стрелково-артиллерийской бригады, деятельный участник обороны Порт-Артура. Из плена в Нагасаки пытался бежать, был арестован. В 1906 году назначен комендантом крепости Владивосток, в 1912 году переведен на Кавказ.

Бадмаев Петр Александрович (1851-1919) - до принятия крещения - Жамсаран, бурят, врач тибетской медицины. Учился в Петербургском университете. Автор записки о мирном присоединении к России Китая, Тибета и Монголии.

Организовал торговый дом в Забайкалье. В Чите завел типографию и печатал на русском и бурятском языках газету "Жизнь в восточной окраине". В 1916-1917 годах сблизился с Распутиным, был выслан из России.

Вырубова Анна Александровна (1884-?) - ближайший друг царской семьи и Распутина. В 1917 году выслана по распоряжению Временного правительства за границу. В тексте неточность - до 1907 года она была Танеевой.

Ойяма (конец 1840-х годов-?) - маркиз, маршал, главнокомандующий японскими войсками во время русско-японской войны. В японо-китайскую войну 1894-1895 годов командовал армией, захватившей Порт-Артур.

Бонза - буддийский монах в Японии.

Капонир - оборонительное сооружение для ведения огня в противоположных направлениях, предназначался для продольного обстрела рвов укреплений.

Горжа - тыльная часть оборонительного укрепления.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818-1884) - русский военный инженер, генерал-адъютант, руководитель инженерных работ в период обороны Севастополя 1854-1855 годов.

Женский медицинский институт в Петербурге - единственный в дореволюционной России медицинский институт, дававший высшее медицинское образование женщинам. Открыт в 1897 году. После Великой Октябрьской революции преобразован в Ленинградский медицинский институт.

Фалрепные - матросы, иногда офицеры, назначавшиеся для встречи начальствующих лиц. Они попарно становились на каждой укрепленной за бортом площадке трапа и на верхней палубе у входа.

Шкафут - средняя часть верхней палубы.

Шканцы - часть верхней палубы, почетное место корабля, которому отдавалась честь и где читались перед строем законы, приказы и т. п. Здесь находились лица вахтенной службы.

Синоп - имеется в виду Синопское сражение 1853 года между русской эскадрой Черноморского флота под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова и турецкой эскадрой, окончившееся выдающейся победой русских моряков.

...на левом крамболе - направление на предмет, видимый слева по носу корабля. Крамбол - приспособление для подъема якорей.

Форзейль - корабль с хорошим ходом, высланный для разведки вперед в пределах видимости сигналов.

Шпангоут - поперечное ребро корпуса корабля.

Ливен Лидия Петровна-княгиня. Во время осады Порт-Артура работала сестрой милосердия в морском госпитале Красного Креста.

...об отходе Штакельберга после боя у Вафангоу... - (14-15) июня у Вафангоу был бой между первым Сибирским корпусом под командованием генерала Штакельберга Г. К. (1851-?) и частями второй японской армии генерала Оку.

Из-за несогласованности действий командования русские войска отступили.

Неудачный исход боя объясняется также медлительностью действий Алексеева и Куропаткина, не обеспечивших своевременного подхода войск к Порт-Артуру.

Лощинский Михаил Федорович - вице-адмирал, член комитета Дальнего Востока, в 1903 году - управляющий его делами. В 1903 году назначен младшим флагманом первой Тихоокеанской эскадры. В 1904 году - заведующий минной обороной Порт-Артура.

Бак - носовая часть верхней палубы корабля до боевой рубки.

Элеватор - подъемное приспособление в виде шахты для подачи снарядов из погреба корабля к орудиям.

Балтийская эскадра. - Речь идет о второй Тихоокеанской эскадре адмирала Рожественского.

Либава - прежнее название г. Лиепая. В 1894 году была объявлена военным портом

Верки - название отдельных крепостных построек, подготовленных для

самостоятельной обороны.

Дефиле - теснина, узкий проход, образуемый непроходимой или труднопроходимой местностью (горами, лесом, болотами и т.п).

Эспланада - открытое пространство в крепости между цитаделью и городскими строениями шириной 400-500 метров

Церпицкий Константин Викентьевич - (1850-1904)генерал-майор. Служил в Средней Азии, в Внленском военном округе. Участник похода в Китай в 1900 году. В Порт-Артуре командир второй бригады Седьмой Восточносибирской стрелковой дивизии, начальник второго отдела сухопутного фронта и инспектор госпиталей.

...роту квантунскоео экипажа... - экипаж - в военном флоте - береговая часть, служащая для пополнения корабельных команд (флотский экипаж) или портовых и вспомогательных команд (ластовый экипаж). Экипаж приравнялся к полку сухопутных частей и делился на роты (от ста до двухсот человек).

Потребуются разъяснения из Питера или Манчжурии... - Несамостоятельность, нерешительность военного руководства в русско-японскую войну 1904-1905 годов привели к тому, что во любому поводу военачальники запрашивали мнение Петербурга. В Манчжурии находился штаб командующего русской Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина.

Штуртрос - трос от штурвала, к румпелю (рычагу, прикрепленному к рулю).

...идти прямо навстречу Балтийской эскадре, - Вторая Тихоокеанская эскадра адмирала Рожественского, которая должна была соединиться с Тихоокеанской эскадрой, находившейся в ПортАртуре, для совместных действий против японского флота, вышла из Кронштадта лишь 20 сентября 1904 года, шла вокруг мыса Доброй Надежды, в Японском море была уже после падения Порт-Артурса, в мае 1905 года потерпела поражение в Цусимском сражении.

"Монголия" - пароход-экспресс, совершавший рейсы в японские порты, оборудованный в войну под плавучий лазарет на сто шестьдесят мест, операционным и рентгеновским кабинетами. Предназначалась, как было

сказано в инструкции, "подавать помощь непосредственно после сражения; во время же оно спасать погибающих людей и принимать доставляемых с судов раненых и больных для сдачи их на берег". Выходила в море один раз-28 июля 1904 года, в бою не могла подходить к месту боя, не оправдала своего назначения и остальное время простояла на внутреннем рейде, работая как плавучий госпиталь.

...главный врач лазарета Петров. - Очевидно, в тексте неточность-главным врачом госпитального судна "Монголия" был Р. Р. Кинаст. Доктор Петров был врачом 36-го Восточносибирского полка.

Фок-стенъга - фор - стены-а-стенъга (бревно, продолжавшее мачту в высоту) на фог-мачте (передней мачте судна).

Охотский - Костюрин-Охотский Измаил Дмитриевич - капитан госпитального судна "Монголия". Как писал А. Н. Степанову 26 апреля 1941 года С. Р. Миротворцев, бывший в 1904 году младшим врачом-хирургом на "Монголии", Костюрин-Охотский был очень храбрый, "спокойный, уравновешенный человек, и выставление его трусом не соответствует действительности". Здесь А. Н. Степанов следует недостоверным воспоминаниям Ножна и Фейгельсопа, писавших о том, что Охотский прятался от японцев.

Мателот - соседний в строю корабль.

Гаагская конвенция, - Речь идет о международных соглашениях, законах и обычаях ведения войны, принятых Первой Гаагской конференцией 1899 года. В числе двадцати семи государств, присутствовавших на конференции, была и Япония. Решения этой конференции были затем дополнены конвенциями Второй Гаагской конференции 1907 года.

Женевская конвенция - заключена в 1864 году (пересматривалась в 1906, 1929 и 1949 гг.), предусматривает гуманное обращение с больными и ранеными военнослужащими, попавшими в плен, предоставление покровительства и защиты санитарным формированиям (транспортом, госпиталям и др.), которые запрещается подвергать обстрелам и бомбардировкам.

Планширь - деревянный продольный брус, образующий верхнюю кромку

борта верхней палубы.

Спардек - верхняя палуба.

Миротворцев Сергей Романович (1878-1949) - хирург, действительный член Академии медицинских наук (с 1945 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1935 г.). Участвовал в качестве хирурга в трех войнах: русско-японской войне 1904-1905 годов, в первой мировой войне 1914-1918 годов и в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В Порт-Артур приехал с началом военных действий по собственному желанию, работал с 26 февраля 1904 по 1 июня 1905 года - сначала на "Монголии", затем в сухопутных госпиталях, после сдачи крепости долечивал русских раненых в плену в Японии и вместе с ними вернулся в Россию морем в 1905 году. Эти события нашли отражение в книге С. Р. Миротворцева "Страницы жизни", опубликованной в 1956 году в Ленинграде. -

Плутонг - совокупность группы орудий одинакового калибра, расположенных на корабле. Теперь этот термин заменен словом "батарея".

Циндао - китайский порт на юге Шаньдунского полуострова, был военно-морской базой Германии, построенной ею после захвата в 1897 году Цзяочжоуской области и заключения с Китаем договора на ее аренду в 1898 году.

Тали - приспособления из блоков с продернутым через них тросом для подъема тяжестей.

Гальвано-ударная - контактная мина, взрывающаяся под действием электрического тока, получаемого от гальванических элементов, размещенных в гальвано-ударном колпаке мины.

Енгарский пролив - пролив между островами Хонсю и Хоккайдо, соединяющий Японское море с Тихим океаном.

Лаперузов пролив - пролив между островами Сахалин и Хоккайдо. Назван по имени открывшего его французского мореплавателя Жана-Франсуа Лаперуза (1741-1788).

Чемульпинский инцидент. - Речь идет о нападении японской эскадры адмирала Урио на крейсер "Варяг" и канонерскую лодку "Кореец" в

корейском порту Чемульпо (Инчен) 27 января 1904 года, когда, несмотря на превосходящие силы противника, русские суда не сдались, а приняли бой, нанеся японцам большие потери (см. книгу первую).

Семенов Владимир Иванович (1867-1910) - писатель, морской офицер, служивший длительное время на кораблях Тихоокеанской эскадры. В 1901-1903 годах был адъютантом адмирала С. О. Макарова. С началом военных действий прибыл в Порт-Артур, был командиром миноносца "Решительный", затем - старшим офицером транспорта "Ангара", позже - крейсера "Диана", на котором ушел в Сайгон, откуда отправился во Вторую эскадру Рожественского, участвовал в Цусимском сражении. Автор двух романов, очерков и рассказов о Дальнем Востоке и С. О. Макарове, а также трилогии "Расплата".

Колчак Александр Васильевич (1873-1920) - впоследствии адмирал царского флота, монархист, ярый враг Советской власти. В русско-японскую войну командовал миноносцем "Сердитый". На "Диане", как это показано в романе, не служил. После капитуляции крепости и плена плавал на различных кораблях, был начальником Черноморского флота, летом 1917 года изгнан революционными матросами. В 1917 году отправлен Керенским во главе официальной военно-морской миссии в США, откуда был послан на Дальний Восток для организации антисоветского фронта. В 1918 году вошел в состав Уфимской директории, свергнул ее и в Омске объявил себя "верховным правителем" России. В 1920 году арестован и расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Стрела Темперлея - подъемное устройство, применявшееся при погрузке угля, руды и других грузов.

Крейсерские операции - самостоятельные боевые действия отдельных кораблей с целью уничтожения судов противника и нарушения его морских перевозок.

Комендор - специалист рядового или старшинского состава на артиллерийских установках на кораблях и батареях береговой обороны.

Ютовое орудие - орудие, установленное на юте - кормовой части палубы

корабля.

Корсаковский пост - русский пост на острове Сахалин, установленный в 1852 году экспедицией Г. И. Невельского, исследователя, открывшего устье Амура. С передачей Сахалина Японии поселок назывался Отомари. С 1945 года - город Корсаков, названный в честь русского мореплавателя, гидрографа Воина Андреевича Римского-Корсакова (1822-1871), брата великого композитора.

Цапфы - выступы посредине ствола орудия, вставляются в цапфенные гнезда орудийного станка.

Нория - приспособление для вертикальной подачи снарядов из трюма.

"Соловьем залетным юность пролетела..." - романс А. Варламова на слова поэта А. Кольцова (стихотворение "Горькая доля").

...тридцать седьмого года Мейдзи - 1904 года (37-го от буржуазной революции 1867 года в Японии).

Гальванер-солдат артиллерийской электротехнической части; рядовой матрос, обслуживающий артиллерийскую электротехнику на военных кораблях.

Армстронг Вильям Джордж (1810-1900) - английский инженер, изобретатель "пушки Армстронга" - первого нарезного орудия, заряжавшегося с казенной части, а также тяжелых морских орудий.

Китайская стенка - земляной вал, которым была обнесена портартурская крепость в 80-х годах XIX века.

Зерцало - эмблема "законности"; на суде - увенчанная двуглавым орлом трехгранная призма, на сторонах которой были наклеены печатные экземпляры петровских указов.

...под Ляояном должен произойти генеральный бой... - Ляоянское сражение произошло 17-21 августа 1904 года вблизи города Ляоян (Дунбэй) в юго-восточной Маньчжурии, южнее Мукдена. Это одно из крупнейших сражений русско-японской войны, в котором ярко проявились бездарность командования, гнилость военной организации царизма. Несмотря на стойкость русских солдат, превосходство в численности войск и вооружении, генерал Куропаткин проявил

нерешительность и приказал отступить к Мукдену.

...перед третьей Плевной. - Речь идет о третьей атаке Плевны (г. Плевен в Болгарии) 30-31 августа 1878 года союзные ми-русскими и румынскими войсками во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Харитина Евстафьевна (в романе ошибочно названа Федосеевной) Короткевич (? - 1904)-героиня Порт-Артура, женщина, служившая рядовым седьмой роты Тринадцатого Восточносибирского полка.

Ножин Е. К. - сотрудник порт-артурской газеты "Новый край". Автор книги воспоминаний "Правда о Порт-Артуре". Спб... 1906-1907.

Афина Паллада - в греческой мифологии - богиня войны и одновременно олицетворение ума и изобретательности, покровительница знаний, искусств и ремесел.

Стопин - нить, пропитанная горючим составом, для воспламенения зарядов.

Бран-скупель - зажигательный снаряд, применявшийся в гладкоствольной артиллерии и представлявший собой ядро с отверстиями, начиненное зажигательным составом.

Бунегильда (Бруягильда) - персонаж древних германских сказаний.

Банка шлюпочная, гребная - доска для сидения гребцов, а также для придания шлюпке поперечной прочности.

Контрэскарпная галерея - галерея, устраиваемая в контрэскарпах, то есть ближайшей к неприятелю стенке укрепления.

Берг О. Ф. (1865-?) - младший офицер Квантунской саперной роты. Во время гибели генерала Кондратеико был с ним во втором форте и остался невредим. После окончания русско-японской войны опубликовал записки "Два дня на форту N II", посвященные октябрьским боям в Порт-Артуре.

Дебогорий-Мокриевич Л. И. (1878-?)-военный инженер, поручик квантунской саперной роты. В 1903 году участвовал в строительстве дорог на Квантунском полуострове. Автор воспоминаний об обороне Порт-Артура.

Гласис - насыпь наружного рва для наилучшего обстрела впереди лежащей местности и маскировки укрепления.

Балашов Иван Петрович-егермейстер, главноуполномоченный Красного Креста, заведовавший его Квантунским отделением. С Красным Крестом побывал на нескольких войнах. В Порт-Артуре построил новое здание Мариинской больницы, основал санитарный городок, организовывал снабжение их продовольствием и медицинским оборудованием, перевозку раненых и др.

Пирогов Николай Иванович (1810-1881) - известный русский хирург, академик.

Гюббенет Виктор Борисович-главный хирург Порт-Артура, доктор медицины. После возвращения из японского плена был в Петербурге главным хирургом Николаевского госпиталя. С. Р. Миротворцев писал о нем А. Н. Степанову: "В. Б. Гюббенет являлся не только нашим начальником, но он был наш учитель и друг... О Гюббенете мы - молодежь - говорили в Порт-Артуре: "Гюббенет - это Пирогов в Порт-Артуре". Автор медицинской книги "В осажденном Порт-Артуре" (1910).

Камуфлет - разрыв снаряда или мины под землей без образования воронки.

Дуван дуванить (стар, казачье) - делить добычу после набега.

Бризантные гранаты - осколочные гранаты.

Самсон - древнееврейский мифический герой, которому приписывалась сверхъестественная физическая сила и отвага.

Септицемия - токсическая форма сепсиса.

...в Балтике снаряжают еще третью эскадру - Небогатова. - Эскадра контр-адмирала Николая Ивановича Небогатова отправилась из Кронштадта на Дальний Восток 3 февраля 1905 года. Так как путь ее через Суэцкий канал был значительно короче, чем путь эскадры Рожественского, шедшей вокруг Африки, они соединились в бухте Камранга, в Индокитае, и в мае 1905 года подошли к Корейскому проливу, где у острова Цусима произошло сражение с японским флотом.

Н. И. Небогатов сдал японцам 15 мая 1905 года, на следующий день после Цусимского сражения, остатки эскадры, за что был приговорен военно-морским судом к смертной казни, замененной десятилетним

пребыванием в крепости, но, так же как и Стессель, в 1909 году был освобожден.

Костюшко - Костюшко-Валюжанич Антон Иванович, автор книги "Ноябрьские бои на Высокой горе под Порт-Артуром". Спб., 1909.

Ретраншемент - укрепление, расположенное позади главной позиции для обеспечения глубины обороны.

Голицинский А. Н. - капитан, автор книги "На позициях Порт-Артура. Из дневника ротного и батальонного командира". Спб., 1907.